

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXX-й.

ОКТАБРЬ.

1899 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Отголоски старой памяти. Акад. К. С. Весселевскаго.	5 — 23	X. Яковъ Николаевичъ Толстой. (Окончаніе). В. Л. Модзалевскаго.	176—199
II. Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) Ш. А. Норфа.	25 — 58	XI. Переписка двухъ литераторовъ пятидесят. годовъ. Сообщ. О. В. Миллеръ.	201—212
III. Записка баварца о Россіи вѣрмѣхъ императора Павла. (Оконч.). Сообщ. Евгений Шумигорскій.	59 — 78	XII. Записка графа Л. А. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 года. Сообщ. П. М. Майковъ.	218—229
IV. Пестетованіе о царств. императора Александра I, для него одного писанное. (Записка П. Г. Дювоа)	79 — 89	XIII. П. А. Валуевъ и А. Г. Троицкій. (Оконч.). Сообщ. Г. А. Троицкій.	231—239
V. Изъ переписки велик. им. Павла Петровича и велик. кн. Маріи Федоровны съ Сардинскими королевск. домоу. Сообщилъ М. Подіевъ товъ.	91 — 98	XIV. Записная книжка „Русской Старинѣ“: Охраненіе императора Николая I въ его путешествіи за границу въ 1845 г. (стр. 24).—Объ извѣстіи изъ продажи „Отечественныхъ Записокъ“ 1840, 1841 и 1843 г.г. (40).— Празднованіе юбилея Н. Н. Греча 18-го декабря 1854 года (114). Поощреніе шелковичнаго производства 13-го февраля 1802 года (200).— О переводѣ буйволовъ изъ Хатуской волости въ подмосковныя села 30-го июля 1757 года (230).— Поселеніе духоборцевъ на р. Молочной 1 июля 1802 г. (240).	
VI. Казанская старина. (Изъ воспомин. Изъ Ив. Михайлова). Сообщ. С. П. Кулябко.	99 — 113	XV. Библиографическ. вѣстникъ. (на оборотѣ).	
VII. Состояніе царства Польскаго въ 1861 и 1862 г.г. (Вспомн. доносенія князя М. Д. Горчакова). Сообщ. Н. Б. Шильдеръ.	115 — 134		
VIII. Письма генерала Гедевича изъ *** въ 1861 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.	135 — 150		
IX. Изъ прошлаго. П. Д. Пареянова.	151 — 174		

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Мысли и воспоминанія князя Оттона Бисмарка.

2) Портретъ Ивана Ивановича Михайлова. Грав. Ц. Хельницкій.

3) Планъ города Плевны и его окрестностей.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1899 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по поведѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудн.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъячская, 39.
1899.

Х-я книжка „Русской Старинѣ“ вышла 1-го октября 1899 г.

Библиографическій листокъ.

Собрание сочиненій И. А. Голышева. Подъ редакцію А. Э. Мальгрена. Томъ первый. Выпускъ второй. Съ 2-мя пивкографіями на отдѣльныхъ листахъ. С.-Петербургъ, 1899.

Второй выпускъ первого тома собрания сочиненій И. А. Голышева посвященъ описанію нѣкоторыхъ русскихъ древностей и памятниковъ старинн.

Заключающіяся въ этомъ выпускѣ статьи написаны яснѣе, простымъ языкомъ и по-этому доступны каждому, сколько нибудь свѣдущему къ русской исторіи вообще.

Прежде всего рѣчь идетъ о правничьихъ произведеніяхъ и значеніи ихъ въ старину. Эта весьма важная принадлежность древняго русскаго обычая описана весьма обстоятельно, и потому статья эта читается съ особеннымъ интересомъ.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ описывается рѣзба по дереву и рѣзные украшенія въ храмахъ, дворцахъ и въ крестьянскомъ домашнемъ хозяйствѣ. Какъ извѣстно, рѣзба по дереву была издревле любимымъ искусствомъ у русскихъ; ею украшались храмы, царскіе дворцы, дома.

Въ концѣ этого, довольно пространнаго отдѣла, помѣщенъ рисунокъ стариннаго русскаго деревяннаго подсвѣчника въ церкви Іоанна Милостиваго слободы Мстеры Вязниковскаго уѣзда Владимирской губерніи.

Далѣе говорится о древностяхъ Владимирской губерніи, при чемъ вниманіе читателя останавливается на описаніи древнихъ храмовъ, какъ-то: Спасо-Преображенскаго собора въ г. Переяславѣ-Залѣтскомъ, церкви Бориса и Глѣба въ селѣ Кидекшѣ близъ г. Суздаля, Никольскаго собора въ Вязникахъ, Боголюбскаго собора и церкви во имя Владимирской Божіей Матери въ селѣ Мстерѣ, и мн. др.; здѣсь же паходимъ описаніе нѣкоторыхъ древнихъ иконъ и священныхъ и другихъ предметовъ.

Въ статьѣ «Памятники русскои старини Владимирской губ.-рніи» довольно подробно говорится о той важной роли, какую играла въ религіозномъ отношеніи древляя иконопись. Въ иконописи выражалась вся средне-вѣковая религіозная поэзія, обнимающая народный бытъ, — вѣрованія и суевѣрія. За Корсуцкимъ стилемъ иконописи, господствовавшимъ въ Древней Руси XII и XIII столѣтій, въ XV вѣкѣ появляются иконы символическаго, легендарнаго и богословскаго содержанія. Къ числу легендарныхъ изображеній принадлежитъ бывшая въ большаго употребленія у простаго народа и основанная на названіемъ двѣнадцати кумохъ (авхоралокъ), — на верху на облакахъ благословляющій Господь, предъ Нимъ св. Сивиліи и муч. Фотинія, по дѣ которымъ внизу, какъ бы въ пропасти, двѣнадцать нагихъ

женщияхъ *) съ распушенными волосами, коихъ архистратигъ Михаилъ поражаетъ копьемъ. По народному вѣрованію эта икона испещрала отъ изгородки.

Не менѣе также были распространены въ народѣ и частію находятся до настоящаго времени въ особомъ почтеніи иконы съ изображеніемъ св. Флора и Лавра, съ Модестомъ и Власіемъ, въ слѣдующемъ видѣ: въ среднѣй архистратигъ Михаилъ, держащій въ рукахъ Перуновтворенный Образъ; по сторонамъ архистратига названіе святые; внизу подъ ними три всадника на лошадяхъ и нѣсколько лошадей, пьющихъ воду. По народному вѣрованію, св. Флоръ и Лавръ избавляли отъ болѣзней и надежа коней, а св. Модестъ и Власій — рогатый скотъ.

Описывая, далѣе, старинныя ризы, оклады и вѣнки изъ серебра, бывшіе на древнихъ образахъ и привлекавшіе вниманіе оригинальностью своихъ рисунковъ, авторъ упоминаетъ о финифти, занесенной изъ Греціи кн. Владиміромъ, столь любимой нашими предками.

Узорчатые приники, упоминаемые въ былинахъ и сказкахъ подъ именемъ «печатныхъ», и приничныя произведенія **) не обойдены молчаніемъ и въ этомъ отдѣлѣ, при чемъ не забыто обыкновеніе предковъ нашихъ изображать на приникахъ, предзнаменовавшихся на случаи торжественные, — двуглаваго орла (символь «сугубодержавства»).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы находимъ интересныя свѣдѣнія о мѣдныхъ доскахъ, съ которыхъ переводились лубочныя картины, преимущественно духовнаго содержанія: «Сотвореніе міра», «Убіеніе антихриста», «Страшный судъ», — украшавшія не только хижины бѣдняковъ, но и княжескія палаты.

Слѣдующая статья, «Памятники русскои

*) Вотъ имена этихъ двѣнадцати женщинъ: Трасея, Огня, Ледея, Гигея, Гринуша, Глухая, Ломая, Цухея, Желтея, Коркуша, Глазья и Неваля.

**) Приничныя произведенія, — читаемъ мы на 131 стр., — составляли необходимую принадлежность во всякомъ обиходѣ: они служили и служить знакомствомъ для дѣтей; они были предметомъ подарковъ возлюбленнымъ; приниками украшалось русское столѣваніе; ихъ преподносили младшимъ старшимъ, какъ выраженіе чувствъ уваженія, а въ день именинъ — какъ почетную хлѣбъ-соль; приниками встрѣчали высшихъ властей и архіереевъ... Приниками отправлялись тризны по умершимъ; за обѣдинными поминками столь заканчивался приниками; маленькими приниками одѣляли явную братію (стр. 183).

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ
МИХАЙЛОВЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1899.

ОКТАБРЬ.— НОЯБРЬ.— ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ

ТОМЪ СОТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1899.

Отголоски старой памяти.

(Посвящается Николаю Федоровичу Дубровину).

Ры такъ убѣдительно уговаривали меня сообщить вамъ кое-что изъ моихъ воспоминаній, что я, преодолевая свою неохоту—занимать собою чье-либо вниманіе, рѣшаюсь повѣдать вамъ изъ запаса своей памяти исторію одной моей статистической работы. Это исторія старая, случившаяся за полстолѣтія передъ симъ; можетъ быть, она поэтому и пригодится для «Русской Старины». Примите же снисходительно эти листки, какъ вызванные вами же самими, и да послужатъ они свидѣтельствомъ моего искренняго къ вамъ уваженія и моей всегдашней готовности быть по мѣрѣ возможности къ вашимъ услугамъ.

Въ 1843—1844 годахъ была произведена въ Петербургѣ оцѣнка недвижимыхъ имуществъ для уравнительной раскладки налога, взимаемаго съ нихъ въ пользу города. Это была одна изъ тѣхъ мѣръ, которыми особенно интересовался бывшій тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, Л. А. Перовскій, и поэтому подвѣдомыми ему чиновниками было обращено на нее чрезвычайное вниманіе. Главнымъ руководителемъ и вдохновителемъ ея былъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ, въ то время—молодой начальникъ временнаго городского отдѣленія въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Все, за что брался Милютинъ, онъ дѣлалъ съ увлеченіемъ и энергіей, а эта операція городской оцѣнки была первенцемъ его административной дѣятельности. Легко понять, что онъ предался этому дѣлу всею душою, и при-

ложилъ особое стараніе къ тому, чтобы хорошо обдуманною организаціе всѣхъ оцѣночныхъ дѣйствій и разумнымъ ихъ исполненіемъ обезпечить точность и достовѣрность даваемыхъ оцѣнкою результатовъ, въ интересахъ не только городской казны, но и науки. При бѣдности тогдашней нашей статистики, выводы, какіе давала поводъ дѣлать такая тщательная регистрація столичной недвижимой собственности, приобрѣтали особенное значеніе.

Имѣя полное право гордиться полученными оцѣнкою результатами, какъ цѣннымъ матеріаломъ для науки, Милютинъ естественно желалъ, чтобы они были обработаны въ интересахъ статистики, и предложилъ мнѣ заняться такою обработкою, съ тѣмъ, что если я соглашусь взяться за такую работу, сводныя таблицы оцѣнки будутъ переданы изъ министерства внутреннѣхъ дѣлъ въ распоряженіе Географическаго общества, а изъ него выданы мнѣ съ условіемъ, чтобы моя работа была представлена Обществу для его изданій. Въ поясненіе этого условія нужно замѣтить, что это Общество было въ ту пору любимымъ дѣтищемъ Милютина и его кружка. Оно еще переживало свой, такъ сказать, «медовый мѣсяць» и было сборнымъ мѣстомъ всей интеллигенціи столицы. Для всякаго, считавшаго себя образованнымъ человѣкомъ, интересовался ли онъ географіей, или нѣтъ, было равно обязательно носить званіе «члена Географическаго общества». Это было какъ бы требованіемъ моды, этого тирана среди людей. Тогда какъ въ отдѣленіяхъ, на которыя дѣлилось Общество, группировались не очень многочисленныя специалисты по разнымъ отраслямъ географической науки, остальные члены «по обязанности», конечно, посѣщали только общія собранія Общества, которыя были поэтому многолюдны, особенно когда въ нихъ присутствовалъ Августѣйшій предсѣдатель.

Приготовленіе эффектныхъ чтеній для такихъ общихъ собраній и было предметомъ особой заботливости заправилъ Общества, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занималъ Н. Милютинъ. Вотъ такое-то чтеніе я и долженъ былъ обязаться приготовить, если желалъ воспользоваться матеріалами городской оцѣнки.

Ознакомившись съ этими матеріалами, я конечно охотно взялся за ихъ обработку; они представляли возможность коснуться интересныхъ вопросовъ, изслѣдовать въ разныхъ отношеніяхъ состояніе недвижимой собственности въ городѣ, распредѣленіе ея между разными сословіями, возрастаніе ея сравнительно съ прежнимъ временемъ, такъ какъ эта оцѣнка была третьею со времени установленія въ Петербургѣ городского налога съ домовъ, и предшествовавшія ей оцѣнки 1804 и 1821—1822 годовъ давали матеріалъ для заключеній о ростѣ столицы за послѣднія 40 лѣтъ.

Но къ числу любопытнѣйшихъ выводовъ, какіе можно было сдѣлать

изъ новой оцѣнки, относились подробныя свѣдѣнія, собранныя въ то время лишь въ первый разъ о числѣ, величинѣ и стоимости квартиръ, такъ какъ они давали картину того, какъ размѣщается столичное народонаселеніе въ разныхъ частяхъ города, смотря по своему достатку и общественному положенію, и тутъ являлся особенно важнымъ вопросъ о жилищахъ рабочаго народа,—вопросъ, весьма существенный для всѣхъ большихъ городовъ.

Въ то время какъ я занимался этой работой, я часто видѣлся съ Н. А. Милутинымъ, который, узнавъ, что мои изслѣдованія приводятъ къ вопросу о жилищѣ рабочихъ, отнесся къ этому съ большимъ участіемъ, сообщилъ мнѣ разныя вмѣшавшіяся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнія о рабочемъ народонаселеніи Петербурга и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мнѣ дана была возможность осмотрѣть, при помощи полицейскаго чиновника, разнаго рода жилища бѣднѣйшихъ слоевъ рабочаго народа въ столицѣ.

Работа моя была окончена въ исходѣ 1847 года. Ни по объему своему, ни по характеру изложенія, основаннаго на разборѣ массы числовыхъ данныхъ, вся она въ цѣломъ видѣ конечно не могла быть читана въ общемъ собраніи Географическаго общества. Поэтому изъ нея было выбрано для такого чтенія лишь то, что могло быть интересно вообще для образованной публики, а не для однихъ специалистовъ и профессиональныхъ ученыхъ. Такимъ образомъ въ собраніи общества 12-го ноября и была мною прочитана одна половина моей работы, а именно о жилищахъ рабочаго народа, о характерѣ разнаго рода этихъ жилищъ, и вліяніи ихъ на бытъ рабочихъ; сравненіе въ этомъ отношеніи Петербурга съ другими городами Европы; послѣдствія, обнаруженныя въ Западной Европѣ отъ дурнаго состоянія жилищъ работниковъ; средства, принимаемыя для ихъ улучшенія, и наконецъ примѣненіе этихъ изслѣдованій къ Петербургу.

Успѣхъ этого чтенія былъ, скажу безъ напрасной скромности, большой и превзошелъ всякія ожиданія. Онъ выразился не въ однихъ дружныхъ и продолжительныхъ аплодисментахъ, которые конечно не всегда служатъ вѣрною мѣркою заслуженности успѣха, а гораздо рѣшительнѣе въ тѣхъ изъявленіяхъ сочувствія и поздравленійхъ, которыхъ я тутъ же, по окончаніи чтенія, удостоился со стороны бывшихъ въ засѣданіи почтенныхъ личностей и лучшихъ представителей интеллигенціи.

По предложенію князя Владиміра Федоровича Одоевскаго, Общество выразило даже полное сочувствіе и одобреніе развитымъ въ этомъ чтеніи мыслямъ о средствахъ улучшенія жилищъ рабочихъ ¹⁾.

Однимъ изъ первыхъ подошелъ ко мнѣ, по окончаніи моего чтенія,

¹⁾ „Спб. Вѣд.“ 1847, 25-го и 26-го ноября, №№ 269 и 270.

А. А. Краевскій и выпросилъ позволеніе напечатать то, что я читалъ, въ ближайшей книжкѣ, «Отечественныхъ Записокъ». гдѣ оно и появилось въ LVII части, въ началѣ 1848 года.

Вскорѣ послѣ этого чтенія, а именно 16-го ноября, я получилъ отъ вице-предсѣдателя Географическаго общества официальное письмо, въ которомъ Ѳ. П. Литке, впоследствии графъ, писалъ: «вмѣняю себѣ въ особенное удовольствіе свидѣтельствовать вамъ искреннюю признательность русскаго Географическаго общества за сообщеніе въ прошедшемъ собраніи важныхъ и любопытныхъ статистическихъ изслѣдованій вашихъ о недвижимой собственности въ Петербургѣ. Общество надѣется, что вы не откажете украсить слѣдующую книжку Записокъ его вашей превосходной статьей».

Вслѣдствіе этого полная рукопись всей моей работы о статистикѣ недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ была мною представлена Географическому обществу и назначена къ помѣщенію въ Запискахъ его, но въ то время какъ она печаталась для этого изданія, надвинулся недоброй памяти 1848 годъ, задѣвший рикошетомъ въ числѣ прочихъ и мой скромный трудъ.

Революціонный ураганъ, пронесшійся въ этомъ году надъ Западной Европой, отъ Парижа до Берлина, Вѣны и Будапеста, тяжело отозвался на русскомъ обществѣ, вслѣдствіе того страха, какому поддались у насъ многіе при вѣстяхъ о грозныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ политическіе перевороты въ жизни европейскихъ народовъ. Не даромъ говорится, что страхъ есть худой совѣтникъ; и когда, подъ влияніемъ такого страха, стали думать о томъ, какъ предохранить Россію отъ революціоннаго повѣтрія, то забыли, что тѣхъ причинъ, которыми вызваны были февральскіе дни въ Парижѣ, или мартовскіе въ Берлинѣ, у насъ не существовало и, благодареніе Богу, и существовать не могло, а между тѣмъ предпріятыя, по совѣту того страха, реакціонныя мѣры оказали глубокое, продолжительное и неблагопріятное вліяніе на развитіе нашей народной жизни.

Живую картину того, какъ тогдашнія европейскія событія отразились въ умахъ образованнѣйшихъ русскихъ людей, представилъ намъ недавно почтенный Ник. Плат. Барсуковъ въ IX томѣ галейдоскопическаго сборника, издаваемаго имъ подъ оригинальнымъ, по своей неточности, заглавіемъ: «Жизнь и труды М. П. Погодина»... Картина, которую онъ такъ мастерски составилъ, подобно мозаикѣ, изъ пріятельскихъ писемъ современниковъ,—писанныхъ не для печати, и подъ впечатлѣніемъ минуты, т. е. «подумать не успѣвъ», живо переноситъ насъ въ то смутное время, а того, кто самъ былъ, какъ я, свидѣтелемъ того времени, заставляетъ забывать, что оно отдѣлено отъ насъ уже болѣе чѣмъ полустолѣтіемъ. Очень характерны

изъявленія, которыя мы здѣсь читаемъ; у И. С. Аксакова, отъ февральскихъ событій въ Парижѣ, «духъ захватило» и онъ увидѣлъ въ этихъ событійхъ—«отреченіе Запада отъ всѣхъ началъ, которыми онъ управлялся во всю свою исторію» ¹⁾). М. А. Дмитріевъ признавался, что «европейскія происшествія его ошеломили» ²⁾). В. А. Жуковский находилъ «чудовищными событія въ Германіи, которая раздавлена грузомъ своей цивилизаціи и въ которой не осталось и слѣдовъ ничего святаго» ³⁾): а въ другомъ своемъ письмѣ весьма вѣрно замѣчаетъ: «Теперь убѣждаешься, какое твердое народное благо можетъ быть устроено на фундаментѣ самодержавія» ⁴⁾—золотая истина, до которой можно было и ранѣе дойти изученіемъ исторіи. Гоголь, въ сентябрѣ того года, писалъ: «все, что рассказываютъ пріѣзжіе о Парижскихъ происшествіяхъ, просто страхъ: совершенное разложеніе общества, и это тѣмъ болѣе безотраднo, что никто не видитъ никакого исхода и выхода» ⁵⁾).

Когда, гонимый непонятнымъ страхомъ, кажется болѣе предъ призракомъ 1793 года, чѣмъ предъ безчинствами уличной толпы, Лудовикъ-Филиппъ, переодѣтый, тайно бѣжалъ изъ Франціи (12-го (24-го) февраля), то власть, выпавшую изъ его слабыхъ рукъ, подхватили среди общей сумятицы коммунисты и, упоенные неожиданно доставшимся имъ счастьемъ, спѣшили со всѣмъ жаромъ политической незрѣлости примѣнить на дѣлѣ самыя утопическія идеи. Такъ родились знаменитыя «національныя мастерскія» (*ateliers nationaux*), которыя въ короткое время своего существованія (съ февраля до половины іюня) поглотили безъ всякой пользы болѣе 14 милліоновъ франковъ, послѣ чего творцы этой мѣры только тогда догадались о негѣности ея, доказавъ всю неумѣлость тогдашнихъ политическихъ дѣятелей Франціи. «Не будь февральской революціи, сказалъ по этому случаю Прудонъ,—то никто бы не узналъ, сколько глупости нѣдрится во Франціи» ⁶⁾). Коммунизмъ, перешедшій изъ книгъ на улицу, сталъ лозунгомъ, подъ знаменемъ котораго вербовались распорядившіяся тогда судьбою Франціи уличныя массы, и очутился опаснымъ орудіемъ въ рукахъ демагоговъ и честолюбцевъ. Съ этихъ-то поръ слово «коммунизмъ» получило у насъ значеніе какого-то пугала,

¹⁾ Барсуковъ, I с., стр. 253.

²⁾ Тамъ же, стр. 260.

³⁾ Барсуковъ, стр. 259.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 254.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 271.

⁶⁾ Sans la révolution de février, on n'aurait pas su tout ce qu'il y a de bêtise en France. Proudhon, Confessions d'un révolutionnaire Chap. VIII. Въ наши дни можно сказать нѣчто подобное, съ небольшимъ измѣненіемъ Прудоновскаго афоризма: „не будь процесса Дрейфуса мы бы не узнали, сколько нравственной гнили гнѣздится во Франціи“.

какъ обозначеніе чего-то страшнаго, грозящаго какими-то опасностями для государственнаго спокойствія, и чѣмъ меньше понимали настоящій смыслъ этого термина, тѣмъ большій страхъ внушался этимъ вокабуломъ.

Но Парижская февральская революція отразилась не въ однихъ лишь умахъ любознательныхъ россіянъ, слѣдившихъ издалека за европейскими событіями; она отразилась и богѣ реальными послѣдствіями. «Едва раздался громъ европейскихъ переворотовъ», — читаемъ мы въ вышеназванномъ изслѣдованіи Н. П. Барсукова, — «какъ графъ Строгановъ (бывшій попечителемъ Московскаго учебнаго округа) представилъ государю записку о либерализмѣ, коммунизмѣ и социализмѣ, господствующахъ въ цензурѣ и во всемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Баронъ М. А. Корфъ представилъ другую такую же записку. Вотъ начало такъ называемаго Негласнаго Комитета 2-го апрѣля». Эти строки дали мнѣ поводъ вспомнить о тѣхъ мотивахъ, поведшихъ къ учрежденію этого Комитета, о которыхъ тогда говорили въ Петербургѣ, въ кругахъ, считавшихся, какъ теперь говорится, хорошо освѣдомленными.

Говорили, что барону М. А. Корфу очень хотѣлось увѣнчать свою счастливую служебную карьеру министерскимъ портфелемъ, а зная, что Фортуна, какъ дама съ завязанными глазами, не всегда знаетъ сама, на кого обратить свои ласки, былъ не прочь помочь ей, напомнивъ о себѣ въ удобную минуту. Такой минутой представлялось именно то время, когда по многимъ признакамъ положеніе министра просвѣщенія, графа С. С. Уварова, могло считаться очень шаткимъ. Но извѣстно было, что императоръ Николай I, какъ человѣкъ рыцарской прямоты характера и благородства, былъ врагъ всякихъ наговоровъ и нашептываній; значитъ, дѣйствовать нужно было крайне осторожно и умѣло. Цензура въ ту пору принадлежала къ предметамъ вѣдомства министерства просвѣщенія и всегда представляла для него настоящую Ахиллесову пятю; съ этой-то стороны министерство было всегда уязвимо, а тутъ кстати подвернулся воинствующій въ Парижѣ коммунизмъ съ усиленною его пропагандою, выражавшеюся массою періодическихъ и неперіодическихъ изданій, разносившихъ во всѣ концы свѣта проповѣдь французскихъ коммунистовъ и социалистовъ, ergo — опасность для насъ, если не защитить де насъ отъ нея наша цензура, а она и пр. и пр. тутъ сами собою являются подходящія фразы. Къ этому, кстати, присоединилось крупное не задолго передъ тѣмъ столкновеніе Уварова съ такимъ сильнымъ магнатомъ, какъ графъ С. Г. Строгановъ. Извѣстно, что когда Уваровъ разослалъ попечителямъ учебныхъ округовъ составленный имъ по Высочайшему повелѣнію секретный циркуляръ отъ 30 мая 1847 г., разъяснявшій какъ должно понимать нашу народность и что такое славянство по отношенію къ Россіи, то Строгановъ, вмѣсто того, чтобы, согласно предписанію, сообщить его конфиденціально собранію професоровъ

Московского университета, послалъ Уварову въ отвѣтъ на циркуляръ-официальную бумагу, составленную въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ ¹⁾. Слѣдствіемъ этого было то, что эта бумага была ему, по высочайшему повелѣнію, возвращена въ подлинникѣ графомъ А. Ѳ. Орловымъ при письмѣ, въ которомъ шефъ жандармовъ писалъ: «Государь императоръ, прочитавъ донесеніе вашего сіятельства къ министру народнаго просвѣщенія, изволилъ признать оное въ высшей степени неприличнымъ и несоотвѣтствующимъ тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ обязанъ находиться подчиненный къ своему начальнику. Его величество высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ возвратити къ вамъ означенное, при семъ прилагаемое, донесеніе ваше, поставивъ вамъ на видъ, что вы никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не должны были выходить изъ надлежащаго уваженія къ вашему начальнику; а съ тѣмъ вмѣстѣ вмѣнить вамъ въ обязанность, чтобы вы немедленно исполнили данное вамъ господиномъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Уваровымъ, предварительно одобренное его императорскимъ величествомъ, циркулярное предписаніе о словенофилахъ».

Гордый и надменный Строгановъ не перенесъ этого удара, и обратился къ государю со всеподданнѣйшимъ письмомъ, въ которомъ заявлялъ, что «понятія его о службѣ государю не могутъ сблизиться съ поятіями о ней министра народнаго просвѣщенія, и опасаясь, что при постоянномъ состязаніи съ графомъ Уваровымъ онъ легко можетъ преступити границы, указываемыя служебными отношеніями, и не чувствуя себя способнымъ оставаться безгласнымъ исполнителемъ его на правленій», просилъ объ увольненіи отъ должности попечителя Московскаго округа. Такое увольненіе и послѣдовало высочайшимъ указомъ 20-го ноября 1847 года. Вслѣдствіе этого Строгановъ покинулъ Москву и переѣхалъ на жительство въ Петербургъ, оставаясь отнынѣ открытымъ врагомъ Уварова.

Объ немъ-то и вспомнилъ теперь М. А. Корфъ, когда задумалъ помочь слѣпой фортунѣ. При его большемъ умѣ и необыкновенной способности излагать рельефно свои мысли, ему не трудно было убѣдить Строганова, этого отъявленнаго врага всякаго демократизма, въ томъ, что, въ виду чудовищныхъ революціонныхъ переворотовъ въ Западной Европѣ, необходимо обезопасити Россію отъ заноса къ намъ разрушительныхъ идей и ученій коммунизма, социализма и пр., и что такой безопасности не представляетъ нынѣ дѣйствующая въ министерствѣ народнаго просвѣщенія слабая цензура, а что въ виду чрезвычайности событій, вызывающихъ опасенія, необходимы и мѣры чрезвычайныя по цензурѣ для должной охраны государственной безопасности.

¹⁾ Н. Барсуковъ, тамъ же, стр. 240.

Сильно бываетъ слово, во-время и кстати сказанное; внушеніе Корфа оказало свое дѣйствіе. Строгановъ, выбравъ удобную минуту, подаль государю записку, составленную въ этомъ смыслѣ. Такимъ образомъ предостереженіе о распущенности цензуры, будучи сдѣлано человѣкомъ, который по своему высокому положенію былъ внѣ всякаго подозрѣнія о какихъ-либо личныхъ цѣляхъ, являлось лишь гражданскимъ подвигомъ и доказательствомъ преданности истиннымъ интересамъ государства.

Въ городѣ тогда говорили, что вышеозначенною «удобною минутою» былъ случившійся въ то время балъ у наслѣдника-цесаревича, такъ какъ приближеннымъ лицамъ было извѣстно, что государь Николай Павловичъ на такихъ балахъ былъ всего болѣе доступенъ и милостивъ, являясь въ такія собранія не какъ императоръ, а какъ любезный и пріятный гость.

Негласный Комитетъ для изслѣдованія правильныхъ дѣйствій цензуры былъ такимъ образомъ учрежденъ въ концѣ февраля 1848 г.; а именно графъ А. Ѳ. Орловъ писалъ графу Уварову 27-го февраля этого года: «По дошедшимъ до государя императора изъ различныхъ источниковъ свѣдѣніямъ о весьма сомнительномъ направленіи нашихъ журналовъ, его императорское величество на докладѣ моемъ по сему предмету собственноручно написать соизволилъ: «необходимо составить Комитетъ, чтобы разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому программы. Комитету довести мнѣ съ доказательствами, гдѣ найдеть какія упущенія цензуры и ея начальства, то-есть министерства народнаго просвѣщенія къ оторые журналы и въ чемъ вышли изъ своей программы. Комитету состоять подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта князя Меншикова, изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, генераль-адъютанта графа Строганова 2-го (т. е. графа Александра Сергѣевича, бывшаго министромъ внутреннихъ дѣлъ), генераль-лейтенанта Дубельта и статсъ-секретаря Дегаля». Къ нимъ потомъ были присоединены: членъ Государственнаго Совѣта баронъ М. А. Корфъ и директоръ театровъ Геденовъ. Въ этомъ составѣ Комитетъ дѣйствовалъ до 2-го апрѣля, а съ этого числа онъ поступилъ подъ предсѣдательство члена Государственнаго Совѣта, директора Императорской публичной бібліотеки Д. П. Бутурлина, и началъ съ этого времени называться Негласнымъ Комитетомъ 2-го апрѣля.

Какою бы тайнственностью ни были облечены учрежденіе и дѣйствія этого Комитета, но слухи о нихъ скоро проникли въ общество и произвели сильнѣйшій переполохъ среди литераторовъ и издателей журналовъ; а когда въ рядѣ дѣйствій Комитета выяснился духъ принимаемыхъ имъ мѣръ, то образованными людьми обуялъ паническій страхъ. Тяжелое впечатлѣніе производятъ въ вышеупомянутомъ сборникѣ Н. П.

Барсукова страницы, въ которыхъ онъ изъ современной переписки между учеными и писателями мастерски составилъ яркую картину того удручающаго дѣйствія, какое мѣры того Комитета произвели на русскую мысль. Конечно, русское общество пережило ту тяжелую эпоху, но еще долго вліяніе ея отражалось на нашей литературѣ и наукѣ, а слѣдовательно и вообще на просвѣщеніи. Весьма мѣтко было замѣчено Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, что стѣсненіе свободы совѣсти и мысли не только искажаетъ и суживаетъ взгляды людей, но и имѣетъ печальное вліяніе и на самый ихъ характеръ.

Пока Негласный Комитетъ трудился надъ ассенизаціей журналовъ, Корфъ занялся составленіемъ обширнаго проекта постановки цензурнаго дѣла на иной ладъ. Предполагалось образовать самостоятельное главное управленіе, съ главноуправляющимъ во главѣ надѣленнымъ министерскими правами, съ цѣлымъ штатомъ чиновъ высшаго ранга и съ большимъ жалованіемъ, избранныхъ изъ лицъ испытанной благонамѣренности и долженствовавшихъ дѣйствовать въ качествѣ ревізоровъ или контролеровъ надъ цензорами; намѣчены были даже лица для этихъ довѣренныхъ должностей, какъ можно заключить изъ намековъ И. И. Давыдова ¹⁾, присматриваемъ былъ даже немалый домъ для помѣщенія этого новаго главнаго управленія, но..... кривая не вывезла, проектъ упалъ въ воду, по причинѣ самой грандіозности своей.

Въ 1847—48 г. я жилъ въ Галерной улицѣ, въ громадномъ домѣ Риттера, въ 4-мъ этажѣ; а близкимъ моимъ сосѣдомъ былъ Александръ Дмитріевичъ Крыловъ, жившій въ домѣ Шятта, смежномъ съ домомъ Риттера и стоящемъ на углу Замятнина переулка. Онъ былъ тогда, въ чинѣ коллежскаго ассесора, чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, и будучи извѣстенъ князю А. С. Меншикову, былъ въ то время переведенъ на службу въ военно-походную по флоту канцелярію ²⁾. Молодые люди легко знакомятся и сближаются между собою; я встрѣчалъ Крылова у Н. А. Милютина; мы были по годамъ почти ровесниками и скоро стали хорошими пріятелями. Пріязнь наша еще болѣе скрѣпилась именно въ это время вотъ по какому обстоятельству: Крыловъ, умѣвшій нѣсколько рисовать, захотѣлъ поучиться живописи масляными красками и пріискалъ себѣ въ учителя по этой части—молодаго художника Казимира Давыдовича Юневича ³⁾. Крыловъ предложилъ мнѣ брать эти уроки вмѣстѣ съ нимъ, такъ какъ это

¹⁾ Н. П. Барсуковъ, тамъ же, стр. 286.

²⁾ Впослѣдствіи онъ былъ членомъ главнаго военнаго суда и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника въ мартѣ 1895 года.

³⁾ Онъ былъ ученикомъ Императорской Академіи художествъ, занимался портретною живописью, а впослѣдствіи имѣлъ фотографическое заведеніе въ домѣ на углу Гороховой улицы и Адмиралтейской площади.

было бы и дешевле, и веселѣе. Какъ и я, до того времени, хотя рисовалъ карандашемъ и акварелью, но не дерзалъ еще братья за масляныя краски, то съ радостью принялъ предложеніе Крылова: уроки тотчасъ же начались усердно, происходили въ квартирѣ Крылова, по воскресеньямъ и праздникамъ, когда мы оба были свободны отъ служебныхъ занятій. Поэтому мы стали видѣться еще чаще, и знакомство перешло въ искреннюю дружбу.

Въ одинъ день, во второй половинѣ марта (1848 г.), Крыловъ входитъ ко мнѣ съ таинственнымъ и смущеннымъ видомъ и передаетъ мнѣ подъ строжайшимъ секретомъ, лишь по долгу дружбы, что онъ по приказанію князя Меншикова занимается по секретному комитету ¹⁾, назначенному для разслѣдованій о вредныхъ направленіяхъ въ русской печатн, и что въ этомъ комитетѣ готовится всесподданнѣйшій докладъ, въ которомъ на мою, появившуюся въ «Отечественныхъ Запискахъ» статью о жилищахъ рабочаго люда въ Петербургѣ указывается какъ на вредную для общественной безопасности.

Нечего говорить, что отъ этого извѣстія меня какъ бы варомъ обдало. Я ясно увидѣлъ, чѣмъ это мнѣ грозило. Какъ бы я въ глубинѣ души ни сознавалъ, что въ злополучной статьѣ моей мною руководило одно лишь самое искреннее желаніе общей пользы, какъ бы я ни былъ убѣжденъ, что отъ нея не можетъ быть никакой опасности для государства, но долженъ былъ видѣть, что до моихъ убѣжденій и до моей добронамѣренности никому нѣтъ дѣла, — они могли оставаться лишь при мнѣ, — а передъ моими глазами подымалось обвиненіе меня «негласнымъ» трибуналомъ, составленнымъ изъ самыхъ довѣренныхъ и высоко стоящихъ государевыхъ совѣтниковъ, — обвиненіе, взводимое въ то время, какъ по ту сторону нашихъ границъ бушуетъ революція, со всеми своими ответственными ей безумствами и кровавыми эпизодами, и порождаетъ у насъ страхи, хотя бы и химерическіе, но тѣмъ не менѣе весьма реальныя. — Для меня отнынѣ стала ясна моя судьба: въ лучшемъ случаѣ — по бывшимъ примѣрамъ, недобровольное путешествіе на казенный счетъ, подъ охраною спеціальнаго блюстителя общественной безопасности — въ одинъ изъ отдаленныхъ благословенныхъ городовъ нашего отечества, напримѣръ въ Вологду или Вятку, если еще не дальше, а вмѣстѣ съ тѣмъ прощай моя служба, прощай все, что мною дотошъ въ ней съ такимъ трудомъ достигнуто! Только съ небольшимъ за годъ передъ тѣмъ я былъ назначенъ (31-го декабря 1846 г.) начальникомъ статистическаго отдѣленія департамента сельскаго хозяйства; эта должность была первою

¹⁾ Онъ обладалъ красивымъ почеркомъ и, кажется, имѣлъ обязанность переписывать начисто доклады или журнальныя постановленія того комитета.

ступеню, которая ставила меня на виду у начальства и давала основание для надежд на дальнейшее улучшение моего положения. Она составляла собою важный шаг для человека, лишенного какой бы то ни было протекции и обязанного обеспечивать свое существование одним собственным трудом. И вдруг предстояло проститься со всем, что уже было приобретено, со всем, чем еще манили надежды в будущем.

Не стану описывать, да не хотѣлось бы даже и вспоминать, в какомъ я былъ тогда мрачномъ расположеніи духа; охладѣвъ къ какимъ бы то ни было занятіямъ, я бродилъ безцѣльно по улицамъ столицы, въ которой я себя уже чувствовалъ лишь временнымъ гостемъ. Такъ прошло не помню сколько времени, недѣля или двѣ; вдругъ Крыловъ вбѣгаетъ ко мнѣ съ радостнымъ лицомъ и съ благовѣщимъ словомъ: «вы спасены», и тутъ я узнаю изъ его разсказовъ слѣдующее.

Если легко было голословными обвиненіями заподозрить тогдашніе журналы въ распространеніи вредныхъ для государственной безопасности ученій и тѣмъ бросить тѣнь на дѣйствія цензуры, то не такъ легко было конкретными доказательствами оправдать такіа обвиненія. Периодическая печать, да и не одна она, а все печатное слово въ то время, радикально ассенизируемое властною и чуткою цензурою, представляла собою такое отсутствіе не только вредныхъ, но даже какихъ-нибудь живыхъ идей, что отысканіе въ ней этихъ конкретныхъ доказательствъ было бы не подъ силу даже и самымъ записнымъ читателямъ русской журналистики; а члены секретнаго комитета вѣроятно мало даже заглядывали въ нее; чтобы однакоже исполнить возложенную на нихъ задачу, они разобрали между собою выходившіе въ то время журналы и стали читать каждый доставшуюся на его долю пачку ихъ. Легко себѣ представить скуку этихъ недобровольныхъ читателей массы неинтересной для нихъ испечатанной бумаги, въ которой, какъ бы ни смотрѣли она на нее въ лупу, не открывалось искомымъ ими криминальныхъ вещей.

Въ то время какъ они, за неотысканіемъ чего-нибудь болѣе вѣскаго, рѣшили уже *faute de mieux*, принести въ жертву меня и мою бѣдную статью, въ засѣданіе комитета является одинъ изъ членовъ, кажется П. И. Дегай, съ радостнымъ эврика! эврика! и заявляетъ, что въ томъ жетомъ «Отечественныхъ Записокъ», въ которомъ напечатана статья Веселовскаго, онъ нашелъ нѣчто еще лучшее или худшее,—не знаю, какъ сказать—а именно повѣсть подъ заглавіемъ «Запуганное дѣло», подписанную буквами М. С., подъ которыми скрылся авторъ ея, Михаилъ Салтыковъ. Въ ней изображена печальная судьба молодого человека, сына бѣднаго мелкопомѣстнаго дворянина, какъ онъ, прибывъ изъ родительскаго дома на службу въ Петербургъ, нигдѣ не могъ найти себѣ мѣста и послѣ недолгой борьбы

съ горькою нуждою, печально кончилъ свою жизнь въ крайней нищетѣ. Этотъ «случай», какъ назвалъ его авторъ въ заглавіи своей статьи, вращается въ средѣ мелкаго столичнаго люда и по своей банальности, конечно, не обратилъ бы на себя ничего вниманія, если бы герой повѣсти, лежа больной на смертномъ одрѣ, не увидѣлъ курьезнаго сна, на пагубу автора. Въ этомъ снѣ, Иванъ Самойловичъ (герой повѣсти) «разомъ очутился въ совершенно неизвѣстномъ ему государствѣ, въ совершенно неизвѣстную эпоху, окруженный густымъ и непроницаемымъ туманомъ. Вглядываясь однако пристальнѣе, онъ не безъ удивленія замѣтилъ, что изъ тумана вдругъ начинается отдѣляться безчисленное множество колоннъ и что колонны эти, принимая къ верху все болѣе и болѣе наклонное положеніе, соединяются, наконецъ, въ одной общей вершинѣ и составляютъ совершенно правильную пирамиду. Но каково же было изумленіе бѣднаго смертнаго, когда онъ, подойдя къ этому странному зданію, увидѣлъ, что образующія его колонны сдѣланы вовсе не изъ гранита или какого-нибудь подобнаго минерала, а всѣ составлены изъ такихъ же людей, какъ и онъ, только различныхъ цвѣтовъ и формъ, и вдругъ въ этихъ колоннахъ замелькали ему въ глаза различные знакомыя лица и всѣ эти знакомыя лица такъ низко стоятъ, такъ бессознательно, безлично улыбаются, замѣтивъ Ивана Самойловича, что ему стало совѣстно за нихъ и даже за самого себя, что могъ онъ водить знакомство съ такими ничтожными, не стоящими плевка людьми.

— А что, если и я... подумалъ онъ, да и не додумалъ, потому что мысль его замерзла на половинѣ пути; такъ испугался онъ вдругъ, вспомнивъ, что такъ и себя можетъ, пожалуй, увидѣть въ не совсѣмъ затѣйливомъ положеніи.—И какъ нарочно огромная пирамида, до тѣхъ поръ показывавшая ему одну за другой всѣ свои стороны, вдругъ остановилась. Кровь несчастнаго застыла въ жилахъ, дыханіе занялось въ груди, голова закружилась, когда онъ увидѣлъ въ самомъ низу необыкновенно объемистаго столба такого же Ивана Самойловича, какъ и онъ самъ, но въ такомъ бѣдственномъ и странномъ положеніи, что глазамъ не хотѣлось вѣрить. И дѣйствительно, стоявшая передъ нимъ масса представляла любопытное зрѣлище: она вся была составлена изъ безчисленнаго множества людей, одинъ на другаго положенныхъ, такъ что голова Ивана Самойловича была такъ изуродована тяготѣвшею надъ нею тяжестью, что лишилась даже признаковъ своего человѣческаго характера, а часть, называемая черепомъ, даже обратилась въ совершенное ничтожество и была окончательно выписана изъ наличности. Вообще во всей фигурѣ этого страннаго, мнѣческаго Мичулина (т. е. Ивана Самойловича) выраженъ такой умственной пауперизмъ, такое нравственное ничтожество, что настоящему, издали наблюдавшему Мичулину сдѣлалось и тѣсно и тяжело, и онъ съ силою устремился, чтобы

вырвать своего страждущаго двойника изъ-подъ гнетущей его тяжести. Но какая-то страшная сила приковывала его къ одному мѣсту, и онъ, со слезами на глазахъ и гложущею тоскою въ сердцѣ, обратилъ взоръ свой выше. Но чѣмъ выше забирался этотъ взоръ, тѣмъ оконченнѣе казались Ивану Самойловичу люди. Онъ самъ теперь чувствовалъ, какая страшная тяжесть давила его голову; онъ чувствовалъ, какъ, одно за другимъ, пропадали тѣ качества, которыя дѣлали изъ него извѣстный образъ.... холодный потъ обливалъ его тѣло; дыханіе замерло въ груди; волосы одинъ за другимъ шевелились и вставали; весь организмъ трепеталъ въ паническомъ ожиданіи чего-то неслыханнаго.... Онъ сдѣлалъ отчаянное, непомярное усиліе, и.... проснулся!»

По выслушаніи этого сообщенія члены Комитета нашли, что въ этомъ снѣ нельзя не видѣть дерзкаго умысла—изобразить въ аллегорической формѣ Россію и что о повѣсти Салтыкова должно быть внесено въ изготавляемый докладъ о вредныхъ направленіяхъ журналовъ. Тогда князь Меншиковъ, согласившись съ этимъ, замѣтилъ, что нельзя обременять вниманіе государя мелочами, и предложилъ исключить изъ приготавляемаго доклада то, что было тамъ сказано о моей статьѣ, а ограничиться въ немъ одною лишь повѣстью Салтыкова, какъ болѣе подходящею къ цѣли доклада, съ чѣмъ прочіе члены Комитета и согласились.

И такъ, вотъ какимъ, можно сказать, чудеснымъ образомъ я уцѣлѣлъ отъ бѣды, и вмѣсто меня поѣхалъ, какъ извѣстно, въ Вятку М. Салтыкевъ¹⁾. О! добрѣйшій Михаилъ Евграфовичъ, узналъ ли ты когда-нибудь, какую услугу оказалъ мнѣ своимъ замысловатымъ «сномъ!» Какъ, самъ того не подозревая, сдѣлался ты моимъ благодѣтелемъ. Миръ праху твоему.

Такъ какъ всѣ дѣйствія Комитета, о которомъ здѣсь говорилось были покрыты строжайшимъ секретомъ, то по описанному мною происшествію меня болѣе никто не беспокоилъ, и даже службному моему начальству онъ остался неизвѣстенъ; но какъ моя статья о статистикѣ недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ была разсмотрѣна предварительною цензурою въ рукописи въ полномъ первоначальномъ своемъ видѣ и одобрена къ напечатанію цензоромъ Очкинымъ еще 26-го августа 1847 года, т. е. за долго до учрежденія негласнаго комитета, и затѣмъ отпечатана для 2-й книжки «Записокъ Географическаго Общества», которая еще не была тогда выпущена въ свѣтъ за

¹⁾ Высылка Салтыкова въ Вятку состоялась 28-го апрѣля 1848 года; впоследствии, а именно 19-го мая, онъ былъ переведенъ изъ канцелярш военнаго министерства, гдѣ состоялъ на службѣ, въ Вятское губернское правленіе, при которомъ онъ былъ 3-го іюля зачисленъ въ канцелярскіе чиновники.

неотпечатаніемъ остальныхъ статей этой книжки, то я счелъ долгомъ предварить о томъ, что со мной было, вице-предсѣдателя Географическаго общества, Э. П. Литке, который вслѣдствіе этого попросилъ меня зайти посовѣтоваться съ К. В. Чевкинымъ, съ тѣмъ, не возьмется ли онъ переговорить съ М. А. Корфомъ, какъ членомъ того Негласнаго Комитета.

Чевкинъ жилъ въ одномъ домѣ со мною, по той же лѣстницѣ, въ бель-этажѣ, и я отнесъ къ нему экземпляръ отпечатанныхъ листовъ моей статьи, приготовляемыхъ для «Записокъ Географическаго Общества». Нѣсколько дней спустя, а именно 6-го апрѣля, я получилъ отъ Литке собственноручную записку М. А. Корфа, изъ которой я съ любопытствомъ узналъ подлинныя мотивы, изъ-за которыхъ я чуть было не подвергся карѣ. Эта записка состояла изъ 6 пунктовъ, которые я здѣсь приведу, какъ обращенія тѣхъ требованій, какія въ то время предъявлялись къ печати людьми, власть имѣющими.

Пунктъ 1. Въ моей статьѣ были приведены цифры о постепенномъ увеличеніи въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ недоимокъ по взимаюму городского налога съ недвижимыхъ имуществъ въ столицѣ, и приведены соображенія о причинахъ этого явленія. Противъ этого мѣста Корфъ пишетъ: «эту критику установленнаго правительствомъ налога лучше бы исключить».

Пунктъ 2. У меня были, безъ всякихъ комментариевъ, а лишь въ видѣ простой справки, показаны въ числѣ сословій, не имѣющихъ по закону права владѣть недвижимыми имуществами въ столицѣ, крѣпостные люди и сельскіе обыватели. На это Корфъ замѣчаетъ: «По изданнымъ послѣ составленія этой статьи узаконеніямъ и крѣпостнымъ людямъ дозволено имѣть недвижимость, и сельскіе обыватели допущены къ владѣнію домами въ столицѣ. Кажется, нужно объ этомъ пояснить въ особомъ примѣчаніи».

Пунктъ 3. При разсмотрѣніи того, какъ недвижимыя имущества въ столицѣ распределяются между разными сословіями, мнѣ представилась надобность объяснить между прочимъ, какія лица въ оцѣночныхъ городскихъ вѣдомостяхъ отнесены подъ рубрику «разночинцы». Такъ какъ этотъ терминъ не извѣстенъ Своду Законовъ о состояніяхъ (IX т.), а употребляется только при статистическихъ подсчетахъ народонаселенія, то пришлось, за недостаткомъ юридическаго опредѣленія, употребить описательный способъ опредѣленія, исчисленіемъ, въ видѣ примѣра, какого рода люди подразумѣваются подъ названіемъ разночинцы, и поэтому въ моей статьѣ было сказано: «разночинцы—есть собирательное слово, подъ которымъ скрываются разнаго рода люди, умѣвшіе мелкими тропинками проложить себѣ путь къ владѣнію собственностью; имущества ихъ маленькія, разсыяны по самымъ отдаленнымъ частямъ города

и носятъ надъ воротами надписи: домъ придворнаго полотера NN, домъ коха или мундъ-коха М. М., домъ камеръ-лакея X, или даже просто домъ господина ZZ. Большею частью эти лица, обезпечившія себя разными личными трудами, по разнымъ случаямъ, и не попавшія ни въ одинъ изъ главныхъ разрядовъ, на которые дѣлятся у насъ сословія». Противъ этого мѣста баронъ Корфъ написалъ: «Думаю, можно бы изложить такъ: подъ собирательнымъ словомъ различныя разумѣются лица, обезпечившія себя разными личными трудами, по разнымъ случаямъ и не попавшія ни въ одинъ изъ главныхъ разрядовъ, на которые дѣлятся у насъ сословія».

Пунктъ 4. У меня были приведены въ видѣ справки, въ подстраничномъ примѣчаніи, заимствованныя изъ изданной въ 1836 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ книги: Статист. свѣдѣнія о С.-Петербургѣ, показанія о числѣ чиновниковъ въ Петербургѣ въ 1804—1832, и объ общемъ итогѣ суммъ на ихъ содержаніе, при чемъ оказалось, что въ среднемъ выводѣ это содержаніе въ теченіе тѣхъ лѣтъ уменьшилось. Противъ этого Корфъ написалъ: «Если сохранить это замѣчаніе, то надобно сравненіе цифръ привести и за дальнѣйшіе годы: ибо извѣстно, что въ 1838 г. содержаніе чиновниковъ значительно увеличено, и тогда пропорція совершенно измѣнится, и то, чему здѣсь данъ видъ порицанія, обратится, напротивъ, въ похвалу».

А между тѣмъ я не выражалъ ровно никакого порицанія, а констатировалъ безъ всякихъ комментариевъ одинъ голый фактъ, на основаніи официальныхъ, самымъ правительствомъ опубликованныхъ, данныхъ. Вотъ примѣръ практиковавшагося въ то время «чтенія между строкъ».

Пунктъ 5. Говоря о статистикѣ недвижимой собственности въ столицѣ, я конечно не могъ обойти молчаніемъ крупный фактъ—большаго числа домовладѣльницъ; и по этому вопросу у меня было сказано слѣдующее:

«При разсмотрѣніи распредѣленія недвижимой собственности между разными сословіями представляется еще предметъ, не лишенный интереса,—а именно записка имуществъ на имя женщинъ. Значительная пропорція этихъ женскихъ собственности, въ Петербургѣ, издавна была замѣчена статистикою, особенно въ сословіи чиновниковъ. То же самое замѣчено и въ отношеніи Москвы, гдѣ (по свѣдѣніямъ 1830 г.) пѣлая треть домовъ записана на имя женщинъ, и въ особенности въ сословіи малочинныхъ и мѣщанъ. Этотъ фактъ былъ даже предметомъ весьма странныхъ толкованій. Напримѣръ, одинъ нѣмецкій путешественникъ, изучавшій Россію съ точки зрѣнія высшихъ социальныхъ вопросовъ, видитъ въ этомъ доказательство того вліянія, какое имѣетъ въ Россіи женщина на общество. Не знаемъ, такъ ли это; можетъ быть,

*

«ларчикъ и проще открывается». Во всякомъ случаѣ, это фактъ весьма любопытный и находящій себѣ вполне подтвержденіе въ результатахъ новой оцѣнки».

Противъ этого мѣста, въ которомъ констатировался опять лишь простой фактъ, безъ всякихъ комментаріевъ, кромѣ ироническаго замѣчанія объ измышленіи нѣмецкаго путешественника (кстати замѣтить—барона Гакстгаузена), Корфъ написалъ:

«Если оставить этотъ намекъ, то необходимо прибавить, что по благодѣтельному для правовъ и общественнаго кредита закону 1846 г. іюня 17-го (онъ напечатанъ въ VII продолженіи приложения къ 114 статьѣ св. зак. гражд.), всякій подлогъ или злоупотребленіе въ предметахъ подобнаго рода, если такіе прежде и были, потеряли уже на будущее время всякую цѣль, а потому и опасаться ихъ болѣе нельзя».

Наконецъ пунктъ 6-ой записки барона Корфа гласитъ слѣдующее: «картина, представленная на стр. 87—98 (т. е. тѣхъ самыхъ, изъ которыхъ состояла напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ» статья моя), чрезвычайно поразительна, и выводы очень любопытны; но какъ печатная книжка можетъ быть въ рукахъ у всѣхъ и породить, при какихъ-нибудь неблагонамѣренныхъ внушеніяхъ, новыя потребности и желанія, то осторожнѣе, кажется, или все это совсѣмъ исключить, или изложить совсѣмъ въ другомъ тонѣ и направленіи».

Записку Корфа Литке прислалъ мнѣ при письмѣ слѣдующаго содержанія:

«Вотъ, милостивый государь Константинъ Степановичъ, замѣчанія на вашу статью, которая, судя по лицу, которому принадлежать (такъ какъ вся переписка была секретная, то Литке не рѣшается назвать это лицо по имени; сама записка Корфа была безъ подписи, но писана очень хорошо извѣстнымъ мнѣ почеркомъ его), мы, я думаю, обязаны принять въ разсужденіе. Потрудитесь теперь сообразить, что дѣлать? Всю статью забраковать было бы слишкомъ жаль. Лучше уже, по мнѣнію моему, принять трудъ поизмѣнить означенныя мѣста. Съ первыми пятью пунктами это будетъ, кажется, безъ большихъ хлопотъ. Но какъ быть съ послѣднимъ? По-моему, это занимательнѣйшая часть всей статьи и совсѣмъ ее исключить значило бы лишить статью главнаго интереса, а опять передѣлывать ее совсѣмъ въ другомъ тонѣ—эту дилемму ужъ вы сами развяжете. Если вы рѣшитесь это мѣсто переработать, то послѣ цензуры лучше будетъ показать его опять тому же лицу. Карману общества будетъ отъ всего этого маленькій изъянъ—но это соображеніе второстепенное. Прошу васъ парюю строкъ извѣстить меня, на что вы рѣшитесь, а между тѣмъ принять увѣреніе и пр. Θ. Литке.

6-го апрѣля 1848 г.

«Р. С. Я долженъ прибавить, что и другіе члены того же Комитета были того же мѣнія, что нѣкоторыя мѣста въ статьѣ должно измѣнить, но положительныхъ замѣчаній не сдѣлали».

Нечего, кажется, и говорить, что на передѣлку послѣдней части своей статьи въ какомъ-то совѣтѣ другомъ тонѣ, да еще по чужой указкѣ, подъ чужую диктовку—я конечно не могъ согласиться, и эта часть была изъ «Записокъ Географическаго Общества» совѣтѣмъ исключена, а оставлена тамъ только первая половина съ нѣкоторыми небольшими пропусками согласно первымъ пяти пунктамъ Корфовскихъ замѣчаній, и съ предвареніемъ, что моя статья есть отрывокъ изъ сочиненія, представленнаго мною обществу.

Такъ было окончательно ликвидировано это дѣло; но оно оказало на меня огромное вліяніе. Оно послужило для меня лишь доказательствомъ *ad hominem* того, что для статистическихъ изслѣдованій о Россіи, даже самыхъ добронамѣренныхъ, тогдашнее время еще было слишкомъ неблагоприятно; истина же эта иллюстрировалась цѣлымъ рядомъ очень характерныхъ фактовъ. Въ высшей степени скромный и трудолюбивый академикъ П. И. Кеппенъ, имѣвъ, благодаря счастливому случаю, возможность заняться статистикою почтовыхъ сношеній въ Россіи, прочиталъ въ засѣданіи Академіи 31-го мая 1841 года и напечаталъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» записку «О письменныхъ сношеніяхъ въ Россіи»,—въ которой, изъ одного желанія общей пользы, представилъ нѣсколько самыхъ скромныхъ указаній на возможность нѣкоторыхъ у насъ улучшеній по почтовой части. Эти указанія, несмотря на всю ихъ непритязательность, были признаны дерзкою критикою дѣйстви́тельства, посягательствомъ на непогрѣшимость почтовой администраціи, и авторъ ихъ подвергся за это отъ высшаго начальства строгому выговору. Но Кеппенъ отъ этого не унылъ. Употребивъ много лѣтъ жизни на статистику народонаселенія Россіи, онъ зналъ, какъ никто другой, всѣ недостатки этой статистики, и какъ ученый, любившій свой предметъ, думалъ о средствахъ ея улучшенія и не уставалъ хлопотать въ этихъ видахъ объ учащеніи въ Россіи народныхъ переписей и о введеніи въ форму ревизскихъ сказокъ нѣсколькихъ дополнительныхъ рубрикъ, для собранія черезъ то очень важныхъ для изслѣдованій о народонаселеніи свѣдѣній, ревизіями не доставляемыхъ. Надѣясь достигнуть этой цѣли при помощи Академіи, какъ высшаго учрежденія, онъ въ засѣданіи 18-го іюня 1841 г. обратилъ вниманіе конференціи на тѣ выгоды, какія могли бы произойти отъ ходатайства ея о болѣе частомъ производствѣ переписей и о собраніи при ревизіяхъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣдѣній. Академія, соглашаясь съ мыслию Кеппена о пользѣ этой мѣры, поручила ему изложить его соображенія по этому вопросу въ мотивированной запискѣ. Во исполненіе такого порученія и было напи-

сано сочиненіе «О народныхъ переписяхъ въ Россіи» и представлено Академіи въ засѣданіи 8-го декабря 1848 года съ просьбою о напечатаніи его особою книгою, съ тѣмъ чтобы можно было разослать экземпляры разнымъ лицамъ, которые могли бы оказать содѣйствіе къ осуществленію мыслей Кеппена. Но Академія, зная, какіе въ то время были отмежеваны для печатнаго слова предѣлы, при обсужденіи вопросовъ, хотя бы и ученыхъ, но соприкасающихся, прямо или даже и изда-лека, съ административными мѣропріятіями, не рѣшаясь воспользо-ваться относительно сочиненія Кеппена принадлежащимъ ей по уставу правомъ издавать одобряемые ею труды безъ цензурскаго позволенія, обратилась съ представленіемъ къ министру народнаго просвѣщенія, прося его снестись съ министромъ финансовъ о разрѣшеніи на изданіе этого сочиненія Академіею. Такого разрѣшенія не послѣдовало, и Кеп-пенъ умеръ, не дождавшись отрады видѣть въ печати сочиненіе, на ко-торое онъ такъ любовно потратилъ много труда ¹⁾.

Всѣ эти факты и многіе другіе, имъ подобныя, заставляли меня крѣпко задуматься надъ вопросомъ: что же дѣлать? Науки математиче-скія, физическія и естественныя могутъ безъ ущерба для себя оста-ваться въ сферѣ отвлеченныхъ научныхъ истинъ, въ которой онѣ мо-гутъ двигаться свободно, безъ стѣсненій со створоны чуждыхъ имъ инте-ресовъ. Не такова судьба статистики. Весь *raison d'être* ея—освѣщать разныя стороны общественной и государственной жизни, — и при томъ освѣщать для того, чтобы этотъ свѣтъ могъ служить людямъ дѣла твер-дую опору и вѣрнымъ указателемъ для всякихъ улучшеній въ народ-ной жизни. Безъ этого, статистическія данныя, какъ бы ни велика была ихъ масса, составляютъ только груды мертвыхъ чиселъ, недостойныхъ имени науки.

Въ сознаніи, что обстоятельства того времени были неблагоприятны для статистическихъ изслѣдованій, направленныхъ для разъясненія ка-кихъ бы то ни было жизненныхъ вопросовъ, я искалъ иныхъ предме-товъ, къ которымъ могъ бы съ бѣльшею пользою приложить свой трудъ, и выборъ мой остановился на климатѣ Россіи. Это было въ то время поле, мало обработанное, манящее къ себѣ перспективою возможныхъ на немъ новыхъ находокъ для науки, и прельщавшее тѣмъ чувствомъ свободы, съ которымъ можно было нахать его вдоль и поперекъ, не опа-саясь попасть нечаянно, самъ того не подозревая, въ какой-нибудь уча-

¹⁾ Оно напечатано было лишь въ 1889 году, въ VI томѣ „Записокъ Рус-скаго Географическаго Общества“, по отдѣленію статистики, въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было представлено Академіи въ 1848 году. Читая теперь это сочиненіе, мы можемъ воочию измѣрить то разстояніе, какое отдѣляетъ наше счастливое для науки время отъ эпохи не-богъ-вѣсть какой отдаленной.

стокъ, надъ которымъ незримо тяготѣетъ грозная надпись: «входъ запрещенъ». Такимъ образомъ труды мои сосредоточились съ 1848 по 1857 годъ на изученіи климата Россіи,—т. е. до той поры, съ которой обязанности возложенной на меня Академіею почетной, во и трудной должности ея непремѣннаго секретаря поглотили собою все мое время и всѣ мои помыслы.

И вотъ какъ, благодаря Негласному Комитету 1848 года, я сдѣлался метеорологомъ, оставивъ заботу о развитіи нашей статистики на долю слѣдующаго поколѣнія русскихъ ученыхъ, въ надеждѣ, что они будутъ имѣть счастье работать въ условіяхъ времени, болѣе благопріятныхъ для политико-экономическихъ наукъ.

К. Веселовскій.

Охраненіе императора Николая I въ его путешествіи за границу.

*Собственноручное секретное письмо фельдмаршала князя Варшавскаго—
Ивану Михайловичу Викинскому.*

19-го сентября 1845 г.

Изъ предписаній моихъ вы должны удостовѣриться о чемъ-то странномъ. Наконецъ, можно теперь дѣло все обнаружить для васъ: государь императоръ ѣдетъ на Краковъ, въ чужіе края. До Люблина и даже до Пулавъ и Радома уже можно всѣмъ говорить, что онъ ѣдетъ въ Варшаву, для свиданія съ прусскимъ королемъ! Но на Краковъ не говорить или лучше еще говорить, что государь ѣдетъ на Люблинъ въ Варшаву, а сами заготовляйте только казаковъ по всему тракту до Кракова. Вы знаете сами въ какомъ мы жестокомъ положеніи въ разсужденіи заговоровъ, то помните...¹⁾ Впрочемъ, я самъ буду въ 24-е число по утру. Васъ искренно любящій князь Варшавскій.

P. S. Отъ Пулавъ до Кракова отъ 25-го (сентября) до 1-го октября успѣютъ заготовить лошадей.

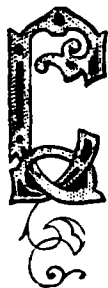
¹⁾ Точенъ въ подлинникѣ.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

—
VII').

Графъ Киселевъ отказывается отъ господства Валахскаго.—Княгиня Варшавская и контрабанда.—Царскосельскій карусель.—Двадцатипятилѣтіе шефства.—Псаломщикъ Никонъ.—Статья „Водовозъ“.—Фельдъегерь изъ Берлина, фракъ и брюки.—Плачущій чиновникъ на дворцовой набережной.—Графъ Огнискій, безвинно посаженный въ крѣпость.—Императоръ Николай, переписчикъ резолюціи барона М. А. Корфа.—Генераль-губернаторъ графъ Эссенъ.

Въ тѣхъ поръ какъ графъ Киселевъ, послѣ турецкой кампаніи 1829 года, управлялъ, отъ имени нашего правительства, Молдавіею и Валахіею, государь приказалъ всѣ депеши по дѣламъ этихъ княжествъ, по мѣрѣ ихъ полученія, передавать изъ министерства иностранныхъ дѣлъ предварительно графу и потомъ вносить въ докладъ, всегда съ его мнѣніемъ. На этомъ основаніи поступлено было и съ депешою нашего генеральнаго консула въ Букарестѣ Дашкова, которою доводилось до свѣдѣнія, что, за послѣдовавшимъ лишеніемъ князя Гика господарскаго сана, всѣ мнѣнія избирателей склоняются въ пользу Киселева, и испрашивалось дальнѣйшихъ на сей предметъ инструкцій. Киселевъ далъ мнѣніе такого содержанія, что какъ Гика свергнуть по вліянію русскаго правительства, и это вліяніе, гласное въ цѣломъ краѣ, осталось безызвѣстнымъ и прочей Европѣ, то было бы несовмѣстно и противно политическимъ видамъ замѣстить его русскимъ кандидатомъ; а какъ при томъ въ гос-

') См. „Русскую Старину“ сентябрь 1899 г.

подари можетъ, по мѣстнымъ законамъ, выбранъ быть только коренной валахскій бояръ, или, по крайней мѣрѣ, сынъ получившаго индигенатъ бояра, онъ же, Киселевъ, получилъ этотъ индигенатъ первый изъ своего рода: то объ избраніи его не можетъ быть и рѣчи. По одобреніи государемъ сего мнѣнія, оно было принято за основаніе и къ отклоненію самаго выбора, и къ отзывамъ на запросы о томъ разныхъ европейскихъ дворовъ, начивавшихъ уже, по свѣдѣніямъ о расположеніи умовъ въ Букарестѣ, обнаруживать нѣкоторую тревогу. Спустя нѣсколько дней послѣ такого «отреченія» Киселева, императрица, на маленькомъ вечерѣ во дворцѣ, спросила у него:

— Eh bien, vous n'avez pas voulu de la Royauté?

— Il n'aurait pas dû, si même il avait voulu ¹⁾—отвѣтилъ государь и рассказалъ сохранившееся у него въ памяти обстоятельство объ индигенатѣ.

— На это возраженіе, однако,—передавалъ мнѣ потомъ самъ Киселевъ—я, въ первомъ жару, тутъ же отозвался, что не принялъ господства только потому, что не хотѣлъ; обстоятельство же объ индигенатѣ послужило лишь отговоркою, такъ какъ это правило относится только до возведенныхъ просто въ боярскій санъ, а я, получивъ такъ называемый «grand indigenat», стою выше этихъ ограниченій и, хотя я первый изъ своего рода валахскій бояръ, могъ бы тотчасъ быть выбранъ въ господари. Впрочемъ—продолжалъ онъ—ошибаются тѣ, которые думаютъ, что постъ, или, пожалуй, престолъ валахскаго господаря позволяетъ, лежа съ трубкою, предаваться кейфу. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ, при совершенной деморализаціи и вельможъ и народа, при упадкѣ края, между владычествомъ и вліяніемъ Турціи и Россіи, подъ покровительнымъ лаутничествомъ всѣхъ кабинетовъ Европы,—это одно изъ труднѣйшихъ управленій, требующее полного самопожертвованія и самоотверженія. И Гика главнымъ образомъ отъ того упалъ, что хотѣлъ сибаритничать, а не работать. Если бы мнѣ было еще лѣтъ 30-ть, я, можетъ статься, и согласился бы надѣть на себя это ярмо; но теперь, когда мнѣ близко 54-хъ, скорѣе можно думать о томъ, чтобы освободиться и отъ настоящаго бремени, чѣмъ налагать на себя еще новое. Къ тому же у меня нѣтъ дѣтей, да и достоинство господарское не наследственное, а пожизненное. Словомъ, Богъ съ нимъ: мое здоровье безъ того плохо, а въ мои лѣта здоровье гораздо дороже, чѣмъ удовлетвореніе тщеславію.

Какъ бы то ни было, но очевидно, что направленіе умовъ въ Валахіи, общій газетный шумъ и, наконецъ, роль добровольно отрекшагося

¹⁾ И такъ вы не хотѣли царствовать?—Онъ не могъ бы, если бы даже и захотѣлъ.

отъ господарскаго сана очень льстили самолюбію графа Киселева, и онъ никакъ не захотѣлъ бы, чтобъ эта великолѣпная страница выпала изъ его біографіи. И дѣйствительно, она одна уже упрочила за нимъ мѣсто въ современной исторіи.

Княгиня Варшавская (супруга генералъ-фельдмаршала) прислала въ Петербургъ изъ чужихъ краевъ двумъ зятьямъ своимъ: Балашову и князю Волконскому, разнаго гостинцу, т. е. накупленныхъ тамъ для нихъ вещей. На пограничной таможенѣ, по нерѣдкому въ подобныхъ случаяхъ снисхожденію, ящики были запломбированы, съ тѣмъ чтобы подвергнуть ихъ таможенному досмотру въ Петербургѣ. Но Балашовъ и Волконскій, или по незванію, или повадѣвшись на свои связи, по полученіи ящиковъ, вздумали сами снять пломбы и вскрыть посылку безъ таможеннаго чиновника, такъ что, когда послѣдній явился для досмотра, то узналъ, что дѣло обошлось безъ него, и министръ финансовъ нашелся вынужденнымъ войти объ этомъ съ докладомъ, прибавивъ, что по коносаментамъ слѣдуетъ пошлинныхъ и штрафныхъ денегъ 17.000 руб. сер. Государь приказалъ—непремѣнно взискать эту сумму, говоря, что чѣмъ выше званіе, тѣмъ болѣе должно подавать примѣръ уваженія къ законамъ.

Въ великій постъ 1842 года, въ которомъ, по сравненію съ предшедшими годами, было в концертъ какъ-то чрезвычайно мало, и раутовъ въ большомъ свѣтѣ всего лишь два или три, государь, для развлеченія, устроилъ у себя домашній карусель. Во время поста провсходили, впрочемъ, только репетиціи, а настоящее представленіе дано было уже въ концѣ апрѣля. Карусель состояла въ изображеніи, верхомъ на лошадяхъ, фигуръ разныхъ танцовъ. Кавалерами были государь, цесаревичъ наследникъ и всѣ другіе члены царской фамиліи (кромѣ великаго князя Михаила Павловича)¹⁾; дамами—великія княжны (кромѣ также великой княгини Елены Павловны и ея дочерей, о которыхъ великая княгиня отозвалась, что онѣ не довольно еще хорошо ѣздить верхомъ) и нѣсколько придворныхъ дамъ и дѣвицъ. Репетиціи происходили иногда по утрамъ, иногда по вечерамъ, въ Михайловскомъ манежѣ, гдѣ послѣ давнъ былъ и самый карусель, разумѣется безъ всякой посторонней публики. Потомъ, 23-го мая, подобный же карусель повторился въ Царскомъ Селѣ, но съ тою разницею: во 1-хъ, что въ немъ участвовала и императрица, во 2-хъ, что онъ былъ не въ манежѣ, а на площадкѣ передъ Александровскимъ дворцомъ и въ 3-хъ, что кавалеры, вмѣсто обыкновенныхъ своихъ костюмовъ, явились въ полномъ нарядѣ старинныхъ рыцарей и при томъ не

¹⁾ Императоръ Александръ написалъ: „Кажется, напротивъ и онъ участвовалъ“.

въ какихъ-либо подражаніяхъ, а въ подлинныхъ доспѣхахъ, взятыхъ изъ арсенала и пригнанныхъ только на мѣрку каждаго. Всего было 16 паръ, которыя, въ предшествіи музыкантовъ, такимъ же образомъ одѣтыхъ, черкесовъ въ блестящихъ кольчугахъ и оруженосцевъ ¹⁾, конныхъ и пѣшихъ (роль пажей исполняли младшіе великіе князья), сперва проѣхали торжественнымъ маршемъ, а потомъ составили кадрили, шены и пр., что продолжалось отъ 7-ми часовъ вечера за половину 9-го. Императрица участвовала только въ маршѣ, послѣ котораго сѣла, вмѣстѣ съ своимъ кавалеромъ (генераль-адъютантомъ графомъ Апраксинымъ) между зрителями. Послѣднихъ было очень мало и почти одни только родственники участвовавшихъ въ каруселѣ лицъ, а постороннихъ никого не впускали на площадку, хотя впрочемъ нѣсколько любопытныхъ и нашли себѣ потаенныя мѣстечки, откуда все видѣли. Шествіе открывалъ герольдъ, состоявшій при наслѣдникѣ генераль Юрьевичъ, а за нимъ ѣхали императрица съ своимъ кавалеромъ; черныи рыцарь (генераль Мейендорфъ) ²⁾; наслѣдникъ съ одною изъ великихъ княженъ; государь съ графинею Воронцовою; герцогъ Лейхтенбергскій ³⁾ и такъ далѣе—фрейлины, придворныя дамы и флигель-адъютанты. Государь и наслѣдникъ въ рыцарскомъ одѣяніи были величественно-безподобны ⁴⁾. Непривычный, по своей тяжести, нарядъ однако же очень утомилъ нѣкоторыхъ изъ кавалеровъ. У самого государя шла кровь носомъ ⁵⁾, а герцогъ Лейхтенбергскій, сходя съ лошади, едва не упалъ въ обморокъ ⁶⁾. Великій князь Михаилъ Павловичъ провелъ этотъ день въ Новгородѣ, гдѣ осматривалъ расположенныя тамъ войска, а великая княгиня Марія Николаевна оставалась по нездоровью въ Сергиевкѣ.

5-го апрѣля праздновались два совокупенныя въ одинъ день торжества, именно двадцатипятилѣтіе со дня обрученія государя ⁷⁾ и двадцатипятилѣтіе же со дня назначенія его шефомъ прусскаго Кирасирскаго полка его имени ⁸⁾. Празднество началось обѣдней, впрочемъ

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Выдумка“.

²⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Съ великою княгинею Александрою Николаевною“.

³⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „Принцъ Александръ Гессенскій“.

⁴⁾ Вскорѣ послѣ того былъ награвированъ и вездѣ продавался эстампъ, изображавшій ихъ величества и высочества въ нарядахъ этого каруселя.

⁵⁾ Императоръ Александръ написалъ: „Вадоръ“.

⁶⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Потому что былъ боленъ“.

⁷⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Не правда. День обрученія былъ 25-го іюня 1817 г., а день помолвки 23-го октября 1815 г.“

⁸⁾ Назначеніе великаго князя Николая Павловича шефомъ этого полка послѣдовало собственно не 5-го апрѣля, а 18-го (30-го) марта; но при дворѣ оба празднества были отправлены въ одинъ день.

въ малой Дворцовой церкви и безъ торжественнаго выхода; затѣмъ состояло въ разводѣ и въ обѣдѣ, и кончилось тѣмъ, что вечеромъ игралъ во дворцѣ, въ присутствіи довольно многочисленнаго собранія, знаменитый пианистъ Ластъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ. Всему этому, впрочемъ, придавъ былъ особенный характеръ прибытіемъ сюда изъ Берлина депутаціи отъ помянутаго полка, состоявшей изъ полковаго командира фонъ-Ганнекена, двухъ штабъ и двухъ же оберъ-офицеровъ, которые всѣ находились уже въ полку въ день назначенія государя его шефомъ ¹⁾. Съ ними пріѣхалъ еще и одинъ вахмистръ, единственный изъ нижнихъ чиновъ, оставшихся на лицо отъ того времени. Всѣхъ ихъ помѣстили въ частной гостиницѣ, во на полномъ содержаніи отъ двора, и на время пребыванія въ Петербургѣ были назначены къ нимъ одинъ изъ генераловъ государевой свиты (Гринвальдъ) и еще одинъ конногвардейскій офицеръ (графъ Крейцъ), которые ѣздили съ ними вездѣ, какъ при осмотрахъ, такъ и при визитахъ. На обѣдѣ 5-го числа былъ посаженъ за придворный столъ и вахмистръ, между двумя нашими дворцовыми гренадерами. Въ тотъ же день государь вручилъ депутаціи, для передачи въ полкъ, великолѣпную вазу, сдѣланную на казенномъ фарфоровомъ заводѣ. Сверхъ портрета покойнаго прусскаго короля, на ней изображены были фамиліи всѣхъ офицеровъ, находившихся въ полку какъ за 25 лѣтъ передъ тѣмъ, такъ и въ 1842 году.

Двадцатипятилѣтіе начальствованія государя прусскимъ Кирасирскимъ полкомъ было праздновано особеннымъ торжествомъ и въ самой Пруссіи, въ г. Бранденбургѣ, гдѣ стоялъ тотъ полкъ и куда, къ этому дню, пріѣхалъ самъ король. Отъ нашего двора былъ посланъ туда, съ рескриптомъ на имя Ганнекена, генераль-адъютантъ Мансуровъ.

При церквахъ Зимняго дворца въ продолженіе 60-ти лѣтъ (съ 1782 года) состоялъ, все въ одной и той же должности, псаломщикомъ, Никонъчъ, который, несмотря на свои 80 лѣтъ, продолжалъ отправлять обязанности своего званія наравнѣ съ младшими товарищами. Чтеніе его, при спавшемъ голосѣ и сбитомъ языкѣ, походило уже болѣе на какой-то невнятный переливъ, по камнямъ, далекаго водопада, или, лучше сказать, ни на что не походило; но, въ уваженіе къ его

¹⁾ Въ числѣ этихъ офицеровъ былъ одинъ, котораго фамилія давала поводъ ко множеству проказъ и двусмысленностей, при упорствѣ нашихъ газетъ именовать его Montéton, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ онъ назывался Montelon. Съ этою фамиліею шулуна Воронцова сама попала въ просакъ, едва-ли, впрочемъ, непредназначенный. Какъ-то разговаривая съ государемъ о прусскихъ офицерахъ, она спросила: „Et comment Vous plait Montéton (mon têtou—мой сосокъ) Sire?“—„Mais lequel, Comtesse?“

многолѣтней службѣ, все еще онъ одинъ имѣлъ привилегію читать въ присутствіи царской фамилии въ церква пареміи, стихиры и пр. ¹⁾ хотя это чтеніе возбуждало иногда невольныя улыбки государя и другихъ слушателей. Императоръ Николай никакъ не хотѣлъ огорчить и такъ сказать, уничтожить старика, лиша его этой привилегіи, пока, наконецъ, великимъ постомъ 1842 года, самъ онъ, почувствовавъ совершенное разслабленіе, добровольно отпросился отъ чтенія. Этотъ, въ своемъ родѣ историческій Никонъ былъ, несмотря на маловажную его должность, человѣкомъ примѣчательнымъ по своей образованности. Онъ воспитывался нѣкогда въ Петропавловскомъ училищѣ, вмѣстѣ съ Вилламовымъ, впоследствии статсъ-секретаремъ и членомъ Государственнаго Совѣта, очень хорошо говорилъ по-французски и по-нѣмецки и превосходно зналъ древніе языки. При дворѣ Никонъ пользовался особымъ уваженіемъ. Императоръ Николай и всѣ члены царскаго дома всегда отличали старика, сколько и чѣмъ можно было въ его званіи, а придворное духовенство почитало его какъ бы своимъ старшиною и головою. За то и Никонъ имѣлъ своего рода честолюбіе и никогда, напримѣръ, не цѣловалъ руки ни у одного архіерея, говоря, что если бы въ свое время пошелъ въ монахи, то самъ уже давно былъ бы митрополитомъ.

Въ числѣ начавшихъ появляться у насъ съ сороковыхъ годовъ иллюстрированныхъ, или, какъ ихъ тогда называли, роскошныхъ изданій, одно изъ первыхъ мѣсть, и едва-ли даже не самое первое, занялъ сборникъ подъ заглавіемъ: «Наши», начатый, въ подражаніе: «Les Français peints par eux mêmes», служившимъ въ то время помощникомъ статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ Башуцкимъ, человекомъ съ очень пріятнымъ литературнымъ и артистическимъ талантомъ. Сочинитель нѣсколькихъ романовъ, издатель двухъ или трехъ журналовъ и пр., онъ, по стеченію разныхъ неблагоприятныхъ случайностей, всегда подвергался, во всѣхъ своихъ литературно-меркантильныхъ предпріятіяхъ, какимъ-то особеннымъ несчастіямъ и наиболѣе потерпѣлъ ихъ при изданіи замѣчательной своей книги: «Панорама С.-Петербурга», отъ крушенія корабля, везшаго въ Россію изготовленные для нея въ Лондонѣ доски и оттиски гравюръ. Такое же особенное несчастіе остановило, почти въ самомъ началѣ, и упомянутое изданіе его «Наши». Въ первыхъ выпускахъ помѣщена была статья «Водовозъ», въ которой вѣрными и живыми, но именно отъ того и очень рѣзкими, красками описывалась труженническая, каторжная и сопряженная со всевозможными лишениями и бѣдствіями жизнь

¹⁾ Императоръ Александръ прибавилъ: „И псалтырь во время великопостныхъ службъ“.

этого класса людей. Эта статья, несмотря на пропускъ ея цензурою, возбудила противъ себя большое неудовольствіе государя. Графъ Бенкендорфъ, призвавъ Башуцкаго, объявилъ ему, что государь, хотя любить и уважаетъ его талантъ, но велѣлъ сдѣлать ему строгое замѣчаніе за упомянутую статью, изображающую такими мрачными красками бѣдственное положеніе нижнихъ слоевъ народа, въ такую эпоху, когда умы и безъ того расположены къ волненію.

Спустя нѣсколько дней появилась въ «Сѣверной Пчелѣ» статья «Водонось», которую велѣно было сочинить Булгарину въ видѣ antidota «Водовозу» и въ которой онъ, стараясь парализировать впечатлѣніе, произведенное сею послѣднею, представилъ жизнь и занятія своего героя въ самыхъ розовыхъ и идиллическихъ краскахъ.

Въ половинѣ 1842 года послѣдовало всѣмъ заграничнымъ нашимъ миссіямъ строжайшее, отъ высочайшаго имени, подтвержденіе прежняго запрещенія не отправлять съ фельдъегерями, везущими въ Россію казенныя депеши, никакихъ частныхъ вещей и посылокъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ октябрѣ, когда царская фамилія имѣла пребываніе въ Гатчинѣ, несоблюденіе этого приказанія со стороны берлинской миссіи дало поводъ къ слѣдующему трагикомическому происшествію. Въ то время совершился бракъ наследнаго принца Веймарскаго съ принцессою Нидерландскою и, по прибытіи молодой четы въ Веймаръ, великая княгиня Марія Павловна отправила къ нашему двору съ извѣстіемъ о томъ нарочнаго фельдъегеря, который на пути черезъ Берлинъ захватилъ въ тамошнее наше посольство; здѣсь его навьючили пятью тяжеловѣсными тюками, адресованными на имя графа Нессельрода, но «по канцеляріи», т. е. для вскрытія непосредственно въ сей послѣдней, безъ передачи графу. Пріѣхавъ прежде въ Гатчину и поднимаясь къ пакетомъ отъ великой княгини на дворцовую лѣстницу, фельдъегерь случайно встрѣтилъ сходявшаго государя, который спросилъ, есть ли еще другіе пакеты?

- Есть.
- Сколько?
- Пять.
- На чье имя?
- Графа Нессельрода.
- Давай сюда.

И вдругъ, въ первомъ изъ этихъ пакетовъ или тюковъ, вскрытомъ тутъ же самимъ государемъ, оказались фракъ и брюки! Тогда, оставивъ и этотъ тюкъ и прочіе у себя, государь вытребовалъ въ Гатчину, черезъ того же фельдъегеря, начальника петербургской таможни Ильина, съ двумя досмотрщиками. По прибытіи туда, всѣ тюки были вскрыты ими въ присутствіи государя. Добыча заключалась въ разныхъ нарядахъ и

другихъ вѣщахъ, которыя, подъ прикрытіемъ надписи: «по канцеляріи», были адресованы на имя двухъ, очень близкихъ ко двору дамъ: вдовы генераль-адъютанта князя Трубецкаго и фрейлины Адлербергъ, дочери главноначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ. Таможенныя правила подвергали все это конфискаціи и, сверхъ того, провозителя штрафу въ 630 руб. сер. Такъ точно государь и приказалъ распорядиться, обративъ взысканіе штрафа на посланника нашего въ Берлинѣ, барона Мейендорфа. На графа Нессельрода, за слабую команду, государь тоже очень разгнѣвался, и вице-канцлеръ, имѣвшій, въ обыкновенномъ порядкѣ, еженедѣльно по два доклада, послѣ этого двѣ недѣли не былъ призываемъ. Что же касается до роковыхъ фрака и брюкъ, то назначеніе ихъ осталось—вѣчною тайною: втораго адреса на нихъ не было, а неизвѣстный ихъ владѣлецъ не разсудилъ за благо явиться за ними.

Въ концѣ 1842 года государь, гуляя по Дворцовой набережной, увидѣлъ идущаго передъ собою человѣка, судя по верхней его одеждѣ, порядочнаго, но который, продолжая свой путь, казалось, всхлипывалъ. Государь нагналъ его и увидѣлъ, что, точно, все лицо у него омочено слезами.

— О чемъ вы плачете?—спросилъ онъ съ участіемъ.

Спрошенный, не подозрѣвая, что за нимъ идетъ государь, и еще менѣе ожидая удостоиться его бесѣды, сперва оробѣлъ, но потомъ, ободренный дальнѣйшими разспросами, отвѣчалъ, что онъ чиновникъ сенатской канцеляріи, получающій всего 500 руб. жалованья и что у его сестры, при четырехъ дѣтяхъ, 1.500 руб. долгу, за который грозятъ ее посадить въ тюрьму. Отчаяніе его происходило отъ невозможности ей помочь.

— Хорошо—сказалъ государь—ступайте ко мнѣ на верхъ, напишите тамъ все, что вы мнѣ говорили, и ждите, пока я приду.

— Но, ваше величество, кто же меня туда пустать? Да я и не знаю, куда идти.

Тогда государь подозвалъ жандарма и приказалъ проводить чиновника во дворецъ, отъ его имени. При возвращеніи своемъ, найдя записку уже написанною, онъ отпустилъ просителя съ милостивымъ ободреніемъ, а записку тотчасъ отослалъ къ министру юстиціи, съ приказаніемъ по ней справиться. Обнаружилось, что чиновникъ сказалъ и написалъ одну правду и что онъ на хорошемъ счету у своего начальства. Государь приказалъ выдать ему 1.500 руб.

Послѣ открытія заговора Канарскаго въ западныхъ губерніяхъ, внимательность правительства къ расположенію тамъ умовъ усилилась, разумѣется, еще болѣе, а отъ сего родились новые доносы, новыя изысканія и новая строгость, которая, при излишнемъ усердіи мѣстнаго

начальства, а иногда и изъ другихъ побужденій, менѣ чистыхъ, переходила не разъ за предѣлы умѣренности и даже справедливости. Такъ, при назначеніи генералъ-губернаторомъ въ Литву, на смѣну князю Долгорукому, Мирковича, взведено было обвиненіе на нѣкоторыхъ помѣщиковъ Виленской губерніи, что они очень худо обходятся съ расположенными въ ихъ помѣстьяхъ солдатами, всячески ихъ утѣсняютъ и подвергаютъ разнымъ истязаніямъ ямѣя въ то же время непопозволительныя сношенія съ лицами, живущими за границею. Обвиненіе сіе показалось столь важнымъ, что одинъ изъ числа тѣхъ, которые наиболѣе ему подпали, камеръ-юнкеръ, коллежскій ассессоръ графъ Иринеи Огнискій, былъ схваченъ, привезенъ въ Петербургъ и заключенъ въ крѣпостной казематъ, а для ближайшаго изслѣдованія дѣла на мѣстахъ отправили находившагося въ то время при наслѣдникѣ цесаревичѣ флигель-адъютанта Назимова. Но тутъ обнаружилось совѣмъ другое. Одинъ солдатъ, умирая, на духу покался священнику, что имъ и его товарищами взведены были на помѣщиковъ небылицы; что послѣдніе никогда ни въ чемъ ихъ не утѣсняли; что, напротивъ, сами войска дѣлали помѣщикамъ крестьянамъ всякія прижимки, и что все противныя сему показанія солдатъ были или вынуждены, или куплены. Священникъ поспѣшилъ довести о томъ до свѣдѣнія Назимова, который съ своей стороны явилъ примѣръ высокаго гражданскаго мужества. Въмѣсто того, чтобы, изъ угодничества, скрыть это показаніе, какъ сдѣлали бы, вѣроятно, многіе другіе, онъ произвелъ новое, по содержанию его, розысканіе и представилъ въ Петербургъ о результатахъ его, подтверждавшихъ безвинность помѣщиковъ. При такомъ направленіи дѣла, противномъ прежнимъ удостовѣреніямъ мѣстнаго начальства и видамъ многихъ сильныхъ, противъ слѣдователя тотчасъ вооружилась могущественная партія, которая умѣла такъ оклеветать его «въ приверженности къ полякамъ», что государь, при проѣздѣ въ то время черезъ Ковно, гдѣ дождался Назимовъ, даже не удостоилъ его принять. Между тѣмъ свидѣтельство Назимова было слишкомъ настойчиво, чтобы не дать ему дальнѣйшаго хода; почему для новаго на мѣстахъ переслѣдованія командированъ былъ въ концѣ 1841 года генералъ-адъютантъ Кавелинъ, котораго донесенія вполнѣ подтвердили все показанное Назимовымъ. Мирковичу на семь основаній сдѣлано было строгое внушеніе, а дѣло передано на судебное разсмотрѣніе, окончившееся въ 1842-мъ году совершеннымъ оправданіемъ подсудимыхъ. Тогда на Огнискаго, тотчасъ, разумѣется, освобожденнаго изъ его заключенія, излился отъ правосудной души императора Николая цѣлый потокъ милостей, который не могъ не удивить массы, не знавшей вышеизложенныхъ подробностей. Въ одномъ и томъ же номерѣ «Сенатскихъ Вѣдомостей» были напечатаны три о немъ указа: одинъ 11-го ноября,

о производствѣ его «въ вознагражденіе за долговременное нахожденіе подъ слѣдствіемъ и судомъ», въ надворные совѣтники; другой, 24-го ноября, о пожалованіи его въ коллежскіе совѣтники; наконецъ третій, 29-го ноября, о пожалованіи его, «не въ примѣръ другимъ», въ камергеры, въ которые, не за-долго передъ тѣмъ, уставовлено было не жаловать никого, прежде достиженія чина статскаго совѣтника.

Въ продолженіе долговременной моей службы, однажды былъ и такой случай, что императоръ Николай сдѣлался моимъ переписчикомъ.

Въ маѣ 1842 года слушалось въ Государственномъ Совѣтѣ дѣло объ устройствѣ каспійскихъ рыбныхъ промысловъ, весьма важное и для государственныхъ и для частныхъ интересовъ. Оно слагалось изъ множества разнородныхъ и трудныхъ вопросовъ; но во главѣ ихъ стоялъ одинъ, отъ котораго зависѣло, прямо или косвенно, разрѣшеніе всѣхъ прочихъ, — вопросъ о правѣ собственности прибрежныхъ владѣльцевъ на земли, а оттуда и на рыбныя ловли. Указами 1802 и 1803 годовъ повелѣно уже было отобрать эти земли въ казну и рыболовство сдѣлать общимъ или вольнымъ. Но указы сіи, за множествомъ мѣстныхъ затрудненій и неудобствъ, оставались еще безъ исполненія, и въ 1831 году послѣдовало даже Высочайшее повелѣніе пересмотрѣть дѣло во всѣхъ его отношеніяхъ; вслѣдствіе чего оно и поступило изъ Сената, какъ сказано, въ 1842 году, въ Совѣтъ. Здѣсь, въ соединенныхъ департаментахъ гражданскомъ и экономіи, одни члены отзывались, что какъ вопросъ рѣшенъ уже положительно въ указахъ 1802 и 1803 годовъ, то и должно земли и воды признагъ имуществомъ государственнымъ, оставивъ ихъ только во временномъ пользованіи нынѣшнихъ владѣльцевъ, до присканія удобнѣйшихъ и выгоднѣйшихъ способовъ къ устройству каспійскаго рыболовства; другіе члены, напротивъ, признавали, что какъ въ 1831 году велѣно пересмотрѣть дѣло, во всѣхъ его отношеніяхъ, то указы 1802 и 1803 годовъ, черезъ сіе самое, уже потеряли свою силу; а какъ права прибрежныхъ владѣльцевъ основаны всѣ на законныхъ способахъ укрѣпленія, то и должно оставить ихъ неприкосновенными. Въ общемъ собраніи Совѣта мнѣнія также раздѣлились, и 19 членовъ (въ томъ числѣ предѣдатель князь Васильчиковъ) стали за неприкосновенность правъ собственности, а 8 за неприкосновенность силы указовъ. Затѣмъ, для уразумѣнія нижеслѣдующаго, я долженъ сказать, что мнѣніе 19-ти членовъ состояло изъ трехъ частей, и означить, хотя кратко, содержаніе каждой изъ нихъ. Въ первой объяснялось, что Государственный Совѣтъ всегда не только въ правѣ, но и обязанъ представлять о неудобствахъ или затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ въ законахъ, и что если сіи послѣдніе, пока они существуютъ, должны быть свято исполняемы, то однако одно существованіе закона

никогда не почиталось препятствіемъ къ упомянутому представленію о его неудобствахъ, въ чемъ, напротивъ, заключается, отчасти, самое назначеніе Совѣта. Во второй части 19 членовъ приводили, что, въ настоящемъ собственно случаѣ, вопросъ этотъ представляется еще въ тѣснѣйшихъ предѣлахъ, или, лучше сказать, совсѣмъ отпадаетъ: ибо рѣшенъ уже повелѣніемъ 1831 г. Когда симъ повелѣніемъ указанъ пересмотръ дѣла во всѣхъ отношеніяхъ, то ясно, что должны быть пересмотрѣны и указы 1802 и 1803 годовъ, а если требовать приведенія ихъ въ дѣйствіе, безъ убѣжденія въ ихъ пользѣ и справедливости, потому лишь, что они законы существующіе, то останется неисполненнымъ повелѣніе 1831 года, — законъ, точно также существующій и еще болѣе обязательный, потому что онъ позднѣйшій. Наконецъ, въ третьей части доказывалась важность тѣхъ помѣщичьихъ правъ, которыя потрясены были указами 1802 и 1803 годовъ, и необходимость охранить эти права въ полной ихъ силѣ. На сихъ основаніяхъ 19 членовъ полагали: пересмотрѣть дѣло и постановить нужныя къ его разрѣшенію мѣры, единственно въ видахъ справедливости и общественной пользы, не стѣсняясь упомянутыми указами. Меморія о семъ разногласіи возвратилась отъ государя на другой же день съ слѣдующею собственно-ручною резолюціею: «Права помѣщиковъ немедленно пересмотрѣть, съ тѣмъ чтобы дѣло было непременно кончено къ 1-му сентября. Касательно же обязанности Совѣта представлять о неудобствахъ существующихъ законовъ, нужнымъ нахожу замѣтить, что рѣшеніе, которое по сему послѣдовать можетъ, разрѣшаетъ сей вопросъ только для будущихъ случаевъ, представиться могущихъ, но никогда не должно и не можетъ измѣнить рѣшенія дѣла, возбужденнаго подобнаго рода представленіе, которое рѣшиться должно по точному смыслу существующаго въ то время закона. Обратнаго дѣйствія никакой законъ имѣть не можетъ».

Эта резолюція не могла не поставить и меня и князя Васильчикова, которому я тотчасъ о ней донесъ, въ крайнее недоумѣніе. Обѣ ея части, взятыя отдѣльно, были вполнѣ логичны и правильны; но совокупное приложеніе ихъ къ настоящему собственно дѣлу, очевидно, представлялось невозможнымъ: ибо пересмотрѣть права владѣльцевъ нельзя было никакъ, какъ не стѣсняясь указами 1802 и 1803 годовъ, а рѣшить дѣло по закону существующему значило оставить означенныя права безъ пересмотра, такъ какъ они были уже уничтожены тѣми указами, составляющими еще, покамѣстъ, законъ существующій. Отъ сего объявленіе этой резолюціи Совѣту грозило новымъ разногласіемъ, уже не о существѣ дѣла, а о собственномъ ея (резолюціи) значеніи. Не могли бы истолковать въ свою пользу: по первой ея части 19, а по второй 8 членовъ, и обѣ стороны были бы нѣкоторымъ образомъ правы. Васильчиковъ находился въ совершенной нерѣшимости, ризковать ли

на такое непристойное новое разногласіе, по которому дѣло опять пошло бы къ государю уже съ вопросомъ: въ чемъ собственно состоитъ его воля? или же, остановивъ объявленіе резолюціи Совѣту, лично передоложить снова дѣло. Наконецъ, князь рѣшился на послѣднее и съ стѣсненнымъ сердцемъ поѣхалъ въ Царское Село; но все обошлось гораздо легче, чѣмъ мы предполагали. По первому слову князя государь сказалъ, что самъ замѣтилъ возможность недоразумѣнія отъ его резолюціи, но тогда уже, когда она была отослана.

— Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—самъ я имѣю очень ясную мысль по этому предмету. Сколько я ни уважаю память и волю покойнаго брата (въ указахъ 1802 и 1803 годовъ); но здѣсь не могу съ нимъ согласиться и хочу, чтобы каждому отдано было свое: слѣдственно, по этому дѣлу совершенно раздѣляю мнѣніе 19 членовъ; а что я написалъ далѣе, то относится не сюда, а къ той части (второй) вашего заключенія, гдѣ вы разсуждаете о порядкѣ представленія касательно неудобствъ законовъ вообще. Одно идетъ прямо къ настоящему дѣлу, а другое къ общему порядку.

Отозвавшись, что Совѣтъ, въ предметахъ тяжбныхъ, всегда такъ и поступаетъ, Васильчиковъ прибавилъ, что хотѣлъ только сперва удостовѣриться въ точномъ разумѣ высочайшей воли, чтобы при объявленіи ея Совѣту сообразно тому вразумить членовъ.

— Нѣтъ, этого мало: резолюцію надо перемѣнить, чтобы въ ней самой не было неясности.

— Такъ, не угодно ли вашему величеству прибавить только на верху, что вы соглашаетесь съ 19-ю членами?

— Опять такъ нѣтъ: это дѣло надо хорошенько сообразить; пришли мнѣ, что вы придумаете съ Корфомъ, я то и напишу.

Возвратясь изъ Царскаго Села, князь прислалъ за мною и, рассказавъ вышеприведенный разговоръ, поручилъ написать новую резолюцію, взявъ прежней, и при томъ тутъ же, у него въ кабинетѣ, для немедленной отсылки къ государю. Дѣло было не легкое, и князь клалъ меня на Прокустово ложе. Надлежало сказать тѣми же словами—другое, сохранивъ, по возможности, прежнюю редакцію, не укорачивая и не распространяя ее и придавъ вообще всему тотъ видъ, какъ будто бы оно вытекало изъ-подъ быстрого государева карандаша. Послѣ долгаго размышленія, я придумалъ написать такъ:

«Въ отношеніи къ настоящему дѣлу соглашаюсь съ мнѣніемъ 19-ти членовъ; почему и рассмотрѣть немедля права помѣщиковъ, не стѣняясь указами 1802 и 1803 годовъ, съ тѣмъ, чтобы дѣло было непременно кончено къ 1-му сентябрю. Касательно же обязанности Государственнаго Совѣта представлять о неудобствахъ существующихъ законовъ вообще, нужнымъ нахожу замѣтить, что заключенія его объ ис-

правленіи или пополненіи сихъ законовъ должны всегда разрѣшать встрѣтившійся вопросъ только на будущее время, но никогда не должны и не могутъ имѣть вліянія на рѣшеніе дѣла, возбужденнаго подобнаго рода представленіе: ибо какъ никакой законъ обратнаго дѣйствія имѣть не можетъ, то и всякое такое дѣло должно рѣшиться по точному смыслу существовавшаго въ то время закона».

Эту редакцію, чтобы придать дѣлу возможно меньшую формальность, я переписалъ на листкѣ почтовой бумаги, своею, извѣстною государю, рукою, и она была отправлена въ Царское Село, при коротенькой запискѣ Васильчикова. Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать. Государь выслалъ меморію со стертою прежнею резолюціею и написанною взамѣнъ ея новою по моей редакціи, въ которой онъ сдѣлалъ одну только перемѣну, и именно вмѣсто словъ: «касательно же», написалъ: «но касательно», безъ сомнѣнія для большей противоположности съ первою частію. Въ такомъ видѣ резолюція была объявлена Совѣту и не дала уже повода ни къ какому сомнѣнію; но важнѣйшее здѣсь—черта для исторіи. Императоръ Николай, самодержавный, безотчетный властелинъ полусвѣта, доступенъ былъ всякой правдѣ, всякому добросовѣстному убѣжденію, любилъ первую (какъ неоднократно высказывалъ то и передъ Совѣтомъ, и передъ разными комитетами) и покорялся послѣднему. И любовь его къ правдѣ была не однимъ словомъ, а дѣломъ и истинною! Многіе ли и изъ министровъ нашихъ согласились бы такъ уничтожить произнесенное единожды приказаніе и замѣнить его другимъ, не отъ нихъ самихъ исшедшимъ? И что сказали бы иностранные газетные врали, узнавъ такую черту къ характеристикѣ ославленнаго ими деспота Николая?

Высшее управленіе Петербургской столицы, при императорѣ Николаѣ, находилось весьма долгое время въ рукахъ такого человѣка, котораго менѣе всего можно было признать къ тому способнымъ. Я говорю о военномъ генераль-губернаторѣ графѣ Петрѣ Кирилловичѣ Эссенѣ. Послужный списокъ этого, въ то время уже старца, представлялъ такія блестящія страницы, что, перейди въ потомство однѣ эти страницы, исторія должна была бы поставить Эссена въ рядъ самыхъ примѣчательныхъ людей его вѣка. Изумительно - быстрая карьера, важныя назначенія, самыя щедрыя милости, изливавшіяся на него во все продолженіе его службы,—все это намекало на необыкновенныя дарованія и доблести, на испытанныя опытомъ искусство и знаніе дѣла, даже почти на нѣкоторую гениальность. А между тѣмъ мы, современники, которымъ вполнѣ извѣстна была степень его умственной высоты, искали и находили причину этой необыкновенной карьеры единственно въ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ и въ своевольной игрѣ фортуны, такъ часто отворачивающейся отъ людей истинно

даровитыхъ и дѣльныхъ и осыпающей своими дарами ничтожность и пустоту. Исторія должна быть неутомима и безпощадна, и потому, при всемъ уваженіи къ памяти человѣка, по своему характеру добраго и незлобиваго, можетъ быть отчасти и храбраго воина, не могу не сказать со всею искренностію, что Эссенъ, въ сущности, былъ самою злою каррикатурою на письменный его формуляръ, а карьера его была самою язвительною насмѣшкою надъ людьми, которые мечтаютъ приманить къ себѣ счастье—одними достоинствами.

Родомъ изъ бѣдной и незначущей Лифляндской фамиліи (совсѣмъ другой, нежели извѣстная Эстляндская фамилія Эссеновъ), нашъ Петръ Кирилловичъ былъ въ 1777 году, пяти лѣтъ отъ роду, записанъ по тогдашнему обыкновенію вахмистромъ въ Лейбъ-Кирасирскій баталіонъ,—игрушку, отданную Екатериною II въ полное распоряженіе наследника престола, великаго князя Павла Петровича, и послужившую разсадникомъ такъ называемымъ Гатчинскимъ, его любимцамъ в созданіямъ. Кратковременное царствованіе императора Павла, заставшее Эссена секундъ-майоромъ, оставило его, въ 28 лѣтъ отъ роду, генераль-лейтенантомъ, выборгскимъ военнымъ губернаторомъ, инспекторомъ финляндской инспекціи и шефомъ гарнизоннаго полка, съ Анненскою лентою, и владѣльцемъ пожалованныхъ ему двухъ сотъ крестьянъ. Все это онъ получилъ безъ другихъ видимыхъ заслугъ, кромѣ маловажнаго участія въ Швейцарскомъ походѣ 1799 года. Замѣчалъ ли Павелъ въ человѣкѣ, котораго такъ быстро возвышалъ, что-нибудь необыкновенное, или только желалъ вознаградить въ немъ Гатчинскую преданность и, съ тѣмъ вмѣстѣ, возвышеніемъ его унизить Екатерининскихъ временщиковъ? Послѣднее гораздо болѣе вѣроятно: ибо отъ умнаго императора не могла укрыться совершенная бездарность и ограниченность человѣка, который при томъ ничему никогда не учился и ничего не зналъ кромѣ нѣмецкой и русской грамоты, обѣ въ самой жалкой степени. Весьма примѣчательно еще одно обстоятельство: въ эти четыре года столь же быстрыхъ паденій, какъ и возвышеній, когда никто почти изъ извѣстныхъ императору лицъ не избѣгнулъ исключенія и отрѣшенія, хотя бы на короткое время, Эссенъ шелъ своимъ путемъ — дорогою, не бывъ даже ни разу отставленъ. Ему, въ отрицательности его, вѣроятно нечѣмъ было даже и прогнѣвить Павла. Послѣ перемѣны царствованія, бывъ назначаемъ сперва шефомъ разныхъ, попеременно, полковъ и потомъ начальникомъ разныхъ дивизій, онъ участвовалъ въ первой Французской, въ Турецкой и въ началѣ Отечественной кампаніи и во все это время также былъ осыпанъ непрерывными наградами, доведшими его, не далѣе февраля 1812 года, до Владимірской ленты. Въ концѣ 1816 года онъ былъ отчисленъ состоять по арміи, но не на долго: 19-го января 1817 года его назначили на важный админист-

стративный постъ, именно оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, командиромъ Отдѣльнаго оренбургскаго корпуса и управляющимъ гражданскою тамъ частію и пограничнымъ краемъ. Въ томъ званіи Эссень былъ пожалованъ: 1819 года января 1-го въ генералы-отъ-инфантеріи и декабря 31-го «за сбереженіе болѣе 1.300.000 руб. отъ продовольствія войскъ», милостивымъ рескриптомъ и 10.000 десятинами земли въ Оренбургской губерніи, а въ 1826 году еще арендою въ 3.000 р. сер. на 12 лѣтъ. Наконецъ въ 1830 году февраля 7-го карьера Эссена была блистательно увѣнчана назначеніемъ его с.-петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ и, въ слѣдъ за тѣмъ (апрѣля 18-го), членомъ Государственнаго Совѣта. Въ этихъ званіяхъ онъ пожалованъ: въ 1831 году табакеркою съ портретомъ государя, въ 1832 году перстнемъ также съ портретомъ, въ 1833 году «въ ознаменованіе особеннаго благоволенія за долговременную, отлично усердную и ревностную службу государю и отечеству» графскимъ достоинствомъ, въ 1834 году орденомъ св. Андрея, въ 1839 году производствомъ, вмѣсто аренды, въ теченіе 12 лѣтъ по 5.000 руб. сер. и наконецъ въ 1841 году алмазами къ Андрею. А между тѣмъ этотъ человѣкъ, безъ знанія, безъ энергіи, почти безъ смысла, упрямый лишь по внушеніямъ, состоялъ неограниченно въ рукахъ своего, привезеннаго имъ съ собою изъ Оренбурга, правителя канцеляріи Оводова, человѣка не безъ ума и не безъ образованія, но холоднаго мошенника, у котораго все было на откупъ и котораго дурная слава гремѣла по цѣлому Петербургу. Эссень лично ничего не дѣлалъ, не отъ недостатка усердія, а за совершеннымъ неумѣніемъ, даже не читалъ никакихъ бумагъ, а если и читалъ, то ничего въ нихъ не понималъ; Оводовъ же, избалованный долговременною безотвѣтственностію, давалъ движеніе только тому, что входило въ его интересы и расчеты. Приносить просьбы или жалобы военному генераль-губернатору по такимъ дѣламъ, по которымъ его правитель канцеляріи не былъ особо заинтересованъ, ни къ чему не вело, и въ такомъ случаѣ можно было ходить и переписываться цѣлые годы совершенно понапрасну. Зато едва-ли и встрѣчался когда-нибудь въ высшемъ нашемъ управленіи человѣкъ съ такою отрицательною популярностію, какую пріобрѣлъ Эссень, сдѣлавшійся, постепенно, мѣтою общаго презрѣнія и явныхъ насмѣшекъ, выражавшихся иногда—разумѣется иносказательно,—даже и въ печати ¹⁾. Все это, однако, относилось болѣе къ распорядку внутреннему или, такъ сказать, бумажному, оставалось, повидимому, сокрытымъ отъ государя, который, въ отношеніи къ вышнему поряд-

¹⁾ Такъ въ изданіи, выходящемъ въ 1842 году: „Сплетни“, была статья: „Всевидающее око“—прямая сатира, направленная противъ Эссена.

ку столицы, входилъ самъ во все и, при бодрственной внимательности своей, представлялъ своимъ лицомъ истиннаго высшаго начальника Петербургской столицы.

Въ 1829 году, когда въ Оренбургской губерніи впервые появилась холера, болѣзнь, въ то время еще совершенно новая и неслыханная въ Россіи, туда командированъ былъ флигель-адъютантъ Игнатьевъ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ донесъ государю о совершенной неспособности Эссена къ управленію столь важнымъ краемъ, для администраціи котораго преимущественно потребна была умная и сильная воля. Государь подумалъ и назначилъ Эссена с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, зная, что здѣсь мало куда годный старикъ будетъ подъ его рукою и непосредственнымъ надзоромъ, а затѣмъ только терпѣлъ его, по уваженію къ его лѣтамъ, безконечной службѣ, и—Андреевской лентѣ. Сверхъ того внутреннія дѣйствія Петербургской полиціи, извѣстныя дотолѣ лишь ихъ жертвамъ, начали подвергаться болѣе строгому контролю и обследованію только со времени вступленія въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Перовскаго. Обревизовавъ лично управу благочинія, новый министръ удостовѣрился въ невѣроятныхъ въ ней безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ и написалъ очень строгую по этому поводу бумагу оберъ-полиціймейстеру Кокошкину. Потомъ онъ обратился къ самому Эсену и, ссылаясь на дурную репутацію Оводова, изъяснилъ, сколько необходимо было бы, для отвращенія дальнѣйшихъ нареканій, удалить послѣдняго отъ должности. Наконецъ, по докладу Перовскаго объ оставленіи безъ отвѣта со стороны военного генералъ-губернатора семнадцати, по одному и тому же дѣлу, отношеній министерства, государь, въ іюнѣ 1842 года, приказалъ сдѣлать Эсену строгій выговоръ, а Оводова посадить на гауптвахту на три дня, изъ числа которыхъ онъ просидѣлъ, впрочемъ, только одинъ ибо на слѣдующій день праздновалось рожденіе императрицы (1-го іюля), что послужило поводомъ его выпустить. Дѣло стало проясняться. Вскорѣ на образъ управленія столицы долженъ былъ продлиться, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ одной его части, судебной—новый еще, всѣхъ ужаснувшій свѣтъ.

По замѣченному въ обоихъ департаментахъ С.-Петербургскаго дворнаго суда чрезвычайному, отъ собственной ихъ вины, накопленію дѣлъ, въ 1837 году признано было за нужное опредѣлить въ сіи департаменты новый комплектъ членовъ и секретарей, а изъ прежнихъ учредить два временные департамента, 3-й и 4-й, на такомъ основаніи, чтобы они окончили всѣ старыя дѣла въ теченіе двухъ лѣтъ, если же сего не исполнять, то продолжали бы свои занятія до совершеннаго окончанія тѣхъ дѣлъ, безъ жалованья.

Двухлѣтній срокъ истекъ въ апрѣлѣ 1839 года и хотя, по оставле-

ни затѣмъ членовъ и секретарей 3-го и 4-го департаментовъ при прежнихъ ихъ должностяхъ безъ окладовъ, надлежало ожидать, что дѣла будутъ скорѣе окончены, однако вышло совершенно противное. Въ 1840 и 1841 годахъ оба департамента были обревизованы вновь назначеннымъ въ Петербургъ гражданскимъ губернаторомъ Шереметевымъ и однимъ изъ высшихъ чиновниковъ министерства юстиціи, и ревизія ихъ, внесенная графомъ Панинымъ, въ концѣ 1842 года, въ Государственный Совѣтъ, представила такую картину, которую достаточно будетъ изобразить здѣсь и въ однѣхъ слѣдующихъ, главнѣйшихъ и наиболѣе разительныхъ чертахъ ея.

Въ 3-мъ департаментѣ оказалось нерѣшенныхъ дѣлъ 375, а неисполненныхъ рѣшеній и указовъ болѣе 1.500. Изъ числа трехъ присутствовавшихъ, судья, по старости лѣтъ и слабому здоровью, занимался чрезвычайно мало, одинъ засѣдатель умеръ, а другой постоянно рапортовался больнымъ и почти никогда не бывалъ въ судѣ. Изъ числа двухъ секретарей одинъ также умеръ, а другой, видя себя обреченнымъ служить неизвѣстное время безъ жалованья и не находя никакихъ средствъ къ пропитанію большой семьи, упалъ духомъ и при томъ рѣшительно не могъ ничего дѣлать, какъ отъ бездѣйствія и недостатка членовъ, такъ и отъ неповиновенія канцеляріи, которой безнравственность, по выраженію ревизоровъ, превзошла всякое вѣроятіе.

Въ 4-мъ департаментѣ нерѣшенныхъ дѣлъ оставалось до 600, а счета неисполненнымъ рѣшеніямъ и указамъ никто не зналъ; повѣрить же ихъ число не было возможности, потому что всѣ реестры, книги и проч. находились въ совершенномъ разстройствѣ. Секретарей не было совсѣмъ, и должность ихъ правила новытчики; нравственность канцеляріи была едва-ли лучше, чѣмъ въ 3-мъ департаментѣ; члены, хотя и находились на лицо, но ревизоры замѣчали, что они «ни мало не стѣсняются обязанностию служить безъ жалованья и готовы оставаться въ семь положеній еще на весьма долгое время». Въ обоихъ департаментахъ нѣсколько двигались тѣ дѣла, по которымъ просители имѣли ежедневное и настоятельное ходженіе, прочія же лежали безъ всякаго производства и разбора, вокругъ канцелярскихъ столовъ. Въ дѣлахъ конкурсныхъ публикацій дѣлались, вмѣсто того же самаго дня, когда признана была несостоятельность, черезъ нѣсколько послѣ того лѣтъ, а между тѣмъ департаменты распоряжались имуществомъ должника по своему произволу и съ такимъ же произволомъ дѣлили деньги между кредиторами, такъ что нѣкоторые успѣвали исходатайствовать себѣ полное удовлетвореніе, тогда какъ другіе, при тѣхъ же самыхъ правахъ, не получали ничего. Денежная отчетность была въ такомъ порядкѣ, что о находившейся въ судѣ частной суммѣ до 650.000 руб. потерянъ былъ всякій слѣдъ, кому именно она принадлежала и, вслѣд-

ствіе того, ее хранили подъ названіемъ суммы «неизвѣстныхъ лицъ»! Наконецъ, за всѣ эти дѣйствія, члены 3-го департамента были преданы суду три, а члены 4-го—двадцать четыре раза!

Картина эта, здѣсь только очерченная, была тѣмъ ужаснѣе, что мѣсто дѣйствія происходило въ столицѣ, въ центрѣ управленія, почти окно въ окно съ царскимъ кабинетомъ и еще въ энергическое правленіе Николая; и послѣ взгляда на нее, конечно, уже трудно было согласиться съ тѣми, которые находили лжившіяся не задолго передъ тѣмъ «Мертвыя души» Гоголя одною лишь преувеличенною каррикатурою. Сколько долговременный опытъ ни закалялъ престарѣлыхъ членовъ Государственнаго Совѣта противъ всевозможныхъ административныхъ ужасовъ, однако и они, при докладѣ этого печальнаго дѣла, были сильно взволнованы и, такъ сказать, въ себя. Что же должна была ощущать тутъ юная, менѣе еще ознакомленная съ человѣческими мерзостями душа цесаревича наслѣдника! Слушая нашъ докладъ съ напряженнымъ вниманіемъ, онъ безпреставно мѣнялся въ лицѣ.... Общее негодованіе увеличивалось еще тѣмъ, что виновные, за всѣ грѣхи ихъ до 16-го апрѣля 1841 года, покрывались щитомъ милостиваго манифеста, и кара закона могла коснуться ихъ только за позднѣйшія ихъ дѣйствія

Графъ Панинъ, доводя о всемъ вышеизложенномъ до свѣдѣнія Совѣта, предлагалъ: 1) 3-й и 4-й департаменты соединить въ одно присутствіе, наименовавъ его временнымъ надворнымъ судомъ (онъ мотивировалъ это тѣмъ, что въ одно присутствіе легче прискаты людей, чѣмъ въ два); 2) членовъ ихъ и секретарей увольять отъ службы, съ преданіемъ, за всѣ ихъ дѣйствія послѣ манифеста, суду; 3) увеличить штатъ, а назначеніе новыхъ членовъ и секретарей предоставить губернатору; 4) канцелярію составить изъ прежнихъ чиновниковъ (чтобы не ввѣрить дѣла лицамъ новымъ, вовсе съ ними незнакомымъ), уполномочивъ губернатора увольнять отъ службы тѣхъ изъ нихъ, которыхъ новые члены найдутъ неспособными или неблагонадежными; 5) временному суду о ходѣ своихъ занятій доставлять мѣсячныя вѣдомости въ министерство и въ губернскае правленіе; 6) для окончанія всѣхъ дѣлъ назначить ему трехгодичный срокъ и если порученіе сіе окончено будетъ съ успѣхомъ, то помѣстить чиновниковъ, въ свое время, къ другимъ соответственнымъ должностямъ и представить объ ихъ наградахъ.

Департаментъ законовъ принялъ эти мѣры безусловно, а общее собраніе Государственнаго Совѣта прибавило къ нимъ только, чтобы министръ юстиціи: во 1-хъ, удостовѣрять, были ли со стороны губернскаго правленія и губернскаго прокурора употребляемы должныя настоянія къ прекращенію описанныхъ безпорядковъ и, въ случаѣ безуспѣшности такихъ настояній, ограждали ли они себя отъ отвѣтственности надлежащими донесеніями по начальству, довелъ объ открывшемся до свѣ-

дѣнія Совѣта, и во 2-хъ, сообразилъ, не нужно ли принять особенныхъ мѣръ для ближайшаго надзора за дѣйствіями новаго суда, опредѣленіемъ ли къ губернскому прокурору особаго товарища, или иначе. Во все время происходившихъ объ этомъ сужденій нашъ простодушный военный генералъ-губернаторъ, по обыкновенію своему, совершенно безмолвствовалъ; но это никого не удивило. Чтѣ могъ сказать старикъ, всякій день и отовсюду обманываемый, менѣе знавшій о своемъ управленіи, чѣмъ многіе посторонніе, никогда не помышлявшій о мѣрахъ исправленія и, можетъ быть, тутъ лишь впервые услышавшій объ этихъ ужасахъ? Уже только послѣ засѣданія, когда большая часть членовъ развѣхалась, онъ замѣтилъ мнѣ наединѣ, «что могъ бы сказать многое, да не хотѣлъ напрасно тратить словъ; что и во всѣхъ другихъ здѣшнихъ судахъ такіе же беспорядки; что главною причиною—недостатокъ чиновниковъ, которые не являются даже по вызовамъ черезъ газеты, и что въ управѣ благочинія, можетъ статься, еще хуже».

Между тѣмъ журналъ былъ написанъ мною со всѣмъ жаромъ того справедливаго негодованія, которое выразилось между членами, и я съ горестнымъ любопытствомъ ожидалъ, когда и какъ сойдетъ меморія отъ государя, скорби впередъ о впечатлѣніи, которое она произведетъ на его сердце. Дѣйствительно, посвятить всю жизнь, всѣ помыслы, всю звергію мощной души на благо державы и на искорененіе злоупотребленій; неуклонно стремиться къ тому въ продолженіе 17-ти лѣтъ; утѣшаться мыслию, что достигнуть хотя какой-нибудь успѣхъ, и вдругъ— вмѣсто плода всѣхъ этихъ попеченій, усилій, цѣлой жизни жертвъ и заботъ—увидѣть себя передъ такою зіяющею бездною всевозможныхъ мерзостей, бездною, открывшеюся не сегодня, не вчера, а образовавшеюся постепенно, черезъ многіе годы, невѣдомо ему, передъ самымъ его дворцомъ—тутъ было отъ чего упасть рукамъ, лишиться всякой бодрости, всякаго рвенія, даже упасть въ человѣкопонавидѣніе.... Это глубокое сокрушеніе и выразилось, хотя кратко, но со всѣмъ негодованіемъ обманутыхъ чаяній, въ собственноручной резолюціи, съ которою возвратилась наша меморія.

«Неслышанный срамъ!—написалъ государь—безпечность ближняго начальства невмѣрна и ничѣмъ не извинительна; мнѣ стыдно и прискорбно, что подобный беспорядокъ существовать могъ почти подъ глазами моими и мнѣ оставаться неизвѣстнымъ».

Сверхъ того въ проектѣ указа, гдѣ говорилось (пунктъ 3-й), чтобы прежнихъ членовъ и секретарей «уволить» отъ службы, государь замѣнилъ это слово: «отставить». За всѣмъ тѣмъ, при характерѣ государя, мнѣ казалось, что эта резолюція—какъ-то безъ конца, т. е. безъ полнаго результата или развязки и что за нею должно послѣдовать еще что-нибудь другое, независимо отъ окончанія дѣла по Совѣту. Такъ,

дѣйствительно, и было. Государь, получивъ совѣтскую меморію 2-го декабря и прочитавъ ее вечеромъ, въ ту же минуту послалъ за военнымъ министромъ княземъ Чернышевымъ и велѣлъ ему внести въ приказъ объ увольненіи графа Эссена отъ должности. Все это сдѣлано было еще въ тотъ же вечеръ 2-го числа, такъ что когда меморія дошла до меня на слѣдующій день, Эссенъ былъ уже всемилостивѣйше уволенъ отъ должности военнаго генераль-губернатора, съ оставленіемъ только членомъ Государственнаго Совѣта; при чемъ не употребили даже обыкновенныхъ смягчительныхъ выраженій: «по просьбѣ», или «по болѣзни». Гнѣвъ государя былъ очень понятенъ, какъ равно и то, что онъ обрушился собственно на Эссена. Шереметевъ состоялъ губернаторомъ всего только еще второй годъ, и по его именно ревизіи и были открыты всѣ эти ужасы; главные виновники, члены и секретари, безъ того уже оставлялись и предавались суду, а степень отвѣтственности губернскаго прокурора могла опредѣляться только черезъ предназначавшееся Государственнымъ Совѣтомъ изслѣдованіе. Государь говорилъ многимъ, что винить не Эссена, а себя, за то, что онъ такъ долго могъ его терпѣть и оставлять на такомъ важномъ постѣ. Бывшій военный генераль-губернаторъ, послѣ увольненія своего, являлся во дворецъ два раза; но былъ допущенъ только во второй.

— Я ничего не имѣю противъ тебя лично—сказалъ государь—но ты былъ ужасно окруженъ.

Между тѣмъ 6-го числа, въ день своего тезоименитства, государь, добрый и въ самой строгости и всегда признательный къ долговременной, неомраченной никакими произвольными винами службѣ—глупость и бездарность не отъ насъ зависятъ—утѣшилъ бѣднаго старика пожалованіемъ ему, при милостивомъ рескриптѣ, своего шифра на эпюлеты и оставленіемъ при немъ всего прежняго содержанія, т. е. по 6.000 руб. въ годъ.

Разсказывая мнѣ самъ обо всемъ этомъ 6-го числа во дворцѣ, Эссенъ заключилъ такъ:

— Признаюсь, что милость царская искренно меня порадовала, снявъ тотъ срамъ, которымъ я былъ покрытъ передъ публикою. И скажите, ради Бога, зачѣмъ все это обрушилось на мнѣ одною, когда есть и губернскае правленіе, и губернский прокуроръ, и министръ юстиціи? При моей аудіенціи я объяснилъ мою невинность и вмѣстѣ трудность, въ которой находился дѣйствовать безъ чиновниковъ, которыхъ, какъ я вамъ сказывалъ, нельзя было дозваться даже чрезъ газеты. Вѣроятно, государь нашелъ мои доводы достаточными, потому что возстановилъ теперь опять мою честь. Но представьте, какіе есть злые люди въ свѣтѣ: государю донесли, что когда это дѣло слушалось въ Совѣтѣ, то я ничего не говорилъ. «Видно—сказалъ онъ мнѣ—ты ничего не нашелъ къ сво-

ему оправданію, потому что смолчалъ въ Совѣтъ»; а вѣдь вы сами вспомните, что я говорилъ съ вами послѣ засѣданія; Совѣту же что жъ мнѣ было еще объяснять, когда я самъ обо всемъ представилъ министру юстиціи и онъ лично тутъ находился? Впрочемъ, слава Богу, что моя должность перешла къ доброму и честному человѣку (генералъ-адъютанту Кавелину), настоящему христіанину, а мнѣ ужъ и такъ жить недолго.

Невозможно передать на бумагѣ того простодушнаго тона, съ которымъ все это было сказано, но разговоръ былъ неподобенъ своею наивностью.

— Теперь—прибавилъ Эссенъ—на свободѣ я могу прилежиѣе читать ваши совѣтскія записки, къ чему до сихъ поръ у меня недоставало времени.

Я совѣтовалъ ему не пріѣзжать на слѣдующій день въ Совѣтъ, гдѣ должна была объявляться резолюція государева. Онъ однакожъ не согласился.

— Какъ же мнѣ это сдѣлать? Вѣдь можно бы только подѣ предложить болѣзни; если же сказаться больнымъ, то нельзя пріѣхать и на дворцовый балъ вечеромъ (онъ былъ назначенъ, вмѣсто 6-го числа, 7-го), а тутъ, пожалуй, подумаютъ, что я обижаюсь.

На балѣ 7-го декабря, куда Эссенъ не преминулъ явиться, и императрица, и супруга наслѣдника цесаревича и всѣ великія княжны ходили съ нимъ польское, а государь, въ виду всѣхъ, почтилъ его продолжительною и милостивою бесѣдою.

Этимъ окончились судьбы графа Эссена, вскорѣ послѣ того (въ 1844 г.) умершаго; и какъ бы для сохраненія послужному его списку, до самаго конца, вида фантазмагорическаго призрака, столь противоположнаго дѣйствительности, надо же было, чтобы онъ заключился милостивымъ рескриптомъ и важною наградою (шифръ на эполеты) въ ту самую минуту, когда героя его удалили отъ мѣста за признанною неспособностію.

VIII.

1843 годъ.

Пятидесятлѣтіе службы князя Васильчикова и князя Волконскаго. — Балы въ концертной залѣ. — Маскарадныя разговоры. — Маскарадъ у князя Волконскаго — Уголовное дѣло Лагофета. — Второе издавіе Свода законовъ. — Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій. — Сумасшедшій полковникъ Богдановъ. — Постройки въ Петербургѣ.

1-го января 1843 года исполнилось 50 лѣтъ службы въ офицерскихъ чинахъ двумъ государственнымъ сановникамъ: министру императорскаго

двора князю Петру Михайловичу Волконскому и председателю Государственного Совѣта и Комитета министровъ князю Иларіону Васильевичу Васильчикову. Послѣднему нѣкоторые члены Государственного Совѣта думали было дать въ этотъ день обѣдъ отъ лица сего учрежденія; но государь отклонилъ ихъ мысль, отозвавшись, что такимъ образомъ праздновались до тѣхъ поръ юбилеи только врачей и ученыхъ. Засимъ все должно было ограничиться лишь однимъ церемоніальнымъ поздравленіемъ. Къ 10-ти часамъ утра вся государственная канцелярія и вмѣстѣ съ нею я, какъ ея начальникъ, собрался у председателя, въ парадной формѣ. Въ вестибюлѣ былъ поставленъ, по приказанію государя, почетный караулъ отъ Ахтырскаго гусарскаго полка ¹⁾ (состоявшій изъ отряда образцоваго полка, расположеннаго въ Павловскѣ), которымъ нѣкогда командовалъ юбиляръ. Мы были первыми поздравителями, и князь, принявъ привѣтствія чиновниковъ канцеляріи, удалился со мною въ свой кабинетъ. Вскорѣ, пока мы оставались еще вдвоемъ съ нимъ, доложили о фельдъегерѣ отъ военнаго министра. Въ привезенномъ имъ пакетѣ находился приказъ, которымъ Ахтырскому полку велѣно было именоваться впредь полкомъ «князя Васильчикова». Тутъ почтенный старецъ, уже и при нашей встрѣчѣ боронившійся съ умиленіемъ, не могъ болѣе удержаться отъ слезъ. Дѣйствительно, быть свидѣтелемъ и дѣятелемъ этого полустолѣтія, которое по важности совершившихся въ немъ событій равнялось нѣсколькимъ вѣкамъ; отслужить полвѣка неукоризненно, съ честію, популярностію и славою, достигнуть этой, рѣдкой въ человѣческой жизни грани съ не совсемъ еще угасшими силами, всѣми уважаемому и любимому; видѣть, наконецъ, среди общаго сочувствія, выразившагося еще наканунѣ многочисленными поздравленіями, данъ признательности могущественнѣйшаго монарха въ мірѣ—во всемъ этомъ было много высокой, истинной поэзіи!...

Около половины 11-го бѣгутъ съ извѣстіемъ, что ѣдетъ государь. Овъ прибылъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, обоими младшими своими сыновьями и многочисленною свитою андреевскихъ кавалеровъ, со всѣмъ, чтѣ было въ то время знатнѣйшаго и почетнѣйшаго въ нашей администраціи. Владыка полвселенной, окруженный своими дѣтьми и сановниками, пришелъ самъ привѣтствовать старшаго изъ своихъ подданныхъ съ полувѣковымъ совершеніемъ славнаго поприща. Князь встрѣтилъ его на лѣстницѣ, а я съ канцелярією въ аванзалѣ. Вслѣдъ за прїѣздомъ государя комнаты мгновенно наполнились генералами, всѣми офицерами гвардейскаго корпуса, которымъ нѣкогда также начальствовалъ юбиляръ, и

¹⁾ Императоръ Александръ прибавилъ: „когого князь Васильчиковъ былъ лефомъ“.

множествомъ стороннихъ посѣтителей. Нѣкоторые послѣ мнѣ сказывали, что принуждены были воротиться съ лѣстницы, за невозможностію пробраться на верхъ. Улица передъ домою представляла тоже любопытное зрѣлище: множество экипажей густо покрывало всю широкую Литейную, а на тротуарахъ толпилось еще большее число любопытствовавшихъ зрителей. Все имѣло видъ какого-то народнаго торжества... Государь пробылъ у князя минутъ десять, разговаривая то съ хозяиномъ, то съ гостями, а передъ отъѣздомъ нѣсколько разъ обнялъ и расцѣловалъ перваго. Приемъ гостей, безпрестанно вновь пріѣзжавшихъ, продолжался все утро. Обѣдать Васильчиковъ званъ былъ къ государю, и въ этотъ день младшая его дочь, ребенокъ лѣтъ десяти, пожалована во фрейлины, а одинъ изъ сыновей переведенъ изъ кирасировъ въ конную гвардію.

Нѣчто подобное было и съ другимъ юбиляромъ, княземъ Волконскимъ. За тѣснотою помѣщенія, которое онъ занималъ въ зимнемъ дворцѣ, гвардейскій корпусъ привѣтствовалъ его въ Гербовой (Бѣлой) залѣ, а высшія особы прочихъ вѣдомствъ — въ залѣ Петра Великаго. Государь самъ привелъ его туда, передъ тѣмъ какъ ѣхать къ Васильчикову. У него тоже былъ почетный караулъ отъ Бѣлозерскаго полка, которымъ онъ нѣкогда командовалъ ⁴⁾ и который тоже названъ въ этотъ день полкомъ «князя Волконскаго». Внуку его по дочери, шестилѣтній сынъ камергера Дурново, пожалованъ въ камеръ-пажи, а дочь старшаго сына, дитя трехъ мѣсяцевъ, получила званіе фрейлины. Разумеетсяъ, что и этотъ юбиларъ обѣдалъ у государя.

Спустя нѣсколько дней появилась въ газетахъ небольшая статейка, описывавшая оба юбилея, къ сожалѣнію очень ничтожная и сухая. Не дурнаго было въ ней только нѣсколько словъ о томъ, какъ князь Васильчиковъ принялъ поздравленіе государя. «Слезы на лицѣ посѣдлага война, безстрашно встрѣчавшаго смерть въ тысячахъ битвъ, несвязныя выраженія признательности изъ устъ, краснорѣчивыхъ и смѣлыхъ, когда надлежитъ сказать правду другу или врагу, были единственною данью въ отвѣтъ на милостивое вниманіе государя». И что довольно оригинально: князь сильно негодовалъ на эту статью за то, что въ ней было сказано, будто бы у него появились «слезы на лицѣ».

— Вотъ еще выдумали! — сказалъ онъ мнѣ — слезы: точно будто бы я расплакался; желалъ бы знать, кто видѣлъ эти слезы!

Можно было бы повѣрить словамъ старика, если бы онъ увѣрялъ въ томъ другихъ, а не меня, который точно видѣлъ эти слезы, и при томъ очень крупныя, и прежде прибытія государя, и во время его посѣщенія, и послѣ!

⁴⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „и заслужилъ св. Георгія 3-й степени; веда его лично въ атаку подъ Аустерлицемъ“.

Король прусскій, узнавъ о юбилеѣ обоихъ князей, прислалъ имъ брильянтовые знаки къ ордену Чернаго Орла, при собственноручныхъ рескриптахъ на французскомъ языкѣ, очень лестныхъ и прекрасно написанныхъ. Это дало поводъ къ презабавному анекдоту со стороны Васильчикова, начинавшаго, въ послѣдніе годы своей жизни, страдать частыми припадками разсѣянности и забывчивости. Волконскій показалъ свой рескриптъ императрицѣ, которая пожелала видѣть, за тѣмъ, и пожалованный Васильчикову. Однимъ утромъ, получивъ сперва приказаніе явиться къ князю для объясненій по нѣкоторымъ дѣламъ, я позже былъ увѣдомленъ, что онъ сейчасъ отправляется къ императрицѣ, а оттуда самъ ко мнѣ заѣдетъ. Онъ точно и пріѣхалъ, но въ положенія самомъ разстроившемъ, проклиная свою разсѣянность, отсутствіе памяти и пр.

— Что такое?

— Представьте себѣ, что, пріѣхавъ къ императрицѣ, чтобы показать ей мой рескриптъ, я, уже на половинѣ дворцовой лѣстницы, вспомнилъ, что оставилъ его дома. Ради Бога, пошлите за нимъ къ моему жевѣ, а я покажѣсь у васъ посижу.

Такъ и было сдѣлано, но, разумѣется, что въ этихъ пересылкахъ прошло много времени, въ продолженіе котораго императрица все напрасно ждала приглашеннаго ею къ себѣ гостя.

При императорѣ Николаѣ давались, обыкновенно по нѣскольکو разъ въ зиму, балы въ Концертной залѣ (это былъ официальный ихъ титулъ), составлявшіе середину между большими парадными балами и домашними вечерами аничкинскаго общества. На эти балы приглашались не по выбору, означавшему степень милости или пріближенности, а по званіямъ и степенямъ службы. Сверхъ дипломатическаго корпуса, всей «*maison militaire*», гвардейскихъ генераловъ и нѣсколькихъ полковыхъ офицеровъ, назначавшихся по наряду, въ списокъ лицъ на балы Концертной залы стояли: первые и вторые чины двора, министры, члены Государственнаго Совѣта, статсъ-секретари и первоприсутствующіе сенаторы департаментовъ и общихъ собраній. Изъ числа камергеровъ и камеръ-юнкеровъ приглашались только назначенные въ дежурство при дамахъ императорской фамиліи. Всѣ званые пріѣзжали въ мундирахъ. Балы начинались полонезами, въ которыхъ ходили государь съ почетнѣйшими дамами, а императрица, великія княгини и княжны съ почетнѣйшими кавалерами, и оканчивались, послѣ всѣхъ обыкновенныхъ танцовъ, ужиномъ (иногда танцы продолжались еще и послѣ ужина), съ музыкою, въ большой аванзалѣ (Николаевской залѣ), или въ Помпеевой галлерей, Арапской комнатѣ и ротондѣ, но въ такомъ случаѣ уже безъ музыки. Особенную прелесть такихъ баловъ, кромѣ возможной непринужденности, составляло то, что на время ихъ открывались и всѣ вну-

тренія комнаты императрицы: кабинетъ, почивальня, купальня и пр., верхъ роскоши и вкуса.

На послѣднемъ публичномъ маскарадѣ въ дворянскомъ собраніи передъ постомъ, одна дама, интригуя государя, спросила:

— *Quelle ressemblance il y avait entre un bal masqué et un chemin de fer?*

— *C'est que tous deux ils rapprochent*, отвѣчалъ онъ, ня на минуту не задумавшись ¹⁾.

Находчивость императора Николая въ частномъ разговорѣ была вообще очень замѣчательна, и молодыя женщины не могли не находить особенной прелести въ его бесѣдѣ. Какой-то иностранецъ сказалъ о немъ, что онъ никогда не искалъ нравиться. Если бъ и признать это правдою, то нельзя не сознаться, что сама природа дѣйствовала за него, и онъ не только нравился, но и обворожалъ каждого, кто видѣлъ и зналъ его въ короткомъ кругу, тѣмъ болѣе въ семейной и домашней жизни.

Сверхъ баловъ собственно въ государевыхъ дворцахъ, при императорѣ Николаѣ бывали еще и полупридворные балы у министра императорскаго двора князя Волконскаго. Въ техническомъ языкѣ нашего большаго свѣта ихъ называли «*bals des appanages*», потому что они давались въ домѣ министра удѣловъ, гдѣ въ прежніе годы жилъ министръ финансовъ графъ Гурьевъ, соединявшій въ своемъ лицѣ и званіе министра удѣловъ. Въ его время эти палаты бывали полны гостей 364 дня въ году, потому что Гурьевъ принималъ всякій день кромѣ страстной субботы. Но когда, послѣ его смерти, министерство удѣловъ вошло въ общій составъ министерства императорскаго двора и князь Волконскому отведено было помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ, прежній домъ остался только для чрезвычайныхъ пріемовъ, а прочее время стоялъ пустой и только что не на-глухо заколоченный. Впрочемъ, на удѣльныхъ балахъ, князь Волконскій хотя и давалъ свой титулъ и свою фамилію для пригласительныхъ билетовъ и разыгрывалъ роль хозяина, но, по-настоящему, принадлежалъ также къ числу гостей; ибо все тутъ было на иждивеніи двора: угощеніе, освѣщеніе, музыка, прислуга, даже и надѣтая на прислугу фамильная ливрея Волконскихъ. Прежде подобныя балы повторялись каждую зиму, но въ послѣдствіи они прекратились и уже только лѣтъ черезъ семь или восемь возобновились, въ 1843 году блестящимъ маскарадомъ, для заключенія ряда масляничныхъ празднествъ, въ тотъ годъ необыкновенно многочисленныхъ. Мы были званы—число всѣхъ приглашенныхъ простиралось до 500—къ 8-ми

¹⁾ — Какое сходство между маскированнымъ баломъ и желѣзной дорогой?
— То, что они оба сближаютъ.

часамъ въ домино и маскахъ; но потомъ это было отмѣнено, и тѣ, которые не участвовали собственно въ маскированіи, явились въ обыкновенномъ бальномъ нарядѣ. Маскарадъ состоялъ изъ полонеза, разныхъ кадрилией—индѣйцевъ, маркизовъ, швейцарцевъ и смѣшанныхъ. всѣхъ въ костюмахъ, но безъ масокъ—въ заключеніе которыхъ шли всѣ царственныя дамы и наконецъ сама императрица, въ богатѣйшихъ средневѣковыхъ нарядахъ, осыпанныхъ брильянтами и жемчугомъ. Этотъ полонезъ прошелъ нѣсколько разъ по заламъ, и потомъ начались танцы, впрочемъ не характерныя, а обыкновенныя, и не по кадрилиамъ, а въ пестрой смѣси. Изъ кавалеровъ были костюмированы только статскіе, потому что военнымъ общій нашъ порядокъ запрещаетъ другую одежду кромѣ форменной. Впрочемъ, государь и наследникъ были также въ полукостюмѣ, если не прямо маскарадномъ, то по крайней мѣрѣ рѣдко на нихъ виданномъ: первый въ пунцовомъ жупанѣ линейныхъ казаковъ (собственнаго его конвоя), наследникъ въ пунцовомъ же съ синимъ жупанѣ казаковъ черноморскихъ. Оба младшіе великіе князя были одѣты пажами среднихъ вѣковъ и, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими мальчиками въ такомъ же нарядѣ, участвовали въ характерномъ полонезѣ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ членовъ царской фамиліи въ обычномъ своемъ костюмѣ были только великіе князья: Михаилъ Павловичъ, въ артиллерійскомъ мундирѣ, и Константинъ Николаевичъ, въ уланскомъ. Танцевали въ двухъ смежныхъ залахъ, но съ особымъ въ каждой оркестромъ. Кромѣ того въ сѣняхъ передъ лѣстницею игралъ еще военный оркестръ, для приѣма гостей. Звуки этой разнохарактерной музыки; ослѣпительныя наряды дамъ, которыя, въ маскарадныхъ своихъ костюмахъ, казались другими и новыми; роскошно разсыпанные вездѣ цвѣты и зелень; великолѣпіе буфетовъ, убранныхъ царскимъ золотомъ и серебромъ—все это вмѣстѣ придавало празднику особую жизнь и особый колоритъ. Чтобы не затапчоваться въ посты, государь, уже во время бала, вдругъ велѣлъ тайно переставить всѣ стѣнные и столовые часы часомъ назадъ; такимъ образомъ ужинать подали въ половинѣ 12-го, а развѣзжаться стали въ началѣ 1-го, но въ сущности все это происходило часомъ позже. Для ужина пробить былъ проходъ въ смежное зданіе удѣльнаго училища и, сверхъ того, были еще накрыты столы въ нижнемъ этажѣ главнаго дома, такъ что всѣ 500 приглашенныхъ ужинали сидя.

Забылъ сказать, что много позабавилъ на этомъ вечерѣ и царскую фамилію и всю публику находившійся тогда въ Петербургѣ знаменитый французскій живописецъ Горасъ Верне. Уже во время полнаго разгара бала онъ вдругъ явился въ вывезенномъ изъ Египта *) одѣяннн тамошняго

*) Императоръ Александръ II исправилъ: „Алжира“.

солдата, съ подкрашенными лицомъ и шеєю, съ ружьемъ, трубкою, ма-
веркою и запасомъ лучинокъ, хлѣба, моркови и пр. Какъ живописецъ,
онъ умѣлъ мастерски гримироваться, а костюмъ его такъ полюбился
Михаилу Павловичу, что Верне тутъ же упросилъ великаго князя при-
нять, послѣ маскарада «*sa déguise*».

Въ Государственномъ Совѣтѣ производилось дѣло объ отставномъ
корнетѣ Лагофетѣ, который, живя и распутствуя у себя въ деревнѣ (въ
Тульской губерніи), растлвля 16-ти лѣтнюю крѣпостную свою дѣвку.
Три члена, не находя требуемыхъ закономъ доказательствъ, чтобы при
растлвнн употреблено было насиліе, полагали: Лагофета, за нарушеніе
помѣщичьей власти и развращенную нравственность, лишить чина и
дворянства, съ отдачею въ солдаты или съ ссылкой, въ случаѣ неспособ-
ности, на поселеніе. Но 28 членовъ (въ томъ числѣ и наслѣдникъ
цесаревичъ) находили, что если не доказано прямаго насилія при самомъ
актѣ растлвнн, то однако жъ воплнѣ доказана насильственность дѣй-
ствій, предшедшихъ этому акту и его приготовившихъ: увлеченіе дѣвки
изъ дому послѣ сопротивленія ея родителей, не упорствовавшихъ долѣе
лишь изъ покорности къ помѣщику, побои отцу и угрозы всему се-
мейству, наконецъ уклоненіе дѣвки, и потому они полагали: подсудимаго,
лишивъ чина и дворянства, сослать въ каторгу. Первое мнѣніе было
написано мною (въ званіи государственнаго секретаря) со всею силою
юридическихъ доводовъ, которые дѣйствительно склонялись въ пользу
Лагофета: ибо буква закона требуетъ доказательствъ насильственнаго
растлвнн, а здѣсь ничего этого не было, хотя, впрочемъ, по отноше-
ніямъ крѣпостной къ помѣщику едва-ли и быть могло. Но второе
мнѣніе я написалъ со всемъ сердечнымъ увлеченіемъ, внушеннымъ мнѣ
омерзѣніемъ къ гнусному поступку Лагофета. Тутъ упоминалось, между
прочимъ, что «если не было съ его стороны прямаго посягательства
силы физической, то было, очевидно, преступленіе едва-ли еще не
важнѣйшее—употребленіе во зло власти, ввѣренной помѣщику для
охраненія благосостоянія своихъ крѣпостныхъ, а не для удовлетворенія
преступныхъ его похотей». Далѣе говорилось, что эти члены «признають
воплнѣ соответственнымъ цѣли и разуму закона подвергнуть подсуди-
маго высшей степени опредѣленнаго наказанія, считая сіе необходимымъ
и въ видѣ примѣра: ибо подобные случаи обращенія помѣщиками без-
защитныхъ крестьянокъ въ жертву ихъ сладострастія, къ стыду чело-
вѣчества, все еще не рѣдко повторяются». По образу мыслей императора
Николая и извѣстному взгляду его на дѣла этого рода, я нп минуты не
сомнѣвался, что онъ утвердитъ послѣднее мнѣніе. Такъ и случилось,
но форма утвержденія еще превзошла мои ожиданія. Меморія возвра-
тилась съ слѣдующими собственноручными его замѣтками: противъ
первой изъ вышеприведенныхъ фразъ: «Святая истина, и это обстоя-

*

тельство одно составляетъ важность преступленія», и противъ послѣдней: «мнѣ весьма пріятно видѣть, что Государственный Совѣтъ взираетъ на дѣло съ настоящей точки. При существующемъ положеніи нашего гражданскаго устройства, необходимо, чтобъ помѣщичья власть обращена была единственно на благо своихъ крѣпостныхъ; злоупотребленіе же сей власти влечетъ за собою униженіе благороднаго званія и можетъ привести къ пагубнѣйшимъ послѣдствіямъ». Наконецъ на мнѣніи Совѣта, поднесенномъ къ собственноручной конфирмаціи, безъ которой никто не можетъ быть лишень дворянства, государь написать: «мнѣніе это переписать такимъ образомъ, чтобъ злоупотребленіе помѣщичьей власти было поставлено главною причиною приговора».

Первоначальное изданіе Свода законовъ (1832 года) было разсмотрѣно или по крайней мѣрѣ обсуждено въ его идеѣ Государственнымъ Совѣтомъ, въ присутствіи государя и съ необыкновенною торжественностію, какъ рассказано въ сочиненіи моемъ: «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ»¹⁾. Новое (второе) изданіе (1842 года) не имѣло этой торжественности и было ведено другимъ порядкомъ. Только нѣкоторые отдѣльные законодательные вопросы, встрѣтившіеся при ближайшемъ соображеніи статей, были внесены въ Государственный Совѣтъ и также только нѣкоторые отдѣльные уставы и учрежденія обращены, прежде напечатанія, на разсмотрѣніе подлежащихъ министерствъ; все прочее дѣлалось исключительно въ стѣнахъ II-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, отъ котораго, помимо Совѣта, поднесены были и проекты указовъ, подписанные 4-го марта 1843 года. Долго работали надъ этимъ изданіемъ, хотя, въ сущности, оно составляло лишь сводъ продолженій съ первоначальнымъ текстомъ; долго также и печатали его, хотя типографія II-го отдѣленія, по составу своему, есть многочислѣннѣйшая въ имперіи. Въ техническомъ отношеніи, второе изданіе вышло, впрочемъ, гораздо лучше и, особенно, компактнѣе перваго. Указы, какъ я уже сказалъ, были подписаны 4-го марта 1843 года, и съ того же времени началась рассылка экземпляровъ; оно названо «изданіемъ 1842 года», потому, что всѣ источники заключены этимъ годомъ, хотя и изъ числа вышедшихъ въ продолженіе его указовъ очень многіе, за разновременнымъ и частію уже давнимъ отпечатаніемъ нѣкоторыхъ томовъ, не могли войти въ это изданіе. Такимъ образомъ, если бы даже на другой день послѣ его выпуска собрать вышедшее, въ продолженіе его печатанія, то составилъ бы порядочный томъ. Это особенно было замѣтно въ тѣхъ частяхъ, гдѣ именно въ то время шла совершенная ломка,

¹⁾ См. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества“, т. 98

напримѣръ, въ уставахъ по главному управленію путей сообщенія и публичныхъ зданій. Второе изданіе свода представляло образованіе этого вѣдомства, какъ оно существовало еще при графѣ Толѣ, тогда какъ при его преемникѣ, графѣ Клейнмихелѣ, въ истекшіе съ тѣхъ поръ полгода, все было съизнова перестроено.

Левъ Алексѣевичъ Перовскій, по назначеніи его (въ 1842 году) министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратилъ неутомимую, можно сказать, лихорадочную свою дѣятельность преимущественно на Петербургскую столицу. Вникая во всё не только подробности, но и мелочи, онъ сталъ устанавливать таксы на хлѣбъ и мясо; заводить торговую и рыночную полицію, независимую отъ городской; слѣдить за булочниками, мясниками, аптекарями и даже лавочниками и подвергать ихъ безпрестаннымъ штрафамъ; ревизовать ремесленные управы; расцѣпывать скотъ на скотопригонной площадкѣ; запрещать продажу товаровъ, къ увеличенію ихъ вѣса, въ толстой оберткѣ; выгонять органы изъ трактировъ; раздавать извозчикамъ нумера и даже обязывать подписками ломовыхъ извозчиковъ взнуздывать лошадей,—словомъ, входитъ во многое, что должно было лежать собственно на квартальномъ, или городскомъ, такъ что многіе недоумѣвали, остается ли у министра, за этими мелочами, сколько-нибудь времени для высшихъ государственныхъ его обязанностей. Если отъ всѣхъ этихъ распоряженій и истекла какая-нибудь польза, то, разливаясь на одинъ классъ, она парализировалась и подавлялась для него другими, противоdѣйствовавшими ей мѣрами, которыя имѣли въ виду опять пользу втораго класса, точно также стѣснявшася предназначенными для третьяго, и такъ далѣе. Такимъ образомъ Перовскій, оказавшій важныя заслуги по управленію удѣлами, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, успѣлъ напротивъ составить себѣ, въ короткое время, огромную отрицательную популярность. Начальствующіе ненавидѣли его за стараніе отнять у нихъ хотя и противузаконный, но какъ бы освященный временемъ хлѣбъ, а промышленники—за то, что онъ стѣснялъ ихъ промыселъ. Въ Петербургѣ же, въ низшихъ слояхъ его населенія, почти каждый потребитель есть, вмѣстѣ, и промышленникъ, а высшія сословія слишкомъ мало расчетливы, чтобы одѣнать такія добрыя намѣренія и начинанія, и невольно приходило иногда на мысль сказанное какъ-то, задолго еще передъ тѣмъ, слово Канкрива, что если въ другихъ государствахъ революціи происходили отъ финансовъ, то въ Россіи онѣ когда-нибудь родятся отъ полиціи... Надобно, впрочемъ, прибавить, что Перовскій дѣйствовалъ, во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ, не черезъ обыкновенную городскую полицію, которую онъ терпѣть не могъ и всячески преслѣдовалъ, а черезъ свою контръ-полицію, составленную имъ, неофициально и негласно, изъ разныхъ чиновниковъ особыхъ порученій и мелкихъ по-

служивиковъ, между которыми онъ успѣлъ, какъ думалъ и всѣмъ говорилъ, найти много людей честныхъ и дѣльныхъ. Но и они, однако же, были люди, а Перовскому не было дано волшебной силы однимъ велѣніемъ своимъ пересоздать цѣлое поколѣніе. «Это, бачка, лишній съ насъ баранъ», сказалъ одинъ мордвинъ, когда въ земскій судъ, для удобства мѣстныхъ дѣйствиій, прибавили новаго засѣдателя, а въ Петербургѣ было тогда, вмѣсто одной полиціи, цѣлыя три: прежняя, по городскому штату, полиція III-го отдѣленія собственной канцеляріи и контр-полиція министра внутреннихъ дѣлъ. Военный генераль-губернаторъ Кавелинъ, старинный пріятель Перовскаго, бывшій съ нимъ на ты и между тѣмъ низведенный его дѣйствіями на степень лица безъ образа, говорилъ всѣмъ и каждому, что военный генераль-губернаторъ въ Петербургѣ—власть совершенно ненужная, которая правительству стоитъ только денегъ, а для дѣлъ и просителей составляетъ одно промедленіе, образуя лишнюю инстанцію. Оберъ-полиціймейстеръ Кокошкинъ былъ у Перовскаго не только не въ милости, но и въ явномъ гоненіи и послѣ всевозможныхъ придирокъ, почти ежедневно повторявшихся, министромъ было заведено, наконецъ, въ 1843 году, такое дѣло, которое направлялось, повидимому, къ рѣшительнымъ послѣдствіямъ. Если воровство и мошенничество не дошли еще въ то время въ Петербургѣ до такого классическаго развитія, какъ въ Парижѣ и Лондонѣ, то, однако же, сіи промыслы быстро распространялись и совершенствовались, а между тѣмъ къ ихъ пресѣченію или противодействию имъ не принималось никакихъ энергическихъ мѣръ. Отъ городской полиціи мало было помощи: она обыкновенно не находила ни похитителей, ни похищеннаго, и призваніе ея помощи вело обокраденнаго только къ новымъ тратамъ и хлопотамъ. Въ публикѣ она потеряла всякое къ себѣ довѣріе, особенно со времени разнесшихся по городу анекдотовъ, истинныхъ или вымышленныхъ, о томъ, что въкоторыя изъ числа краденныхъ вещей находимы были позже въ квартирахъ или на самихъ чинахъ полиціи. Перовскому удалось открыть, посредствомъ тайныхъ его агентовъ, цѣлыя шайки мошенниковъ, давно уже промышленныи своимъ дѣломъ, если не прямо подъ покровомъ, то по крайней мѣрѣ при терпимости полиціи. По распоряженію и докладу его схвачено и заключено было въ крѣпость, впредь до слѣдствія и суда, около ста человѣкъ подозрительныхъ и учреждена особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ жандармскаго генерала Полозова (честнаго и благороднѣйшаго человѣка) изъ трехъ флигель-адъютантовъ и нѣсколькихъ чиновниковъ со стороны министерства и военнаго генераль-губернатора. Ей поручено было удостовѣряться въ степени виновности cadaго изъ числа захваченныхъ, развѣдать ихъ связи и сообщниковъ, стараться получить отъ нихъ путеводную нить къ дальнѣйшимъ открытіямъ и при-

вести въ ясность, на какомъ основаніи нѣкоторые изъ этихъ людей, уже содержавшіеся въ полиціи по явному изобличенію въ воровствѣ, были выпущены оттуда безъ всякихъ послѣдствій. Этими дѣйствіями, несмотря на ихъ самовластіе, Перовскій пріобрѣлъ болѣе благодарности публики, чѣмъ распоряженіями касательно промышленности, и должно сказать, что агенты министерства дѣйствовали смышленѣе и успѣшнѣе полицейскихъ. Въ томъ же 1843 году обокрали магазинъ ювелира Шенка на 100.000 р. Друзья совѣтовали ему, разумѣется, заявить объ этомъ полиціи; но онъ махнулъ рукою и пошелъ прямо къ министру внутреннихъ дѣлъ. Перовскій позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и, отобравъ у него тутъ же разныя нужныя свѣдѣнія, велѣлъ явиться черезъ день; и—черезъ день все украденное было возвращено ему въ цѣлости и сполна. Такихъ анекдотовъ разсказывалось много.

Полковникъ Богдановъ, служившій прежде въ корпусѣ путей сообщенія, а потомъ перешедшій въ департаментъ военныхъ поселеній, человѣкъ очень умный и со свѣдѣніями, постепенно потерялъ рассудокъ отъ несправедливостей и притѣсненій, истинныхъ или казавшихся ему такими, перенесенныхъ имъ еще во время управленія путями сообщенія графа Толя. Это, въ апрѣлѣ 1843 года, дало поводъ къ трагикомической сценѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ. Богдановъ явился къ нему съ двумя пистолетами и кинжаломъ.

— Ваше превосходительство,—сталъ онъ говорить,—преслѣдуете и истребляете мелкихъ мошенниковъ, а между тѣмъ терпите безнаказанно главныхъ государственныхъ воровъ, какъ-то: Клейнмихеля и тому подобныхъ. Я пришелъ предложить вамъ мои услуги и содѣйствіе противъ нихъ и—вотъ оружіе, которымъ намѣреваюсь дѣйствовать: примите меня только поскорѣе подъ ваше начальство.

По самому свойству предложенія, Перовскій, разумѣется, тотчасъ догадался, съ кѣмъ имѣеть дѣло, но не бѣжалъ, а очень искусно обезоружилъ Богданова.

— Душевно радъ воспользоваться вашимъ предложеніемъ и сейчасъ же вручу вамъ записку къ вашему начальнику (директору департамента военныхъ поселеній генералу барону Корфу), чтобы онъ поскорѣе уволилъ васъ для причисленія къ моему министерству. Отнесите ее къ нему сами. Только, чтобы не угадали вашихъ намѣреній и чтобы не подвергнуться неприятностямъ, если вы явитесь на улицѣ съ запрещеннымъ оружіемъ, совѣтую вамъ ваши пистолеты и кинжалъ оставить пока здѣсь.

Богдановъ согласился и прямо отправился къ Корфу съ мнимой запискою о скорѣйшемъ своемъ увольненіи; но дорогою ему вздумалось ее прочесть, и онъ увидѣлъ—чистый лѣстъ бумаги! Тогда Богдановъ въ бѣшенствѣ отправился на первый унтеръ-офицерскій караулъ, по-

требовалъ тамъ, именемъ государя, часоваго съ заряженнымъ ружьемъ и прѣвѣжалъ съ нимъ къ Перовскому; когда же дежурный не пустилъ его въ кабинетъ, а Перовскій, выглянувъ оттуда на произведенный ихъ перемолвкой шумъ, заперся, то Богдановъ, протолкавъ дежурнаго въ другую комнату, затворилъ его на ключъ, часоваго же приставилъ къ кабинету, съ приказаніемъ стрѣлять по каждому, кто попытается туда войти, или оттуда выйти. Устроясь такимъ образомъ, самъ онъ побѣжалъ въ Зимній дворецъ и, по дорогѣ мимо Энгельгардтова дома, передъ которымъ, по случаю концерта въ немъ, находилась полиція, забралъ—опять именемъ государя—четырехъ жандармовъ и въ сопровожденіи ихъ явился на главную гауптвахту, требуя немедленнаго допущенія къ государю. Только послѣ долгихъ переговоровъ, явно обнаружившихъ его помѣшательство и имѣвшихъ послѣдствіемъ посылку за оберъ-полиціймейстеромъ, а потомъ за комендантомъ, удалось совладать съ нимъ и положить конецъ всей суматохѣ отсылкою его въ больницу. Между тѣмъ Перовскому стояло величайшихъ хлопотъ высвободиться изъ-подъ ружья приставленнаго къ нему часоваго, и потомъ онъ самъ очень живо и комически рассказывалъ мнѣ всѣ подробности этой продѣлки.

Часто, ходя и ѣздя по Петербургу, я ставлю себя на мѣсто прѣзжаго иностранца и, смотря на все его глазами, не могу довольно любоваться нашимъ великаномъ-красавцемъ. Но когда возвращаюсь опять на свою русскую точку, на точку зрѣнія Петербургскаго старожилы, то, къ восторгу моему отъ этихъ художественныхъ чудесъ, присоединяется и удивленіе всему тому, что выросло тутъ въ наше время, на нашихъ глазахъ, въ одно продолженіе 17-ти-лѣтняго царствованія императора Николая. Петербургъ конца 1825 и Петербургъ начала 1843 годовъ—два другіе города. И въ 1825 г., конечно, Петербургъ уже изумлялъ своими размѣрами и нѣкоторыми сооруженіями. Зимній дворецъ, академія художествъ, гранитная одежда Невы и каналовъ, рѣшетка Лѣтняго сада и разныя другія публичныя зданія и въ то время поражали всякаго. Но домъ княгини Лобановой-Ростовской, гдѣ теперь военное министерство, считался чудомъ и по огромности, и по архитектурѣ, а домъ Звѣркова у Кокушкина моста—чуть-чуть не египетскою пирамидою, теперь же едва-ли кто объ нихъ и упомянетъ въ числѣ чрезвычайнаго. Не говоря о томъ, что еще предположено или частію и начато, о томъ, что ковчигъ черезъ пять лѣтъ, черезъ годъ завтра—не станетъ ни бумаги, ни памяти для одного только исчисленія всего уже оконченнаго въ этотъ коротенькій періодъ времени, не равняющійся, по числу лѣтъ, даже періоду одного человѣческаго поколѣнія, а между тѣмъ славный, кромѣ произведеній зодчества, и

столькими колоссальными событіями. Постараюсь перечестъ лишь кое-что важнѣйшее, выпадающее мнѣ теперь на память, расположивъ мой перечень, для какого-нибудь порядка въ немъ, по фамиліямъ архитекторовъ:

Монферанъ. Александровская колонна.

Исаакіевскій соборъ, хотя еще неоконченный, но подвинутый такъ далеко, что онъ составляетъ уже нѣчто цѣлое.

Мельниковъ. Старообрядческая церковь святителя Николая на Грязной (нынѣ Николаевской).

Такая же церковь на Волковскомъ кладбищѣ.

Стасовъ. Преображенскій соборъ, возобновленный послѣ пожара.

Троицкій соборъ въ Измайловскомъ полку.

Соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ Смольномъ монастырѣ.

Триумфальныя ворота на Московскомъ шоссе.

Такія же у Нарвской заставы.

Дворецъ принца Ольденбургскаго.

А. Брюловъ. Михайловскій театръ.

Евангелическая церковь св. Петра на Невскомъ проспектѣ.

Зданіе главнаго штаба и министерства иностранныхъ дѣлъ на Дворцовой площади.

Пулковская обсерваторія.

Сверхъ того, совокупными трудами его и Стасова, баснословнсе возобновленіе Зимняго дворца.

Росси. Александринскій театръ.

Зданія Сената и Синода.

Огромныя два зданія отъ Александринскаго театра до Чернышева моста, вмѣщающія въ себѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и театральныя дирекцію и школу.

Александръ Тонъ. Домъ военнаго министра въ Малой Морской.

Константинъ Тонъ. Церковь Введенія въ Семеновскомъ полку.

Церковь св. Екатерины близъ Калинкина моста.

Церковь Вознесенія на Аптекарскомъ острову.

Памятникъ Кутузову и Барклаю передъ Казанскимъ соборомъ.

Набережная съ пристанью передъ Академіею художествъ.

Щедринъ. Пересооруженіе зданія 12-ти коллегій подъ университетъ и пр.

Императорская публичная бібліотека.

Павловъ. Совершенная перестройка зданій Воспитательнаго дома, составляющихъ почти цѣлый городъ.

Штакеншнейдеръ. Дворецъ великой княгини Маріи Николаевны.

Жако. Домъ дворянскаго собранія.

Кавось. Перестройка Большаго театра.

А если причислить еще къ этому списку обстройку цѣлой улицы, какова Михайловская, съ принадлежащею къ ней площадью; Аничкинъ мостъ; таможенные пакгаузы и весь кварталъ около биржи; множество зданій для больницъ, богоугодныхъ и учебныхъ заведеній; дома Петровской и Голландской церквей и частные дома въ родѣ: Жако, на углу Большой Морской и Кирпичнаго переулка; Лѣвникова, наискось оттуда; Лерхе, на углу Большой Морской и Гороховой; Бевобразова, на Фонтанкѣ у Симеоновскаго моста и множество другихъ, большихъ и меньшихъ, размѣстившихся по всѣмъ концамъ и угламъ Петербурга, то по истинѣ не вѣрится, чтобы все это возникло въ одномъ городѣ, и при томъ всего—въ 17 лѣтъ!

(Продолженіе слѣдуетъ)

Записка баварца о Россіи временъ императора Павла¹⁾.

(Переводъ съ французской рукописи).

IV.

Просвѣщеніе въ Россіи.—Подражательность русскаго общества.—Академія наукъ.—Цезурныя строгости.—Періодическія издавія. Театры.—Народное образованіе.—Учебныя заведенія.—Торговля.—Промышленность.—Фабрики и заводы.—Финансы Россіи.—Народонаселеніе.—Войско.—Заключеніе.

Въ Россіи до сихъ поръ была только слабая потребность къ просвѣщенію: вѣкогда въ ней не было настоящей къ нему склонности. Эта силою основанная имперія обязана своимъ удивительнымъ ростомъ массѣ средствъ, слабости своихъ сосѣдей и природной храбрости своихъ жителей. Читая исторію завоеванія Сибири, удивляешься при видѣ горсти казаковъ, покорившихъ громадную страну и остановившихся только у границъ Китая.

Живя по милости судьбы въ сосѣдствѣ съ просвѣщенными націями, Петръ Великій захотѣлъ тотчасъ перенести въ свой климатъ плоды болѣе счастливаго климата. Его дворъ былъ еще грубъ и половъ варварства, и остатки дикости проглядывали черезъ видимую цивилизацію. Каковъ же былъ результатъ стараній этого монарха и его преемниковъ? Тотъ, что русскій народъ, или, лучше сказать, высшій классъ русскаго народа, не просвѣтился на національныхъ началахъ, а сталъ настоящей иностранной колоніей. У высшаго дворянства и у жителей столицы нравы, языкъ, вкусы и привычки—французскіе. Это больше не русскіе люди. Ничто не указываетъ значительнаго прогресса въ національныхъ нравахъ. Русскій языкъ уже восемьсотъ лѣтъ тому

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1899 г.

назадъ былъ тѣмъ же, чѣмъ онъ теперь. Нѣсколько человекъ со вкусомъ и умомъ создали на этомъ языкѣ произведенія не безъ достоинства, но они ихъ не почерпнули изъ собственнаго источника. Это скорѣе подражанія иностранной литературѣ, чѣмъ характерныя національныя произведенія. Ломоносовъ, Сумароковъ, Шуваловъ ¹⁾ писали въ послѣднее время такъ, какъ пишутъ вездѣ; у Хераскова, автора «Россиады», болѣе смѣлый размахъ; но выборъ его героя, Ивана Васильевича, не позволилъ ему тѣхъ граціозныхъ вымысловъ, которые составляютъ прелесть поэзіи и которые бы слишкомъ протаворѣчили исторіи. Шуваловъ, авторъ «Посланія къ Нивонѣ», лучше писалъ по-французски, чѣмъ по-русски. Въ настоящее время Державинъ и Горчаковъ ²⁾ обогащаютъ отъ времени до времени національную литературу произведеніями не безъ нѣкоторыхъ достоинствъ; но все это не составляетъ цѣлаго, заслуживающаго вниманія иностранцевъ, и никакое русское произведеніе не можетъ облегчить иностранцу трудъ изученія славянскаго языка, самаго богатаго и, быть можетъ, самаго труднаго изъ всѣхъ.

Во все время моего пребыванія въ Петербургѣ, я ни разу не слышалъ разговора, касавшагося произведенія искусства или литературы, имѣвшаго бы отношеніе къ Россіи, если только я самъ не возбуждалъ его. Высшее дворянство, классъ, лучше всѣхъ воспитанный и наиболѣе образованный, не въ состояніи отдаться этому роду занятій, образуящему ученыхъ и хорошихъ писателей. Придворныя интриги и честолюбивые расчеты поглотаютъ его всецѣло. Путешествовавшіе русскіе привозятъ поверхностныя свѣдѣнія о стравахъ, въ которыхъ они были, и предпочтеніе тому или иному народу, основанное на личныхъ чувствахъ.

Женщины отличаются вообще пріятнымъ обхожденіемъ, ограниченнымъ умомъ, легкимъ оборотомъ рѣчи и любезными и непринужденными манерами. Большинство изъ нихъ воспитано гувернантками-француженками. Французскій языкъ сталъ настолько языкомъ общества, что дѣти съ самыхъ малыхъ лѣтъ начинаютъ его изучать и такимъ образомъ избѣгаютъ ошибокъ въ произношеніи, которымъ страдаетъ большинство иностранцевъ. Всѣ женщины *somme il faut* имѣютъ общія понятія о литературѣ, достаточныя для обращенія въ свѣтъ. Театръ, романы, легкія пьесы, текущая литература, — вотъ что наиболѣе имъ извѣстно.

¹⁾ Графъ Андрей Петровичъ (1744—1789), французскій стихотворецъ, согражданинъ Екатерины въ ея литературныхъ работахъ.

²⁾ Странно это сопоставленіе именъ Державина и Горчакова, столь характерное для иностранца. Горчаковъ, князь Дмитрій Петровичъ (1758—1824), нынѣ совсѣмъ забытый писатель, былъ членомъ Россійской академіи.

Въ мужчинахъ—меньше любезности и меньше поверхностнаго образованія, достаточнаго для бесѣды, но не для дѣла.

Петербургъ и Москва наводнены французскими авантюристами самаго мелкаго пошиба, выдающими себя за учителей, принимаемыми за таковыхъ и едва знающими основанія грамматики. Немного жаргона и наглости,—вотъ ихъ единственныя средства, и эти же свойства часто наблюдаются въ ихъ воспитанникахъ.

Русскіе вообще насмѣшливы, любятъ сарказмъ и эпиграмму; виѣшній умственный блескъ занимаетъ у нихъ почти всегда мѣсто дѣйствительнаго достоинства.

Рѣдко встрѣтишь русскаго, имѣющаго глубокія и солидныя познанія в глубокой и серьезный умъ. Слово «ученый» въ хорошемъ обществѣ почти синонимъ слова «педаггъ». На литератора, который только литераторъ, смотрять, какъ на бездѣльника или вовсе не обращаютъ вниманія.

Тѣмъ не менѣе существуютъ академіи, но онѣ скорѣе предметъ роскоши, чѣмъ необходимости. Я часто видѣлъ Николаи¹⁾, президента Академіи наукъ; это человекъ замѣчательнаго ума и одинъ изъ наиболѣе разностороннихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Онъ мнѣ разсказалъ много фактовъ, характеризующихъ крайнее ничтожество русскихъ по отношенію къ искусствамъ и наукамъ. Труды Академіи наукъ написаны по-латыни или по-французски, а не на народномъ языкѣ. Печатають только выдержки изъ трудовъ самыхъ замѣчательныхъ ея членовъ. У покойной императрицы былъ вкусъ къ прекрасному и честолюбіе литературной славы. Она объявляла преміи за лучшіе переводы латинскихъ авторовъ на русскій языкъ. Одинъ писатель, поощренный надеждой на вознагражденіе, принесъ Николаю переводъ Горация; тотъ спросилъ его, по какому изданію былъ сдѣланъ переводъ; переводчикъ отвѣтилъ, что онъ переводилъ не съ латинскаго, а съ французскаго изданія Дасье.

Желая познакомиться съ главными учеными Петербургской академіи, я попросилъ Николаи устроить мнѣ съ ними встрѣчу у него на обѣдѣ; онъ мнѣ отвѣтилъ, что слѣдуетъ назначить день для того, чтобы онъ могъ послать за ними карету, такъ какъ они не имѣли средствъ, чтобы ее нанять, и что разстоянія были такъ велики, что онъ ихъ почти никогда не видалъ у себя. День былъ назначенъ; онъ пригласилъ

¹⁾ Николаи, баронъ Андрей Львовичъ (Nicolaï Henrich Ludwig, р. 1737, † 1820, посредственный нѣмецкій поэтъ, преподаватель в. кн. Павла Петровича, а затѣмъ секретарь императрицы Маріи Θεодоровны. Въ царствованіе императора Павла, занимая должность президента Академіи наукъ, заботился только о личныхъ выгодахъ и о нѣмецкихъ членахъ Академіи, пренебрежительно относился къ русскимъ.

Лепехина и Ловица ¹⁾): одинъ изъ нихъ извѣстенъ своими путешествіями, другой—своими химическими опытами. Я никогда не видѣлъ людей, болѣе смущенныхъ своей особой, съ болѣе стѣсненными манерами и съ болѣе скромнымъ видомъ, чѣмъ они; съ трудомъ удалось мнѣ вытянуть у нихъ нѣсколько словъ, хотя Ловицъ навѣрное человекъ талантливый. Что же касается до Лепехина, я имѣю основаніе думать, что онъ гораздо ниже своей репутаціи, какъ ботаникъ и наблюдатель. Пораженный тѣмъ состояніемъ униженія, въ которомъ оставляютъ томиться образованныхъ людей, я высказалъ все мое удивленію Николаи. «Здѣсь все зависитъ отъ чина», отвѣчалъ онъ: «не спрашиваютъ, что знаетъ такой-то, что онъ сдѣлалъ или можетъ сдѣлать, а какой у него чинъ. При государѣ, который въ многочисленныхъ человѣческихъ знаніяхъ видитъ нѣчто страшное, такой порядокъ вещей не можетъ улучшиться. Для него ученый—человекъ подозрительный. Императоръ читаетъ мало и не любитъ, чтобы читали; большаго не вужно для того, чтобы вся Россія осталась невѣжественной». Нѣкій баронъ Кампенгаузенъ ²⁾, сынъ сенатора, началъ сочиненіе объ окрестностяхъ Петербурга и намѣревался распространить его описаніемъ различныхъ губерній. Это сочиненіе, наполненное пошлыми похвалами государю, какъ и сочиненіе Шторха ³⁾ о Петербургѣ, тѣмъ не менѣе содержало нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія, и хотя оно было посвящено императору, Кампенгаузенъ получалъ приказъ отъ полиціи прекратить его писаніе.

Цензура дошла до строгости, превосходящей всякое воображеніе, тѣмъ болѣе, что она ввѣрена самымъ невѣжественнымъ людямъ. Не разрѣшаютъ ввозить книги сухимъ путемъ. Тѣ, которыя приходятъ моремъ, должны быть представлены въ цензуру; въ тамъ держать мѣсяцевъ шесть, иногда цѣлыя годы. Перелистываютъ и расшиваютъ всѣ книги. Если встрѣчается отдѣльное слово, затрогивающее политику или религію,—этого достаточно для того, чтобы конфисковать все сочиненіе. Одно изданіе Монтескье было конфисковано потому только, что оно было помѣчено VII годомъ французской республики. Кохъ подписался на прекрасное изданіе Вианда, напечатанное въ Лейпцигѣ у Гешена; запоздали на 4 мѣсяца отсылкой его Коху и, вмѣстѣ съ тѣмъ, секвестровали цѣлый томъ, какъ содержащій неблагочестивыя вещи.

¹⁾ Лепехинъ, Иванъ Ивановичъ (1737—1802), естествоиспытатель, одинъ изъ первыхъ русскихъ ученыхъ, ознакомившихъ Россію научными экспедиціями съ ея естественными богатствами.—Ловицъ, Товій Егоровичъ (1757—1804), проф. химіи.

²⁾ Кампенгаузенъ, баронъ Балгаваръ Балтазаровичъ (1772—1823), при Александрѣ I государственный контролеръ.

³⁾ Шторхъ, Андрей Карловичъ (1766—1834), впоследствии вице-президентъ Академіи наукъ, политико-экономъ.

Въ Россіи нѣтъ никакого періодическаго литературнаго изданія, кромѣ моднаго журнала, и ни одной иностранной политической газеты, кромѣ Гамбургской, Франкфуртской и Цвейбрюкенской, и часто случается еще, что въ этихъ газетахъ вырваны дѣлые столбцы, какъ содержащія вещи, способныя потревожить общественное мнѣніе. Во всей Россійской имперіи только двѣ газеты: одна печатается въ Москвѣ, другая—въ Петербургѣ. Меня увѣрили, что есть литературный журналъ, выходящій въ Москвѣ, но мнѣ невозможно было достать его у кого бы то ни было въ Петербургѣ.

Редактированіе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» поручено президенту Академіи наукъ. Доходъ, приносимый ими, идетъ въ пользу этого учрежденія. Николай изъ боязни скомпрометтировать себя, просилъ, чтобы весь политическій отдѣлъ прислали изъ департамента иностранныхъ дѣлъ, чтобы ему не быть за него отвѣтственнымъ. Это и было сдѣлано. Эта газета, выходящая два раза въ недѣлю, наполнена на $\frac{3}{4}$ именами смѣщенныхъ или назначенныхъ офицеровъ. Политическія статьи лишены всякаго интереса; тѣмъ не менѣе ихъ интересно читать, чтобы видѣть, чтó правительство желаетъ, чтобы знали, и чего оно не хочетъ, чтобы знали. Въ этой газетѣ печатаются также отвѣты Неплюева, секретаря кабинета, на прошенія, которыя были прямо адресованы императору. Эти отвѣты любопытны. Это столь превозносимое распоряженіе на самомъ дѣлѣ призрачно, потому что секретарь кабинета, Неплюевъ, уполномоченъ читать эти письма, а онъ ихъ читаетъ, какъ хочетъ. Отвѣты слѣдуютъ безъ большаго разсмотрѣнія и болѣе чѣмъ на сто я едва насчиталъ одинъ, который не былъ отрицательный.

Я не упоминаю объ одномъ скверномъ французскомъ журналѣ, называемомъ «Journal littéraire de Pétersbourg». Это сборникъ стиховъ, редактируемый эмигрантомъ-риемоплетомъ Гастономъ, который зарабатываетъ этимъ хлѣбъ и пользуется этимъ средствомъ, чтобы портить вкусъ у публики своими пошлыми произведеніями.

По всему этому можно судить, что торговля книгами, раньше столь значительная, въ Россіи теперь почти не существуетъ. Никто больше не выписываетъ, да и не можетъ выписывать книги. Въ Петербургѣ даже не подозрѣваютъ того, чтó творится вѣкъ его, и, если, какъ нужно надѣяться, эти странныя преграды будутъ когда-нибудь сняты, то русскимъ нужно будетъ много трудиться, чтобы познакомиться съ тѣми литературными произведеніями, которыя теперь наводняютъ Европу.

Тѣмъ не менѣе императоръ называется покровителемъ Академіи. Онъ любитъ поэзію и театръ. Но все то, что ново, его пугаетъ. Театръ также не имѣетъ ничего національнаго. Почти всѣ пьесы—переводы съ нѣмецкаго или французскаго, большинство посредственныхъ. Актеры также почти всѣ плохи. Такъ какъ яѣтъ ободренія, то они прозябаютъ

въ тѣни. Пѣвцы не лучше. Одинъ только есть въ русской оперѣ, въ комъ я замѣтилъ признаки таланта. Національная музыка самобытна, но, по своему характеру, она слишкомъ однообразна и не можетъ развиваться, чтобы стать предметомъ искусства.

Живопись, скульптура не представляютъ ни одного художника, заслуживающаго быть названнымъ. Почти всѣ, о которыхъ разсказываютъ, какъ о талантливыхъ русскихъ людяхъ, иностранцы. Палласъ и Ловицъ—иностранцы, также Шторхъ, Георги, Крафтъ, Германъ и Говзага-Гваренги.

Архитектура болѣе, чѣмъ всякое другое искусство, процвѣтала въ Петербургѣ. Всѣ дома прекрасны, имѣютъ величественный видъ и многіе хорошо устроены; несмотря на это, нѣтъ ни одного памятника (?); кромѣ банка, всѣ зданія выстроены изъ кирпича, покрытаго известкой. Это разрушаетъ всю красоту скульптуры и отдѣлки. Невозможно при такомъ матеріалѣ придать линиямъ, угламъ и контурамъ ту чистоту и законченность, которую представляютъ зданія изъ тесаннаго камня или мрамора. Видъ Петербургскаго дворца (Зимняго) величественъ и поражаетъ съ перваго взгляда; но отдѣлка не выдерживаетъ никакой критики знатока.

Императоръ даетъ 1.800 рублей въ годъ несчастному писакѣ, называемому президентомъ Кастельно (le président de Castelnau), который является въ нѣкоторомъ родѣ поэтомъ русскаго государя. Этому чело-вѣку порученъ просмотръ театральныхъ пьесъ и составленіе программъ балетовъ. Ничто не можетъ сравниться съ нелѣпостью послѣднихъ, развѣ только высокоуміе, съ которымъ онъ о нихъ говоритъ. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ, что самой трудной работой для него было исправленіе сценъ изъ Расина и Корнея, которые устарѣли! Онъ увѣрялъ, что даже Вольтеръ начинаетъ становиться отсталымъ. Выборъ подобныхъ болвановъ достаточно уясняетъ положеніе литературы въ странѣ.

Императоръ, запрещая своимъ подданнымъ отправлять дѣтей въ заграничныя университеты, поступилъ бы мудро, если бы въ то же самое время привялъ мѣры къ улучшенію системы народнаго образованія въ Россіи. Но именно этого и не было сдѣлано; императоръ меньше старается о распространеніи свѣта просвѣщенія, чѣмъ о пресѣченіи его распространенія. Человѣку, увлеченному идеей превосходства деспотическаго правленія, нужны раболѣпные, а не просвѣщенные подданные. Императоръ думаетъ, что съ русскими надо обращаться, какъ съ скотиной.

Въ дѣйствительности невозможно, чтобы какая-нибудь великая или либеральная идея возникла у людей, постоянно угнетаемыхъ жестокою властью, униженныхъ презрительнымъ обращеніемъ съ ними. Въ Петербургѣ существуютъ учрежденія для образованія юношества, планы и

цѣли которыхъ очень хорошо задуманы. Кадетскій корпусъ, институтъ благородныхъ дѣвицъ, также Сиротскій, имѣють дѣйствительную цѣну и снабжены учителями не безъ достоинства. но со всѣмъ тѣмъ здѣсь не встрѣтишь ни того солиднаго образованія, ни того соревнованія, которыми характеризуются школы Англіи, Франціи и Германіи.

Эти учрежденія плоды дѣятельности правительства, хотѣвшаго скорѣе показать свое стремленіе къ просвѣщенію, чѣмъ его дѣйствительно распространять. Россія цивилизовалась не сама собою; она нашла вполнѣ готовую цивилизацію у другихъ, она приняла ее по мелочамъ и, такъ сказать, кусочками; цѣлое же осталось грубымъ. Результатомъ чего явилось то, что въ Россіи не было, такъ сказать, народной цивилизаціи, и почти весь народъ остался варварскимъ, между тѣмъ какъ высшій классъ сталъ въ нѣкоторомъ родѣ чужимъ среди самой Россіи. Поэтому въ такъ называемомъ хорошемъ обществѣ вы не найдете никакой истинной національной окраски. Я уже обращалъ вниманіе на то, что русскій языкъ остался тѣмъ же, какимъ былъ 10 вѣковъ тому назадъ. Говорятъ, что этотъ языкъ богатъ, т. е. что онъ имѣетъ много словъ, но это все равно, что обширный складъ, наполненный товарами, которыми не пользуются. Количество словъ не доказываетъ богатства языка; это часто доказательство сухости воображенія, которое, не сѣмѣвъ схватить отношеній, установленныхъ природой вещей между дѣйствительными и отвлеченными предметами, создаетъ для каждой вещи новое, независимое, отдѣльное выраженіе, вредящее легкости мысли и разрушающее гармонію мысли, составляющую прелесть языка.

Что же касается до общественныхъ учрежденій, то почти всегда иностранцы наблюдаютъ за ними и управляютъ ими. Содержаніе этихъ учрежденій превосходно. Сама императрица надзираетъ за воспитательнымъ домомъ и институтомъ благородныхъ дѣвицъ; но это самое доказываетъ, что ничего нѣтъ національнаго въ учрежденіи, нуждающемся для своего процвѣтанія въ попеченіи самого государя. Дѣйствительно, кромѣ Петербурга и Москвы, всѣ учрежденія такого рода только очень посредственны. Къ тому же нельзя судить о всемъ государствѣ по тому, что видишь въ столицѣ. Тамъ, на глазахъ у императора, безчисленныя учрежденія создались вождствіе его щедрости или частныхъ пожертвованій богачей; но ихъ надо разсматривать скорѣе какъ предметъ роскоши, чѣмъ дѣйствительной необходимости. Московскій университетъ почти совсѣмъ заброшенъ: съ 1769 года не покупали ни одной книги для его бібліотеки. Въ Петербургѣ получаютъ образованіе воспитанники всѣхъ сословій и по всѣмъ специальностямъ. Медицина, хирургія, акушерство, всѣ науки, имѣють штатныхъ и частныхъ профессоровъ, изъ которыхъ нѣкоторые не безъ

достоинствъ. Но въ акушерской клиникѣ только 70 воспитанниковъ; въ другихъ пропорціонально этому. Что это для всей Россіи? Говорятъ объ образованіи въ провинціяхъ; но можно себѣ представить, что оно еще хуже, чѣмъ въ Петербургѣ. Ливонія—единственная изъ всѣхъ частей государства, въ которой образованіе наиболѣе распространено, но Ливонія принадлежитъ Россіи только 90 лѣтъ. Что же касается до вельможъ и до людей богатыхъ, то они воспитываютъ своихъ дѣтей съ помощью частныхъ (русскихъ?) воспитателей. Отсюда больше цѣлности, системы и задатковъ національнаго духа.

Россія ведетъ очень обширную торговлю, и до сихъ поръ торговый балансъ былъ въ ея пользу, т. е. иностранные народы были всегда обязаны возмѣщать деньгами часть полученныхъ отъ нея естественныхъ богатствъ. Ни одна страна въ свѣтѣ, исключая Китая, не обладаетъ такимъ громаднымъ количествомъ важныхъ предметовъ торговли, взятыхъ изъ собственныхъ естественныхъ богатствъ. Зерновой хлѣбъ, пенька, лѣсъ, мѣдъ, желѣзо, льняное масло, смола, варъ, сало, мѣха составляютъ главнѣйшіе предметы вывоза. Существуютъ и второстепенные, тѣмъ не менѣе представляющіе большую цѣнность. Георгія и Шторхъ представляютъ очень подробныя таблицы этихъ различныхъ предметовъ, и я долженъ здѣсь воспользоваться ихъ указаніями. Большинство этихъ продуктовъ подвозятся къ берегамъ Волги. Эта прекрасная рѣка судоходна почти на всемъ своемъ громадномъ протяженіи и распространяетъ благосостояніе на всю Россію. Оцѣнивали въ 300 милліоновъ рублей стоимость всѣхъ продуктовъ Россіи до послѣднихъ раздѣловъ Польши. Сумма вывоза равняется около 20 милліоновъ рублей; сумма ввоза—16 милліоновъ. Таблицы Беттихера объ этомъ предметѣ видимо преувеличены, и по болѣе достовѣрнымъ даннымъ, которыя я себѣ досталъ, до перваго раздѣла Польши сумма вывоза никогда не превышала 17 милліоновъ. Я беру крайнія цифры, оцѣнивая вывозъ въ настоящее время въ 20 милліоновъ. Съ другой стороны, ввозъ увеличился по мѣрѣ возрастанія роскоши, и торговый балансъ настоящаго времени могъ быть въ пользу Россіи только на 2 милліона 900 тысячъ рублей. Государственная казна выигрываетъ при этомъ увеличеніи ввоза, но государство отъ этого теряетъ. Но тѣмъ не менѣе прогрессъ русской промышленности былъ удивителенъ въ теченіе этого столѣтія. Первое судно вошло въ Петербургскій портъ въ 1703 году; это было голландское судно. Въ 1742 году вывозъ изъ этого города дошелъ до 2½ милліоновъ, въ 1763 году—до 5 милліоновъ. Въ настоящее время его можно смѣло исчислить до 9—10 милліоновъ. Нѣкоторые статистики доводятъ его до 11 милліоновъ, но эта оцѣнка невѣрна. Одна Вѣнская газета считаетъ стоимость вывоза изъ одного Петербурга въ 36 милліоновъ и въ 29 милліоновъ—ввоза. Но подобныя исчи-

сленія не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія: 1) Эта же самая газета замѣчаетъ, что въ 99 году въ Петербургъ прибыло на 200 судовъ менѣе, чѣмъ въ 98-мъ: число ихъ доходило только до 700 съ чѣмъ-то, а между тѣмъ она же оцѣниваетъ стоимость вывоза выше, чѣмъ въ предшествовавшіе годы. 2) Всезъ относится къ вывозу какъ 2:3, что противорѣчитъ всѣмъ свѣдѣніямъ, подтвержденнымъ записями и менѣе подозрительными авторами, писавшими о Россіи. 3) Если торговля Петербурга доходила бы до 30 милліоновъ, то всей Россіи должна была бы дойти до 80 милліоновъ, а самыя точныя данныя указываютъ не болѣе какъ на 27¹/₂ мил. Я останавливаюсь на этой статѣ лишь для того, чтобы показать, какъ мало можно довѣрять газетнымъ исчисленіямъ.

Въ Петербургѣ въ дѣйствительности производится половина всѣхъ торговыхъ оборотовъ Россіи, въ Ригѣ—одна шестая. По послѣднимъ распоряженіямъ только эти два порта открыты для привозныхъ товаровъ. Князь Гагаринъ только-что открылъ для торговли Ревельскій портъ и добился снова разрѣшенія для вывоза лѣса. Эти операціи очень выгодны для Россіи, много страдавшей отъ неопытности его предшественниковъ и отъ недостатковъ предшлѣдняго тарифа. Императоръ запретилъ вывозъ лѣса для того, чтобы помѣшать французамъ выстроить флотъ. Этотъ недуманный приказъ, существовавшій около двухъ лѣтъ, нанесъ значительный вредъ торговлѣ Россіи. Между другими городами Нарва особенно сильно пострадала. Застой, явившійся слѣдствіемъ этого, былъ тѣмъ болѣе чувствителенъ, что иностранныя суда, приходившія за грузомъ лѣса, брали также и мѣдь, для того чтобы имѣть товаръ большого вѣса и малаго объема рядомъ съ товаромъ малаго вѣса и большаго объема и тѣмъ пополнить свой грузъ. Съ той минуты, какъ одинъ изъ этихъ предметовъ былъ воспрещенъ, необходимости въ пополненіи груза болѣе не существовало, и иностранцы, не ожидая достаточныхъ выгодъ, совершенно оставили этотъ родъ торговли. Въ царствованіе нынѣшняго императора торговля постоянно подвергается случайностямъ такого рода, такъ какъ императоръ слѣдуетъ только своимъ чувствамъ, не соображаясь съ интересами страны. Добыча изъ сибирскихъ рудниковъ равна отъ 1.200 до 1.300 пудовъ серебра и до 40 пудовъ золота. Пудъ соотвѣтствуетъ 32 французскимъ фунтамъ. Это составляетъ цѣнность около 8 милліоновъ ливровъ. Около 30.000 человекъ заняты разработкой руды. Мѣдь и желѣзо, какъ серебро и золото, перевозятся большею частью въ Петербургъ, и очень небольшая часть отсылается въ Персію черезъ Каспійское море. Часть золота и серебра, также какъ и пушнаго товара, служитъ предметомъ обмѣна съ китайцами. Путь, проходимый продуктами Сибирскихъ рудниковъ, заслуживаетъ быть указаннымъ; любопытно прослѣдить его по картѣ. Селенга принимаетъ ихъ и доводитъ до Байкала, изъ котораго они по Ангарѣ пере-

*

ходятъ въ Енисей и оттуда черезъ Обь въ Тоболь. Оттуда она проходитъ 400 верстъ сухопутно до Чусовой, изъ этой рѣки въ Каму, а изъ этой въ Волгу. Изъ послѣдней она проходитъ по Вышне-Волоцкимъ шлюзамъ на Волховъ, затѣмъ черезъ Ладожское озеро и Шлиссельбургскій каналъ въ Неву и Петербургъ. Дяна это перехода пугаетъ воображеніе. Если бы Россія не была такъ счастливо прорѣзана рѣками и каналами, было бы невозможно вести черезъ ея обширныя пустыни сколько-нибудь значительную торговлю. Было бы желательно, чтобы снова взяли за проектъ соединенія Дона и Волги, проектъ, надъ осуществленіемъ котораго первый работалъ Селимъ I, осуществить который снова пытался Петръ I и который съ тѣхъ поръ оставленъ. Одно изъ средствъ, облегчающихъ сообщеніе между различными частями этой обширной страны, есть санный путь. Въ странѣ, покрытой постояннымъ снѣгомъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ въ году, переѣзды совершаются очень быстро и съ малыми издержками. Петербургскій рынокъ снабжается припасами изъ мѣстностей, находящихся на разстояніи 900 верстъ отъ столицы. Въ теченіе декабря и во время Рождества площадь Александра Невскаго покрыта цѣльными животными, заколотыми и мороженными, быками, свиньями, баранами, птицей, которые на савахъ прошли это громадное разстояніе. Рыба такимъ же самымъ способомъ привозится совершенно мороженой съ Волги и изъ Архангельска; нужно быть такимъ скромнымъ народомъ безъ всякихъ потребностей, такъ легко удовлетворяющимся самымъ ничтожнымъ заработкомъ, чтобы дѣлать подобные переходы; если хорошенько подумать, то можно понять, что этотъ способъ снабженія продуктами города, населеніе котораго не превышаетъ 290.000 человекъ, есть скорѣе доказательство бѣдности, чѣмъ изобилія.

Торговля Архангельска еще довольно значительна лѣсомъ и мѣдью; но съ тѣхъ поръ, какъ въ петербургскихъ складахъ собраны почти всѣ провзведенія Ингерманландіи, архангельская морская торговля значительно упала. Дѣйствительно, чтобы туда отправиться, нужно переплыть моря, доступныя мореплавателямъ только въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и не обращать вниманія на тяжесть самаго суроваго климата. Когда-то архангельская торговля была тѣмъ не менѣ самой значительной въ Россіи. Въ послѣднее десятилѣтіе XVII столѣтія ея оборотъ достигалъ до 900.000 рублей въ годъ. Число иностранныхъ судовъ, ежегодно приходящихъ въ Петербургъ, исчисляють около 300; англійскія—составляютъ почти половину этого числа, голландскія—восьмую часть, прусскія—десятую, французскія—семнадцатую. Въ настоящее время торговыхъ сношеній съ французами не существуетъ. Число русскихъ судовъ, выходящихъ изъ портовъ Балтійскаго моря, исчисляется въ 33 ежегодно. Это отношеніе достаточно, чтобы дать

понятіе объ апатіи этого народа. Число барокъ и судовъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, перевозящихъ продукты изъ средины Россіи и проходящихъ черезъ Ладожскій каналъ въ Неву, равняется въ годъ около 1.100.

Цѣнность торговли на Каспійскомъ морѣ не превышаетъ 1.300.000 р. Вѣчныя войны, раздѣляющія Персію отъ сосѣднихъ народовъ, мѣшаютъ всякому сношенію и превратили въ пустыню прекраснѣйшія страны свѣта. Крестьянинъ не осмѣливается тамъ пахать; если же онъ это дѣлаетъ, то только вооруженный съ головы до ногъ; да онъ и не можетъ никогда съ увѣренностію рассчитывать на жатву. Каждый начальникъ небольшого округа присвоиваетъ себѣ достоинство хана, преслѣдуетъ и разоряетъ своихъ сосѣдей. Таковы—Дербентскій, Бакинскій, и Персидскій шахъ не имѣетъ достаточно власти, чтобы сдерживать всѣхъ этихъ маленькихъ деспотовъ.—Дербентъ теперь только плохая крѣпость, покинутая русскими. Этотъ городъ, когда-то столь процвѣтавшій, теперь разоренъ. Только нѣсколько несчастныхъ еще живутъ подъ обломками и поддерживаютъ тамъ тѣнь старинной промышленности. Въ Баку существуетъ еще кое-какая торговля, но она очень вяла. Это тѣмъ не менѣе лучшій портъ на Каспійскомъ морѣ. Русскія суда привозятъ зерно, вино, и покупаютъ нефть, соду и шелка. Берега Каспійскаго моря часто покрыты тростникомъ, который дѣлаетъ приближеніе къ нимъ въ теченіе лѣта смертельнымъ. Также смертность была очень сильна въ русской арміи, въ послѣднюю войну съ Персіей, и она держалась, насколько могла, въ горахъ. Главная часть арміи совсѣмъ не видѣла непріятеля. Персы не имѣли смѣлости помѣряться съ ней, но они ее ожидали смѣло за своими пустынями. Такая плодородная почва, прекраснѣйшая страна свѣта разорена этими варварами до такой степени, что въ ней даже нѣтъ травы. Они сожигаютъ и разрушаютъ все. Со стороны Баку природа поддерживаетъ вѣчные огни на холмахъ въ недалекомъ разстояніи отъ моря. Это неисчерпаемый источникъ воспламеняющихся веществъ; или овладѣло суевѣріе и раньше они были огнями гебровъ. Въ настоящее время персы собираютъ въ этихъ мѣстностяхъ нефть, которую продаютъ русскимъ; послѣдніе, утомленные испытанными потерями и безчисленными препятствіями, которыя встрѣчали всякій разъ, когда хотѣли распространить свое владычество въ этихъ мѣстностяхъ, кажется, навсегда отъ нихъ отказались. Въ дѣйствительности, вся эта часть средины Кавказа, населенная неукротимыми и дикими народами, и даже Грузія, безпрестанно разоряемая междоусобными войнами и вѣшними нападеніями, не представляютъ никакой дѣйствительной пользы для Россіи. До сихъ поръ Россія пыталась ихъ покорить, но это было скорѣе дѣло самолюбія, чѣмъ пользы. Торговля рабами, черкесскимъ оружіемъ,

армянскими матеріями и шелками представляет предметъ нѣкоторой важности; но эта торговля производится черезъ Черное море и Крымъ или черезъ самый Константинополь съ бѣльшей легкостью и меньшимъ рискомъ. Окрестности Терека доставляютъ вина, а въ настоящее время здѣсь занимаются разведеніемъ плантацій тутовыхъ деревьевъ; надзоръ за ними порученъ нѣкому Маршалу, молодому человѣку, полному талантовъ, смѣлости и хорошихъ желаній, но ничтожныя средства котораго не доведутъ до желанной цѣли.

Всѣ эти мѣстности, включая Крымъ, были бы обильными источниками богатствъ, если бы пороки ея обитателей и управляющихъ ими правителей не уничтожали бы выгодъ, доставленныхъ природой. Осталось не больше 40.000 татаръ во всемъ Крымѣ. Этотъ столь богатый когда-то полуостровъ теперь представляетъ только обширную пустыню, въ которой правительство долго будетъ напрасно стараться воскресить снова предприимчивость, безопасность и торговлю. Работы надъ Херсонскимъ портомъ, поглотившія громадныя суммы, стали бесполезными. Воздухъ тамъ такъ вреденъ, и недостатокъ въ припасахъ первой необходимости и предметовъ отопленія такъ ощутителенъ, что невозможно тамъ больше оставаться. Князь Потемкинъ, желавшій насиловать природу, очень дорого заплатилъ за печальныя побѣды надъ нею, и кажется несомнѣннымъ, что Русская имперія, выигравъ въ протяженіи, проиграла въ прочности.

Между тѣмъ, если въ болѣе спокойныя времена Россія получить твердый пунктъ на Средиземномъ морѣ, торговля на Черномъ морѣ можетъ стать для нея довольно важной, скорѣе благодаря продуктамъ, которыми она можетъ снабжать рынокъ съ этой стороны, чѣмъ тѣмъ продуктамъ, которые она можетъ получать съ Востока для внутренняго своего рынка.

Вообще у русскаго есть торговый умъ, но у него нѣтъ коммерческаго воображенія. Компаніи, организовавшіяся въ Россіи, всѣ имѣли плохой успѣхъ вслѣдствіе принциповъ, которыми онѣ руководились. Компанія Курильскихъ острововъ для торговли мѣхами, благодаря которой капитанъ Берингъ сдѣлалъ въ 1788 году путешествіе и попытался сдѣлать новыя открытія въ Охотскомъ морѣ и Камчаткѣ, распалась благодаря большой потерѣ кредита. Свѣдѣнія, доставленныя Берингомъ, были очень невыгодны для этой компаніи; онъ раскрылъ ужасныя поступки агентовъ, въ концѣ концовъ сдѣлавшихъ имя русскаго ненавистнымъ для населенія этихъ печальныхъ странъ. Торговля караванами съ Китаемъ крайне вяла. Она была даже всецѣло прервана. Въ настоящее время она немного возобновилась, и ежегодно отправляется караванъ, составленный приблизительно изъ 900 животныхъ и пропорціональнаго количества телѣгъ. Никогда китайцы не расширятъ сколько-нибудь

этой торговли. Они не доверяют европейцамъ, особенно ненавидятъ русскихъ, съ которыми имѣли нѣсколько войнъ для установленія обоюдныхъ границъ. Восточныя племена: киргизы, туркмены и калмыки доставляютъ важные предметы торговли. Оцѣниваютъ торговлю киргизовъ въ 1.900.000 рублей ввоза и столько же вывоза, Китая— въ 2 милліона ввоза и столько же вывоза, но послѣдняя оцѣнка не вѣрна; торговлю Грузіи и Персіи— въ 200.000 рублей ввоза и 100.000 вывоза; Астрахани— въ милліонъ ввоза и 1.200.000 вывоза; Риги— въ 200.000 ввоза и 900.000 вывоза; Архангельска— въ 900.000 ввоза и 22.000.000 вывоза. Но послѣдняя оцѣнка преувеличена. Архангельскъ вывозить не больше, какъ на 1.200.000. Наконецъ, торговля Петербурга не превышаетъ 9 милліоновъ ввоза и 11 милліоновъ вывоза. Понятно, что по этому вопросу можно имѣть только приблизительныя данныя.

Левекъ въ своей исторіи народовъ, подчиненныхъ Россіи, даетъ нѣкоторыя интересныя подробности объ этомъ предметѣ. Русская имперія— обширна, и народъ, ее населяющій, такой ничтожный потребитель, что со всѣхъ пунктовъ этой громадной страны можно собрать и въ дѣйствительности собираютъ громадное количество товаровъ.

Рынки въ большихъ городахъ, на подобіе восточныхъ базаровъ, сосредоточены въ одномъ мѣстѣ. Вы увидите здѣсь разложенными богатства обоихъ свѣтовъ. Лавки открыты только днемъ. Запрещено тамъ держать огонь. Ночью онѣ охраняются собаками и нѣсколькими людьми. Петербургскій базаръ прекрасенъ, и тамъ можно дешево купить; но русскій торговецъ привыкъ обманывать, и онъ дѣйствуетъ всѣми обманами и хитростями полудивилизованнаго народа, принимая лукавство за ловкость и мошенничество за умъ.

Въ Россіи очень немного большихъ купцовъ, принимая въ соображеніе ея пространство. Тѣмъ не менѣе среди нихъ есть очень богатые, сохранившіе старинныя нравы, свой старинный костюмъ и придерживающіеся старой православной вѣры, до исправленія ея патриархомъ Никономъ. Цѣвать честность послѣднихъ; но самыя большія дѣла вообще производятся иностранными купцами или евреями и армянами. Все, что касается банковыхъ операцій, находится именно въ рукахъ иностранцевъ. Мнѣ кажется, что тотъ родъ дѣлъ, который собственно принадлежитъ къ категоріи торговли и который распространяется на болѣе обширную и сложную сферу—свыше ихъ способностей. Я знаю въ Петербургѣ только одного русскаго банкира, придворнаго, Роговкова; но онъ въ компаніи съ двумя иностранцами— португальцемъ Велю и дѣмцемъ Ралль.

Промышленность крайне ограничена въ Россіи, и это одна изъ причинъ того низкаго состоянія, въ которомъ прозябаетъ ея внутренняя

торговля. Россія вывозить почти всё свои сырые продукты и получает ихъ обработанными другими народами; лишь недавно она начала вывозить сахарный песокъ изъ Англіи и основалась въ Петербургѣ нѣсколько рафинадныхъ заводовъ. Раньше Голландія и Гамбургъ продавали ей вполне рафинированный сахаръ, да и теперь еще много нужно, чтобы ея сахарные заводы могли удовлетворять ея потребленію. Существуют нѣсколько шелковыхъ мануфактуръ въ Петербургѣ и особенно въ Москвѣ. Эти мануфактуры доставляютъ ткани посредственнаго качества. Самая значительная въ Петербургѣ имѣетъ не больше 60 станковъ, изъ которыхъ 29 заняты приготовленіемъ церковной утвари для Императорскаго двора. Эта мануфактура выписываетъ свой шелкъ, вполне обработанный, изъ Берлина, а станки для чулокъ ей высылаются изъ Германіи. Этого одного достаточно для сужденія о характерѣ ея средствъ. Заводы оружія, желѣзныхъ надѣлій и для отливки пушекъ Гаскойна, содержимыя на счетъ правительства, составляютъ болѣе важный предметъ. На послѣднемъ приготовляются все металлическія пуговицы, что составляетъ значительную вѣтвь промышленности въ странѣ, гдѣ все носятъ форменную одежду. Мануфактуры обыкновенной ткани и парусины значительно увеличались. Наконецъ, чтобы дать общій обзоръ состоянія и числа мануфактуръ въ Россіи, достаточно сказать, что число шелковыхъ фабрикъ равняется:—42, шерстяныхъ—60, полотняныхъ—68, бумажныхъ—29 и что первыя занимаютъ только 9.000 рабочихъ, вторыя около—18.000, третьи—29.000, четвертыя—7.000.

Что это для Россіи? Эти фабрики не доставляютъ ей и $\frac{1}{4}$ необходимаго для потребленія, и громадное количество предметовъ роскоши она достаетъ изъ-за границы.

Самыя замѣчательныя мануфактуры, находящіяся въ Петербургѣ—стекляныя, гдѣ приготовляются очень большія стекла, но низшаго качества, и крахмальные; стеариновыя и сальные свѣчи, приготовляемыя тамъ, также высокаго качества и очень дешевы.

Государственные доходы исчислены въ 36 милліоновъ рублей, но расходы часто ихъ превышаютъ. Я прилагаю здѣсь очень интересную записку, изъ которой можно видѣть, каковы были доходы и расходы въ 1792 году. Съ тѣхъ поръ Россія сдѣлала большія пріобрѣтенія: Крымъ, часть Бессарабіи и половина Польши.—Считая въ 10 милліоновъ рублей доходы съ этихъ различныхъ провинцій, мы будемъ недалеки отъ истины.

Податная система проста по своей организаціи. Каждый владѣлецъ платитъ государству по 1 рублю за крестьянина. Считаютъ около 6 милліоновъ крестьянъ, обложенныхъ этою податью. При императрицѣ Екатерины II эта подать равнялась только 79 копѣйкамъ, но въ послѣдніе

годы она дошла до 100 коп., въ царствованіе нынѣшняго императора она не увеличилась, но склоняются къ этому; взиманіе же этой подати будетъ всегда легкимъ и выгоднымъ. Первый, установившій подушную подать на крестьянъ, былъ Романовъ (Михаилъ). Петръ Великій сдѣлалъ ихъ крѣпостными. Петръ III сдѣлалъ дворянъ свободными, но при теперешнемъ императорѣ эта свобода смѣшана. Кромѣ того, они пользуются нѣкоторыми привилегіями относительно подати и лично не платятъ подушины.

Дань мѣхами, таможенная пошлина, коронныя владѣнія, дѣса, водка, рудники, городскія подати—другіе источники государственнаго дохода. Когда-то государство владѣло значительнымъ количествомъ крестьянъ, но расточительность государей повемногу его уменьшала. Оно все же доходило до 800.000 при восшествіи теперешняго императора. Каждый изъ этихъ крестьянъ доставляетъ правительству 3 рубля, между тѣмъ какъ частные владѣльцы получаютъ съ нихъ по 9 рублей. Императоръ назначилъ изъ этого источника на награды всѣ суммы, за исключеніемъ 900.000 рублей, которые онъ сохраняетъ въ удѣлъ принцамъ императорскаго дома. Присоединеніе церковныхъ имуществъ, различныя раздѣлы Польши послѣдовательно снабдили новыми средствами источникъ щедрости государей, но разъ эти источники истощены, они не могутъ быть восстановлены. Ничто не можетъ сравниться со щедростію императора. Онъ осыпалъ послѣдовательно громадными богатствами своихъ любимцевъ и друзей, и до сихъ поръ система конфискацій не была еще имъ принята даже противъ тѣхъ, о которыхъ онъ думалъ, что имѣетъ причины больше ненавидѣть. Но при такомъ правительствѣ, какъ настоящее въ Россіи, нѣтъ никакихъ гарантій противъ принятія подобной системы, и можетъ быть, когда другія средства будутъ истощены, конфискація стануť финансовою операціей. Средства къ увеличенію коронныхъ богатствъ, растраченныхъ благодаря щедрости императора, какъ, напр., устройство новыхъ поселеній и распаханіе новыхъ земель, могутъ развиваться лишь со временемъ. Усилія, сдѣланныя въ этомъ отношеніи въ нѣкоторыхъ частяхъ Поволжья, имѣли довольно посредственный успѣхъ. Суровость климата, отдаленіе, различіе въ нравахъ и языкѣ пугаютъ иностранцевъ. Была мысль образовать одну колонію въ Крыму изъ остатковъ арміи Конде, но она не имѣла никакого благопріятнаго результата. Другое средство—распаханіе новыхъ земель; но это распаханіе не можетъ осуществиться въ странѣ, въ которой недостаетъ рабочихъ рукъ.

Очень важное средство, которымъ правительство уже очень злоупотребляло—есть увеличеніе банковыхъ билетовъ.

Эти билеты—настоящая бумажная монета, начало которой относится къ царствованію Екатерины II. Сперва количество ихъ равнялось стои-

мости 20 миллионъ рублей. Въ настоящее время признають, что въ обращеніи ихъ на 100 миллионъвъ, но на самомъ дѣлѣ ихъ больше, чѣмъ вдвое. Въ минуты нужды правительство дѣлаетъ новый выпускъ, и онъ теряется въ массѣ другихъ. Но необходимыми послѣдствіями всякой бумажной монеты являются:

1) исчезновеніе металлической монеты.

2) увеличеніе цѣны товаровъ и паденіе вексельнаго курса.

3) уничтоженіе духа экономіи у правительства, развитіе легкости удовлетворенія наклонностей или фантазій государя.

Эти три слѣдствія уже обнаружились. Вексельный курсъ упалъ до такой степени, что рубль, стоившій раньше болѣе двухъ флориновъ, стоитъ теперь только флоринъ и 8 крейцеровъ. Съ этихъ поръ ви́шній кредитъ сильно упалъ, и займы стали разорительны, почти невозможны. Цѣна товаровъ увеличилась уже 20 лѣтъ почти вдвое, и въ настоящее время легкость уплаты бумажками и родъ пренебреженія къ доскутку, мельчайшіе знаки котораго равны рублю, сдѣлали Петербургъ и вообще Россію стравами страшно дорогими. Въ концѣ концовъ правительство потеряло всякую мысль объ экономіи. Хотя часто совсѣмъ нѣтъ денегъ въ кассѣ, издержки идутъ своимъ чередомъ. Вельможи подражаютъ расточительности двора, и замѣчательно, что русское дворянство, одно изъ самыхъ богатыхъ въ свѣтѣ, едва насчитываетъ въ столицѣ 20 человекъ, которые не были бы по уши въ долгахъ и безъ всякаго кредита. Самые богатые семейства, Строгановы, Нарынкины, не располагаютъ и 100 луддорами. Ихъ бумаги теряютъ 40 процентовъ на мѣстѣ. Самъ графъ Шерехетевъ покупаетъ только въ кредитъ и платитъ только въ крайнемъ случаѣ, а между тѣмъ этотъ человекъ имѣетъ отъ 700 до 800 тысячъ рублей дохода. Правда, что одна изъ причинъ безпорядка, царящаго въ состояніяхъ, и неурядицы, встрѣчающейся во всѣхъ коммерческихъ сношеніяхъ между дворянами и купцами, рабочими и другими, заключается въ недостатокѣ принудительныхъ и обязательныхъ законовъ противъ первыхъ. Русскій купецъ невластенъ вполнѣ взыскать съ дворянина, для котораго онъ является кредиторомъ. Вслѣдствіе этого онъ учетверяетъ, упатеряетъ цѣны, и эта привычка распространяетъ въ торговлѣ безнравственность и духъ ростовщичества въ народѣ, что значительно унижаетъ его характеръ.

Императоръ, для пресѣченія разоряющихъ дѣйствій ростовщичества, учредилъ въ сентябрѣ 1797 года заемный банкъ, въ которомъ всѣ русскіе помѣщики, особенно дворянство, могутъ занимать изъ 9% годовыхъ и подъ закладъ наличныхъ имуществъ. Я прилагаю уставъ, относящійся къ учрежденію этого банка, заслуживающій быть извѣстнымъ и производящій полезныя дѣйствія. Акціи этого банка продаются и стали государственными бумагами. Императоръ учредилъ также въ это время

учетную контору для той же самой цѣли и для учитыванія за умѣренные проценты векселей, солидность которыхъ предварительно доказана. Я равно прилагаю этотъ уставъ, могущій быть полезнымъ съ точки зрѣнія общественной экономіи и изъ котораго можно почерпнуть выгодныя идеи. Царствующій императоръ велѣлъ вычеканить довольно большое количество золотой и серебряной монеты; но она исчезаетъ среди бумажной, такъ что очень рѣдко можно ее встрѣтить, а достать ее трудно. Серебряный рубль, равный 100 коп., при размѣнѣ на мѣдныя деньги или бумажки выигрываетъ 90 коп., между тѣмъ, какъ размѣнный стоитъ только 100 коп. Послѣдній признается банкирами при размѣнѣ, и поэтому-то правительство обязано возмѣщать за потери своихъ агентовъ за границей, которыя такъ велики, что имъ недостаточно номинально ассигнованныхъ суммъ. Къ тому же это возмѣщеніе производится по тарифу, превосходящему дѣйствительную цѣну рубля, который равняется 39 голландскимъ стергамъ, а при возмѣщеніи считается за 92. Когда имѣешь денежныя дѣла съ Россіей, очень важно разунать, какія монеты тамъ въ цѣнѣ, и собрать свѣдѣнія объ условіяхъ размѣна. Лучше всего при всякомъ случаѣ заготовить размѣнными билетами на Гамбургъ и Амстердамъ, которые всегда выгодно продаются въ Петербургѣ.

Размѣнный курсъ—лучшая мѣра кредита какого-нибудь государства за границей. Чѣмъ больше несоотвѣтствія между номинальной стоимостью монеты и ея дѣйствительною стоимостью, тѣмъ болѣе размѣнный курсъ падаетъ, какъ это было во Франціи во время ассигнацій и это продолжается до тѣхъ поръ, пока эта стоимость станетъ нулемъ за границей, гдѣ ничего не дають за монету, которая въ дѣйствительности ничего не стоитъ. Если же количество бумажныхъ денегъ будетъ все увеличиваться въ Россіи, то размѣнный курсъ будетъ все падать до тѣхъ поръ, пока больше не будетъ курса, т. е. когда не захотятъ больше имѣть банковыхъ дѣлъ съ нею. Тогда не останется иного средства, какъ вести дѣла черезъ обмѣнъ товаровъ, а это приведетъ къ первобытной торговлѣ и къ младенчеству торговыхъ сношеній. Между тѣмъ, монета, подобная русской монетѣ, можетъ не имѣть никакого кредита за границей, но въ то же время имѣть дѣйствительную стоимость внутри страны, потому что въ ней курсъ принудителенъ и потому что существуетъ недостатокъ въ денежныхъ знакахъ и, какъ слѣдствіе, въ средствахъ обмѣна. Эта страна такъ обширна и такъ обильна, принимая во вниманіе ея слабое населеніе, предметами первой необходимости, что она можетъ обойтись безъ большинства другихъ народовъ, а при небольшомъ развитіи промышленности и безъ всѣхъ. Я отсылаю къ запискѣ о финансахъ, приложенной къ этому сочиненію. Тамъ можно почерпнуть истинныя свѣдѣнія объ употребленіи всѣхъ частей дохода. Я достаточно

отмѣтилъ разницу въ отношеніяхъ между доходами и расходами, явившуюся вслѣдствіе времени и территоріальныхъ приобрѣтеній Россіи. У императора своя личная казна, пополняемая продуктами дворцовыхъ крестьянъ. Кромѣ того, зависитъ всецѣло отъ воли монарха, покрытъ какой-либо расходъ изъ государственной казны, ввѣренной Васильеву. Его личная казна ввѣрена Тизенгаузену и различные расходы на награды оплачиваются ею.

Мы не очень уклонимся отъ истины, считая народонаселеніе въ Россіи послѣ послѣднихъ приобрѣтеній въ 32 милліона душъ. Цисатели, занимавшіеся статистикой этой страны, замѣчаютъ, что народонаселеніе увеличивается ежегодно. Вѣроятно, оно увеличивается въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ; но оно не увеличивается значительно въ деревняхъ. Доказательство этого въ томъ, что богатство помѣщиковъ исчисляется обыкновенно количествомъ крестьянъ, а количество ихъ у нѣкоторыхъ семействъ, давно или владѣющихъ, оказывается, осталось тѣмъ же самымъ. Вліяніе дѣйствій правительства на приростъ населенія вообще значительно, а правленіе царствующаго императора не можетъ быть благотворнымъ для народонаселенія. Насчитываютъ не больше 300 городовъ въ Россіи, среди которыхъ очень мало значительныхъ, и большое число отмѣченныхъ на картѣ краснымъ кружкомъ,—отвратительныя мѣстечки. До тѣхъ поръ, пока рабство будетъ парализовать всякую промышленность, пока ремесленникъ долженъ будетъ отдавать своему господину большую часть продукта своей работы, не можетъ быть ни соревнованія, ни прироста населенія. Большинство тѣхъ, кто отправляется въ города на заработки зимой, обязано вернуться въ деревню въ теченіе лѣта, куда они приносятъ маленькія сбереженія— плоды ихъ работы. Между ними встрѣчаются и такіе, которымъ удается собрать даже значительныя богатства. Называютъ купцовъ, нажившихъ большія состоянія и предложившихъ своимъ господамъ громадныя суммы для выкупа себя. Эти суммы доходили иногда до 60 или 80 тысячъ рублей. Но крестьяне живутъ не лучше другихъ. Ихъ жилища въ большинствѣ губерній отвратительны. Это—сырдныя и темныя логвища, нездоровость которыхъ очень вредитъ населенію.

Между тѣмъ, если вы читаете Георгія, то вы увидите, что черезъ нѣсколько лѣтъ, слѣдуя тому отношенію, которое онъ устанавливаетъ, въ Россіи будетъ 100 милліоновъ жителей, и что она легко можетъ вмѣстить въ себѣ отъ 700 до 800 милліоновъ. Конечно, есть мѣсто для ихъ размѣщенія, но не надо забывать, что нравы народовъ восточныхъ и кочевниковъ, подвластныхъ Россіи, противодѣйствуютъ всякому приросту населенія и что въ обитаемыхъ или мѣстностяхъ административная система такъ плоха, что невозможно разсчитывать на правильное приращеніе.

Войско состоитъ приблизительно изъ 400.000 человекъ. Назначеніе этого войска извѣстно всѣмъ: 100.000 назначены для гарнизоновъ, другіе составляютъ подвижное войско, и это войско, хотя полное значительныхъ недостатковъ, имѣетъ большія достоинства и пользуется заслуженнымъ уваженіемъ. Русскій солдатъ прекрасенъ, неприхотливъ, веселъ и очень храбръ. Офицеръ, наоборотъ, часто трусъ и почти всегда невѣжда. Это войско пополняется наборами по приказанію императора, когда онъ ихъ считаетъ умѣстными, и которые производятся такимъ образомъ, что берется одинъ человекъ изъ 800, 400, 200 или 100, смотря по нуждамъ государства. Очень рѣдко, когда доходятъ до послѣдняго отношенія. Русскій, взятый въ солдаты, перестаетъ принадлежать своему господину. Онъ разрываетъ узы рабства, чтобы надѣть узы солдатчины. Онъ служитъ 29 лѣтъ. По окончаніи этого срока онъ свободенъ и можетъ отправляться, куда хочетъ. Если онъ хочетъ, то правительство ему даетъ землю: онъ становится государственнымъ крестьяниномъ; но это случается очень рѣдко. Русскіе имѣютъ такое отвращеніе къ званію солдата, что когда приводятъ рекрутъ въ ихъ полки, большая часть ихъ дезертируетъ и скрывается, другая страдаетъ тоской по родинѣ или умираетъ съ тоски по оставленнымъ родителямъ и друзьямъ. Въ день отъѣзда послѣдніе ихъ провожаютъ и прощаются съ ними, какъ будто никогда съ ними не увидятся. Императоръ ввелъ въ службу такія чрезмѣрныя строгости, что военное состояніе въ Россіи самое несчастное. Не проходитъ дня безъ сотни разжалованій и взысканій. Всѣ находятся въ безпокойствѣ, и эти постоянные страхи замѣтно вредятъ благосостоянію службы и разрушаютъ всякую преданность къ императору.

Заключеніе.

По этой запискѣ, составляющей, безъ сомнѣнія, очень несовершенный очеркъ такой громадной разнообразной картины, какую представляетъ Русская имперія, все же можно судить, что эта имперія, одержимая громадными пороками администраціи и предоставленная дѣйствію суроваго и подозрительнаго деспотизма, обладаетъ, несмотря на это, громадной силой для дѣйствія противъ своихъ сосѣдей, не представляя однако ничего страшнаго противъ отдаленныхъ державъ.

Единство дѣйствій, присущее деспотизму, дѣлаетъ Россію очень страшной. Достаточно воли государя, чтобы потрясти всѣ части этого обширнаго организма: никакихъ препятствій, никакихъ противовѣсовъ,

никакихъ посредствующихъ властей. Чего желаетъ императоръ, то и совершается; правъ онъ или неправъ, это все равно.

Такъ какъ въ Россіи все машина, то простота начала всякаго движенія дѣлаетъ эту машину очень величественной. Надо бояться не счастливыхъ народовъ, а дикихъ и фанатичныхъ. У послѣднихъ на первомъ планѣ является физическая сила и интенсивность дѣйствій, являющаяся результатомъ того, что это дѣйствіе никогда не освѣщается размышленіями или партійными соображеніями, умертвляющими дѣйствіе. Въ Россіи нѣтъ общественнаго мнѣнія, да и не можетъ быть. Исторія показываетъ намъ, что русскіе сражались иногда за и противъ одного и того же государства, смотря по прихоти ихъ государей. — Враги Пруссіи при Елисаветѣ, союзники ея при Петрѣ III, нейтральные при Екатеринѣ. Но, тѣмъ не менѣе, вѣрно то, что относительно Баваріи Россія будетъ драгоценнымъ союзникомъ и что она насъ будетъ защищать съ тѣмъ большей энергіей, чѣмъ ближе она наблюдаетъ дѣйствія и происки Австрій. По отношенію къ Франціи она не будетъ для насъ полезна, пока императоръ Павелъ не захочетъ согласиться вести съ ней переговоры, чего очень желаетъ Франція и ради чего она охотно готова на жертвы. Но относительно другихъ Россія можетъ сдѣлать много. и, пока императоръ живъ, я убѣжденъ, что онъ не измѣнитъ своей системы по этому вопросу, и что основаніемъ его политики будетъ являться принципъ, что законные государи должны пользоваться ихъ правами и собственностию. Нужно бояться только одного, чтобы императоръ въ минуту раздраженія противъ всего человѣческаго рода не уединился бы совершенно и не пересталъ бы принимать никакого участія въ дѣлахъ Европы. Особенно важно для Англіи и Пруссіи спасти пфальцграфскія владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна. Баваріи самой надо выказать твердость и сохранить то почетное положеніе, которое она заняла при послѣднихъ событіяхъ — положеніе, которое доставить ей въ будущемъ уваженіе ея друзей и враговъ и которое заставитъ первыхъ поддерживать ее съ большаимъ рвеніемъ, а вторыхъ — поставить ее при случаѣ въ лучшія условія.

Сообщилъ Евгенийъ Шумигорскій.

Повѣствованіе о царствованіи императора Александра I, для него одного писанное ¹⁾.

(Записка П. Г. Дивова).

Въ востшествіемъ царя Александра воцарилась во всѣхъ сердцахъ надежда, спокойствіе и довѣренность. Юность сего государя, милосивность его тѣлесныхъ качествъ и кротость его воспламенили умы неизреченными усердіями къ его лицу и къ престолу. Войско, стѣнавшее подъ бременемъ иноплеменныхъ дикихъ подражаній, несродныхъ ни со нравами, ни съ духомъ россійскаго народа, ожидало съ нетерпѣливостію возвращенія того древняго устройства, подъ сѣнью котораго предшествовала вездѣ побѣда и слава имени россійскихъ героевъ. Гражданскіе служители равномѣрно ожидали отъ внука того величія, которымъ одушевляемы были всѣ дѣла безсмертной Екатерины II. Купчество и крестьяне воспаляемые тѣми же упованіями, приносили всѣ чувствованія приверженности къ престолу. И такъ среди всеобщей радости, среди всеобщаго упованія стремились сердца всей Россіи ко престолу юнаго монарха. Главнѣйшими тогда были путеводителями дѣлъ государева, графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ, Александръ Андреевичъ Беклешевъ, Дмитрій Прокофьевичъ Трошинскій, графъ Никита Петровичъ Панинъ и графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ.

Первымъ манифестомъ императоръ обнадежилъ подданныхъ, что хочетъ править государствомъ по разуму и сердцу бабки своей Екатерины II-ой. Другимъ скоро потомъ обнародованіемъ возвѣщена Россіи

¹⁾ Заглавіе это дано самимъ П. Г. Дивовымъ. Въ распоряженіи редакціи находится черновой набросокъ, и неизвѣстно, была ли эта записка подана императору Александру.

Р е д .

отмѣна тайной канцеляріи. По внѣшнимъ дѣламъ прекращены несогласія съ Англіею; объявлено хотѣніе миролюбивыхъ сношеній со всѣми державами, и отреченіе отъ Мальтійскаго гротмейстерства.

Итакъ дѣла внутренніи государства состояли въ управленіи Беклешева, Васильева и Тропинскаго, внѣшнія—въ вѣдомствѣ Палена и Панина. Не долго правили кормиломъ сіи люди. Графъ Палень, слишкомъ полагавшійся на свое вліяніе свергнуть былъ скоропостижно до коронаціи государя. Графъ Панинъ во слѣдъ за нимъ отдаленъ былъ отъ двора. Первый, не сохраняя достоюжнаго уваженія къ матери государя, вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, самъ виновникомъ былъ своего паденія; второй по недовольной осмотрительности во изъявленіяхъ объ особѣ своего государя навлекъ на себя совершенную ненависть монарха. Они замѣщены были по иностранному департаменту княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ и графомъ Кочубеемъ.

Разсматривая безпристрастно учиненное въ политикѣ по краткости правленія удаленныхъ министровъ Палена и Панина, нельзя похвалить ихъ дѣянія. Ополченіе сѣверныхъ державъ: Россіи, Даніи и Швеціи противъ Англіи имѣло въ виду защиту балтійскихъ портовъ отъ наглости англійскихъ законовъ, имѣло въ виду подкрѣпленіе правъ торгующихъ нейтральныхъ народовъ и могло довершить во всей Европѣ уваженіе Россійскаго двора. Невѣроподобно, чтобъ покойный императоръ Павелъ I желалъ далѣе расширить сіе покушеніе противу столь сильной морской державы, какова есть Англія. Но какъ сіе ополченіе было произведениемъ его соображеній и страстей, (то) управляющіе дѣлами государства, не выикнувъ достаточно въ важность и пользу сего предпріятія, не усумнились заключить договоръ, котораго каждое изреченіе на вѣки погружало въ ничтожество всѣ труды безсмертныя Екатерины II, во которой отверзъ врата ко всѣмъ послѣдующимъ злополучіямъ нашего отечества и всей Европы.

Откроемъ сей договоръ и сличимъ оный съ договорами о нейтралитетѣ 1782 года

Англичане чувствуя опасность сего сѣвернаго союза, отправили весьма послѣшно сплывшій флотъ, состоящій изъ 17 линейныхъ кораблей подъ начальствомъ прославившагося морскаго воина Нельсона¹⁾, который прибылъ къ Копенгагену въ полдень 18 (30) марта 1801 года и поразилъ соединенныя датскія силы, на рейдѣ Копенгагенскомъ расположенныя. Шведы ожидали токмо приплытія россійскихъ эскадръ и соеди-

¹⁾ Англійскій флотъ былъ отправленъ подъ командой Паркера и Нельсона, съ приказаніемъ уничтожить датчанъ и помѣшать соединенію союзныхъ флотовъ.

ненія оныхъ со своимъ флотомъ, чтобъ единодушно дѣйствовать противъ общаго врага, но, не видя ни малѣйшаго движенія, остались бездѣйственны и потомъ приступили къ примиренію Россіи съ Англіею. Теперь расчислимъ время и обстоятельства, для оузенія или извиненія министерства російскаго.

11-го марта 1801 года скончался скоростижно императоръ Павелъ I, 21-го марта (2-го апрѣля) было сраженіе въ водахъ Копенгагенскихъ, слѣдственно російской ревальской флотъ могъ весьма удобно быть въ соединеніи. Но къ несчастію дѣлъ сего свѣта перемѣна занимаетъ слишкомъ людей въ управленіи дѣло пмѣющихъ и не даетъ имъ время осмотрѣть со всѣхъ сторонъ обстоятельства, въ коихъ находится государство. Смерть Павла не долженствовала перемѣнять соображеній государственныхъ, сколь ни велико было всеобщее отвращеніе къ суровости краткаго правленія его. Въ первомъ Совѣтѣ Государственномъ по воцареніи императора Александра слѣдовало бы графу Палену и сотруднику его графу Панину обратитъ вниманіе юнаго государя на положеніе Россіи относительно всѣхъ державъ европейскихъ; представить свое мнѣніе въ пользу или въ опроверженіе принятой системы предшественникомъ престола и, рѣшивъ то или другое, немедленно дѣйствовать по принятому начертанію, не полагаясь на обороты, отъ обстоятельствъ и времени происходящіе, тѣмъ паче, что не безвѣстно было, что принятія мѣры императоромъ Павломъ влекли за собою войну съ Англіею. Напротивъ того вниманіе государя устремили тогдашніе государственные люди единственно на внутреннія распоряженія, лично относящіяся до особъ потерпѣвшихъ отъ скорости и суровости перемѣнчиваго права покойнаго государя.

Правда, что буйность, строптивость сего повелителя Россіи причиною была не малаго затрудненія наслѣдника его, ибо въ теченіе пятилѣтняго царствованія отставленныхъ и выключенныхъ генераловъ и офицеровъ находилось нѣсколько тысячъ. Всѣ сіи изгнанные и потерпѣвшіе служители государства явились въ столицу и трудами управляющаго министерствомъ военнымъ генерала Ламба были размѣнены въ теченіе одного года. Но направленіе, данное воинскому департаменту въ царствованіе покойнаго государя, оставалось по-прежнему, слѣдственно, и все бремя мелочнаго разбирательства оставалось предметомъ заботливости самого государя, отъемлющей драгоценнѣйшее время потребное на разсмотрѣніе и вниманіе другихъ государственныхъ соображеній.

Въ теченіе сего перваго года (1801) царствованія Александра послѣдовали разныя узаконенія и перемѣны, кои преддверіемъ были многочисленныхъ другихъ, вовлекшихъ государство въ неисчислимую сложность управленія и расторгнувшихъ то довѣріе къ премудрости мѣръ

правительства, безъ котораго наилучшія творенія людей никогда не достигаютъ желаемой цѣли.

Между прочимъ замѣчено было въ государѣ стремленіе освободить крестьянъ отъ зависимости господъ своихъ или дворянъ. Окруженный молодыми ласкателями, сей юный государь, напнтавшійся ложными правилами отъ своего наставника Лагарпа, почиталъ сіе дѣломъ единственной воли своей и, не предназначавъ себѣ плана, чтобъ постепенно вводить вольность, началъ дѣйствовать въ губерніи Лифляндской. Изданы были правила, назначены разныя отяготительныя комиссіи для дворянства, но истинная цѣль не достигалась. Скоро потомъ сіи молодые ласкатели, между которыми ни одного не находилось съ познаніями о Россіи, ниже съ отличными достоинствами для полезнаго служенія государству, воспалили умъ юнаго царя на заведеніе университетовъ, на подобіе нѣмецкихъ, и другихъ ученыхъ сословій для образованія воспитанія юношества. Знатныя суммы опредѣлены на сей предметъ, выписаны изъ Германіи и Франціи нѣсколько достойныхъ людей, по большая часть шарлатановъ, охуляющихъ, при первомъ ихъ вступленіи въ предѣлы нашего отечества, все російское, и которые не соображалъ ни мало со свойствомъ края, который ихъ невѣжество столь дорого цѣнилъ, все руководствоватъ начали для образованія французовъ или нѣмцевъ, а не россиянъ, впечатлѣвая унижительное мышленіе о нашемъ отечествѣ, и весьма важное о иноплеменныхъ странахъ, изрыгнувшихъ ихъ изъ своего нѣдра.

Обложенный такимъ образомъ царь неопытноію и строитвостію молодыхъ людей, скоро истеръ изъ памяти своей почитаніе къ старымъ служителямъ бабки своей. Осмѣяніе было наградю достоинства и не долго обращались они въ чертогахъ, гдѣ глазъ ихъ былъ безсилень и ихъ образъ мыслей преданъ поруганію.

Заведенные предшественниками Александра I-го кадетскіе корпуса, въ которыхъ воспитывалось молодое дворянство для военнаго и гражданскаго служенія, обращены были въ нѣмецкіе солдатскіе экзерциргаузы, и главный предметъ ученія состоялъ въ ружейныхъ приемахъ и тѣлдвиженіяхъ ни къ чему не полезныхъ.

Тако протекли два года, испровергающіе все доброе и водворяющіе сложность правленія. Въ 1802 году учреждены министерства.

Сіе образованіе министерствъ, будучи произведеніемъ легкомысленности и честолюбія молодыхъ людей, окружавшихъ царя, водворило ихъ въ управленіе всѣхъ дѣлъ въ видѣ помощниковъ. Министерство военныхъ сухопутныхъ дѣлъ ввѣрено было генералу Вязмитинову, который имѣлъ нѣкоторую привычку по сему предмету, былъ человекъ весьма недалкихъ познаній и весьма мало въ воинскомъ дѣлѣ свѣдущій, ни въ практикѣ, ниже въ теоріи. Къ нему въ помощники данъ графъ

Лявентъ, сынъ наставницы ихъ им. выс. вел. княженъ, который также весьма ограниченъ былъ въ познаніяхъ и, дошедъ до всѣхъ отличій единымъ покровительствомъ матери, ни мало не способенъ былъ къ управленію столь важной части управления государства.

Министерство военныхъ-морскихъ силъ ввѣрено было адмиралу Мордвинову, и въ помощники данъ ему былъ контръ-адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ. Мордвиновъ былъ въ состояніи сею частію съ успѣхомъ управлять, но, встрѣчая повсюду препоны, удалился отъ своего мѣста, и министерство сіе пало въ истребительныя руки Чичагова.

Министерство иностранныхъ дѣлъ состояло въ вѣдомствѣ канцлера графа Александра Романовича Воронцова, который, уповая быть правителемъ всѣхъ дѣлъ государства, содѣйствовалъ всѣми силами въ учрежденіи министерства по страстямъ молодыхъ ласкателей и потому не усумнился принять къ себѣ въ товарищи князя Адама Адамовича Чарторыйскаго, не взирая на то, что такой выборъ противился здравой политикѣ и обыкновенной даже осторожности, ибо Чарторыйскій былъ полякъ и слѣдственно рожденный врагъ Россіи, такъ какъ и вся его фамилія.

Министерство внутреннихъ дѣлъ ввѣрено было гр. Виктору Павловичу Кочубею и въ товарищество приданъ былъ ему гр. Александръ Строгановъ. Алча честолюбіемъ, Кочубей былъ трудолюбивъ и весьма мелочень; но по несчастію безъ познаній о своемъ отечествѣ и удивляясь премудрости иностранной, истребилъ весь древній порядокъ и главный есть виновникъ многосложности, которая потомъ вѣдриялась въ управленіе государствомъ. Товарищъ его, человѣкъ добрый, не имѣлъ о дѣлахъ ни малѣйшаго свѣдѣнія.

Министерство юстиціи ввѣрено было кн. Петру Васильевичу Лопухину ¹⁾ и товарищемъ данъ ему былъ Николай Николаевичъ Новосильцевъ. Первый былъ человѣкъ по природѣ съ великою остротою и ловкостью, но мало занимался дѣлами, хотя въ оныхъ весьма свѣдущъ былъ по прежнему служенію своему въ царствованіе императрицы Екатерины. Второй (Н. Н. Новосильцевъ), не зная совсѣмъ дѣлъ, былъ человѣкъ воспаленный вольностію крестьянъ. Чуждый всѣми познаніями о своемъ отечествѣ и дѣйствуя по изступленію, онъ ревностно послѣдовалъ англійской системѣ и сильно содѣйствовалъ въ разрывѣ съ Франціею въ 1805 году.

Министерство финансовъ ввѣрено было гр. Алек. Ивановичу Васильеву, и въ товарища приданъ былъ ему Дмитрій Александровичъ Гурьевъ. Долговременная опытность въ оборотахъ денежныхъ, откры-

¹⁾ Первымъ министромъ юстиціи былъ Г. Р. Державинъ, остававшійся въ этомъ званіи годъ и одинъ мѣсяць, а затѣмъ былъ назначенъ кн. Лопухинъ.

тый умъ, не помраченный пустымъ необдуманнѣмъ чтеніемъ, обладали успѣхомъ въ управленіи сей части, но не доставало сему почтенному мужу твердости духа, чтобъ бороться съ легкомысленностію дворскихъ совѣтниковъ, почитающихъ фабрику ассигнацій неистощимымъ дномъ богатства государственнаго. Гурьевъ мало въ сіе время дѣйствовалъ. Онъ былъ человѣкъ честныхъ правилъ, не глубокаго ума, великій защитникъ казны отъ пустыхъ издержекъ и добрый россиянинъ. Въ позднѣйшихъ годахъ мы представимъ его труды съ надеждами чистосердечіемъ.

Министерство коммерціи было ввѣрено гр. Николаю Петровичу Румянцову безъ помощника.

Министерство удѣловъ дано было Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому, который равномѣрно былъ и главнымъ директоромъ почтъ и статсъ-секретаремъ по особымъ порученіямъ. Долговременное употребленіе въ дѣлахъ государственныхъ подъ руководствомъ покойнаго кн. Безбородко открыло ему путь къ познанію дѣлъ и правильному изложенію повелѣній государя на письмѣ. Естли бъ сей человѣкъ имѣлъ вѣщія познанія о сердцѣ человѣческомъ и глубокомысленнѣе былъ въ оцѣненіи достоинствъ, составляющихъ тогдашнюю эгиду государя, онъ могъ бы остановить при началѣ всѣ замыслы молодыхъ совѣтниковъ на испроверженіи, а не на поправленіи древняго порядка, но по несчастію довѣренность государя потерялъ онъ чрезъ лихоимство, въ которомъ его осуждали, и слѣдственно съ потерей оной погибло и все его вліяніе, такъ что, не предвидя ничего добраго для себя и получая ежедневно опыты отвращенія государя къ себѣ, скоро отъ всѣхъ дѣлъ отдалился.

Министерство просвѣщенія ввѣрено было гр. Петру Васильевичу Завадовскому, а въ товарищи придавъ ему былъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ.

И такъ по сему новому образованію почти во всѣхъ министерствахъ находились молодые любимцы царя, коихъ вліяніе скоро заглушило старшихъ ихъ сотрудниковъ въ управленіи государства.

Въ министерствѣ военныхъ и сухопутныхъ силъ—графъ Ливенъ завладѣлъ всѣмъ управленіемъ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ кн. Чарторыйскій, въ министерствѣ юстиціи Новосильцевъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей остался нѣкоторое время, яко членъ того жъ юнаго дворскаго союженія.

Прочія министерства кой-какъ оставались въ первобытномъ ихъ видѣ. Къ симъ дѣйствующимъ лицамъ слѣдуетъ еще прибавить князей Долгорукова и кн. Алек. Никол. Голицына и оберъ-гофмаршала гр. Толстаго съ братомъ его генералъ-лейтенантомъ.

Сии любимцы, пользующіеся довѣренностію царя, были игрищемъ

кто больше, кто меньше коварства неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ людей. Нескромность водворилась въ совѣщаніяхъ государственныхъ. Раздраженные старые служители государства, желая явиться въ глазахъ публики въ видѣ истинныхъ патріотовъ пекущихся о благѣ отечества, разглашали о предметахъ разбирательствъ и говоренныхъ ими по сему предмету рѣчахъ, часто вымышленныхъ. Молодые, не уважая ничѣмъ, говорили безъ запинанія обо всемъ, предъ всякимъ посѣщающимъ ихъ.

Въ семь состояніи двора протекли 1803 и 1804 годы, и часть 1805 г. Главныя занятія царя состояли въ ученіи солдатъ. Экзерциргаузы, наполненные (войсками), стояли подъ ихъ топотомъ, такъ какъ и всѣ площади въ городѣ и за городомъ находящіяся. Многіе приписывали истинной страсти государя къ мелочной наукѣ воинской его занятія съ солдатами. Я былъ всегда иного мнѣнія, наблюдая за его поступками, и почиталъ сіи занятія ничѣмъ инымъ, какъ единымъ способомъ государемъ употребляемымъ для заглушенія досадъ и прискорбій, учивенныхъ ему вѣроломствомъ, пороками царедворцевъ, коимъ онъ по несчастію довѣрялъ и кои почти всѣ или вовлекли его въ заблужденія или дали о себѣ невыгодное лихонимствомъ понятіе. Древніе успѣхи побѣдоноснаго оружія російскаго еще свѣжо впечатлѣны были во умахъ цѣлой Европы, и с.-петербургскій кабинетъ сохранялъ уваженіе къ себѣ долговременными трудами Екатерины II-ой приобрѣтенное и нѣкоторыми успѣхами императора Павла.

Тутъ начинается эпоха великихъ злопозучій. Прославившіеся удивительными воинскими успѣхами, бывший подпоручикъ артиллеріи французской Бонапарте, достигшій постепенно въ теченіе внутреннихъ потрясеній Франціи до достоинства перваго консула и наконецъ до титула императора французовъ подъ именемъ Наполеона, воспользовался слабостію государей управляющихъ европейскими державами и истребилъ почти всѣ престолы, кои наполнилъ своею роднею и генералами. Италія, Испанія, Голландія и Германія потеряли все свое бытіе политическое. Пруссія сохранила одну лишь тѣнь, Австрія знатными пожертвованіями заплатила свои понскы на столь искуснаго врага, Англія потеряла доступъ почти во всѣ гавани европейскія, Данія учинилась по Голстиніи зависимою отъ велѣній Наполеона, а по Ютланду не могла спастись отъ разореній англійскихъ. Швеція лишилась Финляндіи. Одна Россія сохранилась невредима, но потеряла все свое вліяніе и всѣ свои связи политическія.

Поведитель французскаго народа, воспользовавшись успѣхами своими вящше и вящше началъ стѣснять Германію, Голландію, Италію. Сіе могло быть неравнодушно Россіи, но, безъ сильнаго подстреканія Англіи, сомнительно, чтобъ воспріяла она оружіе, ополчивъ паки и Австрію.

Сіе союженіе состоялось въ 1805 году, и въ концѣ сего года російскія

войска выступили за границу. Австрійцы, подъ предводительствомъ генерала Мака, были разсыпаны подъ стѣнами Ульма еще до прихода русскихъ войскъ. Генераль Кутузовъ начальствуя войсками российскими изъ подъ Кремса отступилъ невзирая на превосходство силъ непріятельскихъ въ Богемію. Отступление сіе есть конечно одно изъ важнѣйшихъ и искуснѣйшихъ дѣлъ всѣхъ воинскихъ подвиговъ противъ французовъ. Будучи въ Богеміи и поджидая корпусовъ отправленныхъ ему въ помощь подъ предводительствомъ генераловъ Буксгевдена, Беннигсена и Ессена, Кутузовъ отлочно держался со своею арміею и вѣроподобно одержалъ бы верхъ надъ Наполеономъ еслибъ, къ злополучію дѣлъ сего вѣка, молодые ласкатели, а наипаче флигель-адъютантъ кн. Долгорукій не убѣдили неопытнаго, хотя лично весьма храбраго, царя Александра предстать на челѣ российскихъ войскъ противъ общаго врага Европы императора французовъ Наполеона.

Итакъ въ концѣ 1805 года, царь обложенный неопытностію, высокоуміемъ, а можетъ быть и вѣроломностію, отправился въ сопровожденіи сего Долгорукаго, Ливена, Новоспльцева, Чарторыйскаго, Толстаго изъ С.-Петербурга къ арміи, подъ предводительствомъ генерала Михаила Ларіоновича Кутузова, находящейся въ Богеміи. Безъ начертанія, безъ расчисленія послѣдствій, вопреки мнѣнію старыхъ генераловъ, дано сраженіе на поляхъ Аустерлицкихъ, которое повлекло за собою всѣ злополучія и истребило страхъ, нанесенный именемъ российскимъ хитрому врагу всеобщаго спокойствія Европы. Наполеонъ, опасаясь съ основательностію неудачи сраженій, старался предварительно Аустерлицкой битвы, посредствомъ переговоровъ, утвердиться на престолѣ, имъ занимаемомъ, и вынудить признаніе его императоромъ французовъ,—единная тогда цѣль всѣхъ его желаній. Почему отправилъ онъ изъ стана своего генерала Савари съ предложеніями, могущими обольстить честолюбіе. Со стороны российской отправленъ былъ генераль-адъютантъ князь Долгорукій, который, пылая однимъ неосмотрительнымъ стремленіемъ отличиться въ войнѣ, но и не внемли гласу благоразумія, чтобы по крайвейей мѣрѣ вывѣдать предложеніе врага, повелъ себя весьма высокоумно и разорвалъ готовность Наполеона къ примиренію.

Итакъ 20-го ноября (2-го декабря) 1805 г., дано сіе достопамятное сраженіе подъ Аустерлицомъ, котораго послѣдствія были столь пагубны для российского вліянія въ Европѣ и столь важны для увеличенія могущества французскаго. Послѣ сего пораженія, учиненнаго въ глазахъ и подъ личнымъ предводительствомъ царя российскаго, отправился онъ обратно въ свою столицу, заключивъ миръ, коимъ Наполеонъ признанъ императоромъ французовъ и союзникомъ Австріи, союзница Россіи, лишилась многихъ владѣній. Естественное слѣдствіе неудачи военныхъ упованій и славы молодаго государя было истребленіе довѣренности онаго къ

окружающимъ его молодымъ совѣтникамъ, кои были главными виновниками сей войны столь безславно окончившейся. Возвратясь въ столицу съ удрученнымъ духомъ отъ неосновательности любимыхъ имъ людей, Александръ I началъ оказывать къ нимъ заслуженное недовѣріе и перемѣнилъ своихъ министровъ. Управляющій иностраннымъ департаментомъ князь Чарторыйскій въ началѣ 1806 г. просилъ и получилъ увольненіе, Новосильцевъ и Ливень также начали колебаться. На мѣсто Чарторыйскаго помѣщенъ былъ генералъ Будбергъ. На мѣсто Ливена генералъ Аракчеевъ.

Перваго достоинства были столь ограничены наипаче для обстоятельствъ, въ коихъ находилась Россія, что непостижимо было какими судьбами могъ выборъ пасть на него, но вплиніе матери графа Ливена у двора и родъ прежняго служенія Будберга изъясняютъ сію загадку. Сей разслабленный тѣломъ и духомъ человекъ былъ, по связямъ лфляндскимъ, одобренъ Сакеномъ императрицѣ Екатерины II-й и отправленъ въ Саксонію для привоза графа Ангальта, дальняго родственника императрицы. Потомъ помѣщенъ былъ кавалеромъ при его императорскомъ высочествѣ великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ. Когда сей внукъ Екатерины достигъ до лѣтъ, требующихъ приску ему супруги, отправленъ онъ (Будбергъ) былъ къ разнымъ германскимъ дворамъ для полученія надежащихъ свѣдѣній объ имѣющихся невѣстахъ. Исполнивъ по желанію императрицы сіе порученіе, онъ былъ потомъ употребленъ по такимъ же предметамъ въ Швецію какъ въ царствованіе императрицы Екатерины, такъ и въ царствованіе императора Павла I-го. Неудачный успѣхъ сего дѣла всему свѣту извѣстенъ. Не задолго предъ кончиною императора Павла былъ онъ (Будбергъ) нѣсколько мѣсяцевъ градоначальникомъ столицы с.-петербургской и потомъ до вступленія въ министерство иностранныхъ дѣлъ жилъ въ отставкѣ, разѣзжая по разнымъ водамъ для поправленія разстроеннаго, можетъ быть неистовствами, здравія.

Графъ Аракчеевъ получилъ министерство военнаго департамента по пріобрѣтенной имъ славѣ въ мелочномъ познаніи службы. Онъ, не выходя во всю жизнь свою изъ столицы и никогда не служа въ полѣ, изъ подполковниковъ дошелъ въ 5-ти-лѣтнее царствованіе императора Павла до всѣхъ отличій единымъ строгимъ исполненіемъ мелочнаго надзора за одежду и строевымъ порядкомъ ввѣренныхъ ему командъ. Нѣкоторыя умозрительныя познанія объ артиллеріи и фортификаціи составляли его главное достоинство. Впрочемъ, онъ былъ человекъ не корыстолюбивый, строгій блюститель порядка, но не доброй души и весьма мстительный.

Со вступленіемъ сего человека въ министерство послѣдовали всякаго рода притѣсненія всѣхъ служащихъ въ воинской службѣ, и потребилась почти вся любовь къ оной.

Будбергъ, съ своей стороны, не имѣлъ никакихъ достоинствъ, былъ не что иное какъ надутый пузырь вздорами, болѣзнями и надменностію. Обольщенный иноплеменными пришлецами, яко Поццо-ди-Борго, и другими подобными довѣрялся имъ и ихъ прояскамъ, уклоняясь отъ Россіянъ. Турецкая война есть плодъ его премудрости. Тяльзитскій миръ также есть произведеніе его малодобительности за пользами государства. Словомъ сказать, сей министръ былъ данъ Россіи во гнѣвъ небесъ коварствомъ лифляндской партіи при дворѣ, въ челѣ которой была оберъ-гофмейстерина графиня Ливонъ, дѣйствующая чрезъ влущенія, чинимыя ею матери императора.

Подъ руководствомъ такихъ людей воспріято вторично оружіе противъ Франціи въ 1807 году, въ союзѣ съ вѣроломнымъ берлинскимъ кабинетомъ, виновникомъ злополучія похода 1805 года. Австрія сохранила безразсудно нейтралитетъ до прибытія російскихъ войскъ на берега Вислы. Пруссія со всѣмъ своимъ 200-тысячнымъ войскомъ была въ три недѣли совершенно поглощена Наполеономъ, и кровавое поприще открылось почти на предѣлахъ Россійской имперіи.

Армія ввѣрена была фельдмаршалу графу Каменскому. Подъ нимъ начальствовали корпусами: генераль-отъ-инфантеріи графъ Буксгевденъ и баронъ Беннигсенъ. Каменскій по прибытіи къ арміи учинилъ надлежащія распоряженія, но предъ самымъ сраженіемъ сдѣвъ команду, за болѣзнію, удаллся. Итакъ передовымъ корпусомъ начальствовавшій баронъ Беннигсенъ вступилъ въ бой подъ Пултускомъ и благоразумными мѣрами своими удержалъ стремленія непріятели, гораздо превосходящими силами распоряжающаго, и есть ли бы не заглушая долгъ къ отечеству графъ Буксгевденъ, стоявшій въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста сраженія, ударилъ на непріятели съ 60-ю тысячами человекъ его корпусъ составлявшихъ, (то) нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ съ соединенными войсками своими понесъ бы совершенный уронъ, и что тогда загладилось бы аустерлицкое пораженіе. Но зависть и коварство руководствовали душою Буксгевдена, котораго страсти раздуваль графъ Петръ Александровичъ Толстой, братъ оберъ-гофмаршала, вѣроподобно въ упованіи, чтобъ на развалинахъ сего злополучія получить главное начальство надъ всею арміею. Не взирая, однакожъ, на толико злосчастное расположеніе генералитета російскаго, Наполеонъ встрѣтилъ оплотъ и принужденъ былъ искать новыхъ успѣховъ, распространяясь къ Кенигсбергу и Гданску.

Между тѣмъ сраженіе подъ Пултускомъ принудило ввѣрить армію барону Беннигсену и отозвать графа Буксгевдена. Сей начальникъ арміи, идучи вслѣдъ за непріятеlemъ, имѣлъ съ оными весьма кровавый бой подъ Преисшигъ-Эйлау, гдѣ равномерно Наполеонъ потерпѣлъ сильный уронъ, но гдѣ начальникъ російской арміи не умѣлъ

увѣнчать дѣла, смѣлымъ движеніемъ впередъ, опасаясь недостатка въ сѣбѣстныхъ припасахъ. Сіе самое причиною было послѣдующихъ несчастій въ кампанію 1807 года, въ которую пораженіе російской арміи подъ Фридландомъ довершило славу Наполеона и подало поводъ къ постыдному Тильзитскому миру, которымъ основала Франція изнеможеніе нашего отечества. Сей бѣдственный договоръ, при заключеніи коего не находилось ни одного человѣка ни съ твердостію, ниже съ малѣйшими познаніями для обузданія честолюбивыхъ замысловъ Наполеона, есть и будетъ виновникомъ всѣхъ несчастій Россіи, доколѣ Десянца Всевышняго не изотретъ изъ актовъ народныхъ условія совершенно противныя существеннымъ пользамъ государства и доколѣ не возстановится надлежащее равновѣсіе между Россією и Францією, охраняющее государственную власть каждого дѣлать и творить по хотѣнію и пользамъ, вымогающимъ отклоненіе отъ ненависти чуждой, и совѣтующимъ врагами себѣ почитать только тѣ державы, кои посягають на священное право господствованія по разуму, сердцу и пользамъ народовъ, вѣранныхъ Всемогущимъ Царемъ скипетру каждой державы, а не по волѣ притѣснителя и губителя всѣхъ правъ — Наполеона императора французовъ ¹⁾.

¹⁾ На этомъ рукописѣ оканчивается.

**Объ изыятіи изъ продажи «Отечественныхъ Записокъ» 1840,
1841 и 1843 г.г.**

*Циркулярное отношеніе товарища министра внутреннихъ дѣлъ Лекса—
губернаторамъ.*

26-го іюня 1852 г.

Государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобы при открываемой гдѣ-либо продажѣ экземпляровъ журнала «Отечественныхъ Записокъ» 1840, 1841 и 1843 г.г., оныя немедленно были скупаемы у книгопродавцевъ подъ рукою чрезъ довѣренное лицо и чтобы на этомъ же основаніи упомянутые экземпляры были изъяты изъ всѣхъ частныхъ библиотекъ для чтенія, гдѣ таковыя находятся.

Считая долгомъ о таковой высочайшей волѣ сообщить г.г. начальникамъ губерній къ точному исполненію, покорнѣйше прошу купленные экземпляры представить немедля въ министерство внутреннихъ дѣлъ, присовокупивъ при томъ, сколько именно за нихъ будетъ заплачено, для возврата употребленныхъ денегъ.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ

великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны съ сардинскимъ королевскимъ домомъ.

Въ своемъ трудѣ, посвященномъ биографіи императрицы Маріи Ѳеодоровны, г. Шумигорскій, говоря о посѣщеніи ею и ея супругомъ, великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ Турина, выражаетъ справедливое сожалѣніе о почти совершенной утратѣ переписки, завязавшейся послѣ этого посѣщенія между Маріей Ѳеодоровной и Маріей-Клотильдой, супругой наследника сардинскаго престола Карла Эммануила ¹⁾. Большинство писемъ всѣхъ вообще высочайшихъ особъ къ королевской савойской фамиліи хранится въ государственномъ архивѣ въ Туринѣ, выдѣленными въ особую рубрику (Archivio di stato. Lettere, principi). Здѣсь всѣ сохранившіяся письма русскаго императорскаго дома собраны въ одну связку; между ними нѣтъ писемъ Маріи Ѳеодоровны къ Маріи-Клотильдѣ, и потому догадка г. Шумигорскаго, вѣроятно, вполне основательна, по крайней мѣрѣ для одной изъ переписывавшихся сторонъ. Зато здѣсь среди писемъ, относящихся, главнымъ образомъ, ко времени императрицы Екатерины II, сохранились письма великой княгини Маріи Ѳеодоровны къ самому сардинскому королю Виктору-Амедею III, отцу упомянутаго выше Карла-Эммануила; тутъ же находится и письма Павла Петровича, какъ въ бытность его цесаревичемъ, такъ и послѣ восшествія на престолъ, адресованныя самому королю, его преемнику Карлу-Эммануилу, а также принцу Карлу-Эммануилу Савойскому, Кариньяну и его супругѣ Маріи-

¹⁾ См. Шумигорскій, „Императрица Марія Ѳеодоровна“, стр. 210.

Альбертинѣ. Если въ туринскомъ архивѣ сохранились всѣ письма русской великокняжеской четы къ Виктору-Амедею III, то надо считать, что эта переписка началась черезъ пять лѣтъ послѣ возвращенія изъ заграничнаго путешествія Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, при чемъ виѣшнимъ поводомъ послужилъ отъѣздъ изъ Россіи сардинскаго посла маркиза де-Парелла; она продолжалась вплоть до смерти сардинскаго короля въ 1796 году. Почти всѣ эти письма совершенно частнаго характера и вовсе не изобилуютъ какими-либо интересными подробностями въ фактическомъ отношеніи; они интересны, главнымъ образомъ, по ихъ почтительному и въ то же время игитимному тону, хорошо характеризующему тѣ дружескія отношенія, по крайней мѣрѣ съ одной стороны, какія установились между сардинскимъ королевскимъ семействомъ и русской великокняжеской четой послѣ путешествія этой послѣдней по Европѣ подъ именемъ графовъ du Nord. Исключеніе составляетъ письмо Павла I къ сардинскому королю отъ 24-го февраля 1800 г., въ которомъ онъ объясняетъ причины своего разрыва съ европейской коалиціей, порицаетъ образъ дѣйствія Австріи и увѣряетъ, что въ то же время онъ остается по-прежнему охранителемъ интересовъ Сардиніи отъ какихъ бы то ни было на нихъ посягательствъ. Письмо это, оставшееся, какъ кажется, неизвѣстнымъ нашимъ изслѣдователямъ, бросаетъ нѣсколько иной свѣтъ на всю эту переписку. Это письмо лишній разъ можетъ служить подтвержденіемъ того положенія, что Павелъ I — первый русскій царь, внесшій въ нашу политику отвлеченные принципы, которыхъ онъ придерживался строже другихъ своихъ современниковъ, и болѣе опредѣленнымъ выразителемъ которыхъ явился союзъ во вторую половину его царствованія. Въ царствованіе Павла создается у правительства мелкихъ государствъ Европы взглядъ на Россію, какъ на ихъ защитницу противъ напора новыхъ идей, взглядъ, который опять-таки былъ выдвигнутъ въ царствованіе Александра I въ такъ называемую эпоху конгрессовъ. Эти государства Тоскана, Неаполь, Римъ, Пьемонтъ, правители которыхъ, главнымъ образомъ, пострадали или въ эпоху революціи, или при Наполеонѣ. И какъ разъ съ этими правителями лично сблизился въ свое путешествіе Павелъ Петровичъ. Мы знаемъ о высказанныхъ имъ знакахъ расположенія римскому папѣ Пію VI, которому суждено было окончить свой вѣкъ въ плѣну во Франціи, и о его сближеніи съ Леопольдомъ Тосканскимъ ¹⁾; теперь передъ нами дружеская переписка Павла Петровича и его супруги съ представителями савойской династіи. «Легитимизмъ» Павла Петровича имѣлъ такимъ образомъ, въ значительной мѣрѣ, основаніе въ его личныхъ

¹⁾ Подробности о путешествіи Павла Петровича см. Шумигорскій, стр. 164—234; Кобеко, „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“, стр. 204.—244.

симпатіяхъ, отголосокъ которыхъ, въ данномъ случаѣ, мы находимъ и въ письмѣ его супруги. Настоящая переписка характеризуетъ ту психологическую почву, создавшуюся въ сферѣ семейныхъ и дружескихъ отношеній, на которой строилась въ началѣ XIX вѣка русская внѣшняя политика, что имѣло уже государственное значеніе,—политика, характерною чертою которой служить приводимое ниже письмо императора Павла I отъ 24-го февраля 1800 г. Вотъ основанія, которыя позволяютъ намъ думать, что обнаруженіе этой переписки будетъ не безынтересно для занимающихся отечественной исторіей.

М. Полѣвковъ.

I.

Письма великаго князя Павла Петровича.

1.

1-го (12) сентября 1787 г. Павловское¹⁾

Мой дорогой отецъ ²⁾

Я не могу удержаться, чтобы не снабдить маркиза де Парелла ³⁾ при его отъѣздѣ письмомъ къ вашему величеству. Завидую его судьбѣ въ томъ, что ему придется лично выразить вамъ свое почтеніе. Какъ я былъ бы доволенъ, если бы онъ смогъ выразить вамъ тѣ чувства, которыя я къ вамъ питаю; по крайней мѣрѣ, пусть онъ будетъ въ этомъ свидѣтелемъ. Я долженъ отдать ему справедливость—здѣсь, у насъ онъ сумѣлъ заставить полюбить себя. Въ этомъ году онъ былъ очень боленъ и до сихъ поръ еще слабъ. Соболаговолите, государь, сохранить ваше благорасположеніе ко мнѣ и, въ то же время, вѣрьте тѣмъ чувствамъ, въ которыхъ я вамъ однажды поклонился и которыя сохраняю во всю мою жизнь, будучи, мой дорогой отецъ, вашъ нижайшій и покорнѣйшій сынъ и слуга Павелъ.

¹⁾ Письма помѣщаются въ переводѣ съ французскихъ подлинниковъ.

²⁾ Далѣе этотъ заголовокъ мы опускаемъ.

³⁾ Маркизъ де-Парелла былъ посломъ сардинскаго короля при русскомъ дворѣ, съ 1783 до 1789 г., какъ указываетъ Н. Григоровичъ въ своемъ трудѣ „Кавицлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко“ (т. I, стр. 309). Изъ письма великой княгини Маріи Феодоровны отъ 3-го сентября 1787 г. можно предполагать, что упоминаемый здѣсь отъѣздъ маркиза де-Парелла былъ окончательнымъ. (См. ниже). Н. Григоровичъ ссылается на придворные календари, въ которыхъ въ 1789 г. мы, дѣйствительно, находимъ имя новаго сардинскаго посла Сапата ди-Понши (по-французски Zapatta de Pouchy), бывшаго въ Россіи до 1793 г. Можетъ быть, на основаніи приводимыхъ здѣсь писемъ, годъ отъѣзда маркиза де-Парелла придется отодвинуть на 1787 годъ.

2.

12-го (23) мая 1788 г. Царское Село.

Ваше дружеское расположеніе ко мнѣ позволяетъ мнѣ надѣяться, что вы раздѣлите со мною мою радость по случаю рожденія у меня дочери, которою моя жена разрѣшилась позавчера отъ бремени, и которой наречено имя Екатерина. Родительница и новорожденная находятся, по милости Божьей, въ полномъ здоровіи. Я поспѣшилъ тотчасъ же извѣстить васъ первымъ объ этомъ черезъ г-жу принцессу Пьемонтскую ¹⁾. Сохраните навсегда вашу къ намъ дружбу и считайте въ числѣ наиболѣе преданныхъ вамъ слугъ вашего вѣрнаго сына Павла.

3.

3-го (14) января 1789 г. С.-Петербургъ.

Беру смѣлость писать вамъ и принести мои поздравленія по случаю Новаго года вовсе не для того, чтобы сообразоваться съ обычаемъ, но чтобы еще разъ повторить увѣренія въ моихъ искреннихъ чувствахъ къ вамъ и выразить вамъ мои пожеланія всякаго благополучія. Примите благосклонно тѣ и другія и вѣрьте всегда, мой дорогой отецъ, вашему нижайшему и покорнѣйшему и вѣрному сыну и слугѣ Павлу.

4.

12-го февраля (2 марта) 1789 г. С.-Петербургъ.

Пользуюсь случаемъ отъѣзда маркиза де-Мерескъ, чтобы напомнить вамъ о себѣ и возобновить передъ вами увѣренія въ моей искренней къ вамъ привязанности и благодарности. Умоляю васъ сохранить на всегда вашу драгоценную для меня дружбу и вѣрить мнѣ во всю мою жизнь.

5.

18-го (29) декабря 1794 г. С.-Петербургъ.

Я почелъ бы себя преступившимъ пріятнѣйшую для меня обязанность, если бы не повторилъ по случаю Новаго года мои вамъ пожеланія, которыя мнѣ диктуютъ мои чувства; особенно въ такіе дни, кото-

¹⁾ Марія-Клотильда, жена Карла-Эммануила, наследника сардинскаго короля.

рые, кажется, созданы для испытанія всякой власти на землѣ¹⁾. Да благословить милосердый Богъ ваши замыслы и да подкрѣпитъ ваши силы и здоровье, за которое были здѣсь въ сильной тревогѣ. Удостойте меня и впредь вашимъ благорасположеніемъ и примите чистосердечныя увѣренія въ истинныхъ чувствахъ того, кто есть и будетъ и проч.

6.

Письмо императора Павла I королю Карлу Эмануэлю IV объ отозваніи изъ Италіи арміи Суворова.

24 го февраля ст. ст. 1800 г.

Мой братъ и кузень. Два письма вашего величества отъ 14-го января были мнѣ вручены камеръ-юнкеромъ вашимъ, графомъ Андezeno²⁾.

Въ одномъ изъ моихъ писемъ я изложилъ уже причины, понудившія меня оставить то дѣло, служить которому я взялся отъ всей моей души и сердца, имѣя въ виду единственно общее благо.

Но послѣ того какъ Вѣнскій дворъ обнаружилъ свои замыслы, я не считалъ приличнымъ быть ему пособникомъ въ его завоевательныхъ планахъ, которые, будучи противны моимъ принципамъ, всегда встрѣтятъ въ нихъ твердое противодѣйствіе. Дальнѣйшее пребываніе моей арміи въ Италіи могло бы послужить во вредъ вашимъ собственнымъ интересамъ, раздражая еще болѣе Вѣнскій дворъ, который, запявъ войсками владѣнія вашего величества, не можетъ еще смотрѣть на нихъ, какъ на земли, завоеванныя силою своего оружія. Я понимаю, какъ велико должно быть въ настоящее время безпокойство вашего величества, и какъ тягостно ваше положеніе, но я хотѣлъ бы, чтобы вы возложили надежду на Бога и рассчитывали на нашу искреннюю дружбу, которая никогда не позволитъ мнѣ потерять изъ виду ваши интересы.

Вотъ выраженіе того чувства, съ какимъ я пребываю, и проч.

¹⁾ Въ этой фразѣ, очевидно, намекъ на современные политическія событія и революціонное движеніе, достигшее апогея во Франціи, вышедшее изъ ея предѣловъ и какъ разъ въ это время отразившееся на интересахъ сардинскаго короля: въ ноябрѣ 1792 г. Ницца и Савойя перешли отъ Сардиніи къ Франціи, при чемъ населеніе послѣдней само высказалось въ пользу Франціи. 21-го января 1793 г. былъ казненъ Людовикъ XVI, а къ іюлю того же года отвосятся паденіе Жиронды (Файеръ. „Исторія Европы XIX вѣка“. Т. I, стр. 41, 44 и 53). Къ сожалѣнію, до насъ, какъ кажется, не дошла письма Павла къ Сардинскому королю 1791 и 1792 г.г.

²⁾ Настоящаго письма нѣтъ въ извѣстномъ сочиненіи Д. А. Милютина, „Исторія войны 1799 г.“

II.

Письма великой княгини Маріи Феодоровны Королю
Сардинскому.

1.

3-го (14) декабря 1787 г. Гатчина.

Государь, мой дорогой батюшка.

Поручаю г. де-Парелла ¹⁾ передать вашему величеству эти строки и увѣрить васъ въ моей нѣжной и ненарушимой привязанности. Мы съ горестью видимъ отъѣздъ г. де-Парелла, такъ какъ онъ сумѣлъ заставить всѣхъ уважать себя. Я желаю, чтобы онъ вамъ передалъ, мой дорогой батюшка, все то, что я ему поручила, и тогда вы убѣдитесь, что ваша дочь васъ нѣжно любитъ. Сохраните, умоляю васъ, ваше благорасположеніе ко мнѣ и вашу драгоценную память обо мнѣ, любите меня постоянно и будьте увѣрены, что я останусь до конца моихъ дней съ чувствомъ живѣйшей преданности, государь, мой дорогой батюшка, вашего величества вѣрная и преданная слуга и дочь Марія.

2.

1-го (12) января 1788 г. С.-Петербургъ.

Та, которую вы удостоиваете имени вашей дочери, не нуждается въ какомъ-либо опредѣленномъ днѣ, чтобы пожелать вамъ всевозможнаго счастья и благополучія. Но такъ какъ Новый годъ даетъ право выразить свои пожеланія, то удостойте, государь, принять мои, а вмѣстѣ съ ними и то выраженіе почтенія, которое я вамъ свидѣтельствую отъ чистаго сердца, будучи вамъ нѣжно и искренно предана. Осмѣливаюсь говорить такимъ языкомъ, такъ какъ я знаю, что ваше величество предпочитаетъ его всякому другому, ибо это—языкъ чувства. Вы уже знаете, мой дорогой батюшка, о тѣхъ горестныхъ минутахъ, которыя меня ожидаютъ; и я увѣрена, зная по опыту выше благорасположеніе ко мнѣ, что вы раздѣлите со мною мое горе и вознесете ваши молитвы о сохраненіи вашего дорогаго сына ²⁾. Я боюсь злоупотреблять драгоценнымъ временемъ вашего величества, продолжая это письмо, а потому

¹⁾ См. прим. 1-е.

²⁾ Рѣчь идетъ, очевидно о предположеніяхъ цесаревича Павла Петровича отправиться на театръ военныхъ дѣйствій. Къ новому 1788 году не выяснилось еще окончательно, что эта поѣздка не состоится. См. Д. Кобеко, „Цесаревичъ Павелъ Петровичъ“, стр. 337 и слѣд.

заканчиваю эти строки, умоляя васъ, мой дорогой и добрый батюшка, любить постоянно ту, которая имѣетъ честь называться и проч.

3.

Государь! Примите, мой добрый и дорогой батюшка, мои нѣжныя поздравленія по случаю Новаго года ¹⁾. Вы знаете, какъ вы нѣжно любимы вашей приѣмной дочерью, и потому вы легко убѣдитесь, что нѣтъ такого благополучія, котораго бы она вамъ не пожелала. Примите мои пожеланія, какъ выраженіе почтенія съ вашей обычной благосклонностью и соблаговолите питать ко мнѣ то же дружеское расположеніе, какимъ вы удостоивали меня до сихъ поръ. Вы уже знаете черезъ нашу дорогую принцессу Пьемонтскую о всемъ томъ, что я перенесла въ нынѣшнемъ году; но счастье быть вмѣстѣ съ моимъ дорогимъ мужемъ меня заставило все позабыть. Да будетъ угодно Богу, чтобы въ будущемъ году я не была подвержена болѣе тѣмъ же опасностямъ. Я увѣрена, что вы возносите ваши молитвы за меня, мой дорогой батюшка, и что онѣ принесутъ мнѣ счастье. Обнимая васъ со всею нѣжностью ребенка, и преисполненная тѣхъ чувствъ, которыя вы такъ хорошо сумѣли мнѣ внушить, я осмѣливаюсь называться, и проч.

4.

14-го (25) декабря 1790 г. С.-Петербургъ.

Возобновляя по случаю Новаго года вашему величеству почтительныя выраженія моей нѣжной привязанности, я осмѣливаюсь просить васъ, мой дорогой батюшка, принять увѣренія въ той нѣжности, какую я къ вамъ питаю и буду питать постоянно. Мнѣ пріятно льстить себя надеждой, что вы сохраните постоянно ко мнѣ ваше благорасположеніе и дружбу, и что наша разлука не уменьшитъ той нѣжной привязанности, какую вы мнѣ общали и которою я, въ свою очередь, вамъ такъ искренне отплачиваю. Да будетъ отмѣченъ для васъ, мой дорогой батюшка, этотъ годъ самыми счастливыми событіями. То счастье, какое вы распространяете на вашихъ подданныхъ, обезпечиваетъ ваше собственное; наслаждайтесь имъ вполне, точно такъ же, какъ увѣренностью, что вы любимы и обожаемы всѣми тѣми, кто имѣетъ счастье васъ знать. Сблаговолите быть увѣреннымъ, что ничто не можетъ сравниться съ

¹⁾ Это письмо безъ даты. Но по его содержанію, въ которомъ, какъ кажется, находятя указанія на тѣ же трудныя роды великой княгини, что и въ письмѣ № 2 Павла Петровича, его можно приурочить къ декабрю 1788 г.

нѣжной и искренней привязанностью, съ какою я останусь на всю мою жизнь.

5.

30-го апрѣля (11 мая) 1794 г. Павловскъ.

Какъ я должна благодарить васъ за всѣ тѣ нѣжныя и лестныя для меня выраженія, которыя вы соблагволили передать мнѣ черезъ г. де-ла-Турбіа ¹⁾. Я искренне тронута этимъ и желала бы выразить мою благодарность, равно какъ за то очаровательное письмо, которое онъ мнѣ передалъ отъ вашего имени. Я васъ обожаю, какъ отца; этимъ сказано все, и я признаюсь, что воспоминанія о вашей добротѣ и дружбѣ всегда меня трогаютъ. Сохраните, умоляю васъ, ваши лестныя для меня чувства ко мнѣ и вѣрьте, мой дорогой батюшка, что я желаю вамъ всякаго благополучія. Я была очень обрадована, имѣя случай воспользоваться отъѣздомъ г. де-Запатта, чтобы еще разъ выразить вамъ мое искреннее почтеніе, и поручить вашему благорасположенію отъѣзжающаго человѣка, вполне достойнаго уваженія. Почему не могу я льстить себя сладкой надеждою увидѣть васъ еще разъ и увѣрить по-прежнему въ моей преданности и привязанности самаго любимаго и уважаемаго отца! Тогда бы была вполне счастлива та, которая считаетъ за честь называться и проч.

6.

22-го ноября (ст. ст.) 1796 г. С.-Петербургъ.

Примите нѣжныя пожеланія и выраженія почтенія отъ вашей дочери и будьте увѣрены, мой дорогой и добрый батюшка, что я навсегда останусь вамъ предана. Пусть этотъ Новый годъ будетъ отмѣченъ для васъ всевозможнымъ благополучіемъ; пусть каждый мигъ вашего царствованія будетъ ознаменованъ самыми счастливыми событіями; вотъ чтó желаетъ вамъ мое сердце. Соблаговолите всегда помнить обо мнѣ и сохраните вашу дружбу ко мнѣ; знайте, мой добрый, дорогой и любимый отецъ, что пока я буду жива, я всегда буду помнить о тѣхъ знакахъ вашей доброты, которыми вы меня осыпали во время нашего пребыванія въ Туринѣ; это пребываніе навсегда останется самымъ дорогимъ для меня временемъ въ моей жизни. Примите выраженіе моихъ чувствъ и позвольте мнѣ навсегда называться, государь, мой дорогой батюшка, вашего величества, нижайшей и преданной дочерью и слугою Маріей.

¹⁾ Баронъ де-ла Турбіа, сардинскій посолъ при русскомъ дворѣ, былъ въ Россіи съ апрѣля 1794 г. по іюль 1795 г. и оставилъ, между прочимъ, довольно любопытное описаніе Новороссійскаго края и земель, прибрѣтенныхъ отъ Польши, за это время. Это описаніе не напечатано.

КАЗАНСКАЯ СТАРИНА.

(Изъ воспоминаній Ив. Ив. Михайлова ¹⁾.)

I.

Положеніе Казанской губерніи въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія.— Губернаторъ Стрекаловъ.—Ябедничество.— Губернскій прокуроръ Солдцевъ.— Взяточничество.— Полиціймейстеръ Поль.— Попечители Магницкій и Муснявъ.— Пушкинъ.— Императоръ Николай въ Казани.

Еще за два года до прибытія покойнаго государя Николая Павловича въ Казань (въ 1836 году) было извѣстно, что онъ намѣренъ посѣтить этотъ городъ. И городъ и губернія стали приготовляться къ приему. Все зашевелилось. Народъ былъ въ радостномъ настроеніи, власти же нѣсколько трусили. А какъ будетъ ревизія? Какъ бы не обнаружилось что-нибудь? За нѣсколько лѣтъ до этого, два сенатора, графъ Санти и Кушниковъ, ревизовали Казанскую губернію, и всѣ чиновники были отданы подъ судъ. Дѣло тянулось въ теченіе восьми лѣтъ, и чи-

¹⁾ Иванъ Ивановичъ Михайловъ, портретъ котораго помещенъ въ настоящей книжкѣ, родился въ г. Ядринѣ, Казанской губерніи, 30-го марта 1822 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ у губернера-нѣмца и вскорѣ былъ отданъ въ г. Казань въ извѣстный въ то время пансіонъ Львова, откуда и поступилъ въ Первую казанскую гимназію, казеннокоштнымъ воспитанникомъ. Дальнѣйшее образованіе онъ получилъ въ Казанскомъ университетѣ, по философскому факультету (такъ назывался тогда филологическій) и вышелъ со степенью дѣйствительнаго студента. Въ 1845 году онъ поступилъ въ штатъ канцеляріи астраханскаго губернатора, а затѣмъ былъ назначенъ помощникомъ редактора „Астраханскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, съ порученіемъ исправленія должности редактора.

новники получали половинное жалованье; но когда невинность ихъ была обнаружена, то за всё восемь лѣтъ выдана была имъ остальная половина.

Губернаторомъ въ Казани былъ въ то время генералъ-лейтенантъ Стрекаловъ—администраторъ изъ самыхъ обыкновенныхъ, не злой, но нельзя сказать, чтобы и особенно добрый. Это былъ сибаритъ, старавшійся пожить въ свое удовольствіе. Положеніе его было блестящее. Начальникъ губерніи, человекъ со связями, съ обеспеченнымъ состояніемъ, да еще получающій, кромѣ того, огромное, по тому времени, жалованье. Какого еще житья надо? Скажутъ: заботы огромныя—цѣлая губернія на плечахъ, надобно имѣть гигантскія умственные силы, чтобы нести это бремя. Ни чуть не бывало. Начальнику губерніи не для чего было не только работать, но даже и думать. Административная машина того времени была такъ отлично налажена, что управляющему краемъ было чрезвычайно легко. Петербургъ поважнѣе Казани, да и то въ старые годы градоправителя его не находили никакихъ затрудненій въ исполненіи своихъ многосложныхъ обязанностей.

— Это кто ко мнѣ пишетъ?—спросить, бывало, петербургскій губернаторъ Эссенъ, когда правитель канцеляріи подастъ ему бумагу.

— Это вы пишете.

— А, это я пишу. О чемъ?

Узнавъ, о чемъ онъ пишетъ, государственный мужъ подписывалъ бумагу.

Съ этого времени начинается его литературная дѣятельность. Въ 1847 году ему было поручено собраніе по Астраханской губерніи статистическихъ и географическихъ свѣдѣній. Трудъ этотъ былъ удостоенъ золотой медали отъ Императорскаго волебно-экономическаго общества. Служа впоследствии въ Петербургѣ, въ департаментѣ сельскаго хозяйства министерства государственныхъ имуществъ, онъ помѣщалъ много статей по разнымъ вопросамъ политической экономіи и рыболовству въ журналѣ „Министерства Государственныхъ Имуществъ“.

Затѣмъ служба его въ провинціи, въ должности товарища предсѣдателя гражданской палаты и мирового судьи въ Волынской губерніи, надолго отвлекла его отъ литературной дѣятельности, но все же, время-отъ-времени, онъ помѣщалъ небольшія статьи въ газетѣ „Сынъ Отечества“. Помимо ряда статей, помѣщенныхъ въ разное время въ журналѣ „Министерства Государственныхъ Имуществъ“, „Библиотекѣ для чтенія“, „Русскомъ Мирѣ“ и „Сынѣ Отечества“ отчасти политико-экономическаго, а отчасти публицистическаго характера, а также статистическаго описанія Астраханской губерніи, о которомъ уже упоминаю выше, имъ была напечатана, между прочимъ, статья „Владѣльцы и откупщики Каспійскаго моря“. Заслуживаетъ вниманія, что въ ней онъ за много лѣтъ впередъ до ветлянской чумы указывалъ на вредъ, могущій быть отъ соленія рыбы въ нечистенныхъ ларяхъ. На указаніе его, къ сожалѣнію, не было обращено вниманія. Свирѣпствовавшая въ 70-хъ годахъ въ Ветлянкѣ болѣзнь доказала справедливость его мнѣнія.

Скончался онъ 3-го ноября 1897 года.

Бывали администраторы болѣе безпокойные, какъ напр. аривавскій губернаторъ князь Андрониковъ. Этотъ все сомнѣвался, не обманываетъ ли его правитель канцеляріи, и придумалъ способъ, посредствомъ котораго удостовѣрился, что его не обманываютъ.

— Скажи правду, это вѣрно?—спрашивалъ онъ правителя канцеляріи, подносившаго ему бумаги къ подписанію!

— Вѣрно, ваше превосходительство.

— Взгляни на образъ, побожись!

Тотъ взглянетъ на образъ, побожится; князь Андрониковъ перекрестится и подпишетъ.

Главная задача губернатора состояла въ томъ, чтобы бумаги, присылаемыя изъ министерства, не лежали долго безъ отвѣта. Такой политики строго держался знаменитый казанскій губернаторъ Скарятинъ, столь счастливо воевавшій съ татарами въ послѣднее время. Эта манера практиковалась весьма многими дѣятелями, были бы бумаги скоро исполнены, а до людей подвластныхъ имъ—дѣла нѣтъ.

Подписать болѣе ста бумагъ въ день, хотя и не особенно трудно, но все-таки человѣкъ утомляется, надобно отдохнуть.

Чѣмъ заняться?—женщинами.

Стрекаловъ неуклонно держался этого правила. Будучи уже старъ и лысъ, онъ старался нравиться женщинамъ: румянился, носилъ парикъ, устроенный съ такимъ искусствомъ, что трудно было отличить его отъ настоящихъ волосъ; но въ особенности его молодила блескъ власти; онъ замѣнялъ ему румянецъ юности. Его побѣды обходились ему дешево. Родственниковъ женщинъ, удостовѣвшихся его благоволенія, онъ награждалъ тепленькими мѣстечками исправниковъ. По дѣламъ онъ, правда, взятокъ не бралъ, но съ откупщиковъ получалъ ежегодную дань. Это считали въ то время доходомъ безгрѣшнымъ. За нѣсколько десятковъ тысячъ рублей Стрекаловъ предоставлялъ откупщикамъ,— а ихъ въ губерніи было нѣсколько, — грабить обывателей, какъ имъ хотѣлось. Разъ, въ самомъ губернскомъ городѣ Казани, откупщику вздумалось дѣлать въ каждомъ домѣ осмотръ погребовъ, не приготовлено ли кто пива для домашняго употребленія, и не только за найденное пиво, но даже за густой квасъ откупъ взыскивалъ штрафъ съ хозяина дома. Слишкомъ густой квасъ доказываетъ намѣреніе хозяина приготовить пиво. Штрафъ взымался за вредныя мысли противъ откупа. Въ теченіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ производился, при содѣйствіи полицейскихъ властей, осмотръ кладовыхъ и погребовъ жителей Казани, по преимуществу купцовъ, мѣщанъ, мелкихъ чиновниковъ и духовныхъ лицъ. Измѣнительски преданный откупщику городъ заплатилъ страшную контрибуцію питейному баскаку. Ропотъ былъ страшный, но на это не было обращено ни малѣйшаго вниманія. Гра-

бежъ прекратился неожиданно по особенному случаю. Повѣренный откупа, въ сопровожденіи квартальнаго надзирателя, явился, между прочимъ, къ священнику Варлааміевскаго прихода: «такъ и такъ,—говорить,—позвольте осмотрѣть вашъ погребъ». Священникъ повелъ ихъ въ погребъ и когда они вошли внутрь, онъ заперъ ихъ тамъ, и отправился доложить объ этомъ бывшему въ то время архіепископу Владимиру. Продѣлка священника надъ служителями откупа показалаь владыкѣ очень остроумной. Онъ успокоилъ священника, но велѣлъ ихъ выпустить изъ заключенія. На другой день невинные узники явились къ преосвященному съ жалобою, но владыка принялъ ихъ сурово.

— Какъ смѣли вы придти въ домъ священника,—спрашивалъ преосвященный;—вы грабите народъ, вы отнимаете у бѣдняка послѣднее удовольствіе; вонъ, негодяи!

Послѣ такого мужественнаго отпора, откупъ долженъ былъ отступить, и не только духовныя лица, но и прочіе жители оставлены были въ покоѣ.

А что дѣлалось въ губерніи? Она походила на озеро, въ глубинѣ котораго крупныя рыбы поѣдали мелкихъ; на поверхности уже его было тихо, и оно блистало, гладкое, какъ зеркало.

Хотя обличители являлись и въ то время, но имъ крайне не везло. Одинъ изъ такихъ обличителей въ Казани былъ чиновникъ Кудрявцевъ. Онъ имѣлъ порядочное состояніе, былъ уже въ отставкѣ и писалъ разныя жалобы на управленіе, въ полной увѣренности, что онъ неуязвимъ. Стрекаловъ его предупреждалъ.

— Эй!—говорилъ онъ Кудрявцеву,—перестань ябедничать—худо будетъ.

Въ то время каждая, хотя и справедливая, жалоба считалась ябедой.

Но тотъ не унимался. И вотъ, въ одно утро Стрекаловъ призываетъ Кудрявцева къ себѣ. Тотъ является.

— А я, братъ, тебѣ пріятную вѣсточку скажу, — говоритъ ему Стрекаловъ.

— Какую, ваше превосходительство?—заинтересовался Кудрявцевъ.

— А тебѣ предстоитъ веселая поѣздка въ Уфу, и какъ ты славно прокатишься! погода такая отличная.

— Зачѣмъ?

— Да чтобъ тебѣ спокойно тамъ было. Ты все недоволенъ, то не такъ, да это не по тебѣ. Тамъ тебѣ ужъ не на что жаловаться будетъ. Все еще я вижу, не понялъ? Тамъ ябедничать не посмѣешь, тамъ ты будешь подъ надзоромъ полиціи.

Пять лѣтъ пробылъ Кудрявцевъ въ Уфѣ и, наконецъ, взмолился Стрекалову. Тотъ, усмотрѣвъ нравственное исправленіе Кудрявцева, смиловался и выхлопоталъ ему возвращеніе на родину.

Съ тѣхъ поръ Кудрявцевъ сталъ шелковый; объ обличеніи не смѣлъ и думать.

Были и другіе вольнодумцы: Аноровъ и Перовъ, но Перову выпала такая же доля, какъ и Кудрявцеву. Аноровъ тоже скоро замолчалъ. Этотъ писалъ довольно колкія статейки въ казанскій журналъ «Заволжскій муравей». Хотя фамилій онъ не выставлялъ, но нѣкоторые себя узнавали и жаловались Стрекалову на печатную обиду.

Ссылка подъ надзоръ полиціи за произнесеніе правды въ то время практиковалась очень часто. И не такъ давно, одинъ могущественный администраторъ, недовольный мѣстной газетой, осмѣлившейся имѣть независимый взглядъ, призвалъ къ себѣ ея редактора и произнесъ ему слѣдующую рѣчь:

— Послушайте, я не имѣю права закрыть вашу газету, но я могу сослать васъ подъ надзоръ полиціи; выбирайте любое: или закройте вашу газету, или отирайтесь въ отдаленный край на жительство.

Разумѣется, изданіе прекратилось.

Да и что могли сдѣлать въ то время мелкія частныя лица, безъ связей, безъ значенія, противъ цѣлаго корпуса взяточниковъ, правда, пустыхъ, ничтожныхъ, необразованныхъ людей, но сильныхъ единствомъ, одушевленныхъ однимъ общимъ стремленіемъ къ грабежу, крѣпко сплотившихся для защиты другъ друга. Былъ въ то время въ Казани человекъ посильнѣе этихъ крошечныхъ обличителей, и занимавшій важный постъ въ губерніи, по долгу службы обязанный вести борьбу съ врагами закона, который онъ поставленъ былъ охранять. По своимъ дарованіямъ и знанію дѣла, онъ неизмѣримо былъ выше всѣхъ губернскихъ сановниковъ, рѣзко выдѣляясь изъ всей казанской чиновной шушеры. Это былъ казанскій губернский прокуроръ Соляцевъ.

До назначенія въ должность прокурора, Соляцевъ былъ ректоромъ Казанскаго университета и профессоромъ юридическаго факультета, но за либеральныя мнѣнія былъ вытѣсненъ бывшимъ попечителемъ Магницкимъ. Между юридическими профессорами того времени онъ былъ свѣтиломъ. Въ то время, въ Казанскомъ университетѣ, считавшемся послѣ Московскаго лучшимъ университетомъ въ Россіи, юридическій факультетъ состоялъ, какъ на подборъ, изъ профессоровъ, отличавшихся бездарностію, большею частью нѣмцевъ, нахавшихъ въ Казань одинъ за другимъ, изъ своихъ фатерландовъ. Были между ними такіе талантливые люди, что, проживъ десятки лѣтъ въ Россіи, не умѣли слова выговорить по-русски. Таковъ былъ, напримѣръ, профессоръ Винтеръ. Камбекъ также блисталъ незнаніемъ русскаго языка:

— Ивановъ, садьте мимо Блокова, — говорилъ онъ студенту, который затруднялся, гдѣ сѣсть.

Соляцевъ, хотя и оставилъ университетъ, но любилъ бывать на

диспутахъ и вести ученый споръ. Являясь на эти турниры, онъ посреди юридическихъ профессоровъ игралъ первенствующую роль. Великолѣпнѣе онъ былъ въ эти минуты.

Помяну, разъ я былъ на диспутѣ магистрата Ратовскаго. Онъ защищалъ диссертацию на тему «Нѣтъ преступленія безъ закона». Весь комплектъ профессоровъ университета былъ въ сборѣ. Диспутъ начался тотчасъ же по прибытіи попечителя университета Мусяина-Пушкина. Началь его бывший деканомъ факультета профессоръ Фогель, началъ вяло, придираясь къ словамъ, не предъявляя ни одного серьезнаго возраженія. По временамъ открывали ротъ и другіе профессора Винтеръ и Камбекъ; эти мудрецы щебетали по-французски; возраженія ихъ были также ничтожныя. Диспутъ шелъ крайне скучно. Но вотъ въ собраніи появился господинъ, въ мундирѣ министерства юстиціи, съ звѣздой на груди, средняго роста, но могучаго сложенія; въ волосахъ его свѣтилась просѣдь, но на привѣтливо улыбавшемся лицѣ игралъ румянецъ, какъ у юноши. Глаза весело смотрѣли. Все встало какъ лѣсъ. Попечитель, ректоръ университета посѣщили къ нему на встрѣчу и привѣтствовали его съ уваженіемъ. Одинъ отставной профессоръ, умышленно взглянувъ на него, въ то же время насмѣшливо кивнулъ головой сосѣду на юридическихъ профессоровъ, которые, изображая на лицѣ искусственную радость, раскланивались съ посѣтителемъ. Ему предложено было почетное мѣсто, рядомъ съ попечителемъ и ректоромъ университета. Этотъ гость, принятый ученымъ собраніемъ съ такимъ вниманіемъ, былъ прокуроръ Солнцева.

Когда всѣ усѣлись, диспутъ начался снова. Фогель съ замѣтнымъ смущеніемъ продолжалъ свою рѣчь. Солнцева внимательно вслушивался. Вдругъ онъ обратился къ декану.

— Я несогласенъ съ вами, г. профессоръ,—магистрантъ правъ,—сказалъ онъ такимъ голосомъ, какъ будто громъ по тучамъ прокатилъ, и началъ опровергать положенія Фогеля. Тотъ, краснѣя, попытался защищаться. Солнцева слушалъ его съ нетерпѣніемъ. Онъ походилъ на льва, готоваго броситься на свою жертву и растерзать. Давъ Фогелю высказаться, Солнцева рядомъ ловко подобранныхъ доказательствъ сталъ снова опровергать его. Могучій голосъ его раздавался, какъ труба, рѣчь лилась свободно. Онъ просто прижалъ къ стѣнѣ Фогеля. Всѣ съ улыбкой переглядывались, слушая интересное ратованіе. Но несчастнаго профессора выручилъ попечитель.

— Позвольте вамъ замѣтить,—сказалъ онъ,—что здѣсь споръ идетъ у профессора съ магистрантомъ, а не съ вами.

Солнцева замолчалъ. Освобожденный отъ страшнаго борца, профессоръ снова началъ диспутъ съ Ратовскимъ, но продолжалъ уже не долго. Силы его истощились. Этого только и ждалъ Солнцева; голосъ

его снова загремѣлъ. Онъ повелъ диспутъ уже съ магистрантомъ, поле битвы было очищено ему безпрекословно. Всѣ глаза обратились на Солнцева, всѣ стали слушать съ напряженнымъ вниманіемъ; ветеранъ науки, старый ловкій спорщикъ предлагалъ магистранту вопросы, подстерегая его въ отвѣтахъ, сбивалъ его, заводилъ въ лабиринтъ противорѣчій и потомъ самъ отечески выводилъ его на дорогу. Онъ переворачивалъ избираемый имъ предметъ для спора на всѣ стороны, блистая при этомъ громаднѣе ученостію. Изумительная память его хранила всѣ свои пріобрѣтенія въ цѣлости. Окончивъ возраженія, онъ началъ, по обыкновенію, дѣлать уже комплименты магистранту, хвалилъ его диссертацию, — хотя прибавилъ онъ съ любезною улыбкою, — нельзя не признать ее противозаконною. Магистрантъ смутился. — Въ ней гораздо больше тезисовъ, — объяснилъ онъ, — чѣмъ это обыкновенно полагается правилами, вотъ въ какомъ отношеніи я считаю ее противозаконною.

Послѣ такихъ похвалъ въ его присутствіи никто изъ бывшихъ тутъ оппонентовъ не посмѣлъ и рта раскрыть. Декану оставалось только поздравить магистранта со степенью магистра.

Что же могли бы значить передъ нимъ казанскіе чиновники, между которыми многіе были такіе, что не въ состояніи съ толкомъ написать бумаги, умѣя только подписывать, и изъ которыхъ самыя лучшіе знали сводъ законовъ только отрывками, привыкнувъ примѣнять при разрѣшеніи дѣлъ нѣсколько статей, постоянно встрѣчаемыхъ ими на практикѣ. Эти лилипуты въ умственномъ отношеніи не должны бы смѣть и пикнуть передъ нимъ. А между тѣмъ въ дѣйствительности было не такъ. Конечно, Солнцевъ имѣлъ вліяніе, но оно далеко не соотвѣтствовало его дарованіямъ и знанію дѣла.

Сколько несправедливостей, сколько злодѣйствъ совершалось на его глазахъ, и онъ былъ безгласенъ. Повальное ограбленіе жителей Казани мѣстнымъ откупщикомъ, о которомъ я выше уже говорилъ, совершилось при немъ. При немъ полиціймейстеръ Поль свирѣпствовалъ въ Казани въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ

Много я на своемъ вѣку видалъ чиновныхъ изверговъ, но равнаго Полю не встрѣчалъ. Не говорю уже объ алчности его къ деньгамъ. Это была общая всѣмъ слабость въ ту пору. Поль дѣлалъ зло изъ одного удовольствія дѣлать его, не имѣя отъ этого никакой выгоды. Законъ и право для этого человѣка не существовали. Казанскій Поль былъ едва-ли не почище римскаго Катилины, только въ другомъ родѣ. Оставляю въ сторонѣ его злоупотребленія по должности. У него была неудержимая страсть къ тѣлеснымъ наказаніямъ, и онъ истязалъ людей совершенно невинныхъ. Полицейскимъ чинамъ стоило взять совершенно не причастнаго ни къ какому проступку человѣка и донести на другой день полиціймейстеру, что взятый былъ задержанъ за пьянство и буйство.

Поль, безъ всякой повѣрки донесенія, тотчасъ же приказывалъ его при себѣ растянуть и высѣчь. Этой участи подвергались не только простолюдины, но даже и мелкіе чиновники. Жалобы были бесполезны, на слѣдствіи ни одинъ полицейскій конечно не осмѣлился бы дать показанія противъ полиціймейстера. Разъ Поль едва было не засѣкъ одного портнаго по жалобѣ его хозяина за то, что тотъ отказывался просиживать за работой ножи напролетъ, тогда какъ и безъ того работаль усердно въ день часовъ по 15-ти. Солнцевъ не могъ не знать объ этихъ злодѣйствахъ, когда весь городъ зналъ о нихъ. Но мѣстный Цицеронъ безмолвствовалъ. Онъ былъ одинъ, а Катилинъ было много. Борьба съ ними кончилась бы для него лишеніемъ мѣста; а онъ былъ человекъ безъ состоянія.

Въ Казани народъ ждалъ государя съ ранняго утра. Помню, это было въ августѣ мѣсяцѣ. Погода стояла превосходная. Огромная толпа наполняла Воскресенскую улицу, на которой находилась квартира для государя въ губернаторскомъ домѣ. Я стоялъ у самаго подъѣзда. Вдругъ подъѣзжаетъ къ дому коляска, и въ ней сидитъ какой-то красавецъ генералъ рядомъ съ губернаторомъ. Никто въ толпѣ и не думалъ, чтобъ это былъ самъ государь. На видъ ему казалось не болѣе 35 лѣтъ.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ звучнымъ голосомъ, вышелъ изъ коляски и быстрыми шагами прошелъ во внутренность дома.

Тутъ только догадался народъ и радостно хлынулъ за государемъ къ крыльцу. Но толпу оставовилъ высокій, толстый офицеръ съ сѣдыми усами.

— Стой! кто осмѣлится дальше ступить, тотъ въ Сибирь пойдетъ,—сказалъ онъ впрочемъ негромкимъ сильнымъ голосомъ, съ ядовитою усмѣшкой.

Пожалуй трудно повѣрить, чтобъ кто-нибудь осмѣлился сказать такую дерзость въ глаза народу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ самого государя, но, клянусь, ясно слышалъ эти слова; я стоялъ вмѣстѣ съ толпой у самаго крыльца, возлѣ этого блестящаго оратора. Офицеръ, сказавшій эту знаменитую рѣчь, былъ маіоръ Германъ, полякъ, состоявшій при губернаторѣ Стрекаловѣ чиновникомъ особыхъ порученій, маленькій Конрадъ Валленродъ, извѣстный пьяница и буянъ. На него часто поступали жалобы; онъ находилъ несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ платить за работу портнымъ, сапожникамъ, часовщикамъ и выпроваживалъ ихъ чубукомъ, когда они являлись къ нему за деньгами. Стрекаловъ не обращалъ на эти жалобы вниманія и держалъ Германа за то, что онъ былъ свѣтскій человекъ и говорилъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, какъ на своемъ родномъ.

Черезъ нѣсколько времени явились къ государю всѣ губернскія власти, въ томъ числѣ и прокуроръ Солнцевъ и мѣстное дворянство.

Когда представленъ былъ ему Солнцевъ, государь сказалъ:

— Вотъ, что, Солнцевъ, я слышалъ, что ты пьешь, а между тѣмъ, ты человѣкъ способный и знающій. Поэтому я даю тебѣ полгода на исправленіе. Ежели же въ теченіе этого времени ты не справишься, то ты не можешь быть болѣе на службѣ.

Попечителемъ университета былъ въ то время д. т. с. Мусинъ-Пушкинъ. Недалекій, но благонамѣренный господинъ, онъ старался быть полезнымъ дѣлу настолько, насколько его понималъ. Предшественникъ его, Магницкій, былъ развитѣе и дароватѣе Пушкина, но это былъ низкій интриганъ, думавшій только о собственномъ возвышеніи; подъ конецъ царствованія Александра онъ напустилъ на себя ханжество и страшно преслѣдовалъ и выгонялъ лучшихъ профессоровъ. Изъ мнимой набожности, онъ воспретилъ преподаваніе анатоміи по трупамъ и ввелъ изученіе ея по картамъ. Студентовъ онъ притѣснялъ, учредилъ между ними монастырскую дисциплину, раздѣлялъ ихъ по поведенію и дѣлалъ надписи на комнатахъ, гдѣ помѣщались тогда казенные студенты: хорошіе, посредственные и дурные. По праздникамъ въ университетской церкви студенты по его указанію произносили проповѣди. За малѣйшій проступокъ, недостаточно даже доказанный, онъ подвергалъ наказанію безъ состраданія. Одного студента за какой-то неважный проступокъ чуть-ли не того Иванова, который былъ потомъ въ этомъ же университетѣ профессоромъ исторіи, онъ держалъ въ карцерѣ полгода, никого къ нему не допускалъ, оставивъ ему для чтенія евангеліе, и когда самъ приходилъ къ нему, то говорилъ: «страдай, какъ страдалъ Иисусъ Христосъ». Бѣднякъ былъ выпущенъ изъ карцера уже по удаленіи Магницкаго отъ должности.

Замѣна Магницкаго Пушкинымъ была истиннымъ благодѣаніемъ для университета и всего учебнаго округа, и этою замѣною округъ былъ обязанъ покойному императору Николаю I. Пушкинъ принялся за реформы. Прежде всего онъ уничтожилъ дѣленіе казенныхъ студентовъ по поведенію.

— У меня всѣ хороши,—говорилъ онъ.

Ханжество было изгнано. Анатомія стала преподаваться по настоящимъ трупамъ, а не картамъ, и анатомическій театръ былъ приведенъ въ отличное состояніе. Кабинеты физическіе, химическій, бывшіе прежде въ запущенномъ состояніи, усовершенствованы. Библіотека, обсерваторія, клиника и другія помѣщенія были отстроены заново и приведены въ должный видъ.

Студентовъ, замѣтныхъ по своимъ дарованіямъ, трудолюбію, Пушкинъ отличалъ и старался выводить на дорогу. Ревизуя гимназіи, онъ всегда разыскивалъ способныхъ учениковъ и, узнавъ объ ихъ недостаточности, опредѣлялъ на казенный счетъ въ первую Казанскую гимназію. Въ Саратовской гимназіи онъ замѣтилъ ученика Зинина, будущаго

профессора и академика, который во все время университетского курса жилъ у него, пользовался его расположеніемъ, кончилъ курсъ, выдержалъ экзаменъ на магистра химіи, посланъ былъ на казенный счетъ за границу и при немъ же, по возвращеніи оттуда, получилъ въ университетѣ кафедру профессора. Профессоръ Ивановъ также ему обязанъ своей карьерой.

Конечно, у Пушкина было много недостатковъ. Онъ нерѣдко позволялъ себѣ грубыя выходки, былъ непомярно раздражителенъ, запугивалъ, оскорблялъ людей, иногда не разобравши дѣла, но всѣ знали, что это происходило не отъ злобы, а была генеральская привычка распекать, въ то время это считалось необходимымъ, какъ палка для солдата. Все это выкупалось добродушіемъ, желаніемъ всячески помочь.

Благодаря его представленіямъ, многіе служившіе подъ его начальствомъ получали въ нуждѣ пособіе. О бѣдныхъ студентахъ онъ также заботился.

Въ то время въ Казанскомъ университетѣ часть студентовъ содержалась на казенный счетъ, но и за тѣмъ оставалось еще много молодыхъ людей, которымъ жить было нечѣмъ. Для нихъ была устроена квартира; ихъ довольствовали казеннымъ столомъ, и такимъ образомъ они могли безъ особенной нужды прожить до окончанія курса. Студентовъ онъ всегда защищалъ отъ притѣсненій. Разъ доходить до него свѣдѣніе, что какой-то университетскій чиновникъ Поповъ, старый подъячій, допускаетъ поборы съ окончившихъ курсъ студентовъ за выдачу аттестатовъ. Взбѣшенный Пушкинъ въ ту же минуту прилетѣлъ въ университетъ.

— Гдѣ этотъ разбойникъ, извергъ, кровопійца?—кричалъ онъ.—Я его въ окошко выброшу.

И онъ буквально исполнилъ бы это, еслибъ тотъ осмѣлился ему противорѣчить. Но за него упросилъ попечителя ректоръ университета Лобачевскій, изъ состраданія къ его семейству.

Вообще взяточниковъ, казнокрадовъ онъ терпѣть не могъ. Разъ помощникъ инспектора изъ семинаристовъ, Климентовъ, вздумалъ проситься въ эконома университета.

— Сколько ты жалованья получаешь?—спросилъ Пушкинъ.

— Тысячу двѣсти ассигнаціями,—отвѣчалъ просящій мѣста.

— А эконома меньше?

— Меньше.

— Значитъ, ты воровать хочешь. Не дамъ я тебѣ мѣсто эконома, пошелъ вонъ!

Бывало и такъ, что вслѣдствіе строптивости Пушкина сторонніе люди неробкаго десятка давала и сдачи. Я помню одинъ случай. Въ Казани весною, когда Волга разольется и суда могутъ входить въ городъ, по рѣчкѣ Булаку образуется вѣчто въ родѣ ярмарки. На мосткахъ надъ

рѣкой устранивають лавки, въ которыхъ продають посуду и разныя хозяйственныя вещи. Это обычное весеннее гулянье. Волны народа снуютъ взадъ и впередъ. Разъ вадумалъ и Мусинъ-Пушкинъ провѣтриться. Идетъ онъ во главѣ толпы, а на встрѣчу ему другая толпа. Пушкинъ столкнулся съ военнымъ священникомъ съ георгиевскимъ крестомъ, человекомъ бывалымъ, выдавшимъ виды.

— Невѣжа!—сказалъ Пушкинъ, не обращая вниманія на санъ священника.

— Нѣтъ ты невѣжа,—отвѣчалъ священникъ.

— Какъ ты смѣлъ мнѣ это сказать, я попечитель учебнаго округа.

— Я тебя не знаю, а ты видишь, что я священникъ, и такъ со мною грубо обошелся (священникъ очень хорошо зналъ, что это попечитель).

Пушкинъ промолчалъ.

Его недостатки скорѣе надо приписать настроенію времени, чѣмъ его личному характеру. Тогда каждый въ своемъ околоткѣ разыгрывалъ вельможу, пока не нашла коса на камень.

Пушкинъ былъ человекъ чрезвычайно добрый. Весьма замѣлательно отношеніе его къ экзаменующимся. Онъ въ каждомъ ученикѣ видѣлъ какъ-бы роднаго сына. При переводѣ студентовъ изъ курса въ курсъ и профессора и учителя гимназій во всемъ учебномъ округѣ держались одного направленія съ попечителемъ — снисходительнаго отношенія къ молодежи. Помню, при поступленіи въ университетъ, кто-то изготовилъ билеты изъ географіи слишкомъ дробныя. Если ученикъ не могъ отвѣчать на одинъ билетъ, что очень легко могло случиться, то ему приходилось получить единицу. Пушкинъ посмотрѣлъ и сказалъ:

— Надо составить другіе билеты, болѣе обширныя, чтобы дать возможность молодому человеку что-нибудь отвѣтить. Можно знать предметъ хорошо и не знать нѣсколькихъ билетовъ. Надо оцѣнивать его познанія въ цѣломъ.

Въ день пріѣзда (въ 1836 году) государя Пушкинъ ожидалъ его на парадномъ крыльцѣ университета съ рапортомъ въ рукѣ. Рассказываютъ, что когда кто-то сказалъ ему, что государь ѣдетъ, у него рапортъ выпалъ изъ рукъ. Но онъ ободрился и подхватилъ бумагу на-лету. Государь, подхвативъ, полюбовался зданіемъ университета и весело вошелъ въ домъ. Въ одной изъ большихъ залъ его дожидались собранныя тамъ профессора и студенты. Въ то время между профессорами было еще много монстровъ, оставшихся отъ стараго времени. Такими допотопными созданіями наполнены были словесный и юридическій факультеты; имъ давали время на выслугу полнаго пенсіона. Государь во время представленія, соскучившись вѣроятно созерцаемъ этихъ ученыхъ чудовищъ, вдругъ спросилъ: «а гдѣ мои берлинцы?» т. е. тѣ профессора,

которые довершали свое образованіе въ Берлинскомъ университетѣ. Ему представили профессора Котельникова, преподавателя математики, ботаника Троцкого и Скандовскаго, доктора медицины. Между прочимъ онъ обратилъ вниманіе на профессора Эверсмана, извѣстнаго тѣмъ, что во время ученаго путешествія своего на востокъ онъ попалъ въ плѣнъ къ бухарцамъ, и ему едва удалось спасти жизнь, и на профессора Казембека изъ персіянъ, принявшаго христіанство. Казембекъ былъ въ персидскомъ костюмѣ, съ тѣмъ только отличіемъ, что воротникъ его синяго кафтана былъ вышитъ серебромъ по формѣ, установленной для министерства народнаго просвѣщенія. Оба эти профессора были достойныя, заслуживающія уваженія личности, дѣльные ученые и вмѣстѣ съ тѣмъ люди готовые на все доброе. Государю понравилась наружность студентовъ, между которыми было много красавцевъ, и онъ приказалъ попечителю пригласить вѣсколькихъ студентовъ въ дворянское собраніе на балъ.

Въ то же утро онъ посѣтилъ 1-ю Казанскую гимназію. Въ Казани въ 1836 году существовали двѣ гимназіи. Первая старѣйшая учреждена была еще при Екатеринѣ II и называлась Императорскою. Изъ нея вышли Державинъ и Аксаковъ. Въ двадцатыхъ годахъ былъ въ ней директоромъ извѣстный Лажечниковъ. Имена литературныя громкія. Здѣсь содержались ученики на казенный счетъ; были и своекоштные. Съ 1835 года въ Казани явилась вторая гимназія, въ которой были ученики только своекоштные. Въ день посѣщенія государемъ 1-ой гимназіи воспитанники обонхъ учебныхъ заведеній были поставлены въ одной изъ залъ по обѣ стороны, каждая гимназія отдѣльно.

Государь вошелъ въ гимназическій залъ. Направо помѣщались казенные ученики 1-ой Казанской гимназіи. Казеннокоштные воспитанники были большею частію народъ крупный. Многие, не достигши еще высшихъ классовъ, имѣли по 18 и болѣе лѣтъ и по наружному виду годились въ гвардію. Государь былъ пріятно пораженъ видомъ рослыхъ краснощекихъ молодцовъ, которые, выстроившись въ заднемъ ряду вдоль стѣны, казались великанами въ сравненіи съ стоявшими въ переднихъ рядахъ маленькими учениками.

— Какой славный народъ! — воскликнулъ государь. — Эти господа, — указывалъ онъ на стоявшихъ въ заднихъ рядахъ, — навѣрное уже въ 7-мъ классѣ?

— Точно такъ, ваше величество, — отвѣтилъ попечитель; — всѣ въ 7-мъ классѣ.

— А каково они учатся?

— Очень хорошо, ваше величество, — безъ малѣйшаго колебанія, отвѣчалъ попечитель.

А тутъ были ученики 3-го и 4-го классовъ, которые учились крайню

плохо, и изъ нихъ одинъ только дошелъ до университета, благодаря снисходительности властей, но вышелъ изъ перваго курса, по совершенной неспособности къ продолженію ученія, прочіе же не окончили курса и въ гимназиі и разбрелся Богъ вѣсть куда.

Послѣ представленія директоровъ обонхъ учебныхъ заведеній, государь отправился обозрѣть зданіе 1-й Казанской гимназіи. Мусинь-Пушкинъ выказалъ въ обхожденіи съ государемъ особенную ловкость. Проходя по комнатѣ, онъ шелъ рядомъ съ государемъ, свободно разговаривая съ нимъ громкимъ голосомъ; предъ переходомъ въ слѣдующую комнату онъ красивымъ танцевальнымъ бѣгомъ пронеслся чрезъ двери одинъ впередъ и тамъ снова встрѣчалъ государя, объясняя назначеніе комнаты и отвѣчая на предлагаемые ему государемъ вопросы.

Осмотрѣвъ зданіе гимназіи, государь перешелъ черезъ улицу, чтобы посѣтить гимназическую больницу, помѣщавшуюся напротивъ. Здѣсь онъ обратилъ вниманіе на стоявшую при входѣ высокую видную женщину въ длинномъ платьѣ, повязанную платкомъ и въ высокой шапкѣ на подобіе папской тиары съ металлическими висюльками. Она почти тельно поклонилась.

— Это что за человекъ?—спросилъ государь.

— Это татарка,—отвѣчалъ попечитель.

То была жена больничнаго служителя солдата.

Отсюда государь перешелъ въ зданіе отдѣленія военныхъ кантонистовъ, находившееся тутъ же черезъ улицу.

Много было писано вообще о жестокостяхъ, допускаемыхъ въ заведеніяхъ, гдѣ воспитывались кантонисты, о томъ, какъ ихъ скверно держали, какъ ихъ истязали. Мнѣ близко было извѣстенъ ихъ бытъ въ Казанскомъ отдѣленіи. Начальникъ его, Колтовской, былъ человекъ добрый; воспитанники при немъ содержались хорошо, и онъ самъ лично не позволялъ себѣ ни малѣйшей жестокости, напротивъ относился къ ученикамъ очень снисходительно, въ особенности къ маленькимъ; но офицеры, служившіе въ этомъ заведеніи, отличались звѣрскимъ обхожденіемъ; однако, этого нельзя сказать обо всѣхъ, исключенія были и тутъ; были и между ними порядочные люди.

Императоръ Николай I во время смотра имѣлъ обыкновеніе осматривать обмундированіе и бѣлье. При немъ трудно было скрыть какіе-либо беспорядки въ этомъ отношеніи. Онъ выбиралъ въ строю какого-либо солдата, приказывалъ ему раздѣться и пересматривалъ на немъ все до послѣдней нитки. Точно также онъ поступилъ и здѣсь. Бѣлье кантонистовъ показалось ему слишкомъ грубо.

— Это что за бѣлье? я тебя самого заставляю носить такое,—загремѣлъ государь на Колтовскаго.

Тотъ поблѣднѣлъ и не смѣлъ ничего сказать, но тутъ государю было

доложено, что это самое бѣлье было осматриваемо инспекторомъ корпуса внутренней стражи Капцевичемъ, и тотъ разрѣшилъ его употребленіе. Государь успокоился.

Кажется, въ тотъ же день императоръ посѣтилъ Казанскій тюремный замокъ. Въ здѣшней огромной тюрьмѣ, похожей на крѣпость, сходились арестанты со всей Россіи, назначенные для ссылки въ Сибирь, и ожидали отправленія. Въ Казани существовала особая экспедиція о ссыльныхъ. На этотъ разъ было въ тюрьмѣ до 300 человѣкъ. Государь приказалъ вызвать всѣхъ арестантовъ по списку. Бывшій при этомъ губернской прокуроръ Соляцевъ сказалъ, что онъ знаетъ наизусть имена всѣхъ арестантовъ и можетъ назвать ихъ всѣхъ, не прибѣгая къ списку. Государь захотѣлъ повѣрить его и дозволилъ ему вызывать самому всѣхъ арестантовъ, а адъютанту приказалъ слѣдить за нимъ по списку. Соляцевъ своимъ обычнымъ громовымъ голосомъ сталъ называть каждого изъ арестантовъ именемъ, какимъ онъ значится по списку, и кромѣ того о нѣкоторыхъ припомнилъ прозвища, даваемая арестантами другъ другу, и о каждомъ пояснилъ, по какому дѣлу кто ссылается или содержится. Государь выразилъ невольное удивленіе къ памяти Соляцева.

Вечеромъ государь былъ въ дворянскомъ собраніи. Мусинъ-Пушкинъ позаботился, чтобъ приглашенные на балъ студенты не ударили себя въ грязь лицомъ. Онъ приказалъ имъ явиться предъ отправленіемъ на балъ къ нему въ домъ совсѣмъ готовыми, осмотрѣлъ ихъ нарядъ, училъ ихъ, какъ надобно себя держать, и потомъ отправилъ ихъ въ собраніе. Лучшаго руководителя въ этомъ отношеніи трудно было и найти. Государь остался очень доволенъ студентами.

На другой день былъ смотръ войскамъ на Арскомъ полѣ, за городомъ.

Смотръ войскъ сошелъ блистательно. Государь самъ командовалъ. Ему понравился рослый народъ въ Казанскомъ баталіонѣ. Онъ самъ отобралъ многихъ изъ нихъ въ гвардію. Проѣзжая по Казанской губерніи, онъ увидалъ разъ въ толпѣ черемиса гигантскаго вида.

— Хочешь мнѣ служить?—спросилъ его государь.

Тотъ промолчалъ. Государь повторилъ вопросъ. Черемисъ по-прежнему промолчалъ. Такъ государь его и оставилъ.

Три дня государь пробылъ въ Казани, проводя время въ посѣщеніи всѣхъ здѣшнихъ учрежденій, любуясь городомъ и весельемъ ликовавшаго народа.

Разсказываютъ, что городъ ему очень понравился, и онъ произнесъ: «моя Казань». Каждый вечеръ городъ былъ иллюминированъ. Черное озеро (такъ называется тамъ общественный садъ) по вечерамъ было залито огнями. На третій день вечеромъ государь оставилъ Казань. Толпа народа бѣжала за его коляской, провожая криками «ура!» Доѣхавъ до Волги,

государь распорядился послать награды чиновникамъ, обратившимъ на себя его вниманіе. Въ числѣ награжденныхъ былъ и Колтовской. По всей вѣроятности, только въ эту минуту у него отлегло отъ сердца послѣ грозныхъ словъ, произнесенныхъ государемъ.

Покойный государь любилъ ѣздить скоро. Разумѣется, на всѣхъ станціяхъ заготовлялись лошади отличныя, и препятствій къ этому никакихъ не могло быть. Но одинъ ямщикъ, вѣроятно, изъ осторожности боявшійся пустить лошадей во весь духъ, чтобы не разнесли, ѣхалъ тише, чѣмъ другіе. Государь, выходя на станцію, сказалъ: «скверно везъ». Этими словами онъ конечно хотѣлъ сказать, что лишаетъ его обычной платы на водку. Но мѣстные власти, къ сожалѣнію, поняли эти слова по-своему, и бѣдный ямщикъ былъ наказанъ. Всѣ ямщики со страха разбѣжались. Не знали, что дѣлать. Мѣстный исправникъ нашелся, онъ приказалъ своему лакею отправиться вмѣсто ямщика. Государь и не подозрѣвалъ, что происходило на станціи. На этотъ разъ онъ проѣхалъ благополучно, но въ Пензенской губерніи съ нимъ случилось несчастье. Кучеръ пустилъ съ одной станціи лошадей во весь духъ. Лихія лошади разгорячились. На пути былъ оврагъ. Напрасно несчастный старался сдержать разсвирѣпѣвшихъ лошадей. Закусивъ удила, онъ повесилъ подъ гору съ страшною быстротою. Коляска на всемъ скаку свалилась на бокъ, и государь сломалъ себѣ руку (ключицу).

Сообщ. С. Н. Кулябко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Празднованіе юбилея Н. И. Греча.

Циркулярное отношеніе генераль-губернатора Западной Сибири Гисфорта—губернаторамъ.

18-го декабря 1854 г. Омскъ.

Въ текущемъ году совершится пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности извѣстнаго нашего писателя Николая Ивановича Греча.

Изъ прилагаемаго при семъ извѣщенія ваше превосходительство изволите усмотрѣть, что почитатели литературныхъ заслугъ Греча желаютъ отпраздновать юбилей его и что на это послѣдовало уже высочайшее соизволеніе.

Сообщая о семъ, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, распространить извѣщеніе о предстоящемъ юбилеѣ между просвѣщенными жителями вѣреннаго вамъ управленія и пригласить желающихъ принять въ ономъ участіе.

Извѣщеніе.

Государь императоръ, въ милостивомъ вниманіи къ литературнымъ заслугамъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Ивановича Греча, Высочайше соизволилъ разрѣшить отпраздновать пятидесятилѣтній юбилей его дѣятельности и поднести ему, въ память этого случая, кубокъ или другую какую-либо вещь.

Кому въ Россіи неизвѣстны заслуги Николая Ивановича! Посвятивъ себя, полвѣка тому назадъ, трудамъ на пользу россійской словесности и преимущественно на изслѣдованіе законовъ роднаго языка, онъ на этомъ мало обработанномъ поприщѣ подвизался съ тѣхъ поръ неуклонно и, конечно, былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ и счастливѣйшихъ на ономъ дѣателей. Изданныя имъ грамматики не мало способствовали правильному изученію нашего языка, какъ русскими, такъ и иностранцами. Впослѣдствіи, принявъ на себя, въ эпоху Отечественной войны, изданіе «Сына Отечества», онъ былъ всегда вѣрнымъ органомъ тѣхъ высокихъ патріотическихъ чувствъ, конми по справедливости мы, русскіе, можемъ гордиться. Вообще, всё сочиненія его, проникнутыя теплою любовью къ отечеству, стяжали ему уже давно право на уваженіе и благодарность. Празднованіе его юбилея назначается въ послѣднихъ числахъ декабря. Желающіе участвовать въ немъ своими приношеніями, какъ соотечественники, такъ и соотечественницы, приглашаются обращаться къ одному изъ лицъ, принявшихъ на себя званіе распорядителей юбилея: адмиралу Петру Ивановичу Рикорду, генераль-адъютанту Якову Ивановичу Ростовцеву и тайнымъ совѣтникамъ: Владиміру Ивановичу Панаеву, графу Федору Петровичу Толстому и Александру Максимовичу Княжевичу.

Состояніе царства Польскаго въ 1861 и 1862 гг.

Всеподданнѣйшія донесенія генераль-адъютанта князя М. Д. Горчакова.

1.

16-го (28-го) февраля 1861 г. Варшава.

Крайняя партія, продолжая пользоваться своими средствами возбужденія почти ежедневно, порядочно времени тому назадъ распустила между прочимъ слухъ, что 13-го (25-го) (годовщина гроховскаго сраженія) населеніе Варшавы, цехи со своими значками во главѣ должны отправиться на Гроховскую равнину, чтобы присутствовать тамъ при религиозной церемоніи, и что ваше величество, будучи увѣдомлены объ этомъ намѣреніи, приказали послать туда въ память русскихъ, павшихъ на полѣ сраженія, два батальона войскъ.

Наканунѣ дня, назначеннаго для этой манифестаціи, разрушительная партія распространила слухъ объ общемъ собраніи на площади Стараго мѣста, и ей даже удалось расклеить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соотвѣствующія объявленія о собраніи на 13-е (25-е) число, въ шесть часовъ вечера. Дѣло шло, какъ говорили, о процессіи по городу съ факелами, въ память побѣды.

Власти немедленно приняли мѣры, полиція захватила одного изъ авторовъ расклеенныхъ объявленій, выдавшаго своихъ соучастниковъ. Необходимыя приказанія были отданы, старшины цеховъ предупреждены, и слѣдствиемъ этого явился слухъ, что проектированная манифестація отмѣнена.

Тѣмъ не менѣе 13-го (25-го) большое число лицъ отправилось послѣ полудня въ костель Паулиновъ, близъ Стараго мѣста, и къ пяти часамъ

*

на его площади образовалась густая толпа народа, стекшагося изъ костеловъ и окрестностей. Начиная съ пяти часовъ, полиція тщетно употребляла всѣ средства убѣжденія, чтобы разсѣять ее, когда около семи часовъ было замѣчено, что сформировалась процессія съ революціоннымъ знаменемъ, значками и факелами и надвигается по улицѣ Голубіа (?), прилегающей къ площади.

Несмедленно къ ней было предъявлено требованіе разойтись; но, тѣмъ не менѣе, она продолжала надвигаться, и, въ предвидѣніи большихъ несчастій, которые неизбежно явились бы слѣдствіемъ стычки въ столь узкой улицѣ, ей дали выйти на площадь и одновременно съ этимъ двинули пѣшихъ жандармовъ, а вслѣдъ за ними конныхъ, которыхъ на всякій случай держали подъ рукою.

На новыя увѣщанія, обращенныя къ толпѣ, вожаки, чтобы очистить себѣ проходъ, отвѣтили тѣмъ, что осыпали жандармовъ ударами камней и факеловъ, но были отброшены ударами сабель плашмя, и въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній толпа была разсѣяна.

Несмотря на громадную давку, было лишь немного несчастныхъ случаевъ.

Никто не лишился жизни, и по свѣдѣніямъ, собраннымъ до настоящаго времени, лицъ, получившихъ тяжелыя пораненія—немного.

У арестованныхъ были найдены прокламаціи Мпрославскаго и портреты главы революціонной партіи 1794 года—сапожника Килинскаго ¹⁾),—которые раздавались въ толпѣ.

Ко всеобщему почти удовлетворенію, всякая попытка къ беспорядку была подавлена, и что, по моему мнѣнію, очень важно, это то, что манифестантамъ не удалось дойти до дворца, гдѣ въ то время засѣдало «Земледѣльческое общество».

Но это чувство, почти всеобщее непосредственно вслѣдъ за происшествіемъ и являвшееся результатомъ прямого воздѣйствія фактовъ, на слѣдующій же день уступило мѣсто совершенно инымъ впечатлѣніямъ. Со слѣдующаго же дня и даже въ теченіе ночи неблагонамѣренныя послѣдствія воспользоваться происшествіемъ въ Старомъ мѣстѣ для своей постоянной цѣли—возбужденія; все пустили въ ходъ, чтобы распространить самыя ложныя слухи и раздуть до очень большихъ размѣровъ число не только раненыхъ, но и убитыхъ.

По лозунгу, данному на слѣдующій же день, появились траурныя шляпки, и возбужденіе умовъ сдѣлалось весьма значительнымъ.

Оно вызвало вчера, 15-го (27-го), новыя манифестаціи. Съ утра въ

¹⁾ Въ „Русской Старинѣ“, 1895 г., т. LXXXIII, февр., были напечатаны: „Записки башмачника Яна Килинскаго о варшавскихъ событіяхъ 1794 года и о своей неволѣ“.

различныхъ мѣстахъ образовались густыя толпы, какъ объясняли въ честь эmissара Лавиши, казеннаго 15-го (27-го) февраля, и къ часу дня соединились на площади Сигизмунда, направляясь къ Краковскому предмѣстью. Опасаясь, чтобы толпа не направилась къ Намѣстникову замку, гдѣ какъ разъ въ то время засѣдало «Земледѣльческое общество», я приказалъ разсѣять ее, не прибѣгая къ оружію; къ сожалѣнію, казаки при своемъ движеніи наткнулись на похоронную процессію, смѣшавшуюся съ манифестантами, и удары нагаекъ, которыми казаки надбляли сопротивлявшихся, пришлись и на долю сопровождавшихъ процессію.

Это происшествіе уже кончилось, когда съ противоположной стороны вступила на Краковское предмѣстье рота пѣхоты, въ самомъ узкомъ мѣстѣ предмѣстья, близъ дома Мальча, она была сжата толпою и стеченіемъ экипажей, и въ нее бросали камнями, а по увѣренію солдатъ изъ оконъ сосѣдняго дома было произведено нѣсколько выстрѣловъ. Во главѣ этой роты находился генераль-лейтенантъ Заболоцкій который, въ противность моему особому приказанію не употребляетъ оружія, вслѣдствіе чего всѣ солдаты имѣли ружья незаряженными, приказалъ зарядить и первому взводу произвести одинъ залпъ. Это прискорбное событіе стояло нѣсколькихъ жертвъ, разсѣяло толпу, но усилило возбужденіе въ городѣ до очень высокой степени.

Извѣстіе, что я приказалъ произвести слѣдствіе по поводу этого происшествія, и что оберъ-полиціеимейстеръ Треновъ, заболѣвъ, замѣненъ, повидимому, замѣтно успокоило умы.

Записка князя М. Д. Горчакова.

Броженіе умовъ возрастаетъ, почти можно было бы сказать, съ часу на часъ, и общее положеніе дотого натянуто, что оно не можетъ продолжаться, не вызвавъ кризиса, который является неминуемымъ. Тѣмъ не менѣе немедленное обнародованіе нѣкоторыхъ реформъ одно могло бы если не всецѣло предотвратить его, то, по крайней мѣрѣ, обезпечить правительству нравственную поддержку благоразумной части населенія, которая въ сущности желала бы найти предлогъ, чтобы противиться давленію дурныхъ страстей, плущему свизу. Принятый порядокъ выработывать всѣ проекты въ Петербургѣ, чтобы, затѣмъ, подвергать ихъ разсмотрѣнію и обсужденію здѣсь и наконецъ возносить ихъ на высочайшее соизволеніе, становится несовмѣстимымъ съ современнымъ положеніемъ, требующимъ, прежде всего, быстрыхъ рѣшеній. Единственное средство помочь злу заключалось бы въ томъ, чтобы одобрить въ принципѣ нѣкоторыя реформы, излагаемыя въ прилагаемомъ проектѣ

указа ¹⁾), и разрѣшить мнѣ по телеграфу немедленно опубликовать ихъ по копіи, остающейся у меня въ рукахъ.

Доводы, говорящіе въ пользу и за необходимость этихъ реформъ, изложены въ приложенной къ сему объяснительной запискѣ ²⁾).

Эта записка, помимо оправданія реформъ, предлагаемыхъ въ проектѣ указа, предусматриваетъ еще другія, которыя, будучи столь же желательными, тѣмъ не менѣе не представляютъ того же характера неотложной необходимости. Эти реформы: 1-е) учрежденіе университета, 2-е) упраздненіе кодификаціонной комиссіи, тѣмъ было бы установлено въ принципѣ, что законы будутъ вырабатываться въ странѣ людьми, знающими ея нужды.

Въ этомъ случаѣ подготовка проектовъ была бы доверена или общему собранію сената или государственному совѣту, который замѣнилъ бы его, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ они поступали въ верховный совѣтъ, соответствующе усиленный, если бы это было признано полезнымъ.

Если бы реформы, указанные въ объяснительной запискѣ, были утверждены, онѣ обезпечили бы правительству содѣйствіе выдающагося ума, твердаго и сильнаго характера, однимъ словомъ, нравственную поддержку громкаго польскаго имени въ лицѣ маркиза Велепольскаго (единственнаго польскаго вельможи, находящагося въ Варшавѣ, который, такъ же, какъ и его сынъ, отказался подписать адресъ), которому въ такомъ случаѣ слѣдовало бы ввѣрить предсѣдательствованіе во вновь образованной комиссіи вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія.

Такъ какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ имена являются знаменами, вокругъ которыхъ группируются массы, то было бы полезно уполномочить меня призвать графа Андрея Замойскаго на постъ предсѣдателя верховнаго совѣта. Однако, обнародованіе назначеній на указанные должности должно быть предоставлено моему усмотрѣнію, оставляя за мною свободу судить о ихъ своевременности въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Правда, нельзя утверждать положительно, что эти реформы оставяютъ волненія и сразу успокоятъ ихъ, такъ какъ несомнѣнно, что онѣ не могутъ удовлетворить всѣхъ. Но тогда мѣры обузданія виновниковъ безпорядка поддерживались бы частью населенія, наиболѣе здоровою и имѣющею наиболѣе значенія, а именно достаточными и вліятельными классами. Еще болѣе того: опубликованіе указа побудило бы немедленно вступить на службу многихъ изъ тѣхъ лицъ, которыя, начиная съ 1831 г., отказываются отъ этого и входятъ въ составъ оппозиціонной партіи, умѣренной, но которую вслѣдствіе этого тѣмъ труднѣе сломить.

¹⁾ Проекта указа при запискѣ не оказалось.

²⁾ Объяснительной записки также нѣтъ.

Если же, напротивъ того, кризисъ разразится теперь, обусловивъ необходимость кровавой расправы, то реформы, которыя послѣдуютъ затѣмъ, уже не будутъ носить въ глазахъ населенія, въ глазахъ Европы, характера великодушнаго почина со стороны монарха, и правительство очутится въ грустномъ положеніи—имѣть возможность рассчитывать лишь на силу штыковъ, чтобы безпрестанно возобновлять постоянно возрождающуюся борьбу.

Можетъ случиться, что прилагаемый при семъ проектъ разойдется въ дорогѣ съ тѣми, которые могли быть посланы изъ Петербурга; однако и въ такомъ случаѣ было бы не менѣе настоятельно необходимо утвердить прилагаемый проектъ указа и по телеграфу разрѣшить опубликовать его, такъ какъ въ высшей степени важно не затягивать возбужденія путемъ ожиданій.

Впрочемъ, мой долгъ сообразоваться при развитіи прилагаемаго указа съ характеромъ высочайшей воли, какъ она проявилась бы въ проектахъ, отправленныхъ изъ Петербурга.

Если бы его величество не призналъ удобнымъ обнародованіе указа, то можно было бы ограничиться разрѣшеніемъ мнѣ напечатать его содержаніе въ формѣ программы, одобренной государемъ императоромъ.

2.

17-го февраля (1-го марта) 1861 г. Варшава.

Духъ народности, въ среднемъ и въ высшемъ классахъ здѣсь господствующій, препятствуетъ и умѣреннымъ людямъ противиться дѣйствіямъ тѣхъ, которые хотятъ, во что бы то ни стало, общаго возстанія. Отъ сего всѣ напряженія властей не въ силахъ остановить враждебное противъ правительства стремленіе въ такое время, когда каждый имѣетъ передъ глазами и событія, совершающіяся въ Италіи, и моральную поддержку общаго направленія умовъ во всей Европѣ, и надежду, если не на прямое, то на косвенное содѣйствіе Франціи и Англій.

«Земледѣльческое общество» раздѣлено, какъ всѣ поляки высшихъ сословій, на три разряда. Первый состоитъ изъ людей, которые въ душѣ не желали бы переворотовъ; второй—изъ лицъ, желающихъ возстановленія самобытности Польши, но считающихъ возстаніе несвоевременнымъ; третій и, кажется, числомъ значительнѣйшій, состоитъ изъ такихъ людей, которые готовы поддерживать и даже возбуждать всякія безчинства

Со времени собранія этого общества въ Варшавѣ разрушительная партія устремила всѣ свои усилія къ возбужденію всякаго рода беспорядковъ. Главнѣйше хотѣла она многочисленною манифестаціею увлечь,

такъ сказать, официально въ свой кругъ дѣйствія цѣлое «Земледѣльческое общество», являсь къ нему во время засѣданія съ огромною толпою, революціонными знаменами и требованіями.

13-го (25) февраля мнѣ удалось, даже безъ кровопролитія, уничтожить этотъ замысль, и глаза «Земледѣльческаго общества» меня за это благодарили. Но на другой день все уже перемѣнилось: общая молва обратила это укрощеніе безпорядка въ самое величайшее бѣдствіе; всѣ надѣли траурныя шляпы и начали повсюду распускать самыя недѣльныя небылицы, такъ, что я удостовѣрился, что намъ придется бороться безпрестанно съ скопищами, укрощеніе коихъ будетъ держать населеніе города въ такомъ положеніи, что наконецъ придется вступить съ нимъ въ постоянную вооруженную борьбу.

Событія 15-го (27-го) и несчастный случай, при которомъ генераль Заболоцкій сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ по скопищу, взволновали народъ до высшей степени. Вооруженная борьба будетъ имѣть слѣдующій ходъ: первыя услія мятежниковъ будутъ отбиты, но потомъ они приступятъ къ другому образу дѣйствій: переставая нападать массами, они начнутъ дѣйствовать постоянно мелкими частями, стрѣлять въ русскихъ изъ оконъ, и тому подобное. Покончить дѣло можно будетъ только однимъ способомъ: вывести войска въ поле и цитадель, и усмирить городъ бомбардированіемъ.

Я счелъ за лучшее, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ этимъ крайнимъ мѣрамъ, употребить слѣдующія успокоительныя средства: 1-е) назначить изслѣдованіе обстоятельствъ открытія пальбы 17-го февраля; 2) допустить похороны убитыхъ, не мѣшая многочисленному стеченію народа, и какой бы за тѣмъ ни былъ торжественный видъ погребенія; 3) устранить полковника Трепова отъ должности оберъ-полиціймейстера и назначить, для исполненія оной временно, маркиза Паулуччи.

Первая мѣра справедлива и необходима.

Во второй, при настоящихъ обстоятельствахъ, нельзя отказать. Какъ остановить духовенство, начиная съ самого архіепископа, и не лучше ли стараться начать борьбу при другомъ случаѣ?

Третья равномѣрно необходима. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при проѣздѣ по городу Трепова убили бы изъ окошка, если не прямымъ нападеніемъ. Паулуччи здѣсь популяренъ и скорѣе всякаго другаго можетъ смѣло ѣздить по улицамъ въ званіи оберъ-полиціймейстера.

Однимъ принятіемъ этихъ мѣръ и публикаціею отъ меня, которую всеподданнѣйше представляю вашему императорскому величеству чрезъ министра статсъ-секретаря, возможно нѣсколько успокоить массу жителей, еще не совсѣмъ совращенную, и я не теряю надежды, что эта цѣль, хотя въ нѣкоторой степени, будетъ достигнута.

Вчерашняго числа, по примѣру предводителей дворянства, подали

въ отставку предсѣдатель герольдіи графъ Коссаковскій и члены: графъ Пржезусецкій и баронъ Растваецкій, а бывшій предводитель дворянства Нѣмцевскій подавъ просьбу объ увольненіи его и отъ званія шталмейстера. Подобный поступокъ людей самыхъ умѣренныхъ доказываетъ, сколь сильно развилось давленіе демагоговъ на всѣ умы.

Вчера же принесли мнѣ представляемое у сего прошеніе на высочайшее имя: варшавскій архіепископъ Фіалковскій, графъ Андрей Замойскій и граждане Шленкеръ и Кровенбергъ.

Въ обыкновенное время я прямо отвергъ бы это прошеніе и арестовалъ бы подателей онаго. Но въ настоящихъ обстоятельствахъ исполненіе сего показалось мнѣ вреднымъ: этимъ уничтожились бы совершенно дѣйствія, предпріятыя мною для успокоенія умовъ¹⁾.

Принимая въ соображеніе настоящее положеніе края и общее политическое состояніе Европы, ваше величество одни можете рѣшить: слѣдуетъ ли отвѣчать на помянутое прошеніе прямымъ и строгимъ отказомъ, или же съ оставленіемъ нѣкоторыхъ надеждъ на новыя монаршія благодѣянія, если край будетъ спокоенъ.

Впрочемъ, сегодня прибыли въ Варшаву три новые батальона, и въ теченіе 10-ти дней придутъ еще шесть.

3.

26-го февраля (10-го марта) 1861 г. Варшава.

Замѣчено, особенно въ послѣднее время, что прибывающіе въ царство Польское студенты университетовъ имперіи, изъ здѣшнихъ уроженцевъ, напитаны революціонными идеями, и что пребываніе ихъ здѣсь весьма вредно для жителей царства.

Поэтому, признавъ необходимымъ преградить сказаннымъ студентамъ временныя сношенія съ здѣшними жителями и принимая во вниманіе, что пребываніе ихъ здѣсь, при настоящихъ обстоятельствахъ, можетъ быть даже для нихъ самихъ вреднымъ,—я отнесся къ министру народнаго просвѣщенія о неувольненіи помянутыхъ студентовъ въ отпускъ въ царство, впредь до особаго распоряженія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для выигранія времени, сообщалъ о томъ же кіевскому и рижскому военнымъ генералъ-губернаторамъ.

Всеподданнѣйше доводя о семъ до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, осмѣливаюсь испрашивать высочайшаго утвержденія этого распоряженія.

¹⁾ Въ своемъ телеграфномъ донесеніи въ Петербургъ отъ 16-го февраля 1861 года князь Горчаковъ сообщалъ, что прошеніе это заключалось „въ общихъ выраженіяхъ, крайне либеральныхъ, направленныхъ къ дарованію царству различныхъ правъ“. („Русская Старина“, 1862 г., т. XXXVI).

4.

26-го февраля (10-го марта) 1861 г. Варшава

Положеніе въ Варшавѣ и внутри края слѣдующее:

Послѣ событій 15-го (27-го) февраля, которыя въ высшей степени раздражили варшавское населеніе, я счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ нѣкоторымъ мѣрамъ, для временнаго хотя успокоенія жителей, а въ особенности для предотвращенія необходимости дѣйствовать силою противъ огромныхъ народныхъ скопищъ, во главѣ коихъ войска встрѣтили бы цѣлое духовенство. Похороны убитыхъ были исполнены съ большимъ торжествомъ и хотя въ патриотическомъ духѣ, но безъ всякихъ гнѣивъ и возмутительныхъ рѣчей. Войскамъ въ этотъ день я приказалъ оставаться въ казармахъ, и были по городу только обыкновенные караулы. Особая делегація отъ жителей, взявшая на себя устройство похоронъ, приняла, съ своей стороны, мѣры, дабы порядокъ не былъ нарушенъ, не взирая на отсутствіе полиціи, которой, во избѣжаніе всякаго столкновенія съ ожесточеннымъ народомъ, приказано было, по настоятельной просьбѣ жителей, не показываться въ этотъ день на улицѣ. Какъ средство для обезпеченія спокойствія, помянутая делегація употребила добровольную помощь лицъ изъ гражданъ, но что худо, и изъ учениковъ.

Послѣ похоронъ она, по разрѣшенію моему, сохранена, для содѣйствія къ дальнѣйшему успокоенію умовъ въ городѣ, подъ предсѣдательствомъ генераль-маіора маркиза Паулуччи. Въ этомъ я видѣлъ и ту, на время, выгоду, что посредствомъ нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ лицъ, находящихся въ составѣ делегаціи, я получаю полезныя о дѣйствіяхъ возмутителей свѣдѣнія. Впрочемъ, я воспользуюсь первымъ удобнымъ случаемъ для ея упраздненія.

При необходимости не раздражать еще болѣе умовъ въ первые дни послѣ происшествій 15-го (27-го) февраля, цензура газетъ ослабила свою обычную строгость. Нынѣ она воспринимаетъ прежнее свое дѣйствіе. На другой день похоронъ, то-есть, въ высокоторжественный день восшествія вашего величества на престолъ, все было соблюдено, какъ въ обыкновенное время. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, и цѣлый день все было совершенно спокойно. Съ того времени, порядокъ продолжается, но почти всѣ носятъ еще трауръ.

Вчерашняго числа, по разрѣшенію варшавскаго архіепископа, отслужили во всѣхъ церквахъ панихиду по убитымъ 15-го (27-го) февраля. Степеніе народа въ церквахъ было умѣренное, и никакихъ беспорядковъ не произошло.

На провинціи отголосокъ событій 13-го (25-го) и 15-го (27-го) весьма великъ, но матеріальныхъ беспорядковъ не было. Почти всѣ

лица высшаго и среднихъ сословій надѣли трауръ, и вездѣ почти отслужили панихиду по убитымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ процессіею. Вездѣ также начали собирать подписки для прошенія, подавшаго Фіалковскимъ и другимъ. Губернаторамъ предписано объявить, что подобныя подписки незаконны и въ публичныхъ мѣстахъ не дозволяются, и что подписавшіеся могутъ подвергнуться взысканію по закону.

Земское населеніе совершенно спокойно, и возмутительныя внушенія, дѣлаемыя ему помѣщиками, остаются безуспѣшными.

По стремленіямъ, обнаруживавшимся при послѣднихъ происшествіяхъ, оказывается, что большая часть высшаго и среднихъ сословій царства, увлекаемая настоящимъ положеніемъ Европы и здѣшняго края, пытается живую надежду въ неотлагательныхъ и коренныхъ переворотахъ. Эти люди наиболѣе опасны. Въ настоящее время они боятся демократической партіи столько, сколько и правительства, а поэтому и даютъ правительству нѣкоторое, какъ выше сказано, косвенное пособіе, для отвращенія такихъ демонстрацій, которыя могли бы привести къ значительному бою на улицѣ. Сколько мнѣ извѣстно, планъ ихъ дѣйствій слѣдующій:

Моральными средствами, какъ-то, частію страхомъ, частію внушеніями заставить сколь можно большее число гражданскихъ чиновъ отказаться отъ своихъ должностей и этимъ разрушить всю, такъ сказать, машину управленія. Варшавское населеніе не только держать въ тревожномъ состояніи, посредствомъ разныхъ пронырствъ и ложныхъ слуховъ, но и побуждать по временамъ къ такъ называемымъ мирнымъ манифестаціямъ, т. е. къ созванію огромныхъ, по наружности, не вооруженныхъ скопищъ подъ какимъ-либо религіознымъ предлогомъ, или даже подъ предлогомъ представленія мнѣ какихъ-либо прошеній, а все это съ цѣлію протянуть до весны, въ надеждѣ, что тогда общія европейскія обстоятельства придутъ имъ на помощь для возстановленія самобытной Польши.

Нынѣ повсюду, кромѣ сельскаго народонаселенія, ожиданіе отвѣта изъ С.-Петербурга на представленное мнѣ прошеніе на высочайшее имя занимаетъ и тревожитъ умы въ сильной степени.

Послѣдствія будущаго положенія дѣлъ меня крайне озабочиваютъ. Матеріальныхъ сильныхъ безпорядковъ я не ожидаю. Если же проявятся, то укрошу ихъ силою. Но какъ, дѣйствительно, успокоить благоразумнѣйшую часть людей высшаго и среднихъ сословій края, а равно вообще варшавское народонаселеніе? Это для меня задача, для рѣшенія которой я не имѣю еще положительнаго плана. Составить себѣ таковой мнѣ возможно будетъ только по полученіи ожидаемыхъ мною повелѣній вашего величества.

Другой предметъ настоящихъ моихъ заботъ—какъ ввести въ по-

рядокъ студентовъ медицинской академіи и гимназистовъ высшихъ классовъ?

Временное упраздненіе академіи и высшихъ классовъ гимназій едва-ли принесло бы существенную пользу, ибо ученики все-таки остались бы въ городѣ, откуда выслать ихъ невозможно, не раздраживъ не только родителей, но и цѣлаго варшавскаго народонаселенія.

Обращеніе города въ военное положеніе теперь было бы неудобно, ибо по наружности все тихо и спокойно. При томъ всѣ совершенно убѣждены, что я достаточно силенъ, чтобы укротить всякую попытку возстанія.

Чрезвычайныя же мѣры полицейскія, поддерживаемыя даже вооруженною силою, я и безъ того могу принимать.

Что же касается до общаго обезоруженія края, то я равномерно приостановился этимъ. Опытъ подобныхъ обезоруженій, произведенныхъ въ 1846, 1848 и 1854 годахъ, показалъ, что они не достигаютъ своей цѣли, ибо оружіе весьма легко скрывать. Тогдашнее положеніе дѣлъ было несравненно менѣе трудно, чѣмъ настоящее, несмотря на то, покойный фельдмаршалъ долженъ былъ терпѣть неисполненіе предписанной имъ мѣры.

Въ Варшавѣ отдадутъ оружіе одни люди совершенно не опасные, а злонамѣренные скроютъ его, и для отысканія нужно будетъ сдѣлать по домамъ обыскъ, которые также большею частію остались бы безуспѣшными.

Поэтому, я полагаю нужнымъ официально объявить объ общемъ обезоруженіи въ двухъ случаяхъ:

1-е. Если умы въ Варшавѣ успокоятся до той степени, что требованіе представленія оружія не сдѣлаетъ нужнымъ значительнаго числа домовыхъ обысковъ.

2-е. Если придется поставить городъ въ военное положеніе, къ чему лучше прибѣгнуть по другому поводу, какъ, наприимѣръ, по поводу нарушенія спокойствія, такъ называемыми, мпрными демонстраціями, если таковыя возобновятся.

По полученіи ожидаемаго мною повелѣнія вашего величества, я, прежде чѣмъ приступлю къ какому-либо дѣйствію, окончателно составляю себѣ планъ о степени строгости для возстановленія полнаго порядка и о постепенности мѣръ для улучшенія настоящаго положенія дѣлъ

При трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ нахожусь нынѣ, я осмѣлился просить ваше величество о повелѣніи прислать сюда лицо, облеченное полнымъ вашимъ довѣріемъ, дабы оно могло, съ свѣтлымъ взглядомъ на вещи, давать мнѣ совѣты, а вашему величеству доносить

о дѣйствительныхъ поводахъ принимаемыхъ мѣръ. Платоновъ ¹⁾, человекъ способный и весьма здравомыслящій, но съ давняго времени состоятъ со мною въ весьма дружескихъ сношеніяхъ. При томъ я полагаю, что присутствіе его въ Петербургѣ нужнѣе, чѣмъ въ Варшавѣ, ибо никто, не исключая и Карницкаго, лучше его не знаетъ края и лучше его не можетъ объяснять при всеподданнѣйшихъ докладахъ степень пользы или невыгоды представлений, которыя будутъ повергаемы на высочайшее воззрѣніе вашего величества. Телеграфическою депешю отъ 24-го числа военный министръ предъувѣдомляетъ меня, что ваше величество изволите предоставить мнѣ возможность обдумывать полезныя и успокоительныя для края мѣры. По полученіи таковаго высочайшаго повелѣнія, я увижу, какого именно рода должны быть эти мѣры, и тогда осмѣлюсь повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе выборъ лица для содѣйствія мнѣ къ точнѣйшему исполненію начертаній вашего императорскаго величества.

5.

5-го (17-го) марта 1861 г. Варшава.

По наружности въ Варшавѣ все спокойно, но все продолжаютъ носить трауръ. Противъ этого принудительныя мѣры были бы безуспѣшны, но я не теряю надежды достигъ этого косвенными средствами. Если въ этомъ и не услѣю, то прикажу снять траурные знаки въ лавкахъ и на вывѣскахъ.

Въ провинціи, кромѣ разныхъ признаковъ печали по случаю 13-го (25-го) и 15-го (27-го) февраля и нѣкоторыхъ тайныхъ съѣздовъ помѣщиковъ, все спокойно.

Подписки на прошеніе, поданное вашему величеству, прекратились.

За сямъ принимаю смѣлость дать объясненія по всѣмъ указаніямъ, выраженнымъ въ письмѣ вашего величества отъ 25-го февраля:

По 1-му пункту. Введеніе новыхъ войскъ въ царство, вашимъ величествомъ разрѣшенное, съ присоединеніемъ къ онымъ одной бригады 7-ой пѣхотной дивизіи, въ высшей степени полезно для обезпеченія края.

По 2-му, 3-му и 4-му пунктамъ. О высочайшемъ рескриптѣ было много толковъ, но теперь они уменьшаются. Умѣренныя, какъ я уже имѣлъ счастье донести вашему величеству, въ душѣ крайне довольны вашимъ милосердіемъ, особенно же вслѣдствіе конфиденціального сообщенія нѣкоторымъ лицамъ о приготовляемыхъ улучшеніяхъ. Впрочемъ,

¹⁾ Валеріанъ Платоновичъ Платоновъ былъ въ то время товарищемъ министра статсъ-секретаря царства Польскаго. Ред.

это сообщеніе, хотя и было сдѣлано тайно и весьма немногимъ, распространясь по цѣлому городу и даже въ край, возбуждаетъ много различныхъ толковъ, въ коихъ, впрочемъ, нѣтъ большого вреда.

По 5-му пункту. Согласно тому, что я уже писалъ министру иностранныхъ дѣлъ, я полагаю, при улучшеніяхъ по управленію въ царствѣ, которыя будутъ введены вашимъ величествомъ, было бы невыгодно издать новый органическій статутъ. Это безъ нужды связало бы руки правительства на будущее время. При томъ самое названіе органическаго статута здѣсь непопулярно.

По 6-му пункту. Разсмотрѣніе въ Варшавѣ новыхъ проектовъ улучшеній съ приглашеніемъ нѣсколькихъ лицъ изъ неслужащихъ будетъ требовать величайшей осмотрительности, и я не знаю еще, какъ повести дѣло такимъ образомъ, чтобы отклонить пересуды публики. Ожидаю прибытія Карницкаго и Платонова, чтобы опредѣлить, какъ этому помочь.

По 7-му пункту. По окончаніи этого пересмотра едва-ли мнѣ можно будетъ пріѣхать въ Петербургъ съ нѣкоторыми лицами, для представленія сдѣланной работы вашему величеству, ибо, по всѣмъ вѣроятіямъ, при выѣздѣ намѣстника изъ Варшавы могли бы возродиться нѣкоторые безпорядки, при коихъ его отсутствіе могло бы быть весьма вредно. Мнѣ кажется, что всего лучше будетъ отправить проекты съ Платоновымъ, о чемъ, впрочемъ, донесу еще впоследствии.

По 8-му пункту. Какъ я уже донесъ вашему величеству, полицейская власть возстановлена уже болѣе 10-ти дней. Роспускомъ городской делегаціи я осмѣливаюсь просить разрѣшенія пріостановиться на нѣкоторое время. Эта делегація не имѣетъ никакой исполнительной власти и не дѣлаетъ даже никакихъ печатныхъ объявленій, а служитъ только къ одному, а именно къ отвращенію частнымъ образомъ и, такъ сказать, келейно, уличныхъ демонстрацій, посредствомъ неофициальнаго своего вліянія на жителей, что въ настоящую минуту весьма важно. Въ другомъ же видѣ пособіе полиціи отъ благонамѣренныхъ гражданъ теперь устроить невозможно. Настоящая делегація иногда докучаетъ меня разными неумѣренными просьбами, доводимыми до меня маркизомъ Паулуччи, но ни въ чемъ меня не связываетъ, и правительство идетъ своею дорогою. Такъ, напримѣръ, вчера я издалъ публикацію, возобновляющую запрещеніе скинницъ и предъувѣдомляющую, что въ случаѣ необходимости они будутъ разсѣваемы силою оружія. Это делегаціи не понравилось, и она довела о томъ, чрезъ маркиза Паулуччи, до моего свѣдѣнія. Я велѣлъ словесно ей отвѣчать, что она говоритъ вздоръ, ибо охраненіе порядка въ городѣ дежитъ на правительственныхъ властяхъ, и что публикація эта облегчитъ старанія делегаціи удерживать народъ отъ манифестацій.

По 9-му пункту. Тѣ изъ мѣръ, принятыхъ въ 1846, 1848 и 1849 годахъ, которыя могутъ имѣть примѣненіе къ настоящему случаю, мною уже приняты. Вполнѣ ихъ возобновить было бы неудобно, потому что обстоятельства иныя, и край не объявленъ въ военномъ положеніи, каковое объявленіе было бы, въ настоящемъ положеніи дѣлъ, или бесполезно, или преждевременно.

По 10-му пункту. Повелѣніе о мѣрахъ, въ случаѣ новыхъ безпорядковъ, принято мною къ руководству, и жители о томъ предупреждены, какъ уже доложено въ предыдущемъ пунктѣ.

По 11-му пункту. На членовъ «Земледѣльческаго общества» я обращаю особенное вниманіе, но подвергать кого-либо изъ нихъ аресту теперь неудобно, ибо между ними есть болѣе 500 такихъ, которые способствовали волненію умовъ. Самъ же президентъ общества, графъ Андрей Замойскій, въ настоящую минуту болѣе полезенъ, чѣмъ вреденъ правительству. О пропускѣ цензурою первой рѣчи его при открытіи собранія я долженъ просить прощенія вашего величества.

По 12-му пункту. Важныхъ донесеній и распоряженій по высшей полиціи, для сообщенія князю Долгорукову, на-дняхъ не было.

По 13-му пункту. Въ послѣднее время прибыло въ Варшаву нѣсколько новыхъ студентовъ изъ университетовъ имперіи. Я велѣлъ выслать ихъ обратно, о чемъ и будетъ сообщено князю Долгорукову.

По 14-му пункту. Отвѣты на телеграфическія депеши вашего величества будутъ дѣлаемы съ величайшею точностію.

По 15-му пункту. Въ случаѣ необходимости городъ будетъ объявленъ въ осадномъ, а царство въ военномъ положеніи. Виновные будутъ судимы и наказываемы по полевому уголовному уложенію.

Порученіе Лашинскому варшавскаго учебнаго округа, вашимъ величествомъ разрѣшенное, я счелъ нужнымъ не вслѣдствіе какихъ-либо внѣшнихъ требованій (pression), а по личному убѣжденію. Причина сего слѣдующая. Мухановъ весьма непопуляренъ здѣсь, и въ особенности негодуютъ на него за его дѣйствія по учебному округу. Учебныя заведенія въ послѣднее время заразились весьма дурнымъ духомъ, и Мухановъ менѣе, чѣмъ кто-либо, можетъ, по непопулярности своей, помочь этому. Назначеніе Лашинскаго, я надѣюсь, будетъ въ этомъ отношеніи нѣсколько успѣшнѣе. При объявленіи высочайшаго рескрипта неблагонамѣренныя люди распускали слухъ, что обѣщанныя улучшенія будутъ только на бумагѣ, съ передачею же учебнаго округа отъ Муханова Лашинскому начали говорить иначе. Таковому устройству дѣла Мухановъ самъ охотно подчинился.

Хотя вообще городъ и край по наружности спокойнѣе, но на это надѣяться нельзя, въ особенности, относительно Варшавы, гдѣ низшій классъ начинаетъ терпѣть нужду отъ застоя торговли и производитель-

ныхъ работъ. Въ особености можно опасаться безпорядковъ во время католической страстной недѣли и потомъ при разсмотрѣніи проектовъ объ улучшеніяхъ. Но всё убѣждены, что я имѣю рѣшительное повелѣніе вашего величества укротить безпорядки силою и что для этого имѣю подъ рукою достаточное число войскъ.

6.

5-го (17-го) марта 1861 г. Варшава.

Телеграфическою депешкою отъ 3-го (15-го) сего мѣсяца я доносилъ вашему императорскому величеству о намѣреніи моемъ представить вамъ вскорѣ проектъ маркиза Велепольскаго объ улучшеніяхъ по управленію въ царствѣ Польскомъ. Имѣя, однако, въ виду телеграфическія повелѣнія вашего величества отъ 3-го же числа и 4-го о томъ, что Карницкій воротится на-дняхъ съ приготовительною по тому же предмету работою, и что та, которою занимаются въ секретаріатѣ, во всякомъ случаѣ будетъ послана, прежде утвержденія, на мое разсмотрѣніе, я счелъ необходимымъ приостановиться отпращиваніемъ труда маркиза Велепольскаго, ибо иначе этотъ проектъ легко могъ бы размянотаться съ врученнымъ Карницкому, съ тѣмъ, чтобы, по совокупномъ разсмотрѣніи всѣхъ этихъ предположеній, я повергнулъ на высочайшее воззрѣніе вашего величества полный объ оныхъ отчетъ,—о чемъ всеподданнѣйше доношу.

22-го марта 1861 г. Варшава.

Въ 9-мъ пунктѣ письма, коимъ ваше императорское величество изволили удостоить меня 25-го минувшаго февраля, было начертано:

«Принять неотлагательно всѣ тѣ мѣры полицейскія и военныя, какъ по городу Варшавѣ, такъ и по всему царству Польскому, которыя столь успѣшно предохранили насъ отъ безпорядковъ въ смутныя времена 1846, 1848 и 1849 годовъ».

Независимо отъ другихъ распоряженій, сдѣланныхъ мною во исполненіе монаршей воли, я предписалъ бывшему главному директору правительственной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, тайному совѣтнику Муханову, поручить по примѣру 1846, 1848 и 1849 годовъ гражданскимъ губернаторамъ, чтобы они, между другими мѣрами предосторожности, вмѣнили въ обязанность уѣзднымъ начальникамъ, президентамъ и бургомистрамъ городовъ и войтамъ гмйнъ:

«Внушать крестьянамъ, что правительство, особенно заботясь о ихъ

благосостояніи, ожидается, что они не только не будутъ слушать подговорщиковъ къ беспорядкамъ, но что даже для сохраненія общественнаго порядка всякаго, появляющагося между нами для подговоровъ, возмутителя будутъ задерживать и представлять ближайшему начальству».

Тайный совѣтникъ Мухановъ, въ циркулярномъ предписаніи своемъ гражданскимъ губернаторамъ, передалъ въ полной точности всё указанія мои по изъясненному предмету.

Между тѣмъ неблагонамѣренные люди распространили слухъ, будто бы распоряженіемъ этимъ Мухановъ имѣлъ въ виду вооружить крестьянъ противъ помѣщиковъ и произвести въ край рѣзню, подобную той, которая въ 1846-мъ году происходила въ Галиціи.

Чтобы придать болѣе вѣроятности этой клеветѣ, они въ исчисленіи властей, на которыя циркулярнымъ предписаніемъ Муханова возлагалась, согласно приказанію моему, обязанность стараться отвлечь крестьянъ отъ зловреднаго дѣйствія возмутителей, исключили гминныхъ войтовъ, которые никто иные, какъ самые помѣщики, или лица, ихъ заступающія по собственному ихъ выбору. Возникшее отъ этого превратное истолкованіе объявленной Мухановымъ правительственной мѣры дотогу увеличило существовавшую уже противъ него ненависть поляковъ, что самъ, почувствовавъ это, просилъ меня объ увольненіи его отъ должности главнаго директора комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ. Телеграфическая моя о томъ депеша къ военному министру была уже мною подписана, когда я удостоился получить высочайшую телеграмму вашего величества отъ 10-го сего мѣсяца за № 35.—Я тотчасъ же уволилъ Муханова, и, съ разрѣшенія моего, онъ на другой же день, какъ я уже всеподданнѣйше доведъ вамъ, всемилостивѣйшій государь, отправился за границу, съ намѣреніемъ остановиться на нѣкоторое время въ Бреславль; но я потомъ узналъ, что онъ только проѣхалъ черезъ этотъ городъ неизвѣстно куда.

Высочайшее повелѣніе вашего величества о приказаніи Муханову явиться въ С.-Петербургъ получено было мною по его отъѣздѣ. Я немедленно писалъ къ нему съ объявленіемъ высочайшей воли вашей, и не зная, гдѣ онъ именно нынѣ находится, я отправилъ предписаніе мое къ посланнику нашему въ Берлинѣ, съ тѣмъ, чтобы если и ему неизвѣстно настоящее мѣстопробываніе Муханова, онъ освѣдомился о томъ у совѣтника своей миссіи барона Моренгейма, который, какъ пасынокъ Муханова, знаетъ, можетъ быть, гдѣ онъ намѣревался поселиться за границую.

О всемъ вышеизложенномъ я долгомъ считаю всеподданнѣйше довести до высочайшаго свѣдѣнія вашего императорскаго величества, при совокупляя, что, по полученному мною вчерашняго числа отъ барона Будберга извѣщенію, Мухановъ выѣхалъ уже въ С.-Петербургъ.

8.

8 (20) апрѣля 1861 г. Варшава.

Варшавскія происшествія отозвались и въ губерніяхъ царства Польскаго. Высшіе классы и часть чиновниковъ говорили о согласіи, о единодушій, о забвеніи неудовольствій, о ненависти къ русскимъ.

Сначала, во всѣхъ почти безъ изъятія городахъ, служили, съ большимъ показомъ, при многочисленномъ сборѣ народа—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ христіанъ и евреевъ вмѣстѣ—панихиды по убитымъ 15-го (27-го) фѣвраля; высшіе классы наложили на себя трауръ; учредились въ 4-хъ городахъ—Плоцкѣ, Люблинѣ, Калишѣ, Кельцѣ—клубы; подписывались подъ сотнями экземпляровъ адреса государю императору о скорбяхъ народа и его желаніяхъ; начались молитвы съ примѣсю революціонныхъ выраженій, выходки ксендзовъ съ амвоновъ, возбуждавшія народъ противу угнетеній; и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обратились съ личною мстью противу мѣстныхъ чиновниковъ; въ 9-ти городахъ: Люблинѣ, Радомѣ, Плоцкѣ, Калишѣ, Серадзѣ, Влоцлавкѣ, Кутнѣ, Коло, Коняиѣ—били у чиновниковъ окна; въ 12-ти городахъ—Калишѣ, Серадзѣ, Влоцлавкѣ, Ставишинѣ, Опатовкѣ, Бланикахъ, Ленчицѣ, Здунской волѣ, Шадкѣ—нѣкоторые изъ членовъ мѣстнаго начальства бѣжали, но черезъ нѣсколько дней большею частію возвратились и допущены уже къ своимъ должностямъ; въ 7-ми городахъ—Люблинѣ, Кельцѣ, Плоцкѣ, Калишѣ, Серадзѣ, Влоцлавкѣ, Млавѣ—учредились изъ довѣренныхъ людей (вообще умѣренныхъ) комитеты, названныя здѣсь делегаціями, для охраненія порядка и спокойствія ¹⁾.

Главными дѣятелями вездѣ явились ученики разныхъ школъ; подстрекателями же и руководителями—разныхъ сословій молодежь, какъ изъ владѣльцевъ земель, такъ мелкихъ чиновниковъ и разночинцевъ, и частію духовенство, которое обвиняло русскихъ въ оскорбленіи святыни, нарушеніи вѣрованій и желаніи уничтожить оныя.

Крестьяне нигдѣ съ помѣщиками доселѣ не соединились, не вѣря ихъ обѣщаніямъ надѣлать ихъ землею и говоря, что добро для нихъ

¹⁾ Въ Кельцѣ слѣдующій случай далъ поводъ выказаться ненависти къ русскимъ: одинъ ксендзъ ѣхалъ изъ города въ деревню къ больному съ дарами, на дорогѣ встрѣтились два пѣшихъ солдата. По католическому обычаю, при провозѣ даровъ, звонятъ въ колокольчикъ, для очищенія дороги. Одинъ солдатъ посторонился, другой нѣтъ и, вѣроятно, будучи толкнутъ и не зная, что значить явонокъ, побилъ кучера. Ксендзъ, возвратясь въ городъ, объявилъ своимъ старшимъ. Тогда ксендзы собрали народъ, совершили молебствіе и говорили рѣчи объ оскорбленіи святыни и вѣры. Это дало поводъ учредить и городской комитетъ.

сдѣлано правительствомъ, отъ котораго они и теперь ждутъ также добра и улучшенія ихъ быта.

Такое положеніе края вынудило меня принять слѣдующія мѣры:

а) временно поручить мѣстные округа наблюденію военныхъ генераловъ, присвоивъ имъ права и обязанности бывшихъ военныхъ начальниковъ губерній и подчинивъ имъ же вѣдѣнію мѣстностяхъ всѣ войска.

На семь основаніи поручены:

Люблинская губернія командующему 5-ю пѣхотною дивизіею, генераль-маіору Хрущову.

Плоцкая—начальнику 4-ой пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенанту Шепелеву.

Радомская, за исключеніемъ г. Кельце съ уѣздомъ, радомскому губернатору, генераль-маіору графу Опперману.

Г. Кельце съ уѣздомъ, гдѣ возбужденіе духовенства гораздо опаснѣе, генераль-лейтенанту князю Бебутову.

Ловичскій, Равскій, Ціотроковскій уѣзды и Ченстохово, т. е. почти вся линія желѣзной дороги, генераль-лейтенанту Вагнеру.

Г. Калишъ и уѣзды: Калишскій, Серадзскій, Велюнскій, Конинскій, Влоцлавскій, Ленчицкій и Гостыньскій—помощнику начальника 4-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіору Воронову.

Имъ предоставлено: собирать войска на тѣ пункты, гдѣ признають нужнымъ усилить ихъ; возстановлять порядокъ даже силою оружія, поступаая по тѣмъ правиламъ, которыя изданы для цѣлаго царства Польскаго, т. е. давать помощь гражданскому начальству по его требованію; если же оно почему-либо помощи при безпорядкахъ не потребуеть, то самимъ дѣйствовать; арестовать подстрекателей къ безпорядкамъ.

б) Закрыть всѣ ресурсы п клубы.

в) Комитеты или такъ называемыя делегаціи также закрыть. Ожидая донесеній, что онѣ закрыты уже или будутъ закрыты немедленно.

г) Разрѣшилъ главному директору духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія послать четырехъ визитаторовъ для осмотра училищъ, съ повѣщеніемъ донести о главныхъ зачинщикахъ безпорядковъ въ оныхъ и съ полномочіемъ, буде окажется нужнымъ, закрыть высшіе классы.

Въ то же время предписано генераламъ, конимъ поручено наблюденіе за порядкомъ и спокойствіемъ въ мѣстныхъ округахъ, сообщать визитаторамъ о всѣхъ случаяхъ безпорядковъ, производившихся учениками, и, когда встрѣтится надобность, оказать имъ содѣйствіе по возложенному на нихъ порученію, давая, по ихъ требованіямъ, и военную помощь.

д) Воспретить ношеніе траура, необыкновенныхъ костюмовъ и политическыхъ знаковъ.

Учрежденіе военныхъ начальниковъ съ предоставленными имъ пра-

*

вами, укрощеніе безпорядковъ въ Варшавѣ, гдѣ, послѣ того, ничего уже подобнаго не показывается, арестованіе нѣкоторыхъ зачинщиковъ и прочія мѣры начинаютъ вообще возстановлять порядокъ, который, надобно надѣяться, совсѣмъ водворится, безъ необходимости вновь употреблять силу оружія.

9.

13-го (25-го) апрѣля. Варшава.

Бывшій главный директоръ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, тайный совѣтникъ Мухановъ, по повелѣнію намѣстника отъ 23-го февраля (7-го марта) сего года № 1226, предписалъ всѣмъ епархіальнымъ начальствамъ римско-католическаго исповѣданія въ царствѣ Польскомъ приказать духовенству, чтобы оно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ старалось всѣми зависящими отъ него средствами успокоивать умы—присовокупивъ надежду, что, при усилии духовенства, жители въ религіозномъ понятіи своихъ обязанностей, поступая подъ христіанскимъ руководствомъ своихъ духовныхъ проповѣдниковъ, не сойдутъ съ законнаго пути, на которомъ правительство желаетъ ихъ видѣть.

Вслѣдствіе сего администраторъ Плоцкой епархіи, прелатъ Мыслинскій, представилъ бывшему главному директору копію циркулярнаго предписанія своего отъ 28-го февраля (12-го марта) сего года № 340 къ духовенству сей епархіи о томъ, чтобы оно при духовныхъ поученіяхъ и, особенно, при исповѣди старалось успокоивать умы и внушать довѣріе къ гражданскимъ властямъ.

Между тѣмъ по полученіи копій этого циркуляра, согласнаго съ духомъ вышеупомянутаго повелѣнія, получено было свѣдѣніе, что прелатъ Мыслинскій издалъ послѣ онаго другое предписаніе къ духовенству, безъ вѣдома правительства, и по сему главный директоръ, предсѣдательствующій въ правительственной комиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, потребовать отъ него такового.

Вслѣдствіе сего представилъ копію циркуляра отъ 14-го (26-го) марта сего года № 425, онъ объяснилъ, что издалъ таковой къ духовенству, по желанію помѣщиковъ, встревоженныхъ носившимися слухами о враждебныхъ противу нихъ замыслахъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы оно зависящими отъ него средствами успокоивало народъ и внушало ему довѣріе къ владѣльцамъ имѣній.

Въ началѣ этого циркуляра прелатъ Мыслинскій объявилъ свое соболѣзнованіе о томъ, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, прежнее его предписаніе отъ 28-го февраля (12-го марта) сего года № 340 ошибочно было понято, съ приписываніемъ оному неблагонамѣреннаго на-

правленія, что оскорбляетъ его чувства. Затѣмъ, приступивъ къ вопросу на счетъ крестьянъ, онъ выражается, что помѣщики на нынѣшниходняхъ засѣданіяхъ «Земледѣльческаго общества», безъ всякаго чужаго вліянія, единодушно объявили доблестное намѣреніе надѣлать крестьянъ землями, а потому духовенство должно защищать помѣщиковъ отъ обиды, которую дѣлаютъ имъ непріятели, утверждая, что не дворяне, а правительство даетъ крестьянамъ помѣщичьи земли.

Въ такомъ духѣ поступаая, нѣкоторые приходскіе священники Плоцкой епархіи, подъ вліяніемъ членовъ и корреспондентовъ «Земледѣльческаго общества», опубликовали съ амвона объявленія, приготовленныя «Земледѣльческимъ обществомъ», которыя, какъ недозволенные правительствомъ, были по приказанію главнаго директора духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія воспрещены, а вмѣсто ихъ, онъ же, главный директоръ, подъ 19-е (31-е) марта сего года, разослалъ ко всему духовенству, для опубликованія съ амвоновъ, новое отъ него объявленіе съ объясненіемъ дѣла на счетъ очиншеванія, а за тѣмъ и постепеннаго выкупа крестьянами земель.

Между тѣмъ вслѣдствіе опубликованія издавнаго прелатомъ Мыслинскимъ безъ вѣдома правительства циркуляра, а равно объявленій отъ «Земледѣльческаго общества», въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произошли безпорядки, потому что крестьяне, введенные въ заблужденіе, перестали отработывать барщину и оказываютъ неповиновеніе.

По случаю такого поступка прелата Мыслинскаго я велѣлъ сдѣлать ему строгій выговоръ, и, какъ прелатъ сей еще не утверждаетъ римскимъ дворомъ въ званіе плоцкаго епископа, то вслѣдъ за симъ я намѣренъ войти съ представленіемъ о назначеніи на его мѣсто другаго лица.

10.

13-го (25-го) апрѣля. Варшава.

Вслѣдствіе высочайшаго вашего императорскаго величества разрѣшенія (приступить) къ совѣщаніямъ по проектамъ, составляемымъ въ развитіе указа 14-го (26-го) марта, я пригласилъ къ себѣ графа Потоцкаго, гг. Островскаго, Левинскаго и Венгленскаго и, наконецъ, графа Андрея Замойскаго, какъ людей просвѣщенныхъ и наиболѣе пользующихся общимъ въ здѣшнемъ краѣ довѣріемъ. Опасаясь однакожъ какойлибо выходки, въ особенности, со стороны графа Замойскаго, и не желая, въ случаѣ увлеченія всѣхъ другихъ его примѣромъ, дать поводъ къ какому-либо общему съ ихъ стороны неумѣстному поступку, я предпочелъ приглашать ихъ къ себѣ по одиночкѣ. Такимъ образомъ были у меня гг. Потоцкій, Островскій, Левинскій и Венгленскій. Всѣ они

представили, по проекту учрежденія государственнаго совѣта, замѣчанія, не выходящія изъ предѣловъ указа 14-го (26-го) марта, которыя будутъ приняты въ соображеніе при окончательной редакціи сего проекта. Что касается графа Замойскаго, то, прибывъ ко мнѣ, онъ объявилъ, что принимаетъ съ благодарностію все, что вашему императорскому величеству благоугодно будетъ сдѣлать для края, но, постановивъ устраниваться отъ всѣхъ дѣлъ общественныхъ и не желая принимать впредь никакой правительственной должности, онъ не можетъ имѣть никакого участія въ составленіи приготовляемыхъ проектовъ.

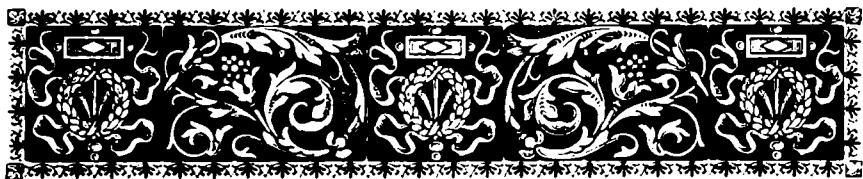
Подобный отказъ графа Замойскаго, какъ частнаго и государственною службою не обязаннаго человѣка, не составляетъ никакого собственно преступленія и въ обыкновенное время не имѣлъ бы даже существеннаго значенія, но какъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ таковой отказъ есть новое доказательство его недоброжелательства къ правительству, и положеніе его, главы всей такъ называемой умѣренной оппозиціи, даетъ сему дѣйствию особенное значеніе, — то я почитаю долгомъ довести объ ономъ до высочайшаго вашего величества свѣдѣнія, всеподданнѣйше испрашивая повелѣнія, какъ должно быть поступлено въ семъ случаѣ съ графомъ Замоискимъ.

Съ моей стороны приемаю смѣлость доложить вашему императорскому величеству, что арестованіе графа Замойскаго и отправленіе его на жительство въ Россію, чего онъ по общему своему поведенію, конечно, заслуживаетъ, имѣло бы въ настоящихъ обстоятельствахъ самыя невыгодныя послѣдствія. Оно произвело бы неблагоприятное впечатлѣніе не только на его приверженцевъ, но и на всѣхъ вообще жителей царства, а вслѣдствіе сего могло бы, черезъ устраненіе всѣхъ способныхъ и пользующихся здѣсь общимъ довѣріемъ лицъ, крайне затруднить успѣшное приведеніе въ дѣйство новыхъ учрежденій, всемилостивѣйше дарованныхъ царству. Я полагаю, что выгоднѣе оставить безъ вниманія эту выходку графа Замойскаго и не давать ему случая выставить себя какъ жертву патриотизма, невинно угнетенную безъ законнаго къ тому повода ¹⁾.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Императоръ Александръ II отвѣчалъ князю Горчакову, что на этотъ разъ поступокъ гр. Замойскаго можно оставить безъ послѣдствій, но съ тѣмъ, чтобы за нимъ бдительно слѣдить, не увольняя за границу, и при первой новой выходкѣ подобнаго рода выслать на жительство въ Пермь.

Письма генерала Гецевича къ***, въ 1861 году ¹⁾.

1.

14-го марта, 1861 года, Варшава.

14-го марта я отправилъ вамъ по почтѣ письмо, которое осмѣлился написать его величеству императору.

Мнѣ нечего измѣнять въ немъ, нечего прибавлять къ нему, развѣ только сказать нѣсколько словъ объ условіяхъ, при которыхъ я вступилъ въ должность. Мой предшественникъ былъ осмѣянъ, освиставъ, забросанъ камнями, завданъ грязью и заплеванъ. Вотъ положеніе, которое нужно было поднять, а до сихъ поръ еще работаю надъ этимъ, вотъ условія, при которыхъ я вступилъ въ званіе министра, чтобы самому объявить о своемъ назначеніи почти тремъ стамъ служащимъ, поголовно болѣе или менѣе деморализованнымъ текущими событіями и поголовно встревоженнымъ за будущее.

Я стараюсь сплотить ихъ всѣхъ вокругъ себя при посредствѣ чувства личнаго довѣрія, какъ сплываются вокругъ знамени послѣ пораженія; я стараюсь поднять упавшее, поддержать стоящимъ то, что оказывалось еще на ногахъ, поставить на свое мѣсто расшатанныя части механизма, чтобы пустить въ ходъ эту административную машину, наиболѣе важную въ данный моментъ.

¹⁾ Генералъ-лейтенантъ Левъ Викентьевичъ Гецевичъ былъ въ то время предсѣдательствующимъ въ правительственной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ царства Польскаго.

Письма его, писанныя къ одному изъ высокопоставленныхъ лицъ, служатъ непосредственнымъ поясненіемъ и дополненіемъ предъидущей статьи.

Р е д.

Слава Богу, мои нравственныя силы находятся на высотѣ моей задачи, и я живо обрабатываю свое дѣло. Я могу быть сломанъ, но я не сдамся. Въ вѣсколко дней я добился замѣтныхъ результатовъ и уже служу поддержкою приунывшимъ. Для настоящаго момента это вещь существенная.

То, что я только-что высказалъ вамъ, относится исключительно къ части, которую я взялъ на себя, и за которую въ настоящую минуту, какъ мнѣ кажется, я могу поручиться. Что касается остальнаго, то если бы мнѣ снова предстояло написать письмо государю, то я на одного слова не измѣнилъ бы въ своемъ письмѣ 14-го числа, которое вы должны были получить.

Имѣется наиболѣе важная сторона подлежащаго рѣшенію вопроса, которой я еще не касался—это его политическая сторона. Необходимо, чтобы его величество имѣлъ о ней вѣрное представленіе. До настоящаго времени мы скорѣе походамъ на ищущихъ, какъ выйти изъ современныхъ затрудненій, чѣмъ на думающихъ о порядкѣ вещей, который, въ силу необходимости, долженъ водвориться послѣ осуществленія реформъ, возвѣщенныхъ стравѣ. Десяти томовъ марапія было бы недостаточно, чтобы освѣтить эту сторону вопроса, болѣе важную, чѣмъ все остальное.

Когда спокойствіе будетъ восстановлено, когда мы вернемся здѣсь къ нашему нормальному состоянію, я попрошу разрѣшенія пріѣхать въ Петербургъ, чтобы довести до свѣдѣнія государя всевозможныя данныя, касающіяся этой стороны современнаго положенія, или даже лучше, я теперь же испрашиваю его соизволенія совершить эту поѣздку въ моментъ, который я признаю удобнымъ въ зависимости отъ здѣшнихъ обстоятельствъ. Безъ всякаго самоувѣрія я могу считать себя въ состояніи представить его величеству положеніе вещей въ его истинномъ свѣтѣ. Я крайне далекъ отъ мысли пытаться хоть сколько-нибудь вліять на его величество въ столь щекотливомъ вопросѣ; я стремился бы только къ тому, чтобы его рѣшеніямъ предшествовала полная и всесторонняя оцѣнка обстоятельствъ.

Еще одно слово о положеніи князя ¹⁾). Мнѣ кажется, нѣтъ надобности говорить вамъ, что съ момента, какъ я сталъ причастенъ дѣламъ, я преданъ князю душою и тѣломъ. Это и не могло бы быть иначе, а пока что, я имѣю въ виду подбодрить его нравственное состояніе. Съ тѣхъ поръ я вхожу въ составъ его близкихъ совѣтниковъ; настойчивость, которую я проявляю, когда это становится необходимымъ, не только не породила натянутости отношеній, но завоевала мнѣ его довѣріе, онъ призналъ во мнѣ благороднаго человѣка; я радуюсь этому и

¹⁾ Князя Михаила Дмитріевича Горчакова.

счастливы, видя, что мое вліяніе не остается безъ результатовъ. Генералъ-лейтенантъ Коцебу, компетентности котораго онъ не признавалъ прежде, тоже принимаетъ участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ. Вдвоемъ съ нимъ мы окружаемъ князя самыми тщательными заботами, и, повидимому, онъ смотритъ на насъ какъ на своихъ посредниковъ, постоянно готовыхъ преданно служить ему.

2.

20-го марта 1861 года. Варшава.

Запозданіе въ отправкѣ курьера позволяетъ мнѣ прибавить нѣсколько данныхъ къ тѣмъ, которыя я сообщилъ вамъ третьяго дня. Впрочемъ, у меня нѣтъ ничего важнаго, чтобы сообщить вамъ, а только кое-какія подробности насчетъ нашего положенія, способныя удовлетворить любопытство.

Обнародовавъ реформы, князь хочетъ рѣшиться на мѣры твердости; но, прежде чѣмъ приступить къ дѣйствіямъ, это рѣшеніе безпрестанно подвергается обсужденію, и до сихъ поръ ово еще не лишено колебаній. Мы дѣлаемъ все, что только въ нашихъ силахъ, чтобы поддержать въ немъ эту рѣшимость, и въ настоящее время мы видимъ болѣе шансовъ, чѣмъ прежде, чтобы поддержать ее въ немъ. Дай Богъ, чтобы ова съ успѣхомъ проявилась на дѣлѣ.

Фактъ тотъ, что то, что могло бы быть сдѣлано безъ всякихъ затрудненій въ первые дни движенія, теперь является задачей величайшей трудности. Мы почти равнодушно смотрѣли на то, какъ затрудненія зарождались, развивались и возрастали вокругъ насъ, развившись до такой степени, что мы оказались совершенно оплетенными ими. Обособленное волненіе превратилось для насъ въ среду накаленныхъ добѣда элементовъ, обложившую насъ. Однимъ словомъ, наша задача теперь—выйти изъ этого положенія. Какъ при всякомъ движеніи подобнаго рода, у насъ имѣется здѣсь два теченія идей, олицетворяемые двумя партіями, различными между собою, но не противоположными въ томъ отношеніи, что онѣ принадлежатъ къ одному и тому же лагерю.

У насъ имѣются умѣренные и красные; одни требуютъ либеральныхъ учрежденій, другіе—возбуждаютъ смуты лишь изъ любви къ самимъ смутамъ. Несмотря на различіе ихъ положеній, обѣ партіи имѣютъ не одну точку соприкосновенія между собою и ту же самую явную и признанную цѣль. Существенное различіе заключается въ ихъ средствахъ дѣйствія. Съ самаго начала событій положеніе умѣренныхъ, по крайней мѣрѣ, положеніе ихъ вожаковъ, почти не измѣнилось: немно-

жечко болѣе или менѣе горячности въ рѣчахъ—вотъ и все; но зато у васъ не могли бы составить себѣ представленія о положеніи, занятомъ красными. Улицы переполнены ими. Вы видите трауръ и фантастическіе костюмы, представляющіе самое оригинальное разнообразіе. Чрезмѣрно широкія шляпы изъ бѣлаго, голубаго и краснаго бархата, съ плюмажемъ или маленькимъ султаномъ, венгерскіе костюмы, а со вчерашняго дня даже контуши. Каждый день прибавляетъ что-нибудь новое къ изысканности, которую вносятъ въ разнообразіе этихъ экстравагантныхъ костюмовъ, служащихъ въ то же время знакомъ единенія. Это—венеціанскій карнавалъ въ отношеніи смѣшнаго; къ этому прибавляется наша форма, дополняющая своеобразие зрѣлища. Никогда я не видѣлъ болѣе глупыхъ лицъ; это не дворяне, а простолюдины, наряженные и оплачиваемые сѣятелями смуты.

Общепризнанный фактъ,—что умѣренные здѣсь ни при чемъ, и что они хотѣли бы остановить это демагогическое движеніе, овладѣть которымъ они не въ состояніи. Мы же, съ своей стороны, вынуждены ходить по улицамъ, носящимъ подобный характеръ, и, по истинѣ, поразительно, что, несмотря на взаимное раздраженіе, это неизбежное соприскосновеніе на улицахъ при такой обстановкѣ не приводило еще къ прискорбнымъ столкновеніямъ, если не считать нѣсколькихъ исключительныхъ случаевъ незначительныхъ оскорбленій.

Теперь вопросъ въ томъ, чтобы обуздать лихорадочное настроеніе красныхъ при помощи весьма слабыхъ мѣръ воздѣйствія, такъ какъ ваша полиція оказывается почти совершенно ступшевавшеюся. Генераль Кичинскій водворился въ думѣ, чтобы сплотить полицію и возвратить ей утраченную ею способность къ дѣятельности.

По всей вѣроятности, мы будемъ поставлены въ необходимость употребить вооруженную силу. Слѣдуетъ предвидѣть столкновение. Несомнѣнно, что, въ случаѣ надобности, вооруженная сила возьметъ верхъ, но какою цѣною,—этого и предвидѣть никто не въ состояніи; единственное, что можно предполагать, что разъ дѣло дойдетъ до выстрѣловъ, то жертвы, по всей вѣроятности, будутъ многочисленны.

3.

22-го марта 1861 г. Варшава.

Я пользуюсь отъѣздомъ курьера, чтобы переслать вамъ нѣсколько строкъ. Всѣ понимаютъ, что самое важное это—положеніе князя. Я радуюсь, что имѣю возможность утверждать, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ оказывается избавленнымъ отъ вреднаго вліянія, тяготѣвшаго надъ нимъ, онъ видимо возвращается къ лучшему направленію. Онъ стано-

вится доступнымъ голосу разума, обсуждая и комбинируя догадываемыя ему предположенія, и, если не считать колебаній, которыя свойственны ему, когда нужно дѣйствовать, онъ склоняется къ рѣшеніямъ, отвѣчающимъ обстоятельствамъ, и даже къ энергичнымъ мѣрамъ, къ которымъ чувствовалъ такое отвращеніе. Равнымъ образомъ, я радуюсь возможности отмѣнить полное отсутствіе натянутости въ личныхъ отношеніяхъ со мною, такъ какъ иначе, при необходимости для насъ непрерывно приходило въ сопркосновеніе другъ съ другомъ, ничто не могло бы подвигаться. Я нѣкоторымъ образомъ силою завоевалъ его довѣріе и уваженіе; правда, я достигъ этого нѣсколько насильственнымъ путемъ, но между порядочными людьми это, быть можетъ, лучшее средство обезпечить себѣ ихъ. Однимъ словомъ, со времени моего письма отъ 14-го числа, написаннаго его величеству, въ душевномъ состояніи князя произошла замѣтная переимѣна. Дай Богъ, чтобы онъ продержался на этомъ пути, потому что, по всей вѣроятности, мы же будемъ нуждаться въ большомъ запасѣ твердости.

Теперь онъ рѣшился на одну мѣру, которая произвела бы прекрасное дѣйствіе 15-го февраля. Она не теряетъ своихъ хорошихъ свойствъ и въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что она единственная, которую можно было бы принять въ настоящее время. Она уже находится на пути къ осуществленію, и, по истинѣ, это большой шагъ впередъ. Городъ раздѣленъ на четыре отдѣла; каждый отдѣлъ находится въ управленіи генерала, которому поручено заботиться о порядкѣ и спокойствіи. Эти генералы имѣютъ въ своемъ распоряженіи отряды войскъ, достаточные для того, чтобы подавить любую демонстрацію; они снабжены инструкціею, достаточно широкою, чтобы давать возможность дѣйствовать въ зависимости отъ обстоятельствъ. Это нашъ первый шагъ для того, чтобы войти въ обычную колею, и князь, повидимому, преисполненъ рѣшимости быть твердымъ. Болѣе чѣмъ когда-либо пролитіе крови было бы прискорбно, потому что войска столь же жестоковы, какъ и народъ, и вслѣдствіе этого, если дѣло дойдетъ до столкновенія, оно грозитъ принять громадныя размѣры. Мы безропотно готовы ко всему, такъ какъ нѣтъ другаго средства, чтобы выйти изъ этого. Наше теперешнее положеніе—положеніе солдата, берущаго ружье на руку послѣ того, какъ онъ долго держалъ его у ноги.

Въ настоящую минуту вѣренвая мѣ часть управленія исполнѣ приведена въ порядокъ. Я не гонюсь за популярностію, но имѣю притязаніе силою завоевать уваженіе и почтительное отношеніе къ себѣ. Я ничѣмъ не пренебрегаю изъ всего, что въ моей власти; свободное время я употребляю на посѣщеніе благотворительныхъ учре-

жденій; дѣлая все для всѣхъ, я, слава Богу, до сихъ поръ нахожу въ себѣ необходимыя силы и, какъ мнѣ кажется, ничѣмъ не пренебрегъ. Я вздохну и отдохну, когда все будетъ кончено—не равнѣ.

Само собою разумѣется, что я душою и тѣломъ принадлежу князю, и, повидимому, онъ увѣренъ въ этомъ.

4.

2-го апрѣля 1861 г. Варшава.

Мнѣ составляетъ удовольствіе удовлетворить вашимъ желаніямъ, изложеннымъ въ вашемъ письмѣ отъ 28-го марта, сообщивъ вамъ нѣкоторыя подробности о положеніи нашихъ дѣлъ. Я не буду говорить вамъ болѣе о дняхъ 26-го и 27-го числа, смотря на событія этихъ двухъ памятныхъ дней, какъ на тему уже исчерпанную. День 27-го числа смѣнился поразительнымъ спокойствіемъ: пустыя улицы, отсутствіе фантастическихъ костюмовъ и утрированныхъ знаковъ траура—являются существенными признаками этого. Масса народа обратно отлила въ провинціи. Начиная съ 29-го числа движеніе по улицамъ возстановилось, но это ужь движеніе обычное, быть можетъ, только нѣсколько болѣе значительное, носящее болѣе спокойный и приличный характеръ. Мы не окружены болѣе каннибалами, пожиравшими насъ глазами и скрежетавшими зубами при нашемъ проходѣ. Погребеніе тѣлъ произошло безъ безпорядковъ. Тѣ, которые оказались въ нашемъ распоряженіи, т. е. почти всѣ полностью, были похоронены нами во рвахъ цитадели; нѣсколько человекъ изъ раненыхъ, умершіе въ госпиталяхъ, были погребены больничной администраціей ночью, безъ всякаго шума, въ присутствіи нѣкоторыхъ родственниковъ. Я посѣтилъ всѣхъ раненыхъ, находящихся въ госпиталяхъ, состоящихъ подъ моимъ вѣдѣніемъ; у нихъ нѣтъ недостатка въ уходѣ; болшею частью это рабочіе, принимавшіе участіе въ безпорядкахъ, будучи подпоянными подстрекателями. Среди нихъ есть и женщины; двѣ изъ нихъ уже умерли, а двѣ другія не могутъ оправиться отъ своихъ ранъ. Признаюсь вамъ, что я былъ глубоко взволнованъ при видѣ этихъ несчастныхъ женщинъ.

Хотя, начиная съ 27-го, слухи неоднократно возвышались намъ о новыхъ манифестаціяхъ, къ счастью, эти слухи совершенно не оправдались.

Извѣстія изъ провинцій менѣе удовлетворительнаго свойства, чѣмъ здѣшнія. Безпрестанно я получаю рапорты губернаторовъ и уѣздныхъ начальниковъ о частныхъ случаяхъ безпорядковъ. Впрочемъ, нужно было ожидать этого, и воплнѣ естественно, что здѣшняя революція най-

дети свой отголосокъ въ провинціи, такъ какъ Варшава для Польши то же самое, что Парижъ для Франціи. Больше всего приходится опасаться мелкихъ чиновниковъ, а среди нихъ въ особенности тѣхъ, репутація которыхъ запятнана; страхъ побуждаетъ ихъ брататься съ революціонерами и, путемъ проявленія преувеличеннаго патріотизма, заставить забыть свои проступки.

Нѣсколько общинъ отказались работать; наступившее время посѣвовъ придаетъ этому обстоятельству возможность, тѣмъ болѣе, что это зло можетъ сдѣлаться заразительнымъ. Люблинъ, Радомъ, Калишь и Кѣльцы были мѣстомъ столь же серьезныхъ беспорядковъ, какъ и здѣшніе. Но наконецъ мы рѣшились для восстановления порядка назначить туда военныхъ начальниковъ; теперь они дѣйствуютъ по соглашенію съ губернаторами, которые были опережены событіями.

Чтобы занять здѣшнее населеніе, которое могло бы продолжать производить беспорядки за непмѣніемъ работы и хлѣба, князь приказалъ прибѣгнуть къ производству общественныхъ работъ въ большомъ масштабѣ, такъ какъ недостатка въ фондахъ у насъ нѣтъ, и мы очень рассчитываемъ на развитіе этой мѣры, къ осуществленію которой теперь только-что преступлено. Мы рассчитываемъ на это средство, чтобы такимъ образомъ убраться ту часть населенія, которая шляется по всѣмъ улицамъ.

Движеніе вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ можетъ до известной степени служить показателемъ силы паники въ дѣлахъ. При 900.000 рублей вкладовъ отливъ ихъ не превзошелъ 300.000—цифра умѣренная по сравненію съ тѣмъ, что наблюдалось при подобныхъ обстоятельствахъ въ другихъ странахъ, въ особенности, въ Парижѣ. Какъ-то мнѣ предстояло удовлетворить болѣе 700 требованій на сумму 40.000 р.; чтобы избѣгнуть давки, я приказалъ открыть кассы въ шести мѣстахъ, и, слава Богу, все произошло безъ беспорядковъ.

Я просилъ васъ испросить для меня соизволеніе его величества пріѣхать въ Петербургъ, когда мое присутствіе здѣсь не будетъ болѣе необходимо. Вы ничего не сообщаете мнѣ по этому поводу. Если это дѣло разсѣянности, я прошу поправить его и дать мнѣ въ этомъ отношеніи положительный отвѣтъ. Я придаю этому путешествію большое значеніе и считаю его необходимымъ, чтобы такимъ путемъ представить государю крайне важныя и въ высшей степени шекотливыя свѣдѣнія о положеніи страны. Возможно, что г. Платоновъ пріѣдетъ въ Петербургъ ранѣе меня, но я не раздѣляю его взглядовъ. Человѣкъ благожелательный, г. Платоновъ не человѣкъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ, хотя у меня было лишь крайне мало свободнаго времени, чтобы разговаривать съ нимъ, тѣмъ не менѣе все-таки достаточно для того, чтобы убѣдиться, что онъ не придаетъ большаго значенія по-

слѣдствіямъ революціоннаго движенія, изъ котораго мы еще не вышли. Будучи самъ человекомъ порядка, онъ разсчитываетъ на порядокъ тамъ, гдѣ кроются зачатки неминуемыхъ беспорядковъ. Говоря объ администраціи края, онъ считаетъ ее твердой, прочной и правильно поставленной, тогда какъ повсюду она предоставлена волѣ случая и общааетъ долго оставаться въ этомъ положеніи.

5.

3-го апрѣля.

Я снова берусь за перо послѣ 24-хъ часоваго перерыва и начинаю сегодня тѣмъ, чтѣ имѣется наиболѣе важнаго.

Слава Богу, наше военное положеніе стало довольно твердымъ, но административная сторона—слаба и не безъ задатковъ затрудненій въ будущемъ. Я говорю объ административномъ совѣтѣ. Вамъ знакома часть его прежняго состава, но вы не знаете его новыхъ членовъ, людей, выдвинутыхъ обстоятельствами. Среди послѣднихъ имѣется одинъ, одержимый бѣсомъ честолюбія, вліянія котораго я опасаясь. Г. Платоновъ не усматриваетъ въ этомъ ничего особеннаго, но этотъ маркизъ¹⁾, набитый честолюбіемъ, уже властвуетъ, и хотя въ настоящую минуту онъ является нужнымъ, но нельзя быть въ достаточной мѣрѣ осторожнымъ для того, чтобы избѣгнуть положенія, когда онъ станетъ необходимымъ. Я непрерывно указываю на эту опасность, но я слишкомъ польщенъ ввѣренною мнѣ отраслью правленія, чтобы имѣть возможность разсчитывать на свое вліяніе, превратившееся въ ничто внѣ моей сферы, какъ директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ; чтобы сохранить это вліяніе, нужно было бы быть постоянно съ княземъ; а имѣя возможность видѣть его лишь урывками, я остаюсь совершенно чуждымъ общему направленію дѣлъ и взглядамъ князя. Обращаясь снова къ маркизу, я скажу вамъ еще, что, конечно, административныя затрудненія въ данный моментъ серьезны, но если ему предоставить дѣйствовать по-своему, можно подготовить для будущаго еще болѣе серьезныя затрудненія, чѣмъ нынѣшнія. Вотъ предметъ всѣхъ моихъ безпокойствъ, тѣмъ болѣе сильныхъ, что я ничего не могу подвизать при этомъ. Если иногда мнѣ приходитъ на мысль, что я могу очутиться въ необходимости оставить свое мѣсто, то это можетъ произойти лишь вслѣдствіе затрудненій, которыя могутъ явиться съ этой стороны. Я подробно напишу вамъ объ этомъ съ первымъ курьеромъ.

Я былъ крайне счастливъ получить письмо его величества; оно служить для меня поддержкою въ отношеніи къ князю; не будь его,

¹⁾ Везепольскій.

онъ могъ бы смотрѣть на весь мой предъидущій образъ дѣйствій, какъ на заслужившій порицаніе, и это, по всей вѣроятности, повлекло-бы за собой мою отставку, по которой, скажу мимоходомъ, я вздыхаю отъ всего сердца, и съ которой я не разстался бы, если бы важность случая и чувство долга не наложили на меня въ этомъ отношеніи настоящей обязанности. Что лучше всего устранило бы меня лично—это отставка; но разъ ужъ я посвятилъ себя дѣлу, буду продолжать, пока сочту это необходимымъ, и пока мои силы не будутъ совершенно истощены.

Въ князѣ есть что-то непонятное. Беззавѣтно храбрый солдатъ, онъ не обладаетъ и тѣнью гражданского мужества. Что для него наиболѣе трудно—такъ это принять какое-либо рѣшеніе, какъ результатъ спокойнаго обсужденія при наилучшихъ условіяхъ полного досуга. Самое подходящее рѣшеніе,—рѣшеніе, повидимому, самое твердое, минуто спустя оказывается измѣненнымъ, затѣмъ снова замѣненнымъ третьимъ рѣшеніемъ, такъ что это сбиваетъ всѣхъ съ толку, въ особенности, тѣхъ, которые, не будучи извѣщены о произошедшихъ переизмѣнахъ, продолжаютъ дѣйствовать въ смыслѣ первоначальнаго рѣшенія. Естественно, что это подаетъ поводъ къ безпрестаннымъ замѣшательствамъ, и увѣряю васъ, что очень часто есть отъ чего потерять голову.

6.

4-го—8-го апрѣля 1861 года, Варшава.

Вотъ обѣщанныя подробности о нашемъ новомъ административномъ совѣтѣ.

Завѣдываніе дѣлами вѣронисовѣданій и народнаго просвѣщенія ввѣрено человѣку, который самъ предложилъ себя для этого; его предложеніе было принято, директоръ департамента юстиціи былъ смѣщенъ, чтобы тоже уступить мѣсто этому новому должностному дѣятелю, уже теперь, въ ожиданіи лучшаго, соединяющему въ своемъ лицѣ двѣ столь важныя отрасли управленія; его чрезмѣрное честолюбіе и его деспотизмъ должны заставлять предполагать, что онъ не остановится и на этомъ; онъ господствуетъ всецѣлю.

По моему мнѣнію, вѣроятными послѣдствіями этого двойнаго назначенія должны были быть: или возрастающая популярность, излишество которой могло бы создать изъ него диктатора новой революціи въ моментъ, когда оказалось бы необходимымъ смѣстить его, или же чрезмѣрная непопулярность, которая неизбѣжно переносилась бы и на всѣ дѣйствія правительства.

На-ряду съ этимъ былъ камень преткновенія, котораго нужно было

остерегаться, а именно опасность подпасть подъ вліяніе натуры, стремящейся господствовать надъ всѣмъ, и мы разбились объ этотъ камень. Слѣдствіемъ этого явились указанная отставка Држевецкаго, отставка Воловскаго, занявшаго его мѣсто на нѣсколько дней, и, въ концѣ концовъ, двойное назначеніе Велепольскаго въ оба департамента. Это двойное назначеніе представляетъ слѣдующія неудобства, — а неудобство во время революціи является уже опасностью — неизбежно предстоящая трудность искать двухъ людей, чтобы замѣнить его, и наконецъ постоянно грозящая опасность не найти ни одного изъ нихъ въ такой моментъ, когда ему можетъ оказаться удобнымъ продиктовать намъ немислимыя условія съ перспективой своей отставки, — средство, уже примѣнявшееся имъ съ успѣхомъ.

Изъ двухъ вѣроятныхъ послѣдствій его назначенія непопулярность и ненависть въ концѣ концовъ одержали верхъ и тяготѣютъ надъ правительствомъ. Надѣялись раздробить партію Андрея Замоискаго, противопоставивъ ему имя маркиза Велепольскаго, который могъ бы послужить объединяющимъ началомъ для нѣкоторыхъ поляковъ, если бы старые личные счеты между этими господами, въ послѣднее время обострившіеся болѣе, чѣмъ когда-либо, не помѣшали этому, и если бы закрытіе «Земледѣльческаго общества», мѣра необходимая (но, по моему мнѣнію, слишкомъ запоздалая), не придало этой самой мѣрѣ характера личной мести со стороны Велепольскаго. Ненависть противъ послѣдшаго возросла до такой степени, что, не чувствуя себя въ безопасности въ зданіи министерства, онъ былъ вынужденъ укрываться въ замкѣ, отправившись туда въ экипажѣ намѣстника, въ сопровожденіи внушительнаго конвоя. Съ тѣхъ поръ онъ живетъ тамъ и не смѣетъ выйти изъ замка.

Вполнѣ понятно, что при подобномъ положеніи вещей личному составу комиссіи юстиціи не хватаетъ нравственной поддержки, которую онъ долженъ былъ бы находить въ своемъ директорѣ. На чиновниковъ всѣхъ нашихъ комиссій смотрятъ какъ на агентовъ правительства, а правительство, къ несчастью, пользуется неуваженіемъ и считается врагомъ; на всѣхъ чиновниковъ смотрятъ съ недоброжелательствомъ; среди нихъ есть такіе, которые подвергались оскорбленіямъ, другіе получали анонимныя письма съ угрозами и обидными выраженіями; они всѣ опасаются стать жертвами безпорядковъ, которыми насъ тревожатъ. Подъ вліяніемъ этого страха многіе были бы не прочь подать въ отставку, если бы постоянное пребываніе главнаго директора въ присутственномъ мѣстѣ и его стойкость не сдерживали ихъ. Среди моихъ чиновниковъ я удержалъ нѣсколькихъ отъ подачи прошеній, укрѣпивъ пошатнувшееся мужество. Что сказать послѣ этого о комиссіи юстиціи съ ея директоромъ, спрятавшимся въ замкѣ, и ея

чиновникахъ, болѣе чѣмъ другіе, пользующихся нерасположеніемъ вслѣдствіе ненависти, питаемой къ ихъ начальнику? Эта коммиссія, подъ давленіемъ царящаго въ ней страха, можетъ распасться и послужитъ опаснымъ примѣромъ, который нашель бы слишкомъ много подражателей.

Вотъ положеніе вещей; оно не представляетъ ни порядка, ни безопасности, ни гарантіи долговременности; я тщетно старался предостеречь князя (Горчакова) относительно возможныхъ послѣдствій, ожидающихъ васъ; я ничего не могу подѣлать съ его предубѣжденнымъ умомъ; я указалъ ему на опасность, и мнѣ остается лишь раздѣлать ее; мы—солдаты на бреши; нужно бороться до конца, выполнить свой долгъ и почерпнуть въ этомъ чувствѣ нравственныя силы, которыя служили бы поддержкою.

Впрочемъ, что касается меня лично, мнѣ не остается ничего другаго, какъ заниматься ввѣренною мнѣ отраслью управленія. Она достаточно обширна, чтобы всецѣло поглотить меня; она даже слишкомъ обширна для того, чтобы предоставить мнѣ необходимый досугъ, который позволялъ бы мнѣ принимать участіе въ совѣщаніяхъ, которыя могутъ происходить у князя. Въ большинствѣ случаевъ меня извѣщаютъ объ этомъ въ такое время, когда принятыя рѣшенія начинаютъ приводить въ исполненіе. Для меня невозможно слѣдовать его идеямъ. Платоновъ много бываетъ съ княземъ; вліяніе столь хорошаго человѣка, какъ онъ, можетъ быть лишь благотворно, но я не знаю, до какой степени оно дѣйствительно. Платоновъ болѣе чѣмъ сдержанъ со мною, поэтому, не зная ни его мнѣній, ни его положенія въ отношеніи къ князю, я не могу придти ни къ какимъ заключеніямъ по этому поводу.

Прибавляю нѣсколько строкъ въ моментъ отправленія курьера.

Положеніе провинцій, не будучи успокоительнымъ, стало значительно менѣе тревожнымъ. Назначеніе военныхъ начальниковъ въ три губерніи и на нѣкоторые отдѣльные пункты, сдѣлавшіеся опасными, привело къ хорошимъ результатамъ. Независимо отъ Люблина и Радома (губернскій городъ) порядокъ былъ нарушенъ болѣе чѣмъ въ двадцати мѣстахъ. Изъ этого числа, въ двѣнадцати мѣстахъ, мѣстныя власти были изгнаны или вынуждены бѣжать. Нѣкоторыя изъ нихъ уже водворены обратно; теперь заняты водвореніемъ остальныхъ. Въ общемъ уже можно предвидѣть если не окончательное прекращеніе, то, по крайней мѣрѣ, пріостановку безпорядковъ.

Вопросъ о крестьянахъ, отказывающихся работать, находится въ мало удовлетворительномъ положеніи. Къ этой категоріи относится 2.600 семей. Считаая, какъ принято здѣсь, по пяти человѣкъ на семью, это составитъ 13.000 непокорныхъ. Впрочемъ, до настоящаго времени ихъ оппозиція чисто пассивная: они ограничиваются тѣмъ, что заяв-

ляютъ, что не будутъ работать болѣе. Это затрудненіе, могущее принять большіе размѣры, завѣщено намъ никѣмъ инымъ, какъ «Земледѣльческімъ обществомъ».

Въ теченіе настоящей недѣли сберегательная касса должна была удовлетворить болѣе 700 требованій о возвращеніи вкладовъ на сумму 50.000. Сумма вкладовъ ничтожна по сравненію съ суммою требованій возврата.

Общественныя работы, организованныя для народа, не занимаютъ болѣе 700 человекъ. Это доказываетъ, что у насъ еще имѣется много праздныхъ людей, шатающихся по улицамъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ это письмо, т. е. послѣ 4-го числа, въ нравственномъ состояніи князя произошла перемѣна. Онъ почти совершенно вернулся къ своему обычному состоянію, сопряженному съ неумѣстной безпечностью. Онъ становится рѣзкимъ и нетерпѣливымъ; я остаюсь неизмѣнно почтительнымъ, но твердымъ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что въ минуту сквернаго настроенія духа онъ скажетъ мнѣ, что я ему болѣе ненуженъ. Если это случится, мой отвѣтъ будетъ почтительнѣе и искреннѣе. Я готовъ отвѣтить, что не могу уйти вслѣдствіе припадка горячности съ его стороны, но что приму его предложеніе какъ милость, если онъ повторитъ его по спокойномъ размышленіи.

7.

17-го (29-го) апрѣля 1861 года. Варшава.

Ваше письмо отъ 10-го апрѣля доставило мнѣ безграничное удовольствіе, и я отъ всего сердца благодарю васъ за него. Письмо изъ Петербурга, въ особенности, письмо отъ васъ, желанное во всякое время, пріобрѣтаетъ новую прелесть въ такое время, когда все, даже воздухъ, которымъ дышешь, представляется враждебнымъ.

Я прекрасно понимаю, что, пока я занимаю настоящую должность, я долженъ оставаться при исполненіи своихъ обязанностей, не смѣя думать о томъ, чтобы уѣхать изъ Варшавы, въ особенности, до тѣхъ поръ, пока положеніе вещей останется хоть сколько-нибудь ненормальнымъ. Накогда я и не понималъ этого иначе, а потому прошу васъ считать этотъ вопросъ въ настоящее время исчерпаннымъ.

Вы спрашиваете меня объ извѣстіяхъ изъ провинцій. Они мало удовлетворительны; политическія манифестація стихли; всюду, гдѣ порядокъ былъ нарушенъ, онъ восстановленъ, но непокорность крестьянъ распространяется постоянно все болѣе и болѣе. Не нося политическаго характера, явленіе это—борьба противъ помѣщиковъ, интересамъ которыхъ грозитъ опасность. Для дворянъ это должно бы послужить

могущественнѣйшимъ побужденіемъ примкнуть къ правительству; вотъ какъ я понимаю это, и такъ же понимаетъ это значительная часть помѣщиковъ; но такъ какъ своевременно надлежащихъ мѣръ принято не было, и удобный моментъ упущенъ, запоздалыя мѣры, которыя мы принимаемъ теперь, не окажутся, быть можетъ, столь же дѣйствительными, какъ въ томъ случаѣ, если бы онѣ были приняты во-время.

На границѣ Россіи этимъ аломъ, оказывается, заражено все пространство отъ сѣвера до юга, начиная отъ Ломжи до Люблина и затѣмъ далѣе до австрійской границы. Въ Радомской губерніи въ такомъ положеніи находятся уѣзды—Мѣховскій, Опатовскій и Сандомирскій, въ Варшавской—Калишскій, Велюнскій и Петроковскій. Это непокорность чисто пассивная, которая, по моему мнѣнію, не можетъ оставаться въ положеніи застоя; въ силу необходимости она должна или принять наступательный характеръ или же исчезнуть подъ влияніемъ времени, которое, за отсутствіемъ лучшаго, часто является хорошимъ союзникомъ. Впрочемъ, въ настоящее время приняты мѣры, чтобы помочь бѣдѣ, но, къ несчастью, число ослушниковъ слишкомъ велико, чтобы можно было съ успѣхомъ примѣнить мѣры строгости. Слѣдствіемъ подобныхъ мѣръ могли бы явиться столкновенія, которыя поселили бы въ нихъ сознаніе ихъ превосходства. Остаются средства убѣжденія и здравый смыслъ населенія. Послѣднимъ не слѣдуетъ пренебрегать, такъ какъ у насъ уже имѣется примѣръ двухъ деревень, посланныхъ въ Варшаву своихъ выборныхъ узнать у высшихъ властей, могутъ ли они смотрѣть на себя какъ на законно освобожденныхъ отъ работы, а въ противномъ случаѣ сдѣлать заявленія о своей покорности. Крестьянскій вопросъ въ особенности серьезенъ въ Люблинской губерніи. Я добился того, что туда посланъ генералъ Рожновъ, разумный и умѣренныхъ взглядовъ офицеръ, и я далъ ему въ помощники одного изъ моихъ чиновниковъ. Я очень рассчитываю на эту мѣру, но они только-что еще уѣхали.

Послѣ крестьянъ мою главную заботу составляютъ чиновники. Для примѣра люблинскій губернаторъ былъ смѣщенъ. Онъ прекрасно замѣненъ. Уѣздные начальники и ихъ подчиненные, іерархическое положеніе которыхъ крайне разнообразно, могутъ быть подраздѣлены на три разряда. Первый, къ несчастью, наименѣе многочисленный, состоитъ изъ людей честныхъ и разумныхъ; второй—изъ взяточниковъ, худшихъ, чѣмъ наши; они прикрылись плащомъ патріотизма, чтобы спасти себя отъ преслѣдованія мятежниковъ; наконецъ, третій разрядъ, быть можетъ самый многочисленный—въ общемъ добрые малые, но лишеныя необходимыхъ способностей и ума. Эти-то послѣдніе въ особенности озабочиваютъ меня.

Я стараюсь очистить эту фалангу отъ ея нечистыхъ и глухыхъ

*

элементовъ, но это задача крайне трудная въ томъ отношеніи, что легче указать на зло, чѣмъ искоренить его. Нѣтъ ничего легче какъ прогнать, но трудность въ томъ, чтобы найти что-либо лучшее. Всѣ назначенія дѣлаются комиссіей внутреннихъ дѣлъ, и она назначала, не зная просителей: часто,—чтобы сдѣлать одолженіе знакомымъ, иногда въ личныхъ видахъ ея собственныхъ чиновниковъ; все это давало поводъ къ мелкимъ интригамъ, къ безконечнымъ взяточничеству и жалобамъ. Чтобы положить предѣлъ этимъ злоупотребленіямъ, я сдѣлалъ губернаторовъ отвѣтственными за всѣхъ ихъ подчиненныхъ, а чтобы сдѣлать это возможнымъ для нихъ, сообщалъ имъ общій списокъ кандидатовъ комиссіи. Отнынѣ уже на обязанности губернаторовъ—выбирать изъ этого списка тѣхъ, способности, нравственныя качества которыхъ извѣстны имъ, и за которыхъ они могутъ явиться поручителями. Я оставляю за собою окончательный выборъ, потому что этого требуетъ законъ, но оцѣнку кандидатовъ я предоставляю губернаторамъ. Общее правило—ни одного чиновника въ провинціи по выбору комиссіи, всѣ должны быть рекомендованы губернаторами, единственно отвѣтственными за своихъ представителей. Повѣрите ли, что оказалось нѣсколько сотъ кандидатовъ въ ожиданіи мѣстъ; двери дома были осаждены ими. Такимъ образомъ, не въ числѣ у насъ недостатокъ, а, къ несчастью, въ необходимыхъ качествахъ.

Простите, что мое письмо такъ длинно. Я, быть можетъ, слишкомъ поздно замѣчаю, что тотъ небольшой интересъ, который оно представляетъ, не можетъ извинить его растянутости. Въ силу естественнаго порядка вещей, событія изъ дня въ день становятся менѣ важными, и такъ какъ извѣстія, которыя я сообщаю вамъ о нихъ, утрачиваютъ свой первоначальный интересъ, то, въ концѣ концовъ, это лишитъ меня права писать вамъ. Я боюсь, что уже злоупотребилъ имъ.

Чтобы закончить, я сообщаю вамъ справку о движеніи вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ съ начала новаго года. Усиленные требованія возврата вкладовъ съ января мѣсяца доказываютъ, что рабочій классъ ожидалъ развивавшихся съ тѣхъ поръ событій.

Я ничего не пишу вамъ о самомъ себѣ, потому что не могу сдѣлать этого, не затронувъ другихъ, а послѣднее обстоятельство крайне отталкиваетъ меня. Дай Богъ, чтобы мои предположенія не осуществились, но я глубоко убѣжденъ, что мы подготовляемъ себѣ большія затрудненія. Было бы грустно примѣнить здѣсь поговорку: «послѣ насъ хоть трава не расти!» Правда, мы всѣ можемъ быть смѣнены, но монархъ и его правительство развѣ не являются постоянными? Верховная власть не знаетъ ни покоя, ни отставокъ. Уступивъ мѣсто другимъ, мы вернемся къ спокойной жизни, но сослужимъ ли мы хорошую службу государю, передавъ ему затрудненія, отъ которыхъ ему нельзя

будеть сбѣжать вслѣдствіе присущей ему непрерывности обязанностей? Увѣряю васъ, что въ концѣ концовъ я ничего не понимаю во всемъ этомъ.

8.

25-го апрѣля 1861 года. Варшава.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ рѣшенія его величества относительно проекта закона о крестьянахъ. Что касается меня лично, я спокоенъ, но я былъ бы, право, огорченъ, если бы поспѣшность, которую внесли въ это дѣло, подала бы поводъ его величеству къ малѣйшему беспокойству, для чего не имѣется никакихъ основаній.

Я перехожу къ предмету одинаковой важности: назначенію гр. Карла Ламберта, извѣстіе о которомъ распространилось здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ дней. Я очень радъ этому; остается пожелать, чтобы онъ скорѣй пріѣхалъ, такъ какъ это именно такой человѣкъ, какого нужно намъ.

Я вижу лишь одно средство, способное помочь намъ: присутствіе въ Варшавѣ кого-либо, кто соединялъ бы, подобно Ламберту, умъ, необходимый для здравой оцѣнки положенія и соединенный съ несомнѣннымъ довѣріемъ государя, способнымъ поддержать уваженіе со стороны князя.

Прежде всего намъ нуженъ человѣкъ свѣжій. Какъ таковой, Платоновъ могъ бы быть полезенъ, если бы оба условія, соединенныя въ лицѣ Ламберта, не были бы распредѣлены у перваго крайне неравномѣрно. Какъ человѣкъ добра, онъ по справедливости пользуется довѣріемъ его величества, но такъ какъ правительство находится въ трудномъ положеніи, то довѣріе, которымъ г. Платоновъ облеченъ, дѣлаетъ честь его характеру, но само по себѣ не можетъ представлять удовлетворительнаго рѣшенія.

Я не знаю, высказался ли я такъ, чтобы быть понятымъ; вопросъ — шекотливый, способный породить обиды; я кончу замѣчаніемъ, что одинъ, безъ нравственной поддержки, которой мнѣ недостаетъ у князя, я почти ничего не могу сдѣлать внѣ комиссія внутреннихъ дѣлъ и предвижу для себя лишь одинъ непріятности.

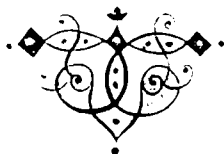
Я долженъ прибавить, что сдержанность г. Платонова по отношенію ко мнѣ, его вліяніе на князя — необходимое слѣдствіе довѣрія его величества, его молчаніе относительно всего, что происходитъ подъ его глазами, заставляютъ меня предполагать, что онъ одобряетъ его и доноситъ объ этомъ государю въ благопріятномъ смыслѣ. Правда, что это лишь одно предположеніе, но тѣмъ не менѣе оно представляется правдоподобнымъ; если бы это оказалось справедливымъ, это

значило бы, что мы совершенно противоположныхъ взглядовъ. Какъ, напримѣръ, онъ не замѣтилъ, что законъ относительно крестьянъ сначала былъ задуманъ подъ влияніемъ чрезмѣрнаго честолюбія, а затѣмъ проводился съ упорствомъ и ослѣпленіемъ подъ влияніемъ обострившихся личныхъ отношеній къ тому, кто былъ противоположныхъ взглядовъ, при чемъ не обращалось вниманія на то, что это можетъ понапрасну встревожить императора. Пытаться поддерживать въ своемъ государѣ увѣренность въ мнимой безопасности было бы крайне серьезнымъ поступкомъ, но, удовлетворяя личному тщеславію, возбуждать въ немъ напрасную тревогу, является, по моему мнѣнію, серьезнымъ проступкомъ въ совершенно другомъ отношеніи. Какимъ образомъ могли не обратить вниманія на все это, я рѣшительно не понимаю.

Быть можетъ, вы припомните, что я самъ настаивалъ на серьезномъ значеніи крестьянскаго вопроса; я говорилъ вамъ, что ему не придають достаточно важнаго значенія; это было въ то время, когда мнѣ отказывали въ принятіи мѣръ, о которыхъ я просилъ, даже въ обыкновенныхъ Execuціяхъ, или отвѣчали, что нѣтъ основаній принимать сторону дворянъ; въслѣдствіи, дѣйствительно мнѣ разрѣшили принятіе половины проектированныхъ мѣръ, но только три дня тому назадъ, когда несомнѣнно наступилъ возвратъ къ послушанію; утверждаютъ, что крестьяне собираются перерѣзать намъ горло, и что нужно успокоить ихъ уничтоженіемъ барщины. Вотъ чистая правда; бѣда попрежнему серьезна, но предложенное средство можетъ еще болѣе ухудшить положеніе.

Р. С. Я пространно и откровенно говорилъ вамъ о г. Платоновѣ для того, чтобы вы не думали, что его предстоящій отъѣздъ лишитъ меня поддержки. Онъ не оказывалъ мнѣ ея, и постоянно я чувствую себя однимъ, а мой одинокій голосъ всегда производитъ впечатлѣніе враждебнаго голоса. Это дѣлаетъ мое положеніе крайне тягостнымъ, фальшивымъ и лишеннымъ гарантій прочности, потому что при подобныхъ условіяхъ это не можетъ продолжаться долго, или кончится тѣмъ, что меня прогонять и очернять въ глазахъ государя.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—78 г.г.).

(Съ планомъ города Плевны и его окрестностей).

XVII 1).

Неутомимость М. Д. Скобелева. — Рекогносцировка южныхъ подступовъ къ Плевнѣ — Просьба Скобелева о подкрѣпленіи его пѣхотою. — Побѣдка моя въ Порадинѣ. — Кавунъ второй Плевны. — Дѣйствія отряда Скобелева. — С. Верещагинъ. — Д.-гв. Ковнаго полка поручикъ Рыдзевскій. — Офицеры Кавкасской казачьей бригады Астаховъ и Шанаевъ. — Мои ординарцы. — Письма К. Левицкаго. — Моя побѣдка къ князю Шаховскому. — Генералъ Горшковъ.

Въ ночь съ 16-го на 17-е іюля вернулись мы со Скобелевымъ въ Пелишатъ къ Кавкасской бригадѣ, а на утро выступили по направленію къ Плевнѣ въ деревню Боготъ. 2) Я просто удивлялся выносливости Скобелева; это былъ, какъ говорится въ народѣ, двуязыльный человекъ. Стоять только сообразить, сколько онъ сдѣлалъ верховъ съ 14-го по 17-е іюля; онъ пріѣхалъ 14-го іюля изъ Ловчи въ Карагачъ Болгарскій, а передъ тѣмъ пріискакалъ въ Ловчу изъ Тырнова или Габрова, 15-го скакалъ къ Пятиколудамъ и обратно черезъ Карагачъ въ Дренево, а оттуда, на разсвѣтѣ, къ Ловчѣ; въ тотъ же день изъ Ловчи черезъ Пелишатъ въ

1) См. „Русск. Стар.“, сентябрь 1899 г.

2) Дойдя въ настоящихъ запискахъ до разгара военныхъ дѣйствій, я долженъ предупредить, что не буду описывать ихъ подробно и разбирать тактически и стратегически, такъ какъ многое занесено уже въ лѣтописи исторіи и появилось въ печати въ сочиненіяхъ Куропаткина, Тутолмина и другихъ; буду описывать только то, что не вошло въ напечатанное доселѣ или чему самъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ.

Порадимъ и ночью назадъ въ Пелишатъ; рано утромъ 17-го изъ Пелишата въ Боготъ и сейчасъ же приступилъ къ рекогносцировкѣ Плевны съ южной стороны, на Плевно-Ловчинскомъ шоссе. Безъ преувеличенія можно сказать, что съ 13-го іюля по 17-е онъ проскакалъ болѣе 300 верстъ, т. е. въ среднемъ болѣе 60 верстъ въ день, если измѣрять разстоянія по картѣ. Слѣдовательно, въ дѣйствительности можно смѣло накинуть еще верстъ 10 на каждый день. Удивительная была въ немъ мощь, сила духа и ничѣмъ не ослабляемая энергія.

Рекогносцировка южныхъ подступовъ къ Плевнѣ убѣдила Скобелева въ 3-хъ вещахъ: 1) самый доступный и слабый пунктъ Плевны именно южный фронтъ, въ то время совсѣмъ не укрѣпленный. Не было ни одного, хотя бы маленькаго, редута, ни даже траншеи.

2) вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ, по мнѣнію Скобелева, весьма важный стратегическій пунктъ, такъ какъ по близости его проходило шоссе изъ Плевны въ Софію, откуда Османъ-паша получалъ всѣ подкрѣпленія какъ людьми, такъ и продовольствіемъ; шоссе на Софію составляло естественный путь отступленія Османа-паши.

3) Скобелевъ, конечно, понималъ, что съ одной Кавказской казачьей бригадой и 6-ю орудіями тутъ ничего не подѣлаешь. Слабость занятія турками южнаго фронта Плевны онъ объяснялъ тѣмъ, что они, послѣ взятія ими Ловчи, считали себя съ этой стороны обезпеченными; попытка наша овладѣть Ловчей 16-го іюля одной кавалеріей, сосредоточеніе нашихъ войскъ на восточномъ и сѣверо-восточномъ фронтахъ и попытки, сдѣланныя нами съ этой послѣдней стороны въ первую Плевну, 8-го іюля, вѣроятно, еще болѣе убѣдили турокъ въ безопасности ихъ праваго фланга. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній Михаилъ Дмитріевичъ считалъ необходимымъ атаковать Плевну съ южной и юго-восточной стороны. Получивъ приказаніе пріѣхать 17-го іюля къ генералу Криденеру въ Порадимъ на военный совѣтъ, Скобелевъ не захотѣлъ туда ѣхать, а послалъ меня, приказавъ доложить его соображенія о значеніи южнаго фронта Плевны и выпросить въ его распоряженіе пѣхоты и артиллеріи; когда же я спросилъ, сколько просить, Скобелевъ отвѣтилъ мнѣ: «безъ трехъ баталіоновъ не смѣйте мнѣ и на глаза показываться». вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ приказано было достать патроновъ, такъ какъ у казаковъ оставалось чуть-ли не по 10 патроновъ на винтовку-берданку. Я отправился въ Порадимъ, а Скобелевъ рѣшилъ еще разъ съѣздить къ Плевнѣ.

Хотя я никогда не бывалъ на военныхъ совѣтахъ, но все же читывалъ о нихъ кое-что и очень интересовался, какъ это все будетъ; я предполагалъ, что соберется высшее начальство, будутъ разсуждать какъ я что, каждый изложить свое мнѣніе, будутъ споры, начальники корпусныхъ штабовъ, конечно, будутъ присутствовать, докладывать, и я,

хотя и не начальникъ корпуснаго штаба, даже никакого штаба не начальникъ, но все же изображаю такого въ отдѣльномъ отрядѣ, а потому доложу все, что мнѣ приказано, меня выслушаютъ и т. д. Вышло же совсѣмъ не такъ; даже подобія не было тому, что я воображалъ.

Пріѣхавъ въ Порадинъ, явился я начальнику штаба 11-го корпуса генералу Бискупскому и самому князю Шаховскому; оба они, выслушавъ меня, согласились съ взглядами Скобелева, и князь Шаховской, кажется очень хорошій и добрый человекъ, взялся меня поддерживать относительно полученія 3-хъ баталіоновъ пѣхоты, но распорядиться самъ не могъ, такъ какъ главное начальство надъ всѣми войсками 4, 9 и 11-го корпусовъ вручено было генералу барону Криденеру, который и долженъ былъ всѣхъ насъ скоро созвать на совѣтъ.

Ждали мы этого зова очень долго, говорили, что не получено еще какихъ-то извѣстій изъ главной квартиры. Познакомившись съ офицерами генеральнаго штаба, графомъ Келлеромъ и Веригинымъ, я узналъ слѣдующее: баронъ Криденеръ считалъ, что въ Плевнѣ у Османа-паши до 60.000 войскъ¹⁾, а у него подъ командой изъ соединенныхъ неполныхъ трехъ корпусовъ было 36 баталіоновъ что по тому времени составляло нѣсколько менѣе 30.000 человекъ, кавалеріи было 32 эскадрона и сотни, примѣрно около 3 $\frac{1}{2}$ тысячъ и 170 орудій; силы эти баронъ Криденеръ считалъ вполне основательно недостаточными для штурма укрѣпленной Плевны и просилъ изъ главной квартиры категорическаго приказанія: это-то приказаніе и ожидалось.

Наконецъ насъ всѣхъ позвали. Генералъ баронъ Криденеръ стоялъ, и мы всѣ стояли; меня очень удивило, что на этотъ совѣтъ или совѣщаніе явились не только генералы и вообще высшее начальство, но были даже оберъ-офицеры, ротные командиры. Баронъ Криденеръ началъ такъ:

— Господа, великій князь главнокомандующій приказалъ намъ взять Плевну, и мы должны это исполнить.

Затѣмъ сразу перешелъ на указаніе и объясненіе нѣкоторыхъ приемовъ и сноровокъ построеній, движеній, огня и, какъ теперь помню, долго говорилъ о стрѣлковыхъ цѣпахъ и ихъ усиленіи, по мѣрѣ приближенія къ непріятелю. Все это говорилось, обращаясь преимущественно къ полковымъ командирамъ и оберъ-офицерамъ. Я попытался

¹⁾ Впоследствии выяснено, что турокъ въ Плевнѣ было до 20.000, изъ нихъ регулярной пѣхоты до 18.000 человекъ и около 60 орудій, но въ то время, про которое я пишу, въ штабѣ генерала Криденера говорили о 60.000; по свѣдѣніямъ же главной квартиры въ Плевнѣ было около 23.000, но этой цифрѣ Криденеръ не вѣрилъ.

узнать, какія же будутъ общія указанія для дѣйствій, и обратился къ генералу Шнитникову, но онъ недовольнымъ тономъ отвѣтилъ мнѣ:

— Получите диспозицію и будете исполнять.

Тогда я началъ дѣлать попытки доложить то, что возложено было на меня Скобелевымъ, но потерпѣлъ полную неудачу; Шнитниковъ не хотѣлъ слушать, а баронъ Криденеръ былъ занятъ разговоромъ съ другими лицами. Я уже отчаявался въ возможности вставить слово, но меня выручилъ князь Шаховской, сказавшій барону Криденеру, что я присланъ отъ Скобелева, произведшаго уже рекогносцировку Плевны, и имѣю доложить нѣчто. Тогда меня выслушали, но на докладъ о значеніи и состояніи южнаго фронта Плевны ни отвѣта, ни обсуждения не послѣдовало; только Шнитниковъ замѣтилъ, что диспозиціи уже пшутся, и мы получамъ все, касающееся дѣйствій завтрашняго дня; что же касается до пѣхоты и артиллеріи, которыхъ просилъ Скобелевъ, то мнѣ сказали, что ничего дать не могутъ. Я былъ въ страшномъ волненіи; какъ покажусь я Скобелеву безъ пѣхоты и артиллеріи? Да онъ и не повѣритъ моимъ рассказамъ о томъ, что я здѣсь видѣлъ и слышалъ.

Выручилъ меня князь Шаховской, который заявилъ, что онъ можетъ дать одинъ баталіонъ изъ своихъ войскъ; поторговались, потолковали и кончили тѣмъ, что Шнитниковъ сказалъ мнѣ:

— Берите одинъ баталіонъ, и будетъ съ васъ.

Поторговавшись еще, я добылъ десять орудій, 8-ю Донскую конную и 4 орудія 6-ой батареи 31-ой артиллерійской бригады. О большемъ и слышать не хотѣли.

Въ ожиданіи, покуда сдѣлаютъ всѣ нужныя распоряженія, покуда изготовятся данныя мнѣ войска, пошелъ я къ начальнику артиллеріи корпуса (не помню №, но кажется 11-го), генералу Калмыкову. Очень высокій, неимовѣрно худой, онъ сразу расположилъ меня къ себѣ тѣмъ, что былъ ковно-артиллеристъ, фамилію котораго я часто слышалъ еще во время службы моей въ полевой конной артиллеріи. Калмыковъ былъ дѣйствительно очень добрый и доступный человекъ, но чуть было не огорчилъ меня болѣе всѣхъ, огорчившихъ меня въ этотъ злополучный день. Выслушавъ мое заявленіе, онъ спросилъ:

— А требованіе привезли?

— Какое требованіе?

— Какъ какое? письменное, съ удостовѣреніемъ объ израсходованныхъ патронахъ и о числѣ людей.

Конечно, ничего подобнаго у меня не было! Я старался доказать, что требованіе самое форменное состоитъ въ томъ, что завтра бой, а патроновъ нѣтъ; кое-какъ Калмыкова уломалъ, но тутъ явилось новое препятствіе.

— А патронные ящики съ вами?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Такъ какъ же я вамъ отпущу патроны, въ чемъ же вы ихъ повезете? Пришлите приемщика съ ящиками, тогда получите.

Вотъ, думаю, горе; день уже склоняется къ вечеру, до Богота далеко, а тутъ все такія затрудненія! Началь умолять Калмыкова и для вѣрнѣйшаго успѣха прибѣгнулъ къ его конно-артиллерійскому сердцу.—Я рассказалъ, что служилъ въ конной артиллеріи, назвалъ нѣсколько фамилій старшихъ офицеровъ и командировъ, сверстниковъ Калмыкова, сказалъ, что часто слышалъ въ средѣ конно-артиллеристовъ его имя, и одержалъ побѣду; Калмыковъ обнадежилъ меня, что достанетъ подводу и пришлетъ патроны съ баталіономъ Курскаго полка, меня же просилъ только дать заранѣе, теперь же, квитанцію въ полученіи ихъ, на чтò, конечно, я съ радостью согласился.

Въ ожиданіи частей, данныхъ въ распоряженіе Скобелева, сидѣлъ я въ палаткѣ у Бискупскаго. Изъ разговоровъ съ нимъ и другими офицерами штаба узналъ я, что генераль Криденеръ и его штабъ придаютъ особенно важное значеніе Гривицкому редуту, считая его тактическимъ ключемъ позицій турокъ, вслѣдствіе чего противъ этого участка непріятельской позиціи и направляются главные наши удары. Это влекло за собой усиленіе нашего праваго крыла на счетъ другихъ и неправильную оцѣнку южнаго фронта Плевны, на который не обращали вниманія, а потому и не давали туда просимыхъ Скобелевымъ войскъ. Между тѣмъ Гривицкій редутъ, удаленный отъ Плевны на 10 верстъ, лежащій у подножія командующихъ имъ съ нашей стороны высотъ, такого значенія не имѣлъ и въ случаѣ занятія его нами не могъ повліять на положеніе турокъ въ Плевнѣ. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ я вынесъ убѣжденіе, что между старшими начальствующими лицами 11-го и 9-го корпусовъ, а также ихъ штабами существуетъ если не неприязнь, то и не полное согласованіе.

Вечеръ уже близился, я боялся опоздать къ генералу Скобелеву, а между тѣмъ узналъ, что диспозиціи еще не готовы, Курскій баталіонъ тоже не собрался, но артиллерія готова къ выступленію. Мнѣ посоветовали отправиться съ орудіями, обѣщая выслать диспозицію немедленно по ея изготовленіи, а также направить баталіонъ Курскаго полка въ Боготъ, какъ только онъ будетъ готовъ. Когда я выступилъ, уже темнѣло и началъ моросить дождикъ; скоро стало совсѣмъ темно в, такъ какъ настоящей торной дороги изъ Порадима въ Боготъ не было, то я заблудился, чѣмъ вызвалъ продолжительное ворчаніе командира доиской батареи полковника Власова. Онъ, конечно, съ своей точки зрѣнія, былъ правъ, потому что кому же пріятно блуждать и колесить ночью подъ дождемъ, да еще въ сосѣдствѣ съ не-

пріятелемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ выразился и присущій строевымъ частямъ взглядъ на офицеровъ генеральнаго штаба, которые, по ихъ мнѣнію, должны всегда все знать, особенно дороги. Въ оправданіе себя и другихъ товарищей офицеровъ генеральнаго штаба, бывающихъ въ подобномъ положеніи, могу сказать, что и мнѣ вѣдь не Богъ знаетъ какое наслажденіе доставляло блуждать подъ дождемъ; что же касается до знанія дороги, то надо принять во вниманіе, что изъ Богота въ Порадимъ я ѣхалъ только съ небольшимъ конвоемъ казаковъ по тропинкамъ, держась общаго направленія изъ Богота на Порадимъ, руководствуясь картою, компасомъ, и съ каждымъ шагомъ удаляясь отъ турецкихъ позицій; обратно же я вель за собой 10 орудій и шелъ по направленію къ Плевнѣ, а слѣдовательно не могъ двигаться тѣми тропинками, по которымъ ѣхалъ утромъ.

Наконецъ добрался я до Богота за долго до свѣта. Разбудивъ Скобелева, я доложилъ ему о результатахъ моей поѣздки и собирался хоть немножко отдохнуть и заснуть, но не тутъ-то было. Неугомонный Михайлъ Дмитріевичъ объявлялъ, что не время спать, велѣлъ подать чаю и требовалъ подробнаго пересказа всего видѣннаго и слышаннаго; разговоръ нашъ прерывался возгласами Скобелева, спрашивавшаго, не привезли ли диспозиціи, долгое неполученіе которой начинало уже насъ тревожить. Наконецъ, ровно въ 6 часовъ утра получена диспозиція и, о ужасъ! намъ велѣно выступать въ 5 часовъ утра.

Такимъ образомъ диспозиція опоздала на цѣлый часъ! — да надо же еще осѣдлать лошадей, собраться и т. д.

По диспозиціи отряду Скобелева 2-го предписывалось: ставъ за лѣвымъ флангомъ боевой линіи, стараться пресѣчь сообщеніе между Плевной и Ловчей, постоянно наблюдая за обоими городами.

Въ концѣ диспозиціи была сдѣлана приписка, очевидно написанная послѣ: въ ней повторялась приведенная мною выше фраза генерала барона Криденера, что главнокомандующій велѣлъ взять Плевну и что намъ предстоитъ это исполнять.

Надо думать, что послѣ моего отъѣзда изъ Порадима получилось новое подтвержденіе изъ главной квартиры объ атакѣ Плевны.

Въ 7 часовъ утра отрядъ былъ готовъ, но пѣхота еще не подошла; Скобелевъ не хотѣлъ ее ждать, сдѣлалъ распоряженіе о направленіи ея на Плевно-Ловчинское шоссе, а самъ объѣхалъ казаковъ, поздоровался и поздравилъ ихъ съ боемъ. За нимѣніемъ священника молебна отслужить было нельзя; нѣсколько казаковъ спѣшались, стали полукругомъ, лицомъ къ Скобелеву съ свитой и пропѣли «Отче нашъ». Въ 7 часовъ съ небольшимъ мы тронулись съ авангардомъ.

Туманъ былъ чрезвычайный; не видно было ничего въ самомъ близкомъ разстояніи. Тишина кругомъ полная. Утренній холодъ и

сырость пронизывали меня, чему, конечно, способствовала бессонная ночь и утомленіе всѣхъ предшествующихъ дней, проведенныхъ въ развѣздахъ. Я ежился на сѣдлѣ, даже подремывалъ; неприятна была эта тишина и неизвѣстность, вѣрно ли мы держимъ направленіе. Скобелевъ, ѣхавшій рядомъ, тоже молча, вдругъ схватилъ меня за руку и спросилъ:

— А знаете ли, какой это туманъ?

Я не понималъ вопроса и молчалъ.

— Это туманъ Инкермана!—воскликнулъ онъ.

Я даже плюнулъ и отвѣтилъ: «фу, какая гадость!», а у самого такъ и пробѣжали по спицѣ мурашки. Особенно томил неизвѣстность о разстояніи до неприятеля: близко ли, далеко ли, прямо ли, спереди или нѣтъ. Развѣзды наши конечно мотались повсюду, но намъ изъ-за тумана ихъ не было видно. Я думаю, всѣ мы испытывали приблизительно то же самое, потому что когда среди безмолвія и тишины грянулъ пушечный выстрѣлъ прямо противъ насъ, всѣмъ стало какъ будто легче, всѣ встрепенулись, и многие перекрестились. Сонъ и усталость исчезли, явилась бодрость, вниманіе, конечно нервныя, потому что физическая усталость только забылась, но не могла перестать существовать. Въ это время, приблизительно въ 9-ть часовъ утра, и туманъ началъ подниматься, постепенно очищая землю, точно и онъ, подобно намъ, ждалъ перваго выстрѣла. Въ это же приблизительно время получено было донесеніе, что пѣхота наша подходитъ, но что патроны отстали, вслѣдствіе утомленія лошадей нанятой гон. Калмыковымъ повозки. Послано приказаніе Тутолмину, чтобы распорядился послать донцовъ Бакланова полка, находившихся при нашемъ отрядѣ, помочь довести патроны до баталіона, которому продвинуться на Плевно-Ловчинское шоссе, гдѣ и остановиться до полученія приказанія. Одновременно съ этими распоряженіями получилъ я отъ командира 3-го баталіона Курскаго полка, майора Домбровскаго, къ намъ пришедшаго, рапортъ, въ которомъ число людей съ унтеръ-офицерами было показано въ 712 человекъ. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, Скобелевъ съ авангардомъ (2 сотни и 4 орудія) и штабомъ поскакалъ впередъ, и мы безпрепятственно проскакали до ската возвышенностей, обращенныхъ къ Плевнѣ. Эти горы покрыты были виноградниками, а изрѣдка и большими деревьями, почему и получили впослѣдствіи названіе «Зеленыхъ горъ»,—названіе, которому суждено было попасть на страницы исторіи и навсегда остаться за этими памятными мѣстами. Зеленныя горы представляли изъ себя три холмистые гребня съ общимъ наклономъ и пониженіемъ къ городу Плевнѣ, расположенному въ глубокой котловинѣ; гребни эти правой (восточной) стороной своей примыкали къ глубокому оврагу, названному Тучениц-

кимъ, на днѣ котораго протекала рѣчка Тученица, направляясь съ юга на сѣверъ; берега этого оврага, начиная примѣрно отъ параллели д. Брестоваца, очень круты, дики и мѣстами скалисты; приблизившись же къ городу, оврагъ уширяется, такъ сказать, расплывается, при чемъ лѣвый (западный) его берегъ почти подъ прямымъ угломъ заворачиваетъ на лѣво (къ западу), образуя глубокий логъ, ставшій знаменитымъ 30-го и 31-го августа, въ третью Шлевну. Отъ этого лога, по которому протекаетъ ручей, названный «Зеленогорскимъ», прямо къ сѣверу, нѣсколько лѣве (западнѣе) города снова подъемъ на плоскую возвышенность, на которой тоже къ 30-го августа выросли Скобелевскіе редуты; въ описываемый же мною день на всемъ этомъ пространствѣ не было никакихъ укрѣпленій. Упомянутые мною гребни получили названіе 1, 2 и 3-го; первый (сѣверный) начинается нѣсколько сѣвернѣе д. Брестоваца и тянется прямо на востокъ къ Тученицкому оврагу, оставляя за собой логъ, названный Брестовацкимъ; второй гребень начинается нѣсколько южнѣе д. Кришинъ, идетъ съ запада на сѣверо-востокъ до оврага, пересѣкая шоссе, а третій гребень, начинаясь также у д. Кришинъ идетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ вплоть до оврага, образуя съ нимъ тотъ Зеленогорскій логъ, о которомъ я уже упомянулъ. Шоссе изъ Ловчи, проходя между Тученицкимъ оврагомъ и деревней Брестовацъ, пересѣкаетъ первый гребень поперекъ, опускается по второму гребню къ городу, въ котловину, оставляя лѣво отъ себя третій гребень, который тянется параллельно шоссе. Спустившись въ низину, шоссе круто поворачиваетъ направо, гдѣ, перейдя рѣчку, входитъ въ городъ.

По этому-то шоссе поскакали теперь Скобелевъ съ авангардомъ до спуска шоссе въ низину. Здѣсь встрѣчены были мы не только артиллерійскимъ, но и ружейнымъ огнемъ; непріятельская артиллерія въ небольшомъ числѣ, около 6 орудій, была расположена на плато западнѣе города, пѣхота занимала южную окраину его, а также и западную. Намъ отлично былъ виденъ фронтъ турецкихъ войскъ, обращенныхъ къ востоку, и ихъ резервы, также обращенные къ востоку и расположенные западнѣе города. Эти-то резервы, т. е. часть ихъ и повернула фронтъ на насъ.

До непріятеля было не болѣе 800 шаговъ, и намъ, при окончательномъ разсѣявшемся туманѣ, отлично были видны турецкія войска. Приблизительно въ это же время, т. е. часовъ въ 9 утра, началась пальба у кн. Шаховскаго. Скобелевъ велѣлъ орудіямъ сняться съ передковъ и открыть огонь, а казаки, частью спѣшенные, частью въ конномъ строю, перестрѣливались съ пѣхотой. Курскій баталіонъ и главныя силы наши остановлены были позади, на горѣ, тоже названной «Рыжей», на

высотѣ д. Брестовацъ ¹⁾). Артиллерійскій огонь былъ нами открытъ первоначально во флангъ и въ тылъ правому флагу турокъ, стоявшему фронтомъ къ кн. Шаховскому, но потомъ, когда насъ самихъ начали обстрѣливать изъ орудій турецкаго резерва, пришлось по неволѣ перевести нашъ огонь западнѣ Плевны; казаки перестрѣливались съ турками, занимавшими южные дома Плевны, а затѣмъ и съ тѣми войсками, которыя повернули на насъ изъ турецкаго резерва. Слѣдуетъ упомянуть, что одновременно съ выдвиганіемъ нашимъ на гребни, посланы были сильныя развѣзды по направленію къ Ловчѣ и за р. Видъ, а также къ кн. Шаховскому; развѣзды за Видъ и къ Шаховскому составлены были изъ цѣлыхъ сотенъ сообразно требованіямъ обстановки. Я хорошо помню, что къ р. Виду былъ посланъ Владикавказскаго полка есаулъ Астаховъ, замѣчательный храбрецъ, премилый человекъ, обладавшій отличными бѣлыми или свѣтлосѣрыми конемъ «Джамаль», котораго знала вся бригада. Такимъ образомъ положеніе наше можно ясно себѣ нарисовать: впереди—сильно выдвинутый, но слабый авангардъ, имѣвшій вначалѣ цѣль не столько боевую, сколько рекогноспировочную; позади—сгруппированныя главныя силы и затѣмъ открытіе, т. е. сильныя, самостоятельныя развѣзды на флангахъ и въ тылу, при чемъ эти развѣзды, благодаря своей силѣ, могли удалиться на значительное разстояніе, не теряя съ нами связи.

Стоя на этой позиціи, мы подвергались весьма сильному и, надо отдать справедливость, весьма мѣткому турецкому ружейному огню; артиллерійскій же огонь наносилъ мало вреда авангарду, вслѣдствіе значительнаго перелета снарядовъ. Пули жужжали жестоко; тѣ изъ нихъ, которыя пролетали мимо насъ, просто жужжали и свистали; попадавшія въ кого-нибудь издавали какой-то особенный, мягкій звукъ, весьма характерно опредѣляемый выраженіемъ: «шлепались», а тѣ, которыя летѣли лѣвѣе насъ и попадали въ виноградники и кустарники, прожужжавъ и срѣзавши какой-нибудь стебель или вѣтку, издавали звукъ косы во время сѣнокоса. Число раненыхъ и задѣтыхъ постоянно увеличивалось въ свѣтѣ Скобелева и въ авангардѣ.—Какъ теперь вижу слѣдующую сцену: я стоялъ рядомъ съ генераломъ, правѣ его; справа къ намъ подъѣхалъ, позванный Скобелевымъ кубанскій офицеръ Григорьевъ. Это былъ пріятельскій субъектъ. Негръ по происхожденію, совсѣмъ черный и уже старый, онъ плохо говорилъ по-русски, былъ очень добръ и храбръ, неглупъ, но, совсѣмъ не зная службы, не получалъ никакихъ самостоятельныхъ назначеній. Подъѣзжая къ Скобелеву, который протягивалъ ему руку, Григорьевъ сталъ спереди и поперекъ

¹⁾ Рыжей она была названа вслѣдствіе почти полного отсутствія растительности; то, что осталось, было выжжено солнцемъ и составляло рѣзкую противоположность съ цвѣтущими «Зелеными горами».

моей лошади, а я долженъ былъ немощно осадить, чтобы дать ему возможность пожать протанутую къ нему руку генерала. Какъ разъ въ это время, впереди насъ, разорвало гранату, Григорьевъ вскрикнулъ, и лицо его скривилось; осколокъ попалъ ему въ правое колено и раздробилъ его.

Сколько такъ стояли, не помню, кажется, довольно долго; я уже неоднократно получалъ донесенія слѣва, а затѣмъ и справа, что турки насъ обходятъ, особенно слѣва; очень можетъ быть, что турецкое начальство, не будучи въ состоянн видѣть скрытыхъ на Рыжей горѣ резервовъ нашихъ, а видя только малочисленный авангардъ, надѣялось путемъ обходовъ заставить насъ отойти. Получая донесенія эти, я тщательно разспрашивалъ, сколько примѣрно обходятъ, гдѣ именно, и смотря по важности докладывалъ Скобелеву, но онъ мало обращалъ на это вниманія, по крайней мѣрѣ не дѣлалъ никакихъ распоряженій. Наконецъ, началось наступленіе турецкой пѣхоты и съ фронта; неприятель подошелъ настолько близко, что можно было хорошо различать лица турокъ. Думаю, что мы подпустили ихъ шаговъ на 60; такъ, по крайней мѣрѣ, тогда говорили. Я и теперь помню, что прекрасно видѣлъ лицо турка, не регулярнаго солдата, а должно быть башибузука, въ чалмѣ, но въ синей курткѣ; онъ перебѣжалъ открытое пространство и сталъ на одно колено возлѣ дерева, прицѣливаясь въ нашу сторону; тутъ я разсмотрѣлъ, что борода у него рыжая. Одновременно съ фронтальнымъ наступленіемъ начали учащаться донесенія объ обходахъ и на этотъ разъ уже преимущественно справа, изъ-за Тученицкаго оврага. На вопросы мои, чтобы мнѣ показали направленіе, мнѣ отвѣчали: «да вотъ тутъ, сейчасъ»; когда я все это подробно доложилъ Скобелеву, онъ отрывисто сказалъ: «ordonnez la retraite, maintenant, ou jamais»¹⁾. Дѣйствительно пора было: думаю, что если бы мы не начали въ эту минуту отходить, то вышло бы «jamais». Мы-то, бывшіе верхами, положимъ, ускакали бы, но орудія, вѣроятно, остались, очутившись безъ лошадей, которыхъ били на выборъ.

Впрочемъ, какъ я имѣлъ случай лично и неоднократно убѣдиться въ этотъ и послѣдующіе дни, со Скобелевымъ можно было быть въ дѣлѣ спокойнымъ; кажется, совсѣмъ плохо, а смотришь—кончилось благополучно. Удивительный былъ у него глазъ, замѣчательная способность ориентироваться, оцѣнивать обоюдное положеніе сторонъ, необычайная прозорливость, просто чутье, нюхъ какой-то.

Начали мы отступать очень медленно, потому что Скобелевъ хотѣлъ пропустить впередъ орудія; Михаилъ Дмитріевичъ всегда, при отступленіи, бывалъ назади. Когда мы повернулись и стали подниматься

¹⁾ Прикажите отступать; теперь или никогда.

по шоссе, то турки, конечно, ободренные успѣхомъ, стали наступать энергично и просто засыпали насъ пулями; только и слышно было, что то тутъ, то тамъ кто-нибудь вскрикнетъ; особенно страдали лошади, крупы которыхъ представляли хорошую цѣль. Они все время привскакивали какъ изъ-подъ хлыста, ударившаго сзади. Немного вѣво отъ меня ѣхалъ казачій офицеръ на розовато-сѣрой лошади; той пуля попала какъ разъ въ хвостъ, возлѣ рѣшницы; она сначала поджала хвостъ и весь задъ, а потомъ и сѣла.

При отступленіи нашемъ Скобелевъ развивалъ мнѣ свой взглядъ на нашу роль въ этотъ день. Резюмирую этотъ взглядъ. По диспозиціи намъ приказано было «пресѣчь сообщенія между Плевной и Ловчей, постоянно наблюдая за обоими городами». Лучшимъ средствомъ для «пресѣченія», при малочисленности нашего отряда, было, — по словамъ Скобелева, — «приковать» плевненскихъ турокъ къ мѣсту, а Ловчу наблюдать. Для выполнения первой цѣли надо атаковать, насколько возможно энергично и неустанно, для выполнения же второй цѣли выслать наблюденіе возможно дальше, т. е. ближе къ Ловчѣ съ цѣлью получить своевременное извѣщеніе, если бы оттуда тронулись намъ въ тылъ. Последнее было уже обезпечено высылкой разъѣзда самостоятельной силы. Для выполнения же перваго условія у насъ не хватало главнаго — достаточныхъ силъ, такъ какъ одинъ батальонъ и десять сотенъ, значительно ослабленныхъ разными раскомандировками, нельзя было назвать силою. Тѣмъ не менѣе, несмотря на эту слабость Скобелевъ не хотѣлъ оставаться пассивнымъ зрителемъ боя, а рѣшилъ дѣйствовать наступательно и атаковать. Онъ помнилъ, что еще Цезарь, въ сраженіи при Фарсалѣ, рекомендовалъ наступленіе, движеніе впередъ, которое, волнуя кровь, возбуждаетъ духъ.

Для исполненія этой операціи было два способа: 1) атаковать сразу всѣмъ, что у насъ было подъ рукой, и 2) атаковать малыми частями, постепенно вводя въ бой свѣжія. По общепринятому правилу не слѣдуетъ атаковать частями, дѣлая *des petits paquets* ¹⁾, и это, конечно, вѣрно, но при данной обстановкѣ второй способъ былъ предпочтительнѣе. Цѣлью Скобелева было затянуть бой на нашемъ флангѣ, протянуть его елико возможно, заставляя турокъ вводить противъ насъ все новыя и новыя части, отвлекая ихъ такимъ образомъ отъ напора на Шаховскаго. Такъ какъ имѣя одинъ батальонъ и Кавказскую бригаду, намъ и думать нельзя было о рѣшительномъ успѣхѣ, то естественно являлось вполне цѣлесообразнымъ заняться «отвлеченіемъ» турецкихъ силъ отъ другаго мѣста, разыграть роль горчичника. Ставши на эту точку, очевидно, надо было отвлекать подольше, а потому вве-

¹⁾ Les petits paquets ne valent rien; une bonne masse écrase tout.—Hoche.

деніе въ бой нашихъ силъ частями, а не сразу, становилось цѣлесообразнымъ и законнымъ. Ударъ мы сразу всѣмъ, чтѣ было у насъ подъ рукой, насъ бы сразу и устранили, а надо было обратное.

Выдвиженіе впередъ слабаго авангарда Скобелевъ объяснялъ, главнымъ образомъ, цѣлями рекогносцировочными.

Часу въ 12-мъ получено было извѣстіе, что войска князя Шаховскаго заняли Радисовъ и связь съ нами установлена; тогда генераль Скобелевъ рѣшилъ двинуть впередъ части Курскаго баталіона.

Съ этого времени вплоть до 10-ти часовъ вечера на нашемъ флангѣ начался рядъ боевъ; то мы, дружнымъ натискомъ, опрокинемъ турокъ, завладѣвшихъ было 3-мъ и 2-мъ гребнями Зеленыхъ горъ, и продвинемся до Зеленогорскаго лога, то турки, усиленные изъ резервовъ, насъ опрокинутъ и отодвинутъ вплоть до 1-го гребня. Курскія роты постепенно вводились въ бой, казаки же дрались безсмысленно съ самаго утра.

Около часа дня, въ одинъ изъ разовъ, когда мы были оттѣснены до 1-го гребня, а турки, занявъ 2-й и 3-й гребни, остановились. Скобелевъ, любившій говорить по-французски, особенно въ критическія почему-либо минуты, сказалъ мнѣ: «il faut recommencer; vous prendrez la 3-e compagnie, je prendrai la 9-e et nous attaquerons en personnes» ¹⁾. Я взялъ 3-ю стрѣлковую роту и приготовился атаковать, т. е. познакомился съ ротнымъ командиромъ штабсъ-капитаномъ Гурковскимъ, сообщавъ ему полученное мною приказаніе и приказавъ усилить огонь въ цѣли ²⁾. Мнѣ приходилось идти въ атаку на правомъ флангѣ, ближе къ шоссе и отчасти по самому шоссе, а Скобелеву лѣвѣе. Все было уже готово, и я смотрѣлъ на Скобелева, ожидая какого-нибудь знака отъ него, какъ вдругъ увидѣлъ какое-то замѣшательство у него и затѣмъ услышалъ гнѣвные его крики. Скобелевъ замѣтилъ, что люди вяло поднимались, оставались за закрытіями, однимъ словомъ, отъ утомленія, огня и т. д. неохотно собирались. Тутъ произошла та сцена, о которой много говорили и, кажется, кое-гдѣ написали. Скобелевъ выстроилъ роту, приказалъ сомкнуться и по своей командѣ продѣлалъ нѣкоторые ружейные приемы. Вся эта сцена продолжалась нѣсколько не минутокъ, а, полагаю, секундъ. Люди одумались, успокоились, такъ какъ этимъ приемомъ вниманіе ихъ было отвлечено въ другую сторону, затѣмъ Скобелевъ махнулъ мнѣ рукой, и мы пошли. Мы были такъ близко отъ турокъ, что о правильномъ наступленіи, съ перебѣжками и остановками для стрѣлбы, не могло быть и рѣчи; подготовка атаки выразилась

¹⁾ Надо опять атаковать; возьмите 3-ю роту, я возьму 9-ю и поведемъ ихъ лично въ атаку.

²⁾ Гурковскій былъ высокаго роста, богатырь на видъ, съ веселымъ, молодымъ лицомъ. Впослѣдствіи мы съ нимъ дружески встрѣтились въ Зимнемъ дворцѣ на Георгіевскомъ праздникѣ.

только тѣмъ, что сомкнутыя части немного поустроились и, какъ я сказалъ выше, усилили цѣпь и участили огонь.

Я и тогда затруднялся разсказать обстоятельно то, чтъ вслѣдъ за симъ произошло, а теперь и подавно не могу этого передать шагъ за шагомъ, минута за минутой. Помню только, что мы ринулись впередъ, взбѣжали на 2-й гребень, перемѣшались съ турками, чутьчку пріостановились, потомъ—гуртомъ, сразу всѣ, опять ринулись, взбѣжали на 3-й гребень и, уже совсѣмъ перемѣшавшись съ одиночно бѣжавшими турками, кажется, не сбѣжали, а просто скатились въ Зеленогорскій логъ, гдѣ и остановились отдышаться. Лично про себя помню, что я, будучи верхомъ, ѣхалъ рысью посреди бѣгущихъ курцевъ, кричалъ во все горло: «впередъ» и «ура», высоко поднимая правую руку. Въ логу подѣхалъ ко мнѣ Скобелевъ, одновременно очутившійся тамъ же съ 9-й ротой.

— Vous avez bien fait, je vous ai vu, vous avez mérite la croix ¹⁾,— сказалъ онъ и, когда я хотѣлъ приложиться и поблагодарить его, то только тутъ замѣтилъ, что у меня въ рукѣ нагайка.

Такъ я и позабылъ вынуть шашку! Я этимъ былъ пораженъ, удивленъ и смущенъ, а Скобелевъ отъ души хохоталъ, глядя на мою сковфуженную физиономію. Въ Зеленогорскомъ логу мы немного отдохнули, благодаря наступившему затишью.

Я замѣтилъ въ этотъ и въ другіе дни сраженій, что когда они долго длятся, то являются сами собой, безъ всякой регламентаціи, а тѣмъ болѣе приказа, какъ говорится, по шучьему велѣнью; минуты роздыха, антракты, точно обѣ стороны сговариваются помолчать и отдохнуть; наступаютъ ни съ того, ни съ сего, а просто, вдругъ турки начинаютъ, стоя на мѣстѣ, стрѣлять рѣже и рѣже, мы дѣлаемъ то же, и, наконецъ, обѣ стороны замолкаютъ; изрѣдка только гдѣ-нибудь раздается одиночный выстрѣлъ. Затѣмъ, по прошествіи нѣкотораго времени, ничѣмъ не опредѣленнаго и не мотивированнаго, одна сторона опять начинается, открываетъ огонь сперва довольно рѣдкій, потомъ чаще и сильнѣе, другая сторона подхватываетъ, отвѣчаетъ тѣмъ же, и опять разгорается бой. Впрочемъ, по большей части случается, что эти антракты наступаютъ послѣ періода сильнаго напряженія, напримѣръ, отбитой или удачной атаки, какъ было и въ данномъ случаѣ. Антрактами этими участники пользуются весьма различно; глядишь, казакъ подтягиваетъ подпругу у лошади, солдатикъ присѣлъ, снялъ сапогъ и поправляетъ портянку, которая третъ ему ногу, офицерство же всегда курить. Начальство всякихъ ранговъ пользуется этимъ временемъ, чтобы сдѣлать

¹⁾ Вы хорошо дѣйствовали, я видѣлъ; вы заслужили крестъ (подразумѣвая Георгія).

нѣкоторыя распоряженія, унтеръ-офицеры въ пѣхотѣ непремѣнно повѣряютъ ряды и окликаютъ людей; если тутъ случится адъютантъ или ординарецъ, то онъ всегда куда-нибудь скачетъ или собирается скакать, а офицеръ генеральнаго штаба обязательно что-нибудь пишетъ, донесеніе или приказаніе, со словъ старшаго начальника, а иногда и самъ по себѣ. Если во время этого антракта непріятель далеко или часть отходить назадъ, то появляется иногда закуска, преимущественно у артиллеристовъ, иногда въ пѣхотѣ, рѣдко въ кавалеріи и, конечно, никогда у офицера генеральнаго штаба, служащаго, такъ сказать, въ одиночку и вѣчно обездоленнаго по части собственныхъ сѣдобныхъ припасовъ и прочихъ удобствъ. Тутъ обыкновенно можно прослѣдить отношенія, установившіяся между офицерами генеральнаго штаба и строемъ; если эти отношенія правильны, то онъ вездѣ не только желанный гость, но его разбираютъ нарасхватъ, отдаютъ лучшіе куски и кормятъ до отвала, но, конечно, не въ надлежащей послѣдовательности сѣдобнаго; стаканъ вина предшествуетъ айцу вкрутую, а сардинка не слѣдуетъ за рюмкой водки, а наоборотъ иногда предшествуетъ ей.

И тутъ въ эти минуты, у тѣхъ, кто вышелъ цѣль и не поглощенъ новой спѣшной работой,—все забыто, одна мысль и занятіе—удовлетворить требованію желудка.

Въ описываемый мною день 18-го іюля, въ Зеленогорскомъ логу, послѣ рассказанной атаки, мы были слишкомъ далеко впереди, а турки слишкомъ близко, чтобы не только закусывать, но даже думать о закускѣ; былъ всего 3-й часъ дня и, слѣдовательно, впереди предстояло еще много, тѣмъ болѣе, что послѣ каждой атаки обѣ стороны усиливались подкрѣпленіями и возобновляли наступленіе, но съ тою разницею, что турки могли усиливаться въ широкихъ предѣлахъ, а мы въ предѣлахъ только одного баталіона. Въ это время оказалось, что курскія роты и сотни казачьей бригады, введенныя уже въ бой, разстрѣляли патроны. Въ виду неминуемости повторенія атакъ, необходимо было пополнить ихъ какъ можно скорѣй, а патронные ящики двигались медленно. Пѣхота и спѣшныя казаки, уже измученные, страдали отъ жажды, и, кромѣ того, положеніе наше въ логу было слишкомъ опасно. Скобелевъ рѣшилъ отвести роты и спѣшныхъ казаковъ на 3-й гребень, гдѣ были расположены на позиціи четыре пѣшихъ орудія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ мнѣ лично отправиться къ резерву предупредить его, чтобы былъ готовъ немедленно двинуться въ дѣло, и въ то же время организовать доставку патроновъ и воды. Исполнивъ порученіе относительно резерва, я увидѣлъ, что доставка патроновъ уже организована: казаки въ торбахъ, башлыкахъ и полахъ черкесокъ возили ихъ отъ резерва къ переднимъ частямъ. Одновременно съ этимъ казаки въ маверкахъ возили воду отъ небольшого фонтанчика, бывшаго

у шоссе, примѣрно на середній разстояніи между резервомъ и третьимъ гребнемъ. Доставка патроновъ производилась благополучно, но вода въ манеркахъ расплескивалась и ее выпивали ближайшіе, т. е. первые встрѣчные, а къ переднимъ она или не доходила или доходила въ весьма маломъ количествѣ.

Возвращаясь по исполненіи порученія къ 3-му гребню, я встрѣтилъ Скобелева, скакавшаго мнѣ на встрѣчу. Онъ еще издали кричалъ: «Шаховской наступаетъ; всѣ впередъ!» Дѣйствительно со 2-го гребня было видно, какъ длинныя темныя нити, на сѣверо-востокъ отъ Тученицкаго оврага, надвигались къ Шлевиѣ. Оставшіяся три роты Курскаго полка двинулись впередъ, соединившись съ передовыми частями, ринулись на турокъ и опрокинули ихъ въ городъ, чему много способствовала конная атака владикавказцевъ на правый флангъ турокъ. Артиллерія на передовой позиціи сильно страдала отъ ружейнаго огня, вслѣдствіе чего Скобелевъ, не задолго до прибытія резерва, оставилъ на позиціи только два орудія, остальнымъ же велѣлъ отойти къ резерву. Было одно время, что эти два орудія находились въ большой опасности, такъ какъ турки были положительно не далѣе какъ шагахъ въ 20—30 отъ орудій. Офицеръ, командовавшій артиллерійскимъ взводомъ, Прохоровичъ, велъ себя восхитительно; совсѣмъ еще молодой, тоненькій блондинъ безъ усовъ и бороды, онъ хладнокровно распоряжался, несмотря на очевидную опасность уже не отъ однѣхъ пулъ, но и отъ штыковъ. Скобелевъ, стоявшій лѣвѣе орудій, не могъ достаточно налюбоваться и нахвалиться Прохоровичемъ. Курскія роты, стоявшія возлѣ насъ, стрѣляли учащенными залпами; было совсѣмъ плохо, но въ это время подошла остальная три роты Курскаго полка, и, какъ приказалъ Скобелевъ, всѣ ринулись на турокъ, опрокинули ихъ къ городу, но, наткнувшись на свѣжія силы, въ свою очередь, были опрокинуты, по тогдашнему нашему счету 8-ю таборами. Скобелевъ былъ золъ въ эту минуту. Онъ какъ-то безсознательно повторялъ: «j'ai été culbuté, j'ai été culbuté!».

Мы отошли отъ города на 3-й гребень, гдѣ и остановились до вечера, не тревожимые больше турками, но и сами не будучи въ состояніи что-либо предпринять, тѣмъ болѣе, что быстро наступила темнота. Огонь у Шаховскаго замолкъ, у насъ была тишина; казалось, что все кончено. Давно были уже разосланы не только ординарцы, но и казачьи офицеры, взятые изъ фронта, для того, чтобы узнать, что дѣлается у Шаховскаго. У насъ тѣмъ временемъ подбирали раненыхъ.

Когда Скобелеву доложили, что всѣ подобраны, онъ велѣлъ Прохоровичу сдѣлать нѣсколько залповъ изъ двухъ его орудій; «пусть слышитъ Шаховской, что мы тутъ и послѣдніе отступаемъ», сказалъ Михаилъ Дмитріевичъ и затѣмъ, послѣ залповъ, велѣлъ всѣмъ отступать

на «Рыжую гору» (нѣсколько южнѣе и восточнѣе Брестовца), гдѣ стояли конныя орудія и нѣсколько сотенъ кавказскихъ казаковъ въ видѣ репли, оплота, на который мы должны отойти и опереться! Скобелевъ ѣхалъ за послѣдними сотнями, прикрывавшими отступление курскихъ ротъ и орудій Прохоровича. Турки стрѣляли, но рѣдко.

Усталый до отчаянія, точно избитый по всѣмъ суставамъ, ѣхалъ я въ дремотѣ, согнувшись на сѣдлѣ, рядомъ съ Михаиломъ Дмитриевичемъ, какъ вдругъ меня что-то обожгло по спинѣ; я испыталъ совершенно такое же ощущение, какъ если бы кто-нибудь хлестнулъ меня вдоль спины отъ праваго плеча внизъ и влѣво. Этотъ ожогъ былъ однако, такъ силенъ, что я вскричалъ и выпрямился на сѣдлѣ. Скобелевъ, ѣхавшій лѣвѣе меня, почти стремя къ стремени, озбоченнымъ голосомъ спросилъ:

— Что, раненъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ я.

Онъ быстро провелъ рукой вдоль моей спины и вдругъ, къ ужасу моему, недовольнымъ тономъ проворчалъ:

— Нѣтъ, только контуженъ.

Въ голосѣ его положительно слышалось неудовольствіе, пренебрежительность, досада. Я былъ удивленъ и не понималъ, чтò бы это значило...

Поздно вечеромъ, часовъ въ девять или въ десять, отошли мы на Рыжую гору и расположились подъ одинокимъ большимъ деревомъ. Я былъ совершенно измученъ, разбитъ усиленной дѣятельностью и напряженіемъ послѣднихъ дней, начиная съ 14-го іюля. Чтòбы дать понятіе о физической работѣ, выпавшей на мою долю 18-го іюля, достаточно сказать, что я загонялъ въ теченіе дня трехъ верховыхъ лошадей; слѣдуетъ прибавить къ этому безсонную ночь съ 17-го на 18-е іюля. Я только-что располагался заснуть и прилегъ подъ деревомъ, какъ Скобелевъ въ десять часовъ вечера получилъ записку отъ князя Шаховскаго съ приказаніемъ отойти на Боготъ и Целишаты. Послѣдствіемъ этой записки было приказаніе мнѣ немедленно же ѣхать къ князю, доложить о томъ, чтò у васъ было, и спросить, слѣдуетъ ли и послѣ этого отходить на Целишаты, такъ какъ васъ никто не тѣснитъ. Но я рѣшительно не могъ ѣхать, не отдохнувъ хотя бы самую малость. Я доказывалъ Михаилу Дмитриевичу, что въ готовности моей исполнить его приказаніе не можетъ быть и рѣчи, но что я непременно свалюсь гдѣ-нибудь на дорогѣ отъ утомленія. Скобелевъ долго не соглашался, но, наконецъ, уступилъ просьбамъ Тутолмина и другихъ, видѣвшихъ мою очевидную неспособность двигаться. Мнѣ дано было два часа на сонъ, и я заснулъ въ полномъ смыслѣ слова, какъ убитый.

Прежде чѣмъ описывать дальѣйшія мои скитанья, вернусь къ истекшему дню.

Я полагаю несомнѣннымъ, что если бы въ этотъ день Скобелевъ имѣлъ въ рукахъ болѣе сильный отрядъ, конечно, не три баталіона, а гораздо больше, то результаты были бы совсѣмъ другіе. Энергичныя дѣйствія сильнаго отряда съ юга естественно привлекли бы не восемь батальоновъ, а большія силы турокъ, отвлекли бы ихъ отъ противо-дѣйствія нашему правому флангу, доставили бы ему свободу дѣйствій и возможность сдѣлать что-нибудь болѣе существенное, чѣмъ истощать силы въ безплодныхъ попыткахъ овладѣть Гривидимъ редутомъ; въ то же время, въ виду важности праваго фланга турокъ и близости его къ Софійскому шоссе, этой длинной коммуникаціонной ихъ линіи, и того обстоятельства, что флангъ этотъ былъ совершенно не укрѣпленъ, можно думать, что день 18-го іюля кончился бы отступленіемъ турокъ изъ Плевны. Обыкновенно на это возражаютъ, что Османъ-паша, выйдя изъ Плевны, создалъ бы гдѣ-нибудь на Софійскомъ шоссе новую Плевну; это возможно; но надо полагать, что его преслѣдовали бы, а слѣдовательно, и помѣшали бы этому. Если мы были утомлены дѣйствіями 18-го іюля, то и турки были одинаково утомлены, а потому въ этомъ отношеніи шансы были одинаковы. Теперь же непосредственными результатами второй Плевны для насъ были: большія потери убитыми и ранеными, чрезвычайное физическое утомленіе оставшихся невредимыми, значительный безрезультатный матеріальный ущербъ, а главное—сильный упадокъ духа; начиная со второй Плевны, укоренилось убѣжденіе о силѣ турокъ и непобѣдимости ихъ, разъ они за укрѣпленіями, о необыкновенномъ богатствѣ снабженія ихъ патронами, объ искусствѣ ихъ въ самоокапываніи, однимъ словомъ—врагъ выросъ, а мы уменьшились. Туркамъ же вторая Плевна принесла неоспоримую пользу; обратившись по итогамъ въ усиленную рекогносцировку съ нашей стороны, она указала имъ слабыя стороны ихъ расположенія вообще и недостатки возведенныхъ ими укрѣпленій. Въмѣстѣ съ тѣмъ сраженіе это указало непріятелю важность праваго ихъ фланга, слабую его подготовку въ инженерномъ отношеніи и привело къ тому, что участники второй Плевны, очутившись на своихъ старыхъ мѣстахъ въ третью Плевну, 30-го и 31-го августа, не узнали ихъ; на тѣхъ самыхъ гребняхъ Зеленыхъ горъ и ближайшихъ ихъ окрестностяхъ, гдѣ мы 18-го іюля видѣли только естественныя препятствія и укрытія, 30-го августа увидѣли мы цѣлую систему грозныхъ твердынь, Кришинскихъ, Скобелевскихъ и другихъ редутовъ, укрѣпленій и траншей.

Кампанія затянулась, и только черезъ четыре слишкомъ мѣсяца была отищена вторая Плевна! Урокъ горькій, но, по совѣсти говоря—заслуженный.

Въ теченіе дня 18-го іюля, сталкиваясь ежеминутно съ уча стив ками боя на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ, встрѣчая поминутно знакомыя уже лица, свелъ я знакомство и съ новыми; упомяну о нѣкоторыхъ:

Еще до Плевны появился у насъ волонтеръ, Сергій Верещагинъ, второй братъ художника; это была замѣчательная личность. Какимъ образомъ былъ онъ статскимъ, когда въ душѣ былъ войномъ—не знаю, но вѣрно то, что для него опасности не существовало. Въ каждомъ дѣлѣ онъ умудрялся забраться туда, гдѣ было самое горячее мѣсто, и возвращался обыкновенно съ свѣжими слѣдами своихъ дѣяній, ранами огнестрѣльными и часто шашечными. Онъ имѣлъ бесспорно военныя дарованія, смѣлливость, громадную рѣшимость, и Скобелевъ употреблялъ его не какъ зауряднаго ординарца, а давалъ ему самостоятельныя и серьезныя порученія. Онъ погибъ 30-го августа.

При самомъ началѣ боя къ намъ пріѣхалъ ординарецъ главнокомандующаго, лейбъ-гвардіи Коннаго полка поручикъ Рыдзевскій. У великаго князя было принято правиломъ посылать всюду, гдѣ ожидается бой, своихъ личныхъ ординарцевъ для присутствования при сраженіи и немедленнаго затѣмъ возвращенія въ главную квартиру для личнаго доклада его высочеству о видѣнномъ. Рыдзевскаго никто у насъ въ отрядѣ не зналъ, но онъ сразу заслужилъ общее расположеніе и, прямо скажу, уваженіе. Безъ всякой кичливости онъ отдалъ себя въ распоряженіе не только Скобелева, что было естественно, но и въ мое, что было уже необязательной любезностью. Я положительно любовался его невозмутимымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ среди потрясающей обстановки; только-что вернется онъ, исполнивъ какое-нибудь порученіе, какъ уже спрашиваетъ, не надо ли еще куда ѣхать, исполнялъ самыя, такъ сказать, чернорабочія и не блестящія порученія съ неподдѣльной готовностью и неослабной энергіей. Одинъ только разъ, и то подъ конецъ боя, онъ отказался куда-то ѣхать, но на то была существенная причина; выслушавъ меня, онъ указалъ на свою лошадь и лаконически сказалъ: «нейдетъ»... и дѣйствительно: загнанная лошадь превратилась въ истукана.

Будучи уже давно знакомъ со многими офицерами Кавказской казачьей бригады, я въ этотъ день особенно полюбилъ и сошелся съ Астаховымъ и Шанаевымъ. Объ Астаховѣ я уже упоминалъ въ началѣ разсказа о второй Плевнѣ; ему поручено было съ сильнымъ раздѣломъ охранять и освѣщать нашъ лѣвый флангъ, пробравшись къ рѣкѣ Виду. Молодецъ Астаховъ блистательно исполнялъ это порученіе, прорубившись на обратномъ пути сквозь толпы черкесовъ. Очень высокаго роста, геркулесъ по сложенію, съ большой русой бородой, Астаховъ, на своемъ Джамалѣ, былъ олицетвореніемъ centaвра. Шанаевъ, есаулъ,

родомъ осетинъ, по имени Индривъ (Андрей), былъ въ высшей степени симпатичной личностью. Очень высокій, худой, изящно сложенный, какъ всѣ кровные горцы, съ тонкой талией, молодой бриветъ, но съ сильной просѣдью, Шанаевъ, собственноручно-зарубившій многихъ турокъ, отличался необыкновенной элегантною, изяществомъ манеръ и обращенія, мягкостью рѣчи и скромностью. Не помню, конечно, въ какую именно минуту случилось наше сближеніе, но знаю, что къ концу дня 18-го іюля онъ меня называлъ кратко по фамиліи, безъ прибавленія чина, а я его еще проще—Индривъ ¹⁾). Трудно и долго описывать всѣхъ хорошихъ и добрыхъ людей, встрѣченныхъ мною за все это время; упомяну еще о двухъ личностяхъ, весьма не высоко стоявшихъ въ служебной іерархіи, но сдѣлавшихся мнѣ очень близкими.

Всѣ вещи мои оставались въ Тырновѣ и передвигались вмѣстѣ съ главной квартирою, подъ наблюденіемъ товарищей; при вещахъ оставался и мой казакъ Кравчинскій, я же въ экспедиціи никого не бралъ съ собою, такъ какъ вездѣ и всегда находилъ ординарца или конюха для ухода за лошадью. Объ остальномъ же—ѣдѣ, ночлегѣ, одеждѣ, конечно, никогда не думалъ. Очутившись почти пришитымъ на долгое время къ Кавказской казачьей бригадѣ, я попросилъ И. Ѡ. Тутолина дать мнѣ кого-нибудь, въ качествѣ ординарца и вѣстового. Иванъ Ѡедоровичъ распорядился по-дружески; я получилъ въ ординарцы двухъ всадниковъ Осетинскаго дивизиона, и при томъ въ безсѣмьные. Одного звали Заурбекъ Дулаевъ, другаго Муся Газіевъ. Заурбекъ, по русски Захаръ, былъ, какъ и Газіевъ, чистокровный осетинъ, лѣтъ 18, но уже сильно обросшій короткой, щетинистой бородой и такими же усами: онъ былъ христіанинъ, но съ самыми первобытными понятіями обо всемъ. Сблизившись съ нимъ въ бою, на бивуакѣ и путешествіяхъ, я ужасно его полюбилъ, и кончилось тѣмъ, что онъ сдѣлался для меня безсѣмьнымъ ординарцемъ, слугой, товарищемъ и другомъ. Для него же, послѣ вѣкотораго сожителства со мной, кажется, весь свѣтъ слился въ очень немногосложныя понятія: рубить турокъ и любить меня. Особенно же сблизились мы послѣ сраженія 18-го іюля, когда изъ всѣхъ 8 конныхъ вѣстовыхъ, бывшихъ при Скобелевѣ и мнѣ, уцѣлѣлъ, безъ малѣйшей царапины, одинъ Захаръ. Привязанность его ко мнѣ была поистинѣ необычайна; ее трудно даже описать; но постараюсь передать кое-какіе черты или случаи. При началѣ похода я возымѣлъ фантазію продѣлать кампанію по-спартански и потому не бралъ съ собою ни повозки, ни

¹⁾ У Шанаева была замѣчательная шапка, доставшаяся ему отъ предковъ, востоящая „гурда“. Я долго упрашивалъ его уступить мнѣ, но Шанаевъ объявилъ, что до конца войны не можетъ этого сдѣлать. Въ 1878 году, во время оккупации, въ Варнѣ, Шанаевъ подарилъ ее мнѣ, и она до сихъ поръ у меня.

палатки и кровати, ни даже подушки. Повозки совсѣмъ не было, а палатка, кровать, маленькая деревянная, складная, во время моихъ постоянныхъ разъѣздовъ и командировокъ, оставалась съ остальными вещами при главной квартирѣ. Въ разъѣздахъ моихъ кровать закрывалась верблюжьимъ коврикомъ, подшитымъ гуттаперчею, подушку бралъ съ своего казачьяго сѣдла, а покровомъ служила бурка. Въ холодныя ночи, и чтобы дать отдохнуть усталымъ ногамъ, надѣвалъ на ноги чевяки, сдѣланные изъ бурки. При ночлегахъ и остановкахъ Захаръ ухаживалъ за мной, какъ нянька за ребенкомъ. Къ ночлегу онъ всегда разбудитъ сноповъ, разложить ихъ плотно другъ къ другу, покроетъ моимъ коврикомъ, а подъ изголовье, подъ мою сидѣльную подушку, непременно подложитъ погуще. Спрашивается, чѣмъ не постель? А когда я улягусь, Захаръ укроетъ меня съ головой буркой, да еще подоткнетъ кругомъ. Сколько разъ, бывало, проснусь ночью отъ какого-то сопѣнья или излишняго тепла сбоку—вижу: Захаръ лежитъ, плотно прижавшись ко мнѣ.

— Чего ты тутъ улегся? спросишь его и получишь въ отвѣтъ лаконическую фразу: «вѣтеръ съ этой стороны, холодно будетъ».

Надѣюсь, что до окончанія этой повѣсти моихъ странствованій мнѣ удастся еще упомянуть о моемъ милемъ Захарѣ и помянуть его добромъ. Другой ординарецъ мой Газіевъ назывался Моисей; но осетины для краткости просто звали его Муся. Это былъ чрезвычайно миловидный, безбородый юноша, почти ребенокъ, очень красивый, отчаянной храбрости, но задира, сварливый и даже драчунъ. Чуть что—сейчасъ за кинжалъ. Я его любилъ за его храбрость, хотя онъ доставлялъ мнѣ по временамъ много хлопотъ своимъ неуживчивымъ характеромъ. Муся скоро заболѣлъ лихорадкой, его пришлось отправить въ госпиталь, и онъ присоединился ко мнѣ уже 30-го августа, на Зеленыхъ горахъ.

Эти дѣти природы были моими постоянными спутниками вплоть до отъѣзда моего въ Петербургъ.

Я говорилъ выше, что во время продолжительнаго боя, невѣдомо почему, наступаютъ по временамъ антракты, когда бой умолкаетъ на нѣкоторое время. Въ день второй Плевны 18-го іюля, въ одинъ изъ такихъ антрактовъ, къ намъ на позицію пріѣхалъ донской казакъ, съ сумкой черезъ плечо, и привезъ различныя бумаги Скобелеву и другимъ начальствующимъ лицамъ отряда. Въ числѣ бумагъ находился конвертъ изъ полевого штаба, адресованный лично мнѣ. Распечатавъ его и вынувъ бумагу, я узналъ руку Левицкаго, а содержаніе ея было до того курьезно, что я ее сохранилъ.

На маленькой четвертушкѣ сѣренькой бумаги, былъ литографически прописанъ бланкъ, а весь текстъ писанъ рукою Левицкаго.

Вотъ этотъ документъ:

Милостивый государь

Петръ Дмитріевичъ!

Я поставленъ въ необходимость обратить ваше вниманіе на то, что ваше донесеніе о наступленіи турокъ въ значительныхъ силахъ отъ Плевны въ Ловчу, извѣстіе, которое не подтвердилось, имѣло весьма важныя послѣдствія. Не говоря уже о томъ, что извѣстіе объ этомъ встревожило начальника Габровскаго отряда, встревожило главнокомандующаго, вызвало распоряженіе оттянуть часть силъ изъ Казанлыка.

Теперь оказывается, что значительныхъ силъ изъ Плевны на Ловчу не выходило, что турки неподвижно стоятъ у Плевны. Это указываетъ, что донесеніе объ этомъ вами послано безъ достаточной повѣрки вѣрности его, несмотря на громадную важность.

Начальникъ штаба приказалъ указать вамъ, что нужно быть осторожнѣе въ посылкѣ донесеній; они должны быть по-прежнему часты, но въ каждомъ донесеніи въ точности указывать источникъ, изъ котораго оно почерпнуто, насколько оно имѣетъ достовѣрности, и важныя свѣдѣнія немедленно повѣрять разными путями и по разъясненіи ихъ немедленно посылать вслѣдъ за первыми, такъ сказать, въ догонку для разъясненія.

Ротъ въ Ловчу отъ Брянскаго полка посылать признается невозможнымъ и неудобнымъ.

Ожидается съ нетерпѣніемъ свѣдѣній, что дѣлается въ Плевнѣ.

15-го іюля 1877 г., № 846, г. Тырново.

15-го іюля Ловча взята турками, въ значительныхъ силахъ вышедшими изъ Плевны. Какая насмѣшка судьбы!

Бумага Левицкаго была очевидно писана по полученіи моего письма къ Липинскому, пересланнаго имъ, какъ потомъ оказалось, въ главную квартиру; но и тутъ была нѣкоторая неточность; я не просилъ присылки роты Брянскаго полка въ Ловчу, а просилъ только выставить временно роты двѣ на дорогу Сельви — Ловча, въ видѣ репли, чтобы поддержать насъ въ случаѣ отступленія нашего на Сельви.

Впослѣдствіи, товарищъ мой, М. А. Газенкампфъ, находившійся при главной квартирѣ, рассказывалъ мнѣ, что онъ протестовалъ противъ этого письма и просилъ Левицкаго не посылать его; не успѣвъ въ этомъ ходатайствѣ, Газенкампфъ настоявалъ на смягченіи редакціи. Тогда Левицкій приписалъ на первой страницѣ, сбоку, вдоль листа: «надѣмся, что дѣло у Плевны развяжется благополучно и кавалерія ваша сослужитъ хорошую службу и вы пріѣдете въ главную квартиру со славой».

Продолжаю, однако, свой рассказъ. Меня разбудили сильные толчки и удары. Протеревъ глаза, я увидѣлъ, что надо мной стоитъ Скобелевъ,

немилосердно теребя меня за руки и толкая ногами. Еле добудились. Часу въ 1-мъ ночи, выѣхалъ я къ князю Шаховскому съ тѣмъ самымъ разѣздомъ, который привезъ его приказаніе къ Скобелеву отступить къ Пелишату. Начальникъ разѣзда, донской казачій офицеръ, былъ не въ духѣ, что его такъ долго задержали и что благодаря этому ему теперь приходится ѣхать ночью, я же былъ не въ духѣ, что не дали выспаться. При такихъ условіяхъ мы не были расположены къ обмѣну мыслей, ѣхали молча, и я подремывалъ. Ночь была, что называется, зги не видно. На вопросъ мой, обращенный къ офицеру, знаетъ ли онъ дорогу, я получилъ въ отвѣтъ короткое: «знаю». весьма неохотно сказанное. Мы долго ѣхали, можно сказать, ощупью и, наконецъ, очевидно, заблудились. Такъ какъ намъ надо было обогнуть Тученицкій оврагъ, то сначала мы взяли круто направо, на югъ, а потомъ повернули къ сѣверу, но, вѣроятно повернули слишкомъ круто, а можетъ быть даже забрали влѣво, къ западу. Какъ бы то ни было, но въ результатѣ мы скоро услышали, впереди насъ и немного влѣво, ружейную пальбу, преимущественно залпы; вмѣстѣ съ тѣмъ мы почти наткнулись на два или три госпитальныхъ шатра, стоявшихъ въ глубокой лощинѣ. Нѣсколько солдатъ насъ обступили съ просьбой, не покидать ихъ; они жаловались, что остались одни, безъ начальства. Изъ разспросовъ я узналъ, что это санитары разныхъ полковъ корпуса Шаховскаго, что раненыхъ въ шатрахъ нѣтъ, такъ какъ ихъ уже эвакуировали, и что они остались при шатрахъ, не получивъ никакого приказанія, и боятся попасть въ руки черкесовъ или башибузуковъ. На вопросъ мой, кто тамъ стрѣляетъ, они отвѣчали, что тамъ наши. Меня очень заинтересовала эта жалоба солдатъ, постоянно ими повторяемая, что остались безъ начальства и что потому имъ плохо; дѣйствительно, они были жалки, брошенные на произволъ судьбы, въ темную ночь, вблизи отъ Плевны, не зная, куда уходить, и не смѣя уходить отъ казеннаго имущества—шатровъ.

Сбившись окончательно съ дороги, я и самъ не зналъ, куда ѣхать, а потому рѣшилъ направиться въ ту сторону, гдѣ, по словамъ санитаровъ, были наши, т. е. ѣхать на выстрѣлы.

По мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ, выстрѣлы становились все отчетливѣе; благодаря темной ночи, ясно видны были залпы, въ видѣ струй огня, идущихъ съ той стороны, гдѣ я ѣхалъ, а затѣмъ, отвѣтные—тоже какъ огненные нити, но направленные въ нашу сторону. Скоро началъ я различать говоръ толпы и, поднявшись на пригорокъ, увидѣлъ замѣчательную картину. Верхомъ на боченкѣ сидѣлъ маленькій плотный, даже толстенькій генералъ, въ разстегнутомъ сюртукѣ, съ краснымъ воротникомъ. Я узналъ генерала Горшкова, командира 1-й бригады 32-й пѣхотной дивизіи, le général Potier, какъ назы-

вали его въ шутку. Впереди его стояли въ развернутомъ строѣ наши пѣхотные солдаты, нарядка стрѣлявшіе залпами. Горшковъ, знавшій меня еще по Букаресту, былъ очень удивленъ моему прїѣзду, обрадовался, думая, что я пришелъ въ достаточныхъ силахъ ему на подмогу, и очень огорчился, узнавъ дѣйствительность. Хриплымъ голосомъ говоритъ онъ мнѣ:

— Взгляните на мою команду, вотъ стоимъ и не можемъ тронуться. Покуда стоимъ и стрѣляемъ—еще ничего, а какъ только тронусь назадъ, такъ и начнутъ турки насъ охватывать. Все бы лучше отойти теперь, покуда турки не видятъ, что насъ всего-то тутъ горсточка, да куда я пойду въ такую темь, еще не туда попаду, куда надо. Я и говорю имъ подлецамъ, что стоять надо. Да и ругаю же и ихъ изрядно; чего, говорю, вы трусите? У меня въ Кіевѣ два собственныхъ дома и жена остались, да я тутъ торчу; а у васъ что? Одни вши... вамъ и терять-то нечего...

Я пошелъ посмотреть его команду; тутъ были люди разныхъ полковъ, съ красными, синими и бѣлыми околышами и разными номерами на погонахъ, случайно сюда попавшіе. Посидѣвъ немножко у Горшкова, поѣхалъ я назадъ, на розыски Шаховскаго. Вновь миновали мы госпитальные шатры, ѣхали долго и, наконецъ, опять попали куда-то, гдѣ близко слышались выстрѣлы. Убѣдившись, что до разсвѣта никуда не доѣдемъ, я рѣшилъ слѣзть и ждать разсвѣта на мѣстѣ. Какъ разъ очутились мы у группы доревьевъ, разостлали бурки и улеглись, выставивъ часовыхъ у нашего микроскопическаго бивуака.

Какъ только разсвѣло, тронулись мы въ путь и скоро увидѣли большую группу всадниковъ, медленно ѣхавшихъ по тому же направленію, куда и мы. Это оказался князь Шаховской, его начальникъ штаба генералъ Бискупскій и весь штабъ 11-го корпуса. Подѣхавъ къ Шаховскому, я началъ докладывать о томъ, что было у насъ, и увидѣлъ, что Шаховской буквально заливается слезами. Разговаривая со мной, въ противоположность тому, что сказано мною было выше о Шильднеръ-Шульднерѣ, онъ жаловался, но жалобы его были основательны, или, по крайней мѣрѣ, казались мнѣ таковыми въ то время. Бискупскій старался казаться бодрымъ, но видно было, что это напускное. Шаховской подтвердилъ мнѣ приказаніе отступить на Пелишаты и далѣе къ Порадиму.

Подходя къ Пелишату, я былъ прїятно изумленъ, увидѣвъ Бакланова съ его четырьмя сотнями: двѣ его, 23-го полка, а двѣ 30-го полка. Я собирался съ нимъ побесѣдовать, но въ это время показалась уже голова Кавказской бригады, отступавшей отъ Богота, а вмѣстѣ съ нею явился и Скобелевъ. Узнавъ отъ меня о положеніи Горшкова у Радншева, Скобелевъ немедленно рѣшилъ идти его выручать, а такъ какъ

Кавказская бригада была утомлена до-пелъзя, то онѣ схватилъ четыре сотни Бакланова, нѣсколько пѣшихъ орудій и устремился къ Радишеву. Я не участвовалъ въ этомъ движеніи, но слышалъ отъ самого Скобелева и другихъ участниковъ, что Горшкова встрѣтили они уже на полѣ-пути, въ полномъ отступленіи; турки преслѣдовали слабо. Михаилъ Дмитріевичъ предложилъ Горшкову приостановиться и отбросить турокъ, но Горшковъ, указывая ему на своихъ людей, шедшихъ въ разбродъ, отвѣчалъ:

— Развѣ можно что-нибудь съ ними теперь сдѣлать; это волна, которая катится—надо ей дать докатиться.

Дѣйствительно, это была волна, а не строй: люди разныхъ полковъ шли въ перемѣшку, большинство раненые, нѣкоторые безъ ружей, другіе съ нѣсколькими ружьями на обѣихъ плечахъ, усталые, томимые жаждой... Скобелевъ съ казаками и пѣшей батареей выскочилъ впередъ, далъ нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій и затѣмъ отступилъ, прикрывая Горшкова. Вся Кавказская казачья бригада собралась въ Порадишѣ. Скобелевъ имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ княземъ Шаховскимъ, при чемъ настаивалъ на необходимости окопаться вокругъ Плевны, а Ловчу взять предварительно. Были приведены въ ясность потери наши: я не помню, сколько вышло изъ строя у казаковъ и въ артиллеріи, но помню, что въ 3-мъ баталіонѣ Курскаго полка изъ 712 человекъ осталось менѣ половины, отъ 330 до 350 человекъ.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П о п р а в к и:

Въ статьѣ „Изъ Прошлаго“, напечатанной въ августовской и сентябрьской книжкахъ вкрались слѣдующія неточности:

Въ августовской, стр. 397, строка 21 сверху, напечатано: такъ какъ башн-бузуки бродятъ въ окрестностяхъ, что мнѣ надо людей.

Должно быть: такъ какъ башн-бузуки бродятъ въ окрестностяхъ, что мнѣ нужно взять конвой и спросилъ сколько мнѣ надо людей.

Въ сентябрьской, на страницкахъ 640 и 645, строки 12 снизу и 15 сверху напечатано: сотникъ Лушовъ, должно быть: сотникъ Луизовъ (нынѣ командиръ 14-го донскаго казачьяго полка въ Варшавскомъ округѣ).

Яковъ Николаевичъ Толетой.

(Биографическій очеркъ)

II'

Ианьше мы уже отмѣтили, что Толстой, вскорѣ же по прїездѣ въ Парижъ, принялъ на себя роль защитника всего русскаго отъ нападеній, встрѣчавшихся во французской литературѣ. Обстоятельства давали ему возможность и удобные случаи къ поддержанію этой роли, въ которой онъ, съ нѣкотораго времени, видѣлъ единственный якорь спасенія. Къ тому же соотечественники, какъ мы уже видѣли, относились къ подобной дѣятельности его съ одобреніемъ и поощреніемъ¹⁾.

На коронаціи Николая I въ 1826 г. въ свѣтѣ представителя Франціи—маршала Магшопт—находился, между прочимъ, Жакъ Ансело (Anselot), извѣстный и плодовитый французскій драматургъ. Пробывъ въ Россіи полъ-года²⁾, онъ, по возвращеніи въ Парижъ, издалъ свои наблю-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, сентябрь 1899 г.

²⁾ Вотъ что, между прочимъ, писалъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ князь Вяземскій по поводу выхода воараженій Толстого на книгу Ансело: «Мы должны быть признательны нашему соотечественнику за хожденіе его по нашимъ дѣламъ и радоваться, что, наконецъ, нашелся у насъ генеральный консулъ по русской литературѣ; спасибо ему, что онъ не даетъ насъ беззащитно въ обиду иностранцамъ. До сей поры мы были внѣ общаго закона (*hors la loi*), и никакая власть не охранила личной безопасности... Теперь есть хотя кому замолвить объ насъ доброе слово въ защиту или за улокой. Пожелаемъ нашему усердному заступнику счастливаго продолженія исполненія добровольной обязанности и уполномочимъ его отъ лица грамотной Россіи отстаивать нашу честь и наши выгоды отъ притязаній европейскіихъ грамотеевъ“ („Моск. Телегр.“ 1827 г., ч. XVI, стр. 154).

³⁾ Ансело былъ въ Царскомъ Селѣ, Бронштадтѣ, Петербургѣ, гдѣ, между прочимъ, познакомился со многими русскими литераторами, въ Новгородѣ, Валдаѣ и Москвѣ.

денія, вынесенныя изъ этого путешествія, въ книгѣ «Six mois en Russie; lettres écrites à M. X.-B. Saintines en 1826», надѣланной въ Парижѣ большого шума и быстро раскупленной. Книга эта была переполнена ошибками, легкомысленными, часто смѣшными, обобщеніями и выводами, а главное—звучала пренебрежительнымъ отношеніемъ ко всему русскому. Поэтому Толстой не преминулъ написать на сочиненіе Ансело критику, которую онъ издалъ въ 1827 году отдѣльной брошюрой подѣ заглавіемъ «Six mois suffisent-ils pour connaître un pays, ou observations sur l'ouvrage de M. Ancelot, intitulé «Six mois en Russie». Въ предисловіи къ ней Яковъ Николаевичъ говоритъ, что онъ написалъ свою книжку «въ интересахъ истины» и чтобы удовлетворить желанію нѣсколькихъ лицъ, которыя спрашивали его мнѣнія объ этомъ сочиненіи» (стр. 3) и что онъ противопоставляетъ шестимѣсячнымъ наблюденіямъ французскаго путешественника «опытность болѣе, чѣмъ тридцатилѣтняго пребыванія въ странѣ, которую тотъ описываетъ» (тамъ же). Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ опроверженій и указаній на мелкія, по большей части, ошибки, сдѣланныя Ансело въ его книгѣ ¹⁾). Возраженія Толстого были сочувственно встрѣчены, между прочимъ, на страницахъ «Московского Телеграфа», гдѣ уже раньше появился цѣлый рядъ замѣтокъ о книгѣ Ансело. Двѣ изъ статей въ этомъ журналѣ принадлежали перу кн. П. А. Вяземскаго и были составлены имъ въ видѣ писемъ къ библиографу С. Д. Полторацкому. Въ первомъ изъ этихъ писемъ ²⁾ кн. Вяземскій дѣлаетъ подробный разборъ книги Ансело, а во второмъ ³⁾—даетъ рецензію и на критику Толстого, при чемъ въ отзывѣ его, какъ указано выше, звучитъ ясное сочувствіе къ задачѣ, которую взялъ на себя Яковъ Николаевичъ. При сравненіи отзыва кн. Вяземскаго о книгѣ Ансело и брошюры о томъ же Толстого, невольно бросается въ глаза разница въ тонѣ возраженій обоимъ рецензентамъ: первый критикуетъ добродушно, въ его словахъ звучитъ скорѣе иронія, чѣмъ негодованіе на Ансело; съ нѣкоторыми мнѣніями его онъ даже соглашается; второй же нападаетъ на своего противника во всеоружіи своихъ познаній и патріотическихъ чувствъ и опровергаетъ его ошибки такимъ серьезнымъ тономъ, какъ

¹⁾ Пушкинъ сдѣлалъ слѣдующую любопытную замѣтку въ своемъ дневникѣ по прочтеніи книги Ансело: „Путешественникъ Ансело говоритъ о какой-то грамматикѣ, утвердившей правила нашего языка и еще не изданной, о какомъ-то русскомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находящемся въ рукописи, и о какой-то комедіи, лучшей изъ всего русскаго театра и еще неизданной и непечатаваемой. Забавная словесность!“ (Соч., т. V, стр. 55).

²⁾ „Моск. Телегр.“ 1827 г., ч. XV, стр. 216—232 и Сочин., т. I, С.-Пб. 1870, стр. 232—245.

³⁾ Тамъ же, ч. XVI, стр. 153—170 и Сочин., т. I, стр. 245—259.

будто сочиненіе Ансело есть дѣло первой величины, и его необходимо раскритиковать отъ первой строки до послѣдней; а иначе—Россія совершенно падеть въ глазахъ иностранцевъ. Въ заключеніе своего разбора, Толстой говоритъ: «Книгѣ г. Ансело недостаетъ зрѣлости,—качества, приобретаемаго благодаря долгому пребыванію въ странѣ, и это позволяетъ мнѣ сдѣлать заключеніе, что «шести мѣсяцевъ недостаточно для того, чтобы узнать какую-нибудь страну» (стр. 32).

Подобный же характеръ черезчуръ ревностнаго патриотизма носятъ и критика Толстого на книжку нѣкоего Виктора Манье, вышедшую въ Парижѣ въ 1828 г. и вызванную статьёй бар. Г. В. Жюмни¹⁾, помѣщенной въ «Journal de St.-Petersbourg» 1827 г. подъ заглавіемъ «Observations sur la dernière campagne de Turquie, par un officier d'Etat-major russe», а въ 1828 и 1829 г. вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ въ Петербургѣ и Парижѣ²⁾. Противъ Жюмни и его похвальныхъ отзывовъ объ успѣхахъ русскихъ въ Турецкую войну выступилъ отставной офицеръ французскаго генеральнаго штаба, бывшій адъютантъ генерала Мезона Victor Magnier³⁾, служившій въ кампанію 1828 года въ рядахъ турецкой арміи⁴⁾ и побывавшій въ плѣну у русскихъ⁵⁾. Онъ старался унижать и выставить ничтожными успѣхи русскаго оружія въ эту кампанію, а также значительно преувеличивалъ потери, понесенныя нами въ сраженіяхъ⁶⁾. Толстой не замедлилъ возстать противъ Манье и напечаталъ въ свою очередь возраженіе на его «отвѣтъ»⁷⁾. Здѣсь онъ старался доказать пристрастіе,

¹⁾ О принадлежности ея Жюмни—см. „Revue Encyclopédique“ 1830 г. т. XLVIII, стр. 423 и G. Ghennady: „Les écrivains franco-russes“. Dresden. 1874, p. 75.

²⁾ Въ русскомъ переводѣ она была напечатана въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1829 (№ 1), въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1829 г. (№ 4) и въ „Сынѣ Отечества“ 1829 г. (№ 1 и 2); на французскомъ языкѣ напечатана въ «Annuaire historique universel pour 1828», par C. L. Lesur. Paris. 1829, II, p. 120—129.

³⁾ Réponse aux Observations d'un officier d'Etat-major russe sur la dernière campagne de Turquie par Victor Magnier, officier d'Etat-major français, chevalier de la Légion d'honneur etc. Paris 1829 г. Сочувственный отзывъ о ней помѣщенъ въ «Revue Encyclopédique» 1829, t. XLI, p. 773.

⁴⁾ Возраженіе Толстого, русск. изд., стр. 29.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 9.

⁶⁾ Разборъ книжки Жюмни помѣщенъ былъ также и въ «Revue Encyclopédique» (1829 г., т. XLII, стр. 113—122 и 1830 г., т. XLVIII, стр. 423); критикъ вообще не сочувственно отзывался о „Замѣчаніяхъ“ Жюмни, говоря, что они не даютъ ничего новаго сравнительно съ официальными русскими свѣдѣніями.

⁷⁾ „Réplique à la Réponse de M. Magnier aux Observations d'un officier d'Etat-major russe sur la dernière campagne de Turquie, par J. Tolstoy, ancien officier d'Etat-major russe. Paris. 1829, 42 стр. Статья Толстого въ пере-

съ которымъ относится Манье къ дѣйствіямъ русскихъ генераловъ и къ ихъ успѣхамъ въ войну 1828 г., а также отмѣчаетъ враждебное отношеніе къ Россіи со стороны французскихъ шовиннистовъ. «Здравомыслящая часть французской націи», говоритъ онъ, «желала искренно успѣха нашему оружію; но непріязненная Россіи сторона бодрствовала въ безмолвіи и страхѣ; она скрытно дѣйствовала и доставляла парижанамъ журналы, наполненные извѣстіями, искаженными вліяніемъ турецкихъ приверженцевъ», съ завистью и страхомъ относившихся къ успѣхамъ русскихъ войскъ. Толстой возражаетъ съ негодованіемъ противъ сужденія Манье о томъ, напримѣръ, что «русскіе еще менѣе турокъ образованы» или, что они очень жестоки, а затѣмъ переходитъ къ обсужденію нашихъ военныхъ дѣйствій и, какъ слѣдуетъ ожидать, защищаетъ все, что было сдѣлано русскими полководцами и особенно кн. Паскевичемъ. О книгѣ Жюминн Толстой вообще отзывается съ большою похвалою ¹⁾, а въ заключеніе съ вроніей замѣчаетъ, что ему остается только пожелать, «чтобы русскимъ Богъ далъ совершить другой такой же неудачный походъ, какъ походъ 1828 года». Послѣ этого Манье и Толстой еще разъ обмѣнялись возраженіями: первый напечаталъ «Réponse à M. le comte Tolstoy, chambellan de S. M. l'Empereur de Russie» ²⁾, а второй—«Deuxième réplique à M. Magnier» ³⁾; по поводу послѣдней книжки рецензентъ «Revue Encyclopédique» говорилъ, что нельзя не похвалить обѣ воевавшія стороны, такъ какъ и русскіе, и турки выказали во время войны много мужества и энергіи. Что же касается возраженій Якова Николаевича, то критикъ только замѣтилъ, что «нельзя не одобрить его за то, что онъ въ своей брошюрѣ сумѣлъ удержаться въ рамкахъ вѣжливости и приличій, которыхъ никогда не слѣдуетъ терять изъ виду. Въ этомъ отношеніи онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, что его противникъ выказалъ съ своей стороны, по меньшей мѣрѣ, чрезмѣрную горячность» ⁴⁾.

По поводу выхода перваго «возраженія» Яковъ Николаевичъ пи-

водъ на русскій языкъ была помѣщена въ журналѣ „Славянинъ“, издававшемся А. Ѡ. Воейковимъ (1829 г., ч. XXXV, стр. 275—314) и вышла тогда же отдѣльными оттисками. О полемикѣ Толстого съ Манье см. также „Annuaire historique universel pour 1828“, par C. L. Lesur, Paris. 1829. Appendice, pp. 120—126. Благопріятный для книжки Толстого отзывъ помѣщенъ въ „Revue Encyclopédique“ 1829 г., т. XCII, стр. 487—489.

¹⁾ Вообще русскіе журналы очень хвалили сочиненіе Жюминн, а въ „Московскомъ Телеграфѣ“ было сказано, что „превосходное и безпристрастное сочиненіе это достойно особеннаго вниманія наблюдателей“ (1829 г., ч. XXV, стр. 94—95).

²⁾ Paris. 1829, 46 стр. Толстой не былъ ни графомъ, ни камергеромъ.

³⁾ Paris. 1829, 44 стр.

⁴⁾ 1829 г., т. XLIII, стр. 187—188.

салъ брату 23-го апрѣля (5-го мая) 1829 г.: «Я не знаю, останутся ли мной довольны за изданную брошюру, но предвижу, что буду имѣть много неприятностей отъ писателей, враждебныхъ Россіи. Я полагаю, что наше правительство не будетъ ихъ желать мнѣ, но оно, быть можетъ, хотѣло бы болѣе лести; но эти средства ничего здѣсь не стоятъ и, скорѣе, подрываютъ довѣріе къ сочиненіямъ такого рода. Я сдѣлалъ то, что могъ, а не то, что хотѣлъ; наконецъ, я рѣшилъ покориться всему: это, быть можетъ, выведетъ меня изъ настоящаго моего положенія; да и какова бы ни была судьба, которая мнѣ готовится, я всегда предпочту ее тому состоянію, въ которомъ томлюсь теперь...»

Грустное настроеніе Толстого, дѣйствительно, оправдывалось обстоятельствами, въ которыхъ онъ тогда находился. Въ письмѣ къ брату изъ Парижа отъ 8-го сентября 1829 года онъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: «Исчерпавъ всѣ источники для того, чтобы возстановить себя въ глазахъ нашего правительства, я выдержалъ борьбу, которая должна была окончиться принесеніемъ въ жертву моей жизни, что неизбежно случилось бы, если бы полиція намъ не помѣшала: ибо г. Манье долженъ былъ со мною драться. Но, къ несчастью, я былъ лишень сладкаго удовлетворенія настъ въ почетномъ бою и съ честью разстаться съ своимъ существованіемъ, полнымъ скорбей. И что же изъ этого вышло? Ничего хорошаго для меня, такъ какъ не хотѣлъ оцѣнить ни моего усердія, ни моего раскаянія ¹⁾, какъ будто бы я уже не былъ достаточно наказанъ! По крайней мѣрѣ я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, и съ этого времени уже всякая надежда исчезла для меня. Я долженъ покориться и остатокъ дней моихъ провести въ изгнаніи, котораго не заслужилъ, изгнанія, которое тѣмъ тяжелѣе для меня, что оно отдѣляетъ меня отъ всего, что для меня дороже всего на свѣтѣ. Часто я начинаю думать объ ужасной будущности, которая меня ожидаетъ—и дрожу отъ ужаса! Неужели правда, что у меня навсегда отвята надежда увидѣть моего друга и моихъ родныхъ? Неужели осужденъ окончить дни мои въ ужаснѣйшемъ одиночествѣ и въ самой унижительной нищетѣ? Ибо я не обманываю себя: я знаю, что вскорѣ, когда тотъ остатокъ силъ, который у меня еще есть, меня покинетъ, и когда горе сгубитъ мои душевныя способности,—я буду вынужденъ существовать грубой работой; я знаю, что совершенное разореніе ожидаетъ меня, и нѣтъ никакой надежды, никакой даже тѣни утѣшенія нѣтъ у меня, въ жалкомъ будущемъ, которое угрожаетъ мнѣ, и къ которому я приближаюсь быстрыми шагами!»

Однако, на Толстого и его дѣятельность уже начали обращать вниманіе и смотрѣть благосклоннѣе: русскій посланникъ въ Парижѣ на-

¹⁾ Въ участіи въ дѣлѣ декабристовъ.

писалъ ему «очень лестное письмо» по поводу его возраженій Манье; повидямому, и въ Петербургѣ оцѣнили старанія Толстого: «Я очень счастливъ», пишетъ онъ брату 16-го (28-го) сентября 1829 г., «что мои брошюры понравились добрымъ людямъ; но, въ концѣ концовъ, во что онѣ мнѣ обошлись? Перспектива перерѣзать себѣ горло съ моимъ противникомъ! Мое печальное положеніе не измѣнилось ни на йоту; моего усердія и трудностей, которыя я вынесъ, не захотѣли оцѣнить! Сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что легко было привести въ исполненіе попытку, за которую я взялся: я вышелъ на арену совсѣмъ одинъ противъ многочисленныхъ противниковъ, ибо во врагахъ мы не имѣемъ здѣсь недостатка. Я писалъ одинъ, лишенный необходимыхъ документовъ, и мнѣ нужно было имѣть хоть нѣсколько счастья, если не таланта, чтобы вывернуться изъ затруднительнаго положенія. Въ особенности мелкіе журналы ожесточились противъ меня; но, по счастью, я былъ достаточно ловокъ и не далъ имъ оружія противъ себя. И все это дало мнѣ лишь похвалы, безъ сомнѣнія лестныя для меня, со стороны просвѣщенныхъ и почтенныхъ людей, но не дало даже спасба со стороны тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находятся вѣсы моей судьбы! Увѣряю тебя, что эта непреклонность отнимаетъ у меня всякую надежду».

Это было писано уже послѣ того, какъ появилась еще одна брошюра Толстого «Lettre d'un russe à un polonais à l'occasion du hatichscharif de Sa Hautesse le sultan Mahmoud» (Paris. 1829). Она была вызвана гая-шерифомъ султана, приглашавшаго полковъ возстать противъ Россіи и тѣмъ помочь ему въ его борьбѣ съ врагомъ ¹⁾. Въ этомъ, не лишенномъ остроумія письмѣ (оно вышло безъ подписи автора), написанномъ въ шутивомъ, насмѣшливомъ тонѣ, Толстой старается склонить своего «полусоотечественника» какъ можно скорѣе согласиться на предложеніе султана. Онъ съ ироніей рисуетъ его добродѣтели, которыми-де онъ одаренъ въ высокой степени: храбрость, вѣрность данному слову, справедливость, кротость и безкорыстіе, и противопоставляетъ имъ качества русскаго государя. «Не вздумайте читать», говоритъ онъ, «глупое «Возраженіе» г. Толстого, который хвалитъ достоинства императора Николая, ко вреду его страшнаго врага. По совѣсти, чтѣ сдѣлалъ этотъ государь? Онъ выставилъ самого себя и самъ находился во главѣ своихъ войскъ, давая ходъ дѣйствиамъ ²⁾. Тѣ люди, которые съ удивленіемъ смотрятъ на него, въ правѣ утверждать, что онъ не сдѣлалъ ошибокъ, и часто тѣ,

¹⁾ Книжка эта написана въ первой половинѣ 1829 г., а Андриянопольскій миръ, закончившій Турецкую войну, былъ заключенъ 2-го сентября 1829 года.

²⁾ Въ Турецкую войну 1828 г.

которыя приписываются ему друзьями Махмуда, доставляли ему еще большія выгоды. Тѣ же самые друзья единогласно утверждаютъ, что султанъ и его паша также много сдѣлали ошибокъ, но что если бы они лучше сражались, если бы они выказали больше искусства въ своей защитѣ ¹⁾, то султанъ былъ бы уже въ Петербургѣ, празднуя свой Байрамъ въ Зимнемъ Дворцѣ ²⁾. Высмѣивая, далѣе, трусливость Махмуда, Толстой продолжаетъ: «Сравните эти черты отваги съ отвагой русскаго монарха, около котораго (и это—истина) было убито нѣсколько адъютантовъ; который въ одинъ изъ переѣздовъ своихъ изъ Гарны въ Одессу ³⁾, во время одной изъ самыхъ ужасныхъ на памяти людей бурь, разразившихся на Черномъ морѣ, оставался спокойнымъ посреди опасностей, уподобляясь тому римлянину, который говорилъ «ты везешь Цезаря и его счастье», и который, по прѣздѣ въ Одессу, не слегъ больнои, какъ его величество султанъ, а продолжалъ путешествіе къ своей столицѣ. Вы согласитесь», заключаетъ онъ, «что тутъ не можетъ быть никакого сравненія!». («Lettre...», стр. 8). «Торопитесь же», пригласаетъ Толстой своего «полу-соотечественника», «оказаться послушными голосу это бородатаго монарха, двоюроднаго брата и близнеца луны, этого родича всѣхъ планетъ и постоянныхъ звѣздъ, этого племянника Большой Медвѣдицы и брата Скорпіона и другихъ созвѣздіи! Торопитесь, говорю я, востать въ массѣ, чтобы поддержать его непрочный престолъ: это доставитъ вамъ вѣчное счастье въ этомъ свѣтѣ и удобное ложе на девятомъ небѣ» ⁴⁾.

Наряду съ подобными вышеприведеннымъ работами Толстой задумывалъ и другія, желая, главнымъ образомъ, поправить свое трудное финансовое положеніе путемъ различныхъ компиляцій, переводовъ и т. под., такъ какъ отъ изданія ихъ онъ рассчитывалъ получить выгоды. «Я началъ большую работу», читаемъ въ его письмѣ отъ 18-го мая 1829 г., «которая, если я ее окончу, можетъ быть для меня очень прибыль-

¹⁾ Насмѣшка надъ выраженіями V. Magnier въ его „Réponse“.

²⁾ „Lettre...“, стр. 6—7.

³⁾ Со 2-го по 8-е октября 1828 г.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 12 Толстой, очевидно, не подозревалъ, что императоръ Николай, несмотря на войну съ Турціей, питалъ къ просвѣщенному султану-преобразователю чувство глубокаго уваженія, которое впоследствии упрочилось еще болѣе. Этимъ-то, должно быть, и объясняется то, что русская цензура не пропустила въ Петербургъ „письма“ Толстого. „Я очень огорченъ“, писалъ Яковъ Николаевичъ брату 15-го іюня 1830 года, „что цензура задержала „Lettre d'un russe“. Это доказываетъ, что на мое шутиливое сочиненіе не посмотрѣли благосклонно. Итакъ, я старался напрасно для служенія нашей дѣлу... Одинъ журналъ сказалъ“, скромно добавляетъ Толстой, „что этотъ родъ любезностей—тонкій, легкій, язвительный и со вкусомъ написанный, напоминаетъ манеру Вольтера“.

на: это—исторія Россіи. Я предполагаю свести «Исторію» Карамзина въ три тома, или даже въ два—по расчету, который я сдѣлалъ въ планѣ. Книгопродавецъ общаетъ мнѣ большіе барыши, но, чтобы получить ихъ, надо сдѣлать в большіе расходы. До сихъ поръ я получалъ только убытки, такъ какъ всѣ изданныя мною брошюры потребовали значительныхъ расходовъ на печатаніе, а я ихъ сдѣлалъ на свой счетъ». Въ другомъ письмѣ, отъ 31-го марта (12-го апрѣля) 1830 г., Яковъ Николаевичъ проситъ прислать ему русскихъ книгъ: «Съ нѣкотораго времени», пишетъ онъ, «меня приглашаютъ переводить русскіе историческіе романы (и дѣлаютъ очень выгодныя предложенія), равно какъ и мемуары. Между первыми только-что появились переводы двухъ романовъ: Булгарина и Загоскина ¹⁾; что касается мемуаровъ, то пришли мнѣ Храповицкаго, Миниха, Шаховскаго: изъ этого я могу извлечь выгоду». Но ни одно изъ этихъ предпріятій Толстого, насколько намъ извѣстно, не осуществилось. А между тѣмъ его дѣла все ухудшались, и положеніе становилось невыносимымъ: въ 1830 г. у него было долговъ уже болѣе, чѣмъ на 29 тысячъ франковъ. Последнее обстоятельство было тѣмъ болѣе ужасно, что въ концѣ 1830 г. послѣдовалъ указъ императора Николая, повелѣвавшій всѣмъ русскимъ, въ виду только-что совершившихся событій июльской революціи и послѣдовавшихъ затѣмъ безпорядковъ въ Парижѣ, выѣхать изъ Франціи ²⁾. «Ты знаешь», писалъ Яковъ Николаевичъ брату изъ Парижа 13-го декабря 1830 г., «что мы получили формальное приказаніе покинуть Францію; ты можешь судить объ ужасныхъ моихъ страданіяхъ, зная, что я вынужденъ здѣсь остаться и какъ бы не повиноваться повелѣніямъ моего монарха, тогда какъ я сгораю отъ желанія имъ послѣдовать. При первомъ извѣщеніи, которое намъ было сдѣлано по этому поводу по приказанію посланника, я написалъ ему письмо, въ которомъ изложилъ причины, мѣшающія мнѣ послѣдовать его приказанію; кромѣ того, мои кредиторы, узнавъ изъ газетъ, что русскимъ велѣно покинуть Францію, объявили мнѣ формально, что они воспротивятся моему отъѣзду, и одинъ изъ нихъ даже былъ у префекта полиціи, прося его задержать мой паспортъ!»

Несмотря на денежную поддержку, которую Якову Николаевичу

¹⁾ Романъ Булгарина—„Ivan Wyjiguine ou le Gilblas russe. Traduit du russe par Ferru de Pigny“ 4 v. Paris. 1829; романъ Загоскина—„Youry Mijoslavsky, ou la Russie en 1612. Roman, traduit du russe par M-me S(ophie) S(ograd), née d'Ott.“ Paris. 1831. Этими двумя переводами было начато изданіе собранія русскихъ романовъ, предпринятое книгопродавцемъ Госселеномъ („Сѣв. Пчела“ 1830 г., № 92).

²⁾ См. о томъ же „Записки“ А. И. Кошелева. Берлинъ. 1884, стр. 38, 40—41.

оказали его братья, онъ по неволѣ долженъ былъ остаться въ Парижѣ, тѣмъ снова навлекъ на себя неудовольствіе русскаго правительства. Существовалъ онъ изо дня въ день и страшно бѣдствовалъ; повидимому, онъ работалъ въ журналахъ ¹⁾; получалъ также пенсію по ордену Анны 3 ст. (200 р.) и небольшой доходъ съ своего тверскаго имѣнія, но денегъ этихъ, по его же словамъ, не хватало даже на уплату процентовъ ²⁾... Помстивъ интересны всѣ тѣ способы, къ которымъ Толстой прибѣгалъ въ особенно затруднительныхъ случаяхъ. Въ его письмахъ читаемъ откровенные рассказы о томъ, какъ онъ пускался въ картячую игру, покупалъ и продавалъ акціи и т. п.; чаще же всего занималъ деньги въ долгъ у русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Парижъ...

Въ числѣ литературныхъ работъ Якова Николаевича за этотъ же періодъ укажемъ на его участіе въ изданіи, предпринятомъ извѣстнымъ статистикомъ и географомъ Адрианомъ Бальби (р. 1782 †1848) и вышедшемъ въ 1829 г. подъ заглавіемъ «L'empire russe, comparé aux principaux états du monde» ³⁾. Здѣсь Яковъ Николаевичъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, какъ онъ выражается, сообщалъ Бальби много свѣдѣній по интересовавшему его вопросу. Но въ чемъ, ближайшимъ образомъ, выразилось участіе его — намъ подлинно неизвѣстно ⁴⁾. Затѣмъ, въ 1834 г. Яковъ Николаевичъ издалъ брошюру ⁵⁾ по поводу вышедшихъ въ предыдущемъ году «Mémoires» герцогини Абрантесъ

¹⁾ Такъ, на обложкѣ журнала „L'Europe littéraire“ 1833 г. (t. I) указано, что Я. Н. Толстой составилъ для этого изданія очеркъ русской литературы. Но въ вышедшихъ 2-хъ томахъ „Europe littéraire“, послѣ которыхъ журналъ прекратился, статьи Толстого нѣтъ. Н. И. Гречъ, самъ сотрудничавшій въ этомъ изданіи (см. № 54, 3-го июля 1833 г., стр. 218), написалъ „Обзоръ русской литературы въ 1833 г.“ въ видѣ письма къ Я. Н. Толстому въ Парижъ и сообщилъ его Якову Николаевичу, желая помочь ему въ его задачѣ. Письмо Греча напечатано въ Библиотекѣ для чтенія 1834 г., т. I, стр. 159 и сл. и въ «Сочиненіяхъ» его, т. III, С.-Пб. 1855, стр. 340—369.

²⁾ Къ тому же, имѣніе это въ 1835 г., вслѣдствіе неявики Я. Н. въ Россію, было взято въ опеку (Арх. Мин. нар. проsv., дѣло № 128.221).

³⁾ Яковъ Николаевичъ, въ письмѣ къ брату отъ 15-го юнія 1830 г. называетъ трудъ Бальби «Tableau synoptique de le statistique russe», но такого сочиненія, впрочемъ намъ извѣстно, не выходило.

⁴⁾ Въ 1826 г. въ Парижѣ вышелъ „Atlas ethnographique du globe...“ составленный Бальби; здѣсь помѣщена статья „Coup d'oeil sur l'histoire de la langue slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie“, доставленная ему „однимъ русскимъ писателемъ“. Но статья эта не принадлежитъ Толстому.

⁵⁾ G. Ghennady. Les écrivains franco-russes. Dresde. 1874 p. 75: „Rectifications de quelques légères erreurs de M-me la duchesse d'Abrantès“ (dans ses mémoires), par un russe. Paris. 1834, 46 p. Ея не оказалось въ Императорской публичной библиотекѣ.

(р. 1785 †1838) о временахъ революціи, имперіи и реставраціи Бурбоновъ¹⁾). Можно предполагать, что и здѣсь Толстой является исключительно въ роли защитника Россіи отъ обвиненій противъ нея, которыя попадаютъ у герцогини. Когда же въ 1834 году та же герцогиня Абрантесъ выступила съ книгой, посвященной жизнеописанію императрицы Екатерины II²⁾, Толстой обрушился на нее съ объемистымъ (111 стр.) возраженіемъ, которому далъ заглавіе «Lettre d'un russe à un russe. Simple réponse au pamphlet de M-me la duchesse d'Abrantès, intitulé «Catherine II»³⁾. Чтобы не утомлять читателя подробнымъ изложеніемъ того и другого сочиненія, мы ограничимся приведеніемъ словъ В. А. Вильбасова, сказанныхъ имъ объ обѣихъ книгахъ въ XII томѣ «Исторіи Екатерины II»⁴⁾. О сочиненіи герцогини г. Вильбасовъ говоритъ, что въ немъ «нѣтъ ни новыхъ фактовъ, ни оригинальныхъ освѣщеній; событія и годы перепутаны, дѣла искажены, личности изуродованы. Надо полагать», замѣчаетъ онъ, «что авторъ имѣлъ въ виду исключительно бросить на книжный рынокъ ходкій товаръ, способный доставить наибольшій заработокъ»⁵⁾. Но отзывъ г. Вильбасова о возраженіи Толстого еще болѣе рѣзокъ. «Отвѣтъ», говоритъ онъ, «значительно невѣжественнѣе памфлета. Тѣ ошибки и невѣрности, которыя встрѣчаются въ книгѣ герцогини Абрантесъ, французенки, вовсе не знающей Россіи и пишущей со словъ другихъ, вполне понятны; незнаніе же русской исторіи «русскимъ» критикомъ герцогини непростительно... Авторъ брошюры, Я. Н. Толстой, воспитанникъ Пажескаго корпуса, въ которомъ ничему серьезно не учили, гвардіи штабсъ-капитанъ, позже русскій агентъ въ Парижѣ, преклоняется предъ «notre шагнаніме еврегеиг»⁶⁾, но безсиленъ и немощенъ даже предъ герцогиней Абрантесъ. Онъ до того невѣжественъ, что даже не подозреваетъ о существованіи Степана Малаго и по поводу его появленія⁷⁾ восклицаетъ: «notre historien confond Pougatcheff avec je ne sais quel moine Stephano»⁸⁾, а рассказъ герцогини о Таракановой⁹⁾ называетъ «une des

¹⁾ Отрывки изъ нихъ были напечатаны въ «Московскомъ Телеграфѣ». 1833 г., ч. 50, № 7.

²⁾ Catherine II, par Madame la duchesse d'Abrantès. Paris. 1834 и Bruxelles. 1835.

³⁾ Paris. 1835.

⁴⁾ Ч. II, Берлинъ, стр. 199—200 и 204—205.

⁵⁾ Дѣйствительно, герц. Абрантесъ, овдовѣвъ въ 1813 г. и оставшись безъ всякихъ средствъ, вынуждена была жить исключительно литературнымъ трудомъ. Ея «Catherine II» выдержала 4 изданія.

⁶⁾ Lettre..., р. 1: «нашимъ великодушнымъ императоромъ».

⁷⁾ Catherine II, р. 156.

⁸⁾ Lettre..., р. 14: «нашъ историкъ (то-есть герцогиня) смѣшиваетъ Пугачева съ какимъ-то монахомъ Степаномъ»

⁹⁾ Catherine II, р. 224.

inventions les plus lâches et les plus odieuses» ¹⁾). Толстой съ ужасомъ отвергаетъ «une union secrète de l'impératrice Elisabeth» ²⁾), о которомъ въ настоящее время говорится даже въ официальномъ изданіи, предназначенномъ для армейскихъ поручиковъ (Лееръ, VI, 370). Толстой называетъ сочиненіе герцогини Абрантесъ «une méchante action et un mauvais livre» ³⁾), «un récit fantastique» ⁴⁾), «un pamphlet le plus obscur» ⁵⁾) и противопоставляетъ ей лишь мудрыя фразы, будто въ его время «la Russie, à la voix du maître intelligent et énergique qui la gouverne, entre dans la véritable civilisation des peuples» ⁶⁾).

Мы не будемъ, конечно, удивляться подобному тону книги, если вспомнимъ ту тайную мысль, которая водила перомъ Толстого при составленіи какъ этого, такъ и нѣкоторыхъ другихъ его литературныхъ трудовъ. Читателю же Яковъ Николаевичъ заявлялъ, что если онъ и взялся защищать Екатерину отъ наветовъ герцогини Абрантесъ, то онъ это сдѣлалъ «не для нея, Екатерины, а для себя самого, чтобы исполнить свой долгъ: не допустить безнаказанно печатать клевету, которая унижаетъ исторію, низводитъ ее на степень памфлета» ⁷⁾), хотя раньше и замѣчалъ, что измышленія герцогини «заслуживаютъ поистинѣ только улыбку изумленія и жалости» ⁸⁾).

Наконецъ, Толстому представился случай, давшій ему возможность приобрести могущественнаго покровителя и ходатая. «Я уже совсѣмъ собрался ѣхать» (въ Россію), говоритъ онъ въ письмѣ отъ 3-го сентября 1835 г. изъ Парижа, «когда братъ фельдмаршала Паскевича обратился ко мнѣ съ просьбой составить біографію его славнаго брата. Я не могъ отказать отъ подобнаго предложенія, тѣмъ болѣе, что изъ этого предусматривались для меня большія выгоды». Толстой, конечно, согласился на предложеніе, немедленно же взялся за дѣло, и черезъ два мѣсяца работы уже появился въ свѣтъ «Essai biographique et historique sur le feld-maréchal prince de Varsovie comte Paskévitch d'Erivan» ⁹⁾). Мы не станемъ долго остава-

¹⁾ Lettre..., p. 79: «однимъ изъ самыхъ гнусныхъ и возмутительныхъ измышленій».

²⁾ Lettre..., p. 80 «тайный бракъ императрицы Елизаветы».

³⁾ Тамъ же, стр. 5: «отвратительнымъ поступкомъ и скверною книгой».

⁴⁾ Тамъ же, стр. 7: «фантастическимъ разсказомъ».

⁵⁾ Тамъ же, стр. 68: «самымъ гнуснымъ памфлетомъ».

⁶⁾ Тамъ же, стр. 1: «Россія, по гласу мудраго и энергичнаго государя, который ея управляетъ, вступаетъ въ семью истинно просвѣщенныхъ народовъ».

⁷⁾ Тамъ же, стр. 90.

⁸⁾ Lettre... стр. 61.

⁹⁾ Paris. 1835, 285 стр. Книга украшена портретомъ Паскевича и картой военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи. Сочиненіе Толстого было переведено на польскій языкъ Викентіемъ Заіончковскимъ и издано въ Варшавѣ въ

вливаться на этомъ произведеніи Толстого, такъ какъ цѣль, съ которою оно было написано, уже заранѣе даетъ возможность сдѣлать заключеніе объ его характерѣ и тонѣ. Написано оно прекраснымъ французскимъ языкомъ, прекрасно издано, но изложеніе отличается напыщенностью и громкими фразами, наполненными лостью, бьющей въ глаза¹⁾. Однако, Паскевичъ остался очень доволенъ панегирикомъ Толстого, сразу же почувствовалъ къ нему расположеніе и началъ хлопотать за него въ высшихъ сферахъ. И дѣйствительно, книга эта, по свидѣтельству И. Г. Головина окончательно «помирила Толстого съ правительствомъ»²⁾...

Итакъ, мечты Якова Николаевича приближались къ осуществленію. Стремясь вновь поступить на службу, онъ хотѣлъ, при этомъ, устроиться такъ, чтобы получить возможность остаться жить по-прежнему въ Парижѣ. Уже въ концѣ 1829 г. онъ выражалъ брату это желаніе, а въ письмѣ отъ 13-го августа 1830 г. прямо указывалъ ему на то, что составляло его давнишнюю мечту. «Если бы наше правительство захотѣло употребить меня здѣсь», писалъ онъ, «я бы могъ принести ему большую пользу, такъ какъ я знаю превосходно Парижъ, знаю духовную его сторону и нахожусь въ сношеніяхъ съ вліятельными людьми; но мнѣ нельзя ихъ поддерживать по причинѣ моей крайней нищеты. Если бы Закревскій, Меншиковъ³⁾ и другіе захотѣли бы возстановить мою честь въ глазахъ его величества и употребить меня въ дѣло здѣсь, то я бы могъ быть очень полезенъ. Но это тщетныя и коварныя мечты», прибавлялъ онъ въ то же время. Однако, въ августѣ 1836 г. Яковъ Николаевичъ получил отношеніе гр. А. Х. Бенкендорфа, который вызывалъ его въ Петербургъ. 7-го октября онъ съ радостью писалъ брату слѣдующее: «Я получилъ отъ кн. Элима Мещерскаго письмо; онъ увѣ-

1840 г. (изд. 1-е и 2-е) и 1841 г. (изд. 3-е), при чемъ переводчикъ удержалъ всѣ обвиненія Толстого противъ поляковъ по поводу ихъ восстанія и даже тѣ, болѣе, чѣмъ неслестныя, отзвѣты и эпитеты, которыми Толстой награждаетъ ихъ въ своемъ трудѣ.

¹⁾ Біографія заключается на стр. 7—202 и излагаетъ участіе Паскевича во всѣхъ войнахъ Россіи, начиная съ 1805 г. и кончая Польскимъ восстаніемъ 1831 г., а затѣмъ идетъ (стр. 205—285) рядъ „оправдательныхъ документовъ“ (pièces justificatives), относящихся до войны 1828—1829 гг. Изъ примѣчанія на стр. 46-й видно, что Толстой былъ хорошо знакомъ съ Грибоѣдовымъ, котораго онъ называетъ «однимъ изъ ближайшихъ друзей» своихъ. Мы видѣли выше, что они встрѣчались у кн. А. А. Шаховскаго еще въ 1818—1819 году.

²⁾ Записки Ивана Головина. Лейпцигъ. 1859, стр. 77.

³⁾ Гр. Арс. Андр. Закревскій былъ начальникомъ Якова Николаевича въ Главномъ Штабѣ, а кн. А. С. Меншиковъ былъ въ то время директоромъ его канцеляріи.

домляетъ меня, что его величество удостоилъ бросить взоръ свой на меня, и что гр. Бенкендорфъ поручилъ ему извѣстить меня, что вскорѣ я получу предложеніе быть употребленнымъ въ Парижѣ, что мои обязанности будутъ обнимать литературную часть и журналистику, но что для этого надо будетъ мнѣ совершить поѣздку въ Россію, чтобы лично познакомиться съ гр. Бенкендорфомъ и сговориться о родѣ моихъ будущиѣхъ занятій. Эта новость исполнила меня радостью и возвратила меня къ жизни!» Изъ другого письма Якова Николаевича (отъ 12-го октября 1836 г.) видно, что хлопоты объ его опредѣленіи на службу въ Парижѣ началъ передъ Бенкендорфомъ самъ кн. Э. П. Мещерскій, который, состоя при Парижскомъ посольствѣ, также «имѣлъ порученіе по части ученой и литературной»¹⁾. «Недавно онъ долженъ былъ, по обстоятельствамъ, покинуть Парижъ и мѣсто свое», рассказываетъ Толстой. «Возвратись въ Россію, онъ удостовѣрилъ начальство, что сіе мѣсто не должно бы упразднить, что оно нужно, полезно и, наконецъ, что никто болѣе меня не способенъ исправлять сію должность. Вслѣдствіе сего гр. Бенкендорфъ поручилъ ему объявить мнѣ, что я вскорѣ получу предложеніе занять сіе мѣсто съ жалованіемъ по 6.000 р въ годъ, но что прежде всего нужно мнѣ пріѣхать въ Петербургъ для свиданія съ нимъ. Первая часть предложенія прекрасна, неподобна! но вторая ввергаетъ меня въ отчаяніе: гдѣ достану я 7.000, необходимыхъ на это? А не ѣхать—прогуляю прекрасное и совершенно по моему вкусу и способностямъ мѣсто». . . Однако, денежные затрудненія вскорѣ уладились благодаря тому, что императоръ Николай приказалъ выдать Якову Николаевичу 10.000 рублей въ Парижѣ на уплату долговъ²⁾. 1-го января 1837 г. онъ уже пріѣхалъ въ Петербургъ послѣ 14-ти лѣтняго отсутствія изъ Россіи, а 29-го января 1837 г., въ тотъ самый день, какъ другъ его молодости—Пушкинъ—въ страданіяхъ доживалъ свои послѣдніе часы, гр. А. Х. Бенкендорфъ

¹⁾ Кн. Элизъ Петровичъ Мещерскій, поэтъ и литераторъ († камергеромъ, въ Парижѣ, 2-го ноября 1844 г.) въ юлѣ 1833 г., съ согласія гр. Поддольскаго, былъ назначенъ С. С. Уваровымъ къ исправленію должности корреспондента Министерства народнаго просвѣщенія и получалъ за это по 2000 р. въ годъ одновременно, по-прежнему оставаясь и при посольствѣ. Обязанностью кн. Мещерскаго было сообщеніе министру свѣдѣній «о ходѣ и направленіи современнаго просвѣщенія во Франціи». Онъ велъ переписку съ Уваровымъ, и нѣкоторыя его корреспонденціи были напечатаны въ „Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія“. Въ званіи корреспондента кн. Мещерскій оставался до 26-го апрѣля 1840 г. (Арх. Мин. нар. просв., д. д. №№ 127.937 и 128.210). Изъ дѣла о немъ не видно, въ какихъ отношеніяхъ онъ былъ къ гр. Бенкендорфу.

²⁾ Въ это время они простирались уже до 46.000 фр. (письмо къ брату Николаю Николаевичу Толстому изъ Петербурга отъ 24-го февраля 1837 г.).

писалъ С. С. Уварову, бывшему въ то время управляющимъ Министерствомъ народнаго просвѣщенія, слѣдующее письмо:

«Государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ: отставнаго гвардіи штабсъ-капитана Якова Толстого назначить корреспондентомъ Министерства народнаго просвѣщенія въ Парижѣ, куда онъ вслѣдъ за сѣмъ долженъ отправиться. О сей высочайшей волѣ я честь имѣю сообщить вашему превосходительству для вашего къ исполненію по оной распоряженія, пребывая и проч.» ¹⁾.

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало и второе отношеніе гр. Бенкендорфа, отъ 12-го февраля, о назначеніи Толстому, по высочайшему повелѣнію, жалованья въ размѣрѣ 3.800 р. въ годъ, при чемъ деньги эти должны были пересылаться Главнымъ казначействомъ по третямъ въ III Отдѣленіе, а оттуда уже направляться къ Толстому ²⁾.

Въ Петербургѣ Яковъ Николаевичъ устроилъ свои имущественныя дѣла—освободилъ изъ-подъ опеки свое имѣніе, получилъ впередъ 1000 асс. на расходы по корреспонденціи, сверхъ того, проѣзжая черезъ Варшаву, заручился общаніемъ кн. Паскевича на покровительство въ дальнѣйшемъ и въ іюнѣ 1837 г. выѣхалъ въ Парижъ, къ мѣсту своего новаго служенія ³⁾.

Должность, которую занялъ Толстой съ этого времени и на которой оставался почти до самой своей смерти, была крайне загадочная и неопредѣленная. Такъ, мѣсто его не считалось служебнымъ ⁴⁾, а между тѣмъ онъ своевременно получалъ чины и ордена; по Министерству народнаго просвѣщенія онъ не состоялъ на службѣ, однако

¹⁾ Архивъ Минист. народн. просвѣщ.: „Дѣло канцеляріи министра народнаго просвѣщенія (№ 128.221) по отношенію генераль-адъютанта гр. Бенкендорфа о назначеніи отставнаго гвардіи штабсъ-капитана Якова Толстого корреспондентомъ Министерства народнаго просвѣщенія“.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Въ сентябрѣ 1837 г. въ Вѣнѣ съ Толстымъ встрѣтился Н. И. Гречъ, совершавшій тогда путешествіе по Европѣ: онъ отиѣтилъ эту встрѣчу въ своихъ „Путевыхъ письмахъ изъ Англіи, Германіи и Франціи“ (ч. III, С.-Пб. 1839 г., стр. 158—159). Здѣсь онъ называетъ Якова Николаевича „стариннымъ своимъ пріятелемъ“. Съ Гречемъ Толстой познакомился, вѣроятно заочно, со времени своего сотрудничества въ „Сынѣ Отечества“ 1823 года. Гречъ съ этихъ поръ поддерживалъ съ Яковомъ Николаевичемъ постоянныя сношенія. Такъ, въ „Библиотекѣ для чтенія“ 1834 г. онъ напечаталъ письмо къ нему о русской словесности 1833 г. (см. выше, стр. 183), а въ 1854 г. помѣстилъ два „Русскихъ письма“ къ Толстому въ своей „Сѣверной Пчелѣ“ (№№ 49 и 66).

⁴⁾ Архивъ Минист. народн. просв.: отношеніе гр. С. С. Уварова къ кн. А. Н. Голицыну отъ 3-го іюня 1837 г.

былъ съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, и дѣло объ его опредѣленіи сохранилось въ архивѣ этого министерства; въ то же время онъ числился «по особымъ порученіямъ» при III Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи ¹⁾ и даже на службу опредѣленъ былъ по «отношенію» гр. Бенкендорфа. По словамъ Якова Николаевича, мѣсто его «было единственное, не опредѣленное никакими штатами» и создано было съ цѣлью «защитенія Россіи въ журналахъ» ²⁾ и опроверженія статей, противныхъ Россіи ³⁾. Кромѣ этой, такъ сказать, литературной стороны, на Толстомъ лежала еще обязанность имѣть постоянныя сношенія какъ съ министромъ народнаго просвѣщенія, такъ и съ управляющимъ III Отдѣленіемъ ⁴⁾, такъ какъ оба одинаково являлись его начальниками. Сверхъ того, онъ писалъ въ Петербургъ, особенно въ концѣ каждаго года, официальные депеши и сообщенія, содержаніе которыхъ намъ неизвѣстно ⁵⁾. Бывали и еще какія-то неопредѣленныя порученія, входившія въ разрядъ «особыхъ». Такъ, напримѣръ, Ив. Гавр. Головинъ передаетъ разсказъ Толстого о томъ, какъ въ 1838 или 1839 г. ему «было поручено снестись съ Демидовымъ по случаю статей, которыя онъ писалъ въ „Journal des débats“ и пригласить его прекратить такого рода публикаціи» ⁶⁾. Въ одномъ письмѣ къ брату Николаю Николаевичу отъ 11-го (23-го) марта 1852 г.) Яковъ Николаевичъ, разсказывая о своей дѣятельности въ Парижѣ, говоритъ, между прочимъ, что онъ «писалъ политическія депеши о состояніи Франціи, о теченіи дѣлъ, о переворотахъ, о борьбахъ партій и вообще обо всемъ, касающемся до высшей политики Европы». «Эти депеши», прибавляетъ онъ, «вравлялась и теперь еще читаются съ удовольствіемъ, судя по тому, что ко мнѣ пишутъ».

Относительно сношеній Толстого, въ частности, съ Министерствомъ народнаго просвѣщенія и объ ихъ характерѣ можно сдѣлать нѣкоторыя заключенія по письму къ Якову Николаевичу кн. П. А. Вяземскаго ⁷⁾ отъ 11-го декабря 1856 г. Хотя оно писано уже въ такое

¹⁾ Архивъ Мин. нар. просв.

²⁾ Письмо къ брату Н. Н. Толстому отъ 11/23-го марта 1852 г.

³⁾ Записки Ивана Головина. Лейпцигъ. 1869 г., стр. 76.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 77.

⁵⁾ Ни одной изъ корреспонденцій Толстого не сохранилось въ архивѣ Минист. народн. просв.

⁶⁾ Записки Ив. Головина, стр. 78. Рѣчь идетъ объ *Lettres sur l'empire de Russie*, печатавшихся въ „Journal des débats“ 1838 и 1839 г. Анатолиемъ Никол. Демидовымъ (р. 1810†1871).

⁷⁾ Князь Вяземскій велъ частую переписку съ Толстымъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Указаніе на нее можно найти въ собраніи сочиненій князя Вяземскаго (т. I, стр. 222 и т. X, стр. 58—69 (письмо къ Я. Н.) и 130) въ „Сочиненіяхъ и перепискѣ П. А. Плетвева“ (т. III, С.-Пб. 1885 г., стр. 440) и

позднее время, однако можно думать, что содержаніе его равно относится и ко времени болѣе раннему, то-есть, что кругъ обязанностей Толстого къ министерству за все время его службы оставался въ томъ же положеніи и не измѣнялся. Вотъ что писалъ «конфиденціально» Якову Николаевичу кн. Вяземскій, бывшій въ то время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія ¹⁾.

«Я доводилъ до свѣдѣнія г. министра ²⁾ о содержаніи письма вашего ко мнѣ. Авраамъ Сергѣевичъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, чтобы вы возобновили прерванныя ваши сношенія съ Министерствомъ народнаго просвѣщенія ³⁾ и просить васъ впредь сообщать ему по временамъ наблюденія ваши за ходомъ наукъ, литературы и учебнаго преподаванія во Франціи. Подобные отчеты могутъ быть дноякаго рода: одни—бѣглыя и конфиденціальныя, другіе—въ объемѣ болѣе обширномъ и такъ составленныя, чтобы они могли цѣлкомъ или выписками быть печатаемы въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» ⁴⁾. Въ отношеніи къ первымъ можете вы дать нашимъ свѣдѣніямъ и замѣчаніямъ полную волю и совершенный просторъ; въ отношеніи къ послѣднимъ желательно, чтобы они держались нѣкотораго систематическаго порядка, и обращено было преимущественное вниманіе на состояніе преподаванія въ учебныхъ

въ „Черепевскѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневыхъ“ (т. III, С.-Пб. 1896 г. стр. 649).

¹⁾ Печатается съ черновика, написаннаго неизвѣстнымъ почеркомъ, но съ собственноручными поправками кн. Вяземскаго (Арх. Минист. народн. просв.).

²⁾ Абр. Серг. Норова (р. 1795†1869).

³⁾ Въ мартѣ 1854 г. Яковъ Николаевичъ, по причинѣ тогдашнихъ политическихъ событій и разрыва Россіи съ Франціей, долженъ былъ покинуть Парижъ и переселиться въ Брюссель; здѣсь онъ провелъ болѣе года и работалъ въ выходившей въ Брюсселѣ газетѣ „Le Nord“, получавшей субсидію отъ русскаго правительства. Въслѣдствіе отсутствія изъ Парижа Яковъ Николаевичъ не могъ исполнять своихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей въ теченіе этого времени, и сношенія его съ министерствомъ прекратились. Поэтому, въ началѣ 1856 г. А. С. Норовъ дважды писалъ гр. А. Ф. Орлову, тогдашнему шефу жандармовъ, что онъ не получаетъ отъ Толстого никакихъ донесеній и даже не имѣетъ свѣдѣній о мѣстѣ его нахождения и спрашивалъ, поэтому, продолжать ли считать Толстого на службѣ, тѣмъ болѣе, что онъ получаетъ большое жалованье. Но, по всеподданнѣйшему докладу кн. В. А. Долгорукова, 4-го октября 1856 г. императоръ Александръ II изъявилъ желаніе, чтобы Толстой остался въ Парижѣ „на прежнемъ основаніи“ (Архивъ Мин. нар. просвѣщ.), ибо онъ и въ то время продолжалъ исполнять свои „особыя“ порученія по III Отдѣленію...

⁴⁾ Извлеченія изъ отчетовъ этихъ если и печатались, то безъ подписи автора, а потому трудно сказать, въ чемъ собственно состояли сообщенія Толстого въ Министерство.

заведенiяхъ, на публичныя курсы, читаемыя въ Парижѣ знаменитѣйшими профессорами. — словомъ, на все то, что и вообще и непосредственно входитъ въ кругъ дѣятельности нашего министерства ¹⁾. Министръ также проситъ васъ высылать ему и замѣчательнѣйшія книги, которыя выходятъ по этимъ частямъ, то-есть, по наукѣ, литературѣ и педагогикѣ, а также и русскія книги, вышедшія и выходящія за-границю, какъ-то въ Лондонѣ и другихъ городахъ ²⁾. Что касается до русскихъ книгъ, то пересылать ихъ не иначе, какъ съ нашими курьерами, за посольскою печатью ³⁾ и адресовать ихъ въ собственныя руки министра. На приобрѣтеніе книгъ назначается въ распоряженіе ваше отъ министерства въ годъ до 500 франковъ; счета на израсходованныя суммы можете вы присылать по третямъ, и они будутъ своевременно уплачиваемы и деньги вамъ высылаемы.

«По министерству сдѣлано распоряженіе, чтобы съ будущаго года получали вы «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», а равно получите вы и отчеты министра, дабы вы могли имѣть полное понятіе о дѣйствіяхъ министерства и слѣдить отчасти за ходомъ литературы нашей, а вмѣстѣ съ тѣмъ извлекать, по усмотрѣнію вашему, свѣдѣнія для сообщенія французскимъ журналамъ, для исправленія ложныхъ понятій и слуховъ, нерѣдко ими о насъ передаваемыхъ.

«Извѣстная ваша любовь къ дѣлу просвѣщенія и прежніе ваши литературныя труды даютъ министерству полную надежду, что оно будетъ имѣть въ васъ дѣятельнаго и полезнаго корреспондента. Кн. Вяземскій» ⁴⁾.

Несмотря на это, трудно, все-таки, съ точностью опредѣлить кругъ обязанностей, лежавшихъ на Толстомъ. Изъ дѣла о немъ, хранящагося въ

¹⁾ Отчеты втораго рода не сохранилось въ дѣлахъ архива Мин. нар. просвѣщ.

²⁾ Изъ дѣла архива Мин. нар. просвѣщ. видно, что Толстой, дѣйствительно, покупалъ для Министерства, за счетъ отпускаемой ему специальной суммы, книги на русскомъ и французскомъ языкахъ, выходившія за-границей и запрещенныя въ Россіи, напр.: „Полярную Звѣзду“ Герцена, „Колоколъ“, „Голоса изъ Россіи“, „Юморъ“, разныя легучіе листки, „Mémoires de l'Impératrice Catherine II“, „Petersbourg et Moscou“ par L. Godard, „Esquisse historique sur Moscou“, „Souvenirs d'un voyage en Sibirie“ и т. под.

³⁾ 29-го декабря 1848 г. Яковъ Николаевичъ, имѣя уже чинъ статскаго совѣтника, былъ причисленъ къ русскому посольству въ Парижѣ (фор-муляръ).

⁴⁾ Письмо это, какъ мы видѣли, было написано въ то время, когда положеніе Толстого сильно пошатнулось, и онъ даже могъ опасаться потерять свое мѣсто. Впрочемъ, кн. Вяземскій, какъ старинный пріятель Якова Николаевича, съ своей стороны хлопоталъ за него передъ Норовымъ, доказавъ ему необходимость Толстого за границей и далъ ему вышеприведенную инструкцію.

архивъ Министерства народнаго просвѣщенія, видно, что онъ, дѣйстви- тельно, присылалъ, время отъ времени, министрамъ и получалъ отъ нихъ какіе-то пакеты, писалъ имъ какія-то «донесенія», но въ чемъ послѣд- нія заключались,—намъ неизвѣстно. Та же загадочность въ положеніи Толстого видна и въ отношеніяхъ его къ III Отдѣленію. Повидимому, и самъ Яковъ Николаевичъ тяготился своею неопредѣленностью и зависимостью отъ двухъ начальниковъ, и поэтому-то часто являлось у него желаніе переимѣнить свою службу. «Что касается меня», писалъ онъ брату изъ Парижа 6-го (18-го) ноября 1848 г., «то я нахо- жусь въ ожиданіи прочнаго (stable) мѣста, которое мнѣ было обѣщано¹⁾; но, ожидая, я все стою на одной точкѣ, при чемъ въ глазахъ моихъ соотечественниковъ слышу за подозрительнаго повѣреннаго, а въ гла- захъ нѣкоторыхъ французовъ—даже за тайнаго агента²⁾. Это ложное положеніе составляетъ одно изъ мученій моей жизни». И дѣйствительно, служебныя обязанности Толстого заставляли его быть постоянно среди людей самыхъ разнообразныхъ направленій, вслушиваться въ ихъ раз- говоры, наблюдать за ними и тѣмъ самымъ, конечно, навлекать на себя подозрѣнія; къ тому же, его служебное положеніе не могло не сдѣлаться извѣстнымъ. Въ 1842 г. съ нимъ встрѣтился въ Парижѣ В. А. Мухановъ, и вотъ что отмѣтилъ онъ въ своемъ дневникѣ: «Встрѣ- тился» (2-го января), «на минуту съ Я. Толстымъ; прошил немного выѣсть, но скоро я его оставилъ. Какъ видно, ограниченный кружокъ, въ кото- ромъ онъ вращается, дѣлаетъ его менѣе занимательнымъ. При встрѣчѣ съ кѣмъ-либо, онъ скорѣе спрашиваетъ, чѣмъ рассказываетъ самъ, потому что все, что онъ можетъ рассказать, относится къ про- шедшему, а въ наше время, когда все извѣстно, прошедшаго почти никто не знаетъ. Вслѣдствіе этого онъ представляетъ интересъ только въ томъ отношеніи, что обладаетъ многими свѣдѣніями относительно Франціи, по крайней мѣрѣ, за послѣднія 20 лѣтъ. За все это время онъ почти не покидалъ ея и, находясь съ людьми много свѣдущими, при счастливой памяти, извлекалъ изъ нихъ свѣдѣнія»³⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, Яковъ Николаевичъ дѣятельно посѣщалъ литера- турные салоны (напримѣръ, французскаго министра народнаго просвѣ- щенія Сальванди), публичныя лекціи, литературныя и общественныя собранія, театры, посольскіе обѣды и т. п. Съ русскими, пріѣзжавшими въ Парижъ, онъ также спѣшилъ познакомиться и сойтись поближе, стараясь при этомъ сдѣлаться имъ полезнымъ и руководить ихъ въ

¹⁾ Мѣсто русскаго генеральнаго консула въ Парижѣ.

²⁾ Любопытныя рассказы объ этомъ передаются въ „Запискахъ“ Ив Гавр. Головина (Лейпцигъ. 1859, стр. 112—114).

³⁾ „Изъ дневныхъ записокъ В. А. Муханова. 1836—1855 г.“—„Русск. Архивъ“ 1897 г., № 2, стр. 76, 77, 78, 278.

водоворотѣ парижской жизни ¹⁾. Такъ, у него въ Парижѣ бывали или встрѣчались съ нимъ: А. И. Тургеневъ, П. А. Плетневъ ²⁾, С. П. Шевыревъ ³⁾, Н. И. Гречъ, М. П. Погодинъ ⁴⁾, И. Г. Головинъ ⁵⁾ и многіе другіе. Но большую часть времени Яковъ Николаевичъ по-прежнему посвящалъ литературнымъ занятіямъ, сотрудничая въ журналахъ ⁶⁾ и издавая книги своего сочиненія, къ прерванному обзору которыхъ мы теперь снова обратимся, стараясь, по возможности, быть краткими.

Въ 1839 г. Яковъ Николаевичъ издалъ въ Парижѣ брошюру « *Coup d'oeil sur la législation russe, suivi d'un léger aperçu sur l'administration de ce pays*» (172 стр.). Изложению Толстой предпослалъ небольшое предисловіе, въ которомъ говоритъ, что «всѣ законодательства покоются на непреложныхъ истинахъ, которыя нельзя отвергать, чтобы не нанести рану нравственному чувству; но если естественное право едино, то примѣненіе его къ человѣческимъ интересамъ разнообразится, какъ эти послѣдніе» (стр. 1). Поэтому, причину того, что въ Россіи долго не было единаго законодательства, онъ видитъ въ огромномъ числѣ обычаевъ, нравовъ и вѣроисповѣданій тѣхъ разнообразныхъ народностей, которыя населяли наше отечество (стр. 5). Но, говоритъ онъ, тѣмъ болѣе мы должны удивляться поистинѣ быстрымъ успѣхамъ законодательной работы въ Россіи; къ тому же, русскіе не имѣли и никакихъ образцовъ, которые могли бы послужить въ помощь при кодификаціи, подобно памятникамъ римскаго права, послужившимъ при законодательныхъ работахъ на западѣ. Самая исторія законодательства въ Россіи изложена Толстымъ сухо, лишь съ одной ви́шней стороны и не представляетъ, поэтому, ничего интереснаго. Любопытно только, что онъ, говоря о судѣ присяжныхъ (стр. 20), заявляетъ себя врагомъ этого «несовершеннаго» института и говоритъ, что послѣдній «не достоинъ цивилизо-

¹⁾ По свидѣтельству кн. П. А. Вяземскаго „всѣ русскіе, посѣщавшіе Парижъ, находили въ немъ усерднаго и многосвѣдущаго путеводителя. Онъ во многомъ совершенно опарижился, но оставался русскимъ до сердцевины, до мозга костей своихъ“ (Сочиненія, т. I, стр. 245).

²⁾ См. „Сочиненія и переводы П. А. Плетнева“, т. III, С.-Пб. 1886, стр. 430, 434, 440, 455, 458, 486, 508.

³⁾ „Изъ коллекціи автографовъ Императорской Публичной Библіотеки“, С.-Пб. 1898, стр. 115, 118.

⁴⁾ „Годъ въ чужихъ краяхъ (1839). Дорожный дневникъ“, ч. III, М. 1844, стр. 223.

⁵⁾ Записки. Лейпцигъ. 1858, passim.

⁶⁾ Такъ, онъ помѣщалъ статьи въ „Le Nord“, „La France“ (1838), „Quotidienne“ (1845), въ „La Légion d'honneur“ (1860) и др.

важнаго государства, гдѣ законы должны рѣшать участь подсудимыхъ при посредствѣ органовъ власти, а не при помощи людей, часто не знакомыхъ съ самыми простыми понятіями о правѣ. «Не всегда бываетъ достаточно», говоритъ онъ, «одной чистой совѣсти и здраваго смысла, чтобы отыскать истину въ сложномъ дѣлѣ, способномъ запутать самаго опытнаго юриста». Но, насколько сухо вышло у Толстого изложеніе исторической части его книжки, настолько повѣствованіе о законодательной и административной дѣятельности Николая I заставляетъ его сердце исполниться восторгомъ, чтобы произносить громкія фразы по адресу императора ¹⁾...

Въ 1842 г. вышелъ въ Парижѣ переводъ Толстого—сочиненія А. И. Михайловскаго-Данилевскаго «Le passage de la Bérésina» ²⁾, а черезъ два года Толстой снова выступилъ въ качествѣ защитника Россіи противъ обвиненій иностранца. На этотъ разъ плещу его патриотизму далъ маркизь Кюстинъ.

Маркизь Астольфъ Кюстинъ (р. 1790 † 1857), извѣстный французскій литераторъ и путешественникъ, въ половинѣ 1839 г. пріѣхалъ въ Россію, гдѣ и прожилъ до конца октября; по возвращеніи оттуда онъ занялся обработкой впечатлѣній своей поѣздки и въ началѣ 1843 г. издалъ ихъ въ Брюсселѣ подъ заглавіемъ «La Russie en 1839», въ 4-хъ томахъ мелкой печати ³⁾. Сочиненіе это вызвало на автора изъ Россіи цѣлую бурю негодованія, упрековъ и обвиненій въ пристрастіи, ошибкахъ и т. п. Дѣйствительно, книга Кюстина не лишена нѣкоторыхъ фактическихъ ошибокъ, однако, въ общемъ, содержитъ множество мѣткихъ наблюденій, характеристикъ, замѣчаній и писана отнюдь не во враждебномъ къ Россіи тонѣ. Приведемъ, напримѣръ, отзывъ А. И. Герцена; пробѣжавъ четвертый томъ сочиненія Кюстина, онъ замѣчалъ о немъ: «безъ сомнѣнія, это самая занимательная и умная книга, писанная о Россіи иностранцемъ. Есть ошибки, много поверхностнаго, но есть истинный талантъ путешественника, наблюдателя, глубокій взглядъ, умѣющій ловить на лету, умѣющій по нѣсколькимъ обрачкамъ до-

¹⁾ Николаю I и его дѣятельности посвящено больше половины брошюры (стр. 81—172).

²⁾ Traduit du russe du général Danilevsky, d'après les documents authentiques, ornés de douze plans de batailles et de positions et précédé d'un avant-propos (du traducteur). Paris. 1842, 8°, 258 стр. (G. Ghennady. „Les écrivains franco-russes“. Dresde. 1874, p. 75).

³⁾ Книга Кюстина выдержала 10 изданій на французскомъ языкѣ и была переведена на нѣмецкій, англійскій и датскій языки. Отрывки изъ нея въ русскомъ переводѣ сообщены въ „Русскую Старину“ Н. Е. Шильдеромъ (1891 г., т. 69, стр. 145 — 184 и 407 — 430 и 1893 г., т. 73, стр. 109—120 и 383—394).

гадаться о массѣ. Всего лучше», говоритъ Герценъ, «онъ схватилъ искусственность, поражающую на всякомъ шагу, и хвостовство тѣми элементами европейской жизни, которые только и есть у насъ для показа. Есть выраженія поразительной вѣрности... Тягостно вліяніе этой книги на русскаго», замѣчаетъ онъ; «голова склоняется на грудь, и руки опускаются; и тягостно оттого, что чувствуешь страшную правду, и досадно, что чужой дотронулся до больного мѣста и мирнисься съ нимъ за многое и болѣе всего—за любовь къ народу»...¹⁾ Но большинство русскихъ встрѣтило книгу Кюстина враждебно. Такъ, императоръ Николай, прочитавъ ее, бросилъ ее на полъ, сказавъ: «Моя вина: зачѣмъ я говорилъ съ этимъ негодяемъ!»²⁾ Жуковскій спрашивалъ А. Я. Булгакова, читалъ ли онъ «собаку-Кюстина»³⁾, называлъ его «лицемѣрнымъ болтуномъ», однако замѣчалъ, что «нападать надобно не на книгу, ибо въ ней много правды, но на Кюстина»⁴⁾. Ѳ. И. Тютчевъ, написавшій по поводу книги Кюстина цѣлую брошюру⁵⁾, выразился о ней не менѣе рѣзко, сказавъ, что она «служитъ новымъ доказательствомъ того умственного безстыдства и духовнаго растленія (отличительной черты нашего времени, особенно во Франціи), благодаря которому позволяютъ себѣ относиться къ самымъ важнымъ и возвышеннымъ вопросамъ болѣе нервами, чѣмъ разсудкомъ, дерзаютъ судить весь міръ менѣе серьезно, чѣмъ, бывало, относились къ критическому разбору водевиля». Но Тютчевъ не брался *защитить* Россію, говоря, что ея «истинный защитникъ—исторія», такъ какъ «ею въ теченіе трехъ столѣтій неустанно разрѣшаются въ пользу Россіи всѣ испытанія, которымъ подвергаетъ она свою таинственную судьбу»⁶⁾. Однако, какъ и можно ожидать, явились и *защитники*, о которыхъ тотъ же Тютчевъ выразился, что они представляются ему «людьми, которые, въ избыткѣ усердія, въ состояніи поспѣшно поднять свой зонтикъ, чтобы предохранить отъ дневного зноя вершину Монблана»⁷⁾. Въ числѣ этихъ «саншкомъ простыхъ», по выраженію Тютчева⁸⁾, защитниковъ оказались: Н. И. Гречъ⁹⁾,

¹⁾ Сочиненія А. И. Герцена, т. I, Женева. 1875, стр. 142—143.

²⁾ Записки Ив. Головина. Лейпцигъ. 1859, стр. 93.

³⁾ Сочиненія, изд. 7-е, т. VI, С.-Пб. 1878, стр. 556.

⁴⁾ Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу. С.-Пб. 1895, стр. 297.

⁵⁾ Lettre d'un russe à m-r Gust. Kolb, rédacteur de la „Gazette Universelle“. Munich. 1844. Переводъ этой брошюры напечатанъ, вмѣстѣ съ оригиналомъ, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г., т. II, стр. 1993—2019.

⁶⁾ „Русскій Архивъ“ 1873, т. II, стр. 1994—1995.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 1995.

⁸⁾ Тамъ же.

⁹⁾ 1) Examen de l'ouvrage de M. de Custine „La Russie en 1839“. Trad. du russe par A. Kouznetzoff. Paris. 1844 (id. Bruxelles. 1844 и на нѣмецкомъ

затѣмъ—Ксав. Ксав. Лабенскій, старшій совѣтникъ Министерства иностранныхъ дѣлъ ¹⁾, и, наконецъ, Я. Н. Толстой, издавшій книги: «La Russie en 1839, revée par Mr. de Custine, ou Lettres sur cet ouvrage, écrites de Francfort» (Paris. 1844., IV + 112 стр., подъ псевдонимомъ J. Jakovleff) и «Lettre d'un russe à un journaliste français sur les diatribes de la presse anti-russe» ²⁾. Намъ кажется излишнимъ входить въ подробный разборъ этихъ книжекъ Толстого, такъ какъ ничего новаго онѣ дать намъ не могутъ: онѣ проникнуты тѣмъ же патриотическимъ тономъ, какъ и всѣ прежнія подобныя его произведенія. Припомнимъ, къ тому же, что теперь было его *обязанностью* вступаться за Россію во что бы то ни стало..

Въ 1848 г. Якову Николаевичу одно время грозила опасность лишиться расположенія своего могущественнаго покровителя кв. Паскевича. Дѣло возникло изъ-за стараго сочиненія Толстого, посвященнаго біографіи фельдмаршала. А именно, въ «Journal des débats» отъ 9-го марта 1848 г. было помѣщено письмо къ редактору А. М. Обрескова (р. 1790 † 1885), бывшаго посланника нашего въ Туринѣ, а тогда проживавшаго въ Неаполѣ, къ Якову Николаевичу. Въ этомъ письмѣ Обресковъ выражалъ запоздалое удивленіе и негодованіе на то, что Толстой, говоря въ своей книгѣ о заключеніи Туркманчайскаго договора, не упомянулъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ его, Обрескова. Къ этому онъ присовокуплялъ, что онъ «не раздѣляетъ мнѣній Толстого насчетъ военныхъ достоинствъ и заслугъ героя его, хотя вѣрить искренности похвалъ; что такъ какъ брошюра, вѣроятно, была читана кв. Паскевичемъ и одобрена имъ къ печати, то онъ считаетъ его виновнымъ въ непростительномъ и обидномъ пропускѣ (omission), и что на сей конецъ онъ издастъ особое сочиненіе, появленіе котораго, вѣроятно, не слишкомъ будетъ пріятно фельдмаршалу» ³⁾. Конечно, Толстой забылъ тревогу и не зналъ, что ему дѣлать, тѣмъ болѣе, что лишень былъ возможности отвѣчать Обрескову. Вотъ что разсказывалъ онъ, годъ спустя, въ письмѣ къ брату Николаю. «Нѣкто Обресковъ... былъ дипломатическимъ чиновникомъ при графѣ Эриванскомъ во время Персидскаго похода, за что получилъ, кромѣ чина и ленты, 300 тысячъ рублей награжденія. Но, будучи избалованнымъ человекомъ, онъ не довольствовался этою истинно-щедрою царскою ми-

лостью—Heidelberg, 2 изданія) и 2) „Réponse à un article de M. St.-Marc-Girardin“ (dans „Journal des débats“, 14 Mars 1844). Carlsruhe. 1844.

¹⁾ „Un mot sur l'ouvrage de M. Custine, intitulé „La Russie en 1839“. Paris. 1843, изд. 2-е тамъ же, 1845 (нѣмецкій переводъ — Берлинъ. 1844 и англійскій—Лондонъ. 1844).

²⁾ 31 стр. Письмо помѣчено: „Петербургъ, февраль 1844“ и обращено къ St.-Marc-Girardin.

³⁾ „Русская Старина“ 1892, т. LXXV, заѣтъп С. Д. Полторацкаго.

лостью, негодовалъ, ругалъ правительство и фельдмаршала, говоря, что ему слѣдуетъ миллионъ, потому что Туркманчайскій договоръ заключилъ онъ, а не фельдмаршалъ; писалъ къ нему дерзкія письма и, наконецъ, вышелъ въ отставку и поселился за границей. Во время февральской революціи онъ напечаталъ въ «Journal des débats» письмо ко мнѣ, что я, въ сочиненіи моемъ «Біографія фельдмаршала Паскевича», приписалъ этому полководцу заключеніе мира, а не ему, причемъ весьма невыгодно отзывался насчетъ князя Варшавскаго. Такъ какъ это письмо появилось во время сильнѣйшаго періода здѣшней революціи, французскимъ журналамъ было тогда не до васъ, и ни одна газета не хотѣла печатать моего отвѣта и полемической переписки двухъ русскихъ по предмету, имъ совершенно чуждому, а потому я и ожидалъ удобнѣйшаго времени, чтобы отвѣчать Обрескову. Между тѣмъ я получилъ отъ графа Орлова¹⁾ приказаніе отвѣду не возражать на эту статью. Несмотря на это, фельдмаршалъ негодуетъ на меня...». «Ты не можешь себѣ вообразить,—говоритъ онъ далѣе—до какой степени князь Варшавскій сдѣлался жестокъ въ обхожденіи съ подчиненными, особенно послѣ послѣдней кампаніи²⁾, въ продолженіе которой не только своихъ, но даже австрійскихъ генераловъ распекалъ ругательски, такъ что князь Шварценбергъ, первый министръ австрійскій, былъ посланъ нарочно въ Варшаву просить о смѣнѣ его, и, если бы венгерцы не сдались, то, можетъ быть, его бы смѣнили. Однажды генерала-отъ-инфантеріи Берга³⁾ разругалъ при всѣхъ безъ всякаго милосердія, генерала князя Горчакова⁴⁾ трактуетъ, какъ мальчишку. Пріятель мой, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гильфердингъ⁵⁾, который управлялъ дипломатическою канцелярією его, не могъ ужиться и вышелъ отъ него, вотъ по какому случаю. Фельдмаршалъ одинъ разъ въ недѣлю давалъ обѣды въ Варшавѣ иностраннымъ консуламъ, и во время этихъ обѣдовъ Гильфердингъ присутствовалъ какъ-бы въ родѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Однажды за такимъ обѣдомъ Гильфердингъ сталъ выхвалять Шато-бриана; фельдмаршалъ противорѣчилъ ему, но, не найдя довольно сильныхъ доводовъ, чтобы опровергнуть мнѣніе его, всталъ изъ-за стола, пылая гнѣвомъ, и, подошедъ къ Гильфердингу, сказалъ: «Пошелъ вонъ, дуракъ, скотина!» и выгналъ его изъ-за стола. Вотъ тебѣ описа-

¹⁾ Алексія Федоровича, тогда шефа жандармовъ.

²⁾ Венгерской, 1849 г.

³⁾ Федора Федоровича, впоследствии графа, фельдмаршала и наместника Царства Польскаго.

⁴⁾ Михаила Дмитриевича, впоследствии наместника Царства Польскаго.

⁵⁾ Федоръ Ивановичъ, бывший затѣмъ директоромъ государственнаго архива (р. 26-го іюля 1798 † 5-го января 1864).

ніе характера фельдмаршала, Затмевающего высокія воинскія достоинства его»...

Понятно, поэтому, что и Толстой не могъ быть вполне спокойнымъ за себя и за свою безопасность, а потому онъ рѣшилъ составить продолженіе своего панегмика князю Паскевичу, полагая тѣмъ «разсѣять тучу и возвратитъ милостивое расположеніе русскаго героя»¹⁾. Вышедшая въ концѣ 1849 г. вторая часть біографіи Паскевича²⁾ посвящена прославленію дѣяній фельдмаршала въ Венгерскую кампанію 1849 года. Предваряется она «Введеніемъ» (стр. I—XIV), въ которомъ Толстой распространяется о вредѣ революцій вообще, объ ихъ противоестественности и бесполезности и замѣчаетъ, между прочимъ, что «изъ всѣхъ революцій наиболѣе опасной по своимъ стремленіямъ была, безъ сомнѣнія, Французская революція 1848 г. и ея «сестры»: Вѣнская, Франкфуртская, Сицилійская и Римская (стр. 10)». Онъ особенно восхваляетъ миссію Россіи въ дѣлѣ прекращенія Венгерскаго возстанія, представляющаго, по его мнѣнію, «последній актъ той драмы, которая возмутила и возбудила міръ—драмы, узелъ которой Россія разрубилъ тупой стороною своего меча». Затѣмъ слѣдуетъ «историческій очеркъ Венгріи» (стр. 1—52), изложеніе военныхъ дѣйствій (стр. 53—178) и эпилогъ (стр. 181—238). Вотъ, напр., какими выраженіями Толстой разсѣвалъ «тучу», собравшуюся надъ его головою вслѣдствіе недовольства фельдмаршала: «Людвигъ XIV и Петръ Великій умѣли выбирать людей; императоръ Николай, который не одной чертой походить на этихъ двухъ государей, не менѣе ихъ умѣетъ избирать орудія для своего могущества. Онъ далъ новое доказательство подобнаго такта, столь цѣннаго въ государяхъ, поручивъ фельдмаршалу графу Паскевичу-Эриванскому князю Варшавскому начальство надъ дѣломъ возстановленія, исполненнымъ русскими войсками въ Венгріи. Обожаемый солдатами, окруженный обаяніемъ военнаго гения, который, послѣ трехъ войнъ, столь славно оконченныхъ, признанъ громогласно, князь Паскевичъ былъ наиболѣе способенъ, какъ никто другой, исполнить миссію, на которую его призвало просвѣщенное довѣріе его государя» (стр. 202) и т. п., и т. п.

Литературная дѣятельность Толстого заключается тремя небольшими брошюрками: «Lettre sur l'état de la Turquie et la crise actuelle» (Paris. 1853), въ которомъ ему принадлежатъ предисловіе и заключеніе; «Le comte Paul Kisséleff, ambassadeur de Russie près S. M. l'empereur des Français» (Paris. 1860),—коротенькая біографія, написанная Яковомъ

¹⁾ Изъ того же письма къ брату.

²⁾ „Relation des opérations de l'armée russe en Hongrie sous les ordres du feld-maréchal prince de Varsovie comte Paskévitch d'Erivan. Précédée d'un aperçu historique sur la Hongrie. Avec une carte de Hongrie“. Paris. 1850.

Николаевичемъ для журнала «La Légion d'honneur» (июль 1860 г.) по случаю пожалованія этого ордена графу П. Д. Киселеву Наполеономъ III, и «La vérité vraie sur la Pologne» (Paris. 1861),—брошюра, въ которой авторъ разсматриваетъ исторію Польши, ея отношенія къ Россіи и доказываетъ, что она не можетъ существовать иначе, какъ подъ скипетромъ русскаго царя.

Въ описываемый нами періодъ времени Толстой почти безвыѣздно проживалъ въ Парижѣ¹⁾; подъ конецъ жизни онъ снова возымѣлъ мысль о переходѣ на службу въ Россію и даже пріѣзжалъ съ этою цѣлью въ Петербургъ, гдѣ безплодно провелъ около года, такъ какъ хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ, и онъ вынужденъ былъ возвратиться въ Парижъ. Судьба неумолимо преслѣдовала Толстого всю его жизнь: онъ до послѣднихъ своихъ дней долженъ былъ возиться съ долгами, изъ которыхъ никогда не могъ выпутаться. Въ 1864 году, возвратившись снова въ Парижъ, онъ съ грустью писалъ своему племяннику—Н. Н. Толстому: «Дошедши до послѣдней станціи земного моего пути, я безъ ужаса смотрю на приближеніе конца моей жизни, въ продолженіе которой я встрѣчалъ 200% горести на краткія наслажденія; но, впрочемъ, желалъ бы умереть на роднѣ»... Но и этому послѣднему желанію Якова Николаевича не суждено было исполниться: 19-го іюня 1866 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника и пенсіей въ 2000 рублей, а вскорѣ, 15-го (27-го) февраля 1867 г., скончался въ Парижѣ²⁾; здѣсь онъ и погребенъ на кладбищѣ Père-Lachaise³⁾.

Толстой умеръ совершенно одинокимъ, а потому и имущество его пропало, повидимому, безслѣдно. Объ этомъ стоить пожалѣть, такъ какъ среди него должно было находиться не мало интересныхъ книгъ, документовъ, которые онъ собиралъ⁴⁾, и писемъ многихъ замѣчательныхъ людей Европы и Россіи, съ которыми ему приходилось сталкиваться на пути своей почти восьмидесятилѣтней жизни.

Б. Л. Модзалевскій.

¹⁾ Въ Россію онъ пріѣзжалъ, послѣ поступленія на службу, въ 1839, 1840, 1844, 1845 и 1863—1864 гг., въ большинствѣ случаевъ въ весьма короткое время.

²⁾ Сообщение В. В. Руммеля.

³⁾ Сообщение М. С. Толстой.

⁴⁾ Въ 1847 г. Толстой прислалъ графу Уварову 33 рукописи по русской и французской исторіи, „собранныхъ“ (?) имъ въ государственныхъ архивахъ и бібліотекахъ Парижа, для предоставленія ихъ государю. Императоръ Николай награждалъ Толстого брилліантовымъ перстнемъ, а часть рукописей передалъ въ Императорскую Публичную бібліотеку (Архивъ мин. нар. просвѣд. д. № 2290, 1847 г.).

Поощреніе шелковичнаго промыводства.

Рескриптъ императора Александра I новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому.

13-го февраля 1802 г. С.-Петербургъ.

Изъ представляемаго мнѣ донесенія объ успѣхахъ за 1801 годъ въ шелковичномъ производствѣ подъ наблюденіемъ и распоряженіемъ экспедиціи государственнаго хозяйства съ особливимъ удовольствіемъ усматриваю я, что оно въ губерніяхъ, на которыя распространено, годъ отъ году возрастаетъ и ощутительно приходитъ въ лучшее состояніе. Обращая на сей важный для государства предметъ особенное вниманіе, и желая, чтобы всѣ положенія о немъ, до сего состоявшіяся, приведены были въ точное и непремѣнное исполненіе къ усиленію и усовершенствованію оного, поручаю часть сію по ввѣренной вамъ губерніи особенному вашему вниманію и попеченію, повелѣвая всемѣрное прилагать стараніе къ бѣльшему укорененію сего возрастающаго промысла не токмо нужнымъ въ потребныхъ случаяхъ вспоможеніемъ, опредѣленнымъ со стороны экспедиціи по сей части чиновникамъ, но и личнымъ возбужденіемъ, приохочиваніемъ и поощреніемъ къ тому жителей. Отъ усердія вашего къ службѣ и попечительности о благѣ общемъ и частномъ ожидаю я, что вы сіе препорученіе исполните со всею точностію и рвеніемъ. Пребываю вамъ благосклонный.

Переписка двухъ литераторовъ пятидесятихъ годовъ.

(Письма М. А. Дмитриева — Ф. Б. Миллеру) ¹⁾.

1.

14-го апрѣля 1850 г.

Извините меня, что я долго не отвѣчалъ на письмо ваше, и особенно, что я не благодарилъ васъ за прекрасные стихи ваши. При-

¹⁾ Михаилъ Александровичъ Дмитриевъ, племянникъ поэта Ив. Ив. Дмитриева, родился въ 1796 г. и скончался въ 1866 г. Получивъ воспитаніе въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, онъ служилъ въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ, состоя оберъ-прокуроромъ 7-го департамента, былъ завѣдующимъ дѣлами общаго собранія Московскихъ департаментовъ Сената. Литературою онъ сталъ заниматься очень рано и свои стихотворенія помѣщалъ въ „Атенеѣ“, „Галатеѣ“, „Московскомъ Вѣстникѣ“, „Телескопѣ“, „Молвѣ“, „Москвитинѣ“ и др. журналахъ. М. А. Дмитриевъ принадлежалъ къ партіи противной А. С. Пушкину и ратовалъ противъ романтизма. Въ „Москвитинѣ“ онъ началъ печатать „Мелочи изъ запаса моей памяти“, которыя въ пополненномъ видѣ, послѣ его смерти, выданы редакціей „Русскаго Архива“ въ 1869 году.

Федоръ Богдановичъ Миллеръ (родился въ 1818 г., скончался въ 1881 г.) талантливый поэтъ-переводчикъ. На 19-мъ году своей жизни онъ написалъ имѣвшій большой успѣхъ романъ „Цыганка“, вышедшій въ 1839 г. Затѣмъ имъ былъ напечатанъ цѣлый рядъ статей и повѣстей въ „Москвитинѣ“, „Русскомъ Словѣ“, „Библіотекѣ для чтенія“, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“. Въ 1874 году общество любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ почтало 35-лѣтіе его литературной дѣятельности особымъ публичнымъ засѣданіемъ. Съ 1859 по 1881 г. Ф. Б. Миллеръ издавалъ еженедѣльный юмористическій журналъ „Развлеченіе“, въ которомъ помѣщались статьи подъ псевдонимами: Гіацинтъ, Тюльпанъ и Занова. *Ред.*

мите теперь мою благодарность; но я боюсь, какъ бы мое промедленіе не остановило васъ сообщать мнѣ и впредь ваши произведенія. Повѣрьте, что я принимаю живое участіе во всемъ, что выходитъ изъ подъ пера вашего; и что вы не только одолжите меня сообщеніемъ мнѣ вашихъ стихотвореній, но даже оживите меня въ моемъ уединеніи.

Что же нашла цензура въ вашихъ стихахъ противозаконнаго, и что не понравилось г. Вельтману? Въ литературѣ не должно быть пристрастія къ своему собственному вкусу. Литература не можетъ же вся состоять изъ чешскихъ сказокъ, какъ «Златой и Бѣла», въ которой даже мѣра стиха не вѣрна и ошибочна! Не можетъ она вся состоять и изъ индѣйскихъ стиховъ, какъ напримѣръ: «Пѣсня Баядерокъ» въ «Москвитянинѣ», которой гармонія какъ-то не чувствуетъ грубое европейское ухо!

Я самъ тоже, кажется, имѣю несчастіе не нравиться г. Вельтману. Я послалъ къ Погодину двѣ сатиры Горация. Одна, если вы помните, была напечатана; но и та съ выпускомъ двухъ стиховъ и съ поправкой г. Вельтмана. Я не оставилъ этого безъ объясненія и получалъ по крайней мѣрѣ извиненіе. А другая сатира пропала безъ вѣста. Говорятъ, что не пропустила цензура; но я этому не вѣрю. Вы конечно знаете ее въ подлинникѣ: есть ли въ ней хотя одинъ стихъ, который бы не былъ самымъ чистымъ и благороднымъ изліяніемъ души? Это даже почти и не сатира. Гораций описываетъ свое знакомство съ Мecenатомъ, свое воспитаніе, благодарность къ своему умному отцу! Вѣроятнѣе, что она не понравилась г. Вельтману! У меня переведено десять сатиръ Горация, со всевозможною близостію къ подлиннику, но я уже ни одной не пошлю въ «Москвитянинъ», а когда-нибудь напечатаю особо. Мои стихи къ Раичу тоже были посланы; но тоже ни слуху, ни духу! Не привыкли къ этому, я впередъ буду осторожнѣе и скупѣе.

Жаль вотъ чего: что цензура не пропускаетъ именно такихъ стиховъ, въ которыхъ выражается душа, въ которыхъ какая-нибудь истина, въ которыхъ изливается оскорбленное благородное чувство, и прочитавши которые, читатель могъ бы обратиться сердцемъ къ угнетенному судьбою и хотя пожалѣть о немъ! Такова ваша піеса: Requiescat! Впрочемъ, гдѣ всѣ довольны, всѣ блаженствуютъ, тамъ, конечно, и малѣйшій ропотъ души есть неумѣстный *dissonance*: это оправдываетъ благоразумную нашу цензуру.

Посылаю вамъ и мои двѣ піески. Одна подражаніе нѣмецкой пѣснѣ; другая—переводъ. Въ одной изъ нихъ: «Миръ всѣмъ», не понравились цензурѣ какіе-то два куплета; а другой вѣрно она совсѣмъ бы не пропустила. Почему ихъ вамъ и посылаю. Мы живемъ точно до изобрѣтенія книгопечатанія; т. е. должны переписывать, что получше, и посылать другъ къ другу въ рукописи: ибо позволяется только то,

въ чемъ нѣтъ мысли. Въ поэзи считается безопаснымъ одинъ индифферентизмъ; а съ нимъ нѣтъ истинной поэзи: ибо равнодушіе не можетъ быть поэзіей. Эти двѣ піесы, совершенно безгрѣшныя, можете прочитатъ, при случаѣ, кому угодно. Особенно я хотѣлъ бы, чтобъ ихъ узнали: Федоръ Николаевичъ и Авдотья Павловна ¹⁾; также и Семенъ Егоровичъ ²⁾. Впрочемъ, оставляю на вашу волю ³⁾.

Библиографія г. Вельмана—яи на что не похожа! Онъ не развертываетъ даже тѣхъ книгъ, о которыхъ пишетъ; а прежде собственнаго вступленія на литературное поприще видно онъ совсѣмъ не былъ знакомъ съ русской литературой, и потому память не можетъ помогать ему! Онъ пишетъ, напримѣръ, что Карамзинъ, прочитавши Капниста, сказалъ на него эпиграмму; а это—эпиграмма самого Капниста, который написалъ самъ на себя три или четыре! Она напечатана даже на 515 страницъ самаго того изданія, которое онъ разбираетъ! Не читая разбираемыхъ книгъ и не зная прежней литературы, онъ обыкновенно ровню ничего не скажетъ о самой книгѣ, а только походить около и поговорить кое-что постороннее! Между тѣмъ о книгахъ ученыхъ, историческихъ, богословскихъ, библиографія «Москвитянина» даетъ всегда ясное и достаточное понятіе.

Прешу васъ поклониться отъ меня Карлу Ивановичу ⁴⁾ и Семену Егоровичу. Не забывайте меня, прошу всѣхъ васъ: я право этого стою. Поздравляю васъ и ихъ съ наступающимъ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенія: да воскреснетъ многое, что не дышетъ; между прочимъ

¹⁾ Глинка.

²⁾ Ранчъ.

³⁾ Въ 50-хъ годахъ Ѳ. Н. Глинка жилъ въ Москвѣ въ своемъ домѣ на Садовой. У него по понедѣльникамъ собирались его друзья и знакомые, болѣею частію литераторы и художники. Постоянными посѣтителями его вечеровъ были М. А. Дмитріевъ (когда былъ въ Москвѣ), Карлъ Ив. Рабусъ, С. Е. Ранчъ, М. И. Лиховицъ, академикъ Завьяловъ, П. М. Садовскій и др. Теперь ихъ уже нѣтъ въ живыхъ. С. Е. Ранчъ, жившій въ то время въ своемъ домѣ на Серединкѣ, близъ Набилковской богадѣльни, не пропускалъ ни одного понедѣльника. Тамъ я въ первый разъ увидалъ его и познакомился съ нимъ. Онъ былъ человѣкъ съ обширнымъ образованіемъ и очень остроумный. Я очень жалѣю, что не записывалъ его экспромптовъ и острогъ, которые срывались у него съ языка совершенно неожиданно. Вотъ одинъ изъ его экспромптовъ: идя съ нимъ однажды домой отъ Глинка, я спросилъ его, гдѣ онъ живетъ, потому что хотѣлъ навѣстить его; онъ отвѣтилъ мнѣ съ его всегдашнею пріятною улыбкою:

Мы живемъ на Серединкѣ,
Какъ отшельники,
Ходимъ только къ Глинкѣ
Въ понедѣльники.

Ѳ. М.

⁴⁾ Академику Рабусу.

литература, поэзія, благородное и живое стремленіе души къ прекрасному и истинному!

2.

26-го мая 1852 г.

Чѣмъ мнѣ извинять себя передъ вами, что я такъ долго не отвѣчалъ на письмо ваше, на ваше поздравленіе и на прекрасный куплетъ! Оправданіе одно и то же, какъ и къ другимъ; и потому прошу васъ прочитайте, что я пишу къ Карлу Ивановичу и Семену Егоровичу. Но, прошу васъ, не подумайте, чтобъ я былъ нечувствителенъ къ вашему воспоминанію, которое меня очень тронуло, и не откажитесь впередъ писать ко мнѣ. Пріятно заслужить безкорыстную память поэта, какъ доказательство, что есть еще сочувствіе, основанное не на виѣшнихъ отношеніяхъ, а на внутреннемъ влеченіи!

Край далекій, гдѣ подъ сѣнью
Православной бороды
Ужились съ родною лѣнью
И заботы, и труды,
Я оставилъ бы охотно!
Полетѣлъ бы беззаботно
Въ край, гдѣ ждетъ меня привѣтъ
Поэтическихъ бесѣдъ!
Но, къ несчастію, природа
Въ риему требуетъ—дохода!

Читаете ли вы наши журналы? Читали ли вы проклятіе — Аполлона (Григорьева)? Я думаю, что за эти стихи его проклянетъ самъ настоящій Аполлонъ! А въ критикѣ этотъ Аполлонъ превозноситъ романъ: «Проселочныя дороги», и не хвалитъ повѣсть, или романъ же: «Львы въ провинціи!» Гдѣ же воспитывался этотъ вкусъ, и есть ли въ этомъ критикѣ хоть малѣйшее знаніе и свѣтскаго круга и провинціи? Эти литературщики меня изъ терпѣнья выводятъ! Но мнѣ чрезвычайно понравилась въ «Москвитянинѣ» повѣсть Печерскаго: «Красильниковы», — чрезвычайно вѣрная картина! Вотъ вамъ и просвѣщеніе русскаго чело-вѣка! Какъ это рѣшился напечатать издатель такую вѣрную сатиру, противорѣчащую его убѣжденію!

3.

5-го января 1853 г. с. Богородское.

Искренно, искренно благодарю васъ за письмо ваше отъ 23-го декабря и за поздравленіе меня съ Новымъ годомъ; поздравляю и я, и васъ и супругу вашу, и желаю вамъ совокупнаго и невозмутимаго

счастія, и тихой жизни съ немногими добрыми друзьями, и вдохновенія поэзіи, которое бросаетъ покровъ забвенія на то, что должно быть забыто, и украшаетъ радости своими райскими цвѣтами!

Вы передо мной не можете быть виноваты хотя бы в долго ко мнѣ не писали! Ваша пріянь ко мнѣ, челоѡвѣку никому ненужному, кромѣ моего семейства, и такъ много себя доказываетъ тѣмъ, что вы все-таки меня не забываете. Я думаю, и этимъ обязанъ тому, что мы съ вами въ свойствѣ по Аполлону! Если бы прочиталъ это кто-нибудь изъ нынѣшнихъ геніевъ, вѣрво бы разсмѣялся! Нужды нѣтъ! Всѣ эти геніи, когда, подобно мнѣ, состарѣются и сойдутъ со сцены, ихъ никто и знать не будетъ: они, не уважавшіе никого, готовятъ себѣ подъ старость, если не презрѣніе, то забвеніе: что очень тяжело! Я могу похвалиться тѣмъ, что меня помнятъ; въ томъ числѣ, могу похвалиться и вашей доброй памятью!

За одно я на васъ въ претензіи: что вы мало написали мнѣ о нашей сиротѣ-латературѣ и ничего о своихъ собственныхъ произведеніяхъ! Комедію Аксакова: «Князь Луповицкой» я знаю: онъ мнѣ ее читалъ; и я уговорилъ его не бросать пролога, который необходимъ. Это комедія дѣйствительно прекрасная. Большое ея достоинство состоятъ въ томъ, что она чрезвычайно вѣрна нравамъ и не представляетъ ихъ въ каррикатурѣ какъ бoльшая часть нашихъ комиковъ. Въ томъ числѣ и покойный другъ мой, М. Н. Загоскинъ: выдумаетъ, бывало, русскіе нравы и обычаи москвитянъ, которыхъ вовсе нѣтъ, да и забавляется надъ ними!

Да! нынѣшній годъ (т. е. прошедшій, 1852) былъ очень тяжелъ потерями!—Признаюсь вамъ, больше всѣхъ мнѣ жаль Жуковского, котораго я цѣню выше всѣхъ! Этотъ челоѡвѣкъ былъ одинъ изъ нихъ,—художникъ въ поэзіи, какъ Брюловъ былъ въ живописи. Загоскина я любилъ, какъ стараго пріятеля и добрѣйшаго челоѡвѣка; но какъ лите-раторъ, несмотря на достоинство его Юрія Милославскаго, онъ легко можетъ быть замѣненъ другими, и его забудутъ! У Гоголя много было сильной натуры, чѣмъ онъ выше Загоскина; но никакого понятія о художествѣ; а безъ этого (спросите хоть Карла Ивановича) нѣтъ художества! Поэзія же есть художество! поэтъ—художникъ! Жуковский же такъ владѣлъ искусствомъ, что всѣ музыкальные тоны, всѣ краски поэтической живописи, были совершенно въ его власти и въ его полномъ распоряженіи! Онъ повелѣвалъ своимъ талантомъ, а не увлекался имъ, куда онъ его понесетъ! Отъ него одного, несмотря на его старость, можно было ожидать многого! Онъ и Брюловъ—вотъ истинныя потери для Россіи!

Какъ мнѣ жаль Карла Ивановича! ¹⁾ Я совсѣмъ не зналъ, что онъ

¹⁾ Рабуса.

болеень, и даже сынъ мой меня объ этомъ не увѣдомилъ. Прошу васъ покорнѣйше поздравить его отъ меня съ Новымъ годомъ, пожелать ему лучшаго здоровья и сказать ему, что я столько сожалѣю о его болѣзненномъ состояніи, сколько люблю его; а это значитъ очень много! Семену Егоровичу также скажите мой дружескій поклонъ. Павлу Вячес. Шейну искреннюю благодарность за его воспоминаніе; а Ник. Мих. Щербинѣ, что я читалъ съ истиннымъ удовольствіемъ его «Ифигенію» и съ истиннымъ неудовольствіемъ—петербургскія критики на нее! Это мнѣ напоминаетъ, что говаривалъ мой дядя о тѣхъ, которые находили дурнымъ слогъ Карамзина: «мудрено ли, говорилъ онъ, что новгородцамъ не нравятся московское нарѣчіе!» Они просто не расчухаютъ, что хорошо! А ужъ какъ пишутъ въ журналахъ: Статуетка— вмѣсто статуйки; предпославный—вм. предшествующій; помимо—вм. мимо; все-же—вм. все-таки; не хватаетъ—вм. не достаетъ; моргать глазами—вмѣсто мигать глазами, потому что по-русски моргаютъ только носомъ, совпадаютъ—вм. соглашаются! Ужасъ! А недавно одинъ, самый уже отчаянный европеецъ «Москвитянина», написалъ, переведа съ французскаго, что кто-то въ досадѣ ухватилъ обѣими руками лилію и не могъ выдернуть этого дерева! Дѣло въ томъ, что онъ принялъ за лилію le lilas, сивнелъ; а лилія по-французски: le lis. Это—на нашу литературу пошло какое-то безуміе! А въ Петербургѣ читали въ географическомъ обществѣ, при великихъ князьяхъ, о сказочномъ камнѣ Алатырѣ! По-моему, хорошо отыскивать и изслѣдовать обычаи и нравы предковъ; но къ чему такъ восхищаться ихъ мужичьимъ невѣжествомъ!

Прошу васъ и мнѣ сообщать иногда ваши замѣчанія о литературѣ. Мнѣ дѣйствительно хочется нынѣшнимъ дѣломъ пріѣхать въ Москву; но одинъ Богъ знаетъ, что будетъ! Хлѣбъ ни по чемъ, и совсѣмъ не продается! А хотѣлось бы, по-прежнему, провести вечерокъ со всѣми вами!

4.

5-го декабря 1855 г. с. Богородское.

Любезнѣйшій Федоръ Богдановичъ! Вы, кажется, меня пѣмвожко забыли! Давно отъ васъ нѣтъ никакой вѣсточкы! А вамъ это грѣшнѣе, чѣмъ другому! Неужели несправедлива пословица: «сердце сердцу вѣсть подаетъ!» Посылаю вамъ мои стихи. А объ вашихъ двухъ стихотвореніяхъ, на кончину Семена Егоровича ¹⁾, слышалъ только, что они существуютъ; но такъ какъ я «Полицейской Газеты» не получаю, то ихъ и не читалъ. Нельзя-ли прислать?

¹⁾ Ранча.

Жаль душевно Семена Егоровича. Я написалъ объ немъ статейку въ прозѣ; но такъ какъ я не имѣлъ никакихъ біографическихъ свѣдѣній, то писалъ только, что зналъ, по моему давнему знакомству. Если бы можно было достать подробности, я бы написалъ вторично. Онъ стоитъ этого, какъ поэтъ и человѣкъ.

Въ Москвѣ новый журналъ! Поздравляю! Отчего васъ нѣтъ въ именахъ сотрудниковъ? Вы должны быть непременно. Вѣроятно будетъ много подписчиковъ; а изъ чего заживо погребать себя въ журналѣ, котораго не читають?

«Москвитянинъ» — вы знаете, что мнѣ нельзя не любить его: при мнѣ онъ родился; мы, съ Шевыревымъ, Хомаковымъ и Глинкой крестили и повивали его куплетами. Но, надобно признаться, онъ въ послѣдніе годы набралъ такую дурную компанію, въ которой подъ старость быть стыдно! Разумѣется, это сказано между нами. Вотъ напечатать бы вамъ свою, истинно прекрасную, восточную сказку!

На меня нынѣшній годъ нашелъ какъ-то лиризмъ, въ старинномъ родѣ! Нужды нѣтъ! Я не боюсь этого: старику ужъ нечего беречь свою репутацію; а мнѣ въ будущемъ 1856 году, 23 мая, стукнетъ уже 60! Надобно сказать, что старость большая мерзость! Я еще очень счастливъ, что не совсѣмъ раскисъ и сохранилъ въ себѣ кое-какія искры!

Теперь занимаюсь приведеніемъ въ порядокъ примѣчаній къ сатирамъ Горациа. Думаю, не напечатая ли ихъ въ новомъ журналѣ: издатель желаетъ этого; но я еще не рѣшился.

Въ Петербургскихъ журналахъ называютъ Гоголя «великимъ писателемъ!» это значить, что онъ наравнѣ съ Шекспиромъ и Гѣте! Но «Москвитянину» показалось этого мало: тамъ называютъ его «великимъ человѣкомъ!» Съ ума что-ли они сошли? А когда я читалъ надутаго Григорьева, мнѣ все вспоминается стихъ Княгинина:

„Не вѣрю я тому, а кажется, овъ пьетъ!“

Уронить журналъ очень легко; но потомъ уже его никакъ не поднимешь!

Будьте здоровы, скажите отъ меня мое почтеніе вашей супругѣ, пишите больше, печатайте и не забывайте меня. А я остаюсь навсегда душевно вамъ преданный.

5.

13-го апрѣля 1856 г. с. Богородское.

Христось воскресъ! Поздравляю васъ, любезнѣйшій Ѳеодоръ Богдановичъ, съ наступающимъ праздникомъ и прошу поздравить отъ меня и отъ жены моей вашу любезную супругу. Погуляйте за насъ подъ Новинскимъ. У васъ вѣрно свезенъ съ улицъ весь снѣгъ, и къ св.

недѣль полиція непременно сдѣлаетъ вамъ весну; а мы сидимъ въ снѣгу: зима преупрямаа! А я, какъ нарочно, прошедшею осенью разсадилъ мои розы, насадилъ гуще мой садъ (лучшее произведение моей поэзи) и жду съ нетерпѣніемъ, когда все это зазеленѣетъ, и не могу дожидаться! И я тоже пѣлъ въ молодости: Auch ich wag in Arcadien gebogen! А теперь, какъ посмотрѣлся на мою Аркадію —

Я изъ Аркадіи моею
Готовъ бѣжать бы безъ оглядки!

Я не благодарилъ васъ за письмо ваше отъ 20-го февраля. Не пеняйте на старика. Отъ этого я не меньше люблю васъ. Вашъ отрывокъ изъ «Мессинской невѣсты» я прочиталъ съ большимъ удовольствіемъ: лиризмъ этихъ сценъ сохраненъ достойнымъ образомъ. Стихи звучатъ и мелодичнѣе Шиллеровыхъ. Въ этомъ виноватъ уже не Шиллеръ, а трескучій языкъ его народа! Тѣмъ болѣе имъ чести, что они и этимъ орудіемъ умѣли сдѣлать такъ много прекраснаго; тѣмъ болѣе надобно намъ пользоваться нашимъ звучнымъ, мужественнымъ в пѣвучимъ инструментомъ!

Хорошо бы, еслибъ вы перевели все драматическое изъ Шиллера. Я бы вамъ совѣтовалъ начать съ труднѣйшаго: именно съ *Wallensteins Lager*. Его, вы знаете, переводилъ Шевиревъ, и довольно удачно; но вашъ языкъ гибче и мягче, хотя, впрочемъ, этотъ чудный оригинальный прологъ хорошъ не мягкостью, а напротивъ, вѣрностію тогдашней грубости нравовъ! Передайте намъ вѣрно его простонародный языкъ, и проповѣдь аббата: это заслуживаетъ труда и вашего искусства. Передайте разбойниковъ такъ, какъ они есть, а не такъ, какъ мы ихъ знаемъ въ прежнихъ умягченныхъ русскихъ переводахъ! Переводите смѣло всѣ драмы Шиллера; мой совѣтъ: непременно переводить. Вы сдѣлаете услугу нашей бѣдной и хвастливой въ своемъ невѣжествѣ литературѣ; а себѣ составите имя. Если такъ, то не забудьте и Турандоты, и комедій и фрагментовъ изъ Дмитрія Самозванца и другихъ. Надѣюсь только, что вы не будете переводить его Расиновой Федры, которую Шиллеръ изуродовалъ!

Катковъ выпросилъ у меня сатиры Горация; но не знаю, почему доселѣ ихъ не печатаютъ. А я между тѣмъ тружусь, въ полномъ смыслѣ слова, надъ примѣчаніями, чтобы эти сатиры были всѣмъ понятны, даже и неслыхавшимъ о римской жизни и римскихъ людяхъ. Работа прескучная и премелочная!

Переводы Кольша одъ Горация дѣйствительно лучше Фетовыхъ, который переводитъ ихъ à la française, и часто, какъ доказалъ Леонтьевъ, не понималъ автора. Его перестановки иногда пречудныя! Напр., замѣтили ли вы этотъ стихъ:

Зеленыя у ней и сердце и колѣни!

«Зеленя» относится къ предыдущему стиху и къ лягушкамъ. А какъ его прочитатъ иначе? Такіе переходы допускаются у насъ въ гекзаметрахъ; но это потому, что въ сатирѣ и эпистолахъ ихъ можно и должно читать, какъ кадансированную прозу. А лиризмъ не то! Скажутъ: и у Горация бываетъ то же. Да у нихъ другой языкъ, и другія условія лиризма. Впрочемъ, переводить оды Горация мнѣ всегда казалось дерзостію. Какъ ихъ переводить? Ямбами и съ римами—это подражаніе, а не переводъ. Метрами подлинника — невозможно: въ нашемъ языкѣ удареніе слова часто уступаетъ сосѣдному; мы скрадываемъ ударенія: какъ же сохранить ихъ цѣлыми въ длинной ткани стиха? И можно ли передать всѣ размѣры Горация? А у него ихъ, въ одахъ, ровно двадцать! Слѣдовательно, какъ же переводить его оды? Нѣмцы требуютъ одной близости; таковы напр., переводы Фосса. Но я не знаю, можно ли ихъ читать съ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ! Это слѣпокъ, маска, снятая съ мертваго, а не живое лицо, даже не бюстъ, сработанный живою рукою художника, передававшего ему и жизнь и чувство. Мы, русскіе, требуемъ непремѣнно, чтобы читалось съ удовольствіемъ, такъ, какъ выразился мой дядя о Горации:

Листочекъ, много два, а любо какъ читаетъ!

Не знаю, какъ-то самъ, какъ будто-бы летаетъ!

Сверхъ того, вѣрный переводъ требуетъ не одной передачи выраженій; но и формы; а форма Горациевыхъ одъ для насъ будетъ всегда тяжела и запутана, потому что она не соответствуетъ нашему простому логическому порядку и условіямъ нашего яснаго языка.

Вы мнѣ прислали пародію вашего ученика, сказать ли всю правду? Я бы, на вашемъ мѣстѣ, выдралъ ему уши. Во-первыхъ грязно; а грязнѣ поэзіи не должно быть! Во-вторыхъ, пародія требуетъ остроты и тонкихъ намековъ, и вообще тонкой противоположности съ оригиналомъ. А надѣть кафтанъ на изнанку—это ничуть не остро, и даже не забавно! Извините за правду.

P. S. Будутъ ли напечатаны переводы Шиллеровыхъ стихотвореній, которые хотѣлъ издавать Гербель? Не знаете ли вы чего объ этомъ и не можете ли при случаѣ меня увѣдомить? Вотъ уже два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ собиралъ ихъ.

6.

25-го января 1857 г. с. Богородское.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Федоръ Богдановичъ! Искренне благодарю васъ за письмо ваше отъ 28-го декабря и за поздравленіе

съ Новымъ годомъ. Хотя теперь нѣсколько уже и поздно; но позвольте и мнѣ васъ поздравить и пожелать вамъ всякаго добра и хорошаго здоровья, также и супругѣ вашей. А что я долго не отвѣчалъ вамъ на письмо ваше, надѣюсь, что вы меня извините, узнавъ причину этому. Вотъ уже почти три мѣсяца, какъ жена моя и дочь обѣ больны, и были очень больны; а съ декабря и я безпрестанно занемогалъ. Такимъ образомъ я, около больныхъ, что называется, съ ногъ сбился, да, сверхъ того, я самъ часто лежалъ. И потому никакъ не могъ писать.

Если будете писать къ Н. В. Гербею, прошу васъ сообщить ему покорнѣйшую мою благодарность за присылку мнѣ его книги; а я, не ожидая, чтобъ онъ меня вспомнилъ, выписывалъ ее изъ Петербурга, но еще не получилъ. Конечно выборъ могъ бы быть лучше; но рѣшиться на выборъ очень затруднительно. Напримѣръ: мой переводъ «Resignation» ближе къ подлиннику; а Данилевскаго, хотя и далеже, но глаже. На который же рѣшиться? Надобно было прежде разрѣшить, для кого издается книга? Для знающихъ ли подлинникъ, или для тѣхъ, которые хотятъ имѣть нѣкоторое понятіе о Шиллерѣ, хотя по переводу. Пѣснь о Колоколѣ тоже: одни мѣста переведены лучше въ одномъ переводѣ, другія въ другомъ. Въ общемъ эффектѣ—лучше переводъ Мина; въ частностяхъ иногда лучше переводъ Авд. Пав. Глинка. Но вотъ, послѣ вашего перевода Фридолина, я никакъ бы уже не помѣстилъ Жуковскаго, потому что это не переводъ, а подражаніе, да и другимъ метромъ: слѣдовательно, и форма не Шиллеровская. Не знаю, извѣстенъ ли вамъ переводъ Шамиссо (?) русской сказки: «Судья Шемака». Онъ взялъ форму баллады: хорошо; но чрезвычайно дико! Форма много значить. Не знаю, скоро ли выйдетъ вторая книжка Гербея, и помѣститъ ли онъ въ ней мой переводъ Шиллеровой «Радости»; а мнѣ бы очень хотѣлось, потому что переводъ самый близкій изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, а же его еще исправилъ. Также я послалъ ему и «Кольцо Поликрата», переведенное прежде перевода Жуковскаго, и совсѣмъ переправленный переводъ послѣ перваго изданія. Жаль, если онъ не помѣститъ эти два лучшіе изъ моихъ переводовъ Шиллера. Въ первую книжку, надобно сказать, попали мои переводы не лучшіе и, кромѣ «Resignation», не лучшихъ піесъ Шиллера.

Лала-Рукъ, поэма Томаса Мура, хотя и холодна, но роскошна по картинамъ и блестяща! Съ нашимъ стихомъ она, я думаю, будетъ хороша въ переводѣ, и это будетъ приобрѣтеніе для нашей словесности «Конрадъ Валенродъ» сильнѣе, и конечно въ хорошемъ переводѣ тоже найдетъ читателей. Дай Богъ вамъ трудолюбія и успѣховъ! А отзывъ о «Мессивской невѣстѣ», что «наша публика требуетъ чтенія интереснѣе», и смѣшонъ и жалокъ. Что же наша публика переросла что-ли Шиллера? Къ сожалѣнію, не то это значить; а то, что она, подѣ руководствомъ

невѣжъ-журналистовъ и шайки грязныхъ авторовъ, погрузилась въ грязь бородатой словесности и лакейскаго остроумія! Но это и не публика, которая у насъ очень немногочисленна: это—читающая сволочь, которой угождаютъ журналисты!

Жаль очень Карла Ивановича! Что-то, живъ ли онъ? Мнѣ пишеть объ немъ я слыть мой, который былъ у него. Мы часто здѣсь говоримъ объ немъ я съ нетерпѣніемъ ожидаемъ объ немъ извѣстія. Не дасть ли Богъ лучше?

Прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе супругѣ вашей; жена моя также усердѣйше ей кланяется. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ лѣта; не дасть ли Богъ съ вами видѣться!

7.

15-го января 1860 г. с. Богородское.

Примите мою искреннюю благодарность, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Федоръ Богдановичъ, за письмо ваше отъ 24-го декабря 1859 года и за присылку мнѣ вашихъ стихотвореній: подарокъ вполне прекрасный! Несмотря на то, что я всѣ ихъ знаю, я въ два вечера перечиталъ всю книжку съ новымъ удовольствіемъ! Легкость стиха и блазость перевода удивительны! Что, если бы вы перевели Оберона! Да со всѣми капризами его стихосложенія! Вы на это мастеръ!

Любя отдавать всякому должное и не забывая стараго, я, любуясь вашими переводами, вспомнилъ Жуковскаго, которому они вѣрно пришлись бы по сердцу! Независимо отъ вашего таланта, мнѣ однако пришло въ голову, что нѣдѣ это онъ научилъ насъ этимъ переводамъ той же мѣрой, какой писанъ подлинникъ! Онъ же познакомилъ насъ и съ нѣмецкой поэзіей. Это знакомство и разнообразіе метровъ, введенное имъ въ наше стихотворство, это вѣчная заслуга Жуковскаго! Если бы вы могли поминуть такъ, какъ я, то переходное время, отъ Дмитріева до Пушкина—вы удивились бы, какъ много обязаны мы Жуковскому! Но время все сглаживаетъ, такъ, какъ въ пространствѣ отдаленіе сливаетъ предметы! Пушкинъ научилъ только легко писать и возможности болтать обо всемъ красиво и поэтически. Но онъ не ввелъ ни одной новой формы; его безконечный ямбъ, я почти всегда четырехстопный, чрезвычайно однообразенъ, хотя и красивъ! Все это я говорю вамъ на ухо, потому что меня съѣдятъ его поклонники, если узнаютъ! Есть люди, которые родились и живутъ для Пушкина; другіе для Гоголя. Не будь ихъ—имъ бы не для чего было и родиться!

Что вы мнѣ не написали ничего о нашемъ Обществѣ любителей словесности? Я съ большимъ вниманіемъ читалъ въ «Моск. Вѣдомостяхъ» его

протоколы: все отыскивалъ произведеній Соболевскаго и нѣкоторыхъ другихъ; но не нашель. Я послалъ къ Погодину (надобно же было что-нибудь послать молодому члену!) извѣстные вамъ стихи: «Миръ всѣмъ». Не знаю, не потерялъ ли онъ ихъ, и пойдутъ ли они въ дѣло: я не желалъ, чтобъ ихъ читали публично, но чтобы прочтали въ обыкновенномъ засѣданіи и потомъ напечатали. Отдаю вамъ въ опеку дѣла мое, не надѣясь на попечителя!

Еще покорнѣйшая просьба: сдѣлайте одолженіе сообщите мнѣ адресъ Никол. Вас. Гербеля. Хочу послать ему мои книжки; но не знаю адреса. Благодарю васъ за присылку мнѣ отъ него двухъ томовъ русскаго Шиллера. Это изданіе дѣлаетъ ему большую честь: это заслуга литераторъ!

Читали ли вы въ 301 № «Моск. Вѣдомостей» письмо къ Хавскому о Грамматикѣ, подписанное буквами Г. В. П. Каюсь вамъ, что эта шутка написана мной. Впрочемъ это не секретъ. Я не подписалъ имени только потому, что не хотѣлъ входить публично въ переписку съ Хавскимъ. Вѣдь есть же еще на Руси вѣдкіе натуральные руссійскіе писатели, печатающіе, не имѣя понятія о языкѣ!

P. S. Въ «Развлеченіи» — статья «о фельетонѣ» Калошина написана очень хорошо; легко, но дѣльно и полно смысла. Мастерски!

А вотъ написали бы вы статью «о натуральныхъ руссійскихъ писателяхъ», пишущихъ по естеству, а не по наукѣ. Можно бы написать очень забавно!

Сообщ. О. Б. Миллеръ.

Записки графа Л. Л. Беннигсена

О

войнѣ съ Наполеономъ 1807 года.

XIV ¹⁾.

Французскіе бюллетени о военныхъ дѣйствіяхъ.—Быстрота дѣйствій Наполеона.—Перенесеніе театра военныхъ дѣйствій въ Старую Пруссію.—Важное положеніе воюющихъ армій.—Прібытіе подарѣній.—Письмо Беннигсена императору Александру съ просьбою о прібытіи въ армию.—Отвѣтъ Государя.

Необходимо прежде всего разрѣшить изумленіе, порождаемое въ большинствѣ читателей довольно значительнымъ разнорѣчіемъ между моими донесеніями о военныхъ дѣйствіяхъ и донесеніями французовъ о тѣхъ же событіяхъ. Затѣмъ считаю полезнымъ сообщить также и о причинахъ, побудившихъ меня перенести театръ военныхъ дѣйствій въ Старую Пруссію.

Чѣмъ болѣе я старался во все продолженіе войны получать вѣрныя и точныя свѣдѣнія о дѣйствительныхъ потеряхъ, понесенныхъ неприятелемъ въ томъ или другомъ сраженіи, тѣмъ болѣе изумлялся я при чтеніи различныхъ французскихъ сообщеній (бюллетеней арміи) о самыхъ главныхъ сраженіяхъ, бывшихъ не только во время командованія мною армію, но и гораздо ранѣе этого.

Укажу здѣсь только на извѣстія, помѣщенные въ бюллетеняхъ великой арміи о сраженіяхъ подъ Пултускомъ и Гейльсбергомъ, въ ко-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1899 г.

торыхъ однако французы были отражены съ значительными потерями. Въ извѣстiяхъ же между тѣмъ говорится, что въ означенныхъ сраженiяхъ русская армiя была уничтожена, при чемъ въ первомъ сраженiи взято даже въ плѣнъ 40.000 человекъ,—число, превышающее наличный составъ русской армiи въ день сраженiя.

Во всѣ времена главные начальники войскъ конечно всегда или очень часто въ своихъ донесенiяхъ уменьшали потери, понесенныя ими въ сраженiяхъ, но никогда не достигали до тѣхъ преувеличенiй, которыя дѣлали ихъ сообщенiя вполнѣ невѣроятными и даже невозможными. Возьмите для примѣра бюллетени французской армiи, относящiеся до ужаснаго побоища подъ Прейсишъ-Эйлау, въ которомъ сражались 150.000 человекъ на обѣихъ сторонахъ въ продолженiе почти двухъ дней. Въ этихъ бюллетеняхъ напечатано, что русская армiя потеряла отъ 12 до 15 тысячъ человекъ, взятыхъ въ плѣнъ, тогда какъ во все продолженiе этой войны русская армiя лишилась только одной четвертой части этого числа, взятыми въ плѣнъ. Къ этому должно еще присоединить то замѣчанiе, что французы взяли до 500 человекъ плѣнныхъ въ сраженiяхъ съ оружиемъ въ рукахъ, но на самомъ дѣлѣ почти всѣ попавшiеся въ плѣнъ были или ранены слишкомъ тяжело, или больные въ захваченныхъ лазаретахъ, или наконецъ мародеры. Между тѣмъ всѣ французскiе плѣнные были взяты съ оружиемъ въ рукахъ, на поляхъ сраженiй или аванпостныхъ стычкахъ; число ихъ довольно значительно, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ.

Въ тѣхъ же самыхъ бюллетеняхъ упоминаются еще 18 знаменъ, взятыхъ у насъ французами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ русскiе полки отняли у французовъ пять орловъ, а сами потеряли два знамя, которыя захвачены были неприятельскою кавалерiею, именно знамя Костромскаго пѣхотнаго полка и Двѣпровскаго полка въ дѣлѣ 25-го января (6-го февраля) подъ Гоффомъ и Ландсбергомъ. Въ воззванiи къ солдатамъ армiи, напечатанномъ въ 61-мъ бюллетенѣ, говорится о томъ, что русскiя войска потеряли убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ 40.000 человекъ! Но когда послѣ всего этого читатель прочтаетъ въ 58-мъ бюллетенѣ, что потеря французской армiи достовѣрно простирается до 1.900 человекъ убитыхъ и 5.700 раненыхъ, то что долженъ онъ подумать объ этомъ сообщенiи, особенно если вскорѣ послѣ этого появляется рапортъ военнаго министра императору Наполеону, которымъ онъ предлагаетъ вызвать резервы изъ Францiи и призвать въ ряды армiи новобранцевъ призыва еще слѣдующаго 1808 года. Рапортъ этотъ былъ посланъ съ приложенiемъ императорскаго указа изъ главной квартиры императора въ Остероде отъ 20-го марта въ сенатъ въ Парижѣ, гдѣ его публично читали на всѣхъ улицахъ, а затѣмъ призвали новобранцевъ за шесть мѣсяцевъ до срока. Военный министръ въ своемъ рапортѣ между прочимъ говоритъ: «Но какъ бы важны

ни были вышеизложенныя соображенія, есть однако еще и другія, не менѣе достойныя человѣколюбиваго вниманія вашего величества. Новобранцы 1808 года по естественному порядку вещей будутъ призваны въ ряды войскъ чрезъ шесть мѣсяцевъ, они должны будутъ тогда явиться въ разные полки, сдѣлавъ для этого продолжительные переходы, и вынести тягости, къ которымъ родительская и благодушная администрація должна ихъ подготовить и приучить незамѣтнымъ образомъ. Собранные шестью мѣсяцами ранѣ срока, они будутъ имѣть возможность приучиться къ военному дѣлу, освоиться съ оружіемъ въ нашихъ крѣпостяхъ, въ лагеряхъ, среди ихъ родины и т. д.»

Неужели можно допустить, что читатель во Франціи ли или иномъ другомъ мѣстѣ, знавшій, что наборъ новобранцевъ призыва 1807 года только-что окончился въ январѣ сего года, не усмотритъ изъ словъ императорскаго указа, что французы понесли въ дѣйствительности значительныя потери при Пултускѣ, Голыминѣ, въ особенности при Прейссишъ-Эйлау и наконецъ въ продолженіе восьми дней непрерывныхъ стычекъ, предшествовавшихъ этому знаменитому дню.

Поэтому за этими бюллетенями, распространенными французами по всему свѣту, съ цѣлю присвоить себѣ честь побѣды при Прейссишъ-Эйлау, скоро послѣдовали точныя и правдивыя описанія этого сраженія, а послѣдствія онаго открыли скоро всю невѣрность и преувеличенность извѣстій, сообщенныхъ въ бюллетеняхъ. Никто даже въ самой Франціи не вѣрилъ имъ; весь свѣтъ зналъ, что французская армія совершила всю эту тяжелую и кровопролитную зимнюю кампанію и дошла до Прейссишъ-Эйлау только для того, чтобы понести страшную потерю въ людяхъ и возвратиться снова къ берегамъ Пассарги, подвергаясь на пути безпрерывнымъ нападеніямъ со стороны нашей легкой кавалеріи; что въ свою очередь повлекло для французовъ еще потерю до 3.000 человѣкъ, множества всякаго рода повозокъ, нѣсколькихъ орудій, зарядныхъ ящиковъ и т. д.

Такимъ образомъ преувеличенія французскихъ бюллетеней не достигали предположенной ими цѣли, и я убѣжденъ, что въ самой Франціи весьма скоро узнали, что корпусъ маршала Ожеро былъ почти весь уничтоженъ въ сраженіи при Прейссишъ-Эйлау, при его атакѣ на центръ нашей позиціи и что уцѣлѣвшіе отъ гибели 5.000 человѣкъ его корпуса были распределены на пополненіе другихъ корпусовъ, пострадавшихъ также въ этомъ дѣлѣ, въ особенности перваго армейскаго корпуса или корпуса принца Поите-Корво. Равнымъ образомъ во Франціи разубѣдились въ описаніяхъ этого сраженія, распространенныхъ въ публикѣ вмѣстѣ съ картою, въ которой русская армія показана была стоящею за рѣкою Прегелемъ, тогда какъ она была сосредоточена между Фришингомъ

и Кёнигсбергомъ, съ твердымъ намѣреніемъ воспротивиться дальнѣйшему приближенію непріятеля.

Къ чему распространять обманы всему свѣту съ нахальствомъ, по моему мнѣнію, уменьшающимъ славу, пріобрѣтенную французскою арміею и справедливо ею заслуженную. Мы видѣли, что громкая извѣстность самыхъ великихъ военнопачальниковъ Европы разсѣялась съ непостижимой для насъ быстротою предъ пятнадцатилѣтнею опытностью императора французовъ въ умѣннн распоряжаться войсками. Даже ученики великаго Фридриха II и его боевые сотоварищи только на минуту появлялись предъ новымъ военнопачальникомъ, которому благопріятствуетъ все, что можетъ только доставить случайность и гениальность. Зачѣмъ же отказаться навсегда отъ всѣхъ преувеличеній?

Историки опишутъ быстроту, съ которою Наполеонъ переправился чрезъ Рейнъ во главѣ арміи въ 190.000 человекъ все французовъ и далъ сраженія подъ Ауерштедтомъ и Іеною, въ которыхъ вполне разгромилъ пруссаковъ. Несмотря на всю храбрость, оказанную пруссаками при отступленіи, они не въ силахъ были воспрепятствовать завоеванію прусскаго королевства до береговъ Вислы и предотвратить его гибель. Наполеонъ въ 64 дня совершилъ очень длинный, сопряженный съ препятствіями путь; въ неблагоприятное дождливое время года, онъ началъ войну и поражалъ арміи прусскаго короля, овладѣвалъ крѣпостями королевства и совершилъ переходъ въ три тысячи лье. Императоръ Наполеонъ послѣ засѣданія сената въ Парижѣ 26-го сентября, отправился изъ Люксембургскаго дворца, чтобы стать во главѣ арміи, ожидавшей его прибытія, и совершить съ нею переходъ чрезъ Рейнъ; 7-го (19-го) ноября онъ уже былъ на Вислѣ, а 6-го (18-го) декабря вся его армія переправилась чрезъ эту рѣку. На встрѣчу ему явилось не болѣе 60.000 человекъ строевыхъ и нестроевыхъ подъ моимъ начальствомъ. Въ несокрушимомъ мужествѣ русскихъ Наполеонъ встрѣтилъ новыя препятствія, и французская армія, несмотря на значительное превосходство силъ, была принуждена остановить свое быстрое движеніе и потребовать подкрѣпленій изъ Франціи и всѣхъ княжествъ Германіи, связанныхъ съ Наполеономъ Рейнскимъ союзомъ. Это дало въ свою очередь и русскимъ время получить подкрѣпленія. Повѣрить ли потомство, что французская армія допустила себя остановить, не потерявъ предварительно значительныхъ потерь? Если справедливо удивляются быстротѣ движенія французской арміи съ береговъ Рейна до Вислы, то точно также съумѣютъ разсчитать время, которое эта армія была принуждена провести между Вислою и Нѣманомъ. Семь мѣсяцевъ она пребывала на пространствѣ въ 60 миль длиною, на которомъ были даны четыре кровопролитныя сраженія, не считая другихъ мелкихъ убійственныхъ дѣлъ, научившихъ

французскую армію не презирать достоинствъ русскаго солдата и способностей его начальниковъ.

Если принять въ соображеніе, что русская армія противопоставляла Наполеону, этому страшному военнопачальнику, въ продолженіе семи мѣсяцевъ сопротивленіе, имѣя всегда армію меньшаго состава, нежели французская, и что подъ конецъ борьбы пришлось уступить ему пространство до самаго Нѣмана единственно вождѣствіе чрезмѣрнаго несоотвѣтствія силъ обѣихъ враждующихъ сторонъ, то можно принять, не опасаясь подвергнуться упреку въ чрезмѣрномъ самолюбіи, что этому великому полководцу предстояло преодолѣть весьма важныя препятствія на незначительномъ пространствѣ между Вислою и Нѣманомъ.

Послѣ всего вышесказаннаго читатель не долженъ болѣе изумляться малымъ согласіемъ французскихъ бюллетеней съ донесеніями русскаго главнокомандующаго о тѣхъ же самыхъ военныхъ дѣлахъ. Я всегда питалъ отвращеніе къ преувеличеніямъ въ донесеніяхъ. Кромѣ того это было и несогласно съ воззрѣніями и убѣжденіями моего государя, требовавшаго отъ меня строгой правды въ моихъ донесеніяхъ, чтобы имѣть полную возможность обнародывать ихъ безъ всякихъ измѣненій. Приведу здѣсь примѣръ, который одинъ можетъ вполне убѣдить читателя въ справедливости только-что мною сказаннаго. Во время самаго сраженія при Прейссишъ-Эйлау офицеры, прибывшіе изъ разныхъ мѣстъ отчаяннаго боя, доносили, что слышали рассказы о многихъ захваченныхъ знаменахъ, которыхъ насчитали до двѣнадцати. Составляя вечеромъ на самомъ полѣ сраженія мое первое о немъ донесеніе государю императору, я упомянулъ о числѣ знаменъ, отбитыхъ у непріятеля. На другой же день утромъ оказалось дѣйствительно взятыми четыре знамени ¹⁾, которыя я отправилъ въ Петербургъ съ полковникомъ Ставицкимъ. По прибытіи его въ столицу, государь императоръ выразилъ свое неудовольствіе по поводу подобной ошибки и сказалъ Ставицкому: «мнѣ досадно за публику», такъ какъ мое первое донесеніе было немедленно опубликовано. Не могу не присовокупить къ этому, что вполне достойныя лица французской арміи на сдѣланное мною замѣчаніе о преувеличеніяхъ въ ихъ бюллетеняхъ отвѣтили мнѣ: «эти извѣстія печатаются только для публики». Мнѣ кажется, однако, что коль скоро публика судить и должна судить о нашихъ дѣйствіяхъ и дѣлахъ, то необходимо ее уважать и не обременять ее постоянными обманами, которые въ концѣ концовъ обнаруживаются и только служатъ предметомъ различныхъ насмѣшекъ и порицаній.

Обращаюсь теперь къ второму вопросу, именно о томъ, что побудило

¹⁾ Пятое знамя было взято прусскими войсками отряда генерала Лестока.
Примѣч. Веннигсена.

меня перенести театр военныхъ дѣйствій въ Старую Пруссію. Очень многіе полагаютъ, что подобное движеніе слишкомъ удаляло меня отъ границы нашего государства, которая охранялась въ то время единственно отрядомъ генерала Эссена, имѣвшимъ всего 17.000 человекъ. Говорили также, что мое положеніе сдѣлалось бы крайне затруднительнымъ, если бы Наполеонъ, поручивъ защиту Торна князю Понте-Корво съ его корпусомъ, а также различнымъ войскамъ, польскимъ, гессенскимъ и тому подобнымъ, самъ съ остальными войсками, находившимися въ то время у него подъ рукою, вступилъ бы въ предѣлы нашего государства, отгѣснилъ бы генерала Эссена къ Бресту, прервалъ бы всѣ мои съ нимъ сообщенія и устроилъ бы возстаніе въ нѣкоторой части Литвы, прежде нежели я успѣлъ бы возвратиться въ предѣлы отечества и противодѣйствовать его движеніямъ и успѣхамъ. Воплиѣ соглашаюсь, что ежели бы Наполеонъ рѣшился на такой образъ дѣйствія, то я не имѣлъ бы возможности дѣйствовать на нижней части Вислы и долженъ былъ бы послѣшно отступать, спѣшить на рѣку Бобръ, привлечь къ себѣ корпусъ подъ начальствомъ генерала Седморацкаго (оставленный въ Гониондѣ) и направить свое движеніе на Гродно, чтобы предотвратить послѣдствія общаго возстанія въ нашихъ недавно присоединенныхъ отъ польши губерніяхъ. Очевидно, я долженъ былъ бы упрекать себя въ томъ, что подвергъ мое отечество, лишенное въ то время достаточной обороны, всѣмъ бѣдственнымъ послѣдствіямъ подобнаго образа дѣйствія Наполеона.

Чтобы лучше и нагляднѣе уяснить причины, побудившія меня принять тотъ образъ дѣйствія, который былъ мною осуществленъ, не опасаясь подвергнуть наши границы слишкомъ большой опасности, необходимо высказать здѣсь мои взгляды о началѣ военныхъ дѣйствій императора Наполеона въ эту кампанію противъ русской арміи. Я былъ до того убѣжденъ, что онъ будетъ стремиться достичь береговъ Балтійскаго моря, что вовсе не предполагалъ, что Наполеонъ, прибывъ въ армію, раздѣлитъ свои силы. Я ожидалъ скорѣе, что онъ произведетъ однимъ корпусомъ только демонстрацію на Варшаву противъ нашего лѣваго фланга, а самъ перейдетъ Вислу съ главными силами между Данцигомъ и Торномъ, чтобы овладѣть остатками прусскаго королевства, т. е. Старою Пруссію, и направится прямо къ Кѣнигсбергу, такъ какъ немногія оставшіяся еще прусскія войска были слишкомъ слабы, чтобы оказать хотя самое малое противодѣйствіе при подобномъ наступленіи Наполеона. Для подобнаго предположенія я имѣлъ два основанія. Первое изъ нихъ заключалось въ томъ, что императоръ французскій имѣлъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія о численности арміи, которую Россія могла ему противопоставить въ это время. Перейдя Одеръ, Наполеонъ обратился къ своимъ солдатамъ съ воззваніемъ, въ которомъ размѣръ рус-

своей арміи былъ имъ означенъ довольно вѣрно. Вторымъ поводомъ являлось доставленное намъ извѣстіе, что Наполеонъ выразился довольно публично, что въ началѣ марта онъ придетъ въ Петербургъ, откуда доставить миръ всей Европѣ.

Но лишь только я узналъ, что Наполеонъ раздѣлилъ свои войска, что онъ лично прибылъ съ значительными силами въ Варшаву, а въ то же время направилъ нѣсколько корпусовъ въ Старую Пруссію, я немедленно вывелъ заключеніе, что онъ своими военными дѣйствіями преслѣдуетъ двоякую цѣль—пораженіе русской арміи главными его силами, въ то время какъ остальные его войска будутъ подвигаться въ Старой Пруссіи по мѣрѣ отступленія русской арміи къ предѣламъ Имперіи. Вторая цѣль должна была быть достигнута даннымъ имъ направленіемъ для корпусовъ маршаловъ Нея и Бернадота.

Но смѣю думать, что Наполеонъ рассчитывалъ слишкомъ легко на пораженіе русской арміи; ему не была достаточно извѣстна храбрость и стойкость русскаго солдата. Единственное сраженіе съ русскими, въ которомъ Наполеонъ находился лично, только могло вводить его въ заблужденіе въ этомъ отношеніи. Наконецъ, въ достиженіи главной своей цѣли потерпѣвъ неудачу въ сраженіи подъ Пултускомъ, Наполеонъ не успѣлъ быстро сосредоточить свои силы вслѣдствіе того, что корпуса маршаловъ Бернадота и Нея двигались слишкомъ медленно при общемъ наступленіи. Это послѣднее дало мнѣ время совершить мои передвиженія въ Старой Пруссіи, явиться на защиту Кѣнигсберга и спасти хотя часть той области отъ занятія французами.

Послѣ сраженія подъ Пултускомъ, Наполеонъ приказалъ своей арміи расположиться на зимнія квартиры, за исключеніемъ корпусовъ Бернадота и Нея, подвигавшихся весьма медленно въ Старой Пруссіи. Я имѣлъ полное основаніе полагать, что ему было извѣстно, данное фельд-маршаломъ графомъ Каменскимъ, приказаніе объ отступленіи нашихъ войскъ въ предѣлы Россіи, и въ этомъ предположеніи, конечно, было вполне достаточно двухъ корпусовъ, чтобы овладѣть Кѣнигсбергомъ и всею Старою Пруссію до береговъ Прегеля, въ то самое время какъ вся великая армія французовъ отдыхала бы, расположившись на зимнихъ квартирахъ. Но какъ скоро Наполеонъ узналъ, что русская армія не продолжаетъ своего движенія къ границамъ, и что мною, какъ ему сообщали, отправленъ на помощь Кѣнигсбергу отрядъ въ 16.000 человекъ,—онъ рѣшился обратиться на мою армію.

Между тѣмъ генералъ, сперва направленный мною къ Кѣнигсбергу, получилъ отъ меня приказаніе не продолжать своего движенія далѣе въ этому городу, но отойти назадъ и занять зимнія квартиры въ окрестности Млавы.

Когда же Наполеонъ со всѣми сосредоточенными силами двинулся

въ концѣ января мѣсяца въ Старую Пруссію съ цѣлью сразиться съ нами, не могло быть болѣе сомнѣнія въ томъ, что цѣлью его завоеваній являются не наши литовскія границы, а желаніе овладѣть берегами Балтійскаго моря.

Къ подтвержденію моего предположенія явилось еще новое обстоятельство, побудившее меня еще менѣ колебаться въ отношеніи принятія мѣръ къ охраненію нашихъ границъ и направленію моихъ военныхъ дѣйствій въ Старую Пруссію. Я зналъ основныя начала, руководившія всегда Наполеономъ при его движеніяхъ въ началѣ каждой войны; онъ всегда большою массою устремлялся на противника, съ цѣлью разбить и разсѣять его однимъ ударомъ, если это возможно. Поэтому, совершая свое движеніе, я былъ убѣжденъ въ слѣдующемъ: или Наполеонъ рѣшится предоставить мнѣ занимать Старую Пруссію въ продолженіе всей зимы, съ цѣлью доставить своимъ войскамъ на зимнихъ квартирахъ отдыхъ, въ которомъ они очень нуждались, или же онъ немедленно двинется на насъ, чтобы дать генеральное сраженіе, которое я рѣшился принять и даже желалъ принять до прибытія значительныхъ подкрѣпленій, подходившихъ со всѣхъ сторонъ для усиленія французской арміи.

Изъ вышесказаннаго видно, что я не ошибся въ моихъ ожиданіяхъ. Первое намѣреніе императора Наполеона, какъ видно изъ перехваченныхъ депешъ принца Нефшательскаго къ маршалу князю Понте-Корво отъ 30-го и 31-го января, (нов. ст.), состояло въ томъ, что онъ собирался въ Старой Пруссіи отрѣзать русскую армію отъ ея границъ. Но, несмотря на все превосходство своихъ силъ, онъ не могъ побѣдить русской арміи ни въ одномъ сраженіи во все продолженіе первой кампаніи.

Къ концу первой кампаніи явилась возможность предвидѣть, что изъ двухъ сражающихся армій, къ которой ранѣе успѣютъ подойти во-время подкрѣпленія, та и одержитъ первые успѣхи надъ противникомъ при открытіи второй кампаніи. Но смѣю утверждать, что успѣхи, одержанные французами надъ русскими, не имѣли въ сущности важныхъ послѣдствій.

Послѣ сраженія подъ Ауерштедтомъ и Йеною, Наполеонъ не достигъ еще береговъ р. Одера, какъ уже 20.000 новобранцевъ и молодыхъ солдатъ переходили Рейнъ и слѣшили на подкрѣпленіе и укомплектованіе его арміи. Эти подкрѣпленія имѣли полную возможность присоединиться къ арміи до начала второй кампаніи.

Перемиріе, заключенное со шведами, послужило также къ подкрѣпленію главной арміи Наполеона всѣмъ корпусомъ маршала Мортъе.

Замедленіе въ прибытіи подкрѣпленій въ нашей арміи къ началу второй кампаніи должно быть приписано исключительно тому обстоятельству, что Россія не могла заранѣе приготовить всѣ средства, кото-

рымъ она можетъ располагать, къ тому, чтобы одна выдержать на своихъ границахъ подобную тяжелую войну противъ всѣхъ полчищъ Наполеона и всѣхъ его союзниковъ, которыми онъ могъ въ то время располагать. Не только не было возможности предвидѣть, но даже и предположить, чтобы съ русскою арміею случилось когда-либо то, что въ дѣйствительности ее постигло. Первый русскій отрядъ въ 60.000 человекъ, перешедшій нашу границу въ качествѣ вспомогательнаго, былъ болѣе нежели достаточенъ для усиленія дѣйствій прусской арміи въ 200.000 человекъ, но являлся слишкомъ слабымъ, чтобы быть главнымъ дѣятелемъ въ борьбѣ, въ которой быстро слѣдовавшія бѣдствія совершенно уничтожили военныя силы Прусскаго королевства. Несмотря на всѣ эти преимущества, благопріятствовавшія французамъ въ ихъ войнѣ съ русскими, въ особенности при открытіи второй кампаніи, мы однако достигли своей цѣли. При очень обостренныхъ политическихъ обстоятельствахъ того времени и при отсутствіи содѣйствія другихъ державъ, только и могла быть рѣчь о защитѣ границъ Имперіи и предохраненіи ея арміи отъ слишкомъ значительныхъ потерь съ тѣмъ, чтобы сія послѣдняя, усиленная подходившими къ ней изъ внутреннихъ губерній подкрѣпленіями, могла быть легче приведена въ такое состояніе, которое могло бы заставить непріятели раскаяться въ его попыткѣ проникнуть въ предѣлы Россіи.

Сообщу теперь подробно о различныхъ подкрѣпленіяхъ, подходившихъ быстро изъ разныхъ мѣстъ Имперіи на усиленіе вѣрвеной мнѣ арміи.

Двѣ новыя дивизіи въ составѣ 30.000 человекъ приближались къ Нѣману, въ то время уже, когда я приказалъ арміи переправиться чрезъ эту рѣку. Тридцать шесть батальоновъ, составленные изъ числа 215.000 человекъ ополченцевъ, были совсѣмъ сформированы какъ регулярное войско, и изъ нихъ первые батальоны подходили къ арміи. Наконецъ, ожидалась еще 70.000 рекрутъ, требуемые различными дивизіями для ихъ пополненія. Такимъ образомъ, я въ скоромъ времени имѣлъ возможность стать во главѣ арміи въ 150.000 человекъ на главномъ пунктѣ. Поэтому казалось бы, если французы дѣйствительно желали вступить въ предѣлы нашего отечества, чтобы продолжать войну, то одно проигранное ими сраженіе явилось бы для нихъ второю Полтавскою битвою, вдали отъ родины.

Отвѣтивъ такимъ образомъ на оба выше предложенные вопроса, мнѣ остается желать, чтобы при чтеніи моего описанія военныхъ дѣйствій не упустили изъ вида, что моимъ противникомъ являлся монархъ, средства котораго для веденія этой войны были приготовлены заранее, и при томъ монархъ, пользовавшійся неограниченною властью и не обязанный отдавать кому-либо отчета въ своихъ дѣйствіяхъ.

Онъ имѣлъ возможность располагать не только всѣми силами своей націи, но также всѣми, принадлежащими народамъ, ему подвластнымъ.

Я же, напротивъ того, являлся подданнымъ государя, довѣріемъ котораго хотя и пользовался, но обязанъ былъ отдавать отчетъ во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ, и если всѣ мои усилія и старанія не сопровождались постоянно побѣдами, то послѣдствіемъ этого для меня являлись и немилость и строгое порицаніе.

До 28-го февраля (12-го марта) войска оставались на занимаемыхъ ими мѣстахъ, отведенныхъ имъ 24-го февраля (8-го марта); даже на аванпостахъ, находившихся всего на разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ непріятеля, не было всѣ эти дни ни малѣйшей тревоги.

28-го февраля (12-го марта) однако генералъ Платовъ донесъ, что французы покинули занимаемую ими позицію позади Зехерна и въ Петерсвальдѣ и отступили чрезъ Гронау до Альтъ-Кирха.

Генералъ Лестокъ перенесъ свою главную квартиру въ Хейлигенбейль, чтобы находиться ближе къ мѣсту столкновенія съ французами, если бы сіи послѣдніе рѣшились произвести какую-либо попытку на Кёнигсбергъ. Онъ приказалъ соорудить нѣсколько батарей на маленькой рѣчкѣ Банау.

2-го (14-го) марта оказался уже очень большой недостатокъ фуража въ окрестностяхъ всего расположенія арміи; подвозка же его сдѣлалась чрезвычайно затруднительною, по причинѣ отвратительныхъ дорогъ. Поэтому я отправилъ три кирасирскихъ полка, именно Его величества, Малороссійскій и Военнаго ордена, занять квартиры въ Рёселлѣ и его окрестностяхъ, гдѣ было гораздо легче добывать продовольствіе какъ для людей, такъ и фуражъ для лошадей. Въ то же время этимъ полкамъ было предписано высылать часто патрули въ окрестности Бишофсбурга и поддерживать сообщеніе съ постомъ въ Зеебургъ и при нападеніи на него—оказать поддержку.

Съ цѣлью еще лучше прикрыть всѣ эти окрестности и установить болѣе прочное сообщеніе съ корпусомъ генерала Эссена на Наревѣ, я послалъ генерала Платова съ восемью казачьими полками и ротой казачьей конной артиллеріи чрезъ Зеебургъ занять Вартенбургъ, Пассенгеймъ, Ортельсбургъ и Вилленбергъ. Всѣ эти мѣстечки равнѣ были заняты небольшими отрядами французской резервной кавалеріи, подъ начальствомъ великаго герцога Бергскаго. Генералъ Платовъ долженъ былъ вступить въ сношеніе съ генералъ-маіоромъ графомъ Витгенштейномъ, котораго генералъ Эссенъ послалъ съ отрядомъ легкихъ войскъ къ берегамъ рѣки Омукви, чтобы облегчить себѣ сношеніе съ нашею главною арміею.

3-го (15-го) марта войска оставались на прежнихъ занимаемыхъ ими позиціяхъ. Я только сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ личномъ составѣ

начальниковъ, вызванныя прибытіемъ по особому высочайшему повелѣнію въ армию генераль-лейтенантовъ князя Горчакова и Уварова, а также возвращеніемъ изъ Петербурга князя Багратиона, который опять получилъ начальство надъ нашимъ авангардомъ. Уваровъ былъ назначенъ начальникомъ кавалеріи праваго крыла, а пѣхотою этого же крыла, состоявшею изъ 5-й и 7-й дивизіи—сталъ командовать генераль-лейтенантъ Тучковъ. Центромъ, состоявшимъ изъ третьей дивизіи, командовалъ по-прежнему генераль Сакенъ. Лѣвое крыло, т. е. 2-я и 14-я дивизіи, находилось подъ начальствомъ генераль-лейтенанта князя Горчакова. Начальникомъ кавалеріи лѣваго крыла былъ по-прежнему князь Голицынъ, и отдѣльнымъ отрядомъ, который долженъ былъ прикрывать наше лѣвое крыло, также по-прежнему командовалъ графъ Толстой. Сей послѣдній донесъ мнѣ, что офицеръ его отряда былъ посланъ на рекогносцировку по дорогѣ изъ Гросъ-Безау и, узнавъ, что непріятель очистилъ Бишофсбургъ, отправился въ это мѣстечко, гдѣ жители сообщили ему, что всѣ кавалерійскіе отряды резерва великаго герцога Бергскаго покинули эти мѣста и отступили чрезъ Вартенбургъ къ Пассенгейму.

4-го (16-го) марта я приказалъ генераль-лейтенанту Уварову перевести свою штабъ-квартиру въ Фрауендорфъ, а всю находившуюся у него кавалерію праваго крыла расположить по окрестностямъ этого мѣстечка такъ, чтобы она находилась по близости отъ событій, которыя могли скоро послѣдовать на Пассаргѣ. Генераль-лейтенантъ князь Голицынъ съ кавалеріею лѣваго крыла сталъ въ Петерсгагенъ и его окрестностяхъ. Генераль-лейтенантъ графъ Толстой, съ его отрядомъ, прикрывая лѣвый флангъ нашей позиціи, расположился въ Варвиттенъ и его окрестностяхъ.

За исключеніемъ измѣненій въ расположеніи нѣкоторыхъ главныхъ штабъ-квартиръ, размѣщеніе отрядовъ и отдѣльныхъ командъ оставалось прежнес.

5-го (17-го) марта генераль Платовъ донесъ, что майоръ Богдановъ, отряженный генераломъ Иловайскимъ съ двумястами казаковъ, для занятія Вартенберга, замѣтилъ, что французы занимаютъ еще это мѣстечко отрядомъ кавалеріи. Но майоръ Богдановъ успѣшно выбилъ непріятеля, который, потерявъ нѣсколько человекъ, отошелъ къ Алленштейну.

6-го (18-го) марта съ нашихъ границъ подошло къ намъ подкрѣпленіе изъ трехъ гарнизонныхъ батальоновъ, что составляло около 1.700 человекъ.

Обстоятельства требовали, чтобы, исполняя просьбу прусскаго короля, я подкрѣпилъ гарнизонъ въ Данцигѣ русскими войсками. Находившіяся въ Данцигѣ прусскія войска были преимущественно соста-

влены изъ поляковъ; это порождаетъ много побѣговъ изъ строя, значительно умевъшившихъ наличность войска, защищавшаго эту чрезвычайно важную крѣпость. Поэтому я и отправилъ вновь прибывшіе ко мнѣ три батальона, подъ начальствомъ генераль-маіора князя Щербатова, чрезъ Кеннигсбергъ и Пиллау, гдѣ они сѣли на суда и благополучно прибыли по назначенію въ Данцигъ. Ранѣе, я отправилъ туда же два казачьихъ полка.

7-го (19-го) марта генераль-лейтенантъ Платовъ сообщилъ, что, получивъ приказаніе оттѣснить непріятеля изъ окрестностей Ортельсбурга и Вилленбурга, онъ двинулся впередъ на Пассенгеймъ съ казачьими полками и, собравъ всѣ необходимыя свѣдѣнія о позиціи непріятеля, сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія для нападенія на французовъ.

Непріятель былъ опрокинутъ близъ деревни Клейнъ Шиманненъ и потерялъ много убитыми и ранеными. При этомъ казаки взяли въ плѣнъ одного офицера и 189 рядовыхъ. Въ то же время, полковникъ Карповъ налетѣлъ на польскій полкъ Домбровскаго, находившагося подъ начальствомъ генерала Заіончека, также сбилъ его и взялъ въ плѣнъ девять офицеровъ и 208 солдатъ. Наша потеря была при этомъ незначительна. Послѣ этого, наши казаки возвратились на свои позиціи.

8-го (20-го) марта генераль Платовъ отрядилъ маіора Балабина съ половиною Атаманскаго полка на встрѣчу отряду французской кавалеріи, вышедшему на рекогносцировку изъ Алленштейна; онъ былъ также опрокинутъ.

Маршалъ Ней, отъ 7-го (19-го) марта 1807 года, между прочимъ, доносилъ изъ Гутштадта военному министру слѣдующее:

„Сиѣшу сообщить вамъ свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи моего корпуса и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣчаю вамъ на предложенные въ вашемъ письмѣ вопросы, въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ они изложены.

Наличное число солдатъ, находящихся въ строю подъ ружьемъ, составляетъ 12.385 человекъ пѣхоты, включая въ то число и офицеровъ. Въ этомъ числѣ находятся 118 человекъ, которые состоятъ безъ оружія. Число выбывающихъ по разнымъ случаямъ въ госпитали не восполняется числомъ возвращающихся изъ госпиталей; эти числа относятся между собою, какъ 4 къ 1, такъ что наличный составъ все уменьшается.

Мы перебиваемся продовольствіемъ со дня на день.

Солдаты всякій день получаютъ полный раціонъ мяса и двѣ трети раціона хлѣба. Мясо получается изъ окрестныхъ мѣстъ, хлѣбъ же привозится изъ Эльбинга, а частію изъ Остероде. Можно быть обеспеченнымъ на мѣсяцъ хлѣбомъ, не иначе какъ имѣя запасы онаго въ Остероде или Эльбингѣ. Необходимо въ мѣсяцъ или 7.200 квинталовъ зерна или 6.000 кв. муки; одна треть этого количества можетъ быть получена моимъ корпусомъ въ Остероде, а остальные двѣ трети—высланы изъ Эльбинга. Для перевозокъ этого требуется семь транспортовъ, въ пятьдесятъ повозокъ каждый. Повозки, вѣроятно, можно достать въ округѣ самаго Эльбинга, или въ мѣстахъ расположенія 1-го и 4-го корпусовъ, но безусловно необходимо совершить эту перевозку безотлага-

тельно, до наступленія оттепели, когда дороги станутъ непроходимы. Мѣся также нѣтъ въ мѣстахъ расположенія войскъ моего корпуса; необходимое его количество на мѣсяцъ можетъ быть обезпечено только присылкою его изъ тыла арміи, или изъ мѣстъ расположенія 1-го и 4-го корпусовъ. Мѣстный скотъ не великъ, онъ имѣетъ около 250—300 фунтовъ вѣса. Слѣдовательно, необходимо въ недѣлю двѣсти штукъ скота.

9-го (21-го) марта маршалъ Ней доносилъ императору Наполеону изъ Гутштадта:

„Ваше величество изволите предписывать мнѣ доставить свѣдѣніе о дѣйствительномъ положеніи моего корпуса. Письмо вашего величества по сему предмету, отъ 19-го числа, было доставлено мнѣ только сегодня утромъ. 19-го числа я представилъ г. военному министру свѣдѣніа о числѣ солдатъ, находящихся у меня подъ ружьемъ; письмо это, безъ сомнѣнія, уже представлено вашему величеству. Вамъ угодно еще знать, какъ мы кормимся? Необходимо для насъ продовольствіе доставляется или непосредственно доставкою изъ Остероде или посылкою за припасами въ Эльбингъ и, наконецъ, тѣмъ, что добываютъ сами войска. Однако, все это не доставляетъ двухъ третей опредѣленнаго раціона.

Если бы приказаніе вашего величества объ отпускѣ намъ въ день 14.000 раціоновъ хлѣба исполнялось въ точности, мы получили бы за время съ 3-го по 21-го марта вѣлнчательно 224.000 раціоновъ, но на дѣлѣ получено только всего до ста тысячъ; въ то число 26 тысячъ привезены изъ Остероде и 50 тысячъ изъ Эльбинга, остальные же до ста тысячъ взяты самими войсками въ Остероде.

Сегодня, 21-го (9-го) числа, было отпущено половинное число раціоновъ, выдаваемое изъ магазиновъ, потому что транспортъ, отправленный изъ Эльбинга на саняхъ, не могъ, по причинѣ оттепели, слѣдовать далѣе и прибыть во-время, теперь еще ожидаютъ другаго.

Транспорты изъ Эльбинга или прямыя отправки изъ Остероде являются единственными способами продовольствованія моеи арміи. Въ деревняхъ крестьяне, которыхъ крайность и нищета принудили возвратиться по домамъ, питаются только тѣмъ, что сами получаютъ отъ состраданія солдата.

Въ Гутштадтѣ, городкѣ съ двумя тысячами жителей, въ которомъ ежегодная смертность бываетъ не свыше 200 человекъ (?), въ настоящее время умираетъ по 25—30 человекъ въ недѣлю!

Вашему величеству угодно знать, когда мы будемъ имѣть хлѣба дня на четыре впередъ? Это можетъ быть достигнуто единственно только въ томъ случаѣ, если вашему величеству угодно будетъ приказать, чтобы сверхъ необходимаго намъ ежедневнаго количества раціоновъ присылали бы по 72.000 раціоновъ въ день хлѣбомъ или мукою, или зерномъ; другаго средства къ образованію четырехдневнаго запаса хлѣба не имѣется. Равнымъ образомъ, нѣтъ никакихъ средствъ къ перевозкѣ означеннаго запаса хлѣба, одновременно съ движеніемъ войскъ, такъ какъ всѣ повозки и всѣ перевозочныя средства, по приказанію вашего величества, отданы были на перевозку раненныхъ; ни одинъ такой транспортъ не вернулся; теперь ихъ всего осталось шесть, занятыхъ при лазаретахъ и перевязочныхъ пунктахъ, которые далеко не имѣютъ полнаго необходимаго имъ числа повозокъ и другихъ всякаго рода принадлежностей. При настоящемъ состояніи дорогъ, къ тому же никогда нельзя быть увѣренными, что повозки непрѣменно послѣдуютъ за арміею, хотя бы и съ половиннымъ грузомъ. Таково жалкое положеніе про-

довольственной части въ моемъ корпусѣ; въ отношеніи же фуража для лошадей встрѣчаются еще несравненно большія затрудненія. Моя кавалерія, которую я просилъ г. военнаго министра отправить въ тылъ арміи, уже мѣсяцъ не получаетъ овса; она теперь питается мохомъ и гнилою соломой. Начальникъ моего главнаго артиллерійскаго парка мнѣ только-что доносить, что въ деревнѣ Брухендорфъ и ея окрестностяхъ, въ которыхъ стоитъ паркъ, нѣтъ рѣшительно ничего для прокормленія лошадей, а я не въ состояніи отвести ему лучшее и болѣе удобное мѣсто.

Повергая возрѣнію вашего величества вѣрное изображеніе моего дѣйствительнаго положенія, я умоляю васъ, государь, приказать, безъ малѣйшаго отлагательства, направить ко мнѣ значительныя вспоможенія и доставить ихъ къ намъ, потому что было бы крайне недостаточно только предоставить эти средства въ наше распоряженіе, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ способовъ перевезти ихъ къ себѣ. Если ваше величество удостоите сообщить мнѣ о сдѣланныхъ вами въ этомъ отношеніи распоряженіяхъ и если таковыя не будутъ исполнены въ совершенной точности (какъ это случилось въ первый разъ), я сочту своимъ долгомъ немедленно довести объ этомъ до свѣдѣнія вашего величества, отеческая забота котораго о войскѣ мнѣ слишкомъ хорошо извѣстна“.

12-го (24-го) марта русская армія оставалась на прежнихъ позиціяхъ; я только приказалъ нѣкоторымъ начальникамъ главныхъ отрядовъ перемѣтить ихъ штабъ-квартиры. Такъ генераль графъ Толстой, командовавшій по-прежнему отрядомъ, который стоялъ на лѣвомъ берегу р. Алле, для прикрытія нашего лѣваго фланга, перевелъ свою штабъ-квартиру въ Варштень съ цѣлью находиться ближе къ военнымъ дѣйствіямъ, предстоявшимъ въ скоромъ времени на правомъ берегу этой рѣки, около Гутштадта и Алленштейна. Цѣпь его аванпостовъ начиналась противъ Лаунау и простиралась до лѣса Гутштадтскаго, который и былъ занятъ отчасти однимъ изъ его отрядовъ. Кромѣ того, графъ Толстой содержалъ сообщеніе съ постомъ въ Зеебургѣ, который въ случаѣ нападенія французовъ онъ долженъ былъ поддерживать.

Штабъ-квартира генераль-лейтенанта Уварова была поставлена въ Кеймерсвальде; находившаяся подъ его начальствомъ кавалерія была подвинута немного вправо, съ тѣмъ, чтобы она могла скорѣе прибыть къ мосту на Пассаргѣ, въ случаѣ опасности со стороны непріятеля. Прусскій корпусъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми русскими полками, занималъ прежнюю свою позицію, равнымъ образомъ штабъ-квартира генерала Лестока оставалась по-прежнему въ Мельзакѣ.

13-го (25-го) марта получено было извѣстіе, что генераль Щербатовъ благополучно прибылъ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ къ Данцигу.

При тѣхъ обстоятельствахъ ¹⁾, въ которыхъ мы вообще находились,

¹⁾ Слѣдующія затѣмъ строки и письмо Веннигсева и два высочайшіе рескрипта извлечены изъ записокъ его, хранящихся въ архивѣ Военно-ученаго комитета.

я счелъ своимъ долгомъ обратиться къ государю императору съ просьбою о томъ, чтобы его величество, не теряя времени, прибылъ лично въ армию, для указанія, какъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій, такъ и другихъ распоряженій, сдѣлавшихся необходимыми вслѣдствіе нашихъ отношеній къ другимъ державамъ, заинтересованнымъ въ исходѣ борьбы, которую мы одни вели съ Наполеономъ. Поэтому 9-го марта 1807 года изъ Бартештейна я написалъ его величеству слѣдующее письмо:

«Ваше императорское величество! Неоднократныя извѣщенія, получаемыя мною, о намѣреніяхъ г. министра Цастрова побудить всѣми силами короля прусскаго вступить въ тайные переговоры съ Наполеономъ, вынуждаютъ меня повторить вновь желаніе, которое я осмѣлился выразить въ послѣднемъ моемъ рапортѣ, именно, о томъ, чтобы ваше императорское величество ускорили бы прибытіе въ армию.

«Хотя король и твердо держится высказанныхъ имъ доселѣ воззрѣній и къ счастью г. Гарденбергъ пользуется снова его довѣріемъ, но только одно присутствіе вашего императорскаго величества въ состояніи предотвратить печальныя вліянія этихъ попытокъ Цастрова на намѣреніе вѣнскаго двора, который, конечно, не замедлитъ узнать въ скоромъ времени о всемъ происходящемъ.

«Кромѣ того, я полагаю, что прибытіе вашего величества въ армию сильно побудитъ вѣнскій кабинетъ высказаться положительно о томъ, какой стороны онъ предполагаетъ держаться. Не подлежитъ сомнѣнію, что если австрія примутъ немедленно участіе съ нами въ войнѣ съ французами, то Бонапартъ со своею арміею, безъ кавалеріи и даже артиллерійскихъ лошадей, лишенною всего необходимаго, со множествомъ больныхъ и раненыхъ, будетъ совершенно уничтоженъ и раздавленъ. Бонапарту является совершенною невозможностію отрядить кадры, для формировація новой арміи, тѣмъ болѣе, что онъ, по имѣющимся достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, уже потребовалъ къ себѣ всѣ вспомогательныя войска и плохіе польскіе полки, набранныя съ большимъ принужденіемъ, чтобы противопоставить ихъ арміямъ вашего императорскаго величества. Численность войскъ Бонапарта на обоихъ берегахъ Вислы, включая всѣ вышеназванныя войска, конечно, не превышаетъ ста или ста десяти тысячъ солдатъ, изъ коихъ 90.000 находятся передо мною; остальные же у Данцига, Грауденца, въ Варшавѣ (одинъ только полкъ баварцевъ) и немного противъ отряда генерала Эссена у Пултуска.

«Ваше императорское величество дозволите мнѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе, вызываемое преданностію къ вашей особѣ и рвеніемъ къ славѣ и интересамъ вашего величества. Если Австрія будетъ колебаться принять участіе съ нами въ этой войнѣ, то казалось бы, настаетъ моментъ къ заключенію почетнаго и выгоднаго мира съ Бонапартомъ. Коль скоро онъ предлагалъ уже возвратитъ королю прусскому его владѣнія до Эльбы,

то, конечно, онъ согласится охотно возвратить и остальные и не вмѣшиваться болѣе въ дѣла Турціи. Поэтому, если возникнетъ вопросъ о какихъ-либо съ нимъ переговорахъ, то присутствіе вашего императорскаго величества въ арміи будетъ имѣть еще болѣе важное значеніе. Считаю необходимымъ присовокупить, что продолженіе войны съ Франціею считаю я опаснымъ для Россіи. Очень опасуюсь за Данцигъ; прусское правительство слишкомъ пренебрегало этою крѣпостью. Комендантъ, генералъ Манштейнъ, ослабилъ ея гарнизонъ постоянными и бесполезными вылазками, такъ что онъ не превышаетъ цифры 8—9 тысячъ солдатъ прусскихъ войскъ. Опасаюсь, что посланное мною подкрѣпленіе изъ трехъ батальоновъ, подъ командою Щербатова, подойдетъ слишкомъ поздно. Если бы я заблаговременно получилъ извѣстіе о значительныхъ запасахъ въ этой крѣпости, я предложилъ бы его величеству прусскому королю перевезти оныя насколько возможно въ Пиллау. Кромѣ того, до прибытія ко мнѣ подкрѣпленія, подъ начальствомъ его императорскаго высочества великаго князя, я не въ состояніи что-либо предпринять на моемъ правомъ флангѣ, чтобы войти въ сообщеніе съ этою крѣпостью».

На это письмо я удостоился получить слѣдующій высочайшій рескриптъ, на французскомъ языкѣ, изъ Петербурга отъ 15-го марта 1807 года.

«Я получилъ, генералъ, своевременно ваши различные рапорты; въ двухъ послѣднихъ въ особенности вы выражаете ваше мнѣніе о моемъ прибытіи въ армію, которое доставило мнѣ отиѣнное удовольствіе. Поэтому я не долго собирался въ путь и выѣзжаю завтра. Дней черезъ пять рассчитываю быть въ Мемслѣ, гдѣ пробуду лишь самое необходимое время для переговоровъ о дѣлахъ съ прусскимъ королемъ и затѣмъ съ быстротою буду продолжать мой путь. Предоставляю себѣ переговорить съ вами словесно о всемъ и возобновить вамъ то чувство уваженія, которое къ вамъ питаю».

Вскорѣ послѣ этого, государь императоръ изъ Кавелина, противъ самаго Юрбурга, удостоилъ меня слѣдующимъ рескриптомъ отъ 30-го марта 1807 года ¹⁾:

«Я получилъ своевременно ваше предложеніе г. Рыбоьеру и послалъ его далѣе, чрезвычайно одобрявъ вашу мысль. Я поручилъ ему сообщить вамъ о всѣхъ сдѣланныхъ мною распоряженіяхъ въ этомъ отношеніи и прилагаю при семъ составленное имъ донесеніе ²⁾. Я не много замедлил отправкою этого письма, желая имѣть возможность со-

¹⁾ Императоръ Александръ находился въ Юрбургѣ 28-го марта, гдѣ пробылъ четыре дня и отправился въ Бартештейнъ 2-го апрѣля (см. Михайловскій-Данилевскій, «Описаніе войны 1806—1807 годовъ», стр. 255).

²⁾ Этого донесенія нѣтъ въ бумагахъ.

общить вамъ одновременно объ успѣхѣ моихъ указаній королю прусскому относительно перемѣны его министерства. Дѣйствительно, все исполнилось согласно нашимъ общимъ желаніямъ и, можно сказать, согласно желаніямъ всѣхъ благонамѣренныхъ кабинетовъ. Гарденбергъ замѣнилъ генерала Цастрова, и теперь не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, ни недовѣрія относительно расположеній прусскаго кабинета. Баронъ Гарденбергъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, и вчера уже состоялось первое наше съ нимъ совѣщаніе. Сегодня же у насъ будетъ и второе, а завтра мы отправляемся въ Шиппенбейль, гдѣ договоримся и условимся о всѣхъ остальныхъ дѣлахъ. Дальнѣйшее пребываніе здѣсь совершенно неудобно, по причинѣ разлитія рѣкъ и таянія льда. Повидимому, все устроилось согласно вашимъ желаніямъ, и мое прибытіе въ армію совершенно совпадетъ съ прибытіемъ гвардейскихъ полковъ. Предоставляю себѣ удовольствіе васъ увидѣть и словесно увѣрить въ томъ уваженіи, которое къ вамъ имѣю».

15-го (27-го) марта, 23-й и 24-й пѣхотные егерскіе полки подошли къ арміи; это было новое подкрѣпленіе, которое я присоединилъ къ авангарду князя Багратіона. Эти свѣжія войска, а также возвратившіяся изъ госпиталя и отрядъ, приведенный графомъ Толстымъ, довели общую цифру русской арміи, подъ моимъ начальствомъ, до 60.000 человекъ въ строю.

Во все это время только генераль-лейтенантъ Платовъ продолжалъ малую войну и поражалъ постоянно непріятеля со стороны нашего лѣваго фланга, всѣ же остальные наши войска стояли спокойно въ своихъ квартирахъ, отдыхали отъ прежнихъ трудовъ и пользовались спокойствіемъ, въ которомъ нуждались въ виду значительнаго числа больныхъ, находившихся въ госпиталяхъ, значительно уменьшавшихъ наличный составъ арміи. Въ это время кампанія объ арміи занималась различными сооруженіями, для болѣе удобнаго сохраненія занятыхъ ими позицій. Я возвелъ много укрѣпленій при избранной мною позиціи, при Гейльсбергѣ, т. е. по обомъ берегамъ р. Алле, такъ что съ какой бы стороны ни вздумали насъ атаковать французы, они вездѣ напали бы насъ въ выгодныхъ и сильныхъ позиціяхъ; кромѣ того, сдѣланы были флешы въ окрестностяхъ Лаунау и Зехерна.

Французы, со своей стороны, соорудили множество батарей и мостовыхъ укрѣпленій на правомъ берегу Пассарги противъ нашего лѣваго фланга. На р. Вислѣ была укрѣплена Прага, а также Торпъ и Маріенбургъ.

Сообщилъ П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**О переводѣ буйволовъ изъ Хатунской волости въ подмосков-
ныя села.**

*Въ Москву, Главной Дворцовой канцеляріи въ контору, Дворцовой Ха-
тунской волости отъ управительскихъ дѣлъ донесеніи.*

30-го іюля 1757 года.

Понеже въ оной волости имѣются въ наличности и на скотномъ дворѣ и на полевомъ корму содержится казенныхъ буйволовъ и буйволицъ шесть, отъ коихъ приплодныхъ въ нынѣшнемъ 1757 году буйвоковъ два, а кромѣ того приплоду, отъ буйволицъ молока и скоповъ никакихъ не бываетъ и оныя буйволы уповательно, что слѣдуютъ къ содержанию по близости въ подмосковныхъ селахъ или въ звѣринцѣ, только для одного куріозу, а здѣсь по дальности отъ Москвы такой надобности въ нихъ быть не признавается—того ради не соблаговолено ли будетъ тѣ буйволы взять въ подмосковныя села или въ звѣринецъ. О томъ оныя управительскія дѣла требуютъ о присылкѣ ея императорскаго величества указу.

Камергирь Авакасій Яковлевъ.

П. А. Валуевъ и А. Г. Тройницкій.

Изъ писемъ А. Г. Тройницкаго ¹⁾.

5.

Къ Н. Г. Тройницкому.

С.-Петербургъ, 13-го декабря 1861 г.

У меня на столѣ четыре твоихъ письма, на которыя я не отвѣчалъ. Такой неисправности за мною не водилось; но никогда на мнѣ не лежало и такой массы дѣлъ, какая налегла на меня со времени назначенія моего товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ,—о чемъ, однакожь, кажется, я тебѣ написалъ. Министръ возложилъ на меня болѣе половины текущихъ дѣлъ по всѣмъ департаментамъ, такъ что, я думаю, въ губернаторскихъ канцеляріяхъ цѣлой Россіи моя подпись сдѣлается скоро гораздо знакомѣе подписи самого министра: это одно отнимаетъ у меня страшно много времени. Но къ этому на первыхъ порахъ присоединилась обязанность явиться государю и сдѣлать болѣе 30-ти официальныхъ визитовъ всѣмъ министрамъ, всѣмъ ихъ товарищамъ и еще нѣсколькимъ высоко стоящимъ лицамъ. Государь принялъ меня ²⁾ чрезвычайно ласково, въ своемъ кабинетѣ, наединѣ. При входѣ моемъ, онъ всталъ, подалъ мнѣ руку и послѣ нѣсколькихъ пріятныхъ словъ, пригласилъ сѣсть; по вторичному такому же приглашенію (на первое я не подался) я сѣлъ противъ него; онъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ о моей

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1899 г.

²⁾ 27-го ноября, въ понедѣльникъ, въ 12 часовъ.

повѣдѣнъ и о вынесенныхъ мною впечатлѣніяхъ; я весьма подробно высказалъ, что видѣлъ и что слышалъ. Государь, куря папирску, слушалъ очень внимательно, дѣлалъ свои замѣчанія, однимъ словомъ велъ разговоръ, какъ могъ бы вести всякій любознательный человѣкъ, и, прибавлю, человѣкъ очень знакомый съ крестьянскимъ дѣломъ. Разговоръ мой продолжался около получаса. Спросивши, сообщилъ ли я свои наблюденія министру, онъ всталъ и, прощаясь со мною, снова пожалъ мнѣ руку. Не знаю, какое впечатлѣніе произвела моя личность на государя: но онъ произвелъ на меня самое выгодное впечатлѣніе своею привѣтливостью, своимъ спокойствіемъ и внимательностью къ тому, что я говорилъ. Министры, которыхъ я засталъ дома, приняли меня очень ласково; такой же ласковый пріемъ встрѣтилъ я отъ нихъ (куда какъ ласковѣе обычнаго пріема одесскою властью) и въ засѣданіи комитета министровъ, въ которомъ я разъ уже присутствовалъ за своего министра. Однимъ словомъ, я вполне вступилъ въ свою новую должность подъ довольно благоприятными условіями.

6.

Къ А. А. Скальковскому.

24-го февраля 1862 года.

Виновать я передъ вами, что такъ долго не отвѣчалъ на ваши письма и не поблагодарилъ за доброе поздравленіе съ моимъ новымъ назначеніемъ. Это назначеніе, которое для меня было неожиданностью, и причиною моей несправности. Исполненіе служебныхъ обязанностей съ нимъ сопряженныхъ беретъ у меня столько времени что не только для чужихъ, но и для своихъ частныхъ дѣлъ у меня не остается рѣшительно досуга. Довольно сказать, что теперь на министерствѣ лежатъ, кромѣ обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ: дѣла крестьянскія, дѣла дворянскія, очень усложняющіяся, преобразование всѣхъ губернскихъ учреждений, и проч. Государь сказалъ правду, выразившись при пріемѣ меня, что онъ считаетъ въ настоящую минуту министерство внутреннихъ дѣлъ самымъ труднымъ. Дай Богъ силы и умѣнья на поприщѣ, и трудномъ и скользкомъ, котораго я не ожидалъ.

7.

15-го іюня 1862 года.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становлюсь я несправнымъ корреспондентомъ; извиненіе мое только въ томъ, что чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе накапливается у меня дѣлъ, занимающихъ и утомляющихъ мою голову и руку. Двѣ трети текущихъ дѣлъ министерства, всѣ сношенія съ Сенатомъ, со времени назначенія меня сенаторомъ ¹⁾, часть дѣлъ газетныхъ, цензурныхъ и въ послѣднее время приведеніе въ порядокъ

¹⁾ Это назначеніе состоялось 31-го марта 1862 года.

дѣль министерства, возобновленіе сгорѣвшаго его зданія, а тутъ еще извѣстная доля участія въ разслѣдованіяхъ политическихъ и пожарныхъ,—вотъ что заботить и обременяетъ меня. Не хвастовства ради говорю объ этомъ, но чтобъ оправдаться въ моей неисправности. А. И. Левшинъ, сдѣлавшись товарищемъ министра ¹⁾, говорилъ мнѣ самъ, что онъ прекратилъ всю частную переписку; но у него не было и четверти моихъ занятій.

При всемъ томъ я стараюсь не забыть ни одной изъ обращающихся ко мнѣ бывшими ко мнѣ близкими людьми просьбъ.

Приразмежеваніи работы между министромъ и мною, онъ большую часть текущихъ дѣлъ передалъ мнѣ, но составъ всего личнаго строя министерства, какъ и слѣдовало, удержалъ за собою, такъ что я дѣйствительно не имѣю вліянія на назначеніе ни губернаторовъ, ни вице-губернаторовъ. Вотъ почему я точно мало могу помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ. Сверхъ того вы желаете получить мѣсто въ генераль-губернаторствѣ; въ эти мѣста большею частію не мѣшается и министръ, предоставляя выборы въ краяхъ васъ интересующихъ, гр. Строганову ²⁾ и кн. Васильчикову ³⁾.

8.

Къ М. Ѡ. Тройницкой.

С.-Петербургъ, 9-го ноября 1862 г.

Въ нынѣшнемъ году я одѣлся чрезвычайно неисправенъ въ своей корреспонденціи и у меня лежатъ десятки писемъ безъ отвѣта. Но въ этомъ трудно винить меня. Въ два пріема въ этомъ году, лѣтомъ и теперь, пришлось мнѣ по полтора мѣсяца почти управлять министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по отсутствію министра. Въ октябрѣ онъ ѣздилъ въ Москву и Нижній-Новгородъ, возвратился на нѣсколько дней и теперь опять, вслѣдъ за государемъ, ѣдетъ на двѣ недѣли въ Москву. Въ такое время, кромѣ моихъ обыкновенныхъ, весьма не легкихъ занятій, приходится мнѣ бывать въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ Министровъ, кромѣ Сената, при чемъ надобно приготовляться къ тому, что тамъ говорить,—ѣздить съ докладами къ государю, который ко мнѣ постоянно очень ласковъ, всегда подаетъ руку и даже говорить ты; готовить ему письменные доклады, переговариваться по телеграфу съ генераль-губернаторами и губернаторами, принимать почти каждый день пріѣзжихъ губернаторовъ и предводителей дворянства, да по де-

¹⁾ Занималъ эту должность съ 17-го октября 1855 года до 3-го апрѣля 1859 года.

²⁾ Гр. Александръ Григорьевичъ Строгановъ былъ новороссійскимъ и бессарабскимъ генераль-губернаторомъ въ 1855—1862 г.г.

³⁾ См. „Русск. Стар.“ 1899, июль, стр. 233.

сятку просителей: при такомъ кругѣ дѣлъ, несмотря на то, что я никогда не ложусь ранѣе 2-хъ часовъ ночи—не правда ли, что не рано—у меня не выискивается получаса въ день, чтобы написать письмо.

9.

Къ Н. Г. Тройницкому.

С.-Петербургъ, 28-го января 1863 г.

... Въ отношеніи же служебномъ и, какъ бы сказать, политическомъ, правда, что меня лично знаютъ государь и государыня и при встрѣчѣ во дворцѣ не проходятъ мимо меня безъ ласковаго слова, правда, что я теперь въ непосредственныхъ, личныхъ сношеніяхъ со всѣми высшими государственными дѣятелями, но зато сколько столкновений, сколько нареканий, то за дѣйствія, то за бездѣйствіе министерства, по взглядамъ того или другого, какъ часто приходится нести отвѣтственность и за себя и за министра, съ которыми отношенія мои очень хороши, но съ которыми мы однакожь не во всемъ сходимся; онъ, не будучи ни графомъ, ни княземъ, аристократъ въ душѣ и въ формахъ, человекъ двора и высшаго общества, а же къ этимъ сферамъ не принадлежу ни тѣломъ, ни душою. Скальковский слишкомъ лестно, не знаю по какимъ даннымъ, отозвался о моемъ положеніи; оно не такъ блистательно, не такъ вліятельно, какъ ему показалось (если ему дѣйствительно такъ показалось), и я ни подъ какимъ видомъ не кандидатъ въ министры, въ которые производятъ меня въ Одессѣ и въ Малороссіи. Не говоря о многихъ тому препятствіяхъ, по совѣсти я того и не желаю ни подъ какимъ видомъ: я уже слишкомъ старъ для должности министра, въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь должна быть понимаема и исполняема; для этого нужны, какъ *conditio sine qua non*, свѣжія и молодые силы. Относительно меня, одинъ разъ на всегда, нѣтъ и не можетъ быть рѣчи.

..... весьма трудно опредѣлить какъ будетъ устроена цензура въ Россіи. Она передана въ наше министерство, но мы не дали еще себѣ отчета, что мы съ нею сдѣлаемъ. Мы—говорю неправильно, потому что я до послѣдняго дня вооружался противъ самаго принципа передачи цензуры изъ министерства народнаго просвѣщенія въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Мое мнѣніе не прошло, потому что Валуевъ думаетъ иначе. Нынѣ это совершившійся фактъ, но по соглашенію съ министромъ все направление этого дѣла онъ предоставляетъ себѣ лично, пока изучитъ и разъяснитъ его; мнѣ онъ взаменъ передалъ часть другихъ дѣлъ...

10.

Къ А. А. Скальковскому.

11-го февраля 1863 года.

Мою несправность если не оправдываетъ, то извиняетъ мое тяжелое служебное положеніе. Во второй половинѣ минувшаго года мнѣ въ крѣпко убѣляющаго мою голову, поглощало огромною матеріальною работою все мое время, такъ что частная переписка сдѣлалась для меня рѣшительно невозможною. Въ концѣ года министръ воротился, но тутъ на мою долю пришлось составленіе смѣты министерства ²⁾, потомъ перешла къ намъ цензура, которую, правда, министръ предоставлялъ себѣ, но передавши мнѣ половину дѣлъ по крестьянскому вопросу, затѣмъ выросъ изъ земли фатальный польскій вопросъ, затѣмъ... но не хочу пересчитывать далѣе, что обременяетъ мою голову и мою руку.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ вы съ нѣкоторою горечью упомянули о томъ—чѣмъ лучше васъ Александровскій ³⁾ и Всев.? Последняго я не знаю лично и во всѣхъ личныхъ назначеніяхъ по министерству положительно, *quoiqu'on en dise*, не имѣю участія. Но не скрою отъ васъ одного изъ преимуществъ двухъ названныхъ вами личностей: они молоды; а въ настоящее, крѣпко трудное, но и крѣпко живое время, это неотъемлемое достоинство. Недостатокъ его я чувствую въ себѣ и очень начинаю думать, что, въ виду тяготящихся надъ нами громаднѣхъ задачъ, и мнѣ скоро придется по совѣсти сказать для себя: довольно и уступать мѣсто силамъ болѣе молодымъ.

¹⁾ П. А. Валувевъ былъ въ Дуббельнѣ лѣтомъ, въ сентябрѣ въ Новгородѣ—на открытіи памятника тысячелѣтія Россіи, а въ концѣ года ѣздилъ въ Москву, гдѣ провелъ нѣкоторое время императоръ Александръ II, и въ Нижній-Новгородѣ.

²⁾ Въ то время въ Государственномъ Совѣтѣ происходили учашенныя, весьма продолжительныя, засѣданія по выработкѣ главныхъ основаній преобразованія судебной части.

³⁾ Смѣты на 1863 годъ впервые составлялись по утвержденнымъ въ 1862 году смѣтнымъ правиламъ.

⁴⁾ 28-го декабря 1862 года былъ назначенъ пензенскимъ губернаторомъ.

11.

Къ М. О. Тройницкой.

С.-Петербургъ, 20-го мая 1863 г.

.. О себѣ не скажу ничего особенно новаго. Похваляюсь развѣ тѣмъ, что 17-го апрѣля, въ день рожденія государя, мнѣ пожаловано четыре тысячи десятинъ земли въ Самарской губерніи. Это очень далеко, и не скоро еще будетъ отведено въ мое владѣніе, но во всякомъ случаѣ это будетъ хорошій подарокъ для моихъ сыновей. Я лично благодарилъ государя за этотъ подарокъ. Онъ пожалъ мою руку и сказалъ мнѣ: «Благодарю васъ за вашу прошедшую, настоящую и надѣюсь будущую службу». Я могъ только отвѣчать, что и моя служба и жизнь и моихъ сыновей принадлежать ему.

12.

Къ А. А. Скальковскому.

2-го сентября 1863 года.

Считаю долгомъ увѣрить, что съ 9 часовъ утра до 2 часовъ за полночь, постоянно и ежедневно, у меня не выходитъ изъ рукъ бумага, перо или карандашъ, что я два года уже не читалъ ни одной книги, а между тѣмъ едва успѣваю сладить съ массою ежедневно накапливающихся дѣлъ. Частная переписка стала для меня почти невозможною. Исполняю всѣ порученія какъ могу, но отчитываться въ нихъ не имѣю времени.

Я не упустилъ изъ виду ни одного изъ вашихъ порученій.

13.

13-го декабря 1863 года.

Ни я лично, ни министръ внутреннихъ дѣлъ не можемъ оказать вамъ ни малѣйшаго содѣйствія къ перемѣщенію на службу въ царство Польское. Не только по царству, но и по сѣверо-западному краю вся роль министра, въ случаѣ полученія имъ просьбъ о перемѣщеніи туда русскихъ чиновниковъ, ограничивается передачею этихъ просьбъ съ документами на усмотрѣніе генераловъ графа Берга и Муравьева. Сначала Муравьевъ требовалъ высылки къ нему чиновниковъ обязательно, но съ тѣмъ, чтобы они предоставлялись въ безусловное его распоряженіе, безъ предназначенія имъ мѣста; теперь этого не дѣлается, а просто пересылаются просьбы и документы. Съ графомъ Бергомъ по этому предмету нѣтъ и такихъ сношеній; онъ распоряжается самъ.

14.

Къ Н. Г. Тройницкому.

С.-Петербургъ, 17-го іюня 1864 г.

. Министерствомъ финансовъ вообще не довольны; неудачная попытка прошлаго года по возстановленію цѣнности рубля, стоившая казнѣ миллионъ тридцать, брошенныхъ на вѣтеръ, неравновѣсіе государственнаго бюджета, низкость нашего курса, стѣсненіе всего и всѣхъ виннымъ акцизомъ, и многое другое легко могутъ имѣть послѣдствіемъ переѣмъ въ высшихъ слояхъ финансоваго управленія. Не ручаюсь и за своего министра; онъ долженъ постоянно маневрировать между двухъ водъ: съ одной стороны ультра-православная (модификація славянофильской) партія, требуетъ чуть не истребленія всего, не только польскаго, но вообще инновѣрческаго въ Россіи, съ другой — ультра-либеральная (т. е. самая деспотическая) добивается власти, чтобы все унивелировать, т. е. стереть дворянство и выдвинуть владычество массъ, которыми она могла бы ворочать и экспериментировать по произволу. Валуевъ чуть не одинъ борется съ этими партіями, стремящимися къ власти: долго ли онъ устоитъ, хотя до сихъ поръ государь его очень жалуешь, отгадать нельзя...

15.

С.-Петербургъ, 11-го марта 1867 г.

... Когда я заявилъ о своемъ предположеніи (оставить къ концу года должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ) ¹⁾ министру, то онъ, посѣтивъ меня черезъ нѣсколько дней послѣ того, сказалъ мнѣ, что, по своей обстановкѣ въ настоящую минуту, онъ считаетъ себя довольно сильнымъ, чтобы, въ случаѣ оставленія мною министерства, доставить мнѣ, какъ онъ бы желалъ, высшее положеніе, т. е. ввести въ Государственный Совѣтъ, а что чрезъ полгода онъ не можетъ поручиться за то, чтобы онъ былъ въ состояніи это сдѣлать, и потому спросилъ моего согласія на то, чтобы устроить это дѣло теперь же, тѣмъ болѣе, что медики требуютъ моей поѣздки въ маѣ за границу на воды. Разумѣется, что при этомъ условіи я его поблагодарилъ и согласился на его предложеніе. Онъ доложилъ о томъ государю, который съ перваго слова

¹⁾ 20-го января 1867 г. А. Г. Тройницкій серьезно заболѣлъ, а въ срединѣ февраля болѣзнь приняла опасный оборотъ. Это и нѣсколько за нимъ слѣдовавшихъ писемъ А. Г. Тройницкій диктовалъ женѣ или сыну, такъ какъ самъ писать не могъ. Въ это время и сложилось у него намѣреніе просить осенью объ увольненіи отъ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

изъявилъ на это согласіе, и вслѣдствіе того, указомъ 9-го марта, я уволенъ отъ должности товарища министра и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта... Конечно, я никогда и не мечталъ объ этомъ, оставляя Одессу. Въ служебномъ отношеніи, мнѣ не остается ничего болѣе ни желать, ни искать; остается только желать возстановленія моего здоровья, при вступленіи завтра въ седьмой десятокъ лѣтъ... сегодня уже появился въ «Сѣверной Почтѣ» указъ о моемъ преемникѣ по министерству: это бывшій посланникомъ въ Константинополь, а потомъ орловскимъ губернаторомъ, князь Лобановъ-Ростовскій. Человѣкъ еще молодой.

16.

Къ М. Ѳ. Тройницкой.

С.-Петербургъ, 15-го марта 1867 г.

... Я не хотѣлъ, чтобы вамъ писали о моей болѣзни, пока я былъ въ трудномъ положеніи, чтобы васъ не напугать. Теперь пишу самъ, и вы можете быть спокойны на мой счетъ.

Нѣтъ худа безъ добра. Такъ случилось и со мною. Никогда не думалъ я, чтобы я заслужилъ здѣсь, въ столицѣ, гдѣ я все-таки чужой, такое участіе, какое я видѣлъ. Когда въ городѣ узнали о моей тяжелой болѣзни, то и знакомые и мало-знакомые, и большіе люди и малые, человѣкъ по 30—40 въ день, являлись узнавать о моемъ здоровьѣ. Многіе служили за меня молебны. Императрица три раза присылала своего секретаря узнавать о моемъ положеніи; а государь, съ того дня, какъ узналъ объ опасности, которая мнѣ угрожала ¹⁾, каждый день, вотъ уже мѣсяць, присылаетъ по утру фельдъегерскаго офицера узнавать и доносить ему о моемъ здоровьѣ; это продолжается и до сихъ поръ и сегодня утромъ былъ еще у меня царскій посланный. Московскій митрополитъ Филаретъ, узнавши отъ одной моей знакомой о моей болѣзни, прислалъ мнѣ изъ своей Троицкой Лавры на благословеніе маленькую икону св. Сергія. Не даромъ, значить, я прослужилъ честно и прямо.

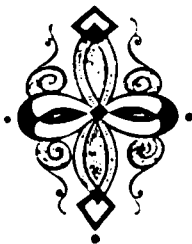
Указъ о моемъ новомъ назначеніи полученъ мною 12-го марта, т. е. въ день, когда мнѣ кончилось 60 лѣтъ, а благословеніе Филарета пришло въ день моихъ именинъ ²⁾: слѣдовательно мой 61-й годъ начался благополучно. Дай Богъ благополучнаго продолженія. Прибавлю къ этому, что когда въ министерствѣ узнали о моемъ назначеніи, то всѣ директоры и вице-директоры департаментовъ и члены министерскихъ совѣтовъ,

¹⁾ 17-го февраля П. А. Валувъ говорилъ государю о почти безнадежномъ положеніи больнаго товарища.

²⁾ 13-го марта; А. Г. Тройницкій писалъ по этому поводу къ митрополиту Филарету 14-го марта 1867 г.

вмѣстѣ съ новымъ товарищемъ министра, человекъ 35, явились ко мнѣ въ полныхъ мундирахъ (а я съ трудомъ могъ надѣть сюртукъ), чтобы попрощаться со мною, и старшій изъ нихъ, графъ Сиверсъ ¹⁾, сказалъ мнѣ прекрасную рѣчь, въ которой тепло и душевно высказалъ общее сожалѣніе, что я оставляю министерство, и поблагодарилъ отъ имени всѣхъ за то, что въ теченіе 6-ти лѣтъ они не встрѣтили отъ меня никакой непріятности, что я помогалъ всѣмъ въ чемъ могъ и со всѣми былъ ласковъ и обходителенъ. Я поблагодарилъ ихъ какъ умѣлъ и сказалъ, что несмотря на свое неожиданное повышение, съ сожалѣніемъ расстаюсь съ министромъ и съ министерствомъ, гдѣ прослужилъ около 10-ти лѣтъ, не встрѣтивъ никогда никакой непріятности... Я спросился съ министромъ и съ министерствомъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Сообщилъ Г. А. Тройницкій.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, 1899, июль, стр. 240.

П о п р а в к и:

	Напечатано:	Должно быть:
Въ июльской книжкѣ:		
Стр. 233, въ 7-й строкъ снизу	Иларіоновичъ	Иларіоновичъ
Въ августовской книжкѣ:		
Стр. 472, въ 17-й строкъ	желаній	желанія
„ 476, „ 3-й „	1868	1864
„ 477, „ 7-й „	исправительной	исполнительной
Въ сентябрьской книжкѣ:		
Стр. 697, въ 4-й строкъ сверху	24	26
„ — „ 6-й „ снизу	ландрата	ландтага
„ 703, „ 6-й „ сверху	мимоходомъ	мимоходить

Поселеніе духоборцевъ на р. Молочной.

Рескриптъ императора Александра I новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому.

1-го іюля 1802 г. С.-Петербургъ.

Получивъ донесеніе ваше о назначеніи для духоборцевъ Новороссійской и Слободской Украинской губерніи въ Маріупольскомъ уѣздѣ по рѣчкѣ Молочной земли для населенія удобной четырехъ тысячъ девяти сотъ сорока десятинь и неудобной пятисотъ шестидесяти шести десятинь съ представленіемъ и плана ей, всѣ сдѣланныя вами по сему распоряженія утверждаю и поручаю вамъ привести ихъ къ надлежащему концу. Что принадлежитъ до именованія сей новозаселяемой слободы, оно можетъ быть назначено по ихъ избранію, или по вашему усмотрѣнію, только бы не имѣло оно какого-либо явнаго и неприличнаго къ ихъ сектѣ отношенія.—Пребываю въ прочемъ вамъ благосклонный.

венію могутъ послужить только личныя неудовольствія руководящихъ ими государственныхъ людей.

Подчиненные Горчакова по министерству говорили о немъ: «Il se mire dans son empier»¹⁾). Большая часть горчаковскихъ депешъ, и при томъ самыя содержательныя писаны не имъ, а Жюмини, весьма искуснымъ редакторомъ. Онъ былъ сынъ одного швейцарскаго генерала, принятаго на рускую службу императоромъ Александромъ. Въ депешахъ, писанныхъ подъ диктовку Горчакова, было болѣе риторическаго краснорѣчія, тогда какъ депеши Жюмини имѣли болѣе практическій характеръ. Диктуя, онъ имѣлъ обыкновеніе принимать извѣстную позу, сказавъ предварительно: «écrivez!»²⁾ и если писавшій подъ диктовку понималъ свою обязанность какъ должно, то ему слѣдовало, при особенно хорошо округленныхъ фразахъ, бросить удивленный взглядъ на своего начальника, который былъ къ этому весьма чувствителенъ. Горчаковъ владѣлъ съ одинаковымъ совершенствомъ русскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ языками.

Графъ Кутузовъ былъ генералъ честный и честолюбивый. Въ началѣ, благодаря своей знаменитой фамиліи, онъ занималъ въ Петербургѣ видное положеніе, служа въ гвардейскомъ кавалерійскомъ полку; но не пользовался благоволеніемъ императора Николая; и когда государь, какъ мнѣ рассказывали въ Петербургѣ, закричалъ ему однажды во фронтъ: «Кутузовъ, ты не умѣешь ѣздить, я переведу тебя въ пѣхоту», то онъ вышелъ въ отставку и вступилъ въ ряды войска только въ Крымскую кампанію, занимая незначительную должность; въ царствованіе Александра II онъ продолжалъ службу въ арміи и, наконецъ, былъ назначенъ военно-уполномоченнымъ въ Берлинъ, гдѣ своей честностью и добродушіемъ приобрѣлъ немало друзей. Въ франко-прусскую войну онъ сопровождалъ короля прусскаго въ качествѣ русскаго флигель-адъютанта; быть можетъ, несправедливая оцѣнка его кавалерійскихъ способностей, сдѣланная императоромъ Николаемъ, повліяла на него, задѣвъ его самолюбіе, такъ что онъ совершалъ впоследствии за королемъ и его свитою всѣ перѣзды верхомъ, проѣзжая нерѣдко версты 50—70 въ день. О его добродушіи и простотѣ свидѣтельствуетъ слѣдующій случай, бывшій на охотѣ въ Вустергаузенѣ. Онъ рассказывалъ однажды въ присутствіи короля, что его предки происходили изъ принадлежащей нѣкогда Пруссіи части Литвы и перешли въ Россію, подъ именемъ Куту, на что графъ Фрицъ Эйленбургъ замѣтилъ, съ обычнымъ своимъ остроуміемъ: «Послѣдній слогъ: 'soiff'³⁾ вы прио-

¹⁾ Онъ любитъ собою, смотрясь въ чернильницу.

²⁾ Пишите.

³⁾ Пьянство.

брѣли, слѣдовательно, въ Россіи»,— всеобщій взрывъ хохота, въ которомъ принялъ искреннее участіе самъ Кутузовъ.

Помимо весьма добросовѣстныхъ сообщеній, которыя посылалъ въ Россію этотъ почтенный генералъ, великій герцогъ Саксонскій велъ собственноручно правильную переписку съ императоромъ Александромъ II и сообщалъ ему самыя вѣрныя свѣдѣнія. Великій герцогъ относился ко мнѣ всегда чрезвычайно благосклонно и былъ въ Петербургѣ посредникомъ дружественныхъ отношеній между обоими кабинетами.

Возможность европейскаго вмѣшательства была для меня источникомъ тревоги и возбуждала мое нетерпѣніе, по поводу затанувшей осады. Въ такомъ положеніи, каково было наше подъ Парижемъ, при наилучшихъ предводителяхъ войска и величайшей его храбрости, въ военное время всегда возможна перемѣна счастья вслѣдствіе всевозможныхъ случайностей; наше положеніе между сильною численностью арміей осажденныхъ и военными силами, находившимися въ провинціи, за численностью и мѣстомъ нахождения которыхъ трудно было услѣдить, представляло богатое поле для таковыхъ случайностей, хотя подъ Парижемъ наши войска и были ограждены съ запада, съ сѣвера и съ востока Франціи. Не было никакой возможности предвидѣть, какъ подѣйствуютъ на здоровье нѣмецкихъ войскъ тягости необычайно суровой зимы. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, нельзя сказать, чтобы съ моей стороны было пустымъ страхомъ, если меня мучила во время бессонныхъ ночей забота о томъ, что послѣ столь крупныхъ побѣдъ наши политическіе интересы могли серьезно пострадать, вслѣдствіе слишкомъ медленнаго хода нашихъ военныхъ дѣйствій подъ Парижемъ. Приближалась историческая развязка вѣковой борьбы, происходившей между сосѣдними народами, и можно было опасаться, что она будетъ зависѣть отъ личнаго, преимущественно женскаго вліянія, сильнаго не политическими соображеніями, а тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производятъ до сихъ поръ на нѣмецкіе умы слова «гуманность и цивилизація», занесенныя къ намъ изъ Англіи; во время Крымской войны намъ также проповѣдывали изъ Англіи, что мы обязаны поднять оружіе за турокъ, ради «спасенія цивилизаціи».

Наиболѣе важныя въ 1870 г. вопросы можно было обсуждать, какъ вопросы чисто военные, и ухватиться за этотъ предлогъ, чтобы лишить меня права участвовать въ обсужденіи ихъ; между тѣмъ отъ того или иного рѣшенія этихъ вопросовъ зависѣла возможность дипломатическихъ переговоровъ и, ежели бы результатъ франко-прусской войны былъ менѣе благоприятенъ для Германіи, то эта большая война съ ея побѣдами и воодушевленіемъ народа не имѣла бы тѣхъ послѣдствій, какія она могла имѣть для нашего національнаго объединенія.

Я всегда былъ увѣренъ, что побѣда надъ Франціей должна была предшествовать возстановленію нѣмецкой имперіи и если бы намъ не удалось довести ее этотъ разъ до желаемого конца, то намъ предстояло бы еще разъ воевать прежде, нежели мы могли бы довершить наше объединеніе.

Нельзя предположить, чтобы остальные генералы, руководствуясь чисто военной точкою зрѣнія, могли быть несогласны съ Роономъ; наше положеніе между превосходившей насъ численностью арміей осажденныхъ и французскими войсками, находившимися въ провинціи, было опасно съ стратегической точки зрѣнія; трудно было разсчитывать, что намъ удастся сохранить его, если бы мы не воспользовались имъ какъ базисомъ, для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій. Желаніе какъ можно скорѣе покончить войну было также сильно въ военныхъ кругахъ въ Версалѣ, какъ тревога, которую испытывали въ Германіи по поводу медленнаго хода осады. Не принимая даже въ разсчетъ возможности заболѣваній и непредвидѣннаго отступленія, вслѣдствіе какого-нибудь несчастія или повесенной нами неудачи, невольно приходилъ на умъ рядъ мыслей, которыя меня тревожили, и возникалъ вопросъ, не будетъ ли поколеблено впечатлѣніе, произведенное на политическій міръ и на нейтральныя державы нашими быстрыми и славными побѣдами, нашимъ кажущимся бездѣйствіемъ и слабостью подъ Парижемъ, и не ослабнетъ ли воодушевленіе, подъ влияніемъ котораго, какъ въ горнилахъ, могло быть отлито наше національное единство.

Сраженія подъ Орлеаномъ и Дижономъ были для насъ побѣдоносны, благодаря геройской храбрости войскъ, на которой не всегда можно основывать стратегическіе разсчеты. При одной мысли, что подъемъ духа, благодаря которому наше болѣе малочисленное войско, несмотря на снѣгъ, морозъ и недостатокъ продовольствія и боевыхъ припасовъ, одержало побѣду надъ превосходной численностью французской арміей, могъ быть парализованъ какой-либо случайностью, — каждый начальникъ, полагающійся не на одні только счастливыя случайности, долженъ былъ придти къ убѣжденію, что намъ слѣдовало прекратить, какъ можно скорѣе, наше неопредѣленное положеніе, ускоривъ бомбардировку Парижа.

Но для этого намъ не доставало, какъ и въ іюль 1866 г. передъ Флоридсдорфскими лѣніями, повелѣнія и осадныхъ орудій; ихъ доставка не шла ровнень съ успѣхами нашего войска; наши желѣзнодорожныя средства оказались недостаточны въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ линія была повреждена или совершенно уничтожена, какъ близъ Ланьи.

Во всякомъ случаѣ, при помощи бывшаго въ нашемъ распоряженіи желѣзнодорожнаго парка, можно было подвезти тяжелыя орудія и тя-

железные снаряды, безъ которыхъ нельзя было начать бомбардировку, гораздо скорѣе, нежели это было сдѣлано. Но, какъ говорили мнѣ служившіе, до 1.500 подводъ были нагружены провіантомъ для подачи, какъ можно скорѣе, помощи парижанамъ, когда они сдадутся, и эти 1.500 подводъ не могли быть употреблены для перевозки орудій. Парижане отказались впоследствии взять свинное сало, коимъ были нагружены эти подводы, и оно было передано, уже послѣ моего отъѣзда въ Францію, нашимъ войскамъ и употреблено ими въ пищу съ отвращеніемъ, такъ какъ оно пролежало слишкомъ долго въ складахъ.

Такъ какъ приступить къ бомбардировкѣ нельзя было до тѣхъ поръ, пока мы не имѣли наготовѣ необходимаго количества снарядовъ, чтобы производить ее дѣятельно и непрерывно, то, за неимѣніемъ железнодорожнаго подвижнаго состава, приходилось приобрести довольно большое количество запряжекъ, а для этого требовалось израсходовать цѣлый миллионъ. Мнѣ не понятно, чтобы въ этомъ случаѣ могло возникнуть малѣйшее колебаніе, коль скоро это было необходимо для военныхъ цѣлей. Я считалъ большимъ шагомъ впередъ, когда Роонъ, нервно измученный и истомленный, сообщилъ мнѣ однажды, что на него лично возложена отвѣтственность и что ему предложили вопросъ, полагаютъ ли онъ возможнымъ доставить орудія въ непродолжительномъ времени; онъ выразилъ при этомъ сомнѣніе, можно ли это будетъ исполнить. Я просилъ его тотчасъ приступить къ выполненію возложенной на него задачи и выразилъ готовность выдать какую бы то ни было потребную для этого сумму денегъ изъ союзной кассы, если ему надобно будетъ купить тѣ 4.000 лошадей, которыя по его приблизительному расчету были нужны для подвоза орудій. Онъ сдѣлалъ соответствующія распоряженія; бомбардировка Монть Аврона, которой ожидали въ нашемъ лагерѣ съ такимъ мучительнымъ нетерпѣніемъ и которая была встрѣчена съ такою радостью, была результатомъ оборота дѣла, которому мы были обязаны, главнымъ образомъ, Роону. Въ дѣлѣ перевозки и установки орудій ему оказалъ съ величайшей готовностью помощь князь Крафтъ Гогенлоэ.

Если задать себѣ вопросъ, что заставляло прочихъ генераловъ оспаривать мнѣніе Роона, то трудно будетъ подыскать основательную причину медленности, съ какою принимались мѣры, которыя были осуществлены въ концѣ года. Дѣйствовать медленно было неблагоприятно и опасно съ военной и съ политической точки зрѣнія, а быстрое и энергическое веденіе войны до осады Парижа доказываетъ, что причину этого промедленія слѣдовало искать въ чемъ-нибудь другомъ, а не въ верѣшинности нашего военнаго начальства. Мысль, что Парижъ нельзя было штурмовать какъ всякую иную крѣпость, хотя онъ и былъ укрѣпленъ и представлялъ для непріятеля самый

сильный бойверкъ, дошла въ нашъ лагерь изъ Англіи окольнымъ путемъ черезъ Берлинъ, вмѣстѣ съ выраженіемъ «Мекка цивилизаціи» и съ другими словами, употребительными въ общественномъ кодексѣ Англіи и выражающими гуманныя чувства, проявленія которыхъ на дѣлѣ Англія ожидаетъ отъ прочихъ державъ, но которыя она сама далеко не всегда выказываетъ по отношенію къ своимъ противникамъ. Нашимъ руководящимъ сферамъ была внушена изъ Лондона мысль, что Парижъ слѣдовало принудить къ сдачѣ не бомбардировкою, а голодомъ. Насколько послѣднее средство болѣе человѣчно, объ этомъ можно еще поспорить; не извѣстно также, обнаружались ли бы всѣ ужасы коммуны, если бы голодъ не подготовилъ дикаго проявленія анархій. Не будемъ также доискиваться, руководили ли Англіей одни гуманныя чувства, когда она ратовала за вымореніе осажденныхъ голодомъ, и не имѣла ли она при этомъ также политическихъ расчетовъ. Англіи не было ни съ экономической, ни съ политической точки зрѣнія, ни малѣйшей надобности оберегать насъ или Францію отъ убытка и ослабленія, которое могла причинить намъ война. Во всякомъ случаѣ затянувшаяся слишкомъ долго осада и самая война увеличивали опасность, что плоды нашихъ побѣдъ будутъ уменьшены. Конфиденціальныя свидѣнія, получаемыя мною изъ Берлина, свидѣтельствовали, что приостановка военныхъ дѣйствій возбуждала въ компетентныхъ кругахъ тревогу и недовольство, и что поговаривали, будто королева Августа вліяетъ на своего августѣйшаго супруга, въ своихъ письмахъ, совѣтуя ему быть гуманнымъ. Когда я намекнулъ королю на подобные слухи, то это вызвало съ его стороны бурный взрывъ гнѣва; онъ не сказалъ, что эти слухи неосновательны, но рѣзко воспретилъ высказывать подобное недовольствіе противъ королевы.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что всякое измѣненіе въ ходѣ военныхъ дѣйствій дѣлалось большею частью не по инициативѣ короля, а главнаго штаба арміи или главнокомандующаго войсками кронпринца. Весьма естественно, что этотъ кругъ былъ доступенъ англійскому вліянію, которое высказывалось въ дружественной формѣ: кронпринцесса, покойная супруга Мольтке, супруга начальника главнаго штаба, впоследствии фельдмаршала, графа Блументала и супруга старшаго въ то время штабнаго офицера фонъ-Готтберга были англичанки по происхожденію.

Причины, вслѣдствіе которыхъ осада Парижа затянулась и которыя свидущіе люди обходятъ молчаніемъ, сдѣлались предметомъ обсужденія въ печати послѣ обнародованія въ 1891 г. въ «Deutsche Revue» бумагъ графа Роона ¹⁾. Въ статьяхъ, появившихся въ опроверженіе

¹⁾ Отдѣльное изданіе, т. III⁴. 243.

всего изложеннаго Роономъ, умалчивается о вліяніи Берлина и Англіи, а равно и о томъ фактѣ, что 800, а по другимъ свѣдѣніямъ 1.500 воловъ стояли въ теченіе нѣсколькихъ недѣль нагруженные съѣстными припасами; всѣ эти статьи, за исключеніемъ одной анонимной газетной статьи, обходятъ также молчаніемъ вопросъ, позаботилось ли военное начальство своевременно о доставкѣ осадныхъ орудій. Я не нашелъ нужнымъ что-либо измѣнить въ моихъ предъидущихъ замѣткахъ, написанныхъ до появленія означенныхъ статей въ «Deutsche Revue»¹⁾.

¹⁾ Плодомъ войны было востановленіе императорскаго титула и основаніе Германской имперіи, объявшею собою всѣ германскія государства на началахъ федеративнаго союза. Описанію борьбы, которую Бисмарку пришлось вынести, чтобы принудить короля принять этотъ титулъ, посвящены слѣдующія страницы его воспоминаній, которыя мы передаемъ болѣе сжато, опуская подробности и соображенія, представляющія интересъ исключительно для нѣмецкой публики. (См. также: Wegweiser durch Bismarck's Gedanken und Erinnerungen v. Kohl).

Бисмаркъ зналъ, какое обаяніе имѣлъ для нѣмцевъ титулъ императора, напомиравшій имъ бывшее величіе, и считалъ принятіе этого титула королемъ прусскимъ, одновременно съ увеличеніемъ сѣверо-германскаго союза, политической необходимостью. Король Вильгельмъ былъ противъ этого и въ силу своихъ династическихъ чувствъ желалъ гораздо болѣе возвысить значеніе Прусскаго королевства, а кронпринцъ подчинялся вліянію политическихъ мечтателей, опасавшихся, что вмѣстѣ съ принятіемъ императорскаго титула придется возвратиться къ преданіямъ „римской имперіи“ съ ея антинаціональной политикой; поэтому онъ выражалъ желаніе, чтобы титулъ короля прусскаго былъ замѣненъ титуломъ „короля Германіи“, которому были бы подчинены всѣ прочіе владѣтельные князья и короли, явившіеся своихъ королевскихъ и княжескихъ титуловъ. Бисмарку пришлось довольно долго бороться противъ взглядовъ короля и кронпринца. Нельзя сказать, осталась ли бы побѣда на его сторонѣ, и удалось ли бы ему осуществить идею объ объединеніи Германіи, если бы онъ не обратился за содѣйствіемъ къ баварскому королю. Бисмаркъ послалъ ему съ графомъ Голштейномъ черновикъ письма къ королю прусскому, въ которомъ баварскій король заявлялъ, что онъ можетъ сдѣлать общаго, но еще не ратификованнаго уступки только германскому императору, а не королю прусскому. Это письмо баварскаго короля было для Бисмарка сильнымъ аргументомъ, чтобы побѣдить упорство короля. Новое препятствіе возникло въ желаніи, выраженномъ королемъ называться не просто германскимъ императоромъ, а императоромъ Германіи. Король не соглашался ни на какіе доводы Бисмарка, доказывавшаго, что этотъ титулъ, подъ которымъ подразумевалось бы право короля на владѣніе всѣми нѣмецкими землями помимо Пруссіи, фактически не могъ быть допущенъ; еще 17-го января 1871 г. король заявилъ свою волю принять только титулъ императора Германіи. Великій герцогъ Баденскій обошелъ это затрудненіе, провозгласивъ 18-го января Ночъ императору Вильгельму, не упоминая подробнаго его титула. Императоръ выразилъ свое неудовольствіе Бисмарку тѣмъ, что въ день провозглашенія императоромъ, чѣмъ онъ былъ въ значительной степени обязанъ дѣятельности своего перваго министра, онъ не подалъ ему руки, а протянулъ ее генераламъ стоявшимъ позади канцлера.

В. В.

XXIII.

Попытка заручиться содѣйствіемъ папы не удастся.—Подарокъ Виктора-Эммануила.—Надежды, которыя возлагала римская курія на побѣду Франціи.—Взглядъ Бисмарка на восстановление монархіи во Франціи.—Приверженность императрицы Августы къ католицизму.—Комедія, разыгранная Гонто-Бировомъ и княземъ Горчаковымъ въ 1875 г.—Тщеславіе князя Горчакова.—Отзывъ о немъ императора Александра II.—Вліяніе князя Горчакова на переписку императора.—Письмо Бисмарка къ императору Вильгельму отъ 13-го августа 1875 г.

Съ 5-го по 9-е ноября (1870 г.) я велъ въ Версалѣ переговоры съ графомъ Ледоховскимъ, архіепископомъ Познанскимъ и Гнезненскимъ, которые касались территоріальныхъ интересовъ папскаго престола. По поговоркѣ: «рука руку моетъ», я предложилъ ему, въ доказательство дружественныхъ отношеній, существовавшихъ между нами и папою, повліять на французское духовенство и склонить его содѣйствовать заключенію мира, такъ какъ меня все еще тревожила мысль, что вмѣшательство нейтральныхъ державъ могло уменьшить плоды нашихъ побѣдъ. Ледоховскій и архіепископъ Руанскій, кардиналъ Боннехоэ, сдѣлали въ этомъ смыслѣ попытку съ цѣлью повліять на нѣкоторыхъ членовъ высшаго духовенства, но получили, по ихъ словамъ, холодный отказъ, изъ чего я заключилъ, что папа либо не имѣлъ достаточно власти, либо не хотѣлъ помочь намъ въ этомъ дѣлѣ.

Вначалѣ казалось, что если бы счастье измѣнило намъ на полѣ битвы, то самымъ опаснымъ изъ всѣхъ элементовъ, между которыми происходила борьба въ Италіи, былъ бы для насъ италіанскій король. Впослѣдствіи же, республиканская партія, руководимая Гарибальди, которая предлагала намъ въ началѣ войны поддержку въ томъ случаѣ, если бы король взялъ сторону Наполеона, показала себя на полѣ битвы какимъ-то театральнымъ, а не боевымъ войскомъ и оскорбляла своими дѣйствіями наши военные взгляды. Ничто среднее между этими двумя элементами составляли симпатіи, которыя образованный классъ въ Италіи питалъ къ стремленіямъ нѣмецкаго народа, и истиннѣе самого италіанскаго народа, который оказался настолько силенъ и практиченъ, что могъ заставить правительство заключать тройственный союзъ съ бывшимъ противникомъ Австріи. Принявъ открыто сторону папы и поддерживая его территоріальныя притязанія, мы были бы вынуждены порвать съ національною италіанскою партіей. Обезпечило ли бы это намъ поддержку папы въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ и въ какой степени—еще подлежитъ сомнѣнію.

Въ самый разгаръ культуркампфа въ сентябрѣ (22—26) мѣсяцѣ

1873 г. въ Берлинѣ пріѣхалъ король Викторъ-Эммануиль ⁴⁾. Я узналъ чрезъ г. Кейделя, что король заказалъ для меня осыпанную брильянтами табакерку, стоимостью въ 50—60.000 франковъ, что превышало въ шесть или восемь разъ стоимость обычныхъ, въ такихъ случаяхъ, подарковъ, и поручилъ графу Лоне (Lappau) передать ее мнѣ отъ его имени. Я узналъ также, что Лоне показывалъ эту табакерку и говорилъ о ея стоимости жившему въ сосѣднемъ съ нимъ домѣ баварскому посланнику барону Перглеръ фонъ-Пергласъ, который былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ нашими противниками по культуркампфу. Значительная стоимость предназначеннаго мнѣ подарка могла, слѣдовательно, подать поводъ видѣть въ этомъ нѣкоторую связь съ сближеніемъ Италіи съ Германскою имперіей, о которомъ хлопоталъ въ то время италіанскій король. Когда я высказалъ императору свое сомнѣніе по поводу того, удобно ли мнѣ было принять этотъ подарокъ, то онъ вообразилъ сначала, что я считалъ для себя унижительнымъ принять табакерку съ портретомъ короля, и это было въ его глазахъ нарушеніемъ традицій, къ которымъ онъ привыкъ.

— Я не подумалъ бы отказаться отъ этого подарка,—сказалъ я,—если бы цѣнность его не представляла собою ничего выдающагося. Но въ данномъ случаѣ, при оцѣнкѣ этого факта, главную роль игралъ бы не портретъ монарха, а брильянты, которые могутъ быть проданы. Принимая во вниманіе положеніе, въ какомъ находится наша борьба съ католическимъ духовенствомъ, мнѣ надобно избѣгать всякаго повода къ клеветѣ, въ особенности при томъ, что фонъ-Пергласу извѣстна несоотвѣтственная обстоятельствомъ и слишкомъ высокая цѣнность табакерки, что, конечно, обратить на себя вниманіе общества.

Императоръ согласился съ моими доводами и окончилъ разговоръ словами:

— Вы правы, не принимайте табакерки ⁵⁾.

⁴⁾ Съ цѣлью упрочить отношенія между Италіей и Пруссіей, ослабѣвшія послѣ событій 1866 г. Такъ какъ ультрамонтане, само-собою разумѣется, видѣли въ этомъ сближеніи Италіи съ Германскою имперіей ударъ, нанесенный папѣ, то Бисмарку надобно было избѣгать всего, что могло подать противникамъ поводъ къ гнусной клеветѣ.

В. В.

⁵⁾ Иначе смотрѣлъ на подарокъ въ видѣ табакерки, осыпанной брильянтами, князь Горчаковъ. Во время нашего пребыванія въ Петербургѣ (1872 г.) его величество спросилъ меня: „Что бы мнѣ дать князю Горчакову? у него все есть, даже портретъ, не дать ли ему бусы или табакерку, осыпанную брильянтами?“ Я привелъ противъ табакерки нѣкоторыя соображенія, основанныя на положеніи и богатствѣ князя; императоръ согласился со мною. Затѣмъ я постарался въ откровенной бесѣдѣ узнать желаніе самого князя и услышалъ въ отвѣтъ: „Пусть онъ мнѣ дастъ хорошую табакерку съ хорошими, крупными камнями“. Я передалъ это его величеству и былъ нѣсколько сконфуженъ моимъ плохимъ знаніемъ людей; мы посмѣялись, и Горчаковъ получилъ табакерку.

Примѣч. Бисмарка.

Когда я довелъ черезъ г. фонъ-Кейделя свой взглядъ до свѣдѣнія графа Лона, то табакерка была замѣнена весьма красивымъ и схожимъ портретомъ короля съ слѣдующей собственноручной его подписью:

Al Principe Bismarck Berlino 26. Settembre 1873.

Affezionatissimo cugino

Vittorio Emanuele.

Но король все-таки пожелалъ дать мнѣ болѣе существенное доказательство своего благоволенія, замѣнивъ предложенный первоначально подарокъ другимъ предметомъ, одинаковой цѣнности, но не столь удобнымъ для продажи, и я получилъ, въ придачу къ лестной подписи подъ портретомъ, чрезвычайно большую и красивую алебастровую вазу, упаковка и перевозка которой доставила мнѣ не мало хлопотъ въ то время, когда мнѣ пришлось поспѣшно очистить казенную квартиру для моего преемника.

По моему мнѣнію, римская курія, точно такъ же, какъ большая часть политическихъ дѣятелей, считала, послѣ 1866 г., войну между Франціей и Германіей неизбежной и предполагала, что Пруссія будетъ побѣждена. Допуская вѣроятность этой войны, папа предполагалъ, конечно, что побѣда Франціи надъ протестантской Германіей дастъ ему возможность распространить свое вліяніе на виѣ-католическій міръ. Зная, какъ императорская Франція и императрица Евгенія въ особенности относились въ то время къ папѣ, было естественно предположить, что если бы французскія войска вступили побѣдоносно въ Берлинъ, то при заключеніи мира Франція не оставила бы безъ вниманія интересовъ католической церкви въ Пруссіи, точно такъ же, какъ русскій императоръ пользовался обыкновенно мирными договорами для того, чтобы оказать покровительство своимъ единовѣрцамъ на востокѣ. Весьма возможно, что папская власть нѣсколько усилилась бы послѣ побѣды Франціи и что развязка религіозной борьбы, которая, по мнѣнію католическихъ писателей, должна рѣшиться «на пескахъ бранденбургскаго маркграфства», приблизилась бы вслѣдствіе этого къ своему осуществленію. Желаніе императрицы Евгеніи, чтобы французская политика отличалась воинствующимъ духомъ, имѣло, по всей вѣроятности, нѣкоторую связь съ ея преданностью католической церкви и папѣ. Хотя требованія этой политики и личное отношеніе Людовика-Наполеона къ національному движенію, происходившему въ Италіи, не допускали, чтобы императоръ и императрица оказали папѣ какія-либо крупныя услуги Италіи, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что, въ случаѣ побѣды французскихъ войскъ, императрица захотѣла бы доказать святому отцу чѣмъ-нибудь свою преданность и постаралась бы по мѣрѣ возможности

вознаградить его за ущербъ, нанесенный папскому престолу въ Италиі по винѣ Наполеона.

Если бы послѣ мира, заключеннаго во Франкфуртѣ ¹⁾, во главѣ французскаго правительства, будь оно монархическое или республиканское, стояла католическая партія, то врядь-ли удалось бы такъ долго избѣжать войны. Тогда можно было опасаться, что сосѣднія державы, съ которыми намъ предстояло вести войну, т. е. Франція и Австрія, сблизилась бы на почвѣ католицизма и объявили бы намъ совмѣстно войну; а такъ какъ въ Германіи, точно такъ же, какъ въ Италиі, было весьма мало элементовъ, въ коихъ религіозное чувство преобладало надъ національнымъ, то это еще болѣе могло способствовать укрѣпленію союза этихъ двухъ католическихъ державъ. Трудно сказать, нашли ли бы мы союзниковъ для борьбы съ ними; во всякомъ случаѣ, Россія, присоединившись къ этимъ державамъ, могла обратить австро-франкскій дружественный союзъ въ могучую коалицію, какъ это случилось въ Семилѣтнюю войну, или могла бы держать насъ въ зависимости страхомъ, что подобная коалиція можетъ образоваться и такимъ образомъ произвести на насъ дипломатическое давленіе.

Въ случаѣ возстановленія католической монархіи во Франціи, въ ней усилилось бы желаніе отомстить намъ въ союзѣ съ Австріей. Поэтому, я находилъ, что содѣйствовать возстановленію въ этой странѣ монархической власти было несомнѣнно съ интересами Германіи и съ нашимъ желаніемъ упрочить миръ, и мнѣ пришлось вступить въ борьбу съ защитниками идеи возстановленія французской монархіи. Это разногласіе во взглядахъ отразилось на моихъ личныхъ отношеніяхъ къ тогдашнему французскому посланнику Гонтю-Бирону и къ нашему, въ то время, посланнику въ Парижѣ, графу Гарри Арниму. Первый дѣйствовалъ въ духѣ легитимистско-католической партіи, къ которой онъ принадлежалъ по рожденію; послѣдній рассчитывалъ на легитимистскія симпатіи императора, чтобы уронить въ его глазахъ мою политику и сдѣлаться моимъ преемникомъ. Гонтю, ловкій и свѣтскій дипломатъ, потомокъ стариннаго рода, нашелъ поддержку въ лицѣ императрицы Августы, съ одной стороны вслѣдствіе ея симпатіи къ католикамъ и къ центру, съ которымъ правительство вело борьбу, а съ другой—вслѣдствіе того, что онъ былъ французъ—качество, имѣвшее при нѣмецкихъ дворахъ, во дни юности императрицы, когда еще не существовали желѣзныя дороги, такое обаяніе, какъ слово англичанинъ. Вся домашняя прислуга императрицы говорила по-французски, ея чтець,

¹⁾ Между Франціей и Германіей въ 1871 г.

В. В.

французъ Жераръ ¹⁾, былъ принятъ въ интимномъ кругу императорской фамилии и былъ посвященъ въ тайны семейной переписки. Все иноземное, за исключеніемъ русскаго, имѣло для императрицы такую же притягательную силу, какъ для многихъ нѣмецкихъ провинціаловъ. При прежнихъ путяхъ сообщенія и продолжительности путешествій, всякій иностранецъ, въ особенности англичанинъ или французъ, считался при нѣмецкихъ дворахъ интереснымъ гостемъ; о положеніи, которое онъ занималъ на родинѣ, не справлялись; чтобы быть принятымъ ко двору, достаточно было пріѣхать издалека и быть иностранцемъ. По той же причинѣ, въ чьихъ протестантскихъ кружкахъ появленіе католика возбуждало тогда особый интересъ.

Во времена Фридриха-Вильгельма III, всякій католикъ считался интересной новинкой. Школьные товарищи относились къ нему безъ всякаго недоброжелательства и смотрѣли на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ, какъ на иноземный продуктъ; при этомъ казалось чрезвычайно интересно, что съ нимъ нельзя говорить о Варолюмеевской ночи, о кострахъ и Тридцатилѣтней войнѣ.

Въ домѣ профессора Савиньи, женатаго на католичкѣ, дѣтямъ, съ наступленіемъ 14-ти-лѣтняго возраста, предоставлялся свободный выборъ вѣроисповѣданія; всѣ они приняли протестантскую религію отца, за исключеніемъ моего сверстника, бывшаго впоследствии посланникомъ при союзномъ сеймѣ. Во время нашего студенчества онъ говорилъ однажды о мотивахъ, которые руководили имъ при выборѣ религіи, и указалъ, между прочимъ, на сильное впечатлѣніе, производимое католическимъ богослуженіемъ; къ тому же быть католикомъ, по его словамъ, гораздо благороднѣе, «протестантомъ можетъ быть всякій глупый мальчишка».

Отношеніе къ католикамъ измѣнилось за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ вслѣдствіе того, что политическое и экономическое развитіе сблизило между собою всевозможныя народности не въ одной только Европѣ. Въ настоящее время одно названіе католика не возбуждаетъ болѣе уваженія въ берлинскихъ кружкахъ и не производитъ даже ни малѣйшаго впечатлѣнія. Одна императрица Августа осталась вѣрна впечатлѣніямъ, усвоеннымъ ею въ молодости. Духовное лицо католическаго вѣроисповѣданія было въ ея глазахъ чѣмъ-то болѣе возвышеннымъ, по

¹⁾ Принятый императрицею, вѣроятно, по рекомендаціи Говто, онъ велъ дѣятельную переписку съ Гамбеттою, которая послѣ смерти послѣдняго перешла въ руки г-жи Адамъ и послужила матеріаломъ для сочиненія „La Société de Berlin“. По возвращеніи въ Парижъ, Жераръ руководилъ одно время офиціозною прессою, затѣмъ былъ секретаремъ посольства въ Мадридѣ, по вѣреннымъ въ дѣлахъ въ Римѣ и въ 1890 г. посланникомъ въ Черногорію.

сравненію съ человѣкомъ такого же званія и занимающимъ одинаковое положеніе въ протестантской церкви. Ей казалось интереснѣе расположить къ себѣ француза или англичанина, нежели своего соотечественника; одобреніе католика было для нея пріятнѣе такового со стороны ея единовѣрцевъ. Гонто-Бирону, при его знатномъ происхожденіи, не стояло труда создать себѣ положеніе при дворѣ; благодаря своимъ связямъ, онъ имѣлъ доступъ къ самому императору.

Вслѣдствіе довѣрія императрицы къ Гонто-Бирону и протекціи нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ ней католиковъ, только и могъ случиться тотъ, по истинѣ безобразный, фактъ, что императрица взяла себѣ, въ лицѣ Жерара, въ чтецы французскаго тайнаго агента.

Для французской политики и для французскаго посланника въ Берлинѣ было, само собою разумѣется, весьма выгодно имѣть въ семейномъ кругу императорской фамилии человѣка подобнаго Жерару. Онъ совершенно не умѣлъ скрывать своего тщеславія, одѣвался по послѣдней парижской модѣ, слишкомъ эксцентрично для Берлина, но это нисколько не вредило ему при дворѣ. Любовь ко всему иноземному и въ особенности къ парижскимъ типамъ оказывалась сильнѣе любви къ простотѣ.

Дѣятельность Гонто, при его желаніи сослужить службу Франціи, не ограничилась однимъ Берлиномъ. Онъ отправился въ 1875 г. въ Петербургъ, съ цѣлью подготовить тамъ, вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ, тотъ ловкій маневръ, который, во время предстоявшаго посѣщенія Берлина императоромъ Александромъ, долженъ былъ убѣдить весь міръ, что одинъ Горчаковъ явился защитникомъ безоружной Франціи противъ вѣмцевъ, которые собирались напасть на нее и которыхъ онъ схватывалъ за руку, закричавъ: «Quos ego!»¹⁾ Съ этой цѣлью онъ и сопровождалъ императора въ Берлинъ.

Не знаю, у кого зародилась первоначально эта мысль; если ее подалъ Гонто-Биронъ, то, при извѣстномъ тщеславіи Горчакова, его зависти ко мнѣ и при томъ, что мнѣ часто приходилось оказывать противодѣйствіе его поползновеніямъ къ присвоенію себѣ чрезмѣрной власти, эта мысль пала на благопріятную почву.

Я былъ вынужденъ сказать Горчакову въ откровенной бесѣдѣ: «Вы относитесь къ намъ не такъ, какъ слѣдовало бы къ дружественной державѣ, а какъ къ слугѣ, который является не достаточно проворно на зовъ (*comme un domestique, qui ne monte pas assez vite, quand on a sonné*)». Горчаковъ пользовался тѣмъ, что онъ имѣлъ болѣе обширную власть, нежели посланникъ, графъ Редеръ, и заступившіе его мѣсто повѣренные въ дѣлахъ, и когда приходилось вести какіе-либо пере-

¹⁾ Я васъ! ужъ я вамъ задамъ!

говору, то онъ любилъ дѣлать сообщенія нашему представителю въ Петербургѣ, но не поручалъ въ то же время русскому посланнику въ Берлинѣ вести таковыя же переговоры со мною. Я считаю клеветою слышанную мною отъ русскихъ инсинуацію, будто бы причиною подобнаго образа дѣйствій было то обстоятельство, что въ бюджетѣ министерства иностранныхъ дѣлъ на телеграммы ассигновывалась круглая сумма, и поэтому Горчаковъ предпочиталъ, чтобы его сообщенія дѣлались на нѣмецкій счетъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, а не на русскія деньги. Хотя скупость его не подлежитъ сомнѣнью, но я ищу объясненія этого факта въ области политики. Горчаковъ былъ даровитый, блестящій ораторъ и любилъ показать себя таковымъ иностраннымъ дипломатамъ, аккредитованнымъ въ Петербургѣ. Онъ говорилъ одинаково краснорѣчиво на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ; и я съ удовольствіемъ слушалъ иногда по цѣлымъ часамъ его академическія рѣчи, когда я былъ посланникомъ (въ Петербургѣ) и впоследствии его коллегой. Онъ особенно любилъ имѣть слушателями иностранныхъ дипломатовъ, въ особенности молодыхъ повѣренныхъ въ дѣлахъ и эъ интеллигенціи, въ глазахъ которыхъ впечатлѣніе, производимое его ораторскимъ искусствомъ, усиливалось тѣмъ видимымъ положеніемъ, которое онъ занималъ какъ министръ иностранныхъ дѣлъ. Этимъ путемъ желанія Горчакова доходили до меня въ такой формѣ, которая напоминала изреченіе: «*Roma locuta est*»¹⁾.

Въ своихъ частныхъ письмахъ я жаловался ему на своеобразную форму, въ какой происходили наши дѣловыя сношенія, и на то, какъ дѣлались его сообщенія, и просилъ его не видѣть болѣе во мнѣ его ученика на дипломатическомъ поприщѣ, каковымъ я охотно считалъ себя въ Петербургѣ, и помириться съ мыслию, что я сталъ его отвѣтственнымъ коллегой, руководящимъ политикою моего монарха и большой имперіи.

Въ 1875 г., когда нашъ посланникъ въ Петербургѣ былъ въ отпуску и обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ исполнялъ секретарь посольства, г. фонъ-Радовицъ, бывшій тогда посланникомъ въ Афинахъ, былъ назначенъ въ Петербургъ *en mission extraordinaire* (чрезвычайнымъ посланникомъ) для того, чтобы дѣловыя сношенія могли съ вышней стороны вестись на одинаковыхъ, равныхъ условіяхъ. Выказанное Радовицомъ твердое намѣреніе не подчиняться вліянію Горчакова возбудило къ нему со стороны князя столь сильное нерасположеніе, что петербургскій кабинетъ весьма долго относился къ нему недружелюбно, несмотря на то, что онъ былъ женатъ на русской.

Роль «вѣстника мира» (*Friedensengel*), которая могла какъ нельзя

¹⁾ Такъ сказалъ Римъ.

лучше удовлетворить самолюбію Горчакова, проаведа въ Парижѣ впечатлѣніе, коимъ онъ болѣе всего дорожилъ, была подготовлена въ Берлинѣ Гюго-Вирономъ; есть основаніе думать, что его разговоры съ графомъ Мольте и Радовицомъ, которые приводились впоследствии въ доказательство нашихъ воинственныхъ стремленій, были искусно вызваны имъ для того, чтобы представить Европѣ картину Франціи, которой угрожала опасность съ нашей стороны и которую охраняла Россія. Приѣхавъ въ Берлинъ 10-го мая 1875 г., Горчаковъ издалъ помѣченную изъ этого города циркулярную депешу, начинавшуюся словами: «Maintenant, слѣдовательно, подъ давленіемъ Россіи, la paix est assurée» ¹⁾, какъ будто это не было раньше. Одинъ изъ европейскихъ монарховъ, извѣщенный объ этомъ фактѣ, случайно далъ мнѣ прочесть текстъ этой депеши.

Я энергично укорялъ за это князя Горчакова и сказалъ ему, что некрасиво вскочить неожиданно на плечи друга, который ничего не подозреваетъ и относится доверчиво, и выкидывать у него за спиною злостныя шуточки, это не по-дружески; подобные поступки между нами, министрами, руководящими политикой страны, могутъ послужить во вредъ обѣимъ монархіямъ и государствамъ. Если ему хочется, чтобы его прославляли въ Парижѣ, то не къ чему портить для этого наши отношенія къ Россіи; я готовъ со своей стороны помочь ему въ этомъ случаѣ и даже могу велѣть выбить въ Берлинѣ пятифранковыя монеты съ надписью: «Gortchakoff protégé la France» ²⁾; можно бы также устроить въ германскомъ посольствѣ спектакль и показать его французскому обществу въ видѣ ангела-хранителя, въ бѣломъ одѣяніи, съ крыльями, освѣщеннаго бенгальскимъ огнемъ и съ подобной же надписью вокругъ.

Онъ притихъ, слушая мои язвительныя насмѣшки, оспаривалъ факты, относительно которыхъ у меня имѣлись несомнѣныя доказательства, но не высказалъ при этомъ своей обычной самоувѣренности и краснорѣчія, изъ чего я могъ заключить, что онъ не былъ увѣренъ, одобритъ ли русскій императоръ его поступокъ. Моя догадка оправдалась, когда я сталъ откровенно жаловаться императору Александру на недобросовѣстный поступокъ Горчакова; государь согласился по существу со всѣмъ мною сказаннымъ; но, куря папиросу и смѣясь, ограничился совѣтомъ не придавать слишкомъ большаго значенія этой «vanité sénile» ³⁾. Какъ бы то ни было, высказанное этими словами одобреніе не было никогда заявлено достаточно громко для того, чтобы опровергнуть легенду о намѣреніи, которое мы будто бы имѣли въ 1875 г. напасть на Францію.

¹⁾ Теперь миръ обезпеченъ.

²⁾ Горчаковъ покровительствуетъ Франціи.

³⁾ Старческое тщеславіе.

Я былъ далекъ отъ этого намѣренія въ то время и впоследствии и скорѣе былъ бы готовъ противодѣйствовать ему, нежели стараться ни съ того, ни съ сего начать войну, единственнымъ поводомъ которой было бы не дать Франціи опомниться и собраться съ силами. Война, объявленная при подобныхъ обстоятельствахъ, поставила бы, по моему мнѣнью, Европу, въ концѣ-концовъ, въ невыносимое положеніе, и вызвала бы, въроятно, соглашеніе между Россіей, Австріей и Англійей вслѣдствіе ихъ недовѣрія къ новой, еще не окрѣпшей, имперіи, которое выразилось бы активнымъ противодѣйствіемъ ей и заставило бы ее вступить на тотъ путь, на которомъ первая и вторая французская имперія дошла до гибели, слѣдуя воинствующей политикѣ и добиваясь преобладающей роли и значенія. Европа увидѣла бы въ нашихъ поступкахъ злоупотребленіе пріобрѣтенной нами силой, и всё, не исключая тѣхъ элементовъ, которые составляютъ оппозицію въ самой Германіи, отнеслись бы къ намъ враждебно. Послѣ поразительныхъ успѣховъ, одержанныхъ нашими войсками, мирный характеръ нашей политики много содѣйствовалъ тому, что иностранныя державы и внутренніе противники правительства примирились съ вновь возникшей могущественной сѣверогерманской державой гораздо скорѣе, нежели можно было ожидать, и смотрѣли на ея дальнѣйшее развитіе и преуспѣваніе съ благоволеніемъ, видя въ ней отчасти временно новаго стража европейскаго мира.

Съ нашей точки зрѣнія казалось весьма страннымъ, что русскій императоръ, отзываясь о своемъ канцлерѣ пренебрежительно, предоставлялъ ему въ то же время всецѣло управлять министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и, слѣдовательно, имѣть вліяніе на посольства, тѣмъ онъ и пользовался. Ясно сознавая, какъ заблуждался иногда его министръ, руководясь личными побужденіями, императоръ не подвергалъ, однако, черновые наброски собственноручныхъ его писемъ къ императору Вильгельму, которые предоставлялъ ему Горчаковъ, той строгой критикѣ, какая была необходима для того, чтобы не получалось впечатлѣнія, будто доброжелательное къ намъ настроеніе императора Александра ступшевывалось передъ требованіями и угрозами, которыя предъявлялъ намъ Горчаковъ. Императоръ имѣлъ мелкій, изящный почеркъ, и самый процессъ письма не составлялъ для него ни малѣйшаго труда; хотя длинныя и весьма обстоятельныя письма, коими монархи обмѣнивались другъ съ другомъ, были писаны императоромъ отъ начала до конца собственноручно, однако, судя по ихъ слогу и содержанию, мнѣ казалось всегда, что они писались по черновикамъ, набросаннымъ Горчаковымъ, точно такъ, какъ мнѣ приходилось составлять черновые отпуски отвѣтныхъ писемъ нашего императора. Такимъ образомъ, хотя собственноручная корреспонденція, въ которой монархи подвергали обсужденію самые важные политическіе вопросы и высказывали по

поводу ихъ свое авторитетное мнѣніе, производилась безъ требуемой конституцій контрастировки министровъ, но, допустивъ, что высочайшіе корреспонденты точно придерживались черновиковъ, можно сказать, что ихъ переписка велась при участіи министровъ, хотя лицо, составлявшее черновое письмо, не могло въ этомъ быть увѣрено, ибо переписанное на-чисто оно или вовсе не проходило чрезъ его руки или вручалось ему запечатаннымъ.

Какъ далеко зашла интрига, въ которой принимали участіе Гонтонъ и Горчаковъ, видно изъ моего письма къ императору, изъ Варцины, отъ 13-го августа 1875 г.:

«Милостивое письмо вашего величества посланное изъ Гастейна 8-го числа сего мѣсяца, получено мною съ благоговѣйной признательностью; прежде всего я порадовался тому, что лѣченіе приноситъ пользу вашему величеству, несмотря на дурную погоду въ Альпахъ. Честно либю снова приложить при семъ письмо королевы Викторіи; было бы весьма интересно знать, когда именно ея величество высказалась болѣе опредѣленно о происхожденіи тогдашнихъ слуховъ относительно войны. Не подлежитъ сомнѣнію, что королева считала эти слухи вполне достоверными, иначе ея величество не сослалась бы на нихъ вторично и вмѣстѣ съ тѣмъ англійское правительство не сдѣлало бы, на основаніи этихъ слуховъ, столь важные и враждебные, по отношенію къ намъ шаги. Не знаю, найдете ли ваше величество удобнымъ поймать королеву Викторію на словѣ, такъ какъ ея величество утверждаетъ, будто «ей легко доказать, что ея опасенія не преувеличены». Впрочемъ, было бы весьма важно узнать, откуда получены въ Виндзорѣ такія, «въ высшей степени ложныя свѣдѣнія». Указаніе на нѣкоторыхъ лицъ, коихъ ваше величество должны считать «представителями» правительства, даетъ право понимать подъ этимъ графа Мюнстера. Онъ могъ, разумѣется, такъ же, какъ графъ Мольке, высказать отвлеченно свой взглядъ, что было бы полезно произвести своевременно нападеніе на Францію, хотя я объ этомъ ровно ничего не знаю и это никогда ему не поручалось. Можно утверждать, что если бы Франція была увѣрена, что она ни при какихъ обстоятельствахъ не подвергнется нападенію, то это плохо послужило бы интересамъ мира. Нынѣ, точно такъ же, какъ и въ 1867 г., когда возникъ Люксембургскій вопросъ, я ни за что не посовѣтывалъ бы вашему величеству объявить Францію войну только потому, что противникъ можетъ объявить ее намъ со временемъ, будучи лучше подготовленъ и вооруженъ; пути Господни неисповѣдны. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ давать противнику увѣренность, что мы ни въ какомъ случаѣ не предупредимъ нападенія съ его стороны. Поэтому я не сталъ бы порицать Мюнстера, если бы онъ сказалъ что-либо въ этомъ смыслѣ, и это еще

не давало англійскому правительству права сдѣлать извѣстные шаги, на основаніи словъ, сказанныхъ посланникомъ частнымъ образомъ, и sans nous dire gare, требовать, чтобы прочія державы произвели на насъ давленіе. Слѣдовательно, столь серьезное и недружелюбное отношеніе къ намъ заставляетъ предполагать, что королева Викторія имѣла, помимо словъ, сказанныхъ графомъ Мюнстеромъ случайно и коимъ я никогда не вѣрилъ, еще какія-либо причины вѣрить нашимъ военнымъ замысламъ. Лордъ Руссель увѣряетъ, что онъ всегда твердо поддерживалъ увѣренность въ наши миролюбивыя намѣренія. А ультрамонтане и ихъ друзья, напротивъ, обвиняли насъ, тайно и явно въ прессѣ, въ томъ, будто мы собирались вскорѣ объявить войну, и французскій посланникъ, который вращается въ этихъ сферахъ, передалъ ихъ вранье въ Парижъ, какъ достовѣрное извѣстіе. Но и этого, въ сущности, было бы недостаточно для того, чтобы королева Викторія повѣрила, какъ она подтверждаетъ еще разъ въ письмѣ отъ 20-го іюня, тѣмъ ложнымъ слухамъ, которые ваше величество сами опровергли. Я слишкомъ мало знаю характеръ королевы, чтобы утверждать, могли ли слова «легко доказать» быть сказаны только съ цѣлью замаскировать сдѣланное слишкомъ поспѣшно заявленіе, вмѣсто того, чтобы сознаться откровенно въ своей ошибкѣ.

«Прошу ваше величество простить мнѣ, если интересы спеціалиста заставили меня, послѣ трехмѣсячнаго молчанія, распространиться по поводу этого уже поковечнаго вопроса».

XXIV.

Запросъ по поводу нейтралитета Германіи.—Положеніе военно-уполномоченнаго при русскомъ дворѣ.—Отвѣтъ Бисмарка.—Сближеніе Россіи съ Австріей.—Положеніе Горчакова на Берлинскомъ конгрессѣ.—Обвиненіе Германіи въ слишкомъ платонической любви къ Россіи.—Ожиданія Россіи.—Письмо императора Александра II.—Переноска графа Шувалова и Бисмарка по вопросу о союзѣ.—Вредное вліяніе, которое могутъ имѣть необдуманная донесенія посланниковъ.—Бисмаркъ склоняется въ пользу тройственнаго союза.

Осенью 1876 г. была получена мною въ Варшавѣ шифрованная телеграмма отъ нашего военно-уполномоченнаго генерала Вердера изъ Ливадіи, который требовалъ, по порученію императора Александра, чтобы мы заявили, намѣрены ли мы соблюдать нейтралитетъ въ случаѣ войны Россіи съ Австріей. Отвѣчая на этотъ вопросъ, надобно было принять во вниманіе, что шифръ Вердера не былъ тайною въ императорскомъ дворцѣ. Я зналъ по опыту, что даже въ домѣ нашего по-

сольства въ Петербургѣ не было возможности сохранить шифръ въ тайнѣ, какъ бы тщательно его ни заирали; единственнымъ средствомъ было какъ можно чаще мѣнять его. Я былъ увѣренъ, что все то, что я телеграфирую въ Ливадію, дойдетъ до свѣдѣнія императора. Самый фактъ, что этотъ вопросъ былъ предложенъ такимъ путемъ, былъ уже до известной степени нарушеніемъ служебныхъ традицій. Когда одинъ кабинетъ хочетъ предложить другому подобнаго рода вопросъ, то самый правильный для этого путь, чтобы посланникъ старался разузнать то, что ему нужно, въ откровенной бесѣдѣ или чтобы сами монархи выяснили это при личномъ свиданіи. Припоминая недоразумѣнія, происшедшія между императоромъ Николаемъ и Сеймуромъ, русская дипломатія могла убѣдиться, какъ не удобно бываетъ обращаться съ запросомъ къ представителю той державы, отъ которой желаютъ что-либо узнать. Обыкновеніе Горчакова дѣлать намъ запросы по телеграфу не чрезъ русскаго представителя въ Берлинѣ, а черезъ германскаго посланника въ Петербургѣ, вынуждало меня со своей стороны дѣлать нашимъ представителямъ въ Россіи чаще, нежели посланникамъ при другихъ дворахъ, замѣчаніе, что обязанность ихъ состоитъ не въ томъ, чтобы передавать намъ желанія и требованія русскаго кабинета, а въ томъ, чтобы быть истолкователями нашихъ желаній въ Россіи. Велико можетъ быть для дипломата искушеніе упрочить свое положеніе въ служебномъ кругу и въ обществѣ предупредительностью къ правительству, при которомъ онъ аккредитованъ; еще опаснѣе, если иностранный министръ счумѣетъ заинтересовать нашего агента въ своихъ желаніяхъ и убѣдить его въ ихъ цѣлесообразности прежде, нежели послѣдній узнаетъ причины, по которымъ исполненіе этихъ желаній и содѣйствіе имъ несвоевременно для его собственнаго правительства.

Тотъ фактъ, что германскій военно-уполномоченный при русскомъ дворѣ предложилъ нашему правительству, по повелѣнію русскаго императора, во время моего отсутствія изъ Берлина, политическій вопросъ чрезвычайной важности въ категорической формѣ телеграммы, противорѣчилъ не только всѣмъ вообще, но даже и русскимъ обычаямъ. Я никакъ не могъ добиться измѣненія крайне неудобнаго для меня обычая, что наши военно-уполномоченные въ Петербургѣ посылали свои донесенія не такъ, какъ всѣ прочіе, чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ, но самому императору въ видѣ собственноручныхъ писемъ. Этотъ обычай укоренился вслѣдствіе того, что Фридрихъ-Вальгельмъ III приблизилъ къ русскому императору перваго военно-уполномоченнаго въ Петербургѣ, бывшаго коменданта Кольберга, Лукаду. Военно-уполномоченный конечно сообщалъ въ своихъ письмахъ все то, что русскій императоръ говорилъ ему относительно

политики въ своихъ откровенныхъ бесѣдахъ при дворѣ; при этомъ онъ нерѣдко узнавалъ гораздо болѣе, нежели Горчаковъ говорилъ нашему посланнику; «пруссійскій флигель-адъютантъ», какъ его называли при дворѣ, видѣлъ императора чуть не каждый день, во всякомъ случаѣ гораздо чаще, нежели Горчаковъ; государь бесѣдовалъ съ нимъ не объ однихъ военныхъ дѣлахъ и передавалъ черезъ него нашему монарху не однѣ семейныя новости. Центръ тяжести дипломатическихъ переговоровъ, которые велись между нашими кабинетами, находился зачастую, напр. во времена Рауха и Мюнстера, въ донесеніяхъ военно-уполномоченнаго, а не аккредитованнаго при русскомъ дворѣ германскаго посланника. Но такъ какъ императоръ Вильгельмъ имѣлъ обыкновеніе сообщать мнѣ, впрочемъ иногда довольно поздно, свою переписку съ военно-уполномоченнымъ въ Петербургѣ и не принималъ окончательныхъ рѣшеній въ политическихъ дѣлахъ, не сообщивъ о томъ, кому слѣдуетъ изъ должностныхъ лицъ, то все неудобство этихъ непосредственныхъ сношеній съ Петербургомъ ограничивалось тѣмъ, что я узнавалъ слишкомъ поздно новости, заключавшіяся въ этихъ донесеніяхъ. Когда императоръ Александръ избралъ, вѣроятно по совѣту князя Горчакова, г. Вердера посредникомъ для того, чтобы предложить намъ этотъ шекотливый вопросъ, то это вполне противорѣчало обычаю, установившемуся между нами въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Горчаковъ старался, въ то время, доказать русскому императору, что моя преданность къ нему и мои симпатіи къ Россіи были не искренни или по крайней мѣрѣ «платоничны», и поколебать его довѣріе ко мнѣ, что со временемъ ему и удалось.

Прежде нежели отвѣтить на запросъ, сдѣланный Вердеромъ по существу, я попытался отвѣтить уклончиво и тѣмъ оттянуть время, и сослался на то, что я не могу отвѣтить на подобный вопросъ, не имѣя на то высочайшаго соизволенія; когда же отъ меня вторично и настойчиво требовали отвѣта, то я посовѣтовалъ сдѣлать объ этомъ официально, но въ конфиденціальной формѣ запросъ министерству иностранныхъ дѣлъ чрезъ русскаго посланника въ Берлинѣ. Многократныя напоминанія, которыя я получалъ по телеграфу отъ Вердера, отрѣзали мнѣ наконецъ путь къ отступленію. Между тѣмъ я просилъ его величество отозвать телеграмму въ главную квартиру г. Вердера, которымъ злоупотребляли въ Ливадіи и который не умѣлъ отъ этого защититься, и воспретить ему принимать на себя впредь подобныя политическія порученія, такъ какъ дѣло касалось въ данномъ случаѣ русской, а не германской дипломатіи. Императоръ не исполнилъ моей просьбы, а такъ какъ императоръ Александръ, основываясь на нашихъ личныхъ отношеніяхъ, просилъ меня наконецъ чрезъ русскаго посланника въ Берлинѣ высказать по этому поводу мое собственное мнѣніе,

*

то я не могъ долѣе уклоняться отъ отвѣта на этотъ нескромный вопросъ. Я просилъ посланника фонъ-Швейница, срокъ отпуска коего истекалъ, побывать у меня въ Варцинѣ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, чтобы получить отъ меня инструкціи. Швейницъ пробылъ у меня съ 11-го по 13-е октября. Я поручилъ ему какъ можно скорѣе отправиться черезъ Петербургъ въ Ливадію, мѣстопробываніе императора Александра и двора. Смыслъ инструкціи, данной мною фонъ-Швейницю, былъ таковъ, что для насъ необходимо прежде всего поддержать дружественныя отношенія между великими монархами, которыя могутъ болѣе потерять, если ихъ коснется революція, нежели въ томъ случаѣ, если имъ придется вести между собою войну. Если дружественныя отношенія между Россіей и Австріей, къ нашему прискорбію, т. е. мыслимы, то мы можемъ допустить, чтобы наши друзья проигрывали и выигрывали другъ у друга сраженія, но не можемъ допустить, чтобы одному изъ нихъ было нанесено сильное пораженіе и чтобы онъ пострадалъ настолько, что его независимое положеніе было этимъ поколеблено и онъ потерялъ бы голосъ въ Европѣ. Это заявленіе, которое Горчаковъ заставилъ своего монарха вынудить у насъ, чтобы доказать ему платоническій характеръ нашей любви, имѣло послѣдствіемъ, что русская гроза перенеслась изъ восточной Галиціи на Балканы и что Россія, прервавъ съ нами переговоры, начала такыя съ Австріей, насколько я помню сначала въ Пештѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ былъ заключенъ договоръ въ Рейхштадтѣ, гдѣ императоръ Александръ и Францъ-Іосифъ встрѣтились 8-го іюля 1876 г. Австрія было предъявлено требованіе, чтобы эти переговоры велись втайнѣ отъ насъ. Эта конвенція ¹⁾, а вовсе не Берлинскій конгрессъ, была главною причиною, что Австрія владѣетъ Босніей и Герцеговиной; она же обезпечила русскимъ нейтралитетъ Австріи во время войны съ Турціей.

Такъ какъ русскій кабинетъ обезпечилъ Австріи, въ силу Рейхштадтской конвенціи, Боснію за ея нейтралитетъ, то изъ этого можно заключить, что г. Убри не сказалъ намъ правду, утверждая, что турецкая кампанія будетъ не болѣе какъ une promenade militaire (военная прогулка), занятіемъ для *troupe* войскъ и предлогомъ для полученія бунчуковъ и георгіевскихъ крестовъ; Боснія была бы за это слишкомъ дорогою цѣною. По всей вѣроятности, въ Петербургѣ разсчитывали, что Болгарія, отпавъ отъ Турціи, останется надолго въ зависимости отъ Россіи. Но это предположеніе не оправдалось бы вѣроятно и въ томъ случаѣ, если бы условія Санъ-Стефанскаго мира были выполнены безъ всякихъ ограниченій. Чтобы не быть отвѣтственнымъ

¹⁾ Заключенная 15-го (3-го) января 1877 г.

Примѣчаніе надателя.

передъ своимъ народомъ за эту ошибку, постарались, не безъ успѣха, взвалить вину за неблагопріятный исходъ войны на германскую политику, на «нейтрность» нѣмецкаго друга. Это было недобросовѣстно; мы никогда не обѣщали ничего кромѣ доброжелательнаго нейтралитета; насколько наши намѣренія были честны, видно изъ того, что наше довѣріе и доброжелательство въ Россіи не было поколеблено тѣмъ, что отъ насъ потребовали держать въ тайнѣ условія Рейхштадтской конвенціи; мы отозвались съ полною готовностью на желаніе Россіи созвать конгрессъ въ Берлинѣ, когда оно было сообщено мнѣ въ Фридрихсруѣ графомъ Петромъ Шуваловымъ. Желаніе русскаго правительства созвать конгрессъ для заключенія мира съ Турціей доказывало, что она не чувствовала себя, въ военномъ отношеніи, достаточно сильной, чтобы довести дѣло до войны съ Англійей и съ Австріей, коль скоро ею былъ упущенъ благопріятный моментъ для занятія Константинополя. Отвѣтственность за неудачи русской политики падаетъ безъ сомнѣнія на князя Горчакова и на его болѣе молодыхъ и энергичныхъ сотрудниковъ, но во всякомъ случаѣ его нельзя считать свободнымъ отъ всякой отвѣтственности. Какъ велико было вліяніе, коимъ кв. Горчаковъ пользовался у императора Александра, разумѣется, съ русской точки зрѣнія, свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что онъ принималъ, какъ представитель Россіи, участіе въ Берлинскомъ конгрессѣ, вопреки желанію монарха, которое было ему извѣстно. Когда, пользуясь званіемъ канцлера и министра иностранныхъ дѣлъ, онъ сталъ появляться въ засѣданіяхъ конгресса, то получилось слѣдующее курьезное положеніе: вачальствующее лицо—канцлеръ и подчиненный ему по министерству, посланникъ Шуваловъ фигурировали рядомъ, но уполномоченнымъ лицомъ Россіи являлся въ дѣйствительности не канцлеръ, а посланникъ.

Этотъ, по моимъ наблюденіямъ неоспоримый фактъ можетъ быть подтвержденъ только документами русскиxъ архивовъ, хотя можетъ статься, что и въ нихъ не найдется этому доказательствъ; во всякомъ случаѣ онъ свидѣлствуетъ, что единство политическихъ дѣйствій не обезпечено и при неограниченномъ образѣ правленія, съ единой главою, обладающей неограниченной властью, какова власть русскаго императора; это единство существуетъ скорѣе въ Англии, гдѣ первый министръ и получаемыя имъ донесенія подлежатъ критикѣ общества, тогда какъ въ Россіи только императоръ, смотря по его проницательности и знанію людей, можетъ судить, кто изъ его докладчиковъ и подданныхъ, дѣлающихъ ему донесенія, ошибается или обманываетъ его и кто говоритъ правду. Я не хочу этимъ сказать, что текуція дѣла министерства иностранныхъ дѣлъ ведутся въ Лондонѣ лучше, нежели въ Петербургѣ, но что англійское правительство рѣже, нежели русское, бываетъ вынуж-

дено исправлять ошибки своихъ подчиненныхъ, умалчивая о нихъ. Правда, лордъ Пальмерстонъ сказалъ 4-го апрѣля 1856 г. въ нижней палатѣ съ ироніей, которая, вѣроятно, не была понята большинствомъ членовъ, что подборъ предъявленныхъ парламенту документовъ относительно Карса потребовалъ, вѣроятно, особой тщательности и вниманія со стороны лицъ, занимавшихъ не второстепенныя, а высшія должности въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Синяя книга о Карсѣ, выкинутыя депеши сэра Александра Бурнеса изъ Афганистана и донесенія посланниковъ о происхожденіи нугы, которая была предложена въ 1854 г. султану Вѣнской конференціей къ подписи вмѣсто Меншиковской, свидѣтельствуютъ о легкости, съ какою въ Англіи могутъ быть обмануты парламентъ и пресса. Такъ какъ архивы министерства иностранныхъ дѣлъ оберегаются въ Лондонѣ тщательно, чѣмъ гдѣ-либо, то это даетъ право предполагать, что въ нихъ можно найти доказательства еще другихъ тому подобныхъ фактовъ.

Во время дипломатическихъ переговоровъ, происходившихъ по поводу исполненія постановленій Берлинскаго конгресса, въ Петербургѣ ожидали, что мы будемъ безъ дальнѣйшихъ околичностей поддерживать и проводить всѣ русскія требованія вопреки австрійскимъ и англійскимъ, даже безъ предварительнаго соглашенія по этому поводу между Берлиномъ и Петербургомъ. Когда я намекнулъ сначала, а затѣмъ потребовалъ рѣшительно, чтобы намъ были высказаны желанія русскаго правительства конфиденціально, но совершенно опредѣлено, то мое заявленіе было обойдено молчаніемъ. Получалось такое впечатлѣніе, какъ будто князь Горчаковъ ожидалъ отъ меня, какъ дама отъ своего поклонника, чтобы я отгадывалъ желанія русскіихъ и отстаивалъ ихъ; а Россія не хотѣла сама высказать ихъ и тѣмъ принять на себя за нихъ отвѣтственность. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было думать, что мы вполне понимали интересы и намѣренія Россіи и считали возможнымъ дать русской политикѣ, добровольно, доказательство нашей дружбы, не вредя нашимъ собственнымъ интересамъ, и тогда намъ случалось выслушивать за это вмѣсто ожидаемой благодарности одно брюжжаніе и неодобреніе; намъ заявляли, будто мы сдѣлали не то и не въ той степени, какъ ожидалъ нашъ русскій другъ. Подобный результатъ получался и тогда, когда не могло быть сомнѣнія, что мы поступали согласно съ его желаніемъ. Все это доказывало преднамѣренную недобросовѣстность не только по отношенію къ намъ, но и къ императору Александру, которому германская политика могла показаться вслѣдствіе этого безчестной и не внушающей довѣрія. «*Votre amitié est trop platonique*»¹⁾ — сказала императрица Марія (Александровна) наше-

¹⁾ Ваша дружба слишкомъ платоническая.

му посланнику съ упрекомъ. Строго говоря, дружба одного кабинета великой державы къ другому всегда должна быть до известной степени платонической; ибо ни одна великая держава не можетъ предоставить себя исключительно къ услугамъ другой. Ей всегда приходится имѣть въ виду не только настоящія, но и будущія свои отношенія къ прочимъ державамъ и по возможности избѣгать съ ними принципиальной вражды. Это относится въ особенности къ Германіи, съ ея центральнымъ положеніемъ, открытымъ нападенію съ трехъ сторонъ.

Ошибки въ кабинетской политикѣ великихъ державъ не наказываются сейчасъ, но безвредными онѣ никогда не бываютъ. Историческая логика еще точнѣе въ своихъ рѣзисяхъ, чѣмъ всѣ наши контрольные камеры. При выполненіи постановленій конгресса, Россія ожидала и требовала, чтобы германскіе комиссары, при мѣстныхъ о томъ переговорахъ на Востокѣ, при разногласіяхъ между русскими и другими націями, соглашались въ общемъ съ русскими. Въ разныхъ вопросахъ объективное рѣшеніе могло быть для васъ, конечно, довольно безразличнымъ; для насъ дѣло шло лишь о томъ, чтобы договорныя постановленія честно исполнялись и чтобы наши отношенія къ другимъ великимъ державамъ не разстраивались, вслѣдствіе партійнаго отношенія къ мѣстнымъ вопросамъ, не затрогивающимъ германскихъ интересовъ. Страстная горечь рѣчи всѣхъ русскихъ органовъ, дозволенное цензурою наускиваніе русскаго народнаго настроенія противъ насъ заставляли насъ считать благоразумнымъ не лишаться симпатій, которыя мы еще могли имѣть у другихъ державъ.

При этомъ положеніи пришло еще собственноручное письмо императора Александра, которое, помимо всего уваженія къ пожилому другу и дядѣ, въ двухъ мѣстахъ содержало опредѣленные угрозы войною, въ формѣ, обычной въ международныхъ дѣлахъ, — приблизительно такого содержанія: если германскій голосъ не согласится присоединиться къ русскому, то миръ между нами не можетъ длиться ⁴⁾. Это заявленіе

⁴⁾ Приводимъ самый текстъ этого собственноручнаго весьма интереснаго письма императора Александра (напечатаннаго въ изданномъ профессоромъ Kohl: „Wegweiser durch Bismarck's Gedanken und Erinnerungen“, 1899), изъ котораго убѣждаемся, что смыслъ его переданъ Бисмаркомъ не вполнѣ точно: въ письмѣ императора не было и рѣчи о нарушеніи мира со стороны Россіи, въ немъ напоминались только обязанности Германіи, какъ доброй сосѣдки къ Россіи, оказавшей ей историческую услугу. Это письмо имѣетъ весьма важное значеніе для исторіи возникновенія тройственнаго союза.

„Царское Село, 3-го (15-го) августа 1879 г.

„Дорогой дядя и другъ, я хочу еще письменно поблагодарить васъ за ваше доброе письмо, отъ 27-го іюля, и Августу за присылку, отъ васъ обихъ, прелестной медали, въ память вашей золотой свадьбы, на которой обстоятельства, къ сожалѣнію, не позволили мнѣ присутствовать, о чемъ я заранѣе думалъ съ удовольствіемъ.

было повторено дважды, въ весьма рѣзкихъ и недвусмысленныхъ выраженіяхъ. Я заключаю, что князь Горчаковъ принималъ участіе въ составленіи этого письма, изъ того, что при свиданіи 6-го сентября 1879 г. съ корреспондентомъ орлеанскаго «Soleil», Людовикомъ Пейрамонъ (Peugamont) онъ сдѣлалъ по адресу Франціи горячее признаніе въ любви. Слѣдующіе два факта подтвердили мое предположеніе: въ октябрѣ мѣсяцѣ, одна дама, изъ берлинскаго общества, помѣщавшаяся въ «Hôtel de l'Europe» въ Баденъ-Баденѣ, въ сосѣдствѣ съ княземъ Горчаковымъ номерѣ, слышала, какъ онъ говорилъ: «J'aurais voulu faire la

„Мнѣ пріятно слышать, что вы хорошо перенесли всѣ утомительныя перемѣны; надѣюсь, что лѣченіе въ Гастейнѣ дастъ вамъ новыя силы, чтобы перенести трудности предстоящихъ вамъ военныхъ смотровъ.

„Смерть генераль-адъютанта Рейтерна, который имѣлъ честь состоять послѣдніе годы при вашей особѣ и къ которому вы относились столь милостиво, огорчила васъ, по всей вѣроятности, точно такъ же, какъ меня. Я постараюсь найти ему замѣстителя, который былъ бы пріятенъ вамъ, и не упущу предварительно сообщить вамъ вашимъ согласіемъ, когда этотъ выборъ будетъ мною сдѣланъ. Обремененный дружбою, которую вы не переставали мнѣ оказывать, позвольте мнѣ поговорить съ вами, съ полною окроветенностью, объ одномъ щекотливомъ дѣлѣ, постоянно меня занимающемъ. Дѣло идетъ о дѣйствіяхъ различныхъ германскихъ дипломатическихъ агентовъ въ Турціи, которые съ нѣкотораго времени, къ несчастію, держатъ себя враждебно относительно Россіи, что находится въ совершенномъ противорѣчій съ традиціями дружественныхъ отношеній, которыя болѣе чѣмъ столѣтіе руководили политикой нашихъ обонхъ правительствъ и вполне согласовались съ нашими общими интересами. Это убѣжденіе у меня не измѣнилось; я держусь его вполне и лѣщу себя надеждою, что оно раздѣляется и вами. Но свѣтъ судить на основаніи фактовъ. Какъ же объяснить себѣ эти дѣйствія германскихъ агентовъ, все болѣе и болѣе становящіяся намъ враждебными, на Востокѣ, гдѣ, по словамъ самого князя Бисмарка, Германія не имѣетъ собственныхъ интересовъ, которые ей приходилось бы охранять, тогда какъ мы имѣемъ тамъ интересы весьма серьезныя. Мы только-что окончили славную войну, которая не имѣла въ виду какихъ-либо завоеваній, но единственно улучшеніе судьбы христіанъ въ Турціи. Мы только-что доказали это, очистивъ провинціи, которыя послѣ войны были заняты нами, но мы желаемъ, чтобы послѣдствія, добытыя цѣною нашей крови и нашихъ денегъ, не были мертвыми буквами. Дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы привести въ исполненіе постановленія Берлинскаго конгресса, но это должно быть сдѣлано добросовѣстно. А между тѣмъ турки, поддерживаемые своими друзьями англичанами и австріяцами, которые располагаются твердою ногою въ двухъ турецкихъ провинціяхъ, занятыхъ ими въ мирное время, чтобы никогда ихъ не возвращать ихъ законному монарху,—постоянно возбуждаютъ споры относительно разныхъ частностей, которыя имѣютъ большую важность какъ для болгаръ, такъ и для храбрыхъ черногорцевъ. Точно также поступаютъ и румыны относительно Болгаріи. Эти споры должны разрѣшаться большинствомъ европейскихъ комиссаровъ. Комиссары Франціи и Италіи почти по всѣмъ вопросамъ присоединяются къ нашимъ, тогда какъ комиссары Германіи, ка-

guerre, mais la France a d'autres intentions» 1). А 1-го ноября, парижскій корреспондентъ «Times'a» могъ сообщить своей газетѣ, что передъ свиданіемъ въ Александровѣ царь писалъ императору Вильгельму, жалуясь на образъ дѣйствій Германіи, и сказалъ, между прочимъ, слѣдующую фразу: «Канцлеръ вашего величества позабылъ обѣщанія данныя въ 1870 г.» 2).

Въ виду направленія, принятаго русской прессой, постоянно возростающаго возбужденія русскаго народа и массы войска, которое стягивалось у прусской границы, было бы легкомысліемъ не придавать значенія серьезности положенія и угрозамъ императора, обращеннымъ

жется. получили пароль поддерживать всегда мнѣнія австрійцевъ, которыя намъ систематически враждебны, и это по вопросамъ, не интересующимъ Германію ни въ какомъ отношеніи, но для насъ очень важнымъ.

„Простите мнѣ, дорогой дядя, откровенность моихъ словъ, основанныхъ на фактахъ; но я считаю своимъ долгомъ обратить ваше вниманіе на печальныя послѣдствія, которыя это можетъ породить въ нашихъ добрососѣдскихъ отношеніяхъ, раздраживъ наши націи одна противъ другой, какъ это уже начинается дѣлать печать обѣихъ странъ. Я вижу въ этомъ работу нашихъ общихъ враговъ, тѣхъ самыхъ, которые не могли переварить союзъ трехъ императоровъ. Вы припомните, что мы съ вами не разъ объ этомъ уже говорили, и какъ я былъ счастливъ, когда убѣждался, что наши мнѣнія на этотъ счетъ были одинаковы. Я вполне понимаю, что вы желаете сохранить ваши хорошія отношенія къ Австріи, но я не понимаю, какой интересъ можетъ имѣть Германія жертвовать таковыми къ Россіи. Достоинно ли истинно государственнаго человѣка бросать на вѣсы личную ссору, когда дѣло идетъ объ интересахъ двухъ великихъ государствъ, какъ бы созданныхъ для того, чтобы жить въ добромъ согласіи и изъ коихъ одно оказало другому въ 1870 г. такую услугу, которую вы, по вашимъ собственнымъ словамъ, никогда не забудете. Я не позволилъ бы себѣ объ этомъ напомять вамъ, но обстоятельства становятся слишкомъ серьезны, чтобы я могъ скрыть передъ вами опасенія, которыя меня озабочиваютъ, и послѣдствія которыхъ могутъ быть пагубны для нашихъ обѣихъ странъ. Да сохранитъ насъ отъ этого Господь и наставитъ васъ!

„Здоровье моей жены внушало намъ послѣднее время серьезныя опасенія. Дай Богъ, чтобы воздухъ родной страны послужилъ ей на пользу.

„Не сердитесь на меня, дорогой дядя, за содержаніе этого письма и вѣрьте чувствамъ неизмѣнной преданности и искренняго расположенія вашего искренно преданнаго племянника и друга Александра“. В. В.

1) Я хотѣлъ бы военать, но Франція имѣетъ иныя намѣренія.

2) Корреспондентъ „Times'a“, г. Оппертъ изъ Бловница въ Богеміи, вѣроятно, охотно взялся распространить это извѣстіе, сообщенное ему, надо полагать, Горчаковымъ, такъ какъ онъ былъ сердитъ на меня со времени конгресса. По желанію Виконсфизда, который хотѣлъ, вѣроятно, сдѣлать ему удовольствіе, я выхлопоталъ ему орденъ Короны 3-й ст. Онъ былъ недоволенъ этимъ знакомъ отличія, который, съ прусской точки зрѣнія, былъ весьма значителенъ, отказался отъ него и выразилъ желаніе получить тотъ же орденъ 2-й ст.

Прим. Бисмарка.

къ столь уважаемому имъ некогда другу. Поѣздка, которую императоръ Вильгельмъ совершилъ 3-го сентября 1879 г., по совѣту фельд-маршала фонъ-Мантейфеля въ Александрово, для того, чтобы лично отвѣтить успокоительнымъ образомъ на угрозу, высказанную его племянникомъ письменно, противорѣчила моимъ взглядамъ и убѣжденіямъ насчетъ того, какъ слѣдовало поступить въ этомъ случаѣ.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ намъ пришлось отказаться отъ мысли сблизиться съ Россіей помимо Австріи, по тѣмъ же причинамъ, которыя заставили насъ отказаться отъ предложенія ¹⁾ прекратить осложненія, возникшія въ 1863 г., заключивъ союзъ съ Россіей. Не знаю, какъ велики были полномочія, данныя графу Петру Шувалову передъ началомъ послѣдней турецкой кампаніи и во время Берлинскаго конгресса, чтобы обсуждать со мною вопросъ о русско-германскомъ союзѣ; онъ былъ аккредитованъ при лондонскомъ, а не при берлинскомъ дворѣ, но, благодаря его личнымъ отношеніямъ ко мнѣ, имѣлъ возможность обсудить со мною откровенно, во время его кратковременнаго пребыванія въ Берлинѣ, проѣздомъ черезъ этотъ городъ, и во время конгресса, всѣ выгоды, которыя могъ представить этотъ союзъ.

Въ началѣ февраля 1877 г., я получилъ отъ него длинное письмо изъ Лондона; привожу здѣсь мой отвѣтъ на это письмо и возраженіе на него графа Шувалова ²⁾:

¹⁾ Сдѣланнаго Пруссіи императоромъ Александромъ II, о чемъ было говорено выше.

²⁾ Поводомъ къ отвѣтному письму Бисмарка послужило нижеслѣдующее письмо графа Шувалова, помѣщенное во французскомъ оригиналѣ въ „Wegweiser durch Bismarck's Gedanken und Erinnerungen“; приводимъ текстъ этого письма, такъ какъ оно служитъ къ уясненію послѣдующихъ двухъ писемъ, приведенныхъ Бисмаркомъ въ его воспоминаніяхъ.

„Лондонъ, 3-го февраля 1877 г.:

„Любезный князь, позвольте выразить вамъ мою искреннюю и живѣйшую благодарность за доказательство вашей доброй памяти и доброжелательства, которыя графъ Мюнстеръ неоднократно передавалъ мнѣ.

„Я считаю также долгомъ увѣрить васъ въ безиолосности тѣхъ стараній, которыя могли бы быть испробованы съ цѣлью заставить меня отказаться отъ убѣжденій, которыя слишкомъ твердо упрочились во мнѣ, чтобы ихъ можно было когда-либо поколебать.

„Я всегда думалъ, что тѣсный союзъ нашихъ двухъ имперій представилъ бы такое огромное „количество“ силъ, что никакая держава отдѣльно или въ союзѣ съ другой державою не могла бы съ успѣхомъ бороться противъ этой силы, которая будетъ держать такимъ образомъ на чеку всю остальную Европу.

„Когда въ Берлинѣ, были положены, въ 1872 г., первыя основы тройственнаго союза, я видѣлъ, съ своей стороны, въ третьей державѣ лишь молодую вѣтвь, привитую къ могучему и прочному стволу нашей старинной

Берлинъ, 15-го (3-го) февраля 1877 г. ¹⁾.

«Любезный графъ, благодарю васъ за ваше любезное письмо; я премного обязанъ графу Мюнстеру за то, что онъ такъ прекрасно истолковалъ, въ данномъ случаѣ, чувства, создавшія между нами, съ самаго перваго нашего знакомства, связь, которая переживаетъ политическія отношенія, доставившія намъ нынѣ случай вступить въ сношенія. Воспоминаніе о моихъ бесѣдахъ съ вами будетъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ, какія оставитъ во мнѣ моя официальная дѣятельность.

«Какова бы ни была политическая будущность обоихъ нашихъ

дружбы; я ничего не имѣю противъ того, чтобы эта новая вѣтвь разрослась, пусть только она не поглотитъ въ свою пользу всѣ соки самаго дерева.

«Словомъ, я думаю, что главная цѣль союза, который будетъ заключенъ между нашими двумя державами, должна состоять въ томъ:

„Чтобы Россія не дозволила и не потерпѣла образованія коалиціи противъ Германіи, если таковая образуется на западѣ, и чтобы Германія оплатила намъ тѣмъ же на востокѣ.

„Если бы Европа была убѣждена въ этомъ фактѣ, то многихъ осложненій можно было бы избѣжать въ будущемъ.

„Питая, любезный князь, издавна эти убѣжденія, я всегда сожалѣлъ о томъ, что во время настоящаго кризиса соглашеніе между тремя дворами не оказалось особенно прочнымъ. Наше соглашеніе не проявилось ничѣмъ на дѣлѣ и даже на словахъ.

„Если бы Англія вѣрнѣе въ это соглашеніе, то она держалась бы болѣе твердой политики по отношенію къ Турціи.

„Если бы Порта была убѣждена въ немъ, то она не упорствовала бы въ своемъ упрямствѣ и сопротивленіи.

„Наконецъ, если бы три имперіи, образовавшія это соглашеніе, сами тысячу разъ не усумнились въ немъ, то все давно бы уже уладилось.

„Простите, любезный князь, за это малевькое изложеніе моихъ политическихъ убѣжденій, въ которомъ вы вовсе не нуждаетесь. Хотя вы и не католическій священникъ, но я чувствую потребность исповѣдаться передъ вами.

„Примите, любезный князь, увѣреніе въ моемъ искреннемъ почтеніи и совершенной преданности. Шуваловъ“.

¹⁾ Упомянутое письмо Бисмарка ириведено въ его воспоминаніяхъ по черновнику, сохранившемуся въ Фридрихсруѣ, профессоръ Kohl, наблюдавшій за издаваніемъ этихъ воспоминаній, не могъ своевременно достать оригинала этого письма; впоследствии же онъ получилъ точную копию съ него отъ г. Дальтона, которому упомянутое письмо было подарено самимъ графомъ Шуваловымъ; мы находимъ его въ недавнемъ этимъ профессоромъ „Wegweiser durch Bismarck's Gedenken und Erinnerungen“. Сличая объ редакціи письма, мы видимъ, что послѣдняя нѣсколько разнится отъ первоначальнаго наброска, въ особенности въ заключительной части; въ виду несомнѣннаго историческаго значенія, которое представляетъ это письмо, мы воспроизводимъ ниже конецъ его въ томъ видѣ, въ какомъ оно было получено графомъ Шуваловымъ, отмѣчая соответственныя мѣста, въ которыхъ встрѣчается нѣкоторое разногласіе противъ первоначальной редакціи письма.

В. В.

государствъ, участіе, которое я принималъ въ событіяхъ прошлаго, оставить во мнѣ пріятное воспоминаніе, что относительно необходимости для нихъ союза я всегда раздѣлялъ взглядъ достойнѣйшаго изъ государственныхъ людей, среди вашихъ соотечественниковъ. До тѣхъ поръ, пока я буду занимать мое теперешнее мѣсто, я буду неизмѣнно вѣрнъ традиціямъ, руководившимъ мною въ теченіе 25-ти лѣтъ, которыя вполнѣ сходны, въ принципѣ, съ мыслями, высказанными въ вашемъ письмѣ, относительно услугъ, которыя Россія и Германія могутъ оказать и взаимно оказывали другъ другу болѣе столѣтія, при чемъ отъ этого не страдали личные интересы ни той, ни другой изъ этихъ державъ¹⁾. Это убѣжденіе руководило мною въ 1848, 1854 и 1863 гг., а равно и при настоящемъ положеніи, и мнѣ удалось склонить къ нему огромное большинство моихъ соотечественниковъ, но его легче будетъ, пожалуй, уничтожить, нежели было создать его, въ особенности, если мои преемники не будутъ съ такою же твердостью, какъ я, держаться традицій, не имѣя за собою въ этомъ случаѣ опыта, и если у нихъ не всегда хватитъ самоотверженности отказаться отъ самолюбія, которое необходимо для того, чтобы подчинять вышнюю сторону дѣла его сущности и личную шепетильность крупнымъ интересамъ монархіи²⁾

¹⁾ Въ окончательной редакціи письма въ этомъ мѣстѣ прибавлена фраза: „Два сосѣднія европейскія государства, которыя болѣе столѣтія не чувствовали потребности враждовать между собою, должны бы заключить изъ этого, что между ними не существуетъ разнородныхъ интересовъ“.

²⁾ Съ этого мѣста начинается разногласіе между обѣими редакціями письма; приводимъ его конецъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно было послано графу Шувалову:

„Я испыталъ это на себѣ, но я не обращаю вниманія на маленькія шутки, которыя играли со мной мой бывшій другъ и петербургскій наставникъ, и на „заигрыванія“ съ Парижемъ со стороны его и Орлова. Старая пройма моего закала трудно провести ложными опасеніями, но такъ ли отнесутся къ этому канцлеры, которые будутъ моими преемниками и которымъ я не могу заищать моего хладнокровія и моей опытности? Быть можетъ, покажется легче ввести въ заблужденіе ихъ политическія сужденія, при помощи услужливыхъ газетъ, недоброжелательныхъ отзывомъ и частныхъ писемъ, которыя распространяютъ въ публикѣ. Германскій министръ, которому намекнуть на возможность образовать коалицію, пользуясь идеею о реваншѣ, испуганный при мысли о своемъ одиночествѣ, можетъ сдѣлать попытку предохранить себя, принявъ неосторожныя и даже пагубныя обязательства, которыя впоследствии будутъ трудно выполнимы. Въ союзѣ двухъ имперій столько силы и безопасности, что онъ могъ бы быть скомпрометтированъ со временемъ, безъ всякаго политическаго повода, только по желанію какого-нибудь государственнаго дѣятеля, который любитъ переѣмы или находить французовъ любезнѣе нѣмцевъ; въ этомъ я готовъ вполнѣ согласиться съ нимъ, не подчиняя этому, однако, политикѣ моей страны. До тѣхъ поръ, пока я буду руководить дѣлами, вамъ будетъ трудно отдѣлаться отъ нашего

Стараго пройдоху моего закала не легко провести ложными опасеніями; я умѣю, въ интересахъ моего монарха и страны, забывать непріятности, которыя, за послѣдніе два года, мнѣ не стѣснялись причинять съ вашей стороны; я не обращаю вниманія на заигрыванія (flirtation), которыми занимаются въ Парижѣ мой бывшій петербургскій другъ и наставникъ, и мой молодой парижскій другъ (Орловъ), но, быть можетъ, вамъ легче удастся сбить съ толку политическіе взгляды тѣхъ канцлеровъ, которые меня замѣняютъ, давъ имъ понять, какъ это дѣлалось послѣдніе три года со мною, что вамъ легко создать коалицію, взявъ въ основу идею реванша. Я не могу завѣщать моему преемнику хладнокровія, съ какимъ я смотрю на возможность этой коалиціи. Съ помощью услужливыхъ газетъ, которыя говорятъ въ угрожающемъ тонѣ, и парижскихъ заигрываній въ фельетонахъ и письмахъ къ дамамъ, занимающимся политикою, будетъ не особенно трудно сбить съ толку германскаго министра, уstraшеннаго мыслию объ его одиночествѣ, во избѣжаніе котораго онъ будетъ готовъ принять на себя неблагоразумныя обязательства, которыя окажутся со временемъ трудно выполнимы.

«Въ всякомъ случаѣ этого не будетъ со мною, ибо, какъ только я успѣю, худо или хорошо, удовлетворить требованія сейма, который откроется 22-го числа и продлится всего нѣсколько недѣль, я отправлюсь на воды и болѣе не возвращусь къ дѣламъ. Я имѣю свидѣтельство факультета, что я «untauglich», официальный терминъ, дающій право на отставку, и который выражаетъ въ данномъ случаѣ только печальную истину.

«Но мнѣ придется предварительно отвѣтить на послѣднюю загадку вашей полѣтки; я плохой отгадчикъ, мнѣ надобно разъяснить тай-

снова, но это не будетъ долго продолжаться. Мое здоровье быстро ухудшается. Я постараюсь принять участіе въ засѣданіяхъ сейма, который откроется черезъ нѣсколько дней и можетъ продлиться не болѣе нѣсколькихъ недѣль. Тотчасъ послѣ закрытія сейма, я отправляюсь на воды и болѣе не вернусь къ дѣламъ. Я имѣю свидѣтельство отъ факультета, что я никауда не годенъ (untanglich), техническій терминъ, дающій право выйти въ отставку, и который, въ данномъ случаѣ, выражаетъ лишь печальную истину.

«Если Господь позволитъ мнѣ пользоваться нѣсколько лѣтъ отдыхомъ въ частной жизни, то я прошу у васъ, любезный графъ, позволенія продолжать дружественныя отношенія, которыя я имѣлъ случай завязать, благодаря моей официальной дѣятельности, а покуда прошу васъ принять увѣренія въ тѣхъ чувствахъ, съ коими я остаюсь искренно вамъ преданный фонъ-Висмаркъ.

«Прошу васъ пзвинить меня за то, что я замедлялъ отвѣтомъ; недѣли двѣ мнѣ было очень трудно писать, я чувствовалъ въ рукѣ какія-то судороги, которыя и теперь еще не прошли, какъ вы увидите по моему почерку. Я не хотѣлъ, однако, чтобы это письмо было написано постороннею рукою».

ную мысль, которую я видимо плохо понялъ. Когда мнѣ не говорятъ, чего отъ меня хотять и требуютъ, то я легко могу не попасть въ точку и заслужить упрекъ въ томъ, что я поощряю турокъ, говоря о мирѣ, или быть заподозрѣннымъ, что я предательски понуждаю къ войнѣ. Мнѣ только-что пришлось подвергнуться цѣлому граду подобныхъ разнорѣчивыхъ обвиненій, и я не хочу подвергаться имъ вновь, не имѣя кормчаго и даже маяка, указывающаго мнѣ гавань, въ которую вы желали бы войти. Бисмаркъ».

Лондонъ, 25-го февраля 1877.

«Любезный князь, я глубоко тронуть вашимъ прекраснымъ письмомъ, но я чувствую искреннее раскаяніе при мысли, какого труда вамъ стоило писать его и какъ много драгоценнаго времени (говоря о вашемъ) оно у васъ отняло.

«Это письмо будетъ однимъ изъ лучшихъ воспоминаній моей политической карьеры, и я завѣщаю его моему сыну.

«Отсутствуя болѣе года изъ Берлина и Петербурга, я поддался овладѣвшимъ мною сомнѣніямъ.

«Я подумалъ, что то, что сѣуществовало—быть можетъ, болѣе не существуетъ. Вы даете мнѣ доказательство противнаго, я радъ этому отъ чистаго сердца, какъ истинно русскій человѣкъ.

«Если бы я не нашелъ въ васъ, любезный князь, по-прежнему человѣка, который никогда не измѣняетъ ни своихъ политическихъ убѣжденій, ни своего доброжелательства къ друзьямъ,—то на этотъ разъ я продалъ бы свои русскіе фонды, какъ вы хотѣли это сдѣлать три года тому назадъ, потому что были слишкомъ высокаго мнѣнія обо мнѣ.

«Я снялъ копію съ нѣкоторыхъ мѣстъ вашего письма и послалъ ихъ императору. Я знаю, что ему доставитъ удовольствіе прочесть ихъ. Всякій разъ какъ ему приходилось имѣть дѣло непосредственно съ вами, это имѣло самый хорошій и полезный результатъ; прочесть то, что вы пишете человѣку, котораго вы удостоиваете названіемъ друга,—для императора равносильно, какъ будто онъ находится съ вами въ непосредственныхъ отношеніяхъ.

«Излишне говорить, что я пропустилъ все, что относится къ Горчакову, такъ какъ я принимаю ваши намеки на него, какъ доказательство вашего довѣрія къ моей скромности.

«Хотя я плохо освѣдомленъ (по весьма понятной причинѣ) о томъ, чего желаютъ въ Петербургѣ, однако я считаю возможнымъ отсрочку войны и разруженіе.

«Носится слухъ, что скоро будетъ заключенъ миръ съ Сербіей и Черногоріей. Великій визирь написалъ Деказу и Дерби письма съ заявленіемъ, что султанъ обѣщаетъ немедленно совершить всѣ реформы

требуемая конференціей. Европа будетъ просить насъ дать Турціи на это время. Неужели же это благопріятный моментъ для того, чтобы объявить войну и еще болѣе возстановить противъ насъ Европу? Личныя дѣла настоятельно требуютъ моего отъѣзда въ Россію; я нахѣревь просить о кратковременномъ отпускѣ, лишь только у насъ будетъ принято какое-либо рѣшеніе въ томъ или другомъ смыслѣ.

«Надѣюсь, любезный князь, что вы позволите мнѣ повидаться съ вами проѣздомъ въ Берлинъ—я чрезъвычайно желаю этого.

«Надѣюсь, вы пзвываете меня за это длинное письмо, въ виду того, что вамъ не придется впрочемъ отвѣчать на него ни слова.

«Примите еще разъ, любезный князь, мою горячую благодарность за вашу «Kindness» (доброту) и за ваше письмо, противъ котораго я могу сдѣлать только одно возраженіе, а именно по поводу того, что вы говорите, къ сожалѣнію, о своемъ здоровьи.—Господь сохранитъ его, я увѣренъ, какъ овъ сохраняетъ все то, что полезно миллионамъ людей и нужно для осуществленія великихъ и обширныхъ плановъ.

«Будьте увѣрены, любезный князь, что вы всегда найдете во мнѣ болѣе чѣмъ почитателя, число коихъ велико и безъ меня, но человека, искренно и отъ всего сердца вамъ преданнаго. Шуваловъ».

Графъ Шуваловъ еще до конгресса коснулся въ разговорѣ со мною вопроса о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ Россіи съ Германіей и поставилъ вопросъ категорически. Я обсуждалъ съ нимъ вполне откровенно всѣ выгоды и затрудненія, которыя представлялъ для насъ этотъ союзъ, и прежде всего выборъ между Австріей и Россіей въ случаѣ, ежели тройственный союзъ восточныхъ державъ оказался бы непрочнымъ. Графъ сказалъ, во время разговора, между прочимъ: «vous avez le sauchemar des coalitions» ¹⁾, на что я отвѣтилъ: «nécessairement» ²⁾. Самымъ вѣрнымъ средствомъ противъ этого былъ, по его словамъ, прочный, непоколебимый союзъ съ Россіей, ибо, если эта держава будетъ исключена изъ числа противниковъ, могущихъ образовать противъ насъ коалицію, то не можетъ быть такой комбинаціи, которая угрожала бы нашему существованію.

Я согласился съ этимъ, но высказалъ опасеніе, какъ бы германская политика, считая возможнымъ только союзъ съ Россіей и уклоняясь по ея желанію отъ сближенія съ прочими государствами, не очутилась по отношенію къ ней въ неравномъ положеніи, такъ какъ географическое положеніе Россіи и ея неограниченный образъ правленія дасть ей возможность гораздо легче нарушить союзъ, нежели могли бы это сдѣлать мы, и такъ какъ сохраненіе традицій русско-

¹⁾ Вы бредите коалиціями.

²⁾ Разумѣется.

прусскаго союза зависать исключительно отъ воли одного человѣка, т. е. отъ личныхъ симпатій царствующаго въ Россіи императора. Наши отношенія къ Россіи основаны главнымъ образомъ на личныхъ отношеніяхъ между обоими монархами и зависятъ отъ того, въ какомъ духѣ эти отношенія поддерживаются искусными царедворцами и дипломатами, а равно и отъ взгляда представителей обѣихъ державъ. Мы видѣли примѣры, что благодаря искусству такихъ военно-уполномоченныхъ, каковыми были генералы Раухъ и гр. Мюнстеръ, взаимныя отношенія оставались весьма дружественны, въ то время, когда прусскими посланниками въ Петербургѣ были лица довольно безпомощныя, и обѣ стороны имѣли полное основаніе быть недовольны другъ другомъ. Мы видѣли также, что такіе несдержанные и раздражительные представители Россіи, какъ напр. Будбергъ и Убри, будучи чѣмъ-нибудь недовольны, производили своимъ поведеніемъ въ Берлинѣ и своими донесеніями такое впечатлѣніе, которое могло имѣть весьма опасное вліяніе на взаимныя отношенія полутораэта миллионныхъ обѣихъ націй.

Я припоминаю, что въ бытность мою посланникомъ въ Петербургѣ, кн. Горчаковъ, коего неограниченнымъ довѣріемъ я еще пользовался въ то время, заставляя меня иной разъ ожидать пріема, давалъ мнѣ просматривать нераспечатанныя и еще непрочтанныя имъ донесенія изъ Берлина, а я бывалъ пораженъ, видя изъ этихъ донесеній, съ какимъ недоброжелательствомъ мой бывший другъ Будбергъ готовъ былъ жертвовать существовавшими отношеніями ради своей раздражительности по поводу какого-нибудь факта, случившагося въ обществѣ, и даже изъ простой потребности сказать какую-нибудь остроу на счетъ взаимныхъ отношеній при берлинскомъ дворѣ и въ министерствѣ. Его донесенія представлялись конечно для прочтенія императору, при томъ безо всякихъ комментаріевъ и доклада; замѣтки, которыя императоръ дѣлалъ на поляхъ этихъ донесеній и которыя Горчаковъ давалъ мнѣ иногда просматривать, при дальнѣйшей дѣловой корреспонденціи, служили несомнѣннымъ доказательствомъ того, какъ сильно невѣрныя донесенія Будберга и Убри вліяли на доброжелательнаго къ намъ императора Александра II, который выводилъ изъ нихъ заключеніе не объ ошибочности сужденій его представителей, но о томъ, что политика Берлина была недалководна и недоброжелательна. Давая мнѣ читать эти нераспечатанныя донесенія и кокетничая такимъ образомъ своимъ довѣріемъ, Горчаковъ говорилъ обыкновенно: «Vous oublierez ce que vous ne deviez pas lire» ¹⁾, въ чемъ, разумѣется, я давалъ слово, послѣ того какъ мною были просмотрѣны въ сосѣд-

¹⁾ Вы забудете то, что вамъ не слѣдовало читать.

старина⁴, содержать въ себѣ описанія: 1) книги кн. Мих. Дмитр. Пожарскаго въ Св.-Евфиміевскомъ Суздальскомъ первоисковомъ мужскомъ монастырѣ; 2) рукописныя наметки описи (заключены 1791 г. в календарь невѣстнаго года), весьма интересныя въ филологическомъ отношеніи; 3) археологическія находки близъ слободы Колуа Вязниковскаго уѣзда, какъ-то: желѣзныхъ наконечниковъ копій, наекъ и стрѣлъ, желѣзныхъ сабель, конскихъ удилъ, вѣднихъ колецъ и пряжекъ и проч. (эти предметы изображены на приложенной къ книгѣ гравюры); 4) кузнецкія вещи, найденныя въ Шушскомъ и Мелеховскомъ уѣздахъ, а именно: серебряныхъ и вѣднихъ притокъ, вѣднихъ колецъ, пряжекъ, браслетовъ, пуговицъ и т. п. и, наконецъ, 5) описокъ съ деревянныхъ и вѣднихъ досокъ а также и съ досокъ яричныхъ.

Въ двухъ предпоследнихъ отдѣлахъ описываются старинныя кафельныя печи: 1) въ домѣ г. Елизарова въ г. Вязникахъ, съ рельефными изображениями, устроенная въ прошломъ столѣтіи, въ цѣлости сохранившаяся почти и теперь въ соответствующую своему назначенію; 2) въ Вязникахъ же, въ старинномъ домѣ Коряковцева—съ разнообразными изразцами и человѣческими и другими фигурами на нихъ; и 3) въ селѣ Малихъ Дорыхъ, Вязниковскаго уѣзда въ домѣ притетника Крылова съ дѣтными изразцами, украшенными всевозможными фигурами, съ подписями подъ ними, вродѣ: „ку на дело свое“, „зѣ мно место“ и т. п.

Въ послѣдней статьѣ говорится о старинныхъ объемистыхъ кушаньяхъ, именувшихся в ул г а н а м и; они были металлическіе и фарфоровые; послѣдніе дѣлались изъ глины, сверху которой обливались цвѣтливой поливой и раскрашивались цвѣтными красками узоромъ, птицами, строеніи, деревьями; внизу были четыре ножки; въ основаніи имѣли круглую форму; съ одной стороны—ручка, а съ другой—рожокъ для заливанія жидкости. Такіе кушанья наполнялись брагой для медовъ и служили украшеніями русскаго стола.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе втораго выпуска перваго тома собранія сочиненій Н. А. Голышева.

Открытие города и порта „Александровскъ“ при Екатерининской гавани на Мурманѣ, 24-го іюня 1899 г., и путешествіе по Архангельской губ. Е. И. В. великаго князя Владиміра Александровича съ 23-го іюня по 2-ое іюля 1899 г. Архангельскъ 1899 г.

Екатерининская гавань давно уже обращала на себя вниманіе, но пользованіе ею носило характеръ случайный и при томъ въ сколько односторонній. 24-е іюня текущаго года является историческимъ моментомъ въ жизни русскаго Сѣвера: въ этотъ

день, на далекомъ Мурманѣ, въ Екатерининской гавани, открытъ новый городъ и портъ „Александровскъ“. Торжество открытія происходило въ присутствіи Е. И. В. великаго князя Владиміра Александровича, русскихъ и норвежскихъ моравовъ, представителей разныхъ вѣдомствъ, русской и иностранной печати, міра науки, торговли и промышленности, значительнаго числа туристовъ какъ изъ Россіи, такъ и изъ-за границы.

Разбираемый нами очеркъ составленъ подъ руководствомъ и по указаніямъ архангельскаго губернатора А. П. Энгельгардта и содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о портѣ „Александровскъ“ и описаніе его открытія и путешествія великаго князя Владиміра Александровича.

Для уясненія исторіи возникновенія города и порта „Александровскъ“, авторъ останавливается, прежде всего, на Мурманѣ и его рыбныхъ промыслахъ. Мурманъ, какъ известно, обладаетъ значительными рыбными богатствами, а въ климатическомъ отношеніи онъ находится едва-ли не въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ сѣверная Норвегія, а потому имѣеть всѣ данныя къ тому, чтобы, съ устройствомъ коммерческаго порта, здѣсь развивалась самостоятельная торговля въ такихъ же широкихъ размѣрахъ, какъ въ сосѣднемъ норвежскомъ Финмаркенѣ. Екатерининская гавань, благодаря теплому теченію „гольфстрема“, омывающаго берега Мурмана, въ теченіе всей зимы остается свободной для плаванія и выхода судовъ въ океанъ. Она представляетъ для нихъ превосходную и совершенно безопасную стоянку; защищена отъ всѣхъ вѣтровъ; имѣеть въ длину 1000 с. и въ ширину около 200 с., при глубинѣ отъ 10 до 25 с.; выгдѣ въ гавани нѣтъ ни одной мели, ни одного подводнаго камня. Главныи недостатокъ гавани—что она окружена почти отвѣсными скалами и что непосредственно у береговъ гавани нѣтъ удобныхъ мѣстъ для построекъ,—въ настоящее время до нѣкоторой степени устраненъ: всѣ городскія зданія (она перечислены подробно) построены въ 150—200 саж. отъ берега, за прибрежною скалою, гдѣ нашлось удобное и ровное мѣсто для построекъ; въ этомъ зданіямъ проведены шоссе и желѣзная дорога.

Описанію расположенія города Александровска предшествуютъ отамы о немъ газетъ русскихъ и иностранныхъ; затѣмъ слѣдуетъ описаніе сѣмага торжества открытія города и порта; при чемъ А. П. Энгельгардтомъ было получено, съ разныхъ концовъ Россіи, много похвальныхъ телеграммъ, которыя и напечатаны въ книгѣ.

Третью и послѣднюю, часть очерка составляетъ довольно подробное описаніе путешествія по Архангельской губерніи великаго князя Владиміра Александровича.

Въ концѣ книги помѣщена карта Мурмана. Н. И.-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
1899 г.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАВНЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ руб.**— въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для городовыхъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Бузнецкій мостъ, д. Фирсаева). Въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. В. Ф. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Бивѣ—при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гр. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, къ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о пѣльмихъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныя, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныя и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи объ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакцію.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи Русскую Старину за слѣдующіе годы: 1876—1880, по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1898 по 9 рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„М. И. СЕМЕВСКІЙ“, основатель историческаго журнала „Русская Старина“. Его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. М. И. Семевского и факс. его письма. Цѣна 3 рубля. Для подписчиковъ „Русской Старины“ 2 рубля.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXX-й.

Н О Я Б Р Ъ .

1899 годъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е :

I. Петръ Великій и святитель
Митрофанъ перовской.
Н. Поликарпова... 241—265	XI. Состояніе царства Польскаго въ 1861 и 1862 г.г.
(Вспомн. дѣловскій генерала Лидерса). Сообщилъ
Б. М. 458—479
II. Изъ записокъ барона (внѣ-
слѣдствій графа) Ш. А.
Керфа..... 267—289	XII. Записки князя „Русской
Старины“: Отказъ
императора Павла исправлять
людей порочныхъ. 15 янв. 1801 г.—Рескриптъ
имп. Павла—ген. Розенбергу
о заключеніи ген.-лейт. Лыова въ
крѣпость. 16 января 1799 г.
(стр. 266).—Къ біографіи
А. В. Суворова. Сообщ.
Н. Г у б е р т а (300).—
Къ исторіи русской литературы
тридцатыхъ годовъ. (318).—
Аттестатъ, выданный барономъ
Бенингеномъ генералъ-майору
И. С. Дорехову. 9 декабря
1808 г. (420).—Поселеніе
въ Россіи выходцевъ изъ
Акермана. 1802 г. (452).—
Предложеніе Правитель-
ствующему Сенату управ-
ляющаго министерствомъ
Юстиціи графа Панина
о дворничѣ Шидловскомъ.
15 июля 1840 г. Сообщ. Г.
К. Р ѣ п н и н с к і й.
(480).
III. Очеркъ исторіи студен-
ческихъ обществъ въ
Западной Европѣ иу насъ.
А. Кириичникова. 301—317	XIII. Библиографическ. листокъ.
(на оберткѣ).
IV. Архимандритъ Фотій и
графиня А. Орлова-Чесменская.
(Изъ князьей бѣды). А. Слезкин-
скаго..... 319—324	
V. Изъ жизни декабристовъ
въ Сибири. (Письма С. Б.
Вронскаго—С. Р. Лешарскому).
..... 325—334	
VI. Изъ прошлаго. П. Д. Па-
рекова..... 335—358	
VII. Изъ архива А. В. Мини-
тенко. (Письма къ нему
разныхъ лицъ). Сообщ.
С. А. Никитенко 359—374	
VIII. Какъ насъ учили. (Раз-
сказы изъ духовно-сенни-
царской жизни). Н. Н.
Соловьева..... 375—398	
IX. Княгиня старина. (Изъ
воспомн. Ив. Ив. Михай-
лова). (Уклоненіе). Сообщ.
С. Н. Кулябко.... 399—419	
X. Полни въ Россіи въ
1608—1609 г.г. Сообщ.
В. П. Тимошукъ. 421—451	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Мысли и воспоминанія князя Оттона Бисмарка.
2) Губера. Архимандритъ Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская. Граф. Н. Х е л ѣ н и ц к і й.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1899 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стр. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудн.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольная Польшаянская, 39.
1899.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1899 г.

Библиографическій листокъ.

Кончина Александра Сергѣевича Пушкина. Составилъ его племянникъ Левъ Павлицевъ. С.-Петербургъ. 1899.

Разсматриваемая нами книга составлена на основаніи имѣющихся у автора писемъ его матери, Ольги Сергѣевны Павлицевой, къ ея отцу, Сергѣю Львовичу Пушкину, писемъ ея родныхъ и знакомыхъ и собственнаго рукописнаго дневника автора, куда онъ заносилъ свои бесѣды какъ съ матерью своею и со вдовомъ поэта, Натальей Николаевной, такъ и съ современниками-друзьями Пушкина, кн. П. А. Вяземскимъ, П. А. Шюттевымъ, Ф. Ф. Вигелемъ, С. А. Соболевскимъ, кн. В. Ф. Одоевскимъ, Я. И. Сабуровымъ и ии. друг.

Книга г. Павлицева представляетъ несомнѣнный интересъ, такъ какъ въ ней авторъ даетъ нѣкоторыя подробности о кончинѣ Пушкина и проливаетъ свѣтъ на это дѣло, въ которомъ,—по выраженію покойнаго друга поэта, кн. Петра Андреевича Вяземскаго,—многое „оставалось темнымъ и таинственнымъ“.

Трудъ Л. Н. Павлицева состоитъ изъ семи главъ.

Въ первой главѣ авторъ говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ извѣстіемъ о смерти Пушкина, на сестру его, Ольгу Сергѣевну, и на отца его, а также и на русское общество. Какъ влело изъ письма Ольги Сергѣевны, несчастный, одинокій старикъ (Сергѣй Львовичъ) утѣшаетъ себя воспоминавіями о сынѣ и мечтами о духовномъ мирѣ. Всякій день, несмотря на погоду, отправляется пѣшкомъ въ Казанскій соборъ, гдѣ и вынимаетъ часть объ упокоеніи души покойнаго жизни на полѣ чести боярина Александра... Вечеромъ навѣщаетъ вдову и друзей покойнаго сына поговорить объ усопшемъ. Но такія бесѣды лишь увеличиваютъ его грусть.

Во второй главѣ помѣщена характеристика Гекерена старшаго и усмловнаго имъ Дантеса, составленная по отзывамъ О. С. Павлицевой и Л. С. Пушкина. Вотъ какъ отзывалась Ольга Сергѣевна о Дантесѣ: двадцати-грѣхъ лѣтній Дантесъ принадлежалъ къ самоубійственнымъ фатамъ, голова которыхъ повинуется змизу, а не наоборотъ; удовлетвореніе чувству самоубожили служило модному кавалергардскому поручику главной житейской дѣлью. Будучи празднымъ съ утра до вечера, бѣдася, такъ ска-

зать, съ жару, Дантесъ поступалъ во всея очерта голову, никогда ничего не взымалъ.

Левъ Сергѣевичъ рассказалъ моеи матери,—говоритъ г. Павлицевъ,—что нахальство Дантеса достигло апогея, когда, оставаясь однажды случайно съ Натальей Николаевной наединѣ къ чужомъ дождѣ,—не помню у кого,—вынулъ изъ кармана неразрѣженный пистолетъ и приставилъ его ко лбу съ восклицаніемъ: „размозжу себѣ голову, если сдѣлаете меня несчастнымъ“. Тутъ моя тетка съ испугу закричала. Явилась хозяйка съ посторонними гостями, и Дантесъ, оловѣстивъ компанію, что хотѣлъ прелестную жену поэта погубить, сталъ дурачиться, забавляя публику граціозной мимикой, такъ что и Наталья Николаевна, оправясь отъ страха, не могла не расхохотаться.

Въ третьей главѣ мы находимъ характеристику Натальи Николаевны Пушкиной при чемъ авторъ приводитъ и взводившіяся на нее разныя клеветы и опровергаетъ ихъ. Заключается эта характеристика въ слѣдующихъ выраженіяхъ: пажовалъ Наталья Николаевна была примѣрномъ супругомъ и матерью, поставивъ себѣ цѣлью счастье дѣтей. Всегда и вездѣ находила она привѣтливое слово для всѣхъ и каждаго, а ея ровный, счастливый характеръ вызывалъ въ ней общее сочувствіе. Цѣнилъ вслѣдствіе кто звалъ ее, она оставила по себѣ самую свѣтлую память.

Выясненію отношеній А. С. Пушкина къ обонимъ Гекеренамъ посвящена четвертая глава. Пушкинъ почувствовалъ къ старшему Гекерену антипатію съ первой встрѣчи и выразился о немъ Ф. Ф. Вигелю „mon cher, cet homme-là me fait l'effet d'un Janus à double face“¹⁾. Независть свою къ Гекерену Пушкинъ выразилъ довольно рельефно виконту Даршяку, сескуванту врага, утромъ въ день дуэли: „La première fois que je rencontrerai les Haeckeren,—père ou fils le diable n'a qu'à les exporter tous les deux je leur cracherai à la figure, si la rencontre n'aura pas lieu aujourd'hui même“²⁾.

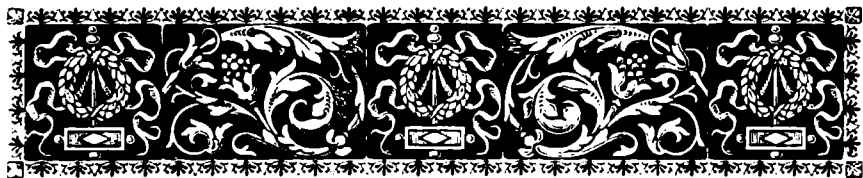
¹⁾ „Мой милый, этотъ человекъ производитъ на меня впечатлѣніе двуликаго Януса“.

²⁾ „Первый разъ, когда встрѣчу Гекереновъ, отца или сына,—чортъ побери ихъ обонкъ,—я плюну имъ въ лицо, если встрѣча не состоится сегодня же“.

Архимандритъ Фотій и графиня А. Орлова-Геоменская.

(съ рисунка того времени).

Петръ Великій и святитель Митрофанъ воронежскій.

(Посвящается Аннѣ Федоровѣ и Григорію Федоровичу Запольскимъ).

сѣмь болѣе или менѣе извѣстна та на первый взглядъ дружба, которая связывала Петра I-го и св. Митрофана, одинаково великихъ по силѣ духа, но слишкомъ рѣзко отличавшихся другъ отъ друга и по характеру, и по убѣжденіямъ.

Въ настоящее время далеко подвинувшаяся впередъ разработка историческихъ архивовъ, какъ мѣстныхъ, такъ и столичныхъ, даетъ возможность съ болѣею ясностью и обстоятельностью изложить взаимныя отношенія между царемъ Петромъ и воронежскимъ святителемъ.

I.

Святитель Митрофанъ жилъ на рубежѣ новаго времени (1623—1703), а конецъ его жизни, когда онъ сблизился съ Петромъ, совпалъ съ самымъ началомъ реформы, съ тою ея эпохою, когда она еще шла неправильными скачками, съ неизбежными ошибками и промахами, и приобретала въ русскомъ обществѣ то горячихъ приверженцевъ, то ярыхъ противниковъ.

Святитель Митрофанъ былъ великоруссъ, родомъ изъ Владимірской епархіи, человекъ простой и неученый, не получившій систематическаго школьнаго образованія. Образованіе, которое могъ онъ получить въ 30 и 40 годахъ XVII столѣтія на своей родинѣ (гдѣ онъ провелъ дѣтство, былъ священникомъ, а потомъ инокомъ и игуменомъ)¹⁾, со-

¹⁾ Инокомъ въ Золотниковской пустынн, игуменомъ въ Косминѣ Яхромскомъ монастырѣ (1665—1675) и Макаріевѣ Унженскомъ мон. (1675—1682).

стояло, конечно, только въ начитанности «божественныхъ» и душеспасительныхъ книгъ ¹⁾. Таково впрочемъ было по своему образованію и все почти тогдашнее великорусское духовенство. И именно по недостатку образованія, великорусское духовенство въ общей массѣ отнеслось къ Петровской реформѣ съ открытымъ несочувствіемъ. Что же касается святителя Митрофана, то его никоимъ образомъ нельзя отнести къ числу этихъ враговъ реформы, хотя въ то же время несомнѣнно, что по своимъ личнымъ убѣжденіямъ онъ болѣе примыкалъ къ старорусской партіи. Онъ дорожилъ преданіями родной старины, въ которыхъ былъ воспитанъ, и своей паствѣ также завѣщала хранить это «отечественное наследіе» ²⁾. Онъ глубоко уважалъ одного изъ важнѣйшихъ представителей старорусской партіи патріарха Іоакима и солидарность съ нимъ въ своихъ взглядахъ доказала тѣмъ, что въ свое духовное завѣщаніе внесъ значительную часть завѣщанія патріарха, и, что особенно важно, безъ всякаго измѣненія внесъ сюда увѣщанія его противъ дружбы съ иноземцами.

Вопросъ о обличеніи съ иностранцами поставленъ въ завѣщаніи святителя, такъ сказать, ребромъ и рѣшается въ отрицательномъ смыслѣ, но не трудно замѣтить, что центръ тяжести увѣщанія святителя заключается въ томъ, что среди иноземцевъ, жившихъ въ Россіи, не мало было «враговъ Божіихъ и ругателей церковныхъ, злословящихъ святую нашу вѣру», что среди нихъ господствовало много пороковъ, противныхъ чистой христіанской нравственности; много «обычаевъ непотребныхъ и не утвержденныхъ въ вѣрѣ». Видно, что святитель опа-

¹⁾ Голицковъ („Доп. къ дѣян. Петра В.“, т. XVII. М. 1796 г., стр. 67) прямо говорить о святителѣ: „Добродѣтельный впрочемъ, но простодушный и не ученый пастырь“ (по поводу статуи). Святителю Митрофану приписываются три литературныхъ произведенія: „Духовное Завѣщаніе“, предисловіе къ „Синодику“ и „Слово отъ архіерея, во епархію свою пришедша, ко священникомъ“. Архипастырскія посланія къ священникамъ, предсмертныя духовныя завѣщанія, равнымъ образомъ, и т. наз. синодики были весьма распространенными родами литературы въ старину, но всѣ эти произведенія отличались въ большинствѣ случаевъ комплиментнымъ, подражательнымъ характеромъ, такъ какъ авторы позднѣйшаго времени цѣлкомъ или съ незначительными измѣненіями заимствовали для своихъ произведеній содержаніе такихъ же произведеній раннаго времени. Такимъ же характеромъ отличаются и произведенія, приписываемыя св. Митрофану. Въ синодикѣ содержатся нѣсколько статей о помяновеніи усопшихъ, заимствованныя изъ другихъ современныхъ синодиковъ. Также, вѣроятно, заимствовано у кого-нибудь и „Слово ко священникомъ“. Что же касается духовнаго завѣщанія, то и въ немъ есть значительныя заимствованія изъ завѣщанія патр. Іоакима († 1690) и др. архипастырей.

²⁾ Подлинникъ духовнаго завѣщанія св. Митрофана, хранящійся въ Московской патріаршей библіотекѣ, листъ 18. Оно напечатано свящ. С. Е. Зѣвевымъ въ „Богосл. Вѣстн.“ 1897 г. февр.

сался именно за цѣлость вѣры и нравственности въ своей паствѣ, что имъ руководило то именно чувство, которое заставило его требовать отъ Петра убрать изъ своего дворца соблазнительныя нагія статуи античныхъ боговъ и богинь.

И опасенія святителя, дѣйствительно, имѣли основанія, такъ какъ на вызовъ Петра изъ-за границы въ Россію явилось много «самого отчаяннаго сброда» ¹⁾, «людей распутныхъ, склонныхъ къ пьянству, насиліямъ и разнымъ преступленіямъ» ²⁾ и такъ какъ неразборчивое перенесеніе на русскую почву нѣкоторыхъ западно-европейскихъ обычаевъ и вообще слѣпое, неразумное подражаніе всему иноземному впоследствии принесло Россіи много вреда именно въ религиозно-нравственномъ отношеніи. Еще при святителѣ ясно сказалось вредное вліяніе иноземцевъ на жителей Воронежскаго края. Изъ современныхъ святителю письменныхъ памятниковъ извѣстно, что нѣмцы-начальники насмѣхались надъ почитаніемъ Богоматери и святыхъ, глумились надъ инокочитаніемъ и постами, соблазнили русскихъ женщинъ и дѣвицъ. Одинъ русскій жаловался въ архіерейскомъ судномъ приказѣ, что жена его жила у иноземца—корабельнаго мастера, и жила съ нимъ, и въ среду, и въ пятницу мясо ѣдала по ихъ иноземному обычаю, «и она,—заключалъ проситель свою жалобу,—миѣ не надобна». Среди русскихъ, подъ вліяніемъ иноземцевъ, появлялись уже люди съ неправославными сектантскими убѣжденіями; одинъ изъ нихъ (въ с. Рѣпномѣ, близъ Воронежа) хулилъ православное духовенство, церкви называлъ мечетями, великихъ государей Іоанна и Петра—антихристами, патріарха — державникомъ, іереевъ — посланниками его, Тѣло и Кровь Христову ни во что вмѣнялъ и высказывалъ убѣжденіе, что «Богъ нашъ на небеси, а на землѣ Бога нѣтъ» ³⁾. Что касается личныхъ отношеній святителя къ иноземцамъ, то нѣкоторые факты изъ жизни его показываютъ, что онъ вовсе не такъ презиралъ всѣхъ изъ, какъ можно было бы заключить по его завѣщанію: извѣстно, на примѣръ, что онъ помогалъ изъ своей архіерейской казны не только русскимъ, но и иноземцамъ ⁴⁾, и что въ 1699 г. для архіерейскаго дома (или можетъ быть для кафедральнаго собора) лилъ какіе-то мѣдныя

¹⁾ М. А. Веневитиновъ. „Изъ Ворон. Старины“. М. 1887 г. стр. 31.

²⁾ Брикверъ, „Исторія Петра В.“ СПб. 1882 г. т. I, стр. 227—228.

³⁾ „Жизнь... Митрофана перв. Ворон. епископа“. Изд. 3. Воронежъ 1898 г., стр. 27—28.

⁴⁾ Въ приходо-расх. кн. Вор. арх. дома 1703 г. между прочимъ отмѣчено, что „авг. въ 15 д. роздано на милостыню въ тюрьму, и въ богадѣльнц, и въ адмиралтейскій приказъ и по караульнымъ ссыльнымъ, и володникамъ и иноземцамъ 2 руб. 8 алтынъ, 2 ден. (около 22 руб.“ на выѣшнія деньги).

столбы «мастеръ-нѣмчинъ» ¹⁾. Факты эти показываютъ, что святитель видѣлъ въ иноземцахъ такихъ же, какъ и русскихъ, людей, нуждающихся и заслуживающихъ христіанской любви и помощи и могущихъ быть полезными своими знаніями и искусствами.

Видно, что «простодушный и неученый пастырь» умѣлъ трезво отнестись къ нарождавшейся реформѣ и провидѣть, сколько блага, а вмѣстѣ и сколько зла могло внести въ русскую жизнь сближеніе съ иностранцами.

Вотъ этотъ-то трезвый взглядъ святителя на вещи, его необыкновенная доброта, не мѣшавшая ему быть и весьма практичнымъ человекомъ, его умѣнье снизойти къ нуждамъ и потребностямъ обыкновеннаго слабого и грѣшнаго человека, наконецъ, его беззапятная любовь къ Россіи, не разъ доказанная крупными пожертвованіями на государственныя нужды,—всѣ эти качества «святаго старца», какъ называлъ его Петръ, и могли привязать къ нему молодого царя. Съ своей стороны святитель, прежде всего, видѣлъ въ Петрѣ Помазанника Божія и повиналъ его благородныя стремленія къ возвышенію и просвѣщенію Россіи. цѣнилъ его царственные труды, замѣчалъ его любовь и усердіе къ православному богослуженію, которое онъ, какъ увидимъ ниже, неопустительно посѣщалъ и въ Воронежѣ. Тому, кто видѣлъ хранящіяся доселѣ въ Петропавловскомъ соборѣ, Троицко - Петровской церкви, Императорскомъ эрмитажѣ и другихъ мѣстахъ въ С.-Петербургѣ рѣзанныя царемъ Петромъ иконы, распятія, паникадила и прочія сдѣланныя имъ собственноручно драгоценныя вещи для украшенія храмовъ, не трудно убѣдиться въ томъ, что царь Петръ отличался глубокою вѣрностью, и что въ этомъ отношеніи имѣлъ много общаго съ святителемъ Митрофаномъ, который такъ заботился объ украшеніи Божіихъ церквей. Что же касается многихъ извѣстныхъ слабостей Петра, то такіе люди, какъ святитель Митрофанъ, всегда умѣли отнестись къ подобнымъ человѣческимъ слабостямъ и ошибкамъ снисходительнѣе и любовнѣе, чѣмъ другіе.

II.

Святитель Митрофанъ сталъ извѣстенъ царской семьѣ еще въ то время, когда былъ (1675—1682) игуменомъ Макарьева Унженскаго монастыря (нынѣ Костромской губерніи).

Преподобный Макарій Унженскій и его монастырь издавна пользо-

¹⁾ Тамъ же подъ 18 окт. 1699 г. записано: „дано въ почете мозжернаго двора (мозжера—мортира, пушка) переводчику Маркѣ Иванову, что онъ переводитъ мастера-нѣмчину въ литѣ столбовъ нѣдпныхъ рубль“. Мозжерный дворъ или литейный заводъ находился въ 2 вер. отъ г. Воронежа, на берегу рѣки. („Колыбель Рус. Флота“, 82).

вался особымъ уваженіемъ царствующаго дома Романовыхъ; съ особенною же любовію относился къ этому монастырю царь Θεодоръ Алексѣевичъ, присылавшій иногда сюда цѣнныя вклады. Одинъ изъ самыхъ близкихъ къ царю Θεодору людей бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово «имѣлъ великую любовь къ игумену Митрофану, и самъ взаимно отъ него много былъ любимъ и уважаемъ. Игуменъ Митрофанъ, бывая въ Москвѣ по дѣламъ монастырскимъ, всегда усердствовалъ ему рыбою и другими отъ монастыря вещами», въ благодарность за его богатые вклады въ монастырь ¹⁾. Такія дружескія отношенія съ Хитрово, вѣроятно, сблизили святителя и съ царемъ, тѣмъ болѣе, что пріѣзжавшіе въ Москву настоятели монастырей въ то время должны были каждый разъ представляться царю. Впослѣдствіи царь Θεодоръ разошелся съ Хитрово, но расположеніе къ игумену Митрофану сохранилъ до самой своей смерти. Въ 1681 году, царь Θεодоръ «любя честную лавру преподобнаго отца Макарія Унженскаго»,—такъ повѣствуется въ старинномъ рукописномъ житіи этого святаго ²⁾,—и хотя, (желая) къ нему истинную вѣру и любовь показать, ученика и намѣстника его игумена Митрофана, мужа во истину праведна и свята, въ царствующій градъ Москву любочестивъ отъ обителя привесть, архіерея того... сотворивъ, первопрестольника граду Воронежу со мноюю честію посла».

Первая исторически извѣстная встрѣча святителя съ Петромъ относится къ коронаціи царей Іоанна и Петра 26-го іюня 1682 года, такъ какъ Митрофанъ, тогда уже епископъ, принималъ участіе въ этомъ торжествѣ: онъ въ числѣ другихъ духовныхъ сановниковъ подѣлалъ къ патріарху Іоакиму державу, для врученія ея царямъ ³⁾.

Возможно, впрочемъ, что эта встрѣча оставила впечатлѣніе только въ святителѣ, и впечатлѣніе это, конечно, было вполнѣ въ пользу Петра: это былъ живой, умный и очень красивый десятилѣтній отрокъ, которому незнавшіе его дѣйствительнаго возраста давали на 5 лѣтъ больше (Кемпферъ) ⁴⁾: дотога не по лѣтамъ онъ былъ развитъ и физически, и умственно.

Впечатлѣніе это, конечно, далеко не изгладилось въ душѣ святителя,

¹⁾ „Описаніе Макар. Унж. Костр. епархіи мон.“. М. 1835 г. стр. 52—53, примѣчаніе.

²⁾ Житіе преп. Макарія, храмъ въ Макар. Унж. мон., стр. 335. Извлеченіе изъ него мы заимствовали изъ „Дѣла объ открытіи мощей Митр., еп. ворон.“. Архивъ Свят. Синода. Дѣла 1830 г. № 293. Т. II, стр. 336).

³⁾ Соловьевъ, „Исторія Россіи“. Приложение къ XIII т. „Книга записная царства царей... Ивана Алексѣевича, Петра Алексѣевича“, кн. III, стр. 972—973.

⁴⁾ И. Е. Забѣлякъ, „Опытъ изуч. русск. древн. и истор.“. Ч. I, М. 1872 г. „Дѣтскіе годы Петра Великаго“, стр. 47.

когда, задумавъ устроить въ Воронежѣ флотъ, для взятія Азова, Петръ (съ 1694 г.) начинаетъ время отъ времени наѣзжать въ Воронежъ и подолгу оставаться здѣсь, для наблюденія за постройкою судовъ.

Для пребыванія царя здѣсь устроены были два дворца: одинъ на берегу рѣки Воронежа, на адмиралтейскомъ дворѣ близъ Успенскаго монастыря (нынѣ приходская церковь), другой на островѣ рѣки Воронежа (цитадель)¹⁾; здѣсь же, по склонамъ горы построили себѣ дворцы князь А. Д. Меншиковъ, адмиралъ Фед. Матв. Апраксинъ, близкій родственникъ и сверстникъ царя, въ званіи адмиралтейца (съ 1700 г.) управлявшій корабельными работами; адмиралъ Головинъ, бояринъ Л. К. Нарышкинъ и другіе русскіе сановники; недалеко отъ царскаго дворца на рѣкѣ Воронежѣ, тогда глубокой и полноводной, находились и корабельныя верфи, гдѣ кипѣла работа, на которую собрано было со всѣхъ концовъ Россіи много тысячъ народа (въ 1696 г. около 26 тысячъ)²⁾. Вызванные для завѣдыванія работами иностранцы образовали на берегу рѣки близъ верфи особую нѣмецкую слободу, въ которой были построены двѣ кирки.

Святитель Митрофанъ, у котораго все это происходило, такъ сказать, на глазахъ, вполне понималъ важность созиданія флота для русскаго могущества и съ истинно патріотическимъ усердіемъ пришелъ на помощь Петру въ этомъ дѣлѣ. Онъ принялъ участіе въ постройкѣ двухъ кораблей и вооруженіи трехъ галеръ³⁾, какъ участникъ кумпанства рязанскаго митрополита⁴⁾. Но не это составляло главную заслугу святителя въ глазахъ Петра, такъ какъ участвовать въ кумпанствахъ онъ былъ обязанъ, какъ и всѣ духовные и свѣтскіе владѣльцы. По распоряженію правительства отъ 4-го ноября 1696 года, всѣ владѣльцы, имѣвшіе болѣе ста дворовъ (въ вотчинахъ Воронежскаго архіерейскаго дома ихъ было 196), должны были сдѣлать—духовные съ 8.000 кре-

¹⁾ В. Г. Веселовскій, „Колыбель русскаго флота“. Вор. 1888 г., стр. 81.

²⁾ Брикнеръ, „Исторія Петра Великаго“, стр. 141.

³⁾ „Разные указы и жалов. грамоты, относящ. ко врем. св. Митрофана“. Рукоп. сборн., хранящ. въ ризн. Воронежск. Митрофан. монастыря, № 64, лл. 92—93.

⁴⁾ Тетрадь копій старинныхъ бумагъ Воронежскаго архіерейскаго дома, сост. въ полов. XVIII ст. и хранящ. въ арх. управ. Митрофан. монастыря, № 197. Любопытно, что въ 1699 г. дякъ рязанск. митроп. Авраамія, Тим. Мисиревъ, хотѣлъ взятія преосв. Аврааміемъ взаимобразно деньги 200 руб. обратить на галерное строеніе. По жалобѣ святителя на Мисирева, патриархъ Адрианъ приказалъ Авраамію 3-го ноября 1699 г.: „вскорѣ безъ всякаго задержанія“ уплатить эти „заемныя деньги по роспискѣ“. (Грамота патриарха Адриана святителю Митрофану, № 197, по общей описи). Арх. Димитрій въ своей юбилейной рѣчи напрасно видитъ особую заслугу святителя въ томъ, что онъ принялъ участіе въ кумпанствѣ (стр. 24).

стьянскихъ дворовъ, а свѣтскіе—съ 10.000 дворовъ по одному кораблю, вооруженному и снабженному всѣмъ необходимымъ ¹⁾ (а каждый корабль обходился около 10.000 рублей)²⁾.

Духовные и свѣтскіе владѣльцы образовали для этого кумпанства (компаніи), изъ которыхъ каждое и поставляло по кораблю. 3-го декабря 1697 года было сдѣлано распоряженіе о постройкѣ еще по одному кораблю съ двухъ кумпанствъ. Не довольствуясь этимъ обязательнымъ участіемъ въ кумпанствахъ для сооруженія флота, святитель Митрофанъ дѣлалъ еще и добровольныя крупныя пожертвованія въ пользу флота: въ 1700 году, какъ увидимъ ниже, онъ пожертвовалъ на жалованье служащимъ во флотъ 4.000 рублей, а въ слѣдующемъ 1701 г. еще 3.000 ³⁾ собственно на строеніе кораблей.

Наконецъ, святитель Митрофанъ былъ полезенъ царю и тѣмъ, что онъ разъяснялъ важное государственное значеніе устройства флота простому народу, который былъ собранъ въ Воронежъ изъ разныхъ, нерѣдко весьма отдаленныхъ мѣстностей Россіи, и обремененный денежными и натуральными повинностями на корабельныя работы ⁴⁾, естественно, очень тяготился этими повинностями и работами: побѣги съ работъ развились до крайности, несмотря на принятые противъ нихъ правительствомъ суровыя мѣры ⁵⁾. Бѣжали цѣлыми толпами на Донъ и Яикъ; случалось, что изъ наряженныхъ на работы бѣжала половина, двѣ трети, а иной разъ и никого не оставалось на мѣстѣ. Простое слово любимого за милосердіе и простодушіе архипастыря могло въ этомъ случаѣ подѣйствовать на народъ сильнѣе, чѣмъ всякія репрессивныя мѣры. «Когда великій государь,—сообщаетъ Голиковъ,—устраивая въ Воронежѣ верфь корабельную, сооружалъ флотъ, къ пораженію турокъ и къ отнятію у нихъ Азова необходимо нужной: тогда сей архіерей отъ избытка, такъ сказать, усердія своего къ госу-

¹⁾ Елагинъ, „Исторія русскаго флота“, стр. 53.

²⁾ Тамъ же, стр. 150. На нынѣшніа деньги, значитъ, около 100 тысячъ. По изслѣдованію проф. Ключевского, русскій рубль второй половины XVII ст. стоилъ 17 нынѣшнихъ рублей, а первой четверти XVIII ст. — 9 рублей. („Русскій рубль XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ нынѣшнему“. „Чтеніе общ. истор. и древн.“, 1894 г., кн. I, стр. 72). Мы брали отношеніе рубля 1700 и ближайшихъ годовъ къ нынѣшнему рублю, какъ 10 къ 1.

³⁾ Объ этомъ см. ниже. Кромѣ святителя Митрофана, Петръ получалъ пожертвованія еще отъ митрополита Тихона казанскаго и митрополита Іова новгородскаго. (Знаменскій, „Руков. по истор. русск. Церкви“, стр. 317).

⁴⁾ Особенно тяжела была невозная повинность.

⁵⁾ Ихъ напр. записывали въ гребды и кормишки на построенныя суда, напр.—галеры или каторги (откуда и самое названіе каторжной работы), угрожали повѣшеніемъ. См. „Колымель русскаго флота“. В. Г. Веселовскаго. Вор., 1888 г., стр. 17, 69.

дарю и отечеству въ простыхъ, но сильно надъ сердцами народа дѣйствующихъ поученіяхъ, возносилъ хвалами намѣренія государевы и увѣщевалъ трудящихся въ работахъ и весь народъ къ ревностному содѣйствію отеческимъ попеченіямъ сего монарха»¹⁾).

Петръ отвѣчалъ святителю своимъ расположеніемъ, которое доказывалъ и личными посѣщеніями святителя, и неоднократными пожалованіями, не въ примѣръ прочимъ, архіерейскому дому святителя вотчинъ, а также расширеніемъ границъ Воронежской епархіи на счетъ другихъ сосѣднихъ епархій.

Нельзя не прибавить къ этому, что воронежскій святитель пользовался уваженіемъ и среди тогдашняго знатнаго русскаго общества, и при томъ безъ различія направленій, такъ что его одинаково уважали и друзья и противники Петровской реформы. Мы уже упоминали о дружбѣ его съ Богданомъ Матвѣвичемъ Хитрово; извѣстно также, что царевичъ Алексѣй Петровичъ, Ѳеодоръ Матвѣвичъ Апраксинъ, Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ въ бытность свою въ Воронежѣ присылали святителю «въ почете» свои подарки; многія знатныя лица того времени упоминаются въ синодикѣ святителя Митрофана²⁾, какъ внесшіе вкладъ для поминовенія своихъ умершихъ родственниковъ въ Благовѣщенскомъ «архіерео-престольномъ соборѣ» святителя: въ томъ числѣ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, Ѳеодоръ Абрамовичъ Лопухинъ (отецъ царицы Евдокіи), Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, Алексѣй Семеновичъ Шенинъ, князь Ѳеодоръ Семеновичъ Урусовъ, Иванъ Семеновичъ Головкинъ и другіе³⁾).

III.

Сближеніе Петра съ святителемъ Митрофаномъ, насколько намъ извѣстно, началось съ 1696 года. Въ этомъ году государь прибылъ въ Воронежъ 28-го февраля и всю весну употребилъ на постройку флота, то самъ работая на верфи, несмотря на болѣзнь ноги и рѣзкія перемѣны погоды, то устраивая пышныя празднества, по случаю спуска на воду новыхъ судовъ.

Съ пріѣздомъ царя, Воронежъ имѣлъ совершенно необычный видъ:

¹⁾ „Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго“, XVII, стр. 65—66.

²⁾ Описаніе этого синодика съ извлеченіями изъ него напечатано нами въ „Ворон. Епарх. Вѣд.“, 1895—1896 гг.

³⁾ Святитель Митрофанъ также, видно, дорожилъ добрыми отношеніями съ именитыми людьми: въ расходныхъ книгахъ встрѣчаются записи о покупкѣ иконъ „въ подношеніе“, нѣсколько записей о покупкѣ дѣянаго оружія для поднесенія „въ почете“, а также и о покупкѣ барановъ „въ подношеніе начальнымъ людямъ“.

онъ превратился въ какой-то громадный лагерь, въ которомъ собрались морскія и сухопутныя военныя силы Россіи, готовые выступить въ походъ противъ турокъ. «Война съ турками дала исключительное содержаніе всей мѣстной жизни Воронежа за этотъ годъ, и всѣ остальные мѣстные интересы отступили въ этомъ году на задній планъ»¹⁾. Даже мирный архіерейскій домъ святителя Митрофана и каедральный соборъ превратились отчасти въ складъ боевыхъ припасовъ, доставленныхъ въ теченіе зимы въ Воронежъ; именно «для ставки зеленой казны» были заняты два большихъ погреба «подъ соборною каменною церковью» и одинъ погребъ «на дворѣ преосвященнаго епископа подь каменныя палаты»²⁾.

Среди всей этой пріятной для Петра суеты, работы и развлеченій царь ни разу не забылъ ни одного церковнаго торжества; каждый праздникъ онъ бывалъ на богослуженіи или въ каедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ, передъ тѣмъ только выстроеномъ³⁾ святителемъ, или въ Успенскомъ монастырѣ, находившемся близъ верфи и «государева шатра». Въ церкви, гдѣ присутствовалъ на богослуженіи государь, каждый разъ пѣли его собственные «пѣвчіе дьяки», взятые въ Азовскій походъ и оставившіе намъ любопытный журналъ своего путешествія подь заглавіемъ «Тетрадь записная, какъ пошли пѣвчіе дьяки подь Азовъ». Здѣсь, между прочимъ, сообщается о посѣщеніи Петромъ Благовѣщенскаго собора на Благовѣщеніе и Пасху⁴⁾. Марта въ 25-й день, на праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы (sic) дозволилъ государь литургію слушать на Воронежѣ, въ соборной церкви, а служилъ Митрофанъ, епископъ воронежскій; пѣли мы (т. е. царскіе пѣвчіе) на правомъ крылосѣ, а епископовы на лѣвомъ; а соборная церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; и въ тотъ день обѣдали мы у

¹⁾ Этому году посвящена весьма любопытная статья М. А. Веневинитова „Изъ Воронежской лѣтописи за 1696 г.“, въ „Памятной книгѣ Воронежской губерніи“, 1896 г.

²⁾ Это видно изъ одного документа 1696 г., хранящагося въ Воронежскомъ губернскомъ музеѣ, съ которымъ любезно познакомилъ меня предсѣдатель комиссіи по устройству музея о. Ст. Ег. Звѣревъ.

³⁾ О немъ см. нашу статью „Воронежскій каедр. Благовѣщ. соборъ при св. Митрофанѣ“ въ „Воронеж. Епарх. Вѣд.“. 1897 г. №№ 15 и 16.

⁴⁾ Этотъ журналъ напечатанъ въ „Воронежскихъ актахъ Н. И. Второва“, Воронежъ, 1851 г., кн. I, № XVI, стр. 45. Петръ весьма любилъ церковное пѣвчіе. Часто самъ становился съ своими пѣвчими дьяками на клиросъ. Пѣвчіе дьяки ѣздилъ всегда съ нимъ въ походы. Сохранились имена 12-ти пѣвчихъ дьяковъ, бывшихъ въ государевомъ походѣ на Воронежъ въ 1701 г. (См. статью прот. Д. В. Разумовскаго „Государевы пѣвчіе дьяки XVII вѣка“ въ „Сборникѣ на 1873 г., изд. Общ. древне-русскаго искусства“. М., 1873 г., стр. 171, 180—181).

епископа и было утѣшеніе велие... Вѣроятно, и царь Петръ, какъ и въ послѣдующіе его пріѣзды въ Воронежъ, тоже обѣдалъ у святителя. Богослуженіе на Пасху, 12-го апрѣля, отличалось особенною торжественностью. «Во святую и великую недѣлю Пасхи слушалъ государь утреню въ соборной церкви, пѣли мы на правомъ крылосѣ, а епископовы на лѣвомъ; и какъ послѣ выходу со святыми иконами въ церковь учили пѣть прмось: «Воскресенія день», и въ то время была изъ пушекъ стрѣльба великая на многъ часъ; а литургію въ тотъ день и во всю святую недѣлю слушалъ государь въ Успенскомъ монастырѣ, а вечерни пѣли у Микиты Монсеевича (Зотова, воспитателя Петра) на дворѣ»¹⁾.

Въ теченіе пасхальной недѣли были спущены на воду всѣ остальные суда, кромѣ спущенныхъ еще ранѣе, а на слѣдующей, Ѳоминой недѣлѣ, объявленъ былъ генералиссимусомъ А.А. Сем. Шенномъ второй Азовскій походъ. Въ теченіе мѣсяца, съ 23-го апрѣля по 24-го мая, войско и флотъ постепенно выступили изъ Воронежа. 3-го мая выѣхалъ изъ Воронежа и Петръ на галерѣ «Принципіумъ», во главѣ третьяго судового отряда.

Вниманіе Россіи сосредоточилось теперь вокругъ Азова, гдѣ шла борьба съ турками. Воронежъ опустѣлъ.

Походъ 1696 года, какъ извѣстно, окончился взятіемъ 19-го іюля Азова. Въ «Исторіи Россійской іерархіи» содержится извѣстіе, что епископы воронежскіе именовались «съ 1696 года еще и азовскими», каковымъ титуломъ и правами они пользовались будто бы до 1700 года, когда «назначенъ былъ въ Азовъ особый епископъ»²⁾.

Во всѣхъ извѣстныхъ намъ документахъ 1696—1700 годовъ, вопреки этому извѣстію, святитель Митрофанъ продолжаетъ титуловаться только епископомъ воронежскимъ, но Азовъ, дѣйствительно, въ это время входилъ въ составъ Воронежской епархіи³⁾. Присоединеніе Азова къ Воронежской епархіи объяснялось, конечно, тѣмъ, что эта епархія была ближайшая къ Азову, а отчасти, вѣроятно, и расположе-

¹⁾ „Ворон. акты“, стр. I, 45.

²⁾ „Исторія Россійской іерархіи“. Ч. I, М., 1807 г., стр. 23

³⁾ Связи святителя съ азовскимъ духовенствомъ продолжались и послѣ опредѣленія въ 1701 году въ Азовъ Паренія Небовъ, митр. ладикійскаго и холмогорскаго († 2-го января 1704 г.) О немъ см. „Яр. Губ. Вѣд.“, 1849 г., № 5; „Яр. Епарх. Вѣд.“, 1861 г., № 4. „Отеч. Записки“, 1828 г., II, № 94. Шляпкинъ, „Св. Дмитрій Ростовск.“, стр. 361. Въ 1702 г. протопопъ Азовскаго собора Теодоръ Іосифовъ прислалъ святителю кипарисный кіотъ и доски для написанія иконъ въ Азовскій соборъ. Святитель отвѣчалъ 27-го апрѣля 1702 г., что „у него домовыхъ иконниковъ нѣтъ“, и отослалъ кіотъ и присланные ему 10 руб. въ Москву къ дяку Кос. Сем. Борину, который и долженъ былъ заказать эти иконы. (Собраніе старин. актовъ іером. Воронежск. Митрофан. монаст. Варсонофія, № 2).

ніемъ Петра къ воронежскому святителю, такъ какъ въ противномъ случаѣ Азовъ могъ быть приписанъ и къ патріаршей области, которая тогда не ограничивалась одною Московскою епархією, а владѣла многими мѣстами по окраинамъ Россіи, между прочимъ, и по Дону ¹⁾).

Велика, конечно, была радость и святителя Митрофана и другихъ воронежцевъ при извѣстїи о томъ, что при помощи сооруженнаго въ Воронежѣ флота одержана побѣда надъ страшными турками. 2-го сентября 1696 года получена была воронежскимъ воеводою княземъ Савиномъ Семеновичемъ Горчаковымъ царская грамота отъ 16-го августа съ официальнымъ извѣщеніемъ о взятїи Азова. Этою грамотою предписывалось воеводѣ: «какъ къ тебѣ ся наша, великаго государя, грамота придетъ, и ты бѣ на Воронежѣ преосвященному Митрофану, епископу воронежскому, о томъ объявилъ, что бѣ онъ преосвященный Митрофанъ епископъ, воронежскихъ монастырей со архимандриты, и игумены, и съ протопопомъ и со освященнымъ чиномъ, учинилъ на Воронежѣ въ соборной церкви молебное благодарственное пѣніе. А ты на Воронежѣ градскихъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ жителей велѣлъ собрать къ тому молебному пѣнію и въ соборной церкви при томъ духовнымъ и мірскимъ всякихъ чиновъ людемъ сю нашу, великаго государя, грамоту велѣлъ прочесть всѣмъ вслухъ. И на молебномъ пѣніи молили бѣ въ Троицѣ славимаго Господа Бога и Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодѣву Марію, и московскихъ, кievопечерскихъ, и преподобныхъ отецъ Сергія и Никона Радонежскихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ о нашемъ государскомъ многолѣтнемъ здравїи, и что милостїю Его, Всесильнаго Господа Бога, и предстательствомъ и руководительствомъ Пресвятыя и Всеславныя Владычицы нашея Богородицы и молитвами всѣхъ святыхъ, наши, великаго государя, ратные люди турецкой городъ Азовъ со всякою въ томъ городѣ будучею казною взяли и враговъ Креста святаго бусурманъ славно побѣдили, и воздавали за такое дивное по святой Его Всещедраго Господа Бога волѣ, къ роду христіанскому содѣвающееся дѣло хвалу благодарственно» ²⁾). Въмѣстѣ съ тѣмъ о томъ же послана была святителю Митрофану грамота отъ патріарха Адріана ³⁾). Нѣсколько ранѣе, отъ 10-го августа, писалъ объ этомъ святителю Митрофану Николай Моисеевичъ Зотовъ, быть можетъ, по порученію самого Петра. Въ письмѣ Зотовъ также просилъ святителя о «соборномъ и келейномъ молебномъ благодаренїи» ⁴⁾).

¹⁾ Часть этихъ Придонскихъ владѣній патріаршей области была присоединена къ Воронежской епархіи въ 1696 г., а часть въ 1718 году.

²⁾ Второвъ, „Ворон. акты“, кн. II. Вор. 1852 г., стр. 8—9 № XLVI.

³⁾ Тамъ же, стр. 9—11, №№ XLVI—XLVII.

⁴⁾ Письмо это въ сокращенномъ видѣ было выставлено на Митрофановской выставкѣ въ Воронежскомъ губ. музеѣ 23-го ноября 1897 г. (о выставкѣ этой см. нашу статью въ „Ворон. Телегр.“ 1897 г. № 138).

Въ самый день полученія царской грамоты, 2-го сентября, распоряженіе о торжественномъ благодарственномъ молебствіи въ соборѣ въ присутствіи гражданъ города Воронежа было въ точности исполнено святителемъ.

Впрочемъ любвеобильнаго святителя-патріота не нужно было просить и заставлять молиться. Въ «Синодикѣ святителя Митрофана», по которому совершались въ соборѣ панихиды и заупокойныя поминovenія на литургіи, содержатся молитвы и о войнахъ, положившихъ жизнь свою во время Азовскаго похода.

Вотъ эти простыя и безыскусственныя, но глубоко трогательныя молитвы:... «Помяни, Господи, души и тѣхъ, въ новопостроенной Воронежской епархіи при первопрестольникѣ преосвященномъ Митрофанѣ, епископѣ воронежскомъ, скоропостижною смертію преставльшихся и утопшихъ безъ покаяніи и безъ причастія... Помяни, Господи, души усопшихъ православныхъ христіанъ, преставльшихся въ градѣ семъ и во всякомъ мѣстѣ отъ глада и всякою нужною смертію скончавшихся съ покаяніемъ и безъ покаяніа изо многихъ градовъ, и которыя въ полку боярина Алексія Семеновича Шеина на пути преставльшихся и подъ городомъ Азовомъ побѣнныхъ, и въ плѣнъ заведенныхъ и на водѣ утопльшихъ и всякою нужною смертію скончавшихся и въ полку боярина Бориса Петровича Шереметева (разумѣется первый Азовской походы 1695 года) побѣнныхъ и въ плѣнъ заведенныхъ, скончавшихся православныхъ христіанъ. Ты, Господи, имена ихъ вѣси»¹⁾.

IV.

Въ началѣ 1697 года Петръ отправился за границу для изученія карабельнаго дѣла и возвратился оттуда 25-го августа 1698 года. Въ Россіи онъ нашель смуту. Послѣ страшныхъ стрѣлечкихъ розысковъ, Петръ поспѣшилъ въ Воронежъ, куда прибыль въ концѣ октября. То, что нашель здѣсь Петръ, успокоило раздраженнаго государя. 3-го ноября онъ послалъ письмо Виніусу, въ которомъ сообщалъ между прочимъ: «Мы, слава Богу, зѣло въ изрядномъ состояніи наплы флотъ и магазинъ обрѣли». 20-го декабря 1698 года Петръ возвратился въ Москву, а 19-го февраля 1699 года снова прибыль въ Воронежъ. Отсюда онъ принужденъ былъ скоро возвратиться для погребенія Лефорта († 2-го марта), а потомъ черезъ 2 дня послѣ похоронъ, совершенныхъ 10-го марта, обратнo поѣхаль въ Воронежъ. Были ли въ эти пріѣзды свиданія у Петра съ святителемъ,—не извѣстно.

¹⁾ Въ цѣломъ видѣ молитвы эти напечатаны въ моемъ описаніи Синодика св. Митрофана. .Ворон. Епарх. Вѣд. 1895 г. № 22, стр. 746—747.

Слѣдующій прїѣздъ Петра въ Воронежъ относится къ веснѣ 1699 г.

Святитель Митрофанъ ожидалъ, что царь я на этотъ разъ побываетъ у него въ соборѣ и въ домѣ, и заботился о томъ, чтобы приличнѣе принять и угостить государя. Сохранилось любопытное письмо святителя къ острогожскому полковнику Ѳедору Ивановичу Куколѣ отъ 13-го марта 1699 года, съ просьбою о присылкѣ на этотъ случай осетрины и бѣлужины: «Приходитъ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, — пишетъ святитель послѣ обычныхъ привѣтствій и благожеланій, — а на Воронежѣ соборная церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Пожалуй, Ѳедоръ Ивановичъ, къ такому честному празднику и ради пришествія великаго государя, прикажи промыслить свѣжинькова осетрика да бѣлужины свѣжей, или хотя новосольной. Сямъ твоимъ жалованьемъ за то плательщика. А у насъ на Воронежѣ взять и сомины негдѣ» ¹⁾.

Дѣйствительно, царь былъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ на богослуженіи въ день храмоваго праздника и въ день Святой Пасхи, и оба раза осыпалъ святителя своими милостями во время самаго богослуженія. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ самъ святитель Митрофанъ въ донесеніи патріарху Адриану отъ 20-го мая того же года: «въ нынѣшнемъ въ 207 году великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, въ своемъ великаго государя походѣ на Воронежъ по своему царскому осмотру и по именному своему великаго государя указу, ради малыя Воронежскія епархіи и для домовыхъ моихъ всякихъ нуждъ и оскудѣнія, марта въ 25-мъ числѣ, на праздникъ Благовѣщанія Пресвятыя Богородицы въ Божественную литургію, будучи въ соборной церкви и въ дому Пресвятыя Богородицы (такъ постоянно называется въ документахъ того времени Воронежскій архіерейскій домъ), указалъ приписать въ домъ Пресвятыя Богородицы новопостроенную пустыньку, которая строилась въ моей паствѣ въ Елецкомъ уѣздѣ у рѣки Дону въ урочищахъ на Даншинѣ городищѣ съ Москвы изъ Донскаго Богородицкаго монастыря отъ архимандрита Антонія, и велѣно мнѣ, богомольцу твоему, изъ той пустыньки старцовъ перевести въ моей паствѣ по монастырямъ; да указалъ онъ, великій государь, для пополненія приписать въ Воронежскую епархію города съ уѣзды: изъ Рязанскія епархіи Усмонъ да острожки Демшинскъ, Бѣлколодезь да изъ Бѣлоградскія епархіи Острогожскъ, Рыбный тожъ. Да апрѣля въ 9-мъ числѣ, на праздникъ Святыя Пасхи послѣ утренняго пѣнія во время божественныя службы на часѣхъ передъ литургією

¹⁾ „Воронежскіе акты Н. И. Второва“, кн. 2. 1852 г., стр. 66 — 67. „Матеріалы по ист. г. Острогожска“, А. Б. Вейнберга, стр. 540.

пожаловалъ онъ, великій государь, въ Воронежскую епархію для пополненія жъ изъ Рязанской епархіи къ тѣмъ вышеписаннымъ городамъ приписать свою государеву волость Мокрой Бояракъ съ приселки да въ домъ Пресвятыя Богородицы въ полное владѣніе безъ оброку въ городѣ Острогжскѣ на рѣкѣ на Сосвѣ мельницу со всякимъ заводомъ, чѣмъ владѣлъ Бѣлоградскій и Обоянскій пресвященный митрополитъ»¹⁾. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ дѣло не съ частнымъ письмомъ, а съ официальнымъ донесеніемъ, или, выражаясь языкомъ того времени, «челобитной» святителя, въ которомъ онъ, прося патріаршаго благословенія на владѣніе ново пожалованными городами и вотчинами, видимо, старается оправдать распоряженіе Петра, сдѣланное помимо патріарха, къ которому Петръ относился недоброжелательно, ссылкою на дѣйствительную «малость» Воронежской епархіи и скудость средствъ архіерейскаго дома. Что касается собственно патріарха, то онъ не пошелъ противъ царя и прислалъ святителю Митрофану отъ 24-го мая 1699 года благословенную грамоту на владѣніе всѣми городами, селами и вотчинами, пожалованными ему Петромъ²⁾. Болѣе основательными должны были быть опасенія за миролюбіе со стороны могущественныхъ митрополитовъ рязанскаго и бѣлоградскаго, лишившихся значительныхъ источниковъ епархіальныхъ доходовъ: по крайней мѣрѣ ранѣе рязанскіе владыки не разъ уже жаловались патріарху на самовольный будто бы захватъ со стороны святителя нѣкоторыхъ церквей Рязанской епархіи³⁾. Не обошлось, конечно, безъ недоразумѣній и теперь; мы имѣемъ извѣстіе только объ одномъ изъ нихъ: острогжскій соборный протопопъ Иванъ Васильевъ, получивъ указъ о присоединеніи Острогжска къ Воронежской епархіи, «учинился» съ нѣкоторыми подвѣдомственными ему острогжскими священниками «непослушенъ» и не хотѣлъ ѣхать въ Воронежъ для явки новому своему владыкѣ; непослушные «чинять въ Бѣлгородъ съ мельничнымъ старцомъ Игнатѣемъ частыя посылки», а отъ посланцевъ святителя требуютъ «послушной великаго государя грамоты»; посланцы просили или скорѣе выхлопотать эту «послушную грамоту» или прислать «жалованную подлинную грамоту» для убѣжденія ослушниковъ: «а намъ безъ тово вельми трудно, и опасаемся, изъ Бѣлгорода чтобъ межъ нами не учинилось какой ссоры».

Новыя владѣнія увеличили Воронежскую епархію на одну пятую часть прежняго ея состава (въ 1705 году въ этихъ новыхъ владѣніяхъ было 46 церквей, а во всѣхъ остальныхъ городахъ и уѣздахъ

¹⁾ „Разные указы и жалованья грамоты“, № 23, листъ 57.

²⁾ Тамъ же, № 21, л. 49.

³⁾ „Рязанскія достопамятности“, собр. архип. Иеронимомъ. Рязань, 1889 г., стр. 104, № 272.

епархіи 239 церквей) ⁴⁾, что въ соотвѣтственной пропорціи увеличило и доходы воронежскаго владыки. Кромѣ того вмѣстѣ съ церквями отошли къ Воронежской епархіи сравнительно богатый Дивногорскій монастырь и большая доходная мельница въ Острогожскѣ, въ которой было «всякихъ заводоѡ много попремногу» ⁵⁾. До этого времени святитель Митрофанъ въ челобитныхъ царямъ Іоанну и Петру и патриархамъ Іоакиму и Адриану не разъ жаловался на недостатокъ вотчинъ и скудость средствъ архіерейскаго дома; послѣ же присоединенія столь значительнаго количества церквей и пожалованія двухъ вотчинъ всякіи жалобы и просьбы уже прекращаются, и напротивъ святитель находитъ возможнымъ, сверхъ уплаты различныхъ правительственныхъ сборовъ, содержанія себя, архіерейскаго дома и кафедральнаго собора со всѣмъ ихъ штатомъ ⁶⁾, выдѣлять изъ средствъ архіерейскаго дома весьма значительныя по тому времени суммы для сооружеія флота: эти пожертвованія со стороны святителя были данью благодарности царю за его расположеніе и милости.

Трудно допустить, чтобы пожертвованія святителя на сооружеіе флота, по крайней мѣрѣ въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, какъ въ 1700 и 1701 годахъ, начались ранѣе 1699 года, такъ какъ этому противорѣчили бы указанныя уже жалобы святителя на свою бѣдность. По этому сообщенію Голикова о пожертвованіи святителемъ Петру 6.000 рублей нужно относить къ 1700 или 1701 годамъ, при чемъ цифру шесть тысячъ придется считать опиской или опечаткой (вмѣсто 4 или 3 тысячъ) ⁴⁾.

V.

Между тѣмъ къ веснѣ 1699 года изготовлено было на Воронежѣ 86 военныхъ судовъ, предназначенныхъ къ походу въ Азовское море. 27-го апрѣля Петръ съ флотомъ выступилъ изъ Воронежа въ походъ подъ Азовъ. 24-го мая флотъ бросилъ якоря подъ Азовомъ, а въ концѣ іюня вышелъ въ открытое море, сопровождая русскаго чрезвычайнаго посла Украинцева въ Константинополь.

⁴⁾ Не считая монастырей. (Моск. главн. архивъ минист. юстиціи. Дѣла Монастыр. приказа 1705 г., визка 224, № 60).

⁵⁾ „Разные указы и жалованн. грамоты“, № 42, л. 70. Въ томъ же 1699 г. 23-го мая дана святителю „выпись изъ ша т р а великаго государя за приписью дѣла Ивана Алферьева на сѣнные покосы, которыми прежь сего владыки воронежскіе воеводы, и на рыбныя ловли Малышевскаго затова и на займиде“ (опись дѣламъ архіер. дома, сост. въ половинѣ XVIII ст., хранящаяся въ правленіи Митроф. монастыря, № 98).

⁶⁾ Все это содержалось на средства архіерейскаго дома.

⁴⁾ „Дополн. къ дѣлан. Петра Вел.“, т. XVII, М. 1796 г., стр. 66.

Проводивъ корабль «Крѣпость», на которомъ отплылъ посоль, Петръ 14-го сентября 1699 года пріѣхалъ въ Воронежъ. На другой день—15-го сентября, «изволилъ быть великій государь у преосвященнаго епископа и хлѣбъ кушать». Интересныя подробности объ этомъ царскомъ посѣщеніи святителя находимъ въ приходо-расходныхъ книгахъ Воронежскаго архіерейскаго дома ¹⁾ въ записяхъ подъ 14-мъ и 15-мъ сентября 1699 года. Кушанья готовили и столъ убрали «государевы повара» и «скатертникъ», которымъ за это заплачено 26 алтынъ 4 деньги. Для стола «про государево пиршествіе» куплено: «свѣжей рыбы щукъ и окуней, дано 15 алтынъ 2 деньги; два десятка яблокъ, дано 5 алтынъ; 26 золотниковъ гвоздики—13 алтынъ; 2 золотника бодяну—6 денегъ; 2 золотника кардомону—8 денегъ». Кромѣ того записанъ расходъ на покушку 2 золотниковъ «реснаго ладону, дано 8 алтынъ» ²⁾. Столъ, какъ видно, былъ очень простой; вѣроятно, это объясняется неожиданностью посѣщенія государя.

Вскорѣ послѣ этого посѣщенія, 24-го сентября государь уѣхалъ изъ Воронежа въ Москву. Въ Воронежъ онъ возвратился въ половинѣ февраля 1700 года для заблаговременнаго приготовленія вновь сооруженныхъ судовъ къ походу въ Азовское море на случай войны съ турками, въ виду безуспѣшности миссіи Украинцева. Въ этотъ разъ съ царемъ въ Воронежъ прибыли царевичъ Алексій Петровичъ, царевна Наталія Алексѣевна, множество знатныхъ бояръ и иностранцевъ.

Въ непрерывныхъ трудахъ Петръ провелъ въ Воронежѣ три мѣсяца, оснащалъ и вооружалъ суда; училъ матросовъ и бомбардировъ; между тѣмъ торопился додѣлать свой собственный прекрасный и роскошный корабль «Предестинація», заложенный въ ноябрѣ 1698 года, и, къ величайшему удовольствію, спустилъ его на воду 28-го апрѣля ³⁾, въ присутствіи царевича, царевны и бояръ, которые по волѣ государя должны были привезти съ собою и женъ своихъ для невиданнаго ими зрѣлища спуска корабля.

Въ этотъ пріѣздъ Петръ посѣтилъ святителя въ день храмоваго праздника на Благовѣщеніе 25-го марта. Онъ былъ въ соборѣ и въ домѣ у Митрофана. На этотъ разъ былъ приготовленъ болѣе изысканный столъ, при чемъ опять были приглашены «государевы приспѣшники и скатертникъ» ⁴⁾. Къ столу было куплено 4 стерляди свѣ-

¹⁾ Приходо-расходныя книги Ворон. арх. дома съ 1699 по 1704 гг. найдены нами въ дѣлахъ Монастырскаго приказа въ Моск. главн. арх. мнн. юстиціи (дѣла 1704 г. вязка 215, № 31), подъ несоответствующимъ заглавіемъ: «Опись о приходѣ и расходѣ денежной казны преосвященнаго Митрофана, епископа воронежскаго на 199 листахъ».

²⁾ Ладонъ въ архіерейскихъ покояхъ не замѣнялъ ли духи?

³⁾ Устразовъ, а у Веселовскаго 27-го апрѣля.

⁴⁾ Они на этотъ разъ получили 36 алт. 4 ден.

жихъ большихъ (19 алтынъ), да 10 малыхъ свѣжихъ стерлядей (10 алтынъ), 5 фунтовъ «Московской доброй икры» (по дешевой сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ цѣнѣ—6 алтынъ 2 деньги), 1 фунтъ «древянаго масла» (3 алтына 2 деньги), 10 лимоновъ (10 алтынъ), 5 золотниковъ гвоздики (2 алтына 4 деньги). Кромѣ того «куплено къ столу въ бытность великаго государя ведро секту, да ведро ренскова, дано за оба 4 руб. 23 алт. 2 деньги» ¹⁾. Судя по этому количеству вина, Петръ былъ у святителя не одинъ, а со всею своею свитою.

Ко времени пребыванія Петра въ Воронежъ весной 1700 года относится пожертвованіе святителемъ 4.000 рублей «на жалованіе ратнымъ людямъ морскаго воинскаго флота». Кажется, нужду въ деньгахъ высказалъ самъ царь; по крайней мѣрѣ только въ этомъ смыслѣ можно понимать слѣдующую записъ въ расходныхъ книгахъ архіерейскаго дома подъ 29-го марта 1700 года: «куплена коробка на денежную кладку, которая деньги по имянному великаго государя указу взяты во дворецъ, дана 6 алтынъ 4 деньги». Изъ нижеприводимой благодарственной грамоты Петра видно, что пожертвованіе святителя было въ полной мѣрѣ добротное, а никакъ не вынужденное. Изъ этой же записи видно, что деньги были посланы во дворецъ, а не переданы святителемъ лично ²⁾; это подтверждается и грамотой Петра. Грамота эта была слѣдующаго содержанія:

«Отъ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, богомольцу нашему преосвященному Митрофану епископу воронежскому:

«Нынѣшняго 1700 года апрѣля въ « » день донесено намъ, великому государю, нашему царскому величеству, что ты, богомолецъ нашъ, для общія и христіанскія пользы на вспоможеніе святыхъ войны противъ непріятели Креста святаго, по доброжелательной ревности своей къ намъ,

¹⁾ Записъ эта сдѣлана уже 25-го апрѣля, но едва-ли можно предполагать подъ этимъ числомъ новое посѣщеніе Петра, т. к. никакихъ другихъ расходовъ подъ этимъ числомъ не записано; вѣроятно, своевременно записъ казначей забылъ сдѣлать.

²⁾ Въ виду этого нужно признать невѣрнымъ или неточнымъ сообщеніе Голикова, что св. Митрофанъ, узнавъ объ остановкѣ въ корабельныхъ работахъ по недостатку въ казѣ денегъ, «оставшіяся у него отъ благотвореній его 6.000 рублей серебряными копейками при везѣ къ государю и, вручая оныя его величеству, говорилъ: „Всякой сынъ отечества долженъ посвящать остатки отъ издержекъ своихъ нуждъ государственной; прии же, государь, и отъ моихъ издержекъ оставшіяся сіи деньги и употреби оныя противъ невѣрныхъ“. Въ 1701 г. деньги 3.000 р. также посланы въ адмиралтейство; значитъ, и при этомъ случаѣ святителемъ не могли быть сказаны эти слова царю Петру.

великому государю, къ нашему царскому величеству, ратнымъ людямъ морскаго воинскаго флота, которые служатъ намъ, великому государю, далъ изъ домовоі своей казны денегъ четыре тысяча рублевъ на жалованье ихъ на Воронежѣ. И мы, великій государь, за усердножелательное твое къ намъ, великому государю, и ко всему христіанскому народу радѣніе въ дачѣ изъ домовоі твоеі казны вышеписаннаго числа на жалованье ратнымъ людямъ денегъ жалуетъ милостиво и премилостиво похваляемъ; за которое твое усердножелательное радѣніе и впредь наша царскаго величества милость къ тебѣ, богомольцу нашему, будетъ неотъемлема. И какъ къ тебѣ ся наша великаго государя грамота придетъ, и ты бѣ, богомолецъ нашъ, преосвященный Митрофанъ епископъ, сю нашу царскаго величества милость къ себѣ за твое вышеупомянутое радѣніе вѣдалъ; потому жъ я впредь имѣлъ надежду.

«Писанъ лѣта 1700 апрѣля въ 20-й день»¹⁾.

VI.

Къ одному изъ прїѣздовъ Петра въ 1699 году или скорѣе—въ 1700 году относится слѣдующій печальный случай, доказывающій, насколько уважалъ Петръ добродѣтели святителя, но едва-было не поведшій къ разрыву между ними. Случай этотъ передается Голиковымъ со словъ воронежскихъ старожиловъ, и нѣтъ основанія отвергать это преданіе.

Петръ украсилъ свой дворецъ въ Воронежѣ по примѣру западно-европейскихъ государей статуями античныхъ божествъ: Юпитера, Нептуна, Минервы, Венеры и другихъ. Однажды святитель получилъ отъ царя приказаніе явиться къ нему во дворецъ. Митрофанъ тотчасъ же пошелъ, но, войдя во дворъ и увидя эти статуи, въ томъ числѣ и нагую Венеру, воротился назадъ и ушелъ домой²⁾. Донесли объ этомъ госу-

¹⁾ Грамота эта и другая 1701 г. упоминаются Голиковымъ во II томѣ „Дѣяній Петра Великаго“ (М. 1780, стр. 55—56) съ примѣчаніемъ, что „копіи сихъ грамотъ будутъ при письмахъ его величества напечатаны“. Въ цѣломъ видѣ она напечатана Евг. Болховитиновымъ въ опис. Вор. губ. (стр. 104—5). Елагинъ въ „Исторіи русскаго флота“ (Сиб. 1864, стр. 154) также упоминаетъ о пожертвованіи святителемъ 4.000 руб. и напечаталъ благодарственную грамоту Петра (примѣч. 63).

²⁾ Возможенъ вопросъ, какимъ образомъ святитель не зналъ объ этомъ ранѣе, такъ какъ, вѣроятно, онъ и ранѣе бывалъ у Петра въ его дворцѣ. На этотъ вопросъ возможны два отвѣта: или статуи были поставлены уже по возвращеніи Петра изъ путешествія по З. Европѣ, или дѣло происходило уже въ новомъ дворцѣ: въ 1700 г. для царя было построено два каменныхъ дома, одинъ на адмиралтейскомъ дворѣ, а другой на островѣ. По мнѣнію г. Веселовскаго, случай произошелъ въ этомъ послѣднемъ дворцѣ или даже у подъемныхъ воротъ моста, соединявшаго островъ съ городомъ, которыя (ворота) и были украшены статуями („Колѣб. русс. флота“, 81).

дарю; тотъ, не понимая причины внезапнаго возвращенія святителя домой, опять послалъ позвать его къ себѣ. Но святитель сказалъ царскому посланцу: «Пока государь не прикажетъ снять идоловъ, соблазняющихъ весь народъ, то онъ не можетъ войти во дворець его». Петръ былъ разгнѣванъ такимъ ослушаніемъ епископа и снова послалъ сказать ему, что, «если онъ не придетъ, то ослушаніемъ предержавшей власти подвергнетъ себя смертной казни».—«Въ жизни моей государь властенъ, отвѣчалъ святитель, но не прилично христіанскому государю ставить языческихъ идоловъ и тѣмъ соблазнять простыя сердца; итакъ охотнѣе онъ приметъ смерть, а не подтвердитъ присутствіемъ своимъ сихъ языческихъ чтилищъ».

Вдругъ передъ вечеромъ Петръ слышитъ благовѣсть въ соборѣ въ большой колоколь и спрашиваетъ: развѣ завтра праздникъ? Ему отвѣчаютъ, что никакого праздника нѣтъ. Тогда онъ посылаетъ спросить о причинѣ звона къ самому святителю Митрофану и получаетъ слѣдующій отвѣтъ: «Понеже мнѣ отъ его величества сказана смерть, того ради онъ, яко человекъ грѣшный, долженъ предъ смертію своею приѣхать Господу Богу покаяніе и испросить грѣховъ своихъ прощеніе соборнымъ моленіемъ; и для сего-то назначилъ онъ быть всеобщему бдѣнію».

Получивъ такой отвѣтъ отъ старца-епископа, Петръ, по разсказу Голикова, «не могъ удержаться, чтобы не разсмѣяться: тотчасъ же онъ послалъ сказать святителю, что «онъ его во всемъ прощаетъ, и для того пересталъ бы тревожить народъ необыкновеннымъ звономъ». Царь «не любитъ жертвовать ни для кого и ни для чего ничѣмъ изъ вновь вводимого имъ»¹⁾; изъ уваженія же къ добродѣтелямъ старца-святителя уступилъ ему и приказалъ принять статуи, соблазнявшія его цѣломудренный взоръ, и святитель, узнавши объ этомъ на другой день «заподлинно», пришелъ благодарить государя за снятіе статуй. «Какой былъ при семъ между ними разговоръ,—прибавляетъ Голиковъ,—не извѣстно; то только вѣрно, что великій государь не отмѣнилъ къ нему ни любви, ни уваженія своего, и въ каждый пріѣздъ свой въ Воронежъ заѣзжалъ напередъ къ нему»²⁾.

¹⁾ Соловьевъ, 1368.

²⁾ „Дополн. къ Дѣян. Петра Великаго“, т. XVII. „Поступокъ Петра Великаго съ воронежскимъ архіереемъ Митрофаномъ“ (стр. 67—69). Судя по тому, что при каждомъ посѣщеніи государя, святитель устраивалъ для него приличное угощеніе, расходы на которое записывались въ расходную книгу, можно думать, что, напр., при пріѣздѣ въ Воронежъ въ 1703 г., въ началѣ февраля, государь посѣтилъ святителя въ первый разъ только 28-го февраля. Ранѣе извѣстенъ только одинъ случай, когда государь сейчасъ же по пріѣздѣ посѣтилъ святителя; это было въ сентябрѣ 1699 года. Впрочемъ, Петръ могъ бывать у святителя и запросто и такъ неожиданно, что никакого угощенія не могли бы приготовить. Къ одному изъ пріѣздовъ Петра (не ранѣе

Уже послѣ этого случая, въ маѣ 1701 года, святитель Митрофанъ пожертвовалъ изъ казны архіерейскаго дома, «на строеніе кораблей» 3.000 рублей, которые представилъ въ воронежское адмиралтейство ¹⁾. Нужно замѣтить, что въ это время не прекратились еще обязательные для архіерейскаго дома расходы на строеніе кораблей и ихъ починку. Вотъ относящіяся сюда отрывочныя данныя, сохраненныя намъ временемъ: 21-го октября 1699 года внесено въ патриаршіи дворцовый приказъ въ «корабельное строеніе другаго подряднаго корабля недоплатныхъ 98 рублевъ» (по полтинѣ съ двора); 12-го ноября того же года и 19-го февраля 1701 года внесено еще 196 рублей (по рублю съ двора) «въ корабельное строеніе послѣдняго собору» — «на дачу въ Володимерской судной приказъ за пушки и за мѣдь и за бомбы на три галеры» ²⁾. Кроме того, въ 1700, 1701 и 1702 годахъ, вносились изъ архіерейскаго дома деньги, «на корабельную починку» ³⁾: духовные владыцы, по указу Петра отъ 20-го апрѣля 1700 года, должны были вно-

1699 г.) относится слѣдующій случай, передаваемый Голицынымъ. Петръ никакъ не могъ уговорить членовъ воронежскаго магистрата обрить бороды и переимѣнить платье. Меншиковъ, желая угодить государю, изготова для всѣхъ членовъ магистрата нѣмецкое платье, наканунѣ праздника Пасхи, предъ самою уже заутренею, привалъ ихъ всѣхъ къ себѣ и объявилъ имъ будто бы именной его величества указъ, чтобы они тотчасъ или обрили бороды и подѣлись въ нѣмецкое платье, или бы готовились въ ссылку въ Сибирь, указавъ имъ на изготовленные уже къ тому и подводки. Несмотря на то, что Меншиковъ сказалъ, что онъ не допуститъ ихъ даже проститься съ семействами, они лучше готовы были ѣхать въ ссылку, чѣмъ растлѣть образъ Божій. Но когда ихъ плачущихъ повели къ кибиткамъ, одинъ изъ нихъ, который былъ помоложе, изъ любви къ женѣ рѣшился обриться. Тогда и прочіе, одинъ за другимъ, со слезами на глазахъ, согласились на это. Государь уже былъ въ соборѣ, когда Меншиковъ пришелъ въ соборъ съ членами магистрата, обретыми и одѣтыми въ нѣмецкіе кафтаны одинаковаго дѣла. Онъ сначала не примѣтилъ ихъ, но когда узналъ, въ чемъ дѣло, то очень обрадовался, сошелъ съ клироса, всѣхъ поцѣловалъ, говоря: „Христось Воскресе“, благодарилъ ихъ за то, что они для праздника такъ его обрадовали, и оборачивая каждаго изъ нихъ, говорилъ: „Ахъ, какіе молодцы! Посмотрите пожалуйста, тѣ ли вы стали, какіе были прежде?“ А на другой день праздника пригласилъ ихъ къ столу своему и пилъ ихъ здоровье. «Дополн. къ Дѣян. Петра Велик.», т. XVII, М. 1796, стр. 61—64.

¹⁾ Въ 1701 году Петръ былъ въ Воронежѣ на Свѣтлой недѣлѣ. Вице-адмиралъ Крюковъ поѣхалъ поздравлять Петра „въ церкви Успенія Пресвятой Богородицы“, гдѣ былъ Царь. (Второвъ, «Ворон. акты», II, 14). Съ государемъ были въ Воронежѣ въ это время 12 пѣвчихъ дьяковъ; о нихъ см. выше.

²⁾ „Разные указы и грамоты“. № 64, лл. 92—93

³⁾ Опись дѣламъ арх. дома №№ 137 и 138.

сить по 4 алтына съ деньгой съ каждаго двора ¹⁾); такъ что, вѣроятно, Воронежскій архіерейскій домъ вносилъ сумму въ 24 рубля 16 алтынъ 4 деньги со 196 дворовъ.

За новое свое щедрое пожертвованіе святитель Митрофанъ получилъ, отъ 18-го мая 1701 года, другую благодарственную грамоту такого же содержанія, какъ въ 1700 году.

Голицковъ сообщаетъ, что и впоследствии святитель Митрофанъ «отсылалъ всегда накоплявшіяся у него отъ издержекъ деньги къ государю, а въ отсутствіе его въ адмиралтейское казначейство при запискахъ своихъ «на ратныхъ» ²⁾. Сообщение это, повторяемое почти всѣми писателями о святителѣ, невѣрно, такъ какъ, съ учрежденіемъ, въ январѣ 1701 года, Монастырскаго приказа, остаточныя суммы отправлялись въ Монастырскій приказъ, и въ сохранившихся расходныхъ книгахъ Воронежскаго архіерейскаго дома, съ 1-го сентября 1702 года, дѣйствительно отмѣчаются эти отсылки остатковъ въ приказъ ³⁾.

VII.

Начавшаяся война съ Карломъ XII отвлекла на нѣсколько лѣтъ вниманіе Петра и отъ личнаго участія въ кораблестроенія, и отъ поѣздокъ въ Воронежъ. Послѣ почти трехлѣтняго отсутствія, Петръ прибылъ въ Воронежъ въ началѣ февраля 1703 года въ сопровожденіи И. А. Мусина-Пушкина, Измайлова, Гагарина, И. Толстаго, Л. К. Нарышкина, прусскаго посланника Кейзерлинга, польскаго генерала Беллосера и иностранныхъ купцовъ ⁴⁾. Въ Воронежѣ Петръ весело провелъ конецъ масляницы, а въ постъ занялся опять корабельными работами и устройствомъ шлюзовъ для починки поврежденныхъ кораблей.

¹⁾ Т. е. по 1.000 руб. съ 8.000 дворовъ; съ свѣтскихъ владѣльцевъ взыскивалось по 3 алтына 2 деньги, т. е. по 1.000 руб. съ 10.000 дворовъ („Колымбель русск. флота“, Веселовскаго, 79).

²⁾ „Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Вел.“, т. XVII, стр. 66.

³⁾ 15-го іюня 1703 г. по грамотѣ изъ Монастырскаго приказа, за приписью дьяка Ивана Иванова, взято „пресвященнаго Митрофана, епископа воронежскаго домовою наличной остаточной денежной казны прошлаго 1702 году денегъ тысяча рублей“ (запись въ концѣ расходной книги 1702 года). 29-го декабря 1703 г.: „по именному великаго государя указу во время пришествія его на Воронежъ... посланы денги съ Воронежа къ Москвѣ въ Монастырской приказъ изъ дому Пресвятыя Богородицы изъ Казеннаго приказу, которыя запечатаны были послѣ смерти пресвященнаго Митрофана епископа воронежскаго изъ наличныхъ годового всякаго окладного и неокладного денежнаго сбору нынѣшняго 1703 году 2200 рублей“. (Запись въ концѣ расходной книги 1703 г.)

⁴⁾ Устряловъ, „Ист. Петра Вел.“, т. III, стр. 95—96.

28-го февраля 1703 года «изволилъ великій государь быть въ дому Пресвятыя Богородицы и у преосвященнаго епископа хлѣбъ кушать». На этотъ разъ Петръ былъ у святителя въ сопровожденіи многочисленной свиты, и святитель угостилъ ихъ на славу: одного краснаго питья ренскаго къ столу взято изъ погреба у Москвичъ (московскихъ торговцевъ) 21 галенокъ да секту 7 галенокъ (того и другаго на 6 рублей 31 алтынъ, на нынѣшнія деньги почти 70 рублей), да съ кружечнаго двора взято пива 10 ведеръ (по 5 алтынъ 2 деньги ведро) и клеаго меду 4 ведра (6 алтынъ 4 деньги). Въ числѣ купленныхъ къ столу приправъ упоминается: 6 фунтовъ винныхъ ягодъ (12 алтынъ), 4 фун. изюму (8 алтынъ), 1 фунтъ коринки (2 алт. 2 ден.), 1 фунтъ миндальныхъ ядръ (5 алтынъ 2 деньги), 2 фіалки (2 алтына 4 деньги), еще 1 фунтъ винныхъ ягодъ «средней руки» (8 денегъ). «Государевымъ прислѣзникомъ, и хлѣбникомъ, и скатертнику» за приготовленіе стола заплачено 1 руб. 18 алт. 2 деньги. Весь обѣдъ обошелся архіерейскому дому въ 11 руб. 29 алтынъ 2 деньги, что на нынѣшнія деньги составитъ около 120 рублей.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, 6 марта царь Петръ прислалъ, въ подарокъ святителю Митрофану «печатной чертежъ о Шлюсенбургѣ», т. е. изображеніе взятія 11-го октября 1702 года шведской крѣпости Нотебурга, переименованнаго Петромъ въ Шлюссельбургъ (ключь-городъ). Извѣстно, какъ радовался Петръ взятію этой крѣпости — ключу къ обладанію Балтійскимъ моремъ: «правда, что зѣло жестокъ сей орѣшекъ былъ,—писалъ Петръ Виніусу,—однакожь, слава Богу, счастливо разгрызень», а въ письмѣ къ воронежскому губернатору Ф. М. Апраксину признавалъ, что «черезъ всякое мнѣніе человѣческое сіе учинено, и только единому Богу въ честь и чуду приписать» ¹⁾. Посылая этого подарокъ, Петръ, видимо, хорошо понималъ, какъ дороги «святому старцу» успѣхи Россіи. Насколько св. Митрофанъ съ своей стороны оцѣнилъ оказанную ему царемъ честь, видно изъ того, что «государевъ возница Кирилло Бокановъ», прибывшій «къ преосвященному епископу» «отъ великаго государя съ листомъ» этого чертежа, получилъ «въ почете» рубль. Гравюру «подклеили листами и кругомъ обложили рамками оловяными», за что заплачено 22-го марта 30 алтынъ 2 деньги (ок. 10 руб. сер. на нынѣшнія деньги). Въ такомъ видѣ она, вѣроятно, была вывѣшена въ архіерейской кельѣ ²⁾.

¹⁾ Соловьевъ, „Ист. Россіи“, т. 14, книга III, стр. 1267—8.

²⁾ Подобная гравюра сохраняется въ музеѣ при Воронежской публичной библіотекѣ въ числѣ другихъ „Петровскихъ гравюръ“ (по нумераціи въ описаніи этихъ гравюръ, соот. Селивановымъ) „Вор. Губ. Вѣд.“ 1864 г. №№ 34—38 в отд. брош. листъ XXXVIII). Гравюра эта была вырѣзана на мѣди Адрианомъ Шхонбекомъ въ 1703 году и напечатана на большомъ толстомъ листѣ (1 арш.

Въ этотъ прїѣздъ царь Петръ и начальникъ Монастырскаго приказа Ив. Ал. Мусинъ-Пушкинъ (побочный сынъ царя Алексѣя Михайловича) обратили вниманіе на архіерейскій хоръ св. Митрофана и позаботились о пріобрѣтеніи для хора лучшихъ духовно-музыкальныхъ произведеній, съ согласія святителя, изъ средствъ архіерейскаго дома на большую по тому времени сумму 36 рублей (до 360 руб. на нынѣшніа деньги): «9 марта, по и м я н я о м у великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича указу и по приказу боярина И. А. Мусина-Пушкина и съ вѣдома преосвященнаго епископа выдано изъ домовоу его архіерейской денежной казны домовымъ его архіерейскимъ подьякону Ѳодору и пѣвчимъ Ивану Андреянову съ товарищи на покупку пѣвческихъ нотныхъ и самыхъ добрыхъ и мастерскихъ переводовъ 36 рублей» ¹⁾. Извѣстно, что Петръ очень любилъ церковное пѣніе, и хоръ пѣвчихъ Петра I при личномъ его содѣйствіи достигъ высокаго совершенства ²⁾.

Это было послѣднее свиданіе Петра съ св. Митрофаномъ. Весною царь уѣхалъ изъ Воронежа и возвратился сюда уже по кончинѣ святителя.

Митрофанъ, уже глубокой 80-ти-лѣтній старецъ, заболѣлъ въ началѣ августа 1703 года. 10-го августа онъ привалъ схиму, при чемъ нареченъ былъ Макаріемъ. Онъ нѣсколько разъ соборовался и пріобщался Святыхъ Тайнъ во время своей продолжительной болѣзни и, истинно по-христіански приготовившись къ смерти, скончался 23-го ноября того

7 вер. длины и 15 вер. ширины). Въ центрѣ ея пылающій Нотебургъ съ пробитыми стѣнами, на которыя взбираются „приступные охотники“. По сую сторону Невы „просѣченной лѣсъ, сквозь которой волокли лодки“, танцы или „опроши“ и батарея, а по сторону „батери заречныя“. Вверху въ рукахъ у геніевъ свитокъ съ надписью: „Нотебурга, нынѣ же Слутельбурга счастьемъ Всероссійскаго Императора пушечнымъ стреляніемъ сокрушеннаго и непреодолимыми его воинскими силами отъ несправеднаго владѣнія возвращеннаго истинное и подлинное изображение. Повелѣніемъ великодержавнѣйшаго монарха Петра всеа Росіи присно прибавителя и обладателя. На меди изграен Андрі. Шховбекъ. въ Москвѣ року—АΨГ (у Селиванова ошибочно поставленъ 1710 годъ). Какъ видно изъ наименованія Петра императоромъ, сохранившаяся гравюра есть позднѣйшее изданіе.

¹⁾ Расходн. книга подъ 9 мар. 1703 г. Любопытенъ другой фактъ, относящійся къ этому прїѣзду И. А. Мусина-Пушкина и характеризующій отношенія его къ св. Митрофану: 3 марта приходилъ въ архіерейскій домъ дворянинъ патриаршаго дома Никифоръ Роговннъ, „что былъ отъ боярина И. А. Мусина-Пушкина присланъ къ преосвященному епископу съ словомъ о дачѣ свѣжей рыбы стерлядей“. Мусинъ-Пушкинъ былъ жевать на племянникѣ патриарха Іоакима Мавръ Тимоѳ. Савеловой (Л. М. Савеловъ. „Родъ дв. Савеловыхъ“, М. 1895, стр. 83).

²⁾ См. статью прот. Раузовскаго о пѣвчихъ дьякахъ, стр. 176.

же года «въ шестомъ часу дни во второй четверти, во вторникъ» ¹⁾). Жизнеописатели святителя представляютъ дѣло въ томъ именно смыслѣ, что извѣщенный о кончинѣ святителя царь послѣдшилъ изъ Москвы нарочно на погребеніе, а Голиковъ въ «Дѣянїяхъ Петра Великаго» пишетъ объ этой поѣздкѣ Петра, что «великій государь отуравился въ Воронежъ» «по приведенїи въ порядокъ всего нужнаго» въ Москвѣ и относительно пребыванїя въ Воронежѣ сообщаетъ только, что въ Воронежѣ онъ «завялся карабельными работами» и въ декабрѣ же 1703 г. возвратился въ Москву ²⁾). Весьма правдоподобно изложено это обстоятельство однимъ изъ изслѣдователей мѣстной старины В. Г. Веселовскимъ, который говоритъ, что «главною цѣлью прїѣзда» Петра «было—сдѣлать распоряженїя по отдѣленїю отъ запасовъ, приготовленныхъ для построекъ на Воронежскихъ верфяхъ, части для Балтїйскаго флота. Но прїѣздъ Петра ускорило экстренное донесенїе, присланное къ нему въ Москву и сообщавшее о смерти воронежскаго епископа Митрофана» ³⁾).

При погребенїи св. Митрофана Петръ оказалъ ему безпримѣрныя почести, которыхъ не оказывалъ, кажется, ни одинъ изъ русскихъ государей ни одному архїерею.

Погребенїе святителя совершилось, по личному распоряженїю государя ⁴⁾, 4-го декабря, въ субботу, т. е. уже на 12-й день по кончинѣ святителя. «Погребальное монашеское» ⁵⁾ пѣніе отправлялъ Воронежскаго Алексѣевского монастыря архимандритъ Никаноръ съ прилучив-

¹⁾ Голиковъ („Дополн. къ дѣян. Петра Великаго“, т. XVII, М. 1796 года, стр. 69) рассказываетъ, что Петръ присутствовалъ при кончинѣ святителя и, своими руками затворя ему очи, вышелъ весь въ слезахъ. Но этотъ разсказъ невѣренъ: 1) въ „Синодикѣ св. Митрофана“ сообщается, что... „ноября 20 го въ шестомъ часу дни во второй четверти, во вторникъ... онъ, преосвященный Митрофанъ отгиде въ вѣчное блаженство... и въ прїшествїе въ Воронежъ благочестивѣйшаго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексѣевича..., того же вышесписаннаго году декабря въ 4-й день въ субботу, по указу его государеву, тѣло его архїерейское погребено“. Отсюда ясно видно, что въ прїшествїе государеву совершилось только погребенїе святителя, а не кончина; 2) затѣмъ, если бы государь былъ въ Воронежѣ при кончинѣ святителя, то незначѣмъ было откладывать погребенїе до 12-го дня послѣ кончины.

²⁾ „Дѣянїя Петра Великаго“, ч. II, М. 1788, стр. 112.

³⁾ „Колѣб. русск. флота“, стр. 103.

⁴⁾ „По указу государеву“: см. Синодикъ св. Митрофана. „Ворон. Епарх. Вѣд.“ 1896 г., № 13, стр. 558. Дальнѣйшее описанїе погребенїя св. Митрофана почти дословно заимствовано изъ современныхъ записей (въ Синодикѣ и въ припискѣ къ духовному завѣщ. святителя) и частью изъ Голикова.

⁵⁾ До 1773 года всѣхъ архїереевъ погребали по чину монашескаго погребенїя.

шимися игумены и прочимъ освященнымъ соборомъ». Пѣли «пѣвчіе великаго государя». На погребеніе святителя прибылъ самъ благодѣявѣйшій государь Петръ Алексѣевичъ «съ своимъ царскимъ синклитомъ», «морскими офицерами и мастерами корабельными», въ числѣ которыхъ современникъ, записавшій объ этомъ событіи, отмѣчаетъ и иноземцевъ. Когда духовенство готовилось поднять гробъ святителя, великій государь, обратившись къ своей свитѣ, сказалъ: «стыдно намъ будетъ, если мы не засвидѣтельствуемъ нашея благодарности благодѣтельному сему пастырю отданіемъ ему послѣдней чести; итакъ вынесемъ тѣло его сами». При этихъ словахъ монархъ первый взялся за гробъ его и изъ церкви изволилъ нести гробъ съ тѣломъ до усыпальницы, находившейся подъ помостомъ придѣльнаго при соборѣ храма во имя архистратига Михаила, «на своихъ царскихъ рамахъ». По окончаніи погребальной панихиды государь «съ вельможами и офицерами своими поднялъ гробъ и опустил оный въ землю». При этомъ государь «предъ всѣми вслухъ» сказалъ своимъ приближеннымъ «и иноземцамъ»: «не осталось у меня такого святаго старца».

Прошло много лѣтъ... 11-го декабря 1831 года, при перестройкѣ Благовѣщенскаго собора, тѣло святителя Митрофана обрѣтено было нетлѣннымъ, а съ 6-го на 7-е августа 1832 года открыто для общаго поклоненія вѣрующихъ, какъ мощи святыхъ и многоцѣлебныя.

Съ тѣхъ поръ былъ установленъ обычай въ день преставленія Митрофана на молебствіи святителю возглашать вѣчную память и его царственному другу императору Петру Первому. Эта трогательная «вѣчная память» со стороны почитателей св. Митрофана служить какъ бы выраженіемъ признательности великому государю за расположеніе къ святителю и за тѣ почести, которыя оказалъ онъ святому старцу при его погребеніи.

Н. Поликарповъ.

Отказъ императора Павла I исправлять людей порочныхъ.

Рескриптъ императора Павла—генералу-отъ-инфантеріи князю Голицыну.

15-го января 1801 г.

Отставной генераль-отъ-инфантеріи князь Голицынъ. Получа письмо ваше, отъ декабря 27-го дня, всемплоствѣйше позволяю вамъ имѣть пребываніе свое, гдѣ вы пожелаете. Что же касается до дѣтей вашихъ, кои дурными своими поступками довели себя до безчестія, въ которомъ они теперь находятся, должны вы приписать сіе къ дурному ихъ поведенію, потому, что я не могу сдѣлать то честнымъ, что у же было безчестно. Пребываю къ вамъ благосклоннымъ.

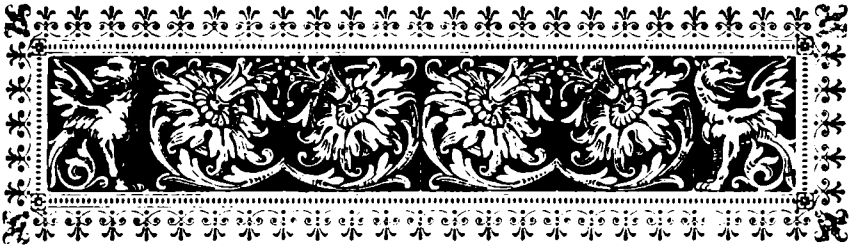
Рескриптъ императора Павла I—генералу Розенбергу о заключеніи генераль-лейтенанта Львова въ крѣпость.

16-го января 1799 г., С.-Петербургъ.

Господинъ генераль-отъ-инфантеріи Розенбергъ. За сдѣланные безпорядки въ корпусѣ вашемъ, по жалобѣ вѣнскаго двора, я исключилъ изъ службы генераль-лейтенанта Львова ¹⁾, коего съ полученіемъ сего немедленно отправьте въ С.-Петербургскую крѣпость.

¹⁾ Сергѣй Лаврентьевичъ, флигель-адъютантъ императрицы Екатерины II.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

IX¹⁾.

1843 годъ.

Моя аудіенція у императора Николая I. — Алексѣй Николаевичъ Оленинъ. — Больныя статсъ-дамы и фрейлины. — Записка императора Николая I. — Кончина князя Витгенштейна. — Александровскій паркъ. — Полюстровскіе и невскіе омибусы. — Шлиссельбургскіе пароходы. — Путешествіе государя въ Берлинъ. — Семь выстрѣловъ по экипажу императора въ Познани. — Присага трехъ великихъ князей у колыбели новорожденнаго великаго князя Николая Александровича. — Двѣ императорскія свадьбы и брачныя вѣнцы. — Женихъ, привязанный къ елкъ. — Армянскій патріархъ Нерсесь. — Графъ Илпскій. — Новая каска на выходѣ 25-го декабря. — Обрученіе великой княжны Александры Николаевны.

11-го апрѣля я былъ пожалованъ въ члены Государственнаго Совета и вскорѣ за тѣмъ удостоился благодарить государя за эту милость въ общей аудіенціи съ преемникомъ моимъ въ званіи государственнаго секретаря Бахтинымъ и съ назначеннымъ на его мѣсто управляющимъ дѣлами Комитета министровъ Ханыковымъ. Когда мы вошли, государь, обратясь ко мнѣ, съ пожатіемъ руки сказалъ:

— Ваше превосходительство, низайше поздравляемъ; надѣюсь, что ты и въ новой своей должности будешь тѣмъ же и такимъ же, какъ въ прежнихъ, а тебѣ (къ Бахтину) желаю быть такимъ же государственнымъ секретаремъ, какимъ былъ твой предшественникъ. Кромѣ добросовѣстности и отличной редакціи, я долженъ еще особенно отдать ему

¹⁾ См. „Русскую Старину“, октябрь 1899 г.

справедливость въ томъ, что, при изложеніи имъ разногласій въ Совѣтѣ, я нигдѣ не видѣлъ и не могъ замѣтить собственнаго его мнѣнія, а это и большое мастерство, и большая побѣда надъ самимъ собою, потому что и не имѣющему голоса нельзя же не имѣть своего убѣжденія.

На эту тему государь распространился еще нѣсколько минутъ, вращая ее съ разныхъ сторонъ и изъяснивъ, между прочимъ, какъ такое безпристрастіе канцеляріи было полезно и для него самого, оставляя его, при окончательномъ рѣшеніи дѣла, свободнымъ отъ вліянія сильнѣйшаго или слабѣйшаго изложенія мнѣнія той или другой стороны.

— Это дѣлаетъ тебѣ, — прибавилъ онъ, — главную честь, и за то тебѣ мое особенное искреннее спасибо.

Потомъ, протянувъ руку Ханыкову, онъ сказалъ:

— Ну, а ты, мой старый слуга, мы съ тобой ужъ 18 лѣтъ работаемъ и намъ не вновь знакомиться ¹⁾.

Отъ него государь перешелъ опять ко мнѣ:

— Что, какъ теперь твое здоровье?

— Слава Богу, ваше величество.

— Ну такъ стало тебѣ нынче куда не надо ѣхать.

— А ты (къ Бахтину), мнѣ сказывали, что ты собираешься въ путь, и на отвѣтъ, что ему предписанъ Мариенбадъ, распространился о пользѣ тамошнихъ водъ, о благотвѣтельномъ вліяніи, которое онѣ производили на него самого, и о томъ, какъ и теперь онъ жаждетъ начать опять поскорѣе лѣтній свой курсъ.

Бахтинъ замѣтилъ, что эти воды (государь намѣревался пить ихъ въ Петергофѣ) гораздо дѣйствительнѣе, если употреблять ихъ на мѣстѣхъ.

— Не знаю, — отвѣчалъ государь, — мнѣ онѣ и здѣсь чрезвычайно полезны, а можетъ статься, лучше пить въ самомъ Мариенбадѣ отъ того, что тамъ нѣтъ дѣловыхъ заботъ, которыя, признаюсь, не способствуютъ никакому лѣченію.

— А ты (ко мнѣ) ниваль ли Мариенбадскія воды?

— Нѣтъ, государь, я употреблялъ только эмскія и карлсбадскія.

— Эмскихъ не пробовалъ, а карлсбадскія для меня не годятся. Я ихъ началъ было пить, но принужденъ былъ оставить: отъ нихъ слишкомъ бросается кровь въ голову.

Этотъ предметъ далъ поводъ еще къ нѣсколькимъ фразамъ, послѣ чего государь перешелъ къ дѣламъ и спросилъ Ханыкова, много ли

¹⁾ Ханыковъ служилъ, еще при императорѣ Александрѣ, въ собственной канцеляріи, откуда и поступилъ въ новую свою должность. Впоследствии онъ былъ назначенъ, прямо изъ нея, членомъ Государственнаго Совѣта, но, по болѣзни, вскорѣ кончившейся его смертію, ни разу въ Совѣтѣ не присутствовалъ.

изъ въ Комитетѣ. Тотъ отвѣчалъ что много и безпрестанно вновь прибываетъ.

— Да,—продолжалъ государь,—и я съ 1826 года не запомню ни одного, гдѣ бы такъ доставалось бѣднымъ моимъ глазамъ, какъ нынче; пропасть дѣлъ и въ Совѣтѣ, и въ Комитетѣ, и въ разныхъ временныхъ комитетахъ, и прямо изъ самихъ министерствъ. Послѣднія слишкомъ стали мучить меня непосредственными докладами и отъ того—это было еще при тебѣ (обратись ко мнѣ)—я подтвердилъ, чтобы о всѣхъ законодательныхъ предметахъ они представляли впредь не иначе какъ черезъ Совѣтъ. Въ свращеніи отъ этого порядка виною, впрочемъ, отчасти, я самъ; но меня вынуждала къ тому необходимость. Нѣкоторыя части, получившія новыхъ начальниковъ, оказались въ такомъ запущеніи, что всякое представленіе о перемѣнѣ или исправленіи, обнаруживъ прежнее состояніе, само собою приняло бы видъ укора или нареканія прошедшему, а этого мнѣ не хотѣлось оглашать, изъ личныхъ уваженій. Такъ напримѣръ, по путямъ сообщенія мнѣ необходимо приходилось все разсматривать и поправлять самому непосредственно. Покойный графъ Толь былъ человѣкъ честнѣйшій, благороднѣйшій, съ самыми лучшими намѣреніями, но окружающіе безсовѣстно пользовались его добродушіемъ и поставили все вверху дномъ. Надѣюсь, что теперь, при Клейнмихелѣ, этого уже не будетъ.

При прощаніи, государь отпустилъ насъ съ общею фразою: «прошу же и надѣюсь, господа, что вы будете помнить о чемъ я васъ просилъ».

17-го апрѣля умеръ, 78 лѣтъ отъ роду, одинъ изъ нашихъ вельможей, который, подобно графу Эссену, по формуляру былъ едва не великимъ, а въ сущности весьма мелкимъ и пустымъ человѣчкомъ, съ тою, однако, разностию противъ Эссена, что умѣлъ или успѣлъ стяжать себѣ, сверхъ всѣхъ внѣшнихъ почестей, нѣкоторую репутацію, даже нѣкоторую популярность. Я говорю объ Алексѣѣ Николаевичѣ Оленинѣ, лилипутъ и ростомъ, и высшими административными дарованіями. Мать его была сестра вѣстнаго въ двадцатыхъ годахъ своими причудами и каррикатурнымъ подражаніемъ странностямъ Суворова, генераль-аншефа князя Григорія Волконскаго. Но отцомъ, подъ именемъ и прикрытіемъ статскаго совѣтника Оленина, былъ церемоніймейстеръ екатерининскаго двора Кашталинскій, славный въ свое время распутствомъ, картежною игрою и—маленькимъ ростомъ, перешедшимъ въ наслѣдство къ его сыну. Послѣдній былъ не выше 12-ти-лѣтняго ребенка, такъ что у стула его въ Государственномъ Совѣтѣ всегда ставился табуретъ для его ногъ, безъ чего онъ болтался бы на воздухѣ. При всемъ томъ черты лица его были довольно оригинальныя и во всякомъ случаѣ многозначительнѣе обитавшаго въ немъ духа. Кромѣ множества бюстовъ

и портретовъ, фізіономія его довольно вѣрно сохранена на одномъ изъ фронтоновъ Исаакіевскаго собора, рядомъ съ чертами князя Петра Михайловича Волконскаго. Бывъ зачисленъ, еще въ 1774 году, въ пажи, нашъ Оленинъ обучался, съ 1780 года, въ Дрезденской артиллерійской школѣ «воинскимъ и словеснымъ наукамъ», числился потомъ, съ 1783 года, капитаномъ по артиллеріи, въ 1788 году вышелъ въ отставку майоромъ, а спустя нѣсколько дней опять поступилъ подполковникомъ въ Псковскій драгунскій полкъ; съ 1795 же года, перейдя, по пожалованіи его въ полковники, совѣтникомъ въ ассигнаціонный банкъ съ чиномъ коллежскаго совѣтника, онъ пошелъ, при покровительствѣ Волконскихъ, такъ быстро, что къ концу царствованія Павла I былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, оберъ-прокуроромъ въ Севастѣ, управляющимъ юнкерскою школою, кавалеромъ ордена св. Анны 2-й степени и командоромъ Іоанна Іерусалимскаго, съ пожизненною пенсіею. При переводѣ же его, въ самомъ началѣ царствованія Александра I, экспедиторомъ въ канцелярію Государственнаго Совѣта, удостоился званія статсъ-секретаря. Въ 1803 году онъ былъ определенъ товарищемъ министра удѣловъ; съ 1806 по 1808 г. исправлялъ должность дежурнаго генерала въ тогдашнемъ земскомъ войскѣ (милиціи), за чтѣ дано ему право носить милиціонный мундиръ (съ оберъ-офицерскими эполетами), которымъ онъ и замѣнялъ до конца своей жизни всѣ другіе, и пожалована Анненская лента. 1-го января 1810 года, при преобразованіи Государственнаго Совѣта, его назначили статсъ-секретаремъ въ гражданскій департаментъ, а въ 1811 году, при той же должности, и директоромъ Императорской публичной бібліотеки. Взявъ тутъ мимоходомъ брильянты къ Анненской звѣздѣ и 2-го Владимира, онъ въ 1812 году, послѣ паденія Сперанскаго, былъ возведенъ на его мѣсто, въ званіе государственнаго секретаря, которое носилъ до пожалованія его, къ 1827 году, въ члены Государственнаго Совѣта, продолжая заирать, по дорогѣ, и другія мѣста и всѣ возможныя награды. Такъ въ 1816 году ему дали одновременно 50 т. р. ассигн. и аренду въ 2.500 р. сер., а въ 1824 г. Александровскую ленту; въ 1817 году назначили президентомъ Академіи художествъ и въ 1822 г. членомъ комиссіи о построеніи Исаакіевскаго собора.

Всѣ эти мѣста, вмѣстѣ съ званіемъ директора бібліотеки, онъ удержалъ за собою до своей смерти, не утомляясь въ полученіи наградъ и послѣ пожалованія въ его члены Государственнаго Совѣта. Черезъ два всего мѣсяца отъ этого пожалованія, ему дали одновременно окладъ по прежнему званію государственнаго секретаря; потомъ въ 1828 году новую аренду въ 4.231 р. сер.; въ 1830 году чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; въ 1834 году опять новую аренду въ 4.000 р. сер.; въ томъ же

году алмазы къ Александровской звѣздѣ, наконецъ въ 1841 году Владимірскую ленту.

Вотъ рамка, въ которой вмѣщались подвиги Оленина; но въ чемъ заключались самыя эти подвиги? Въ 15-ти-лѣтнее отправленіе должности государственнаго секретаря онъ доказалъ вполнѣ свою бездарность. Страшно и смѣшно посмотрѣть, какъ тогда велись дѣла Совѣта и какъ писались его журналы и другіе акты! Старожилы помнятъ, что, при докладѣ сколько-нибудь затруднительнаго дѣла, государственный секретарь всегда хватался за шляпу и, подъ предлогомъ необходимости быть въ Библіотекѣ, или въ Академіи, оставлялъ дѣло на попеченіи глухаго предсѣдателя князя Лопухина и своихъ подчиненныхъ, между которыми малоспособность и особенно безправственность были въ то время вещью самую обыкновенною. Императоръ Александръ смотрѣлъ на все это съ равнодушіемъ, которое отличало вторую половину его царствованія; всемогущій Аракчеевъ мало думалъ о томъ, какъ рѣшаются дѣла въ Совѣтѣ, потому что окончательное рѣшеніе все же зависѣло отъ него одного; публика терпѣла и безмолвствовала, а Оленинъ, въ Совѣтѣ, также безмолвствовалъ, и словомъ, и перомъ, но очень бойко возвышалъ голосъ тогда, когда дѣло шло о личныхъ ему наградахъ и отличіяхъ. Онъ умѣлъ рисовать карандашемъ легенькіе эскизы, выдавалъ себя за знатока и мецената въ художествахъ, написалъ какое-то археологическое разсужденіе о Тмутараканскомъ камнѣ, и за это его пожаловали президентомъ Академіи художествъ, которою онъ управлялъ почти такъ же, какъ государственною канцеляріею, т. е. самъ ничего не дѣлая, отдалъ всю власть секретарю академической конференціи Григоровичу, который съ своей стороны даже въ публичныхъ собраніяхъ Академіи нисколько не скрывалъ, что истинный президентъ Академіи—онъ, обходясь съ носившимъ это званіе, въ глазахъ всѣхъ посѣтителей, какъ съ мальчишкою.

Оленинъ покровительствовалъ Крылова, Гнѣдича и Греча, которые почти жили на его хлѣбахъ, былъ немножко библіофиломъ и выдавалъ себя библіографомъ, любилъ собирать у себя литераторовъ болѣе изъ тщеславія, чѣмъ по вкусу къ литературнымъ занятіямъ, и его назначили директоромъ Императорской публичной библіотеки, которой, при слабой и малоразумной его администраціи, не было дано ни жизни, ни общепользнаго направленія и, въ 30-ти-лѣтнее его завѣдываніе, не успѣли составить каталоговъ, а въ написанныхъ напослѣдокъ по строгимъ настояніямъ императора Николая, для нѣкоторыхъ частей, забыли бездѣлицу—означить мѣста, гдѣ стоятъ внесенныя въ каталогъ книги! Наконецъ, какъ членъ Государственнаго Совѣта, Оленинъ всегда былъ совершенною, полною, отчаянною ничтожностію. Если изъ числа другихъ членовъ не всѣ говорятъ въ засѣданіяхъ Совѣта, то по край-

ней мѣръ они разсуждаютъ между собою о дѣлахъ и прилагаютъ, каждый по своимъ силамъ, нѣкоторое стараніе вникнуть въ нихъ; Оленинъ, напротивъ, никогда не разсуждалъ и не думалъ ни объ одномъ дѣлѣ, даже ни одного и не слушалъ. «Во многоглаголаніи нѣсть спасенія», было его любимую поговоркою, которую онъ усердно прилагалъ отъ глаголанія о дѣлахъ и къ слушанію ихъ. Вообще, за исключеніемъ нѣкоторой пріятности въ легкой бесѣдѣ, нѣкоторой начитанности и большой памяти на старыя анекдоты и коммеражи, онъ былъ человѣкъ въ высшей степени отрицательный, съ какими-то опрокинутыми понятіями и сужденіями о вещахъ, безъ энергіи, безъ разсудительности, тѣмъ болѣе безъ государственнаго ума. И этотъ человѣкъ, повторяю, умѣлъ однако составить себѣ нѣчто въ родѣ репутаціи, такъ что наши газеты воспѣли ему, послѣ его смерти, слѣдующій панегирикъ: «Просвѣщенный любитель и знатокъ изящныхъ искусствъ, отечественной литературы, исторіи и древностей; ревнитель добрыхъ и общепользныхъ дѣлъ въ отечествѣ; доступный, привѣтливый и гостепріимный покровитель дарованій и усердныхъ трудовъ; чадолюбивый и нѣжный семьянинъ; пламенный сынъ Россіи, вѣрный слуга своихъ государей; истинный христіанинъ—Оленинъ вѣчно будетъ жить въ благодарной памяти своихъ приближенныхъ, друзей и подчиненныхъ, и не одна слеза искренней признательности взысканныхъ и облагодѣтельствованныхъ имъ падетъ на его надгробный камень». Въ этомъ пышномъ наборѣ словъ все, — за исключеніемъ развѣ достоинствъ Оленина въ частной жизни, — или преувеличеніе, или ложь, и писавшій эти строки, самъ, я думаю, вмѣсто «слезъ искренней признательности», внутренне смѣялся надъ своимъ хитросплетеннымъ похвальнымъ словомъ.

Вскорѣ послѣ смерти Оленина стертъ былъ съ лица земли и знаменитѣйшій изъ оставленныхъ имъ по себѣ памятниковъ: сочиненная имъ надпись на цоколяхъ подъ тридцативѣковыми гранитными сфинксами, вывезенными изъ Египта и поставленными на Невской набережной передъ Академіею художествъ. Она начиналась такъ: «Сіи огромные сфинксы», хотя то же самое было повторено на каждомъ изъ пьедесталовъ. Лѣтъ десять эта надпись возбуждала раздумье, насмѣшки и остроты каждаго проходящаго и обратилась въ Петербургъ даже въ поговорку. Это извѣстно было и государю, который, однако же, по всегдашней нѣжной бережливости къ старымъ слугамъ, щадилъ въ надписи ея сочинителя. Со смертію Оленина, когда всѣ личныя уваженія прекратились, твореніе его исчезло вслѣдъ за сочинителемъ и, взамѣнъ, подъ «сиими огромными сфинксами» явилась другая, приличнѣйшая надпись.

Въ Вербное воскресенье наши придворныя дамы какъ-то заглѣпнлись, и къ дворцовому выходу явилось очень мало не только статсъ-дамъ, но и фрейлинъ. Государь сильно за это разгнѣвался и тотчасъ послѣ обѣдни послалъ спросить у каждой о причинѣ неявки. Всѣ, разумеется, не нашли никакой другой отговорки, кромѣ нездоровья. Тогда, вставъ съ понедѣльника, ежедневно стали являться придворныя ѣздовые, чтобы навѣдываться о здоровьи: къ фрейлинамъ по одному, а къ статсъ-дамамъ даже по два раза въ день, и такимъ образомъ всѣ эти бѣдныя дамочки по неволѣ принуждены были засѣсть дома, пока приличіе позволило каждой отозваться, что болѣзнь ея прошла.

Графъ Киселевъ рассказывалъ мнѣ, что у него не разъ заходила рѣчь съ императоромъ Николаемъ о томъ, какъ интересно и полезно было бы записывать его дѣйствія, равно какъ и замѣчанія и наблюденія о всемъ происходящемъ и о всемъ его окружающемъ, созидая такимъ образомъ если не исторію его царствованія, то по крайней мѣрѣ самыя полныя и достовѣрныя для нея матеріалы. Безъ подобаго подготовленія многое забывается и пропадаетъ, съ людьми умираютъ преданія, а чтѣ в уцѣлѣть, то явится потомству въ искаженномъ или неполномъ видѣ. Государь отвѣчалъ, что онъ нѣсколько разъ принимался за такія современныя, разумеется самыя коротенькія замѣтки, но принужденъ былъ отказываться отъ веденія ихъ, даже и въ такомъ видѣ, за недостаткомъ времени и досуга. Было время, что онъ хотѣлъ употребить къ этому великую княжну Марію Николаевну, но она вышла замужъ, пошли дѣти, и такимъ образомъ и этотъ планъ не осуществился. Думалъ онъ также поручить Первому отдѣленію собственной своей канцеляріи вести по крайней мѣрѣ общій современный реестръ всему важнѣйшему, чтѣ случается и выходитъ у насъ въ мірѣ законодательномъ и административномъ; но послѣ ему показалось, что такая голая номенклатура была бы слишкомъ суха и даже бесполезна, представляя одни лишь результаты, а не пружины, не тайныя нити, не *dessous des cartes*, часто гораздо интереснѣшія результатовъ. Между тѣмъ время утекаетъ, и до сихъ поръ все ничего не сдѣлано, такъ что у государя остается всего только написанный имъ самимъ подробный рассказъ о событіяхъ и первыхъ послѣдствіяхъ 14-го декабря 1825 года.

Лѣтомъ 1843 года смерть постигла одну изъ знаменитостей 1812 года: князя Петра Христіановича Витгенштейна, «защитника Петрова града», того героя, который въ свое время былъ увѣнчанъ столькими лавровыми вѣнками, который воспѣвался въ народныхъ пѣсняхъ, былъ кумиромъ всей Россіи и—умеръ уже давно полузабытый, уже давно удаленный со всякаго дѣятельнаго поприща, хотя и числившійся еще, для почета, членомъ Государственнаго Совѣта. Достигнувъ 80-ти лѣтъ отъ роду и переживъ свою славу, Витгенштейнъ скончался въ Лембергѣ, на

возвратномъ пути въ богатія свои помѣстья въ Подольской губерніи. По полученіи извѣстія о его смерти, государь почтилъ минувшее его величіе всѣми возможными знаками вниманія. Отданъ былъ приказъ, чтобы «въ ознаменованіе памяти къ знаменитымъ заслугамъ князя престолу и отечеству, всѣмъ войскамъ сухопутнаго вѣдомства носить трехдневный трауръ», и вдовѣ его пожалованъ прекрасный рескриптъ, въ которомъ, изъявляя «сердечное участіе въ понесенной ею потерѣ», государь, между прочимъ, говорилъ: «знаменитое поприще вашего супруга и, въ особенности, славные его подвиги въ незабвенную эпоху 1812 года останутся однимъ изъ лучшихъ украшеній нашей отечественной исторіи; я же съ своей стороны сохраню навсегда искреннюю признательность къ его доблестному служенію престолу и отечеству и истинное уваженіе къ высокимъ добродѣтелямъ, его украшавшимъ». Полку его имени велѣно, однако же, принять прежнее названіе Мариупольскаго.

Тѣмъ же лѣтомъ петербургскіе жители были обрадованы разными новинками. Прежде, при переѣздѣ на прелестные наши «острова», въ глаза всегда очень непріятно бросался крѣпостной гласисъ, обширное неведирированное поле, заросшее низкою травю и испещренное во всѣхъ направленіяхъ тропинками, которыя были проложены пѣшеходами. Мѣсто этой безобразной пустыни занялъ обширный паркъ, устроенный по мысли и подъ непосредственнымъ надзоромъ министра финансовъ графа Канкрина, съ обширнымъ зданіемъ для новаго заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ, которое открылось 6-го іюня.

Другая новинка касалась удобствъ загородныхъ сообщеній. При постепенно усиливавшемся въ Петербургѣ навыкѣ переселяться на лѣто за городъ, навыкѣ, проникшемъ почти во всѣ классы, многіе, особенно изъ числа мелкихъ чиновниковъ, для которыхъ дачи во всякой другой мѣстности были бы слишкомъ дороги, стали нанимать крестьянскіе домики въ деревнѣ Полюстровѣ, на Невѣ, близъ Безбородкинской дачи. Прежде они принуждены были ѣздить туда на гадкихъ нашихъ извозчикахъ, за дорогую цѣну. Съ лѣта 1843 года учредился красивый омнибусъ съ надписью: «Невскій проспектъ—Полюстрово», который сталъ ходить туда и назадъ, въ опредѣленные часы по нѣскольку разъ въ день, съ платою по 15-ти коп. съ каждаго пассажира. Это былъ прародитель всѣхъ нашихъ, впоследствии столько размножившихся загородныхъ омнибусовъ. Наконецъ въ то же самое лѣто началось впервые пароходное сообщеніе по Ладожскому озеру, отъ Шлиссельбурга до Сердоболя, съ остановками въ монастыряхъ Коневскомъ и Валаамскомъ. Первый пароходъ, который совершилъ этотъ рейсъ, назывался «Валаамъ». Путь въ оба конца требовалъ трехъ дней, и за переѣздъ до Сердоболя положена была плата, въ первыхъ мѣстахъ по 3, а во вторыхъ по 2 р.

Въ слѣдовавшую за сими зиму (съ 9-го декабря) появились и пер-

вые омнибусы внутри города. Въ то время это были огромныя кареты, съ надписью: «Аничковъ мостъ—Васильевскій островъ», на 20 чело-вѣкъ, заложеныя четвернею и возвышія всякій часъ, за 10 коп. съ пассажира, отъ Гостиного двора къ углу 5-й линіи у Средняго проспекта на Васильевскомъ островѣ. Но бывъ начато зимою, когда городъ безъ того наполненъ множествомъ дешевыхъ извозчиковъ, это предпріятіе не удалось, а кареты ѣздили всегда почти пустыни.

Въ концѣ августа государь уѣхалъ въ Берлинъ, для отдачи визита прусскому королю, пріѣзжавшему въ 1841 году въ Варшаву и въ 1842 году въ Петербургъ и вмѣстѣ для присутствованія на тамошнихъ маневрахъ. По случаю этой поѣздки, всѣмъ главнымъ начальствамъ сообщено было повелѣніе, чтобы въ высочайшемъ отсутствіи «во всѣхъ непредвидимыхъ случаяхъ испрашивать разрѣшеніе государя наследника». Прощаясь съ военнымъ министромъ княземъ Чернышевымъ, государь сказалъ, указывая на цесаревича: «Въ случаѣ, если я не возвращусь, вотъ вашъ командиръ». Въ это же отсутствіе государя велѣно было представлять на разрѣшеніе и утвержденіе цесаревича, сверхъ дѣла Комитета министровъ, впервые и дѣла Государственнаго Совѣта, которыя прежде, при отлучкахъ государя, всегда были отсылаемы непосредственно къ нему.

По окончаніи прусскихъ маневровъ, государь, на возвратномъ пути изъ Берлина въ Варшаву (тамъ еще не было въ то время желѣзной дороги), въ Познани, 7-го (19-го) сентября, узналъ, что хоронятъ генерала Грольмана, который былъ ему лично извѣстенъ. Пожелавъ отдать ему послѣдній долгъ, онъ вышелъ изъ коляски и приказалъ всѣмъ экипажамъ ѣхать далѣе и ждать его на извѣстномъ пунктѣ, а самъ пошелъ пѣшкомъ къ кладбищу ¹⁾. Между тѣмъ, при переѣздѣ черезъ какой-то мостъ, экипажи были встрѣчены ружейными выстрѣлами, в семь пуль попали именно въ тотъ, въ которомъ, по предположенію, долженъ былъ сидѣть государь. Въ такомъ видѣ первое извѣстіе о семъ разнеслось, 13-го сентября, въ Царскомъ Селѣ и на другой же день передано было мнѣ оберъ-шенкомъ графомъ Вильгорскимъ, присутствовавшимъ при бывшемъ тамъ, у императрицы, благодарственномъ молебствіи за дивное, Богомъ посланное помазаннику его, спасеніе. Но эти вѣсти были преувеличены.

20-го сентября (2-го октября) первая печатно заговорила объ этомъ

¹⁾ Императоръ Александръ II замѣтилъ: «Несправедливо. Государя, для избѣжанія стѣсненія на улицахъ, по случаю похоронъ генерала Грольмана, провели вкругомъ дорогою; прочіе же экипажи слѣдовали обыкновеннымъ путемъ, при чемъ и послѣдовали выстрѣлы въ коляску, въ которой сидѣли Суковкинъ и чиновникъ походной канцеляріи Кириллинъ».

•

происшествіи «Allgemeine Preussische Zeitung», въ статьѣ изъ Познани, очень смышленной, дипломатической, накидывавшей какой-то таинственный на него покровъ, но все однакожь подтверждавшей самый фактъ. Вотъ она:

«Нѣсколько лишь дней тому назадъ сдѣлалось здѣсь извѣстнымъ, что 19-го (7-го) сентября, спустя нѣсколько часовъ послѣ проѣзда русскаго императора, поздно вечеромъ, въ то время, какъ одна изъ принадлежавшихъ къ императорской канцеляріи каретъ проѣзжала черезъ предмѣстье Валишей, по близости отъ нея раздался выстрѣлъ. Это дало поводъ къ изслѣдованію, которое производится подлежащими властями съ особенною дѣятельностью. Но, сколько извѣстно, этимъ изслѣдованіемъ не открыто еще до сихъ поръ ни того, кто выстрѣлялъ, ни такихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ можно бы съ достовѣрностью заключить, былъ ли произведенъ этотъ выстрѣлъ съ предумышленіемъ, или изъ шалости, или же по одной неосмотрительности. Нѣкоторые изъ обывателей сосѣднихъ домовъ хотя и слышали его, но въ предположеніи, что это такъ-называемый «Vivatsschuss», не обратили на него вниманія. Оттого и все происшествіе сначала оставалось здѣшней публикѣ совершенно неизвѣстнымъ; между тѣмъ, въ другихъ мѣстахъ (auswärts) разнеслись о немъ слишкомъ, какъ кажется, преувеличенные слухи, измѣнившіе при томъ сущность самаго факта, слухи, которымъ настоящій простой разсказъ можетъ служить наилучшимъ опроверженіемъ».

Вслѣдъ затѣмъ опубликованъ былъ, въ Познани, приказъ тамошняго оберъ-президента слѣдующаго содержания: «Извѣстно, что 19-го сентября, при проѣздѣ одного изъ экипажей, принадлежавшихъ къ свитѣ его величества русскаго императора, сдѣланъ былъ, на углу Валишейскаго предмѣстья и Малой улицы, ружейный выстрѣлъ. Для поясненія этого событія допрошены были разные лица, находившіяся въ то время на улицѣ. Показанія ихъ не привели, однако же, ни къ какому положительному результату. По словамъ нѣкоторыхъ, во время выстрѣла стояли, близъ водоема на томъ углу, три прилично одѣтыхъ человѣка, которые, когда раздался выстрѣлъ, отошли къ домамъ. Въ предположеніи, что отъ этихъ трехъ человѣкъ можно было бы получить самыя опредѣлительныя свѣдѣнія о сопровождавшихъ выстрѣлъ обстоятельствахъ, полиція употребила всѣ мѣры къ ихъ отысканію, но до сихъ поръ безуспѣшно. Будучи увѣренъ, что каждому изъ жителей нашего города весьма желательно пояснить такое происшествіе, которое уже породило многочисленныя толки, я избираю настоящій путь гласности, для вызова къ добровольному о семъ дѣлѣ показанію какъ упомянутыхъ трехъ человѣкъ, такъ и всѣхъ тѣхъ, которые, оставшіе еще недопрошенными, могли бы дать какое-нибудь пояснительное свѣдѣніе».

Между тѣмъ, въ Аугсбургской «Allgemeine Zeitung» появилась статья

«Съ польской границы», въ которой увѣряли, что въ экипажи государя и его свиты произведено было до двадцати выстрѣловъ; что этотъ градъ пуль, какъ бы чудомъ, никого не ранилъ, и что, впрочемъ, ночная темнота не допустила схватить ни одного изъ виновныхъ. Вслѣдствіе того въ прусской газетѣ было напечатано: «Ссылаясь на обнародованный приказъ познанскаго оберъ-президента, мы можемъ самымъ положительнымъ образомъ удостовѣрить, что означенное извѣстіе не имѣетъ никакого основанія. Выстрѣлъ, какъ мы уже и прежде говорили, былъ всего одинъ и тотъ вблизи экипажа съ государевою канцеляріею, прослѣдовавшаго черезъ Познань спустя нѣсколько часовъ послѣ проѣзда государя».

Наконецъ, нѣсколькими днями позже, та же прусская газета напечатала еще слѣдующее:

«Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» увѣдомляетъ, по письмамъ изъ Познани, что императоръ Николай проѣхалъ черезъ этотъ городъ восемью часами прежде своей свиты; что поэтому, во время покушенія, его не было въ императорской каретѣ; что всѣ выстрѣлы въ нее попали въ то мѣсто, которое онъ обыкновенно занимаетъ, и что сидѣвшій тамъ адъютантъ его величества раненъ въ ногу. Это извѣстіе почерпнуто, очевидно, изъ очень мутнаго источника. Во-первыхъ, не можетъ быть рѣчи о «выстрѣлахъ». Всего былъ лишь одинъ, да и тотъ не по императорскому экипажу, а вблизи коляски, слѣдовавшей спустя нѣсколько часовъ послѣ государя и его свиты, и не съ его адъютантами, а съ чиновниками канцеляріи. Раненыхъ не было никого. Во-вторыхъ, по всѣмъ произведеннымъ донынѣ изысканіямъ, отнюдь еще нельзя назвать этого событія покушеніемъ (attentat), такъ какъ не извѣстно, былъ ли выстрѣлъ послѣдствіемъ легкомыслія, шалости или злаго умысла».

Вотъ все, что было напечатано объ этомъ таинственномъ событіи въ газетахъ; а вотъ самыя достовѣрныя извѣстія изъ первыхъ рукъ, въ томъ видѣ, какъ тогда же передалъ ихъ мнѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, сопровождавшій государя графъ Орловъ.

Государь пріѣхалъ въ Познань съ Орловымъ, сидѣвшимъ въ одной съ нимъ коляскѣ, передъ сумерками. На городской чертѣ ихъ встрѣтилъ уланскій офицеръ, присланный отъ оберъ-президента для указанія пути не черезъ Вышгородъ, гдѣ идетъ обыкновенный трактъ, а черезъ нижнюю часть города, потому что въ первомъ, по случаю погребенія въ это время генерала Грольмана, столпилось много народа. Смѣна лошадей была приготовлена передъ домомъ оберъ-президента, который вышелъ на крыльцо и съ которымъ государь, при огромномъ стеченіи людей всѣхъ сословій, кричавшихъ «вивать», разговаривалъ минутъ десять, не выходя изъ коляски. Отсюда экипажъ, непосредственно за городскою

заставою, свернулъ на объѣздную дорогу, потому что шоссе въ это время чинили. Начало смеркаться, и государь скоро задремалъ.

— Но мнѣ,—продолжалъ Орловъ,—при извѣстной неприязни противъ насъ познанскаго населенія, было не до сна. Я не переставалъ дрожать за ту драгоценную жизнь, которую считалъ вѣренною моею защитѣ, и готовъ былъ охранить ее всякую минуту собственной кровью, не предвидя, однако, къ тому средствъ въ случаѣ внезапнаго нападенія. Безпокойство мое увеличивалось еще отъ тѣхъ мѣръ предосторожности, которыя, какъ я не могъ не замѣтить, приняты были со стороны прусскаго правительства, показывая, что и оно не безъ опасеній. Кругомъ нашей коляски скакали четыре жандарма, которые были тутъ, очевидно, не для почетнаго караула. Сверхъ того, изъ перелѣсья, по сторонамъ дороги, безпрестанно промелькивали на поляны какія-то фигуры, въ пальто, верхами, которыя тоже ни мало меня не успокоивали; наконецъ, двѣ или три изъ числа этихъ фигуръ подѣхали къ самой нашей коляскѣ, и внушенный мнѣ ими страхъ миновался тогда только, когда онѣ стали перешептываться съ нашими жандармами: это были полицейскіе агенты, разбѣянные на разныхъ пунктахъ по распоряженію мѣстнаго начальства, со стороны котораго, повторю, взяты были самыя бдительныя мѣры. Наконецъ все, благодаря Бога, кончилось однимъ страхомъ, и то съ моей только стороны, потому что государь, продолжая дремать, не обнаружилъ ни малѣйшаго безпокойства. На другой день, въ шестомъ часу по полудни, мы были уже въ Варшавѣ, и государь, отобѣдавъ втроемъ, съ княземъ Паскевичемъ и со мною, занялся высланными къ нему туда бумагами. Но едва я успѣлъ нѣсколько отдохнуть въ моей комнатѣ, какъ былъ вдругъ опять потребованъ къ государю. «Лешка, Лешка,—закричалъ онъ, бросаясь, въ слезахъ, мнѣ на шею,—Богъ далъ Самѣ сына!»¹⁾ Это извѣстіе безмѣрно обрадовало государя, и онъ тотчасъ велѣлъ мнѣ отправить нарочныхъ для сообщенія о томъ въ Берлинъ и Дармштадтъ, а Адлербергу написать приказъ о производствѣ 50-ти полковниковъ въ генералы. Пока я успѣлъ кончить письма къ нашимъ посланникамъ въ Берлинъ и Дармштадтъ и отправить съ ними фельдъегерей, наступила уже полночь, и я легъ спать. Вдругъ меня, въ первомъ снѣ, будятъ извѣстіемъ, что пріѣхалъ Суковкинъ (чиновникъ военно-походной канцеляріи, принадлежавшій къ государевой свитѣ, теперь статсъ-секретарь, управляющій дѣлами комитета

¹⁾ Великаго князя Николая Александровича, родившагося 8-го сентября, въ седьмомъ часу утра, въ Царскомъ Селѣ. Объ этомъ возжелѣнномъ событіи, по неопытности въ точности мѣста, въ которомъ государь находился тогда въ заграничномъ своемъ путешествіи, дано было знать, по телеграфу, въ Варшаву; но телеграфы были въ то время еще не электрическіе, а стараго устройства.

министровъ) и что ему непременно нужно сейчасъ со мною увидѣться. Отставъ отъ насъ еще на перѣздѣ изъ Берлина зъ Познань, онъ съ товарищемъ своимъ, чиновникомъ Кирилинимъ, проѣзжалъ черезъ Познань уже ночью, какъ вдругъ, въ предмѣстьи, возлѣ ихъ коляски, раздался выстрѣлъ, и Кирилинъ закричалъ, что онъ раненъ. Почтарь, однако, не бывъ никѣмъ задержанъ, продолжалъ скакать, и уже когда отъѣхали нѣсколько верстъ за городъ, Суковкинъ велѣлъ остановиться. Раны на Кирилинѣ не оказалось, но три осколка шевротина, или того, что называется заячьей дробью, сидѣли въ ватѣ его шинели. Они пробились сквозь желѣзную клѣтку, вату и сукно колясочной стѣнки, и выстрѣлъ (какъ думали изъ тромбона) былъ такъ силенъ, что еслибъ не ослабъ отъ желѣза коляски, то несомнѣнно убилъ бы Кирилина, сидѣвшаго именно на лѣвой сторонѣ, той, на которой всегда саживалъ и государь. Я поспѣшилъ къ нему съ этимъ извѣстіемъ. Онъ еще не спалъ, потому что всегда долго молился по вечерамъ, а въ этотъ день, послѣ полученной радостной вѣсти, молился еще долѣе. Нисколько не смутившись отъ опасности, грозившей, по всей вѣроятности, ему лично, онъ велѣлъ мнѣ позвать, на слѣдующее утро, прусскаго консула въ Варшавѣ съ тѣмъ, чтобы я, осмотрѣвъ при немъ прострѣленную коляску и шинель и отобравъ всѣ нужныя показанія, предоставилъ ему самому довести о всемъ томъ его правительству; съ этимъ вмѣстѣ, однако, по моему напоминанію, государь приказалъ мнѣ сообщать о всѣхъ подробностяхъ происшествія и Мейендорфу (тогдашнему нашему посланнику въ Берлинѣ), на случай вопросовъ со стороны прусскаго правительства. Между тѣмъ, государь самъ тотчасъ написалъ обо всемъ императрицѣ. Въ концѣ письма было приписано, чтобы она прочла его одна и никому не показывала; но какъ это говорилось въ припискѣ, то императрица, начавъ читать письмо вслухъ при всѣхъ, дошла до нея, когда уже сдѣлано было иначе, а какъ, такимъ образомъ, дѣло само собою огласилось, то велѣла отслужить благодарственный молебенъ. Государь, узнавъ объ этомъ послѣ, былъ недоволенъ, потому что, такимъ образомъ, давался видъ, будто бы покушеніе обращено было именно противъ него, въ чемъ нѣтъ никакой достовѣрности и въ чемъ ему не хотѣлось даже и возбуждать какое-нибудь подозрѣніе.

— Но какія, однако же,—спросилъ я у графа Орлова,—собственныя ваши мысли объ этомъ?

— Нельзя, кажется, сомнѣваться,—отвѣчалъ онъ,—что былъ злой умыселъ на жизнь государя; но когда исполненіе его сдѣлалось невозможнымъ отъ бдительности полиціи, не оставившей насъ ни на минуту, то злоумышленники рѣшились, какъ бы изъ безумной мести, ознаменовать свое намѣреніе, по крайней мѣрѣ, какимъ-нибудь злодѣяніемъ, и потому бросились на коляску Суковкина, которую полиція, утомясь и отъ

похоронѣ Грольмана и отъ хлопотъ цѣлаго дня о насъ, вѣроятно, уже не оберегала такими мѣрами, какъ нашъ экипажъ. Впрочемъ, это одиѣ только догадки. Очень, однако, любопытно одно обстоятельство, именно, что прусское правительство и, какъ кажется, даже само познанское мѣстное начальство, узнали объ этомъ происшествіи только уже по вѣстямъ, полученнымъ изъ Варшавы. Кто виновные, едва-ли когда откроется; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ (этотъ разговоръ происходилъ въ половинѣ октября) никого не найдено. Самъ государь, кажется, убѣжденъ въ томъ, что все это было простое мошенническое нападеніе для грабежа, а отнюдь не покушеніе противъ его лица...¹⁾

Нѣсколько дополнительныхъ къ сему свидѣній я слышалъ тогда же, еще отъ самого Суковкина. Какъ всѣ почтовые лошади были разобраны подъ экипажи государя и непосредственной его свиты, то коляску, въ которой сидѣлъ онъ, Суковкинъ, съ Кирилинимъ, везли на обывательскихъ. По приѣздѣ въ Познань, имъ захотѣлось ѣсть, и они остановились спросить о гостиницѣ. Имъ указали ее, и когда они поѣхали туда, то одинъ прохожій закричалъ на нихъ. И путешественники наши и везшіи ихъ крестьянинъ думали, что онъ повторяетъ указаніе гостиницы, и послѣдній, закричавъ: «знаю, знаю», поѣхалъ далѣе. Въ гостиницѣ, пока они ѣли, нѣсколько человѣкъ въ разное время подходили къ Кирилину съ вопросомъ, когда пройдетъ государь (между тѣмъ давно уже проѣхавшій). Кирилинъ отвѣчалъ, что не знаетъ (ему точно не было извѣстно ни о проѣздѣ государя, ни вообще о его маршрутѣ). Поѣвъ, они отправились изъ Познани, также на обывательскихъ, съ сидѣвшимъ на запяткахъ ихъ коляски писаремъ военно-походной канцеляріи. Когда раздался выстрѣлъ, Суковкинъ, ничего не подозрѣвая, сталъ хвалиться дѣлаемымъ имъ салютомъ. Но тутъ Кирилинъ закричалъ, что онъ раненъ.

— Молчи, молчи,—отвѣчалъ Суковкинъ, уже догадавшись, что тутъ далеко отъ салюта,—слава Богу, что такъ вынесло!

Больше ничего не было, и ихъ повезли по тому же объѣзду, по которому проѣхалъ и государь; но крестьянинъ, мало знакомый съ дорогою, залутался и принужденъ былъ, уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Познани, остановиться. Только тутъ они могли осмотрѣться и убѣдился, рана нанесена не Кирилину, а его шинели. Сидѣвшій на запяткахъ писарь отвѣчалъ, что видѣлъ только, какъ въ темнотѣ блеснулъ огонь, но больше ничего разсмотрѣть не могъ.

Во всемъ прочемъ рассказъ Суковкина былъ совершенно сходенъ съ слышаннымъ мною отъ графа Орлова.

¹⁾ Этотъ разговоръ или, лучше сказать, рассказъ я прочитывалъ князю Алексѣю Федоровичу Орлову 9-го января 1857 года, и онъ призналъ мое изложеніе вполне соответственнымъ его словамъ, произнесеннымъ въ 1843 г.

Впослѣдствіи, и именно въ январѣ 1844 года, было еще напечатано въ прусскихъ газетахъ объявленіе познанскаго оберъ-коменданта, что какъ все еще не открыто лица, выстрѣлившаго по экипажамъ свиты русскаго императора, то тому, кто наведетъ бы достоверно на слѣды виновнаго, обѣщается въ награду 1.000 червонныхъ. И это, однако же, осталось безъ результата. По этому дѣлу ничего болѣе не было обнаружено, и оно (какъ подтвердилъ мнѣ, въ 1857 году, князь Орловъ) осталось навсегда покрытымъ прежнею тайною.

По возвращеніи изъ Берлина въ Петербургъ, государь подвелъ къ колыбели новорожденнаго своего внука, великаго князя Николая Александровича, трехъ младшихъ своихъ сыновей.

— Присягайте,—сказалъ онъ имъ,—будущему своему государю. Жизнь моя и вашего брата всегда на волоскѣ, и Богъ знаетъ, не скоро ли вы будете подданными вотъ этого!

Государь желалъ, чтобы предстоявшія въ зиму съ 1843-го на 1844-й г. въ царственной нашей семьѣ два бракосочетанія: великой княжны Александры Николаевны съ принцемъ Гессенскимъ и великой княжны Елисаветы Михайловны съ герцогомъ Нассаускимъ были совершены въ одинъ день и вмѣстѣ; но министръ императорскаго двора, князь Волконскій, противопоставилъ этому одно, хотя и довольно оригинальное, однако рѣшившее участь дѣла препятствіе, именно, что по церемоніалу великія княжны должны быть, при брачномъ обрядѣ, въ коронахъ, а у насъ—всего только одна такая корона; подобный же случай двухъ свадебъ вдругъ можетъ стать никогда болѣе не повторится, почему изготовленіе второй еще короны было бы напраснымъ и, между тѣмъ, довольно значительнымъ расходомъ. Другую подобную же продѣлку хозяйственной разсчетливости князь Волконскій прикрытъ по крайней мѣрѣ благовиднѣйшимъ предлогомъ. При бракѣ наследника цесаревича въ 1841-мъ году ¹⁾ вѣнецъ надъ нимъ держалъ генераль-адъютантъ графъ Петръ Петровичъ Паленъ ²⁾, какъ старшій въ чинѣ изъ холостяковъ при дворѣ. Императрица въ разговорѣ съ нимъ упомянула, что и при бракѣ Александры Николаевны, вѣроятно, ему же придется исполнять эту обязанность. Паленъ отвѣчалъ, что вмѣнить себѣ то за счастье, но какъ товарищемъ его, должно думать, будетъ великій князь Константинъ Николаевичъ, то надо бы сдѣлать новые вѣнцы, по чрезвычайной тяжести прежнихъ, которые и онъ, Паленъ, при всемъ высокомъ

¹⁾ Императоръ Александръ II отмѣтилъ: „При бракѣ великой княжны Маріи Николаевны въ 1839-мъ году“.

²⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Неправда.—Надо мною держалъ вѣнецъ наследникъ, теперь царствующій великій герцогъ Веймарскій“

своимъ ростѣ, едва могъ сдержатъ въ продолженіе церемоніи ¹⁾). Противъ этой, тоже не маловажной издержки, Волконскій нашелъ отговорку въ томъ, что прежніе вѣнцы употребляются при всѣхъ царственныхъ бракахъ еще со временъ Бориса Годунова ²⁾, слѣдственно, сколько они ни тяжелы, имѣютъ историческое значеніе, которымъ едва-ли можно пожертвовать изъ какихъ-нибудь личныхъ уваженій.

При Императорѣ Николаѣ постоянно соблюдался обычай устраивать во дворцѣ елки наканунѣ Рождества. Въ 1843-мъ г. къ той, которая была назначена для великой княжны Александра Николаевны, государь, между другими подарками, приказалъ привязать — и ея жениха ³⁾. Можно представить себѣ, сколько смѣху, при входѣ въ залу, возбудила собою эта оригинальная идея!

На выходѣ 25-го декабря во дворцѣ два лица и одна вещь привлекли на себя общее вниманіе. Одно изъ лицъ былъ армянскій патриархъ Нерсесъ, оказавшій намъ, еще въ санѣ архіепископа, большія услуги во время присоединенія Арменіи, потомъ подпавшій немилости князя Паскевича, вслѣдствіе того долго остававшійся въ забвеніи и на невыгодномъ счету у правительства и уже только послѣ многихъ представствъ утвержденный государемъ, по народному избранію, въ патриаршемъ санѣ. Вскорѣ за сямъ пожалованіемъ Нерсесъ пріѣхалъ, лѣтомъ 1843-го года, въ Петербургъ, гдѣ параличъ лишилъ его движенія всей правой стороны и, вмѣстѣ съ другими недугами, положилъ на смертный одръ, такъ что собранные на консилиумъ врачи рѣшили, что ему остается жить не болѣе сутокъ. Тутъ камергеры братья Лазаревы, постоянные покровители и представители армянскаго народа, написали, отъ имени сего послѣдняго, письмо къ извѣстному нашему магнитузеру Андрею Ивановичу Пашкову ⁴⁾, съ просьбою испытать его силы для спасенія ихъ архіпаствы. Пашковъ посредствомъ совѣтовъ и предписаній (гомеопатическихъ) главной изъ своихъ ясновидящихъ, г-жи Висковатовой, въ какихъ-нибудь шесть недѣль возстановилъ силы патриарха до такой степени, что возвратилось употреб-

¹⁾ При бракѣ великой княжны Александры Николаевны Паленъ не держалъ, однако же, вѣнца. Надъ невѣстою держалъ его герцогъ Нассаускій, а надъ женихомъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Но Паленъ исполнялъ прежнюю свою обязанность при бракосочетаніи великой княжны Елизаветы Михайловны.

²⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Это едва-ли справедливо, ибо, судя по украшеніямъ, они принадлежатъ къ прошедшему столѣтію.“

³⁾ Императоръ Александръ II замѣтилъ: „Никогда объ этомъ не слышалъ; впрочемъ, меня здѣсь не было“.

⁴⁾ Я имѣлъ уже случай говорить о немъ по случаю его процесса съ братьями.

леніе разбитой парализемъ стороны и онъ сталъ опять писать, говорить и ходить по-прежнему,—словомъ, что онъ выздоровѣлъ, какъ только можно было желать при глубокой его старости, а 25-го декабря могъ даже явиться во дворецъ. Желаніе его было присутствовать при литургіи въ алтарѣ; но по справкѣ съ архивами оказалось, что присутствовавшіе при коронаціи императора Николая два армянскіе архіерея стояли въ Успенскомъ Соборѣ внѣ алтаря, съ публикою, что государь приказалъ сдѣлать и въ этотъ разъ. Такимъ образомъ, Нерсесъ поставленъ былъ въ церкви передъ дворомъ, непосредственно за великими князьями, въ сопровожденіи своего спутника и пѣстуна—одного изъ братьевъ Лазаревыхъ ¹⁾. Эта черная съ головы до ногъ фигура, въ остроконечномъ своемъ клобукѣ, производила, посреди блестящихъ придворныхъ мундировъ, необыкновенно поразительный эффектъ.

Другимъ замѣчательнымъ лицомъ на выходѣ 25-го декабря являлся сенаторъ графъ Илинскій, девяностолѣтній старецъ, который, не присутствуя въ Сенатѣ уже лѣтъ тридцать и живя съ тѣхъ поръ постоянно въ богатыхъ своихъ помѣстьяхъ на Волыни, пріѣхалъ въ это время въ Петербургъ по частнымъ своимъ дѣламъ. Длинный, едва движущійся, сгорбленный, съ впадшимъ брюхомъ, съ огромнымъ сѣдымъ парикомъ, кажется, и нарумяненный, онъ, въ красномъ сенаторскомъ мундирѣ, обвѣщенный весь орденами, чрезвычайно походилъ на тѣ куклы, которыя выставляются въ кабинетахъ восковыхъ фигуръ. Хотя полякъ и католикъ, онъ счелъ за нужное простоять всю обѣдню въ церкви, и присутствіе его тамъ было тѣмъ страннѣе, что его ввела и все время поддерживали съ обѣихъ сторонъ подъ руки два придворныхъ лакея. Илинскій, въ то время старѣйшій между всеми сенаторами и по лѣтамъ и по чину, носилъ это званіе съ 1797-го года. Исторія его первоначальной карьеры сопряжена была съ очень примѣчательнымъ анекдотомъ. Известно, въ какомъ стѣсненіи и въ какой почти опалѣ жилъ великій князь Павелъ Петровичъ въ Гатчинѣ. Однажды въ тамошнихъ садахъ встрѣтился ему польскій магнатъ, бывшій уже въ то время (съ 1793-го года) дѣйствительнымъ камергеромъ, нашъ Илинскій. Великій князь казался погруженнымъ въ мрачную задумчивость. Илинскій, знакомый ему по двору, осмѣлился, при разговорѣ, спросить о причинѣ грустнаго расположенія духа. Павелъ Петровичъ излился въ горькихъ жалобахъ на свою участь и заключилъ тѣмъ, что дѣшевные обстоятельства его таковы, что онъ лишень даже возможности разсчитаться съ частными своими кредиторами, настоятельно домогающимися удовлетворенія.

¹⁾ При слѣдующихъ выходахъ патриарху велѣно было, однако же, находиться въ алтарѣ вмѣстѣ съ нашимъ духовенствомъ.

— Ваше высочество, — отвѣчалъ Илинскій, — я почти себя счастливымъ, если вы изволите располагать всѣмъ моимъ состояніемъ; у меня есть теперь наличными деньгами 300 т. р.: осчастливьте меня ихъ принятіемъ.

Великій князь принялъ предложенное ему съ удовольствіемъ и признательностію, а двѣ недѣли спустя смерть Екатерины возвела его на престолъ. Разумѣется, что Илинскій не былъ забытъ. Новый императоръ произвелъ его въ тайные совѣтники, съ повелѣніемъ присутствовать въ Севастѣ, пожаловалъ ему Анненскую, а потомъ и Александровскую ленту, и награждалъ нѣсколькими милліонами, все въ одномъ и томъ же 1797-мъ году. Въ дѣйствительные тайные совѣтники онъ былъ произведенъ уже при императорѣ Николаѣ, въ 1829-мъ году. Появленіе Илинскаго вновь при дворѣ было оригинально и тѣмъ, что онъ, по старинному обычаю, другими въ то время уже совсѣмъ оставленному, носилъ свои три звѣзды не только на мундирѣ или фракѣ, но и — на фіолетовой бархатной шубѣ ¹⁾.

Наконецъ вещь, обратившую на себя общее вниманіе 25-го декабря, были новыя каски, въ которыхъ впервые въ этотъ день явились отряды лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Егерскаго полковъ, находившіеся во дворцѣ. Взятыя съ прусскаго образца, онѣ съ перваго раза показались всѣмъ красивѣе и воинственнѣе прежнихъ киверовъ, которыхъ была и одною третью легче; но великій князь Михайла Павловичъ сопротивлялся еще въ то время общему ихъ введенію, находя, что онѣ двумя верхками убавляютъ вышину строя.

Государь изъявилъ свою волю, чтобы обрученіе великой княжны Александры Николаевны было непременно 26-го декабря, и потому приказалъ генералу князю Суворову, отправленному на встрѣчу къ нареченному ея жениху, принцу Фридриху Гессенскому, привезти его сюда 23-го числа. Но, по положенію дорогъ, они не могли прибыть прежде 24-го, что впрочемъ не помѣшало совершиться обрученію 26-го. Послѣ духовной церемоніи слѣдовалъ торжественный обѣдъ для первыхъ трехъ классовъ, а вечеромъ былъ камеръ-балъ, продолжавшійся не болѣе часа. Датскій посланникъ (графъ Ранцау), которому слѣдовало сидѣть за обѣдомъ противъ государя, опоздалъ къ столу цѣлымъ полчаса, такъ что за нимъ принуждены были послать нарочнаго и потомъ еще втораго. Слѣдуя церемоніалу, надлежало митрополиту, при входѣ императорской фамиліи въ столовую, прочесть краткую молитву и благословить трапезу; но вмѣсто того, по ошибкѣ распорядителя,

¹⁾ Илинскій умеръ очень скоро послѣ этого своего появленія, а именно въ февралѣ 1844-го года.

только-что государь показался въ дверяхъ, загремѣла увертюра, и митрополитъ совершилъ духовный обрядъ—при звукахъ Веберовой «Евріанты». На лицахъ новообрученныхъ сіяло счастье, но государь казался необыкновенно пасмурнымъ, и всѣ замѣтили угрюмое выраженіе его лица, которое не проявилось во весь день ни одною улыбкою. Къ балу явился и женихъ другой великой княжны, герцогъ Нассаускій. Онъ успѣлъ бы пріѣхать и ранѣе; но его нарочно остановили почевать въ Лугѣ, чтобы въ теченіе дня первое мѣсто и весь почетъ предоставить привцу Гессенскому. Послѣднему отведены были покои великой княгини Маріи Николаевны, которая переселилась на бывшую половину прусскаго короля ¹⁾. Герцогъ остановился у своего зятя, принца Ольденбургскаго.

X.

1844 годъ.

Бракосочетаніе великой княжны Александры Николаевны.—Большая эктевія съ поименованіемъ всей царской фамиліи.—Княгиня Кугушева и ея дочь.—Балъ у великой княгини Елены Павловны.—Кадетъ Порѣцкій и ложный доносъ его.—Кончина Матлева.—Игра макао и „я самъ козырь“.—Князья Гагаринъ и Долгоруковъ.—Иванъ Головинъ и Бакуинъ въ чужихъ краяхъ.—Пересмотръ правилъ о заграничныхъ паспортахъ.—Экзаменъ великаго князя Константина Николаевича.—Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ.—Два анекдота о цензурѣ.—Увольненіе графа Кавкрина и назначеніе Вронченко управляющимъ министерствомъ финансовъ

16-го января совершилось бракосочетаніе великой княжны Александры Николаевны. вмѣсто назначенныхъ по церемонаіалу 12-ти часовъ, дворъ вышелъ къ церемоніи, по случаю незначительнаго недорожья жениха, уже около половины 2-го. Государь, войдя, передъ выходомъ во внутренніе покои, спросилъ у него: «s'il était quitte de sa fièvre»; но приближенные говорили, что это было просто—разстройство желудка. Обрядъ вѣнчанія совершалъ престарѣлый, но въ то время еще бодрый силами духовникъ государя Музовскій, который нѣкогда вѣнчалъ самого его, былъ наставникомъ императрицы въ православномъ законѣ и крестилъ всѣхъ августѣйшихъ ихъ дѣтей ²⁾. Императрица,

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Прежнія комнаты императрицы Екатерины II“.

²⁾ Императоръ Александръ II замѣтилъ: „ее, кажется, вѣнчалъ духовникъ императрицы Маріи Феодоровны Кривицкій; онъ же, полагаю, крестилъ и насъ всѣхъ старшихъ. Повѣрить это легко въ придворномъ журналѣ“.

въ продолженіе вѣнчанія и молебствія, сидѣла, но не въ фонарикѣ, какъ случилось при обѣдѣ, а у праваго крылоса. Государь и наслѣдникъ цесаревичъ были въ казачьихъ кафтанахъ¹⁾, которые они обыкновенно надѣвали при такихъ парадныхъ торжествахъ. Во время церемоніи а стоялъ между членами дипломатическаго корпуса.

— Гдѣ же,—спрашивали они,—голуби, которые были пущены въ церковь, при свадьбѣ герцога Лейхтенбергскаго и которыхъ видѣлъ тогда Кюстинъ?

— Они родились и остались въ его воображеніи,—отвѣчалъ я:—вы видите, что сегодня нѣтъ ничего подобнаго, какъ не было и въ тотъ разъ, и поэтому можете судить объ основательности и прочихъ его наблюденій.

Трогательна была минута взаимныхъ, послѣ вѣнчанія, поздравленій царственной семьи, въ глазахъ представителей Россіи и цѣлой Европы; но еще гораздо трогательнѣе, по словамъ несшихъ шлейфъ камергеровъ, была другая минута предбрачнаго разставанія во внутреннихъ комнатахъ, гдѣ, кромѣ членовъ семьи, находились только эти камергеры и присутствовавшія при одѣваніи невѣсты статсъ-дамы. Государь сперва приказалъ, по народному обычаю, всѣмъ сѣсть, а потомъ, когда опять встали и каждый перекрестился, вмѣстѣ съ императрицею, въ слезахъ, благословилъ невѣсту. Особенно много,—разсказывали,—плакалъ при этомъ наслѣдникъ цесаревичъ. Въ слѣдъ за брачнымъ обрядомъ, по чиноположенію православной церкви, совершенъ былъ лютеранскій, вице-президентомъ евангелической генеральной консисторіи Пауфлеромъ, въ одной изъ залъ запасной половины—той самой, гдѣ нѣкогда бывали маленькіе балы у императрицы Маріи Феодоровны и гдѣ, послѣ ея кончины, выставлено было, до устройства парадной комнаты, ея тѣло. При вѣнчаніи по лютеранскому обряду присутствовала одна семья; и хотя двери въ залу были отворены, но въ нихъ стояли гофмаршалы съ жезлами, и такимъ образомъ не было хода для публики.

При обратномъ шествіи примѣчательнъ былъ видъ Фельдмаршалской залы, въ которой стояла многочисленная толпа купечества, русскаго и иностраннаго, съ женами въ богатыхъ національныхъ нарядахъ. Какъ во время церемоніи, такъ и за параднымъ трехкласснымъ обѣдомъ, присутствовали всѣ безъ изыятія члены императорскаго дома, большіе и малые; не явилась къ обѣду только другая невѣста, великая княжна Елисавета Михайловна, которая передъ тѣмъ ушибла себѣ затылокъ, незначительно, но такъ однако же, что понадобилось прикладывать ей ледъ, для избѣжанія синяго пятна. Въ публикѣ говорили, что ей сдѣлалось дурно, а между приближенными, видѣвшими прикла-

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: Въ „генеральскихъ мундирахъ“.

дываніе льда, «qu'elle s'était cognée contre un biveau», но относительно свойства этого «biveau» шептали другое. На вечерній балъ она явилась совершенно опять здоровая. 19-го числа совершилось и ея бракосочетаніе, съ соблюденіемъ во всемъ того же церемоніала. Въ этотъ разъ, послѣ камеръ-бала, вся царская семья, въ сопровожденіи графа Палена, какъ *garçon de pose*, отправилась въ Михайловскій дворець, гдѣ брачное торжество заключилось фамильнымъ ужиномъ. Въ день бракосочетанія, хотя и буднишній, всѣ военно-учебныя заведенія, состоявшія въ то время подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича, были распущены, а Сенатъ постановилъ опредѣленіе, что «по случаю такого-то бракосочетанія и высочайшаго повелѣнія находится при ономъ», присутствіе отмѣняется.

Въ то время какъ поименное провозглашеніе на эктеніяхъ при нашемъ церковнослуженіи всѣхъ членовъ царской семьи, по мѣрѣ увеличенія ея, становилось съ каждымъ годомъ труднѣе, императоръ Николай чрезвычайно строго наблюдалъ, чтобы придворное духовенство не дѣлало тутъ ошибокъ и выскивалъ за каждый промахъ. Однажды въ доказательство, какъ не трудно упомянуть этотъ рядъ именъ и ихъ порядокъ, онъ, въ семейномъ кругу, самъ сталъ читать многолѣтіе и все перемѣшать.

— Хорошо,—сказалъ онъ въ шутку,—что нѣтъ здѣсь Волконскаго, а то онъ этого протодіакона тотчасъ отправилъ бы на гауптвахту!

Между тѣмъ на многолѣтіи при благодарственномъ молебствіи по случаю бракосочетанія великой княжны Александры Николаевны впервые была введена перемѣна, нѣсколько сократившая длинноту эктеній, безъ измѣненія ихъ въ сущности. До тѣхъ поръ при имени каждой великой княгини и княжны повторялось порознь: «благовѣрной государыни», а съ того времени установлено произносить, передъ поименнымъ ихъ исчисленіемъ, одно общее: «благовѣрныхъ государынь». Синодальный оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ рассказывалъ мнѣ, что эта перемѣна сдѣлана была государемъ, въ поднесенномъ ему проектѣ эктеніи, собственноручно.

Княгиня Кугушева подарила дочери своей, въ замужествѣ Томилиной, часть своего имѣнія, но потомъ между ними родились взаимныя несприятности и распри, при которыхъ дочь позволила себѣ, въ бумагахъ и передъ судомъ, разныя дерзости и колкости противъ матери. Последняя стала, вслѣдствіе того, требовать обратно подареннаго имѣнія, основываясь на предписаніи закона о возвращеніи дара къ дарителю, въ случаѣ явной неблагодарности одареннаго лица. Въ Сенатѣ одни сенаторы полагали Кугушевой отказать, считая отдачу ея имѣнія дочери не даромъ, а выдѣломъ; другіе, напротивъ, и съ ними министр

юстиціи, видя тутъ одинъ даръ, подводили его подъ дѣйствіе упомяну-
таго закона. Въ Государственномъ Совѣтѣ первое мнѣніе приняли только
5 членовъ, а послѣднее 18. Меморія возвратилась отъ гесударя съ слѣ-
дующею собственноручною резолюціею: «искренно благодарю 18 чле-
новъ за правильный взглядъ на сіе постыдное дѣло. Чтѣ можетъ быть
священнѣе обязанностей дѣтей къ родителямъ и не прискорбно ли быть
должно, когда въ высшемъ сословіи оказываются подобныя примѣры
безстыдной неблагодарности и дерзости! Потому, раздѣляя въ полной
мѣрѣ мнѣніе 18-ти членовъ, нахожу сверхъ того нужнымъ велѣть при-
звать Томилину въ совѣстный судъ и, въ присутствіи губернскаго пред-
водителя и уѣздныхъ предводителей, сдѣлать отъ меня строжайшій вы-
говоръ за поступки противъ матери и потомъ отдать на годъ на по-
каяніе въ монастырь».

Въ ряду многочисленныхъ празднествъ, сопровождавшихъ обѣ свадьбы
въ императорскомъ домѣ, самымъ великолѣпнымъ и изящнымъ было,
безъ сомнѣнія, данное великою княгинею Еленою Павловною 2-го фе-
враля. Подобнаго соединенія въ одно прекрасное цѣлое всѣхъ обаяній
богатства, роскоши, изобрѣтательнаго воображенія и изящнаго вкуса
мнѣ никогда не случалось видѣть даже при нашемъ блестящемъ дворѣ,
и для достойнаго описанія этого праздника надо было бы совокупить
живопись съ поэзіею, кисть Брюлова съ перомъ Пушкина! «*Сommes-
nous encore malgré cela des barbares à vos yeux?*» спросили бы мы
у Кюстина и другихъ чужеземныхъ нашихъ порицателей, если бъ они
прогулялись съ нами по этимъ цвѣтущимъ заламъ—цвѣтущимъ и въ
прямомъ и въ переносномъ смыслѣ, потому что тутъ были цѣлыя рощи
деревьевъ, перемѣшанныхъ съ цвѣтами и всякою зеленью, во всей мо-
гучей растительности юга, и, вмѣстѣ, живой цвѣтникъ прелестнѣйшихъ
женщинъ нашего двора, и высшаго общества, еще болѣе очарователь-
ныхъ подѣ тѣми фантастическими, маскарадными и балетными костю-
мами, въ которыхъ онѣ намъ предстали.

Праздникъ начался маленькимъ пантомимнымъ балетомъ, въ кото-
ромъ мелькали, послѣдовательно, дворъ калифа Багдадскаго, Оберонъ
съ своею свитою и дворъ Карла Великаго, пока все это слялось въ
одно гармоническое цѣлое, и дѣйствовавшія лица, числомъ 190, пред-
шествуемыя огромнымъ, тоже костюмированнымъ хоромъ военной му-
зыки, обошли попарно, въ торжественномъ маршѣ, всѣ залы и лѣст-
ницу безподобнаго Михайловскаго дворца. Въ балетѣ, поставленномъ
старымъ нашимъ балетмейстеромъ Огюстомъ, такъ же, какъ и въ ше-
ствіи, участвовали всѣ великія княгини и княжны, оба младшіе ве-
ликіе князя и вся молодежь обоего пола высшаго Петербургскаго
общества, разумѣется, безъ всякой примѣси артистовъ и проч. Потомъ

всѣ, и дѣйствовавшіе въ балетѣ, и простые зрители, числомъ до 850-ти, были введены въ другую залу, гдѣ пѣвцы итальянской оперы разыграли въ совершенствѣ Россиніевскую «Сандрильону», въ компактномъ изданіи, т. е. съ выпускомъ большей части речитативовъ и нѣкоторыхъ арій, и эта зала представляла совершенно магическій эффектъ. Освѣщенная снизу до верху китайскими фонарями, развѣшенными на пальмовыхъ деревьяхъ и вѣвцахъ, и огромными фестонами изъ граненыхъ шкаликъ, вившимися по стѣнамъ и отдѣлявшими сцену отъ партера, она казалась цѣлымъ моремъ огня, а это море отражалось тысячекратно въ другомъ—безчисленныхъ брильянтахъ, разсыпанныхъ на дамскихъ и мужскихъ нарядахъ: ибо все, кажется, что нашлось въ Петербургѣ брильянтовъ, и своихъ и чужихъ, свесено было на этотъ праздникъ. Дамы, даже не участвовавшія въ балетѣ, были всѣ въ маскарадныхъ костюмахъ, мужчины, дѣйствовавшіе въ балетѣ, тоже, всѣ остальные—въ парадныхъ мундирахъ. Но въ оперной залѣ случилась непредвидѣнная бѣда, которая, не причинивъ впрочемъ настоящаго несчастья, была однакожъ большою помѣхою, въ особенности неприятною для хозяйки. Отъ нестерпимой жары и отъ собственного огня, шкалики безпрестанно лопались и какъ подъ ними не было устроено сѣтокъ, то осколки ихъ сыпались на публику. Помочь этому горю уже не было возможности, и не одинъ мундиръ, не одинъ изящный нарядъ воротился домой прожженнымъ, или по крайней мѣрѣ засаленнымъ.

Послѣ оперы начался балъ, въ тѣхъ же костюмахъ. Все кипѣло необыкновенною оживленностію и веселостію, которыя умѣла вдохнуть фениксъ-хозяйка, безпрестанно ходившая между танцовавшими и игравшими въ карты и дарившая каждому привѣтливимъ, умнымъ словомъ. Во всѣхъ концахъ дворца были устроены великолѣпные буфеты, тонувшіе въ зелени и цвѣтахъ, и адъютанты и придворные чины велико-княжескаго двора угощали гостей съ самою тонкою предупредительностію. Въ часъ (праздникъ начался въ 9-ть) подали ужинъ, при которомъ до 600 человекъ сѣло за накрытыми столами, а остальные размѣстились у буфетовъ. Главный столъ, поставленный на верхней площадкѣ лѣстницы, съ одной, незанятой стороны его былъ убранъ во всю длину, на какихъ-нибудь пять или болѣе сажень, густою стѣною луковицъ въ полномъ цвѣту. Кругомъ, на хорахъ, почти подъ крышею, гремѣли нѣсколько оркестровъ музыки и хоръ пѣвчихъ. По прочимъ площадкамъ той же лѣстницы также разставлены были длинные столы, а внизу, въ огромныхъ сѣняхъ между померанцовыми и лимонными деревьями, устроены столы круглые. Весь полъ, и на площадкахъ, и на ступеняхъ лѣстницы, и въ сѣняхъ, покрывала цвѣтная парусина, разрисованная золотомъ и серебромъ. Все было такъ ловко придумано для выигрыша мѣста, такъ великолѣпно, такъ полно вкуса, что нельзя

было оторваться отъ этого зрѣлища и въ 2 часа, когда отбытіе царской фамиліи подало сигналъ къ разѣзду, никому, при всемъ смертельномъ утомленіи, не хотѣлось разстаться съ этимъ очарованнымъ замкомъ, въ которомъ вѣфы, гномы, ундины и саламандры, съ волшебникомъ Оберономъ въ ихъ главѣ, казались не гостями а какъ бы вѣчными жителями. Хозяевамъ весь праздникъ, вмѣстѣ съ убранствомъ дворца и освѣщеніемъ, обошлася, какъ говорили, до 200 т. руб. ассигн., но чего онъ стоилъ еще гостямъ и какой вообще произвелъ денежный оборотъ въ Петербургѣ, этого исчислить было невозможно. Сама великая княгиня была залита брильянтами и одѣта съ необычайнымъ вкусомъ; но царицами маскарада, среди этого роя прелестныхъ женщинъ, являлись предводительница эльфовъ, великая княгиня Марія Николаевна, и графиня Воронцова, въ огненномъ костюмѣ саламандры, почти болѣе походившая на вакханку, чѣмъ на саламандру. Великая княгиня Александра Николаевна была въ тунисскомъ костюмѣ, а великая княжна Ольга Николаевна—Ундиною; наконецъ Марія Михайловна и Елисавета Михайловна—гномами.

Въ числѣ празднествъ, по случаю бракосочетаній въ царскомъ семействѣ, былъ данъ, 4-го февраля, парадный маскарадъ въ Зимнемъ дворцѣ, по образцу тѣхъ, которые бывали въ прежнее время постоянно въ первый день каждого новагодія, только безъ главнѣйшей и очаровательнѣйшей части, т. е. безъ ужина въ Эрмитажѣ. Передъ самымъ выходомъ царской фамиліи къ этому маскараду, явился во дворецъ кадетъ Горнаго корпуса, нѣкто Порѣцкій, котораго отецъ служилъ прежде въ корпусѣ путей сообщенія и потомъ, уже въ отставкѣ, докучалъ всемъ властямъ несбыточными проектами о колонизаціи Сибири, посредствомъ обязанныхъ крестьянъ. Кадетъ настойчиво требовалъ, чтобы его допустили къ государю, для открытія важной государственной тайны. На всѣ вопросы, сперва полиціи, а потомъ и военнаго генераль-губернатора, отвѣтъ его былъ одинъ: «не могу открыть никому, кромѣ самого государя, а отъ моей тайны зависитъ его жизнь». Наконецъ, по докладу о томъ государю, онъ пріказалъ позвать къ себѣ мальчика, и тутъ была рассказана дрянная исторія. Порѣцкій въ тотъ день нанесть на Исаакіевскомъ мосту оброненную кѣмъ-то французскую записку (самимъ ямъ послѣ тоже будто бы оброненную), въ которой говорилось о заговорѣ противъ жизни государя, и назначалось, въ послѣобѣденную пору, сходбище заговорщиковъ на Смоленскомъ полѣ (на Васильевскомъ островѣ); вслѣдствіе чего онъ, къ опредѣленному въ запискѣ часу, отправился на указанное мѣсто и, засѣвъ тамъ въ кусты, увидѣлъ человѣкъ тридцать, сговаривавшихся зажечь во время маскарада дворецъ великаго князя Михаила Павловича, а потомъ и Зимній, чтобы посреди общаго смятенія лишить жизни государя. Услышавъ это, онъ оставилъ

свою засаду, съ намѣреніемъ тотчасъ бѣжать во дворець, и хотя заговорщики, по произведенному имъ въ кустахъ шороху, бросились въ погоню и дали даже по немъ нѣсколько выстрѣловъ, однако, ему удалось спастись и—вотъ онъ тутъ, передъ лицомъ его величества, «съ вѣрно-подданинскимъ своимъ донесеніемъ». Весь этотъ рассказъ съ первой минуты показался государю чрезвычайно нескладнымъ и неправдоподобнымъ, но какъ мальчикъ, при всѣхъ возраженіяхъ, настаивалъ на своемъ, то государь, наконецъ, снялъ со стѣны образъ и велѣлъ ему присягать передъ святынею, что онъ не лжетъ. Отвѣтъ былъ тотъ же самый: «передъ Богомъ и передъ вашимъ величествомъ клянусь, что все, что я сказалъ—сушая правда». Тогда государь, позвавъ оберъ-полиціймейстера Кокошкина, приказалъ ему строжайше изслѣдовать дѣло, а самъ вышелъ къ собравшейся на маскарадъ публикѣ. Кокошкинъ въ ту же минуту отправился вмѣстѣ съ Порѣцкимъ на Смоленское поле; но здѣсь послѣдній не умѣлъ въ точности указать мѣста, на которомъ будто бы онъ скрывался, ближайшій будочникъ объявилъ, что не слышалъ никакихъ выстрѣловъ и, наконецъ, доносчикъ, совсѣмъ запутавшись въ отвѣтахъ, долженъ былъ сознаться, что весь его извѣтъ былъ чистымъ вымысломъ. Ему надоѣло учиться, и хотѣлось проложить себѣ кратчайшій путь къ карьерѣ, сдѣлавшись лично извѣстнымъ государю, черезъ такое важное открытіе.

А государь, между тѣмъ, не зная еще ничего о послѣдствіяхъ розысканія и имѣя въ виду только клятвенныя увѣренія преступнаго шалуна, спокойно прохаживался среди толпы... Всѣ эти подробности я слышалъ тогда же отъ самого Кокошкина.

Въ половинѣ февраля петербургскій большой свѣтъ, среди множества смертныхъ случаевъ, отъ господствовавшего въ то время сухого и постоянного холода, лишился внезапно и одного доморощеннаго поэта, творца «Сенсанцій г-жи Курдюковой», «Фонариковъ-судариковъ», «Новый годъ», «Коммеражей» и множества другихъ мелкихъ сатирическихъ и юмористическихъ пьесъ. Смерть Ивана Петровича, или по свѣтскому его прозванію Ишки, Мятлева была какимъ-то грознымъ предостереженіемъ, которое, впрочемъ, потрясъ наше высшее общество на нѣсколько дней, скоро опять пропало на этой сухой, безпамятной и себялюбивой почвѣ. За десять дней передъ тѣмъ видѣли Мятлева въ роли рыцаря Шерозмина на праздникѣ великой княгини Елены Павловны; въ слѣдующій вечеръ онъ самъ давалъ роскошный балъ, на которомъ присутствовалъ и государь; 12-го числа всѣ еще видѣли его несшимся на лихомъ рысакѣ по Невскому проспекту, а 13-го, передъ обѣдомъ, его уже не стало. Онъ умеръ отъ повторившейся черезъ нѣсколько часовъ апоплексіи, въ ту самую минуту, какъ ему прикладывали шпанскую мушку и какъ онъ, шутя, говорилъ своему камердинеру: «ты,

вѣрно, давича подумалъ, что я умру: нѣтъ, братецъ, мнѣ хочется еще долго пожить на свѣтѣ». И надо прибавить, что, точно, въ цѣломъ Петербургѣ не было человѣка болѣе «*lebensfroh*» и «*lebenslustig*», до такой степени, что не проходило ни одного бала, даже дѣтскаго, на которомъ онъ, несмотря на свои 48 лѣтъ, не плясалъ бы до упаду, наравнѣ съ самыми молодыми людьми. Карьеры его, литературная и свѣтская, были совершенно своеобразныя и въ этомъ смыслѣ онъ представлялъ лицо типическое, котораго лѣтописецъ общественной жизни въ царствованіе императора Николая не можетъ пропустить въ своей галлерей. Въ литературномъ отношеніи славѣ его, какъ и тогда можно было предвидѣть, но было суждено долговѣчности, хотя онъ лишь за нѣсколько недѣль до смерти издалъ еще вторую часть своихъ «Сенсаций г-жи Курдюковой» и даже пустилъ ихъ по цѣлой Европѣ, раздаривъ экземпляры всѣмъ лицамъ свиты обоихъ молодыхъ въ царской нашей семьѣ, безъ заботы о томъ, что они поймутъ въ русскихъ его стихахъ. Всѣ его произведенія имѣли нѣкоторое достоинство только тогда, когда онъ самъ ихъ читалъ, а на это дѣло Мятлевъ былъ и мастеръ и охотникъ. Въ обществѣ онъ умѣлъ поставить себя въ исключительное положеніе. Обладая огромнымъ состояніемъ, живя уже нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ (на службѣ онъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и камергеромъ), онъ окружилъ себя ореоломъ «свѣтскаго поэта» и остряка, которому, ради поэтическаго вдохновенія, или остраго слова, прощалось многое, что не сошло бы съ рукъ простому смертному. Мятлевъ и въ свитѣ, и при дворѣ, наконецъ, и съ самимъ государемъ, разыгрывалъ, въ облагороженномъ родѣ, роль старинныхъ нашихъ шутовъ, надъ которыми, когда они говорили правду, даже иногда и самую колючую, только смѣялись. Гоняясь безпрестанно за остротами, онъ, разумѣется, временами и находилъ ихъ, хотя часто выдавалъ за импровизацію придуманное имъ на досугѣ, въ своемъ кабинетѣ, хотя каламбуры и насмѣшки его выходили почти всегда грязными и нерѣдко площадными. Не довольствуясь изустнымъ высказываніемъ разныхъ злобныхъ диатрибъ на счетъ современныхъ событій и лицъ, даже и вообще администраціи, онъ часто клалъ ихъ и на бумагу, все въ томъ же тонѣ, простодушной и болѣе «паяснической» насмѣшки. Эти эпиграммы, грѣшившія, однако, всегда растянутостію, читались имъ безстрашно въ самыхъ многолюдныхъ салонахъ и почти даже въ переднихъ, потому что онъ былъ очень неразборчивъ въ качествѣ слушателей, лишь бы имѣть ихъ. Потомъ онѣ переписывались во множествѣ экземпляровъ, разлетавшихся и далѣе Петербурга. Въ этомъ смыслѣ онъ представлялъ нѣчто въ родѣ римскихъ Мархурія или Пасквина, съ тою, однако, разностію, что нашъ Ишка былъ не статуею, а очень живымъ человѣкомъ и все-таки осторожнѣе своихъ италіанскихъ ориги-

назовъ, потому что до особы государя, напримѣръ, никогда не прикасался и вообще въ стихахъ своихъ не называлъ по именамъ никого изъ лицъ, выводимыхъ имъ на сцену. Въ этомъ собственно отношеніи, т. е. какъ острый и колкій эпиграмматистъ всей современности, Мятлевъ оставилъ большой пробѣлъ въ высшемъ нашемъ обществѣ, котораго онъ былъ необходимымъ звеномъ, нѣсколько оживлявшимъ прозаическое его однообразіе.

Въ зиму съ 1843 на 1844 годъ государь всякій почти вечеръ, по окончаніи своихъ занятій, игралъ въ макао, большею частію съ приближенными ко двору молодыми людьми: генералами княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ и княземъ Суворовымъ, шталмейстеромъ наслѣдника цесаревича Толстымъ и пр. Разъ случился тутъ и оберъ-шенкъ Рибошьеръ, человекъ домашній во дворцѣ.

— Хорошо,—замѣтилъ онъ,—что вашего величества не видать за этою игрою Кавелинъ (военный генералъ-губернаторъ) или Бенкендорфъ.

— Отчего же?

— Да вѣдь макао запрещенная азартная игра.

— Почему она считается азартною?

— Потому что безкозырная.

— Ну это еще не бѣда, я—самъ козырь!

Такъ какъ государь никогда не носилъ при себѣ денегъ, то проигрывшъ его разсылался по принадлежности на другой день, при напечатанныхъ по однообразной формѣ запискахъ министра императорскаго двора князя Волконскаго.

Въ дворянской грамотѣ Екатерины II-й сказано было (ст. 19-я): «Подтверждаемъ благороднымъ дозволеніе вступать въ службы прочихъ европейскихъ, намъ союзныхъ державъ, и выѣзжать въ чужіе края». Въ 1798 году Павелъ I-й, при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ на западѣ, ограничилъ выѣздъ русскихъ подданныхъ за границу, приказавъ, сперва (іюня 6-го), выдавать паспорта на такой выѣздъ не иначе, какъ по предварительному ему о томъ докладу, а потомъ (22-го іюня), при выдачѣ сихъ паспортовъ объявлять получателямъ, что «уже они обратно впущены не будутъ». Александръ I-й, немедленно по вступленіи на престолъ, уничтожилъ всѣ эти преграды, повелѣвъ (22-го марта 1801 г.) ѣдущихъ за границу пропускать на основаніи прежнихъ узаконеній. Затѣмъ въ царствованіе императора Николая, хотя прямого запрещенія выѣзжать изъ Россіи не послѣдовало, но, послѣ французской и бельгійской революціи 1830 года, повлекшей за собою польскую, заграничныя поѣздки вновь подвергнуты были весьма важнымъ ограниченіямъ. Прежде всего постановлено (18-го фе-

враля 1831 г.), что русское юношество отъ 10-ти до 18-ти лѣтъ должно быть воспитываемо всегда въ Россіи, подъ лишеніемъ, въ противномъ случаѣ, права вступать въ службу. Потомъ (17-го апрѣля 1834 г.) срокъ дозволеннаго пребыванія русскихъ подданныхъ въ чужихъ краяхъ ограниченъ для дворянъ пятью, а для лицъ прочихъ состояній тремя годами, съ опредѣленіемъ, за просрочку, важныхъ политическихъ и гражданскихъ лишеній. Далѣе (10-го іюля 1840 г.) установлена значительная пошлина съ заграничныхъ паспортовъ. Наконецъ, указомъ 15-го марта 1844 г., эта пошлина еще возвышена, и положены новыя стѣсненія п въ лѣтахъ выѣзжающихъ, и въ обрядѣ выдачи паспортовъ. Сверхъ общаго нерасположенія императора Николая къ пребыванію русскихъ, наиболѣе же молодыхъ людей, за границею, непосредственнымъ поводомъ къ послѣдному постановленію послужило и нѣсколько особенныхъ случаевъ. Служившій при нашей миссіи въ Парижѣ князь Гагаринъ, молодой человекъ, даровитый и трудолюбивый, вдругъ вздумалъ, отказавшись отъ всѣхъ служебныхъ видовъ и отъ надеждъ на значительное наслѣдство, перейти въ римско-католическую вѣру и поступить на послушаніе въ одинъ іезуитскій монастырь въ Бельгіи, чтобы потомъ ѣхать въ духовную миссію. Два другихъ молодыхъ человека: князь Петръ Долгоруковъ и Иванъ Головинъ, кончившій курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, но, впрочемъ, человекъ пустой, живя также въ Парижѣ, издали тамъ двѣ брошюры: первый, подъ псевдонимомъ «графа Альмагро», биографическую исторію русскихъ дворянскихъ родовъ, послѣдній, подъ анонимомъ «un Russe» — разсужденіе о политической экономіи. Долгоруковъ, представивъ съ своей точки образъ избранія на русскій престолъ дома Романовыхъ, откровенно разсказалъ происхожденіе и домашнія тайны нѣкоторыхъ высшихъ нашихъ фамилій, а Головинъ коснулся критически положенія крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Обѣ книги вызвали неудовольствіе нашего правительства, и авторы ихъ были потребованы восвося. Долгорукова, немедленно явившагося по этому вызову, отправили на службу въ Вятку¹⁾; но Головинъ уклонился отъ возвращенія, сперва подъ предлогомъ болѣзни, а потомъ безъ всякаго уже предлога, написавъ дерзкій отвѣтъ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ; за что, въ одинъ день съ упомянутымъ выше постановленіемъ 15-го марта, данъ былъ указъ Сенату о преданіи его законному взысканію²⁾. Наконецъ, нѣкто Бакунинъ, мо-

¹⁾ Долгоруковъ, извѣстный въ свѣтѣ подъ соборикомъ „le bancal“, бывъ потомъ выпущенъ въ отставку, бросилъ свои прежнія идеи и издалъ обширное и благонамѣренное сочиненіе подъ заглавіемъ: „Россійская родословная книга“.

²⁾ Бывъ впоследствии лишенъ по суду правъ русскаго подданства, съ обращеніемъ его имени къ наслѣдникамъ, Головинъ считался попеременно

лодой человекъ, хорошей фамилиі, котораго дядя былъ сенаторъ, явно присталъ въ Парижѣ къ коммунистамъ и также отказался возвратиться въ Россію. Все это вмѣстѣ побудило государя учредить особый комитетъ, изъ графа Нессельрода, графа Бенкендорфа и Перовскаго, для пересмотра правилъ о заграничныхъ паспортахъ, и вслѣдствіе совѣщаній сего комитета или, лучше сказать, объявленной ему высочайшей воли, явилось постановленіе 15-го марта 1844 года. Не нужно прибавлять, какое прискорбное впечатлѣніе оно произвело въ публикѣ, тѣмъ болѣе, что для множества лицъ, по цѣнѣ паспортовъ и другимъ условіямъ, равнялось совершенному запрещенію выѣзда за границу. Многіе сперва не хотѣли совсѣмъ вѣрить его изданію, и въ Петербургѣ разнесся даже слухъ, что громкіе толки и пересуды побудили правительство взять новый законъ назадъ. Но онъ былъ скорѣе напечатанъ во всѣхъ газетахъ, чѣмъ и прекратились ложныя ожиданія, казавшіяся вѣроподобными лишь для не знавшихъ близко характеръ императора Николая.

Въ началѣ весны 1844 года былъ экзаменъ великаго князя Константина Николаевича, продолжавшійся нѣсколько недѣль сряду, въ присутствіи, попеременно и по роду наукъ, князя Меншикова, графа Блудова, адмирала Грейга и нѣкоторыхъ другихъ, преимущественно военныхъ и морскихъ чиновъ, а при испытаніяхъ во всѣхъ важнѣйшихъ предметахъ—и самого государя. На экзаменѣ изъ русской исторіи, когда зашла рѣчь объ Александрѣ Даниловичѣ Меншиковѣ и великій князь отвѣчалъ, что онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ сподвижниковъ Петра Великаго, государь вскричалъ: «Какъ? такъ развѣ ты не знаешь, что онъ былъ обманщикъ, который обкрадывалъ и своего царя, и отечество!» (Потомка Меншикова при этомъ не было). Вопросы коснулись также участи и кончины несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, и великій князь рассказалъ эти событія въ томъ видѣ, какъ они представляются обыкновенно въ нашихъ учебникахъ.

— Такъ,—сказалъ государь,—такъ и надо преподавать эти предметы; но намъ должно знать наши фамильныя дѣла въ истинномъ ихъ видѣ. Обратись на этотъ счетъ къ Блудову, и онъ расскажетъ тебѣ правду.

во Франціи, Англіи и Италіи, и добывалъ себѣ насущный хлѣбъ множествомъ болѣе или менѣе злобныхъ памфлетовъ противъ русскаго правительства и всего русскаго. Книжки эти, теперь давно полузабытыя, въ то время покупались и читались съ жадностью и даже переводились на всѣ языки, именно оттого, что творцомъ ихъ былъ русскій эмигрантъ, котораго партія красныхъ и вообще ненавистниковъ Россіи провозглашала мученикомъ святаго дѣла.

Въ рукахъ графа Блудова, въ числѣ историческихъ бумагъ и документовъ, которые обыкновенно передавалъ ему императоръ Николай, лишь только они гдѣ-либо были вновь открываемы, находились и полные акты этого таинственнаго процесса, сданные потомъ, для храненія, въ государственный архивъ.

Въ мартѣ умеръ въ Парижѣ, послѣ продолжительной хронической болѣзни, князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ, одинъ изъ немногихъ вельможъ прежняго времени, которыхъ настоящее уже не производитъ. Прослуживъ до генераль-лейтенантскаго чина въ Конногвардейскомъ полку, участвовавъ съ честью и отличіемъ во всѣхъ войнахъ, начиная съ польской 1794 года, Голицынъ окончилъ военное свое поприще въ званіи командира 2-го пѣхотнаго корпуса и съ этого поста былъ назначенъ, 6-го января 1820 года, московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, которымъ оставался почти четверть вѣка. Въ царствованіе императора Николая онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Андрея (25-го декабря 1825 года), алмазными знаками къ этому ордену (въ 1830 г.), вензелевымъ изображеніемъ имени его величества на эполеты (въ 1831 г.) и украшеннымъ алмазами портретомъ государя, для ношенія въ петлицѣ. Наконецъ, въ 1841 году (въ день бракосочетанія наследника цесаревича) ему присвоенъ былъ, потомственно, титулъ свѣтлости, «въ доказательство, — какъ говорилъ рескриптъ, — постоянного къ нему благоволенія и совершенной признательности за долговременное, всегда полезное служеніе его престолу и отечеству, ознаменованное подвигами отличнаго мужества и храбрости во время войны и многими опытами пламеннаго усердія и примѣрной попечительности на пользу и благоустройство первопрестольной столицы въ продолженіе двадцати-четырехъ-лѣтняго управленія ею ¹⁾ въ званіи главнаго начальника».

Москва, дѣйствительно, многимъ обязана была Голицыну. Онъ возстановилъ и украсилъ ее послѣ пожара и бѣдствій 1812 года, и въ шумливой «первопрестольной» столицѣ нашей, этомъ пепелищѣ остатковъ стариннаго боярства, смѣшанныхъ съ недоварившимися новыми идеями Запада и ученіями славянофильства, умѣлъ всегда охранить, по крайней мѣрѣ, внѣшній миръ и тишину. Сверхъ того, онъ охотно становился во главѣ всякаго добраго тамъ предпріятія и всякаго полезнаго начинанія. Если въ другихъ отношеніяхъ долговременное управленіе его не ознаменовалось существеннѣйшими послѣдствіями, то потому лишь, что никто не можетъ идти далѣе круга и объема своихъ способностей. Какъ

¹⁾ Здѣсь редакторъ рескрипта впалъ въ странную ошибку. Въ 1841 году минуло со времени назначенія Голицына въ Москву только 21 годъ.

Воронцовъ былъ менѣе русскій, нежели англичанинъ, такъ Голицынъ, получившій свое образованіе во Франціи, воспитанникъ старинной французской школы, со всѣми ея фразами и общими мѣстами, худо даже знавшій нашъ языкъ, былъ болѣе французъ, нежели русскій; при всемъ горячемъ патріотизмѣ, мало знакомый съ дѣлами и мало ими занимавшійся, не всегда счастливый въ выборѣ людей и окруженный всякими пронырами, либераль болѣе на словахъ, а въ существѣ приверженецъ всѣхъ предразсудковъ и повѣрій высшей касты, онъ не въ силахъ былъ произвести ничего великаго, монументальнаго. Прекрасной наружности до конца дней, съ пріятными, хотя нѣсколько надменными формами, съ утонченнымъ тономъ самаго высшаго общества, доступный всякому, хотя и не всегда съ пользою для просителя, Голицынъ былъ очень любимъ въ Москвѣ, хотя больше по старой привычкѣ, по преданію, тою безотчетною любовью, которую русскій человѣкъ исповѣдуетъ къ мѣсту начальствующаго, независимо отъ качествъ лица, лишь бы это былъ не тиранъ или не пошлый глупецъ. Подъ конецъ своихъ дней, Голицынъ, къ сожалѣнію, много уронилъ себя во мнѣніи и Москвы и вообще всей публики, черезъ любовную связь съ одною замужнею женщиною, которую онъ взялъ даже съ собою за границу, поѣхавъ туда лечиться, но которая умерла на самыхъ первыхъ порахъ ихъ путешествія еще въ Берлинѣ. Онъ былъ женатъ на родной сестрѣ князя Васильчикова, одной изъ добродѣтельнѣйшихъ женщинъ своего времени, сошедшей въ гробъ нѣсколькими годами прежде него.

Послѣ смерти князя газеты наши наполнились, какъ и должно было предвидѣть, «похвальными ему словами». Въ одной появилась подробная біографія, съ исчисленіемъ даже всѣхъ его предковъ и родственниковъ; въ другой—исторія «незабвенныхъ» его подвиговъ на пользу московской столицы; въ третьей былъ напечатанъ плачъ этой столицы о «великомъ» ея градоначальникѣ, и такъ далѣе; во всѣхъ въ этомъ достойномъ, но отнюдь еще не великомъ сановникѣ, видѣли и восхваляли какого-то баснословнаго героя, не имѣвшаго, казалось, ни одного порока, ни одного недостатка, даже ни одной слабости. Извѣстное «*de mortuis nihil aut bene*» было тутъ приложено уже въ слишкомъ преувеличенныхъ размѣрахъ. Между тѣмъ, современники умрутъ, преданія исчезнутъ, въ исторію перейдутъ одни возгласы газетныхъ статей, и Голицынъ станетъ въ ней нѣкогда на-ряду съ полумифическими знаменитостями екатерининскаго вѣка, занявшими свое историческое мѣсто, можетъ быть, подобнымъ же образомъ. Замѣчательно, что покойный князь, хотя онъ при жизни своей былъ очень равнодушенъ къ религіознымъ вѣрованіямъ, смертію своею наиболѣе обладѣтельствовалъ—духовенство! Москва, вообще охотница молиться, разорилась на панихиды по немъ. Онъ былъ: отъ имени всѣхъ сословій—въ Чудовомъ монастырѣ; отъ чи-

новниковъ генераль-губернаторской канцеляріи — въ Донскомъ; отъ московскихъ литераторовъ—тамъ же и при томъ въ четвергъ, какъ день, въ который бывали у князя литературные вечера; отъ градскаго общества—въ церкви содержимаго имъ мѣщанскаго училища (съ «поминальнымъ» обѣдомъ на 250 человекъ). Сверхъ того, было множество частныхъ панихидъ; напримѣръ, въ городской больницѣ и въ другихъ заведеніяхъ, основанныхъ въ управленіе князя, и положено еще производить поминовеніе, въ продолженіе шести недѣль, отъ купечества въ сорока и отъ мѣщанства въ двѣнадцать церквахъ столицы! Купеческое общество, которое въ 1830 году, по прекращеніи въ Москвѣ холеры, поднесло князю мраморный его бюстъ, послѣ его смерти заказало его портретъ для залы своихъ собраній, чему послѣдовало и мѣщанское общество, сложившее сверхъ того, при этомъ случаѣ, съ бѣднѣйшихъ своихъ членовъ три тысячи рублей серебромъ подушной недоимки. Наконецъ, «въ память усопшаго» появились въ Москвѣ не только стихотворенія, но и эмальированные траурные перстни и кольца. Притворный голосъ массы всегда сильнѣе и громче частной искренности. Въ массѣ Москва рыдала, какъ бы потеряла любимаго отца и настала послѣдній ея день, а на вопросъ каждому порознь слышался нервѣдко отвѣтъ: «Дай Богъ, чтобы при новомъ было лучше, а пора уже было!..»

17-го мая тѣло покойнаго было ввезено въ Москву, а 19-го погребено внутри церкви Донскаго монастыря, по особенному, высочайше утвержденному, церемоніалу. Для поставленія къ тѣлу часовыхъ, по приказанію государя, отправлена была изъ Петербурга, на почтовыхъ, команда съ офицеромъ отъ Орденскаго кирасирскаго полка, котораго покойный былъ шефомъ.

Цензура есть, несомнѣнно, вещь столько же необходимая и благотворная въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ, сколько съ другой стороны трудная, деликатная и требующая въ цензорѣ высшаго образованія, въ особенности же высшаго такта, чтобы избѣжать всякой неслѣпой крайности. Въ царствованіе императора Николая цензура часто и много грѣшила, то пропуская статьи съ самымъ дурнымъ и опаснымъ направленіемъ, то впадая именно въ сказанныя крайности. Вотъ два безподобные анекдота, относящіеся къ дѣйствіямъ ея въ 1844 году. 1) Въ Парижѣ обанкротился одинъ банкирскій домъ, въ которомъ лишились значительныхъ суммъ пѣвецъ Тамбурины и папа. Въ переводѣ статей о томъ изъ иностранныхъ газетъ, цензура зачеркнула папу, найдя неприличнымъ ставить имя главы римско-католической церкви на-ряду съ опернымъ артистомъ. 2) Въ газетахъ нашихъ, при объявленіи о любскомъ пароходствѣ на 1844 годъ, возвѣщено было, что пароходъ «Николай» отправится въ третью субботу мая мѣсяца, «Александра» — во

вторую и «Наслѣдникъ»—въ первую. «Отчего же,—спрашивали многіе,—такъ измѣненъ тутъ естественный порядокъ и говорится о времени отправления третьяго парохода прежде втораго, а втораго прежде перваго?» Оттого, что цензура не допустила назвать наслѣдника прежде императрицы и императрицу прежде государя!!

Неотступныя настоянія графа Канкринна и совершенный упадокъ его силъ рѣшили, наконецъ, императора Николая отпустить его на покой. Указомъ 1-го мая 1844 года онъ «по неоднократнымъ его просьбамъ» былъ уволенъ отъ званія министра финансовъ, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и прія особѣ его величества, а другимъ указомъ, того же числа, повелѣно товарищу его Вронченко быть «статсъ-секретаремъ, управляющимъ министерствомъ финансовъ». Такимъ образомъ, одинъ изъ первыхъ и замѣчательнѣйшихъ дѣятелей нашей эпохи сошелъ съ политическаго поприща, а мѣсто его заступилъ, вопреки всѣмъ предвидѣніямъ и, конечно, своимъ собственнымъ, такой человекъ, которому, какъ по крайней мѣрѣ многіе въ то время думали, надлежало бы, по дарованіямъ, образу жизни, формамъ и самому даже нравственному поведенію, окончить свой вѣкъ во второстепенномъ разрядѣ подчиненныхъ должностей. Но почему же,—спрашивали тѣ же недовольные,—если ужъ Вронченко окончателно назначенъ на мѣсто уволеннаго Канкринна, не назвали его прямо министромъ финансовъ? Этому, кажется, былъ причиною самъ Вронченко, который, къ чести его должно сказать, продолжалъ постоянно уклоняться отъ принятія на себя званія министра. Государь успокоивалъ его тѣмъ, что онъ и впредь останется товарищемъ, только у другаго министра, которымъ будетъ самъ государь.

Канкрину пожалованъ былъ, на прощанье, рескриптъ, и онъ вслѣдъ за тѣмъ уѣхалъ въ чужіе края. Въ публикѣ всѣ единодушно сожалѣли о добромъ старикѣ, боясь, что не долго ждать до того времени, когда придется сожалѣть въ немъ и гениальнаго министра, и что преемникъ его скоро приблизитъ наступленіе этой эпохи. Канкринъ 21 годъ управлялъ русскими финансами и вынесъ на своихъ могучихъ плечахъ бремя нѣсколькихъ тяжкихъ войнъ, нѣсколькихъ повсемѣстныхъ неурожаевъ, холеры, въ первомъ появленіи ея столь паразитально-ужасной, и разныхъ другихъ народныхъ бѣдствій. Ближайшая характеристика его находится въ сочиненіи моемъ «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ»¹⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ)

¹⁾ См. „Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества“, т. 93.

Бъ біографіи А. В. Суворова.

Собственнооруччая замѣтка князя Ивана Романовича Горчакова въ календарь 1780 года ¹⁾.

Генваря 1-го числа. Предъ свѣтомъ шуринъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, съ Петромъ Ивановичемъ Турчаниновымъ пріѣхали ко мнѣ изъ Петербурга и жили у меня для примиренія Александра Васильевича съ женою.

Варвара Ивановна ²⁾ Турчаниновымъ привезена ко мнѣ въ домъ того же дня пополудни, а 21-го числа пріѣхалъ кронштадтскій протопоу съ женою для увѣщанія ихъ и онъ съ ними поѣхалъ; а они всѣ 24-го числа повечерь: Турчаниновъ въ Петербургъ, а Суворовъ съ женою, съ протопопомъ и нѣмкою Бетхеръ—въ Астрахань.

Сообщилъ М. Губертъ.

¹⁾ Князь И. Р. Горчаковъ былъ женатъ на сестрѣ Суворова, Аннѣ Васильевнѣ.

²⁾ Супруга А. В. Суворова, урожденная княжна Прозорова.

Очеркъ исторіи студенческихъ общежитій въ Западной Европѣ и у насъ ¹⁾.

Нопечительный совѣтъ общежитія имени Императора Николая II возложилъ на меня лестную обязанность привѣтствовать небольшою рѣчью, какъ учредителей общежитія, такъ и гостей, почтившихъ его открытіе своимъ присутствіемъ. Я недостаточно знакомъ съ техникой дѣла, чтобы прибавить къ цифрамъ только-что прочитаннаго отчета рельефныя подробности. Я не считаю нужнымъ говорить о тѣхъ высокихъ дѣлахъ, къ которымъ стремились великодушные жертвователи и устроители, такъ какъ въ общемъ онѣ достаточно ясно выражены въ томъ же отчетѣ. Я не беру на себя смѣлости пророчествовать, когда и насколько осуществляются эти свѣтлыя надежды. Но въ качествѣ историка литературы, ходъ которой, какъ вы знаете, въ новой Европѣ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ развитіемъ и упорядоченіемъ высшихъ научныхъ центровъ, т. е. университетовъ, я позволяю себѣ занять на полчаса ваше вниманіе исторической справкой о томъ, какъ образовались и каковы были студенческія общежитія въ Западной Европѣ, а также и о томъ, какую форму имѣли они и какую роль сыиграли они въ исторіи нашего Московскаго университета.

Извѣстно, что однимъ изъ первыхъ по времени и первымъ въ продолженіе ряда столѣтій по значенію былъ университетъ Парижскій, который еще въ началѣ XII вѣка славился по всей Европѣ въ особенности преподаваніемъ такъ называемыхъ семи свободныхъ искусствъ и богословія, и по образцу котораго формировались впоследствии осталь-

¹⁾ Читано 19-го сентября 1899 г. при открытіи студенческаго общежитія имени Императора Николая II въ Москвѣ.

ные университеты Европы. Строго говоря, онъ въ то время еще не былъ университетомъ, т. е. самостоятельной ученой общиной, національнымъ учрежденіемъ, зависѣвшимъ не отъ мѣстной, а отъ центральной власти; пока — это было только собраніе отдѣльныхъ школъ, въ которыя легко допускали всѣхъ желающихъ. Но въ концѣ XII в. многочисленные учителя этихъ школъ составили четыре корпораціи по факультетамъ, а всѣ онѣ вмѣстѣ съ учащимися, которые, по мѣсту происхожденія, дѣлились на такъ называемыя четыре націи: галльскую, пикардійскую, нормандскую и англійскую, получили рядъ привилегій какъ отъ королей, такъ и отъ папы; папа освободилъ ихъ отъ власти соборнаго канцлера, а короли — отъ свѣтской юрисдикціи.

Въ XIII вѣкѣ пришлыхъ студентовъ въ Парижѣ было такъ много, что всѣмъ извѣстный Латинскій кварталъ дѣйствительно составлялъ тогда кварталъ, т. е. 4-ую часть города, гдѣ всѣ жители, включая сюда и торговцевъ и прачекъ, по неволѣ, худо ли, хорошо ли, говорили по-латыни, такъ какъ это былъ не только языкъ преподаванія, но и обще-студенческой языкъ, съ помощью котораго и нѣмецъ, и чехъ, и испанецъ, и англичанинъ могли понимать другъ друга.

Студентамъ, которые являлись въ Парижъ съ туго набитымъ кошелекомъ, жилось тамъ привольно и весело. Къ ихъ услугамъ были всѣ удовольствія столицы. Ихъ выборный ректоръ, прокураторы націй и могущественная коллегія магистровъ, которую папа называлъ главной опорой церкви въ борьбѣ съ ересями, въ силу корпоративнаго духа заступались за нихъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда студенты были явно виноваты, и заступничество это было настолько вліятельно, что передъ ихъ общими рѣшеніемъ преклонялись даже самые упорные и энергичные короли французскіе. Можно сказать, что средневѣковой студентъ не зналъ надъ собой никакой власти кромѣ власти общины, то в а р и щ е й, такъ какъ между профессоромъ и студентомъ строгаго разграниченія не было: полноправный членъ университетской коллегіи, магистръ свободныхъ искусствъ бывалъ обыкновенно студентомъ одного изъ специальныхъ факультетовъ.

Оттого студенты и не спѣшили кончать курса, и выше оставались въ университетѣ десятки лѣтъ. Бывали даже такіе случаи: положимъ, состоятельный нѣмецъ изъ горожанъ-патрициевъ, получивъ ученую степень на факультетѣ свободныхъ искусствъ въ Парижѣ, возвращается къ себѣ на родину, гдѣ въ силу своей учености пользуется всеобщимъ уваженіемъ и занимаетъ видныя должности, женится и рождаетъ дѣтей, а лѣтъ черезъ 15—20, овдовѣвъ, онъ снова вмѣстѣ съ своими сыновьями ѣдетъ въ Парижъ и снова записывается въ студенты.

Но бѣднякамъ студентамъ жилось подѣ часъ настолько плохо, что они погибали сотнями, а покидали университетъ, ничему не научив-

пись, тысячами, и только при особомъ счастіи или при необыкновенныхъ способностяхъ удавалось имъ, какъ говорится, выбраться въ люди.

Является въ Парижъ такой юноша съ тощей котомкой за плечами; онъ уже овладѣлъ латынью (что при тогдашнемъ методѣ обученія требовало почти десятка лѣтъ) и искренно желаетъ учиться; но у него нѣтъ ни средствъ, ни состоятельныхъ родственниковъ. Прежде всего онъ отыскиваетъ своихъ земляковъ, и тѣ помогаютъ ему какъ-нибудь пристроиться на первое время: даютъ указанія и, пожалуй, немного денегъ, чтобы не умереть съ голоду и записаться на необходимѣйшія лекціи; но потомъ онъ предоставляется самому себѣ. И ему приходится или поступать въ лакеи къ богатому студенту или перебиваться то случайнымъ грошевымъ заработкомъ, то просто милостыней. Многіе изъ такихъ студентовъ буквально не имѣли, гдѣ преклонить голову, и ночевали въ лучшемъ случаѣ въ нетопленной аудиторіи, а въ худшемъ—подъ заборомъ. До занятій ли тутъ?!

Въ XIII в. для такихъ бѣдняковъ добрые люди начинаютъ основывать коллегіи, т. е. общежитія, гдѣ студентъ бесплатно получалъ жилище и столъ, и одежду, и даже преподавателей, часто изъ лучшихъ и наиболее дорогихъ. Къ концу XIV столѣтія такихъ коллегій насчитываютъ въ Парижѣ около 50, при чемъ большая часть ихъ предназначалась для богослововъ, стало быть, для будущихъ священниковъ. Вотъ почему основаніе такой коллегіи или пожертвованіе на нее считалось дѣломъ настолько же богоугоднымъ, какъ и пожертвованіе на церковь или на монастырь. Въ виду тѣхъ удобствъ, которыя предоставлялись общежитіями для занятій студентовъ, многіе состоятельные молодые люди стали добиваться права поступленія туда за плату, черезъ что усиливались денежные средства коллегій. Въ то же время болѣе промышленные учителя свободныхъ искусствъ начали открывать такъ называемыя педагогіи, куда принимали за хорошее годовое вознагражденіе 12—14 лѣтнихъ отроковъ, которые тамъ получали опять таки полное содержаніе и начальное обученіе. Жертвователи устраивали и въ лучшихъ изъ этихъ педагогій стипендіи для способныхъ бѣдняковъ. Скоро дѣло дошло до того, что общество и сами профессора стали смотрѣть на студентовъ, живущихъ на частныхъ квартирахъ, какъ на худшую, наиболее безпokoйную и наименѣе работающую часть студенчества, что видно и изъ тѣхъ прозвищъ, которыя давали имъ (во Франціи ихъ называли стрижаміа, а въ Германіи—дикими студентами). Конечно, и изъ нихъ иногда выходили талантливые ученые и полезные общественные дѣятели, но въ видѣ исключенія, да и они часто къ концу своей студенческой карьеры приписывались къ какой-нибудь коллегіи. Такимъ образомъ постепенно реформировался

быть значительной части студенчества, которое теперь получило возможность и за деньги и даже безъ денегъ вести жизнь вполне правильную и всецѣло отдаваться ученію. Это обстоятельство послужило одной изъ причинъ усиленія общественнаго интереса къ наукѣ, которое замѣчается повсемѣстно уже въ самомъ началѣ XV вѣка. Теперь безъ университетскаго диплома стало затруднительно полученіе какой бы то ни было отвѣтственной должности (разумѣется, кромѣ военной). Къ сожалѣнію, погоня за дипломами скоро уронила и средневѣковые университеты вообще и въ частности коллегіи, гдѣ искусные преподаватели съ одной стороны и суровый режимъ съ другой способствовали наискорѣйшему приготовленію студентовъ къ экзаменамъ. Устремившись всецѣло къ достиженію этой практической цѣли, коллегіи къ концу XV вѣка стали грубѣть и отставать отъ имѣнншихся требованій лучшей части тогдашняго общества.

Въ 1496 г. въ одну изъ старѣйшихъ парижскихъ коллегій Монтегю или De monte acuto, какъ ее называли латинисты, попалъ молодой голландскій монахъ, которому вскорѣ предстояло наполнить славою своего имени весь тогдашній образованный міръ. Это былъ Деиздерій Эразмъ Роттердамскій, только что вырвавшійся изъ стѣнъ монастыря, гдѣ старшая братія вовсе не поощряла его литературныхъ трудовъ. Жизнь и занятія въ коллегіи удовлетворили его только на первые мѣсяцы; скоро онъ убѣдился на опытъ, что студентамъ-коллегиаламъ живется во многихъ отношеніяхъ не лучше, а въ иныхъ даже хуже, чѣмъ рядовымъ монахамъ. Онъ сталъ искать случая устроиться на частной квартирѣ, а ему удалось найти себѣ богатаго ученика англичанина, къ которому онъ и переехалъ. Много лѣтъ спустя въ одномъ изъ своихъ знаменитыхъ Диалоговъ, названномъ «Рыбояденіе» (Ichthyophagia), онъ изобразилъ это общежитіе въ крайне непривлекательныхъ краскахъ. По его словамъ, студенты коллегіи Монтегю были поставлены въ самыя ужасныя условія относительно всѣхъ потребностей жизни: они были одѣты въ громадные капюшоны, подъ тяжестью которыхъ едва не задыхались. За столомъ мясо было совершенно изгнано изъ употребленія; ихъ кормили несвѣжей рыбой, гнилыми яйцами и поили прокислымъ виномъ. Спали они на полу, въ грязи, вблизи самыхъ зловонныхъ мѣстъ; работали несоотвѣтственно много и при плохомъ освѣщеніи. Результаты изъ этого получались самыя плачевныя: здоровые и способные молодые люди послѣ года жизни въ коллегіи умирали, или сходили съ ума, или слѣбли или, наконецъ, получали неизлѣчиму ю кожную болѣзнь. Когда ректору общежитія указывали на невыносимость такого режима, онъ оправдывался тѣмъ, что вѣдь студенты явились сюда добровольно—*spronte veniant*; хотять живутъ, хотять уходить: ничто ихъ не держитъ. Многие изъ товари-

шей Эразма по коллегіи и черезъ десятиа лѣтъ не могли отдѣлаться отъ печальныхъ послѣдствій такого житья.

«Рыбоденіе» значительно дискредитировало коллегіи; съ легкой руки Эразма, гуманисты всей Европы, и безъ того проповѣдывавшіе вполне свободную науку, не приуроченную ни къ какимъ дѣшломъ, доказывавшіе и прежде, что воспитаніе тѣла должно идти рядомъ съ воспитаніемъ ума, единодушно высказывались какъ въ формѣ серьезныхъ трактатовъ, такъ и въ формѣ сатиры, противъ современныхъ имъ студенческихъ общежитій, и подъ ихъ нравственнымъ давленіемъ въ передовыхъ странахъ Запада коллегіи стали закрываться или радикально преобразовываться. Еще при жизни Эразма въ томъ же Парижѣ была основана и доселѣ знаменитая и дѣйствующая Collège de France, ничего кромѣ названія не имѣющая общаго съ средневѣковыми коллегіями: это совершенно открытое, безусловно всѣмъ, безъ различія пола и возраста, доступное высшее учебное заведеніе, содержимое на счетъ правительства. Даже самая коллегія Сорбонны, въ противность завѣщанію жертвователя, изъ закрытаго интерната для студентовъ богословія обратилась въ рядъ аудиторій для словеснаго и математическаго факультетовъ.

Идея средневѣковыхъ коллегій, идея строгой замкнутости въ ученѣи и въ жизни осуществляется во Франціи въ настоящее время школами средними, которыя и носятъ названіе коллежей, или специальными высшими, напр. École Normale, École Polytechnique и др.

Коллегіи въ средневѣковомъ значеніи для общаго высшаго образованія и съ общежитіемъ для студентовъ и даже профессоровъ существуютъ теперь только въ 2-хъ старыхъ университетахъ Англіи. Но это нѣчто совершенно особенное, неподражаемое, да едва-ли во всѣхъ подробностяхъ и желательное для другихъ странъ Европы. Достаточно привести однѣ голыя цифры. Оксфордъ и Кембриджъ, кромѣ великолѣпныхъ зданій, имѣютъ ежегоднаго дохода около 6.000.000 руб. на наши деньги, и тратятъ они эту сумму на своихъ 6.000 студентовъ, большая часть которыхъ, помимо того, стоить своимъ родителямъ ежегодно минимумъ отъ 1.500 до 2.000 рублей. Правда, въ Англіи способный и усердный бѣднякъ, удачно попавшій на стипендію въ началѣ своего научнаго образованія, обставленъ и въ умственномъ и въ матеріальномъ отношеніи такимъ доволствомъ и даже роскошью, какъ нигдѣ въ Европѣ. Но число этихъ счастливецевъ очень, очень не велико. Правда, что юноша среднихъ способностей изъ богатой семьи получаетъ тамъ такое солидное нравственное, физическое и гражданское воспитаніе, какъ нигдѣ. Но это воспитаніе зависить не столько отъ университетскаго ученья, сколько отъ всего строя высоко-культурной англійской жизни; да и опять таки число этихъ представителей сливокъ общества слишкомъ не значительно въ сравненіи съ потребностью страны въ интеллигентныхъ дѣятеляхъ, и

еслибъ немногія сотни университетскихъ людей (Univesity-men) не имѣли подъ собою и рядомъ съ собою многихъ сотенъ тысячъ self made men'овъ, получившихъ образованіе только въ низшихъ и профессиональныхъ школахъ, но развившихся жизнью и чтеніемъ, Англія пришлось бы идти не во главѣ, а въ хвостѣ европейской цивилизаціи.

На материкѣ Европы студенческія общежитія теперь остались какъ въ католическихъ, такъ и въ православныхъ земляхъ исключительно для богослововъ; у католиковъ эти общежитія носятъ монастырскій характеръ, что выражается и самымъ костюмомъ студентовъ; у насъ въ духовныхъ академіяхъ и у грековъ, напр., въ высшемъ духовномъ училищѣ на о. Халки, гдѣ и мнѣ случалось работать, значительное большинство студентовъ и профессоровъ—свѣтскіе люди.

Нѣмецкіе университеты, служащіе въ послѣднія два столѣтія главнымъ рассадникомъ науки, не имѣютъ, сколько мнѣ извѣстно, правительствомъ учрежденныхъ или регулируемыхъ общежитій, и число стипендій въ нихъ чрезвычайно ограничено. Какъ же быть бѣднякамъ? Ужели они лишены здѣсь возможности пользоваться выгодами высшаго образованія?

Я не имѣлъ досуга заняться этимъ вопросомъ научно, по книгамъ и таблицамъ; но я не пренебрегалъ случаемъ во время своего неоднократнаго студенчества въ Германіи разспрашивать товарищей и знакомыхъ. Можетъ быть, собранныя мною свѣдѣнія будутъ не лишены нѣкотораго интереса.

Въ Германіи высшее образованіе не есть потребность правительства, такъ какъ тамъ уже давно въ этомъ отношеніи замѣчается нѣкоторое перепроизводство; тамъ это скорѣе прихоть (въ высокой степени почтенная) столь многочисленнаго и сильнаго средняго сословія. Всякій содержатель скромнаго сапожнаго заведенія, имѣющій нѣсколькихъ сыновей, одного или двухъ изъ нихъ, у кого способности получше, проводить черезъ гимназію и заранѣе копить деньги для нихъ хоть на годъ, на два студенческой жизни. Окажется у юноши дѣйствительная любовь къ научной работѣ, онъ всегда найдетъ возможность обочить курсъ, прежде всего благодаря поразительному для насъ развитію кредита, и именно для студентовъ (я зналъ одного учителя гимназій, который шесть лѣтъ выплачивалъ свои студенческіе долги, такъ какъ отъ родственниковъ своихъ онъ получилъ, при поступленіи въ университетъ, всего 100 марокъ, т. е. 50 рублей); а не хватить у него усердія или явятся особо неблагоприятныя обстоятельства, онъ вознаграждаетъ себя годомъ—двумя академической свободой за 8 лѣтъ ученія въ гимназійи и безъ всякаго позора возвращается къ филистерскимъ занятіямъ. Въ Берлинѣ въ началѣ 70-хъ годовъ я встрѣчалъ у профессора романскихъ нарѣчій одного изъ его бывшихъ слушателей, теперь слу-

жившаго приказчикомъ въ магазинѣ бѣлья. Онъ вовсе не чувствовалъ себя несчастнымъ отъ того, что покинулъ университетъ для прилавка, такъ какъ получалъ хорошее вознагражденіе, а провансальскій и древне-французскій языки вовсе не были для него ненужнымъ балластомъ, такъ какъ они помогли ему лучше и скорѣе усвоить новофранцузскій и итальянскій, что было для него важно въ его коммерческой перепискѣ и путешествіяхъ.

Очень часты въ Германіи такіе случаи: бѣдный юноша пробудеть въ университетѣ годъ или два, истратитъ тѣ гроши, которые могли ему удѣлить родители, и, не желая жить въ долгъ или стремясь поддержать семью свою, поступаетъ на мѣсто—конторщикомъ, городскимъ или народнымъ учителемъ, гувернеромъ въ деревнѣ и пр.; пять, шесть, иногда десять лѣтъ работаетъ онъ и по копѣйкамъ копитъ деньги на окончаніе университета. Вотъ отчего въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Страсбургѣ на нѣкоторыхъ специальныхъ курсахъ чуть не большинство слушателей съ просѣдою или небольшою лысыю. Кое-что они, можетъ быть, и забыли изъ гимназическаго курса; но крѣпкая воля ихъ и привычка къ работѣ дѣлаютъ ихъ отличными студентами.

Мать русскихъ университетовъ—университетъ Московскій сложился, какъ вы знаете, по образцу нѣмецкому. Его великій основатель Ломоносовъ самъ питомецъ университетовъ Германіи. Изъ восьми первыхъ профессоровъ его двое русскихъ; остальные же шесть—чистокровные нѣмцы, едва-ли имѣвшие и понятіе о другой формѣ высшаго учебнаго заведенія, кромѣ университета нѣмецкаго.

Тѣмъ не менѣе студенческія общежитія являются въ Москвѣ немедленно по основаніи университета; молодые люди, живущіе въ нихъ, находятся на полномъ казенномъ содержаніи или по-тогдашнему, коштѣ, отсюда и названіе казеннокоштные. Уже въ 1760 г. казеннокоштныхъ студентовъ числится 30 человекъ, а казеннокоштныхъ гимназистовъ, т. е. будущихъ студентовъ—100 человекъ¹⁾. Давая студентамъ все, самъ университетъ ничего отъ нихъ не получаетъ; плата за слушаніе лекцій введена у насъ впервые только въ 1841 г., на 87-мъ году отъ основанія университета, да и тогда назначалась она главнымъ образомъ на вспоможеніе недостаточнымъ студентамъ²⁾.

Такое рѣзкое отступленіе отъ нѣмецкаго образца объясняется, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что у насъ университетъ былъ прежде всего потребностью правительства, которое шло далеко впереди общества и заботилось объ его насущныхъ, но имъ по невѣжеству не признаваемыхъ потребностяхъ.

¹⁾ Шевыревъ, „Исторія Моск. унив.“. М. 1855, стр. 60.

²⁾ Тамъ же, стр. 495.

Вотъ что мы знаемъ о старѣйшемъ студенческомъ общежитіи въ Москвѣ. Казенные студенты помѣщались вмѣстѣ съ гимназистами въ университетскомъ зданіи въ обширныхъ залахъ, которыя назывались камерами; въ каждой жило отъ 8 до 10 гимназистовъ и по три или четыре студента ¹⁾. Одинъ изъ нихъ, отличнѣйшій по успѣхамъ и поведенію, назывался камернымъ. Онъ смотрѣлъ за порядкомъ въ камерѣ и за занятіями и поведеніемъ учениковъ, за что и получалъ особое вознагражденіе; товарищи студенты помогали ему и назывались подкамерными; они также помогали гимназистамъ въ приготовленіи уроковъ. Въ зданіи находилась библіотека, куда студенты сходились для чтенія и бесѣдъ; библіотека была въ завѣдываніи старшаго изъ камерныхъ, который выдавалъ изъ нея книги и гимназистамъ. Студенты вмѣстѣ съ гимназистами составляли церковный хоръ, для обученія котораго приглашались лучшіе артисты. Развлеченія у студентовъ и гимназистовъ были также общія: по воскресеньямъ устраивались музыкальные и танцевальныя вечера; на святкахъ и на масляницѣ бывали маскарады и спектакли, для которыхъ былъ полный ассортиментъ кулисъ и гардероба; на университетской сценѣ давались комедіи и цѣлыя оперы, и она служила не малымъ развлеченіемъ для московской образованной знати.

Вотъ какія подробности сообщаетъ одинъ современникъ ²⁾ относительно матеріальнаго быта студентовъ: въ университетскомъ общежитіи студенты имѣли даромъ помѣщеніе, прислугу и освѣщеніе, а на удовлетвореніе прочихъ нуждъ они получали по третямъ жалованье, по тому времени довольно значительное—сто рублей въ годъ; для стола своего они составляли партіи отъ 10 до 12 человекъ и складывались по 3—4 рубля въ мѣсяцъ. «Складочныя деньги поручали хозяйливому товарищу на распоряженіе. Изъ того имѣли сторожа купчинною (т. е. закупщикомъ) и прислужникомъ, платили поварихѣ изъ живущихъ въ нижнемъ этажѣ семей... За столомъ совѣтовались о заказахъ на завтра и новыхъ потребностяхъ. Посуду и скатерти заготовляли особою складкою, а столовый приборъ и салфеты каждый содержалъ отъ себя».

Обязательно въ общежитіи жилъ каждый вновь поступившій студентъ; черезъ годъ или черезъ два онъ, съ разрѣшенія начальства, могъ переѣхать на частную квартиру или на урокъ и существовать, какъ ему угодно, на свое жалованье.

Въ началѣ 80-хъ годовъ въ Москвѣ возникло особое общежитіе, содержимое на средства знаменитаго «Дружескаго ученаго общества», воспитанники котораго готовились специально къ педагогической дѣя-

¹⁾ Тамъ же, стр. 275.

²⁾ Ил. Фед. Тимковскій.

тельности; но туда кромѣ студентовъ допускались и юноши инаго образованія. Преждевременная смерть профессора Шварца, а потомъ гоненіе на масоновъ сравнительно скоро прекратили высокополезную дѣятельность этого учрежденія.

Отъ эпохи Екатерины II переходу ко временамъ Александра I. Мы имѣемъ, между прочимъ, очень интересныя и правдивыя воспоминанія Д. Н. Свербеева, который былъ студентомъ между 1813 и 1817 гг.¹⁾; самъ авторъ, юноша съ хорошими средствами, былъ, конечно, студентомъ своекоштнымъ; но вслѣдствіе порядочной подготовки, счастливыхъ способностей и впечатлительности онъ не ограничивался, подобно большинству богатыхъ студентовъ, однимъ формальнымъ посѣщеніемъ лекцій и сдаваніемъ экзаменовъ, иногда при помощи частныхъ уроковъ у профессоровъ, а всецѣло отдался университетскому ученью и имѣлъ многихъ пріятелей въ казенномъ общежитіи, которое за все время своего существованія заключало въ себѣ наиболѣе подготовленныхъ и наиболѣе дѣльныхъ студентовъ. Вотъ что мы узнаемъ отъ Свербеева о ихъ житѣ-бытѣ. Какъ извѣстно, Московскій университетъ сильно пострадалъ въ 1812 г., и когда въ 1813 г. занятія возобновились, пришлось прибѣгнуть къ наемному, конечно, очень недостаточному помѣщенію въ Долгоруковскомъ переулкѣ. Въ виду этого университетъ принужденъ былъ закрыть свою гимназію²⁾, но сейчасъ же возобновилъ общежитіе, помѣстивъ его въ нижнихъ этажахъ здавія. Здѣсь, по словамъ Свербеева, «все жало въ тѣснотѣ, теперешнему уму непостижимой, но все жило ладно». Казенныхъ студентовъ было тогда около сотня, и помѣщались они человекъ по пяти въ одной комнатѣ, обыкновенно весьма грязной. Столъ у нихъ былъ общій, но очень недостаточный; «скудное казенное питаніе они пополняли сбитвемъ и гороховымъ киселемъ съ грязнаго лотка». Несмотря на такую болѣе, чѣмъ спартанскую обстановку, въ общей экономіи университетской жизни казеннокоштные играли видную и почетную роль: у нихъ былъ свой особый инспекторъ изъ профессоровъ (въ данное время самый блестящій профессоръ юридическаго факультета Сандуновъ), и вечернія лекціи приспособлялись ко времени ихъ обѣда; очевидно, начальство смотрѣло на дворянскихъ юношей домашняго воспитанія, пріѣзжавшихъ въ университетъ на собственныхъ парахъ, какъ на блестящихъ гостей университета, а истинными сынами его были бородатые воспитанники гимназій и семинарій въ затасканныхъ мундирахъ съ малиновыми воротниками, гнѣздившіеся въ его подвалахъ. Эти пле-

¹⁾ „Воспоминаніе о студенческой жизни“ М. 1899 г. (изд. общества распространенія полезныхъ книгъ), стр. 66 и слѣд.

²⁾ Шелыгевъ, тамъ же, стр. 425.

бен по рожденію и жизни носили среди студентовъ названіе патриціевъ, не только въ виду своей возрастности, но и въ виду своей умственной зрѣлости. Для правительства же они представляли особый интересъ и потому, что были обязаны отслуживать за свое казенное содержаніе 2 года за годъ.

Помимо ученья занятія ихъ были тѣ же, что и въ прежнемъ поколѣніи: кондичіи, т. е. уроки за деньги, пѣніе въ университетской церкви и 2 раза въ годъ домашній театръ.

Съ студенческимъ общежитіемъ слѣдующаго поколѣнія — 30-хъ годовъ, я могу ознакомить васъ по художественно написаннымъ воспоминаніямъ одного изъ величайшихъ русскихъ ученыхъ и одного изъ лучшихъ русскихъ людей, недавно скончавшагося въ глубокой старости, нашего общаго незабвеннаго учителя Федора Ивановича Буслаева. Буслаевъ родился въ 1818 г., учился въ Пензенской гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ 15-ти лѣтъ, черезъ годъ выдержалъ экзамень въ университетъ и, къ своей великой радости и счастію, былъ немедленно принятъ въ казеннокоштные студенты. Вотъ что рассказываетъ онъ объ ихъ жизни и занятіяхъ:

«Общество наше называлось не бурсою, какъ принято въ семинаріяхъ, и не институтомъ, какъ были тогда дворянскій и педагогическій институты, а просто казенными номерами. Помѣщалось въ нихъ по комплекту полтораستا человекъ, а именно сто студентовъ медицинскаго факультета и пятьдесятъ философскаго, раздѣлявшагося тогда на два отдѣленія—на словесное и физико-математическое.

«Наше общежитіе занимало весь верхній этажъ такъ называемаго стараго зданія университета въ отличіе отъ новаго, которое тогда еще не было готово. Лекціи читались въ томъ же старомъ зданіи подъ нашими номерами, и только съ 1835 г. были перенесены онѣ въ новое.

«Въ номерахъ мы проводили весь день и вечеръ до 11-ти часовъ, а спать уходили въ дортуары, которые находились въ правомъ крылѣ университетскаго зданія, если смотрѣть съ Моховой. Номера и спальни размѣщались по обѣ стороны коридора, который тянулся по всему зданію отъ лѣваго крыла и до праваго. Между дортуарами и номерами была большая зала, въ которую мы проснувшись выходили умываться. Вдоль стѣны ея стояли сплошные гардеробные шкафы съ нашими платьемъ и бѣльемъ, а по серединамъ—двѣ громадныя посудины. На каждой въ видѣ огромнаго самовара или паровика—резервуаръ для воды, которую умывающійся добывалъ, поднимая и спуская вложенный въ отверстіе ключъ. Такихъ ключей въ посудинахъ было не менѣ десяти, такъ что въ самое короткое время успѣвали умыться всѣ полтораستا студентовъ. Здѣсь же цирюльники брили усы и бороду болѣе пожел-

лымъ изъ насъ, или, точнѣе, болѣе совершенног¹⁾ *УТѢВНИКЪ* ¹⁾, на которыхъ, оглянувшись назадъ отъ той машины во время умыванья, мы взглядывали съ уваженіемъ...

«Номеръ, въ которомъ я жилъ въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ курса, занималъ задній уголъ зданія съ окнами на Никитскую и на задній дворъ университета, гдѣ и теперь еще ²⁾ находится садъ, въ которомъ мы обыкновенно гуляли и, сидя на скамейкахъ, читали книги или заучивали свои лекціи.

«Пить чай, обѣдать и ужинать мы спускались въ нижній этажъ, въ громадную залу, въ которой за столами, разставленными въ два ряда, могли свободно размѣститься мы всѣ въ числѣ полутора ста человекъ.

«Чтобы не пропускать ничего, надобно прибавить, что въ томъ же верхнемъ этажѣ находились еще двѣ комнаты, одна побольше для нашей библіотеки ³⁾, а другая поменьше съ однимъ окномъ для карцера. Съ тѣхъ поръ, какъ явился къ намъ понечителемъ графъ Строгановъ, вмѣстѣ съ инспекторомъ Платономъ Степановичемъ Нахимовымъ, комната эта навсегда оставалась пустою.

«Живя въ своихъ номерахъ, мы были во всемъ обезпечены и, не заботясь ни о чемъ, безъ копѣйки въ карманѣ, учились, читали и веселились вдоволь. Все было казенное, начиная отъ одежды и книгъ, рекомендованныхъ профессорами, и до свѣчъ, писчей бумаги, карандашей, чернилъ и перьевъ съ перочиннымъ ножичкомъ (тогда еще перья были гусиные, и надо было ихъ чинить). Безъ нашего вѣдома намъ мѣнялось бѣлье, чистилось платье и сапоги, пришивалась недо-стающая пуговица на вицмундирѣ. Въ номерѣ помѣщалось столько студентовъ, чтобы имъ было не тѣсно. У каждого былъ свой столикъ. Его доска настолько была велика, что можно было удобно писать, разставивъ локти; подъ доскою былъ выдвижной ящикъ для тетрадей, писемъ и всякой мелочи, а нижнее пространство съ створчатыми дверцами было перегороджено полкою для книгъ; можно было бы класть туда что-нибудь и съѣстное, но этого не было у насъ въ обычаѣ, и мы гнушались такого филистерскаго хозяйства. Если случалось что купить съѣстнаго, мы предпочитали истреблять тутъ же (въ лавкѣ) или на улицѣ.

«Столики были разставлены аршина на два съ половиной другъ отъ друга, вдоль стѣнъ, но такъ, чтобы садиться лицомъ къ окну, а спи-

¹⁾ Въ то время никому изъ дворянъ или состоящихъ на дворянскомъ положеніи не разрѣшалось носить бороду, а усы носили только военные.

²⁾ Писано въ 1889 г.

³⁾ Ко времени столѣтняго юбилея университета въ ней было 2872 сочиненія въ 4.408 томахъ и 9 периодическихъ изданій. См. Шевырѣвъ, «Исторія универ.» стр. 519.

ною ко входной двери, ведущей въ коридоръ. Вдоль глухой стѣны помѣщался широкій и очень длинный диванъ съ подушкой, обтянутой сафьяномъ, такъ, чтобы двое могли улечься враспашку головами врозь, не толкая другъ друга ногами. Надъ диваномъ висѣло большое зеркало; впрочемъ, не помню, чтобы кто-нибудь изъ насъ интересовался своей личностью и любовался на себя въ зеркало....

«Въ помѣщеніи, гдѣ съ утра и до поздней ночи собрано до десятка молодыхъ людей, никакими предписаніями и стараніями нельзя водворить надлежащую тишину. У насъ въ номерѣ не выпадало ни одной минуты, въ которую пролеталъ бы надъ нами тихій ангелъ. Постоянно въ ухахъ гамъ, стукотня и шумъ. Кто шагаетъ взадъ и впередъ по всему номеру, кто бранится съ своимъ сосѣдомъ, а то музыкантъ пильтъ на скрипкѣ или дудитъ на флейтѣ. Правычка—вторая натура, и каждый изъ насъ, не обращая вниманія на оглушительную атмосферу, усердно читалъ свою книгу или писалъ сочиненіе....

«Я не отвыкъ и до глубокой старости читать и писать, когда кругомъ меня говорятъ, шумятъ и толкутся.

«Для сношеній съ начальствомъ по нуждамъ товарищей, въ каждомъ номерѣ выбирался одинъ изъ студентовъ, который назывался старшимъ. Онъ же призывался къ отвѣту и за безпорядокъ или шалость, выходящіе изъ предѣловъ дозволеннаго.

«Ближайшимъ начальствомъ нашимъ былъ дежурный субъ-инспекторъ. Тутъ же изъ коридора былъ для него небольшой кабинетъ, нѣчто въ родѣ канцеляріи, такъ что во всякое время каждый студентъ могъ обратиться къ нему съ своимъ дѣломъ.

«Наши дни, и часы были подчинены строгой дисциплинѣ. Мы вставали въ семь часовъ утра, въ восемь или въ столовой чай съ булками, а въ девять отправлялись на лекціи; возвращались въ два часа и въ половинѣ третьяго обѣдали, а въ восемь ужинали, въ одиннадцать ложились спать. Кто не обѣдалъ или не ужиналъ дома, долженъ былъ предварительно увѣдомить объ этомъ субъ-инспектора, а также спросить у него разрѣшеніе переночевать у родныхъ или знакомыхъ съ сообщеніемъ адреса, у кого именно».

Изъ послѣдующихъ разсказовъ Буслаева однако видно, что студенты старшихъ курсовъ и именно изъ лучшихъ работниковъ позволяли себѣ иногда очень рѣзко нарушать эти правила: возвращаться за полночь и даже не безъ нѣкотораго буйства. Добрѣйшій Платонъ Степановичъ на другое утро стыдилъ и распекалъ буяновъ, грозилъ пожаловаться графу, т. е. попечителю—и только. Надо полагать, что еслибъ «графъ» и въ самомъ дѣлѣ узналъ о такомъ злодѣяннн нѣсколькихъ усердныхъ и способныхъ студентовъ, онъ не казнилъ бы ни преступниковъ, ни укрывателя.

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ требовать отъ *трудоуемой* молодежи, чтобы она не была молода!

Продолжаю выписку:

«Кормили насъ не дурно. Мы любили казенныя щи и кашу, но говяжьи котлеты казались намъ сомнительнаго достоинства, хотя и были сильно приправлены бурой болтушкою съ корицею, гвоздикомъ и лавровымъ листомъ. Изъ-за этихъ котлетъ случались иногда за обѣдомъ исторіи, въ которыхъ дѣйствующими лицами всегда были медяки. Дѣло начиналось глухимъ шумомъ. Дежурный субъ-инспекторъ подходитъ и спрашиваетъ, что тамъ такое; ему жалуются на эконома, что онъ кормитъ насъ падалью. Обвиняемый является на судъ, и начинается расправа... Хорошо помню эти исторіи, потому что и мы и многими другимъ изъ насъ онъ очень не нравились по грубости и дикству...

«Описывая топографію нашего общежитія, я долженъ присовокупить, что цѣлую половину дня, свободную отъ лекцій, мы проводила не въ номерѣ, а въ трактирѣ. Онъ назывался «Железнымъ», потому что помещался надъ лавками, въ которыхъ и теперь торгуютъ железомъ—напротивъ Александровскаго сада. Содержалъ его купецъ Печкинъ.

«Для насъ, студентовъ, была особая комната, непроходная, съ выходомъ въ большую залу, съ органомъ или музыкальной машиной. Не знаю, когда и какъ студенты завладѣли этой комнатою, но въ нее никто изъ постороннихъ къ намъ не заходилъ... Вѣроятно, мы обязаны были снисходительному распоряженію самого Печкина, который такимъ образомъ былъ по времени первымъ изъ купечества покровителемъ студентовъ и, такъ сказать, учредителемъ студенческаго общежитія. Въ той комнатѣ мы читали книги и журналы ¹⁾, готовились къ экзамену, даже писали сочиненія, болтали и веселились, и особенно наслаждались музыкою машины, а собственно изъ трактирнаго продовольствія пользовались только чаемъ. Впрочемъ, когда мы были при деньгахъ, мы устраивали себѣ пиршество: спрашивали порціи двѣ или три, раздѣляя ихъ между собою по частямъ.

«Особенную привлекательность имѣлъ для насъ трактиръ потому, что тамъ мы чувствовали себя совсѣмъ дома, независимыми отъ казеннокоштной дисциплины, а главное, могли курить вдоволь; въ зданіи же университета это удовольствіе намъ строго воспрещалось... Разумѣется, многіе изъ насъ были безъ копѣйки въ карманѣ, а все же каждый день ходили въ трактиръ и пользовались питьемъ чая и куреніемъ...

¹⁾ Въ то время въ ресторанахъ разрѣшалось держать ежемѣсячныя издавія.

«Впослѣдствіи, съ третьяго и даже со втораго курса мы стали богать (главнымъ образомъ уроками) и могли уже позволять себѣ нѣкоторую роскошь, а именно, соединяя пріятное съ полезнымъ, иной разъ, какъ говорится, покутить не въ одиночку, а въ товариществѣ, не забывая при этомъ излишекъ суммы употребить на пріобрѣтеніе любимыхъ книгъ; такъ напримѣръ, будучи уже на 2-мъ курсѣ, я купилъ себѣ на французскомъ языкѣ «Эрнани» Гюго и на нѣмецкомъ «Фауста» Гете».

Далѣе почетный академикъ съ большимъ юморомъ описываетъ три такихъ «кутежа», оставшихся по своей замысловатости въ его памяти.

Переходя къ характеристикѣ своихъ сожителей по номеру, авторъ какъ бы мимоходомъ, но строго фактически разъясняетъ намъ важнѣйшую выгоду студенческаго общежитія, раскрываетъ секретъ, почему въ общежитіи, даже и плохо устроенномъ, студенту, который искренно желаетъ учиться, гораздо легче идти впередъ крупными шагами.

Въ одномъ номерѣ съ Буслаевымъ жили между прочимъ два поляка: Владиславъ Класовскій и Казанъ Коссовичъ. Класовскій провелъ дѣтство въ 2-хъ монастыряхъ: въ женскомъ, гдѣ его тетка-француженка говорила съ нимъ только по-французски, и потомъ въ мужскомъ у дяди, который говорилъ съ нимъ только по-латыни, и потому зналъ оба эти языка такъ же хорошо, какъ родной польскій. Полюбивъ юнаго Буслаева, онъ, по свойственной студенческому возрасту экспансивности, дѣлился съ нимъ своими знаніями по-латыни, прочелъ съ нимъ по-французски всю «Notre Dame» Гюго и переводилъ ему Мицкевича, отрывки изъ котораго Буслаевъ заучивалъ наизусть. Великій знатокъ греческаго языка Коссовичъ помогалъ тому же Буслаеву при чтеніи классиковъ, а впослѣдствіи училъ его по-санскритски; третій его сожитель Войцѣховскій, знавшій почему-то по-еврейски, началъ съ Буслаевымъ переводить и разбирать библію. Чѣмъ имъ оплачивалъ Буслаевъ, онъ не рассказываетъ; но, безъ сомнѣнія, каждая прочтенная имъ интересная книга дѣлалась до нѣкоторой степени достояніемъ всего номера. Да и могло ли это быть иначе? Если студенты видятся только на лекціи, они очень чинятся между собою, боясь уронить себя во мнѣніи товарищей; но сожителямъ чиниться нечего: они знаютъ другъ друга вдоль и поперекъ, а юность, если ее не удерживаетъ самолюбіе, говорлива и откровенна.

Изъ дальнѣйшаго разсказа Буслаева видно, что эти сожители и послѣ окончанія курса дѣлились и знаніями, и самыми сокровенными мыслями.

Много интереснаго и душевнаго сообщаетъ Буслаевъ о лучшихъ изъ профессоровъ своихъ; но едва-ли не самыя теплыя строки посвя-

щаетъ онъ памяти «милаго» инспектора Платона Степановича, доброта котораго на дѣлѣ убѣждала будущихъ педагоговъ и администраторовъ, что «правосудіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть подкупаемо состраданіемъ и милосердіемъ»¹⁾. Въ немъ студенты, по словамъ Вуслаева, «видѣли какъ-бы воочию эпического героя русскихъ былинъ и высоко цѣнили въ немъ подвиги благодушія и снисходительности, которыми онъ въ своей простотѣ и наивности могъ достигать того, что недоступно суровому правосудію съ его крутыми мѣрами».

Золотыя слова въ особенности въ устахъ учителя многихъ сотенъ учителей!

Къ счастью московскихъ студентовъ, «милый» Платонъ Степановичъ оставался ихъ инспекторомъ и въ вѣчно памятную эпоху 40-хъ годовъ, въ эпоху Грановскаго и Кудрявцева, когда въ нашемъ университетѣ воспитывались дѣятели великихъ реформъ, сотрудники Царя-Освободителя.

О матеріальной и духовной жизни студентовъ 40-хъ годовъ мы имѣемъ столько разсказовъ, и высокохудожественныхъ и мемуарныхъ, что выборъ для меня былъ бы крайне затруднителенъ, тѣмъ болѣе, что въ общемъ жизнь казенныхъ номеровъ шла въ томъ же направленіи, какъ и въ 30-не годы.

Въ 1858 г.²⁾ по соображеніямъ, отъ критики которыхъ я воздерживаюсь, эти номера были закрыты, и суммы, отпускавшіяся на ихъ содержаніе, были обращены въ такъ называемыя казенныя стипендіи, конечно, не безъ значительной надбавки. Ясно помню, по разсказамъ старшихъ, что большинство общества тогда сочувствовало этой реформѣ университетскаго быта; радовались, безъ сомнѣнія, и многіе студенты, получившіе возможность жить хотя и бѣдно, за то на полной свободѣ. Но я же въ бытность мою студентомъ имѣлъ случай наблюдать рядъ характерныхъ фактовъ, осозательно показывающихъ, насколько сильно потребность въ общежитіяхъ чувствовалась уже въ началѣ 60-хъ годовъ.

Мы, воспитанники московскихъ гимназій и семинарій, прямой нужды въ нихъ не ощущали, такъ какъ жили при своихъ семьяхъ; но когда мы сблизились другъ съ другомъ, и явилась потребность въ совѣстныхъ занятіяхъ, и мы сознали, какъ было удобно предыдущему поколѣнію имѣть центръ въ казенныхъ номерахъ, гдѣ можно было всегда попользоваться и тетрадкой, и книгой, и совѣтомъ. Пріѣзжие наши товарищи размѣщались по разнымъ меблированнымъ комнатамъ болѣею частію группами, которая служила плохимъ суррогатомъ общежитія. Когда въ 1862 г. были закрыты старшіе курсы Петербург-

¹⁾ Изд. фон-Бооля. М. 1897 г., стр. 119.

²⁾ Распоряженіе отъ 30-го мая.

скаго университета, и нѣсколько сотъ петербуржцевъ сразу перешли въ Москву, они образовали цѣлый рядъ такихъ группъ, часто занимавшихъ всѣ комнаты подъ рядъ у того, или другаго сдатчика. Одна такая компанія изъ 6 человекъ филологовъ, не представлявшая по своему составу ничего особо выдающагося, скоро для многихъ изъ насъ стала притягивающей точкой; туда мы очень охотно заглядывали по субботамъ, такъ какъ тамъ можно было и почитать вмѣстѣ, и потолковать, и попѣть подъ 20 рублевое фортепяно.

Немного поздиѣ человекъ двадцать студентовъ разныхъ факультетовъ, все люди съ нѣкоторыми средствами или съ заработкомъ в стипендіей сговорились сообща нанять бо́льшую квартиру, т. е. комнату въ восемь—девять, обомблировать ее, завести собственную прислугу и опредѣлить одну комнату подъ столовую, она же и салонъ. Мнѣ случалось бывать въ этой общинѣ; жилось въ ней удобно и настолько привлекательно для постороннихъ, что членамъ ея скоро пришлось установить очень строгіе законы, чтобы гости не мѣшали занимающимся; разговоры и музыка въ салонѣ допускались только въ немногіе опредѣленные часы.

Такъ выражали потребность въ общежитіяхъ студенты достаточные. Жизнь студентовъ, принужденныхъ довольствоваться одной стипендіей, или однимъ урокомъ, и не имѣвшихъ случая устроиться въ такой группѣ, была и по неволѣ неопытна и неудобна, а главное лишена того, что краситъ юношескіе годы, лишена то ва р и щ е с т в а ¹⁾). Въ этомъ отношеніи не въ лучшемъ положеніи были и люди со средствами. Сколько зналъ я мрачныхъ, одинокихъ студентовъ, которые видали товарищей только на лекціяхъ, видали, но не сближались съ ними, а изъ университета шли въ свои углы или уѣзжали въ свои гостиницы и квартиры, гдѣ жила замкнутой и во всякомъ случаѣ не студенческой жизнью! И 4—5 лѣтъ курса проходили для нихъ какъ тяжелый, однообразный сонъ.

Намъ нельзя равнять себя съ нѣмцами или французами: тамъ стара развита жизнь общественная, уличная, ресторанныя, и ея удовольствія доступны всѣмъ безъ различія. Объ насъ же еще Карамзинъ сказалъ: «У насъ нѣтъ общественной жизни: мы или домохозяды или дѣйствуемъ на поприщѣ службы», и въ сто лѣтъ мы недалеко ушли впередъ, по крайней мѣрѣ наша учащаяся молодежь, которой невозможно принимать участіе въ благотворительныхъ, дѣловыхъ и научныхъ обществахъ. Въ Берлинѣ или Мюнхенѣ студентъ, проживающій 50 марокъ, т. е. 25 рублей въ мѣсяцъ, два раза въ день бываетъ въ

¹⁾ Имъ всецѣло пользовались въ новѣйшее время только счастливыя, подавашіе въ общежитіи С. В. Лепешкина.

своемъ ресторанѣ, гдѣ видается съ товарищами; у насъ въ Москвѣ студентъ, ежедневно посѣщающій ресторана, долженъ проживать тысячи; да онъ уже и не студентъ, а трактирный герой, и товарищи его—кто угодно, только не университетскіе люди. Назоветь ли его товарищемъ студентъ-бѣднякъ, живущій на счетъ общественной благотворительности?

Настоящее, студенческое товарищество предполагаетъ не только общность интересовъ въ одномъ какомъ-либо, хотя и важномъ дѣлѣ, но и сходство въ условіяхъ всей жизни или по крайней мѣрѣ общее тяготѣніе къ какому-либо центру, гдѣ такое сходство обязательно.

Общежитіе, нынѣ открываемое на щедрое царское пожалованіе и на многочисленныя пожертвованія друзей университета, имѣетъ всѣ данныя, чтобы сдѣлаться такимъ центромъ, объединяющимъ московское студенчество.

Здѣсь и бѣднякъ-стипендіатъ, и юноша изъ богатой семьи будутъ жить и работать въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ; здѣсь всѣ—вполнѣ товарищи; здѣсь они свободны отъ всѣхъ мелочныхъ заботъ и хлопотъ и имѣютъ полную возможность быть идеальными студентами, работниками на нивѣ правды и добра, если мы, кому выпало на долю руководить этимъ дѣломъ, окажемся на высотѣ своей задачи, столь важной для будущности всей Россіи. Вопросъ только въ томъ, хватитъ ли у насъ умѣнья, а сомнѣваться въ нашей готовности работать изъ всѣхъ силъ на пользу общежитія имени Императора Николая II было бы грѣшно и обидно. Я позволю себѣ закончить прекрасными словами нашего глубокоуважаемаго товарища проф. Чупрова, которыя сказалъ онъ почти два года назадъ въ первомъ собраніи комитета общежитія. «Въ жизни человѣка и общества все находится въ связи: то доброе, что мы дѣлаемъ для нынѣшней молодежи, сторицею, въ разнообразныхъ видахъ и формахъ, отплатится слѣдующимъ за нами поколѣніемъ».

А. Кирпичниковъ.

Къ исторіи русской литературы тридцатыхъ годовъ.

Письмо Ив. Ив. Дмитріева П. П. Свингину

7-го апрѣля 1836 г. Москва.

Въ первый день минувшаго праздника я мысленно привѣтствовалъ всѣхъ, которыя улаждаютъ мое одиночество постоянной пріязнью, слѣдовательно я расквитался съ вами, а долженъ просить у васъ извиненія только въ томъ, что по непроворству преклонныхъ лѣтъ моихъ не успѣлъ повторить то же и на бумагѣ. По крайней мѣрѣ на сей разъ столь же искренно привѣтствую васъ и съ благополучнымъ отпразднованіемъ свѣтлой седмицы, и съ возвращеніемъ къ кабинетскимъ вашимъ занятіямъ. Примите равно чувствительную благодарность мою и за обязательное ваше писаніе.

Праздникъ у насъ былъ и въ физическомъ смыслѣ свѣтелъ, только холоденъ. Въ Петербургѣ же, сказываютъ, три дня лежалъ новый снѣгъ. Не передаю вамъ слуховъ о новыхъ наградахъ: на что есть будущій номеръ Московскихъ газетъ, а скажу только, что Брюловъ собирался на дняхъ отправиться въ Петербургъ. Онъ написалъ здѣсь портретъ жены бывшаго своего соученика живописца Дурново и для Перовскаго небольшую картину, представляющую пригожую дѣвушку въ простонародной русской одеждѣ. Къ сожалѣнію, я не видѣлъ здѣшней его работы.

По части же словесности пипнуть изъ Петербурга къ одному изъ здѣшнихъ журналистовъ, что Пушкинъ, еще не выдавъ первой книжки, уже надобѣлся въ жаркихъ состязаніяхъ съ цензорами и думаютъ, что неостанетъ его терпѣнія на годичное изданіе «Современника». По послѣдней книжкѣ «Библиотеки для чтенія» замѣтно, что редакторъ ея уже заранѣе начинаетъ трусить и притворно мирится. Вотъ все, о чемъ хотѣлось мнѣ къ вамъ писать: заключаю свидѣтельствомъ душевнаго моего почтенія, съ коимъ къ вамъ и милостивой государынѣ Надеждѣ Аполлоновѣ имѣю честь навсегда пребыть.

P. S. Изъ мр. бюстовъ я не прочь бы пожелать еще бюста Екатерины, а больше не надобно, и по тѣснотѣ комнаты, и по недолгому пребыванію моему въ нашей гостиницѣ.

Архимандритъ Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская.

(Изъ маленькой бесѣды).

Въ строгой Перынской обители, близъ Новгорода, еще живъ и теперь старецъ, монахъ Евводій, современникъ юрьевскаго архимандрита Фотія. Онъ служилъ келейникомъ при самомъ Фотіи, потомъ находился слугою у графини Орловой, былъ свидѣтелемъ ея кончины и погребенія.

Въ настоящее время Евводій буквально удался отъ міра: нелюдитъ, необщителенъ и ведетъ отшельническій образъ жизни.

Мнѣ удалось побесѣдовать немножко съ этимъ старцемъ и узнать отъ него кое-что отрывками о Фотіи и Орловой.

— Я началъ юродствовать въ своей деревнѣ—Медвѣдѣ,—разсказывалъ Евводій о первоначальномъ знакомствѣ съ Фотіемъ.—Меня взялъ братъ и привелъ въ Юрьевскій монастырь для лѣченія—тамъ была больница. Въ больницѣ меня осмотрѣли и положили какъ больного. Нашли во мнѣ горячку и сначала стали прикладывать къ головѣ ледъ, потомъ налѣпили мушку, дѣлали кровопусканіе,—но все бесполезно. И дѣйствительно, напрасно меня считали больнымъ, я просто юродивый. Когда удостовѣрились въ этомъ, тогда рѣшили меня представить къ Фотію на испѣленіе. Помню хорошо, какъ меня привели къ нему въ первый разъ. Я стоялъ и дрожалъ; двое держали за руки. Въ кельѣ сидѣлъ худощавый, рыжеватый монахъ, съ сердитымъ, суровымъ лицомъ, и глядѣлъ куда-то въ стѣну, а насъ какъ-будто не замѣчалъ. Вдругъ онъ вскинулъ на меня страшные глаза и повелительно сказалъ:

— Смотри на меня прямо!

Я уставился и смотрѣлъ, а самого больше прежняго заколотило.

— Чѣмъ боленъ?—спросилъ онъ.

— Душою,—отвѣтилъ я.

Монахъ подумалъ-подумалъ, да какъ вскочить.

— Бѣснующій!—крикнулъ онъ,—бѣсы, діаволы изыдите въ адъ кромѣшный!

— Я хотѣлъ-было бѣжать изъ кельи, но меня удержали. Потомъ онъ взялъ меня за руку, подвелъ къ лампадѣ и помазалъ лобъ масломъ. Съ тѣхъ поръ я ходилъ къ Фотію каждый праздникъ, а великимъ постомъ ежедневно. Онъ читалъ мнѣ часы и продолжалъ мазать. Въ это время я приблизился къ нему, пересталъ юродствовать и остался при немъ совѣтъ на житье. Онъ такъ привыкъ, что безъ меня не гулялъ; я ходилъ съ нимъ вмѣстѣ, водилъ его подъ руку, садился гдѣ-нибудь около него, подставлялъ ему подъ ноги скамеечку.

— Вамъ, конечно, батюшка, извѣстны воздержаніе и молитва Фотія?—спросилъ я Евводія.

— Знаю, знаю, какъ же. Онъ ѣлъ одну овсянку, чаю не употреблялъ, а пилъ укропникъ. Онъ былъ страшный врагъ чая. Иногда графиня (Орлова), тайно отъ него, присылала монахамъ пыбики съ чаемъ. Если узнаетъ объ этомъ Фотій—бѣда. Велитъ свалить въ Волховъ. Даже у самой графини, на мызѣ, отбиралъ чай. Насчетъ молитвы былъ тоже строгій. Онъ ходилъ ночью по церквамъ и молился. Читалъ часы въ клѣтѣ, которая и теперь цѣла въ Преображенскомъ соборѣ; послѣ часовъ ложился въ гробъ и не спалъ до утра. Для особеннаго изнуренія налагалъ на себя эпитимію онѣмнѣнія. За полторы-двѣ недѣли до Великаго поста, послѣ прочтенія покаянія, Фотій переставалъ говорить и оставался нѣмымъ до великой недѣли. Въ послѣдніе годы жизни онъ даже, безъ разрѣшенія высшей духовной власти, установилъ ежедневную соборную службу и акаѣисты. Кто-то донесъ въ Питеръ о произволѣ, и былъ изъ Синода запросъ. Умно отвѣтилъ тогда Фотій. «Я,—писалъ онъ о соборѣ,—посвятилъ себя каждый день служенію, а братію не стѣсняю. Если братія не согласна, пусть не служатъ, я одинъ справлюсь». Относительно акаѣиста говорилъ: «Я читаю самъ акаѣисты, но какъ всю ночь и день нѣтъ возможности читать, то прошу братію, и она мнѣ помогаетъ». О его подвижнической жизни знали многіе, и онъ прославился какъ испѣлитель. Съ этою цѣлью къ нему приходили крестьяне издалека, толпились у кельи. Фотій изгонялъ бѣсовъ чтеніемъ, разными болѣзнями—помазаніемъ масла, а если кто страдалъ главною болѣзью, то бралъ на пальцы свою слюну и водилъ по глазамъ. Къ нему присылали также и заблудшихъ. Не забуду, какъ былъ въ заточеніи раскольничій попъ Дмитрій. Попъ считался упорнымъ въ своемъ ученіи; его Фотій выдержалъ три года. Послѣ этого времени только Дмитрій раскаялся и

пожелалъ присоединиться къ православію и помазаться муромъ. Приходить и объявляетъ о своемъ желаніи.

— Изнурился я, отецъ Фотій,—говорить онъ,—хочу принять святое крещеніе.

Фотій радостно встрѣтилъ эти слова и спросилъ:

— Отъ чистаго сердца?

— Воистину очистился,—отвѣчалъ попъ.

Фотій просіялъ.

— Кого же ты избираешь отцомъ и матерью крестными?—спросилъ онъ.

— Тебя, отецъ-наставникъ, и графиню,—отвѣтилъ, не долго думая, Дмитрій.

— Это духъ Божій избираетъ насъ,—пояснилъ Фотій.—Да будетъ тако.

О днѣ муропомазанія никто не зналъ, но церковь была освѣщена торжественно. вмѣсто графини матерью была крестьянская жена Акулина, а за себя Фотій поставилъ меня и самъ присутствовалъ. Въ то время онъ считался нѣмымъ. Акулина и я стояли чинно; все шло благополучно. Надо было Дмитрію читать «Вѣрую», а онъ и не можетъ. Тутъ Фотій приблизился ко мнѣ и сунулъ записочку.

— Читай «Вѣрую» вслухъ и громко,—сказалъ онъ.

Я прочиталъ, и обрядъ кончился. Послѣ я поздравилъ Фотія и графиню съ духовнымъ сыномъ и принялъ въ подарокъ отъ нея двадцать пять рублей. Фотій видѣлъ это и спросилъ у нея:

— Чадо, дай мнѣ пять рублей.

Она подала, и я отъ него тоже получилъ...

— Развѣ архимандритъ не имѣлъ у себя денегъ?—прервалъ я монаха.

— Никогда не имѣлъ своихъ денегъ, считалъ за грѣхъ, но бралъ у графини, сколько ему угодно и вотъ какъ легко. Была въ монастырѣ деревянная церковь во имя Александра Невского. Фотій задумалъ вмѣсто нея построить церковь каменную, прочную. Случился, въ 1823 году, пожаръ. Въ этой церкви совершалась тогда литургія. Фотій стоялъ обѣдню и подпѣвалъ, а церковь горѣла. Когда уже наступила неминуемая опасность, то проскомидію перенесли въ Георгіевскій соборъ. Чего въ то время не выдумывали злые языки. Говорили, что Фотій самъ поджегъ храмъ, чтобы построить новый. Дѣйствительно, огонь разомъ охватилъ всѣ стѣны, точно онѣ были намазаны какимъ-нибудь горючимъ веществомъ. Но могъ ли онъ рѣшиться на такой великій грѣхъ. Графиня была въ Петербургѣ. Фотій послалъ ей объ этомъ событіи жалобную депешу. Сейчасъ же было прислано сорокъ тысячъ деньгами и на сорокъ тысячъ разныхъ церковныхъ вещей. Онъ строилъ колокольню, келейные

корпуса, оранжерей, разводилъ сады—много бралъ денегъ, сотни тысячъ изводилъ.

— Графиня часто посѣщала Фотія?

— Когда прїѣзжала въ Юрьевъ, бывала у него ежедневно. Она ни одной утрени не пропускала; отстоятъ службу и пойдеть съ Фотиємъ въ келью, да и сидитъ тамъ до двухъ часовъ, а потомъ уходитъ на мызу обѣдать. Онъ ходилъ къ ней рѣдко. А когда на мызѣ бывали гости, Фотій никогда не являлся между ними, даже сердился и говорилъ, что отъ нихъ одинъ только мірской соблазнъ. У себя знатныхъ людей онъ избѣгалъ, а при столкновеніи обращался съ ними грубо, пренебрежительно. Однажды сидѣли мы дома—я и Фотинъ, приближенный іеромонахъ Фотія. Самъ Фотій былъ въ одной рубашкѣ ¹⁾, со сборками на шеѣ. Вдругъ послышался скрипъ сапогъ, и въ переднюю вошелъ генералъ Набоковъ ²⁾. Фотій выглянулъ въ дверь и спросилъ:

— Кто тамъ?

Увидя насъ стоящими, онъ мигнулъ намъ, что, молъ, садитесь, много чести будетъ. Потомъ ушелъ на прежнее мѣсто. Набоковъ подошелъ къ Фотию и сказалъ что-то на ухо.

— Нѣтъ, нельзя,—отвѣтилъ онъ.

Снова пошептавъ генералъ и получилъ тотъ же отвѣтъ. Когда Набоковъ въ третій разъ нагнулся къ Фотию, то онъ сказалъ:

— Это можно; Фотинъ, сведи ихъ въ ризницу.

Послѣ, какъ рассказывалъ намъ Фотій, прїѣзжала изъ Питера тайная совѣтница ³⁾ и просила, чрезъ Набокова, посмотрѣть примѣчательности монастыря, а главное, побесѣдовать съ Фотиємъ или даже взглянуть на него. Въ личномъ свиданіи онъ отказалъ и объяснилъ такими словами: «Я не котъ заморскій, чтобы на меня смотрѣть; я знатныхъ боюсь, какъ ежей колючихъ».

— А съ графиней Фотій обращался мягко?

— Нѣтъ, довольно грубо. Скажетъ: «Чадо, подай мнѣ книгу!» Она принесеть, да не ту. Онъ сунеть ей книгу подъ носъ и закричитъ: «Дай ту, которая на комодѣ лежитъ!» Или придетъ со службы усталый, изнемогшій; опустится на диванъ и прикажетъ графинѣ: «Сними сапоги». Она стащить. «Чулки сними», опять крикнетъ.

— Какъ умеръ Фотій?

¹⁾ Хитовъ.

²⁾ Тогдашній командиръ поселенныхъ войскъ въ Новгородской губерціи.

³⁾ Это была жена министра финансовъ Канкринъ. Изъ писемъ Фотія за 1830 годъ видно, что Канкринъ прїѣзжала вторично, и тогда Фотій сопровождалъ ее въ обзорннн монастыря. Онъ писалъ о ней Орловой, какъ о пріятной женщинѣ; только не понравилась ему одна ея непристойность: зачѣмъ жена министра ходила по собору и нюхала табакъ.

— Онъ болѣлъ долго. У него все тѣло было въ ранахъ, которыя, по словамъ его, образовались отъ веригъ. Разъ будто бы пришелъ онъ въ церковь во имя Всѣхъ Святыхъ, вдругъ огонь опалилъ его и сжегъ полу мантии. Тутъ онъ оповѣстилъ о близкой своей кончинѣ.

— Скучала, конечно, графиня по Фотіи?

— Не безъ того. Она вѣдь вѣрила въ него, какъ въ святаго. Послѣ часто прѣзжала въ Юрьевъ и подолгу жила на мызѣ. Графиня любила садоводство и содержала для этой цѣли вольныхъ рабочихъ. Нанимались дѣвушки, съ мая до августа, для чистки дорожекъ, поливки и поленія. Дѣвушкамъ графиня платила по восьми рублей въ мѣсяцъ жалованья и дарила платочки. Мужчины получали вдвое больше. Она терпѣть не могла пьяныхъ и женатыхъ. Когда бывала дома, то слѣдила за людьми съ балкона, въ подозрную трубу; но мы все-таки удирали. Самы одѣнемся въ мундиры, дѣвушекъ нарядимъ въ рубахи, шляпы— и махнемъ съ мызы въ Юрьевскую слободку. Выходила графиня изъ дома въ два часа и гуляла по садамъ, аллеямъ, роцамъ. Встрѣтитъ кого-нибудь за работой, понравится ей ловкость и проворство работника—сейчасъ подарокъ; свернетъ кредитку въ трубку и скажетъ: «На-ко тебѣ карамельку, только не говори никому и не хвастай». Если кто провинится въ чемъ, тому наказаній никакихъ не дѣлала, а только объявитъ: «Уволься». Вины она мало за кѣмъ признавала, развѣ узнаетъ о чьей-либо женитьбѣ—того и года не продержитъ.

Графиню всѣ любили и трудились зато добросовѣстно; да и было надъ чѣмъ работать. Чего только не росло у нея на мызѣ: въ оранжереяхъ—персики, абрикосы, виноградъ, груши, сливы; въ теплицахъ—огурцы, салатъ, шампиньоны; въ парникахъ—арбузы, дыни. По смерти ея монастырь сдавалъ эти угоды въ аренду за шесть тысячъ рублей, а теперь отъ нихъ и слѣдовъ совсѣмъ мало. Остались рощи, но безъ пользы заглохли. Верхній этажъ дома, на мызѣ, отдается дачникамъ, а въ нижнемъ помѣщается монастырская богадѣльня. Амбары, кладовыя, конюшни пустуютъ и рушатся. Есть два сада, но такіе ли, какъ прежде были; снимаютъ арендаторы въ лѣто за 50—100 рублей. А сколько, бывало, кормилось пришлагаго люда, сколько раздавалось пособій—графиня добрая была. Съ прошеніями принимала каждый день. На похороны давала по 5—15 рублей, погорѣльцамъ—30—50 рублей. Это выдавала графиня лично, а милостыней распорядился дворецкій—по четвергамъ и субботамъ. Когда выходила изъ церкви и встрѣчала нищихъ, то непременно спрашивала, получили ли они въ извѣстные дни графскую лепту (Въ субботу по 50 коп., а въ четвергъ—30 коп.). Кромѣ того, въ монастырѣ бывали обязательно даровые обѣды—для благородныхъ съ шампанскимъ, а для бѣдныхъ попроще. Обѣды назначались въ праздники Георгія, Воздвиженія, Михаила-Архангела, Феоктиста, Не-

*

опаленныя Купины и въ память Фотія, дядей и тетокъ. На обѣдахъ сама графиня присутствовала, но ѣла мало и пила житный кофе, да красное вино съ водой.

Нынѣ ничего этого не стало, нынѣ ломтя хлѣба еле выпросишь. Не жалѣла графиня денегъ, лишь бы была при ней церковь и молитва. Она ежедневно ходила на службу къ ранней, поздней обѣдѣ, къ вечернѣ, всенощной; любила зычныя голоса. Въ этомъ дѣлѣ отличались іеродіаконъ Михаилъ, пѣвшій сильнымъ басомъ; Клифа пѣлъ на всѣ голоса. Евтихій и архимандрить тоже пѣли громко и приятно.

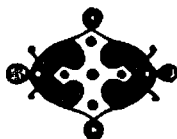
— Долго жила графиня послѣ Фотія?

— Десять лѣтъ. Она почувствовала себя дурно въ церкви предъ тѣмъ, какъ собиралась въ Питеръ. Въ коляскѣ нашли шкатулку и духовное завѣщаніе на вѣчный капиталъ, процентами съ котораго монастырь пользуется. Ее отнесли на полотно въ домъ; тамъ она попросила у горничной воды, выпила и скончалась. На мызѣ графиня лежала три дня въ гробу, обложенномъ кованной парчей, а потомъ тѣло стояло въ Георгіевскомъ соборѣ двѣнадцать дней.

— Правда, что графиня была пострижена?

— Правда. Въ этомъ я лично убѣдился, когда помогаль нести гробъ: она лежала въ черномъ монашескомъ платьѣ. Да ее и на павидѣ вспоминали Агніей и поминали шесть недѣль монахиней. О постриженіи не такъ хлопотала она сама, какъ двоюродный братъ ея. Монахиней она не должна была имѣть никакого цѣннаго имущества; вотъ братъ и старался постричь ее, чтобы отобрать отъ нея имѣнія и все то, что было подарено ею монастырю. Гробницы Фотія и графини поставили въ церкви на полу, но вскорѣ это запретили; тогда весь полъ въ церкви опустили на законную глубину, сдѣлали такъ, что и въ землѣ, да на землѣ. Обѣ гробницы покрыли однимъ серебрянымъ покровомъ, но тоже не позволили. Охъ, грѣховныя были дѣла. Теперь, слава Богу, все миновало. Монастырь живетъ въ мирѣ, согласіи, ни въ чемъ не нуждается.

А. Слезскиноскій.

Изъ жизни декабристовъ въ Сибири.

(Письма С. Б. Броневскаго—С. Р. Лепарскому ¹⁾).

1.

19-го сентября 1835 г. Иркутскъ.

Прежде всего я священнымъ долгомъ поставляю принести вашему превосходительству душевную благодарность мою за ласки и гостеприимство, коими я пользовался въ бытность у васъ въ Петровскѣ, и взъявить непритворную радость мою, что наконецъ давнее желаніе мое приобрѣсть удовольствіе личнаго знакомства совершилось.

Перемѣщеніе дурныхъ солдатъ и назначеніе на мѣсто ихъ хорошихъ будетъ сдѣлано совершенно такъ, какъ ваше превосходительство предполагали въ почтеннѣйшемъ письмѣ вашемъ ко мнѣ.

Къ кн. Трубецкой поѣхала иностранка, знающая повивальное искусство, послѣ этого не знаю, посылать ли къ ней здѣшнюю бабку.

П. Чиговуть гостить здѣсь. Иванъ Богдановичъ, затрудиаясь сбытомъ своего сада, остается, кажется, до зимняго пути. Генераль Чевкинъ вѣроятно будетъ у васъ, и скоро, для осмотра желѣзнаго завода. Петербургскіе гости навѣщаютъ и насъ частенько въ полярныхъ странахъ.

Съ душевною преданностью и высокопочтаніемъ имѣю честь пребыть и проч.

¹⁾ Семенъ Богдановичъ Броневскій былъ въ то время генераль-губернаторомъ Восточной Сибири, а Станиславъ Романовичъ Лепарскій—приставомъ при декабристахъ.

2.

30-го октября 1836 г. Иркутскъ.

Принявъ съ полною признательностью почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства отъ 24-го сентября съ письмомъ кн. Трубецкой отъ 8-го октября и къ сыну моему отъ 15-го октября, послѣшаю моимъ отвѣтомъ; повивальная бабка Цвергина, по случаю распутицы и страха пуститься за Байкаль, никакъ не рѣшилась ѣхать къ кн. Трубецкой; другой же я не рѣшился послать, согласно вашему уведомленію. Хотя всякое приличіе требуетъ, чтобы я отвѣчалъ княгинямъ Волконской и Трубецкой на ихъ письма, но, слѣдующимъ установленнымъ правиламъ, я долженъ воздержаться и ходатайствую позволенія вашего превосходительства чрезъ васъ засвидѣтельствовать имъ мое почтеніе и благодарность за привѣтливость,—и увѣрить ихъ, что я ничего не упущу, что по правиламъ представится возможнымъ сдѣлать къ ихъ удовольствію. Посылки отправлены; покупки, какія для нихъ нужно сдѣлать въ Иркутскѣ, если будетъ ваше дозволеніе, пусть мнѣ заказываютъ; я поручу надежному человѣку, который купить и отправить къ вамъ. Деньги кн. Трубецкой еще не получены; а когда придутъ, то приказаніе ея исполнено будетъ. Транспортъ для княгини изъ Петербурга съ разными продуктами пришелъ сегодня, и я тороплю отправить, чтобы жидкости не померзли. Корреспонденція въ Россію, и оттуда взаимно, идетъ и будетъ идти исправно, безъ всякаго промедленія; ибо я знаю по себѣ, какъ это пріятно на чужбинѣ¹⁾, не пишу въ некоторые детали очень свѣтлыми чернилами!.. За.....²⁾ Иванъ Богдановичъ увѣряетъ, что не замерзнуть. Онъ ихъ отправилъ. Ив. Богд. ѣдетъ по первому пути, ибо теперь ни колеснаго, ни саннаго нѣтъ. Зима однако же формируется. Сейчасъ ужасная вьюга и морозить.

Константинъ Владиміровичъ Чевкинъ погостилъ у насъ дней съ восемь и пустился доканчивать свою порцію 24.000 верстѣ. Заводы Нерчинскіе сильно раскритиковалъ, но вообще дышетъ умѣренностью и въ самомъ негодованіи доброта и снисходительность просвѣчиваютъ. О Петровскомъ не говорятъ ничего особеннаго, и если спросишь, то не говорятъ ничего, кромѣ хорошаго. Такъ онъ изъяснялся со мною. О знаменитой дуали (?) не подтвердилось, и эти лица на Калишскихъ маневрахъ и праздникахъ очень были видны. Политическіе эти маневры кончились, и государь изволилъ уѣхать въ Теплицъ, для свиданія съ австрійскимъ императоромъ. Метернихъ тамъ давно. Эта ось,

¹⁾ Точка въ подлинникѣ.

²⁾ Часть письма вырвана.

около которой обращается политика цѣлой Европы, придумала что-нибудь; и тамъ праздники вѣрно будутъ устроены съ нѣмецкою патриархальною расчетливостью. Нѣмцы поднимутъ цѣну на княстеръ и пиво!.. У всякаго русскаго дрожитъ сердце за общаго отца государя. Онъ съ геройскою твердостью и самоотверженіемъ разбѣзжаетъ между скопами и заговорами революціонеровъ. Богъ внимаемъ молитвамъ нашимъ. Ихъ такъ много, что невозможно не достигнуть на небо.

Заключаю моимъ сердечнымъ извиненіемъ за промедленіе отвѣтомъ на ваши письма. Впередъ постараюсь исправиться.

3.

Получено 28-го февраля 1836 г.

Какъ цѣлительнѣйшее лѣкарство отъ благодѣющей руки врача, я пріянялъ почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства и въ полномъ движеніи чувствъ приношу мою покорнѣйшую благодарность. Припадки мои будто полегче и, вмѣсто малодушія, чувствую раздражительность и самоотверженіе. Отъ Тейльса и Разгальдѣва, бывшихъ у васъ, я получилъ утѣшительное свѣдѣніе, что и ваше здоровье гораздо лучше. Это въ смутныхъ думахъ моихъ очень радостно. Здѣсь ничего замѣчательнаго не произошло, и все тихо, даже масляница довольно монотонна и, дай Господи, чтобы она и многіе грядущіе протекла въ ненарушимой тишинѣ. Повышеніе Г. I. Лаваля и другихъ доказываетъ, что мнѣніе о несчастныхъ родственникахъ ихъ лучше и лучше. Тарханъ (?) переведенъ въ Селенгинскъ, Вегелинъ—на Кавказъ солдатомъ. Волконскіе, я слышу, собираются въ мартѣ переѣхать въ Урихъ. Не лучше ли бы имъ прежде приготовить для себя помѣщеніе и потомъ пускаться, ибо кромѣ плохихъ избъ тамъ ничего не найдутъ; въ городѣ жить имъ до того никакъ невозможно. Это запрещено строго государственнымъ преступникамъ и женамъ ихъ.

Свидѣтельствуя мое душевное почтеніе и желаніе наслаждаться вамъ вполне добрымъ здоровьемъ, имѣю честь пребыть и проч.

P. S. Хотя медикъ Персинъ и давно представленъ въ операторы въ Иркутскъ, но разрѣшенія не получено; и если меня спросятъ о переводѣ его къ вамъ, я отзовусь во всякомъ случаѣ удовлетворительно, тѣмъ болѣе, что это вамъ угодно и самому Персину.

4.

22-го марта 1836 г. Иркутскъ.

Въ Иркутскихъ предѣлахъ я получилъ обязательное письмо вашего превосходительства отъ 4-го февраля. Приношу мою душевную благо-

дарность за поздравленіе съ моимъ повышеніемъ и желаю, чтобы провидѣніе часто мнѣ доставляло подобные случаи изъяслять поздравленія и вамъ. Ужасный воляжъ въ студеную Якутскую страну я кончилъ въ одинъ мѣсяць и десять дней. Бока мои докладывають объ этомъ: но я увѣрю, что это будетъ имѣть нѣкоторую пользу для дальняго и совершенно забытаго края, и если не я, то мои преемники успѣютъ что-нибудь хорошее сдѣлать, удостовѣрясь чрезъ мои бока, что Якутскъ не за горами.

Прощенные преступники, я чаю, нетерпѣливо ожидаютъ своего выѣзда; но это не можетъ послѣдовать прежде утвержденія мѣстъ ихъ водворенія, чтѣ въ скорости должно быть отъ графа Бенкендорфа. Между тѣмъ весна показывается во всемъ блескѣ, и дороги улучшаются. Въ Западную Сибирь никто не назначался, и не было на это приказанія. Впослѣдствіи времени, если просители будутъ, не затруднятся, кажется, удовлетворить ихъ желанія.

Позвольте обременить васъ нѣкоторыми обстоятельствами, до вашихъ узниковъ касающимися: сильныя хлопоты я имѣлъ отыскать и исправить разможденную карету для ввучки г-жи Муравьевой. Это угодно было г-жѣ Уваровой, которая, зная, что новая карета отправлена на долгихъ изъ Москвы и по скорому разрѣшенію, воспослѣдовавшему «о прощеніи», не успѣетъ во-время,—обязала меня какъ можно скорѣе отправить ее къ вамъ. Я увѣхалъ въ Якутскъ, отдавъ нужныя здѣсь приказанія послѣшить отправленіемъ кареты; а между тѣмъ и новая пріѣхала, и теперь вмѣсто одной—двѣ. И я, право, этимъ не виновать, что ввелъ въ излишнія издержки. Съ новою каретою, которую перевезли чрезъ утлыи Байкаль, послано много и разной провизіи Муравьевымъ.

Свистуновъ, какъ кн. Марія Николаевна Волконская меня увѣдомляетъ, намѣренъ жениться на дочери горнаго чиновника Занадворнаго. Мнѣ кажется, на это не можетъ быть никакого препятствія, и лучше теперь кончить, нежели послѣ водворенія за этимъ пріѣзжать. О чемъ сообщивъ Маріи Николаевнѣ, не угодно ли отнестись ко мнѣ официально. Кн. Марія Николаевна просила о 2.000 руб. г. Свистунову, присланныхъ изъ III Отдѣленія на предметъ издержекъ при первоначальномъ водвореніи; но какъ они необходимы ему теперь для расчета съ артелью, на приготовленія въ дорогу и проч., то я рѣшаюсь ихъ къ вамъ по первой почтѣ отправить, и увѣдомлю собственную канцелярію III Отдѣленія, несмотря на отзывъ, который уже я сдѣлалъ вашему превосходительству. Муравьевымъ и Луяину предвѣщено мѣсто въ 17-ти верстахъ отъ Иркутска въ селѣ Урихѣ. Прекрасное мѣстоположеніе, и докторъ подъ руками, ибо Вольфъ будетъ въ Крышинѣ въ 4-хъ верстахъ отъ Иркутска. Впрочемъ, и здѣсь есть

медки, довольно изрядные, но, дай Боже, чтобы обходились и безъ нихъ. Почтенныя, исполненныя родственной нѣжности и доброты, госпожи Муравьева и Уварова сильно заботятся предупредить всякія нужды Муравьева и Лукина.

Долженъ былъ, пользуясь оказіею, писать еще нѣкоторыя подробности, но Г. Х. изустно доложилъ вамъ, и при томъ мнѣ крайне совѣстно, что я слишкомъ обременяю ваше превосходительство.

Поручая себя продолженію добраго вашего благорасположенія, я имѣю честь пребыть и проч.

Р. С. Съ наступающимъ праздникомъ св. Пасхи съ восторгомъ васъ поздравляю и сердечно желаю, чтобы вы провели его въ добромъ здоровьи и безъ грусти въ Петровской юдоли...

5.

21-го мая 1836 г. Иркутскъ.

Обязательное письмо вашего превосходительства отъ 14-го апрѣля я имѣлъ честь получить. Распредѣленія бывшимъ вашимъ узникамъ къ удавленію моему еще не получено, но вѣроятно скоро воспослѣдуетъ. Праздничныя почты ничего особеннаго не привезли. Объ уступкѣ, сдѣланной Турціи нѣтъ контрибуціи, на нее возложенной, вы читали въ газетахъ. Это доказываетъ, какъ сильно желаніе нашего мудраго государя сохранить миръ. Почему войны ожидать не должно; а этимъ временемъ сколько добра будетъ сдѣлано у себя дома!..

Радуясь, что свадьбы не клеятся: Свиштунова—у васъ, Поджіо и Кюхельбекера у меня, не состоялись. Не постигаю, что за сліянія вышли бы изъ такихъ противоположныхъ во всѣхъ отношеніяхъ союзъ.

Отъ быстрыхъ атакъ Уваровой карета развалилась, и я беру свои мѣры. Очень благодаренъ за предостереженіе. Посылки будутъ доставлены своевременно, и распоряженія сдѣланы. Благочестивое намѣреніе возжечь лампаду пресвященный благословилъ.

Желая душевно, чтобы здоровье ваше было гораздо лучше, чему теперь очень благоприятствовать будетъ наступившее прекрасное время, имѣю честь пребыть и проч.

6.

13-го августа 1836 г. Иркутскъ.

Чувствительно обязанный за почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства отъ 10-го іюля, я очень радъ, что доставленіемъ награды

г. Гурову сдѣлалъ вамъ пріятное. Баталіонъ № 15 только въ фронтовыхъ движеніяхъ не отличенъ, но внутренность его и особенно попеченіе о солдатахъ и ихъ времени мнѣ чрезвычайно понравились, и я это ставлю въ примѣръ здѣшнимъ баталіоннымъ командирамъ. Семейка узниковъ вашихъ поубавилась, и остальнымъ срокъ не весьма отдаленъ; спустивъ съ рукъ послѣднихъ, вы влетете себѣ въ вѣнокъ достохвальнѣйшей вашей службы пальму, которая выражать будетъ заслугу и добродѣтель и на этомъ поприщѣ; ибо и эти головы, наполненныя разнымъ винигретомъ идей и разнородностію характеровъ, постоянно какъ дѣти лобызаютъ благодѣтельную руку вашу, и въ одно слово, всё не могутъ нахвалиться прошедшею зависимостью, основанною на строгой справедливости и человѣколюбіи. Нашъ удѣлъ теперь хлопотать съ несчастивцами... Они разосланы по деревнямъ между вародомъ пьяно-буйнымъ и разными бродягами. Боюсь, чтобы какого неудовольствія не случилось. Вы меня крайне бы одолжили, если бы совершенно въ частномъ видѣ и съ условіемъ, чтобы осталось между нами, сообщили мнѣ аттестаціи о всѣхъ лицахъ, въ Восточной Сибири размѣщенныхъ съ означеніемъ: характеровъ, образа мыслей и особенныхъ наклонностей, чтобы я могъ быть облегченъ въ надзорѣ и устремленіи вниманія на нѣкоторыхъ.

Движеніе кавалеріи, вами примѣченное, происходитъ по случаю перемѣщенія корпусовъ, одного на мѣсто другаго въ царство Польское изъ Россіи, по уваженіямъ, вовсе мнѣ не извѣстнымъ, что вы разгадали уже, получивъ, конечно, секретное расписаніе войскъ на 1836 годъ отъ генераль-квартирмейстера. На политическомъ горизонтѣ появились небольшія тучки. Враги Россіи, находясь въ болѣзненной ревности къ ея могуществу, позволили себѣ въ Лондонѣ и Парижѣ громко осуждать насъ за разныя отступленія отъ трактатовъ диверсіями въ Константинополь и на Краковъ, и проч. и проч. Но у нихъ дома не здорово. Послѣднія газеты возвѣстали, что французскаго Филиппа чуть-чуть не убили. Одинъ злодѣй почти въ упоръ въ него, ѣдущаго съ королевою и съ дочерью въ каретѣ, выстрѣлилъ, и только французская учтивость его спасла, ибо онъ въ этотъ моментъ сдѣлалъ комплиментъ наклоненіемъ головы караулу національной гвардіи, отдававшему ему честь, и пуля пролетѣла надъ головою, оставивъ пыжъ въ его бакенбардахъ. Убийца какой-то побродяга, приказчикъ куца...¹⁾, а такъ имъ теперь не до насъ. Впрочемъ, Россія въ ея настоящемъ положеніи всей Европѣ можетъ сказать: «не тронь меня».

Въ здѣшнемъ краю урожай на все чрезвычайный, но дожди залили почти насъ, а рѣки Ангара и особенно Иркутъ два раза такъ

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

наводнилися, что много вреда гѣсу, дровамъ и бревнамъ надѣлали, даже бочки съ А...¹⁾ сдѣлали путешествіе въ Евнсейскую губернію.

Мнѣ очень прискорбно, что здоровье вашего превосходительства не улушается и что вы разлучены съ славнымъ докторомъ Э. Ч...²⁾, изучившимъ вашу натуру. Сердечно желаю возобновленія силъ вашихъ.

Съ истиннымъ почтениемъ и безпрѣдѣльною преданностію имѣю честь пребыть и проч.

Р. S. За Высоцкаго сказали мнѣ «слабо», а рѣшеніе не соответствуетъ прошедшимъ и настоящимъ дѣяніямъ. Эта бумага, послѣ утверженія во всей силѣ, послѣдовала черезъ два дня.

7.

20-го августа 1836 г. Иркутскъ.

На почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства отъ 4-го августа имѣю честь отозваться, что тамъ, гдѣ Э. Ч. Вольфъ, уже четыре преступника, а ихъ не болѣе двухъ или трехъ повелѣно селить въ одномъ мѣстѣ, да и Муравьевы и съ ними Вольфъ просились въ городъ Ялуторовскъ, Тобольской губерніи, на чтѣ и ожидается разрѣшеніе. Слѣдовательно, предстоитъ затрудненіе въ достиженіи желанія Маріи Николаевны (Волконской). Мнѣ кажется, если Муравьевы получатъ переводъ въ Ялуторовскъ (чего однакожь я не надѣюсь), то Марья Николаевна (слѣдуетъ) проситься въ ихъ слободу Урихъ, гдѣ они оставляютъ ей кой-какое обзаведеніе и квартиру, и будетъ близко отъ медицинскаго пособія. Почта изъ Россіи еще не пришла и ничего особеннаго не имѣю вамъ сообщить, и, свидѣтельствуя мое душевное почитаніе и преданность, имѣю честь и пр.

8.

14-го декабря 1836 г. Иркутскъ.

Стеченіе разныхъ обстоятельствъ, особенно нездоровье, меня постигшее, было причиною, что я впалъ въ непростительное невѣжество передъ вашимъ превосходительствомъ, оставивъ такъ долго безъ отвѣта обязательнѣйшее письмо ваше, за которое я повиненъ вамъ чувствительнѣйшею благодарностію. Узники, бывшіе у васъ, кое-какъ разиѣстились, но не совершенно довольны мѣстами. Муравьевы въ 18-ти верстахъ отъ Иркутска, въ сел. Урихъ, и съ ними Вольфъ, Дунинъ да

¹⁾ Одно слово не разобрано.

²⁾ Вольфъ.

ожидаемъ Волконскихъ. Эта позиція обращаетъ вниманіе разныхъ Иркутскихъ мудрецовъ. Митьковъ недавно, по самой удобной дорогѣ, переѣхалъ на житье въ г. Красноярскъ; но здоровье его не весьма удовлетворительно. Переписку, заключающуюся въ сватовствѣ, Тютчевымъ производящуюся, я приказалъ прекратить; но если возлюбленная его будетъ расположена рискнуть за него выйти, то, мнѣ кажется, не предстоить надобности этому препятствовать. Можетъ быть это облегчитъ сколько-нибудь его несчастіе. На поляковъ обращено возможное вниманіе, и явившіяся сюда въ значительномъ числѣ изъ возвращенныхъ отъ польскихъ губерній размѣщаются по разнымъ городамъ. Но все въ Иркутскѣ и окрестностямъ ихъ много. Высоцкого и его товарищей нужно очень беречь и не упустить. Въ Акатуевѣ, сверхъ того, знаменитые разбойники Засоринъ, Горкинъ и Гасковъ. Это три дьявола въ образѣ человѣковъ. Опасаюсь, не навезли ли сюда свѣдѣній отъ заговорщиковъ изъ Польши и денегъ. Цолиція у меня не совсѣмъ проворна.

Анненковъ въ своемъ поселѣи за 120 верстъ, а супруга его здѣсь, собирается родить, но кажется, и она наконецъ рѣшится ѣхать къ мужу.

Всею душою убѣждаю ваше превосходительство продолжать доброе ваше расположеніе, не отказать совѣтами и предупредить меня въ случаяхъ чрезвычайныхъ, что я приму всегда съ сердечною благодарностью.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

9.
21-го января 1837 г. Иркутскъ.

Съ чувствительною признательностью принявъ письмо вашего превосходительства, я имѣю честь отозваться, что письма, слѣдующія въ Петровскъ, отправляются со всею расчетливостью и постоянно исправно, и если бывали случаи, что они лежали здѣсь нѣсколько дней, то этому виною поздній приходъ почтъ и то, что часто адресуютъ на имя губернатора, который, употребивъ время на разсмотрѣніе и отправленіе ко мнѣ, наводитъ тѣмъ медленность, также страховыя и со вложеніями,—теряютъ время на полученіе съ почтъ по ошибкамъ въ довѣренностяхъ. Покорнѣйше прошу успокоить Катерину Ивановну и другихъ, и увѣрить, что не я виноватъ, но разлитіе Байкала.

Дѣйствительно, пишутъ изъ Бѣлгорода братъ мой и дѣти, молодые кавалеристы, что въ окрестностяхъ Вознесенска будетъ такой сборъ кавалеріи, конной артиллеріи и частей пѣхоты, что видомъ не видано и слыхомъ не слыхано, развѣ Ханъ-Гирей когда-нибудь двигалъ

столько всадниковъ на степяхъ Крыма. Почта изъ Петербурга ничего особеннаго не привезла. Все мирно и спокойно. «Слава въ вышнихъ Богу».

Два чиновника, не заслуживающіе впрочемъ полной довѣренности, но поляки, объявили, что около новаго года, или весной ожидаютъ вольности, и что въ этомъ ожиданіи не одни поляки, но и многіе изъ нашихъ, особенно каторжныхъ; что будто между ссыльными заронены какою-то тайною пропагандою худыя мнѣнія и эти надежды; что въ Иркутскѣ гнѣзда денегъ и притоновъ для гнусныхъ предпріятій. Новый годъ миновалъ. Розыски исподтиха дѣлаются старательно, но гнѣздъ не отыскано, и полиція терается въ догадкахъ. Дай, Боже, чтобы и мнѣгіе годы протекли въ ненарушимой тишинѣ, но я по долгу и по совѣсти поставляю обязанностью предупредить ваше превосходительство.

Поручая себя добротѣ расположенія вашего и свидѣтельствуя глубочайшее мое почтеніе, имѣю честь пребыть и проч.

10.

5-го февраля 1837 г. Верхнеудинскъ.

Собираясь въ Петербургъ, рѣшился-было ѣхать къ вашему превосходительству, но, доѣхавъ до Верхнеудинска, заболѣлъ. Болѣзнь моя есть нервное развитіе гнморая и боли въ печени, которыя произвели иппохондрию и малодушіе, дѣлающія меня ни къ чему негоднымъ и себѣ тагостнымъ. Крайне сожалею, что не буду имѣть душепріятнаго удовольствія видѣть васъ и принять ваши совѣты.

Вольфу доволена практика, но не въ Иркутскѣ. О переводѣ Штейнгейда въ Ишимъ, къ Одоевскому, получилъ я преинтересную бумагу и почитаю необходимымъ препроводить къ вамъ въ списокъ.

Имѣю честь препроводить письма, сейчасъ мною полученныя, для отдачи по адресамъ:

На имя ваше .	1
Катеринѣ Ивановнѣ Трубецкой.	2
Маріи Николаевнѣ Волконской.	1
Александрѣ Ивановнѣ Давыдовой.	3
Итого	7

О полученіи прошу увѣдомить.

Поручая себя продолженію лестнаго и добраго расположенія вашего, имѣю честь пребыть на всегда.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

P. S. Въ Вознесенскѣ на маневрахъ, сверхъ прежде извѣстныхъ высочайшихъ особъ, будутъ, говорятъ, австрійскій императоръ и турецкій султанъ Махмудъ!!!!...

*Приложеніе.**Секретное письмо графа Бенксендорфа С. Б. Бромевскому.*

30-го декабря 1836 г. № 4101.

Государь императоръ по всеподданнѣйшему моему докладу препровожденнаго при отношеніи вашего превосходительства отъ 31-го минувшаго октября за № 858 письма государственнаго преступника Штейнгеля, въ коемъ оны проситъ моего предстательства у его императорскаго величества, во-первыхъ: о всемилостивѣйшемъ его прощеніи въ сердцѣ своемъ, считая сію милость потребностью души, на часть смертной; и во-вторыхъ, о переводѣ его въ городъ Ишимъ, Тобольской губерніи, или другой, ближе къ Россіи, собственно для утѣшенія его невиннаго, но не менѣе страдающаго семейства—изъявить всемилостивѣйшее согласіе на переводъ Штейнгеля на поселеніе въ г. Ишимъ, и при семъ случаѣ его величество соизволилъ отозваться, что давно уже простилъ въ душѣ какъ Штейнгеля, такъ и прочіхъ государственныхъ преступниковъ.

Сообщая вашему превосходительству такую высочайшую волю, къ исполненію и для объявленія Штейнгелю; честь имѣю быть и проч.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—78 г.г.).

XVIII ¹⁾).

Поездка моя въ главную квартиру.—Полученіе золотой сабли „за храбрость“.—Наблюденіе за непріателемъ у Ловчи.—Рекогносцировка города 26-го іюля.—Пребываніе въ главной квартирѣ.—А. Н. Куропаткинъ, І. В. Гурко и Д. С. Нагловскій.

Въ Порадимѣ днемъ удалось отдохнуть всласть. Всегда гостепріимный и меня любившій Тутолминъ пріятилъ меня у себя; у него собрались кавказцы: Левизъ, Шанаевъ и другіе, прислуживалъ безсмѣнный ординарецъ Тутолмина, красавецъ осетинъ Александръ Кайтовъ, явился шашлыкъ, красное мѣстное вино, а ужъ чаю сколько выпили, и сосчитать нельзя. Я помню только, что лежалъ на коврѣ, заслоненный отъ солнца и вѣтра полотнищемъ палатки, кругомъ сидѣли гости Тутолмина, а въ нѣкоторомъ отдаленіи стояло нѣсколько самоваровъ всевозможной формы и величины, начиная отъ традиціоннаго офицерскаго складнаго паука.

Мы просто блаженствовали; пухъ не слышно, никуда не надо скакать, можно ни о чемъ не думать, а предаться вполне сну и отдохновенію. Главная же прелесть заключалась въ томъ, что не надо куда-нибудь торопиться, можно было раздѣться вполне и помыться настоящимъ образомъ.

Изъ Порадима Скобелевъ послалъ меня 20-го, на разсвѣтѣ, въ глав-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, октябрь 1899 г.

ную квартиру съ донесеніемъ, прибавивъ, что я самъ туда же приѣдетъ. Ъдучи въ главную квартиру, я остановился въ Булгарени, у командира Кубанскаго полка Степана Яковлевича Кухаренко, по болѣзни не участвовавшего въ послѣднихъ дѣлахъ съ бригадой. Въ палаткѣ у Кухаренко встрѣтилъ я вновь прибывшаго командира 4-го армейскаго корпуса, генерала Зотова. Это единственный разъ, что я видѣлъ его, а потому ничего не могу сказать о немъ; помню только, что онъ былъ очень остороженъ въ разговорахъ и больше слушалъ, выспрашивалъ, а самъ говорилъ мало. Тутъ я узналъ, что въ Булгарени ждутъ главнокомандующаго, который объѣзжаетъ войска, участвовавшія во 2-й Плевнѣ. Такъ какъ изъ нашего отряда въ Булгарени прибылъ только Кубанскій полкъ, то я рѣшилъ поѣхать прямо въ главную квартиру, чувствуя необходимость перемѣнить бѣлье, которое не мѣнялъ съ 14-го іюля; при себѣ у меня ничего не было, такъ какъ тотъ маленькій запасъ бѣлья, который я взялъ съ собой, выступивъ съ Бакановымъ изъ Тырнова, пропалъ въ Ловчѣ, при взятіи ея турками. Не доѣзжая Горняго Студня, возлѣ деревни Чаушъ-Махала встрѣтилъ я великаго князя и его свиту. Прежде всѣхъ обратился ко мнѣ Левицкій съ вопросомъ:

— А что Ловча?

Я отвѣчалъ лаконически: «взята». Левицкій началъ креститься и повторять:

— Слава Богу, слава Богу!

— Чего вы креститесь, Казиміръ Васильевичъ, — спросилъ я въ свою очередь.

— Да какъ же, вѣдь вы же говорите, что Ловча взята.

— Да, — сказала я, — взята, только не нами, а турками.

Казиміръ разсердился. Въ это время поравнялся съ нами великій князь, въ коляскѣ съ Непокойчицкимъ, и, увидѣвъ меня, спросилъ:

— Велики ли у васъ потери подъ Плевной?

Я отвѣчалъ, что про цифру потерь казаковъ еще не знаю, а изъ пѣхоты выбыла половина. Не знаю, былъ ли великій князь вообще не въ духѣ или остался онъ недоволенъ моимъ отвѣтомъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ очень сухо сказалъ мнѣ: «ну, объ этомъ вы мнѣ потомъ расскажете», и приказалъ коляскѣ ѣхать.

Опять слышалъ я это «вы», знакъ неудовольствія, которое, слѣдовательно, еще существовало.

Отъ окружающихъ великаго князя узналъ я, что главная квартира переведена на короткое время и налегкѣ въ Чаушъ-Махалу, что большой обозъ остался въ Горнемъ Студнѣ, тамъ же остались мои вещи, и я лишенъ былъ возможности перемѣнить бѣлье. За ужиномъ у великаго князя, къ его высочеству подошелъ адъютантъ его, Дмитрій Антоновичъ Скалонъ, что-то шепнулъ, получилъ утвердительный кивокъ головы,

затѣмъ удалился въ палатку и вынесъ оттуда *Георгиевскій* темлякъ. Этотъ темлякъ главнокомандующій собственноручно передалъ мнѣ, за дѣла подѣ начальствомъ полковника Жеребкова и за взятіе Ловчи 5-го іюля.

На другой день пріѣхалъ и Скобелевъ, досталъ изъ награднаго отдѣленія полевого штаба нѣсколько бланковъ наградныхъ листовъ и потребовалъ меня къ себѣ, чтобы подѣ его диктовку писать представленія къ наградамъ. Работѣ этой онъ предпослалъ, обращаясь ко мнѣ слѣдующее: «*Vous avez bien mérité la croix, mais j'espère que vous la cédez au chef de la 3-e compagnie, car vous avez chargé une fois et lui plusieurs. La fois prochaine je vous donnerai un commandement et vous aurez la croix*» ¹⁾, а затѣмъ началъ диктовать представленія къ наградамъ наиболѣе выдавшимися дѣятелямъ 16-го и 18-го іюля. Скобелевъ диктовалъ ужасно скоро, и записывать за нимъ было чрезвычайно трудно; рука не успѣвала за его рѣчью. Когда онъ писалъ самъ, то слогъ его нельзя было назвать хорошимъ; и тутъ, какъ и во всѣхъ его дѣйствіяхъ, отражался его кипучій, порывистый характеръ. Отрывистыя, неоконченныя фразы, лаконическія намеки на извѣстное обстоятельство, пункты, повидимому, не имѣющіе между собой никакой внѣшней связи, но имѣвшіе связь въ его, Скобелева, мысляхъ, сокращенія—такова была форма его записокъ того времени. Правда, что все, тогда писанное или диктованное имъ, происходило второпяхъ, при недостаткѣ времени, что, конечно, отражалось и на слогѣ.

Въ этотъ разъ Скобелевъ продиктовалъ мнѣ нѣсколько представленій къ наградамъ начальствующихъ лицъ, непосредственно ему подчиненныхъ, и сверхъ того представилъ къ Георгію 4-й степени артиллерійскаго офицера Прохоровича и командира 3-й стрѣлковой роты Курскаго полка штабсъ-капитана Гурковскаго. Поручика Рыдзевскаго представилъ онъ къ золотой саблѣ.

Всѣ эти награды впослѣдствіи были утверждены.

Кончивши диктовку, Скобелевъ сказалъ мнѣ, что онъ и меня представитъ къ наградѣ, но напишетъ наградный листъ самъ, потомъ, такъ какъ теперь некогда. «*Je veux soigner votre présentation*» ²⁾.

Великій князь, передавая мнѣ темлякъ, былъ опять какъ-будто милостивъ ко мнѣ, все это меня успокоило, радовало, и я смотрѣлъ въ ту минуту на весь міръ сквозь очки благополучія.

Въ главной квартирѣ получили мы словесное, а затѣмъ и письменное

¹⁾ „Вы заслужили Георгія, но я надѣюсь, что вы его уступите командиру 3-й роты, потому что вы атаковали одинъ разъ, а онъ нѣсколько разъ. Слѣдующій разъ, я дамъ вамъ командовать частію, и вы получите Георгія.“

²⁾ „Я хочу хорошененько о васъ написать“.

приказаніе идти опять къ Ловчѣ, не съ цѣлью атаки, а съ цѣлью составлять прикрытіе отряда князя Сватополюкъ-Мирскаго, находившагося въ Сельви, съ цѣлью наблюденія за Ловчей, за Цлевно-Ловчинскимъ шоссе и содержанія связи между правымъ флангомъ 8-го корпуса и лѣвымъ—4-го; поэтому, всѣ донесенія отъ насъ должны были посылаться къ князю Мирскому въ Сельви, въ 4-й корпусъ—въ Дреново, въ 11-й корпусъ—въ Карагачъ-Булгарскій и въ главную квартиру. Одновременно съ этимъ, отрядъ Скобелева былъ усиленъ двумя батальонами Ярославскаго полка, 4-го корпуса, 30-й дивизіи, Рижскимъ драгунскимъ полкомъ, и онъ получилъ право распорядиться Брянскимъ полкомъ, находившимся на шоссе изъ Сельви въ Ловчу.

Указанія главной квартиры сводились къ наблюденію за непріятелемъ, а не къ бою и при томъ наблюденіе требовалось не со стороны Сельви, а отъ Павликанъ, т. е. съ сѣверо-востока, поэтому Скобелевъ двинулъ отрядъ свой на Дреново, Дойрянъ и Павликане; наблюдая за Ловчей, Скобелевъ рѣшилъ произвести рекогносцировку города съ этой стороны. Въ движенія нашемъ участвовала пѣхота—два батальона Ярославскаго полка, и Скобелевъ ѣхалъ уже не въ головѣ отряда, а въ хвостѣ. Онъ пояснялъ мнѣ это тѣмъ, что на этотъ разъ не предвидѣлось столкновенія съ непріятелемъ, слѣдовательно, подавать примѣръ не приходилось, отрядъ былъ довольно великъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Скобелевъ хотѣлъ ознакомиться съ состояніемъ вновь поступившихъ въ его вѣдѣніе частей, особенно пѣхоты. Лучшимъ средствомъ для этого, по словамъ Михайла Дмитріевича, было ѣхать на походѣ сзади, наблюдать за порядкомъ движенія и посмотреть, много ли будетъ отсталыхъ. День былъ очень жаркій, дорога трудная, песокъ и камень; переходъ большой, и скоро мы, ѣдучи сзади, увидѣли значительное число отстававшихъ и останавливавшихся пѣхотинцевъ. Почти всѣ отстававшіе присаживались возлѣ дороги, нѣкоторые отъ тяжести ранца и вообще снаряженія, во большинство, присѣвъ, снимало сапоги и перевертывало портянки. Оказалось, что главной причиной большаго числа отсталыхъ были узкіе сапоги, дѣлавшіеся невыносимыми во время жары и трудной дороги. Скобелевъ, помня выраженіе: «побѣда въ ногахъ»—обратилъ вниманіе на состояніе обуви ярославцевъ и далъ на этотъ счетъ указанія пѣхотному начальству. Думаю, что Ярославскому полку не пришлось еще до сихъ поръ много ходить по Болгаріи, потому что въ нѣкоторыхъ другихъ полкахъ пѣхоты, мною видѣнныхъ, какъ напримѣръ у брянцевъ, были уже выработаны различныя сноровки и приспособленія, сдѣлавшія изъ нихъ отличныхъ ходяковъ. Надо, впрочемъ, оговориться, что Брянскій полкъ выдавался вообще своимъ внутреннимъ порядкомъ, кажется, благодаря особенной заботливости и хозяйственнымъ способностямъ его командира полковника Липинскаго.

Подходя къ Иглавъ, Скобелевъ приказалъ мнѣ отправиться черезъ Иглаву и Типаву на Сельви-Ловчинское шоссе, обследовать эту дорогу и убѣдиться, гдѣ именно находится Брянскій полкъ. Дорога отъ Дойрана и Павликаны на Сельви-Ловчинское шоссе приобрѣтала въ глазахъ Михаила Дмитриевича большую важность, по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Онъ не допускалъ возможности овладѣть Ловчей атакой съ сѣвера или сѣвера-востока со стороны Плевны или Слатины-Павликаны по тому, весьма основательному соображенію, что ловчинскіе турки, зная наше присутствіе около Плевны, зная о нашихъ атакахъ на Плевну съ южной стороны, испытавши уже на себѣ нашу попытку взять Ловчу 16-го іюля, именно со стороны Плевны, весьма естественно, не сидѣли сложа руки и, конечно, укрѣпили этотъ фронтъ, а потому начальникъ отряда считалъ единственно возможнымъ пунктомъ атаки восточный фронтъ, т. е. со стороны Сельви, ограничиваясь демонстраціей съ сѣвера, и предполагалъ въ ближайшемъ будущемъ перевести свой отрядъ на Сельви-Ловчинское шоссе. 2) Для этого движенія было два пути: на Иглаву, Омаркюй, Присяку и шоссе, а другое—на Иглаву, Типаву и шоссе. Первое—было слишкомъ близко отъ Ловчи, но за то удобнѣе для движенія, второе—хуже, кружнѣе, но за то безопаснѣе. Не доходя Дойрана, Скобелевъ получилъ изъ главной квартиры предписаніе: «произвести усиленную рекогносцировку неприятельскаго расположенія у Ловчи», съ цѣлью «убѣдиться въ томъ, продолжаетъ ли неприятель укрѣплять Ловчу; насколько онъ усилился съ 16-го іюля, и выяснить число расположенныхъ въ Ловчѣ войскъ».

Рекогносцировка дороги убѣдила меня, что дорога отъ Иглавы черезъ Типаву на Какринъ и далѣе на Сельви-Ловчинское шоссе для артиллеріи и повозокъ не проходима, о чемъ мною и донесено начальнику отряда. Дорога эта представляла сплошные пласты скалъ, которые отъ дождей и вообще вліяній атмосферныхъ превратились въ наклонныя, весьма скользкія покатости, такъ что даже верховыя лошади наши, вообще не привыкшія къ подобнымъ дорогамъ, скользили, падали и еле шли; я донесъ начальнику отряда о необходимости, при выдвигеніи отряда на Сельви-Ловчинское шоссе, взять еще болѣе влѣво (къ востоку) и идти черезъ Брестово и Какринъ. На Сельви-Ловчинскомъ шоссе нашелъ я, вблизи давно знакомаго мнѣ Акенджиляра, при выходѣ изъ ущелья къ сторонѣ Ловчи, моихъ старыхъ знакомыхъ брянцевъ, а съ ними тоже моего знакомаго еще по Петербургу Давыда Ивановича Орлова съ его лихимъ 30-мъ донскимъ полкомъ.

23-го іюля прибылъ самъ Скобелевъ на Сельви-Ловчинское шоссе съ двумя баталіонами Ярославскаго полка, дивизиономъ рижскихъ драгунъ, 4-мя сотнями Бакланова, пѣшей батареей и 4-мя конными орудіями, въ числѣ комъ были два орудія Луизова, бывшія въ Ловчѣ до

*

занятія ея турками. Отрядъ этотъ расположился на шоссе, на высотѣ деревни Какринъ; туда же были притянуты брянцы и донцы 30-го полка. Кавказская бригада съ другимъ дивизиономъ рижскихъ драгунъ, 4-мя конными орудіями, 8-й донской батареей и 6-ю горными, оставлены были у Главны съ дѣлю, демонстрируя противъ Ловчи и угрожая съ сѣверо-востока, отвлекать вниманіе непріятеля отъ восточной стороны Сельви-Ловчинскаго шоссе, охранять нашъ правый флангъ и держать связь съ Порадимомъ.

Скобелевъ сообщилъ мнѣ, что рекогносцировка, произведенная имъ лично въ мое отсутствіе со стороны Павликане и Омаркіой, подтвердила его предположеніе о затруднительности атаки съ этой стороны, что поэтому-то онъ и перевелъ главныя свои силы на шоссе; вмѣстѣ съ тѣмъ, немедленно по прибытіи, Михаилъ Дмитріевичъ произвелъ рекогносцировку позиціи съ востока. Результатомъ этихъ двухъ осмотровъ было рѣшеніе Скобелева дѣйствовать противъ Ловчи со стороны Сельви, о чемъ онъ и донесъ князю Шаховскому. Приблизительно въ это же время получено было, черезъ штабъ 11-го корпуса, приказаніе изъ главной квартиры, чтобы мы ни подъ какимъ видомъ не доводили дѣла до серьезнаго боя, а ограничились бы рекогносцировкой.

Въ теченіе 24-го и 25-го іюля, мы ѣздили съ небольшимъ конвоемъ къ Ловчѣ, осматривали ее съ разныхъ сторонъ, и тогда уже опредѣлилось значеніе командующей высоты, находившейся лѣвѣе (южнѣе) шоссе, которая господствовала надъ всею ловчинскою котловиною, высоты, прозванной нами такъ же, какъ и подъ Плевной—«Рыжей», вслѣдствіе песчанаго, а мѣстами скалистаго грунта и малой растительности, выжженной солнцемъ. Одновременно съ этимъ опредѣлился и другой пунктъ, правѣе (сѣвернѣе шоссе), д. Присяка и высоты, ее окружающія. Линія отъ высоты, лежавшей противъ Рыжей горы до высотъ впереди Присяки, опредѣлила фронтъ нашихъ будущихъ дѣйствій противъ Ловчи. Весь отрядъ былъ придвинутъ къ Ловчѣ и расположился на шоссе, верстахъ въ 6-ти отъ города на позиціи, названной «Позиціей у Фонтановъ», такъ какъ не было другаго выдающагося пункта, по которому можно было бы точнѣе опредѣлить пунктъ нашего расположенія.

Скобелевъ рѣшилъ произвести усиленную рекогносцировку 26-го іюля. Что было у него въ умѣ и на душѣ въ виду предстоящаго дѣла—я не знаю, и онъ мнѣ не говорилъ, но по нѣкоторымъ признакамъ мнѣ кажется, что и на этотъ разъ такъ же, какъ 16-го іюля, въ первую нашу рекогносцировку, онъ въ тайникѣ души своей мечталъ не о рекогносцировкѣ только, но и о взятіи Ловчи.

Всѣ послѣдніе дни, предшествовавшіе 26-му іюля, были посвящены распоряженіямъ и приготовленіямъ къ предстоявшему дѣлу. Князю

Шаховскому было послано подробное донесеніе о результатахъ нѣсколькихъ рекогносцировокъ нашихъ, общія предположенія о предстоящихъ дѣйствіяхъ, мотивированныя обстановкой, испрашивалось нѣкоторое содѣйствіе, но весьма скромное, и сообщались свѣдѣнія о непріятелѣ и его позиціи. По имѣвшимся въ то время даннымъ, въ Ловчѣ было около 10 таборовъ съ немногочисленной артиллеріей, подъ командой Ахмед-паши. Полковнику Тутолмину приказано было 25-го іюля произвести еще разъ рекогносцировку съ сѣверо-востока, не ввязываясь въ бой, при чемъ ему весьма точно было указано, на какія явленія въ лагерѣ турокъ слѣдуетъ обратить вниманіе, такъ напр.; ему приказано было выставить обсервационный постъ и вести журналъ разнообразнымъ движеніямъ въ турецкомъ лагерѣ, отмѣчая даже самыя малыя, какъ-то: смѣну карауловъ и силу ихъ, ѣздитъ ли куда-либо начальство, куда направляются ординарцы и посыльные и т. д. Наблюденія эти должны были продолжаться до утра 26-го іюля; ему же приказано было связаться съ донскими казаками, поставленными у Присяки, а также, наблюдая Ловче-Плевненское шоссе, посылать разѣзды къ Сотеву и далѣе; разѣзды эти должны были быть достаточно сильны, такъ какъ все окрестное мусульманское населеніе, ободренное успѣхами турокъ, возстало и организовало вооруженныя шайки. Одинъ эскадронъ рижскихъ драгунъ и часть кубанцевъ были притянуты къ главнымъ силамъ на шоссе, а полковникъ Баклановъ, съ двумя своими сотнями и драгунскимъ эскадрономъ, былъ выдвинутъ къ Татарлы, на югъ отъ Ловчи, для наблюденія за дорогами на Троянъ и Микре. Въ сущности же, посылка Бакланова въ этомъ направленіи была сдѣлана на случай нашей удачи и отступленія турокъ.

По диспозиціи рекогносцировка, то-есть движеніе войскъ на позицію, должна была начаться въ 5 часовъ утра и производиться одновременно съ трехъ сторонъ: главныя силы (Брянскій полкъ и 2 баталіона Ярославскаго полка) подъ личнымъ начальствомъ Скобелева съ востока, со стороны Сельви, Тутолминъ, съ сѣверо-востока—отъ Иглавы, а Баклановъ съ юга—отъ д. Татарлы. Въ главныхъ силахъ, въ боевой части, былъ Брянскій полкъ, построенный въ двѣ линіи, въ резервъ же ярославцы. Подойдя къ позиціи, наши батареи открыли огонь; но, увы, снаряды далеко не долетали до турокъ! Тѣмъ не менѣе, мы вызвали отвѣтныи огонь турецкихъ батарей, опредѣлившій ихъ расположеніе. Чтобы обнаружить расположеніе непріятельской пѣхоты, необходимо было намъ самимъ открыть ружейный огонь, а для этого, при малой дальности нашихъ тогдашнихъ ружей, приходилось сильно приблизиться къ непріятелю. Эту операцію взялъ на себя самъ Скобелевъ и лично пошелъ съ однимъ баталіономъ Брянскаго полка впередъ, по направленію Рыжей горы. Тутъ поднялась такая ружейная пальба

со всѣхъ фронтальныхъ ложементовъ турокъ, что я могу сравнить ее только съ пальбой турокъ 30-го и 31-го августа подъ Плевной. Мы уже не слышали свиста отдѣльныхъ пуль, а рой пчелъ, непрерывное жужжаніе, слѣдовавшее за трескотней выстрѣловъ. Вдобавокъ приходилось двигаться по кукурузѣ и виноградникамъ, а потому шумъ еще усиливался отъ срѣзываемыхъ пулями стеблей и кустовъ. Это былъ какой-то особенный звукъ, котораго подобіе можно изобразить, если коротко и часто произносить: дзюкъ, дзюкъ, дзюкъ. Въ виду того, что весь огонь турокъ былъ сосредоточенъ на выдвинутомъ впередъ 1-мъ баталіонѣ, командиръ Брянскаго полка, по личной инициативѣ, двинулъ впередъ части полка, лѣвѣе стоявшія, дабы этимъ хотя немного отвлечь вниманіе турокъ и разсредоточить ихъ выстрѣлы.

Описывать подробно весь ходъ рекогносцировки я не буду, а упомяну только нѣкоторые эпизоды и сцены. Въ разгарѣ огня кто-то сказалъ Скобелеву, что турецкіе ложементы на Рыжей горѣ устроены только съ фронта, прямо на востокъ, и что съверный ея скатъ свободенъ. Михаилъ Дмитріевичъ приказалъ, немедленно, нѣсколькимъ ротамъ передвинуться вправо, зайти правымъ плечемъ, подойти ближе и открыть огонь; самъ онъ поѣхалъ съ этими ротами. Покуда совершалось это передвиженіе, я замѣтилъ суету въ турецкихъ ложементахъ, указывавшую на ошибочность только-что высказаннаго извѣстія, о чемъ и сказалъ Скобелеву, но онъ не вѣрилъ. Только-что мы высунулись изъ кукурузы, какъ и съ этой стороны полетѣли въ насъ учащенные залпы, такъ что Скобелевъ велѣлъ брянцамъ лечь, благодаря чему пули перелетали черезъ нихъ; самъ же остался еще для наблюденія, отправивъ назадъ всю свиту, а миѣ приказалъ остаться съ нимъ, при чемъ сказалъ слѣдующее:

— Regardez bien; la fois prochaine je vous donnerai un commandement, vous attaquerez la montagne rousse et vous aurez la croix ⁽¹⁾.

Я разсматривалъ Рыжую гору съ величайшимъ вниманіемъ, мысленно рисовалъ себѣ, какъ и съ какой стороны на нее лучше взобраться, и уже смотрѣлъ на нее, какъ на неотъемлемую мою собственность. Впослѣдствіи, до 22-го августа (день взятія нами Ловчи), я всегда думалъ о ней, какъ о чемъ-то моемъ собственномъ, или очень мнѣ близкомъ.

Во время рекогносцировки, кажется, въ самомъ ея началѣ, когда былъ открытъ только артиллерійскій огонь, пріѣхалъ къ намъ офицеръ въ формѣ Владикавказскаго полка, Козловъ, и доложилъ генералу, что онъ присланъ государемъ императоромъ передать войскамъ генерала

⁽¹⁾ Смотрите хорошенько; слѣдующій разъ я назначу васъ командовать частью, вы будете штурмовать Рыжую гору и заслужите Георгія.

Скобелева благодарность его величества за дѣла, въ которыхъ они участвовали. Козловъ носилъ только форму Владикавказскаго полка, но въ полку не служилъ, а состоялъ при главной квартирѣ, кажется, государя. Онъ хотѣлъ немедленно исполнить возложенное на него порученіе, но это было невозможно, такъ какъ бой уже разгорался; Скобелевъ просилъ его обождать до конца дѣла, а когда Козловъ предложилъ генералу свои услуги и спросилъ, не можетъ ли онъ чѣмъ-нибудь быть полезнымъ, то Скобелевъ поручилъ ему сдѣлать кроки турецкихъ позицій, противъ насъ обращенныхъ. Козловъ съ большимъ самообладаніемъ исполнилъ это порученіе подъ огнемъ непріятеля; Скобелевъ былъ доволенъ и подписалъ, что кроки сдѣланы подъ огнемъ.

Кажется, въ этотъ же день у насъ появилось новое лицо, состоящій по армейской кавалеріи подполковникъ Желтухинъ. Онъ когда-то былъ блистательнымъ кавалергардомъ, затѣмъ вышелъ въ отставку и проживалъ въ Парижѣ, изучивъ его до тонкости. При началѣ войны онъ, читая извѣстія изъ Россіи, не усидѣлъ въ городѣ веселья; поступилъ вновь на службу и очутился подъ Ловчей, состоя прикомандированнымъ, кажется, къ знаменитому 30-му донскому казачьему полку Орлова.

Когда кончилась рекогносцировка на Сельви-Ловчинскомъ шоссе, Михаилъ Дмитріевичъ слѣзъ и приказалъ мнѣ писать донесеніе. Только что я усѣлся на высокую обочину шоссе, какъ кто-то изъ кавказскихъ казаковъ, бывшихъ при насъ, доложилъ генералу, что есть раненые и убитые, не подобранные и оставшіеся внизу, у подножія Рыжей горы. Скобелевъ, не допуская оставленія раненыхъ, крикнулъ: «Лошадь», и самъ съ казаками поѣхалъ по шоссе, внизъ подъ гору. Этотъ разъ онъ сидѣлъ на буромъ текиицѣ, выведенномъ имъ изъ Туркестана, томъ самомъ конѣ, на которомъ ѣхалъ его отецъ Дмитрій Ивановичъ при побѣдѣ нашей изъ Кипинева въ Гуру-Галбину. Надо сказать, что Михаилъ Дмитріевичъ избѣгалъ ѣздить на лошадяхъ не бѣлыхъ; послѣднихъ онъ покупалъ гдѣ только можно, платилъ большія деньги; а такъ какъ ихъ постоянно подстрѣливали, то онъ старался запастись такими и, увидѣвъ у кого-нибудь бѣлаго коня, не отставалъ съ просьбами продать до тѣхъ поръ, пока хозяинъ коня, волей или неволей, его, наконецъ, уступить. На буромъ текиицѣ Михаилъ Дмитріевичъ въ бою почти никогда не ѣздилъ и не любилъ его, кажется, только за то, что онъ не бѣлый.

Успокоившаяся пальба турокъ немедленно возобновилась, какъ-только появились всадники и за ними санитары; Скобелевъ ѣхалъ по шоссе внизъ, прямо противъ Рыжей горы, приказавъ мнѣ ѣхать лѣвѣе и обогнуть гору, примыкавшую къ шоссе съ лѣвой его стороны, предполагая, что на ея скатахъ, въ кукурузѣ, могли остаться раненые брянцы 2-го баталіона. Для поддержки казаковъ полковнику Липинскому приказано

было двинуть 3-й баталіонъ изъ резерва. Тутъ пошла опять жесточайшая трескотня, сопровождаемая обычными звуками летящихъ пуль. Убитыхъ подобрано было два изъ пѣхоты, раненые всѣ были забраны раньше.

Обогнувъ гору, которую мнѣ приказано было обследовать, я выѣхалъ направо на шоссе и увидѣлъ слѣдующую сцену: раненый въ ногу пѣхотный солдатъ еле тащился въ гору и перебранивался съ казакомъ, который не соглашался разрѣшить ему сѣсть на лошадь, говоря: «И такъ дойдешь, не далеко». Остановивъ казака, я велѣлъ ему слѣзть, посадить пѣхотинца, а самому вести лошадь въ поводу. Казакъ повиновался, но имѣлъ весьма недовольный видъ. Со стороны пѣхотинца посыпались по моему адресу благодарности и благословенія, казакъ молчалъ. Вслѣдъ за симъ я встрѣтилъ Скобелева, поднимающагося въ гору пѣшкомъ; текинecъ его былъ убитъ.

— Глухая лошадь,—говорилъ онъ, сердясь;—какъ только выѣхалъ, такъ на спускѣ и повалился.

Но если Скобелевъ сердился на лошадь, ни въ чемъ не повинную, то и на него сердился ужасно его киргизъ Нурбай или по-просту Нурбайка, безотлучный спутникъ Скобелева, ходившій за его лошадьми. Очень маленькаго роста, на видъ еще мальчикъ, Нурбайка, въ своемъ киргизскомъ нарядѣ, былъ извѣстенъ всему отряду, чрезвычайно храбръ и рабски преданъ своему господину, который въ свою очередь былъ къ нему очень привязанъ, хотя и выражалъ эту привязанность довольно оригинально: приставалъ къ нему, дразнилъ и щипалъ; но все это дѣлалось любовно, а потому Нурбайка только изображалъ, что обижается; но зато неподдѣльно сердился на Скобелева за лошадей, которыхъ тотъ не жалѣлъ. И тутъ, услышавъ слова Михаила Дмитріевича «глухая лошадь», Нурбай, коверкая по-своему русскую рѣчь, твердилъ: «Зачѣмъ глупый, лошадь былъ хорошъ, а зачѣмъ прямо подъ пули ѣхать...»

Дойдя до резерва, Скобелевъ присутствовалъ при отпѣваніи, священникомъ Брянскаго полка, убитыхъ, а потомъ постоялъ нѣкоторое время около одного умирающаго, надъ которымъ читали отходную и во время которой онъ скончался.

Не помню хорошенько, въ этотъ ли самый день или на другой, 27-го іюля, когда у Тутолмина было горячее дѣло съ черкесами, прикрывавшими турецкую пѣхоту, и когда ему на помощь посланы были донскія сотни, Скобелевъ поѣхалъ лично на высоты впереди д. Присяки, гдѣ были расположены донцы, и приказалъ имъ наступать спѣшившись, а коноводамъ, по просьбѣ одного изъ офицеровъ, Х., тутъ случившихся, разрѣшено было отойти за горку. Передъ нами тянулся, съ юга на сѣверъ, постепенно понижаясь къ изгибу Осьмы, заворачивающей въ этомъ мѣстѣ съ запада на востокъ, хребетъ горъ и возвышенностей, начинаю-

щихся слѣва (на югѣ) Рыжей горой и спускающихся къ сѣверу къ рѣкѣ. На участкѣ, ближайшемъ къ рѣкѣ, посреди общаго кряжа, выдѣлялось нѣсколько отдѣльныхъ вершинъ, изъ коихъ одна, послѣдняя, ближайшая къ рѣкѣ, имѣла видъ усѣченного конуса или кургана и приходилась прямо противъ насъ. Наступленіе казаковъ направлено было на эту горку и шло по полю, съ котораго хлѣбъ былъ снятъ, но еще мѣстами стояли снопы. Довольно долго горки непріятеля молчали, но вотъ съ нихъ раздались выстрѣлы орудій въ весьма небольшомъ числѣ; затѣмъ показала пѣхота, начавшая наступленіе на казаковъ. Вѣроятно, туркамъ была видна наша малочисленность, потому что они стрѣляли очень мало, но зато правильнымъ строемъ безостановочно наступали. Можно было довольно вѣрно опредѣлять, что наступало баталіона два. Вотъ они уже близко, идетъ рѣдкая перестрѣлка, Скобелевъ стоитъ между нашей цѣпью и ея поддержками, внимательно разсматривая Ловчу. Наконецъ, турки были настолько близко, что я спросилъ генерала, не прикажетъ ли онъ подвести коноводовъ поближе, чтобы спѣшнымъ казакамъ не приходилось далеко бѣжать по вспаханному полю, Скобелевъ сказалъ: «хорошо», я оглянулся — нѣтъ коноводовъ. Послалъ ординарца, онъ долго ѣздилъ и привезъ извѣстіе, что не нашелъ коноводовъ; я разсердился и послалъ другихъ двухъ одновременно, указавъ разные направленія. Покуда они ѣздили, турки все наступали; казачья цѣпь начала понемногу отходить, и уже самъ Скобелевъ спросилъ: «А гдѣ же коноводы?» Я доложилъ въ чемъ дѣло и предложилъ послать за Х., просившимъ отвести коноводовъ, на что Скобелевъ съ отгнкомъ досады отвѣчалъ:

— *Laissez le tranquille; comme si vous ne savez pas qu'il ne supporte pas les balles...* ¹⁾

Однако, — подумалъ я, — не очень-то пріятный отзывъ.

Чтобы кончить разсказъ о рекогносцировкѣ Ловчи 26-го іюля, надо упомянуть, хотя бы вкратцѣ, о дѣйствіяхъ праваго и лѣваго фланговъ.

Полковнику Тутолмину предписано было произвести усиленную рекогносцировку, подобно той, которая произведена была самимъ Скобелевымъ 16-го іюня для того, чтобы точно раскрыть силы турокъ на сѣверномъ ихъ фронтѣ, а полковнику Бакланову произвести такую же рекогносцировку съ юга, освѣтить разѣздами дороги изъ Ловчи на Мигре и Турскій Изворъ, при чемъ, въ виду слабости его отряда, рекомендовалось дѣйствовать налетомъ, соображаясь, однако, съ своими силами. Оба фланга исполнили дѣло превосходно. Тутолминъ подошелъ очень близко къ городу; движеніе его по временамъ, въ зависимости отъ мѣстности, было намъ хорошо видно. Разѣзды его обнаружили движеніе турецкихъ войскъ отъ Шевны въ Ловчу, шедшихъ не по

¹⁾ Оставьте: точно вы не знаете, что онъ не выноситъ выстрѣловъ.

шоссе, а горами, между шоссе и рѣкою Видь. Очевидно, это подкрѣпленіе прибыло по требованію ловчинскаго пашы, такъ какъ, кажется, наканунѣ Тутолминъ доносилъ, что съ ихъ наблюдательныхъ пунктовъ впереди Омарь-Кіюя видны были гонцы, скакавшіе по направленію къ Плевнѣ. По донесенію Тутолмина имъ обнаружено прибытіе 2-хъ баталіоновъ. Рекогносцировка его сопровождалась съемками, производимыми казачьими офицерами.

Часу во второмъ дня Тутолмину было послано извѣщеніе объ окончаніи рекогносцировки, обнаружившей значительныя силы въ Ловчѣ, не позволяющія намъ атаковать. Кавказской бригадѣ предписывалось отойти къ Омарь-Кіюю. Баклановъ донесъ, что противъ него ничего не было, что отъ Микре войскъ не подходило, но что ему видны были сильныя турецкіе резервы, двигавшіеся изъ-за города къ востоку, навстрѣчу нашихъ главныхъ силъ. Въ общемъ рекогносцировка 26-го іюля показала, что Ловча: 1) занята примѣрно 8—10 таборами; 2) горы, окружающія ее, представляютъ естественныя укрѣпленія; 3) сильно укрѣплена искусственно съ сѣвера и слабѣе съ востока и юга; 4) что атака съ сѣвера почти невыполнима, съ востока же возможна при большемъ перевѣсѣ въ силахъ и подготовкѣ атаки сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ; 5) что безъ 9-ти-фунтовыхъ орудій ничего предпринять нельзя въ виду отличныхъ дальнобойныхъ турецкихъ орудій, у насъ не существовавшихъ, и 6) что всѣ эти перемѣны въ положеніи и значеніи Ловчи произошли послѣ 16-го іюля, а слѣдовательно можно ожидать и дальнѣйшаго усиленія этого пункта, если мы это допустимъ. Съ подробнымъ донесеніемъ о результатахъ рекогносцировки, сущность которой изложена выше, начальникъ отряда послалъ меня, 27-го іюля, въ главную квартиру, куда прибылъ и самъ изъ Порадима 2-го августа.

Первымъ моимъ дѣломъ, пріѣхавъ въ Горній Студень и явившись по начальству, было отыскать свои вещи и перемѣнить бѣлье, которое было на мнѣ съ 14-го іюля, то-есть 14 дней; можно себѣ представить, каково оно было по тогдашней жарѣ и при постоянномъ усиленномъ движеніи!

О дѣлахъ нашихъ начальство меня не особенно много спрашивало, такъ какъ я при началѣ разговора объявлялъ, что вслѣдъ за мной пріѣдетъ и самъ Скобелевъ для личнаго доклада. Долженъ, впрочемъ, прибавить, что въ этотъ разъ я былъ принятъ довольно милостиво. Въ Горнемъ Студнѣ встрѣтилъ я корреспондента «Вѣстника Европы» Евгенія Исаковича Утина, знакомаго мнѣ еще по Петербургу. Онъ желалъ имѣть со мной собесѣдованіе, которое хотя и было назначено на 30-е утромя, но не состоялось почему-то. Скобелевъ привезъ наградныя лсты, имъ написанные о нѣкоторыхъ чинахъ за рекогносцировку 26-го іюля, и въ

томъ числѣ мой за все время, что я былъ подѣ его начальствомъ съ 16-го юня.

Такъ какъ отрядъ генерала Скобелева былъ расформированъ, то онъ, а слѣдовательно и я, остались безъ дѣла въ главной квартирѣ.

Тутъ впервые увидѣлъ я капитана генеральнаго штаба, не высокаго роста, съ очень симпатичнымъ лицомъ и манерами, украшеннаго уже орденомъ Георгія 4-й степени; это былъ Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ, кажется, незадолго передъ тѣмъ прибывшій въ главную квартиру за Дунай. Всегда ровный, спокойный, онъ, не будучи лишенъ отъ природы живости характера, увеличиваемой молодостью, держался очень солидно и степенно, внушалъ довѣріе. Хотя онъ въ то время состоялъ при полевомъ штабѣ, но въ немъ не было олимпійства, усвоеннаго нѣкоторыми чинами главной квартиры, не было и напускнаго хвастовства, которое обнаруживали иногда прибывшіе въ главную квартиру изъ отрядовъ, а между тѣмъ Георгій свидѣтельствовалъ о совершеніи имъ, еще въ молодыхъ годахъ, подвига храбрости. Я говорилъ равнѣе въ моихъ запискахъ, что въ началѣ войны у многихъ лицъ дѣйствующей арміи было предубѣжденіе противъ туркестанскихъ героевъ, вывезенное изъ Петербурга, но въ то время, которое я описываю теперь, предубѣжденіе это уже сгладилось, и туркестанцы успѣли зарекомендовать себя за Дунаемъ. Глядя на тихаго, спокойнаго, не возвышавшаго голоса Куропаткина, трудно было составить себѣ понятіе о немъ, какъ о выдающемся храбрѣцѣ; между тѣмъ мнѣ пришлось видѣть его впоследствии въ бою и видѣть его не разъ въ такія минуты, когда даже самыя головорѣзы-храбрецы смущались, терялись, а онъ оставался тѣмъ же невозмутимо-спокойнымъ, какъ-будто огонь и смерть, свирѣпствовавшіе кругомъ, совершенно до него не касались. Это была не та храбрость, которая называется шальной, это была храбрость разсудительная, которая двигаетъ человѣка впередъ въ сознаніи необходимости того, что онъ дѣлаетъ, ни на минуту не забывая того, что совершается вокругъ, не упуская изъ виду то, что ему надо помнить и видѣть, забывая только или, лучше сказать, игнорируя одно—опасность. Однимъ словомъ, довольно сказать, что самъ Скобелевъ, котораго можно взять за мѣрило храбрости, завидовалъ храбрости Куропаткина.

Это можетъ показаться невѣроятнымъ, можетъ быть, самъ Алексѣй Николаевичъ, если ему случится читать эти строки, усомнится въ правдивости моихъ словъ, но я докажу это впоследствии словами самого Скобелева, если только доведу мои записки до того времени, когда эти слова были сказаны.

Не помню, какого именно числа, но во всякомъ случаѣ между 1-мъ и 5-мъ августа шелъ я къ обѣду главнокомандующаго.

Проходя мимо палатки великаго князя Николая Николаевича Млад-

шаго, я зашелъ къ его высочеству, гдѣ задержался довольно долго, а выходя отъ него, услышалъ вблизи какіе-то стоны и оханье. Выйдя за бивакъ, къ моему ужасу, я увидѣлъ Нагловскаго, лежавшаго на откосѣ канавы, почти въ безсознательномъ состояніи. Невдалекѣ стояла какая-то карета весьма первобытной конструкціи, въ которой привезли Нагловскаго изъ Тырнова. Кое-какъ добился я отвѣта, что у него болитъ голова и что онъ не можетъ идти. Съ помощью людей великаго князя мы дотащили его до двора, на которомъ стояла моя палатка, были сложены его вещи, и помѣстили больного въ избѣ, занятой до того времени Артамоновымъ. Доктора, осмотрѣвшіе Дмитрія Станиславовича, заключили, что у него начало тифа—результатъ физическаго утомленія и нравственнаго напряженія, испытанныхъ имъ въ первомъ Забалканскомъ походѣ. Первоначальныя медицинскія пособія нѣсколько облегчили Нагловскаго, опасность заболѣть настоящимъ тифомъ миновала, но остались большая слабость и упадокъ силъ, для возстановленія которыхъ рѣшено было дать ему продолжительный отдыхъ, съ перемѣною мѣста. Съ этою цѣлью его отправили въ Букарестъ, гдѣ обстановка болѣе соотвѣтствовала его положенію. Покуда длились приготовленія къ его отправкѣ (надо было найти экипажъ и вообще обставить поудобнѣе это путешествіе), мы, насколько позволяло здоровье Нагловскаго, проводили время въ разговорахъ о видѣнномъ и испытанномъ. Каждый изъ насъ имѣлъ уже къ тому времени своего героя: я—Скобелева, онъ—Гурко. Дмитрій Станиславовичъ положительно поклонялся генералу Гурко, говорилъ о немъ восторженно, выхваляя его рѣшимость, спокойствіе, энергію и необычайную личную храбрость. Онъ говорилъ мнѣ, что былъ пораженъ, увидѣвъ въ своемъ начальникѣ, не бывшемъ ни въ какой академіи, такую массу военныхъ свѣдѣній, теоретическихъ и практическихъ, изблчавшихъ кромѣ большихъ всенныхъ дарованій еще и большую начитанность.

Наконецъ добыли коляску, и Нагловскій отправился въ путь.

Такъ какъ къ этому времени выяснилось уже значеніе Нагловскаго какъ боеваго офицера генеральнаго штаба, и онъ успѣлъ выказать на практикѣ свои дарованія, сдѣлался извѣстенъ начальству и войскамъ, то я думаю приспѣло и мнѣ время сдѣлать характеристику и посильную біографію этого замѣчательнаго человѣка, выдающагося военнаго таланта.

Постараюсь, насколько хватить умѣнья, исполнить предпринятую задачу.

Нагловскаго впервые увидѣлъ я въ аудиторіи младшаго курса Николаевской академіи генеральнаго штаба, на пріемныхъ экзаменахъ въ 1865 году, когда и я поступалъ въ академію. Всѣ мы, пріѣхавшіе съ разныхъ концовъ Россіи экзаменоваться, видѣли еще молодаго, но уже толстаго поручика гвардейской пѣшей артиллеріи, прибывшаго изъ

Варшавы ¹⁾ и обыкновенно сидѣвшаго въ аудиторіи поотдалъ отъ прочихъ. Его нельзя было назвать красивымъ, но обращало на себя вниманіе чудесное выраженіе его ясныхъ глазъ, доброе, мягкое, обнаруживавшее юношескую веселость, несмотря на солидность всей остальной фигуры.

По окончаніи пріемнаго экзамена, насъ оказалось въ младшемъ курсѣ всего 20-ть человекъ съ небольшимъ, почти всѣ были сверстники, много было товарищей по учебнымъ заведеніямъ, и скоро всѣ мы перезнакомились, нѣкоторые сдружились, а вообще всѣ сошлись. Только Нагловскій ни съ кѣмъ не сходился, держался въ сторонѣ, но это происходило не отъ гордости или нелюдимства, а отъ природной скромности и застѣнчивости, не покидавшей его до смерти и доходившей иногда, въ незнакомомъ обществѣ, до конфузливости. Первые лица, съ которыми онъ сблизился, были товарищи—шахматные игроки. Нагловскій отлично игралъ въ шахматы, и скоро въ столахъ аудиторіи появились шахматныя доски. Случалось частенько, что при «пустой лекціи», т. е. когда ея не было, по причинѣ неприхода профессора—большинство офицеровъ уходило изъ академіи, а Нагловскій оставался играть съ кѣмъ-нибудь. Это занятіе обратило на себя вниманіе профессора военной исторіи Александра Ивановича Беренса, страстнаго шахматиста, и съ тѣхъ поръ завязалось близкое знакомство Беренса съ Нагловскимъ.

Однако время дѣлало свое дѣло, и понемногу Нагловскій вошелъ въ болѣе близкое общеніе съ остальными товарищами.

Я не помню хорошенько, когда именно я съ нимъ сблизился, но помню, что на первой сѣжкѣ, при переходѣ изъ младшаго курса въ старшій, мы были уже въ хорошихъ отношеніяхъ. Въ старшемъ курсѣ мы жили въ одномъ домѣ (Утина, на Галерной), я жилъ съ Тимлеромъ, а Нагловскій одинъ, но окна наши были vis-à-vis, и мы могли переговариваться черезъ узкій дворикъ, насъ раздѣлявшій. Къ выпуску изъ академіи мы настолько уже сблизились, что, поступивъ въ генеральный штабъ Петербургскаго округа, рѣшили жить вмѣстѣ, что и продолжалось съ перерывами, вызываемыми служебными командировками, до отъѣзда Нагловскаго на Кавказъ, воспитателемъ великаго князя Николая Михайловича. Вернувшись въ Петербургъ, Нагловскій нашелъ меня уже женатымъ и былъ постояннымъ нашимъ гостемъ до совмѣстнаго со мной отъѣзда на войну. Послѣ войны и по возвращеніи моемъ въ Петербургъ съ министерскаго поста въ Болгаріи, мы были опять почти неразлучны до женитьбы Наглов-

¹⁾ Въ 1863 году въ августѣ первый боевой выстрѣлъ сдѣланъ былъ Нагловскимъ подъ моею командой въ дѣлѣ подъ Волей Староградской, гдѣ онъ командовалъ взводомъ пѣшей артиллеріи, о чемъ я узналъ отъ него въ Варшавѣ за годъ до его смерти.

скаго и моего отъѣзда въ 1881 году въ Вильну, а затѣмъ снова соединились въ Варшавѣ въ 1887 году и уже не разставались до его кончины.

Такая продолжительная близость даетъ мнѣ основаніе, съ нѣкоторой компетентностью, поговорить о Нагловскомъ.

Отца Дмитрія Станиславовича я не зналъ лично, но слышалъ, что это былъ весьма уважаемый человѣкъ, который, несмотря на польское происхожденіе, былъ далекъ отъ утопій и увлеченій своей націи, такъ что графъ Михайлъ Николаевичъ Муравьевъ держалъ его на службѣ при себѣ, въ Вильнѣ. Мать его была русская, Марья Дмитриевна Леонтьева, изъ старинной дворянской семьи Казанской губерніи.

Первоначальное образованіе Нагловскій получилъ въ Виленской классической гимназіи, а потомъ въ Казанскомъ университетѣ по математическому факультету, который окончилъ отлично, съ степенью кандидата. Изъ университета поступилъ онъ юнкеромъ въ гвардейскую пѣшую артиллерию въ Петербургѣ, тамъ же произведенъ въ офицеры, кончилъ артиллерійскую академію по 1-му разряду и, отслуживъ подожженное число лѣтъ въ строю въ Варшавѣ, въ 3-й гвардейской артиллерійской бригадѣ, при чемъ имѣлъ случаи участвовать въ экспедиціяхъ для усмиренія мятежа 1863 года, поступилъ въ академію генеральнаго штаба, которую кончилъ тоже по 1-му разряду.

Прохожденіе курса такого числа высшихъ учебныхъ заведеній и съ такимъ успѣхомъ указываетъ само по себѣ на выдающіяся способности Нагловскаго. И дѣйствительно, способности его и память были замѣчательныя. Занимаясь въ академіи онъ никогда не учился усердно, сиди за книгой, какъ дѣлали другіе, также не лишеныя способностей товарищи, а только перелистывалъ и проглядывалъ академическія записки или книгу. Громадныя способности дѣлали то, что онъ легко схватывалъ сущность предмета, а поразительная память давала возможность запоминать и детали. Но чтò особенно было въ немъ характерно, это то, что онъ изъ всего, прочитаннаго имъ, схватывалъ самое настоящее, усваивалъ себѣ не внѣшнія подробности, а внутреннее содержаніе предмета. Такъ бывало всегда и впоследствии, когда занятія наши сдѣлались добровольными, не по учебнику. Вместе съ тѣмъ ему была присуща разносторонность взгляда, способность схватить предметъ со всѣхъ сторонъ. Часто случалось въ спорахъ и разговорахъ, кажется, совѣмъ уже проникъ въ самую глубь предмета, перевернулъ его со всѣхъ четырехъ сторонъ, а Нагловскій укажетъ еще на одну, на пятую, которая, надо сознаться, частенько бывала главнѣйшей.

Широкій взглядъ на вещи и обширный умъ его не позволяли ему заниматься мелочами, а потому любимыми предметами его были тѣ, которые требовали большаго простора для ума и широкихъ соображеній, гдѣ можно было развернуться его обширными способностями. Любимыми

предметами его изъ области военныхъ наукъ *были* стратегія и критическій разборъ кампаній. Я не позволяю себѣ называть тактику предметомъ мелкимъ, но, не умѣя хорошенько выразить на бумагѣ мою мысль, скажу только, что стратегіей и военной исторіей Нагловскій занимался съ наслажденіемъ, а тактикой только настолько, сколько это требовалось. Разложивъ карты и планы, съ циркулемъ въ рукахъ, Нагловскій былъ въ состояніи просиживать цѣлые дни, до глубокой ночи изучая кампаніи и дѣянія великихъ полководцевъ, при чемъ роты, баталіоны, полки и подробности дѣйствій мелкихъ частей его не интересовали. Предметами, которые ему не нравились, онъ совсѣмъ не занимался, не будучи въ состояніи себя къ этому принудить; такъ, въ академіи, онъ не могъ осилить черченія, что ему очень вредило при постановкѣ балловъ.

Поступивъ въ генеральный штабъ, мы были назначены старшими адъютантами штабовъ дивизій: онъ—1-й гвардейской пѣхотной, а я 2-й гвардейской кавалерійской и жили на большой квартирѣ въ казармахъ мѣстныхъ войскъ. Служа въ штабѣ дивизіи, Нагловскій не могъ помириться съ текущей перепиской, съ этими «противными бумажками», какъ онъ выражался, чѣмъ приводилъ въ большое огорченіе своего начальника штаба, надѣявшагося исправить Дмитрія Станиславовича и приучить къ «исходящимъ» и «входящимъ». Эти попытки исправить Нагловскаго приводили иногда къ комичнымъ сценамъ, такъ какъ начальникъ штаба, человекъ въ высшей степени вѣжливый, деликатный и терпѣливый, по словамъ Дмитрія Станиславовича, заводилъ его своимъ терпѣніемъ. Часто, бывало, возвратясь домой изъ своего штаба послѣ сцены съ Левицкимъ, я шелъ излить душу къ Нагловскому и заставалъ его по большей части уже вернувшимся изъ его штаба и отдыхающимъ на диванѣ. «Что, опять поругался?»—спросить онъ, видя мое взволнованное состояніе, и на мой утвердительный отвѣтъ всегда отвѣтитъ одно и то же: «какой ты счастливый; а я вотъ все собираюсь; совсѣмъ ужъ пригтовлюсь, но Х. такой вѣжливый и деликатный, что никакъ не могу этого сдѣлать».

Въ то время въ штабѣ Петербургскаго военнаго округа явилось намѣреніе составить трудами офицеровъ генеральнаго штаба статистическое описаніе округа. Намъ были розданы темы, Нагловскому задано было топографическое описаніе Новгородской губерніи, а мнѣ такое же описаніе Николаевской желѣзной дороги въ предѣлахъ округа. Дмитрій Станиславовичъ не могъ переварить этого и сердился, говоря, что онъ не можетъ писать топографическое описаніе Новгородской губерніи, сидя въ квартирѣ на Фонтанкѣ.

Послѣ неоднократныхъ бесплодныхъ напоминаній о скорѣйшемъ представленіи работъ, къ намъ пріѣхалъ завѣдывавшій этими работами

штабъ-офицеръ и весьма удивился, услышавъ откровенное признаніе Нагловскаго въ томъ, что онъ теперь, черезъ полгода или годъ послѣ заданія, значительно удалился отъ окончанія работы, чѣмъ то было при ея полученіи, потому, что тогда было по крайней мѣрѣ цѣло планное заданіе, а теперь оно потеряно.

Нагловскій бывалъ лѣнивъ и даже очень, но эта лѣньность проявлялась не всегда и не ко всему. Его лѣньность весьма характерно названа генераломъ Пузыревскимъ — физической неподвижностью, что совершенно вѣрно, такъ какъ умственно онъ былъ очень подвиженъ. Лѣнивъ былъ Нагловскій на то, что ему не нравилось, въ томъ числѣ и на письма. Написать письмо для него было великимъ подвигомъ, а получить письмо отъ Нагловскаго составляло событіе; онъ даже лѣнился иногда читать письма. Какъ теперь помню однажды, еще въ дни нашей молодости, нашелъ я на его зеленомъ шерстяномъ диванѣ нераспечатанное заказное письмо, очевидно, давнишнее, отъ управляющаго его казанскимъ имѣніемъ. Предполагая, что оно нечаянно забыто посреди массы валавшихся тутъ же бумагъ, я показалъ его Нагловскому, но онъ преспокойно отвѣчалъ, что помнить о немъ, но читать не стоитъ: «все равно, вретъ; навѣрно пишетъ о неурожаѣ и что дохода нынче нѣтъ».

Другимъ недолимымъ дѣломъ для Дмитрія Станиславовича были свѣтскіе визиты; тутъ онъ доходилъ до невозможности, но всегда находилъ себѣ оправданіе, конечно, шуточное. Онъ самъ рассказывалъ, что однажды, собиравсь долгое время отдать визитъ, наконецъ рѣшилъ сдѣлать его непременно въ назначенный день, о чемъ и сообщилъ кому то, но получилъ въ отвѣтъ, что лицо это уже умерло; Дмитрій Станиславовичъ прибавлялъ: «вотъ и хорошо, что я не торопился».

Написавъ такъ много о лѣньности Нагловскаго, долженъ еще разъ оговориться, что при работѣ, его интересовавшей, или когда того настоятельно требовала обстановка, лѣнь не только исчезала, но онъ, какъ говорится, совсѣмъ зарывался въ работу.

Точно также исчезала лѣнь, когда являлись интересные собесѣдники; тутъ, въ разговорахъ и спорахъ, проявлялся весь блестящій умъ Нагловскаго, его глубокія всестороннія знанія и начитанность. Приятныя манеры, благовоспитанность и деликатность въ обращеніи дополняли сказанное, и Нагловскій всегда и вездѣ становился центромъ, къ которому притягивались другіе. Переходя къ обрисовкѣ нравственной и духовной стороны Нагловскаго, необходимо вернуться къ годамъ его молодости.

Католическое вѣроисповѣданіе его отца не имѣло ни малѣйшаго вліянія на религиозныя воззрѣнія Дмитрія Станиславовича, начала которыхъ вложены были въ него его матерью, одною изъ тѣхъ почтенныхъ, трезвомыслящихъ, образованныхъ русскихъ женщинъ, которыми

была богата наша старина. Но наиболѣе глубокое *Вліяніе* на религиозное, духовное и нравственное развитие Нагловскаго имѣлъ извѣстный въ 50-хъ годахъ профессоръ богословія Казанской духовной академіи архимандритъ Феодоръ (Бухаревъ) ¹⁾.

Подъ вліяніемъ этого высоко-религіознаго, твердаго въ убѣжденіяхъ, преисполненнаго теплой любви ученаго богослова, развились и въ Дмитріи Станиславовичѣ: глубокая набожность, непоколебимыя нравственныя начала, необыкновенное благодушіе, а также основательныя познанія религіи. Строгость къ себѣ, снисходительное отношеніе къ чужимъ слабостямъ, терпимость и доступность были постоянными спутниками жизни Нагловскаго. Онъ не уменьшалъ вины другаго, называлъ вещи настоящими ихъ именемъ, но всегда искалъ поясненія вины, условій, ее вызывавшихъ, и всегда находилъ въ человѣкѣ частичку искры Божіей.

Нельзя сказать, чтобы не было людей, которыхъ бы онъ не любилъ и не оуждалъ; таковыя были, и онъ этого не скрывалъ, но дѣлалъ разницу между личными своими врагами и порицателями (а таковыхъ было много) и людьми, по его мнѣнію, вредными или не достойными.

Про первыхъ онъ говорилъ мало, махнулъ, бывало, рукой—и конецъ, вторыхъ же онъ не щадилъ въ оцѣнкѣ ихъ дѣйствій, но никогда не говорилъ съ вѣтру, не убѣдившись въ дѣйствительности.

Съ грустью долженъ сказать, что онъ не любилъ моего тогдашняго героя—Скобелева.

Благотворенія его, широко дѣлаемыя, мало кто и зналъ. Онъ руководствовался Евангеліемъ: «Внемите, милостыни вашия не творите предъ человѣки, да видима будете ими»... «Тебѣ же творящу милостыню, да не увѣсть шуйца твоя, что творить десница твоя» ²⁾.

Могу даже привести тому примѣры: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, изъ собственныхъ средствъ вносилъ онъ въ одну изъ варшавскихъ гимназій установленную плату за обученіе гимназиста, отецъ котораго былъ уволенъ отъ службы по несчастному стеченію обстоятельствъ, а не за преступленіе, и тѣмъ лишенъ былъ возможности платить за сына. Надо прибавить, что до этого случая ни сынъ, ни отецъ не были лично извѣстны Нагловскому; онъ зналъ только подробно обстоятельства дѣла и положеніе семьи.

¹⁾ Архимандритъ Феодоръ вызвалъ въ свое время весьма разнорѣчивыя о немъ сужденія. Въ Казани явилось у него много почитателей, устраивались особые вечера, на которыхъ онъ читалъ Евангеліе съ толкованіемъ или говорилъ что-либо назидательное. Интересныя о немъ подробности можно найти въ „Исторіи Казанской духовной академіи“ П. Знаменскаго 1891 и 1892 г. Томъ 1 и 2. См. также „Русскую Старину“ 1897, № 3, стр. 495.

²⁾ Евангеліе отъ Маттея, гл. 6, ст. 1 и 3.

Часто посылалъ онъ, секретнымъ образомъ, довѣренное лицо убѣдиться, дѣйствительно ли бѣдственно положеніе обращающихся къ нему за помощью, и въ утвердительномъ случаѣ широко помогать отъ неизвѣстнаго.

Черезъ нѣкоторое время по кончинѣ Нагловскаго на Вольское кладбище въ Варшавѣ пришла какая-то пожилая дама съ дѣтьми, возложила вѣнокъ на надмогильный крестъ и удалилась, такъ что никто даже изъ близкихъ Нагловскому не знаетъ, кто была эта особа, но можно догадываться, что она испытала на себѣ когда-нибудь благодѣяніе Нагловскаго.

Будучи глубоко религіозенъ, Нагловскій не вводилъ въ свое богопознаніе новѣйшихъ формъ и вѣровалъ просто, по-старинному; несмотря на то, что онъ жилъ и дѣйствовалъ во второй половинѣ и даже концѣ XIX вѣка, богатаго стремленіемъ къ такъ называемому очищенію религіи, Нагловскій, обладая знаніемъ богословскихъ наукъ, оставался строгимъ блюстителемъ неприкосновенности евангельскаго ученія и постановленій церкви, не отвергая и не исправляя обрядъ и не стремясь слѣдовать новаторамъ вѣроученія, столь расплодившимся въ послѣднее время, къ которымъ можно примѣнить слова апостола Павла. «Свидѣтельствую бо имъ, яко ревность Божию имуть, но не по разуму. Не разумѣюще бо Божія правды и свою правду и щуще поставити, правдѣ Божіей не повинуются»¹⁾.

До конца своей жизни Нагловскій держался стариннаго русскаго обычая вообще и между прочимъ наканунѣ новаго года, а также другихъ выдающихся по чему-либо въ году дней служилъ на дому всеобщую.

Онъ помнилъ и чтилъ старинныя преданія, видѣлъ въ нихъ не одну только форму, часто теперь осмѣиваемую, какъ устарѣвшую закорумозность отжившихъ понятій; будучи математикомъ, онъ, несмотря на это, хорошо зналъ исторію, особенно русскую, съ почтеніемъ и любовью относился къ народной старинѣ, усматривая въ ней не одну только сказочную вышность, а проникая въ глубь этой сказки народа, крѣпкаго вѣрой и преданіемъ. Онъ какъ будто помнилъ трогательныя слова симпатичнаго о. Туберозова, героя повѣсти Лѣскова, «Соборяне»: «Живите, государи мои, люди русскіе, въ ладу съ своею старою сказкою. Чудная вещь старая сказка! Горе тому, у кого ея не будетъ подъ старость»²⁾.

Уваженіе его къ старинѣ, теплота душевная и благодушіе имѣли и приложеніе. По смерти родителей онъ пріютилъ у себя свою старую няню; она жила у него, и Дмитрій Станиславовичъ бралъ ее съ собой

¹⁾ Посланіе въ Римлянамъ, гл. X, ст. 2 и 3.

²⁾ „Соборяне“. Н. Лѣскова, 1878 г.

при продолжительныхъ командировкахъ, требовавшихъ его водворенія на новомъ мѣстѣ, въ томъ числѣ и при назначеніи на Кавказъ, окружающаго ее нѣжнымъ попеченіемъ.

Многіе ли изъ современныхъ юношей сдѣлали бы то же?

Увлекаясь портретомъ Нагловскаго, я боюсь, чтобы изъ описанія моего не вышло изображеніе человѣка внѣ земной жизни, парящаго надъ грѣшнымъ людомъ, чуждаго всему, присущему землѣ, однимъ словомъ—человѣка не отъ міра сего. Ничего подобнаго не было. Нагловскій жилъ, какъ и всѣ живутъ, имѣлъ свои слабости и увлеченія, спотыкался такъ же, какъ и другіе, но и въ этомъ онъ сохранялъ душевную чистоту, чрезвычайное благородство и никогда не опускался ниже черты порядочности. Онъ не отставалъ отъ товарищей въ кутежахъ молодости, не порицалъ нашихъ увлеченій, подчасъ и самъ увлекался, но все это было прилично, вездѣ и всегда былъ онъ на высотѣ человѣческаго достоинства.

Такимъ образомъ въ Нагловскомъ соединялись рѣдкія дарованія души, ума, познаній, и съ этими данными явился онъ на войну.

Во время кишиневскаго сидѣнья онъ состоялъ при начальникѣ полевого штаба арміи и ему поручались самыя крупныя работы; такъ напримѣръ, ему поручено было составленіе плана наступленія арміи въ Румынію и къ Дунаю,—работа большая, требовавшая знаній и широкихъ соображеній.

При сформированіи передоваго отряда, долженствовавшего играть выдающуюся роль, Нагловскій былъ назначенъ туда въ качествѣ начальника штаба; генералъ Гурко, не знавшій Нагловскаго и привыкшій къ своему начальнику штаба дивизіи Бунакову, выразилъ желаніе получить Бунакова, что и было исполнено, но покуда Бунаковъ ѣхалъ изъ Петербурга, передовой отрядъ взялъ уже Тырново, перевалилъ черезъ Балканы, одержалъ нѣсколько блестящихъ успѣховъ, начальникъ отряда успѣлъ познакомиться съ Нагловскимъ и оцѣнить его, такъ что когда пріѣхалъ Бунаковъ, генералъ Гурко не нашелъ удобнымъ смѣщать Нагловскаго, вполне освоившагося съ положеніемъ дѣлъ, оставилъ его начальникомъ штаба, а Бунакова взялъ къ себѣ для порученій въ отрядѣ.

По приходѣ гвардіи за Дунай, вся она подчинена была генералу Гурко подъ названіемъ западнаго отряда, въ которомъ начальникомъ штаба былъ Нагловскій. Западный отрядъ, съ паденіемъ Плевны, разросся до значенія отдѣльной арміи, и его начальникъ задумалъ совершить знаменитый въ исторіи зимній переходъ черезъ Балканы.

Тутъ представилось обширное поприще для приложенія дарованій Нагловскаго, и тутъ, какъ и всегда, остался онъ вѣренъ себѣ. Наканунѣ или вообще передъ совершеніемъ какого-нибудь стратегическаго движенія или операціи, долженствовавшихъ привести къ крупному резуль-

*

тату, Нагловскій въ длинномъ пальто, съ циркулемъ въ рукахъ, сидя иногда на обрубкѣ дерева, какъ будто наслаждался, глядя на карту, мысленно созерцая будущія движенія и дѣйствія, ведущія въ совокупности къ отдаленной еще, можетъ быть, но вѣрной цѣли—побѣдѣ.

Вся такъ называемая глѣнь его исчезала; онъ работалъ не только не меньше другихъ, но даже больше. Онъ несъ на себѣ одномъ весь громадный трудъ разработки стратегическихъ указаній своего начальника, не имѣя настоящаго помощника, такъ какъ тотъ офицеръ, который официально числился въ этой должности, былъ постоянно отвлекаемъ другими порученіями; но съ выѣздомъ въ поле, когда начинались детали исполненія, весь пылъ Нагловскаго какъ будто пропадалъ, дотога онъ былъ спокоенъ.

Я не хочу сказать, чтобы онъ ими не интересовался, не наблюдалъ ихъ; конечно, весьма интересовался и наблюдалъ, но казалось, что будто онъ думалъ: «сдѣлайте только все такъ, какъ вамъ указано—и будетъ хорошо».

Въ западномъ отрядѣ арміи явилось рѣдкое на войнѣ, не внѣшнее только, но и духовное сочетаніе предводителя и его начальника штаба; второй составлялъ дополненіе первому, и я думаю, трудно было бы провести гравь, гдѣ кончался одинъ и начинался другой—до такой степени велики были ихъ единомысліе и близость.

Благодаря такому единству мыслей и накопленію способностей наверху, безотвѣтной храбрости и готовности войскъ идти по указанію одареннаго непреклонной волей вождя, осуществились такіе подвиги русской арміи, въ возможность которыхъ никто не хотѣлъ вѣрить, такъ что знаменитый стратегъ Мольтке, слѣдившій за нашей войной по картѣ, видя наступившую зиму и знакомый съ Балканами, понимая, что наступила борьба не съ арміей неприятельской, а съ неумолимой стихіей, говорятъ, сложилъ карту, убѣжденный въ необходимости приостановки военныхъ дѣйствій до болѣе благоприятнаго времени года; но долженъ былъ вновь развернуть ее для того, чтобы созерцать по ней не то, чтò, по его мнѣнію, можетъ случиться, а то, чтò уже совершилось.

Надо думать, что долго еще военной исторіей будутъ приводиться примѣрами: Арабъ-Конакъ, Софія, Филиппополь, Балканы, но правдивые историки, упоминая эти названія, должны будутъ говорить не о всякой арміи, а объ арміи русской.

Не должны быть при этомъ забыты и имена вождей.

По окончаніи войны, Нагловскій былъ долгое время членомъ коммисіи по разбору пятадцатскихъ операцій во время войны и жилъ въ Одессѣ. Съ назначеніемъ генерала Гурко петербургскимъ генералъ-губернаторомъ и помощникомъ главнокомандующаго, Нагловскій пере-

брался въ Петербургъ помощникомъ начальника штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военного округа.

Съ удаленіемъ генерала Гурко отъ занимаемыхъ имъ постовъ и Нагловскій удалился съ своего. Было одно время, что онъ хотѣлъ со-всѣмъ оставить военную службу и принять предложенное ему мѣсто почетителя Казанскаго учебнаго округа. Къ счастью для военного вѣдомства бывшій начальникъ главнаго штаба графъ Гейденъ не опустилъ этого, и Нагловскій получилъ назначеніе въ главномъ штабѣ. Здѣсь, подъ руководствомъ генерала Обручева, Нагловскій занялся вопросами мобилизаціонными и обороны страны, что дало возможность и генералу Обручеву оцѣнить выдающіяся способности Дмитрія Станиславовича.

Въ главномъ штабѣ Нагловскій работалъ съ увлеченіемъ; дѣло было для него пріятное и ему по плечу; но и тутъ онъ остался такимъ же, какимъ былъ всегда: записка, имъ составленная, была написана весь-ма талантливо, но въ то же время была и очень тоненькая.

По назначеніи генерала Гурко въ Одессу, Нагловскій получилъ мѣсто начальника штаба Одесскаго военного округа, а потомъ переѣхалъ вслѣдъ за генераломъ Гурко въ Варшаву.

Къ несчастью, здѣсь начали ужъ сказываться результаты физической неподвижности Нагловскаго; штабныя занятія и сидячая жизнь давали много мѣста этой неподвижности и кончилось все скоростижной смертью, въ часъ по полуночи съ 12-го по 13-ое января 1890 года.

Многіе знали и по достоинству цѣнили Нагловскаго еще при его жизни, но дѣйствительное его значеніе выразилось ощутительно для нѣкоторыхъ, кажется, только послѣ его смерти.

Не выдаваясь ничѣмъ громкимъ въ скромной своей варшавской жизни, Дмитрій Станиславовичъ вѣроятно и не подозрѣвалъ, что смерть его составитъ огромное событіе. Первымъ лицомъ, громогласно заявившимъ о дѣйствительномъ значеніи понесенной утраты, былъ его начальникъ и другъ, маститый вождь балканскихъ героевъ, лучше всѣхъ понимавшій значеніе совершившагося. Въ кабинетѣ Нагловскаго, сидя у его опустѣлаго письменнаго стола, генералъ Гурко собственноручно написалъ слѣдующую краткую, но сильную телеграмму:

«Петербургъ. Начальнику главнаго штаба. Войска Варшавскаго округа, а съ ними вся Россія понесла сегодня незамѣнимую потерю. Генералъ Нагловскій скоростижно умеръ».

Высшее начальство оцѣнило по достоинству это скорбное извѣстіе. Въ отвѣтъ на телеграмму генерала Гурко получены были слѣдующія:

1) «Глубоко поражены и удручены смертью Нагловскаго. Это тяжелая и неоцѣнимая потеря для генеральнаго штаба.—Миръ его праху, честная, славная ему память. Обручевъ».

2) «Глубоко огорченъ извѣстіемъ о внезапной кончинѣ генерала Нагловскаго. Это огромная потеря для нашей арміи и несомнѣнно для всей Россіи. Нашъ генеральный штабъ гордился считать въ своихъ рядахъ генерала Нагловскаго, и потому утрата его составляетъ трудно вознаградимую потерю...») Генераль-адъютантъ Ванновскій».

Похороны Нагловскаго были необычайны. Это было, какъ выразился генераль Гурко пишущему эти строки, не просто похороны, это было «трогательное торжество какое-то».

По пути печальнаго шествія толпились такія толпы народа, что я рѣдко видѣлъ что-нибудь подобное не только въ Варшавѣ, городѣ чуждомъ русскому горю, но и въ другихъ мѣстахъ.

Гробъ съ останками Нагловскаго везли не на погребальныхъ дрогахъ, а на лафетѣ, и скоро небольшой кусокъ земли на Волѣ поглотилъ то, что еще недавно дышало силою мысли, души и сердца, что давало основательныя надежды съ нѣкоторымъ спокойствіемъ взирать на грядущія испытанія и что оставило по себѣ вѣчную память.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1) Конецъ этой телеграммы, имѣющей частный характеръ, опущенъ

Изъ архива А. В. Никитенко.

(Письма къ нему разныхъ лицъ)¹⁾.

Ф. Чижевъ²⁾—А. В. Никитенко.

1.

3-го сентября (22-го августа) 1841 г. Дрезденъ.

Можетъ быть, вы немножко на меня и посерживаетесь, мой добрый Александръ Васильевичъ; гадко, я знаю, что гадко, такъ долго не писать къ людямъ, съ которыми соединенъ душевнымъ родствомъ. Но вотъ въ чемъ дѣло, изъ Малороссіи мнѣ писать было не возможно...

¹⁾ См. «Рус. Старину» 1898 г. № 5 стр. 335—345.

²⁾ Федоръ Васильевичъ Чижевъ—замѣчательный дѣятель по части распространенія и развитія въ Россіи торговой и промышленной дѣятельности. Онъ родился въ 1811 году въ Костромской губерніи, а высшее образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ примкнулъ къ кучкѣ даровитыхъ молодыхъ людей—душой которыхъ былъ А. В. Никитенко. Между обоими завязалась тѣсная дружба, которая не ослабѣвала до конца ихъ жизни: смерть сразила обоихъ въ одномъ и томъ же 1877 году. Скоро по окончаніи курса, а именно въ 1836 году, Чижевъ занялъ въ Петербургскомъ университетѣ катедру адъюнктъ-профессора по математикѣ и занималъ ее около 8-ми лѣтъ. Въ теченіе этого времени онъ написалъ нѣсколько хорошихъ произведеній по своей специальности и напечаталъ превосходный переводъ „Исторіи Европейскихъ литературъ въ XV и XVI столѣтіяхъ“, Галлама, снабдивъ свой переводъ дополненіями и комментаріями, изобличавшими въ немъ самое обширное познаніе по этому предмету.

Но пылкая натура Федора Васильевича не могла долго удовлетворяться кропотливой кабинетной работой: она влекла его къ болѣе живой практической дѣятельности. Университетское преподаваніе того времени, казало ему, заключало мысль въ слишкомъ тѣсныя рамки, и онъ не замедлил проинициать его на частную педагогическую дѣятельность, въ которой надѣялся

Не браните меня и не вините,—скорѣ перейду къ моему быту настоящему. Первые мѣсяцы моей жизни за границей были для меня адомъ, рѣшительно адомъ: во-первыхъ, въ Малороссіи я оставилъ все, съ чѣмъ связалась, и можетъ быть связалась неразрывно, моя жизнь внутренняя, по крайней мѣрѣ главная часть ея—жизнь сердца. Для умственной жизни—Австрія не много даетъ пищи, а если даетъ, то каждый кусокъ ея обливается желчью,—эта дьявольская апатія, это обжорливое самодовольствіе, это неизмѣнное спокойствіе въ жизни частной, точно такъ же, какъ и въ литературной и вообще въ дѣлѣ образованности, этотъ иезуитизмъ, проникнувшій во всѣ изгибы каждого отдѣльно и отсвѣчивающійся вездѣ въ обществѣ, отсутствие всего изящнаго, и при этомъ какое-то нагло высокое мнѣніе о себѣ какъ о народѣ европей-

найти больше простора. Случай свелъ его съ одной малороссійской семьей, и онъ занялся воспитаніемъ въ ней старшаго сына. Опытъ, повидимому, удался; по крайней мѣрѣ, Ѳеодоръ Васильевичъ всю жизнь сохранялъ съ своимъ питомцемъ самыя лучшія отношенія. А немного спустя, ему, наконецъ, удалось исполнить свою завѣтную мечту и предпринять поѣздку за границу—въ Италію, которая манила его къ себѣ чарующей прелестью своей природы и дивными памятниками искусства. Къ этому именно періоду его жизни и относятся печатаемые нами здѣсь письма къ другу его, А. В. Никитенко—письма, въ которыхъ включомъ быть страстная любовь къ искусству и восторженное поклоненіе странѣ, на почвѣ которой оно такъ пышно расцвѣло.

Въ Римѣ Чижовъ познакомился съ Гоголемъ и Языковымъ, съ Ивановымъ и съ другими русскими художниками, въ то время проживавшими тамъ, и самъ углубился въ изученіе живописи. Плодомъ этого пребыванія и изученія явились статьи Чижова: „О римскихъ письмахъ Муравьева“ и „О работахъ русскихъ художниковъ въ Римѣ“, въ „Московскомъ Сборникѣ“ за 1846—1847 года, и „Джованни Фиезолскій и объ отношеніи его произведеній къ нашей иконописи“, въ „Русской Бесѣдѣ“ 1856 года.

Но ни продолжительное пребываніе за границей, ни знакомство съ лучшимъ строемъ политической, общественной и умственной жизни не раскололи Чижова къ Россіи, какъ то одновременно случилось съ его не менѣе даровитымъ, но не столь устойчивымъ въ своихъ привязанностяхъ и возвращеніяхъ, товарищемъ, Печерниковымъ, который даже принялъ католичество и, въ послѣдствіи, достигъ званія епископа въ Дублинѣ, что, впрочемъ, не принесло ему ожидаемаго удовлетворенія. Блескъ итальянскаго неба, пышность католическаго ритуала не затмили въ глазахъ Чижова болѣе блѣднаго неба Россіи и не поколебали его пріверженности къ православію. Напротивъ, любовь ко всему родному окончательно въ немъ окрѣпла, а послѣ того, какъ онъ, въ 1845 году, посѣтилъ славянскія земли, Чижовъ навсегда примкнулъ къ московскому кружку славянофиловъ. Къ этому времени относятся записки его о бытовыхъ чертахъ южныхъ славянъ и о памятникахъ римскаго водчества, которыя появились въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1847 года. Но вскрываемое имъ сочувствіе къ судьбѣ единоверцевъ, подчиненныхъ Турціи и Австріи (онъ даже какъ-то разъ умудрился посодѣйствовать черногорцамъ при выгрузкѣ ими на Далматскомъ берегу оружія) заставило послѣднюю по-

скомъ,—все это вмѣстѣ, съ сильно снѣдавшею меня грустью, произвело самое непріятное на меня впечатлѣніе и даже, смѣшно сказать, кажется, что все это способствовало къ усиленію моего нервнаго расстройства. Въ Прагѣ я отдохнулъ на славяноманіи Ганки,—тутъ пригрѣло меня его теплое, этого мало, самое пламенное чувство любви къ роднѣй; правда, что формы его немного странны, желанія и мечты и несбычвы, и односторонни, но тутъ есть жизнь и жизнь не натянутая. Сама Прага восхитила меня своею древностію, своею романтическою неправильностію и множествомъ памятниковъ ея старой исторіи. Къ несчастію, здоровье мое уже сильно испортилось, ноги отказались служить, и я пріѣхалъ въ Дрезденъ въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Докторъ Карусъ уговорилъ, почти упробилъ меня поѣхать въ Маріенбадъ лѣ-

дозрительно отнестись къ русскому путешественнику, и ова сдѣлала на него доносъ русскому правительству. Когда, вслѣдъ за тѣмъ, Федоръ Васильевичъ возвращался въ Россію, онъ былъ арестованъ на границѣ и препровожденъ въ Петербургъ, гдѣ его подвергли строгому допросу: Печальный эпизодъ, правда, благополучно окончился для Чижова, но имѣлъ рѣшающее вліаніе на его послѣдующую дѣятельность. Отпущенный на свободу, Федоръ Васильевичъ, однако, оставался подъ надзоромъ полиціи, и ему не разрѣшили издавать журналъ, въ которомъ онъ собирався поддерживать свои славянофильскія воззрѣнія.

Это, однако, не сломило его энергіи. Встрѣтивъ преграду на одномъ пути, онъ поспѣшилъ утвердиться на другомъ, который тоже представлялъ для него не мало привлекательнаго. Рядомъ съ пытливымъ умомъ и идеальными воззрѣніями, въ натурѣ Чижова была глубоко заложена также практическая жилка и „способность подчинять свои личныя соображенія практическимъ цѣлямъ жизни и доходить до вѣрныхъ результатовъ хотя бы болѣе медленнымъ путемъ“. Цѣли эти, вскалз ли онъ ихъ въ идеальной сферѣ художественнаго творчества или переносилъ на болѣе трезвую почву пракческаго дѣла, Федоръ Васильевичъ всегда имѣлъ въ виду общее благо. Такъ и теперь, поселяясь въ Кіевской губерніи и радѣя объ улучшеніи экономическаго быта хѣстнаго населенія, онъ задумалъ создать тамъ новую отрасль промышленности въ видѣ распространенія въ краѣ шелководства. Для этого онъ самъ принялся за изученіе этого промысла, сталъ разводить шелковичныхъ червей и напечаталъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ рядъ статей о шелковичномъ производствѣ. Впослѣдствіи статьи эти вышли отдѣльной книгой и обратили на себя вниманіе, между прочимъ, и живымъ, полнымъ интереса, художественнымъ изложеніемъ.

Послѣ Крымской кампаніи, Федоръ Васильевичъ, охваченный общимъ оживленіемъ во всѣхъ сферахъ нашей общественной жизни, окончательно посвятилъ себя дѣлу развитія промышленныхъ и торговыхъ интересовъ Россіи. Въ этомъ направленіи дѣятельность его была особенно плодотворна. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ издавалъ „Вѣстникъ Промышленности“, журналъ, не мало способствовавшій объединенію русскихъ капиталистовъ и промышленныхъ дѣятелей, съ которыми за это время сблизился Федоръ Васильевичъ посредствомъ своего органа. И не однимъ словомъ ратовалъ онъ на пользу

читься тамошними минеральными водами. Сначала я сопротивлялся всѣми силами, но сила больного не велика, Карусь превозмогъ, и я теперь благодарю его. Мариенбадскія воды помогли мнѣ очень много и прогнали тотъ скверный взглядъ на вещи... Кончилъ я воды, и вотъ другая недѣля, какъ я вполне путешественникъ. Въ первый разъ испытываю я наслажденіе путешествовать, можетъ быть въ послѣдствіи оно наскучитъ, но пока еще оно наполняетъ меня совершенно. Я не знаю, куда идетъ мое время, выгадываю, выкраиваю и едва успѣваю выкроить полчаса, часъ, чтобъ написать письмо. Дрезденъ полонъ художественности, картинная галлерей, дрезденская картинная галлерей — одного уже этого довольно, чтобъ не искать прочаго. Собраніе картинъ, всего числомъ до 2.000, въ числѣ которыхъ вы находите «Мадонну» Рафаэля, его вели-

отечественной промышленности, для поддержанія которой не щадилъ ни силъ, ни средствъ. Первымъ дѣятельнымъ шагомъ его въ этомъ направленіи была постройка Троицкой—первой русской частной желѣзной дороги, которая потомъ, благодаря его же стараніямъ, была проведена до Ярославля и до Вологды. Позже, при продажѣ правительствомъ Московско-Курской желѣзной дороги, она, благодаря его же содѣйствію, не перешла, по примѣру Николаевской, въ руки французской компаніи, но осталась въ русскихъ рукахъ, и Чижовъ, до конца жизни, занималъ мѣсто предсѣдателя въ ея правленіи. Затѣмъ, его же инициативѣ, главнымъ образомъ, обязаны своимъ возникновеніемъ: Московскій купеческій банкъ и Московское купеческое общество взаимнаго кредита. Наконецъ, всего за три года до смерти, движимый желаніемъ пробудить отъ спячки, въ какую она была погружена, нашу Сѣверную окраину, онъ съ неутомимой энергіей приступилъ еще къ учрежденію Общества пароходнаго плаванія вдоль Мурманскаго побережья и принесъ въ жертву этому дѣлу весь свой тогда наличный капиталъ въ двѣсти тысячъ рублей. Итакъ, Федоръ Васильевичъ, несмотря на тяжелый недугъ, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подтачивавшій его силы, буквально до послѣдней минуты не прекращалъ своей благотворной дѣятельности. Участіе въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ и банковыхъ операціяхъ подало поводъ къ толкамъ объ огромномъ богатствѣ, будто бы важномъ Чижовымъ. Но, когда онъ умеръ, у него на-лицо оказалось всего двѣ тысячи рублей. Весь капиталъ его, почти исключительно состоявшій изъ акцій Московско-Курской желѣзной дороги, въ силу разныхъ обязательствъ и договоровъ могъ быть обращенъ въ деньги лишь 18 лѣтъ спустя — слѣдовательно, Федоръ Васильевичъ, уже находившійся тогда въ почтенномъ возрастѣ, не могъ рассчитывать на личное пользованіе имъ. Но, до конца вѣрныи своей задачѣ—поднять въ Россіи духъ промышленности и утвердить ее на этомъ пути, онъ завѣщалъ свои будущія богатства родной Костромской губерніи для устройства въ ней техническихъ и ремесленныхъ училищъ. Наконецъ, при всей этой кипучей дѣловой жизни, въ Чижовѣ не угасала любовь къ литературѣ, и русское общество обязано ему тремя послѣдовательными изданіями сочиненій Гоголя, которыя онъ вынесъ на своихъ плечахъ, предоставляя весь доходъ съ нихъ родственникамъ автора.

С. Н.

чайшее произведение, «Ночь» Корреджіо, Тиціанова «Спасителя» и Тиціанову «Венеру», кромѣ десятка другихъ картинъ его, «Мадонну» Гольбейна, Рафаэля нѣмецкой школы, до тридцати картинъ Рубенса, Теньера, Рембрандта, Альбана. Караваджа, Дольчи и сотни великихъ живописцевъ. И все это къ вашимъ услугамъ, галерея открыта всякій день отъ 9-ти утра до часу по полудни, описаніе вы можете имѣть за 3 рубля ассигнаціями. Правда, что картины разставлены не совсѣмъ хорошо, слишкомъ сбиты и не совсѣмъ въ порядкѣ, ну, что дѣлать, такъ много здѣсь имѣешь, что охотно прощаешь за лишеніе того, что можно было бы имѣть. Давно уже думаютъ построить отдѣльное зданіе для этого богатѣйшаго сокровища въ живописномъ мірѣ, но нѣтъ средствъ, палаты отказываютъ въ деньгахъ. Потомъ, хотите ли вы изучать какого-либо великаго маэстро, или какую-нибудь отдѣльную школу, идите въ королевскій дворецъ—Цвпггеръ, тамъ по средамъ и пятницамъ вамъ открывается новое богатство, собраніе гравюръ, тутъ болѣе 200.000 гравюръ и рисунковъ; здѣсь найдете вы и собраніе картинъ короля французскаго и музей флорентинскій, и галерею королевы Беррійской и, осмотря все, вы не скажете, что вы тутъ нашли, но скорѣй спросите, чего не нашли вы въ этомъ огромномъ собраніи. Къ довершенію его драгоцѣнностей, къ нему приставленъ инспекторомъ нѣкто Френцель, человекъ весьма образованный и превосходно знающій свое дѣло. Онъ состоитъ почетнымъ членомъ нашей Академіи художествъ и потому, кажется, весьма хорошо расположенъ къ русскимъ; я имѣлъ къ нему рекомендацію отъ здѣшняго извѣстнѣйшаго живописца Фогеля-фонъ-Фогельштейна, и онъ былъ такъ милъ, какъ нельзя больше. По счастью, я нечаянно попалъ на его вкусъ; съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ въ Дрезденъ, я началъ собирать все, что было писано о Рубенсѣ, началъ изучать его въ собственныхъ его произведеніяхъ, много говорилъ о немъ съ художниками и потому получилъ порядочное понятіе,—Френцель теперь имъ занимается. Это открыло мнѣ дорогу къ его благосклонности, онъ предложилъ мнѣ книги: и мы вмѣстѣ, то-есть я подъ его руководствомъ, началъ разсматривать гравюры съ картинъ великаго фламандскаго художника. Пересмотрѣть ихъ было невозможно, едва только былъ я въ состояніи составить понятіе о числѣ картинъ его, трудно повѣрять (не выдавши собственными глазами), чтобъ одинъ человекъ, который всего на свѣтѣ прожилъ 63 года, нарисовалъ до 1.500 картинъ и какихъ картинъ! Есть картины сажени въ двѣ длины, большая часть не менѣе 1½ квадратнаго аршина.

Есть еще много рѣдкихъ вещей, но я ихъ не видалъ и не старался видѣть. Ходя всякій день въ галерею, едва я успѣлъ присмотрѣться къ Рубенсу, на прочихъ только взглядывалъ и вмѣсто молитвы начиналъ и оканчивалъ всякій приходъ поклоненіемъ «Мадоннамъ» Рафаэля

и Гольбейна. Есть еще «Магдалина» Корреджіо, тоже одна изъ драгоценностей, но теперь ее копируютъ.

Съ лучшимъ здѣшнимъ живописцемъ Фогелемъ познакомилъ меня то, что я, бывши въ Черниговской губерніи, хорошо присмотрѣлся, можно сказать безъ преувеличенія, изучилъ тонъ его картины, у одного очень образованнаго тамошняго помѣщика—Суденко, а любовь моя къ искусствамъ чрезвычайно какъ меня съ нимъ сблизила. Черезъ день бываю я въ его мастерской; работая, онъ толкуетъ со мною и передаетъ мнѣ свои свѣдѣнія,—это совершенныя лекціи, оживленныя любовью старика ко всему прекрасному. Теперь у него приготовлена превосходная картина; предметъ ея познакомить васъ съ его душою. Она изображаетъ св. Каласанса, жившаго въ XVI вѣкѣ и посвятившаго себя всего на истинно святое служеніе человечеству; онъ собиралъ дѣтей, брошенныхъ, оставленныхъ родителями, и училъ ихъ; онъ былъ первымъ основателемъ дѣтскихъ пріютовъ, которые потомъ, болѣе уже въ позднѣйшія времена, распространились повсюду. Папа предложилъ ему санъ епископа, но онъ отвергъ его, какъ препятствіе къ исполненію прямой и высокой его обязанности. Фогель изобразилъ его въ ту минуту, когда онъ въ восторгѣ поручаетъ Небесной Заступницѣ собранныхъ имъ дѣтей. Лицо святаго, его положеніе, группа дѣтей, ихъ дѣтская безпечность, мать, приводящая ребенка, робость малютки, все это превосходно, немного не нравится мнѣ Божія Матерь. Фогель хотѣлъ придать естественность ея явленію и потому изобразилъ легкій слѣдъ ея платья, который мало-по-малу скрывается въ облакахъ; но самая эта естественность отнимаетъ много божественности. Теперь онъ рисуетъ «Искушеніе Спасителя», помните то мѣсто изъ евангелія, когда дьяволъ возводитъ Христа на высокую гору... ¹⁾

Вотъ вамъ маленькій отчетъ моей жизни, она поглощаетъ все время, повѣрите ли, что она уничтожила всѣ заботы о матеріальномъ существованіи. Впрочемъ, съ этой стороны здѣсь почти ничего и заботиться. За очень чистую комнату съ спальнею я плачу 1¹/₂, талера, т. е. 5 руб. ассигнад. въ недѣлю, къ этому готово и постельное бѣлье. Ученье нѣмецкому языку ничего не стоитъ; въ домѣ, въ которомъ я живу, этажемъ ниже, живетъ одна молоденькая пѣмка, лѣтъ 19-ти, ей страстно хочется говорить по-французски, я хочу ее учить, она за это поневолѣ учитъ меня по-нѣмецки и даетъ возможность повѣрять естественность Рубensoвыхъ картинъ на прекрасныхъ ея плечикахъ. Обѣдъ прекрасный, изъ 6 блюдъ стситъ 1 р. 67 к., вотъ главное, а прочее идетъ понемногу.

Теперь дайте вамъ сообщить одинъ планъ, который ждетъ вашего

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

утвержденія, но только, ради Бога, не слишкомъ медленнаго. Здѣсь я встрѣтилъ одного Липмана, челоуѣка весьма образованнаго, онъ и дватри нѣмца дали мнѣ мысль, которую спѣшу сообщить вамъ. И здѣсь, и во всей Европѣ, начинаютъ съ нѣкотораго времени учиться по-русски, но всѣ единогласно жалуются, что нѣтъ ни мажѣйшихъ средствъ продолжать ученіе. Во всей Германіи едва только можно найти лексиконъ Шмидта и старинную грамматику Гейма, больше у книгопродавцевъ русскихъ книгъ не имѣется. Я говорилъ съ лейпцигскими книгопродавцами, они охотно взялись бы торговать нашими книгами, да нѣтъ никакой возможности войти въ сношеніе съ нашими торгашами. Что бы, Александръ Васильевичъ, намъ положить основаніе, и оно вовсе не трудно. Я, кажется, могу имѣть книгъ до 100; что, еслибъ вамъ было можно поговорить со многими литераторами, для нихъ ничего не значить пожертвовать, а можетъ быть и не пожертвовать, по небольшому, весьма небольшому числу экземпляровъ своихъ сочиненій; все это прислать въ Лейпцигъ, а здѣсь я уже устрою. Два журнала хотять объявлять о нихъ по временамъ, особенно во время ярмарки. Только, ради Бога, не полѣнитесь отвѣчать мнѣ на это; письмо вы отдадите Полюнову, онъ перешлетъ.

Если уже это поудитъ васъ написать ко мнѣ, напишите и о нашихъ общихъ и друзьяхъ, и пріятеляхъ; къ Ванькѣ я думаю писать съ этою же почтою; что Сорокинъ? Не полѣнитесь меня поставить среди васъ, тѣмъ болѣе, что ни переимѣна мѣста, ни что не отдадутъ меня отъ тѣхъ немногихъ близкихъ сердцу, съ которыми оно срослось въ продолженіе 10-ти лѣтъ и, кажется, срослось довольно сильно.

Я слышалъ о горѣ К. К. еще зимою, не писалъ къ ней никакого утѣшенія только потому, что подобныя утѣшенія всегда и глупы, и смѣшны; потрудитесь отдать ей отъ меня низкій поклонъ и пренизкій.

Слышалось то же мнѣ, что женился Куторга и что этимъ бракомъ заключалъ союзъ между двумя элементами: восточнымъ и западнымъ, напишите два слова. Музлянской передастъ вамъ кое-что о нашей жизни, я съ нимъ видѣлся еще до водъ, хотѣлъ его проводить, да ночь провелъ не дома...

Черезъ два дня я ѣду изъ Дрездена въ Киссингенъ, тамъ повидаемъ съ Галаганами, и съ Гришею мы отправляемся въ Гейдельбергъ, отсюда въ Майнцъ, поднимаемся до Франкфурта и потомъ опять на Рейнъ, заѣдемъ въ Кобленцъ, Кельнъ, потомъ я отправлюсь въ Лиежъ къ Печерину, оттуда въ Дюссельдорфъ или можетъ сначала въ Дюссельдорфъ, познакомиться съ тамошнею школою и изъ Остенде на пароходѣ въ Лондонъ, не болѣе какъ на три недѣли. Благодаря миленькой княгинѣ Щербатовой (внучкѣ Штеричъ), съ которой мы сблизились въ Маріенбадѣ, я познакомился съ Эстергази, посланникомъ при лондонскомъ

дворѣ, и онъ мнѣ далъ письмо къ своему секретарю, котораго заставлялъ быть моимъ провожатимъ по Лондону. Я думаю этимъ воспользоваться. Изъ Лондона, какимъ путемъ не знаю, отправлюсь на Лагоди-Комо или Лаго (ди) Маджоре, оканчивать лѣченіе, или начинать и оканчивать лѣченіе виноградомъ. Оттуда на зиму въ Римъ, пока она не сурова, если будетъ холодно—въ Неаполь; если и тамъ холодно—въ Сицилію и Сардинію. Жду вашего письма и отъ души васъ обвиняю.

Вашъ Чижовъ.

Хотѣлъ писать Гестардту, не успѣлъ. Френцель, директоръ собранія эстамповъ, былъ такъ милъ, какъ, право, трудно встрѣтить. Онъ просилъ меня войти съ нимъ въ постоянныя сношенія, писать ему о всемъ, что мнѣ будетъ нужно по исторіи искусствъ; я послѣ говорилъ съ Фогельштейномъ, онъ говоритъ, пользуйтесь имъ; я знаю большую часть европейскихъ ученыхъ, занимающихся этимъ предметомъ и не знаю никого, съ такою бездною свѣдѣній; онъ знаетъ не только всѣ картины, всѣ лучшія гравюры, даже ихъ цѣну и при этомъ, нисколько не мелочень и не односторонень въ сужденіяхъ. Недоволенъ Френцель неповоротливостью нашей академіи, особенно въ сношеніяхъ. «Я,—говорить,—пересталъ и писать».

2.

29-го августа 1842 г.

Наконецъ, благодаря Всевышняго, я получилъ письмо отъ васъ, Александръ Васильевичъ, и то силами и неправдами, по русской поговоркѣ. Знаете ли, что есть *modus in geris*, а это у васъ прескверная привычка переходить за всѣ предѣлы, проведенные слишкомъ десятилѣтнею пріязнью. Дѣло не въ формѣ, но согласитесь, что если дружба вертится около одного идеальнаго сближенія, тогда совершенно все-равно, какую особу ни подставите на мѣсто воображаемаго, назовете его Чижовымъ, Никитенко, или Vander Naagenam, Рейсфертомъ и другими. Мнѣ необходимо, не умѣю опредѣлить источника этой необходимости, но это необходимость сердца—по временамъ быть съ друзьями, входить въ ихъ укромныя кабинеты и вводить въ мое еще укромнѣйшее жилище. Безъ этого, противъ моей воли, родится какое-то недовѣріе, и я не могу рѣшиться повѣрять имъ то, что иногда тревожить и вертять въ сердцѣ. Три раза принимался я къ вамъ писать, и изъ Венеціи, и изъ Флоренціи, и еще не помню откуда, и все казалось, что можетъ быть... не знаю, что казалось, а письмо осталось непосланнымъ.

Третьяго дня я разстался съ Печерникомъ, *Пробыль* у нихъ въ монастырѣ почти сутки. Онъ, кажется, очень и очень доволенъ своимъ положеніемъ, и это мнѣ тоже доставило удовольствіе. Вникнувши въ ихъ бытъ, я понялъ его довольство: обстоятельства и самолюбіе воспитали въ немъ страсть къ дѣятельности. За нею онъ бросался всюду, и не справляясь съ своими силами, поднимая на плечи тяжести, налагаемыя не убъжденіемъ, а безпредѣльно высокимъ понятіемъ о себѣ и низкимъ—о людяхъ, онъ падалъ подъ ними на каждомъ шагу. Разумѣется, по общему порядку вещей, вездѣ виноваты были люди, одни за то, что при его появленіи не подняли знамя свободы и не провозгласили его своимъ диктаторомъ, другіе—за то, что при первомъ его словѣ не сдѣлали его представителемъ европейской учености и не разослали объявленія по всему міру, какъ о Пикѣ Мирандолийскомъ, а преспокойно заставили учить за $\frac{1}{2}$ франка, и то снисходя къ его бѣдности. Скверनावцы люди цѣнятъ только то, что приноситъ имъ существенную, нравственную или физическую пользу, и не вѣрятъ на слово. Является онъ въ монастырь; монахамъ того и надобно. Первое, онъ образованный человекъ и на него можно указать, какъ на заблудшаго сына, обратившагося къ католицизму не по дѣтской простотѣ, а по убъжденію, увидѣвъ въ немъ единственный источникъ святой истины. Второе, греко-россійскаго исповѣданія, о чемъ было возвѣщено во всѣхъ газетахъ. Третье, онъ превосходно знаетъ древніе и новѣйшіе языки. Они его поняли превосходно. Говорятъ ему: сынъ плоти, ты думаешь здѣсь найти отдыхъ, не такъ мы смотримъ на жизнь нашу, каждая минута наша посвящена на служеніе Богу. Онъ предписываетъ намъ пути дѣятельности, и каждый шагъ нашъ есть шагъ человечества. Почти это говорилъ мнѣ монахъ изъ братіи Печерника. Ему только того и надобно. Но,—говорятъ они,—испыталъ ли ты себя, достанетъ ли у тебя силъ исполнить высокое назначеніе. И вотъ пища самолюбію и надменности. Испытай себя, тебѣ годъ на испытаніе. Оно состоитъ въ безусловной покорности души и тѣла; каждую недѣлю долженъ ты отдавать отчетъ и въ твоихъ дѣйствіяхъ, и въ твоихъ помышленіяхъ; всегда неожиданно одинъ изъ братіи имѣетъ право спросить тебя о твоихъ мысляхъ и чувствахъ. Къ этому присоедините строгое веденіе и наблюденіе въ пищѣ, питіи и всѣхъ мелочахъ жизни. Все это открыло имъ Печерника всего совершенно, что, впрочемъ, и не трудно. Они увидѣли, что онъ жаждетъ дѣятельности, но въ то же время не имѣетъ ни малѣйшей воли, конечно, уму его дано обширное поприще науки, именно его лингвистикѣ; лишь только онъ вздумаетъ зайти далѣе, монахъ улыбнется и говоритъ, этого мы не ожидаемъ, нѣтъ, для нашего высокаго назначенія мало дѣтскихъ силъ человѣческихъ. Это все Печерникъ самъ мнѣ рассказывалъ, разумѣется, смотря на это съ другой точки зрѣнія.

Чувствамъ дана полная свобода. Волѣ ни одного шагу, ни пошажу, а онъ только того и желалъ. Мы говорили съ нимъ все по-французски, по-русски онъ говорилъ неохотно, къ тому же по правиламъ монастырскимъ, во всякомъ дѣйствіи, выходящемъ изъ общаго хода, непременно долженъ быть свидѣтель изъ братіи. Не знаю, подчиняясь ли этому правилу, или желая избѣгнуть глазъ на глазъ нашего разговора, только онъ не оставался со мною ни на минуту; однажды онъ пришелъ, а брата его не было тутъ, онъ тотчасъ же пошелъ за нимъ,—и тотъ уже сказалъ, что это не необходимо. Въ религиозныхъ понятіяхъ мы сошлись, но не могли сойтись съ исключительностью ихъ одѣяній и съ тѣмъ, что, какъ онъ говоритъ: Богъ оцѣнить наше самопожертваніе и вознаградить насъ. Я говорю,—господа, развѣ вы не вознаграждены такъ хвалымымъ вашимъ спокойствіемъ. Не знаю, шутя ли, или вправду, они очень приглашали меня быть ихъ братомъ. Я говорю,—нѣтъ, господа, мнѣ Богъ далъ другое служеніе. Они мнѣ предлагали даромъ учить меня по-голландски и по-испански, я принялъ ихъ предложеніе и сказалъ, что воспользуюсь имъ при случаѣ.

Жаль мнѣ одного, что Печеринъ не христіански говоритъ, когда дѣло коснется до образованности Россіи и до формъ нашей религіи.

Теперь я въ Остендѣ на нѣсколько дней, пока мнѣ шьютъ платье въ Брюсселѣ,—думаю поѣздить по городамъ бельгійскимъ, посмотрѣть тамъ на фламандскую школу и готическую архитектуру. Бельгія мнѣ сильно не нравится; образованность, развѣвивъ понятіе о правѣ, ничего не сдѣлала для ихъ сердца, а потому это понятіе сдѣлалось у нихъ не оружіемъ мирнаго счастья, а какимъ-то оборонительнымъ оружіемъ противъ воображаемаго посяганія на личность каждаго. Простой народъ и особенно горожане грубы до безконечности,—требуйте со всею возможною вѣжливостію исполненія ихъ обязанностей, они сейчасъ же возстанутъ противъ васъ и со всею грубостію напомнятъ вамъ, что вы въ Бельгіи. Мнѣ совѣстно и признаться, какъ мнѣ грустно по Италиі, жду не дождусь. Звонятъ, пора на паровозъ, завтра кончу, пріѣхавъ изъ Брюсселя.

30-го августа.

Чтобы любоваться сѣвровою Европою, рѣшительно не надобно ѣздить въ Италию, она портитъ все, именно тѣмъ, что образуетъ вкусъ. Не понимаю, отъ чего, но Брюссель показался мнѣ мишурнымъ, выставочнымъ городомъ. Я, или вдвоемъ съ Галаганомъ, проѣхали туда, чтобъ видѣть mademoiselle Рашель—и стояло того, чтобъ проѣхать пол-Бельгіи. Она играла въ двухъ пьесахъ: «Поліевктъ» и «Маріи

Стуартъ». Въ первой—это статуя древней культуры, для игры не было довольно времени, всего давали одно дѣйствіе этой трагедіи, но ея классическія греческія позы восхищали меня на каждой минутѣ. Въ «Марія Стуартъ», особенно въ третьемъ дѣйствіи, при свиданіи ея съ Елисаветою, эта минута, когда присутствіе графа Лестера пробуждаетъ въ ней чувство женщины и заставляетъ забыть то, чего она ждала отъ встрѣчи съ Елисаветою, это чудо. Пьесы нѣтъ, на сценѣ одна Марія Стуартъ, то-есть одна Рашель. Вида ея въ «Подіевктѣ», я именно думалъ, что она увлекаетъ пластическою стороною своей игры, хотя и тутъ замѣтите, что у нея нѣтъ ни особенно высокаго роста, ни полныхъ формъ, она худа, но такъ граціозна! я не понимаю, отъ чего, отъ этой ли граціозности или отъ того, что она вполне входитъ въ роль, каждое ея движеніе, каждое положеніе—рисунокъ для барельефа. Когда она встала на колѣни, — римское одѣяніе ея длинными красивыми складками слегка обрисовало ноги, голыя руки, и руки прекрасныя очертились прекрасною линіею, — я впился, чтобъ не проронить секунды, чтобъ уловить каждое измѣненіе ея позы. Обстановка была скверна до неимоверности, и декорации и актеры—все гадко.

Самъ Брюссель чистъ, работающъ и восхищенъ своею независимостію. Можетъ быть въ массѣ всей Бельгіи есть своя индивидуальность въ промышленности и промышленномъ движеніи, но въ частности каждаго города этой индивидуальности вовсе не видно. Въ самыхъ товариахъ въ Брюсселѣ все порядочное приписывается Парижу, все отъ магазина до театра, отъ кабака до журнала—все снимаютъ съ Парижа, и во всемъ вы видите, какъ ученикъ, школьникъ вѣль по картинѣ сквозь просвѣчивающую бумагу, именно ученикъ и школьникъ, все обведено такъ грубо, не обтесано, не округлено. Литература—это самая ѣдкая насмѣшка надъ свободою книгопечатанія, нѣтъ ни одной полупорядочной книжонки собственно бельгійской, а газеты и журналы! я собиралъ все терпѣніе и никакъ не былъ въ состояніи прочесть ни одного полного листа. У французовъ много пустоши, но легко, граціозно, весело, шутивно и остро, тутъ—ровно ничего, и на все притязанія. Въ остротѣ какая-то грубость и рѣзкость, переходящая за предѣлы всякаго чувства и приличія и вкуса, въ притязаніи на легкость—нестерпимая скука. Нѣтъ, бельгійцамъ данъ другой способъ выражать свои понятія и чувства, не литературою, а желѣзными дорогами и сотнями трубъ фабричныхъ возвѣщаютъ они міру о своемъ существованіи. Съ подлымъ своимъ книжнымъ воровствомъ они доходятъ до послѣдней степени низости. Вы не провезете ни одной книги въ Бельгію безошливно, на что же это похоже? Многія защищаютъ ихъ въ этомъ внижномъ мошенничествѣ тѣмъ, что дешевойною книгъ они распространяютъ просвѣщеніе, и этого нѣтъ. Во-первыхъ, не будь ихъ контрафакціи, фран-

пущскія изданія стояли бы почти то же, бездѣлицею дороже и то врядъ ли, потому что ихъ втрое больше расходилось бы. Второе, они перепечатаваютъ больше то, что не образуетъ ни вкуса, ни возвышаетъ понятій. Третье, чѣмъ далѣе, тѣмъ изданія ихъ сквернѣе и сквернѣе, ошибокъ бездна, и это не случайность; они сами объяснили мнѣ причину. Теперь въ Парижѣ тоже начались дешевыя изданія, бриссельцы, понижая цѣну своихъ, не могутъ платить хорошо работникамъ, и вотъ начало небреженія.

Вообще дѣятельность Бельгій, какъ мнѣ кажется, чрезвычайно односторонняя и безжизненна, несмотря на неумолкаемое ея движеніе. Промышленность не имѣетъ въ себѣ столько элементовъ, чтобъ завладѣть всѣми сторонами жизни и тѣ весьма и весьма ошибаются, которые дѣятельное направленіе нашего времени смѣшиваютъ съ направленіемъ промышленности. Сильный ходъ промышленности только высказалъ его, но никогда онъ не въ состояніи быть единственнымъ его представителемъ. Промышленность вполнѣ можетъ удовлетворить только одинъ элементъ жизни ¹⁾, какъ говоритъ Гегель,—волю, а есть еще два—умъ и сердце, имъ нѣтъ въ ней нисколько полной свободы. Пришла минута высказаться и выказаться свободѣ воли, промышленность и захватила все, но не успѣла еще она и показать власть свою, какъ люди уже одумались и поняли, что такая дѣятельность черезъ-чуръ односторонняя. Свобода воли высказывается въ прочной, положительной дѣятельности, не въ безотчетныхъ тоскованіяхъ, бленіяхъ и надеждахъ сердечныхъ, не въ бесплодныхъ и химерическихъ системахъ ума, а въ прямомъ ходѣ ея, опирающемся твердо и на умъ, и на сердце, и не дающемъ возможности бушевать ни тому, ни другому.

Но Богъ съ нимъ, съ вѣкомъ и временемъ, дѣло въ томъ, что демонская быстрота движенія желѣзныхъ дорогъ нравится на день, а тамъ (вырвано), двѣ, три, четыре тысячи человекъ несутся (вырвано), на четырехъ или пяти развѣтвленіяхъ (вырвано), это что-то нечеловѣческое.

Я въ Остендѣ еще два три, пока мнѣ дѣлаютъ платье въ Брюсселѣ,— платье тамъ дешевле нашего: превосходный фракъ 120 франковъ, сюртукъ—110, брюки—40. Приѣзжайте, Александръ Васильевичъ; повѣрьте, что если только вы такъ пригоните, чтобъ здѣсь экипироваться и сдѣлать бѣлье, то вы на всемъ этомъ выгадаете на треть дороги. А наслажденіе, неужели ничего не стоитъ четырехмѣсячная жизнь, гдѣ каждая минута вызываетъ новыя думы, новую дѣятельность внутреннюю, которой не мѣшаютъ ни заботы о каюдрѣ, не наскучаютъ привычное одно и то же, и, наконецъ, гдѣ нѣтъ ни вчера, ни сегодня,

¹⁾ Одно слово не разобрано.

ни завтра. Если бы позволяло мѣсто, мнѣ надобно было бы передать вамъ мой плачъ и даже спросить о немъ вашего мнѣнія, плачъ моихъ занятій философією, можетъ быть и смѣшной. Два слова: мнѣ хочется лекціи—къ чорту, а взять самихъ философовъ древнихъ, да удалиться или въ глубь Италіи, или въ Андалузію и изучать ихъ при ихъ небѣ, при ихъ тишинѣ и спокойствіи жизни. Потомъ также перейти и къ средневѣковымъ, съ которыми я имѣю возможность знакомиться на ихъ языкахъ и въ ихъ странахъ, а тамъ уже подойти и къ своимъ современникамъ.

Еще кусочекъ бумаги займу вопросами о вашихъ; здорова ли Казимира Казимировна, мнѣ рѣшительно никто не пишетъ. Скажите ей низкій и пренизкій поклонъ, да ради Бога напишите скорѣе à Venise, poste restante. Черезъ три недѣли буду я въ моей благословенной, въ моей обворожительной Италіи. Отъ души обнимаю васъ, прошу напомнить обо мнѣ всѣмъ нашимъ.

Вашъ Чижевъ.

Еще то же: ради Бога, напишите ко мнѣ; хоть бы Казимира Казимировна была такъ добра, чтобы вамъ объ этомъ напомнила.

2-го сентября.

Есть минуты, когда сердце человѣка любимаго и уважаемаго нуждается всего, и эта минута для меня въ настоящее время. Боже мой! Боже мой! въ 9 мѣсяцевъ въ Италіи я не страдалъ столько, сколько здѣсь страдаю въ три дня. Здѣсь множество русскихъ; выѣхавъ за границу, умѣя говорить на двухъ или трехъ языкахъ, умѣя видѣть одни помои, одно изверженіе образованной Европы и сравнивая съ нимъ все, что еще осталось въ нихъ самаго прекраснаго, они вопіютъ и противъ Европы и противъ многого у насъ. И все это во имя образованности! Кто любилъ, тотъ испыталъ чувство, теперь меня наполняющее... Италія, блаженная, благословенная Италія, скоро ли я увижу святныя твои обители? Какая разница: во Флоренціи день мой начинался Рафаэлемъ, оканчивался лазурью итальянскаго неба и милою улыбкой цвѣточницы. Все поэтизировалось, все питало душу прекраснымъ, и какъ бы ни была она низка, все противъ воли, противъ желанія возвысилось бы ее. И мнѣ ли не обожать Италію? Венеція, со своими волшебными дворцами, выдвинутыми изъ моря, съ своими Таціанами и Тинторетами, со своею четырнадцативѣковою исторією,—вотъ итальянскіе университеты, вотъ школы философіи. Италія образуетъ душу одиначъ, она даетъ просторъ всему, что есть въ ней божественнаго, она

не навязываетъ праздныхъ идей, но питаетъ и развиваетъ тѣ, которыя образовались, и очищаетъ ихъ отъ всего, пароснаго отъ скверностей земнаго существованія.

О. Буслаевъ—А. В. Никитенко.

7-го апрѣля 1854 г. Москва.

Имѣю удовольствіе представить вамъ мое сочиненіе, о которомъ я говорилъ вамъ при свиданіи. Это отдѣльный оттискъ, съ своимъ, особеннымъ заглавіемъ, изъ «Архива» Калачева. Если это сочиненіе найдете интереснымъ, то сберегите его, какъ библиографическую рѣдкость, потому что отдѣльно оттиснуто оно только въ числѣ 20-ти экземпляровъ.

Изъ подробной критики изданія Снегиревскаго и изъ точности въ означеніи источниковъ вы замѣтите, что я много трудился надъ этимъ предметомъ. Мысли, одушевлявшія меня въ этой утомительной работѣ, изложены частію въ предисловіи, частію въ послѣсловіи.

Тамъ, гдѣ я говорю объ отношеніи пословицъ къ историческому развитію быта народнаго, вы, вѣроятно, встрѣтите нѣсколько догадокъ, которыя, можетъ быть, окажутся парадоксами. Но я стою крѣпко за всѣ странички, на которыхъ объясняю значеніе пословицъ, въ связи съ загадкою и клятвою, въ эпоху, предшествовавшую созданію эпическихъ сказаній, когда эти сказанія, вмѣстѣ съ пословицею, притчею, поговоркою, клятвою и загадкою, раскрывались изъ одного, общаго имъ всѣмъ, зародыша.

Стою также крѣпко на томъ, что исторія пословицы опредѣляетъ періоды своего развитія не внѣшнею исторіею событій, а умственнымъ движеніемъ народа, въ связи съ исторіею языка, религіи, нравственности и вообще всѣхъ литературныхъ интересовъ народа.

Само собою разумѣется, что, посвятивъ столько времени на этотъ предметъ, я не оставлю имъ заниматься и впредь. Потому, для соображенія, мнѣ необходимо знать о немъ мнѣнія такого опытнаго литератора и преподавателя литературы, какимъ я давно уже привыкъ почитать васъ. Зная, сколько вы заняты дѣлами по службѣ, нарочно посылаю вамъ мое сочиненіе передъ наступающими праздниками, въ надеждѣ, что вы улучите въ это время нѣсколько часовъ для моихъ пословицъ.

Теперь нѣсколько словъ о текущихъ новостяхъ.

Мы теперь заняты приготовлениями къ юбилею университета. Но въ этомъ дѣлѣ встрѣтились неожиданныя хлопоты. Проектъ юбилея былъ составленъ Шевыревымъ, который, придерживаясь стариннаго мнѣнія о годѣ изобрѣтенія письменъ (855), мнѣнія, опровергнутого всѣми знатоками слов есности?) и исторіи церкви (Шафарикомъ, Филаретомъ рижскимъ и потомъ харьковскимъ, Макаріемъ петербургскимъ, Бодянскимъ), говорю—Шевыревъ вздумалъ при столѣтнемъ юбилеѣ университета отпраздновать тысячелѣтній азбуки. Вы, вѣроятно, помните, изъ исторіи о лухмоновскихъ холстинахъ, какъ охочъ этотъ школяръ до ребяческихъ сопоставленій, на которыхъ онъ изощряетъ свой умишко. Какъ Рафааля онъ нашелъ въ Москвѣ на Мясницкой; такъ и теперь убѣжденъ въ символическомъ сочетаніи чиселъ 855 и 1755! и видитъ какое-то особенное значеніе въ совпаденіи двухъ юбилеевъ. Но вотъ чтѣ бѣда: между тѣмъ Бодянский написалъ сочиненіе, весьма обширное, въ которомъ объясняетъ дѣло такъ, какъ оно есть; а Шафарикъ, въ отвѣтъ на запросъ Шевырева, написалъ къ нему, что 855 годъ не можетъ быть почтѣнъ годомъ изобрѣтенія азбуки. Эта глупая интрига осложнилась тѣмъ, что когда составлялся по юбилею комитетъ, Шевыревъ устранилъ изъ него Бодянского, какъ человѣка, не раздѣлявшаго его мнѣнія о 855 годѣ, и вмѣсто Бодянского хотѣлъ впутать въ эту работу меня; но я отказался отъ самостоятельныхъ изслѣдованій по предмету, относящемуся непосредственно къ кафедрѣ Бодянского, представивъ комитету необходимость обратиться съ запросами по этому дѣлу къ специалистамъ. Тогда комитетъ обратился съ отношеніями къ профессорамъ славянскихъ нарѣчій; и по этому-то вызову, бывшему года полтора назадъ, Бодянский написалъ свое сочиненіе и теперь печатаетъ его, независимо отъ юбилея. Но такъ какъ никто изъ членовъ юбилейнаго комитета, мимо Бодянского, не можетъ составить дѣльнаго сочиненія о Кириллѣ и Меодіи; то теперь дѣло остановилось на томъ, что Бодянского хотятъ удостоить чести избраниемъ въ члены.

Великодушно простите, что я распространился объ этихъ муравейныхъ интригахъ. Но у кого, что болить, тотъ о томъ и говорить. Какъ ни пошлы онѣ, но онѣ мѣшаютъ спокойствію моего духа, когда оно мнѣ необходимо для приведенія къ концу 2-й части моей грамматики.

1-ю часть уже печатаю. Повѣрите ли, что на одинъ листъ первой корректуры я употребляю до 10 часовъ. Вотъ, что значить грамматическая корректура!

Извините за мое длинное письмо. Вашъ радушный пріемъ убѣдилъ меня, что съ своей искренностью встрѣчу въ васъ не только вѣжливое снисхожденіе, но и симпатію. Остаюсь многоуважающій васъ и вамъ преданный О. Буслаевъ.

Письмо Владимира Зотова—А. В. Никитенко.

17-го апрѣля 1861 г.

Андрей Александровичъ Краевскій, у котораго я имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ вами, совѣтовалъ мнѣ обратиться къ вамъ, какъ къ единственному заступнику бѣдной литературы въ главномъ управленіи цензуры. Зная давно вашъ благородный образъ мыслей и вашу доброту, я рѣшился беспокоить васъ просьбою: быть моимъ заступникомъ въ дѣлѣ, еще не бываломъ въ нашей журналистикѣ. Главное управленіе лишаетъ меня редакторскаго званія, на основаніяхъ, которыя я не могу признать справедливыми, и на которыя подалъ отзывъ, который вѣроятно на дняхъ будетъ представленъ главному управленію. Рѣшившись, въ случаѣ если управленіе не перерѣшитъ этого дѣла, подать просьбу въ Сенатъ, съ жалобой на дѣйствія главнаго управленія цензуры и вообще вести это дѣло по всѣмъ, дозволеннымъ закономъ инстанціямъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ быть моимъ ходатаемъ—въ первой изъ этихъ инстанцій—въ самомъ управленіи.

Въ полной надеждѣ на ваши гуманныя чувства и на расположеніе къ писателямъ вообще, прошу васъ принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и искренней преданности, съ которыми имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Владиміръ Зотовъ.

Сообщилъ С. А. Никитенко.

КАКЪ НАСЪ УЧИЛИ.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ДУХОВНО-СЕМИНАРСКОЙ ЖИЗНИ).

I.

Многочисленныя преобразованія, совершенныя въ царствованіе императора Александра II, коснулись и разсадниковъ духовнаго просвѣщенія, разсѣявъ тьму въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, извѣстныхъ, до преобразованія ихъ, подъ именемъ бурсы. Лично намъ довелось учиться во Владимірской духовной семинаріи—три года до ея реформы и три года по реформѣ.

Поступилъ я во Владимірскую семинарію въ 1866 г. изъ Владимірскаго духовнаго училища. Нужно сказать, что попытка поступить въ семинарію предпринята была мною въ предыдущій учебный курсъ въ 1864 году, когда я изъ Переславскаго духовнаго училища переведенъ былъ въ семинарію, но, не выдержавъ приѣмнаго экзамена, остался въ училищѣ на повторительный курсъ и, не возвращаясь въ Переславль, поступилъ во Владимірское училище.

Шестидесятые годы, столь рѣдкіе по своей исключительности въ нашей родной исторіи, со своими высокогуманными идеями, почти не имѣли никакого вліянія на Переславское училище, въ которомъ, въ это даже время, дружно уживались и патриархальная простота, выражавшаяся въ даваніи учащимся учителямъ не только всякой снѣди, но и денежныхъ приношеній, и родительскія внушенія отъ лозы до пощечины со стороны учащихся учащимся и вся педагогическая кость, чуждая въ шестидесятые годы свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ. Наше пребываніе въ духовномъ училищѣ за этотъ періодъ времени нами описано еще въ 1882 г. во «Владимірскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ» въ статьѣ «Корень ученія». Не повторяя этого описанія,

мы воспроизведемъ здѣсь пріемъ учениковъ духовныхъ училищъ въ семинарію, дабы отгнѣять порядки дореформенной семинаріи отъ реформенной.

Извѣстно, что до реформы полный духовно-учебный курсъ продолжался двѣнадцать лѣтъ, обнимая собою шесть классовъ: три въ духовномъ училищѣ и три въ семинаріи. Курсъ каждаго класса продолжался два года, при чемъ классы раздѣлялись, какъ въ училищѣ, такъ и въ семинаріи, на три отдѣленія: низшее, среднее и высшее. Въ семинаріи они носили еще названія: «Риторика», «Философія», «Богословія», а ученики этихъ классовъ: риторы, философы, богословы.

Желаніе учениковъ училища поступить въ семинарію, какъ прежде, такъ и нынѣ, равносильно желанію гимназистовъ поступить въ университетъ. Какъ сейчасъ помню, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ мы ожидали окончанія училищнаго курса, когда, послѣ экзаменовъ, намъ сдѣлалось извѣстнымъ, кто изъ насъ назначенъ къ переводу въ семинарію. Но на Божьемъ свѣтѣ все проходитъ и все приходитъ. Окончился нашъ шестилѣтній курсъ, настало пятнадцатое число іюля мѣсяца, въ которое въ тѣ времена отпускали учениковъ духовно-учебныхъ заведеній на лѣтнія каникулы. Въ соборномъ храмѣ Данилова монастыря, гдѣ помѣщалось наше училище, собрались и учащіеся и учащіе къ молебну. Мы, переведенные въ семинарію, были въ такомъ возбужденномъ состояніи, что даже и молитвенное настроеніе было вытѣснено изъ нашего дѣтскаго сердца той радостью, которою переполнена была душа наша, при неотступной мысли объ окончаніи тяжелой училищной жизни. Но вотъ окончилось молебное пѣніе. Монастырскій іеродіаконъ о. Порфирій провозгласилъ многолѣтне учащимъ и учащимся, и мы, приложившись къ кресту, отправились въ послѣдній въ своей жизни разъ въ училище, въ которомъ пролито было море дѣтскихъ слезъ, въ которомъ переболѣло отъ страха все дѣтское сердечко. Здѣсь намъ розданы были отпускные билеты, съ прописаніемъ въ нихъ, чтобы мы къ 1-му сентября 1864 года явились во Владимірскую духовную семинарію.

Получивъ эти вождедѣльные билеты, мы простившись съ своими педагогами, во главѣ которыхъ стоялъ не принимавшій никакого фактическаго участія въ дѣлахъ училища смотритель, архимандритъ Нифонтъ. Отъ лицъ духовныхъ мы получили благословеніе. Отъ инспектора же, кромѣ благословенія, строгіе наказы не шалаберить, а готовиться къ экзамену. Нѣкоторые добродушные преподаватели просили насъ, если Богъ приведетъ доучиться и получить священный санъ, не забывать ихъ въ своихъ молитвахъ. И это радушное слово, услышанное нами за всѣ шесть лѣтъ въ первый разъ, вызвало у насъ слезы умиленія, и то школьное зданіе, которое десятки лѣтъ оглашалось разди-

равящимъ дѣтскимъ плачемъ отъ побоевъ и кров^{аваго} сѣченія, въ этотъ знаменитый день нашей послѣдней разлуки съ училищемъ оросилось слезами любви и непамятованія зла. Такова дѣтская душа, таково дѣтское любящее сердце! Распростившись съ своими воспитателями, осѣнявъ себя крестнымъ знаменіемъ, оставили мы училищное зданіе, поспѣшавъ на квартиру, гдѣ давно уже приготовлены были сумки съ одеждой, бѣльемъ, книгами и прочимъ несложнымъ хозяйствомъ. Простившись съ хозяевами и товарищами, мы отправились группами въ разныхъ направленіяхъ въ дома родителей, конечно, по тогдашнему обычаю пѣшкомъ. Едва только вышли мы изъ города, какъ дѣтская пѣсня огласила поля, которыми мы проходили. Несмотря на жару и относительную тяжесть ноши, мы летѣли, какъ птицы, не чувствуя ни усталости, ни утомленія. Пройдя верстъ двадцать, не пропуская ни одной рѣчки, чтобы не покупаться, ни одного поля, засѣяннаго горохомъ, чтобы не нарвать его, остановились на ночлегъ въ сараѣхъ лицъ духовнаго сословія, подкрѣпивъ свои силки молочкомъ съ краюхой хлѣба. Ранняя утренняя заря насъ подняла, и пустились мы въ дальнѣйшій путь, постепенно разставаясь одинъ съ другимъ, по мѣрѣ приближенія къ родинѣ. Я пришелъ домой въ самый развалъ покоса. Обласканный родителями за переводъ въ семинарію, принялся за покосъ и прочія полевыя работы, посвящая ненастные и праздничные дни подготовкѣ къ экзамену. Нужно сказать, что въ тѣ времена доучиться до семинаріи было очень не легко, а окончить ее еще труднѣе. Такъ, со мною вмѣстѣ въ низшемъ отдѣленіи училища обучалось около ста человѣкъ, въ высшемъ отдѣленіи изъ нихъ обучалось около пятидесяти, а переведено въ семинарію человѣкъ тридцать, окончили же полный курсъ оной не болѣе десяти человѣкъ. Къ концу вакаціи родители мои озаботились спить мнѣ сюртукъ и прочее платье, такъ какъ въ училищѣ мы ходили въ халатахъ и тулупахъ, благодаря зимней стужѣ въ классныхъ помѣщеніяхъ. Наступилъ день отправленія въ губернскій городъ, отстоящій отъ моей родины въ ста верстахъ.

Въ день Ивана постнаго, 29-го августа, батюшка мой, послѣ обѣдни отслуживъ молебенъ «предъ началомъ ученія отроковъ» (насъ училось четыре брата—одинъ уже былъ въ семинаріи, а два, кромѣ меня, въ училищѣ), приступилъ къ сборамъ въ далекій путь. Большая телега наполнена была сѣномъ, постельными принадлежностями, узлами съ бѣльемъ, корсбами съ яйцами, лепешками и прочими житейскими благами. Въ центральномъ мѣстѣ воза сѣли мы съ братомъ, а батюшка помѣстился на передкѣ высокаго воза.

Стояло вѣдро. Ъхать намъ было не скучно, тѣмъ болѣе, что на пути къ намъ присоединялись другіе ученики, ѣхавшіе въ семинарію. Пріѣхали мы во Владимірѣ позднимъ вечеромъ на другой день

и остановились на квартирѣ брата, жившаго у лакея преосвященнаго, Василія Дмитріевича Черемушкина, смотрѣвшаго свысока не только на насъ, но и на родителей нашихъ. По указанію старшаго брата, явился я съ своимъ билетомъ въ канцелярію семинарскаго правленія, а 1-го сентября съ ранняго утра ушелъ въ семинарію, показавшуюся мнѣ громаднымъ замкомъ, сооруженнымъ на удивленіе всего міра. Не помню, кто-то объявилъ намъ, что наше Переславское училище подвергнется экзамену въ тотъ же день послѣ обѣда. До назначеннаго времени мы могли разойтись по квартирамъ, но намъ всѣмъ хотѣлось видѣть начало экзаменовъ. Часовъ около девяти утра въ классъ, гдѣ были собраны ученики какого-то училища, назначенные къ экзамену, вошелъ монахъ, съ бумагами въ одной рукѣ, съ тростью въ другой и съ архимандрическимъ крестомъ на груди. Знавшіе лицо это бросились во всѣ стороны, шепча другъ другу: «ректоръ, ректоръ».

Увидѣвъ отца ректора, котораго я однажды видѣлъ въ Переславскомъ училищѣ, я также ударился въ бѣгство, но не зная расположенія семинарскаго двора, пробѣжалъ той дорожкой, по которой шелъ отецъ ректоръ, который, въ буквальной смыслѣ слова, сцапалъ меня за шиворотъ.

— А, вошь эдакая, попался, ты откуда пріѣхалъ, а?

Я не знаю, что со мной было отъ страха, и только едва могъ вымолвить: «изъ Переславскаго училища».

— Вотъ я же тебѣ уже задамъ, погоди.

Я хотѣлъ было бѣжать безъ оглядки съ непривѣтливаго семинарскаго двора, но отецъ ректоръ, удерживая меня своей тростью сказалъ: «Погоди, погоди, какъ тебя зовутъ?»

— Николай Соловьевъ.

— Хорошо, посмотримъ, какимъ ты уже запоешь соловьемъ.

Покончивъ со мною разговоръ, отецъ ректоръ направился въ зданіе семинаріи, а я на свою квартиру.

Возвратившись домой, я засталъ здѣсь нѣсколько «богослововъ» и «философовъ», прибывшихъ послѣ вакаціи продолжать свое просвѣщеніе. Иные изъ этихъ ученыхъ молодыхъ людей важно расхаживали, жадно курия сквернѣйшій табакъ; другіе сидѣли за бутылкой водки, стараясь разрѣшить ученый философскій вопросъ о томъ: «цѣпь привязана къ собакѣ, или собака къ цѣпи?... Братъ мой былъ въ числѣ выпивавшихъ и рассуждающихъ. Увидѣвъ меня, братъ спросилъ, выдержалъ ли я экзаменъ. На что я отвѣтилъ, что экзамена еще не сдавалъ, и рассказалъ свою встрѣчу съ о. ректоромъ. Нужно сказать, что при этомъ старшемъ братѣ я учился въ Переславлѣ четыре года, терпя и перенося всю суровость и строгость старшаго надъ младшамъ, но затѣмъ два года я уже поотвыкъ отъ братской строгости, самъ былъ облеченъ властію

«довѣреннаго» въ квартирѣ надъ учениками въ числѣ десяти человекъ, которыхъ, наставляя уму разуму, подчинялъ своей волѣ.

Братъ задалъ мнѣ забучку за то, что я попался на глаза отцу ректору и такъ простодушно рассказалъ про эту встрѣчу!..

Обливаясь слезами и отъ боли, и отъ стыда, и отъ оскорбленія самолюбія, я пріютился въ какой-то уголокъ, взявъ свои учебныя книги, и принялся за склоненія и спряженія глаголовъ греческихъ и латинскихъ, но высокопарныя разсужденія г.г. богослововъ и философовъ нерѣдко отвлекали мое дѣтское вниманіе отъ эллинской и римской премудрости къ дебатамъ родныхъ философовъ.

Часа въ три по полудни я вновь отправился въ семинарію, гдѣ уже встрѣтилъ многихъ изъ своихъ переславскихъ товарищей.

Всѣ говорили про строгость о. ректора, про то, что онъ клялся половину изъ всѣхъ училищъ прогнать назадъ, и про прочія печальныя злобы. Меня съ понятнымъ интересомъ разспрашивали товарищи, о чемъ со мной разговаривалъ ректоръ, поймавъ утромъ. Всѣ мы были въ угнетенномъ состояніи духа, какъ бы приговоренные къ пыткѣ. Обыкновенная дѣтская безпечность, пріисржденный въ нѣкоторыхъ ученикахъ юморъ—все было задавлено тяжестью ректорскихъ строгостей. Но вотъ пронесся шопотъ: «видеть»...

Ректоръ о. Алексѣй, дѣйствительно, быстрой походкой, стуча о каменную мостовую тростью, шелъ отъ жилого корпуса къ семинарскому зданію. Это былъ монахъ, сложенный довольно плотно, съ красивымъ лицомъ, окаймленнымъ окладистою бородою. Цвѣтущее здоровье отражалось на его лицѣ.

Какъ только онъ вошелъ во второе среднее отдѣленіе, гдѣ производились экзамены, едва только смолкла молитва чтеца Духу Святому, изъ устъ отца ректора полилась самая отборная брань, къ которой, положимъ, мы привыкли и въ стѣнахъ Переславскаго училища, во при новой обстановкѣ, при относительной высотѣ лица, эта безпричинная брань тяжелымъ камнемъ ложилась на наши юныя сердца, облившіяся кровью, какъ только о. ректоръ развернулъ списки.

— А ну-ка, гдѣ эта вошь, что давеча мнѣ попалась, ну-ка гдѣ она?.. А вотъ, вотъ, Соловьевъ Николай!..

При этомъ имени, произнесенномъ ректоромъ, сердце учащенно забилось, и я, не помня себя отъ страха, вышелъ на середину класса и сталъ передъ столомъ, за которымъ возсѣдалъ строгій монахъ.

— Ну-ка, вошь, ты куда, куда ползешь? покажись намъ.

Я стоялъ ни живъ—ни мертвъ, и о. ректоръ вызвалъ еще ученика, вкрикнувъ: «Казанскій Петръ!»

Это былъ тихій, ужасно застѣчивый мальчикъ. Онъ отъ всякаго товарищескаго слова краснѣлъ до ушей. Новизна обстановки, страхъ

передъ ректоромъ, естественное смущеніе—привело Казанскаго въ такое волненіе, что онъ покраснѣлъ до корня волосъ. И здѣсь, казалось бы, нужна была особая деликатность экзаменатора, особая любезность, особое умѣнье успокоить конфузливаго юношу. Но, увы, не таковы были времена, не таковы нравы! Замѣтивъ смущеніе Казанскаго, о. ректоръ точно нашелъ драгоценную находку.

— А, заря-заряница, красная дѣвица!—обратился онъ къ Казанскому.

— Что это Архангельскій (инспекторъ Переславскаго училища) съ ума сошелъ,—прибавилъ ректоръ,—что прислалъ васъ чуть не полсотни? А я всѣхъ до одного возвращу назадъ, вотъ и будетъ знать.

Послѣ всѣхъ этихъ угрозъ и привѣтствій, начался экзаменъ, прежде всего изъ пространнаго катихизиса «Филарета», учебника, столь прославленнаго и столь труднаго для усвоенія при изученіи. Катихизисъ о. ректоръ держалъ въ рукахъ и зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы отвѣты наши были буква въ букву съ учебникомъ. Маленькое отступленіе или незначительная перестановка словъ вызывали отмѣтку «худо». Эта отмѣтка досталась со мной экзаменовавшемуся Казанскому, и къ дальнѣйшимъ экзаменамъ онъ допущенъ не былъ. Я получилъ изъ катихизиса отмѣтку «порядочно» и допущенъ былъ къ экзамену по латинскому языку, въ тѣ времена одному изъ главныхъ предметовъ, и отмѣчалъ по опредѣленію ректора «не худо». Но мой малый ростъ смущалъ ректора. Подъ влияніемъ страха дальнѣйшаго экзамена, я заявилъ ему, что желаю остаться на повторительный курсъ, только, не возвращаясь въ Переславль, во Владимірскомъ училищѣ. Ректоръ согласился и приказалъ подать прошеніе. Въ тѣ времена духовныя училища вполнѣ зависѣли отъ семинарскаго правленія, куда я и отправился.

Канцелярія семинарскаго правленія состояла изъ секретаря, изъ главнаго письмоводителя, считавшагося на коронной службѣ, и младшихъ письмоводителей, изъ учениковъ семинаріи, никогда не посѣщавшихъ классы, но переводимыхъ изъ класса въ классъ до самаго окончанія курса. Весь этотъ людъ, чуждый наукамъ, получа аттестатъ о полномъ окончаніи семинарскаго курса, расходился не только въ свѣтскую приказническую службу, но нерѣдко и на духовныя мѣста священническія. Взойдя въ канцелярію семинарскаго правленія, я обратился къ первому встрѣтившемуся мнѣ лицу, ходившему изъ угла въ уголь безъ всякаго дѣла. Лицо это оказалось самымъ важнымъ въ семинарско-канцелярскомъ мірѣ. Это былъ самъ Иванъ Егоровичъ Поспѣловъ, старшій письмоводитель, сумѣвшій забрать въ свои руки и подчинить своему влиянію даже и ректора.

— Ты что, бутузъ? — встрѣтилъ меня Поспѣловъ новымъ названіемъ.

Я объяснилъ, что ректоръ послалъ меня подать прошеніе о перевѣдѣ изъ Переславскаго во Владимірское училище. Иванъ Егоровичъ подробно, видно отъ нечего дѣлать, разспросилъ меня о томъ, какія я получилъ отиѣтки, что мнѣ говорилъ ректоръ и почему возвращаетъ назадъ въ училище.

Выслушавъ мой подробный разсказъ о томъ, что происходило у меня съ ректоромъ, Поспѣловъ замѣтилъ:

— Ахъ ты, дуракъ, дуракъ, ты и не понялъ, что ректоръ шутить, зналъ бы экзаменовался, да и все тутъ, былъ бы принятъ...

Но за всѣмъ симъ прошеніе мнѣ было написано, которое я подписалъ и оставилъ въ правленіи.

Покончивъ этого рода дѣла и хлопоты, я къ вечеру возвратился въ квартиру, гдѣ засталъ шумъ необычайный. Густыя облака дыма отъ сквернаго табака, куски и крошки хлѣба, яичныя скорлупы, недопитыя и выпитыя бутылки водки—на одномъ столѣ, а за другимъ полупьяные г.г. богословы и философы играли въ карты—въ стучолку, проигрывая тѣ гривенники, которые съ такимъ трудомъ добывали ихъ родатели. Были, впрочемъ, и непившіе и неигравшіе, которые сторонились отъ играющихъ. Нельзя сказать, чтобы это были лучшіе ученики по успѣхамъ, нѣтъ, они были изъ посредственныхъ, но въ жизни изъ нихъ выходили самые надежныя люди: почтенныя пастыри, хорошіе семьянины, настойчивые въ своихъ предпріятіяхъ, не заносчивые, не прядирчивые, не клаузные, люди съ крѣпкими нервами, уравновѣшенные, съ избыткомъ силъ. По большей части изъ лицъ этой категоріи впоследствии выходятъ благочинные и протопопы. Заставъ брата въ числѣ играющихъ въ карты, я не попадался ему на глаза, чтобы не потерпѣть крушенія за неудачное плаваніе въ экзаменаціонныхъ волнахъ семинарскаго моря.

Вспоминаю свое представленіе во Владимірское училище, расположенное въ отдаленной части города за рѣкою Лыбедью и въ тѣ времена состоявшее изъ двухъ деревянныхъ корпусовъ: одного обширнаго, а другаго маленькаго. Неказистая сторона школьнаго зданія испугалась, впрочемъ, прелестью громаднаго сада съ вѣковыми липами, кленами, березами, жасминомъ и акаціей. Когда я вступилъ за ворота училищнаго зданія и размышлялъ о томъ, гдѣ пробраться въ квартиру инспектора, изъ сада вышелъ величавой поступию высокаго роста пожилой господинъ въ цилиндрѣ на головѣ и коричневаго цвѣта камлотовой шинели на плечахъ.

— Ты что, мальчикъ?—важно спросилъ отъ меня.

— Я переведеуъ изъ Переславскаго училища во Владимірское, такъ

миѣ сказали въ правленіи семинаріи, чтобы явился я къ г. инспектору.

— А ты знаешь инспектора?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ну узнаешь, онъ строгій.

— И у насъ въ Переславлѣ тоже строгъ. Очень больно дерется ключемъ.

— Какимъ ключемъ?

— Отъ правленія.

Тѣмъ разговоръ и кончился. Важный господинъ сказалъ, чтобы я приходилъ въ училище черезъ три дня, когда начнутся занятія.

Этотъ важный господинъ былъ, какъ потомъ оказалось, тотъ самый инспекторъ Владимірскаго училища, Иванъ Григорьевичъ Соколовъ, память о которомъ въ духовенствѣ Владимірской епархіи жива доселѣ. Это была живая книга города Владиміра. Онъ прослужилъ не менѣе пятидесяти лѣтъ при училищѣ, такъ что былъ учителемъ и нашихъ родителей. Онъ имѣлъ обширѣйшій кругъ знакомыхъ, бывалъ въ лучшихъ аристократическихъ домахъ, пользовался громадѣйшимъ въ городѣ авторитетомъ и умѣлъ держаться съ начальствомъ съ неподражаемымъ достоинствомъ. Онъ былъ одинокій и, какъ въ Переславлѣ Архангельскій, полнымъ хозяиномъ училища. Во Владимірѣ начальствующее лицо въ училищѣ именовалось ректоромъ училища, каковымъ былъ магистръ богословія, кафедральный протоіерей, членъ духовной консисторіи Ѡ. М. Надеждинъ. Обремененный многоразличными служебными дѣлами и не очень ладившій съ И. Г. Соколовымъ, Ѡ. М. Надеждинъ очень рѣдко посѣщалъ училище, развѣ только во время экзаменовъ, и то въ высшемъ отдѣленіи по латинскому языку, при чемъ отмѣтка Надеждина имѣла для спрошенныхъ имъ учениковъ роковое значеніе. Если бы ученикъ на экзаменѣ получилъ по всѣмъ предметамъ по 5-ти, а по латинскому языку отъ самого Ѡедора Михайловича получилъ единицу, то онъ не имѣлъ бы мѣста въ первомъ разрядѣ, и наоборотъ хорошій баллъ, поставленный рукою Ѡедора Михайловича ученику по латинскому языку, что называется вытаскивалъ ученика со дна моря—изъ третьяго разряда въ первый десятокъ. Эта слабость Надеждина къ латинскому языку имѣла сильно-ослабляющее вліяніе на занятія учениковъ другими предметами, къ огорченію ихъ преподавателей.

Прибывъ въ назначенное время въ зданіе училища, я засталъ здѣсь невиданную мною массу учениковъ, число которыхъ простиралось до пятисотъ человекъ. Училище имѣло по два отдѣленія каждаго класса. Полавъ, какъ въ непроходимый лѣсъ, въ чужое училище и не-

доумѣвая, въ какое отдѣленіе войти, я былъ спрошенъ однимъ очень важничавшимъ ученикомъ съ журналомъ въ рукахъ.

— Ты изъ Переславскаго училища?

— Изъ Переславскаго.

— Твоя фамилія?

— Соловьевъ.

— Иди къ Ивану Григорьевичу, онъ тебя требуетъ къ себѣ. Чортъ васъ носитъ изъ разныхъ училищъ сюда, безъ васъ много здѣсь дураковъ-то!

— Это видно, начиная съ тебя,—отвѣчалъ я съ сердцемъ.

Онъ тотчасъ же бросился въ квартиру Ивана Григорьевича съ жалобой на меня, но, не успѣвъ еще онъ излить своего горя, взшелъ и я въ завѣтный кабинетъ инспектора, при чемъ, полизавъ ладонь языкомъ, пригладилъ свои волосы. Къ моему восхищенію, Иванъ Григорьевичъ принялъ меня очень радушно, да и былъ онъ не такъ величавъ, какъ при первой моей встрѣчѣ съ нимъ. Въ своемъ кабинетѣ онъ сидѣлъ въ халатѣ, съ ермолкой на головѣ, табакеркой и фуляровымъ платкомъ въ рукахъ.

— Вотъ видишь, — мальчикъ, какъ мальчикъ, а ты, что, голова трепавая, пуговицы оборваны,—встрѣтилъ Иванъ Григорьевичъ «старшаго», намѣревавшагося было принести на меня жалобу. Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, спросилъ:

— Ты въ которомъ отдѣленіи желаешь учиться: въ 1-мъ, или во 2-мъ, гдѣ я учу?

— Я желаю во 2-мъ, гдѣ вы учите.

— Почему же?

— Потому, что вы на урокахъ все объясняете.

— А кто это тебѣ сказалъ?

— У васъ рассказываютъ на квартирѣ ученика.

— Ну, хорошо, братецъ, я тебя запишу во 2-е отдѣленіе, но знай, что нужно стараться, уши держать остро, главное стараться, слушать, что объясняется въ классѣ... Вотъ переведи мнѣ на латинскій языкъ: «капля долбитъ камень не силой, а часто падая, и человѣкъ дѣлается ученымъ не силой, а постояннымъ ученіемъ».

Эта капля, долбящая камень, какъ она для меня памятна, какую важную роль она сыграла въ моей житейской юдоли и сыграла не въ переносномъ—аллегорическомъ, а буквальномъ смыслѣ слова, сколькихъ стоила она мнѣ слезъ, но и сколькихъ радостей! Позволю себѣ рассказать исторію моихъ отношеній къ каплѣ, долбящей камень. Эта исторія съ полной очевидностью разъясняетъ, отъ какихъ случайностей зависать школьная карьера. Въ концѣ учебника латинской грамматики, по которой мы изучали римскую премудрость, существовалъ отдѣлъ

объ употребленіи «герундіума и супина». Отдѣлъ этотъ изучался нами въ высшемъ отдѣленіи училища, и какъ примѣръ употребленія герундіума, въ грамматикѣ приведено было вышеозначенное предложеніе о каплѣ, долбящей камень. Я или по мудрености этого примѣра, или по лѣности, не заучилъ его. Но, увы, на бѣду былъ спрошенъ П. В. Архангельскимъ и, не удовлетворивъ его отвѣтомъ, — а былъ онъ на бѣду не въ духѣ, — такое получилъ отъ него долбленіе правленскимъ ключемъ по своей юной головѣ, что и доселѣ больно вспомнить.

Какъ же послѣ такого «внушенія» мнѣ было не заучить каплю, долбящую камень. И вотъ здѣсь, во Владимірѣ на сцену вышла опять, чтѣ и въ Переславлѣ, капля, долбящая камень. Но здѣсь она утерла мои переславскія слезы!

Выслушавъ данное мнѣ предложеніе Иваномъ Григорьевичемъ Соловьевымъ, я притворился вѣкогда не слыхавшимъ такой мудрой загадки и сталъ какъ бы ее обдумывать, а Иванъ Григорьевичъ какъ бы поощрялъ, или подзадоривалъ меня.

— Ну-ка, вотъ переведи, молодецъ будешь.

Начинаю осторожно, не торопясь, переводить. Иванъ Григорьевичъ взумился глубинѣ моей премудрости и съ особеннымъ удареніемъ вымолвилъ:

— Вотъ, молодецъ!

Капля, долбящая камень, упрочила мое положеніе во Владимірскомъ училищѣ. Назначенъ я былъ въ высшее 2-о отдѣленіе. Учиться мнѣ было очень легко, такъ какъ все, чтѣ здѣсь преподавалось, намъ извѣстно было уже въ Переславлѣ, и кругъ преподаванія и учебники были одинъ и тѣ же. При этомъ во Владимірѣ уже вѣяло ароматомъ гуманности, истекающей отъ необыкновенно-кроткой и истинно-богомудрой особы епархіальнаго преосвященнаго, знаменитѣйшаго Феофана, въ то время находившагося на владимірской кафедрѣ и отсюда удалившагося въ тамбовскій затворъ, продолжавшійся около четверти вѣка.

Этотъ высокопреосвященный и благочестивый мужъ всемірно старался сдерживать и лютый гнѣвъ семинарскаго ректора Алексѣя въ обращеніи съ учащимся юношествомъ, и спасалъ своею защитою сотни юношей отъ огульнаго исключенія изъ семинаріи и училищъ. Вообще говоря, во Владимірѣ въ описываемое время (1864—1865 гг.), нравы были въ училищной и семинарской корпораціи совершенно различны отъ переславскихъ. Въ Переславлѣ взятка, лоза и брань жили нерушимо, какъ три единоутробныя сестрицы; во Владимірѣ двѣ изъ нихъ: лоза и взятка къ этому времени похоронены были уже на вѣки вѣчные.

Зато во Владимірѣ я узнавалъ, что учителя пьютъ водку, чего о пе-

реславскихъ учителяхъ и помыслить не могъ. *Первый* нетрезвый учитель, который пришелъ къ намъ въ классъ, былъ нѣкто Иванъ Кузьмичъ Богословскій, преподаватель географіи и ариметики. Это былъ опустившійся одинокій бѣднякъ изъ семинаристовъ, окончившихъ курсъ, плохой преподаватель, апатичный ко всему, кромѣ водки, не имѣвшій никакого значенія въ училищѣ. Онъ брлся, но всегда ходилъ небритый, носилъ шинель, которую надѣвалъ прямо на рубашку, и не снималъ поэтому ее въ классѣ. Вообще онъ былъ жалкій субъектъ.

Помню, когда онъ пришелъ первый разъ выпившимъ въ училище, ученики хоромъ (свыше ста человекъ) затянули верши, вродѣ псалма своего сочиненія: «на кануѣ семика, шелъ Иванъ Кузьмичъ изъ кабака» и проч. въ этомъ родѣ.

Иванъ Кузьмичъ сначала было обидѣлся, сморщилъ лобъ, но потомъ засмѣялся во весь ротъ и, вызвавъ хохотъ учениковъ, скрылся изъ училища. Пилъ этотъ человекъ запоями, иногда подолгу. Уроки его нѣмѣли не замѣщались, и мы, кто, конечно, хотѣли, посвящали ихъ на чтеніе интересныхъ книгъ.

Сообщу памятные для меня, бывшіе со мною эпизоды во Владимірскомъ училищѣ, характеризующіе бытовую сторону этой школы.

Снискавъ расположеніе Ив. Г. Соколова, посредствомъ «капли, долбящей камень», я былъ превознесенъ сильной властью его, а именно: облеченъ важной для учениковъ должностію класснаго цензора. Вмѣстѣ съ тѣмъ я назначенъ былъ старшимъ надъ квартирами, старшимъ дежурнымъ по училищу, старшимъ въ соборѣ при архіерейскомъ богослуженіи и старшимъ на бульварѣ при общественныхъ ежедневныхъ гуляньяхъ въ лѣтніе вечера.

Первый годъ моего пребыванія во Владимірскомъ училищѣ проходилъ для меня очень счастливо. Учиться было не трудно; облеченъ я былъ всѣми атрибутами власти, по списку стоялъ въ числѣ первыхъ. Но и на мою счастливую голову выпала онала со стороны Ивана Григорьевича, совершенно для меня неожиданная. Въ числѣ многихъ друзьяхъ учениковъ и семинаристовъ, я, по дальности разстоянія мѣста моей родины отъ Владиміра, на масленицу остался здѣсь. И вотъ, пользуясь свободнымъ временемъ, въ послѣднее прощальное масленичное воскресенье, въ первый разъ въ жизни своей, взять былъ братомъ въ городской театръ, гдѣ давался «Ревизоръ». Боже мой, какое потрясающее впечатлѣніе на меня произвело это первое въ моей жизни посѣщеніе театра. Я до сего дня даже помню фамиліи актеровъ, которые мнѣ въ то время показались неземными существами. Послѣ, ни Большой московскій театръ, ни петербургскій Маріинскій не производили на меня того сильнаго впечатлѣнія, какъ деревянный, тогда почти развалившійся, Владимірскій съ труппою провинціальныхъ актеровъ!

Но, увы, за это наслажденіе получалъ я неожиданное возмездіе. Мое посѣщеніе театра сдѣлалось извѣстнымъ моему патрону. Ивану Григорьевичу Соколову, который, прогнѣвавшись на меня за эту вольность, подвергъ, несмотря на свое ко мнѣ расположеніе, двухнедѣльному стоянью на колѣняхъ на всѣхъ урокахъ.

Простоявъ на колѣняхъ двѣ недѣли поста, вторую и третью, я готовился къ экзамену. Тогда экзамены производились три раза въ годъ: предъ Рождествомъ, Пасхой и вакаціей. На латинскій языкъ по обыкновенію пробылъ Ѳ. М. Надеждинъ, и меня съ другимъ ученикомъ, Альбицкимъ, моимъ другомъ, вызвалъ обоихъ вмѣстѣ. «Капля, долбящая камень» и здѣсь сыграла со мной нѣкую исторію—такова уже судьба или моя, или этой капли! Давъ нѣсколько вопросовъ Альбицкому, Ѳедоръ Михайловичъ далъ мнѣ то самое предложеніе, которое такъ удачно я перевелъ въ свое время Ивану Григорьевичу Соколову. Выслушавъ данное Ѳ. М. Надеждинымъ предложеніе, тайно ликуя отъ неожиданнаго счастья, я, не торопясь, какъ бы обдумывая каждое слово, безошибочно перевелъ данное предложеніе. Ѳедоръ Михайловичъ спросилъ нѣсколько объясненій, или такъ-называемыхъ правилъ къ данному примѣру, сказавъ: «хорошо», поставилъ 4. Этотъ баллъ обезпечивалъ мнѣ одно изъ первыхъ мѣстъ, хотя бы я по другимъ предметамъ былъ и хуже другихъ. Больше 4-хъ Ѳедоръ Михайловичъ не ставилъ никому. Мой другъ, Альбицкій, вообще весьма даровитый, получилъ также 4 и ожидалъ меня. Выйдя за ворота училища, мы на радости рѣшили съѣсть по пирожку «растягаю» и съ этой цѣлью зашли въ трактиръ.

На другой день, я и Альбицкій приходимъ въ училище—оба ликующіе, справляемся у товарищей, кто какой изъ нихъ баллъ получилъ по-латыни, и вообще, что называется, не думаемъ ни о чемъ въ свѣтѣ тужить, какъ вдругъ дежурный, пришедшій отъ Ивана Григорьевича, потребовалъ меня и Альбицкаго къ нему. Мы оба предположили, что Иванъ Григорьевичъ поблагодаритъ насъ за хорошій отвѣтъ по его предмету, и смѣло входимъ въ его кабинетъ. Но, увы! Видимъ нашего педагога темнѣе ночи.

— Что это вы, бестія, дѣлаете, ходить по трактирамъ вздумали, а?

— Мы, Иванъ Григорьевичъ, только.

— Вонъ, бестія, галки, вороны!

Этими словами обыкновенно Соколовъ выражалъ сильную степень своего гнѣва въ отношеніи провинившихся учениковъ, и послѣ этого былъ немолчимъ.

Пошли мы, виновные, понурия голову, а окружавшіе насъ ученики перешептывались о томъ, что насъ исключать непременно.

Рѣшеніе участія нашей въ окончательной формѣ зависѣло отъ Ѳ. М.

Надеждина, который, не долюбивая Ивана Григорьевича, не всегда съ нимъ соглашался. Проходить часъ, другой томительнаго, убійственнаго ожиданія. Все училище точно замерло. Правда, экзамены шли своимъ чередомъ, но экзаменаторы и экзаменующіеся находились въ напряженномъ ожидательномъ настроеніи, витересуясь исходомъ дѣла, которому такое важное значеніе придавалъ инспекторъ. А онъ ходилъ по корридору училища мрачѣе ночи.

Но вотъ часу въ третьемъ извошичьи дрожки подѣхали къ училищу, подвозя Ѳ. М. Надеждина. Мы съ Альбицкимъ садѣли, какъ пораженные громомъ. Въ какихъ выраженіяхъ и въ какомъ направленіи Соколовъ докладывалъ дѣло о нашемъ «преступленіи» Ѳ. М. Надеждину, мнѣ не извѣстно. Но видимо Ѳедоръ Михайловичъ смотрѣлъ на наше преступленіе болѣе милостивымъ окомъ, нежели Иванъ Григорьевичъ. Справившись о нашихъ успѣхахъ и помня насъ по вчерашнимъ отвѣтамъ, Ѳедоръ Михайловичъ предложилъ-было Ивану Григорьевичу пожурить насъ и не придавать дѣлу значенія. Но Иванъ Григорьевичъ держался своего мнѣнія и настоялъ на томъ, что Альбицкаго и меня на все время экзаменовъ, дня на четыре, рѣшено было поставить на колѣни и Альбицкаго съ 1-го мѣста понизить на 5-е, а меня со 2-го на 10-е; такъ и было сдѣлано. Къ концу учебнаго года я опять занялъ третье или четвертое мѣсто, а Альбицкій—первое.

Къ концу учебной майской трети, втораго года пребыванія въ училищѣ, я подвергся тяжелой болѣзни тифа, слегъ въ больницу, на переводномъ экзаменѣ не былъ и не могъ быть свидѣтелемъ прощанья учениковъ, переведенныхъ въ семинарію, съ дорогимъ сердцу ихъ училищемъ. Меня перевели въ семинарію, значительно понизивъ по списку, какъ не бывшаго на экзаменѣ, но все же въ первомъ разрядѣ.

Пріемный экзаменъ въ семинарію въ 1866 году производился все тѣмъ же о. ректоромъ Алексѣемъ, съ тѣми же пріемами и бранью, что и прежде, но экзаменаціонный трудъ теперь раздѣленъ былъ между многими семинарскими преподавателями, изъ которыхъ одни были ангельски бротки, а другіе—демонски злы.

Я экзаменъ выдержалъ и за рубль серебромъ выхлопоталъ у знаменитаго Ивана Егоровича Посиѣлова записать меня во 2-е назшее отдѣленіе, гдѣ главный преподаватель словесности Любимовъ не отличался строгостью.

II.

Во Владимірской семинаріи было по три отдѣленія каждого класса, и учащихся около шести сотъ человѣкъ, большая половина которыхъ жила по квартирамъ, а остальные въ бурсѣ. Въ каждомъ отдѣленіи первенствующую роль игралъ преподаватель главныхъ предметовъ и назывался «главнымъ профессоромъ». Такіе главные «профессоры» преподавали: въ низшемъ отдѣленіи — риторику, въ среднемъ — фило-софію (собственно логику, психологію и патристику), въ высшемъ — богословіе догматическое, нравственное и обличительное. Во 2-мъ низшемъ отдѣленіи, въ которое я поступилъ, главнымъ наставникомъ или, по-тогдашнему, профессоромъ, былъ священникъ Любимовъ, человѣкъ мягкій, не особенно снисходительный, но не придирчивый, не чванный, не заносчивый. Риторику и исторію литературы онъ преподавалъ по запискамъ, частію имъ самимъ, а частію его предшественникомъ составленнымъ. Любилъ, чтобы ученики заучивали данные уроки твердо, обращался деликатно на «вы», а словомъ «ты» называть только дѣтвѣевъ и оборванцевъ. Вообще, не обладая обширностью знаній, Любимовъ, тѣмъ не менѣе, умѣлъ научить своихъ учениковъ писать кратко и ясно, безъ семинарской витіеватости. На урокъ его собирались всѣ ученики и вели себя чинно. Уроковъ словесности было три, или четыре въ недѣлю. Эти уроки и были только дѣйствительными уроками. Остальные являли собою какое-то столпотвореніе вавилонское! На остальные уроки, приходило менѣе половины учениковъ, какъ въ младшихъ, такъ особенно въ старшихъ классахъ. Прилежные ученики работали самостоятельно: писали сочиненія, отыскивали источники и изучали ихъ, но большинство шаталось по трактирамъ, играя на бильярдѣ или пьянствуя и картежничая по квартирамъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что были и прекрасные ученики, составлявшіе особую партію или кружокъ, центромъ котораго былъ ученикъ старшаго класса Маврицкій, очень извѣстный впоследствии присяжный повѣренный, безвременно умершій и много перенесшій въ жизни. У Маврицкаго въ квартирѣ была своя бібліотека, въ которой ученики за небольшую плату пользовались книгами.

Если семинаристы являлись въ большей части саврасами безъ узды, то учителя представляли собою какія-то жалкія существа. Въ моемъ воспоминаніи воскресаетъ фигура добродушнаго, скромнаго, покорнаго старичка Григорія Ѳедоровича Соколова, преподававшаго намъ греческій языкъ. Чтò только не продѣлывалось на урокахъ этого мученика! Свистъ, шумъ, гамъ, игра на гармоніи; и на всѣ эти безобразія Гри-

горій Ѳеодоровичъ только кричалъ: «тише! тише!» Но тишина водворилась только тогда, когда входилъ въ классъ ректоръ.

Вспоминаю слѣдующій случай, оставшійся въ моей памяти и характеризующій прошедшіе семинарскіе нравы. Былъ урокъ греческаго языка. На уроки преподаватели вообще ходили не спѣша, придуть-то и рано, но ходятъ по корридору, толкуя про свои дѣла, взойдутъ минутъ за десять до звонка, спросятъ одного, двоихъ, раслишутся въ журналѣ—и ладно. Все-равно никто ничего не училъ, кромѣ главныхъ предметовъ. Входитъ, однажды, Григорій Ѳеодоровичъ въ классъ, и ушамъ своимъ не вѣрить: тишина, что называется, муха прожужжать, слышно. Онъ, лѣкующій и торжествующій, взялъ книгу и спросилъ кого-то. Едва ученикъ началъ читать греческій текстъ, какъ по классу, какъ будто гдѣ-то вдали, но ясно и отчетливо раздались извѣстная пѣсня: «За рѣкой, на горѣ, гдѣсь зеленый шумить». Пѣвецъ обладалъ и голосомъ, и тономъ. Сколько ни прислушивался Григорій Ѳеодоровичъ, не могъ замѣтить пѣвца. Наконецъ, догадался, что пѣвецъ сидитъ въ библиотечномъ шкафѣ. Отворили шкафъ и извлекли изъ него пѣвца.

Это былъ ученикъ Иванъ Санинскій, вѣроятно, теперь, если живъ, служить гдѣ-нибудь сладкопѣвцемъ, ибо онъ далѣе риторики семинарію не осилилъ.

А вотъ и другой феноменъ, преподаватель всеобщей исторіи Тимошей Ивановичъ Второвскій. Какими судьбами этотъ субъектъ окончилъ академическій курсъ, сказать и рѣшать трудно, какъ равнымъ образомъ трудно утвердить, зналъ ли онъ что-нибудь, кромѣ умѣнья читать и писать. Это былъ одинокій холостякъ, обыкновенно или полупьяный, или совершенно пьяный. Когда онъ былъ въ состояніи дѣйствовать, то спрашивалъ подрядъ по списку учениковъ и слѣдилъ, по учебнику Казанскаго, за нашими отвѣтами. Конечно, мы никогда ничего не готовили и ничего не знали по всеобщей исторіи. Отвѣты наши зависѣли отъ умѣнья сосѣда подсказывать. Нѣкоторые изъ учениковъ достигали въ этомъ отношеніи такого искусства, до котораго не достигали, вѣроятно, многіе изъ театральныхъ суфлеровъ.

Вспоминаю, да и какъ забыть, слѣдующій случай со Второвскимъ. Мы какъ-то замѣтили, что Тимошей Ивановичъ приближается къ семинаріи, едва передвигая ноги, изображая, какъ говорится, «мыслете», кто-то изъ шалуновъ моментально досталъ метлу. Второвскій подходитъ къ дверямъ нашего класса. Обѣ половины двери торжественно отворяются. Второвскій входитъ въ классъ, одинъ изъ учениковъ вручаетъ ему метлу въ руку, цѣлуя руку, какъ у архіерея. Второвскій, въ состояніи полного опьяненія, благословляетъ насъ обѣими руками, какъ подобаетъ архіерею. Чего еще ждать больше этого?! Предъ введе-

нiемъ реформы, онъ былъ уволенъ и поступилъ въ какую-то пустынь послушникомъ.

Былъ у насъ преподаватель православнаго исповѣданiя (это тотъ же катехизистъ, только нѣсколько иначе изложенный) Петръ Григорьевичъ Клиентовъ. Былъ ли это сознательный клоунъ, или безсознательный психопатъ—рѣшить трудно. Онъ тоже былъ одинокой холостякъ. Приходилъ онъ въ классъ въ рваномъ пальто, сапоги не чищенные, брюки по колѣна, лицо или въ мѣлу, или въ сажѣ. Съ учениками онъ не разговаривалъ, а про себя и самъ съ собой что-то бормоталъ неумолкаемо. Несмотря на всю отчужденность этого «профессора» отъ учениковъ, помню, смѣльчаки сыграли и надъ нимъ шутку. Было первое апрѣля. Одинъ изъ учениковъ осторожно и незамѣтно вышелъ изъ класса и громко постучалъ въ дверь. Другой ученикъ посмотрѣлъ и, сказавъ нѣсколько словъ съ стучавшимъ, бойко подходитъ къ Клиентову и говорить:

— Петръ Григорьевичъ, васъ проситъ ректоръ.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой, зачѣмъ это, не знаете ли?

— Нѣтъ, не знаю.

— Ахъ, Боже мой, бѣда, бѣда!

Однако, утерши лицо платкомъ, отчего еще больше испачкался нюхательнымъ табакомъ, идетъ къ дверямъ, а ученикъ, стучавшій въ двери, поздравляетъ его съ первымъ апрѣля... И все ничего, все сходило съ рукъ!..

А вотъ я еще профессоръ нашего низшаго 2-го отдѣленiя Михаилъ Сергѣевичъ Новлянскiй; онъ преподавалъ у насъ латинскiй языкъ, а въ среднемъ отдѣленiи—физику. Латинскiй языкъ Новлянскiй совершенно не зналъ. Онъ получилъ его, какъ добавочный предметъ, по протекции ректора Алексѣя. Кромѣ того, Новлянскiй былъ помощникомъ инспектора. Трезвый, онъ былъ придирчивъ, визгливъ, любилъ наговаривать на учениковъ ректору, а когда былъ пьянъ, что случалось нерѣдко, то доходилъ до полнаго униженiя, выпрашивая у насъ, учениковъ, по пятаку! Лично ко мнѣ (я жилъ отъ него недалеко) Новлянскiй нерѣдко приходилъ за пятаккомъ на квартиру, но это не бѣда. Былъ такой случай. Во время урока Любимова, слышимъ стукъ въ дверь. Выходитъ ученикъ, смотритъ, стучитъ Новлянскiй.

— Что угодно?

— Вызовите Соловьева.

Ученикъ даетъ знать мнѣ, что меня требуютъ, спрашиваю позволенiя у Любимова и выхожу. Новлянскiй громко, обращаясь ко мнѣ, говорить:

— Идите-ка сюда, что вы тамъ надѣлали, инспекторъ требуетъ.

Иду—и что же: доведя меня до крыльца, *Новлянский* ласково обращается ко мнѣ:

— Дайте, пожалуйста, семь копѣекъ!..

Я перечислилъ весь штатъ «профессоровъ» нашего низшаго 2-го отдѣленія, за время моего ученія въ этомъ классѣ. Конечно, не всѣ семинарскіе преподаватели были таковы, какъ перечисленные мною. Были такіе, которые достойно носили званіе свое и по справедливости могли называться «профессорами». Но въ общемъ, слѣды разложенья явно были видны въ семинаріи, несмотря на безалаберную строгость ректора Алексѣя и массовыя исключенія семинаристовъ изъ семинаріи. Исключенія эти были такъ велики, что достигали человѣкъ до ста въ годъ. Исключали по преимуществу риторовъ и философовъ.

Въ одномъ философскомъ отдѣленіи, преподаватель психологій и логики Герасимъ Федоровичъ Нарбековъ, на первомъ своемъ урокѣ обращается къ ученикамъ съ вопросомъ:

— Ну, кто въ отцы діаконы, записывайтесь и спрашивать не буду!

И, дѣйствительно, человѣкъ пять и болѣе записались въ діаконы, на уроки не ходили и послѣ первой трети исключались за малоуспѣшность. Эти гг. философы, по большей части, получали діаконскія мѣста, а риторы—пономарскія, дяческія и расходились въ послушники по монастырямъ.

Въ 1867 году у насъ сдѣлалась извѣстной крупная для семинаріи новость: ректоръ Алексѣй былъ назначень, кажется, екатеринославскимъ епископомъ.

Въ нашемъ отдѣленіи учился вмѣстѣ со мною ученикъ Николай Способинъ. Ректоръ его очень любилъ и взялъ вмѣстѣ съ собою. Этотъ Способинъ рассказывалъ о томъ, какъ принялъ извѣстіе Алексѣй о назначеніи на епископскую кафедру. Придя изъ бани, Алексѣй въ одномъ бѣльѣ сѣлъ на диванъ и, положа руки на ноги, сказалъ:

— Ну, вотъ и архіерей! Къ чему стремился, чего добивался, изъ-за чего страдалъ, изъ-за чего жизнь обратилъ въ смерть—достигъ!..

Это характерное признаніе тотчасъ же разнеслось по семинаріи, къ великой радости большинства семинаристовъ и преподавателей. Алексѣй, дѣйствительно, отъ насъ скоро уѣхалъ. Впрочемъ, онъ недолго занималъ епископскую кафедру. Привычка къ бранному отношенію съ подчиненными его погубила. Съ самостоятельной кафедрой онъ переведенъ былъ въ члены Московской синодальной конторы, гдѣ и скончался.

До прибытія новаго ректора, семинаріей управлялъ инспекторъ игумень Аркадій. О немъ ходила въ семинаріи масса анекдотовъ, но у меня осталось въ памяти только то, что Аркадій любилъ славянскую рѣчь и выражалъ мысль свою своеобразной терминологіей. Такъ, давъ

приказъ, чтобы ученики въ опредѣленный имъ часъ ложились спать, между прочимъ, написалъ въ журналѣ слѣдующее: «Какъ скоро, о ою пору, кого не заставу на койкѣ, велю заклепить въ журналѣ».

Или еще:

Встрѣтивъ ученика на кухнѣ, игумень спрашиваетъ:

— Канаровскій, ты что здѣсь дѣлаешь?

— Сидѣю хлѣбъ, ваше высокопреподобіе.

— Ну, сидѣй, сидѣй, это не предосудительно.

Предъ введеніемъ въ семинаріи реформы, о. Аркадій оставилъ педагогическую службу и получилъ въ управленіе монастырь.

Я забылъ отмѣтить выше, что въ 1866 году преосвященный Теофанъ оставилъ Владиміръ, удалившись въ Тамбовскую епархію на покой. На его мѣсто прибылъ въ сентябрѣ 1866 года архіепископъ Автоній (Павлинскій), при которомъ потомъ и введена была реформа во Владимірской семинаріи.

Съ прибытіемъ въ нашу семинарію новаго ректора архимандрита Павла (Ковалевскаго), назначеннаго къ намъ изъ инспекторовъ Харьковской семинаріи, порядки въ семинаріи нашей начали измѣняться къ лучшему.

Павелъ былъ человекъ весьма образованный, строгій къ себѣ и осторожный, весьма деликатный въ обращеніи съ учениками; всю тяжесть подъема упавшей семинаріи онъ выносилъ на своихъ плечахъ, стараясь непригодныхъ преподавателей замѣнять новыми.

Между тѣмъ, изъ Петербурга шли слухи о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній, о ревизіи семинарій, о замѣнѣ преподавателей старыхъ новыми. Само духовенство оживилось. Ему предоставлена была, давно утраченная, самостоятельность: къ выбору благочинныхъ, образованію епархіальныхъ съѣздовъ; священники допущены были въ число членовъ правленій въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ съ правомъ обсужденія вопросовъ и экономическихъ, и педагогическихъ. Въ это время духовная литература подняла вопросъ объ улучшеніи быта духовенства, въ средѣ ея явились очень талантливые и бойкіе публицисты, какъ, напримѣръ, Бедлюстинъ, Ростиславовъ и проч. Во многихъ епархіяхъ появилось изданіе «Епархіальныхъ Вѣдомостей».

Въ 1868 году изъ низшаго отдѣленія, или риторики, я благополучно перешелъ въ возделѣнную философію. Да это и не стоило особеннаго труда. Нужно было только заниматься по главному предмету, а остальные—были въ полномъ забвеніи. Экзамены же были не испытаніемъ учениковъ въ знаніи изучаемыхъ предметовъ, но какимъ-то незаконнымъ и недобросовѣстнымъ сговоромъ учителей съ учениками. Отвѣчали мы по билетамъ, которые писали сами. Число билетовъ соотвѣствовало количеству учениковъ по каждому предмету.

Всякій предметъ мы раздѣляли на пять отдѣловъ, и каждый ученикъ, желающій получить удовлетворительный баллъ, долженъ былъ подготовить только пятую часть пройденнаго по каждому предмету и отвѣтъ его былъ обезпеченъ.

Съ билетами мы продѣлывали такую, всѣмъ известную, фальсификацію. Первый отдѣлъ, билетовъ десять, писали на бумагѣ съ фабричнымъ клеймомъ, второй—на бумагѣ безъ клейма, третій—на рваной бумагѣ, четвертый—на рѣзаной, пятый—на запачканой чернилами. Подходя къ столу, ученики безошибочно брали билеты своей категоріи и получали хорошіе, или, по крайней мѣрѣ, удовлетворительные баллы, къ собственному ликованію и къ удовольствію своихъ преподавателей. Перейдя въ философію, я зачислился во второе среднее отдѣленіе, гдѣ главнымъ преподавателемъ былъ Герасимъ Ѳеодоровичъ Нарбековъ, такъ любившій вербовать изъ философовъ отцовъ діаконъ. Приведу образчикъ преподаванія имъ «философіи», состоящей изъ психологіи и логики.

— Что такое душа?—задавалъ вопросъ на первомъ урокѣ психологіи Герасимъ Ѳеодоровичъ и самъ отвѣчалъ:

— Душа—не голикъ, въ печи не горитъ, ее не понюхать, не пощупать нельзя.

— Что такое логика?—задавалъ вопросъ Нарбековъ и отвѣчалъ:

— Логика есть наука, а учить ее скука. Поэтому совѣтую идти вамъ въ отцы-діаконы, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, а жизнь благодущная. Ну, кто въ отцы-діаконы? Записывайтесь!

Этотъ оригинальный «профессоръ» при мнѣ училъ насъ недолго, нѣсколько мѣсяцевъ. Ему удалось здѣсь же, во Владимірѣ, получить завидное и хлѣбное мѣсто секретаря консисторіи, гдѣ онъ и служилъ до самой смерти.

Заканчивая отдѣлъ о дореформенной семинаріи, мы не можемъ не упомянуть для ея характеристики о самомъ ея внѣшнемъ неустройствѣ: въ классахъ была нестерпимая стужа, ученики и преподаватели сидѣли въ шубахъ, отхожія мѣста состояли изъ деревяннаго сарая въ нѣсколькихъ десяткахъ саженой отъ семинаріи, гдѣ во время перемѣнъ отъ куриного учениками табаку шелъ дымъ точно отъ фабричной трубы. Здѣсь въ перемѣны философы и богословы пили водку, закусывая рѣдкой или лукомъ.

До чего была сильна распущенность семинаристовъ, можно заключить изъ слѣдующаго факта. Предъ введеніемъ реформы въ началѣ 1869 г., зимою, командированъ былъ, для обревизованія нашей семинаріи, членъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ д. с. с. Иванъ Александровичъ Ненаарокомовъ. Посѣщая классы во время занятій, ревизоръ

посѣтилъ, между прочимъ, наше среднее 2-е отдѣленіе во время урока греческаго языка, преподаваемаго намъ Г. Ѳ. Соколовымъ, с которымъ мы упоминали выше; при чемъ, несмотря на строгость или экстренность переживаемаго во время ревизіи момента, вмѣсто пятидесяти учениковъ, ревизоръ засталъ въ классѣ человекъ двадцать. Конечно, на это ревизоромъ было обращено должное вниманіе и сообщено ректору. Не бывшихъ переименовали въ классномъ журналѣ, въ которомъ рукою о. ректора сдѣлана была резолюція: «рекомендуется воспитанникамъ исправное посѣщеніе уроковъ, за опущеніе которыхъ, безъ причинъ уважительныхъ, будетъ налагаемо взысканіе». И только. Но это были уже послѣдніе часы свободной семинарской жизни. Надъ семинаріей собиралась гроза въ образѣ приближающейся реформы, о которой, по отъѣздѣ ревизора, только и было рѣчи и въ семинаріи, на семинарскихъ квартиркахъ, и даже во всемъ городѣ. Учителя, собравшись въ группы, не только предъ уроками, но и во время уроковъ, на которые почти не ходили, все о чемъ-то совѣщались. Словомъ, грозы боялись всѣ и преподаватели, и воспитанники: одни думали, что ихъ оставить за штатомъ, другіе боялись того, что ихъ заставятъ принять священническія должности, а воспитанники боялись, что ихъ всѣхъ исключать изъ семинаріи, которую наполнять учениками изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Конечно, ничего подобнаго не случилось, и страшная, но ожидаемая реформа: введена была во Владимірской семинаріи въ началѣ 1869-го учебнаго года; при чемъ преобразовано было и самое зданіе семинаріи, согласно требованіямъ новаго семинарскаго устава. При этомъ положенъ былъ конецъ не только благодѣтельному процвѣтанію типовъ Помяловскаго, прохладному житію семинарскому, но и самостоятельному семинарскому саморазвитію, такъ какъ, со введеніемъ реформы, всѣ занятія учениковъ строго регламентировались подъ зоркимъ окомъ отдѣльно поставленныхъ многочисленныхъ помощниковъ инспектора, хотя, конечно, въ новыхъ мѣхахъ старое вино убродилось не скоро, что и увидимъ въ нижеслѣдующаго продолженія нашихъ воспоминаній.

Но во всякомъ случаѣ, утверждаемъ смѣло, что реформа духовно-учебныхъ заведеній въ царствованіе императора Александра II-го имѣла самое благотѣльное вліяніе на судьбу этихъ школъ. Она смягчила нравы воспитателей и питомцевъ, создала массу полезнѣйшихъ слугъ государству на многоразличныхъ поприщахъ—помимо духовнаго, и уничтожила бурсацкіе типы Помяловскаго, какъ уничтожены были, въ силу реформы того же незабвеннаго государя, типы Гоголя въ средѣ дворянства.

III.

Итакъ, 30 лѣтъ тому назадъ, реформа графа Толстаго, оберъ-прокурора Синода, сдѣлалась въ нашей семинаріи совершившимся фактомъ. По прибытіи послѣ вакаціи въ семинарію, мы не могли и узнать ея внутренняго расположенія. Правда, ремонтныя и расширительныя работы семинарскаго зданія еще не были вполне окончены; но распределение классовъ было уже сдѣлано, хотя еще временно, впредь до окончательнаго устройства ихъ. По введеніи реформы, семинарія вмѣсто традиціонныхъ: богословія, философіи и риторики, раздѣлена была на шесть классовъ съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ. Первые четыре класса названы были общеобразовательными, а два послѣднихъ—«спеціально-богословскими».

Изъ бывшихъ у насъ трехъ богословскихъ отдѣленій ученики размѣщены были въ 5-й и 6-й классы, изъ трехъ философскихъ—въ 3-й и 4-й, имѣвшіе по два отдѣленія, изъ риторскихъ—въ 1-й и 2-й, также имѣвшихъ два отдѣленія. Но за всѣмъ симъ значительное количество учениковъ осталось за штатомъ, который положенъ былъ для всякаго класса. На помощь этимъ изгоямъ явилось епархіальное вѣдомство, открывши на свои средства параллельные классы въ помѣщеніи жилого корпуса, и этимъ своимъ самодѣтельнымъ участіемъ къ судьбѣ учениковъ дало имъ возможность окончить полный семинарскій курсъ.

Распределение семинаристовъ по классамъ при введеніи реформы совершило метаморфозу, имѣвшую громадное вліяніе на будущую житейскую судьбу лицъ, подвергнувшихся этой метаморфозѣ. Дѣло происходило въ такомъ порядкѣ. Первые по списку лучшіе ученики были помѣщены въ VI, IV и II классы, а вторая половина: богослововъ, философовъ и раторовъ, т. е. худшіе по успѣхамъ и менѣе даровитые, а то и прямо тупые, размѣщены были въ V, III и I классы. Имъ пришлось проучиться въ семинаріи лишній годъ, принесшій имъ манну съ неба: ибо ученики, считавшіеся посредственными по успѣхамъ и прилежанію, занимавшіе безобидную средину между товарищами, вдругъ сдѣлались первыми. А ученики, неизмѣримо выше ихъ стоявшіе, и только за то, что они были выше и не учились лишняго года, оказались въ срединѣ и внизу старшихъ классовъ, въ которыхъ соединены были ученики изъ нѣсколькихъ бывшихъ отдѣленій. За симъ эти, когда-то лучшіе ученики, окончили курсъ и разошлись на должности учителей народныхъ школъ въ ожиданіи священства гдѣ-нибудь въ убогомъ селѣцѣ. А худшіе товарищи за то, что проучились лишній годъ, отравлены были, какъ первые ученики, въ духовныя академіи, а иные, пользуясь прекрасными аттестатами и званіемъ студентовъ семинаріи, безъ труда проникли въ университеты, и теперь, въ то время, какъ

лучшіе страждутъ, худшіе наслаждаются благами міра: то въ прокурорскихъ должностяхъ, то обучаютъ въ семинаріяхъ и гимназіяхъ юншество, а иные служатъ въ должности земскихъ врачей.

Во главѣ реформированной семинаріи остался у насъ уважаемый ректоръ архимандритъ Павелъ. Инспекторъ Аркадій и отъ должности инспектора и отъ преподаванія читаемыхъ имъ богословскихъ предметовъ отказался, объяснивъ намъ въ своей прощальной рѣчи, что новая реформа требуетъ бодрыхъ напряженныхъ силъ и что онъ, по слабости своего здоровья, удаляется въ уединенный пустынный покой и, распростившись съ нами, удалился въ какой-то монастырь.

На должность инспектора избранъ былъ семинарскимъ правленіемъ, вовсе во Владимірскихъ предѣлахъ неизвѣстный, родной племянникъ архіепископа Антонія, преподаватель Новгородской семинаріи, магистръ богословія, Ѡ. Н. Павлинскій. Это былъ дѣйствительно настоящій инспекторъ: человекъ свѣтскій, ловкій, прозорливый, выдавшій виды, да при этомъ архіерейскій племянникъ, сразу поставилъ себя въ семинаріи авторитетно. Съ учениками Павлинскій былъ ласковъ, но не фамильяренъ, можно сказать, видѣлъ всю семинарскую душу. Старался въ семинаристахъ искоренить бурсацкія привычки, заботился отучить отъ неряшества, словомъ, облагородить семинаристовъ. Трудъ Павлинскаго усложнялся еще тѣмъ, что его помощники, со введеніемъ реформы, поставленные для исключительнаго воспитанія семинаристовъ, были ниже всякой критики, какъ увидимъ ниже.

Въ VI классѣ преподавались: догматическое богословіе, нравственное богословіе, русская церковная исторія, литургика, священное писаніе, исторія проповѣдничества, педагогика и греческій языкъ. Предметовъ не много, всё они для усвоенія очень доступны.

Догматическое богословіе преподавалъ ректоръ Павелъ; онъ самъ былъ магистръ богословія. Преподаваніе его было толковое, отношеніе къ ученикамъ въ высшей степени гуманное, доходившее даже до излишества. Напримѣръ, ректоръ не позволялъ ученикамъ вставать для отвѣтовъ, и мы отвѣчали ему сидя. Помимо прекраснаго и обширнаго преподаванія ректора Павла у насъ и учебникъ былъ прекрасный, толковый, извѣстнаго богослова и церковнаго историка Макарія (впослѣдствіи митрополита московскаго).

Нравственное богословіе преподавалъ магистръ богословія А. И. Боголюбовъ, но онъ вскорѣ умеръ. Я слушалъ у него въ V классѣ основное богословіе и скажу объ этомъ человекѣ высокаго ума и знаній ниже.

Церковную исторію преподавалъ любимый всѣми и сотоварищами, и воспитанниками—П. А. Бѣлояровъ, человекъ развитой, умный, знавшій свой предметъ превосходно, высоко-нравственный, честнѣйшій.

Священное писаніе преподавалъ намъ магистръ богословія, архимандритъ Митрофанъ. Это былъ истинно ученый монахъ старыхъ временъ, богословъ, проповѣдникъ.

Литургику и исторію проповѣдничества преподавалъ намъ магистръ богословія В. Я. Розановъ,—человѣкъ безъ особыхъ дарованій, упорнымъ трудомъ достигшій магистерства, онъ требовалъ и отъ учениковъ трудолюбія. Преподаватель этотъ былъ очень бурсакообразенъ, съ учениками ни въ какіе разговоры не входилъ, онъ былъ чуждъ намъ, мы чуждались его. Но, какъ преподаватель, онъ былъ посредственный и не безполезный. Впослѣдствіи, послѣ Павлинскаго, онъ былъ даже инспекторомъ семинаріи, впрочемъ, крайне тяжелымъ, и, по представленію архіепископа Θεогноста, былъ уволенъ отъ инспекторской должности съ переводомъ въ другую семинарію на преподавательское мѣсто.

Греческій языкъ преподавалъ намъ молодой человѣкъ В. Г. Крыновъ, чистенькій джентльменъ; онъ плохо зналъ эллинскую премудрость, а мы плохо занимались его предметомъ. Дидактику и педагогику преподавалъ инспекторъ Павлинскій умѣло, коротко и ясно.

Такимъ образомъ въ богословскихъ классахъ преподаватели, почти всѣ, были магистры богословія. Въ V классѣ были тѣ же преподаватели, что и въ VI. Здѣсь былъ еще, къ сожалѣнію безвременно умершій, замѣчательный преподаватель, тоже магистръ богословія, о которомъ я замѣтилъ выше,—А. И. Боголюбовъ, человѣкъ высокаго ума, обширнѣйшихъ знаній, умѣвшій увлекать учениковъ своимъ преподаваніемъ, наглядно доказывая самыя отвлеченныя истины. Онъ преподавалъ въ V классѣ такъ называемое основное богословіе, а въ VI—нравственное. Но, къ великому горю всей семинаріи, по реформѣ прожилъ менѣе двухъ лѣтъ, умеръ, оставивъ троихъ круглыхъ сиротъ.

На-ряду съ прекрасными преподавателями, которыхъ мы знали и помнимъ, слѣдуетъ поставить Н. Е. Бѣлаева, преподавателя греческаго языка, знатока своего предмета и въ высшей степени сдержаннаго и честнаго человѣка, многознающаго преподавателя М. И. Жудро, очень строгаго, но правдиваго. Въ сонмѣ многочисленнаго преподавательскаго персонала, конечно, были и слабые по знанію предметовъ преподавателя, но уже такихъ оригиналовъ, какъ Второвскій, Новлянскій, Клиентовъ и Добряковъ, какъ Г. Θ. Соколовъ въ семинаріи по реформѣ не стало. Впрочемъ, Г. Θ. Соколовъ нѣкоторое время преподавалъ греческій языкъ въ епархіальныхъ классахъ, но черезъ годъ, по введеніи реформы, мирно скончался въ вакантное время. Вотъ человѣкъ по истинѣ былъ незлобивъ, какъ агнецъ!

Учебная сторона по введеніи реформы была болѣе систематизирована. Всѣ бывшія записки замѣнены болѣе или менѣе обработанными

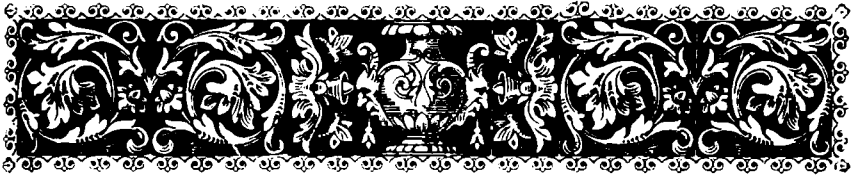
учебниками. Классные уроки продолжались одинъ часъ, при чемъ имѣлось въ виду, чтобы вниманіе учениковъ находилось въ бодромъ состояніи. Преподаватели, вмѣсто хожденія по корридорамъ, стали посѣщать уроки аккуратно. Все это хорошія стороны семинарской реформы. Но при этомъ необходимо сказать, что, по введеніи реформы, убита у семинаристовъ всякая самостоятельность и стремленіе къ самообразованію. Исправиле посѣщеніе классовъ, масса уроковъ, постоянныя по всѣмъ предметамъ сочиненія—все это, вмѣстѣ взятое, обратило семинаристовъ въ школьничковъ уѣзднаго училища. Желаніе и ожиданіе привлечь по реформѣ въ семинарію свѣтскій элементъ—не оправдалось.

Въ позднѣйшее время ученики духовныхъ училищъ освобождены отъ тяжелыхъ пріемныхъ экзаменовъ при поступленіи въ семинарію. Экзамены эти и экзаменаторы терзали юношей, не принося дѣлу, кромѣ вреда, никакой пользы!

Желательно, чтобы должности инспекторовъ семинарій представлялись исключительно лицамъ свѣтскимъ, которые могли бы имѣть личный надзоръ за учениками всюду и въ театрахъ, и гостиницахъ, и вокзалахъ, и прочихъ публичныхъ мѣстахъ, монаху недоступныхъ.

Н. И. Соловьевъ.

КАЗАНСКАЯ СТАРИНА.

(Изъ воспоминаній Ив. Ив. Михайлова).

II 1).

Наружный видъ Казанскаго университета.—Внутреннее его значеніе.—Математикъ Лобачевскій и его европейская извѣстность.—Профессоры Симоновъ, Караваевъ и Дубовицкій.

Зданіе университета въ мое время было красивѣйшимъ изъ всѣхъ зданій въ Казани и безспорно красивѣйшимъ изъ всѣхъ университетовъ въ Россіи. Фасадъ главнаго корпуса, выходящій на Воскресенскую улицу, съ тремя рядами колоннъ, увѣнчанный посрединѣ крестомъ, представлялъ восхитительный видъ. Это стройное произведеніе архитектуры составлено изъ трехъ домовъ и обличаетъ въ строителѣ недюжинное дарованіе.

Противъ университета чрезъ площадь находится клиника. Позади на университетскомъ дворѣ возвышаются зданія: университетской библиотеки, анатомическій театръ и химическая лабораторія, соединенныя между собою колоннадами. Они образуютъ полукругъ, въ вершинѣ котораго находится анатомическій театръ, и такимъ образомъ составляютъ прекрасное цѣлое. Въ сторонѣ, на томъ же дворѣ воздвигнута обсерваторія, также отличающаяся недурной архитектурой.

Съ Условской горы, нависшей надъ Волгой, видна вся Казань съ ея древней красивой Сумбекиной башней, увѣнчанной золотымъ шаромъ, съ ея церквами и домами, и въ центрѣ города на самомъ возвышенномъ мѣстѣ университетъ. Эта картина производитъ чарующее впечатлѣніе.

1) См. „Русскую Старину“, октябрь 1899 г.

Говоря объ университетѣ, я молодѣю, начинаю жить тою же жизнью, когда, полный силы и радужныхъ надеждъ, я вступалъ въ этотъ храмъ науки съ свѣтлой вѣрой во все великое и прекрасное. Для меня не было еще разочарованія въ жизни. Университетъ мнѣ казался очарованнымъ островомъ среди моря, на который вступаютъ люди, забывая о прежней жизни. Они какъ будто отдѣлены океаномъ и вѣками отъ прежняго окружающаго ихъ міра. Въ стѣнахъ университета совершалось крещеніе духомъ. Здѣсь проникался человѣкъ новыми мировыми идеями, становился гражданиномъ вселенной.

Казань три вѣка ужъ покорена, но только съ основанія университета началось духовное развитіе края. Темное царство безправія окружало тѣснымъ кольцомъ университетъ и медленно шагъ за шагомъ уступало захваченныя имъ владѣнія. Въ семьѣ не узнавали студента, вышедшаго изъ университета. Онъ казался пришлецомъ изъ другаго міра, такъ его понятія противорѣчили понятіямъ, укоренившимся въ семьѣ. И не рѣдко изъ бѣдной мѣщанской или чиновничьей семьи, прикнутой затхлыми идеями, выходили государственные люди или ученые съ свѣтлымъ взглядомъ.

Конечно, были исключенія; изъ числа студентовъ и въ началѣ основанія университета, и въ послѣдующее время, были недостойные своего призванія, которые остались по-прежнему дикарями, какъ будто пребываніе въ университетѣ не имѣло на нихъ никакого вліянія. Но виновато въ этомъ воспитаніе и дурные примѣры въ семействѣ и въ окружающей средѣ. Блестящіе дѣтства отзывались тлетворнымъ образомъ на молодыхъ людяхъ. Даже нѣкоторые изъ числа доморощенныхъ профессоровъ были небезукоризненны въ нравственномъ отношеніи, не говоря уже о томъ, что плохо знали свой предметъ.

Но какъ ни несовершенны были иные преподаватели въ научномъ отношеніи, какъ ни неподготовленны были студенты къ университетскому курсу, университетъ въ цѣломъ исполнялъ свое назначеніе. Довольно назвать Сергѣя Аксакова, прозваннаго первымъ студентомъ Казанскаго университета, какъ поступившаго въ годъ его основанія 1805 году и по алфавиту считавшагося первымъ; кто не знаетъ этого симпатичнаго писателя. Вся Россія читала его сочиненія, и много славныхъ именъ вышло изъ стѣнъ его, но величайшій изъ всѣхъ казанскихъ студентовъ былъ знаменитый математикъ Лобачевскій, поставленный современниками на-ряду съ мировыми гениями всѣхъ вѣковъ.

Николай Ивановичъ Лобачевскій родился въ 1793 году и поступилъ въ университетъ въ 1807 году, слѣдовательно, тоже изъ числа первыхъ студентовъ со времени его основанія.

Учителемъ Лобачевского былъ извѣстный вѣнскій профессоръ Бартельсъ, который въ это время былъ призванъ къ занятію кафедръ ма-

тематики на только-что открывшуюся вакансію въ Казанскомъ университетѣ. Бартельсъ обратилъ на Лобачевскаго особенное вниманіе. Разъ какъ-то инспекторъ Кондыревъ хотѣлъ за какую-то выходку исключить Лобачевскаго изъ университета. Бартельсъ, Литровъ и другіе профессора изъ иностранцевъ за него заступились и указали, какъ на даровитаго студента, чего инспекція, къ сожалѣнію, не знала, да и не обращала вниманія.

Лобачевскій отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ. Онъ явился авторомъ цѣлаго ряда монографій въ области математики, но краеугольнымъ камнемъ его славы послужила его воображаемая геометрія.

При жизни онъ не былъ понятъ. Его участь напоминаетъ участь Галилея. Тотъ и другой одинаково претерпѣли незаслуженныя нравственныя страданія, но Галилей былъ все-таки счастливѣе. Его открытія ученый міръ сразу оцѣнилъ. Въдъ признаніе составляетъ единственное утѣшеніе въ жизни ученаго человѣка. Сочиненія Галилея снискали ему общее уваженіе. Герцогъ Тосканскій пригласилъ его перейти во Флоренцію съ званіемъ перваго математика и философа. Астрономы Римской коллегіи убѣдились въ истинѣ и важности его наблюдений, и кардиналъ Монти писалъ великому герцогу Тосканскому Козьмѣ, что еслибъ Галилей жилъ во времена Римской республики, то ему не преминули бы воздвигнуть памятникъ. Онъ пользовался благоволеніемъ самого папы, но уже подъ конецъ сталъ жертвою іезуитовъ, какъ враговъ всякой свободной мысли. Грубые невѣжды, опасаясь, что новая теорія движенія земли можетъ подорвать авторитетъ священнаго писанія, возстали противъ его ученія. По ихъ настоянію, Галилей былъ преданъ инквизиціонному суду. Но судъ изувѣровъ не умалилъ его славы.

Съ Лобачевскимъ было иное. Не невѣжды, но первоклассные отечественные математики, пользовавшіеся ученой извѣстностью за границею, не признавали его заслугъ и осыпали его насмѣшками. Каково положеніе человѣка, когда онъ не находитъ сочувствія своимъ трудамъ даже въ средѣ собратій по наукѣ и учениковъ. Такой выдающійся математикъ, какъ Остроградскій, не понималъ Лобачевскаго.

Мнѣ передавали остроуту Остроградскаго надъ великимъ ученымъ.

— Лобачевскій не дурной математикъ,—сказалъ онъ,—но если надобно показать ухо, то онъ покажетъ его сзади, а не спереди.

Съ легкой руки Остроградскаго, одинъ изъ бывшихъ преподавателей математики въ Казанскомъ университетѣ, перешедшій потомъ въ Московскій университетъ, Брашманъ, писалъ рецензіи противъ Лобачевскаго, называя его мечтателемъ въ наукѣ.

Вскорѣ послѣ напечатанія сочиненія Лобачевскаго: «О началѣхъ геометріи» въ журналѣ «Сынъ Отечества» № 41, 1834 года, появилась

статья Брашмана, подъ заглавіемъ: «О начертательной геометріи» Лобачевского. Рецензія была написана очень рѣзко. Въ ней гений признавался бездарнымъ шарлатаномъ. Передаю въ сжатыхъ словахъ этотъ отзывъ Брашмана, недостойный ученаго.

«Многіе изъ первоклассныхъ нашихъ математиковъ (говорить авторъ статьи) читали сочиненія Лобачевского, думали и ничего не поняли, послѣ этого уже не считаю нужнымъ упоминать, что я собиралъ въ одну точку все мое вниманіе, приковывалъ его къ каждому періоду, къ каждому слову и ничего не понялъ. Какъ можно подумать, чтобъ г. Лобачевскій, профессоръ математики, написалъ съ какою-нибудь серьезною цѣлью книгу, которая не много бы принесла чести и послѣдному приходскому учителю. Если не ученость, то, по крайней мѣрѣ, здравый смыслъ долженъ имѣть каждый учитель, а въ новой геометріи недостаетъ и сего послѣдняго».

«Но, сознавая всю цѣну сочиненія Лобачевского,—говорить язвительно Брашманъ,—я однакожъ не могу не попенять за то, что онъ, не давъ своей книгѣ надлежащаго заглавія, заставилъ насъ долго думать понапрасну. Почему бы вмѣсто заглавія «О началахъ геометріи» не написать: «Сатира на геометрію, карриатура на геометрію», или что-нибудь подобное. Тогда бы всякій съ перваго взгляда видѣлъ, что это за книга и авторъ избѣжалъ бы множества невыгодныхъ для него толковъ и сужденій. Хорошо, что мнѣ удалось проникнуть настоящую цѣль, съ которою написана эта книга, а то Богъ знаетъ, что бы я о ней и ея авторѣ думалъ. Теперь же думаю и даже увѣренъ, что почтенный авторъ почтетъ себя весьма мнѣ обязаннымъ за то, что я показалъ истинную точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на его сочиненіе».

По собственному сознанію Лобачевского отвѣтъ на это безумное глумленіе редакціей «Сына Отечества» напечатать не былъ. Каково положеніе человѣка! Его опозорили предъ цѣлымъ свѣтомъ, заподозрили въ отсутствіи здраваго смысла и въ то же время лишили возможности отвѣчать на бессмысленныя обвиненія. Онъ принужденъ былъ напечатать свой отвѣтъ въ спеціальному журналѣ «Университетскія записки», издаваемомъ Казанскимъ университетомъ, который публика мало читаетъ. Отвѣтъ исполненъ достоинства.

Насмѣшки и порой намѣренное молчаніе о заслугахъ въ наукѣ Лобачевского имѣли послѣдствіемъ то, что за предѣлами Казанскаго учебнаго округа его никто почти не зналъ. Бывало, спросишь математика, окончившаго курсъ въ Петербургскомъ, или Московскомъ университетѣ, не знаетъ ли онъ казанскаго математика Лобачевского? Оказывалось, что онъ вовсе о немъ и не слыхалъ. Остроградскаго же напротивъ всякій зналъ.

И въ самомъ Казанскомъ университетѣ между тамошними матема-

тиками не высоко стояла слава Лобачевского. Должно быть, на нихъ имѣло вліяніе порицаніе Остроградскаго и Брашмана. Я разъ спросилъ, еще бывши въ гимназіи, учителя математики Попова, бывшего слушателемъ Лобачевского, а впоследствии бывшего профессоромъ этого предмета въ Казанскомъ университетѣ, кого считаютъ первымъ математикомъ въ Россіи? «Остроградскаго»,—отвѣчалъ Поповъ безъ запинки. А Лобачевскій?—спросилъ я. Онъ промолчалъ, какъ будто не слышалъ.

Любопытно мнѣніе о Лобачевскомъ бывшего профессора математики въ Казанскомъ университетѣ Никольскаго, начавшаго уже забывать свой предметъ. Онъ отзывался о Лобачевскомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «хитрости у Николая Ивановича превеликія, операціи претрудныя—уму непостижимыя». Однако, на лекціяхъ своихъ онъ не дѣлалъ и попытки объяснять слушателямъ эти хитрости. Должно быть, онъ для него были—темна вода во облацѣхъ.

Но студенты чутьемъ узнавали въ немъ великаго ученаго и, сравнивая съ Остроградскимъ, говорили: «Остроградскій поэтъ, Лобачевскій—философъ». Мнѣ знакомъ былъ одинъ студентъ, когда я былъ въ гимназіи, Каптеревъ, очень даровитый человекъ; онъ передавалъ мнѣ въ 1837 году, что, когда отечественные математики издѣвались надъ первокласснымъ гениемъ, Парижская академія наукъ достойно оцѣнила его труды. Нѣмецкій математикъ Гауссъ 28-го ноября 1846 года писалъ къ Шумахеру по поводу изслѣдованія Лобачевского: «Вы знаете, что я уже 54 года раздѣляю тѣ же убѣжденія, не говоря о тѣхъ развитіяхъ, которыя съ тѣхъ поръ получили мои идеи объ этомъ предметѣ».

Только отдаленные голоса на западѣ привѣтствовали Лобачевского, выражая удивленіе его гевію. Но, впрочемъ, мнѣ привелось быть на математическомъ диспутѣ, гдѣ магистрантомъ былъ Мельниковъ—преподаватель тригонометрии и дифференціального исчисленія, а оппонентами были профессора Лобачевскій и Котельниковъ. Лобачевскій обратился къ магистранту съ слѣдующими словами:

— Вы взяли за задачу, трудно разрѣшимую, за которую брались многіе серьезные умы. Можете ли вы отвѣчать на тѣ вопросы, которые я вамъ предложу.

Мельниковъ отвѣчалъ:

— Я готовился усердно, но въ какой мѣрѣ я успѣлъ—предоставляю судить моимъ оппонентамъ.

Лобачевскій предложилъ нѣсколько вопросовъ, и Мельниковъ далъ удовлетворительные отвѣты.

— Вы превзошли мои ожиданія,—замѣтилъ Лобачевскій.—Вы неутомимо и постоянно усовершенствовались ваши познанія, и мнѣ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ приходится выразить это при всей публикѣ.

Затѣмъ выступилъ Котельниковъ. Этотъ отличавшійся талантомъ

молодой еще человекъ, остроумный, пропитанный гегелевской философией, предложилъ нѣсколько вопросовъ и, по полученіи отвѣтовъ, обличавшихъ знаніе дѣла, началъ говорить ему комплименты.

— Послѣ отзыва о васъ стяжавшаго себѣ извѣстность математика, на котораго смотреть весь ученый міръ, я затрудняюсь сказать что-либо новое. Но долгъ мой обязываетъ меня сказать, что какъ диссертация, такъ и защита ея не оставляетъ желать лучшаго, а мнѣ остается поблагодарить васъ за то удовольствіе, которое вы мнѣ доставили нашимъ споромъ.

Это былъ единственный комплиментъ, который я слышалъ, выраженный Лобачевскому публично.

Диспутъ былъ въ 1840 или 1841 году; поэтому профессоръ Котельниковъ основался на отзывѣ парижскихъ ученыхъ.

Много лѣтъ спустя, когда великая душа оставила бренное тѣло и карканье отечественныхъ воронъ прекратилось, о немъ вновь заговорили за границей, тогда и у насъ стали отзываться съ выгодной стороны. Такова большей частью судьба русскихъ людей.

Какая должна быть сила характера у человека, какая вѣра въ непогрѣшимость собственнаго гения въ виду всѣхъ глумленій, въ виду игнорированія всѣхъ заслугъ. Лобачевскій шелъ одиноко къ цѣли, какъ гнѣзды, опустивъ забрало, и стрѣлы, пускаемые въ него липлупами, по видимому, его не уязвляли.

Лобачевскій никогда не ограничивался своей специальностію, какъ дѣлаютъ многіе ограниченные ученые. Онъ выступалъ даже и архитекторомъ, участвуя въ построеніи обсерваторіи, анатомическаго театра и двухъ смежныхъ зданій. Зданія эти по своей граціозности и прочности не оставляютъ желать ничего лучшаго. Лобачевскій былъ душой этого сооруженія.

Въ зиму 1839 и 1840 года, онъ читалъ популярныя лекціи физики, которая соприсаается со многими отраслями знанія. Лобачевскій воспользовался этимъ и поднималъ на своихъ лекціяхъ множество вопросовъ самаго разнообразнаго характера. Отъ этого лекціи его получили чрезвычайный интересъ. Онъ не обладалъ блестящимъ даромъ слова, отличавшимся тѣмъ не менѣе точностію и ясностію. Когда онъ излагалъ законы физики, то объяснялъ ихъ до такой степени послѣдовательно и понятно, что для всякаго казались эти объясненія вразумительными. Онъ пытался объяснить законами физики каждое явленіе, которое, казалось, выходило изъ ряда обыкновенныхъ.

Не задолго до начала лекцій пріѣзжалъ въ Казань извѣстный силачъ Раппо. Онъ продѣлывалъ отчаянныя штуки. Между прочимъ, онъ бросалъ вверхъ двухъ пудовую гирю и подставлялъ подъ нее плечо. Гиря, понятно, отъ паденія съ высоты пріобрѣтала огромную тяжесть, но плечо

атлета выдерживало и оставалось цѣло. Между тѣмъ, тутъ не было никакого обмана. Лобачевскій объяснялъ намъ это такъ. Раппо подставлялъ правое плечо. Если бы тяжесть ударила въ концѣ плеча, то неминуемо раздробилось бы плечо; если бы тяжесть попала въ шею лѣвѣе, то онъ упалъ бы мертвъ, но онъ подставлялъ середину плеча, одѣтаго мускулами чрезвычайной упругости, и плечо выдерживало.

Можно было, конечно, не соглашаться съ нѣкоторыми взглядами Лобачевского относительно предметовъ, не входящихъ въ область его специальности, но нельзя отказать въ своеобразности взгляда и въ широкой начитанности. Онъ касался на лекціяхъ даже эстетики. Онъ говорилъ: «поэтъ слѣдуетъ своему чувству, между тѣмъ, онъ незримо руководствуется законами математики».

Но любопытнѣе всего, какого мнѣнія онъ держался при опредѣленіи генія, будучи самъ мировымъ геніемъ.

— Есть много опредѣленій этой духовной способности, — говорилъ онъ, — но по большей части они неудовлетворительны, потому что сами писавшіе объ этомъ не были геніями. Геній, говоритъ Бюффонъ, есть терпѣніе; только непрерывнымъ трудомъ человекъ достигаетъ, по его мнѣнію, результатовъ по желанію. Но это не вѣрно. Съ своей стороны я нахожу удовлетворительнѣе опредѣленіе математика Лапласа; онъ сказалъ: «геній есть инстинктъ».

Лобачевскій доказывалъ сужденіе Лапласа тѣмъ, «что инстинктъ внушилъ построеніе въ Швейцаріи Чортова моста со скалы на скалу простолюдину, который никогда не учился механикѣ».

Съ перваго взгляда Н. И. Лобачевскій казался необыкновенно мрачнымъ. Его наружность напоминала ученаго, постоянно углубленнаго въ свой предметъ. Всѣ студенты относились къ нему съ особымъ уваженіемъ. Чувствовалось присутствіе высшей силы. Что-то властное, безапелляціонное слышалось въ этой логической рѣчи, въ этомъ невозмутимомъ спокойствіи, съ которымъ онъ относился къ студентамъ. Я увѣренъ, что если бы случилось въ его пору волненіе между студентами, то довольно одного имъ сказаннаго твердаго слова, чтобъ остановить разгорѣвшіеся страстью молодые умы. Никогда я не слышалъ ропота отъ студентовъ, чтобъ Лобачевскій поступилъ несправедливо. Всякаго, обращающагося къ нему съ какою-нибудь просьбою, онъ выслушивалъ со вниманіемъ—отвѣчалъ, приводилъ основанія, если приходилось отказывать, подавалъ иному дружескій совѣтъ; другаго журилъ, если тотъ былъ виновенъ въ чемъ-нибудь предосудительномъ—но безъ гнѣва, не выходя изъ себя.

Кто обнаруживалъ особенную склонность къ математикѣ, тотъ по преимуществу пользовался его сочувствіемъ. У Лобачевского была

манера задавать множество вопросовъ, прежде чѣмъ подпустить студента къ доскѣ, къ рѣшенію задачи, пытая экзаменующагося съ разныхъ сторонъ въ отношеніи его знанія и изобрѣтательности. Напримѣръ, если экзаменующійся рѣшалъ задачу обыкновеннымъ способомъ—положимъ въ арифметикѣ—служащимъ сокращеніемъ другого способа, болѣе сложнаго; въ такомъ случаѣ Лобачевскій предлагалъ вопросъ: «а не знаете ли вы другого способа?» Если экзаменующійся почему-либо не отвѣчалъ, то Лобачевскій обыкновенно спрашивалъ: «ну, не можете ли вы придумать сами такого способа» и, судя по отвѣту, заключалъ о находчивости экзаменующагося.

Я помню студента Прозорова изъ Вятки, который отличался особенными способностями къ математикѣ и необыкновенною любознательностію. Но, къ сожалѣнію, молодой человекъ имѣлъ несчастную страсть къ пьянству. Это былъ порокъ, весьма распространенный между студентами, который губилъ молодые силы. Помню много людей крѣпкаго сложенія, схватившихъ чахотку вслѣдствіе страсти къ вину. Это было результатомъ бессмысленнаго подражанія германскимъ студентамъ, съ русскою окраскою, конечно. Лобачевскій старался поддерживать Прозорова; давъ ему мѣсто по окончаніи курса, наблюдалъ за нимъ, старался ослабить эту страсть, но безуспѣшно. Прозоровъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ.

Въ годъ окончанія курса въ 1844 году, одновременно со мною держалъ экзаменъ изъ математики итальянецъ Бальцани, впоследствии извѣстный казанскій профессоръ физики. Этотъ Бальцани прежде былъ прикащикомъ у Даціаро—извѣстнаго петербургскаго продавца картинъ и эстамповъ, на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади. Онъ чувствовалъ призваніе къ математикѣ. По какому-то случаю, онъ оставилъ мѣсто прикащика въ Петербургѣ и перешелъ въ Казань. Поповъ, бывший профессоръ математики, сказалъ объ немъ Лобачевскому, тотъ самъ заинтересовался такой любознательностію въ любимой имъ наукѣ, удостовѣрился въ его прекрасныхъ способностяхъ и чрезъ нѣсколько времени Бальцани держалъ экзаменъ на званіе кандидата. Всякій разъ, когда Бальцани подходилъ къ Лобачевскому, который самъ экзаменовалъ его изъ всѣхъ предметовъ, входящихъ въ кругъ его специальности, экзаменаторъ,—живо помню это,—глядѣлъ на него съ нескрываемымъ чувствомъ умиленія. Впрочемъ, по словамъ слушателей, будучи извѣстнымъ въ кругу ученыхъ профессоровъ, онъ былъ преподаватель неудовлетворительный и очень дурно выражался, какъ иностранецъ.

Казалось бы, противъ Лобачевскаго немислима была никакая интрига. Постоянно занятый наукой, или службой, благородный, неподкупный, чуждый всякаго низменнаго чувства, однимъ словомъ, гордость универ-

ситета во всѣхъ отношеніяхъ, кто могъ ему завидовать, кто могъ замѣнить его, превзойти его способностями и безукоризненнымъ исполненіемъ долга. Но именно зависть и свила себѣ гнѣздо подъ кровлей университета. По переводѣ попечителя Казанскаго учебнаго округа въ Петербургъ былъ назначенъ попечителемъ въ Казань генераль-маіоръ Молоствовъ. Онъ былъ игрушкой тѣхъ, которые умѣли втереться въ его довѣренность. И вотъ, по его представленію, въ одинъ злополучный день приходитъ изъ министерства приказъ, которымъ Лобачевскій назначается помощникомъ попечителя учебнаго округа, а ректоромъ профессоръ астрономіи Симоновъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Лобачевскаго лишили и званія профессора.

Какъ-то Симоновъ получилъ орденъ Анны 1-й степени, а Лобачевскій не получалъ. Симоновъ является съ мальчишеской радостью во взорахъ съ своей наградой и проситъ пришить Лобачевскаго полученную имъ ленту. Не явное ли намѣреніе оскорбить? Достойно ли это ученаго? А попечитель Молоствовъ рекомендовалъ Лобачевскаго министру народнаго просвѣщенія: «вотъ мой помощникъ, только ничего не дѣлающій». Какое самообладаніе надобно имѣть, чтобъ выносить удары этихъ чиновныхъ особъ!

Ударъ за ударомъ сыпались на него судьбой. Онъ лишился любимаго сына и къ довершенію всего ослѣпъ. Но онъ не палъ духомъ и какъ будто равнодушенъ былъ къ бѣдствіямъ, на него обрушившимся. Удрученный болѣзнью, лишенный зрѣнія, онъ во время экзаменовъ приходилъ, приводимый женою, въ экзаменаціонную залу испытывать молодыхъ людей изъ любимаго имъ предмета—математики. Казалось, онъ искалъ преемника своей славы.

Лобачевскій скончался, относительно рано, 63-хъ лѣтъ. Когда я видѣлъ его въ первый разъ, ему было 41 годъ, но онъ смотрѣлъ старѣ своихъ лѣтъ. Изнурительные труды ослабили его организмъ. Могущество человѣческой мысли, не останавливающейся ни предъ какими преградами, и въ то же время хрупкость нашего тѣла, готоваго разрушиться отъ ничтожной причины, составляютъ грустное противорѣчіе. У Лобачевскаго въ минуту разставанья съ жизнью вырвался горькій упрекъ.

— Человѣкъ, — сказалъ онъ, — родится для того, чтобы научиться умирать.

Лобачевскій смотрѣлъ на жизнь, какъ на попутный вѣтеръ, который открывалъ его мысль. Идей одна за другой нарождались у него вслѣдствіе неустанной работы духа. Сколько начинаній недоконченныхъ, сколько мыслей осталось въ зародышѣ невысказанныхъ, и вдругъ смерть навсегда кладетъ конецъ творчеству ума.

Въ числѣ профессоровъ университета пользовался извѣстностію въ средѣ математиковъ преподаватель астрономіи, Симоновъ. Онъ далеко былъ ниже Лобачевскаго и составлялъ совершенную противополож-

ность по характеру. Лобачевскій держалъ себя независимо; его манеры были исполнены достоинства. Его походка напоминала профессора; онъ ходилъ постоянно размѣреннымъ шагомъ, какъ будто что-то обдумывалъ; говорилъ спокойно, ровнымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово; казалось, никакая внезапность не должна была изумить его. Онъ относился ко всѣмъ безстрастно, съ холодною вѣжливостію. Напротивъ, манеры Симонова были заискивающія; несмотря на порядочную полноту тѣла, онъ отличался вертлявостію.

Впрочемъ, онъ хорошо зналъ свой предметъ. Его пзвѣстность началась со времени путешествія кругомъ свѣта съ Лазаревымъ. По возвращеніи въ Казань, онъ прочелъ въ публичномъ засѣданіи университета свой отчетъ объ этомъ путешествіи. Книга его о плаваніи кругомъ свѣта не лишена была интереса, особенно въ то время, когда эти поѣздки были рѣдки и географическія познанія о чужихъ неизвѣданныхъ странахъ были бѣдны, особенно въ Россіи. Онъ имѣлъ знакомство съ тогдашними свѣтилалами науки въ Парижѣ: Араго, Пуассономъ и другими. Его судьба была во многомъ счастливѣе судьбы Лобачевского, но, какъ профессоръ, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ стать съ нимъ въ уровень. Изложеніе Симонова отличалось мѣстами напыщенностью.

Разъ во время диспута профессора Фойгта, защищавшаго диссертацию, докторантъ коснулся бѣдности тогдашней русской литературы въ сравненія съ иностранной, что въ то время было странно оспаривать; Симоновъ въ порывѣ патріотизма выступилъ оппонентомъ.

— Я слышалъ мелодію устъ вашихъ, и она до сихъ поръ звучитъ въ ушахъ моихъ, но позвольте съ вами не согласиться; у насъ есть Державинъ, есть Пушкинъ.

Такой затѣйливый приступъ и такой узкій взглядъ заставили нѣкоторыхъ посѣтителей улыбнуться.

Теперь обратимся къ медицинскому факультету въ Казани. Онъ такъ же знаменитъ, какъ и математическій, и возникъ со времени его основанія и недаромъ. Весь восточный край Россіи, Сибирь и губерніи Пермская, Казанская, Вятская, Симбирская, Астраханская, Саратовская были безъ врачей; изрѣдка они попадались какъ бы случайно.

Въ продолженіе 90-ти-лѣтняго существованія медицинскій факультетъ въ Казани выпустилъ немалое число врачей, которые проявили свою дѣятельность и въ мирное, и въ военное время отъ Камчатки до Парижа и отъ Хивы до Константинополя. Изъ нихъ были и профессора какъ въ Казанскомъ, такъ и другихъ университетахъ; наиболѣе знаменитымъ врачомъ считается студентъ Казанскаго университета Караваевъ, бывший профессоромъ Кіевскаго университета. Не такъ давно по поводу 50-ти лѣтняго юбилея его профессорской дѣятельности была объ немъ помѣщена сочувственная статья въ «Кіевлянинѣ». Въ ней было сказано,

что Караваевъ прославилъ Кіевскій университетъ, что его знала почти вся Россія, что со всѣхъ сторонъ стекались страждущіе русскіе люди, въ особенности простой народъ, и получали отъ него помощь.

Воспитанникъ Казанскаго университета, Караваевъ извѣстенъ былъ и царской фамиліи, какъ искусный операторъ, и вызванъ былъ императоромъ Николаемъ I, для снятія катаракта съ глазъ покойной государыни Александры Ѳеодоровны. Онъ былъ вѣрующій и самъ разсказывалъ студентамъ на лекціи, что три дня постился и молился передъ производствомъ операціи. Она удачно сошла, и слава Караваева еще болѣе распространилась.

Профессоръ Дубовицкій составлялъ свѣтлое явленіе въ средѣ Казанскаго университета. Его знанія, его выдающіяся дарованія, новость его возрѣвій на науку возбудили противъ него нѣмецкую партію, составлявшую большинство профессоровъ. Онъ затмевалъ ихъ. Какъ человѣкъ инициативы, онъ пытался ввести нѣкоторыя преобразованія; будучи съ большимъ состояніемъ, онъ дѣлалъ пожертвованія. Нѣтъ сомнѣнія, что личность отца имѣла доброе вліяніе на его воспитаніе. Помимо собственнаго влеченія, онъ, по всей вѣроятности, руководствовался отцовскими совѣтами въ выборѣ медицинскаго факультета, самаго труднаго и въ то же время самаго благотворнаго.

Я видѣлъ Дубовицкаго въ 1839-мъ году, когда я былъ еще гимназистомъ, въ домѣ профессора Эверсмана, будучи товарищемъ его сына; онъ былъ еще молодой человѣкъ, ниже средняго роста, довольно тучный для своихъ лѣтъ, но необыкновенно хорошъ собой; манеры его были свободны и совсѣмъ не напоминали стѣсненныхъ, или педантическихъ манеръ профессора, а вполнѣ свѣтскаго человѣка. Мусинъ-Пушкинъ, попечитель учебнаго округа, любилъ поклоненіе, а Дубовицкій держалъ себя независимо, и это ему не нравилось. Стали поговаривать, что онъ будто бы гордится своими пожертвованіями.

Дубовицкій, вмѣсто сочувствія встрѣтивъ зависть и недоброжелательство и осужденіе своихъ начинаній, перешелъ на должность профессора въ Петербургскую медицинскую академію и впоследствии назначенъ былъ президентомъ этой академіи. Въ ней царствовалъ застой, онъ двинулъ ее по пути прогресса.

Казанскій университетъ много потерялъ, лишившись такого энергическаго профессора, который клалъ душу въ дѣло, и нѣтъ сомнѣвій, что онъ много бы сдѣлалъ для блага заведенія.

Медицинскій факультетъ—самый многочисленный по числу слушателей, въ особенности въ этомъ университетѣ, въ которомъ принято было поступающихъ на этотъ факультетъ принимать на казенный счетъ, и бѣдные люди, которымъ безъ этой мѣры судьба угрожала лишеніемъ об-

разованія и стать заурядными чиновниками, превращались въ докторовъ, профессоровъ, съ честію исполняющихъ свою обязанность.

III.

Профессоръ исторіи Ивановъ.—Архимандритъ Гавріилъ.—Профессоры Григоровичъ и Фойгтъ.—Казембекъ.—Попечитель Молоствовъ.—Профессоръ Васильевъ.—Выдающіеся питомцы университета: Второвъ.—Покровительство его поэту Никитину.

Изъ числа воспитанниковъ Казанскаго университета особенно выдается профессоръ исторіи Ивановъ. Это былъ человекъ даровитый, довершившій свое образованіе послѣ Казанскаго въ Дерптскомъ университетѣ. Еще до поступленія своего на кафедру исторіи въ Казань, о немъ гремѣла уже молва, какъ объ отличномъ знатокѣ своего предмета. Ивановъ обладалъ прекраснымъ даромъ слова. Звучный голосъ его, мастерская дѣламация, заимствованная имъ отъ лучшихъ профессоровъ, живое изложеніе, придавали его лекціямъ особенный блескъ. Онъ составлялъ рѣзкій контрастъ съ скучными педантами, читавшими до него исторію безъ всякаго сочувствія къ своему предмету. Живое слово новаго профессора привлекло въ его аудиторію не только студентовъ изъ другихъ факультетовъ, но и постороннихъ лицъ изъ мѣстнаго общества, которыя долготѣ никогда не заглядывали въ университетъ. Въ этомъ отношеніи профессоръ Ивановъ выдавался предъ прочими его собратьями. Не ограничиваясь однимъ лишь своимъ предметомъ, онъ старался всѣми силами развивать студентовъ, обогащать ихъ познанія. Онъ будилъ ихъ любознательность, освѣщалъ науку съ разныхъ сторонъ, знакомилъ студентовъ съ разными свѣтилами науки, съ современнымъ движеніемъ идей. Это былъ истинный свѣтатель знанія.

Главный недостатокъ въ университетскомъ преподаваніи состоялъ въ отсутствіи самостоятельныхъ работъ между студентами. Ивановъ приглашалъ студентовъ написать какую-нибудь историческую статью, или по собственному избранію, или по его совѣту, давая имъ для этого матеріалы. Студентъ, приготовивъ лекцію, входилъ на профессорскую кафедру и читалъ; профессоръ и мы слушали. Когда чтеніе оканчивалось, Ивановъ предлагалъ намъ возражать и самъ слушалъ и потомъ дѣлалъ свои замѣчанія. Конечно, отъ студентовъ нельзя было ожидать полнаго всесторонняго знанія предмета; въ особенности оппоненты должны были возражать безъ приготовленій, но и въ этихъ импровизированныхъ диспутахъ, иному, болѣе знакомому съ предметомъ спора,

удавалось обнаружить свѣтлый взглядъ, удачно выразить свою мысль, выказать находчивость въ спорѣ. Когда возраженія истощались, Ивановъ останавливался на какомъ-нибудь особенномъ обстоятельстве, требовавшемъ болѣе подробнаго обсужденія, и начиналъ высказывать свое собственное сужденіе. Онъ былъ русскій человѣкъ до мозга костей. Честный мыслитель, онъ старался объ освобожденіи умовъ отъ иностранныхъ вліяній и стремился поставить русскій умъ на твердую почву. «Отечество есть наша плоть и кровь, идея, которую судьба призвана была выразить въ исторіи», — говорилъ Ивановъ.

Вагнеръ разсказывалъ, какъ Ивановъ увлекъ своимъ краснорѣчіемъ министра Норова, когда онъ посѣтилъ лекцію исторіи въ бытность его въ Казани. Профессоръ читалъ въ то время объ удѣльномъ періодѣ. Богъ знаетъ, какимъ образомъ онъ перешелъ на возстаніе въ Петербургѣ 14-го декабря 1825 года. Онъ до такой степени тронулъ своимъ даромъ слова сердца всѣхъ, что самъ министръ плакалъ, плакалъ ректоръ, и самъ профессоръ плакалъ.

Такимъ же краснорѣчіемъ отличался архимандритъ Зилантовскаго монастыря Гавриилъ. Онъ читалъ законъ Божій во 2-й гимназіи и въ университетѣ. Это былъ даровитый человѣкъ. Онъ былъ извѣстенъ своими познаніями въ средѣ тамошняго духовенства и считался лучшимъ проповѣдникомъ въ Казани. Дѣйствительно, онъ часто говорилъ безъ приготовленія и въ такой степени умѣлъ овладѣть предметомъ, о которомъ говорилъ, что не вѣрилось, что это импровизація. Рѣчь шла свободно, безъ риторическихъ украшеній; особенно въ то время реторика была въ ходу, и если онъ когда прибѣгалъ къ ней, то всегда кстати. Еще замѣчательно въ немъ было то, что онъ не начиналъ рѣчи, по обычаю духовныхъ того времени, текстами, которые замѣняли обыкновенно недостатокъ мысли; заключеніе вытекало всегда естественное, безъ натяжекъ. Рѣчь при открытіи памятника Державину въ Казани была особенно удачна.

Высокаго роста, богатырски сложенный, откровенный, добродушный въ высшей степени, веселый, рожденный жить въ свѣтѣ, въ большомъ обществѣ, склонный къ семейной жизни, онъ поступилъ въ монахи наперекоръ своему призванію, своему живому характеру, столь противорѣчащему съ господствующими въ иноческой жизни строгой дисциплиной и аскетизмомъ.

Въ ряду замѣчательныхъ профессоровъ Казанскаго университета надобно поставить Григоровича. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ училищѣ монаховъ-базиліанъ въ Уманѣ. Окончивъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, онъ отправился въ Петербургъ и поступилъ на службу, но ему опро-

тивѣли служебныя однообразныя занятія, и онъ снова поступилъ въ Дерптскій (Юрьевскій) университетъ.

По окончаніи курса, Григоровичъ путешествовалъ за границею и потомъ приглашенъ былъ къ занятію каедры въ Казанскій университетъ. Сначала онъ поступилъ преподавателемъ греческаго языка. И греческій и латинскій языки зналъ онъ отлично. На латинскомъ языкѣ онъ объяснялся какъ на своемъ природномъ. Знаніемъ древнихъ языковъ онъ обязанъ былъ воспитанію въ училищѣ базилианъ.

Григоровичъ представлялъ типъ ученаго, поглощеннаго своимъ предметомъ всецѣло и ни о чемъ постороннемъ не думавшаго. Не свѣтскій, не ловкій, но какъ человѣкъ возвышенной студенческой безхитростной души, въ лучшемъ значеніи этого слова, отзывчивой на все благородное и негодующей при малѣйшей несправедливости. Дверь его была открыта для всѣхъ студентовъ; всякій желающій слушать его совѣты и указанія, иногда простой товарищескій разговоръ, но поучительный, встрѣчалъ у него радушный приемъ. Особенно любилъ онъ студента Корнила Константиновича Чупина, котораго онъ мѣтилъ на кафедру славянскихъ нарѣчій вмѣсто себя. Это былъ человѣкъ даровитый и, несмотря на молодость лѣтъ, очень начитанный.

Я сказалъ, что Григоровичъ возмущался при каждомъ неблагородномъ поступкѣ вслѣдствіе низшихъ эгоистическихъ побужденій. Одинъ изъ его знакомыхъ студентовъ часто у него бывалъ, бесѣдовалъ и пользовался его расположеніемъ. Студентъ изучалъ съ любовью славянскія нарѣчія, что еще болѣе сблизило съ Григоровичемъ. Кончилъ онъ курсъ и впослѣдствіи назначенъ былъ полиціймейстеромъ города Казани. Попалось нѣсколько разгульныхъ студентовъ въ полицію. Кто Богу не грѣшенъ. Самъ полиціймейстеръ, бывши студентомъ, во сто разъ хуже велъ себя; но онъ это все забылъ и вмѣсто того, чтобы скрыть эту шалость, доставилъ ихъ въ университетъ и съ дурной рекомендаціей. Ихъ исключили. Григоровичъ былъ возмущенъ этимъ поступкомъ. Послѣ, когда онъ былъ ректоромъ Одесскаго университета, сестра полиціймейстера, бывши случайно въ Одессѣ, посѣтила его, какъ хорошаго близкаго знакомаго. Григоровичъ, вспоминая о ея братѣ, не утерпѣлъ и сказалъ:

— Я до сихъ поръ не могу ему простить его низкой выходки. Какъ онъ, бывшій студентъ, самъ будучи небезгрѣшенъ, для того, чтобы подслужиться предъ губернаторомъ, предалъ своихъ собратій, какъ Иуда.

Григоровичъ записалъ диссертацию въ Казанскомъ университетѣ на степень магистра. Предметъ его диссертациа былъ новъ. Онъ написалъ: «Опытъ изложенія литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ». Котляревскій, извѣстный славистъ, говоритъ по поводу этого труда, что онъ замѣчателенъ по мысли живой и плодотворной, даже

въ настоящую минуту. Онъ предположилъ рассмотреть литературу славянскихъ народовъ какъ одно стройное цѣлое, такъ сказать, панславистскимъ образомъ, какъ мечталъ знаменитый Шафарикъ. Объ опытѣ Григоровича можно сказать, что это было первое ученое сочиненіе въ Россіи о славянской литературѣ, съ точки зрѣнія славянской взаимности.

Предъ началомъ защиты онъ произнесъ небольшое вступленіе, объяснилъ поводъ къ написанію диссертаци и сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ, внушенныхъ благодарностью къ попечителю Мусину-Пушкину, избравшему его для преподаванія предмета. Въ устахъ всякаго другаго, слова Григоровича показались бы лестью, но никто не рѣшился обвинять его въ подхалимствѣ, и объясненіе его было принято, какъ дань признательности къ почтенному человѣку.

Ни одинъ диспутъ не былъ такъ блистателенъ, какъ этотъ. И магистрантъ и оппоненты были полны знанія, обладали прекраснымъ даромъ слова и находчивостью въ спорѣ. Оппонентами были Ивановъ и другой профессоръ Фойгтъ.

Выступилъ первый Ивановъ. Надобно сказать не къ чести Иванова, что онъ выступилъ противъ Григоровича съ враждебнымъ чувствомъ. Онъ признавалъ въ немъ ученость и дарованіе, но видѣлъ соперника, готоваго отбить у него пальму первенства. Но какъ ни старался разными возраженіями съ разныхъ сторонъ подорвать его диссертацию, указывая на противорѣчія, въ ней заключающіяся, но Григоровичъ, зная напередъ, что скажетъ Ивановъ, предупреждалъ его возраженія и оставался непоколебимъ въ своей позиціи. Ивановъ видимо раздражался.

— Вы дайте мнѣ предложить вопросъ,—говорилъ онъ магистранту,—ваша рѣчь впереди.

Долго длился споръ. Наконецъ, Ивановъ прочиталъ мѣсто изъ его диссертаци и извратилъ смыслъ текста; выходило не то, что хотѣлъ сказать авторъ.

— Не можетъ быть, что я такъ сказалъ,—вскричалъ Григоровичъ и попросилъ, чтобы принесли диссертацию.

Въ диссертациіи оказалось, что магистрантъ былъ правъ, и оппонентъ дѣйствительно исказилъ текстъ. Тутъ ворчанье поднялось между профессорами. Ивановъ поблѣднѣлъ, уличенный въ недобросовѣстности нападенія. Когда доказана была правота Григоровича, онъ вдругъ съ торжествомъ облокотился на кафедру, глядя на Иванова побѣдоноснымъ взглядомъ. Сконфуженный Ивановъ предложилъ еще нѣсколько вопросовъ и затѣмъ вскорѣ прекратилъ споръ.

Затѣмъ выступилъ Фойгтъ. Съ свойственною ему деликатностью, онъ предложилъ нѣсколько возраженій. Григоровичъ отпарировалъ удачно. Послѣ недолгаго спора, Фойгтъ сказалъ:

— Я совершенно согласенъ съ вами, я хотѣлъ только пощекотать вашу любовь къ славянщинѣ.

Григоровичъ прижалъ руку къ сердцу.

Торжествующій побѣдитель Иванова поздравленъ былъ магистромъ. Вскорѣ послѣ защиты диссертаци, Григоровичъ уѣхалъ въ Турцію.

Нѣсколько дней онъ собирался въ дорогу и не могъ собраться. Книги въ безпорядкѣ были разложены на полу. Надобно было выбрать изъ нихъ, которыя взять, которыя оставить дома. Онъ вынетъ которую-нибудь изъ нихъ, зачитается и забудетъ, что надобно укладываться. Точь-въ-точь какъ впоследствии, будучи женихомъ, онъ зачитался и забылъ, что его невѣста ожидаетъ кататься. На другой день онъ извинился, конечно, но она ему отказала, сказавъ: «ну, такъ и оставайтесь съ книгами».

Послѣ возвращенія изъ Турціи, онъ недолго оставался въ Казани профессоромъ и избранъ былъ ректоромъ Новороссійскаго университета. Будучи въ этой должности, онъ покровительствовалъ разнымъ выходцамъ славянамъ, но ему надобѣдали безчисленныя партіи, на которыя дробились славянскія народности. Будучи самъ небогатымъ человѣкомъ, живя единственно жалованьемъ, онъ помогалъ нуждающимся славянамъ, чѣмъ могъ. Но когда вышелъ въ отставку, то почувствовалъ самъ нужду въ деньгахъ и искалъ занять квартиру, гдѣ бы подешевле. Наконецъ, онъ нашелъ и спросилъ о цѣнѣ. Хозяйка, видя потертый сюртукъ и вообще неряшливый видъ человѣка, не занимающагося собой, сказала:

— Я такихъ пьяницъ и оборвышей не принимаю къ себѣ на квартиру.

Когда же онъ объяснилъ, что онъ генераль, она не повѣрила.

Профессоръ Фойгтъ, также питомецъ Казанскаго университета, впоследствии попечитель Харьковскаго университета, былъ человѣкъ очень ученый и замѣчательный лингвистъ. Онъ читалъ исторію литературы, но надобно сказать, что лекціи его по этому предмету, написанныя имъ со времени принятія имъ этой каѳедры, несмотря на свою полноту, были слишкомъ сухи. У него было слишкомъ много другихъ должностей, онъ былъ и директоромъ университетской бібліотеки, и инспекторомъ Родіоновскаго женскаго института, и преподавателемъ персидскаго языка въ 1-й Казанской гимназіи, такъ что не имѣлъ времени ихъ удучшать, но онъ являлся совершенно другимъ человѣкомъ на ученыхъ диспутахъ. Соединяя съ отличнымъ знаніемъ предмета умѣнье прекрасно выразить свою мысль, онъ предлагалъ возраженія съ такою легкостью, съ такою сдержанностью, что магистрантъ или докторантъ никогда не приходилъ въ смущеніе. Онъ былъ образцовымъ оппонентомъ.

Но въ особенности Фойгтъ былъ увлекателемъ на педагогическихъ лекціяхъ; въ рѣчи его не было ничего искусственнаго; его слово было

просто и задумчиво. Когда мысль его останавливалась на предметъ, имѣющемъ связь съ современнымъ положеніемъ дѣлъ, и ему приходилось или безмолвствовать или высказывать то, о чемъ въ то время боялись говорить,—онъ всегда посмотритъ: плотно ли приперта дверь, хотя въ эту пору никого нельзя было и ожидать (эти лекціи всегда были по вечерамъ), и тогда начнетъ говорить; онъ проповѣдывалъ не отрицаніе всѣхъ началъ, но признаніе всего великаго и святаго въ жизни, онъ проповѣдывалъ тѣ великія идея, осуществленіе которыхъ составило славу царствованія покойнаго государя и благодѣтеля русскаго народа Александра II. Его идеи теперь усвоены каждымъ образованнымъ русскимъ, но въ то время никто не смѣлъ и заикнуться, даже въ обыкновенномъ разговорѣ, не только на кафедрѣ. Бѣлинскій за написанную имъ драму изъ крѣпостнаго быта былъ исключенъ изъ университета. Для нѣкоторыхъ изъ насъ эти мысли также были не новы, но одушевленное слово профессора укрѣпляло и развивало въ насъ эти убѣжденія, и мы сохранили ихъ на всю жизнь.

Вотъ причина, по которой великая реформа освобожденія крестьянъ была встрѣчена Россіей за немногими исключениями съ такимъ восторгомъ. Умы уже давно были приготовлены и ждали только царскаго слова. Университеты внесли свѣтъ этихъ идей въ общество. Вотъ гдѣ тайна какъ бы внезапнаго обновленія русской жизни; вотъ откуда повѣяла на нее новая жизнь.

Казанскій университетъ далъ прекрасныхъ ориенталистовъ. Въ началѣ было два профессора восточныхъ языковъ, которые воспитали цѣлое поколѣніе ориенталистовъ. Первый профессоръ, Эрдманъ, зналъ 12-тъ языковъ и, что замѣчательно, такой трудный языкъ, какъ русскій, зналъ въ совершенствѣ, говорилъ на немъ и писалъ безукоризненно. Другой профессоръ Казембекъ изъ Астрахани родомъ. Его выдвинулъ случай.

Въ 1812 году великобританское общество ходатайствовало чрезъ своего агента, пастора Патерсона, объ образованіи въ Петербургѣ Библейскаго общества, и 6-го декабря того же года былъ утвержденъ докладъ объ образованіи сего общества. Кругъ дѣйствій ограничивался живущими въ Россіи инородцами и иностранцами, для которыхъ позволено было издавать книги Ветхаго и Новаго Завѣта на иностранныхъ языкахъ. Въ то же время агентъ великобританскаго общества путешествовалъ по Россіи, съ рекомендательными письмами отъ князя Голицына, главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, къ архіереямъ и главнымъ мѣстнымъ гражданскимъ и военнымъ начальникамъ, и объясняя цѣль учрежденія, устраивалъ мѣстныя отдѣленія и комитеты библейскихъ обществъ. Такимъ образомъ и въ Астрахани, какъ городѣ, наполненномъ разными инородцами, персіянами, та-

тарами, а въ губерніи калмыками и киргизами, образовалось мѣстное отдѣленіе библейскаго общества.

Англійскіе агенты въ Астрахани обратили вниманіе на одного персіянина, который читалъ Евангеліе, дѣлалъ изъ него выписки. Въ разговорахъ Казембека онъ обнаружилъ недюжинный умъ и большую начитанность, преимущественно мусульманскихъ авторовъ. Они взяли въ Англію и тамъ окрестили его по англиканскому обряду. Потомъ онъ прибылъ въ Россію и здѣсь поступилъ въ Казанскій университетъ адъюнктомъ и потомъ профессоромъ. Зная персидскій языкъ, какъ свой родной, онъ въ то же время зналъ въ совершенствѣ арабскій и татарскій языки, русскій языкъ, какъ природный, и нѣсколько иностранныхъ языковъ. Я помню одно его сочиненіе «Жизнь Магомета», печатавшееся въ «Русскомъ Словѣ» за 1860 годъ, въ которомъ онъ обнаружилъ рѣдкое знаніе Востока и чрезвычайный, критическій умъ. Онъ перевелъ также Евангеліе на персидскій языкъ.

Эти два профессора образовали цѣлое поколѣніе ориенталистовъ. Изъ нихъ въ числѣ первыхъ вышелъ Фойгтъ, о которомъ я уже говорилъ. Онъ преподавалъ въ Казанской гимназіи персидскій языкъ. Затѣмъ выпущены Михайловъ, Березинъ, Диттель и Холмогоровъ. Михайловъ былъ выпущенъ учителемъ персидскаго языка въ Астраханскую гимназію и потомъ перешелъ на другую должность, оставивъ восточные языки. Березинъ и Диттель, по окончаніи курса, путешествовали по Персіи и Турціи и оставили свои воспоминанія о своихъ поѣздкахъ, послѣ были опредѣлены профессорами въ Петербургскомъ университетѣ. Холмогоровъ былъ извѣстенъ отличнымъ знаніемъ арабскаго языка. Его считали авторитетомъ по этой части; персидскій и татарскій языки онъ также зналъ въ совершенствѣ и перевелъ персидскаго поэта Саади и Арабскія моаллакаты.

Попечитель Молоствовъ, опредѣленный послѣ Мусина - Пушкина, былъ человекъ недалекій, хотя и добрый. Рѣчь его, при вступленіи въ должность попечителя, отличалась отрицательнымъ направленіемъ. Онъ говорилъ, тыча себя въ грудь:

— Я старый слуга царя и ни на волосъ не отступлю отъ инструкцій, данныхъ мнѣ государемъ императоромъ.

Какъ будто кто принуждалъ его нарушать данныя инструкціи. Онъ разумѣлъ, что онъ долженъ быть полиціймейстеромъ при учебномъ округѣ, не болѣе. Онъ вовсе не понималъ, какое значеніе имѣетъ университетъ для того края, и вообще о должности попечителя имѣлъ самыя туманныя понятія. Самое слово попечитель указываетъ на то, что онъ долженъ стараться о распространеніи просвѣщенія въ краѣ, розыскивать дарованія и знать способности каждаго служащаго въ его округѣ и пріурочивать ихъ къ подходящему мѣсту и поощрять, а онъ вовсе

и не зналъ своихъ профессоровъ и учителей гимназій, и оцѣнить былъ не въ состояніи. Разумѣется, попечитель долженъ былъ обратить вниманіе, почему учитель восточныхъ языковъ въ Астрахани оставилъ свой предметъ, имъ избранный. Но онъ вовсе не зналъ своего округа и служилъ спустя рукава.

Профессоромъ китайскаго языка былъ архимандритъ Даниилъ, жившій 10 лѣтъ въ Китаѣ начальникомъ духовной миссіи. Бывшій казенный студентъ, извѣстный впоследствии синологъ Васильевъ ¹⁾, былъ приготовленъ подъ его руководствомъ къ путешествію въ Китаѣ. Тамъ онъ прожилъ много лѣтъ и потомъ назначенъ былъ профессоромъ китайскаго языка въ Казанскій университетъ. Онъ много писалъ о Китаѣ. Послѣ онъ былъ переведенъ въ Петербургскій университетъ, и кафедра этого языка въ Казани была закрыта.

Назovu другихъ скромныхъ тружениковъ, которыхъ знаетъ небольшой кружокъ специалистовъ и должностныхъ лицъ, въ средѣ которыхъ ихъ дѣятельность вращалась, но труды которыхъ тѣмъ не менѣ замѣчательны и плодотворны. Таковъ былъ студентъ Второвъ. По окончаніи университетскаго курса въ 1837 году, онъ поступилъ помощникомъ директора университетской бібліотеки и вмѣстѣ былъ назначенъ редакторомъ неофициальной части «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». До него неофициальный отдѣлъ этой газеты ограничивался помѣщеніемъ объявленій казанскаго откупщика, что казанская публика очень ошибается, пренебрегая откупнымъ ромомъ и что доморощенный ромъ, выдѣлываемый отечественными химиками, тоже доброкачественъ. Второвъ сообщилъ газетѣ литературный тонъ и занимательность. Впоследствии онъ уѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь служилъ въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и потомъ въ Воронежѣ совѣтникомъ губернскаго правленія. Онъ пользовался мѣстными архивами губерніи и въ сотрудничествѣ со студентомъ Казанскаго же университета Александровымъ-Дольниковымъ издалъ «Воронежскіе акты». Это трудъ почтенный. Немногіе въ то время изъ числа губернскихъ чиновниковъ обращали вниманіе на древности. Я зналъ ассесора губернскаго правленія Акимова, назначеннаго председателемъ комиссіи для разбора дѣлъ архива, который настаивалъ на томъ, чтобъ уничтожить весь архивъ, состоящій изъ 22-хъ комнатъ и хранящій богатые историческіе матеріалы; но его не допустили быть вторымъ Омаромъ.

Мы обязаны Второву открытіемъ таланта Никитина въ Воронежѣ, какъ Серебрянскій открылъ самородка Кольцова. Второвъ завѣдывалъ, какъ образованнѣйшій изъ совѣтниковъ, редакціей «Губернскихъ Вѣдо-

¹⁾ В. П. Васильевъ, нынѣ ординарный академикъ Императорской Академіи наукъ.

мостей». Разъ онъ получаетъ безъ подписи автора стихотвореніе, которое сочинитель проситъ помѣстить въ газетѣ. Редакція отвѣтила, что стихотвореніе, хотя можетъ быть напечатано, но какъ авторъ не объявилъ своего имени, то оно и не помѣщено. Прошелъ годъ. Черезъ годъ опять явилось стихотвореніе, обличавшее замѣтно талантъ и подписанное: мѣщанинъ Иванъ Никитинъ. Тогда Второвъ отправился въ думу и просилъ показать списокъ воронежскимъ мѣщанамъ. Въ списокѣ значилось: мѣщанинъ Иванъ Никитинъ 70 лѣтъ—ну, этотъ стиховъ ужъ не пишетъ; Иванъ Никитинъ 12 лѣтъ—ну, этотъ еще малъ, не въ состояніи сочинять, и наконецъ Иванъ Никитинъ 28 лѣтъ—вогъ этотъ какъ разъ навѣрное авторъ, и вечеромъ гласный думы привезъ ко Второву Никитина. Большаго труда стоило усадить поэта: что-нибудь спросить Второвъ, онъ вскопчить. Второвъ его полюбилъ, и подъ его влияніемъ талантъ развился и окрѣпъ. Его совѣтами пользовался Никитинъ въ теченіе почти десяти лѣтъ.

Поэтъ Феть (Шеншинъ) въ одноѣмъ стихотвореніи говоритъ: «Самъ не знаю, о чемъ я буду пѣть, но только пѣсня зрѣеть; какъ же зрѣть, когда еще зерна не положено». И до сихъ поръ опредѣлить нельзя, о чемъ онъ пѣлъ. А Никитинъ зналъ, о чемъ онъ поетъ. Онъ пѣлъ, рыдая, о страданіяхъ людей, про которыхъ «только облако слезы рождаетъ». Таковы стихотворенія его: «Нищій», «Бурлакъ», «Кудакъ» и др.

Первое изданіе сочиненій Никитина вышло, когда еще Второвъ былъ въ Воронежѣ, а впоследствии, когда Второвъ былъ переведенъ въ Петербургъ, онъ предпринялъ второе изданіе сочиненій и самъ держалъ корректуру, несмотря на множество занятій по своей трудной должности, издалъ и пустилъ ихъ въ продажу. Книга раскупалась, хотя не бойко, но видно было, что Никитинъ не безызвѣстенъ, и его поэтический даръ оцѣняютъ. Но вотъ неожиданное содѣйствіе оказалъ откупщикъ Кокоревъ, въ которомъ нельзя было предполагать и искры сочувствія къ поэту. Но это былъ человѣкъ изъ ряду вонъ. Онъ, несмотря на то, что учился на мѣдныхъ деньги, умѣлъ цѣнить людей; его восторгало то, что Никитинъ, какъ и онъ, вышелъ изъ низкой доли и сразу завоевалъ себѣ извѣстность—Никитинъ, какъ поэтъ, а Кокоревъ, какъ финансистъ. Кокоревъ, дѣйствительно, былъ человѣкъ не безъ дарованій, и чуть было его не сдѣлали товарищемъ министра финансовъ. Второвъ зналъ его по Казани. Теперь онъ встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ. Кокоревъ зналъ, что Второвъ покровительствуетъ Никитину, и завелъ о немъ рѣчь.

— Нельзя ли, Николай Ивановичъ, чѣмъ бы помочь Никитину; мнѣ бы желательно было. Не нужно ли ему денегъ?

— Онъ денегъ не возьметъ,—отвѣчалъ Второвъ.

— Такъ чѣмъ же, научите?

— Посодѣйствуйте распространенію изданія его стихотвореній.

- Сколько у васъ осталось экземпляровъ *Непроданныхъ*?
- 700 экземпляровъ.
- Сколько стоитъ книжка?
- Одинъ рубль 50 коп.
- Вотъ вамъ записка; вы получите за всѣ 700 экземпляровъ отъ кассира. Еще чѣмъ нельзя ли помочь?
- Ну, вотъ книгами; въ Воронежѣ нѣтъ порядочной библіотеки.
- Составьте списокъ, я пошлю ¹⁾.

Сообщ. С. Н. Кулябко.

¹⁾ На этомъ прерываются воспоминаія.

**Аттестатъ, выданный барономъ Беннигсеномъ генераль-маіору
И. С. Дорохову.**

9-го декабря 1808 г., № 4114, дер. Савейки.

Изюмскаго гусарскаго полку шефу, господину генераль-маіору и кавалеру Дорохову въ томъ, что сверхъ отличной храбрости, расторопности и неустрашимости, оказанной имъ въ разныхъ сраженіяхъ минувшей противу французовъ кампаніи, за которыя его императорскому величеству всеподданнѣйше отъ меня былъ представленъ, оказывалъ онъ существенную заслугу по случаю отступленія войскъ нашихъ въ російскія предѣлы 1807 года, въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца, гдѣ расторопностію своею приведено имъ, какъ по свидѣтельству г. генераль-маіора Марклавскаго значить, въ мѣстечко Юрбургъ разныхъ полковъ болѣе четырнадцати тысячъ человекъ раненныхъ и больныхъ артиллеріи тридцать семь орудій, нѣсколько рекрутскихъ партій и множество разнаго обоза, коихъ съ поспѣшностію только что успѣлъ чрезъ рѣку Нѣманъ переправить, какъ уже и непріятель прибылъ и занялъ берегъ лежащій противъ Юрбурга. Таковыя похвальныя его господина генераль-маіора поступки не представлены отъ меня были во всемилоствѣйшее его императорскаго величества вниманіе потому единственно, что не дошло ко мнѣ объ оныхъ въ свое время представленія; во увѣреніе чего данъ сей за подписавіемъ моимъ и съ приложеніемъ герба моего печати.

Поляки въ Россіи въ 1606—1608 г.г.

одновременно съ Димитріемъ Самозванцемъ, въ его личной и военной свѣтѣ прибыло изъ Польши, какъ извѣстно, весьма много поляковъ, которые играли при его дворѣ довольно видную роль. Когда въ Москвѣ вспыхнулъ 27-го мая н. ст. 1606 г. бунтъ и самозванецъ былъ убитъ заговорщиками, въ тотъ день погибло до 500 поляковъ, сдѣлавшихся жертвою разъяренной толпы; изъ числа оставшихся въ живыхъ, часть была выслана за границу Василіемъ Шуйскимъ, тотчасъ по вступленіи его на престолъ, впрочемъ это были исключительно одни солдаты и челядь, всѣ же знатныя лица были задержаны царемъ, въ надеждѣ, что за ихъ освобожденіе ему удастся заключить съ Рѣчью Посполитою миръ на болѣе выгодныхъ условіяхъ.

Когда пронесся слухъ, что Димитрій Самозванецъ не былъ убитъ, что онъ успѣлъ спастись бѣгствомъ и весь югъ Россіи взволнованъ этой вѣстью, и даже въ самой столицѣ оказалось много недовольныхъ, тогда Василій Шуйскій, опасаясь дальнѣйшихъ волненій, рѣшилъ на время выслать поляковъ изъ своей столицы. 8-го августа первымъ былъ высланъ въ Кострому князь Константинъ Вишневецкій, недѣлю спустя былъ отправленъ въ Тверь Тарловъ, въ концѣ того же мѣсяца Марина Мнишекъ, ея отецъ, братъ и дядя были высланы въ Ярославль.

14-го августа одновременно съ многими другими лицами, былъ высланъ изъ Москвы Станиславъ Нѣмцевскій, прибывшій въ Россію вмѣстѣ съ невѣстою Димитрія Самозванца, которому онъ везъ по порученію шведской королевы Анны, для продажи, драгоценныя вещи, до которыхъ Самозванецъ былъ, какъ мы знаемъ, большой любитель.

Нѣмцевскаго отправили съ товарищами сначала въ Ростовъ, а три мѣсяца спустя перевели на Бѣлое озеро. И нынѣ Бѣлозерскъ пред-

ставляетъ собою небольшой городокъ, расположенный на южномъ берегу озера, а въ то время это было просто-на-просто рыбацкое село, въ которомъ едва-ли можно было насчитать 300 убогихъ, большею частью курныхъ, избъ.

Жизнь поляковъ въ этомъ уныломъ мѣстечкѣ была самая тяжелая, ихъ содержали подѣ строгимъ карауломъ, какъ преступниковъ, не позволяли имъ говорить ни съ кѣмъ изъ постороннихъ, кромѣ приставленныхъ къ нимъ караульныхъ. Они не могли ни откуда получать никакихъ новостей и извѣстій, не могли допроситься позволенія послать кого-нибудь на родню съ письмами; отъ отсутствія здоровой, хорошей пищи, они начали хворать, но были лишены помощи врача и въ случаѣ смерти, напутствія священника.

Обстоятельный разсказъ обо всѣхъ бѣдствіяхъ, испытанныхъ Нѣмовскимъ и его товарищами за два года ихъ невольнаго заточенія, записанъ имъ въ дневникѣ, который онъ началъ вести со дня своего перѣзда въ святѣ Мирны Мнишекъ черезъ границу Московскаго государства, т. е. съ 18-го апрѣля н. ст. 1606 г.; въ этотъ дневникъ онъ заносилъ изо дня въ день все имъ слышанное и видѣнное. Въ теченіе своего продолжительнаго пребыванія въ ссылкѣ, ему удалось собрать свѣдѣнія о тогдашнихъ московскихъ нравахъ и обычаяхъ, но новыхъ событій въ его жизни было такъ мало, что онъ занялся обработкою своихъ записокъ по воспоминаніямъ и довелъ ихъ до 2-го октября 1608 г.

Обѣ редакціи его дневника сохранились до нашего времени, первая въ копіи XVIII вѣка, въ одной изъ частныхъ библиотекъ г. Вильны, а послѣдняя въ копіи, исправленной самимъ авторомъ, составляла прежде его собственность, потомъ принадлежала долгое время семейству Мнишекъ и затѣмъ приобрѣтена недавно книгохранилищемъ Оссолинскихъ. Дневникъ этотъ, за исключеніемъ небольшого отрывка, былъ до сихъ поръ совершенно неизвѣстенъ; онъ изданъ въ нынѣшнемъ 1899 г. весьма тщательно, А. Гиришбергомъ ¹⁾, и представляетъ, въ особенности въ первой его части, цѣнный матеріалъ для исторіи перваго Самозванца. Свѣдѣнія, сообщаемыя Нѣмовскимъ, имѣютъ особенное значеніе, потому что они записаны человѣкомъ образованнымъ, наблюдательнымъ и при томъ стоявшимъ весьма близко къ первому Самозванцу. Правда, озлобленный продолжительнымъ и совершенно незаслуженнымъ заточеніемъ, онъ отзывался часто о своихъ преслѣдователяхъ съ явнымъ предубѣжденіемъ и даже въ весьма рѣзкихъ и язвительныхъ выраженіяхъ,—но помимо этого его записки отличаются чрезвычайной обстоя-

¹⁾ Подѣ заглавіемъ. „Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego (1606—1608) wydany Aleksander Hirschberg. We Lwowie“. 1899.

тельностью и обиліемъ весьма любопытныхъ свѣдѣній; онъ касается въ нихъ, между прочимъ, такихъ предметовъ, какъ: доходы и расходы царской казны, способы веденія войны, вооруженія и организація войска, почты, патриархальныхъ обычаевъ, господствовавшихъ при царскомъ дворѣ и т. п.

Съ возвращеніемъ Нѣмоевского на родину въ 1609 г. окончился періодъ его жизни, обильный интересными событіями, и дальѣйшая его судьба не представляла ничего особенно выдающагося (онъ скончался въ 1620 г.).

Болѣе трети этого любопытнаго дневника посвящено подробному описанію путешествія Нѣмоевского въ свѣтъ Марины Мнишекъ отъ границы Московскаго государства до Москвы, свадебныхъ пиршествъ и событій кратковременнаго царствованія Дмитрія, включая его трагическую кончину: на этой части его дневника, представляющей несомнѣнно большой интересъ, мы не будемъ останавливаться, потому, что она служила главнымъ источникомъ при составленіи труда А. Гиршберга о Дмитріи Самозванцѣ и многочисленныя выписки изъ этой части его дневника приведены нами въ статьѣ «Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ», помѣщенной въ «Русской Старинѣ» за текущій годъ ¹⁾; опуская нѣкоторыя мало интересныя подробности, мы хотимъ познакомить читателей съ содержаніемъ остальной части этого дневника, которая, не представляя такого крупнаго историческаго интереса, какъ его первая часть, повѣствующая о судьбѣ Дмитрія Самозванца, тѣмъ не менѣе весьма любопытна какъ бытовая картина изъ эпохи Смутнаго времени и какъ повѣствованіе о тѣхъ злоключеніяхъ, какія претерпѣвали въ Россіи, въ теченіе двухъ лѣтъ, люди иностраннаго и при томъ знатнаго происхожденія, за которыми не было ни малѣйшей вины передъ Московскимъ государствомъ и которые пріѣхали въ Москву въ качествѣ уполномоченныхъ отъ короля польскаго, чтобы вести съ русскими боярами переговоры о заключеніи съ Рѣчью Посполитою вѣчнаго мира.

В. В. Тимошукъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину» январь—іюль 1899 г.

I.

1606 годъ.

Высылка поляковъ изъ Москвы.—Задержаніе польскихъ пословъ.—Отправка Нѣмцоевскаго и его товарищей въ Ростовъ.—Жизнь въ этомъ городѣ.—Ставниціи и Дмитрій Шуйскій.—Переводъ поляковъ въ Білозерскъ.

По провозглашеніи Василія Ивановича Шуйскаго великимъ княземъ, всѣмъ польскимъ солдатамъ было приказано выѣхать за границу, сложивъ оружіе, которое обѣщали везти за ними и возвратить имъ на границѣ. Поляки попытались было воспротивиться этому, опасаясь, чтобы обезоруженныхъ ихъ не перебили, но такъ какъ каждая рота стояла отдѣльно и всѣ дворы были переполнены чернью, то пришлось повиноваться.

Затѣмъ велѣно было навести справки, что именно каждый изъ нихъ получилъ отъ Дмитрія, и все это велѣно было отобрать. У воеводы сендомірскаго отобрали 70.000 злотыхъ, которые онъ собирался отослать въ Польшу для уплаты своихъ послѣднихъ долговъ, и богатую конскую сбрую, которая была прислана ему Дмитріемъ передъ его въѣздомъ въ Москву.

Когда сбрую принесли великому князю и боярамъ, они замѣтили, что не хватало кнута, и тотчасъ послали сказать воеводѣ, чтобы онъ возвратилъ его, иначе ему будетъ плохо. Оказалось, что кнутъ присвоилъ себѣ одинъ изъ его слугъ, и что кнутъ этотъ былъ самый простой: ремennyй, не стоилъ и пяти грошей, кнотовище было деревянное, конецъ обмотанъ тремя или четырьмя красненькими ремешками.

У Марины Мицшекъ отобрали всѣ вещи, которыя были подарены ей великимъ княземъ во время свадьбы и ранѣе, но также всѣ подарки, полученные ею отъ короля польскаго и другихъ лицъ, и всѣ ея собственныя вещи; ей оставили только одно платье да нѣсколько рубашекъ.

«3-го іюня отобрали у поляковъ слугъ,—говоритъ Нѣмцоевскій,—сказавъ, что они будутъ высланы за границу, а ихъ самихъ задержать на нѣкоторое время. Мы спорили,—говоритъ Нѣмцоевскій,—требуя, чтобы и насъ также отправили вмѣстѣ съ ними; на это намъ сказали, что съ нами обращались до сихъ поръ хорошо, а если будемъ чего-либо требовать, то и съ нами будутъ обращаться иначе. Пришлось покориться; и тотъ почиталъ себя счастливымъ, кому удалось выпросить себѣ повара или одного кучера на 6—8 лошадей».

Нѣмцоевскій, озабоченный судьбою тѣхъ драгоценностей, которыя онъ оставилъ Дмитрію Самозванцу для разсмотрѣнія наканунѣ его смерти, подаль Василію Шуйскому челобитную, въ которой просилъ

допустить его къ великому князю, чтобы изложить ему свою просьбу. Просимая аудіенція не была разрѣшена, а ему велѣно было изложить въ другой челобитной все, что онъ имѣлъ сказать царю или о чемъ хотѣлъ просить его.

Онъ передалъ таковую 18-го іюня и просилъ возвратить ему вещь, посланная съ нимъ Димитрію шведской королевной, а также вернуть его слугъ, такъ какъ ему некому было варить кушанье и смотрѣть за лошадьми. Приказано было: «ждать отвѣта».

17-го іюня думные бояре послали за польскими послами, выразивъ желаніе видѣться съ ними во дворцѣ. Когда они собрались, бояре сказали имъ:

— Димитрій не былъ царемъ, а Гришкою разстригою, Отрепьева сыномъ, но такъ какъ дѣло ужъ зашло такъ далеко, мы терпѣли бы его, если бы онъ велъ себя по-христіански и обходился съ нами какъ слѣдуетъ; но такъ какъ онъ хотѣлъ силою заставить насъ измѣнить вѣру и истребить всѣхъ знатнѣйшихъ бояръ, то, охраняя вѣру, церковь и нашу жизнь, мы должны были прибѣгнуть къ такимъ средствамъ. Чтобы вы видѣли, что мы говоримъ вамъ правду, вотъ вамъ письма отъ вашихъ ¹⁾ владыкъ, Львовскаго и Перемысльскаго, писанныя къ нашему патріарху, копии они предостерегаютъ насъ. Того кто привезъ эти письма, мы выдадимъ вамъ. Такъ какъ мы посылаемъ къ королю, вашему монарху, съ извѣстіемъ о томъ, что мы избрали другаго великаго князя, то придется васъ задержать до тѣхъ поръ, пока не вернется нашъ посолъ. Вы можете вмѣстѣ съ нашимъ посломъ отправить одного изъ вашихъ людей въ Польшу.

Человѣкъ, привезшій эти письма, былъ нѣкій Коронка изъ Львова. Польскіе послы стали доказывать боярамъ, какое страшное насиліе они совершили, убивъ своего царя, и что Димитрій былъ ихъ истиннымъ, законнымъ царемъ, а хотя бы онъ и не былъ таковымъ, все-таки они признали его своимъ царемъ, присягали ему и должны были соблюдать свою присягу.

— Вы и его величеству, нашему королю,—отвѣчали поляки,—послали пословъ и извѣстили его о вступленіи на престолъ вашего законнаго царя по коронованіи его и просили, чтобы его королевское величество дозволилъ воеводѣ сендомірскому дать ему въ жены свою дочь. Его королевское величество повѣрилъ посламъ вашимъ и письмамъ и, полагая что вы будете вѣрны своему царю, далъ на это свое согласіе. Вы же, не смотря на свою присягу, не только лишили своего государя жизни и оказались измѣнниками противъ него, но безвинно и безчеловѣчно убили

¹⁾ Львовскимъ владыкою былъ въ то время Гедеонъ Балабанъ, Перемысльскимъ Михаиалъ Копытыньскій.

столькихъ подданныхъ его королевскаго величества, людей знатныхъ, невинная кровь которыхъ взываетъ къ Богу, къ его королевскому величеству и къ нашей Рѣчи Посполитой о мщеницѣ, такъ какъ они не подали вамъ ни малѣйшаго повода обходиться съ ними такъ безчеловѣчно и убивать ихъ. Если вы хотите насъ задержать до тѣхъ поръ, пока не вернется вашъ посолъ отъ его королевскаго величества, мы не станемъ ожидать его тутъ и, если вы не отпустите насъ по доброй волѣ, такъ мы уйдемъ силою. Того же злодѣя, который привезъ обманнымъ образомъ письма отъ такихъ же злодѣевъ, какъ онъ, мы охотно возьмемъ отъ васъ.

— Что ваши убиты,—отвѣчали бояре,—этотъ грѣхъ случился не по нашему приказанію, а хотя бы вы и хотѣли уѣхать, мы васъ не пустимъ, такъ какъ вы должны тутъ остаться.

Сказавъ это, они велѣли приставленнымъ къ полякамъ смотрителямъ отвести ихъ на квартиры, увеличить число стражниковъ, которые были ранѣе приставлены къ посламъ, поставить 200 стрѣльцовъ у воротъ ихъ дома, никого не впускать и не выпускать изъ него, дозволивъ только ихъ людямъ водить лошадей на водопой и то подъ присмотромъ смотрителей, которые должны были слѣдить, чтобы они ни съ кѣмъ не говорили. Съѣстные припасы посылались имъ на домъ, но въ скоромъ времени количество этихъ припасовъ было уменьшено на половину.

«22-го іюня Василій Шуйскій послалъ князя Волконскаго къ королю польскому. вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторымъ изъ нашихъ было дозволено послать по одному слугѣ съ письмами; мѣ же и этого не удалось, хотя я весьма о томъ старался».

25-го іюня велѣно было отвести великую княгиню (Марину) и пана воеводу изъ помѣщенія, которое они занимали во дворцѣ, въ другое мѣсто въ домъ Аванасія Власова, который ѣздилъ за нею въ Польшу.

«Каждый невольно былъ тронуть, — говорить Нѣмюевскій, — видя такую превратность судьбы, видя, что тѣ самые люди, которые нѣсколько времени передъ тѣмъ присягали ей на вѣриноподданство, везли ее изъ дворца на предмѣстье, изъ палаты и покоевъ, обитыхъ шелками, въ черную избу, что она была лишена всего имущества и всѣхъ вещей, богатыхъ уборовъ, серебра, золота, драгоценныхъ камней и въ одномъ платьѣ ѣхала на простой повозкѣ, запряженной плохими лошаденками, а за ней шло множество несчастныхъ, несшихъ тѣ жалкіе пожитки, которые у нихъ не успѣли отнять; нѣкоторые были изранены, избиты, ободраны, ихъ толкала и надъ ними издѣвалась чернь; они шли за той, которая нѣсколько недѣль передъ тѣмъ въѣзжала торжественно на царство, привѣтствуемая нѣсколькими тысячами человѣкъ, на роскошныхъ лошадахъ, въ дорогомъ экипажѣ, отдѣланномъ серебромъ, и была встрѣчена на границѣ знатнѣйшими лицами, на которую нѣсколько тысячъ

человѣкъ устремляли свои взоры, которую встрѣчали съ колокольнымъ звономъ и звуками бубенъ и литавръ».

5-го августа князю Вишневецкому и старостѣ Саноцкому (сыну воеводы сендомірскаго) было объявлено, что царь повелѣлъ отправить ихъ въ Кострому, гдѣ они пробудутъ до возвращенія его посла изъ Польши. Старостѣ Саноцкому едва удалось выпросить позволеніе остаться съ 9-ю слугами при отцѣ, который былъ тяжело боленъ; остальныхъ его слугъ выслали 8-го числа вмѣстѣ съ княземъ Вишневецкимъ, а 10-го августа и Нѣмцоевскому было объявлено, что онъ будетъ отправленъ спустя нѣсколько дней, съ многими другими лицами въ г. Ростовъ, Ярославской губерніи. Никакія просьбы, протесты и увѣщанія съ ихъ стороны не помогли.

Пришлось готовиться къ отъѣзду; передъ отъѣздомъ Нѣмцоевскій вновь написалъ царю челобитную съ просьбою возвратитъ ему привезенныя драгоцѣнности и оставить его въ Москвѣ, но не получилъ на нее, такъ же, какъ и на двѣ первыя, никакого отвѣта. 25-го августа онъ былъ отправленъ изъ Москвы одновременно съ двумя Стадницкими, со Слонскимъ, съ которымъ ѣхала жена и дочь, и съ прочими лицами; «насъ было всего 130 человѣкъ, записалъ—онъ въ своемъ дневникѣ.—При насъ состояли два старшихъ смотрителя и пять младшихъ, два стрѣльцкихъ сотника, а стрѣльцовъ столько, сколько было насъ самихъ; при каждомъ изъ насъ былъ свой караульный. Мы не останавливались по пути ни въ одномъ селѣ или мѣстечкѣ, а только въ чистомъ полѣ, подъ открытымъ небомъ, защитивъ себя иногда немного хворостомъ отъ вѣтра. Къ счастью, погода стояла хорошая.

«20-го числа мы прибыли въ Ростовъ, въ заточеніе. Насъ помѣстили въ четырехъ домикахъ, стоявшихъ одинъ возлѣ другаго; лошадей намъ приказали поставить въ общую конюшню, весьма просторную, и обѣщали давать имъ кормъ, какъ въ Москвѣ. Другіе тотчасъ повиновались, желая поскорѣе устроиться, я же и панъ Вольскій не хотѣли отправлять лошадей. Взять ихъ отъ насъ силою не смѣли, боясь, чтобы мы не возмутились, но съ нами выкинули слѣдующую штуку. Смотрители запретили, подъ страхомъ строгаго наказанія, продавать намъ овесъ и сѣно. Не имѣя возможности ничего достать и не зная, что дѣлать, мы отослали лошадей къ остальнымъ, на царскую конюшню. Стрѣльцы привели намъ нашихъ кучеровъ, а лошадей забрали. Когда мы спросили ихъ, почему они пускаются на такія хитрости и обходятся съ нами такъ недобросовѣстно, они отвѣчали: «мы получили такой указъ отъ государя, и должны дѣлать то, что намъ велятъ».

«Эти люди боялись, чтобы, имѣя при себѣ лошадей, мы не уѣхали, хотя до границы было болѣе 100 миль.

«На слѣдующій день по пріѣздѣ въ Ростовъ, къ намъ пришли смотри-

тели, созвали всѣхъ насъ и провѣряли по списку, не пропалъ ли кто въ дорогѣ. Мы должны были исполнить все, что намъ приказывали, и были весьма встревожены, ибо если бы кто-либо изъ насъ не отблкнулся, то было сказано, что его оставятъ безъ пищи. Подобная повѣрка производилась каждыя двѣ недѣли и даже чаще.

«Намъ было разрѣшено гулять часокъ по селу, но не иначе, какъ въ сопровожденіи смотрителя».

До перваго сентября сосланные въ Ростовъ не получали никакихъ извѣстій о прочихъ полякахъ, оставшихся въ Москвѣ, и о польскихъ посллахъ. Перваго же сентября мимо Ростова провезли въ Ярославль сендомірскаго воеводу, его дочь, сына и другихъ лицъ; несмотря на всѣ просьбы сосланныхъ, имъ не было дозволено съ ними повидаться и даже послать къ нимъ кого-либо изъ слугъ; только влѣзши на крыши, они могли издали помахать имъ шапками, да въ о себѣ знать чрезъ трубача, горя о стѣсненіи и неволѣ, которыя они терпѣли безъ всякой съ ихъ стороны вины.

Нѣсколько дней спустя другая партія поляковъ была отправлена въ Тверь; между тѣмъ послы оставались въ Москвѣ, гдѣ имъ не позволяли ни съ кѣмъ видѣться; только слуга могъ ходить на рынокъ и то подъ присмотромъ смотрителя, который наблюдалъ, чтобы онъ ни съ кѣмъ не говорилъ.

«12-го сентября смотрители прислали намъ сказать,—продолжаетъ Нѣмюевскій,—чтобы мы собрались всѣ на одинъ дворъ, что намъ сообщать о милости государя. Мы собрались, ожидая, что намъ увеличатъ удовольствіе, котораго намъ выдавали гораздо меньше, чѣмъ прежде. Дьякъ началъ читать государеву грамоту, въ которой объявлялось, что царь, по милосердію своему, какъ государь добрый и милостивый, разрѣшаетъ намъ, литовцамъ, продавать свою одежду, а у кого есть соболя, тотъ можетъ и ихъ продавать».

«Мы спросили, имѣютъ ли они что-нибудь еще сказать намъ.

— Больше ничего,—отвѣчали они.

— А что вашему государю за дѣло до нашего платья?—спрашивали поляки.—Напишите ему, что мы въ такой милости отъ него не нуждаемся, намъ нужно только, чтобы онъ отпустилъ насъ въ Польшу, такъ какъ насъ держатъ тутъ вопреки всякой справедливости. Съ одеждой, которую мы сами себѣ купили, на свои собственные деньги, мы можемъ дѣлать, что хотимъ, безъ позволенія вашего государя; это въ нашей волѣ.

«Смотрители удивлялись нашему смѣлому отвѣту и тому, что мы такъ пренебрегали милостью царя и государя всея Россіи.

«Такъ какъ намъ позволили прогуливаться по мѣстечку, то я вышелъ однажды пройтись между огородами. Мнѣ встрѣтился пьяный сотникъ, который съ запальчивостью приказалъ возвратиться домой, и такъ какъ

я не исполнилъ его приказанія съ такою поспѣшностью, какъ ему хотѣлось, то онъ сталъ говорить еще рѣзче и въ болѣе грубыхъ выраженіяхъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ съ болѣею злобою; желая прекратить эту брань, я и слуга, бывшій со мною, выхватили изъ забора по пруту, какъ какъ намъ не позволялось носить при себѣ никакого оружія; тогда онъ сталъ громко звать на помощь мужиковъ, работавшихъ по близости въ огородѣ. Увидавъ, что народъ бѣжитъ къ намъ съ топорами и палками, мы пустились бѣжать къ своей квартирѣ; между тѣмъ толпа увеличивалась; наконецъ ударили въ набатъ. Видя, что дѣло выходило не на шутку, мы приготовились обороняться, чтобы не умереть, не отомстивъ за себя. Тутъ выбѣжали старшіе смотрители и вмѣстѣ съ прислугою митрополита начали успокоивать и разгонять народъ; тѣмъ дѣло кончилось».

Вскорѣ послѣ этого столкновенія жители Ростова писали царю: «Литва глушитъ, что у нихъ масса ружей и всякаго рода оружія, мы не безопасны въ домахъ своихъ, бьемъ тебѣ челомъ, пресвѣтлѣйшій государь, дай намъ спокойствіе».

27-го числа, въ отвѣтъ на эту челобитную получено было повелѣніе отобрать у поляковъ оружіе, которое они имѣли у себя въ домахъ. Несмотря на челобитную, которую поляки послали тотчасъ царю, съ просьбою не подвергать ихъ такому сраму и позору, которому подлежатъ только одни арестанты, они были вынуждены повиноваться; впрочемъ, они отдали смотрителямъ только самое плохое оружіе, а лучшее попрятали, сказавъ, что часть у нихъ отобрали въ Москвѣ, а другую они продали, чтобы имѣть пищу.

Въ той же и въ послѣдующихъ, многочисленныхъ своихъ челобитныхъ поляки подробно пзлагали свои бѣды: помѣщеніе имъ было отведено худое, тѣсное, на 60 слишкомъ человекъ имъ отвели всего 3 избы, дровъ отпускали мало: въ домѣ у нихъ не было кухни, обѣдъ приходилось готовить на дворѣ, на морозѣ, съѣстныхъ припасовъ и питья выдавали на ведѣлю столько, что имъ едва могло хватать на два дня; на старшихъ выдавали въ день бѣлаго и ржаного хлѣба на два гроша, крупы на полъ-гроша, соли на четверть гроша, меду для питья три кварта, плохаго пива двѣ кварта, водки на грошъ, а на прислугу и того меньше. Само собою разумѣется, что подобное продовольствіе казалось весьма скуднымъ и недостаточнымъ людямъ богатымъ, привыкшимъ имѣть всего вдоволь, и вызывало ихъ справедливыя жалобы; они то и дѣло писали по этому поводу челобитныя на имя царя, которыя оставались безъ отвѣта и не имѣли послѣдствіемъ ни малѣйшаго улучшенія въ ихъ бытѣ. Напротивъ, въ началѣ слѣдующаго года количество отпускаемаго имъ продовольствія было еще уменьшено.

21-го ноября было получено на имя Андрея Стадницкаго царское:

повелѣніе ѣхать въ Москву; онъ въ ту же ночь отправился въ дорогу, питая надежду, что его пошлютъ въ Польшу.

«Всѣ мы радовались,—говоритъ Нѣмоевскій,—думая, что теперь мы скоро уѣдемъ, и воспользовались случаемъ написать письма».

Когда Стадницкій пріѣхалъ въ Москву, Дмитрій Шуйскій, братъ царя, въ тотъ же вечеръ прислалъ сказать ему, что желаетъ его видѣть. Когда онъ пришелъ, Шуйскій поздоровался съ нимъ и, усадивъ его за столomъ подлѣ себя, сказалъ:

— Тебѣ нельзя видѣть государевы очи, но если тебѣ извѣстно что-либо, клонящееся къ благу государства, говори, я передамъ ему, и онъ пожалуетъ тебя своей царской милостью.

— Я вижу,—сказалъ Стадницкій,—что въ вашемъ государствѣ происходятъ большія волненія, по той причинѣ, что у васъ нѣтъ болѣе потомка вашихъ законныхъ царей; если хотите вернуть спокойствіе и предупредить подобныя случаи, бунты и мятежи на будущее время, чтобы царь могъ держать своихъ подданныхъ въ повиновеніи и преданности себѣ и своему дому и чтобы престолъ не выходилъ изъ знатнаго рода князей Шуйскихъ до тѣхъ поръ, пока родъ этотъ будетъ существовать, на это есть вѣрное средство, но я хотѣлъ бы сказать его только самому царю, и о томъ, князь Дмитрій, я прошу тебя передать ему.

Шуйскій повторилъ, что видѣть очи царя нельзя.

— Изложи,—сказалъ Дмитрій,—все, что имѣешь сказать, мнѣ. Царь мнѣ довѣряетъ, и я все передамъ ему, а царь пожалуетъ тебя своей царской милостью.

Стадницкій колебался, такъ какъ ему хотѣлось самому говорить съ царемъ, на очи котораго ему не позволялось даже взглянуть; ему хотѣлось этого особенно потому, что онъ надѣялся убѣдить отпустить его, Стадницкаго, въ Польшу, но такъ какъ этого нельзя было добиться, то онъ сказалъ:

— Я началъ бы свою рѣчь отъ самаго начала Рѣчи Посполитой, желая все объяснить тебѣ обстоятельно, привести примѣры, но это взяло бы много времени, и тебѣ трудно было бы понять меня.

— Такъ какъ ты можешь говорить по-русски, то я тебя пойму.—отвѣчалъ Шуйскій,—я тебя на то и призвалъ, чтобы тебя слушать.

— Не такъ трудно понять смыслъ словъ,—сказалъ Стадницкій,—какъ понять самую сущность предмета. Я тебѣ буду говорить слегка, опуская примѣры.

— Такъ для чего же ты пришелъ, коли ты не все скажешь? Говори все, что знаешь, я тебя буду слушать и ничего не пропущу, ибо царь велѣлъ мнѣ довести ему все, что я отъ тебя услышу.

— Ну, коли хочешь, мнѣ говорить не трудно, — сказалъ Стадницікій, — лишь бы ты могъ понять меня.

Стадницікій началъ длинную рѣчь о началахъ гражданственности, привелъ краткій очеркъ развитія ея у ассирійцевъ, мидянъ, персовъ, македонянъ, грековъ, римлянъ, затѣмъ перешелъ къ Россіи и распространился о наслѣдственности царской власти.

Не понимая, къ чему онъ ведетъ рѣчь, Шуйскій уже сожалѣлъ, что велѣлъ ему говорить подробно, ничего не опуская, однако продолжалъ слушать; наконецъ, потерявъ терпѣніе, онъ прервалъ Стадницаго:

— Что же ты говоришь объ этомъ, это уже все было и прошло, что же ты скажешь далѣе?

— Потерпи, — отвѣчалъ Стадницікій. — Если хочешь понять то, что я скажу, надобно, чтобы ты понялъ основательно. Одной присяги мало: вѣдь вы присягали и Θεодору, короновали и Бориса Годунова, и сына его, однако измѣнили имъ.

— Ну, если ты еще не кончилъ, — сказалъ Шуйскій, — такъ продолжай.

Стадницікій сталъ доказывать ему необходимость заключить вѣчный миръ съ Польшей и во избѣжаніе смутъ въ случаѣ прекращенія мужскаго потомства рода бояръ Шуйскихъ, признать законнымъ ихъ наслѣдникомъ того, кто будетъ управлять въ то время Польшей и Литвою, и соединить Россію неразрывно съ Рѣчью Посполитой.

Окончивъ свою рѣчь, онъ спросилъ Шуйскаго, понялъ ли онъ его.

— Понялъ, — отвѣчалъ онъ, — только ты говорилъ слишкомъ долго. Впрочемъ, если ты имѣешь еще что-нибудь сказать, говори.

Стадницікій сталъ просить отправить его въ Польшу, обѣщая помочь вести переговоры о мирѣ, и просилъ прислать полякамъ ксендза.

Шуйскій обѣщалъ передать его просьбу царю, затѣмъ велѣлъ ему идти домой, приказавъ строго на-строгъ стеречь его, не позволять ему ни съ кѣмъ говорить и никуда не выпускать, кромѣ какъ на рынокъ.

Краснорѣчіе Стадницаго пропало однако даромъ; его отослали снова въ Ростовъ, отправивъ предварительно остальныхъ его товарищей сто миль далѣе, на Бѣлое озеро.

«25-го ноября смотрители объявили намъ, — пишетъ Нѣмоевскій, — что полученъ указъ государя, чтобы мы отправились отсюда на Бѣлое озеро, по той причинѣ, что здѣсь съѣстныхъ припасовъ мало, мѣстность истощена, а тамъ все дешево; то, что тутъ стоитъ 5 грошей, тамъ можно купить за два; такъ будьте готовы, мы отправимся въ будущій понедѣльникъ».

Поляки просили повременить отъѣздомъ, покуда они пошлютъ челобитную государю, чтобы ихъ не переводили изъ Ростова, соглашаясь прибавлять своихъ денегъ на прокормъ, но смотрители заявили, что они не могутъ послушаться царскаго повелѣнія.

— Пшните челобитную, — сказали они, — мы отошлемъ ее, можетъ быть, васъ и вернуть.

Лошадей пмъ не было дозволено взять съ собою.

Каждому изъ васъ будетъ дано для вещей столько подводъ, сколько потребуется, а ваши лошади будутъ тутъ дожидать, колымаги ваши и прочіе экипажи будутъ цѣлы, — объявили смотрители.

Въ тотъ же день поляки написали вновь челобитную, прося царя оставить ихъ въ Ростовѣ, но на нее, какъ и на всѣ предыдущія просьбы, никакого отвѣта не получили, и 27-го числа они были отправлены на Бѣлое озеро. Тѣмъ несчастнымъ, у которыхъ все поотобрали въ Москвѣ, были розданы на дорогу бараньи тулупы, но по прїѣздѣ на мѣсто ихъ отобрали, сказавъ: «вамъ они не нужны, вамъ будутъ давать дрова, чтобы вы топили избы. Гулять вамъ также не къ чему, чтобы между вами и мужиками не вышло столкновенія, такъ какъ мужики тутъ лхіе, дурятъ».

«2-го декабря, — читаемъ далѣе, — переночевавъ въ Романовѣ, проѣхавъ въ 7 дней 28 миль на телѣгахъ, мы прибыли въ Вологду, довольно большой городъ, но, какъ всѣ города, плохо отстроенный, не обнесенный стѣною и по большей части пустынный, въ особенности въ предмѣстьяхъ. Въ Вологдѣ складъ товаровъ, которые приходятъ черезъ Архангельскій портъ. Мы остановились тутъ на три дня; смотрителямъ было строго-на-строго приказано, чтобы ни одинъ купецъ не говорилъ съ нами, въ особенности изъ иностранцевъ; намъ не позволили даже купить у нихъ вина; только украдкою тѣ, у кого были деньги, давъ на чай стрѣльцамъ, купили немного вина на дорогу.

«Получивъ подводы, мы выѣхали изъ Вологды на четвертый день; смотрители говорили, что на Бѣломъ озерѣ у насъ будетъ всего въ избыткѣ. Мѣстность, по которой мы ѣхали, была унылая. Проѣхавъ 26 миль, мы прибыли на пятый день въ Бѣлозерскъ, который лежитъ среди болотъ. Насъ размѣстили въ разныхъ дворахъ, въ черныхъ избахъ, при насъ день и ночь находились караульные, такъ какъ къ стрѣльцамъ, которые стерегли насъ ранѣе были прибавлены караульные изъ мѣстныхъ жителей».

«Въ Бѣлозерскѣ кромѣ сосланныхъ, да рыбаковъ не было другихъ жителей; до границы нашего отечества было 200 миль; удовольствій или развлеченій мы не имѣли никакихъ, новостей ни откуда не получали, позволенія послать кого-либо или написать въ отечество нельзя было допроситься; мы начали хворать отъ дурной пищи, и у насъ умерло 4 человѣка.

«Наступила зима; у насъ не было мѣхової одежды, такъ какъ мы, несчастные, прїѣхали лѣтомъ и каждый рассчитывалъ на мѣстѣ пріобрѣсти себѣ теплое платье. Наша прислуга совсѣмъ оборва-

лась, намъ нечѣмъ было платить имъ жалованье; у нихъ на суровую зиму не было тулуповъ, обувь и рубахи у нихъ также изодрались; платье свое они были вынуждены продать рыбакамъ частью для того, чтобы купить дровъ и обувь, частью на пищу, и ходили въ сермяжныхъ кафтанахъ; мы также продали свое платье, чтобы имѣть деньги на пищу себѣ и прислугѣ нашей. Скудная пища, которую намъ давали, казалась здѣшнему бѣдному народу изобильной; опасаясь, чтобы отъ такой роскошной жизни мы не предались распутной жизни, они убавили намъ впослѣдствіи треть всего».

18-го декабря поляки вновь послали царю челобитную, описавъ въ ней нужду, которую они терпѣли, и прося отпустить ихъ на родину.

II.

1607 годъ.

Просьба поляковъ отпустить ихъ на родину.—Царская грамота.—Ухудшеніе положенія.—Постройка острога.—Ссоры и разваръ между поляками.—Новые при нихъ пристава.—Бѣдственное положеніе.—Вѣсть о прибытіи польскихъ пословъ.

Стадницкій, живя въ Москвѣ, узналъ, что на Бѣлое озеро послали стрѣльца. Онъ хотѣлъ подкупить его, чтобы тотъ свезъ намъ письмо, но такъ какъ всѣмъ и каждому, подъ страхомъ смертной казни, было запрещено передавать намъ или отъ насъ кому-либо письма, то онъ не посмѣлъ этого сдѣлать. Тогда, давъ стрѣльцу денегъ, онъ попросилъ его отвезти его брату, Мартину Стадницкому, молитвенникъ. Въ переплетѣ этого молитвенника былъ наклеенъ листъ бумаги, на которомъ было подробно описано все, что дѣлалось въ Москвѣ, къ которой подступало тогда войско втораго Самозванца.

12-го января бѣлозерскіе узники послали еще разъ челобитную царю, «униженно били ему челомъ» и кромѣ своихъ обычныхъ просьбъ просили еще отъ имени всѣхъ за Станислава Нѣмоевского, чтобы его отправили къ сендмирскому воеводѣ, для пользованія отъ опасной болѣзни, которая угрожала его жизни; у воеводы же былъ докторъ.

«Вскорѣ послѣ отправленія этой челобитной,—говоритъ Нѣмоевскій,—къ намъ стали захаживать смотрители и хвалятъ государя, что онъ добрый, богобоязненный, милосердный и щедрый.

— Мы этого не видимъ,—говорили мы,—намъ трудно съ этимъ согласиться; если онъ насъ выпуститъ на свободу, тогда и мы похвалимъ его.

«Страшно тоскуя, но все еще питая надежду, что мы получимъ

вскорѣ какой-нибудь отвѣтъ на челобитную, или дождемся посла отъ его королевскаго величества, который освободитъ насъ отъ неволи, мы часто поглядывали, не ѣдетъ ли къ намъ гонецъ съ какимъ-нибудь утѣшительнымъ указомъ—какъ вдругъ въ самомъ дѣлѣ прибылъ посланный съ грамотой. Страшась и надѣясь, мы собрались всѣ въ одну избу; каждый высказывалъ свое мнѣніе о томъ, какую мы услышимъ радостную вѣсть; всѣ сходились въ одномъ, что по всей вѣроятности онъ привезъ намъ отвѣтъ на наши многочисленныя челобитныя; любопытно было знать, долго ли намъ еще придется оставаться въ заточеніи. Хотя времени съ пріѣзда гонца прошло не много, но намъ показалось, что смотрители долго не сообщали намъ, какая грамота ими получена. Мы послали къ нимъ съ просьбою, чтобы они насъ не томили и сказали бы намъ, зачѣмъ прибылъ посланный. Они отвѣчали: «сегодня имъ это не къ чему знать, а завтра мы имъ скажемъ». Ночь показалась намъ долгою. Другіе, ожидая радости, не могли даже спать. Начало свѣтать; мы велѣли спросить, не готовятъ ли для насъ подводъ, а такъ какъ о зрителяхъ очень долго не было ни слуха, ни духа, то насъ взяло сомнѣніе. Около полудня, они прислали намъ сказать, чтобы мы собрались во дворъ, гдѣ намъ выдавали съѣстные припасы. Спрашиваемъ у тѣхъ, которые пришли за нами, что мы услышимъ радостнаго. Отвѣчаютъ: «Молитесь Богу, все будетъ ладно». Посланный не успѣлъ еще уйти, какъ всѣ послѣшили изъ своихъ комнатъ, чтобы узнать поскорѣе въ чемъ дѣло. Пришедшіе ранѣе другихъ просили смотрителей и дьяка порадовать ихъ скорѣе. Смотрители усмѣхались, глядя на нашихъ, а тѣ еще пуще надѣялись, думая, что имъ сообщать что-нибудь очень радостное, и бранили другъ друга за то, что собираются такъ медленно.

«Когда мы всѣ собрались, дьякъ досталъ изъ ящичка государеву грамоту, свернутую грубкою, поцѣловалъ ее, приложилъ ко лбу; наши столпились, чтобы каждому было слышно. Развернувъ бумагу, дьякъ началъ читать государевъ титулъ. Два старшіе смотрители, которыхъ они называютъ головами, встали, сняли шапки, намъ также приказали слушать титулъ самодержца всея Руси, снявъ шапки. Мы отвѣчали:

— Только бы намъ услышать радостную вѣсть о нашемъ освобожденіи, мы не только шапки снимемъ, а и нижнее платье спустимъ.

«По прочтеніи титула вдругъ услышали... «... а такъ какъ растрига растратилъ деньги изъ казны и такъ какъ расходъ на прокормленіе Литвы великъ, то мы повелѣваемъ убавить имъ на третью часть панцу, а также и питье».

«Мы повѣсили головы и не скоро могли найтись, что сказать. Прійдя въ себя, хотя и были огорчены, мы отвѣчали:

— А кто вашего государя проситъ о пищѣ? Мы не просимъ, чтобы онъ насъ кормилъ. Пусть онъ насъ отпустить, мы ни въ чемъ не ви-

новаты передъ нимъ; мы добровольно пріѣхали сюда, по просьбѣ всей страны, переданной намъ послами устно и письменно, чтобы заключить миръ, а оны уполномоченныхъ короля задерживаетъ вопреки всякой справедливости. Ежели разстрига не былъ законный государь, насъ это не касается; вы его убили, а насъ не къ чему заточать.

— Мы,—отвѣчали смотрителя,—не виноваты; воленъ Богъ да государь, царь Василій Ивановичъ всея Руси.

«Мы ушли отъ нихъ въ бѣшенствѣ, но это намъ нисколько не помогло.

«На слѣдующій день мы собрались на тотъ же дворъ, чтобы высчитать, сколько смотрители должны были убавить намъ припасовъ, а такъ какъ намъ и безъ того выдавали всего понемногу, а малое дѣлать трудно, то мы рѣшили, чтобы намъ выдавали обычную порцію два дня, а на третій ничего не выдавали; такъ оно и было.

«Мы все-таки рѣшили написать государю; коли насъ несправедливо заточили, по крайней мѣрѣ пусть хотя голодомъ не морятъ, отъ котораго у насъ нѣсколько человекъ уже умерло, не имѣя силъ существовать тою пищею, которую намъ давали.

«30-го марта вернулся посланный, отвезшій нашу челобитную. Мы спросили его, что отвѣтили на нашу просьбу. Онъ сказалъ, что ему велѣно было ѣхать обратно, безъ отвѣта, «но вы получите скорѣе указъ съ другимъ посланнымъ, который пріѣдетъ велѣдъ за мною».

«Не надѣясь болѣе на то, что отъ его королевскаго величества можетъ прибыть посолъ, для освобожденія насъ ранѣ Святой, до которой оставалось еще нѣсколько недѣль, и думая, что если мы такъ несчастливы, что и отечество не заботится о насъ, нѣкоторые рѣшили, когда распустится лѣсъ, попытать счастье и бѣжать, хотя до границы было 200 миль. Вѣроятно, опасаясь этого и догадавшись о нашемъ намѣреніи по нашимъ жалобамъ и частымъ вздохамъ, смотрители велѣли огородить нѣсколько избъ, стоявшихъ ближе къ озеру, высокимъ тыномъ. Когда мы спросили, для чего ихъ огородили, то сначала они не хотѣли говорить, потомъ сказали, что «мужики били челомъ государю на васъ, что вы имъ мѣшаете, живя у нихъ во дворахъ, а потому они взялись построить для васъ одинъ домъ, въ которомъ бы вы всѣ помѣстились».

«Неутѣшительна была эта новость; мы увидѣли, что дѣло шло не о кратковременномъ пребываніи, и ожидали еще болѣе строгаго заточенія. Намъ еще болѣе овладѣла грусть.

«Мужики быстро построили острогъ, пристроивъ къ нему нѣсколько избъ.

«13-го апрѣля, въ великій пятокъ, явились къ намъ смотрители и объявили волю государеву, чтобы мы переѣхали въ домъ, для насъ построенный. Сначала мы воспротивились этому, говоря, что въ домѣ

очень тѣсно и помѣщеніе плохое. Намъ отвѣчали, что пристроить еще дома, къ тому же дѣло идетъ къ лѣту, и тѣмъ, которые не могутъ помѣститься, построить подлѣ острога отдѣльные дома.

— Не противьтесь волѣ государевой и съ народомъ не враждайте,— предостерегали насъ смотрители,— чтобы отъ нихъ вамъ не пошло.

Видя, что все напрасно, мы отвѣчали:

— Теперь у насъ канунъ Пасхи, а послѣ праздника тотчасъ переѣдемъ.

«Но этого намъ не дозволили, и мы были принуждены переѣхать въ тотъ же день, въ страстную пятницу. Но такъ какъ было еще холодно, а избъ было мало, то намъ отвели еще три двора подлѣ острога, въ которыхъ нѣкоторые изъ насъ и помѣстились. Смотрители сами назначали каждому помѣщеніе, пихая въ нѣкоторыя избы болѣе десяти человѣкъ прислуги. Всемъ было очень тѣсно; всякому хотѣлось устроиться какъ-нибудь лучше.

«Между нами съ теченіемъ времени стали все чаще и чаще проявляться разные грѣхи, и не удивительно, ибо съ нами была сослана разная челядь безъ своихъ пановъ, люди разныхъ сословій и религій: лютеране, кальвинисты, аріане и т. д. и измѣнники его королевскаго величества, которые по смерти Димитрія хотѣли перейти на сторону царя, отступивъ отъ своей вѣры.

«Живя по своей волѣ, ни отъ кого не завися, между ними завелась большая распущенность. Сидя въ тюремномъ заключеніи, они стали злословить, осуждать другъ друга, писали другъ на друга пасквили; завелась картежная игра, пьянство, перестали соблюдать посты, опивались водкой, смѣшанной съ пивомъ; для чего продавали платье свое и своихъ слугъ. Началась брань, ссоры, несогласія, дуэли, воровство, развратъ, предлюбодѣяніе, дѣтубійство—одна мать разрѣзала своего ребенка на куски и разбросала ихъ на крышѣ, желая скрыть свой грѣхъ,—и другіе грязные пороки, которые дотога гнусны, что объ нихъ не годится и стыдно упоминать.

«Трудно было прекратить это. Недоставало только, чтобы между нами оказались измѣнники и предатели.

«Помѣстивъ насъ въ обнесенное высокою стѣною, тѣсное помѣщеніе, запирали ворота толстыми желѣзными засовами, и вождъ ихъ постоянно сидѣло до двадцати человѣкъ стрѣльцовъ, которые насъ стерегли и нигде не выпускали, кромѣ какъ за покушкою съѣстныхъ припасовъ; на ночь же насъ запирали всякими замками, и къ воротамъ приставляли ночную стражу, которая смѣнялась каждый часъ и всю ночь была въ доски, не давая намъ спать.

«Насъ кормили все хуже и хуже; мы просили смотрителей высчитать, что выходитъ на насъ въ день, и выдавать намъ деньгами.

«Ведѣвъ намъ собраться на дворъ, на которомъ намъ выдавали припасы, они сказали:

— Вы насъ просили выдавать вамъ вмѣсто провизіи деньгами, такъ мы хотимъ съ вами разсчитать, по сколько придется въ день на каждого человѣка.

«По разсчету пришлось на старшихъ по семи грошей, а на слугъ по два гроша. Мы доказывали, что на эти деньги трудно, или, лучше сказать, невозможно прожить день, и просили прибавить хоть нѣсколько грошей. Они отвѣчали:

— Хотите берите, хотите не берите.

«Видя, что ничего не подѣлаешь, мы рѣшили лучше взять эти гроши, нежели получать плохіе припасы, и съ 18-го іюня намъ стали выдавать вмѣсто припасовъ деньгами.

«28-го іюня смѣнили нашихъ старшихъ смотрителей, а вмѣсто нихъ были присланы болѣе знатные: Борисъ Нацокнягъ и Венедиктъ Ивановичъ Тимошевъ.

— При этихъ головахъ,—говорили младшіе смотрители,—вамъ будетъ лучше и пищу вамъ дадутъ лучшую.

Новые смотрители совѣтовали полякамъ написать челобитную государю.

— Напишите,—говорили они,—что вы не можете купить тутъ всего нужнаго, чтобы васъ перевели въ другое мѣсто.

Поблагодаривъ за совѣтъ, заключенные написали челобитную, въ которой просили перевести ихъ изъ этого голоднаго мѣста въ Тверь или Ярославль, увеличить имъ содержаніе и дозволить кому-нибудь поѣхать въ Польшу, чтобы узнать, почему ихъ такъ долго не возвращаютъ на родину, а также отправить ненужную челядь въ Польшу, чтобы остальные имѣли лучшую пищу.

Видя, что распушенность и безнравственность между ними увеличивалась, заключенные рѣшили составить для себя и челяди извѣстные правила или руководство, которое всѣ обязались бы соблюдать. Правила эти были написаны; въ нихъ говорилось, между прочимъ, что всѣ заключенные обязаны собираться въ общей затѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ на молитву и каждый вечеръ на краткую молитву; затѣмъ были опредѣлены наказанія за разныя провинности, смотря по степени вины, за брань, побои, драку было положено запирать виновныхъ на болѣе или менѣе продолжительное время и т. д. Въ этихъ правилахъ были упомянуты и молитвы, которыя полагалось читать каждый вечеръ. Но когда дѣло дошло до подписей, то многіе отказались подписать эти правила и соблюдать ихъ. Пьянство и развратъ не прекратились.

Видя, что здоровье заключенныхъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ухудшалось, поляки отправили такую челобитную:

«Царь, государь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси! Бьютъ челомъ твоему царскому величеству люди народа польскаго, на Бѣлое озеро сосланные: Мартинъ Стадницікій, Станиславъ Нѣмюевскій, Адамъ Вольскій, Станиславъ Корытко, Станиславъ Слонскій и прочіе при нихъ состоящіе, чтобы ты царь, государь, позволилъ имъ двухъ человекъ послать въ Вологду, а если нельзя, то одного за лѣкарственными травами для лѣченія ихъ, ибо и сами старшіе очень больны и многіе люди, при нихъ находящіеся, отъ нужды и недостатковъ, которые мы терпимъ на Бѣломъ озерѣ, какъ отъ очень плохаго пива и питія, какого мы до прежде никогда не пивали, такъ и по недостатку другихъ необходимыхъ вещей и припасовъ, отъ чего нѣкоторые изъ насъ уже умерли.

«Мы просимъ тебя, государь, Христа ради, не умори насъ, пожалѣй, позволь намъ послать (за лѣкарственными травами), чтобы мы могли поправить наше здоровье, пока насъ Господь Богъ отсюда не освободитъ, и пока ты не пошлешь насъ въ какой-нибудь болѣе плодородный городъ, о чемъ мы твоему царскому величеству неоднократно били челомъ; теперъ ожидаемъ отвѣта.

«Писана на Бѣломъ озерѣ, 15-го августа, въ лѣто отъ Рождества Христова 1607 г.

«Несчастные и истерзанные узники, на Бѣлое озеро сосланные».

«Не получая отвѣта на нашу просьбу,—пишетъ Нѣмюевскій,—мы послали царю вторую, подобную же челобитную, которую смотрители посовѣтовали намъ написать по-русски, говоря, что это будетъ пріятнѣе государю и что мы скорѣе получимъ отвѣтъ.

«Нѣсколько дней спустя по отправленіи этой челобитной, посланный вернулся и привезъ отвѣтъ, что отъ воеводы сендомірскаго приказано привезти полякамъ ксендза.

«Стали мы ожидать нашего пастыря духовнаго и думать, гдѣ бы помѣстить его. Приближается зима, всюду тѣсно, насъ помѣщается по пятнадцати человекъ въ маленькой закопѣлой избенкѣ; однако, стѣснившись, рѣшили отвести ему отдѣльную избу. Никакъ не могли придумать, гдѣ бы можно было служить обѣдню: всюду тѣсно, темно, закопѣло. На дворѣ, хотя бы и подъ навѣсомъ, въ такую суровую зиму трудно служить.

«12-го сентября пріѣхалъ стрѣлецъ: «попа отъ сендомірскаго воеводы вамъ не будетъ; одинъ умеръ, а другой ему самому нуженъ».

«Боже милосердный, подумали мы, ты не даешь намъ никакой отрады, вѣрно, мы за грѣхи свои еще болѣе заслужили твоего гнѣва, но уповаемъ на милосердіе Твое.

«Мы стали горевать о своемъ несчастьи и просить смотрителей,

чтобы они, какъ христiане, сжалились надъ нами, и если мы не можемъ имѣть своего ксендза, то чтобы насъ послали въ такое мѣсто, гдѣ онъ есть.

— Вѣдь государю вашему все равно,—говорили мы,—гдѣ мы будемъ жить, тутъ или въ иномъ мѣстѣ.

— Намъ жаль васъ,—отвѣчали они,—напишите снова челобитную, а мы пошлемъ ее съ стрѣleckимъ сотникомъ; онъ скорѣе привезетъ отвѣтъ.

— Хотя мы ни разу еще ничего не достигли этими челобитными,—отвѣчали мы,—но если вы хотите послать сотника, чтобы онъ привезъ какой-нибудь отвѣтъ, мы не только челобитную, но и что хотите напишемъ.

«Сотнику мы пообѣщали хорошую награду, если онъ привезетъ намъ скоро добрую вѣсть.

«25-го числа того же мѣсяца онъ вернулся и не показывался намъ нѣсколько дней; легко было понять, что онъ не привезъ намъ ничего радостнаго. Посовѣтовавшись съ головами, онъ объяснилъ намъ, что государя не засталъ, такъ какъ онъ пошелъ съ полками противъ вора въ Тулу, но братъ царя Димитрій, оставшійся въ Москвѣ, сказалъ ему:

Поѣзжай назадъ, вскорѣ панамъ будетъ указъ на то, о чемъ они пишутъ въ челобитной.

«Не великъ отвѣтъ, но мы поняли, что и такого ему не дали, а только смотрители велѣли ему такъ сказать.

«1-го октября головы пріѣхали насъ провѣдать, спрашивали, какъ намъ живется. Мы отвѣчали, что страдаемъ въ неволѣ и что здоровье наше плохо отъ нужды, которую терпимъ.

— Сами подумайте,—говорили мы,—возможно ли существовать на тѣ два гроша, которые намъ отъ государя отпускаютъ въ день на ѣду и на питье. Мы добавляли свои деньги, пока онѣ были у насъ; теперь ихъ не хватаетъ намъ, мы не знаемъ, что дѣлать далѣе. Хоть бы у насъ не отнимали третьяго гроша, который намъ выдавали прежде.

— И безъ того на васъ много выходитъ, — сказали они, — ибо разстрига растратилъ казну. Въ казнѣ было 500.000 рублей. Все это, чортъ его знаетъ, куда разбросалъ въ одинъ годъ.

«Всѣ наши бѣдствiя, въ особенности заточенiе, нагнали на насъ меланхолю. Насъ мучила также бессонница, отъ которой мы страдали вслѣдствiе тѣсноты помѣщенiя, болотистой мѣстности и дурной погоды. 3-го октября небо прояснилось, и мы увидѣли, въ ясную ночь, разноцвѣтные лучи и сiяние; рассматривая его, мы замѣтили на сѣверѣ необыкновенную звѣзду, въ родѣ кометы, а отъ нея яркiй лучъ, длиною въ полтора локтя, вродѣ стрѣлы. Такъ какъ всѣ историки упоминаютъ, что такiя явленiя бываютъ обыкновенно предъ какою-нибудь перемѣною въ государствѣ, либо передъ смертью какаго-нибудь монарха, то мы по-

думали: «О Боже! пошли перемѣну, покарай этотъ народъ за неповиновеніе твоему костелу, за вѣроломство, которое они учинили надъ своимъ государемъ, обиду, намъ учиненную, и, проявивъ свое милосердіе надъ нами, несчастными, освободи насъ». Звѣзда исчезла довольно скоро; мы видѣли ее только пять ночей.

«8-го октября получена грамота отъ царя, повелѣвавшая, чтобы младшіе смотрители, конхъ было при насъ пять человекъ, отправились въ Москву, а старшіе два съ двумя сотниками стерегли насъ. Что бы могла быть за причина тому, спрашивали мы ихъ, почему васъ берутъ отъ насъ?

— Ваши послы ѣдутъ изъ Литвы, — отвѣчали они; — намъ велѣно быть при нихъ смотрителями, такъ какъ мы уже знаемъ ваши обычаи.

«Намъ пріятно было услышать эту новость, такъ какъ мы надѣялись, что съ пріѣздомъ пословъ мы будемъ скоро освобождены изъ заточенія. Съ нетерпѣніемъ ожидая пріѣзда посланца за нами, мы часто спрашивали, какая причина, что мы такъ долго не получаемъ никакого извѣстія о пріѣздѣ въ Москву нашихъ пословъ, коли они уже прибыли въ Россію. Намъ отвѣчали, что и государя нѣтъ въ Москвѣ, онъ ушелъ съ полками противъ вора, и поэтому нашихъ пословъ задержали въ Смоленскѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не вернется, что будетъ на дняхъ.

«3-го ноября пріѣхалъ изъ Москвы стрѣлецъ и объявилъ: «послы при мнѣ пріѣхали въ Москву, ихъ двое: Станиславъ Витовскій и Иванъ Соколинскій съ небольшою свитою. Витовскій очень дурной человекъ, все ругается и грозитъ; государь ужъ вернулся отъ Троицы».

«Такъ какъ послы такъ долго не пріѣжали, то мы думали, что король пришлетъ для освобожденія насъ какихъ-нибудь знатныхъ сенаторовъ. Удивленные слышаннымъ, мы подумали: если правда, что онъ прислалъ такихъ лицъ, то не къ чему было такъ долго выбирать ихъ. Мы заключили изъ этого, что онъ объ насъ, подданныхъ своихъ, не особенно печется, но все же мы питали надежду, что скоро будемъ освобождены.

«26-го декабря намъ сказали, что отъ государя получена грамота. На другой день пришли наши головы; старшій Борисъ Нащокниъ сказалъ:

— Господа, полученъ указъ; меня, холопа своего, государь царь, великій князь Василій Ивановичъ всея Руси пожаловалъ своимъ парекамъ пожалованіемъ, чтобы я ѣхалъ въ Москву. Товарищъ мой, Венедиктъ Тимошевъ останется тутъ и будетъ за вами наблюдать.

— Радостиѣ была бы для насъ вѣсть, если бы ты намъ сказалъ, что насъ велѣно на рубежъ отправить, но если это невозможно, то мы просимъ тебя, скажи государю о нуждахъ, которыя мы терпимъ, скажи ему, чтобы онъ такъ съ нами не поступалъ, во вниманіе къ союзу, заключенному съ Польшей.

«Мы послали съ нимъ челобитную».

III.

1608 годъ.

Первая надежда на освобожденіе.—Новыя строгости.—Челобитная, посланная царю.—Отъѣздъ троихъ заключенныхъ изъ Бѣлозерска.—Тревога и заключенія, испытанныя ими по пути въ Москву.—Первые дни въ Москвѣ.—Переговоры съ послами и воеводоу сендомірскимъ.—Поляки получаютъ разрѣшеніе выѣхать изъ Россіи.

Надежды заключенныхъ поляковъ на то, что побѣдка ихъ головы въ Москву увѣнчается для нихъ какимъ-нибудь отряднымъ результатомъ, не сбылись; въ концѣ января 1608 г. до нихъ дошелъ слухъ, что такъ какъ братья этого головы вступили въ войско втораго самозванца, воевавшаго противъ Василія Шуйскаго, то его самого выслали изъ Москвы въ Сибирь для того, чтобы и онъ по ихъ примѣру не перешелъ къ неприятелю.

2-го февраля поляки услышали отъ прибывшаго въ Бѣлозерскъ изъ Москвы стрѣльца Федора Путыла, что хотя польскіе послы и вели переговоры съ боярами и часто бывали въ царскихъ палатахъ, но что переговоры эти еще не приходили къ желаемому концу и что государь отправилъ къ польскому королю новаго посла, Артемія Измайлова, возвращенія котораго ожидали съ часа на часъ. Нѣсколько дней спустя въ Бѣлозерскъ пріѣхалъ дьякъ, сообщившій, что онъ встрѣтилъ по пути изъ Москвы сендомірскаго воеводу котораго везли изъ Ярославля въ Москву.

Это извѣстіе было для заключенныхъ первымъ лучемъ надежды на скорое освобожденіе. Хотя они не вполне довѣряли тому, что имъ говорили русскіе, которые очень часто ихъ обманывали, однако съ этого дня они стали ожидать, что ихъ скоро потребуютъ въ Москву, тѣмъ болѣе, что изъ столицы все чаще и чаще стали доходить вѣсти.

9-го февраля въ Бѣлозерскъ прибылъ одинъ посадскій, сообщившій имъ о казни Петрашки ¹⁾, взятаго въ плѣнъ при сдачѣ Тулы, гдѣ онъ укрѣпился вмѣстѣ съ донскимъ казакомъ Иваномъ Болотниковымъ. Василій Шуйскій цѣлое лѣто безуспѣшно осаждалъ эту ничтожную крѣпость, но осажденные были вынуждены наконецъ къ сдачѣ голодомъ. Измѣнникъ Петрашка былъ привезенъ въ Москву и казненъ.

Въ скоромъ времени, вмѣсто прежняго головы, сосланнаго въ Сибирь, въ Бѣлозерскъ былъ присланъ Аванасій Гловенко, человекъ въ высшей степени грубый и безжалостный; при немъ положеніе поляковъ ухудшилось; онъ запретилъ выпускать ихъ для прогулки по берегу озера, чѣмъ они пользовались ранѣе, строго-на-строго приказалъ нигуда не

¹⁾ Этотъ «Петрашка» выдавалъ себя за сына Федора и племянника Дмитрія, появился въ апрѣлѣ 1606 г., казненъ въ ноябрѣ 1607 г. В. Т.

пускать ихъ со двора и держать ворота запертыми весь день. Отъ стрѣльцовъ онъ потребовалъ подъ присягою, чтобы они не передавали заключеннымъ никакихъ вѣстей; хотя вѣсти, сообщаемыя имъ русскими, оказывались зачастую ложны, но все же онъ были для несчастныхъ заключенныхъ нѣкоторою отрадою и развлеченіемъ. Не довѣряя стрѣльцамъ, новый голова далъ имъ въ помощники посадскихъ, которые находились при нихъ неотлучно и слѣдили за тѣмъ, чтобы они не сообщались съ заключенными; стрѣльцы въ свою очередь слѣдили за посадскими, чтобы тѣ не разговаривали съ поляками. Когда же послѣдніе стали высказывать свое удивленіе по поводу того, что, говоря о скоромъ ихъ освобожденіи, ихъ стали караулить еще строже, то смотритель объяснилъ:

— Мы предпочитаемъ, чтобы вы жадовались на насъ, иначе мужики обвинить могли бы насъ въ томъ, что мы вамъ поблажаемъ и входимъ съ вами въ сдѣлки, — сами знаете, мы люди подневольные. Пошла Господи здоровья государю, царю, великому князю, Василию Ивановичу всея Руси; воля Божія да государева!

Безъ этого пожеланія и перечисленія титуловъ царя никто не упоминаетъ его имени, боясь попасть въ подозрѣніе.

— Мы не какіе-нибудь злодѣи, — возражали заключенные, — чтобы съ нами такъ обходиться; великій князь клятвенно обѣщалъ, что съ нами будутъ обращаться хорошо, что насъ задержать только до возвращенія посла изъ Польши и что мы будемъ имѣть всего вдоволь. Вы же, чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже обращаетесь съ нами и держите въ заключеніи честныхъ людей, которые пріѣхали къ вамъ по доброй волѣ. Мы не можемъ быть сыты тою пищею, которую намъ даетъ государь, и просимъ васъ, если нашимъ людямъ нельзя никуда выходить, пошлите кого-нибудь съ остальной одеждою нашею въ Вологду, чтобы продать ее. Пошлите также кого-нибудь съ нашей челобитной, въ которой мы будемъ просить государя, чтобы онъ не позволилъ мучить насъ, памятуя свое клятвенное обѣщаніе.

— Вы правильно говорите, — отвѣчали они, — что вы пріѣхали въ Москву по доброй волѣ, а теперь насъ послали въ заточеніе; если вы не хотѣли подвергнуться этому, не ѣздили бы сюда.

Въ Вологду головы обѣщали послать, но потребовали, чтобы поляки составили предварительно списокъ вещамъ, а относительно челобитной сказали, что пошлютъ ее при случаѣ, если кто поѣдетъ по казенной надобности, а нарочно посылать не будутъ.

«Мы давно чувствовали, — прибавляетъ Нѣмцовойскій, — что находимся въ неволѣ у злаго народа, но намъ никогда этого такъ ясно не выражала, напротивъ, обѣщая, что мы будемъ скоро освобождены, старались быть съ нами ласковы.

Когда мы доставили списокъ нашей одежды, прося послать ее въ Вологду для продажи, то они въ этомъ намъ отказали, приказавъ сказать, что посылать имъ некого, пусть сами найдутъ кого-нибудь изъ посадскихъ, который поѣдетъ въ городъ, и мы велимъ ему взять вещи; когда же мы просили разрѣшить намъ говорить съ посадскими, но намъ отвѣчали:

— Этого нельзя.

«Однажды къ намъ пришли два стрѣleckихъ сотника и говорятъ:

— Господа, мы желаемъ вамъ добра, намъ жаль васъ, что съ вами такъ строго обращаются. Ваши челобитныя не доходятъ до царя, хотя ихъ и посылаютъ въ Москву, но тѣ, кто принимаетъ ихъ, оставляютъ безъ исполненія, потому вы и не получаете отвѣта. Мы посылаемъ теперь по своей надобности въ Москву, напишите съ этимъ посланнымъ государю о томъ, какъ съ вами обходятся, мы постараемся, чтобы вашу челобитную отдали безъ вѣдома головъ.

«Мы поблагодарили сотниковъ за ихъ доброжелательство, подарили одному изъ нихъ пару серебряныхъ ложекъ, другому одну ложку; они приняли подарокъ съ благодарностью и обѣщали служить, чѣмъ могутъ. Мы послѣдовали ихъ совѣту и написали челобитную такого рода:

«Царю, государю и великому князю Василию Ивановичу всея Руси! Бѣютъ челомъ вашему царскому величеству иноземцы: Мартынь Стадницкій, Станиславъ Нѣмоевскій, Адамъ Вольскій, Станиславъ Корытко, Станиславъ Слонскій и всѣ прочіе люди польскіе, сосланные на Бѣлое озеро.

«Извѣщаемъ мы тебя, царь, государь и великій князь, что здѣсь смотрители наши такъ многихъ въ тыну насъ тѣснятъ, что ни передъ воротами, ни на берегъ озера не выпускаютъ; хотя тотъ дворъ надъ озеромъ стоитъ. Придется намъ многимъ отъ той великой тѣсноты и вонн смерти понести, отъ чего уже между нами больныхъ много есть и мы блюдемъ, чтобы больше не было. Христа ради смилуйся, пожалѣй и дозвожь намъ надъ озеромъ прохаживаться, чтобы насъ больше та вонь не выморила. Еще бьемъ челомъ твоему величеству: на жалованіи твоемъ государевомъ, что намъ идетъ, нельзя намъ прокормиться въ такомъ дорогомъ и голодномъ городѣ, въ которомъ все дорого до того, что теперь и говядины нельзя намъ купить и иной рухляди. Такъ смилосердья, пожалѣй, прикажи своего государева жалованья намъ на кормъ прибавить, не дай насъ голодной смертью въ конецъ поморить, ибо за тѣ два года, что у кого было, все пропродали, кормъ себѣ покупая, да теперь уже не на что и рубашекъ купить. Ради Господа Бога, какъ государь христіанскій, смилуйся надъ нами, царь, государь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руси, смилуйся, пожалѣй.

Писана на Бѣломъ озерѣ, 22 апрѣля, въ лѣто отъ Рождества Христова 1608».

Въ началѣ юня въ Бѣлозерскъ стали доходить слухи, что народъ, накушувъ неурядицею и смутою, продолжавшеюся два года безъ прерыва, обремененный къ тому же податями, бунтуетъ противъ царя. замышляетъ избрать на престолъ другаго, а Шуйскаго заточить въ монастырь.

7-го юня младшій голова Бенедиктъ Тимошевъ прискакалъ въ острогъ во весь опоръ и, ничего не отвѣчая на разспросы тѣхъ, которые стояли у воротъ, онъ закричалъ: гдѣ старшіе господа?

Подъ впечатлѣніемъ помянутыхъ слуховъ, заключенные думали, не вспыхнулъ ли мятежъ; они окружили Тимошева.

— Господа,—сказалъ онъ,—получена добрая вѣсть: великій князь пожалѣлъ васъ; за вами пріѣхалъ гонецъ, чтобы съ нимъ ѣхали въ Москву: ты, Мартынъ Стадницкій, Станиславъ Нѣмоевскій и Адамъ Вольскій.

— А мы какъ же?—спрашивали остальные.

— Не шумите, все будетъ ладно,—и вскочилъ на коня.

Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ посланный отъ царя, Иванъ Ильичъ Ростовчинъ, велѣлъ всѣмъ собраться, сказавъ, что онъ объявитъ имъ волю царя, великаго князя.

Всѣ съ неизяснимой радостью встрѣтили его у воротъ.

«Подавъ намъ руку и ударивъ челомъ, онъ вынулъ изъ голенища государеву грамоту, свернутую трубкой. Произнеся, какъ обыкновенно, титулъ государя, онъ прочелъ, что отъ короля польскаго прибыли новые послы: Станиславъ Витовскій и Иванъ Соколинскій, которые били государю челомъ, чтобы имъ было дозволено видѣть поляковъ, поэтому Мартынъ Стадницкій, Ст. Нѣмоевскій и Ад. Вольскій со слугами получили разрѣшеніе отправиться немедленно на подводахъ въ Москву».

Поблагодаривъ Бога, поляки послѣ его отъѣзда стали поспѣшно укладываться; радость придавала имъ силы.

По причинѣ болотъ, окружающихъ Бѣлозерскъ, лѣтомъ въ окрестностяхъ его трудно проѣхать на лошадяхъ; поэтому они поплыли сначала на судахъ по Шексѣ и, пройдя 300 верстъ, на пятый день вошли въ Волгу, въ шести миляхъ выше Романова, у Рыбной слободы.

Тутъ ихъ ожидало горькое разочарованіе.

«Мы просили смотрителей,—разсказываетъ Нѣмоевскій,—не мѣшкая, ѣхать далѣе, опасаясь, какъ бы тиранъ не передумалъ, или, какъ бы не случилось что-нибудь, изъ-за чего насъ могли бы вернуть обратно.

«Смотрители спѣшили. Ужъ подали лошадей, какъ вдругъ прискакалъ гонецъ съ царской грамотой, повелѣвавшей имъ остановиться съ нами въ Вологдѣ, впредь до полученія дальѣйшаго указа.

«Смотрители явились къ намъ съ печальными лицами. Мы спросили, готовы ли подводы? Они отвѣчали:

— Господа! полученъ отъ государя указъ, чтобы мы съ вами оставились въ Вологдѣ, которая осталась въ 30-ти верстахъ позади; намъ придется ѣхать обратно, не печальтесь, намъ не долго придется тамъ жить.

«Мы дотога испугались, что со страха не могли ничего отвѣтить немного погодя, мы спросили, какая причина этому?

— Мы не знаемъ,—отвѣчали они,—мы и сами не рады.

«Поговоривъ и посовѣтовавшись между собою, мы сказали:

— Два года мы покорно сносили мученье и неволю; мы не хотимъ долѣе терпѣть, мы готовы скорѣе умереть, чѣмъ жить въ неволѣ, мы назадъ не поѣдемъ, скорѣе лишимъ себя жизни, нежели вернемся. Вамъ не удалось уморить насъ, такъ мы сами лишимъ себя жизни. Мы просимъ васъ остаться въ Романовѣ и увѣдомить великаго князя о нашемъ рѣшеніи.

«Голова, встревоженный, не зная со страха, что дѣлать, рѣшилъ остаться въ Романовѣ, пославъ немедленно къ великому князю гонца

«Въ ожиданіи царскаго указа, онъ помѣстилъ насъ въ татарской части города Романова, гдѣ возгѣ нашего дома день и ночь стояла стража; для чего стрѣльцамъ даны были въ помощь посадскіе».

Когда Нѣмюевскій потребовалъ отъ смотрителя, чтобы тотъ объяснилъ ему, по какой причинѣ ихъ задерживаютъ въ пути, то онъ, обязавъ его клятвою хранить его слова въ тайнѣ, сказалъ:

— Будь увѣренъ, что Дмитрій, который царствовалъ при васъ въ Москвѣ, убитъ, я самъ былъ тому свидѣтель; но появился челоувѣкъ, называющій себя его именемъ, увѣряя, что вмѣсто него убитъ другой, а онъ спасся. Многіе изъ нашихъ присоединились къ нему, не столько бояръ, сколько простаго народа. Вашихъ литовцевъ съ нимъ 6.000 челоувѣкъ; ими предводительствуетъ Вишневецкій и Рожинскій; подойдя съ своимъ войскомъ къ Москвѣ, онъ заперъ тамъ великаго князя Василія Ивановича всея Руси, а такъ какъ въ городъ нельзя попасть ни съ какой стороны, то намъ и велѣно съ вами остановиться.

«Черезъ день головы прислали намъ сказать, что получили указъ ¹⁾, чтобы они вернулись съ нами обратно водою и чтобы мы готовились къ отъѣзду. Немного погодя самъ смотритель пришелъ къ намъ и подтвердилъ это.

— А отвѣта на наше письмо къ государю ты не получалъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—но въ моемъ письмѣ сказано, чтобы я

¹⁾ Этотъ указъ напечатанъ княземъ Щербатовымъ въ его „Исторіи Россійской“, т. VII, ч. III, стр. 115—116.

утѣшил васъ, чтобы вы не горевали, и не противились волѣ государевой.

«Мы просили показать намъ указъ.

— Незачѣмъ вамъ видѣть его,—сказалъ онъ,—если бы въ немъ не было того, что я вамъ говорю, то я бы не посмѣлъ этого сказать; если бы я сдѣлалъ то, что не показано въ указѣ, то мнѣ сняли бы голову съ плечъ.

«Не прибѣгнуть ли намъ къ исполненію своей угрозы»,—подумали мы,—но разумъ говорилъ противное; видя, что упорствомъ ничего не добьешься, мы велѣли снести наши вещи въ лодки и, къ великому нашему огорченію, въ тотъ же день поплыли обратно.

«По дорогѣ мы спросили, куда насъ везутъ.

— Увидите, когда пріѣдете,—отвѣчалъ голова;—но потомъ, видя, что мы грустимъ, сказалъ, что мы остановимся въ какомъ-нибудь селѣ, между Вологдой и Бѣлозерскомъ, гдѣ намъ будетъ удобнѣе; такова воля государя. Онъ обѣщалъ также привезти къ намъ изъ Вологды на нѣсколько дней ксеендза и послать одного изъ нашихъ слугъ въ Вологду, для закушки всего нужнаго.

«Мы порадовались этому и надѣялись, что мы остановимся въ какомъ-нибудь хорошемъ селѣ, гдѣ можно будетъ достать все необходимое. Но въ селѣ Ивачовѣ, куда мы прибыли на четвертый день, было всего девять избъ, изъ коихъ мы заняли три. Въ окрестностяхъ было очень мало жилья, съ трудомъ можно было купить курицу или барана и то втридорога. Мы стали упрекать голову за то, что онъ такъ далеко насъ завезъ. Оправдываясь, онъ велѣлъ дьяку прочесть намъ государевъ указъ, въ которомъ было сказано, чтобы онъ остановился съ нами въ 4-хъ или 6-ти миляхъ отъ Бѣлаго озера. Замѣтивъ, что при чтеніи дьякъ нѣкоторыя мѣста пропускалъ, мы просили сказать намъ, что отъ насъ утаили.

«Взявъ съ насъ клятву не выдавать тайны, голова оказалъ, что если бы мы не захотѣли ѣхать обратно, то насъ велѣно было связать положить въ лодки и везти.

— Везти же васъ такъ далеко велѣно потому,—прибавилъ онъ,—что царь опасается, чтобы войско Дмитрія не подошло и не отобрало васъ.

«Мы просили написать великому князю о нашей нуждѣ и о томъ, чтобы насъ перевели въ другое мѣсто, сами же не хотѣли болѣе писать. Такъ какъ въ теченіе двухъ лѣтъ не получали отвѣта ни на одну изъ нашихъ многочисленныхъ челобитень.

«Когда мы напомнили головѣ объ обѣщаніи послать въ Вологду за ксеендомъ, продать нашу одежду и купить съѣстныхъ припасовъ, то онъ сказалъ:

— Правда, я вамъ обѣщаль, но не могу этого исполнить, ибо не имѣю на то указа. Я могу отвѣтить за это головою.

17-го числа снова прибылъ гонецъ отъ царя съ письмомъ отъ польскихъ пословъ, въ которомъ они извѣщали поляковъ, что по случаю заключенія мирнаго договора между королемъ польскимъ и царемъ московскимъ они будутъ скорѣ освобождены. Нѣмоевскаго просили прислать подробный списокъ всѣхъ драгоценныхъ вещей, взятыхъ у него въ казну, съ обозначеніемъ стоимости каждой вещи отдѣльно и всѣхъ вмѣстѣ.

Списокъ былъ тотчасъ посланъ.

Казалось бы, послѣ этого письма, бѣдствіямъ заключенныхъ долженъ былъ скорѣ настать конецъ; если ихъ не могли почему-либо тотчасъ отпустить на волю, то, по крайней мѣрѣ, можно было ожидать, что надзоръ за ними будетъ нѣсколько ослабленъ, что имъ будутъ предоставлены кое-какія льготы и, по крайней мѣрѣ, что матеріальное ихъ положеніе улучшится. Ничуть не бывало. 10-го августа въ дневникѣ Нѣмоевскаго встрѣчаемъ записъ, изъ которой видно, что они по-прежнему терпѣли во всемъ недостатокъ и, ничего не зная о своей дальнѣйшей судьбѣ, были близки къ отчаянію. Но въ тотъ же вечеръ прибылъ гонецъ съ грамотой отъ царя и съ открытымъ письмомъ отъ польскихъ пословъ, которые извѣщали, что послѣ долгихъ переговоровъ съ думными боярами, заключенъ, наконецъ, миръ на 4 года, и однимъ изъ первыхъ пунктовъ мирнаго договора¹⁾ было условіе возвратить свободу всѣмъ полякамъ, томившимся въ Россіи въ неволѣ и доставить ихъ на границу не позже 8-го октября того же года.

Несмотря на все стараніе, посламъ не удалось добиться, чтобы поляки были вознаграждены за понесенные ими убытки; рѣшеніе этого вопроса было возложено на особую комиссію, и, слѣдовательно, онъ былъ отложенъ, такъ сказать, въ дальній ящикъ.

Въ ту же ночь, когда было получено это извѣстіе, поляки сѣли на суда и въ третій разъ поплыли по Шекснѣ. На четвертый день они были опять въ Романовѣ, откуда имъ пришлось вернуться обратно, а черезъ день выѣхали оттуда верхомъ въ Москву. Но впереди ихъ ожидалъ еще цѣлый рядъ препятствій.

Близъ Переяславля, ихъ встрѣтилъ посланный отъ государя, съ приказаніемъ, чтобы они свернули 8 миль въ сторону отъ большой дороги для того, чтобы они могли безопасно проѣхать отъ «воровъ», которые уже три мѣсяца стояли подъ Тушинымъ близъ Москвы. Когда они подѣхали наконецъ, 23-го числа, къ столицѣ, то имъ было запре-

¹⁾ Текстъ этого договора напечатанъ Щербатовымъ. „Исторія Россійская“, т. VII, ч. III, стр. 96—113.

ичено вѣхать въ городъ до заката солнца, и они были принуждены ожидать, за городомъ, подъ проливнымъ дождемъ, наступленія вечера.

Въ Москвѣ ихъ помѣстили въ отдаленной отъ дворца части города, въ домѣ смоленскаго владыки; ничего не дали ѣсть и не позволили даже за свои деньги купить провизію. Голова объяснилъ это тѣмъ, что еще не составленъ списокъ того, что имъ будутъ отпускать.

— Мы благодарны великому князю за то,—сказали они,—что онъ намъ даетъ, но мы и сами купили бы всего, если бы намъ позволили; вотъ уже третій день, какъ мы почти ничего не ѣли и пьемъ одну воду.

— Для царя,—отвѣчалъ голова,—государя, великаго князя было бы позоромъ, если бы вы что-нибудь купили на свои деньги.

Ради соблюденія приличій пришлось голодать. Назначенные полякамъ съѣстные припасы начали выдавать только на третій день послѣ ихъ пріѣзда.

25-го числа пріѣхалъ къ нимъ посольскій дьякъ съ извѣстіемъ, что польскіе послы, ѣдучи къ границѣ, раздѣлились: Николай Олесницкій, каштеланъ Малагосскій съ сендомірскимъ воеводою направились на Смоленскъ, а Александръ Госневскій съ Витовскимъ, Соколинскимъ и Андреемъ Стадницкимъ поѣхали на Велижъ, и что сынъ Стадницкаго перешелъ къ вору (второму Лжедмитрію) съ 60 человекъ.

На жалобы поляковъ по поводу того, что ихъ мученію не видно конца, дьякъ отвѣчалъ:

— Всею виною сендомірскій воевода. Онъ поселилъ смуту въ обѣихъ земляхъ; ибо, несмотря на договоръ, заключенный съ Польшей, не только привелъ сюда разстригу съ войскомъ, но еще въ Самборѣ рѣшилъ съ нимъ, что отъ Россіи отнимутъ Новгородъ великій, Псковъ и другіе города; онъ задумалъ погубить нашу православную вѣру и ввести католическую, чему имѣются доказательства въ его письмахъ.

Нѣсколько дней спустя полякамъ возвратили ихъ лошадей, которыя были у нихъ отобраны два съ половиною года назадъ и оставались въ Москвѣ. Ихъ не оказалось на лицо и половины, одѣе околѣли отъ голода, другія были убиты подъ стрѣльцами, которымъ онѣ были розданы, да и тѣхъ, которыя уцѣлѣли, трудно было узнать: одѣе хромали, другія ослѣпли, третьи были дотога изнурены плохимъ кормомъ, что едва могли пройти по двору; трудно было себѣ представить, какимъ образомъ полякамъ можно будетъ добраться на нихъ до границы. Когда же они стали требовать, чтобы имъ возвратили всѣхъ лошадей, какія у нихъ были, то у русскихъ былъ по обыкновенію одинъ отвѣтъ:

— Все то, что дѣлается, пролитіе христіанской крови и всѣ бѣды, постигшія васъ и насъ,—дѣло Божіе, а разстрига съ сендомірскимъ воеводою перекутили русское царство и вашу землю.

Насталъ сентябрь. 14-го числа поляки вновь послали царю челобитную, напоминая ему, что онъ далъ слово отправить ихъ на границу къ 8 октября и что срокъ этотъ приближается. Въ тотъ же вечеръ имъ былъ присланъ отвѣтъ, что государь отпустилъ бы ихъ тотчасъ, но по дорогамъ залегли воровскіе люди.

—Мы не можемъ васъ везти, — сказали имъ головы, — лучше задержать васъ нѣсколько дней, чѣмъ васъ побьютъ по дорогѣ.

— Въ нѣсколько дней вамъ дорогъ все равно не очистить, — отвѣчали поляки, — а время приближается для нашей отправки; мы согласны скорѣе подвергнуться всякой опасности, нежели ожидать тутъ.

17-го сентября, въ первомъ часу ночи въ городѣ ударили въ набатъ, народъ забѣгалъ по улицамъ, бояре и сыновья боярскіе помчались въ государевы полки, посадскіе побѣжали на стѣны. На вопросъ, что за причина тревоги, полякамъ отвѣчали, что ихъ послы и сендомірскій воевода, которые вопреки присягѣ передались вору, должны съѣхаться съ боярами въ поле для переговоровъ; они прислали въ Москву четырехъ заложниковъ, между которыми главными были Лисовскій и Заруцкій. Государь также послалъ къ нимъ въ видѣ заложниковъ четырехъ думныхъ бояръ: кн. Андрея Васильевича Голицына, Василя Сукина, Ивана Ѳедоровича Колычева (окольникъ) и Василя Григорьевича Теленева, посольскаго дьяка.

Переговоры продолжались до вечера. Чѣмъ они кончались — записалъ Нѣмовскій, — «мы не могли узнать, но народъ говорилъ, что воевода требовалъ для своей дочери удѣльнаго княжества и нѣсколько городовъ, обѣщая подъ этимъ условіемъ увести польское войско изъ Московскаго государства.

«Переговоры съ послами и воеводою сендомірскимъ и въ особенности то обстоятельство, что воевода привезъ, какъ утверждали, свою дочь, царицу, въ непріятельскій лагерь, заставили насъ повѣрить слуху, что Дмитрій живъ.

«22-го сентября, въ полдень, въ лагерь Дмитрія было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ; такъ какъ ни въ городѣ, ни въ полкахъ государевыхъ не произошло ни малѣйшей тревоги, то мы рѣшили, что выстрѣлы означали какое-нибудь радостное событіе. На другой день, когда мы спросили объ этомъ, намъ отвѣчали, что стрѣляли на радости или потому, что какой-нибудь городъ сдался Дмитрію, или же потому, что царица вѣзжала въ лагерь своего супруга и мужъ привѣтствовалъ возлюбленную супругу свою, освобожденную отъ плѣна, а отецъ привѣтствовалъ милого зятя.

«Пока мы разсуждали объ ихъ радости и нашемъ несчастьи, такъ какъ мы все еще оставались въ неволѣ, къ намъ пріѣхалъ посольскій дьякъ и сказалъ:

— Царь, великій князь послалъ меня къ вамъ сказать, что онъ отпустилъ бы васъ, но такъ какъ дороги заняты ворами, то онъ желаетъ, чтобы вы дали удостовѣреніе, что если они причинятъ вамъ какую-нибудь неприятность, то это будетъ не по винѣ государя. Онъ велѣлъ также спросить, чѣмъ можете вы поручиться, если васъ пустятъ однихъ, что вы не перейдете къ ворами, можно ли вамъ довѣрять, коли посоль вашего короля, Николай Олесницкій, и воевода сендомірскій измѣнили, несмотря на присягу и крестное цѣлованіе? Кому же вѣрять послѣ того, коли они не побоялись Бога и не боятся погубить душу; этого боятся и язычники, когда они по-своему присягаютъ. Они же, вмѣсто того чтобы уѣхать изъ земли великаго князя, отправились къ ворами съ дочерью воеводы и прочими друзьями, побили государевыхъ людей, которые провожали ихъ для безопасности. Говорятъ даже, будто Николай Олесницкій уѣхалъ вчера, взявъ въ полонъ людей боярскихъ и дѣвокъ. Онъ потерялъ всякій стыдъ, если осмѣлился сдѣлать это!

— Мы удивляемся,—отвѣчали мы,—что они это сдѣлали, въ особености, если они не были къ тому вынуждены.

— Какое вынуждены, они сами захотѣли вернуться.

«Отойдя въ сторону и переговоривъ, мы заявили, что рѣшительно не понимаемъ, какого удостовѣренія государь хочетъ отъ насъ.

— Мы думаемъ только о томъ, какъ бы насъ освободили, и готовы дать всякое обязательство, какое вы потребуете отъ насъ.

— Напишите государю челобитную,—сказалъ голова,—чтобы онъ отпустилъ васъ по вашей просьбѣ, а если съ вами что-нибудь случится, то это будетъ не его вина; дайте слово, что вы не перейдете на сторону вора и что вы готовы присягнуть въ этомъ. Написавъ все это, подпишите бумагу, приложивъ свои печати, и пошлите ее великому князю.

«Мы на все изъявили согласіе, такъ какъ иначе насъ не хотѣли отпускать».

Только послѣ торжественнаго клятвеннаго увѣренія со стороны поляковъ, что они не присоединятся къ польскимъ войскамъ, защищавшимъ втораго Лжедмитрія, поляки получили наконецъ позволеніе выѣхать въ Польшу, и такимъ образомъ окончилось ихъ слишкомъ двухлѣтнее пребываніе въ Россіи, полное для нихъ тревоги, всякаго рода лишений и нравственныхъ страданій, которыя имъ пришлось терпѣть безвинно.

Авторъ дневника, въ которомъ подробно описано ихъ пребываніе въ Россіи, Станиславъ Нѣмоевскій, прибылъ въ Польшу только въ началѣ 1609 г. Съ его возвращеніемъ на родину окончился тотъ періодъ его жизни, который былъ богатъ событіями и приключеніями и доставилъ ему богатый матеріалъ для наблюденій; дальнѣйшая его судьба не представляетъ ничего особенно интереснаго; онъ продолжалъ слу-

жить польскому королю, занимая послѣдовательно разныя должности, и былъ награжденъ за усердную службу двумя староствами. Какъ человекъ необыкновенно способный, дѣльный и хорошо образованный, онъ пользовался извѣстнымъ значеніемъ при дворѣ и уваженіемъ всѣхъ лицъ, его знавшихъ. Онъ скончался въ 1620 г.

Сообщ. В. В. Тимошукъ.

Поселеніе въ Россіи выходцевъ изъ Акермана.

Рескриптъ императора Александра I новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому.

8-го октября 1802 г. С.-Петербургъ.

Отзывъ вашъ въ разсужденіи заграничныхъ выходцевъ изъ Акермана желающихъ переселиться въ Россію на особенныхъ условіяхъ предложенныхъ ими чрезъ переселившагося болгарина, находя основательнымъ поручаю вамъ и на будущее время держаться сего правила и всѣмъ ищущимъ водвориться въ Россіи обѣщать и исполнять то, что общимъ положеніемъ о такихъ постановлено.

На семъ же самомъ основаніи предложите и извѣстному вамъ Омеръ-Агѣ водвориться въ губерніи вамъ ввѣренной, если желаетъ онъ вступить въ подданство Россіи. Пріѣздъ же его въ Санктпетербургъ, считаю я излишнимъ и позволять ему оный нѣтъ основанія. Онъ не иначе можетъ быть принятъ, какъ въ видѣ обыкновеннаго переселенца.

Состояніе царства Польскаго въ 1861 и 1862 гг. ¹⁾

11.

Въ 25-го октября (6-го ноября) по 1-е (13-е) ноября 1861 г. ²⁾.
Слѣдствіе неослабнаго дѣйствія военнаго положенія, спокойствіе въ краѣ исподоволь возстановляется. Второстепенные органы правительственной власти, обезсиленные продолжительной анархіей, вступаютъ въ правильное отправленіе своихъ обязанностей. Но если общественный порядокъ, по крайней мѣрѣ наружно, водворился, то внутренній организмъ всѣхъ почти слоевъ общества глубоко пораженъ разстройствомъ и находится еще въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что періодъ выздоровленія можетъ быть продолжителенъ.

Въ Варшавѣ господствуетъ совершенная тишина, подъ зоркимъ наблюденіемъ полиціи, опирающейся на военную силу.

Случаи нарушенія правилъ военнаго положенія день ото дня рѣже, проступки большею частью не важны, какъ-то: ношеніе запрещенной одежды или эмблематическихъ знаковъ, хожденіе безъ фонаря, свистаніе и т. п., болѣе же важные какъ-то: сопротивленіе полиціи, сорваніе стѣнъ объявленій, ругательства и бросаніе камней въ войско, случаются рѣже и подвергаются строгимъ наказаніямъ; нѣкоторые изъ виновныхъ отданы подъ судъ, или въ солдаты, другіе подъ надзоръ по-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, октябрь 1899 г.

²⁾ Докосенія генералъ-адъютанта Ладерса—военному министру.

лиціи. Виновниками беспорядковъ оказываются больше цеховые подмастерья, отличавшіеся прежде въ уличныхъ демонстраціяхъ.

За отсутствіемъ общественныхъ увеселеній при закрытіи публичныхъ садовъ и театровъ, публика гуляетъ по улицамъ; женщины въ траурѣ, въ которомъ однако позволяютъ себѣ небольшія отступленія, мужчины же въ обыкновенной одеждѣ, но въ фуражкахъ, или низенькихъ шляпахъ, изгнавшихъ въ смутное время обыкновенныя круглыя.

Замѣчательнѣе, однакожь, внѣшнее настроеніе публики, при замкнутыхъ костелахъ.

Неслыханная эта манифестація, по сознанію журналовъ Познани (Tygodnik), Кракова (Czas) и Львова (Dziennik polski), какъ органовъ здѣшняго возрѣнія на вещи, приводитъ духовенство въ большое раздумье. Сверхъ ожиданія духовенства, манифестація эта почти никакого не произвела впечатлѣнія на жителей Варшавы.

Публика по-прежнему, въ воскресенье, расхаживаетъ по улицамъ; люди набожные молятся въ Прагскомъ костелѣ, который ксендзь Зволинскій не согласился запереть, не взирая на двухкратное о томъ требованіе со стороны Бялобржескаго. Пѣнія гимновъ тамъ не слышно, хотя народу собирается до 5-ти тысячъ. Отправляется также служба у Фелиціанокъ и на Повонзковскомъ кладбищѣ. Впрочемъ, безпристрастный глазъ не замѣчаетъ особенной скорби на лицахъ варшавской публики, и если въ самомъ дѣлѣ могло бы произойти охлажденіе къ религіи, котораго такъ боится духовенство, то скорѣе оттого, что костелы замкнуты. вмѣстѣ съ арестомъ прелата Бялобржескаго, предложено было капитулу приступить къ избранію новаго администратора, но до сей минуты капитула отказывается совершить избраніе, ссылаясь на то, что со стороны прежняго администратора еще не послѣдовала резигнація, безъ которой духовенство не можетъ признать его уволеннымъ отъ должности. На томъ пока дѣло и остановилось.

На провинціи пѣніе запрещенныхъ гимновъ по костеламъ, какъ-то: въ Люблинѣ, Радомѣ, Калишѣ, Ченстоховѣ, Олькушѣ, Мѣховѣ, Ленчицѣ, Сувалкахъ, Августовѣ, Грубешовѣ и Сандомірѣ, продолжалось послѣ объявленія военнаго положенія и донинѣ еще продолжается въ разныхъ городахъ Радомской и Люблинской губерній. Для противодѣйствія этому, военныя начальства снабжены были соответственной инструкціею отъ начальника штаба (7-го октября), имъ приказано, чтобы, въ случаѣ собраній народа въ костелахъ, для празднованія какихъ-либо историческихъ воспоминаній или молебствій за убитыхъ и раненыхъ и пѣнія при этомъ запрещенныхъ гимновъ, костелы войсками не окружать, но по окончаніи молебствія арестовывать зачинщиковъ и главныхъ участниковъ черезъ полицію обыкновеннымъ порядкомъ, такъ какъ въ небольшихъ городахъ, при малочисленности на-

селенія, всегда есть возможность узвать, кто именно въ томъ участвовалъ. Кромѣ того, предписано военнымъ начальникамъ объявить духовенству, что за пѣніе запрещенныхъ гимновъ въ костелахъ отвѣтственность падеть на совершавшихъ богослуженіе ксендзовъ, и что женщины не будутъ взяты отъ арестованія.

Въ г. Ленчицѣ, отличавшемся всегда болѣе другихъ безпорядками, при выходѣ изъ Францисканскаго костела (15-го октября), полиція съ помощью войска произвела нѣсколько арестаций, — вслѣдствіе чего ксендзы заперли не только этотъ костелъ, но и другой Бернардинскій, въ которомъ служба отправлялась спокойно.

Въ г. Августовѣ, ксендзъ Пожарскій, по поводу подобныхъ же арестаций, заперъ-было костелъ (15-го октября); но черезъ три дня отперъ, по распоряженію епархіальнаго начальства, которое не находило, чтобы костелъ оттого былъ оскверненъ. Наиболѣе упорства въ запрещенномъ пѣніи замѣчается въ небольшихъ городкахъ Радомской губерніи, куда заносятъ его австрійскіе поляки изъ Галиціи. Такъ въ Прановицахъ (24-го октября), главнымъ подстрекателемъ оказался лѣкарь, австрійскій подданный, а въ Сломникахъ (22-го октября) — краковская обывательница, образовавшая около себя партію изъ учениковъ закрытыхъ школъ. Въ Галиціи же полиція не можетъ сладить съ этимъ пѣніемъ потому, что арестованные предаются обыкновенному суду, а судъ ихъ всегда почти оправдываетъ.

Арестуемые въ костелахъ за пѣніе гимновъ, смотря по ихъ въ томъ участию и сопровождающимъ обстоятельствамъ, подвергаются соответственнымъ наказаніямъ. Изъ числа арестованныхъ въ Калишѣ правительство вынужденнымъ нашлось (25-го октября) двоихъ предать военному суду, а двоихъ отдать въ солдаты. За суматоху, произведенную въ Хенцинскомъ костелѣ (15-го октября) во время богослуженія швейцаромъ того костела Вайсомъ, велѣно его арестовать.

Примѣру варшавскаго духовенства послѣдовало и еврейское, велѣвъ также замкнуть свои божищны.

Равнины оправдывались въ этой мѣрѣ тѣмъ, что будто бы при открытыхъ дверяхъ произойдетъ непремѣнно запретное пѣніе со всеми его послѣдствіями. Но равнины подражаютъ ксендзамъ изъ видовъ мнимаго братства, завязавшагося въ смутное время между евреями и поляками.

Вообще, поведеніе еврейскаго населенія, особенно реформистовъ, обличило духъ непростительной оппозиціи и побудило правительство подвергнуть главныхъ агитаторовъ законной отвѣтственности. 28-го октября арестованы и посажены въ Александровскую цитадель раввинъ Мейзелъ, учителя раввинской школы Ястровъ и Крамгитякъ и купецъ Файнкиндъ.

Евангелическая церковь реформатскаго исповѣданія все еще заперта; въ церкви же аугсбургскаго исповѣданія служба отправляется поочередно на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ.

Нѣмцы, составляющіе большинство въ евангелическо-аугсбургской гминѣ, были приведены въ совершенное молчаніе терроризмомъ польской пропаганды, требовавшей, чтобы они, подобно евреямъ, отреклись отъ своей народности; въ настоящее же время подъ военнымъ положеніемъ, а послѣ арестованія пастора Отто, отличавшагося польскимъ фанатическимъ патріотизмомъ, обнаруживаютъ нѣкоторую самостоятельность.

Обличенные въ произнесеніи самыхъ возмутительныхъ проповѣдей, ксендзы: Полавскаго прихода Фишеръ и Островскаго городскаго костела Ястршембскій сосланы, первый—въ Пермскую, а послѣдній—въ Владимірскую губернію, подъ самый строгій полицейскій надзоръ. Посажены въ Александровскую цитадель и переданы въ слѣдственную комиссію для допросовъ: ксендзь Рошковскій, говорившій проповѣдь возмутительнаго содержанія въ одномъ изъ костеловъ г. Ленчицы, послѣ объявленія военнаго положенія, и ксендзь Жуковскій, закрывшій въ томъ же городѣ безъ всякой причины приходскій костель.

Во время всеобщихъ замѣшательствъ, до объявленія военнаго положенія, въ гг. Олькушѣ, Бендзинѣ и Лицановѣ были сняты съ ратушъ неизвѣстными смѣльчаками государственные гербы. Въ Лицановѣ это совершилось среди бѣлаго дня, въ виду многочисленной толпы (30-го октября). Виновные открыты; но главный зачинщикъ, тамошній житель Михалевскій, скрылся, а прочіе четверо арестованы для преданія ихъ военному суду. Объ олькушскомъ и бендзинскомъ происшествіяхъ донныя еще производится слѣдствіе.

Силою военнаго положенія порядокъ исподоволь восстанавливается. Но умы еще волнуются, и тайные агитаторы продолжаютъ издавать «Стражницу», которой № 16 приводятся въ польскихъ заграничныхъ журналахъ, и «Щербецъ», который долженъ заступать мѣсто «Стражницы».

Благонамѣренныя жители городовъ и всѣ поселяне смотрятъ на военныхъ какъ на единственный залогъ общей безопасности.

Но закосившіе въ ненависти къ правительству не пропускаютъ случая оскорбить какимъ-либо образомъ русскаго солдата.

Такъ въ д. Недзѣльско, Велюнскаго уѣзда, помѣщикъ Ленартовичъ обругалъ самымъ циническимъ образомъ нижнихъ чиновъ Симбирскаго полка, пришедшихъ въ деревню за покупкою припасовъ. Помѣщикъ (26-го октября) арестованъ.

Съ большою злостью поступили сочинители подметнаго воззванія «къ російскимъ войнамъ», которымъ они приглашаютъ нашихъ вой-

новъ стать за-одно съ поляками въ общемъ дѣлѣ свободы и не угнетать ихъ, какъ слабѣйшихъ и безоружныхъ. Это воззваніе, литографированное и писанное, подброшено было въ Петроковѣ (12-го числа), Люблинѣ (19-го числа) и Сѣдльцахъ (23-го числа). Для открытія виновниковъ этого оскорбительнаго для русской арміи воззванія, велѣно (30-го октября) принять самыя дѣятельныя мѣры.

12.

Съ 1-го (13-го) по 8-е (20-е) ноября 1861 г.

Судя по характеру событій прошедшей недѣли, военное положеніе имѣетъ желаемое дѣйствіе на успокоеніе народнаго волненія. Манифестаціи, уличныя буйства прекратились, и случаи дерзкой оппозиціи распоряженіямъ правительства уменьшились. Политическіе проступки послѣдняго времени заключаются преимущественно въ нарушеніи полицейскихъ правилъ военнаго положенія и въ сопротивленіи полиціи. Въ Варшавѣ число такихъ поступковъ было довольно значительно: изъ 796-ти лицъ, арестованныхъ полиціею и военными патрулями, почти половина была взята за неисполненіе постановленій военнаго положенія относительно одежды, ношенія фонарей въ ночное время и тому подобное, а нѣкоторые—за ссоры съ полицейскими служителями. Конечно, значительная часть этихъ проступковъ нельзя приписывать злонамѣренности: ихъ надобно отнести скорѣе къ настроенію городскихъ жителей вслѣдствіе послѣднихъ обстоятельствъ. Участники, или свидѣтели своеволій разнаго рода, привыкшіе къ неуваженію полиціи и ея распоряженій, они не легко подчиняются строгимъ и настойчивымъ требованіямъ нынѣшней полиціи. Но при этомъ слѣдуетъ сказать, что не всѣ проступки можно отнести къ этому разряду. Духъ революціонной пропаганды, поддерживаемый вліяніемъ католическаго духовенства, старается еще дѣйствовать въ народѣ. Сила его упала, но попытки продолжаются. Послѣдствіемъ такого положенія и народъ не вполне еще вѣритъ въ благонадежность и постоянство принимаемыхъ правительствомъ мѣръ. Поэтому строгость общихъ распоряженій и неизбежность взысканій за всякій проступокъ совершенно необходимы.

6-го (18-го) числа опубликованъ въ официальномъ дневникѣ («Dziennik powszechny») списокъ 23 лицамъ, приговореннымъ за оскорбленіе войскъ къ отдачѣ въ рекруты и въ арестантскія роты, или высылкѣ, какъ иностранцевъ, за границу. Огласка эта, повторенная прочими журналами, произведетъ, конечно, въ народѣ впечатлѣніе и уронитъ многія безразсудныя надежды.

Варшава не измѣнилась въ своемъ наружномъ видѣ. Костелы за-

перты, и набожные люди по-прежнему молятся въ костелѣ на Прагѣ или у Феліціанокъ. Впрочемъ, безопасность частная водворилась, и наружное спокойствіе сохраняется.

Епископъ и суффраганъ варшавской епархіи Декертъ, больной и престарѣлый, умеръ 7-го (19-го) числа. Погребеніе его совершится 10-го (22-го) числа, по утвержденной начальствомъ программѣ, на Повонзковскомъ кладбищѣ, со всѣми должными почестями. Желающимъ сопровождать тѣло покойнаго будутъ выдавы особые билеты, которые должны быть предъявлены на всякое требованіе полиціи. Можно надѣяться, что порядокъ будетъ соблюденъ вполнѣ.

Пѣніе запрещенныхъ гимновъ не вездѣ еще въ царствѣ прекратилось и происходило въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Люблинской, Радомской и Варшавской губерній.

Въ Хелмѣ (Люблинской губерніи) оно совершилось въ Піарскомъ костелѣ, съ выставкою революціоннаго знамени (22-го октября), вслѣдствіе чего стѣ настоятелей какъ этого, такъ и францисканскаго монастырей потребовано завѣреніе въ томъ, что впередъ подобнаго соблазна не будетъ; обносившій же по костелу знамя, Квятковскій взятъ подъ стражу. За подобное пѣніе гимновъ въ Бржесть-Куявскомъ (Варшавской губерніи) зачинщикъ Миллеровичъ арестованъ (23-го октября), для преданія военному суду.

Возмутительныя проповѣди духовенства также еще продолжаютъ, но преслѣдуются строго. Ксендзь Зигмундъ и униатскій священникъ Ржевускій за проповѣди, сказанныя ими въ Бялѣ (24-го и 28-го октября), сосланы (6-го ноября) первый—въ Вятскую, а послѣдній—въ Вологодскую губерніи. За уличаемыми въ произнесеніи подобныхъ проповѣдей, во время минувшихъ смуть, учреждается строгій надзоръ.

Въ прошедшей запискѣ было упомянуто, что въ г. Ленчицѣ, по распоряженію духовенства, заперты два костела: приходскій и Бернардинскій. Этотъ послѣдній отпертъ уже по распоряженію Варшавской консисторіи, а ксендзь Жуковскій, осмѣлившійся запереть приходскій костелъ, арестованъ въ Александровской цитадели.

Въ г. Сандомірѣ (Радомской губерніи) произошло другаго рода столкновеніе съ духовенствомъ. При выносѣ тѣла купеческаго приказчика Драйзетля, духовенство устроило (21-го октября) процессію. Мѣстный военный начальникъ, майоръ Голубевъ, не находя возможности предупредить исполненіе процессіи, пропустилъ ксендзовъ съ гробомъ, а народъ остановилъ. Ксендзы съ гробомъ воротились къ дому епископа и жаловались ему на встрѣченное препятствіе. Епископъ приказалъ народу разойтись, а духовенству, въ сопровожденіи родственниковъ покойника, совершить погребеніе.

Военный начальникъ, наказавъ полторасуточнымъ арестомъ четы-

рехъ человекъ, наиболѣ шумѣвшихъ въ толпѣ, нашолся вынужденнымъ ксендза Пршибышовскаго, какъ главнаго виновника процессія, взять подъ стражу.

Изъ г. Ласка (Варшавской губерніи) получена жалоба писца тамошняго магистрата Саладинскаго, что, при объявленіи военнаго положенія въ этомъ городѣ, ксендзъ Дембинскій, въ проповѣди своей (22-го октября), подговаривалъ жителей не давать подписокъ въ исполненіи правилъ военнаго положенія, какъ противныхъ духу религіи. Это взволновало народъ такъ, что двое мѣщанъ напали на Саладинскаго, требовавшаго подписокъ по порученію магистрата, и избили его, называя русскимъ шпиономъ. По донесенію бургомистра, при которомъ представлена жалоба Саладинскаго, ксендзъ Дембинскій не волновалъ народъ и невиненъ въ нанесенныхъ Саладинскому побояхъ, которые были слѣдствіемъ ссоры его съ двумя мѣщанами въ нетрезвомъ видѣ. По этому предмету производится слѣдствіе.

До сего времени женщины среднихъ классовъ въ городахъ, заслоняясь правами своего пола, особенно отличались во всѣхъ костельныхъ демонстраціяхъ; онѣ исключительно поютъ и даже носятъ хоругви или эмблематическія знамена, которыя сами приготавлиютъ. 15-го (27-го) октября въ Щебржешии (Люблинской губерніи) знамена съ изображеніемъ орла несены были женою и племянницею чиновника. Поэтому велѣно въ Щебржешии приготовить помѣщенія, для содержанія арестуемыхъ женщинъ; подобное же помѣщеніе прінскивается въ Варшавѣ, въ одномъ изъ женскихъ монастырей и другихъ мѣстахъ. При томъ объявлено вообще, что женщины, за пѣніе гимновъ и другіе подобныя поступки, будутъ арестуемы. Можно надѣяться, что мѣра эта произведетъ спасительный страхъ.

По временамъ получаютъ доносы объ укрывательствѣ оружія. У Карсницкаго, сына арендаторши колоніи Майданы (Варшавской губерніи), при обыскѣ, вмѣсто значительнаго числа оружія, какъ сказано въ донесеніи, найдено два ружья.

Для примѣра, онъ преданъ военному суду.

Крестыиное сословіе вездѣ продолжаетъ вести себя спокойно съ преданностью къ правительству.

13.

Съ 29-го ноябля (11-го декабря) по 6-е (18-е декабря) 1861 года.

Первая, ближайшая цѣль военнаго положенія въ царствѣ, повидимому, достигается: анархія обуздывается, и наружное спокойствіе въ теченіе послѣдней недѣли не было нарушено. Эта наружная

тишина, при дальнѣйшемъ продолженіи ея, необходимо должна отразиться и на успокоеніи внутреннего состоянія въ умахъ. Наклонность массы народонаселенія къ спокойствію, изъ котораго оно было выведено чрезвычайными обстоятельствами, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ спокойствіе и нормальное положеніе сбеспечиваютъ матеріальныя выгоды. Къ сожалѣнію, дѣйствіе агитаторовъ и замкнутые костелы въ Варшавѣ постоянно поддерживаютъ въ народѣ мысль о ненормальномъ положеніи; возбуждаютъ воспоминаніе о прошедшихъ слухахъ и прежнія несбыточныя надежды. Успокоенія можно ожидать только отъ времени и обстоятельствъ, при постоянномъ и строгомъ наблюденіи края.

Между тѣмъ нѣкоторые случаи могутъ, кажется, свидѣтельствовать о лучшемъ расположеніи умовъ.

Высокоторжественный день тезоименитства его императорскаго высочества государя наследника цесаревича ознаменованъ былъ въ Варшавѣ общою иллюминаціею частныхъ домовъ, безъ участія въ томъ полиціи, чрезъ которую требовалось только освѣщеніе казенныхъ зданій и квартиръ военныхъ и гражданскихъ чиновъ; такое же донесеніе о добровольной иллюминаціи частныхъ домовъ получено изъ г. Ломжи, что заставляетъ предполагать нѣсколько лучшее настроеніе духа народонаселенія, какъ въ Варшавѣ и въ провинціяхъ.

Къ этому нужно прибавить, что хотя о совершенномъ прекращеніи тайно издаваемаго здѣсь журнала «Стражница» не получено свѣдѣній, однако на прошедшей недѣлѣ, въ обыкновенный срокъ своего появленія, онъ не вышелъ.

Впрочемъ, несмотря на это наружное спокойствіе и признаки нѣкотораго успокоенія умовъ, здѣшнее католическое духовенство не измѣняетъ своего враждебнаго расположенія къ правительству.

Варшавскій капитулъ, отъ котораго было требуемо открытіе приходскаго костела въ Ленчицѣ, отвѣчалъ, что, передавъ всѣ права свои избранному имъ администратору Бялобржескому, онъ ничего въ этомъ случаѣ сдѣлать не можетъ; при чемъ замѣтилъ, что оба ксендза оттуда заключены въ цитадель,—замѣчаніе не извинительное, ибо епархіальное начальство обязано, въ случаѣ убыли приходскаго ксендза, снабдить тотчасъ приходъ пастыремъ, для чего имѣетъ въ распоряженіи своемъ болѣе полуторы тысячи монастырскаго клира.

Подъ тѣмъ же предлогомъ неотрѣшимости администратора Бялобржескаго, костелы въ Варшавѣ остаются запертыми. Члены капитула, которыхъ лишали жалованья и другихъ пособій, получаемыхъ отъ правительства, продолжаютъ упорствовать, и костелы, вѣроятно, не будутъ открыты и къ празднику Рождества Христова; по распоряженію военнаго начальства, устрѣена и открыта обширная католическая церковь

въ Уздовскомъ госпиталѣ, для того, чтобы не оставить католиковъ военнаго и полицейскаго вѣдомствъ безъ удовлетворенія ихъ духовныхъ требъ.

Кашишскій капитулъ, прямо отказавшійся сдѣлать распоряженіе къ исполненію правилъ военнаго положенія на счетъ духовныхъ процессій и отпустовъ, поставленъ въ извѣстность, что правила военнаго положенія должны быть исполняемы, а ксендзъ Лисецкій, за неумѣстныя выраженія въ отзывѣ по этому дѣлу къ главному директору коммиссіи духовныхъ дѣлъ, получилъ выговоръ.

Администраторъ Плоцкой епархіи, которому было предписано распорядиться объ открытіи костела въ Ратовѣ, до сихъ поръ не исполнилъ сего.

Но если бы даже сами епископы или администраторы отъ себя дали предписанія, согласныя съ требованіями правительства, то и въ такомъ случаѣ найдутся еще ксендзы, которые запротестуютъ, какъ это случилось уже съ нашимъ епископомъ Маршевскимъ, которому ксендзъ изъ Рогова возвратилъ циркуляръ, побелѣвавшій прекратить демонстративныя процессіи, проповѣди и пѣнія по костеламъ, съ замѣчаніемъ, что подобный циркуляръ недостойнъ пастыря польскаго народа.

Столь же гадателенъ еще исходъ циркуляра архіепископа львовскаго. Циркуляръ этотъ, отъ 6-го (18-го) ноября, напечатанъ въ одномъ изъ львовскихъ журналовъ и заключается въ 4-хъ пунктахъ, выведенныхъ изъ правилъ святыхъ отцовъ и Тридентскаго собора.—По 1-му пункту, проповѣдникъ не долженъ прамѣшивать къ слову божіему ничего раздражительнаго, свѣтскаго, политическаго; по 2-му, одинъ лишь епископъ можетъ разрѣшать чрезвычайныя процессіи; 3-мъ запрещается ставить и посвящать кресты публично, безъ епископскаго разрѣшенія, а 4-мъ пѣть пѣсни, запрещенныя епископомъ и самимъ правительствомъ.

Къ объясненію этого циркуляра могутъ служить еще нѣкоторыя подробности разговора архіепископа съ депутаціею сорока человекъ поляковъ, перепечатаннаго здѣшней вѣмецкою газетою изъ одной австрійской. Вотъ вѣратцѣ слова архіепископа: «Совѣсть моя чиста, и я присяга, давной монарху, не нарушу. Не вижу никакой возвышенности релягіозной въ массообразномъ посѣщеніи костеловъ съ пѣніемъ демонстративныхъ пѣсней; напротивъ, объявляю безъ обиняковъ, что тутъ подъ покровомъ религіи скрываются политическія цѣли; это меня, какъ высшаго пастыря душъ, глубоко огорчаетъ. Грѣшно противиться власти, ибо всякая власть отъ Бога; грѣшнѣе еще искать для этого убѣжище въ церкви, и я, полякъ, и я люблю мой край; оттого и скорблю, что противъ добрыхъ намѣреній правительства возбуждается

и читается недовѣріе. Что сказано въ циркулярѣ, то слово правды, внутренняго убѣжденія, слово, которое неизмѣнно сохранится для потомства; не могутъ въ немъ ничего измѣнить».

Однако же, несмотря на этотъ циркуляръ, если вѣрить польскимъ газетчикамъ, ксендзы въ Галиціи продолжаютъ пѣть революціонные гимны по костеламъ, а за ксендзами и прихожане.

У насъ пѣніе запрещенныхъ гимновъ по костеламъ вообще прекратилось, и хотя получены свѣдѣнія о двухъ случаяхъ сего, бывшихъ въ м. Билгораѣ и м. Бурженнѣ, но случаи эти были еще 5-го и 19-го ноября.

Въ Базиліанской греко-уніатской церкви въ Варшавѣ богослуженія продолжаютъ. Администраторъ Хелмской греко-уніатской епархіи, епископъ Терашкевичъ, на вопросъ пробоща этой церкви Калиновскаго, нужно ли въ настоящее время ее отпереть, далъ знать, что базиліане очень дурно поступили, распорядившись по этому предмету, безъ всякаго съ нимъ сношенія, и что они церковь немедленно могутъ и должны отпереть, наблюдая всегда, чтобы въ ней не пѣли запрещенныхъ пѣсенъ, подъ собственною своею отвѣтственностію. Натурально, что польскіе заграничные агитаторы увѣряютъ, что будто-бы церковь отперта насильно военнымъ начальствомъ; увѣряютъ также, что правительство подготавливаетъ народную манифестацію въ Варшавѣ, съ требованіемъ открытія католическихъ костеловъ; этотъ послѣдній слухъ правительство сочло нужнымъ опровергнуть формально въ газетахъ.

Движеніе дѣлъ о лицахъ католическаго духовенства, виновныхъ въ разныхъ преступленіяхъ, слѣдующее.

Ксендзъ Бетхеръ оказался однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ панихиды за Костюшку, отслуженной 3-го (15-го) октября въ гор. Колѣ (Варшавской губерніи). Стараніемъ его былъ устроенъ катафалкъ съ гробомъ и портретомъ Костюшки, обставленный польскимъ орломъ и революціонными хоругвями; служба сопровождалась мятежнымъ пѣніемъ, въ которомъ приняли участіе помѣщики и мѣстные жители; самъ онъ подходилъ къ войскамъ, выведеннымъ на площадь, настаивая, чтобы они удалились. Все это побудило правительство сослать ксендза Бетхера въ Орловскую губернію.

Кромѣ Бетхера высланы въ Россію на жительство, за возмутительныя проповѣди и поступки ксендзы: Островскій, викарій Ястршембскій въ гор. Владиміръ; Бяльскаго Базиліанскаго монастыря Ржевускій—въ Вологодскую, и Реформатскаго—Гржибовскій въ Вятскую губерніи.

Люблинскій ксендзъ Лицкендорфъ, за то, что 29-го ноября (10-го декабря), сопровождалъ на органахъ пѣнію гимновъ въ костелѣ, заключенъ на 6 мѣсяцевъ въ казематъ.—Ксендза Новека, пробоща с. Ржекувъ, за пропзнесенную имъ проповѣдь, велѣно посадить на два

мѣсяца къ крѣпость, а ксендза Стемшковича, которымъ оказался реформатъ, произнесшій проповѣдь въ Люборжанскомъ костелѣ, арестовать и также посадить на три мѣсяца въ крѣпость Замость.

Нѣкоторые случаи, бывшіе въ послѣднее время, показываютъ, между прочимъ, какъ низко стоитъ католическое духовенство въ нравственномъ отношеніи: въ Млавскомъ уѣздѣ (Плоцк. губ.) одинъ ксендзъ высѣкъ женщину собственноручно, о чемъ и дѣло заведено въ судѣ полиціи; а двое другихъ ксендзовъ увезли женъ у мужей; но жены возвратились къ мужьямъ, и дѣло кончилось миролюбно.

Наблюденіе за поведеніемъ помѣщиковъ, какъ усердныхъ сподвижниковъ клерикальной партіи, побуждаетъ болѣе и болѣе къ распространенію бдительнаго полицейскаго надзора надъ ними и надъ учрежденными ими, съ коммерческою цѣлью, комиссіонными домами, которыхъ не далѣе, какъ съ 1858 года, существуетъ уже пять, а именно: Плоцкій, Надѣманскій въ Алексотѣ, Калишскій, Петроковский и Грубешовскій. Конечно, дома эти облегчаютъ сбытъ сельскихъ продуктовъ; но обороты ихъ такъ малозначительны, что существенная польза ихъ заключается въ облегченіи акціонерамъ-помѣщикамъ взаимныхъ между собою сношеній, съѣздовъ на періодическія собранія общества и разъѣздовъ за границу, гдѣ у нихъ имѣются постоянные агенты, при содѣйствіи банкировъ, какъ напримѣръ Кроненберга и Теплица, которымъ изъявлена была публично благодарность, при рассмотрѣніи годоваго отчета Плоцкаго дома за прошлый годъ.

Когда оказалось, что предсѣдатель Плоцкаго справочнаго дома и тамошняго земскаго кредитнаго общества, Яцковскій слишкомъ уже вдавался въ сношенія съ заграничными агентами, то послѣдовало распоряженіе 3-го (15-го) декабря не давать ему больше паспорта для поѣздки за границу и самого взять подъ строгій надзоръ.

Другой, самый жизненный для шляхты вопросъ—очиншеваніе крестьянъ продолжаетъ выработываться между помѣщиками и экономистами въ журналахъ, изъ коихъ одинъ написалъ очень дѣльную статью въ пользу «принужденнаго» очиншеванія съ уничтоженіемъ «служебностей» и заключеніемъ самыхъ выгодныхъ для крестьянъ условій, рекомендуя поспѣшность въ дѣйствіяхъ по примѣру помѣщиковъ западныхъ губерній, которые такъ скоро заключаютъ уставныя грамоты.

Правительственный законъ объ устройствѣ крестьянъ ожидается съ нетерпѣніемъ.

Между тѣмъ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ не улучшаются.

Калишскій военный начальникъ доноситъ, отъ 30-го ноября (12-го декабря), что между крестьянами и помѣщиками безпрестанно бываютъ

столкновенія. Съ той и другой стороны поступаютъ жалобы и доносы: помѣщики жалуются на неисполненіе крестьянами своихъ повинностей, а крестьяне—на притѣсненія и побои со стороны помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, часто присовокупляя къ тому я справедливые доносы на злоумышленія ихъ противъ правительства.

Около Кутна крестьяне убили помѣщика, пришедшаго въ корчму. Объ этомъ происшествіи официальныхъ свѣдѣній еще не получено.

Крестьяне, не находя себѣ суда и расправы у гражданскихъ начальствъ, дѣйствующихъ почти всегда въ пользу помѣщиковъ,—со всѣхъ сторонъ приходятъ съ жалобами къ военнымъ начальникамъ; а сія послѣдніе, не будучи въ извѣстности о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ крестьянъ и помѣщиковъ, въ здѣшнемъ краѣ, а равно объ установленныхъ здѣсь мѣстахъ и порядкѣ разбора крестьянскихъ жалобъ, затрудняются не только въ томъ, куда слѣдуетъ обращать жалующихся, но вообще въ отвѣтахъ своихъ.

Для огражденія крестьянъ отъ пристрастныхъ рѣшеній нѣкоторыхъ гражданскихъ начальствъ, предписано главному директору внутреннихъ дѣлъ составить краткую выписку всѣхъ правъ и обязанностей крестьянъ въ отношеніи къ ихъ помѣщикамъ, порядка разбирательства жалобъ и обязанностей лицъ и мѣстъ, таковыя разбирающихъ, а равно мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ, въ видахъ улучшенія быта крестьянскаго сословія, такъ чтобы выписка эта могла служить единообразнымъ руководствомъ какъ частнымъ, такъ и окружнымъ военнымъ начальникамъ, которые въ отвѣтахъ своихъ крестьянамъ, отнюдь не вмѣшиваясь въ разбирательство жалобъ, относящихся не до дѣлъ политическихъ, будутъ въ состояніи направить ихъ куда слѣдуетъ.—Въ случаѣ же, если ихъ справедливыя требованія не будутъ удовлетворены мѣстными властями, то окружные начальники сообщаютъ о томъ гражданскимъ губернаторамъ.

Бывшія въ царствѣ Польскомъ происшествія, о коихъ въ теченіе недѣли получены свѣдѣнія, суть слѣдующія.

Крестьяне д. Гузева Валентій Идзковскій и д. Ольшевиць Михаилъ Грудзинскій, 19-го ноября (1-го декабря) представивъ начальнику Мясной жандармской команды два ружья, два пистолета, клянокъ отъ шашки, 30 свинцовыхъ пуль, боевой патронъ, 19 экземпляровъ разныхъ революціонныхъ стиховъ и 13 возмутительныхъ картинъ, объявили, что все это укрывалъ арендаторъ имѣнія Гузева, Александръ Мазовецкій, который, узнавши о сказанномъ поступкѣ поселянъ, 15-го (27-го) ноября бѣжалъ.

Въ г. Млавѣ (Плоцкой губ.) въ ночи на 24-ое ноября (6-го декабря), неизвѣстно кѣмъ, сорваны объявленія края на военномъ положеніи, которыя были прибиты у воротъ костела и на дверяхъ кон-

дитерской. Объ этомъ производится слѣдствіе, а между тѣмъ кондитерская закрыта, такъ какъ содержатель ея—человѣкъ подозрительнаго поведенія и замѣченъ съ весьма дурной стороны во время настоящихъ политическихъ событій, и тѣмъ болѣе, что у прикащиковъ его, прусскаго подданнаго Франца Пержинскаго и мѣщанина Кулевецкаго, найдено нѣсколько рукописныхъ возмутительныхъ гимновъ и пѣсней.

Въ д. Буржинѣ, Ломжинскаго уѣзда, лѣсному стражнику, оставшему солдату Ивану Холнскому 18-го (30-го) ноября нанесены сильныя побои по головѣ и груди шляхтичами: тремя братьями Маковскими и Гродскимъ, отзывавшимся при томъ: *Rusinie, nie będziesz więcej drzewa po wsi naszej zbierał, walmy Rusina, niech idzie do Moskwy* — «Русинъ не будетъ больше собирать дровъ въ нашей деревнѣ, вздуемъ русина, пусть онъ себѣ отправляется въ Москву. Объ этомъ производится слѣдствіе.

Въ Ленчицѣ 12-го (24-го) ноября, служанки сдѣлали складчину на молебствіе въ Бернардинскомъ костелѣ за бывшаго ихъ законоучителя, ессѣдза Рошковскаго, содержащагося въ цитадели. Три зачинщицы этой неумѣстной выходки подвергнуты непродолжительному аресту.

Тамъ же 19-го ноября (1-го декабря), народъ, проходившій на площади вечеромъ съ фонарями, останавливался у углаваго дома близъ магистрата и читалъ пасквилъ на подпоручика Головню, отличающагося точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, но нелюбимаго въ Ленчицѣ потому, что на его дежурствѣ было объявлено военное положеніе, и онъ первый началъ исполнять всѣ тѣ приказанія, которыми обусловливается военное положеніе.

Объявлено жителямъ чрезъ полицію, чтобы они сами приняли мѣры къ недопущенію наклепанія на домахъ пасквилей, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, болѣе строгихъ мѣръ.

Ненависть поляковъ къ нѣмцамъ не перестаетъ выказываться въ полемикѣ, возбужденной «Русскимъ Инвалидомъ» статью о Телмосѣ (?).

Польская газета «Варшавская» вступилась за «Инвалидъ» и доказала здѣшней нѣмецкой газетѣ, что въ Пруссіи предназначены милліоны для нѣмцевъ, чтобы выкупить имѣнія изъ польскихъ рукъ. Въ подтвержденіе этой правды, публицистъ приводитъ отзывъ министра статъ-секретаря Флотвелля къ министру финансовъ, отъ 15-го апрѣля 1833 года, основанный на кабинетномъ повелѣніи 13-го марта, которымъ разрѣшается пріобрѣтать въ казну продаваемыя съ публичнаго торга большія имѣнія въ Познанской провинціи, и перепродавать покупщикамъ «нѣмецкаго происхожденія», въ видахъ же большей пользы, имѣнія эти дѣлить на малые участки, для продажи покупщикамъ «нѣмецкаго происхожденія».

Но борьба этихъ двухъ народностей между собою на дѣлѣ и на бумагѣ достигаетъ высшихъ размѣровъ. На дѣлѣ, при выборахъ въ

Познанской провинціи выказали онѣ себѣ всё, что только можетъ взаимная ненависть. Если съ нѣмецкой стороны ходили по рукамъ отъѣзды, которыми запрещалось подавать голосъ въ пользу поляка, то, съ польской стороны, ксендзамъ грозились не отпустить грѣховъ тому, кто подастъ голосъ въ пользу нѣмца. Наконецъ здѣшняя газета «Варшавская» разразилась страшною бранью противъ брошюрки Каттнера, расхваленной большими нѣмецкими журналами. «Польское населеніе,—говоритъ Каттнеръ,—составленное или изъ пустоголовыхъ франтиковъ, или изъ фанатическихъ ксендзовъ, или же изъ полускотинившихся мужиковъ, которые только подъ нѣмецкимъ владычествомъ начинаютъ дѣлаться людьми,—не обладаетъ никакими условіями жизненности и правъ на жизнь, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ прусской монархіи, и потому надо его истребить, и начать этотъ благородный трудъ съ вѣшнихъ знаковъ славянщины, каковыми суть названія городовъ и деревень». Вслѣдствіе этого авторъ предлагаетъ свои образцы нѣмецкихъ названій.

Евреи здѣсь довольны проектомъ маркиза Велепольскаго относительно ихъ устройства, прошедшимъ чрезъ государственный совѣтъ царства Польскаго, и гласно говорятъ, что принуждены были купить обѣщанныя преимущества цѣною братства, заявленнаго на польскихъ манифестаціяхъ.

Увольненіе маркиза Велепольскаго отъ занимаемыхъ имъ должностей, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и съ наградю Бѣлаго Орла, толкуется различно. Одни думаютъ, что онъ увольняется только на время, пока не отиѣнится военное положеніе; другіе, напротивъ, по наградѣ Бѣлаго Орла, сомнѣваются, дали ли бы ему орденъ, если бы хотѣли еще употребить его въ царствѣ.

Между тѣмъ закрытіе, по его распоряженію, училищъ до введенія новаго устава, въ сентябрѣ будущаго года, возбуждаетъ ропотъ между родителями учащихся, какъ можно заключать изъ донесеній военнаго начальника округа желѣзной дороги, по тому справедливому уваженію, что праздность губитъ будущность юношей. Насчитывая въ Петровкѣ на 11 тысячъ жителей тысячу учащихся, начальникъ округа полагаетъ, что открытіе училищъ, хотя бы въ прежнемъ ихъ составѣ, произведетъ благоприятное расположеніе не только въ городскомъ населеніи, но и между жителями окрестныхъ мѣстъ. Напротивъ, органы польскихъ сужденій не совѣтуютъ открывать училищъ нынѣшней системы, хотя бы даже временно, угрожая тѣмъ же беспорядками и объясняя «спокойное» поведеніе учениковъ приготовительнаго училища въ Варшавѣ тѣмъ, что училище образовано по новому уставу. Но эти совѣтники забываютъ, что спокойствіе сохраняется военнымъ положеніемъ.

Въ Варшавѣ объявлено уже о скоромъ открытіи театра, по сбалансированнымъ цѣнамъ, для абониментовъ.

Въ Варшавѣ за нарушенія правилъ военнаго положенія, не заключающія въ себѣ особой важности, арестовано въ теченіе недѣли 179 человекъ, изъ нихъ за немѣніе фонарей 146 человекъ, и за оскорбленіе полиціи и другіе проступки 33, изъ коихъ по разсмотрѣніи винъ освобождены 10.

По военно-слѣдственнымъ и военно-суднымъ дѣламъ, о происшествіяхъ прежняго времени, оказываются слѣдующіе результаты.

По слѣдственному дѣлу о патристическомъ богослуженіи, совершенномъ въ Мокотовѣ, отъ имени крестьянъ графъ Скарбекъ, сынъ бывшаго главнаго директора комиссіи юстиціи, какъ главный распорядитель, заказывавшій приготовительные билеты на это богослуженіе, посаженъ на три мѣсяца въ Новогеоргиевскую крѣпость. Г-жа Лабендская, принявшая участіе въ этомъ дѣлѣ, отдана подъ надзоръ полиціи вмѣстѣ съ 4 мя другими соучастниками.

Изъ слѣдственнаго дѣла по предмету богослуженія и арестацій въ костелѣ св. Яна 3-го (15-го) октября получены тѣ важные и несомнѣнные результаты, что богослуженіе происходило въ память Костюшки; что никому изъ арестованныхъ не нанесено ранъ; что ничего изъ костела не похищено, а напротивъ, по личному освидѣтельствуванію ксендзомъ Бернацкимъ, все осталось цѣло; что нѣкоторые изъ бывшихъ въ костелѣ мужчинъ отдали Бернацкому на сохраненіе деньги, часы и прочее, каковыя послѣ тѣми же лицамъ получены обратно.

14.

Съ 6-го (18-го) по 13-е (25-е) декабря 1861 года.

Въ теченіе истекшихъ семи дней не было во всемъ царствѣ Польскомъ никакихъ политическихъ происшествій, заслуживающихъ вниманія.

Высококоржественный день 6-го декабря былъ празднованъ въ г. Калишѣ молебствіемъ въ кафедральномъ соборѣ, въ присутствіи всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ, хотя приказаніе было сдѣлано только военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, а обывателямъ оставлено на волю.

Того же числа, въ г. Пултускѣ мѣстныхъ: духовное, гражданское, а также и учебное начальства собрались у тамошняго частнаго начальника, артиллеріи полковника Клавера, для принесенія, отъ имени жителей, поздравленія со днемъ тезоименитства государя наследника. При этомъ означенныя лица, по случаю перевода полковника Клавера

въ другую должность, изъявили ему признательность, за сохраненіе порядка и спокойствія въ городѣ и уѣздѣ, и вручили ему перстень, съ надписью: «знакъ благодарности Николаю Клавнеру 1861 года», объ этомъ дѣлается особое представленіе.

Эти признаки возраждающагося спокойствія имѣютъ свое значеніе: они доказываютъ, что духъ революціонной пропаганды ослабѣваетъ и увлеченіе хотя и медленно, но уступаетъ мѣсто другимъ идеямъ. Твердость военнаго положенія не безъ успѣха борется какъ съ необычайною подвижностію умовъ здѣшняго народа, такъ и съ происками агитаторовъ. Можно надѣяться, что при сохраненіи этой твердости дѣло успокоенія будетъ идти часъ отъ часу успѣшнѣе.

Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ событій въ парализованіи дѣйствій агитаторовъ надобно отнести поимку въ Варшавѣ литографа Врублевскаго (9-го (21-го) декабря) съ камнями, на которыхъ были вырѣзаны самыя возмутительныя воззванія на русскомъ языкѣ къ солдатамъ, и двумястами экземпляровъ этихъ воззваній, только что отпечатанныхъ.—Врублевскій переданъ въ Александровскую цитатель для допросовъ; но, сознаваясь въ преступленія, не выдаетъ соучастниковъ и показываетъ, что работа заказана ему какимъ-то неизвѣстнымъ офицеромъ. По этому поводу арестованы и другія лица, подозрѣвавшіяся въ тайномъ изданіи газетныхъ листовъ. Съ нѣкотораго времени эти изданія прекратились, въ томъ числѣ и «Стражница», которые не вышли въ теченіе двухъ послѣднихъ недѣль.

Что касается до общаго направленія варшавскихъ жителей—можно сказать, что духъ дѣятельной оппозиціи упалъ; остается оппозиція пассивная, но и та въ общей массѣ поддерживается преимущественно безхарактерностію, какимъ-то ложнымъ стыдомъ, боязнію отстать отъ другихъ. Впрочемъ, оппозиція эти выражаются единственно мелочами: ношеніемъ высокихъ шляпъ, намѣреніемъ не ходить въ театръ, пока будутъ заперты костелы и т. п.

Между тѣмъ вопросъ о костелахъ принадлежитъ въ настоящее время къ числу самыхъ важныхъ. Духовенство рѣшительно ошиблось въ расчетахъ и проигрываетъ дѣло въ народѣ; не менѣе того замкнутые костелы представляютъ собою явную для всѣхъ оппозицію правительству.

Собственно религиозные обряды мало отъ этого теряютъ. Въ праздникъ Рождества Христова по новому стилю едва-ли не всѣ желающіе слушали божественную службу въ продолженіе двухъ дней. Толпы богомольцевъ собиравлись на Прагѣ, у Базиліановъ, въ Повонзкахъ, Мокотовѣ, равно въ военной церкви, устроенной при Узядовскомъ госпиталѣ, а также въ частныхъ каляцахъ, которыхъ нынѣ довольно. Даже во многихъ костелахъ, запертыхъ сваружа, допущены были вабожные

боковыми дверями. Въ Повонзкахъ, гдѣ, по тѣснотѣ костела, богомольцы должны были въ большомъ числѣ оставаться снаружи, слышенъ былъ въ толпѣ ропотъ на ксендзовъ.

Къ заграничнымъ возмутительнымъ наущеніямъ въ послѣдніе дни относились слѣдующія:

Краковскій «Часъ» по поводу закрытыхъ здѣшнихъ костеловъ совѣтуетъ, чтобы ксендзы упорствовали и рассчитывали на интервенцію апостольской столицы, а не поддавались правительству, которое будто бы раздаетъ тысячи своимъ агентамъ для произведенія народной демонстраціи, съ тѣмъ, чтобы заставить ксендзовъ отпереть костелы.

Вѣсть эта опровергнута безъ труда статьею, напечатанною въ здѣшнихъ и иностранныхъ журналахъ. Теперь изъ новой корреспонденціи, напечатанной въ «Часѣ» изъ Рима, видно, что дѣло здѣшнихъ ксендзовъ въ апостольской столицѣ не въ такомъ хорошемъ положеніи, какъ они полагали.

Познанская газета представляетъ Польшу какимъ-то агнцемъ закланія, посредствомъ котораго вся христіанская церковь соединяется воедино, а народъ божій, евреи, обратятся въ христіанскую вѣру. Въ этомъ религіозномъ бреду, народное тщеславіе приписываетъ полякамъ еще высшее политическое призваніе—быть проповѣдниками всемірной свободы.

Къ мѣстнымъ выходкамъ, поддерживающимъ безпокойство, относятся угрозы, сдѣланныя въ безымянномъ письмѣ греко-уніатскимъ монахамъ за открытіе ими церкви въ Варшавѣ; мало того, самъ староста церковный, здѣшній купецъ, и двое чиновниковъ явились къ нему лично подкрѣпить смыслъ письма. Люди эти арестованы и посажены въ цитатель; служба же въ церкви продолжается ежедневно, и вопреки заграничнымъ вѣстовщикамъ церковь не только не пуста, но посѣщается значительно.

Съ нѣкотораго времени распространились въ городѣ слухи о назначеніи папою ксендза Вялобржескаго апостольскимъ викаріемъ... Но вслѣдъ за тѣмъ съ большею настойчивостію стали говорить, что ксендзь Фелинскій изъ Петербурга назначается здѣшнимъ архіепископомъ. Это произвело съ одной стороны хорошее впечатлѣніе въ народѣ, ожидающемъ прекращенія распри духовенства, а съ другой породило различные толки о личности будущаго архіепископа. Говорятъ, что онъ хорошій полякъ, что онъ сынъ извѣстной писательницы Еввы Фелинской изъ Вильно, которая за политическое преступленіе была въ ссылкѣ въ Сибирь, вмѣстѣ съ затемъ своимъ Шемеромъ. Духовенство съ своей стороны недовольно назначеніемъ Фелинскаго, не ожидая отъ него погачки своимъ поступкамъ, и въ особенности потому, что онъ избранъ не изъ среды ихъ.

Кромѣ этихъ слуховъ умы заняты толками о процессѣ Бялобрже-скаго и объ отставкѣ Велепольскаго, пребываніе котораго въ Петербургѣ наводитъ многихъ на предположеніе, что онъ, видно, еще нуженъ и воротится съ какимъ-либо важнымъ назначеніемъ, послѣдствіемъ котораго будетъ отиѣна военнаго положенія.

Нѣкоторое вліяніе на успокоеніе умовъ можетъ имѣть исходъ борьбы русиновъ съ поляками въ австрійской Галиціи, потому что она уничтожаетъ одну изъ польскихъ иллюзій, а именно ту, что русины—поляки или по крайней мѣрѣ держатъ польскую сторону, хотя родной языкъ ихъ не польскій и вѣра не католическая. Совершающееся нынѣ разочарованіе поляковъ въ этомъ отношеніи важно и для насъ, ибо поляки обольщаются тою же иллюзіею относительно нашихъ западныхъ литовскихъ губерній; поэтому стоитъ сказать нѣсколько словъ о борьбѣ русиновъ съ польскою народностію въ Галиціи.

Галиційское католическое духовенство своимъ ультрамонтанизмомъ возмутило противъ себя греко-уніатскій кларъ, иронически называемый тамъ «святюрцами». Греко-уніаты собираются тамъ возстановить въ своихъ церквахъ чистоту греко-восточныхъ обрядовъ и не даютъ больше олатиниваться соотечественникамъ своимъ русинамъ. Католическіе ксендзы назвали это реакціею политическаго смысла, вслѣдствіе чего греко-уніатскій священникъ Наумовичъ выступалъ съ энергическою протестаціею, напечатанною, по его требованію, въ одномъ изъ польскихъ журналовъ. Доказавъ, что греческій обрядникъ (ритуаль) утвержденъ и Флорентійскимъ соборомъ 1439 года и Брестскимъ синодомъ 1569 года, онъ далѣе говоритъ, что когда на соборѣ Замойскомъ допущены были нѣкоторыя въ обрядахъ отступленія, то папа Венедиктъ XIII особою буллою подтверждалъ прежніе обряды, а папа Венедиктъ XIV велѣлъ конгрегаціи: de propaganda fide издать въ 1754 году въ Римѣ на греческомъ языкѣ «Евхологіонъ», который до сихъ поръ составляетъ коренной законъ для уніатовъ и показываетъ, что апостольская столица никогда не думала олатинивать русиновъ; вслѣдствіе чего, греко-уніатское духовенство считаетъ долгомъ яя на шагъ отъ Евхологіона не отступать.

Натурально, что это произвело тревогу и усилило жаръ кипящаго спора о народности между поляками и русинами. Въ видахъ совершеннаго отдѣленія отъ поляковъ, русины подали австрійскому императору просьбу о томъ, чтобы раздѣлять Галицію на два намѣстничества, русское или Львовское и польское или Краковское. Поляки, господствующіе въ Галиціи, какъ у насъ въ западныхъ губерніяхъ, возстали, крича, что это противно натурѣ вещей и самымъ интересамъ края, но, несмотря на то, просьба русиновъ осуществилась. Осуществленіе это разочаровываетъ поляковъ въ одномъ изъ ихъ убѣжденій.

Съ цѣлю содѣйствовать внутреннему успокоенію края, здѣшнее правительство старается воспользоваться первою возможностью введенія въ дѣйствіе высочайше дарованныхъ царству Польскому учреждений.

Выборы членовъ въ совѣты губерскіе, уѣздные и городскіе были уже кончены, когда обстоятельства, вызванныя всеобщимъ потрясеніемъ общественнаго порядка, побудили правительство (2-го (14-го) октября) объявить край въ военномъ положеніи. Натурально, что не время было тогда приводить въ исполненіе учрежденія совѣтовъ. Когда же силою военнаго положенія общественный порядокъ началъ возстановляться, совѣтъ управленія нашелъ возможнымъ (17-го (29-го) октября) открыть городскіе совѣты, но не вездѣ, а въ тѣхъ городахъ, которые наименѣе заражены духомъ безпорядковъ, и мѣру эту приводить въ исполненіе постепенно въ другихъ городахъ. На первый разъ вслѣдствіе представленія комиссіи внутреннихъ дѣлъ (19-го (31-го) октября), разрѣшено открыть совѣты въ городахъ: Лодзѣ, Згержѣ, Пултускѣ, Сѣдльцахъ и Красноставѣ. Мѣроположеніе это приводится въ исполненіе, и совѣты открыты уже въ Лодзѣ и Згержѣ. Но въ Красноставѣ со стороны избранныхъ членовъ оказалось какое-то колебаніе. Когда президентъ города назначилъ имъ день для принесенія присяги, они начали съ того, что явились двумя днями позже и подали просьбу, чтобы, по случаю наступающихъ праздниковъ и разныхъ домашнихъ занятій, отложить присягу до послѣднихъ чиселъ января мѣсяца. Настоящая причина просимой отсрочки, конечно, должна быть не та; имъ нужно время, чтобы сообразить свои дѣйствія съ планами другихъ городовъ, ибо ничто, мало-мальски политическое, не дѣлается здѣсь безъ какой-то общей солидарности, по закоренѣлой страсти союзиться, «конфедероваться». Но и по старинному же обычаю, единодушія въ этихъ союзахъ никогда не бываетъ, и рѣдко изъ нихъ выходитъ положительный результатъ. Всѣ эти общества агрономическія, хозяйственныя, экономическія, промышленныя (подобныя комиссіоннымъ домамъ) ограничиваются едва-ли не однимъ только изъясненіемъ благихъ желаній, заключааясь существенно въ обмѣнѣ взаимныхъ политическихъ взглядовъ. Доказательствомъ служитъ Галиційское агрономическое общество: члены его не только подозрѣваются въ равнодушіи, но и не платятъ исправно складчины, оставляя за собою недоимку болѣе 8-ми тысячъ гульденовъ; полезныя же учрежденія, не дающія повода къ частымъ сѣздамъ и разсужденіямъ, какъ напримѣръ, заведеніе племянной овчарни въ Дублянахъ, учрежденіе земледѣльческой школы въ Курникѣ, остаются въ однихъ проектахъ; вѣроятно, на проектахъ же кончится новая затѣя—основаніе эмеритальной кассы для частныхъ, преимущественно сельскихъ служителей—предметъ, которымъ положили заняться оба общества, Галиційское и Познанское, и который здѣшніе помѣщики намѣрены подхватить, чтобы

не остаться назади; все это съ цѣлью, безъ сомнѣнія, привязать къ себѣ этотъ многочисленный классъ (до 24.000 въ одной Галиціи), если не удастся сдѣлать изъ нихъ мелкихъ арендаторовъ.

Крестьяне все также рассчитываютъ на большія, дальнѣйшія милости правительства и озабочиваютъ его прошеніями и жалобами на помѣщиковъ. Въ Олькушскомъ уѣздѣ они даютъ знать, что ихъ бунтуютъ; въ Мѣховскомъ то же, при чемъ подозрѣніе падаетъ на подсудка, ксендза и лѣкаря въ Прошовицахъ (8-го (20-го) декабря). Въ деревнѣ Тулишковѣ (Конянского уѣзда), четверо крестьянъ, въ корчмѣ, прибили троихъ другихъ за то, что не давали имъ пѣть пѣсни о Костюшкѣ в Хлопицкомъ. Начальство принуждено было предать ихъ военному суду (5-го (17-го) декабря).

Въ Варшавѣ по нарушенію правилъ военного положенія, въ теченіе минувшей недѣли, арестовано 180 человекъ, въ томъ числѣ 34 за оскорбленіе полиціи и другіе поступки, а остальные за невмѣние фонарей. Изъ числа первыхъ 18-ть, по исполненіи наказанія, освобождены.

Военно-слѣдственные комиссіи дѣятельно занимаются раскрытіемъ существа безпорядковъ, происходившихъ прежде военного положенія. Такъ, по безпорядкамъ, происходившимъ въ г. Плоцкѣ еще въ юнѣ мѣсяцѣ (18-го (30-го) числа), обнаружены всѣ главные соучастники, между коими оказываются студентъ С.-Петербургскаго университета, помѣщикъ, землемѣръ, писарь исправительнаго суда, сынъ председателя гражданскаго трибунала, мѣщанинъ и 2 сапожника. По безпорядкамъ, бывшимъ въ Сандомірѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ (21-го и 28-го числа), по поводу похоронъ и арестованія ксендза Пршибыловскаго, оказались виновниками два ксендза и всѣ тамошніе клерики и аллюмы.

Совсѣмъ иначе дѣйствуютъ гражданскіе суды. По безпорядкамъ, на примѣръ, в особенной важности, происходившимъ 3-го (15-го) апрѣля въ Липнѣ, плоцкій исправительный судъ до сихъ поръ еще не установилъ, по юридическому выраженію, существа преступленія и забираетъ разныя дополнительныя справки. По оскорбленію, нанесенному помѣщикомъ Гаржинскимъ еще въ маѣ мѣсяцѣ (22-го числа) баталіонному командиру Олонецкаго полка, на учебномъ полѣ, передъ фронтомъ, тотъ же судъ не открылъ до сихъ поръ ничего, за невмѣніемъ свидѣтелей, принимая дѣло за частную ссору, въ которой офицеры и солдаты не свидѣтели.

На отставнаго чиновника Грасса сдѣлано было въ Варшавѣ въ сентябрѣ сего года днемъ на улицѣ нападеніе толпою, при чемъ нанесены ему тяжкія раны въ голову и сильныя побои, отъ которыхъ жизнь его была въ опасности. Виновные въ этомъ преданы гражданскому уголовному суду, и нынѣ судъ исправительной полиціи 1-го отдѣленія приговорилъ двоихъ за нарушеніе благочинія на улицѣ къ

трехнедѣльному, а одного къ семидневному аресту,—остальныхъ же уволилъ. Поэтому предписано перенести это дѣло чрезъ прокурора на ревизію уголовного суда, и приговоръ представить.

Высочайшее пожалованіе 20 тысячъ руб. на пособія бѣднымъ Варшавскимъ жителямъ, пострадавшимъ отъ обстоятельствъ, произвело въ большей части городского населенія самое благопріятное впечатлѣніе.

Получено частное свидѣніе, что мѣстный военный начальникъ въ Конинскомъ уѣздѣ, артиллеріи подполковникъ Веймарнъ, въ высокотожественный день 6-го декабря сдѣлалъ церковный парадъ отъ войскъ при католическомъ костелѣ. Поэтому требуется объясненіе отъ окружнаго начальника, и хотя дѣло само по себѣ не заключаетъ важности, но можетъ быть переименовано заграничными газетами.

15.

Съ 13-го (25-го) по 20-е декабря 1861 г. (1-е января 1862 г.).

Спокойствіе въ краѣ продолжается. Благочиніе въ костелахъ, переполненныхъ публикою по случаю праздника Рождества Христова, наблюдалось повсемѣстно.

За недѣлю до праздниковъ Рождества Христова правительство, чрезъ коммиссію духовныхъ дѣлъ, обратилось къ варшавскимъ приходскимъ ксендзамъ съ внушеніемъ, чтобы открыли костелы въ эти торжественные дни и возстановили богослуженіе; но они уклонились отъ исполненія, представляя, что костелы заперты по распоряженію духовной власти (4-го (16-го) октября) и не иначе, какъ по распоряженію той же власти могутъ быть отперты; что поэтому, при всемъ желаніи своемъ отпереть ихъ, они не могутъ исполнить предложенія правительства, безъ подверженія себя церковной карѣ, и просятъ приступить къ открытію костеловъ посредствомъ надлежащей духовной власти, т. е., посредствомъ капитула митрополитальнаго, рѣшеніе котораго было бы уже имъ не безызвѣстно.

Капитулъ прежде еще, на требованіе, обращенное къ прелату Зволинскому приступить къ избранію новаго администратора на мѣсто Бялобржескаго, отвѣчалъ [20-го ноября (2-го декабря)], что не можетъ, по уваженіямъ, взятымъ, мимоходомъ сказать, почти цѣлкомъ изъ краковской публицистики («Czas.» 29 List i 7 Grud., № 275 и 289), а именно: а) что по каноническому праву и 12, 17, 20, 22 и 30 статьямъ «Конкордата», выборъ Бялобржескаго дѣйствителенъ и не нарушимъ; б) что акцентація выбора викарія капитулярнаго конкордатомъ отъ правительства не требуется и отказъ въ акцентаціи, препятствующій Бялобржескому въ употребленіи обладаемой имъ власти акта выборнаго

не уничтожаетъ; и что наконецъ, в) для приступленія къ новому выбору, необходимо непременно: или отреченіе самого Бялобржескаго отъ власти въ пользу капитула, или разрѣшеніе этого вопроса посредствомъ апостольской столицы. По всѣмъ этимъ уваженіямъ, капитулъ нашелъ себя не въ состояніи удовлетворить требованіямъ правительства и просилъ дать ходъ той самой просьбѣ, которую покойный епископъ Декертъ представилъ (1-го (13-го) ноября) на имя папы, относительно назначенія сюда апостольскаго викарія.

Столь уклончивое и упрямое сопротивленіе духовенства побудило правительство приостановить, впредь до особаго повелѣнія, производство членамъ варшавскаго капитула [27-го ноября (9-го декабря)] и настоятелямъ приходскихъ костеловъ въ Варшавѣ (15-го (27-го) декабря), получаемаго ими штатнаго содержанія и компетенцій изъ суммъ упраздненнаго духовенства.

Какъ вы прославляютъ польскіе публицисты самоотверженіе и безкорыстіе духовенства, однако матеріальная мѣра эта, угаданная ими впередъ, можетъ сдѣлать ксендзовъ сговорчивѣе, особенно при неблагопріятной для нихъ обстановкѣ этого вопроса въ самомъ Римѣ. Тамъ положительно жалуются («Сзав.» 29 Grud., № 299), что въ Ватиканѣ замѣтно охлажденіе къ здѣшнимъ дѣламъ, которыя сами же поляки извѣстнаго круга представляютъ ему въ свѣтѣ невыгодномъ для народа и буйственномъ для духовенства, между тѣмъ, сознаются, что главное ихъ дѣло уже испорчено циркулярами архіепископа Львовскаго и епископовъ Перемышльскаго и Тарновскаго, ибо оттуда возникло въ польской церкви раздвоеніе, а это раздвоеніе озадачиваетъ римскій престолъ въ разрѣшеніи вопроса. По этой причинѣ, тѣ же услужливые агитаторы совѣтуютъ нашимъ епископамъ заявить скорѣе свое мнѣніе о народно-религіозныхъ гимназахъ. Можно надѣяться, однако же, что сила военнаго положенія заставитъ ихъ до времени не высказываться.

Хотя ксендзы обыкновенно приписываютъ пѣніе гимновъ въ костелахъ публикѣ, однако въ послѣднемъ пѣніи, бывшемъ въ Билгораѣ (3-го (15-го) декабря), зачинщикомъ оказался по слѣдствію самъ пробощъ Хвала, который, во время обѣдни, ставъ у амвона, первый запѣлъ. Онъ арестованъ.

Судъ надъ ксендзами, уличенными въ преступныхъ дѣйствіяхъ, продолжается своимъ порядкомъ.

Ксендзъ-викарій плоцкаго прихода Мосницкій, участвовавшій во всѣхъ манифестаціонныхъ беспорядкахъ, произвелъ необыкновенный соблазнъ проповѣдью, сказанною имъ (5-го (17-го) ноября) на текстъ о горчичномъ зернѣ, въ которой, представляя развитіе римско-католической церкви, увѣщевалъ слушателей обратить на этотъ предметъ свое

размышленіе, чтобы укрѣпиться надеждой и мужествомъ «въ столь тяжкое для насъ и смутное для церкви время, когда безчестять обрученіи Христа, преслѣдуютъ, угнетаютъ и съ такимъ варварствомъ, какого не слыхано со временъ Нероновъ и Діоклетіановъ». За все это Мосцицкій сосланъ на жительство въ Олонекскую губернію.

Ксендзъ Лызальскій, учитель Закона Божія въ Варшавской губернской гимназіи, былъ арестованъ въ костелѣ св. Яна (4-го (16-го) октября). Оказалось, что онъ во все время, когда костелъ былъ окруженъ войсками, оставался между публикою, замкнутою въ костелѣ, и не только самъ не хотѣлъ выйти, но явился въ полуоблаченіи передъ воинскимъ отрядомъ, вступившимъ въ костелъ для побужденія публики къ выходу, и возбуждалъ народъ къ неповиновенію, вслѣдствіе чего ослушанныхъ надо было выводить изъ костела насильно. Какъ виновникъ происшедшихъ отъ сего беспорядковъ и далеко не оправдывающій носимаго имъ званія законоучителя, онъ сосланъ также въ Олонекскую губернію.

Участіе приходскихъ ксендзовъ въ манифестаціяхъ, которыя производились съ цѣлью увлечь крестьянъ въ общее движеніе, все болѣе и болѣе раскрывается. Крестьяне Ловичскаго княжества, бывшіе на похоронахъ архіепископа Фіалковскаго, знаютъ лишь только то, что ксендзы ихъ приходскіе, Магнусскій и Делертъ, приглашали ихъ на похороны, находились при нихъ безотлучно въ Варшавѣ, какъ на погребальной церемоніи, такъ и въ саду, гдѣ угощали ихъ какіе-то паны, на дворѣ у архіепископа, на обѣдѣ въ гостиницѣ, и во все время пути на желѣзной дорогѣ, въ Варшаву и обратно; когда же возвратились въ Скерневицы, то въ костелѣ, освѣщенномъ нарочно для того, встрѣчалъ ихъ викарный ксендзъ изъ г. Ежева, Статовичъ. Объ этомъ мы скажемъ еще далѣе.

За ксендзами наблюдаютъ также строго правительства въ Галиціи и Познанской области. Одно изъ нашихъ ксендзовъ, Павловича, проживающаго въ Краковѣ по годовому паспорту, хотятъ оттуда выслать, какъ опаснаго по своимъ политическимъ замысламъ и укоризненному поведенію. Изъ Познани же спрашиваютъ у насъ свидѣній о тамошнемъ ксендзѣ Бржезинскомъ, который, частыми сюда поѣздками, обратилъ на себя подозрѣніе прусскаго правительства.

Дѣло ксендзовъ съ дѣломъ шляхты неразлучно. Не извѣстно еще, кто именно болѣе другихъ хлопоталъ около Скерневицкихъ крестьянъ на вышеупомянутой похоронной манифестаціи; но достоверно то, что революціонное знамя на церемоніи несли сначала какіе-то паны, передавъ его потомъ крестьянамъ, а сами оставаясь при нихъ ассистентами; равномерно, во время поѣздки въ вагонѣ на желѣзной дорогѣ и въ омнибусѣ, который проскакалъ по городу съ распушеннымъ знаме-

немъ при восклицаніяхъ народа, знамя это держалъ шляхтичъ, котораго имена крестьяне не знаютъ или побоялись сказать, изъ опасенія какихъ-нибудь непріятностей со стороны шляхты. Помѣщичьи крестьяне смѣлѣе, и если не явно, въ жалобахъ своихъ, то келейнымъ путемъ доносятъ на своихъ господъ. Недавно (14-го (26-го) декабря) велѣно навести справку, точно ли помѣщикъ дер. Лисоволи (Равскаго уѣзда), въ день всѣхъ святыхъ, уговаривалъ крестьянъ, вышедшихъ изъ костела, возвратиться назадъ для пѣнія гимна, и когда они не согласились, то отозвался къ нимъ въ самыхъ оскорбительныхъ противъ правительства выраженіяхъ; въ ноябрьскую же годовщину не позволилъ имъ работать и велѣлъ идти въ костель.

Въ настоящее время, для перевоспитанія крестьянъ, по крайней мѣрѣ, юнаго поколѣнія, по своему мечтательному плану, помѣщики избрали лозунгомъ своимъ: «просвѣщеніе народа», проповѣдуя во всѣхъ оргавахъ прессы: здѣшней, галиційской и познанской, необходимость удержатъ частными своими усиліями сельскія школы при господскихъ дворахъ и распространять между крестьянами чтеніе небольшихъ простонародныхъ сочиненій, подобныхъ, напримѣръ, брошюркѣ «Rady Gospodarskie», издавннй Гольцомъ, однимъ изъ членовъ бывшаго общества агрономическаго, или календарю (Kalendarr Indowy), вышедшему на будущій 1862 годъ, подъ фирмою нѣкоего Франка изъ Везикопольни. Галицкое агрономическое общество поручило даже особому изъ среды своей комитету начертать проектъ преобразованія народныхъ училищъ, для представленія мѣстному сейму. Комитетъ написалъ проектъ; но правительство остановило ходъ этого дѣла, объявивъ, что агрономическое общество не имѣетъ права вмѣшиваться въ народное воспитаніе, такъ какъ успѣхъ сельскаго хозяйства зависятъ не только отъ просвѣщенія сельскаго населенія, но и отъ многихъ другихъ вещей, которыми ни обществу агрономическому, ни какому иному заниматься не дозволено («Dzien. Pozn.» 25 Grud., № 73). Мало того, правительство велѣло отобрать у корреспондентовъ общества, занимающихся собираніемъ статистическихъ данныхъ насчетъ земледѣлія и хозяйства, всѣ собранныя ими по этому предмету свѣдѣнія, угрожая закрыть общество, если все это не будетъ выдано начальству («Czas.» 31 Grud., № 300). Въ г. Плешевѣ, Познанской губерніи, вахмистръ полицейскій закрылъ общество учебной помощи имени Марцинковскаго («Dzien. Pozn.» 31 Grud., № 299).

Стѣснительныя мѣры эти со стороны правительства навлекаютъ на себя сами общества, выходя изъ круга своихъ уставовъ и вдаваясь въ область политическихъ вопросовъ, затрогивающихъ польскую народность и государственныя учрежденія. Къ этому ведетъ самый характеръ обществъ, требующій развитія связей посредствомъ агентовъ,

корреспондентовъ и иныхъ орудій дѣйствія. Таковъ характеръ и нашихъ справочныхъ домовъ. Даже общество поощренія изящныхъ художествъ («Kurier Warsz.» 31 Grud., № 307) не забыло въ отчетѣ своемъ упомянуть, что оно вошло «въ братскія» сношенія съ краковскимъ обществомъ, назначивъ тамошнихъ президента и вице-президента своими почетными членами.

Изъ Галиціи и Познани, твердятъ тамошніе агитаторы («Dzienn. Pozn.» 25 Grud., № 296), просвѣщеніе должно разливаться на царство Польское, гдѣ учебныя заведенія находятся будто бы въ самомъ плачевномъ состояніи и не могутъ быть открыты, если ихъ не преобразовать по новому плану. Съ необыкновенной радостью («Czas.» 31 Grud., № 300), принято было извѣстіе, что Александринскій институтъ въ Новой Александріи будетъ закрытъ, и хотя изъ объявленія, напечатаннаго въ здѣшнихъ вѣдомостяхъ, увидѣли, что приемъ воспитанницъ и открытіе курсовъ только отлагается, до дальнѣйшаго распоряженія, не менѣе того, порицатели здѣшнихъ училищъ представляютъ институтъ, какъ заведеніе антинародное, которое, однако, благодаря прекрасному характеру полекъ, не произвело никакого дѣйствія («Czas.», тамъ же). Словомъ, вопросъ училищный, усложненный закрытіемъ костеловъ и предположеннымъ новымъ ихъ образованіемъ, сильно занимаетъ умы особенно родителей, желающихъ, чтобы курсъ ученія скорѣе кончился.

Открытіе городскихъ совѣтовъ въ г. Лодзи и Згержѣ послѣдовало [28-го ноября (11-го декабря)]. Собравшіеся члены разсмотрѣли на первомъ засѣданіи своемъ правильность выборовъ и, по исполненіи присяги, условились на счетъ періодическихъ своихъ засѣданій и выбрали изъ себя секретарей, для веденія протоколовъ. Въ Пултускѣ открытіе совѣта задержалось пополненіемъ нѣкоторыхъ пропусковъ въ избирательныхъ спискахъ, а вскорѣ должно послѣдовать. Въ Сѣдльцахъ выборы окончены и проверены; но какъ, на основаніи 67 ст. устава о гражданской службѣ въ царствѣ Польскомъ, выбранные въ члены совѣта, если между ними окажутся чиновники, должны, прежде вступленія своего въ должность, испрашивать соизволенія своей высшей власти, а между избранными въ члены сѣдлецкаго городского совѣта находятся четыре судебныхъ чиновника, то объ нихъ и сдѣлано представленіе, а до полученія разрѣшенія приостановлено исполненіе присяги. Въ Красностаѣ также еще не исполнено открытіе совѣта. Исправность Лодзи и Згержа, въ сравненіи съ прочими, можно безъ колебанія отнести къ тому, что они въ своемъ населеніи заключаютъ преимущественно нѣмецкій элементъ, принявшій искренно пожалованныя монархомъ преимущества городскихъ совѣтовъ.

Раздѣлъ Галиціи на два административные округа, восточный и западный, встрѣченъ здѣшними публицистами печально, съ скромною

оговоркою, что по уваженіямъ «моральнымъ», они его совсѣмъ не желали;—галицкіе же и познанскіе журналисты отзываются съ явнымъ ожесточеніемъ, какъ о дѣлѣ вредномъ и опасномъ, разумѣется, для себя. Славянскіе органы прессы привѣтствуютъ его какъ важное приобрѣтеніе, посредствомъ котораго русины выработаютъ свою народность. Съ пламенною любовью берутся они за это дѣло и жертвуютъ, кто чѣмъ можетъ, на воспитаніе юношей своихъ въ Львовскомъ университетѣ, на возстановленіе восточнаго благоговѣнія въ церквахъ, поддержаніе русской бесѣды (клуба или собранія), заведеніе библиотекъ и т. п. «Вышая шляхта пропала для насъ», говорятъ они («Слово», 16-го (28-го) декабря, № 91); «но и безъ этого балласта обойдется Русь: мы создадимъ свое дворянство. Положеніе наше будетъ шатко до тѣхъ поръ, пока мы не посадимъ нашихъ чисто русскихъ дѣтей въ суды и управленія». До исполненія, конечно, еще далеко; однако же, поляки рѣшительно потеряли болѣе двухъ милліоновъ братьевъ по душѣ и племени.

Не безъ значенія и отголоски евреевъ въ здѣшнемъ журналѣ «Заря» («Sutrzeńka» 27 Grud., № 26). Наскучилъ имъ, кажется, натискъ поляковъ, и они смѣло проповѣдуютъ терпимость не только въ вѣрѣ, но и языкѣ, обѣщая издавать новый журналъ Гацсриро («Заря»), на еврейскомъ языкѣ, въ духѣ здравого релігіозныхъ понятій, съ предвареніемъ, что они гнушаются набрасываніемъ имъ чужихъ мыслей и убѣжденій.

Очень кстати вышелъ высочайшій приказъ, допускающій евреевъ въ военной службѣ къ производству въ унтеръ-офицерское званіе.

Преувеличенные толки заграничныхъ публицистовъ о производимыхъ здѣсь арестаціяхъ побудили правительство, въ полемической статьѣ, написанной въ опроверженіе разныхъ недѣльных слуховъ, объявить («Dzienn. Powz.» 28 Grud., № 73), что во всемъ царствѣ арестовано, или частью выслано въ Россію, не болѣе 250 человекъ.

Нѣкоторыя дѣла по политическимъ преступленіямъ, производящіяся въ гражданскихъ судахъ, вслѣдствіе возникающихъ по онымъ жалобъ, или новыхъ вопросовъ, переносятся въ военно-слѣдственные коммиссіи, для пересмотра и окончательнаго рѣшенія.

Въ Варшавѣ, за нарушеніе правилъ военнаго полженія, арестовано въ теченіе недѣли 329 человекъ, въ томъ числѣ 292 за неимѣніе фонарей, отпускаемые обыкновенно на другой день утромъ. Остальные 37 взяты за неповиновеніе и оскорбленіе полиціи и другіе проступки; изъ нихъ 12, по разсмотрѣніи вины, уволены, а остальные находятся въ разсмотрѣніи.

Изъ частныхъ случаевъ замѣчательнѣйшіе были:

Въ г. Красноставѣ, 14-го декабря, появилась на четырехъ домахъ

плакарды, которые тотчасъ же были уничтожены самими жителями. Одинъ такой же плакардъ былъ брошенъ въ сѣняхъ магистрата. Плакардъ этотъ написанъ плохими стихами, въ революціонномъ духѣ. Для открытія сочинителя, дѣлается розысканіе.

Въ Радзинскомъ уѣздѣ (15-го (27-го) декабря), отыскана «Стражница» № 14 и «Побудка», известные революціонные листки, которые въ Варшавѣ уже не издаются.

Въ дер. Сухоржинѣ (Калишскаго уѣзда) арестованъ (14-го (26-го) декабря) кузнецъ Миневичъ за укрывательство оружія. По поводу вопроса объ оружіи вообще, въ видахъ охраненія скота отъ хищныхъ звѣрей, разрѣшено (17-го (29-го) декабря), давать билеты на одно ружье въ каждомъ изъ значительныхъ имѣній, но съ разборчивостью, именно тѣмъ изъ владѣльцевъ, которые извѣстны съ одобрительной стороны въ отношеніи политическомъ.

Въ предыдущей запискѣ было упомянуто, что въ Гостынскомъ уѣздѣ, Варшавской губерніи, помѣщикъ Болеславъ Кленевскій, при выходѣ изъ корчмы, былъ убитъ крестьяниномъ Викентіемъ Циховичемъ. По первоначальному изслѣдованію оказалось, что Циховичъ рѣшился на убійство своего помѣщика по поводу, что помѣщикъ наказалъ его въ этотъ же самый день тѣлесно, за неаккуратное исполненіе обязанностей. Какъ дѣло произошло только изъ личной мести, то убійца преданъ гражданскому уголовному суду.

Сообщилъ К. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Предложеніе Правительствующему Сенату управляющаго министерствомъ Юстиціи графа Панина о дворянинѣ Шидловскомъ.

10-го іюля 1841) г. № 12316.

За отсутствіемъ г. статсъ-секретаря Тацѣва, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ханьковъ отношеніемъ отъ 7-го сего іюля сообщилъ мнѣ, что государь императоръ, при разсматриваніи всеподданѣйшаго донесенія московскаго гражданскаго губернатора, за первую половину сего года, о находящихся на службѣ молодыхъ людяхъ, изволилъ усмотрѣть, что поступившій въ межевую канцелярію изъ Константиновскаго межеваго института дворянинъ Леонтій Шидловскій, 18 лѣтъ въ поведеніи не одобряется, ибо съ генваря мѣсяца не являлся изъ отпуска на службу до нынѣ, и взятъ въ городѣ Задонскѣ за бродяжничество, и что его императорское величество высочайше повелѣтъ изволилъ: его, Шидловскаго, отдать въ солдаты впредь до отличной выслуги.

Сообщилъ Г. К. Рѣпкинскій.

ней комнатѣ депешн, и я держалъ слово, пока находился въ Петербургѣ, такъ какъ я не считалъ своей задачею ухудшать отношенія между нашими дворами, жалуюсь на представителя русскаго двора въ Берлинѣ, и опасался, что мои сообщенія послужатъ весьма некстати поводомъ для придворныхъ интригъ и происковъ.

Вообще, было бы желательнo, чтобы нашими представителями при дружественныхъ дворахъ были такіе дипломаты, которые, не вмѣшиваясь самовластно въ общую политику своей страны, старались бы по возможности поддерживать дружественныя отношенія между заинтересованными государствами, умалчивая о мелкихъ неудовольствіяхъ и сплетняхъ, и удерживались бы отъ желанія выказать свое остроуміе, обращая предпочтительно вниманіе на наиболѣе важную сторону дѣла. Я не показывалъ зачастую своему монарху донесенія нашихъ представителей при нѣмецкихъ дворахъ потому, что они скорѣе обнаруживали желаніе сообщить что-нибудь пикантное или передать какія-либо непріятныя слова или факты и пускаться въ ихъ оцѣнку, нежели заботились о томъ, чтобы улучшить и поддержать отношенія между дворами, когда это необходимо и даже составляетъ въ Германіи постоянную задачу нашей политики. Я считалъ себя въ правѣ не сообщать изъ Петербурга и Парижа того, что могло безцѣльно произвести у насъ непріятное впечатлѣніе, или годилось болѣе для сатирическаго разсказа. Ставъ министромъ, я принялъ за правило не представлять подобныхъ донесеній на высочайшее воззрѣніе. Въ обязанность посланника, аккредитованнаго при дворѣ великой державы, не входитъ механически писать донесенія обо всѣхъ, доходящихъ до его слуха, глупыхъ рѣчахъ и злостныхъ намекахъ. Всякій посланникъ, а тѣмъ болѣе германскій дипломатъ при любомъ нѣмецкомъ дворѣ не долженъ писать донесеній вродѣ тѣхъ, которыя посылались въ Петербургъ Будбергъ и Убри изъ Берлина, и Балабинымъ изъ Вѣны, въ расчетъ, что они, какъ произведенія остроумныя, будутъ прочитаны съ удовольствіемъ и вывуютъ снисходительную улыбку; напротивъ, онъ долженъ воздерживаться отъ наускиваній и сплетенъ до тѣхъ поръ, пока отношенія дружественны или должны быть таковыми.

Если смотрѣть на дѣло съ чисто формальной стороны, то можно бы, пожалуй, считать правильнымъ, чтобы посланникъ сообщалъ откровенно все то, что доходитъ до его свѣдѣнія, предоставляя министру умолчать о томъ, о чемъ онъ хочетъ, и обратить вниманіе на то, что онъ найдетъ нужнымъ. Насколько это удобно на практикѣ, будетъ зависѣть, конечно, отъ личности министра. Такъ какъ я считалъ себя не менѣе дальновиднымъ г. фонъ-Шлейница и принималъ болѣе глубокое и добросовѣстное участіе въ судьбѣ нашей страны, нежели онъ, то я считалъ себя въ правѣ и даже обязаннымъ не доводить до его свѣ-

дѣнія тѣхъ вещей, которыя могли послужить въ его рукахъ орудіемъ происковъ и интригъ при дворѣ въ духѣ той политики, которая не согласовалась съ политикою короля.

Сдѣлавъ это отступленіе, я возвращаюсь къ переговорамъ, которые нель во время турецкой войны съ графомъ Петромъ Шуваловымъ. Я высказалъ ему, что если бы мы принесли наши отношенія къ прочимъ державамъ въ жертву для того, чтобы упрочить союзъ съ Россіей, то если бы наши отношенія къ Франціи и Австріи обострились вслѣдствіе ихъ страстнаго желанія реванша, мы могли очутиться при нашемъ географическомъ положеніи въ опасной зависимости отъ Россіи. Ея миролюбивыя отношенія къ державамъ, которыя не могутъ существовать безъ ея покровительства, также имѣли извѣстныя границы, въ особенности при такой политикѣ, какова была политика князя Горчакова, напоминая мнѣ что-то азиатское. Онъ опровергалъ зачастую всякія возраженія политическаго характера аргументомъ: «*L'Empereur est fort irrité*» ¹⁾, на что я отвѣчалъ обыкновенно съ ироніей: «*Eh, le mien donc!*» ²⁾. Шуваловъ замѣчалъ на это: «*Gortschakoff n'a aucune influence*» ³⁾; вообще, онъ обязанъ тѣмъ, что онъ остается еще уваженію, которое императоръ имѣетъ къ его лѣтамъ и прежнимъ заслугамъ. По какому поводу могло бы возникнуть серьезное недоразумѣніе между Россіей и Пруссіей? Между ними не существуетъ вопроса, достаточно важнаго для того, чтобы подать къ этому поводъ.

Съ послѣднимъ я вполне согласился, но напомнилъ объ Ольмицѣ и Семилѣтней войнѣ, и сказалъ, что недоразумѣніе можетъ возникнуть по какому-нибудь пустяшному поводу, даже по вопросу чисто формальнаго свойства; между русскими и помимо Горчакова найдутся люди, которые не будутъ смотрѣть на друга, какъ на лицо равноправное, и сообразно съ этимъ относиться къ нему; что касается меня лично, то я не щепетиленъ относительно вѣдшихъ формальностей, но теперешняя Россія предъявляетъ не только съ формальной стороны, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ чисто Горчаковскія притязанія.

Я отклонилъ и этотъ разъ мысль о «выборѣ» между Австріей и Россіей и защищалъ союзъ трехъ императоровъ или по крайней мѣрѣ необходимость заботиться о сохраненіи между ними мира.

¹⁾ Императоръ очень сердитъ.

²⁾ А мой-то!

³⁾ Горчаковъ не имѣетъ никакого вліянія.

XXV.

Цѣль задуманнаго первоначально Бисмаркомъ тройственнаго союза.—Можно ли было ожидать новой войны съ Франціей.—Враждебное отношеніе князя Горчакова къ германской политикѣ.—Популярность въ Германіи союза съ Австріей.—Свиданіе Бисмарка съ графомъ Андраши въ Гастейнѣ.—Письмо Бисмарка къ баварскому королю.—Отвѣтное письмо короля.—Встрѣча, оказавшая Бисмарку по пути въ Вѣну.—Несочувствіе императора Вильгельма къ союзу съ Австріей.—Его письмо по поводу этого союза къ императору Александру II и отвѣтъ императора.—Взглядъ Бисмарка на необходимость союза съ Австріей.—Возможность осложненій въ будущемъ.—Возможность сближенія Австріи съ Франціей, въ случаѣ возстановленія французской монархіи.—Разговоръ императора Александра III съ Бисмаркомъ.

Тройственный союзъ, котораго я старался достигнуть первоначально, тотчасъ послѣ заключенія Франкфуртскаго мира, и относительно котораго я пытался узнать взгляды Петербурга и Вѣны, еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1870 г., когда я былъ въ Мо (Meaux), былъ бы союзомъ трехъ императоровъ, съ заднею мыслью, что къ нему присоединится монархическая Италія; цѣлью этого союза было бы противо-дѣйствовать той борьбѣ, которая могла возникнуть, какъ я опасался, подъ какимъ бы то ни было видомъ, между двумя обозначившимися въ Европѣ направленіями, прозванными Наполеономъ республиканскими и казацкими, и которыя я могъ бы назвать, сообразно съ нынѣшними понятіями, съ одной стороны системою порядка, покоящагося на монархической основѣ, а съ другой—соціальной республикой, въ которой антимонархическій государственный строй то медленно, то скачками идетъ къ своей гибели, до тѣхъ поръ, пока обманутый въ своихъ ожиданіяхъ народъ, видя созданный имъ невыносимый порядокъ вещей, не ошутить, наконецъ, желанія насильственнымъ путемъ вернуться къ монархическому правленію въ образѣ имперіи.

Избѣжать этого *circulus vitiosus* и не дать современному поколѣнію и его потомству вступить въ него составляетъ, по моему мнѣнію, задачу, которая должна бы быть ближе къ сердцу монархіямъ, еще полнымъ жизненныхъ силъ, нежели соперничество за преобладающее вліяніе на разноплеменные національности, населяющія Балканскій полуостровъ. Если монархическія правительства не понимаютъ необходимости быть тѣсно сплоченными для поддержанія государственнаго и общественнаго порядка и готовы скорѣе потакать шовинистскимъ наклонностямъ своихъ подданныхъ, то можно опасаться, что предстоящая намъ интернаціональная, революціонная и соціальная борьба будетъ еще опаснѣе и что монархическому принципу будетъ еще труднѣе одержать надъ нею побѣду. Вѣрнѣйшимъ средствомъ для предупрежде-

нія этой борьбы я считалъ послѣ 1871 г. тройственный союзъ императоровъ, къ которому надобно было всѣми силами стараться притянуть Италію. Свиданіе трехъ императоровъ, состоявшееся въ Берлинѣ въ 1872 г., поѣздка, въ маѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года, моего императора въ Петербургъ, пріѣздъ италіанскаго короля въ сентябрѣ того же года въ Берлинъ и посвѣщеніе германскаго императора Вѣны въ октябрѣ мѣсяцѣ дали мнѣ надежду на успѣхъ и на то, что этотъ успѣхъ будетъ продолжителенъ. Эта надежда нѣсколько омрачилась впервые въ 1875 г., благодаря прояскамъ князя Горчакова, который распространялъ ложное извѣстіе, будто бы мы имѣли намѣреніе навасть на Францію, не давъ ей заживить свои раны.

Въ то время, когда возникъ люксембургскій вопросъ (1867 г.), я былъ рѣшительнымъ противникомъ предупредительныхъ войнъ (*Präventivkriege*), т. е. такихъ наступательныхъ войнъ, которыя мы вздумали бы вести только потому, что можно было предположить, что намъ придется вести ихъ впоследствии, когда непріятель будетъ болѣе подготовленъ къ нимъ и лучше вооруженъ. По мнѣнію нашихъ военныхъ, въ 1875 г. мы побѣдили бы, по всей вѣроятности, Францію, но нельзя было сказать съ такою же вѣроятностью, что прочія державы остались бы нейтральны. Ужъ если меня тревожила ежедневно опасность европейскаго вмѣшательства, передъ началомъ переговоровъ, которые должны были происходить въ Версалѣ, то если бы мы сбивали войну Франція съ единственной цѣлью не дать ей опомниться, то кажущаяся гнусность этого поступка была бы для Англіи прекраснымъ поводомъ пустить въ ходъ ея гуманныя фразы, а для Россіи—перейти отъ политики, которой руководила личная дружба обоимъ императоровъ, къ той, которой требуютъ ея трезвые государственные интересы, имѣвшіе рѣшающее значеніе въ 1814 и 1815 гг., когда дѣло шло объ уменьшеніи французской территоріи. Вполнѣ понятно, что для русской политики существуетъ извѣстная граница, далѣе которой она не можетъ допустить, чтобы значеніе, которымъ Франція пользуется въ Европѣ, было уменьшено.

Мнѣ кажется, что эта граница достигнута Франкфуртскимъ миромъ; можетъ быть, въ Петербургѣ не такъ ясно давали себѣ въ этомъ отчетъ въ 1870 и 1871 гг., какъ пять лѣтъ спустя. Едва-ли петербургскій кабинетъ могъ представить себѣ совершенно ясно во время нашей войны съ Франціей, что по окончаніи этой войны онъ будетъ имѣть сосѣдомъ столь свѣлую, объединенную Германію. Я полагалъ въ 1875 г., что на берегахъ Невы уже начали сомнѣваться въ томъ, удобно ли было дать дѣлу зайти такъ далеко, не вмѣшиваясь въ него. Искренняя дружба и уваженіе Александра II къ свосму дядѣ покрывали непріятное чувство, которое уже испытывали въ то время въ прѣ-

вительственныхъ сферахъ. Если бы мы вздумали возобновить тогда войну только для того, чтобы не дать больной Франціи оправиться, то послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ конференцій, созванныхъ съ цѣлью предупредить столкновеніе, наше военное начальство очутилось бы во Франціи, по всей вѣроятности, въ такомъ же положеніи, въ какомъ я боялся очутиться въ Версалѣ, если бы осада (Парижа) затянулась. Война окончилась бы тогда не заключеніемъ мира между воюющими сторонами, а конгрессомъ, какъ въ 1814 г., при участіи побѣжденной Франціи и подъ руководствомъ какого-нибудь новаго Талейрана, быть можетъ, при такомъ же недоброжелательствѣ, какое питали къ намъ тогда.

Я опасался еще въ Версалѣ, чтобы участіемъ Франціи на лондонскихъ конференціяхъ, гдѣ обсуждали статьи парижскаго мира, касавшіяся Чернаго моря, не воспользовались съ такою же смѣлостью, какую выказалъ Талейранъ въ Вѣнѣ, для того, чтобы пристягнуть франко-германскій вопросъ къ тѣмъ, которые подлежали обсужденію по программѣ. Поэтому, несмотря на многія ходатайства, я пустилъ въ ходъ всевозможныя внѣшнія и внутреннія вліянія, чтобы не допустить Фавра къ участію въ этихъ конференціяхъ.

Нельзя утверждать, что Франція, въ случаѣ нашего нападенія на нее въ 1875 г., дѣйствительно оказала бы намъ такое слабое сопротивленіе, какъ полагали наши военные, если припомнимъ, что при заключеніи, 3-го января 1815 г., договора между Франціей, Англіей и Австріей,—Франція, изнуренная двадцати-лѣтними войнами и занятая еще непріятельскими войсками, была готова выставить 150.000 войска тотчасъ и 300.000 впоследствии, въ случаѣ заключенія коалиціи противъ Пруссіи и Россіи. Тѣ 300.000 старослужащихъ солдатъ, которые были у насъ въ плѣну, возвратились во Францію и, кромѣ того, могло случиться, что Россія перестала бы соблюдать относительно насъ тотъ доброжелательной нейтралитетъ, какого она держалась въ 1815 г.; и мы могли бы имѣть въ ней непріятельскую державу у насъ въ тылу. Изъ циркулярной депеши, разосланной Горчаковымъ въ маѣ мѣсяцѣ 1875 г. ко всѣмъ русскимъ посланникамъ, видно, что русская дипломатія считала тогда уже необходимымъ противодействовать нашему яко бы желанію нарушить миръ.

За этимъ эпизодомъ послѣдовало стараніе русскаго канцлера колебать наши и въ особенности лично мои хорошія отношенія къ императору Александру, которое выразилось между прочимъ въ томъ, что онъ (какъ рассказано въ предыдущей главѣ) вынудилъ меня черезъ посредство генерала Вердера отвѣчать отказомъ на предъявленный намъ вопросъ о нейтралитетѣ въ случаѣ войны Россіи съ Австріей. Тотъ фактъ, что русскій кабинетъ обратился послѣ этого непосред-

ственно и при томъ по секрету къ вѣнскому кабивету, ознаменовалъ собою такую фазу горчаковской политики, которая не была благоприятна моему стремленію къ образованію монархически-консервативнаго тройственнаго союза.

Графъ Шуваловъ былъ вполне правъ, говоря, что меня, какъ кошмаръ, преслѣдовала мысль о коалиціяхъ. Мы вели побѣдоносныя войны противъ двухъ великихъ державъ Европы; для насъ было важно оставить дѣло такъ, чтобы хотя одинъ изъ могущественныхъ противниковъ, съ которыми намъ пришлось воевать, не поддавался искушенію отомстить намъ въ союзѣ съ прочими державами. Для того, кто знакомъ съ исторіей и съ характеромъ французскаго народа, будетъ ясно, что о Франціи въ этомъ случаѣ не могло быть рѣчи; если было возможно заключить секретный договоръ въ Рейхштадтѣ безъ нашего вѣдома и согласія, то не было ничего невозможнаго въ возобновеніи коалиціи между Франціей, Австріей и Россіей, заключенной нѣкогда Кауницемъ, коль скоро въ Австріи у кормила правленія оказались бы сочувствующіе этому элементу, которые до тѣхъ поръ не заявляли о своемъ существованіи.

Поощряя союзъ съ Франціей, мысль о которомъ носилась въ воздухѣ, во времена графа Бейста и Зальцбургскаго свиданія съ Людовикомъ-Наполеономъ въ августѣ 1867 г., или о сближеніи съ Россіей, выразившемся въ секретномъ договорѣ, заключенномъ въ Рейхштадтѣ, эти элементы могли подыскать такіа соображенія, которыя оживили бы прежнее соперничество и прежнее стремленіе Австріи играть первенствующую роль въ Германіи, бывшее однимъ изъ двигателей австрійской политики.

Какую поддержку могла бы ожидать Германія въ такомъ случаѣ отъ Англіи,—это вопросъ, на который я не берусь отвѣтить, ссылаясь только на исторію Семилѣтней войны и Вѣнскаго конгресса; скажу только, что если бы не побѣды, одержанныя Фридрихомъ-Великимъ, то Англія, весьма вѣроятно, гораздо ранѣе перестала бы защищать интересы короля прусскаго.

Въ виду этого положенія дѣлъ, становилось необходимымъ сдѣлать попытку, чтобы предупредить образованіе враждебной Германіи коалиціи, обезпечивъ наши отношенія хотя бы къ одной изъ великихъ державъ союзнымъ договоромъ. Предстояло выбирать только между Австріей и Россіей, такъ какъ англійская конституція не допускаетъ заключенія союзовъ на опредѣленный срокъ, союзъ же съ Италіей не могъ служить достаточнымъ противовѣсомъ противъ коалиціи трехъ остальныхъ великихъ державъ даже въ томъ случаѣ, если бы будущая политика и внутреннее устройство Италіи были совершенно независимы не только отъ Франціи, но даже отъ Австріи. Только вышеупо-

минутый союз могъ предупредить образованіе коалиціи; другаго выбора не оставалось.

Союзъ съ Россіей былъ, въ моихъ глазахъ, сильнѣе въ матеріальномъ отношеніи. Вначалѣ я считалъ его также болѣе надежнымъ, такъ какъ традиціи династической дружбы, общность монархическаго чувства самосохраненія и отсутствіе коренныхъ разногласій въ политикѣ были, по моему мнѣнію, надежнѣе измѣнчивыхъ вліяній, которыя имѣло общественное мнѣніе на венгерское, славянское и католическое населеніе габсбургской монархіи.

Вполнѣ надежнымъ на долгое время нельзя было считать ни одинъ изъ этихъ союзовъ, ни династическій союзъ съ Россіей, ни народныя симпатіи къ нѣмцамъ со стороны венгерцевъ. Если бы въ Венгріи имѣли рѣшающее значеніе трезвыя политическія соображенія, то этотъ храбрый и независимый народъ держался бы всегда того взгляда, что, будучи затерянъ, подобно маленькому островку среди необъятнаго моря славянскаго населенія, при своей незначительной численности, онъ можетъ обезпечить себѣ независимое существованіе, только опираясь на нѣмецкій элементъ въ Австріи и Германіи. Но Кошутовскій эпизодъ и притѣсненія, которымъ подвергался въ Венгріи преданный имперіи нѣмецкій элементъ, а равно и нѣкоторые другіе симптомы указывали на то, что самонадѣянность венгерскихъ гусаръ и адвокатовъ бываетъ въ критическіе моменты сильнѣе ихъ самообладанія и политическихъ соображеній.

Къ заботамъ будущихъ отношеній Австріи и Германіи присоединялась также забота о томъ, что мы не придавали достаточнаго значенія тѣмъ политическимъ фактамъ, вслѣдствіе которыхъ нѣмецкій элементъ утратилъ въ Австріи преданность къ династіи и ту руководящую роль, которая выпала ему на долю въ ходѣ историческаго развитія. Нѣкоторое опасеніе за будущность австро-германскаго союза внушала также вопросъ о вѣровсповѣданіи, воспоминаніе о вліяніи, которое имѣли духовники императорской фамиліи, возможность возобновленія прежнихъ отношеній къ Франціи на почвѣ католицизма, въ случаѣ, если бы во Франціи совершилась соответственная перемѣна въ образѣ правленія и въ принципахъ правительственной власти. Нѣтъ ни малѣйшей возможности предсказать, какъ скоро подобная перемѣна можетъ произойти во Франціи.

Ко всему этому присоединялась еще польская сторона австрійской политики. Мы не можемъ требовать отъ Австріи, чтобы она отказалась отъ того оружія, которое она имѣетъ противъ Россіи, поддерживая польскій элементъ въ Галиціи. Политика, приведшая въ 1846 г. къ тому, что австрійскіе чиновники оцѣнивали головы польскихъ повстанцевъ, была возможна потому, что Австрія оплатила за выгоды, доставленныя

ей Священнымъ союзомъ трехъ восточныхъ державъ, соотвѣтственнымъ поведеніемъ въ польскомъ и восточномъ вопросахъ, какъ бы внеся этимъ свою лепту въ общее дѣло. Если бы союзъ трехъ восточныхъ державъ продолжалъ свое существованіе, то Австрія могла бы поставить на первый планъ свои отношенія къ русинамъ; если же бы этотъ союзъ распался, то, въ случаѣ войны съ Россіей, ей было бы удобно пить въ своемъ распоряженіи польское дворянство.

Связь Галиціи съ австрійской монархіей вообще слабѣ той связи, которая существуетъ между Познанью и западно-пруссскими провинціями и коренной Пруссіей. Эта австрійская провинція, открытая нападению съ востока, прилѣплена къ Австріи искусственно съ вѣшной стороны пограничныхъ Карпатъ; Австрія могла бы прекрасно обойтись безъ нея, получивъ въ вознагражденіе 5 или 6 милліоновъ поляковъ и русинъ въ Дунайскомъ бассейнѣ. Подобные проекты, въ которыхъ шла рѣчь объ обмѣнѣ Галиціи на провинціи съ румынскимъ и южно-славянскимъ населеніемъ и о восстановленіи Польши съ эрцгерцогомъ во главѣ, высказывались во время Крымской кампаніи и въ 1863 г. лицами компетентными и некомпетентными въ этомъ вопросѣ. Что же касается старо-пруссскихъ провинцій, то онѣ не отдѣлены отъ Познани и западной Пруссіи никакой естественной границей, и ихъ потеря была бы незамѣтна. Поэтому, при обсужденіи предварительныхъ условій военнаго союза между Германіей и Австріей, особенно сложнымъ представляется вопросъ о будущей судьбѣ Польши.

Въ виду этихъ соображеній, угрожающее письмо императора Александра II (1879 г.)¹⁾ вынудило меня принять рѣшительныя мѣры для нашей обороны и для обезпеченія нашей независимости отъ Россіи.

Почти что всѣ партіи относились (у насъ) сочувственно къ союзу съ Австріей; сочувствіе консервативной партіи было обусловлено историческими традиціями, относительно которыхъ можно сказать, что врядъ-ли онѣ показались бы нынѣ основательными съ точки зрѣнія именно консервативной партіи. Но фактъ тотъ, что большинство этой партіи въ Пруссіи считаетъ сближеніе съ Австріей соотвѣтствующимъ ея дѣламъ, несмотря на то, что оба правительства соперничали иногда между собою въ либерализмѣ. Консервативный ореолъ, окружающій Австрію, пересаливалъ въ глазахъ весьма многихъ членовъ этой партіи впечатлѣніе, которое производила прошлая и продолжающіяся отчасти до нынѣ поползованія этой державы къ либерализму, и ея стремленіе къ сближенію съ западными державами и преимущественно съ Франціей. Еще болѣе вѣскими соображеніями руководилъсѣ католикъ, находя полезнымъ союзъ съ этой католической по преимуществу

¹⁾ Помѣщенное въ предыдущей главѣ.

великой державой. Для національ-либераловъ союзный договоръ, утвержденный между вновь возникшей Германской имперіей и Австріей, казался вѣрнымъ средствомъ для достиженія неосуществимыхъ мечтаній 1848 г., при чемъ ихъ не смущали препятствія и затрудненія, которыя стояли на пути этому союзу не только въ Австріи и объединенной Германіи, но и въ самой Австро-Венгерской монархіи. Такимъ образомъ, на нашей парламентской почвѣ, исключая социаль-демократовъ, которые вообще никогда не одобряютъ дѣйствій правительственной политики, большинство не только не было противъ союза съ Австріей, но многіе относились даже къ нему весьма сочувственно.

Традиціи международнаго права со временъ священной римской имперіи и германскаго союза также были приноровлены въ теоріи къ тому, чтобы между Германіей и Габсбургской монархіей существовалъ союзъ, въ силу котораго средне-европейскія государства были обязаны, въ теоріи, къ взаимопомощи. На практикѣ же ихъ политическая солидарность проявлялась въ прежнее время довольно рѣдко; тѣмъ не менѣе Европѣ и въ частности Россіи все-таки можно было поставить на видъ, что прочный союзъ между Австріей и нынѣшней Германской имперіей не составляетъ новости въ исторіи международнаго права. Впрочемъ, вопросы о популярности этого союза въ Германіи и о международномъ правѣ стояли въ моихъ глазахъ на второмъ планѣ; я считалъ, что ими можно было воспользоваться только какъ вспомогательнымъ средствомъ для осуществленія намѣченной цѣли. На первомъ планѣ стоялъ для меня вопросъ о томъ, слѣдовало ли приступить немедленно къ исполненію этой идеи и много ли твердости пришлось бы мнѣ проявить для того, чтобы побороть противодѣйствіе, которое, по всей вѣроятности, оказалъ бы этому проекту императоръ Вильгельмъ, руководствуясь болѣе сердечными чувствами, нежели соображеніями политическаго свойства. Причины, побуждавшія насъ, при тогдашнемъ политическомъ положеніи, искать союза съ Австріей, были, по моему мнѣнію, столь настоятельны, что я стремился бы къ достиженію этого союза даже и тогда, когда бы общественное мнѣніе было противъ него.

Когда императоръ Вильгельмъ отправился въ Александрово (3-го сентября), то я уже подготовилъ свиданіе въ Гастейнѣ съ графомъ Андраши, которое и состоялось 27-го и 28-го августа.

Когда я изложилъ ему положеніе дѣлъ, то онъ вывелъ изъ моихъ словъ слѣдующее заключеніе: «Естественнымъ противовѣсомъ франко-русскому союзу долженъ быть австро-германскій союзъ». Я замѣтилъ, что онъ сформулировалъ такимъ образомъ вопросъ, для обсужденія котораго я устроилъ наше свиданіе, и мы безъ труда пришли съ нимъ къ соглашенію относительно предварительныхъ условій оборонительнаго

союза, на случай нападенія со стороны Россіи на одного изъ союзниковъ; но мое предложеніе распространить дѣйствіе этого союза на другія государства, которыя могли бы напасть на насъ, не встрѣтило сочувствія со стороны графа.

Получивъ не безъ труда отъ его величества право приступить официально къ переговорамъ, я рѣшилъ ѣхать для этого обратно черезъ Вѣну.

Передъ отъѣздомъ изъ Гастейна я написалъ, 10-го сентября, слѣдующее письмо Баварскому королю:

Гастейнъ, 10-го сентября 1879 г.

«Ваше величество были вѣкогда столь милостивы выразить мнѣ высочайшее ваше удовольствіе по поводу моихъ стараній поддержать мирныя и дружественныя отношенія Германской имперіи къ обѣимъ сосѣднимъ великимъ державамъ—къ Австріи и Россіи. Послѣдніе три года эта задача становилась все болѣе и болѣе трудною по мѣрѣ того, какъ русская политика поддадала вліянію частью воинствующихъ, частью революціонныхъ тенденцій панславизма. Уже въ 1876 г. намъ было неоднократно предъявлено изъ Ливадіи требованіе заявить и какъ бы связать себя общаніемъ на счетъ того, намѣрена ли Германская имперія сохранить нейтралитетъ въ случаѣ войны Россіи съ Австріей.

«Уклониться отъ этого заявленія не удалось, и военная гроза, подвѣшавшаяся въ Россіи, перенеслась на Балканы. Крупные успѣхи, достигнутые русской политикой вслѣдствіе этой войны даже послѣ конгресса, не сложили, къ сожалѣнію, раздраженія русской политики въ той степени, какъ это было бы желательно для миролюбивой Европы. Стремленія Россіи по-прежнему неспокойны и не отличаются миролюбіемъ; вліяніе панславистскаго повизма на взгляды императора Александра увеличилось. Графа Шувалова, къ сожалѣнію, постигла, кажется, серьезная немилость, в Берлинскій конгрессъ, дѣло рукъ графа, кажется, осужденъ вмѣстѣ съ тѣмъ императоромъ.

«Самый вліятельный министр, если таковой вмѣстѣ въ настоящее время въ Россіи—военный министръ Милютинъ. По его требованію, нынѣ, послѣ заключенія мира, когда Россіи никто не угрожаетъ, начаты громадныя вооруженія, и несмотря на матеріальныя жертвы, коихъ потребовала война, численность русской арміи увеличена ими въ мирное время на 56.000, а въ случаѣ мобилизаціи численность западной арміи увеличится почти на 400.000 человекъ. Эти вооруженія могутъ быть направлены только противъ Австріи или Германіи, и количество войскъ, стягиваемое въ царствѣ Польскомъ, соответствуетъ этому на-

значенію. Военный министр заявилъ также откровенно технической комиссіи ¹⁾, что Россія надобно готовиться къ войнѣ «съ Европою».

«Несомнѣнно, что императоръ Александръ, не желая вести войну съ Турціей, былъ однако вынужденъ объявить ее подъ давленіемъ панславянской партіи; вліяніе этой партіи между тѣмъ увеличилось настолько, что волненіе умовъ, кроющееся за нею, производитъ на императора внявъ болѣе сильное впечатлѣніе и кажется ему опаснѣе, нежели прежде; поэтому, можно опасаться, что ей удастся также получить подпись императора Александра для дальнѣйшихъ воинственныхъ предпріятій на западъ. Затрудненія, которыя Россія можетъ встрѣтить на этомъ пути со стороны Европы, не могутъ особенно устрашить такого министра, какъ Милютинъ или какъ Маковъ, если справедливы опасенія русской консервативной партіи, что либеральная партія, стараясь втянуть Россію въ разорительныя войны, хочетъ этимъ достигнуть не столько побѣды ея надъ прочими державами, сколько государственнаго переворота. Я не могу отдѣлаться при этомъ отъ мысли, что въ будущемъ и быть можетъ даже въ очень недалекомъ будущемъ, миру будетъ угрожать опасность со стороны Россіи, и при томъ со стороны ея одной. Попытки, которыя, судя по нашимъ донесеніямъ, были сдѣланы послѣднее время Россіей съ цѣлью узнать, встрѣтитъ ли она, въ случаѣ объявленія войны, поддержку со стороны Франціи и Италиі, привели, разумѣется, къ отрицательному результату. Италия оказывается безсильной, а Франція заявила, что она не хочетъ теперь воевать и не чувствуетъ себя достаточно сильной, чтобы начать наступательную войну противъ Германіи въ союзѣ съ одной Россіей.

«При такомъ положеніи, Россія предъявила намъ въ послѣднее время требованія, имѣющія тотъ смыслъ, что мы должны окончательно сдѣлать выборъ между Россіей и Австріей, приказавъ нѣмецкимъ членамъ комиссіи по восточнымъ дѣламъ, въ сомнительныхъ вопросахъ, подавать голосъ вмѣстѣ съ Россіей, тогда какъ, по нашему мнѣнію, въ этихъ вопросахъ наиболѣе правильное истолкованіе постановленій конгресса сдѣлано большинствомъ, образованнымъ Австріей, Англіей и Франціей, и Германія подала поэтому голосъ вмѣстѣ съ ними, такъ что Россія составляла одно меньшинство иногда вмѣстѣ съ Италией, а иногда и безъ нея. Хотя эти вопросы, какъ напримѣръ о положеніи моста подъ Силестріей, объ уступленной Турціи конгрессомъ военной дорогѣ въ Болгаріи, объ управленіи почтъ и телеграфовъ и пограничныя споры относительно нѣкоторыхъ деревень, сами по себѣ весьма незначительны, по сравненію съ мирными отношеніями между великими державами, тѣмъ не менѣе требованіе Россіи, чтобы мы присоединили въ этомъ

¹⁾ Которой предстояло выполнить извѣстныя постановленія Берлинскаго договора 13-го іюля 1878 г.

Примѣч. Бисмарка.

случаѣ свой голосъ не къ Австріи, а къ Россіи, сопровождалось не одинъ, а много разъ недвусмысленными угрозами въ особенности относительно послѣдствій, которыя нашъ отказъ могъ имѣть для международныхъ отношеній обѣихъ странъ. Этотъ странный фактъ, совпавшій при томъ съ отставкой графа Андраши ¹⁾, разумѣется, могъ вызвать опасеніе, что между Россіей и Австріей состоялось, быть можетъ, тайное соглашеніе, направленное во вредъ Германіи. Но это опасеніе ни на чемъ не основано. Австрія, видя тревоженія русской политики, испытываетъ такое же непріятное чувство, какъ и мы, и готова, повидимому, войти съ нами въ соглашеніе для того, чтобы отразить совместно возможное нападеніе со стороны Россіи. Я считалъ бы существенной гарантіей для европейскаго мира и для спокойствія Германіи, если бы Германская имперія заключила съ Австріей договоръ, который имѣлъ бы цѣлью заботиться впредь, какъ и доселѣ, о сохраненіи мира съ Россіей, но въ то же время имѣлъ бы въ виду оказать помощь другъ другу, въ случаѣ если бы которая-либо изъ державъ подверглась все-таки нападенію.

«Будучи такимъ образомъ обезпечены, обѣ державы могли бы впредь, такъ же, какъ и доселѣ, посвятить свои силы укрѣпленію тройственнаго союза. Германская имперія, будучи въ союзѣ съ Австріей, не нуждалась бы въ союзѣ съ Англіей, и при миролюбивой политикѣ обѣихъ великихъ имперій европейскій миръ охранялся бы двухъ-милліоннымъ войскомъ. Исключительно оборонительный характеръ этого союза двухъ великихъ нѣмецкихъ державъ не имѣлъ бы ни для кого вызывающаго характера, такъ какъ для международнаго права они взаимно обезпечивали другъ друга уже во время существованія Германскаго союза съ 1815 г., слѣдовательно, въ теченіе 50 лѣтъ.

«Если этотъ союзъ не будетъ заключенъ, то Австрію нельзя будетъ обвинять, ежели она, подъ давленіемъ русскихъ угрозъ и не будучи увѣрена въ Германіи, сама будетъ искать, въ концѣ концовъ, случая сблизиться съ Франціей или съ Россіей. Въ послѣднемъ случаѣ, Германія, при ея отношеніяхъ къ Франціи, была бы совершенно изолирована на континентѣ. Если же Австрія сблизится съ Франціей и съ Англіей, какъ въ 1854 г., то Германія останется только заключить союзъ съ Россіей и, если она не захочетъ остаться изолированной, то

¹⁾ 14-го августа императоръ Францъ-Иосифъ принялъ въ принципѣ отставку графа Андраши, но не увольнялъ его окончательно отъ дѣлъ до тѣхъ поръ, пока ему не былъ избранъ преемникъ. Графъ сумѣлъ остаться еще нѣкоторое время при исполненіи своихъ обязанностей, чтобы довести до конца дѣло о союзѣ съ Германіей. 8-го октября было объявлено объ увольненіи его въ отставку и о назначеніи его преемникомъ Гаймерле.

Примѣч. Бисмарка.

ей придется идти вмѣстѣ съ Россіей по ошибочному и, какъ мнѣ кажется, опасному пути ся вѣшной и внутренней политики.

«Если Россія заставитъ насъ выбрать между ею и Австріей, то, заключивъ союзъ съ Австріей, мы вступимъ, по моему мнѣнію, на путь мирный и консервативный, въ союзъ же съ Россіей мы вступили бы на путь крайне ненадежный.

«Зная политическіе взгляды вашего величества, я смѣю надѣяться, что ваше величество раздѣляете высказанное мною мнѣніе, и былъ бы счастливъ получить подтвержденіе этого.

«Трудности задачи, которую я себѣ намѣтилъ, велики сами по себѣ, но онѣ значительно увеличиваются тѣмъ, что мнѣ приходится обсуждать такой обширный и многосторонній вопросъ отсюда, письменно, и что мнѣ приходится дѣлать все собственными силами, тогда какъ я окончательно переутомленъ. Мнѣ и безъ того уже пришлось въ интересахъ моего здоровья продлить мое пребываніе здѣсь, но я надѣюсь послѣ 20-го числа сего мѣсяца отправиться обратно черезъ Вѣну. Если до тѣхъ поръ не удастся, по крайней мѣрѣ принципиально, придти къ какому-нибудь положительному результату, то я боюсь, что теперешній благоприятный моментъ будетъ упущенъ, а, въ виду выхода Андраши въ отставку, трудно сказать, представится ли онъ когда-либо вновь.

«Считая долгомъ почтительнѣйше изложить вашему величеству мой взглядъ на положеніе и политику Германской имперіи, прошу ваше величество всемагистивѣйше принять во вниманіе тотъ фактъ, что графъ Андраши и я обязались взаимно держать въ тайнѣ вышензложенный проектъ и что до сихъ поръ только ихъ величествамъ обоимъ императорамъ извѣстно о намѣреніи ихъ первыхъ министровъ заключить между ними договоръ».

Для полноты привожу отвѣтъ короля и мое письмо на него:

Бергъ, 16-го сентября 1879 г.

«Любезный князь Бисмаркъ! Я узналъ съ искреннимъ сожалѣніемъ изъ вашего письма отъ 10-го числа сего мѣсяца, что дѣйствию Киссингенскихъ и Гастейнскихъ водъ дѣлаютъ ваши усиленные и утомительныя занятія дѣлами. Я прочиталъ съ живѣйшимъ интересомъ сдѣланное вами обстоятельное взложеніе современнаго положенія политическихъ дѣлъ и приношу вамъ за это живѣйшую благодарность. Если бы между Германской имперіей и Россіей дѣло дошло до такихъ осложненій, которыя могли бы вызвать войну, то столь глубоко прискорбная перемѣна во взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ державъ доставила бы мнѣ величайшее огорченіе, но и все еще питаю надежду, что дѣлу удастся придать другой оборотъ, оказавъ воздѣйствіе на его величество, російскаго императора, въ интересахъ мира. Во всякомъ случаѣ

ваши старанія заключить тѣсный союзъ между Германской имперіей и Австро-Венгріей всегда встрѣтятся съ моей стороны полнѣйшее сочувствіе и самыя искреннія пожеланія, чтобы они увѣнчались успѣхомъ.

«Пожелавъ вамъ возвратиться на родину съ новыми силами, повторяю вамъ увѣреніе въ совершенномъ уваженіи, съ какимъ я всегда пребываю вамъ искренній другъ Людовикъ».

Гастейнъ, 19-го сентября 1879 г.

«Милостивое письмо вашего величества отъ 16-го числа сего мѣсяца я получилъ съ благоговѣйной признательностью и съ удовольствіемъ убѣдился изъ него, что ваше величество одобряете мои старанія сблизиться съ Австро-Венгріей. Что касается отношеній къ Россіи, то я всепокорнѣйше позволю себѣ замѣтить, что намъ не угрожаетъ непосредственно опасность такихъ осложненій, которыя могли бы повести къ войнѣ и которыя глубоко огорчили бы также и меня не только съ политической точки зрѣнія, но даже лично; но опасность эта значительно увеличилась бы въ томъ случаѣ, если бы Франція захотѣла идти рука объ руку съ Россіей. Пока этого нѣтъ, наша политика, согласно съ намѣреніями его императорскаго величества, приложитъ все стараніе къ тому, чтобы поддержать и упрочить мирныя отношенія имперіи къ Россіи, оказавъ воздѣйствіе на его величество императора Александра. Переговоры, происходящіе съ Австріей относительно заключенія болѣе тѣснаго союза, имѣютъ вполнѣ миролюбивую, оборонительную дѣль, а также поддержаніе добрососѣдскихъ отношеній.

«Предполагая выѣхать изъ Гастейна завтрашній день, я рассчитываю быть въ Вѣнѣ въ воскресенье.

«Принося вашему величеству всеискреннѣйшую благодарность за милостивое участіе къ моему здоровью, честь имѣю быть, съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего величества всепокорнѣйшій слуга ф.-Бисмаркъ».

Сознаніе, которое я испытывалъ во время длинной поѣздки изъ Гастейна черезъ Зальцбургъ и Липцигъ, что я находился на чисто нѣмецкой землѣ и среди нѣмецкаго населенія, усугублялось привѣтливымъ отношеніемъ ко мнѣ публики на станціяхъ. Въ Липцигѣ толпа народа была такъ велика и такъ возбуждена, что, опасаясь вызвать этимъ въ нѣскихъ кружкахъ какія-либо недоразумѣнія, я задержалъ въ вагонѣ занавѣски, не отвѣчалъ на дружественныя демонстраціи и увѣхалъ далѣе, никому не показываясь. Въ Вѣнѣ, на улицахъ было замѣтно подобное же настроеніе; привѣтствія густой толпы народа были такъ единодушны, что такъ какъ я былъ въ статскомъ, то мнѣ пришлось ѣхать до гостиницы почти все время съ обнаженной головою, что было не особенно пріятно, и все время, пока я жилъ въ гостиницѣ, я не могъ показаться у окна, не вызвавъ дружелюбныхъ демонстрацій

со стороны тѣхъ лицъ, которыя или ожидали или случайно проходили мимо. Эти вѣншіе знаки вниманія увеличились еще болѣе, послѣ того какъ императоръ Францъ-Іосифъ сдѣлалъ мнѣ честь посѣтить меня. Всѣ эти факты доказывали несомнѣнно, что населеніе столицы и тѣхъ нѣмецкихъ провинцій, по которымъ я проѣзжалъ, желало, чтобы тѣсная дружба съ вновь возникшей нѣмецкой имперіей явилась залогомъ будущаго обѣихъ великихъ державъ. Я не сомнѣвался, что подобныя симпатіи существовали и въ Германской имперіи, на югъ болѣе, чѣмъ на сѣверѣ, среди консервативной партіи болѣе, нежели среди оппозиціи, въ западныхъ католическихъ провинціяхъ болѣе, нежели на протестантскомъ востокѣ, иди на встрѣчу узамъ кровнаго родства. Тридцатилѣтняя война, возникшая на религіозной почвѣ, политическая борьба, породившая Семилѣтнюю войну и дипломатическое соперничество, не прекращавшееся со смерти Фридриха Великаго до 1866 г., не могли подавить этого родственнаго чувства, хотя нѣмецъ склоненъ вообще сражаться болѣе энергично со своимъ соотечественникомъ, нѣмцемъ, если къ тому представится случай, нежели съ иностранцемъ.

Быть можетъ, населенная славянами Чехія, врѣзавшаяся клиномъ между нѣмецкими землями, отдѣливъ исконно нѣмецкое населеніе австрійской монархіи отъ его сѣверо-западныхъ соотечественниковъ, не допускала тѣхъ столкновеній, какія возникаютъ зачастую между сосѣднимъ одноплеменнымъ нѣмецкимъ населеніемъ, подчиненнымъ власти двухъ различныхъ владѣтельныхъ лицъ, и укрѣпила національное чувство нѣмецкихъ обитателей Австріи, которое было скрыто, но не заглушено окончательно пылью, поднятою этой вѣковой борьбою.

Я былъ принятъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ весьма благосклонно и встрѣтилъ съ его стороны позавѣйшую готовность заключить съ нами союзный договоръ. Чтобы добиться на это согласія моего всемощнѣйшаго монарха, я проводилъ еще въ Гастейнѣ ежедневно часть предназначеннаго для моего лѣченія времени за письменнымъ столомъ, стараясь доказать ему, что намъ необходимо ограничить число коалицій, которыя могутъ образоваться противъ насъ; я доказывалъ также, что вѣрнѣйшимъ къ этому способомъ можетъ быть союзъ съ Австріей. Говоря правду, я не особенно разсчитывалъ на то, что дѣловая сторона моихъ переговоровъ могла повліять на убѣжденія его величества, основанныя не столько на политическихъ соображеніяхъ, сколько на чувствѣ. Заключеніе союза, который по своей воинственной, хотя и оборонительной цѣли все-таки выражалъ недовѣріе къ племяннику и другу, съ которымъ онъ только-что обмѣнялся еще разъ со слезами и вполне чистосердечно увѣреніями дружбы,—слишкомъ противорѣчило рыцарскимъ взглядамъ, съ которыми императоръ смотрѣлъ на свои отношенія къ своему родственнику и другу. Я нимало не сомнѣвался въ томъ, что императоръ Але-

ксандръ относился къ нему въ свою очередь съ такою же безупречною честностью и съ такимъ же искреннимъ чувствомъ; но я зналъ, что онъ не обладалъ тою вѣрностью политическаго сужденія и тѣмъ трудолюбиемъ, которыя могли бы защитить его отъ тайныхъ проговоровъ окружающихъ лицъ, и что онъ не отличался такою откровенностью и до вѣрчивостью въ личныхъ отношеніяхъ, какими отличался мой монархъ. Прямота, съ какою дѣйствовалъ всегда императоръ Николай, не была унаслѣдована его пріемникомъ, обладавшимъ характеромъ болѣе мягкимъ; сынъ легче поддавался женскому вліянію, нежели отецъ. Между тѣмъ единственнымъ залогомъ для поддержанія прочныхъ дружескихъ отношеній съ Россіей служитъ личность царствующаго монарха, и коль скоро она не представляетъ такой гарантіи, какую представляла собою личность Александра I, выказавшаго въ 1813 г., на томъ же престолѣ, такую преданность прусскому королевскому дому, на которую не всегда можно разсчитывать, то на союзъ съ Россіей нельзя полагаться въ той степени, какъ это можетъ быть намъ нужно.

Уже въ прошломъ столѣтіи было довольно опасно разсчитывать на принудительную силу какого-нибудь союзнаго договора въ томъ случаѣ, когда измѣнялись обстоятельства, при которыхъ этотъ союзъ былъ заключенъ, а въ настоящее время для правительства большой монархіи почти невысказимо употребить свои военныя силы для оказанія помощи дружественной державѣ, коль-скоро народъ этого не одобряетъ. Поэтому текстъ какого-нибудь союзнаго договора, коимъ государство обязуется начать, въ извѣстномъ случаѣ, войну, не представляетъ нынѣ тѣхъ гарантій, какія подобныя договоры представляли въ то время, когда велись кабинетскія войны, съ 30—60.000 войска; едва-ли въ настоящее время мыслима такая «семейная война», какую велъ Фридрихъ-Вильгельмъ II, защищая интересы своего зятя въ Голландіи, и врядъ-ли нынѣ можно бы найти поводъ къ такой войнѣ, какую Николай I велъ въ Венгріи въ 1849 г. Тѣмъ не менѣе текстъ вполнѣ яснаго и зрѣло обдуманнаго договора не можетъ не вліять на дипломатію въ такіе моменты, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы вызвать войну или избѣжать ея. Даже правительства, наиболѣе склонныя къ софистикѣ и насилію, не любятъ безцѣльно нарушать даннаго слова, если ихъ не принуждаетъ къ этому форсе majeure ихъ очевидныхъ интересовъ.

Всѣ доводы и соображенія, которые я представлялъ въ своихъ письмахъ королю, находившемуся въ Баденѣ, изъ Гастейна, Вѣны и наконецъ изъ Берлина, не оказали желаемаго дѣйствія. Для того чтобы получить согласіе императора на проектъ союзнаго договора, выработаннаго мною и Андраши и который былъ одобренъ императоромъ Францемъ-Иосифомъ въ предположеніи, что онъ будетъ также принять

императоромъ Вильгельмомъ, мнѣ пришлось прибѣгнуть къ крайне неприятому для меня средству, поставивъ кабинетскій вопросъ, на что я получилъ согласіе моихъ коллегъ. Такъ какъ я былъ слишкомъ утомленъ усиленной дѣятельностью за послѣднее время и перерывомъ дѣченія въ Гастейнѣ, чтобы совершить поѣздку въ Баденъ-Баденъ, то туда отправился графъ Стольбергъ; несмотря на серьезное противодѣйствіе со стороны его величества, ему удалось благополучно окончить это дѣло. Императоръ не былъ убѣжденъ политическими доводами, но обѣщалъ ратифицировать договоръ только потому, что онъ ненавидѣлъ перемиѣну въ личномъ составѣ министерства. Кронпринцъ съ самаго начала относился сочувственно къ союзу съ Австріей, но онъ не имѣлъ вліянія на отца.

Императоръ, со своимъ обычнымъ благородствомъ, счелъ долгомъ откровенно объяснить русскому императору ¹⁾, что если бы ему взду-

¹⁾ Въ нижеслѣдующемъ письмѣ, которое не приведено въ „Воспоминаніяхъ Бисмарка“, но напечатано въ „Wegweiser durch Bismarck's Gedanken und Eriepnungen“, отсюда оно здѣсь заимствуется.

„Берлинъ, 4-го ноября (23 октября) 1879 г.

Императору Александру, моему любезному племяннику и другу.

Сердечная дружба, соединяющая насъ уже столь долгіе годы и дѣйствовавшая намъ политикѣ, основанную на этихъ чувствахъ, налагаетъ на меня обязанность написать вамъ въ то время, когда я пересылаю вамъ меморандумъ, представляющій результатъ словесныхъ объясненій между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Андраши въ Гастейнѣ и Вѣнѣ. Послѣдній прибылъ въ Гастейнъ, чтобы дать объясненія по поводу причинъ, вызвавшихъ его увольненіе отъ дѣлъ, конми онъ руководилъ столь отиѣннымъ образомъ, что снискало ему довѣріе всей Европы. Предметомъ переговоровъ обоихъ канцлеровъ были отношенія, возникшія между Германією и Австрією, вслѣдствіе событій 1848 года. Судьба оружія рѣшила, что впредь Пруссія будетъ стоять во главѣ объединенной Германіи. Послѣ того, какъ германскій союзъ пересталъ существовать, потеряли реальное значеніе и трактаты, соединившіе Австрію съ возстановленною Германією. Несмотря на это, однако, союзъ между Австрією, Пруссією и германскими государствами существуетъ въ общественномъ мнѣніи Германіи, которое стремится воплотить его въ нравственномъ единеніи обѣихъ имперій, въ миротворномъ духѣ которыхъ видать ручательство поддержанія мира въ Европѣ. Я не говорю уже о мудрости, съ которою вы столь могущественно способствовали сохраненію этого мира вопреки частнымъ войнамъ, театромъ которыхъ Европа была въ послѣдніа 20 лѣтъ.

„Отставка графа Андраши, своею личностью поддерживавшаго ходъ сказанныхъ событій, могла имѣть тяжкія послѣдствія, кто бы ни былъ его преемникомъ, ибо довѣріе не передается по наслѣдству. Оба канцлера, такимъ образомъ, пришли къ соглашенію, чтобы восполнить посредствомъ новаго единенія между Германією и Австрією пустоту, образовавшуюся съ превращеніемъ германской федераціи, которая въ теченіе полѣтка была представительницею союза Пруссіи, Австріи и германскихъ монарховъ. Это соглашеніе изложено въ прилагаемомъ при семъ меморандумѣ.

малось напасть на одну изъ сосѣднихъ державъ, то ему предстояло бы воевать съ обоими сосѣдами; онъ не хотѣлъ, чтобы императоръ Александръ думалъ ошибочно, что онъ могъ бы воевать съ одной только Австріей. Эта заботливость казалась мнѣ излишней, такъ какъ петербургскій кабинетъ могъ понять изъ нашего отвѣта на вопросъ, предложенный намъ изъ Ливадіи, что мы не дадимъ погубить Австрію, слѣдовательно, нашимъ договоромъ съ Австріей не было создано новаго положенія, а было только узаконено прежде существовавшее.

Возобновленіе Кауницкой коалиціи, если бы она оставалась тѣсно сплоченной и вела бы свои войны искусно, угрожало бы Германіи хотя не отчаянной, но во всякомъ случаѣ весьма серьезной опасностью, предотвратить которую было бы задачей нашей виѣшней политики. Если бы сплоченность союзныхъ Австріи и Германіи и единообразіе ихъ государственнаго устройства были такъ же прочно обезпечены, какъ въ Россіи и во Франціи, взятыхъ въ отдѣльности, то я не думалъ

Я ласкаю себя мыслию, что принципы, наложенные въ этомъ важномъ актѣ, будутъ вами одобрены, и что вы сообразовите придать значеніе возобновленію соглашенія трехъ императоровъ, оказавшаго Европѣ съ 1873 г. столько важныхъ услугъ. Я не безъ удовольствія замѣтилъ, что, послѣ нашего свиданія въ Александровѣ, печать нашихъ странъ успокоилась; однако же, я встрѣтилъ въ одной московской газетѣ статью, открыто говорящую о панславистской войнѣ противъ Германіи, какъ о рѣшенномъ дѣлѣ, при чемъ генералъ-губернаторъ не арестовалъ этой газеты, хотя онъ имѣлъ полное право это сдѣлать по своимъ полномочіямъ. Я боюсь нигилистической партіи, которая въ одинъ голосъ съ панславизмомъ держитъ враждебныя рѣчи противъ сосѣднихъ странъ для того, чтобы пользоваться всякимъ конфликтомъ для своихъ разрушительныхъ плановъ. Если бы эти революціонные планы могли своими давленіемъ привести къ тому, чтобы увлечь за собою или компрометтировать правительство въ его политическихъ сношеніяхъ, то, не могу отъ васъ скрыть, дорогой мой племянникъ, что при этомъ встрѣтилась бы солидарность противодѣйствія въ сосѣднихъ странахъ. Угрожающая рѣчь въ связи съ такимъ бросающимся въ глаза увеличеніемъ вашей арміи послѣ успѣховъ славной войны, которая, казалось бы, должна была обезпечить миръ, держитъ Европу въ тревогѣ, тогда какъ откровенное выраженіе вашей мнотворной воли могло бы утишить безпокойство и опять привести умъ на добрый путь.

Вотъ, дорогой племянникъ, то, что я хотѣлъ вамъ высказать съ прямою и довѣрливою, которыя вамъ извѣстны. Но я долженъ еще присовокупить къ этому мое, вполне личное сожалѣніе по поводу досаднаго совпаденія нашего дружественнаго свиданія съ дѣйствіями, которыми были ускорены вслѣдствіе непредвидѣнной отставки графа Авдраши и обстоятельствъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Вамъ уже извѣстно, что я имѣлъ огромное удовольствіе видѣться съ императрицею и высказать ей наутро мое горячія пожеланія ей здоровья, которое, благодаря Бога, какъ мнѣ кажется, лучше, нежели я ожидалъ. Вильгельмъ“.

бы, что нападеніе одной изъ сосѣднихъ Великихъ державъ могло бы угрожать нашему существованію, хотя бы Италия и не участвовала въ тройственномъ союзѣ. Но если антиямецкое настроеніе обнаружится въ Австріи на національной и религіозной почвѣ съ большею по сравнению съ прежнимъ силою, и если къ этому присоединятся искушенія со стороны Россіи и ея предложенія въ области восточной политики, какъ это было во время Екатерины II и Иосифа II, если возжеланія Италіи будутъ угрожать австрійскимъ владѣніямъ на берегу Адриатическаго моря и если намъ надобно будетъ считаться съ ея военными силами такъ же точно, какъ во времена Радецкаго, то борьба, которую я считаю возможною въ будущемъ, будетъ для насъ весьма не равная. Нечего и говорить, насколько опасно было бы положеніе Германіи, если представить себѣ, что, съ восстановленіемъ монархіи во Франціи, Австрія, желая стереть съ лица земли событія 1866 г., при дружескихъ отношеніяхъ обѣихъ державъ къ римской куріи, перейдетъ въ лагерь на-

Императоръ Александръ II отвѣчалъ на это письмо:

„Ливадія, 2-го (14-го) ноября 1879 г.

Дорогой дядя и другъ! Не могу довольно благодарить васъ за ваше письмо отъ 4-го ноября, только-что мною полученное. Приложивъ къ нему текстъ меморандума, подписаннаго въ Вѣнѣ, вы дали мнѣ новое доказательство вашего сердечнаго ко мнѣ довѣрія и предчувствовали потребность моего сердца устранить пѣтъ нашихъ отношеній малѣйшую тѣнь сомнѣнія.

Несомнѣнно, что путешествіе князя Бисмарка въ Вѣну, сопровождавшееся заключеніемъ помянутаго акта, какъ казалось, служило въ нѣкоторомъ родѣ противовѣсомъ нашему свиданію въ Александровѣ и могло произвести тягостное впечатлѣніе, которое могло ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе. Мое личное довѣріе этимъ не поколеблено, и я счастливъ, что могу нынѣ констатировать, что эта политическая сдѣлка не содержитъ въ себѣ ровно ничего противнаго моимъ желаніямъ. Она стремится къ тому чтобы упрочить могущество великой Германіи, объединенію которой я радуюсь, и старается исполнять мирнымъ образомъ постановленія Берлинскаго договора, точное соблюденіе которыхъ составляло всегда основу моей политики.

Я присоединяюсь поэтому всецѣло къ принципамъ, изложеннымъ въ меморандумѣ, который вы мнѣ сообщили; присоединяясь такимъ образомъ къ соглашенію, установившемуся между Германіей и Австріей, я съ удовольствіемъ вижу въ немъ возвратъ къ тому совершенному согласію трехъ императоровъ, которое, какъ вы замѣтили вполне справедливо, оказало Европѣ величайшія услуги.

Вамъ не безызвѣстно, впрочемъ, дорогой дядя, что я былъ готовъ идти на встрѣчу этому согласію; вамъ должны такъ же быть извѣстны мои старанія достигнуть его полнѣйшей общностью взглядовъ между нами. Желая облегчить вызванныя имъ сношенія и назначая моего теперешняго посланника въ Берлинѣ на другую должность, я рѣшилъ замѣнить его г. Сабуровымъ, коего задача выяснилась во время его послѣднихъ свиданій съ княземъ Бисмаркомъ. Если этотъ выборъ будетъ вами одобренъ, соглашусь

шихъ противниковъ. Эти несимпатическія мысли, не выходящія впрочемъ изъ предѣловъ возможнаго и оправдываемыя прошлымъ, побудили меня поднять вопросъ о томъ, не лучше ли было бы заключить между Германской имперіей и Австро-Венгріей такой органической союзъ, который не былъ бы временнымъ, какъ обыкновенные договоры, но былъ бы включенъ въ законодательство обѣихъ имперій и могъ бы быть расторгнутъ не иначе, какъ новымъ законодательнымъ актомъ.

Такой союзъ въ теоріи представляется весьма надежнымъ; но оказался ли бы онъ таковымъ въ дѣйствительности при дальнѣйшемъ ходѣ событій, подлежитъ сомнѣнію, если припомнимъ, что государственное устройство священной римской имперіи, налагавшее въ теоріи несравненно болѣе обязательствъ, не могло обезпечить сплоченности нѣмец-

извѣститъ меня о томъ; надѣюсь, что Сабуровъ окажется достойнымъ того довѣрія, которымъ я желалъ бы, чтобы были отмѣчены сношенія нашихъ двухъ государствъ.

Въ этомъ отношеніи не могу передъ вами, дорогой дядя, скрыть, какъ я сожалѣю, что вы могли приписать характеръ угрозы ряду военныхъ мѣръ, вызванныхъ необходимою преобразованіемъ моей арміи. Я думалъ, что мои словесныя объясненія вмѣстѣ съ разъясненіями моего военнаго министра Милюткина, имѣвшаго честь вамъ ихъ сдѣлать въ Александровѣ, достаточно уже показали мирный характеръ всѣхъ этихъ мѣръ для того, чтобы окончательно разъяснить этотъ вопросъ. Не менѣе сожалѣю, что вы могли допустить, будто панславистскія и другія тенденціи, дающія себя знать въ публицистикѣ, могутъ оказывать давленіе на мое правительство. Неумѣрное мнѣніе какого-либо писателя, будь это даже представитель болѣе или менѣе распространеннаго кружка его единомышленниковъ, никогда не приобретаетъ въ Россіи значенія политическаго программы. Поэтому, если случается, что какаа-либо выходка печати ускользаетъ отъ контроля моего правительства, то это бываетъ именно потому, что сознаніе имъ своей силы лишаетъ все подобное всякой важности. Что до разрушительныхъ старавій нигилистической партіи, то вы знаете, что я не поколебался прибѣгнуть къ самымъ энергическимъ мѣрамъ для борьбы съ нею, какъ только обстоятельства показали необходимость этого. И эти мѣры не остались безъ результатовъ. Вы можете видѣть въ этомъ доказательство того, что моя твердая воля не потерпѣла никогда ни малѣйшаго искушенія, которое могло бы компрометтировать порядокъ и миръ. Мнѣ остается, мой дорогой дядя, надѣяться, что эти увѣренія, исходя отъ меня, будутъ въ состояніи разсѣять ваши сомнѣнія.

Я былъ весьма радъ слышать, что назначеніе моего флигель-адъютанта, полковника П. Долгорукаго военно-уполномоченнымъ при вашей особѣ вами одобрено; рекомендуя его вашей благосклонности, я надѣюсь, что онъ сдѣлаетъ заслужить ее.

Позвольте выразить вамъ мою благодарность за милостивый приемъ, оказанный вамъ моими сыновьямъ.

Императрица была очень рада видѣть васъ при проѣздѣ черезъ Оосъ. Ея здоровье оставляетъ, къ сожалѣнію, желать многого.

Вѣрите, любезный дядя, чувствамъ неизмѣнной преданности и искренняго расположенія предавшаго вамъ племянника и друга Александра"

кой нація и что мы не могли подыскать для опредѣленія нашихъ отношеній къ Австріи такой формулы союзнаго договора, въ которой крылась бы болѣе прочная связующая сила, нежели въ прежнихъ союзныхъ договорахъ, послѣ заключенія которыхъ Кениггрецкое сраженіе, въ теоріи, было немыслимо. Прочность договоровъ, заключаемыхъ между великими державами, условна, коль скоро имъ приходится выдержать испытаніе въ «борьбѣ за существованіе». Ни отъ одной великой державы нельзя ожидать, чтобы она принесла свое существованіе въ жертву на алтарь союзныхъ договоровъ, если ей придется выбрать между тѣмъ и другимъ. *Ultra posse pesh obligatur* не можетъ быть уничтожено никакими договорными статьями; точно также никакими статьями договора не можетъ быть обезпечено точное и серьезное его исполненіе, коль скоро личные интересы договаривающихся сторонъ не будутъ долѣе соответствовать тексту заключеннаго договора. Поэтому, если дѣла европейской политики примутъ такой оборотъ, что Австро-Венгрія будетъ видѣть свое спасеніе въ анти-нѣмецкой политикѣ, то съ ея стороны можно будетъ ожидать такого же самопожертвованія при соблюденіи договоровъ, какое она выказала во время крымской кампаніи, когда ей приходилось уплатить долгъ признательности, который былъ важнѣе всякаго политическаго договора...

Опасность, которой могутъ угрожать нашему союзу съ Австріей попытка, дѣлаемая съ цѣлью заключить союзъ между Россіей и Австріей, какъ это было во времена Іосифа II и Екатерины II или при заключеніи Рейхштадтской конвенціи, и таинственность, съ какою это дѣлается, можетъ быть парализована до нѣкоторой степени только въ томъ случаѣ, если, строго соблюдая наши обязательства по отношенію къ Австріи, мы будемъ въ то же время твердо помнить, что дорога изъ Берлина въ Петербургъ ничѣмъ не ограждена. Мы должны заботиться о томъ, чтобы миръ между сосѣдними имперіями не былъ нарушенъ, въ этомъ состоитъ наша задача. Намъ удастся обезпечить будущее царствующей въ Италіи четвертой большой династіи лишь настолько, насколько намъ удастся поддержать согласіе между тремя имперіями, и либо ограничить честолюбіе нашихъ двухъ восточныхъ сосѣдокъ, либо удовлетворить его по обоюдному соглашенію. То и другое не только необходимо для насъ съ точки зрѣнія европейскаго равновѣсія, ибо въ противномъ случаѣ намъ самимъ угрожала бы опасность, но охраненіе монархическаго элемента въ Вѣнѣ и въ Петербургѣ, и при ихъ помощи въ Римѣ составляетъ даже непремѣнную задачу Германіи, которая вполне соответствуетъ сохраненію государственнаго порядка у насъ самихъ.

Договоръ, заключенный нами съ Австріей для взаимной защиты въ случаѣ нападенія со стороны Россіи, всѣмъ извѣстенъ. Но о заключеніи

этими державами подобнаго же оборонительнаго союза противъ Франціи не извѣстно. Союзъ, заключенный между Германіей и Австріей, не представляетъ такой гарантіи, въ случаѣ войны съ Франціей, которая можетъ скорѣе всего угрожать Германіи, какъ въ случаѣ войны со Россіей, которая угрожаетъ Австріи болѣе, нежели Германіи. Между Германіей и Россіей не существуетъ такого различія интересовъ, которое неизбѣжно привело бы къ столкновенію и разрыву. Напротивъ, одинакіе интересы въ польскомъ вопросѣ и вліяніе давнишней династической солидарности въ противоположность революціоннымъ стремленіямъ составляютъ основу для общихъ дѣйствій въ политикѣ обоихъ кабинетовъ. Она нѣсколько ослабла вслѣдствіе того, что общественное мнѣніе цѣлыхъ десять лѣтъ было сбито съ толку русской прессою, которая возбуждала и поддерживала въ читающей публикѣ искусственно ненависть ко всему нѣмецкому; царствующей династіи приходится съ этимъ считаться, если императоръ желаетъ поддерживать съ Германіей дружественныя отношенія. Впрочемъ, едва-ли русская публика настроена къ Германіи болѣе враждебно, нежели чехи въ Богеміи и Моравіи и словаки въ тѣхъ земляхъ, которыя входили нѣкогда въ составъ Германскаго союза, и поляки въ Галиціи. Словомъ, остановивъ свой выборъ предпочтительно на союзѣ съ Австріей, а не съ Россіей, я не закрывалъ глаза на сомнѣнія, которыя затрудняли мнѣ этотъ выборъ. Я всегда считалъ и до сихъ поръ считаю необходимымъ поддерживать добрососѣдскія отношенія къ Россіи, несмотря на то, что нами заключенъ оборонительный союзъ съ Австріей, такъ какъ мы не можемъ быть вполне гарантированы, что избранная нами комбинація не потерпитъ фіаско; напротивъ, мы будемъ въ состояніи сдерживать антинѣмецкія вожделѣнія Австро-Венгріи только до тѣхъ поръ, пока наши отношенія къ Петербургу будутъ хороши и пока между нами и Россіей не образуется пропасти, чрезъ которую нельзя будетъ перекинуть моста. Въвское правительство въ состояніи будетъ сдерживать враждебные или чуждые германскому союзу элементы только до тѣхъ поръ, пока этой непоправимой пропасти не существуетъ. Если же между нами и Россіей возникнетъ рознь и наступившее охлажденіе будетъ казаться непоправимымъ, то въ Вѣнѣ, разумѣется, возрастутъ требованія, которыя она сочтетъ себя въ правѣ предъявить къ своему германскому союзнику. Во-первыхъ, она потребуетъ расширить *casus foederis*, который, согласно обнародованному тексту союзнаго договора, заключенъ только для защиты въ случаѣ нападенія на Австрію со стороны Россіи, и вторыхъ, она потребуетъ, вѣроятно, замѣнить означенный *casus foederis* защитою австрійскихъ интересовъ на Балканахъ и на востокѣ, что наша пресса уже пробовала дѣлать и довольно успѣшно. Воплнѣ естественно, что народы, обитающіе въ Дунайскомъ бассейнѣ, имѣютъ по-

требности и планы, которые не укладываются въ мнѣшнихъ предѣлахъ Австро-Венгерской монархіи; германская имперская конституція наѣтила путь, слѣдуя которому, Австрія могла бы примирить политическіе и матеріальные интересы ея подданныхъ, обитающихъ между восточной границей Румыніи и Каттарскимъ заливомъ. Но въ задачи Германской имперіи не входитъ жертвовать жизнью и кровью своихъ подданныхъ ради осуществленія желаній ея сосѣдки. Сохраненіе цѣлости и независимости Австро-Венгерской монархіи, какъ великой державы, необходимо для Германіи ради соблюденія европейскаго равновѣсія, и для этого можно со спокойной совѣстью пожертвовать, въ случаѣ надобности, миромъ страны. Но кромѣ этого въ Вѣнѣ не должны предъявлять къ союзнику такихъ требованій, которыхъ не имѣли въ виду при заключеніи союза.

Миръ между Германіей и Россіей едва-ли можетъ быть нарушенъ инымъ путемъ кромѣ какъ искусственнымъ подзадориваніемъ или честолюбивыми выходками русскихъ или нѣмецкихъ военныхъ лицъ вроде Скобелева, которые изъ желанія отличиться хотѣли бы, чтобы Россіи пришлось воевать прежде, нежели они состарятся. Общественное мнѣніе Россіи и русская пресса должны быть чрезвычайно недальновидны и лживы, чтобы думать и предполагать, что, при заключеніи оборонительнаго союза съ Австріей и затѣмъ съ Италіей, германской политикой руководили завоевательныя стремленія. Лживость была скорѣе всего польско-французскаго происхожденія, а недальновидность русскаго происхожденія. Польско-французская партія ловко одерживала, на почвѣ русскаго легковѣрія и невѣжества, побѣду надъ недостаткомъ таковой ловкости съ нашей стороны, въ чемъ, смотря по обстоятельствамъ, кроется сила или слабость нѣмецкой политики. Честная и ирамодушная политика въ большинствѣ случаевъ выгоднѣе прежнихъ хитросплетеній, но для ея успѣха необходима извѣстная доля личнаго довѣрія, которое легче утратить, нежели пріобрѣсти.

Никто не можетъ предвидѣть будущей судьбы Австріи въ такой степени, какъ это необходимо для заключенія съ нею прочнаго и органическаго договора. Тѣ факторы, которые играютъ роль въ ея развитіи, такъ же разнообразны, какъ самый составъ ея населенія; къ ихъ жгучему и порой разлагающему дѣйствию присоединяется неуловимое вліяніе, которое можетъ имѣть на руководящія сферы религіозный элементъ, смотря по тому, усиливается или падаетъ вліяніе Рима. Не только панславизмъ и Болгарія или Боснія, но также вопросы: сербскій, румынскій, польскій, чешскій и пожалуй даже италянскій вопросъ въ Трентино, Триестѣ и на далматинскомъ берегу могутъ явиться центромъ и исходнымъ пунктомъ не только австрійскаго, но даже европейскаго

кризиса, который затронетъ германскіе интересы настолько, насколько Германская имперія будетъ тѣсно связана съ Австріей.

Въ Богеміи разладъ, существующій между нѣмцами и чехами, проникъ нѣстами въ армию такъ глубоко, что въ нѣкоторыхъ полкахъ офицеры той и другой національности не знакомятся другъ съ другомъ и даже не ѣдятъ вмѣстѣ. Опасность тяжелой и серьезной войны угрожаетъ Германіи скорѣе на западной границѣ, такъ какъ французы выказываютъ склонность къ воинственнымъ замысламъ и къ завоеваніямъ, воспитанную въ нихъ монархами, со временъ императора Карла V, для достиженія ими владычества внутри государства и внѣ его.

Мы легче можемъ заручиться помощью Австріи въ случаѣ войны съ Россіей, нежели для войны съ Франціей, коль скоро соперничество этихъ двухъ державъ въ Италіи, въ которой они хозяйничали, утратило тотъ характеръ, какой оно имѣло прежде. Если бы во Франціи была восстановлена монархическая и католическая монархія, то можно бы надѣяться, что ей удастся восстановить такія отношенія къ Австріи, которыя существовали во время Семилѣтней войны и Вѣнскаго конгресса до возвращенія Наполеона съ Эльбы, и которыя угрожали во время польскаго возстанія въ 1863 г., во время Крымской кампаніи и чуть было не осуществились во времена графа Бейста съ 1866 по 1870 гг. въ Зальдбургѣ и Вѣнѣ. Въ случаѣ восстановленія монархіи во Франціи, взаимная симпатія двухъ католическихъ великихъ державъ, не ослабляемая болѣе ихъ соперничествомъ изъ-за Италіи, могла бы вызвать въ предприимчивыхъ политическихъ дѣятеляхъ желаніе оживить снова эти симпатіи.

Высказывая свое сужденіе объ Австріи, мы дѣлаемъ и теперь ошибку, не допуская возможности той враждебной политики, какую преслѣдовали Тугутъ, Шварценбергъ, Буоль, Бахъ и Бейстъ. Не можетъ развѣ повториться, въ другомъ направленіи, политика неблагодарности, возведенной въ принципъ, которой хвастался Шварценбергъ по отношенію къ Россіи, та политика, которая подготовила намъ затрудненія 1792—1795 гг. въ то время, когда наши войска стояли въ полѣ вмѣстѣ съ войсками Австріи, которая бросила насъ на произволъ судьбы для того, чтобы быть достаточно сильной въ польскихъ дѣлахъ, старалась навязать намъ войну съ Россіей, что ей едва и не удалось, въ то время когда мы, въ качествѣ ея союзниковъ, сражались за Германскую имперію съ Франціей, и чуть не довела на Вѣнскомъ конгрессѣ дѣло до войны между Россіей и Пруссіей. Всѣ попытки, которыя дѣлаются съ цѣлью вступить на этотъ путь, не удаются въ настоящее время благодаря личной честности и порядочности императора Франца-Иосифа и, хотя этотъ монархъ уже не такъ молодъ и неопытенъ, какъ въ то время, когда, поддавшись вліянію личнаго озлобленія графа Буоля про-

твѣ императора Николая, онъ рѣшился произвести политическое давленіе на Россію, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Виллагоса; но это гарантія, такъ сказать, чисто личная; она можетъ исчезнуть вмѣстѣ съ перемѣною монарха, и тогда могутъ вновь приобрести вліяніе тѣ элементы, которые неоднократно проповѣдывали политику соперничества. Любовь къ Германской имперіи галиційскихъ поляковъ и ультрамонтанскаго духовенства скоро проходяща и носитъ характеръ оппортунизма, точно такъ же, какъ непрочно убѣжденіе австрійцевъ въ пользу союза съ Германіей сравнительно съ тѣмъ презрѣніемъ, какое чистокровный венгерецъ питаетъ къ швабу. Въ Венгріи и въ Польшѣ до сихъ поръ живы симпатіи къ Франціи; восстановление католической монархіи во Франціи могло бы оживить среди духовенства габсбургской монархіи тѣ стремленія, которыя выразились въ эпоху съ 1866 по 1870 г. въ общности дипломатическихъ дѣйствій съ Франціей и въ болѣе или менѣе созрѣвшихъ проектахъ союза съ этой державою. Поручю, что этого не случится, служить, какъ я уже сказалъ, только личность нынѣшняго императора австрійскаго и короля венгерскаго; но предусмотрительная политика должна предвидѣть всевозможныя случайности, которыя могутъ произойти въ имперіи.

Возможность соперничества между Вѣною и Берлиномъ изъ-за русской дружбы можетъ повториться такъ же, какъ это случилось во время Ольмюцкой конференціи и при заключеніи Рейхштатскаго договора, когда политикой руководилъ чрезвычайно благоволившій къ намъ графъ Андраши.

Въ виду этого для насъ весьма важно, что интересы Австріи и Россіи не одинаковы на Балканскомъ полуостровѣ и что между Россіей и Германіей не существуетъ такихъ крупныхъ интересовъ, которые могли бы повести къ разрыву и къ войнѣ. Но, при существующемъ въ Россіи государственномъ строѣ, это преимущество можетъ исчезнуть и въ настоящее время вслѣдствіе личныхъ неудовольствій и неискренней политики, такъ же легко, какъ легко язвительные отзывы и остроты Фридриха Великаго заставили императрицу Елисавету присоединиться къ австро-французскому союзу, заключенному противъ насъ. Въ настоящее время при обояхъ дворахъ также распускаютъ достаточно много клеветы, которой пользовались, въ то время для науськиванья Россіи, но мы можемъ оберегать достоинство и независимость Россіи, не вызывая ея обидчивости и не вредя ея интересамъ. Неудовольствіе и озлобленіе, вызываемыя безъ всякой нужды, также точно могутъ повліять въ настоящее время на ходъ историческихъ событій, какъ во времена императрицы Елисаветы и англійской королевы Анны. Но событія, вызванныя ими, вліяютъ нынѣ на благосостояніе и на будущую судьбу народовъ сильнѣе, нежели 100 лѣтъ тому назадъ. Коалиція Россіи, Ав-

стріи и Франціи, въ родѣ той, которая образовалась противъ Пруссіи во время Семилѣтней войны, въ связи съ нѣкоторыми династическими неудовольствіями, такъ же опасна для нашего существованія, и въ настоящее время и въ случаѣ побѣды съ ея стороны, можетъ имѣть еще болѣе серьезныя послѣдствія. Было бы прямо неблагоразумно и даже безсознательно разрушить изъ-за личныхъ счетовъ тотъ мостъ, который обезпечиваетъ намъ возможность сближенія съ Россіей.

Мы можемъ и должны честно оберегать союзъ съ австро-венгерской монархіей; это соотвѣтствуетъ нашимъ интересамъ, историческимъ традиціямъ Германіи и общественному мнѣнію нашего народа.

Но вліянія и силы, подъ давленіемъ которыхъ можетъ сложиться въ будущемъ политика вѣнскаго кабинета, сложіе нашихъ вслѣдствіе разнороднаго состава народонаселенія Австріи, его различныхъ стремленій, вліянія духовенства и соблазна, который представляетъ для придунайскихъ странъ просторъ Балканскихъ горъ и Чернаго моря.

Мы не должны бросать Австрію, но мы не должны также упускать изъ вида, что вѣнская политика можетъ добровольно и даже недобровольно отвернуться отъ насъ. Если нѣмецкая политика хочетъ честно выполнить свой долгъ, то она должна обсудить все то, что мы могли бы предпринять въ подобномъ случаѣ, но обсудить это слѣдуетъ прежде, нежели эти событія наступятъ; и при томъ не въ зависимости отъ личныхъ симпатій или неудовольствій, но руководствуясь единственно объективнымъ взглядомъ на національные интересы.

Я всегда старался не только обезпечить насъ отъ нападенія со стороны Россіи, но также успокоить общественное мнѣніе Россіи и поддержать въ ней вѣру въ безвредный характеръ нашей политики. Благодаря личному довѣрію ко мнѣ императора Александра III, мнѣ удавалось, до самаго выхода моего въ отставку, ослаблять недовѣріе, которое въ Россіи и за границей неоднократно пытались возбудить въ государѣ, искажая съ этой цѣлью факты, что дѣлалось иногда также благодаря тайнымъ проискамъ здѣшнихъ военныхъ лицъ. Несмотря на ложь, распространенную относительно Берлинскаго конгресса, и несмотря на то, что императору было извѣстно о договорѣ, заключенномъ съ Австріей, онъ выказалъ мнѣ свое благоволеніе, когда я впервые увидѣлъ его по вступленіи на престолъ на Данцигскомъ рейдѣ и во время нашихъ послѣднихъ встрѣчъ; это благоволеніе выразилось еще яснѣе въ Скерневицахъ, въ Берлинѣ и было основано на его довѣрїи ко мнѣ. Впечатлѣніе, произведенное беззастѣнчиво смѣлой интригой съ подложными письмами, которая была подброшена государю въ Копенгагенѣ, было разсѣяно простымъ опроверженіемъ съ моей стороны. Точно также, во время нашего свиданія въ октябрѣ мѣсяцѣ 1869 г., мнѣ удалось разсѣять сомнѣнія, внушенныя ему въ Копенгагенѣ, за исключе-

ніемъ одного, а именно относительно того, останусь ли я министромъ. Императоръ, очевидно, былъ освѣдомленъ лучше меня, когда онъ предложилъ мнѣ вопросъ, увѣренъ ли я въ прочности своего положенія у молодого императора.

Я отвѣчалъ то, что я думалъ въ то время, — что я увѣренъ въ довѣріи ко мнѣ императора Вильгельма II и не думаю, что я могъ бы быть когда-либо уволенъ въ отставку противъ моего желанія, такъ какъ благодаря моей многолѣтней опытности въ службѣ и довѣрію, которое я снискалъ въ Германіи и при иностранныхъ дворахъ, его величество имѣетъ въ моемъ лицѣ такого слугу, котораго ему трудно будетъ замѣнить. Императоръ высказалъ совершенное свое удовольствіе по поводу моей увѣренности, хотя, повидимому, онъ не раздѣлялъ ея безусловно.

Международная политика представляетъ собою элементъ крайне неустойчивый, который при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ окрѣпнуть, но при переизмѣнѣ политической атмосферы возвращается въ свое первобытное состояніе. *Clausula rebus sic stantibus* принимается, при заключеніи политическихъ договоровъ, конми обуславливается дальнѣйшій образъ дѣйствій державъ, безмолвно. Тройственный союзъ представлялъ собою такое стратегическое положеніе, которое намъ слѣдовало занять въ виду опасностей, угрожавшихъ намъ въ моментъ его заключенія, в которое при тогдашнихъ обстоятельствахъ было намъ доступно.

Время отъ времени этотъ союзъ былъ продолженъ; быть можетъ, удастся продолжить его еще долѣе; но никакой договоръ, заключенный между великими державами, не вѣченъ; было бы неблагоприятно смотрѣть на него какъ на нѣчто надежное при всевозможныхъ обстоятельствахъ, которыя могутъ въ будущемъ измѣнить отношенія, нужды и взгляды, подъ вліяніемъ которыхъ этотъ союзъ былъ заключенъ. Онъ имѣетъ значеніе извѣстной стратегической позиціи, занятой нами въ европейской политикѣ, сообразно съ тѣмъ, каково было ея положеніе въ моментъ заключенія этого договора; но онъ такъ же точно не представляетъ собою незыблемаго фундамента, который не можетъ быть разрушеннымъ ни при какихъ обстоятельствахъ, какъ и всѣ предъидущіе тройственные и четверные союзы прошлаго вѣка и въ особенности какъ священный и германскій союзы, и не избавляетъ насъ отъ необходимости быть вѣчно на-сторожѣ!

XXVI.

Отсутствие повода къ войнѣ между Германіей и Россіей.—Вѣроятная причина сосредоточенія войскъ на западной границѣ.—Стремленіе Россіи къ Босфору.—Воздерживаться отъ вышательства въ восточный вопросъ есть самая вѣрная политика для Германіи.—Сохраненіе мира составляетъ главный ея интересъ.—Идеаль, къ которому стремился Бисмаркъ послѣ объединенія.—Неудача русской „освободительной политики“ на Балканскомъ полуостровѣ.—Неблагодарность освобожденныхъ народовъ.—Обезпеченіе Чернаго моря отъ иноземнаго вторженія составляетъ одну изъ главныхъ задачъ русской политики.

Опасность вѣшнихъ войнъ, опасность того, что ближайшій къ намъ на западной границѣ сосѣдь можетъ такъ же точно вывести въ бой красное знамя, какъ сто лѣтъ назадъ трехцвѣтное, была во времена Шнебеле (1887 г.) и Буланже, существуетъ еще и теперь. Вѣроятность войны на два фронта, со смертью Каткова и Скобелева, нѣсколько уменьшилась: нельзя утверждать, что нападеніе на насъ Франціи вызоветъ непременно Россію въ поле противъ насъ, точно такъ же, какъ нападеніе со стороны Россіи—Францію; но миролюбіе Россіи зависить не отъ одного настроенія умовъ, но болѣе отъ техническихъ вопросовъ вооруженія на морѣ и на сушѣ. Если Россія, по ея убѣжденію, будетъ «готова» со своимъ вооруженіемъ, родомъ своего пороха и численностью своего Черноморскаго флота, то тонъ, въ которомъ разыгрываются нынѣ варіаціи русской политики, легко можетъ сдѣлаться болѣе свободнымъ.

Трудно допустить, чтобы Россія, окончивъ свои вооруженія, пользовалась ими для того, чтобы безъ дальнѣйшихъ околичностей и въ расчетѣ на французскую помощь напасть на насъ. Германская война такъ же мало принесетъ Россіи непосредственныхъ выгодъ, какъ русская война Германіи, самое большее, если относительно военной контрибуціи, русскій побѣдитель окажется бы въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ германскій, да и то онъ только-только вернулъ бы свои издержки. Мысль о приобрѣтеніи провинцій восточной Пруссіи, высказанная впервые во время Семилѣтней войны, съ трудомъ найдетъ теперь приверженцевъ.

Ужъ если Россія не можетъ поладить съ нѣмецкой частью населенія своихъ балтійскихъ провинцій, то трудно предположить, что ея политика будетъ направлена къ увеличенію этого считаемаго опаснымъ меньшинства столь крупнымъ придаткомъ, какова восточная Пруссія. Столь же мало заманчивымъ кажется русскому государственному чело-вѣку умноженіе польскихъ подданныхъ царя, приобрѣтеніемъ Познани и восточной Пруссіи. Если разсматривать Германію и Россію отдѣльно,

то трудно найти съ той п съ другой стороны какой-либо поводъ, который могъ бы оказаться побуждающимъ къ войнѣ или хотя бы оправдывающимъ ее. Собственно для удовлетворенія воинственныхъ наклонностей или для предотвращенія опасности отъ незанятыхъ войскъ, можно пожалуй начать войну на Балканскомъ полуостровѣ, но германо-русская война слишкомъ тяжеловѣсна для того, чтобы та или другая сторона воспользовалась ею лишь какъ средствомъ занятія армій в ея офицеровъ.

Я не думаю также, чтобы Россія, когда она будетъ готова, безъ дальнѣйшихъ причинъ напала на Австрію и думаю посейчасъ, что, выставляя войска на западной границѣ, она не имѣла при этомъ никакихъ агрессивныхъ намѣреній противъ Германіи, но имѣла въ виду только свою защиту, въ случаѣ, если бы ея дѣйствія противъ Турціи вызвали противодѣйствіе западныхъ державъ. Когда Россія будетъ считать себя достаточно вооруженной, для чего ей нужно имѣть известное количество судовъ на Черномъ морѣ, то, я думаю, что петербургскій кабинетъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано при заключеніи Ункіарь-Искелесскаго договора въ 1833 г., предложить султану гарантировать ему его положеніе въ Константинополѣ и въ оставшихся въ его владѣніи провинціяхъ, если онъ предоставитъ за это Россіи ключъ къ русскому дому, т. е. къ Черному морю, дозволивъ ей запретить Босфоръ. Что Порты согласится на русскій протекторатъ въ этой формѣ—это не только возможно, но, если дѣло будетъ ведено ловко, даже вѣроятно. Султанъ могъ еще думать въ прежнія времена, что соперничество европейскихъ державъ можетъ служить ему гарантией противъ Россіи. Охранять Турцію было для Англіи и Австріи нѣкоторымъ образомъ традиціонною политикою; но гладстоновскія заявленія отняли у султана эту опору не только въ Лондонѣ, но и въ Вѣнѣ, ибо нельзя предполагать, чтобы вѣнскій кабинетъ бросилъ въ Рейхштадтѣ традиціи меттерниховскаго времени (Инциланти, неприязненное отношеніе къ освобожденію Греціи), если бы онъ по-прежнему былъ увѣренъ насчетъ поддержки Англіи. Чары признательности къ императору Николаю были уже разсѣяны Буолемъ во время Крымской войны; а на Парижскомъ конгрессѣ поведение Австріи тѣмъ явственнѣе вернулось къ старому меттерниховскому направленію, что оно не было смягчено даже финансовыми отношеніями этого государственнаго челоуѣка къ русскому императору, а напротивъ, было усилено обидою, нанесенною самолюбію графа Буоля. Австрія 1856 года не отрекалась бы ни отъ Англіи, ни отъ Порты, даже цѣною Босніи, если бы на нее не оказала разлагающаго дѣйствія неискusstная англійская политика. Но при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ мало вѣроятія, чтобы султанъ рассчитывалъ на такую же помощь и защиту со стороны Англіи или Австріи, какую можетъ обѣщать

ему Россія, не жертвуя своими интересами и какую она на самомъ дѣлѣ можетъ оказать ему благодаря своему сосѣдству.

Если Россія, когда она будетъ достаточно готова для того, чтобы въ случаѣ надобности напасть на султана и на Босфоръ на морѣ или на сушѣ, предложить султану, лично и при томъ конфиденціально, обезпечить его положеніе въ сералѣ и во всѣхъ провинціяхъ, не только по отношенію къ иностраннымъ державамъ, но и относительно его собственныхъ подданныхъ, за уступку съ его стороны довольно сильнаго укрѣпленія и за дозволеніе держать извѣстное число войскъ у сѣвернаго входа въ Босфоръ,—то это предложеніе будетъ для него большимъ искушеніемъ. Но, допустивъ, что султанъ по своему собственному убѣжденію или подъ чужимъ вліяніемъ отвергнетъ русское предложеніе, въ такомъ случаѣ новый черноморскій флотъ можетъ получить назначеніе заблаговременно овладѣть на Босфорѣ позиціею, въ которой Россія, по ея убѣжденію, нуждается для того, чтобы владѣть ключемъ отъ своего дома.

Какъ бы ни протекла эта фаза предполагаемой мною русской политики, во всякомъ случаѣ она приведетъ къ тому, что Россія, какъ и въ іюль 1853 г., возьметъ себѣ кое-что въ видѣ залога и будетъ выжидать, не попытается ли кто-нибудь—и кто именно,—отнять у нея занятое ею.

Первымъ шагомъ русской дипломатіи, послѣ этихъ издавна подготовленныхъ дѣйствій, легко можетъ быть—осторожное зондированіе въ Берлинѣ относительно того, могутъ ли Австрія или Англія рассчитывать на поддержку Германіи въ случаѣ, если бы онѣ вздумали съ оружіемъ въ рукахъ противиться дѣйствіямъ Россіи. На этотъ вопросъ, по моему убѣжденію, безусловно слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Я думаю, что для Германіи было бы полезно, если бы русскіе тѣмъ или инымъ путемъ, физической силою или при помощи дипломатіи, укрѣпились въ Константинополѣ и если бы имъ пришлось защищать его. Тогда мы не были бы болѣе въ такомъ положеніи, когда Англія, а при' случаѣ и Австрія извлекаютъ изъ насъ пользу, какъ изъ гончей собаки, натравливая насъ противъ русскихъ стремленій къ Босфору; мы могли бы выждать, произведетъ ли Россія нападеніе на Австрію, съ коимъ наступилъ бы и для насъ *casus belli*.

Для австрійской политики также было бы полезнѣе не поддаваться вліянію венгерскаго шовинизма до тѣхъ поръ, пока Россія не займетъ извѣстнаго положенія на Босфорѣ и этимъ значительно не обостритъ своихъ отношеній къ прочимъ державамъ, а именно къ Англіи и даже къ Италіи и Франціи, и не увеличить этимъ для себя надобности воити въ полюбовное соглашеніе (*à l'amiable*) съ Австріею. Если бы я былъ австрійскимъ министромъ, то я не препятствовалъ бы русскимъ идти

на Константинополь, но заключилъ бы съ ними союзъ только тогда, когда они уже двинули бы свои войска. Участіе Австріи въ турецкомъ наслѣдствѣ можетъ быть улажено только по взаимному соглашенію съ Россіей, и австрийская часть наслѣдства окажется тѣмъ больше, чѣмъ долѣе въ Вѣнѣ съумѣютъ выжидать, поощряя русскую политику къ дѣйствию. Относительно Англій положеніе современной Россіи можетъ, пожалуй, улучшиться, если она будетъ обладать Константинополемъ, относительно же Австріи и Германіи, оно будетъ менѣе опасно до тѣхъ поръ, пока ея войска будутъ стоять въ Константинополѣ. Мы не повторили бы тогда ошибки, сдѣланной Пруссіей въ 1855 г., когда она допустила, чтобы Австрія, Англія и Франція провели и обманули ее и когда она была столь унижительною для нея образомъ допущена къ участію въ конгрессѣ, и заслужила въ качествѣ европейской державы *une mention honorable*.

Если на запросъ Россіи,—можетъ ли она разсчитывать на нашъ нейтралитетъ, въ случаѣ вападенія на нее другихъ державъ, вслѣдствіе ея успѣшнаго движенія къ Босфору, въ Берлинѣ отвѣтятъ, коль скоро Австрія не будетъ при этомъ угрожать опасность, отрицательно или даже угрожающимъ образомъ, то Россія прежде всего пойдетъ по тому же пути, по какому она шла въ 1876 г. въ Рейхштадтѣ, и она снова попытается пріобрѣсти въ союзницы Австрію.

Поле, на коемъ Россія можетъ дѣлать выгодныя предложенія, весьма обширно, не только на востокѣ на счетъ Турціи, но и въ Германіи—на нашъ счетъ. Въ виду подобныхъ соблазновъ, прочность нашего союза съ Австро-Венгерію будетъ зависѣть не только отъ буквы договора, но также въ извѣстной степени отъ характера личностей и отъ политическихъ и вѣронсиовѣдныхъ теченій, которыя будутъ въ то время играть въ Австріи первенствующую роль. Если русской политикѣ удастся склонить на свою сторону Австрію, то противъ насъ образуется такая же коалиція, какъ въ Семилѣтнюю войну, ибо Францію всегда можно имѣть противъ насъ, такъ какъ ея интересы на Рейнѣ важнѣе такихъ на востокѣ и на Босфорѣ.

Во всякомъ случаѣ и въ будущемъ не только военныя вооруженія, но и правильный политическій взглядъ будетъ необходимъ для того, чтобы благополучно провести германскій государственный корабль среди коалиціонныхъ теченій, которыя могутъ быть намъ опасны по нашему географическому положенію и нашей предыдущей исторіи. Любезностями и рассчетливыми подачками дружественнымъ державамъ мы не предотвратимъ опасности, коей можетъ быть чревато будущее, но только увеличимъ алчность нашихъ теперешнихъ друзей и ихъ расчеты на испытываемое нами тревожное чувство. Я опасаюсь, что на избранномъ нами нынѣ пути наша будущность будетъ пригнесена въ жертву

разнымъ мелкимъ и скоропреходящимъ настроеніямъ минуты. Прежніе монархи смотрѣли болѣе на способности, чѣмъ на повиновеніе своихъ совѣтниковъ. Если повиновеніе будетъ единственнымъ критеріемъ, то отъ монарха придется требовать такой универсальности дарованій, которой не удовлетворилъ бы самъ Фридрихъ Великій, хотя въ его время политика была менѣе трудна, какъ въ военное, такъ и въ мирное время.

Наше значеніе и наша безопасность были бы тѣмъ болѣе обезпечены, чѣмъ болѣе мы уклонялись бы отъ споровъ, которые не касаются насъ лично, и чѣмъ болѣе мы отвсались бы къ попыткамъ задѣть наше тѣло славіе и воспользоваться имъ, каковыя попытки дѣлались во время Крымской войны англійскою прессою и англійскимъ дворомъ и тѣми лицами при нашемъ собственномъ дворѣ, которыя встрѣчали поддержку въ Англии и которыя такъ искусно стращали насъ тѣмъ, что мы можемъ потерять право на званіе великой державы, что г. Мантейфель подвергъ насъ въ Парижѣ большому униженію для того, чтобы быть допущеннымъ къ подписанію договора, и не имѣть ничего общаго съ которымъ было бы для насъ весьма полезно. Германія сдѣлала бы и въ настоящее время большую глупость, вздумавъ вмѣшаться въ восточные вопросы, лично ея не касающіеся, прежде другихъ, болѣе заинтересованныхъ въ этомъ державъ. Подобно тому, какъ во время Крымской войны были моменты, когда болѣе слабая Пруссія, рѣшивъ вооружить свои войска, могла повліять на заключеніе мира въ смыслѣ желательномъ для Австріи и могла бы даже придти къ скорѣйшему соглашенію съ Австріей относительно германскихъ дѣлъ,—точно такъ же и Германія, если она съумѣетъ не вмѣшиваться въ будущемъ въ споры, порождаемые восточнымъ вопросомъ, можетъ лучше воспользоваться своимъ преимуществомъ, какъ держава наименѣе въ нихъ заинтересованная, чѣмъ долѣе она воздержится отъ вмѣшательства въ эти споры, хотя бы ея выгода состояла только въ болѣе продолжительномъ пользованіи миромъ. Въ случаѣ движенія русскихъ на Константинополь Австрія, Англія и Італія придется занять извѣстную позицію прежде, нежели Франція, такъ какъ послѣдняя не имѣетъ на востокѣ такихъ жгучихъ интересовъ и ей придется обсуждать ихъ всегда въ зависимости отъ германскаго пограничнаго вопроса. Въ случаѣ русско-восточнаго кризиса, Франція не будетъ въ состояніи вести новую «западническую» политику или угрожать Англии изъ дружбы къ Россіи, безъ предварительнаго соглашенія съ Германіей или не порвавъ съ нею всякія сношенія.

Преимущество германской политики, заключающееся въ томъ, что она не заинтересована непосредственно въ восточномъ вопросѣ, въ-сколько ослабляется невыгоднымъ центральнымъ и открытымъ поло-

Въ слѣдующей главѣ говорится о помолвкѣ Е. Н. Гончаровой и свадьбѣ ея съ Дантесомъ.

Врако сочетаніе состоялось 7-го января 1837 г. Пушкинъ присутствовалъ при совершении таинства, но въ домъ новобрачныхъ не поѣхалъ, объявивъ своимъ друзьямъ, что ни въ какомъ случаѣ не намеренъ сближаться съ Дантесомъ.

Въ шестой главѣ описаны отношенія Пушкина и Дантеса въ послѣднее предъ поединкомъ время и ссора съ Геккереномъ старшимъ.

Встрѣтилъ его въ гостиной тетянъ Наталья Николаевна, фрейлины Загражской, — Пушкинъ вынулъ изъ кармана прамрательное письмо Дантеса, требуя вручить его обратно писавшему. „Не могу принять письма, — отвѣчалъ Геккеренъ — письмо не ко мнѣ, а къ вамъ“. Тогда Пушкинъ бросаетъ Геккерену письмо едва-ли не въ лицо, съ ругательствомъ: „tu la geseugas, gredin!“¹⁾ Затѣмъ, видя немедленную необходимость развязать исторію оружіемъ, — посылаетъ старшу Геккерену письмо, послѣдствіемъ котораго и былъ смертоносный поединокъ. Многие изъ посѣщавшихъ Ольгу Сергѣевну современниковъ и современницъ ея брата-поэта разказывали ей, что и тутъ Геккеренъ-старшій разыгралъ комедію: требуя отъ Пушкина серьезнаго поединка съ Дантесомъ, отъ въ то же время рассчитывалъ на распоряженіе²⁾ графа Бенкендорфа накрыть соперниковъ на мѣстѣ: тогда-де Дантесъ не пролетѣтъ ни капли крови, а честь обонхъ Геккереновъ будетъ удовлетворена.

Въ седьмой, послѣдней, главѣ авторъ со словъ своей матери раскрываетъ нравственное состояніе Пушкина предъ поединкомъ.

При послѣднемъ свиданіи съ свочемъ братомъ О. С. Павличева была поражена его худобой, желтзливой лица и расстройствомъ его нервовъ. Александръ Сергѣевичъ съ трудомъ выносилъ послѣдовательную бесѣду, не могъ сидѣть долго на одномъ мѣстѣ, вздрагивалъ отъ громкихъ звон-

ковъ, паденія предметовъ на полъ; письма же распечатывалъ съ волненіемъ; не выносилъ ни крика дѣтей, ни музыки.

Вотъ какъ разказывала матери автора вдова поэта о дуэли: Въ день поединка — это было въ среду — Пушкинъ¹⁾ вышелъ изъ дома сквозаранку, не простясь со мною... Я не удивилась, потому что Пушкинъ говорилъ мнѣ наканунѣ, что чѣмъ свѣтъ уйдетъ по дуэли. Продавъ его часть, я позавтракала безъ него, велѣла заложить коляску, выѣхала за покупками, сдѣлала потомъ нѣсколько визитовъ, а возвращалась домой, и не подозревала, что мнѣ повалится на встрѣчу въ садахъ Пушкинъ съ Дантесомъ — его секундантомъ. Бѣжали на дуэль. Дома я узнала, что Пушкинъ заходилъ къ себѣ я что скоро послѣ него придетъ къ нему Дантесъ. Заперавно въ кабинетѣ. Дантесъ пробылъ недолго, а Пушкинъ, минуя десять послѣ его ухода, прошелъ со шляпой въ рукахъ и въ меховѣйшей шубѣ въ дѣтскую; подѣловалъ Машу, Сашу, Грину, благословилъ лежавшую въ кровати Ташу и сказалъ паньѣ: „не буди Ташу, а бариня пусть дожидается меня въ обѣду“...

На другой день, въ четвергъ, окруженный друзьями, онъ сказалъ мнѣ: „Знаю, что ты ни въ чемъ не виновата, ни въ чемъ! Все такъ же люблю тебя и буду любить тамъ, а ты живи для счастья дѣтей“.

Въ концѣ этой главы г. Павличевъ говоритъ о дальнѣйшей судьбѣ Дантеса. Изгнанный изъ предѣловъ Россіи, Дантесъ-Геккеренъ выѣхалъ во Францію, гдѣ при королѣ Людовикѣ-Филиппѣ на него коснулись, какъ на бывшаго приверженца Карла X, а соотечественники его жены не пускали убійцу Пушкина къ себѣ на порогъ. Около 1840 года Дантесу удалось, хотя съ большимъ трудомъ, получить мѣсто во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; въ 1852 году онъ посылъ былъ со спеціальной миссіей къ посѣтившему тогда Берлинъ императору Николаю Павловичу, но русскій монархъ его не принялъ.

По приведенному вкратцѣ содержанію можно судить, насколько интересна разбираемая нами книга г. Павличева. Вообще безпристрастный разказъ племянника поэта, написанный хорошимъ литературнымъ языкомъ, — отъ начала до конца читается съ неослабывающимъ интересомъ.

М. К-шъ.

¹⁾ Наталья Николаевна всегда называла мужа по фамиліи.

¹⁾ „Ты получишь его, подлецъ“.

²⁾ Графъ Бенкендорфъ объявилъ Геккерену-старшему предудредить дуэль арестомъ враждующихъ; но, изъ личнаго неприязненнаго чувства къ Пушкину, — послалъ съ ландарманами кого слѣдуетъ, но не въ мѣсто встрѣчи, а въ противоположную сторону.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1899 г.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цена за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ руб.** — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Бюха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Саратовѣ — при княж. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣвская ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о важныхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Живые описанія и материалы къ біографіямъ выдающихся русскихъ дѣятелей: людей государственныя, ученыхъ, военныхъ, писателей литературы и искусства, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: перевѣска, автобіографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Статьи о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакцію.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книги, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и замѣненіямъ; приняанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи Русскую Старину за слѣдующіе годы: 1876—1880, по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1898 по 9 рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІЙ**“, основатель историческаго журнала „Русская Старина“ Его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. **М. И. Семевского** и факс. его письма. Цена 8 рубля. Для подписчиковъ „Русской Старины“ 2 рубля.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXX-я.

ДЕКАБРЬ.

1899 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.....	481—521	↑	полковомъ 1807 года. Сообщ. П. М. Маяковъ. 697—712
II. Изъ дневника П. Г. Давова (1831 года)....	523—542		XII. Записка князя „Русской Старины“: Письмо А. О. Писемскаго—С. П. Шевыреву. 13-го марта 1847 г. Галичь (стр. 522).— О наблюденіи на тѣхъ, чтобы поляки не распространяли воззваній во внутреннія губерніи Россіи. 22-го декабря 1830 г. (582).— Условія, предложенныя А. Воейковичемъ Н. И. Гречу по поводу „Сына Отечества“, июль 1820 г. (601—602).— О распространеніи между субботниками вредной руковои. 25-го мая 1837 г. (634).— Письмо барона М. Корфа—Д. Н. Бактышта—Каленскому, съ просьбою доставить біографическія свѣдѣнія объ А. Д. Балашовѣ. 12-го мая 1848 г. (666).— Фельдмаршалъ графъ М. О. Каменскій въ работахъ о сибѣ (713—714).
III. Письмо опытнаго чиновника сороновыхъ годовъ младшему собрату, поступающему на службу. Сообщилъ А. С. Зарудныи Я.....	543—546		XIII. Указаніе личныѣ именъ въ 97, 98, 99 и 100 томахъ „Русской Старины“ изд. 1899 года.
IV. Изъ воспоминаній Михайловскаго—Даниловскаго. 1819—1821 г.г. Сообщилъ Н. К. Шильдеръ....	547—568		XIV. Библиографическ. листокъ. (на оберткѣ).
V. Ми. Бисмаркъ и Россія. Проф. В. Александренко.....	569—581		
VI. Мои цензурныи мятарства. (Оконч.). А. Чурикова.....	583—600		
VII. Изъ прошлаго. Воспом. офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—78 г.г. (Окончаніе.) П. Д. Паренцова.....	603—633		
VIII. Пльминъ Европы. Сообщ. Н. К. Шильдеръ....	635—654		
IX. Положеніе востовъ въ 1860-хъ годахъ. Сообщ. С. П. Зыковъ.....	655—665		
X. Состояніе царства Польскаго въ 1861 и 1862 г.г. (Вспомд. допосенія генерала Ландерса). Сообщ. К. М. Беннигсена о войнѣ съ На-	667—696	↓	
XI. Записки графа А. Л. Беннигсена о войнѣ съ На-			

ПРЕДЛОЖЕНІЯ: 1) Мысли и воспоминанія князя Оттона Бисмарка (Оконч.).
2) Портретъ Наполеонъ I на островѣ св. Елены. Грав. И. Холмницкаѣ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1900 г.

Можно получать журналъ за вѣдшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Польшеская, 39.
1899.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1899 г.

Библиографическій листокъ.

Исторія русской литературы. Т. I. Древняя письменность.—Т. II. Древняя письменность.—Времена Московскаго царства. Какую преобразованій.—Т. III. Судьбы народной поэзи.—Эпоха преобразованій Петра Великаго.—Установленіе новой литературы.—Ломоносовъ. Т. IV. Времена имп. Екатерины II.—Деятельный вѣкъ.—Пушкинъ и Гоголь.—Утвержденіе національнаго значенія литературы. А. Н. Пыпинъ. С.-Петербургъ. 1898—99.

Предъ нами четыре объемистыхъ тома превосходнаго труда извѣстнаго эгогика русской литературы, давно уже приобретающаго почетную извѣстность своимъ изслѣдованіями по этому вопросу.

Въ предисловіи и введеніи первого тома А. Н. Пыпинъ приводитъ различныя взгляды на исторію литературы. Исторія литературы, въ ея широчинѣмъ широкомъ развитіи,—естъ наука новайшаго времени. Нѣкогда она представляла только собраніе свѣдѣній о писателяхъ и ихъ произведеніяхъ. Въ эпоху псевдоклассицизма еще не было мысли о цѣльной исторіи литературы. Съ конца XVIII в. исторія литературы становилась исторіей поэзи, какъ искусства. Въ концѣ концовъ, тѣсная связь литературы съ національною жизнью, которая такъ или иначе въ ней отражалась, расширила объемъ исторіи до разнѣровъ, которыхъ она никогда раньше не знала,—такъ что самый объемъ науки становится вопросом: гдѣ же ея дѣйствительныя предѣлы. „Новайшая литературная исторія, во-первыхъ, стремится объять поэтическое творчество во всемъ его національномъ объемѣ, начиная съ его первыхъ проявленій въ древней народной поэзи; во-вторыхъ, не ограничиваясь чисто художественною областью, привлекаетъ къ изслѣдованію сопредѣльныя проявленія народной и общественной мысли и чувства, рассматривая матеріалъ литературы, какъ матеріалъ для психологій народа и общества; наконецъ, эта исторія изучаетъ явленія литературы сравнительно въ международномъ взаимодействіи“.

Первый томъ состоитъ изъ одиннадцати главъ. Въ первой авторъ подробно выясняетъ историческія условія русскаго національнаго развитія. Относительно раздѣленія исторіи литературы на периоды мы находимъ въ этой главѣ слѣдующія замѣчанія: периоды необходимо понимать какъ общіе и приблизительныя. Основными периодами исторіи русской литературы, какъ вообще русской исторіи, могутъ быть приняты три. Границами ихъ служатъ эпоха татарскаго нашествія, а затѣмъ вторая половина XVIII в., какъ преддверіе Петровской реформы, открывающей новую пору русской литературы. Эго—границы не рѣзкія и которыхъ невозможно опредѣлить точными датами.

Во второй главѣ говорится о начаткахъ древне-русской письменности. Первыми памятниками письменности въ древней

Руси были книги священнаго писанія, богослужебныя и церковно-учительныя, которыя пришли отъ вѣжнаго славянства и, можетъ быть, также изъ Моравіи при первомъ введеніи христіанства.

Въ слѣдующей главѣ А. Н. Пыпинъ рассматриваетъ древнія свѣдѣнія о народной поэзи и церковную письменность. Четвертая глава отведена особенностямъ древняго періода, а пятая—среднимъ вѣкамъ русской письменности.

Выяснивъ, въ шестой главѣ, историческое значеніе татарскаго нага и вліяніе его на народную поэзи, А. Н. Пыпинъ, въ седьмой главѣ, говоритъ о древнемъ проповѣдніи. Интересамъ приводимыя авторомъ показанія по этому поводу иностранцевъ, напр. Флетчера, Олеарія и друг. По словамъ Флетчера, русскіе изучаются только читать и писать, и это очень рѣдко... Они отличаются здравымъ смысломъ, и имъ недостаётъ только того, что уже имѣютъ другіе народы, чтобы воспитать и просвѣтить свой умъ. Они могли бы заимствовать это недостающее у сосѣдей, но не дѣлаютъ этого изъ самолюбія, считая свои обычай лучшими. Правители ихъ заботливо стараются устранить всё военныя начала, которыя могли бы помѣшать національнымъ правамъ. Олеарій говоритъ: русскіе не любятъ ни науки, ни свободныхъ искусствъ и не имѣютъ охоты заниматься ими. Мейербергъ считаетъ безграмотство почти поголовнымъ и замѣчаетъ: „такъ какъ миссовитане лишены всякой науки, то можно сказать, что они всё какъ будто одного возраста“.

Лѣтопись, историческія сказанія, житія и легенды составляютъ предметъ восьмой и девятой главъ, а въ слѣдующей мы находимъ интересныя свѣдѣнія о первыхъ памятникахъ до половины XV в.

Въ послѣдней, одиннадцатой, главѣ первого тома говорится объ отреченныхъ книгахъ.

Второй томъ начинается двѣнадцатую главою, въ которой разбираются легенды о Московскомъ царствѣ, а въ слѣдующей главѣ говорится о древней повѣсти. По словамъ автора, древне-русская повѣсть почти цѣлкомъ входитъ въ общую средневѣковую область восточно-западныхъ сказаній, представляющихъ явленіе единственное во всей исторіи литературы. Несмотря на вѣдннее раздѣленіе народовъ, между ними совершалась любопытная литературная связь.

Обозрѣнію дѣятельности Юсифа Волокаго и Нила Сорскаго посвящена 14-я глава, а въ слѣдующей—мы знакомимся съ дѣятельностью Максима Грека, Вассіана Патрикѣева, Зиновія Отенскаго и князя Курбскаго.

Въ 16-й главѣ—Итоги Московскаго царства—говорится о политическомъ успѣхѣ Москвы, значеніи Ивана Грознаго, дѣятельности митрополита Макарія, о Стоглавѣ и Домостроѣ.

Въ 17-й главѣ А. Н. Пыпинъ говоритъ

НАПОЛЕОНЪ I НА ОСТРОВЪ СВ. ЕЛЕНЪ.

(Съ гравюры того времени).

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

—
XI ¹⁾.

1844 годъ.

Кончина графа П. К. Эссена.—Два высочайшихъ повелѣнія о городскихъ экипажахъ и лошадяхъ.—Графъ Петръ Александровичъ Толстой.—Графъ А. Х. Бевкендорфъ.—Графъ Воронцовъ и Ермоловъ—почетные члены англійскаго клуба.—Бявль Александръ Николаевичъ Голицынъ.—Нѣсколько подробностей о Сперанскомъ.—Воръ, забравшійся къ камеръ-юнкферѣ Карновой.—Новыя каски военнымъ, бѣлыя брюки статскихъ.

Въ субботу, 23-го сентября, умеръ на 73-мъ году отъ роду, графъ Петръ Кирилловичъ Эссенъ, оставшійся, со времени увольненія его отъ званія с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора, только рядовымъ членомъ Государственнаго Совѣта. Совершенно здоровый, онъ въ этотъ же самый день, ѣздилъ еще со двора и, воротясь домой часу во 2-мъ по полудни, позвалъ повара, для разсужденій объ обѣдѣ на воскресенье, къ которому ожидалъ гостей, а потомъ велѣлъ попросить къ себѣ племянника, жившаго въ томъ же самомъ домѣ, чтобы сыграть съ нимъ партію въ билліардъ. Но, когда племянникъ вошелъ черезъ нѣсколько минутъ въ комнату, старика не было уже на свѣтѣ. Онъ сидѣлъ мертвый въ креслахъ, съ головою, приникнувшюю къ столу. Отличительными чертами его, какъ я говорилъ уже прежде, были доброчеііе, личная честность и—безмѣрная ограниченность ума, и если

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1899 г.

подъ «нищими духомъ» разумѣется въ священномъ писаніи соединеніе этихъ качествъ, то никто болѣе Эссена не имѣлъ право на царствіе небесное.

Теперь прибавлю только два анекдота, которые рассказывали въ Совѣтѣ при разнесшейся вѣсти о его кончинѣ. 1) Нерѣдко случалось, что по прочтеніи графу правителемъ его канцеляріи Оводовымъ бумагъ и по выслушаніи имъ каждой съ полнымъ, повидимому, вниманіемъ, онъ спрашивалъ: «а что, эту мнѣ надо подписывать, или она ко мнѣ писана?» 2) Эссенъ жаловался какъ-то разъ графу Блудову, что худо понимаетъ дѣла при слушаніи бѣглаго ихъ чтенія въ Совѣтѣ.

— Да, вѣдь противъ этого есть средство,—возразилъ Блудовъ,—стойтъ вамъ только впередъ прочитывать раздаваемые намъ печатныя записки.

— Пробовалъ,—отвѣчалъ простодушный старикъ,—но въ томъ-то и бѣда, что когда я примусь ихъ читать, то еще хуже понимаю, чѣмъ при слушаніи въ Совѣтѣ.

Императоръ Николай почтилъ память стараго и, по крайнему разумѣнію, всегда вѣрнаго слуги присутствіемъ своимъ при печальномъ обрядѣ. Отпѣваніе происходило въ Троицкой церкви Измайловскаго полка; послѣ чего тѣло отвезено было въ имѣніе покойнаго, въ Орловской губерніи.

Однажды, въ сентябрѣ, государю встрѣтился на улицѣ одинъ, только что женившійся на очень богатой дѣвицѣ, несносно-заносчивый и, впрочемъ, совершенно ничтожный вертопрахъ, который уже давно былъ на его замѣчаніи. Молодой, числившійся гдѣ-то въ службѣ съ очень еще маленькимъ чиномъ, ѣхалъ въ каретѣ, запряженной великолѣпнѣйшею четвернею, съ двумя лакеями въ такой пышной ливреѣ, какой не было ни у кого изъ первыхъ нашихъ вельможъ. Вслѣдъ за тѣмъ, появился во всѣхъ газетахъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, что «государь императоръ, въ слѣдствіе дошедшихъ до его величества свѣдѣній объ употребленіи нѣкоторыми изъ служащихъ лицъ количества упряжныхъ лошадей въ городскихъ экипажахъ и ливрей, присвоенныхъ высшимъ классамъ, высочайше повелѣтъ соизволилъ сообщить всѣмъ министрамъ о подтвержденіи служащимъ по каждому вѣдомству не отступать отъ постановленій, изложенныхъ въ ст. 936, тома III, уст. о службѣ гражд.». Разумѣется, что это повелѣніе возбудило множество толковъ и пересудовъ въ нашей публикѣ, для которой подобныя посягательства на мелочныя внѣшности тщеславія иногда кажутся важнѣе нарушенія самыхъ существенныхъ правъ. Но всего досаднѣе было на Перовскаго, который, принявъ повелѣніе отъ государя въ общихъ, безъ сомнѣнія, словахъ, не умѣлъ выразить его лучше, какъ ссылкою на статью, Богъ знаетъ, какъ попавшую въ Сводъ, потому что она осно-

вана на старинныхъ узаконеніяхъ (1775 года), уже не соотвѣтствующихъ нынѣшнимъ обычаямъ и даже роду упряжи. Тамъ, напримѣръ, говорится о томъ, что только особамъ первыхъ двухъ классовъ позволяется ѣздить съ вершниками, что только первые пять классовъ могутъ ѣздить шестернею и проч., тогда какъ все это вышло у насъ изъ употребленія уже цѣлые полвѣка. Городскіе толки, вѣроятно, вскорѣ дошли до государя, ибо съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ, послѣ сказаннаго повелѣнія, явилось въ отмѣну его другое: «чтобы употребленіе количества лошадей въ экипажахъ оставить сообразно надобности и принятымъ обычаямъ, относя прежде объявленную высочайшую волю только къ ливреямъ». Государь сказывалъ потомъ многимъ приближеннымъ, что Перовскій не понялъ его и что мысль его всегда относилась только — къ ливреямъ. Такимъ образомъ, неловкость или непонятливость министра дали поводъ сперва къ насмѣшливымъ пересудамъ, а потомъ, какъ бы въ видѣ уступки симъ послѣднимъ, къ отмѣнѣ едва только объявленной высочайшей воли.

Подъ конецъ царствованія императора Александра, жилъ въ Москвѣ полузабытый, хотя и андреевскій кавалеръ, полный генералъ съ 1814 года и нѣкогда посолъ нашъ въ Парижѣ, графъ Петръ Александровичъ Толстой. Въ началѣ слѣдующаго царствованія, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, назначенъ главнымъ начальникомъ военныхъ поселеній (послѣ Аракчеева) и посаженъ во всѣ возможные совѣты и высшіе комитеты. Императоръ Николай вскорѣ, однако же, убѣдился въ его малоспособности. Толстой, котораго имя попало теперь подъ мое перо по случаю скорострѣжной смерти его въ сентябрѣ 1844 года, не имѣлъ, при нѣкоторой остротѣ ума, ни основательныхъ сужденій, ни высшаго взгляда, ни образованія государственнаго человѣка; главное же, подавлявшее въ немъ всѣ другія, свойство было неописуемое равнодушіе ко всѣмъ дѣламъ, соединенное съ образцовою, можно сказать, баснословною лѣнностью. И въ мысляхъ его, и во всегдашнемъ ихъ выраженіи самыя важнѣйшіе вопросы и дѣла составляли лишь «плѣвое дѣло» и, зная его съ 1831 года по множеству совѣщательныхъ собраній, я не видѣлъ никогда ни одного предмета, который удостоился бы его вниманія, даже и минутнаго. Этою лѣнностью и общимъ презрѣніемъ къ дѣламъ онъ былъ въ особенности несносенъ для принужденныхъ имѣть съ нимъ ближайшія сношенія по службѣ. Когда онъ занималъ, по титулу, должность предсѣдателя военнаго департамента въ Государственномъ Совѣтѣ, мнѣ, какъ государственному секретарю, бывали величайшія съ нимъ мученія. Хотя въ этотъ департаментъ приходило всего какихъ-нибудь пять или шесть дѣлъ въ годъ, однако и тѣ залеживались по нѣскольку мѣсяцевъ, потому что не было никакой возможности допроситься отъ Толстаго засѣданія, и на всѣ мои убѣжденія всегдаш-

нимъ его отвѣтомъ было: «это, батюшка, плѣвое дѣло, и чортъ ли, что оно пролежитъ лишній мѣсяцъ!»

Послѣдніе годы своей жизни Толстой проводилъ опять постоянно въ Москвѣ, или въ подмосковномъ своемъ имѣніи Узкомѣ, имѣвъ позволеніе не прїѣзжать въ Петербургъ и занимаясь страстно цвѣтами—единственною вещью въ мірѣ, которой онъ не считалъ «плѣвымъ дѣломъ».

Впрочемъ, сказавъ до сихъ поръ одно невыгодное о Толстомъ, не могу, по справедливости, не коснуться и блестящей его стороны, именно военныхъ его подвиговъ. Въ этомъ отношеніи, онъ сдѣлался извѣстнымъ еще при Екатеринѣ, находившись при штурмѣ Праги, при взятіи Варшавы и въ славномъ Маціовецкомъ дѣлѣ, гдѣ взятъ былъ Костюшко. Военныя реляціи того времени съ отличіемъ упоминаютъ о полковникѣ графѣ Толстомъ, и онъ, 24-хъ лѣтъ отъ роду, былъ украшенъ орденомъ св. Георгія 3-й степени изъ собственныхъ рукъ императрицы. Въ знаменитомъ итальянскомъ походѣ 1799 года Толстой участвовалъ уже въ званіи генераль-адъютанта императора Павла; потомъ, при императорѣ Александрѣ, занимавъ недолго постъ с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора, въ 1805 году былъ отправленъ начальникомъ десантнаго войска въ шведскую Померанію и въ Ганноверъ и находился въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, въ качествѣ дежурнаго генерала. Тутъ слѣдовало посольство, вскорѣ послѣ Тильзитскаго мира, въ Парижъ, гдѣ графъ оставался до отъѣзда Наполеона въ Эрфуртъ. Въ 1812 году онъ командовалъ военною силою въ шести губерніяхъ, въ 1813 и 1814 гг. участвовалъ въ заграничныхъ кампаніяхъ и потомъ, въ послѣдніе годы Александра I, командовалъ 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, расположеннымъ въ то время въ Москвѣ. Наконецъ, при императорѣ Николаѣ, по отбытіи его въ турецкую кампанію 1828 года, Толстой назначенъ былъ главнокомандующимъ Петербургскою столицею и Кронштадтомъ и въ 1831 г., въ Польскій мятежъ, заключилъ военное свое поприще въ званіи главнокомандовавшаго резервною арміею въ Виленской губерніи. Должно думать, что онъ въ то время былъ не такъ равнодушенъ, безпеченъ и лѣнивъ, какъ по переходѣ къ гражданскимъ обязанностямъ.

11-го сентября 1844 года, умеръ на пароходѣ, на высотѣ острова Даго, при возвратномъ переѣздѣ изъ чужихъ краевъ въ Эстляндскую свою мызу Фалль, генераль-адъютантъ, графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ. Смерть его въ эту эпоху была окончательнымъ знакомъ давно уже померкшаго за облаками солнца..

Потомокъ древней эстляндской фамиліи, самъ заслуженный генераль-аншефъ, отецъ Александра Христофоровича былъ женатъ на баронессѣ Шиллингъ фонъ-Капштадтъ, въ которой покойная императрица

Марія Θεодоровна принимала какое-то старинное фамиліное участіе ¹⁾. Молодой Бенкендорфъ, вступивъ въ 1798 году юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, въ томъ же году, еще 14-ти лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ въ офицеры и пожалованъ флигель-адъютантомъ. Дальнѣйшая карьера его была довольно обыкновенна и если блестящіи внѣшнія формы доставляли ему иногда командировки къ разнымъ иностраннымъ дворамъ, то, однако же, больше этого онъ не употреблялся ни на что самостоятельное по службѣ. На военномъ собственно поприщѣ, онъ, какъ отличный кавалеристъ, дѣйствовалъ преимущественно въ аванпостныхъ дѣлахъ; но подвиги его, кромѣ доказательствъ большой личной храбрости, также не представляютъ ничего историческаго ²⁾. Въ 1819 году Александръ I назначилъ его начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, — постъ, который онъ удержалъ за собою недолго. Уже черезъ два года его перевели начальникомъ 1-й кирасирской дивизіи, и въ этомъ званіи засталъ его, при вступленіи на престолъ, императоръ Николай. Съ сей собственно поры начинается блестящая и самобытная карьера Бенкендорфа. 25-го іюня 1826 года, онъ вдругъ возведенъ былъ въ званіе шефа жандармовъ, командующаго императорскою главною квартирою и главнаго начальника учрежденнаго въ то время III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, т. е. поставленъ во главѣ тайной полиціи и вмѣстѣ на степень приближеннѣйшаго къ императору лица. Ни это важное назначеніе, ни всѣ милости, которыми государь постоянно его взыскивалъ (пожалованіе графскаго титула, всѣхъ высшихъ орденовъ и значительныхъ денежныхъ суммъ), не могли сдѣлать изъ благороднаго и достойнаго, но обыкновеннаго человѣка — гения. Въ изданныхъ за границею въ 1842 году впечатлѣніяхъ какого-то французскаго туриста былъ помѣщенъ слѣдующій портретъ Бенкендорфа, который я тогда же для себя перевелъ:

«Черты графа Бенкендорфа носятъ на себѣ отпечатокъ истиннаго добросердечія и самой благородной души. Въ занимаемой имъ высокой должности, гдѣ въ однѣхъ его рукахъ лежитъ рѣшеніе вопросовъ, покрытыхъ величайшею тайною, характеръ его представляетъ лучшее ручательство для всякаго, кого судьба ставитъ въ соотношеніе съ нимъ. За то его вообще гораздо больше любятъ, чѣмъ боятся. Пять лѣтъ тому назадъ, во время вынесенной имъ опасной болѣзни, домъ его непрерывно былъ наполненъ людьми всѣхъ состояній, которые, съ живымъ

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Она знакома была съ нею съ молодыхъ лѣтъ и считала ее лучшимъ своимъ другомъ, и по кончинѣ ея продолжала заботиться и благотѣльствовать ея дѣтямъ“.

²⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Несправедливо; онъ командовалъ съ большимъ отличіемъ отдѣльными отрядами и въ особенности озвменовалъ себя въ 1813 и 1814 годахъ“.

участіемъ и безпокойствомъ, стекались отовсюду навѣдываться о его положеніи. Императоръ посѣщалъ тогда графа ежедневно. Въ одно изъ такихъ свиданій, когда опасность была на высшей степени, императоръ съ глубокимъ умиленіемъ пожималъ ему руку.

— Государь,—сказалъ больной,—я могу умереть спокойно: эта толпа, которая ждетъ и спрашиваетъ извѣстій обо мнѣ, будетъ моею предстательницею; въ ней—сознаніе моей совѣсти!

«Графъ имѣеть наружность совершенно нѣмецкую; ловкій и предупредительный съ дамами, онъ вмѣстѣ и дѣловой и свѣтскій человекъ».

Впоследствии, по кончинѣ уже графа, некрологическая статья о немъ въ нашихъ газетахъ начиналась слѣдующими словами: «Въ лицѣ его, государь лишился вѣрнаго и преданнаго слуги, отечество лишилось полезнаго и достойнаго сына, человѣчество—усерднаго поборника!» Все это, т. е. и чужія и свои вѣсти, отчасти справедливы, но именно только отчасти. Вмѣсто героя прямоты и праводушія, какимъ представленъ здѣсь Бенкендорфъ, онъ, въ сущности, былъ болѣе отрицательно-добрымъ человѣкомъ, подъ именемъ котораго совершалось, на-ряду со многимъ добромъ, и не мало самоуправства и зла. Безъ знанія дѣла, безъ охоты къ занятіямъ, отличавшійся особенно безпамятствомъ и вѣчною разсѣянностью, которыя многократно давали поводъ къ разнымъ анекдотамъ, очень забавнымъ для слушателей, или свидѣтелей, но отнюдь не для тѣхъ, кто бывалъ ихъ жертвою, наконецъ, безъ мѣры преданный жепщинамъ, онъ никогда не былъ ни дѣловымъ, ни дѣльнымъ человѣкомъ и всегда являлся орудіемъ лицъ, его окружавшихъ. Сидѣвъ съ нимъ четыре года въ Комитетѣ министровъ и десять лѣтъ въ Государственномъ Совѣтѣ, я ни единожды не слышалъ его голоса ни по одному дѣлу, хотя многія приходили отъ него самого, а другія должны были интересоваться его лично ¹⁾). Часто случалось, что онъ, послѣ засѣданія, въ которомъ присутствовалъ отъ начала до конца, спрашивалъ меня, чѣмъ рѣшено такое-то изъ внесенныхъ имъ представленій, какъ бы его лицѣ совсѣмъ тутъ и не было.

Однажды въ Государственномъ Совѣтѣ, министръ юстиціи, графъ Панинъ произносилъ очень длинную рѣчь. Когда она продолжалась уже съ полчаса, Бенкендорфъ обернулся къ сосѣду своему, графу Орлову, съ восклицаніемъ:

— *Sacré Dieu, voilà ce que j'appelle parler!* ²⁾

¹⁾ Считаю долгомъ замѣтить здѣсь, что отношенія ко мнѣ графа были всегда самыя пріязненныя, и между нами не случилось ни одной непріятности: слѣдственно, въ этомъ очеркѣ его портрета я руководствуюсь не какимъ-либо предубѣжденіемъ противъ него, а однимъ голосомъ истины, можетъ быть даже еще съ нѣкоторымъ послабленіемъ въ его пользу.

²⁾ Чортъ возьми! Вотъ такъ рѣчь!

— Помилуй, братецъ, да развѣ ты не слышишь, что онъ полчаса говорить—противъ тебя!

— Въ самомъ дѣлѣ?—отвѣчалъ Бенкендорфъ,—который тутъ только понялъ, что рѣчь Панина есть отвѣтъ и возраженіе на его представленіе.

Черезъ пять минутъ, посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ: «à présent adieu, il est temps que j'aille chez l'Empereur»¹⁾ и—оставилъ другимъ членамъ распутывать споръ его съ Панинымъ по ихъ усмотрѣнію.

Подобныя анекдоты бывали съ нимъ безпрестанно, и отъ этого онъ нѣрѣдко вредилъ тѣмъ, кому имѣлъ намѣреніе помочь, послѣ самъ не понимая, какъ случилось противное его видамъ и желанію. Должно еще прибавить, что при очень пріятныхъ формахъ, при чемъ-то рыцарскомъ въ тонѣ и словахъ, и при довольно живомъ свѣтскомъ разговорѣ, онъ имѣлъ самое лишь поверхностное образованіе, ничему не учился, ничего не читалъ и даже никакой грамоты не зналъ порядочно, чему могутъ служить свидѣтельствомъ всѣ сохранившіеся французскіе и нѣмецкіе автографы его и его подписи на русскихъ бумагахъ, въ которой онъ только въ самые послѣдніе годы своей жизни пересталъ, вѣроятно по добросовѣстному намеку какого-либо іриближеннаго, писаться «покорнѣйшей слуга».

Вѣрнымъ и преданнымъ слугою своему царю Бенкендорфъ былъ, конечно, въ полномъ и высшемъ смыслѣ слова и преднамѣренно не дѣлалъ никому зла; но полезнымъ онъ могъ быть только въ той степени, въ какой сіе соотвѣтствовало видамъ и внушеніямъ окружавшихъ его: ибо личной воли имѣлъ онъ не болѣе, чѣмъ дарованія или высшихъ взглядовъ. Словомъ, какъ онъ былъ человекъ болѣе отрицательно-добрый, такъ и польза отъ него была исключительно отрицательная: та, что мѣсто, облеченное такою огромною властью, занималъ онъ, съ парализировавшею ее апатіею, а не другой кто, не только менѣе его добрый, но и просто стремившійся дѣйствовать и отличиться. Имя его, правда, стояло всегда во главѣ всѣхъ промышленныхъ и спекулятивныхъ предпріятій той же эпохи; онъ былъ директоромъ всѣхъ возможныхъ акціонерныхъ компаній и учредителемъ многихъ изъ нихъ; но все это дѣлалось не по влеченію къ славѣ, не по одному желанію общаго добра, а болѣе отъ того, что всѣ спекуляторы, всѣ общества сами обращались преимущественно къ графу, для пріобрѣтенія себѣ въ немъ сильнаго покровителя. Въ жизни своей, онъ много разъ значительно обогащался, потомъ опять расточалъ все пріобрѣтенное и, при концѣ дней, оставилъ дѣла свои въ самомъ жалкомъ положеніи.

Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что лѣтъ двѣнадцать, или болѣе, графъ

¹⁾ Теперь прощай, мнѣ пора идти къ императору.

Бенкендорфъ былъ однимъ изъ людей, наиболѣ любимыхъ императоромъ Николаемъ, не только по привычкѣ, но и по уваженію въ немъ, при всѣхъ слабостяхъ, чувствъ неограниченно преданнаго, истиннаго джентльмена, кроткаго и ровнаго характера, всегда искавшаго болѣе умягчать, нежели раздражать пылъ своего монарха. Справедливо и то, что, во время болѣзни его въ 1837 году, императоръ Николай проводилъ у его постели цѣлые часы и плакалъ надъ нимъ, какъ надъ другимъ и братомъ. Въ упомянутой выше некрологической статьѣ нашихъ газетъ, напечатанной, разумѣется, не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія, сказано, что въ одно изъ такихъ посѣщеній государь произнесъ передъ окружающими его слѣдующія достопамятныя слова: «Въ теченіе 11-ти лѣтъ онъ ни съ кѣмъ меня не поссорилъ, а со многими примирилъ».

Справедливо, наконецъ, и то, что въ эту болѣзнь лица всѣхъ сословіи толпились въ его домѣ и вокругъ него, и если бы Бенкендорфъ умеръ въ это время, то смерть его была бы народнымъ событіемъ: до такой степени онъ пользовался тогда общею популярностью, благодаря своему добродушію и тому, что на его постѣ не дѣлать зла значило уже дѣлать добро. Но съ тѣхъ поръ онъ пережилъ себя. Нѣсколько самоуправныхъ дѣйствій, въ которыя Бенкендорфъ былъ вовлеченъ своими подчиненными и которыми онъ компрометтировалъ отчасти самого государя, сильно поколебали прежнюю довѣренность, и царская къ нему милость стала постепенно охлаждаться, даже переходить почти въ равнодушіе, прикрытое, впрочемъ, до конца, вѣтшими формами прежней пріязни. Съ тѣмъ вмѣстѣ стала угасать и популярность Бенкендорфа, и въ городѣ гласно заговорили, что онъ очень не твердъ на своемъ мѣстѣ, что ему худо при дворѣ, что ему избранъ уже преемникъ и проч. При всемъ томъ, когда въ апрѣлѣ 1844 года, изнуренный новою жестокою болѣзнію, онъ отправился на заграничныя воды, государь, въ щедрости своей, пожаловалъ ему на эту поѣздку 500.000 р. сер. Но дѣла его были такъ разстроены, что онъ повезъ съ собою едва 5.000 р., а прочее принужденъ былъ оставить въ Петербургѣ, для pokryтія по крайней мѣрѣ самыхъ вопіющихъ долговъ.

Это путешествіе не только не доставило графу Бенкендорфу чаяннаго исцѣленія, но и раскрыло ему одинъ обманъ, въ который онъ вдался. При живой, очень почтенной женѣ (урожденной Захаржевской), у него всегда было по нѣскольку гласныхъ любовницъ; но ни къ которой страсть его не доходила до такого изступленія, какъ къ одной дамѣ высшаго нашего общества, которой мужъ былъ посланникомъ за границу и которая напоследокъ, къ общему соблазну, поѣхала даже за графомъ въ чужіе края. Подъ конецъ, однако же, видя, что нечего уже извлечь изъ старика, осужденнаго на неминуемую смерть, она смѣла низость бросить его, чрезъ что

горько отравила послѣдніе его дни, можетъ быть, и ускорила самую его смерть. Эта непонятная связь одной изъ прелестнѣйшихъ женщинъ въ Петербургѣ съ полумертвымъ старикомъ была поводомъ къ многоразличнымъ комментаріямъ въ нашей публикѣ. Упомянутая дама принадлежала къ римско-католическому исповѣданію, и говорили, что она предалась Бенкендорфу изъ религіознаго фанатизма, чтобы имѣть въ немъ опору для своихъ единовѣрцевъ въ Россіи, представляя въ этомъ случаѣ лишь агента папы; другіе увѣряли даже, будто бы Бенкендорфъ, покорный ея внушеніямъ, на смертномъ одрѣ перешелъ въ католицизмъ¹⁾. Все это нелѣпость. Кокетка просто любила свои интересы и сперва долго влачила за собою стараго любезника, а потомъ и предалась ему, единственно изъ того, что онъ тратилъ огромныя суммы на удовлетвореніе ея прихотей,—исторія не новая и не рѣдкая. Умирая, какъ я выше сказалъ, на пароходѣ, въ полной памяти, онъ весь гардеробъ свой завѣщалъ камердинеру; но когда онъ умеръ, то безсовѣстный отпустилъ для прикрытія тѣла одну разорванную рубашку, въ которой покойный пролежалъ и на пароходѣ, и цѣлыя почти сутки въ ревельской домкирхѣ, пока прибыла изъ Фалля вдова. Въ первую ночь, до ея пріѣзда, при тѣлѣ того, которому такъ недавно еще поклонялась вся Россія, лежавшемъ въ этомъ рублищѣ, стояло всего два жандармскихъ солдата и церковь была освѣщена двумя сальными свѣчами! Это мнѣ рассказывали очевидцы. Покойный погребенъ въ Фаллѣ, на избранномъ и назначенномъ имъ самимъ за долго до того мѣстѣ; послѣдній обрядъ происходилъ въ оранжереѣ, потому что въ Фаллѣ хотя и есть русская церковь, но нѣтъ лютеранской. Пастору передана была высочайшая воля упомянуть въ надгробномъ словѣ, какимъ роковымъ считаетъ для себя государь 1844 годъ, унесшій у него дочь²⁾ и друга. При извѣстномъ недостаткѣ въ Бенкендорфѣ трудолюбія, терпѣнія и пера, для меня было совершенно неожиданностью узнать, что послѣ него остались мемуары. Графъ Орловъ, по волѣ государя, разбирая его кабинетъ, между прочими бумагами нашелъ нѣсколько большихъ портфелей съ записками (на французскомъ языкѣ), начинавшимися почти отъ самаго вступленія его въ службу и доходившими до дня пожара Зимняго дворца, то-есть до 17-го декабря 1837 года. Можетъ статься, было даже еще и болѣе, но затерялось; по крайней мѣрѣ, въ числѣ отысканнаго, послѣдняя страница, написанная до-низу, оканчивалась началомъ слова, съ переноснымъ знакомъ. Въ этихъ запискахъ излагались, между прочимъ, и всѣ разговоры съ покойнымъ императоромъ Николаемъ. Прочитывая ихъ,

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Все это преувеличено до крайности и злостная клевета“.

²⁾ Великую княгиню Александру Николаевну. О болѣзни ея, кончинѣ, погребеніи и пр. написано мною особое сочиненіе.

государь отозвался Орлову, что находить тутъ хотя и дурно написанное, но очень вѣрное и живое изображеніе своего царствованія¹⁾. Все это я слышалъ тогда же отъ самого графа (нынѣ князя) Орлова²⁾.

Послѣ графа Бенкендорфа осталось и духовное завѣщаніе. По нашимъ законамъ, акты сего рода, когда они не собственноручные и писаны болѣе чѣмъ на одномъ листѣ, должны быть скрѣплены завѣщателемъ по листамъ, и хотя въ духовной Бенкендорфа эта формальность была упущена, однако, какъ на ней подписались свидѣтелями графы Нессельродъ и Орловъ и содержаніе ея было не только извѣстно государю, но и утверждено имъ еще при жизни покойнаго, то онъ велѣлъ привести ее въ дѣйствіе независимо отъ несоблюденія помянутого условія.

Вдовствующей графинѣ назначена была пенсія въ 5 тыс. руб. сер. Сыновей у графа никогда не было, но онъ имѣлъ трехъ дочерей, которыя находились въ замужествѣ: старшая за австрійскимъ графомъ Аппони, вторая—за сыномъ министра императорскаго двора княземъ Григоріемъ Волконскимъ и третья—за богатымъ, жившимъ въ отставкѣ Демидовымъ. Безподобная приморская мыза Фаль, созданная покойнымъ и въ которую онъ положилъ огромныя суммы, обративъ ее притомъ въ маіоратъ, перешла въ наслѣдство къ княгинѣ Волконской, потому что старшая дочь потеряла, черезъ бракъ съ иностранцемъ, право владѣть недвижимымъ имѣніемъ въ Россіи.

Одинъ умный человѣкъ сказалъ, что Ермоловъ, въ понятіяхъ русскихъ, не человѣкъ, а популяризованная идея. Когда въ верхнихъ слояхъ давно уже наступило въ отношеніи къ нему полное разочарованіе, масса все еще продолжала видѣть въ немъ великаго человѣка и поклоняться, подъ его именемъ, какому-то воображаемому идеалу. Общее мнѣніе о немъ, при всякомъ случаѣ, выражалось весьма явственно. Осенью 1844 года, когда пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, на возвратномъ пути изъ-за границы, новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Воронцовъ (тогда еще не князь и не намѣстникъ кавказскій), въ Англійскомъ клубѣ задумали дать въ честь ему обѣдъ; но когда уже были сдѣланы всѣ приготовления и самъ онъ приглашенъ, вдругъ вспомнилъ, что у него есть въ Петербургѣ собственный домъ; законы же клуба запрещаютъ допускать въ залы гостями здѣшнихъ домовладѣльцевъ. Чтобы поправить ошибку, рѣшились поднести ему билетъ на званіе почетнаго члена.

— Но,—заговорили всѣ,—нельзя же выбрать въ почетные члены Воронцова, не избравъ и Ермолова.

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Совершенно справедливо“.

²⁾ Отрывки изъ этихъ записокъ были помѣщены въ „Русской Старинѣ“, 1896, № 6.

И, дѣйствительно, Ермоловъ, давно сошедшій съ политической сцены, живущій въ уединеніи въ Москвѣ, удаленный отъ всякаго вліянія и связей, удостоился, очень рѣдкой въ лѣтописяхъ Англійскаго клуба, чести быть выбраннымъ въ почетныя его члены, какъ бы какое-нибудь яркое современное свѣтило!..

Въ 1844 году смерть собрала обильную жатву съ нашего высшаго общества и высшей администраціи. Въ числѣ многихъ другихъ лицъ, она похитила въ этомъ же году князя Александра Николаевича Голицына.

Камеръ-пажъ блестящаго двора Екатерины II-й, при ней же поручикъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и, вмѣстѣ, камеръ-юнкеръ, князь Голицынъ въ слѣдующее царствованіе былъ сперва пожалованъ въ камергеры, а потомъ отставленъ собственноручнымъ указомъ Павла I-го (отъ 1-го мая 1799 года). Служба его возобновилась въ рангѣ сентября 1802 года, и императоръ Александръ I-й двинулъ его впередъ исполнскими шагами. Съ небольшимъ черезъ годъ Голицынъ былъ уже статсъ-секретаремъ и синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, а 1-го января 1810 года, въ чинѣ тайнаго совѣтника, назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій; въ 1817 же году велѣно ему быть министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, а въ 1819 году, сверхъ того, главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ, которую должность онъ занималъ болѣе 22-хъ лѣтъ, управлявъ многократно, пока не существовало еще министерства императорскаго двора, и придворною частію и бывъ членомъ или председателемъ во множествѣ особыхъ комиссій и комитетовъ. Не нужно прибавлять, что въ этихъ высшихъ званіяхъ онъ достигъ постепенно и всѣхъ высшихъ знаменъ отличія, удостоясь получить, при первомъ празднованіи дня рожденія императора Николая, Владиміра 1-й степени, и вслѣдъ за тѣмъ, въ день священнаго его коронованія, Андреевскую ленту, а 21-го апрѣля 1834 года, портретъ государя для ношенія на шеѣ.

При довѣрчивости, происходившей отъ большаго добродушія, и при отсутствіи глубокихъ государственныхъ соображеній, князь Голицынъ часто былъ обманываемъ и теоріями и людьми, часто выводилъ недостойныхъ, нерѣдко, особенно въ увлеченіи своемъ къ мистицизму, давалъ ходъ превратнымъ и не безвреднымъ для государства идеямъ; но, вопреки эпиграммамъ Пушкина, всегда былъ вѣрнѣйшій и преданнѣйшій слуга царскій, всегда имѣлъ одни добрыя намѣренія, дѣйствовалъ по убѣжденію и совѣсти, болѣе же всего былъ, въ истинномъ высшемъ значеніи слова, чловѣкъ добрый. Имя Голицына, несмотря на высшія степени, которыхъ онъ достигъ въ государствѣ, и на почести, которыми онъ былъ окруженъ при жизни, не займетъ важнаго мѣста въ

исторіи; но оно долго будетъ жить въ памяти многихъ современниковъ, имъ облагодѣтельствованныхъ, и едва-ли кто-нибудь помянетъ его лихомъ. Долгое время единственный въ Россіи дѣйствительный тайный совѣтникъ 1-го класса, онъ нѣсколько лѣтъ всѣмъ говорилъ, что выйдетъ въ отставку и переселится навсегда въ помѣстье свое, Александрію-Гаспру, на южномъ берегу Крыма; но никто ему не вѣрилъ, полагая, что служба и дворъ необходимы для него, какъ воздухъ. Онъ доказалъ, однако же, что и въ придворной жизни можетъ иногда быть искренность. На склонѣ лѣтъ, полуслѣпой, чувствуя ослабленіе и въ моральныхъ силахъ, князь не захотѣлъ послѣдовать примѣру разныхъ другихъ ветхихъ нашихъ вельможъ, которыхъ, и при чахломъ остаткѣ жизни, все еще не покидало честолюбіе. Онъ рѣшился оставить службу, дворъ и свѣтъ, не дожидаясь, чтобы они сами его оставили. Пока другіе, въ теоріи, многословно разсуждали о томъ, какъ бы не остаться имъ на служебномъ поприщѣ, переживъ себя, и не замѣчали, что роковая минута для нихъ давно уже настала, Голицынъ, безъ витійства, безъ самохвальства, скромно и тихо, исполнилъ ихъ теорію на практикѣ. Указъ объ увольненіи его отъ всѣхъ должностей былъ подписанъ 27-го марта 1842 года. Подобно древнимъ нашимъ боярамъ и князьямъ, которые, передъ смертію, отлагая всякое житейское попеченіе, постригались въ монашество, Голицынъ, хотя и безъ клобука и схимы, оставилъ весь окружавшій его въ Петербургѣ блескъ, чтобы перейти въ уединеніе, равнявшееся любому монастырю. Указъ объ его отставкѣ сопровождался пенсією въ 12 тыс. руб. сер., пособіемъ на путевыя издержки въ 10 тыс. руб. сер. и рескриптомъ, въ которомъ было изъяснено, что долговременное полезное служеніе князя престолу и отечеству останется для государя незабвеннымъ по достоинству многочисленныхъ его заслугъ и по чувствамъ личнаго его величества уваженія, внутреннаго неизмѣнно къ князю довѣренностию блаженной памяти императора Александра 1-го и утвержденного всегда отличающими его превосходными качествами души и сердца. Въ скромности своей князь никогда не напечаталъ этого рескрипта, оставшагося такимъ образомъ безгласнымъ. Въ отставкѣ, онъ сохранилъ, для почета, званіе члена Государственнаго Совѣта. Проводы его изъ Петербурга были очень трогательны. Онъ прощался порознь даже съ каждымъ изъ людей своихъ и, садясь въ карету, плакалъ какъ ребенокъ. Послѣднее свиданіе съ государемъ происходило въ Москвѣ, гдѣ князь остановился на пути и куда императоръ Николай пріѣхалъ подъ осень 1842 года. Въ двухдневное его тамъ пребываніе князь одинъ день у него обѣдалъ, вмѣстѣ съ другими, а на другой провелъ болѣе часа въ удивленной бесѣдѣ и тутъ же съ нимъ и простился.

Съ тѣхъ поръ протекли два года, въ продолженіе которыхъ Голицынъ

окончательно ослѣпъ на оба глаза. Время его въ Александріи-Гаспрѣ проходило въ слушаніи чтенія и въ прогулкахъ, пѣшкомъ или въ экипажѣ, по очаровательному крымскому взморью, котораго красоты онъ угадывалъ воображеніемъ. Читали ему, одну половину дня, книги духовнаго и назидательнаго содержанія, а другую—сочиненія историческія, большею частью на русскомъ языкѣ, для чего онъ взялъ къ себѣ молодаго князя Козловскаго, служившаго передъ тѣмъ почтмейстеромъ въ Ялтѣ. Сосѣдей почти не было, а тѣ, которые и были, своимъ посѣщеніемъ могли доставлять мало удовольствія отшельнику, состарѣвшемуся въ обществѣ совѣмъ другаго рода. При всемъ томъ, когда лѣтомъ 1843 года пріѣхалъ къ нему на время одинъ изъ преданнѣйшихъ ему людей, состоявшій при немъ прежде вродѣ и домашняго, и служебнаго секретаря, Г. С. Поповъ, князь, на вопросъ его отвѣчалъ, что никакія блага въ мірѣ не могли бы перевлечь его опять въ Петербургъ. Въ этомъ уединеніи, между молитвою, чтеніемъ и прогулками, князь любилъ передавать обильныя и разнообразныя свои воспоминанія окружавшимъ его и, сверхъ того, собственно съ цѣлью сохранить ихъ на бумагѣ, давалъ постоянныя сеансы находившемуся при немъ старому чиновнику Бартеневу. Къ сожалѣнію, послѣдній отнюдь не обладалъ нужными для такого дѣла качествами. Вся предель, весь юморъ живыхъ разсказовъ князя пропадали подъ вялымъ перомъ этого человѣка прежняго воспитанія, который замѣнялъ ихъ пустословнымъ фразѣрствомъ.

Между тѣмъ, совѣты одной ясновидящей, которая, изъ Москвы, безуспѣшно лѣчила нашего слѣпца, соединенные съ совѣтами внушавшаго ему довѣріе другаго рода киевпечерскаго схимника Пароенія, у котораго онъ исповѣдывался при проѣздѣ черезъ Кіевъ въ Крымъ, рѣшили его испытать надъ своими глазами хирургическую операцію. Осенью 1844 года, выписанъ былъ пользовавшійся извѣстностью не только у насъ, но за границую, профессоръ Кіевскаго университета св. Владиміра Караваевъ, и операція была совершена, съ полнымъ успѣхомъ, въ 28 секундъ. Вскорѣ послѣ того князь писалъ первому своему другу, статсъ-дамѣ Натальѣ Федотовѣ Плещеевой, въ выраженіяхъ неизъяснимаго восторга, что, имѣвъ до тѣхъ поръ возможность только чувствовать предели своей Гаспры, онъ теперь сподобился и созерцать ихъ, уже не однимъ умственнымъ глазомъ. Въ то же время онъ приглашалъ къ себѣ Попова и на будущее опять лѣто, прибавляя, что, какъ при прошлогоднемъ посѣщеніи только слышалъ его, то ему пріятно будетъ снова и повидаться съ нимъ... Вдругъ къ государю пришла вѣстафета изъ Крыма о кончинѣ князя. Почти вслѣдъ за сказанными письмами у него открылась водяная, положившая 22-го ноября конецъ его жизни, на 71-мъ году отъ роду, быстро и безъ затмѣнія памяти, такъ что еще наканунѣ онъ самъ сдѣлалъ всѣ распоряженія о

своемъ погребеніи. Государь ознаменовалъ внимательность свою къ памяти покойнаго немедленнымъ пожалованіемъ во фрейлины двоюродной его внуки, княжны Екатерины Голицыной, какъ ближайшей къ нему изъ его родства, и въ камергеры упомянутого выше Попова, какъ ближайшаго къ князю, въ послѣднія 15 лѣтъ его жизни, человека. Сверхъ того, по высочайшей волѣ, посланъ былъ, въ Гаспру, для разбора его бумагъ и доставленія части ихъ въ Петербургъ, чиновникъ 1-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, камергеръ Ковальковъ, облагодѣтельствованный княземъ отъ дѣтства и бывший у него домашнимъ. Тѣло предано землѣ, по собственной волѣ покойнаго, въ монастырѣ св. Георгія, близъ Балаклавы.

Вотъ разныя замѣтки о предсмертныхъ распоряженіяхъ князя и извлечение любопытнѣйшаго изъ бумагъ его и о немъ:

1) Къ завѣщанію, составленному еще въ Петербургѣ, былъ приложенъ реестръ, въ которомъ значились, между прочимъ: а) крестъ золотой, со многими мощами, въ футлярѣ. Онъ пожалованъ былъ парицею Наталіею Кирилловною князю Борису Алексѣевичу Голицыну (бывшему дядькою Петра I) во время стрѣльческаго бунта, когда князь взялъ Петра на руки, чтобы увезти въ Троицко-Сергіевскую лавру. Царица вручила крестъ Голицыну съ тѣмъ, чтобы онъ былъ ему благословеніемъ, а если князь несетъ сына ея на погибель, то «сей крестъ да поразить его». Въ реестрѣ прибавлено: «Родитель мой симъ драгоценнымъ крестомъ благословилъ меня при рожденіи, а я, грѣшный, благословилъ имъ государя моего императора Николая Павловича, въ день отъѣзда его въ походъ противъ турокъ, 1828 года, апрѣля 25-го, съ тѣмъ, чтобы я сохранилъ его до кончины моей, а потомъ да будетъ онъ врученъ его величеству, яко достояніе предковъ его, и данное предку моему на спасеніе—Петра I. Я молю Господа Иисуса Христа, да послужитъ сей крестъ государю императору Николаю Павловичу щитомъ противъ его видимыхъ и невидимыхъ враговъ и да почиетъ на главѣ его и въ сердцѣ Святыи Духъ, для внутренняго его возрожденія»; б) Образъ Богоматери, въ лайковомъ мѣшечкѣ, найденный въ бумагахъ императора Александра и подаренный князю императоромъ Николаемъ, назначенъ императрицѣ; в) письма императора Александра и всѣхъ лицъ императорской фамиліи—государю; г) шлафрокъ и «прочія вещи», принадлежавшія императору Александру—тоже государю; д) Часы большіе, на пьедесталѣ, стоявшіе въ кабинетѣ императора Александра, въ Зимнемъ дворцѣ, и подаренные князю его преемникомъ—наслѣднику цесаревичу. «Сія часы,—сказано въ реестрѣ,—покойный государь императоръ Александръ Павловичъ очень любилъ». Изъ денегъ 25 тыс. руб. асс. назначено въ С.-Петербургскій институтъ глухонѣмыхъ, при чемъ въ завѣщаніи сказано: «императрица Марія Ѳеодоровна, за нѣсколько времени предъ

кончиною ея, узнавъ о намѣреніи моемъ положить мое завѣщаніе въ Опекунскій совѣтъ и дать въ пользу его заведеній нѣкоторую сумму, просила меня дать оную для института глухонѣмыхъ, такъ какъ онъ имѣеть менѣе другихъ капиталовъ, что я священною обязанностью почелъ исполнить».

2) За нѣсколько дней до кончины, чувствуя неминуемое ея приближеніе, Голицынъ продиктовалъ слѣдующее письмо къ названному нами выше князю Козловскому: «Зная вашу ко мнѣ привязанность, считаю, что вы не почтете себя за трудъ сдѣлать, что я симъ возлагаю на васъ по кончинѣ моей: 1) увѣдомить генералъ-губернатора (графа Воронцова) о моей кончинѣ; чтобы приказалъ опечатать мои бюро, столы и шкафы въ спальнѣ и кабинетѣ и увѣдомилъ бы государя императора, кому прикажетъ разобрать мои бумаги; 2) до тѣхъ поръ вы наблюдаете, чтобы никто ни до чего не касался; 3) какъ скоро испущу я духъ свой, то прикажите перенести тѣло мое въ другую комнату, для омовенія, а кабинетъ со всѣхъ сторонъ вы закройте и оставьте ключъ у себя, приложивъ печать ко всѣмъ его дверямъ, до присылки отъ государя императора довѣренной особы; 4) тѣло мое не анатомить, но послѣ омовенія одѣть въ ту сорочку, которую пожаловалъ мнѣ государь императоръ Николай Павловичъ, снявъ ее съ себя ¹⁾; она хранится въ запечатанномъ пакетѣ у моего камердинера; и никакого платья, сверхъ означенной сорочки, на меня не надѣвать; потомъ вынести въ домовую мою церковь, положить на столъ и покрыть покровомъ до шеи, такъ что не приметно будетъ одѣяніе; 5) гробъ отнюдь не дѣлать богатый: мое грѣшное тѣло того не стоитъ; а сдѣлать гробъ деревянный, чистой работы, покрывъ лакомъ, безъ серебра и позолоты; на крышку не класть ни шляпы, ни шпаги; я бы желалъ, чтобы на крышкѣ было придѣлано распятіе и пр.».

3) Очень любопытно—какъ характеристика покойнаго въ ближайшемъ его кругу—письмо къ Попову (20-го декабря 1844 года) отъ сестры князя, Кологривовой. Вотъ изъ него выписка: «Я до сихъ поръ нечувствительна ко всему, даже къ попеченіямъ, которыя обо мнѣ прилагаютъ; одно меня теперь утѣшаетъ: молитва ежедневная въ храмѣ о спасеніи его души. По его смиренію, я не дерзаю равнять его съ праведными: это бы его оскорбило; но не сомнѣваюсь, что Господь приметъ его въ свои объятія. Вся жизнь его была—молитва и благія дѣла! При тѣлесныхъ страданіяхъ здѣсь, на землѣ, онъ не ропталъ, принималъ все съ благодареніемъ, считая себя великимъ грѣшникомъ. Вся

¹⁾ Въ этой сорочкѣ императоръ Николай короновался, и князь, присутствовавшій, послѣ священнаго обряда, при раздѣваніи государя, выпросилъ ее себѣ на память.

жизнь его была—живая проповѣдь. Эта мысль въ жестокія минуты униженія меня утѣшаетъ. Блаженни почиющіе о Господѣ! сказалъ Иисусъ Христосъ. Намъ остается просить у Господа во всемъ ему быть подобными»..

4) Князь, еще при жизни своей, успѣлъ испросить извѣстному Сергѣю Глянкѣ, бывшему нѣкогда издателемъ «Русскаго Вѣстника», пенсію въ 3.000 руб. ассиг., съ продолженіемъ ея на жену и дочерей, до смерти послѣдней. Потомъ, за два года до отъѣзда изъ Петербурга, онъ узналъ и полюбилъ другаго извѣстнаго литератора Николая Полеваго. Изданная имъ «Исторія Петра Великаго» особенно обратила на него вниманіе князя, который не одинъ разъ въ недѣлю призывалъ его къ себѣ для чтеній. По посмертному ходатайству князя, ему назначена и егласно пенсія въ 1.000 руб. ассиг. Наконецъ 5) Вотъ списокъ нѣкоторыхъ, сдѣланныхъ императоромъ Николаемъ, кромѣ упомянутыхъ уже выше, назначеній по случаю смерти князя Голицына:

Сестрѣ его, Кологривовой, пожалована пенсія въ 4.000 руб. сер.

Сверхъ того, какъ князь недовладѣлъ арендою въ 8.000 руб. сер. еще четыре года, то на счетъ сего источника пожаловано единовременно:

Кологривовой.	6.000 р. с.
Ковалькову на поѣздку	2.286 » »
Пользовавшему князя докт. Шмидту	1.000 » »
Князю Козловскому.	2.643 » »

Когда Франція и Германія благоговѣнно сохраняютъ дома, въ которыхъ жили или окончили свое земное поприще ихъ великіе люди, когда вся Европа, болѣе нежели черезъ полвѣка послѣ смерти Фернейскаго развратителя, сходится на поклоненіе его спальнѣ; когда и мы ставимъ памятники нашимъ воинамъ и поэтамъ: о Сперанскомъ, одномъ изъ самыхъ яркихъ свѣтилъ нашей народной славы, остаются напоминать потомству только скромный надгробный камень на кладбищѣ Александроневской Лавры и—великія его дѣла! Мнѣ пришло это на мысль, когда, въ Екатерининъ день 1844 г., я игралъ въ карты у мужа одной изъ именниницъ, Эммануила Нарышкина, сына покойнаго оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича и знаменитой нѣкогда Марьи Антоновны, и игралъ въ томъ же домѣ (на Сергіевской, близъ Лѣтнаго сада) почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ 1839 году испустилъ духъ графъ Михайлъ Михайловичъ, но въ комнатѣ, которой, послѣ передѣлки всего дома, нельзя было узнать подъ новою ея формою.

Я говорилъ уже гдѣ-то, что при императорѣ Александрѣ I-мъ, до 1812 года, Сперанскій, бывъ на постѣ государственнаго секретаря, въ существѣ, первымъ министромъ и любимцемъ своего монарха, жилъ въ

собственномъ, скромномъ домикѣ, у Таврическаго сада, на углу Сергіевской. Могущественный временщикъ, всѣхъ чаще бывавшій во дворцѣ и всѣхъ долѣе тамъ остававшійся, жилъ отъ него всѣхъ отдаленнѣе. Перейдя впоследствии къ сенатору Дубенскому, этотъ домикъ такъ распространенъ и перестроенъ, что въ новомъ, огромномъ зданіи не осталось и слѣдовъ прежняго. По возвращеніи изъ опалы, Сперанскій поселился въ домъ Неплюева, на Фонтанкѣ, близъ Лѣтняго сада, позже перестроенномъ подъ Училище правовѣдѣнія. Указъ 1826 года, которымъ учреждено было 2-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи и первымъ главнымъ начальникомъ надъ нимъ поставленъ Сперанскій, засталъ его въ домѣ Армянской церкви, на Невскомъ проспектѣ. Здѣсь родились, созрѣли и были приведены въ исполненіе двѣ колоссальныя идеи: Полнаго Собранія и потомъ Свода Законовъ; здѣсь также произведены имъ уставъ коммерческихъ судовъ, положенія о духовныхъ завѣщаніяхъ, о казенныхъ подрядахъ, обширный проектъ новаго закона о состояніяхъ (не воспріявшій своего дѣйствія) и множество другихъ важныхъ законодательныхъ работъ, о которыхъ едва-ли многимъ уже теперь и извѣстно, что онѣ были плодомъ его генія. Этотъ домъ также перестроенъ, съ возведеніемъ третьяго этажа. Отсюда Сперанскій переѣхалъ на правый берегъ Фонтанки, между Анничкинымъ и Чернышевымъ мостомъ, въ домъ, принадлежавшій тогда одной изъ грузинскихъ царевенъ и, по переходѣ его во владѣніе купца Лыткина, совершенно измѣнившій свой видъ. Наконецъ, остатокъ своихъ дней творецъ Свода провелъ въ упомянутомъ выше, купленномъ имъ незадолго до его смерти домѣ на Сергіевской близъ Лѣтняго сада, который послѣ былъ проданъ его дочерью Нарышкинымъ и сохранилъ отъ прежняго только часть своихъ стѣнъ ¹⁾. Такимъ образомъ всѣ дома, въ которыхъ жилъ Сперанскій, перестроены, и, повторяю, ничто болѣе не напоминаетъ въ нихъ о великомъ ихъ жильцѣ.

Заговоривъ однажды о графѣ Сперанскомъ, не могу не передать еще нѣсколько воспоминаній объ этой примѣчательной личности. Полная біографія его могла бы быть великимъ урокомъ для исторіи и для человечества, но она требовала бы многотомнаго сочиненія, а цѣль моя здѣсь собрать лишь нѣсколько отрывочныхъ подробностей о внѣшней и внутренней его жизни за время императора Николая, въ которое я пять лѣтъ (1826—1830) почти не выходилъ изъ его кабинета, оставаясь и впоследствии всегда въ ближайшихъ къ нему отношеніяхъ. Подробности эти не всѣ одинаково важны, но всѣ будутъ имѣть свою цѣну и свое значеніе для потомства, какъ память о великомъ человѣкѣ.

¹⁾ Позже этотъ домъ перешелъ во владѣніе генералъ-адъютанта графа Сумарокова.

Цѣлый день, цѣлая, можно сказать, жизнь Сперанскаго проходила въ работѣ. Вставая очень рано, онъ работалъ до 10-ти часовъ утра, ложился опять спать на какой-нибудь часъ и потомъ снова работалъ до передобѣденной прогулки, которую дѣлалъ пѣшкомъ или верхомъ. Послѣ обѣда, посидѣвъ недолго съ дочерью и съ небольшимъ кругомъ гостей, собиравшихся у него особенно по воскресеньямъ, онъ принимался опять за работу, которая продолжалась уже безъ перерывовъ до ночи. Выѣзды его ограничивались Государственнымъ Совѣтомъ, разными комитетами, рѣдкимъ появленіемъ на обѣдахъ и балахъ князя Кочубея и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ и постояннымъ посѣщеніемъ обѣдовъ по пятницамъ, у стариннаго его друга, извѣстнаго богача Алексѣя Ивановича Яковлева. Все остальное время, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ необходимыхъ визитовъ, посвящено было труду, и этому только изумительно дѣятельностию, не охлаждавшеюся до послѣднихъ его дней. можно объяснить громадную его производительность.

Одинъ только каталогъ твореній его, по всѣмъ почти частямъ человѣческаго вѣдѣнія, превзошелъ бы своимъ объемомъ все, что многими изъ нашихъ государственныхъ людей написано въ цѣлую ихъ жизнь. Сперанскій творилъ вмѣстѣ и очень легко и съ большимъ трудомъ. Легкость состояла въ чрезвычайно быстромъ созданіи плана и исполненіи его; трудъ—въ отдѣлкѣ подробностей. Не употребляя почти никогда пера и чернилъ, онъ писалъ всегда карандашемъ, на бумагѣ самаго большаго формата, перегибая ее въ поллиста, и тутъ,—особенно въ работахъ важнѣйшихъ,—и поля были вписываемы и самый текстъ беспощадно перемарываемъ, такъ что иногда стоило большаго труда разобрать его, впрочемъ, мужественный и прекрасный почеркъ. Со всѣмъ тѣмъ, работа кипѣла подъ его рукою и, при огромномъ запасѣ свѣдѣній, при отличной памяти, онъ верѣдко писалъ, полагаясь на нее одну, то, для чего другому пришлось бы потратить множество времени на справки. Никакія трудности, ни въ развязкѣ самыхъ сложныхъ вопросовъ и дѣлъ, ни въ глубокомъ изслѣдованіи и изученіи ихъ, ни въ оборотѣ для ясной и точной передачи своихъ мыслей, не существовали для Сперанскаго. Могучій умъ, живое и цвѣтистое воображеніе, необыкновенная ловкость въ изложеніи превозмогали всѣ препоны, помогали вдохнуть жизнь и интересъ въ самые сухіе предметы, дать не только свѣтлую, но и приятную форму тому, что у другаго не уложилось бы ни въ какія рамы и, если можно такъ выразиться, даже и недодумалось бы. Все, что писалъ Сперанскій, отличалось необыкновенною игривостию слога, соединенною съ обиліемъ неожиданныхъ мыслей и оборотовъ и съ языкомъ, хотя не всегда вполне правильнымъ, но всегда чрезвычайно изящнымъ. Я берусь изъ тысячи страницъ, написанныхъ тысячею перьевъ, отличить ту, которая принадлежитъ Сперанскому, — до

такой степени у него были свое особенное построение фразы, свой тонъ, свои образы, свои даже слова, и все это—превосходное! Но если Сперанскій, какъ редакторъ, далеко превзошелъ всѣхъ предшественниковъ и современниковъ, то даромъ живаго слова онъ обладалъ едва-ли не въ примѣчательнѣйшей еще степени. Не было ничего замѣлельнѣе его частной бесѣды и ничего увлекательнѣе, убѣдительнѣе его рѣчей въ Совѣтѣ и въ другихъ официальныхъ совѣщаніяхъ. Необыкновенная вкрадчивость, составлявшая общую черту его характера, особенно проявлялась въ этихъ рѣчахъ. Привыкнувъ съ первой молодости къ профессорской кафедрѣ, онъ не имѣлъ однако въ тонѣ своемъ ничего докторальнаго; напротивъ, по мягкости и, такъ сказать, двойственности сего тона, видно было, что эта кафедра была—духовная. Не разъ въ Совѣтѣ, оспаривая противное мнѣніе, онъ начиналъ съ панегирика ему, повторялъ всѣ тѣ же доводы, развивалъ ихъ еще сильнѣе, воплія, казалось, сочувствовалъ и сомислилъ своему противнику, не позволяя себѣ ни одного прямаго возраженія и, наконецъ, однако, приходилъ, тѣмъ же, повидимому, путями, къ совершенно противоположному результату.

Въ послѣдніе годы жизни, органъ его потерялъ всю звонкость и принялъ какой-то гробовой звукъ, а сверхъ того, по разслабленію груди, онъ говорилъ въ Совѣтѣ гораздо рѣже; но в ту рѣчь его, по внутреннему своему содержанію, все также была глубока и напитана полнымъ знаніемъ предмета, а по вѣншей формѣ все также легка, свободна, краснорѣчива. Я зналъ въ Россіи только четырехъ истинныхъ ораторовъ: Сперанскаго, Дашкова, Канкрива и Блудова. У каждаго свой отличительный характеръ: у Сперанскаго мягкость и тонкая вкрадчивость, у Дашкова—сжатость и энергическая жесткость, у Канкрива—необыкновенная пластичность и позволявшійся лишь одному ему юморъ, переходившій не рѣдко въ цинизмъ; наконецъ, у Блудова—противуположная Дашкову велерѣчивость, не чуждая иногда ироніи и даже сарказма, а сверхъ того особенная, можно сказать чудесная, находчивость въ возраженіяхъ. Но Сперанскій стоялъ едва-ли не выше всѣхъ ихъ, сколько по искусству, съ которымъ умѣлъ охранять личные самолюбія, столько же по дикціи и оборотамъ своихъ рѣчей, всегда оригинальнымъ, не менѣе чѣмъ и въ письменныхъ его произведеніяхъ. Сперанскій былъ, за рѣдкими изытціями, вообще не любилъ нашими магнатами, нѣкоторыми даже ненавидимъ (въ особенности Дашковымъ и Блудовымъ) и при всемъ томъ, когда только не дѣйствовали страсти или предубѣжденія, т. е. когда былъ судъ хладнокровный и велицепріятный, всегда увлекалъ съ собою всю массу, не исключая и этихъ противниковъ. Повидимому, безъ всякихъ притязаній, съ чрезвычайною скромностію, простотою, даже иногда будто-бы

простодушiемъ, онъ плѣнялъ ихъ, противъ ихъ воли, могуществомъ своего гениа. Многие, — разумѣется, однако, не изъ сихъ противниковъ, — называли его, и съ полнымъ основанiемъ, нашимъ Златоустомъ.

Съ этими высокими достоинствами ума Сперанскій соединялъ и прекрасную наружность. Высокій ростомъ, съ огромнымъ лбомъ, который уже съ первыхъ лѣтъ мужскаго возраста обнаружился отъ волосъ, онъ, во всѣхъ чертахъ своего лица, носилъ отпечатокъ глубокой думы и истинной гениальности; особенно же безподобны были его глаза, всегда покрытые нѣкоторою влажностiю, и многія женщины, объясняя по-своему его взглядъ, говорили, что у него «влюбленные глазки». Лучшій изъ его портретовъ есть написанный Дауомъ (Daw), колѣнный, оставшійся у его дочери, но и онъ не совсѣмъ схожъ; бюстъ, снятый уже послѣ его смерти Лемольтомъ, еще менѣе удался. Примѣчательно, что не только въ характерѣ, но и во внѣшнихъ формахъ и приемахъ Сперанскаго, нигдѣ не отражалось его происхожденiе и воспитанiе: онъ былъ далекъ отъ всякой надутости, ласковъ и обходителевъ со всѣми, но умѣлъ всегда сохранить все приличiе своего званiя и если не обладалъ тою вельможескою грандеццою, тѣмъ изящнымъ тономъ, которыми отличался, напримѣръ, князь Кочубей, то вездѣ, однако же, не исключая ни самаго высшаго общества, ни дамскаго круга, былъ на своемъ мѣстѣ. Въ частной бесѣдѣ онъ имѣлъ особенный даръ чарованiй. Не избѣгая разговоровъ на французскомъ языкѣ, въ которомъ у него отзывался только легкiй недостатокъ произношенiя, онъ вообще предпочиталъ говорить по-русски, и всѣ, мужчины и женщины, тоже предпочитали слышать его на этомъ языкѣ, который, въ его устахъ, становился, истинно, совсѣмъ инымъ и новымъ. Кончу эти замѣтки тѣмъ, что Сперанскій, всегда чистый, опрятный, даже, по лѣтамъ, щеголеватый, чрезвычайно любилъ цвѣты, особливо чайное деревцо, прекрасные экземпляры котораго, въ полномъ цвѣту, во всякое время года красовались въ его кабинетѣ, постоянно дышавшемъ ихъ благоуханiемъ.

Передъ самымъ праздникомъ Рождества Христова въ комнату къ камеръ-фрау ¹⁾ Карповой, спавшей воелѣ императрицыной почивальни ²⁾, вкрался ночью воръ, съ ножомъ въ рукахъ, и сталъ требовать отъ нея денегъ. Та, при всемъ испугѣ, не потеряла присутствiя духа и, изъявляя полную готовность удовлетворить его, сказала, что ей надо только взять деньги изъ другой комнаты, а между тѣмъ, выйдя туда, затворила свою спальную извнѣ ключемъ, находившимся въ замкѣ, и бросилась за дежурною прислугою. Созванные люди сбѣжались, однако, уже

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „Камеръ-юнгферы“.

²⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „въ Зимнемъ Дворцѣ“

слишкомъ поздно; они нашли дверь выломанною и вора скрывшимся. По словамъ камеръ-фрау, которой показалось, что она по голосу узнала одного придворнаго лакея, послѣдній тотчасъ былъ схваченъ и хотя на допросѣ у гофмаршала графа Шувалова, а потомъ у самого государя, началъ заперательствомъ, но послѣ во всемъ сознался, утверждая только, что имѣлъ при себѣ ножъ вовсе не въ преднамѣреніи смертоубійства, а единственно для острастки. Оказалось, что онъ служилъ при дворѣ уже лѣтъ пять и горькій пьяница, который, пропивъ все, чтó у него было, и даже заложивъ свои парадные штаны съ галуномъ за 3 руб., отважился, для выкупа ихъ передъ праздникомъ, на упомянутое покушеніе. По высочайшей волѣ онъ былъ преданъ военному суду, которымъ приговоренъ къ прогнанію сквозь строй черезъ 2.000 человекъ и обращенію потомъ въ арестантскія роты. Государь смягчилъ приговоръ отмѣною тѣлеснаго наказанія.

6-го декабря, на дворцовомъ выходѣ, всѣ генералы ¹⁾ впервые явились, вмѣсто прежнихъ трехъугольных шляпъ ²⁾, въ каскахъ вновь установленнаго образца. Слѣдующій выходъ 25-го числа ознаменовался другими еще переиънами въ костюмахъ. Во 1-хъ, за отмѣною чулковъ и башмаковъ, оставленныхъ впредь для однихъ баловъ, всѣ гражданскіе и придворные чины явились уже въ бѣлыхъ брюкахъ съ золотыми галунами. Эта переиъна встрѣчена была общею радостію, особенно со стороны людей пожилыхъ. Даже и у придворныхъ пѣвчихъ штаны замѣнены брюками по цвѣту ихъ мундира, и вообще чулки съ башмаками сохранены только для офиціантовъ и лакеевъ. Пудра, составлявшая въ прежнее время необходимую принадлежность придворнаго наряда, была отмѣнена императоромъ Николаемъ въ самомъ еще началѣ его царствованія; во 2-хъ, у всей придворной прислуги бѣлые штаны замѣнены были плисовыми, пунцовыми.

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „офицеры всей гвардіи“.

²⁾ Императоръ Александръ исправилъ: „киверовъ“.

1845 годъ.

Богъвъ погъ у императора Николая.—Освященіе дворца великой княгини Маріи Николаевны.—Нѣсколько переѣвъ въ военной формѣ.—Адмиралъ Грейгъ.—Кончина великой княгини Елисаветы Михайловны.—Князь Реннъ-Волковскій.—Публичныя лекціи военныхъ наукъ.—Живыя картины Раппо.—Необыкновенныя награды по поводу крещенія великаго князя Александра Александровича.—Перечень всѣхъ наградъ князя Васильчикова.—Прапорщикъ Янкевичъ, толкнувшій государя на улицѣ.—Разговоръ о религіяхъ въ Россіи.—Экзамены для производства въ первый офицерскій и первый классный чинъ и указъ 11 іюня 1845 о чинѣ статскаго совѣтника и майора.—Кончина и похороны графа Канкрива.—Дмитрій Павловичъ Татищевъ.—Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

Императоръ Николай въ зиму съ 1844-го на 1845 г. страдалъ какою-то загадочною и упорною болью въ ногахъ, особенно въ правой. Въ праздникъ Рождества (1844-го) онъ всю обѣдню просидѣлъ въ комнатѣ за фонарикомъ, въ новый годъ отказалъ выходить, а въ Богоявленіе въ половинѣ обѣдни принужденъ былъ опять удалиться за фонарь, но къ водосвѣтію снова вышелъ и даже слѣдовалъ за процессією на Иордань. Ставъ, въ ожиданіи ея, передъ войсками въ портретной галереѣ, онъ громко сказалъ князю Васильчикову, что наканунѣ чувствовалъ себя лучше, такъ что могъ выстоять всю обѣдню; работавшіе же съ нимъ за день передъ тѣмъ рассказывали, что онъ во весь докладъ держалъ правую ногу на стулѣ. Въ публикѣ многіе приписывали этотъ недугъ героическому лѣченію отважнаго Магдта, въ это время уже пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ государя, котораго онъ заставлялъ постоянно пить битеръ-вассеръ, употреблять ежедневно по нѣскольку холодныхъ промывательныхъ и ставить ноги въ воду со льдомъ. При всемъ томъ государь, по обыкновенію, нисколько не жалѣлъ себя въ исполненіи своихъ обязанностей и, не довольствуясь кабинетною работою, продолжалъ даже выѣзжать. Въ половинѣ января ему сдѣлалось гораздо хуже; стали пухнуть ноги, и къ боли въ нихъ присоединилась желтуха; онъ вынужденъ былъ прилеживать на диванѣ и начиналъ таинственно поговаривать о водяной.....! ¹⁾). Но могущественная его натура въ этотъ разъ взяла верхъ, и къ концу мѣсяца мы были обрадованы совершеннымъ его выздоровленіемъ, по крайней мѣрѣ по виду.

Дворецъ для великой княгини Маріи Николаевны у Сіяяго моста, воздвигнутый на мѣстѣ ²⁾) прежняго дома Чернышева, обращеннаго впо-

¹⁾ Точка въ подлинникѣ.

²⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „перестроенный изъ“ (дома Чернышева).

слѣдствіи подъ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, оконченъ былъ отдѣлкою и убранствомъ къ 1845 году. 1-го января происходило въ немъ освященіе церкви, и потомъ допущены были къ осмотру его избранные, а 7-го января и вся публика, хотя по билетамъ, но которые раздавались всѣмъ желавшимъ безъ разбора, кромѣ черни, отъ чего стеченіе любопытныхъ доходило даже до давки. Указомъ 8-го января дворецъ сей, съ службами при немъ и со всѣмъ убранствомъ, пожалованъ былъ великой княгинѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе, и повелѣно именовать его Маріинскимъ; а вслѣдъ за тѣмъ молодая чета, жившая до тѣхъ поръ въ Зимнемъ дворцѣ, переехала на свое новоселье.

Немедленно по вступленіи на престолъ императора Николая I-го у всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ ¹⁾ бѣлыя панталоны съ ботфортами были замѣнены брюками, и прежняя форма сохранена только для генераловъ ²⁾, съ обязанностью носить ее въ извѣстные праздники въ продолженіе цѣлаго дня. Такимъ образомъ, въ то время, когда молодежи дано было это важное облегченіе, люди болѣе или менѣе пожилые, дослужившіеся до высшаго званія, оставались при прежней тягостной формѣ, равнявшейся для многихъ почти невозможности показываться въ праздники на улицахъ и въ обществѣ. Комитетъ, существовавшій подъ предѣлательствомъ великаго князя Михаила Павловича, о пересмотрѣ устава строевой службы, въ 1843 году представлялъ объ уничтоженіи такой несообразности; но государь тогда на это не соизволилъ, и переимѣна формы послѣдовала уже только въ 1845 г., главнѣйше по настояніямъ наслѣдника цесаревича. Въ самый день новаго года состоялся приказъ, чтобы генераламъ, въ опредѣленные праздники, быть въ парадной формѣ только до развода. Въ этотъ же день сдѣланы были и разныя другія переимѣны въ военномъ обмундированіи: такъ къ каскамъ, замѣвившимъ прежнія трехъугольныя шляпы, даны металлическія кобарды; гусарамъ, вмѣсто имѣвшихся у нихъ вицъ-мундировъ, велѣно носить всегда венгерки и пр.

18-го января скончался, 69-ти лѣтъ отъ роду, членъ Государственнаго Совѣта Алексѣй Самойловичъ Грейгъ, англичанинъ родомъ и подданствомъ, сынъ знаменитаго въ Екатерининскій вѣкъ адмирала, и самъ стяжавшій себѣ славу какъ морякъ и какъ ученый. Всю карьеру свою онъ сдѣлалъ во флотѣ, или по крайней мѣрѣ въ флотскомъ мундирѣ. Бывъ зачисленъ въ службу въ самый годъ своего рожденія (1775) и трижды посыланъ потомъ, въ отроческомъ и юношескомъ возрастахъ,

¹⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „кромѣ гвардейскихъ кирасирскихъ полковъ“.

²⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „и флигель-адъютантовъ“.

въ Англію, для усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ, участвовать во всѣхъ кампаніяхъ, Грейгъ съ 1816-го по 1833-й годъ несъ званіе и обязанности главнаго командира Черноморскихъ флота и портовъ и Николаевскаго и Севастопольскаго военнаго губернатора. Въ продолженіе этого времени онъ произведенъ въ адмиралы (1828) и получилъ императорскій шифръ на эполеты (1829), а въ 1833 пожалованъ въ члены Государственнаго Совѣта—гдѣ перебивалъ во всѣхъ департаментахъ, кромѣ только департамента законовъ; въ 1834 году внесенъ въ списокъ состоящихъ при особѣ его величества и наконецъ 6-го декабря 1843 года пожалованъ Андреевскимъ кавалеромъ. Изъ морскихъ его подвиговъ самыми блестящими были: покореніе, въ 1828 году, Анапы, содѣйствіе, въ томъ же году, къ завоеванію Варны и взятіе, въ 1829 году, крѣпостей: Миссемвриа, Азіоло, Ніады и Мидія. За отличія подъ Варною, «не знавшей еще—какъ сказано въ рескриптѣ,—силы русскаго оружія», онъ получилъ 2-го Георгія, котораго знаки императоръ Николай самъ возложилъ на него, 29-го сентября 1828 года, на корабль «Парижъ». Между гражданскими или административными его заслугами важнѣйшею должно назвать возбужденіе мысли объ учрежденіи Пулковской астрономической обсерваторіи и жаркое содѣйствіе къ ея осуществленію. Грейгъ былъ человекъ добрый, кроткій, благородный, при томъ очень скромный, безъ свойственной его націи холодной надменности. Въ отношеніи къ умственнымъ его силамъ мнѣнія различествовали. Сперанскій называлъ его «ученымъ дуракомъ». Думаю, что тутъ было преувеличеніе. Не имѣвъ, конечно, дарованій генія, Грейгъ былъ, однако жъ, человекъ разсудительный и если въ ежедневномъ обиходѣ жизни онъ отличался чрезвычайнымъ простосердечіемъ, то, при вопросахъ государственныхъ, у него проблескивали нерѣдко основательныя, иногда и оригинальныя мысли. Такъ, напримѣръ, когда въ 1839-мъ году, при разсмотрѣніи дѣла объ уничтоженіи простонароднаго лажа на монету, одно предположеніе смѣнялось другимъ, онъ представилъ очень, какъ мнѣ казалось, дѣльный проектъ о томъ, чтобы за монетную единицу взять кружокъ, равный четвертаку, назвавъ его рублемъ,—мысль, едва-ли не основательнѣе той, которая была тогда принята (обращеніе въ монетную единицу—цѣлковаго) и въ послѣдствіяхъ своихъ повлекла страшное возвышеніе цѣнъ на всѣ предметы. Затѣмъ не Грейгова вина была, что въ Государственномъ Совѣтѣ его помѣстили въ Гражданскій департаментъ, гдѣ онъ, насколько не приготовленный къ дѣламъ этого рода, сдѣлался совершенно бесполезенъ и точно могъ казаться ограниченнымъ. Пользовавшись въ прежнее время общимъ почетомъ, уважаемый и отличаемый государемъ, наконецъ всѣми любимый, Грейгъ утратилъ много изъ того черезъ бракъ съ пронырливою жидовкою, дстолѣ его наложницею, которая, во время

его управленія Черноморскимъ флотомъ, позволяла себѣ, въ роли адмиральши, какъ по крайней мѣрѣ всѣ тогда говорили, разные неблаговидные поступки. Съ тѣхъ поръ, потерявъ расположеніе къ себѣ государя, бѣдный старикъ сдѣлался, для публики, болѣе или менѣе предметомъ насмѣшекъ и почти пренебреженія, такъ что пожалованіе ему Андреевской ленты возбудило общее порицаніе противъ исходатайствовавшаго ее князя Васильчикова. Въ послѣдніе годы, изнуренный болѣе еще болѣзнію, нежели лѣтами, одрахлабѣвшій, оглохшій и, дѣйствительно, уже выжившій изъ ума, Грейгъ только прозябалъ, и cadaго невольно бралъ смѣхъ при увѣреніяхъ его жены, все еще тревожимой видами честолюбія, будто бы ея «Алексій Самойловичъ» проводитъ цѣлыя ночи за чтеніемъ совѣтскихъ записокъ. «Видно,—говорили шутники,—эти-то безсонныя ночи онъ и старается вознаграждать въ Совѣтѣ», гдѣ въ самомъ дѣлѣ Грейгъ постоянно дремалъ—и иногда предавался даже глубокому сну.

Обрядъ отпѣванія тѣла Грейга происходилъ въ Англиканской церкви (на Английской набережной), которая впервые еще отдавала послѣдній долгъ члену Государственного Совѣта. Въ противоположность съ другими вельможами, у которыхъ на похоронахъ обыкновенно бываетъ менѣе людей, нежели стекалось на ихъ вечера, къ бездыханному тѣлу бѣднаго Грейга собралось несравненно болѣе, чѣмъ видывали на его балахъ, называвшихся въ городѣ «жидовскими». Съ скромнымъ и отчасти застѣнчивымъ характеромъ своимъ, онъ если бы тутъ очнулся, умеръ бы, я думаю, во второй разъ, при видѣ, съ одной стороны, какъ для него собралось весь Совѣтъ, весь флотъ, вся Академія наукъ, вся военная свита государева, множество англичанъ и пр., а съ другой стороны, какъ неистово, посреди этого многолюднаго собранія, завывала и ломалась его вдова. Наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ также присутствовали при церемоніи и, чтобы начать ее, ожидали только государя, котораго и лошадь уже была приведена (для командованія войсками), какъ вдругъ онъ прислалъ сказать, что не можетъ быть. Никто изъ насъ не могъ разгадать причины этого внезапнаго отказа; но она, къ несчастію, объяснилась слишкомъ скоро. Въ то время со дня на день ожидали изъ Висбадена вѣсти о разрѣшеніи отъ бремени великой княгини Елисаветы Михайловны, сочетавшейся въ прошломъ году съ герцогомъ Нассаускимъ. И вдругъ, именно въ то время, когда долженъ былъ начаться печальный обрядъ, прискакалъ флигель-адъютантъ герцога графъ Боосъ, съ извѣстіемъ, что великая княгиня, разрѣшась дочерью, вмѣстѣ съ нею вслѣдъ за тѣмъ скончалась. Разумеетсяъ, что послѣ этого государь, къ которому первому Боосъ явился, уже былъ не въ силахъ вѣхать на похороны Грейга, гдѣ

присутствовалъ несчастный отецъ, ничего не подозрѣвавшій ⁴⁾. Выждавъ конецъ церемоніи, государь отправился въ Михайловскій дворецъ. Видѣвшіе, какъ онъ входилъ къ брату, рассказывали потомъ, что на немъ не было лица и что даже губы его тряслись.

— *Nous venons de recevoir un sougrier, Michel* ²⁾.

— *Eh bien*—отвѣчалъ радостно великій князь, который еще наканунѣ, на маленькомъ вечерѣ у великой княгини Маріи Николаевны, гдѣ праздновалось ея новоселье, былъ необыкновенно веселъ и часто, среди шутокъ, говорилъ, что въ эту минуту онъ, можетъ статься, уже дѣдушка: «*Eh bien: suis-je déjà grand-père? Est-ce un petit—ou une petite?*» ³⁾

У государя, такъ недавно еще сраженнаго собственною утратою ⁴⁾, не достало силъ отвѣчать. Онъ могъ только броситься на грудь брата, всегда столь свято ему преданнаго.....⁵⁾ Великой княгинѣ-матери онъ еще менѣе чувствовалъ себя въ состояніи нанести этотъ ударъ; роковая вѣсть была передана ей Мандтомъ.

Примѣчательно, что, по извѣстіямъ Бооса, слышаннымъ мною отъ него самого, великая княгиня разрѣшилась дочерью, которая прожила менѣе дня; газетная наша статья, сопровождавшая манифестъ, увѣряла, что это былъ принцъ, не прожившій и однѣхъ сутокъ, а прибывшій сюда въ тотъ же день прусскія газеты, въ статьѣ изъ Нассаускаго герцогства, рассказывали, будто бы великая княгиня скончалась, разрѣшившись наканунѣ мертвою дочерью, такъ что публика наша долго сомнѣвалась, чтѣ-же наконецъ считать правдою.

Великая княгиня Елена Павловна долго просила и настаивала, чтобы трауръ по покойной былъ только домашній; но государь никакъ на это не согласился, и все было сдѣлано такъ, какъ при кончинѣ собственной его дочери ⁶⁾.

Простой нашъ народъ, рассуждая по-своему объ этихъ плачевныхъ событіяхъ, говорилъ, что инаго и ожидать нельзя было, потому что

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „государь узналъ это отъ меня, а я отъ гр. Нессельрода, который, получивши горестное извѣстіе, пріѣхалъ ко мнѣ, боясь прямо объявить о томъ государю.—Это было именно въ ту минуту, какъ я шелъ къ батюшкѣ, чтобы съ нимъ ѣхать на похороны.

²⁾ Только-что пришла почта, Миша.

³⁾ Что, я дѣдушка? мальчикъ или дѣвочка?

⁴⁾ Потерю великой княгини Александры Николаевны.—Елисавета Михайловна скончалась 16-го января, въ самый день бракосочетанія Александры Николаевны, предшедшей ей и на брачное ложе, и въ гробъ.

⁵⁾ Точки въ подлинникѣ.

⁶⁾ Трауръ былъ, впослѣдствіи, снятъ нѣсколько прежде срока, только по случаю разрѣшенія цесаревны великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ.

младшихъ дочерей выдали за мужъ прежде старшихъ и при томъ въ високосный годъ.

Впослѣдствіи самъ великій князь Михаилъ Павловичъ рассказывалъ мнѣ, что, пріѣхавъ на похороны Грейга въ какомъ-то особенно грустномъ настроеніи духа, котораго не могъ самъ себѣ объяснить, онъ былъ встрѣченъ наслѣдникомъ цесаревичемъ (знавшимъ уже все отъ государя), съ совершенно измѣнившимся лицомъ, почти съ слезами на глазахъ, и хотя онъ избѣгалъ всякаго отвѣта, однако видъ его не могъ не усилить еще болѣе тревожнаго чувства великаго князя. Воротясь домой, Михаилъ Павловичъ нашелъ у себя Мандта и если посѣщеніе государева лейбъ-медика его не удивило, потому что въ послѣднее время Мандтъ очень часто къ нему пріѣзжалъ для бесѣдъ о разстроившемся здоровьѣ государя, однако и въ выраженіи его лица, и въ направленіи разговора онъ замѣтилъ что-то необыкновенное, мрачное и только-что хотѣлъ спросить о причинѣ, какъ вошелъ государь. Появленіе его часомъ ранѣе обыкновеннаго времени его посѣщеній, а потомъ и самый видъ его не долго оставили великаго князя въ недоумѣніи....

Отъ самого же великаго князя я слышала, что дочь его поправилась герцогу, еще въ 1840-мъ году, во время пребыванія въ Эмсѣ, когда ей было всего 14 лѣтъ, и что герцогъ тогда же получалъ втайнѣ согласіе великой княгини-матери, которое въ 1843-мъ году было подтверждено и формальнымъ соизволеніемъ государя. Начало нервической болѣзни, выразившейся очень сильно при отъѣздѣ Елисаветы Михайловны, послѣ брака, изъ Петербурга и не оставившей уже ее до кончины, относилось къ тому же 1843 году, когда она, вмѣстѣ съ матерью и сестрами, жила въ Бингенѣ. Тутъ, прогуливаясь однажды верхомъ, она, отъ внезапнаго движенія лошади, почувствовала сотрясеніе въ затылкѣ и спинной кости, за которымъ тотчасъ послѣдовалъ нервическій припадокъ.

Въ январѣ скончался въ своемъ имѣніи, Полтавской губерніи, мѣстечкѣ Яготинѣ, внукъ по матери и воспитанникъ знаменитаго генераль-фельд-маршала князя Николая Васильевича Репнина, бывший членъ Государственнаго Совѣта и генераль-адъютантъ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ-Волконскій. Первая изъ этихъ фамилій присоеена ему была по кончинѣ дѣда, когда погасъ родъ Репниныхъ въ мужской его линіи. Отецъ его, генераль-аншефъ князь Григорій Волконскій, былъ человекъ тоже очень извѣстный въ своемъ родѣ. Ѣздя по Петербургскимъ улицамъ безъ мундира или сюртука, въ одномъ камзолѣ и съ непокрытою головою, онъ заходилъ, на пути, въ каждую церковь прикладываться къ иконамъ и вообще старался поддѣлываться, во внѣшнихъ пріемахъ, подъ всѣ причуды и странности Суворова. Князь Николай Гри-

горьевичъ служилъ и на полѣ брани, и на поприщахъ дипломатическомъ и гражданскомъ, былъ посланникомъ при дворахъ братьевъ Наполеоновыхъ, Геронима и Иосифа, послѣ лейпцигской битвы управлялъ Саксонскимъ королевствомъ и потомъ, состоявъ 18 лѣтъ малороссійскимъ генераль-губернаторомъ, былъ назначенъ, съ увольненіемъ отъ этой должности, членомъ Государственнаго Совѣта. Вдругъ открылось расхищеніе, за время его управления Малороссіею, съ громкою, гласною молвою о личномъ его въ томъ участіи, суммъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія, и Репнинъ былъ уволенъ (кажется, въ 1835-мъ или 1836 году), безъ прошенія, вовсе отъ службы. Остатокъ своей жизни, посрамленный такимъ образомъ послѣ долговременной и отчасти блестящей карьеры, онъ влачилъ за границею и въ Яготинѣ, не достигнувъ уже никогда возстановленія гражданской своей чести. Репнинъ, человекъ умный и просвѣщенный, отличался, однако, всегда чрезвычайнымъ легкомысліемъ и большою расточительностію. Онъ былъ женатъ на сестрѣ жены министра народнаго просвѣщенія Уварова и дочери графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, бывшаго тоже нѣкогда министромъ просвѣщенія.

Зимой 1845 года, сверхъ многихъ публичныхъ чтеній, происходившихъ въ Академіи наукъ, вольномъ экономическомъ обществѣ и проч., впервые учреждены были въ Петербургѣ, по волѣ государя, и публичныя безмездныя лекціи военныхъ наукъ, для всѣхъ желавшихъ заняться ими военныхъ офицеровъ. Эти лекціи, обнимавшія тактику, артиллерію и фортификацію, читались офицерами гвардейскаго генеральнаго штаба, артиллерійскими и инженерными, въ обширной залѣ Энгельгардтовскаго дома, на Невскомъ проспектѣ, и съ самаго начала ихъ привлекли многочисленныхъ слушателей.

На углу Большой Морской и Кирпичнаго переулка, тамъ, гдѣ теперь огромный домъ Руадзе ¹⁾, стояло, очень еще недавно, небольшое деревянное зданіе, въ которомъ, прежде, пріѣзжею труппою игрались преимущественно піесы для дѣтей и которое отъ этого времени сохранило названіе Дѣтскаго театра. Въ началѣ великаго поста въ 1845 году афиши объявили, что, со второй недѣли, иностранецъ Раппо съ своею труппою будетъ представлять въ этомъ Дѣтскомъ театрѣ опыты Индѣйскаго жонглерства и «живыя статуи». Послѣднія заключались въ группахъ, или отдѣльныхъ статуяхъ, представлявшихся, въ вѣрныхъ снимкахъ съ произведеній знаменитѣйшихъ древнихъ и новыхъ художниковъ, живыми людьми, которые появлялись на сценѣ, мужчины и женщины, если и не совершенно нагіе, то прикрытые только прозрачнымъ, плотно прилежавшимъ къ тѣлу трико, обрисовывавшимъ всѣ формы, какъ бы

¹⁾ Нынѣ Елисеева.

его совсѣмъ не было. Въ прибавку, трико было тѣлеснаго цвѣта, и только на нѣсколькихъ мужчинахъ, представлявшихъ отдѣльныя статуи, оно имѣло цвѣтъ мрамора. Въ первое представленіе, когда никто еще не зналъ, что тутъ будетъ, пріѣхало въ ложи множество дамъ; но разумѣется, что при первомъ появленіи этого, уже слишкомъ разительнаго подобія живой натурѣ, всѣ принуждены были бѣжать. Представленія въ такомъ видѣ продолжались, однако, очень не долго. Присутствовавшій на одномъ изъ нихъ военный генераль-губернаторъ Кавелинъ, скандализированный въ высшей степени выводимыми предъ публику возбудительными наготами, представилъ о запрещеніи ихъ. Государь отозвался, что въ такихъ дѣлахъ надо поступать очень осмотрительно, чтобы не разорять понапрасну бѣдныхъ людей, пріѣхавшихъ къ намъ издалека, и что, для произнесенія окончательнаго рѣшенія, онъ сперва самъ посмотритъ это зрѣлище. Дѣйствительно, въ субботу той же второй недѣли поста, государь пріѣхалъ къ Раппо вмѣстѣ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, и этотъ день былъ послѣднимъ въ лѣтописяхъ нагихъ статуй подъ тѣлеснымъ трико. Впослѣдствіи женщинамъ позволили показываться только уже въ платьяхъ или туникахъ, а мужчинамъ хотя и безъ покрововъ, но не иначе, какъ въ бѣломъ трико подъ мраморъ.

Крещеніе великаго князя Александра Александровича, совершенное съ большимъ торжествомъ, ознаменовалось многими наградами, не только важными, но въ нѣкоторомъ смыслѣ даже и государственными. Не перечисляя всѣхъ пожалованій чинами, орденами и пр., назову только тѣ милости этого дня, которыя выходили изъ ряда обыкновенныхъ. Принцу Петру Ольденбургскому, имѣвшему до тѣхъ поръ, въ качествѣ внука императорскаго по женской линіи, титулъ только свѣтлости, пожалованъ былъ, вмѣстѣ съ его супругою, титулъ императорскаго высочества, за то, какъ говорилъ указъ, что онъ «посвящаетъ все время и труды свои на службу и въ знакъ монаршаго вниманія къ симъ его трудамъ и достоинствамъ». Графъ Нессельродъ, носившій съ 1828 года титулъ вице-канцлера, былъ пожалованъ въ государственныя канцлеры,—званіе, котораго никто не имѣлъ у насъ со смерти, въ 1834 году, князя Кочубея, пользовавшагося имъ всего, впрочемъ, лишь нѣсколько мѣсяцевъ, съ особою прибавкою: «по внутреннему управленію», изобрѣтенною тогда для означенія, что вліяніе его не простирается на дипломатическую часть; послѣднимъ же канцлеромъ иностранныхъ дѣлъ былъ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ. Эта важная награда, возводившая Нессельрода въ уровень съ княземъ Варшавскимъ и выше всѣхъ гражданскихъ чиновъ, потому что, за смертію князя Александра Николаевича Голицына, онъ становился единственнымъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ 1-го класса въ цѣлой имперіи, была встрѣ-

чена сочувствіемъ всей публики, рѣдко несправедливой въ своихъ приговорахъ. Управлявъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ болѣе тридцати лѣтъ; проведя Россію черезъ всѣ политическія бури этого длиннаго періода не только здраву и невредиму, но и въ сіяніи славы; пользуясь общимъ уваженіемъ и въ Россіи и во всѣхъ кабинетахъ Европы, столько же искусный и опытный дипломатъ, сколько вообще полезный государственный мужъ, давно уже вписавшій свое имя въ исторію, графъ Нессельродъ дѣйствительно вполне заслужилъ эту награду, и кто же, въ самомъ дѣлѣ, достойнѣе этого знаменитаго ветерана могъ стать въ главѣ нашихъ государственныхъ сановниковъ! Со всѣмъ тѣмъ, бывъ во 2-мъ классѣ еще съ 1823 года, Нессельродъ черезъ повышение свое обошелъ трехъ статскихъ: графа Головкина, Татищева и графа Строганова, двухъ военныхъ: князя Волконскаго и Ермолова, и еще одно лицо, представлявшее въ нашей администраціи нѣчто въ родѣ амфибіи, именно графа Мордвинова, который, при титулѣ адмирала, носилъ всегда фракъ. Но первые три были—слѣбцы, давно уже удалившіеся съ поприща гражданской дѣятельности, хотя и продолжавшіе числиться членами Государственнаго Совѣта; Ермоловъ и Мордвиновъ точно также состояли лишь въ спискахъ, первый находясь въ безсрочномъ отпуску, а послѣдній не оставляя, по старости и дряхлости, уже нѣсколько лѣтъ своей комнаты ¹⁾.

Итакъ, изъ всѣхъ шести обойденныхъ, въ дѣйствительной службѣ, и при томъ очень тяжкой, по званію министра императорскаго двора, съ которымъ соединялось и нѣсколько другихъ должностей, состоялъ одинъ только князь Волконскій, произведенный въ генералы-отъ-инфантеріи еще въ 1817 году. Ему, по этому случаю, пожаловано было одновременно, изъ суммъ удѣльнаго вѣдомства, четыреста тысячъ рублей сер., и хотя едва-ли кто прежде него получалъ у насъ такую огромную денежную награду, однако почтенный старецъ худо скрывалъ свое огорченіе.

— На что мнѣ деньги, — говорилъ онъ, — когда я и такъ живу на всемъ готовомъ отъ двора, дочь моя замужемъ, оба сына женаты, и не только состояніе ихъ обезпечено, но всѣ они даже богаты.

Кромѣ его самого, были и другіе, которые за него обижались.

— Если бъ у насъ были въ обычаѣ и въ правѣ народныя адреса, — говорилъ мнѣ безрукій старикъ Скобелевъ, столько же извѣстный своими военными подвигами, какъ и литературными трудами, — то вся армія подписала бы адресъ о пожалованіи князю Петру Михайловичу фельд-маршальскаго жезла.

¹⁾ Крестины происходили 17-го марта, а 30-го того же мѣсяца графъ Мордвиновъ скончался.

— Дѣйствительно,—прибавляли другіе,—начальникъ главнаго штаба и сподвижникъ всѣхъ военныхъ дѣйствій покойнаго императора имѣлъ бы не менѣе, можетъ статься, права на титулъ фельдмаршала, нежели дипломатическій статсъ-секретарь Александра на титулъ канцлера, а пожалованіе этого высшаго военнаго сана въ мирное время бывало нерѣдко въ прежнія царствованія ¹⁾).

Князю Васильчикову, который былъ хотя и не старше Нессельрода, однако произведенъ во 2-й классъ въ одинъ съ нимъ день, пожалованъ маіоратъ, состоявшій изъ мѣстечка Тауеррогена съ восемью другими еще ключами и оцѣненный, по казенному аншлагу, въ 20.000 руб. сер. ежегоднаго дохода, но приносившій, какъ увѣряли, еще гораздо болѣе—награда, напоминавшая щедроты Екатерины къ ея любимцамъ. Имѣніе Тауеррогенъ куплено было, собственно съ этою цѣлью, у графа Зубова, съ освобожденіемъ, для обезпеченія Васильчикову полнаго дохода, отъ всѣхъ долговъ кредитнымъ установленіямъ и съ обращеніемъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные. По общему, изданному въ 1842 году положенію о жалуемыхъ въ западныхъ губерніяхъ маіоратахъ, оно должно было, послѣ смерти князя, перейти нераздѣльно къ старшему сыну; но этотъ сынъ былъ отъ первой жены (рожденной Протасовой), а князь имѣлъ еще нѣсколькихъ сыновей и отъ второй (рожденной Пашковой); вслѣдствіе того графъ Киселевъ, прискивая, по приказанію государя, имѣніе для маіората, выбралъ именно такое, которое со всѣмъ удобствомъ могло быть раздѣлено на двѣ части, на случай, если бы князь пожелалъ просить о предоставленіи одной въ пользу старшаго отъ втораго его брака сына, чтó впоследствии точно и случилось. Въ тотъ же день Вронченко утвержденъ былъ министромъ финансовъ, чтó, впрочемъ, послѣ самостоятельнаго управленія имъ этимъ министерствомъ, не удивило уже болѣе нашей публики. Наконецъ, одна еще награда, обратившая на себя общее вниманіе, заключалась въ пожалованіи митрополиту Антонію, очень не за долго передъ тѣмъ возведенному въ этотъ санъ, Андреевской ленты мимо Владимірской.

— Хорошо,—говорили завистники,—шагнуть въ восемь лѣтъ изъ капитановъ въ Андреевскіе кавалеры!

Этимъ хотѣли намекнуть на то, что преосвященный Антоній всего лишь за восемь лѣтъ до этой эпохи былъ постриженъ изъ бѣлыхъ священниковъ въ монашество.

Кстати о наградахъ и о необыкновенной щедрости въ нихъ императора Николая къ лицамъ, очастливленными его благоволеніемъ. Вотъ, для примѣра, перечень того, чтó Васильчиковъ, въ собственномъ

¹⁾ Известно, что князь Волконскій и былъ пожалованъ въ генераль-фельдмаршалы, но уже гораздо позже, именно въ 1850 году.

лѣтъ своемъ или въ членахъ своего семейства, получилъ со времени назначенія его предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, т. е. съ 9-го апрѣля 1838 года по апрѣль 1845 года или въ продолженіе всего семи лѣтъ:

6-го декабря 1838 года старшая дочь его пожалована въ фрейлины.

1-го января 1839 года онъ съ потомствомъ возведенъ въ княжеское достоинство.

14-го апрѣля 1840 года аренда въ 12.000 т. р. сер. на 24 года.

14-го апрѣля 1841 года портретъ государя для ношенія на шеѣ.

1-го января 1843 года пожалована во фрейлины вторая, 10-ти-лѣтняя дочь его и Ахтырскому гусарскому полку велѣно называться его именемъ.

Въ томъ же 1843 году одинъ изъ его сыновей пожалованъ въ флигель-адъютанты, а два его внука, сыновья полковника Лужина, записаны въ Пажескій корпусъ, въ который постановлено закономъ принимать сыновей только генералъ-лейтенантовъ.

17-го марта 1845 года—Тауррогенскій маіоратъ.

Кромѣ этихъ наградъ, государь безпрестанно, можно сказать ежедневно, осыпалъ князя знаками милостиваго своего вниманія и благорасположенія драгоцѣннѣйшими для подданнаго всякихъ внѣшнихъ отличій. Между множествомъ случаевъ, служившихъ тому доказательствомъ, приведу теперь одинъ. Для постоянныхъ докладовъ князя назначены были вторники; но на Страстной недѣлѣ въ 1845 году онъ не поѣхалъ во дворецъ, отозвавшись неизмѣнимъ дѣлъ; въ пятницу той же недѣли я случился у князя въ то время, когда готовились служить въ домовоѣ его церкви вечерню, на которую съѣхалось нѣсколько родственниковъ и друзей. Вдругъ входитъ камердинеръ:

— Ваше сіятельство, сейчасъ былъ здѣсь государь; но, увидѣвъ у подвѣзда много экипажей, подозвалъ швейцара и спросилъ: нѣтъ ли какого семейнаго праздника; когда же швейцаръ отвѣчалъ, что это гости, съѣхавшіеся къ вечернѣ, то сказалъ:

— Ну доложи князю, что я заѣзжалъ потому, что мы не видѣлись во вторникъ, но не хотѣлъ его беспокоить и мѣшать молиться, а завтра опять заѣду.

Если кто зимою и въ началѣ зимы 1845 года (и еще нѣсколько лѣтъ послѣ) хотѣлъ навѣрное встрѣтить императора Николая лицомъ къ лицу, стоило только около 3-хъ часовъ передъ обѣдомъ пойти по Малой *) Морской и около 7-ми часовъ по Большой *). Въ это время онъ посѣ-

*) Императоръ Александръ II исправилъ: „По Большой“.

*) Императоръ Александръ II исправилъ: „По Малой“.

шла дочь свою въ Маринскомъ дворцѣ и, соединяя съ этою цѣлю прогулку пѣшкомъ, или шелъ къ ней, или отъ нея возвращался. Однажды кто-то мимоходомъ сильно толкнулъ его.

— Это что!—спросилъ государь, увидѣвъ въ дерзкомъ молодого офицера путей сообщенія.

— А что?—возразилъ тотъ.

— Какъ что, милостивый государь: по улицѣ надо ходить осторожнѣе, а если случится кого задѣть, то должно по крайней мѣрѣ извиниться, хотя бъ то былъ мужикъ.

Съ этимъ, спустивъ съ плеча шинель, чтобы показать генеральскія эполеты, государь велѣлъ молодому челоуѣку идти подъ арестъ на главную гауптвахту и ждать тамъ приказаній, а самъ, воротясь во дворецъ, послалъ за графомъ Клейнмихелемъ, въ присутствіи котораго вытребовалъ передъ себя офицера. Онъ оказался прапорщикомъ Янкевичемъ, изъ поляковъ, обучавшимся еще въ то время въ институтѣ путей сообщенія, никогда прежде не видавшимъ государя въ глаза и такъ мало знакомымъ даже и съ Петербургомъ, что, вмѣсто главной гауптвахты, пришелъ сперва на адмиралтейскую; когда же онъ явился на главную, то его не хотѣли туда допустить, какъ арестованнаго, по его рассказамъ, какимъ-то неизвѣстнымъ генераломъ, и приняли только уже тогда, когда, по дальнѣйшему разспросу, несомнѣнно открылось, къ ужасу его, кто былъ этотъ генералъ. Государь сдѣлалъ ему отеческое увѣщаніе и потомъ сдалъ Клейнмихелю, «на условіи, чтобы эта исторія осталась для Янкевича безъ всякихъ послѣдствій».

Лѣтомъ, въ бытность въ Петербургѣ принца Карла прусскаго, за обѣдомъ, при которомъ и принцъ присутствовалъ, рѣчь коснулась новокатоликовъ, которыхъ ученіе было тогда въ полномъ ходу въ Германіи и составляло общій предметъ и газетныхъ статей, и разговоровъ.

— Я долженъ признаться,—сказалъ государь,—что не считаю ни удобнымъ, ни нужнымъ прикасаться къ дѣламъ совѣсти: для меня совершенно все равно, къ какому изъ христіанскихъ исповѣданій принадлежатъ мои подданные, лишь бы они оставались вѣрноподданными. Одно только исключеніе изъ этого правила я позволю себѣ въ отношеніи униатовъ, потому единственно, что всегда считалъ ихъ принадлежащими къ нашей церкви и только отъ нея отторгнутыми.

Принявъ въ основаніе, что не одна только выслуга узаконенныхъ лѣтъ можетъ давать право на производство въ первые офицерскіе чины по военному вѣдомству, но что удостоиваемый должнъ имѣть и познанія, этому званію необходимыя, императоръ Николай, въ 1843 году, велѣлъ унтеръ-офицеровъ производить впредь въ офицеры не иначе,

какъ по выдержаніи особо установленнаго испытанія въ наукахъ, и, примѣняясь къ сему, составить новыя правила о производствѣ въ первый классный чинъ и по гражданскому вѣдомству. Для исполненія сего, учрежденъ былъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ управляшаго въ то время дѣлами Комитета министровъ, Бахтина, изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, и написанный имъ проектъ, вмѣстѣ съ замѣчаніями всѣхъ министерствъ, переданъ во II-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, для внесенія, съ его мнѣніемъ, въ Государственный Совѣтъ. Здѣсь, въ департаментѣ законовъ (куда я былъ назначенъ съ самаго пожалованія меня членомъ Совѣта), составленъ былъ, уже въ 1844 году, новый проектъ, основанный на трехъ главныхъ началахъ: во-первыхъ, чтобы, для первоначальнаго поступленія въ гражданскую службу, сохранить уже прежде существовавшее испытаніе въ умѣніи читать и писать и въ знаніи первой части грамматики и первыхъ четырехъ дѣйствій ариметики, такъ какъ требовать болѣе значило бы отнять возможность имѣть чернорабочихъ, т. е. писцовъ, безъ которыхъ, пока не изобрѣтено еще машины для переписки бумагъ, ни одно вѣдомство обойтись не можетъ; во-вторыхъ, чтобы въ первый классный чинъ производить только окончившихъ съ успѣхомъ полный курсъ въ гимназіяхъ, или выдержавшихъ соотвѣтственное ему испытаніе; въ третьихъ, чтобы затѣмъ, въ продолженіе службы, никакихъ уже дальнѣйшихъ экзаменовъ въ наукахъ не дѣлать, но въ 8-й классъ производить, при прочихъ условіяхъ, лишь окончившихъ успѣшно полный курсъ въ университетахъ или соотвѣтственныхъ имъ заведеніяхъ, а изъ числа прочихъ только тѣхъ, которые, по крайней мѣрѣ, три года занимали, съ одобреніемъ начальства, одну изъ должностей, положенныхъ въ 7-мъ классѣ. Журналъ о семъ департаментѣ законовъ былъ напечатанъ и разосланъ ко всѣмъ членамъ Совѣта; но князь Васильчиковъ, остановивъ докладъ его въ общемъ собраніи, представилъ государю записку, въ которой, доказывая необходимость положить хотя нѣкоторую преграду безпрестанному приливу новаго дворянства, черезъ чины, предлагалъ узаконить, на будущее время, чтобы: 1) военнымъ офицерамъ, не изъ дворянъ, до маіорскаго чина, присвоено было одно дворянство личное; 2) въ гражданской службѣ чиновникамъ до 9-го класса представить одно личное почетное гражданство, а отъ 9-го до 4-го также одно только личное дворянство; 3) достигшимъ, въ военной службѣ, маіорскаго чина, а въ гражданской 4-го класса, дозволить просить о пожалованіи имъ дворянства потомственнаго. Въ одно съ этимъ время подоспѣло особое дѣло по Комитету министровъ, давнее случай распространить подобныя же предположенія и на орденъ. По тогдашнему статуту ордена св. Станислава право на полученіе 3-й его степени давалось, между прочимъ: «отличнымъ исправленіемъ, сверхъ настоящей по

службѣ должности, еще другой, вышей, вообще не менѣе года, хотя бы то было и въ разное время». На этомъ основаніи Сенатъ удостоилъ, къ ордену Станислава, вдругъ 60 человекъ, въ томъ числѣ нѣсколько чиновниковъ даже 14-го класса, которымъ списокъ, прежде внесенія въ орденскую думу, былъ представленъ, по установленному порядку, Комитету министровъ. Здѣсь такое огромное представленіе встрѣтило сильную оппозицію, и государь велѣлъ пересмотрѣть орденскіе статуты въ особомъ комитетѣ, назначивъ въ него князя Васильчикова, князя Волконскаго (по званію орденскаго канцлера) и графа Блудова. Комитетъ заключилъ: 1) уничтожить совсѣмъ 2-ю и 3-ю степени ордена св. Станислава, сохранивъ одну 1-ю; 2) по 2-й и 3-й степенямъ Анненскаго ордена давать одно дворянство личное, и 3) по орденамъ св. Георгія и св. Владиміра оставить потомственное дворянство для всѣхъ степеней, во съ тѣмъ, чтобы низшія давались не иначе, какъ по статутамъ, черезъ орденскія думы. Всѣ эти предположенія и департамента законовъ, и особаго комитета, состоялись еще въ апрѣлѣ 1844 года; но, по ихъ важности, дѣло не было кончено до вакантнаго времени Государственнаго Совѣта, въ продолженіе котораго поступило множество замѣчаній и возраженій на журналъ департамента законовъ. Предметъ самъ по себѣ былъ такъ популяренъ, такъ доступенъ каждому, что замѣчанія возникли даже и со стороны такихъ членовъ, которые прежде никогда не выражали своего мнѣнія въ Совѣтѣ. Одни находили, что мы слишкомъ затрудняемъ службу, другіе,—что дѣлаемъ слишкомъ мало; однимъ казалось необходимымъ оставить все по-прежнему, тогда какъ другіе пользовались этимъ случаемъ для закрытія почти всѣхъ путей къ приобретенію вновь дворянства. Словомъ, діаметральная противоположность мнѣній и принятый ими неожиданно широкій размѣръ такъ испугали Васильчикова, что онъ, отказавшись отъ прежней своей мысли, счелъ нужнымъ, прежде окончательнаго разсмотрѣнія дѣла въ общемъ собраніи Совѣта, о всемъ происшедшемъ доложить лично государю, а государь, съ своей стороны, признавъ, что члены, введя въ свои мнѣнія предметы, совсѣмъ не входившіе въ составъ предложеннаго Совѣту дѣла, зашли слишкомъ далеко, предпочелъ совсѣмъ отстранить и эти мнѣнія, и тотъ журналъ департамента законовъ, по которому они были представлены. Вслѣдствіе того, онъ велѣлъ передать все дѣло министру юстиціи, графу Панину, для составленія другаго проекта въ прежнихъ границахъ вопроса, т. е., собственно, объ экзаменахъ на первый классный чинъ гражданской службы, безъ перемѣны въ другихъ отношеніяхъ существующаго порядка. Такимъ образомъ, дѣло, которое, при самомъ скромномъ началѣ, приняло такое важное направленіе, на этотъ разъ возвратилось снова къ прежнимъ ограниченнымъ своимъ размѣрамъ, и возникавшая при семъ важная государственная мысль была

возобновлена и приведена въ дѣйствіе уже только въ 1845 году. Честь возобновленія ея принадлежала князю Васильчикову. Изложивъ, въ про- странной исторической запискѣ, всѣ перемѣны по этому предмету, про- исшедшія со временъ табели о рангахъ Петра Великаго, онъ старался доказать необходимость дальнѣйшаго, существеннѣйшаго преобразованія. Государь, въ началѣ, принявъ это дѣло холодно и даже съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, кажется, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, что оно пошло не отъ него непосредственно, и во-вторыхъ, что тутъ предлага- лось оградить право на пріобрѣтеніе дворянства и для военныхъ офи- церовъ, которыхъ онъ всегда считалъ и называлъ своими ¹⁾, усту- пилъ, однако же, повтореннымъ настояніямъ князя и велѣлъ предста- вить себѣ проектъ, который и былъ написанъ государственнымъ секре- таремъ Бахтинимъ, по соглашенію съ графомъ Блудовымъ, и внесенъ потомъ въ Государственный Совѣтъ, просто по высочайшему повелѣнію, безъ упоминовенія имени Васильчикова. Въ Совѣтѣ все прошло въ одно засѣданіе, не только безъ сопротивленія, но почти и безъ разсужденій, и, такимъ образомъ, минуя всякую огласку и почти неожиданно, явился достопамятный манифестъ 11-го іюня 1845 года, перенесшій право прі- обрѣтенія потомственнаго дворянства, въ гражданской службѣ, на чинъ статскаго совѣтника, а въ военной—на маіорскій ²⁾.

Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ, возвратившись изъ чужихъ краевъ, послѣ безуспѣшнаго лѣченія, скончался на 73 году отъ рожденія, на нанятой въ Павловскѣ дачѣ, въ ночь съ 9-го на 10-е сентября, по- слѣ тяжкихъ страданій, отъ поднявшейся вверхъ подагры. Въ моемъ сочиненіи, «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ» ³⁾, я старался изобразить личность и характеристику этого примѣчательнаго государственнаго человѣка, къ которому потомство и исторія, вѣрно, бу- дутъ справедливыѣ, нежели были современники. Истощенный недугами, послѣдствіемъ такой трудовой жизни, въ которой могъ спорить съ нимъ, развѣ только, императоръ Николай, онъ, и на закатѣ ея, все еще про- являлъ искры того генія, которымъ нѣкогда ярко блестялъ между сво- ими сподвижниками. Между тѣмъ, о предсмертной болѣзни его, продол- жавшейся около трехъ недѣль и предвѣщавшей несомнѣнную кончину, въ публикѣ и разговора не было... Съ прекратившимся виѣшнимъ зна-

¹⁾ Помню, что на одномъ частномъ балѣ, гдѣ какъ-то случилось болѣе статской, чѣмъ военной молодежи, я, стоя возлѣ государя, слышалъ, какъ онъ спросилъ у одного генерала: „Что тутъ такъ мало нашихъ?“

²⁾ Извѣстно, что высочайшимъ указомъ, 9-го декабря 1856 года, уже къ слѣдующему царствованію принадлежащимъ, право сіе, въ общему благо, еще болѣе затруднено, перенесеніемъ его, въ гражданской службѣ, на чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ военной—на полковничій.

³⁾ См. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, т. 98

ченіемъ, не оставляя послѣ себя никого въ семьѣ, въ комъ стоило бы искать, онъ протрадалъ и умеръ почти ни для кого незамѣтно. Отгѣваніе тѣла происходило въ реформатской церкви (въ Большой Конюшенной), откуда погребальная процессія двинулась на Смоленское погребальное кладбище. Десять лентъ, русскихъ и иностранныхъ, свидѣтельствовали о заслугахъ покойнаго; но малочисленность провожавшихъ доказывала, что онъ умеръ не министромъ финансовъ. Похороны были не великолѣпныя. За отсутствіемъ, въ то время, изъ Петербурга государя и наслѣдника цесаревича, изъ членовъ царскаго дома въ церкви находился и провожалъ гробъ, до Исаакиевскаго моста, одинъ великій князь Михайлъ Павловичъ. Изъ министровъ не явился почти никто, кромѣ одного Вронченко, который, надо ему отдать справедливость, шелъ пѣшкомъ до могилы; тамъ, посыпавъ землю гробъ своего благодѣтеля и творца, онъ усиливался выдвинуть изъ глазъ нѣсколько слезинокъ, но все это кончилось не совсѣмъ удачною попыткой. Изъ числа какихъ-нибудь ста начальниковъ отдѣленій министерства финансовъ не было на похоронахъ и десяти, а Петербургская биржа, считавшая въ составѣ своемъ около трехъ сотъ купцовъ, явилась на церемонію въ числѣ восьми человѣкъ! Эти торгаша въ одинъ мигъ забыли все, чѣмъ были обязаны покойному, и не захотѣли даже однимъ, послѣднимъ, безкорыстнымъ поклономъ покрыть все прежнее свое низкопоклонничество передъ сильнымъ министромъ. По смерти банкира барона Штиглица, биржа была закрыта цѣлый день, а по смерти Канкринна не заперли ни на минуту даже мелочной лавочки. Но послѣ Штиглица оставался сынъ, вступавшій въ его права... ¹⁾. Очень извѣстный, въ то время, реформатскій пасторъ Муральтъ, первый и искренній другъ покойнаго, но слабый проповѣдникъ, находился, во время его смерти, за границею, и потому надгробное слово произнесъ другой пасторъ, племянникъ перваго, Муральтъ же, который къ малому дару слова дяди присоединялъ и необыкновенную скудость мыслей. Главное достоинство его рѣчи, немаловажное въ дурномъ ораторѣ, заключалось въ ея краткости.

По вѣчнымъ законамъ природы, рѣдкая трагедія на свѣтѣ обходится безъ комедіи. Смерть Канкринна также не избѣгла этой участи. Современники, вѣроятно, въ память того, что покойникъ, при жизни, немилосердно обходился съ русскимъ языкомъ, заставили его и изъ гроба казнить наше родное слово. Въ «Сѣверной Пчелѣ» напечатана была о немъ

¹⁾ Впослѣдствіи, однако, петербургское биржевое купечество опредѣлило отдѣлить, изъ своей кассы, 17.500 руб. сер. для воспитанія, на проценты съ этой суммы, одного или нѣсколькихъ сыновей обѣднѣвшихъ биржевыхъ купцовъ, подъ названіемъ „Пансіонеровъ с.-петербургскаго биржеваго купечества, въ память графа Егора Францовича Канкринна“.

слѣдующая безграмотная фраза: «Всѣми глубоко уважаемый и искренно сожалѣемый» и т. д.

Другія газеты наши увѣковѣчили, съ своей стороны, эту фразу, тиснувъ ее, разумеется, безъ перемѣны, въ своихъ столбцахъ.

«Жить значить—переживать», сказалъ какой-то французскій писатель; и дѣйствительно, если не ведущій современнаго некрологическаго списка какъ бы менѣе замѣчаетъ разражающіеся вокругъ него удары смерти, то набрасывающій свои замѣтки на бумагу тѣмъ болѣе видитъ, какъ пустѣютъ ряды, и какъ исчезаетъ одна историческая знаменитость за другою. Въ сентябрѣ, въ одно почти время съ Кавкрийнымъ, скончался Дмитрій Павловичъ Татищевъ, бывший долго посломъ нашимъ при испанскомъ и потомъ при австрійскомъ дворѣ, а впоследствии пожалованный въ члены Государственнаго Совѣта и въ оберъ-камергеры.

Татищевъ принадлежалъ къ числу умнѣйшихъ людей нашего вѣка и занималъ блестящую степень въ дипломатическомъ кругу. Было время, что публика предназначала его въ предсѣдатели Государственнаго Совѣта; самъ же онъ простиралъ свои виды на званіе государственнаго канцлера, даже до такой степени, что возведеніе въ этотъ санъ графа Нессельрода счелъ для себя смертельнымъ оскорбленіемъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ, прибывъ въ Петербургъ уже полустѣпнымъ (послѣ онъ совершенно ослѣпъ), Татищевъ не игралъ, впрочемъ, никакой роли и не произносилъ никогда ни одного слова; незнакомый съ дѣлами судебными и административными, мало знавшій и вообще Россію, потому что всю почти жизнь провелъ за границею, онъ былъ слишкомъ неопытенъ въ предметахъ внутренняго управленія, чтобы давать по нимъ полезный совѣтъ, и слишкомъ уменъ, чтобы обнаруживать свою неопытность или выходить на ораторскую нашу арену съ чѣмъ-нибудь обыкновеннымъ, площаднымъ. Въ кругу людей, которые стояли ниже его, Татищевъ облакался въ формы холоднаго высокомерія, даже нѣкоторой аффектаціи, гордости; но съ равными или съ тѣми, кто ему особенно нравился, онъ былъ необыкновенно любезнымъ собесѣдникомъ, соединяя въ себѣ, со многими оригинальными взглядами, наблюденія глубокой опытности и близкаго знакомства со свѣтомъ и людьми. Въ Вѣнѣ, среди тамошней блестящей аристократіи, домъ его долго считался первымъ по богатству, роскоши и вкусу. По переѣздѣ въ Петербургъ, онъ не жилъ открыто, но имѣлъ тоже великолѣпно убранный домъ (на Фонтанкѣ, между Авничкинымъ и Симеоновскимъ мостами, наискось отъ Екатерининскаго института) и потомъ выстроилъ еще другое зданіе съ какимъ-то необыкновеннымъ фасадомъ (на Караванной улицѣ), для помѣщенія въ немъ своихъ богатыхъ и разнообразныхъ коллекцій, цѣлаго музея, собраннаго имъ въ чужихъ краяхъ съ большими трудами и издержками. Кромѣ этихъ коллекцій и домовъ едва-ли много нашлось послѣ него. При пыш-

номъ и неразсчетливомъ образѣ жизни, безъ большого личнаго достатка, онъ прожилъ огромныя состоянія и первой и второй своихъ женъ, послѣ чего, несмотря на огромное также служебное содержаніе, императоры Александръ и Николай не разъ уплачивали значительныя его долги. Наслѣдникомъ его имени остался послѣ него только его братъ, не занимавшій никакого поста и жившій въ деревнѣ; но тѣмъ многочисленнѣе, какъ гласила злая молва, было его виѣбрачное потомство.

Проводя лѣто 1845 года въ Карлсбадѣ, я ежедневно видѣлся тамъ съ Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ. Кто помнитъ послѣдніе годы царствованія императора Александра, тому не могли не быть извѣстны и оба брата Тургеневы: Александръ, любимецъ князя Александра Николаевича Голицына, членъ тогдашняго Совѣта комиссіи составленія законовъ, правившій должность статсъ-секретаря въ департаментѣ законовъ Государственнаго Совѣта и бывшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, находившагося подъ управленіемъ Голицына, и Николай, который, нося скромное званіе помощника статсъ-секретаря въ департаментѣ государственной экономіи, игралъ довольно значущую роль по связямъ и вліянію на дѣла своего департамента, издалъ очень примѣчательный для той эпохи «Опытъ теоріи налоговъ» и—въ тайнѣ замышлялъ низверженіе государственнаго нашего порядка и царствующей династіи, принимавъ дѣятельное участіе въ злоумышленіяхъ, обнаружившихся бунтомъ 14-го декабря 1825 года.

Судьба одного брата не могла не отразиться и на другомъ, связанномъ съ нимъ тѣсною дружбою. Николай, человекъ, какъ сказывали, блестящаго ума (я лично очень мало былъ съ нимъ знакомъ), хотя и съ ложнымъ направленіемъ, во время событій 14-го декабря и открывшихся противъ него по слѣдствію уликъ, находился въ чужихъ краяхъ. По полученіи извѣстія объ исходѣ возмущенія, онъ тотчасъ бѣжалъ въ Англію и, уклонившись отъ вызова нашего правительства явиться къ суду, былъ осужденъ заочно и причисленъ къ разряду важнѣйшихъ государственныхъ преступниковъ. Съ тѣхъ поръ, продолжая горячо любить отечество, онъ влачилъ печальную жизнь свою то въ Лондонѣ, то въ Парижѣ, гдѣ наконецъ женился и существовалъ единственно пособіями старшаго брата. Послѣдній, Александръ, несмотря на добродушіе, большія свѣдѣнія, огромную начитанность и необыкновенную память, викогда не былъ человекомъ полезнымъ, по крайней мѣрѣ въ служебномъ отношеніи. Высокомѣрный до нестерпимой заносчивости, ставившій себя выше всѣхъ по уму и познаніямъ, презиравшій всегда и начальниковъ своихъ, и всѣхъ равныхъ, онъ почасту со всѣми ссорился и затѣвалъ исторіи, а что еще хуже, всѣ свои дарованія подавлялъ жестокою, циническою лѣнью. И за столомъ, и въ обществѣ, мужскомъ и

дамскомъ, точно такъ же, какъ за дѣлами и бумагами, Тургеневъ безпрестанно погружался въ сибаритскую дремоту, раздѣляя свое время, подъ предлогомъ и прикрытіемъ обремененія государственными занятіями, между сномъ и насыщеніемъ, не уступавшимъ, по своимъ размѣрамъ, его лѣни. Послѣ осужденія Николая, Александръ, хотя и не замѣшанный лично въ заговоръ, но разъяренный противъ правительства, бросилъ всѣ свои петербургскія должности, и бывъ, по великодушію императора Николая, не хотѣвшаго разлучить его навсегда съ братомъ, отправленъ въ чужіе края, для изысканій по части русской исторіи въ иностранныхъ архивахъ, основалъ главное свое пребываніе въ Парижѣ. Въ этой новой сферѣ, сдѣлавшись полновластнымъ распорядителемъ своего времени, онъ оказалъ Россіи гораздо болѣе услугъ, нежели прежнею своею службою. Плодомъ его поисковъ были изданные въ Петербургѣ нашимъ правительствомъ историческіе, частью очень важныя памятники и акты ¹⁾. Но, по его мнѣнію, у него, кромѣ этого, собрано было еще множество другихъ драгоценныхъ свѣдѣній и документовъ, русскихъ и заграничныхъ, частью заявленныхъ правительству, частью же оставленныхъ имъ про себя. Незадолго до нашего свиданія въ Карлсбадѣ, онъ былъ уволенъ въ отставку, съ чиномъ тайнаго совѣтника, а потомъ, по окончаніи курса водъ, поѣхалъ въ Россію, кажется, съ тайнымъ желаніемъ быть пожалованнымъ въ сенаторы и при томъ съ присутствованіемъ въ московскихъ департаментахъ; но въ Москвѣ застала его смерть, 5-го декабря того же года. Нѣкогда другъ Карамзина, Жуковскаго и Батюшкова, покровитель первыхъ шаговъ Пушкина, близкій ко всѣмъ знаменитостямъ и значительнымъ лицамъ своей эпохи, знакомый со всѣми ея дѣлами и событіями, жившій всегда въ высшемъ обществѣ, наконецъ, одаренный, какъ я уже сказалъ, чрезвычайною памятью, Тургеневъ обладалъ неогрѣненнымъ запасомъ воспоминаній ²⁾. Бесѣда его была очень оживлена этими воспоминаніями, къ которымъ онъ безпрестанно возвращался. Но утомляла слушателей тѣмъ, что всегда и вездѣ на первомъ планѣ являлся—онъ самъ. Давно сойдя съ театра дѣйствительности, мало зная, по отношенію къ Россіи, современную обстановку и возникшихъ послѣ него новыхъ дѣятелей этого театра, живя вообще только въ прошедшемъ, онъ представлялъ, въ моральномъ мірѣ, родъ «*si-de-vant jeune homme*», который все еще кокетничаетъ своимъ былымъ, въ

¹⁾ Они вышли подъ заглавіемъ: „Historica Russiae monumenta, Petropoli“ 1841—1842 г., въ двухъ большихъ томахъ въ 4-ю д. листа.

²⁾ Послѣ него остался дневникъ изъ нѣсколькихъ толстыхъ фолиантовъ, изъ котораго онъ печаталъ въ журналахъ отрывки подъ псевдонимомъ „Эоло ва Арфа“. Дневникъ этотъ, говорятъ, былъ доведенъ до послѣднихъ дней его жизни.

увѣренности, что оно точно такъ же интересуеть другихъ, какъ и его самого. Въ разговорахъ о своемъ братѣ, онъ часто жаловался мнѣ, что факты о немъ въ извѣстномъ «Донесеніи слѣдственной комиссіи» были изложены превратно и иногда даже и совсѣмъ ложно. На вопросъ мой, отчего же не представить всего этого нашему правдолюбивому государю, онъ отвѣчалъ, что нѣсколько уже разъ рѣшались на попытки къ тому, но отзывъ былъ всегда одинъ и тотъ же: «пусть явится самъ и подвергнетъ себя суду».

— А вы можете представить себѣ,—прибавилъ Тургеневъ,—каковъ былъ бы этотъ судъ, при вліяніи и власти тѣхъ же лицъ, которыя, естественно, употребили бы все усилія къ прикрытію своихъ тогдашнихъ ошибокъ, невольныхъ или преднамѣренныхъ. Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—у брата моего давно уже написано какъ оправданіе во всемъ этомъ, такъ и многое другое о происходящемъ у насъ, и если онъ удерживается издавать въ свѣтъ свою книгу, то единственно изъ того, чтобы не компрометтировать меня.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ смерти Александра, и именно въ 1847 году, появилось въ Парижѣ сочиненіе его брата, подъ заглавіемъ: «*La Russie et les Russes*», въ которомъ онъ, среди разныхъ предметовъ, представилъ и свои оправданія—на общій судъ Европы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо Алексѣя Теофилактовича Писемскаго—Степану Петровичу Шевыреву.

13-го марта 1847 г. Галлчъ.

Почтенный вашимъ милостивымъ вниманіемъ, осмѣливаюсь я представить вамъ мой небольшой рассказъ: «Нина» и покорнѣйше просить васъ напечатать его въ какомъ-нибудь журналѣ. Имѣя въ виду фельетонъ я стѣснилъ въ развитіи и конечно не исчерпалъ всей задачи, а только въ намекахъ выразилъ мою мысль. Повѣсть мою: «Виновата ли она?»—я, сообразно съ вашими замѣчаніями, значительно измѣнилъ, а именно: смягчилъ и облагородилъ, по возможности, многія сцены; а главное, обратилъ вниманіе на характеръ Ваньковского (мужа моей героини) и, если можно такъ выразиться, очеловѣчилъ его: Ваньковскому не удается уже произвести надъ женою слѣдствія, повредить Шамиллову; ему противодѣйствуетъ князь. Онъ бѣсится, страдаетъ, пьетъ, вслѣдствіи послѣдняго обстоятельства дѣлается болѣнъ, и онъ уже жалокъ, хоть и ужасенъ. Повѣсть эту я не посылаю, потому, что боюсь обезпокоить васъ, но все-таки осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою, представить вамъ ее въ непосредственное ваше распоряженіе. Мнѣ желалось бы этотъ рассказъ напечатать въ какомъ-нибудь петербургскомъ журналѣ, т. е., въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Современникѣ» или «Библіотекѣ для Чтенія»; послать прямо въ редакцію,—но имя мое неизвѣстно, очень естественно, что его даже не прочтутъ. Примите, Степанъ Петровичъ, по добротѣ вашей участіе почти въ судьбѣ моей, за это наградитъ васъ Богъ, потому что я прошу васъ объ этомъ не столько какъ авторъ, сколько какъ человекъ: я пишу давно, пишу, манкаруя моими практическими обязанностями, но труды мои были келейныя и ни разу не вѣнчались успѣхомъ, и потому я еще не знаю, есть ли это мое истинное призваніе, хоть почти всѣмъ для этого жертвую. Съ такимъ-то важнымъ вопросомъ обращаюсь я къ вамъ,—ваше покровительство въ некоторомъ образѣ разрѣшить его и ободрить меня въ дальнѣйшихъ моихъ занятіяхъ. Матвѣй Григорьевичъ, которому вмѣстѣ съ сямъ я пишу письмо, не откажется, по своему расположенію, увѣдомить меня о вашемъ позволеніи, прислать къ вамъ мою: «Виновата ли она?»

За сямъ имѣю честь пребыть съ глубочайшимъ моимъ почтеніемъ, вашъ покорнѣйшій слуга.

Изъ дневника П. Г Дивова.

1831 годъ.

Февраля 15-го. Совершился обрядъ крещенія великой княжны Екатерины (дочери великаго князя Михаила Павловича). Особы первыхъ трехъ классовъ были приглашены во дворецъ, на обѣдъ; и видѣлъ тамъ поляковъ, которыхъ считаютъ преданными Россіи, а именно: Рожнецкаго, Любецкаго, Краснскаго, Замойскаго и Яблоновскаго. Всѣ они ничего не стоютъ и пріѣхали къ намъ только для отвода глазъ.

Конецъ февраля прошелъ довольно грустно, такъ какъ изъ Польши получались весьма неутѣшительные бюллетени. Быть можетъ, фельдмаршалъ Дибичъ боялся скомпрометтировать свою боевую славу или не былъ вполне увѣренъ въ своихъ войскахъ; какъ бы то ни было, кажется, онъ слишкомъ щадилъ свои силы и вслѣдствіе этого не могъ нанести неприятелю рѣшительнаго удара. Къ тому же онъ растянулъ войско на нѣсколько сотъ верстъ вдоль праваго берега Вислы и поэтому не могъ прикрыть сго движеній; точно также, осадивъ Замостье, онъ напрасно отвлекъ часть войскъ съ границы Волыни, до пораженія поляковъ подъ Прагою.

Мартъ. Весь этотъ мѣсяцъ изъ Польши получались одни неудовлетворительныя извѣстія; наконецъ, 17-го числа, вспыхнуло серьезное возстаніе въ трехъ уѣздахъ Виленской губерніи: Шавельскомъ, Тельшевскомъ и Россіенскомъ, а 23-го марта обнародованъ манифестъ, коимъ повелѣвается судить виновныхъ военнымъ судомъ, конфисковать ихъ земли въ пользу инвалидовъ п. т. п. Этотъ мятежъ встревожилъ жителей Курляндіи; всѣ помѣщики устремились въ Ригу. За нѣсколько дней до мятежа, я бесѣдовалъ съ вице-канцлеромъ, графомъ Нессельроде,

о вольности, съ какою мѣстныя газеты позволили себѣ разсуждать о политикѣ, о правахъ народа; онъ сказалъ мнѣ, что онъ говорилъ объ этомъ съ генераломъ Бенкендорфомъ, но что ему некогда просмотрѣть газеты и онъ просить меня прислать ему тѣ номера, которые особенно поразятъ меня. Я обѣщаль сдѣлать это, предупредивъ его, что я не приложу къ нимъ никакой пояснительной записки, въ виду того, что я уже былъ неоднократно скомпрометтированъ, оказывая ему подобныя услуги.

Весь мартъ мѣсяцъ, вплоть до 10-го апрѣля, не было получено изъ Польши никакихъ удовлетворительныхъ извѣстій; мало того, генераль Гейсмаръ самымъ глупѣйшимъ образомъ допустилъ напасть на себя врасплохъ 25-ти-тысячному отряду поляковъ и потерялъ нѣсколько орудій.

А прѣля 17-го. Получены радостныя вѣсти отъ генерала Крейца, разбившаго 12-ти-тысячный корпусъ польскихъ войскъ, и отъ генерала Ридигера, разбившаго Дверницкаго на границѣ Волыни.

Мая 14-го. Неожиданный прїѣздъ изъ Тифлиса фельдмаршала Паскевича заинтересовалъ многихъ. Кажется, его прочать на мѣсто Дибича. Я былъ у фельдмаршала два дня послѣ его прїѣзда. Онъ принялъ меня вѣжливо, и такъ какъ въ комнатѣ было третье лицо, то я ограничился самымъ обыкновеннымъ разговоромъ. Я спросилъ его, была ли какая-либо связь между отступленіемъ гвардіи подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича и послѣдующими дѣйствіями Дибича. Онъ отвѣчалъ утвердительно. Между тѣмъ, нѣсколько дней спустя, т. е. два дня послѣ этого разговора, мои догадки, къ сожалѣнію, оправдались, такъ какъ гвардія, подвергшись нападению 36-ти-тысячнаго корпуса повстанцевъ, не была поддержана войсками, конми командовалъ Дибичъ.

Мая 23-го. Тотчасъ по полученіи этого извѣстія, стали говорить объ отозваніи Дибича и о назначеніи на его мѣсто Паскевича.

Въ Лифляндіи и Кореліи вспыхнула холера.

Мая 24-го. Появленіе холеры въ Ригѣ мѣшаетъ, кажется, доставкѣ продовольствія войску, черезъ Данцигъ. Остроленка и Любартовъ обращены въ пепелъ. Повидимому, мы намѣреваемся принять болѣе энергичныя мѣры и не хотимъ щадить тѣхъ мѣстъ, которыя служатъ убѣжищемъ повстанцевъ.

Іюня 4-го. Получено извѣстіе о кончинѣ Дибича; онъ умеръ отъ холеры, проболѣвъ всего 11 дней. Это развязываетъ руки императору насчетъ назначенія новаго главнокомандующаго. На кого падетъ выборъ? На Паскевича или на кого-нибудь другаго? Если будетъ назначенъ Паскевичъ, то, судя по славі, которую онъ стяжалъ въ Азіи, я предвижу успѣхъ русскаго оружія.

Іюня 5-го. Я посѣтилъ преемника Дибича, который принялъ меня

очень любезно. Я спросилъ его, нѣтъ ли у него какихъ-нибудь приказаній для моего зятя, Стрекалова. Онъ просилъ меня засвидѣтельствовать ему его совершенное почтеніе. Затѣмъ разговоръ зашелъ о войсѣхъ; я замѣтилъ, что онъ осуждаетъ болѣе всего въ дѣйствіяхъ покойнаго фельд-маршала, что онъ не обращалъ должнаго вниманія на продовольствіе арміи. Прощаясь со мною, Паскевичъ обнялъ меня; я сказалъ ему, что я вполне увѣренъ, что онъ осуществитъ надежды, возлагаемыя на него отечествомъ, и что назначеніе его главнокомандующимъ совершенно успокоило столицу.

Іюня 15-го. Всѣ эти дни, начиная съ 6-го числа, упорно носился слухъ о блестящей побѣдѣ, одержанной надъ корпусомъ повстанцевъ, коими командовалъ Гелгудъ. Однако, до 18-го числа, не появилось объ этой побѣдѣ правительственнаго сообщенія; мнѣ кажется, что это извѣстіе, по меньшей мѣрѣ, на половину преувеличено.

Іюня 16-го. Созвано чрезвычайное собраніе Сената, для принятія завѣщанія его императорскаго величества, которое (въ случаѣ несчастья) должно быть вскрыто въ присутствіи Государственнаго Совѣта, Синода и Сената. Въ тотъ же день дипломатическій корпусъ извѣщенъ о томъ, что въ Петербургѣ появилась холера. Этому обстоятельству приписали рѣшеніе, принятое императоромъ насчетъ завѣщанія.

Іюня 18-го. Получено извѣстіе о кончинѣ великаго князя Константина Павловича, умершаго въ Витебскѣ отъ холеры и проболѣвшаго два дня. Вице-канцлеръ замѣтилъ, что императоръ весьма огорченъ; да, — отвѣчалъ я, — онъ оплакиваетъ смерть брата, и болѣе ничего.

Въ тотъ же день вице-канцлеръ объявилъ мнѣ, что императоръ приказалъ ему поселиться въ Петергофѣ, и что я буду временно управлять министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, о чемъ онъ увѣдомилъ меня въ тотъ же день письменно.

Іюня 21-го. Сегодня на Сѣнной былъ бунтъ, вызванный устройствомъ холерныхъ госпиталей; ночью былъ такой же бунтъ на Рождественской.

Іюня 22-го. Сегодня вернулся въ городъ императоръ, вѣроятно, для того, чтобы успокоить умы, взволнованные этими санитарными мѣропріятіями.

Вынужденный не выходить изъ комнаты, по случаю раны, открывшейся у меня на ногѣ, я погрузился въ слѣдующія размышленія по поводу событій, совершившихся послѣ получения извѣстія о кончинѣ великаго князя Константина Павловича.

Событія идутъ ускореннымъ ходомъ и принимаютъ, повидимому, такіе размѣры, которые могутъ вызвать волненіе во всѣхъ государствахъ Европы. Пока великій князь Константинъ Павловичъ былъ живъ, казалось труднымъ и даже совершенно невозможнымъ возстановить прежній

порядокъ, но послѣ его смерти ничто не мѣшаетъ уничтожить, разъ навсегда, дѣло, созданное для него и имъ погубленное. Я говорю о возстановленіи Польши. Эта выдумка грека Капо д'Истріа, желавшаго этимъ понравиться великому князю, была одобрена императоромъ Александромъ, который надѣялся этимъ удовлетворить честолюбіе брата, отказавшагося отъ русскаго престола вслѣдствіе своего брака съ полькой, которой данъ титулъ княгини Ловичъ. Намъ не извѣстно, какія надежды лелѣялъ великій князь Константинъ Павловичъ, отказываясь отъ русскаго престола и видя себя на возрождающемся престолѣ Польши въ качествѣ намѣстника своего брата Александра, но, обсуждая всѣ его поступки съ того момента и вплоть до кончины, мы имѣемъ полное право думать, что онъ замыслилъ занять независимое положеніе.

1) Онъ уволилъ всѣхъ русскихъ солдатъ, которые находились въ Варшавѣ, въ составѣ войскъ или гарнизона, замѣнивъ ихъ уроженцами польскихъ или русско-польскихъ губерній.

2) Укрѣпилъ и вооружилъ, на счетъ Россіи, нѣсколько крѣпостей, каковы Модлинъ и Замосць.

3) Образовалъ у себя министерскую канцелярію, въ которую поступали всѣ бумаги изъ Петербурга. Эта пагубная уступка была сдѣлана ему въ силу братскихъ чувствъ, а министры не противились этому изъ боязни оскорбить великаго князя, вслѣдствіе чего у нихъ не хватило мужества представить императору эту мѣру въ ея истинномъ свѣтѣ.

Облеченный самой широкой властью въ королевствѣ Польскомъ, великій князь распространилъ ее и на прочія губерніи, подчиненныя его гражданской и военной власти, а именно на губерніи Гродненскую, Бѣлостокскую, Виленскую, Минскую, Волынскую и Подольскую. Всѣ русскіе губернаторы этихъ провинцій были замѣнены, въ то время, лицами польскаго происхожденія.

При созваніи перваго же сейма, императоръ Александръ почувствовалъ, какъ пагубно было возстановленіе королевства Польскаго для его власти и для общихъ интересовъ Имперіи. Но, любя полумѣры и проникнутый убѣжденіемъ, что, дѣйствуя такъ, онъ идетъ съ вѣкомъ, государь не сумѣлъ принять тѣхъ мѣръ, на которыя ему слѣдовало рѣшиться тотчасъ послѣ паденія Наполеона. Припомнимъ, что всѣ кабинеты говорили въ то время: мы хотимъ вернуться къ старому порядку. Слѣдовательно, ему надобно было не увлекаться титуломъ короля польскаго и возстановленіемъ Польши, но надлежало все привести въ тотъ видъ, въ какомъ были дѣла до нашествія французовъ, то-есть надобно было сказать пруссакамъ: «возьмите обратно вашу долю съ Варшавой», а австрійцамъ: «возьмите всѣ земли, по краковскую демаркаціонную линію». Подобная мысль должна была, весьма естественно, придти на умъ и во время мятежа 1830 года, когда намъ слѣдовало дѣй-

ствовать въ томъ же смыслѣ, условившись съ Берлиномъ и Вѣною. Смерть Константина даетъ вновь возможность выступить съ подобными предложениями, хотя при менѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе неудачъ Дибича.

Іюня 23-го. Императоръ прибылъ въ городъ, чтобы усмирить народное волненіе; обратился съ рѣчью къ народу, а 24-го числа появился приказъ, чтобы полиція, которую обвиняли въ насиліяхъ, не вмѣшивалась въ мѣропріятія, принимаемыя для борьбы съ холерою.

Іюня 25-го. Императоръ пріѣзжалъ еще разъ въ столицу и былъ доволенъ царствовавшимъ въ ней порядкомъ, о чемъ было возвѣщено жителямъ печатными объявленіями, расклеенными на углахъ.

Іюня 26-го. Вице-канцлеръ, которому я сообщилъ, что французскій посланникъ встревоженъ рѣчью, съ которой императоръ обратился къ народу, на Сѣнной, отвѣтилъ мнѣ, что онъ уже послалъ ему разъясненіе по этому поводу и надѣется, что герцогъ де-Мортемаръ будетъ имъ удовлетворенъ.

Іюня 29-го. Мнѣ было приказано отправиться къ австрійскому посланнику, чтобы выразить ему, отъ имени его величества, чувства признательности, которыя государь питаетъ къ своему августѣйшему другу и вѣрному союзнику за принятое имъ рѣшеніе выдать мятежниковъ, дѣйствовавшихъ въ Подоліи, подъ начальствомъ Дверницкаго. Въстѣ съ тѣмъ, вице-канцлеръ приказалъ мнѣ прочесть этому посланнику депешу, которая послана по этому случаю г. Татищеву, въ Вѣну, и обратить вниманіе на то, что скажетъ, по окончаніи этого чтенія, графъ Фикельмонъ.

Іюня 30-го. Я исполнилъ данное мнѣ порученіе на другой же день и замѣтилъ, что когда я сказалъ графу о признательности императора, то его поразило слово «выдача»; онъ сказалъ, что упоминаніе объ отказѣ выдать Дверницкаго, съ его войскомъ, въ то время, когда онъ былъ обезоруженъ, походить на упрекъ, который ему прискорбно видѣть въ текстѣ этой депеши, такъ какъ австрійское правительство было къ этому вынуждено, въ то время, обстоятельствами, и что Дверницкій, стоя во главѣ 5.000 войска, не сдался бы по первому требованію и своимъ сопротивленіемъ могъ возбудить возстаніе во всей Галиціи, которая охраняется только 80 тыс. войска, которое въ ней расположено. Я рѣшилъ успокоить посланника, общая написать г. Татищеву, чтобы онъ не упоминалъ объ этомъ въ разговорѣ съ министрами его величества короля австрійскаго, что я и исполнилъ, я въ тотъ же день сообщалъ вице-канцлеру подробно о моемъ разговорѣ съ посланникомъ.

Іюля 3-го. Повѣренный въ дѣлахъ Бразиліи, Лисбоа, просилъ у меня свиданія и сообщилъ мнѣ, что онъ узналъ о событіяхъ, происходившихъ въ Рио-Жанейро, и объ отреченіи Донъ-Педро I только изъ га-

зеть и изъ депеши, полученной имъ изъ Лондона, и что хотя лондонская депеша прислана его коллегѣ временнымъ правительствомъ, но, не получая до сихъ поръ отъ своего правительства никакой депеши, онъ думаетъ не извѣщать пока объ этихъ событіяхъ петербургскій кабинетъ; но надѣется, что его будутъ признавать официальнымъ лицомъ впредь до полученія дальнѣйшихъ разъясненій. Я увѣрилъ его, что наше министерство всегда держалось этого правила, и что, слѣдовательно, онъ можетъ быть покоенъ. Затѣмъ онъ говорилъ, со слезами на глазахъ, о печальномъ положеніи Бразиліи, которая не сумѣла воспользоваться мудростью императора Донъ-Педро I, своего благодѣтеля, и заявилъ, что онъ не хочетъ болѣе служить и намѣренъ удалиться отъ дѣлъ; что регентами страны состоятъ въ настоящее время сенаторы Талавера Гіерера и генералъ Лима; но, по смыслу конституціи, регенты должны избираться общимъ собраніемъ, то-есть собраніемъ, состоящимъ изъ сенаторовъ и разочинцевъ, и что это должно было совершиться въ маѣ мѣсяцѣ. Донъ-Педро II, сынъ Донъ-Педро I, шестилѣтній ребенокъ, который будетъ объявленъ совершеннолѣтнимъ не равнѣ 18-ти лѣтъ, слѣдовательно, представляется обширное поле для внутреннихъ смуть, которыя будутъ, вѣроятно, терзать его страну.

Іюля 27-го. Мнѣ было приказано приостановить разсылку тѣхъ газетъ, въ коихъ напечатана рѣчь, произнесенная французскимъ королемъ при открытіи палаты. Я сообщилъ это распоряженіе почтъ-директору. На слѣдующій день разрѣшено снять это запрещеніе, но велѣно запретить всѣмъ нашимъ газетамъ перепечатывать эту рѣчь, полную угрозъ противъ Россіи относительно Польши.

Іюля 29-го. Я видѣлся съ Елагинымъ, другомъ вице-канцлера, и спросилъ его, что написать Закревскому по поводу паспортовъ для въѣзда въ Финляндію. Онъ отвѣтилъ, что вскорѣ сообщитъ мнѣ объ этомъ. Относительно рѣчи французскаго короля я сказалъ ему, что я писалъ г. Лавалю, а также въ Ригу, Москву, Одессу и министру народного просвѣщенія князю Ливену, прося слѣдить за тѣмъ, чтобы эта рѣчь не была напечатана ни въ одной изъ мѣстныхъ газетъ или журналовъ. По его мнѣнію, эта рѣчь сама собою утратитъ всякое значеніе, когда будетъ взята Варшава, а генералъ Паскевичъ находится уже въ трехъ верстахъ отъ Сохачева. Елагинъ, повидимому, увѣренъ въ успѣхѣ и не допускаетъ мысли о неудачѣ; между тѣмъ, даже въ случаѣ полного успѣха, придется, такъ или иначе, отвѣчать французамъ.

Августа 7-го. Императоръ пріѣхалъ на Елагинъ, чтобы дать аудіенцію австрійскому, французскому и англійскому посламъ и нидерландскому посланнику. Эта аудіенція была вызвана войною, начавшеюся между Голландіей и Бельгіей.

Августа 12-го. Вице-канцлеръ, пріѣхавъ въ городъ, пригласилъ

меня къ себѣ, чтобы переговорить о депешѣ, которую я послалъ ему о движеніяхъ мятежниковъ, которые приближаются снова къ Самогити, о чемъ сообщалъ мнѣ министръ финансовъ. Согласно полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, начальникъ Самогитскаго округа былъ предувѣдомленъ о движеніи мятежниковъ графомъ Шуазель-Гуфье, который присовокупилъ, что инсургенты получаютъ оружіе и порохъ изъ Мемеля. Каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ свою депешу, лежащую у графа на столѣ, и когда онъ произнесъ слѣдующія подлинныя его слова: «Намъ объ этомъ ровно ничего не извѣстно; глупый генералъ, завѣдующій этой станціей, не слѣдитъ ни за чѣмъ». Затѣмъ онъ выразилъ желаніе видѣть оригиналъ, на основаніи котораго я составилъ свою депешу. Я понялъ, что, взявъ свою депешу назадъ, я выведу его изъ крайне затруднительнаго положенія, такъ какъ я рѣзко осуждалъ въ ней нашу непредусмотрительность, говоря, что лучше было бы истратить нѣсколько тысячъ на надзоръ, нежели тѣ же нѣсколько тысячъ на вооруженіе. Все это было продѣлано для того, чтобы не подвести его друга, великаго инквизитора Бенкендорфа, которымъ императоръ уже былъ недоволенъ. Я положилъ депешу въ карманъ и уѣхалъ.

Августа 14-го. Тѣло великаго князя Константина Павловича прибыло въ Петербургъ и было торжественно перевезено въ крѣпость, гдѣ оно поставлено въ церкви. Погода была отвратительная. Не участвуя въ процессіи, я все же отправился въ крѣпость, такъ какъ дипломатическій корпусъ былъ приглашенъ въ соборъ, а вице-канцлеръ не пріѣхалъ изъ Царскаго Села. Церковь была убрана просто, но со вкусомъ.

Августа 17-го. Сегодня совершилось погребеніе. Я не былъ въ крѣпости.

Августа 18-го. Я былъ съ визитомъ у прусскаго посланника генерала Шолера, на Васильевскомъ островѣ, гдѣ онъ поселился на нѣсколько мѣсяцевъ вмѣсто дачи; воспользовавшись этимъ случаемъ, я переговорилъ съ нимъ о тайной продажѣ оружія и пороха мятежникамъ въ Самогити. Онъ полагаетъ, что это неправда, но допускаетъ впрочемъ, что жажда наживы могла побудить нѣкоторыхъ лицъ на это рискованное дѣло. Я поддержалъ его въ этой мысли, намекнувъ, что въ этомъ замѣшаны, быть можетъ, англійскіе купцы; тогда онъ сказалъ, что пруссакамъ это запрещено подъ страхомъ самаго строгаго наказанія. Затѣмъ мы поговорили о польскихъ дѣлахъ, которыя близятся, кажется, къ развязкѣ. Я замѣтилъ, что развязка дѣла доставляетъ иной разъ болѣе всего хлопотъ; если удастся взять Варшаву, то придется еще обезоружить войска, уничтожить разбой и т. п. Шолеръ полагаетъ, что все это устроится само-собою, безъ малѣйшаго затрудненія; онъ выразилъ надежду, что, возстановивъ это королевство, у насъ хватить благоразумія не держать тамъ 30 тысячъ войска и не давать имъ де-

негъ, предоставивъ имъ обходиться своими собственными средствами. Такимъ образомъ, разговоръ зашелъ о бесполезности Польскаго королевства, которое императоръ Александръ пожелалъ возстановить. Шолеръ разсказалъ, что эта мысль такъ неотступно преслѣдовала императора въ 1815 г., по возвращеніи его изъ Англій, что прусское правительство сочло нужнымъ высказаться противъ нѣкоторыхъ основныхъ принциповъ польской конституціи, которые, по мнѣнію императора Александра, должны были быть болѣе нежели либеральны. Въ это время канцлеръ Гарденбергъ приказалъ Шолеру не отлучаться отъ государя, отправиться въ Петербургъ и постараться отговорить его отъ нѣкоторыхъ вещей. Шолеръ пріѣхалъ въ Петербургъ, неоднократно видѣлся съ императоромъ и заявилъ ему, что король прусскій сдѣлаетъ все, что онъ пожелаетъ, но просить его величество прочесть предварительно записку, которой его дворъ придаетъ первостепенное значеніе при обсужденіи столь важныхъ вопросовъ. Императоръ, проникнутый новыми идеями, разсердился на Шолера, но мало-по-малу сдержалъ свой гнѣвъ и сказалъ, что «все это будетъ обсуждено на конгрессѣ». Счастье, что умный Гарденбергъ поставилъ преграду архи-либеральнымъ идеямъ, коими такъ увлекался Александръ; но они принесли со временемъ печальные плоды, вызвавшіе послѣ его кончины событія 14-го декабря.

Августа 19-го. Такъ какъ вице-канцлеръ возвратился въ городъ, то я поѣхалъ къ нему, чтобы переговорить о томъ, слѣдуетъ ли давать барону де-Бургуэну званіе полномочнаго посланника, такъ какъ онъ не былъ представленъ нашему двору въ этомъ званіи и оно дано ему не въ вѣрительныхъ грамотахъ, а въ нотѣ, которую намъ вручалъ французскій посланникъ, уѣзжая. Графъ разрѣшилъ давать ему это званіе (что я не исполнилъ бы впрочемъ, если бы «Journal de St.-Pétérbourg» не далъ ему этого званія наканунѣ).

Августа 20-го. Въ ночь съ 19-го на 20-е число страшной бурей снесены на Невѣ три моста. Въ тотъ же день я получилъ донесеніе отъ Святскаго, нашего консула въ Бродахъ, который прислалъ вмѣстѣ съ тѣмъ стихотвореніе и два письма на польскомъ языкѣ, полученныя имъ отъ неизвѣстнаго лица, будто бы изъ Тарнополя. Я далъ моему сыну Гавріилу перевести эти яkobинскія произведенія и отослать ихъ 21-го числа вице-канцлеру въ Царское Село. Въ одномъ изъ этихъ гнусныхъ произведеній говорилось, что 3.000 человекъ поклялись убить императора. Я не позволилъ себѣ сдѣлать никакихъ замѣчаній по поводу этихъ бумагъ, но замѣтилъ только, что, зная, откуда онѣ присланы, консулъ долженъ постараться розыскать ихъ автора.

Августа 22-го. День коронаціи. Много производствъ и разныхъ наградъ. Въ этотъ день совершенъ обрядъ крещенія великаго князя Николая Николаевича, но въ Царское Село были приглашены только

прусскій посланникъ и генераль Бенкендорфъ; придворные забыли даже увѣдомить объ этомъ митрополита, такъ что до 25-го числа на эктеніяхъ не упоминалось имя новоокрещеннаго великаго князя.

А вгуста 26-го. Когда вице-канцлеръ заѣхалъ, по обычаю, на нѣсколько часовъ въ городъ, то я замѣтилъ ему эту непростительную небрежность. Онъ отвѣчалъ, что вся отвѣтственность падаетъ на князя Волковскаго. Я спросилъ его, не надобно ли отвѣтить нашему консулу въ Бродахъ и просить его открыть автора гнусныхъ произведеній, присланныхъ ему изъ Тарнополья отъ неизвѣстнаго. Онъ отвѣчалъ, что такъ какъ императоръ, прочтя эти бумаги, не далъ ему никакого приказанія, то лучше молчать.

Сентября 4-го. Около 6 $\frac{1}{2}$ часовъ вечера выстрѣлы, произведенные съ крѣпости, возвѣстили жителямъ Петербурга о взятіи Варшавы, но бюллетеня объ этомъ не появилось.

Сентября 6-го. Судя по бюллетеню, появившемуся сегодня, взятіе Варшавы обошлось побѣдителю 1.000 чел. убитыми и 4.202 ранеными; непріятельскому войску приказано отступить къ Плоцку и тамъ сложить оружіе. Теперь слѣдовало бы принять энергичныя мѣры къ общему разоруженію и подумать о будущемъ: 1) уничтожить вольный городъ Краковъ; 2) содержать въ немъ русскій гарнизонъ; 3) распустить все польскія войска, уплативъ каждому солдату, офицеру и генералу годовое жалованье. Отправить все орудія въ Россію.

Сентября 12-го. Дальнѣйшія извѣстія, полученныя о штурмѣ Варшавы, были неутѣшительны. Польская армія не хотѣла сдаться и сосредоточилась подъ Модлиномъ. Вотъ плоды челоуѣколюбія, коимъ такъ много хвастались и которое можетъ стоять еще больше крови, когда люди не пользуются побѣдой и страхомъ, который внушаетъ успѣхъ.

Фельдмаршала Дибича похоронили на Волковомъ кладбищѣ. Все были приглашены на похороны; но я на нихъ не былъ.

Сентября 15-го. Я послалъ вице-канцлеру записку на русскомъ языкѣ, въ которой совѣтовалъ ему навести справки по книгамъ варшавскаго банкира Френкеля, чтобы узнать, какіе капиталы, положенные у него на храненіе, принадлежатъ матежникамъ, и конфисковать ихъ, и разузнать, какъ поступали при подобныхъ обстоятельствахъ во Франціи и прочихъ странахъ при ихъ либеральномъ направленіи. Я увѣренъ, что это гласъ волюющаго въ пустынѣ, но я исполнилъ свой долгъ; теперь его очередь исполнить свою обязанность.

Сентября 13-го. Объявлено о пораженіи 15-ти-тысячнаго корпуса Ромарино, который обезоруженъ въ Австріи.

Сентября 17-го. Я видѣлся съ вице-канцлеромъ, который сказалъ мнѣ, что онъ намѣренъ привести въ исполненіе мой просктъ ревизіи

книгъ варшавскаго банкира Френкели, но поручить это дѣло сенатору Энгелю, а не фельдмаршалу князю Паскевичу, изъ боязни, чтобы это не было сдѣлано слишкомъ поспѣшно, вродѣ того, какъ поступили съ Сутерландомъ.

Сентября 19-го. Личный врачъ государя говорилъ мнѣ, что онъ не доволевы состояніемъ здоровья его величества, что онъ совѣтуетъ ему беречься, но что государь ничего не слушаетъ; императрица чувствуетъ себя какъ нельзя лучше, но передъ родами она задалась мыслью, что это будетъ стоить ей жизни.

У меня былъ шведскій посланникъ, который вручилъ мнѣ поѣздательное письмо отъ своего короля по поводу рожденія великаго князя Николая Николаевича, и сообщилъ, что изъ Гавра вышло судно, нагруженное оружіемъ, на которомъ было 16 человѣкъ, не пожелавшихъ сказать своего имени шведскому консулу, несмотря на то, что они направились въ Балтійское море, именно къ острову Готланду; поведеніе этихъ 16-ти лицъ дастъ шведскому правительству поводъ задержать это судно; онъ писалъ уже объ этомъ вице-канцлеру 17-го числа, въ надеждѣ, что онъ пригласитъ его для переговоровъ по этому поводу.

Сентября 24-го. Поговоривъ съ вице-канцлеромъ о служебныхъ дѣлахъ и въ особенности о требованіи князя Хованскаго, новороссійскаго генераль-губернатора, который просилъ сдѣлать запросъ гамбургскому газетчику, доставившему ему статью, напечатанную въ № 196, въ которой говорится, что онъ поднялъ знамя возстанія, вице-канцлеръ сказалъ мнѣ, что императоръ принялъ за правило относиться съ презрѣніемъ къ тому, что помѣщается въ газетахъ оскорбительнаго, и что въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ отвѣтить князю Хованскому. Перейдя затѣмъ къ текущимъ событіямъ, я выразилъ сожалѣніе по поводу странной снисходительности, съ какой относится къ городу Кракову, который представляетъ собою революціонный очагъ. Графъ сказалъ, что мое желаніе исполнено и что уже отдано приказаніе занять городъ и краковское воеводство.

Октября 6-го. Сегодня былъ большой парадъ на плацу передъ Лѣтнимъ садомъ, и было отслужено благодарственное молебствіе по случаю усмиренія польскаго мятежа.

Октября 15-го. У меня былъ князь Любомірскій (вновь пожалованный русскій сенаторъ); онъ пріѣхалъ сказать, что ни онъ, ни его зять князь Макенмилианъ Яблоновскій не умѣютъ даже читать по-русски, что ихъ требуютъ завтра въ Сенатъ для присяги, что они довели уже объ этомъ до свѣдѣнія генерала Бенкендорфа, который отвѣчалъ, что это ничего, а министръ Дашковъ сказалъ, что отмѣнить присягу нельзя, такъ какъ объ этомъ уже состоялся указъ.

Октября 16-го. Дѣйствительно, на слѣдующій день на общемъ со-

браніи оба князя присягали. Послѣ присяги они познакомились съ присутствующими; я былъ не мало удивленъ, когда министръ юстиціи Дашковъ отвелъ меня въ сторону и объявилъ мнѣ высочайшую волю, что его величество поручаетъ мнѣ обрусить этихъ двухъ сенаторовъ.

Н о я б р я 4-го. Вице-канцлеръ уѣхалъ въ Москву, а на другой день туда отправился министръ финансовъ. Говорятъ, что императоръ объѣзжаетъ губерніи Курскую, Воронежскую, Калужскую и Тульскую. Около этого времени изданъ указъ, приравнивающій судебныя учрежденія царства Польскаго къ таковымъ же учрежденіямъ Россіи; избраніе судей дворянствомъ отмѣняется и будетъ зависѣть впредь отъ подлежащихъ властей министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.

Н о я б р я 10-го. Ко мнѣ заѣхалъ неожиданно французскій посольскій баронъ де-Бургуэнъ; онъ говорилъ обиняками, стараясь разузнать, извѣстны ли мнѣ новости, привезенныя курьеромъ, прибывшимъ 8-го числа. Несмотря на всѣ его недомолвки, я понялъ, что инструкціи, привезенныя ему этимъ курьеромъ, касаются главнымъ образомъ организаціи Польши и что ему предписывается склонить насъ быть милостивыми къ полякамъ. Я сказалъ ему прямо, что великодушіе императора очень велико и что его величество проявляетъ его постоянно, и въ доказательство привелъ тотъ фактъ, что имъ отмѣнена смертная казнь, къ которой судъ пригворилъ мятежниковъ, и замѣтилъ, что у нихъ поступили бы съ такими виновными съ гораздо большею строгостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ я высказалъ послу, что наши державы созданы для того, чтобы быть друзьями и что въ Европѣ никто не посмѣлъ бы шелохнуться, если бы онѣ дѣйствовали въ самомъ дѣлѣ въ дружескомъ согласіи. Онъ замѣтилъ, что мы должны быть довольны настоящимъ поведеніемъ французовъ. Я сказалъ, что графъ Поццо-ди-Борго человекъ умный, умѣющій понимать вещи, а Казиміръ Перье великій человекъ, коего способности вполне оцѣнены съ самаго его появленія на политической аренѣ. Будучи глубоко убѣжденъ въ этой истинѣ, я выписалъ его портретъ, который тутъ же показалъ ему, спросивъ, похожъ ли онъ. «Да,—отвѣчалъ онъ,—но у него волосы гуще». Проходя мимо портрета Наполеона, я сказалъ, что это былъ великій человекъ. «Да,—отвѣчалъ онъ,—великій полководецъ, которому не слѣдовало нападать на Россію», и мы расстались.

Н о я б р я 11-го. Сегодня у меня былъ повѣренный въ дѣлахъ Баваріи, графъ Лерхенфельдъ. Онъ извинился, что не можетъ представить мнѣ своего новаго консула Вальца, у котораго нѣтъ мундира, и просилъ позволенія представить его во фракѣ. Я изъявилъ на это свое согласіе, сказавъ шутя, что не платье дѣлаетъ монахомъ. Затѣмъ онъ говорилъ о положеніи своей страны, гдѣ умы очень возбуждены цензурою, и высказалъ, что чиновники и адвокаты образуютъ отдѣльную партію, которая ополчилась противъ правительства. Я успокоилъ его, замѣ-

тивъ, что такъ какъ во Франціи водворилось теперь спокойствіе, то безъ сомнѣнія, и у нихъ умы успокоятся. «Однако,—сказалъ онъ,—мои частныя письма не предвѣщаютъ ничего хорошаго». Терпѣніе,—отвѣчать я,—вы обижаны всему этому Франціи и ея агитаторамъ, а такъ какъ французы, повидимому, становятся благоразумнѣе, то и ваши соотечественники послѣдуютъ ихъ примѣру.

Н о я б р я 14-го. Я прочелъ съ истиннымъ удовольствіемъ записку, поданную вице-канцлеромъ императору 31-го октября о его свиданіи съ французскимъ посланникомъ барономъ де-Бургуэномъ, которому онъ не далъ прочесть денешу о польскихъ дѣлахъ, сказавъ ему, что его императорское величество въ полномъ правѣ поступать въ своихъ владѣніяхъ, какъ ему заблагоразсудится. Ежели вице-канцлеръ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по своему собственному почину (въ чемъ я сомнѣваюсь), то это заслуга въ моихъ глазахъ и въ глазахъ всѣхъ истинно русскихъ людей. Къ тому же баронъ де-Бургуэнъ велъ себя очень глупо относительно молебна, отслуженнаго на Марсовомъ полѣ, на которомъ онъ не только не присутствовалъ, но по поводу котораго позволилъ себѣ въ тотъ же и на слѣдующій день держать въ обществѣ такія рѣчи, которыя возстановили противъ него императорское министерство. Мотивировавъ свое отсутствіе на молебнѣ нездоровьемъ, ему слѣдовало бы дня 2 или 3 не выходить изъ комнаты и не напоминать своими глупыми выходками студента изъ Галле или Геттингена.

Н о я б р я 17-го. Княгиня Ловичъ, супруга покойнаго великаго князя Константина Павловича, скончалась сегодня въ Царскомъ Селѣ. Эта польская дама, на которой женился великій князь, пережила своего супруга всего нѣсколько мѣсяцевъ. Говорятъ, что она отличалась очень кроткимъ характеромъ, но такъ какъ я не зналъ ея и никогда не видалъ, то я ничего не могу сказать объ этомъ; ея кончина случилась очень кстати для польскихъ дѣлъ, по крайней мѣрѣ однимъ очагомъ интригъ меньше. Говорятъ, что она будетъ похоронена въ Царскомъ Селѣ. Государственная казна много выиграетъ отъ ея кончины.

Говорятъ, что императоръ на обратномъ пути въ Петербургъ заѣдетъ въ Ярославль, чтобы увидѣть Хлопецкаго, который живетъ тамъ подъ надзоромъ полиціи.

Н о я б р я 21-го. Изданъ новый таможенный уставъ, коимъ пошлины повышены на $12\frac{1}{2}$ ‰; этому закону дано обратное дѣйствіе на товары уже ввезенные, но за которыхъ пошлины еще не уплачены. Эта притѣснительная мѣра вызвала громкія жалобы со стороны купечества, которое надѣется добиться ея отмены.

Н о я б р я 24-го. Я получилъ записку отъ гофмаршала Нарышкина, который извѣщалъ меня, что ему необходимо какъ можно скорѣе переговорить со мною о нѣкоторыхъ придворныхъ дѣлахъ. Я догадался, что

дѣло идетъ о траурѣ по княгинѣ Ловичъ, о которомъ не желаютъ вести официальной переписки. Я отвѣчалъ на словахъ, что буду у гофмаршала на слѣдующій день въ 9 часовъ утра. Дѣйствительно, г. Нарышкинъ говорилъ со мною объ этомъ траурѣ и выразилъ желаніе, чтобы я извѣстилъ объ этомъ словесно дипломатическій корпусъ, такъ какъ въ воскресенье на раутѣ у австрійскаго посланника всѣ были въ черномъ, исключая супруги англійскаго посланника. Я узналъ при этомъ, что на похороны, которыя должны состояться въ Царскомъ Селѣ 27-го числа, приглашены только особы первыхъ двухъ классовъ, а камеръ-юнкерамъ и камергерамъ предоставлено право присутствовать на погребенія или нѣтъ. Не получивъ прямого приказанія извѣстить объ этомъ траурѣ дипломатическій корпусъ, я оставилъ этотъ разговоръ безъ послѣдствій.

Н о я б р я 27-го. Императоръ возвратился изъ Москвы и присутствовалъ на похоронахъ княгини Ловичъ, а 29-го числа въ Зимнемъ дворцѣ отслуженъ молебенъ по случаю избавленія отъ холеры.

Н о я б р я 30-го. Я поѣхалъ къ вице-канцлеру и спросилъ графа, между прочимъ, имѣются ли какія-либо свѣдѣнія отъ графа Поццо-ди-Борго относительно ружья, изобрѣтеннаго Ланври. Онъ отвѣтилъ, что получены какія-то свѣдѣнія, но вдругъ, круто оборвавъ разговоръ, сказалъ мнѣ, что его положеніе тягостно.

Ваше счастливая звѣзда выведетъ «васъ изъ затрудненія».

— Она закатывается, — отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — но противъ васъ интригуютъ.

— Это меня не беспокоитъ, — продолжалъ графъ Нессельроде, — лишь бы дѣла шли хорошо.

— Все обошлось, благодаря Бога, какъ нельзя лучше, война предотвращена, только одна Бельгія врядъ-ли будетъ покойна и надѣлаетъ, вѣроятно, хлопотъ, въ особенности изъ-за этихъ проклятыхъ французовъ, которые сами не знаютъ, чего хотятъ. Впрочемъ, — продолжалъ я, — исполнивъ свой долгъ такъ, какъ вы его исполнили, человѣкъ долженъ спокойно и безропотно встрѣтить все то, что можетъ случиться неожиданно-негаданно.

Причина его горя заключается въ томъ, что императоръ не хочетъ ратифицировать условій, подписанныхъ нашими уполномоченными относительно дѣлъ Голландіи и Бельгіи.

Д е к а б р ь. Я льстилъ себя надеждою, что съ возвращеніемъ вице-канцлера изъ Москвы я буду совершенно освобожденъ отъ управленія министерствомъ, но вотъ настало уже 3-е декабря, а онъ все еще не принимаетъ отъ меня управленія, которое меня нисколько не интересуетъ.

Въ городѣ поговариваютъ о войнѣ. Я приписываю эти слухи тому,

что императоръ говорилъ слишкомъ несдержанно о Бельгійскихъ дѣлахъ.

Декабря 6-го. Тезоименитство императора; всѣ ожидали награды. Дѣйствительно, по военному вѣдомству были выдающіяся награды, а именно три полка молодой гвардіи получили всѣ преимущества старой гвардіи, и нѣкоторые пѣхотные полки переименованы въ молодую гвардію. Нѣсколько орденонъ, нѣсколько табакерокъ, осыпанныхъ брилліантами, и нѣсколько производствъ дополнили списокъ наградъ, не считая того, что графъ Кочубей пожалованъ княземъ, а генералъ Иларіонъ Васильчиковъ графомъ. Супруга вице-канцлера Нессельроде надѣялась быть пожалованной въ статсъ-дамы, а министръ финансовъ графъ Кавриинъ рассчитывалъ получить Андрея Первозваннаго, но они оба ничего не получили. Я былъ не надолго на утреннемъ и вечернемъ приѣмѣ во дворцѣ. Балъ былъ блестящій, зала была переполнена.

Декабря 10-го. Вице-канцлеръ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, а я сдалъ временное управленіе министерствомъ.

Декабря 14-го. Всѣмъ генераламъ, участвовавшимъ въ дѣлѣ 14-го декабря 1825 года во время смуты, сопровождавшихъ восшествіе на престолъ вышнѣ царствующаго императора, послано приглашеніе явиться въ Аничкинъ дворецъ на молебень. Вечеромъ въ томъ же дворцѣ былъ балъ на 200 или 300 приглашенныхъ.

Декабря 17-го. Приближаясь къ концу достопамятнаго 1831 г., бросимъ взглядъ на событія, ознаменовавшія этотъ годъ: 1) польское возстаніе заслуживаетъ самаго серьезнаго отношенія правительства. Мятежники, ободренные успѣхомъ, коимъ они обязаны главнымъ образомъ своему ожесточенію, которое является естественнымъ послѣдствіемъ господствующаго въ нашъ вѣкъ революціоннаго духа и поддерживается интригами французовъ, объявили русскихъ монарховъ низложенными съ польскаго престола. Фельдмаршалъ Дибичъ, двигаясь все время вдоль праваго берега Вислы, одержалъ надъ поляками нѣсколько побѣдъ, не имѣвшихъ впрочемъ никакихъ послѣдствій. Къ тому же великій князь Константинъ Павловичъ былъ еще живъ и парализовалъ отчасти военныя дѣйствія. Съ другой стороны фельдмаршалъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ. Словомъ, до его копчины не произошло никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, и мятежники воспользовались этимъ временемъ, чтобы взбунтовать Влеченскую губернію и Волынь. Эти мѣстныя возстанія имѣли нѣкоторыя успѣхъ, но были подавлены въ самомъ началѣ. Гелгудъ, дѣйствовавшій въ Самогитіи, и Дверницкій на Волыни были отброшены на прусскую и австрійскую территорію, гдѣ они сложили оружіе, которое возвращено русскимъ, но мятежники не были выданы Россіи. Фельдмаршалъ Паскевичъ, смѣнившій Дибича, дѣйствовалъ удачнѣе послѣдняго; онъ пере-

шелъ съ главными силами арміи на лѣвый берегъ Вислы и обложили Варшаву, которая была имъ взята послѣ упорнаго сопротивленія. Въ то время какъ Паскевичъ маневрировалъ, чтобы перейти отъ Вислы къ Плоцку, мятежники сумѣли отклонить его отъ этого намѣренія, двинувъ нѣсколько отрядовъ въ русскія провинціи. Въ это самое время великій князь Константинъ Павловичъ скончался внезапно отъ холеры въ Витебскѣ. Это событіе развязало руки русскому правительству. Отряды мятежниковъ, разбѣянные вокругъ Варшавы, были оттѣснены одинъ за другимъ на территорію нашихъ сосѣдей, и ихъ постигла одна и та же участь: Гомарино со своимъ войскомъ и Радзевичъ со своими полками были обезоружены австрійцами и пруссаками. Такимъ образомъ окончилась эта трагедія по прошествіи девяти мѣсяцевъ. Нѣсколько дворянъ Вольнской и Подольской губерній и нѣсколько литовцевъ были разстрѣляны, нѣкоторые изъ нихъ лишены дворянства, имущество ихъ конфисковано, и сами они сосланы въ Сибирь на каторгу. Все то, что правительство сочло нужнымъ сообщить публикѣ, было напечатано въ газетахъ. Берлинскій и Вѣнскій кабинеты держали себя восхитительно при этихъ обстоятельствахъ. Оба дѣйствовали лояльно и желали поддержать миръ въ Европѣ. Въ польскія дѣла хотѣла вмѣшаться Франція, но ее никто не слушалъ.

2) Война голландцевъ съ бельгійскими инсургентами могла возжечь пламя войны во всей Европѣ. Бельгія, конечно, не устояла бы безъ поддержки Франціи, и голландцамъ удалось бы обуздать эти неугомонныя головы. Лондонскому, Тюльерійскому, Вѣнскому, Берлинскому и С.-Петербурзьскому кабинетамъ удалось съ грѣхомъ пополамъ уладить это дѣло. Независимость Бельгіи была признана, и герцогъ Саксенъ-Кобургскій, который былъ женатъ на англійской принцессѣ, но уже овдовѣвъ, занялъ престолъ этой страны.

3) Въ то время когда Россія была занята своими внутренними дѣлами и всеобщее вниманіе было обращено на Бельгію, Греція была предоставлена своей собственной участи, и президентъ графъ Каппо д'Истрія былъ убитъ двумя министрами.

4) Новое правительство, утвердившееся во Франціи послѣ изгнанія законныхъ наслѣдниковъ престола, Бурбоновъ, должно было постоянно бороться съ волненіемъ умовъ, происходившимъ въ этой странѣ. Уничтоженіе наслѣдственныхъ правъ дворянства, съ одной стороны, интриги и козни роялистовъ, съ другой, ставили правительство въ весьма затруднительное положеніе, которое усугубилось возстаніемъ въ Лионѣ. Оно было подавлено и стоило тысячи жертвъ, но это еще болѣе увеличило стремленіе народа къ республиканскому образу правленія, а слѣдовательно къ анархіи. Президентъ совѣта министровъ, т. е., собственно говоря, король, выказалъ много такта при этихъ щекотливыхъ обстоя-

тельствахъ: возстаній въ Польшѣ, Бельгін, Ліонѣ и другихъ событій, происходившихъ во Франціи.

5) Въ Англіи также были свои якобинцы, извѣстные подъ именемъ радикаловъ. Они озарили страну пламенемъ пожаровъ; ненависти порядокъ и благоустройство, они угрожали жизни и спокойствію гражданъ въ то время, когда билль о реформахъ, исторгнутый ими у правительства, былъ отвергнутъ палатою пэровъ. Наконецъ, внѣшняя политика Англіи допустила сближеніе ея съ Франціей, хотя она велась не вполне въ духъ политики французскаго кабинета.

6) Баварія, Виртембергъ, Баденъ, Брауншвейгъ и Саксонія въ свою очередь были взволнованы тѣми принципами, которые пустили корни во Франціи. Ничто такъ не волновало эти государства, какъ намѣреніе ограничить слишкомъ большую свободу прессы.

7) Данія пользовалась, сравнительно, бѣльшимъ спокойствіемъ, но ея сосѣдка, Швеція, чувствовала необходимость ограничить свободу прессы, такъ какъ въ ней также начались волненія. Она находилась въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Россіей. Шведскій король Іоаннъ воспользовался рожденіемъ внука, принца Оскара, чтобы обратиться къ императору Николаю съ просьбою быть воспреемникомъ этого принца. Императоръ изъявилъ на это свое согласіе, и отпрыскъ новой шведской династіи получилъ при крещеніи имя Николая.

8) Испанія, послѣ іюльской революціи, находилась въ затруднительномъ положеніи по своему сосѣдству съ Франціей и въ особенности съ Португаліей, однако она весьма ловко лавировала среди этихъ затрудненій.

9) Португалія, взволнованная вступленіемъ на престолъ Донъ Мигуэля, избраннаго народомъ, была обречена еще большимъ смутамъ вслѣдствіе возвращенія въ Европу его брата, Донъ Педро, отказавшагося отъ Бразильскаго престола въ пользу своего четырехлѣтняго сына, коего опекунами были назначены три знатнѣйшихъ сановника Бразильской имперіи.

10) Болонія и Модена подняли знамя возстанія противъ законной власти, но благоразумныя дѣйствія Вѣнскаго кабинета положили конецъ этимъ пагубнымъ стремленіямъ.

11) Духъ разрушенія проникъ также въ Сардинію и Неаполь, но тамошніе жители были вскорѣ успокоены благоразумными мѣрами правительства, чему не мало содѣйствовало внимательство австрійскаго правительства.

12) Турція, занятая преобразованіемъ своей администраціи на европейскій ладъ, сохранила полное спокойствіе и обратила все свое вниманіе на Египетъ и Сирію, которые обнаруживали стремленіе отложиться отъ Оттоманской имперіи.

Бросивъ бѣглый взглядъ на положеніе дѣлъ въ Европѣ, прослѣдимъ, чѣмъ ознаменовался 1831 годъ во внутреннемъ управленіи Россіи. Все вниманіе правительства было поглощено польскимъ мятежемъ, который, худо ли хорошо, былъ усмирень послѣ штурма Варшавскихъ укрѣпленій, лежащихъ на лѣвомъ берегу Вислы. Болѣе или менѣе суровыя и энергичныя мѣры, принятыя правительствомъ, лишили виновныхъ возможности долѣе сопротивляться. Ихъ недвижимое имущество было конфисковано, одни изъ нихъ были разстрѣляны, другіе сосланы въ Сибирь, лишены дворянства по суду; съ этой цѣлью были учреждены особыя комиссіи, въ которыхъ ихъ судили.

Лѣтомъ нынѣшняго года въ Петербургѣ появилась холера, которая произвела передъ тѣмъ порядочныя опустошенія въ Москвѣ и прочихъ городахъ Россіи. Въслѣдствіе санитарныхъ мѣръ, принятыхъ противъ этой болѣзни, въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ всыхнулъ бунтъ, стоявшій жизни многимъ генераламъ, офицерамъ, ихъ женамъ и дѣтямъ. Императоръ проявилъ при этихъ обстоятельствахъ много ума и твердости.

Польскій мятежъ вызвалъ цѣлый рядъ указовъ, какъ напр. указъ объ опредѣленіи правъ шляхты и образованіи изъ нея отдѣльнаго сословія въ 5 или 6 тыс. человекъ. Монахи-базиліане были выселены изъ Почаевского монастыря, пользовавшагося большою славою въ народѣ, такъ какъ въ немъ находилась чудотворная икона Божіей Матери; этотъ монастырь со всѣмъ его движимымъ и недвижимымъ имуществомъ былъ переданъ въ собственность православному духовенству; ордена Бѣлаго Орла и св. Станислава были причислены къ русскимъ орденамъ; Калишскій кадетскій корпусъ былъ расформированъ и присоединенъ къ Петербургскому 1 кадетскому корпусу. Для рекрутскихъ наборовъ была опредѣлена извѣстная норма. Дворянству было предоставлено право выбора предсѣдателей гражданскихъ и уголовныхъ судовъ, которые назначались пржеде отъ правительства.

Издано нѣсколько указовъ въ отгнну пржеде существовавшихъ законовъ и т. д. Императоръ прожилъ около двухъ мѣсяцевъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ императрицею и былъ доволенъ любовью, которую выказалъ ему народъ.

Говоря о томъ, чтѣ было сдѣлано, нельзя умолчать о тѣхъ лицахъ, при помощи которыхъ проводились эти правительственныя мѣры. Привожу имена тѣхъ лицъ, которыя имѣли болѣе или менѣе значительное вліяніе на дѣла.

Управляющимъ военнымъ министерствомъ былъ гр. Александръ Чернышевъ, человекъ въ высшей степени способный, но не любимый за его надменность.

Морскимъ министерствомъ управлялъ адмиралъ Моллеръ и кн. Але-

ксандръ Меншиковъ. Первый былъ человекъ неспособный, недоброжелательный и безо всякой широты взглядовъ. Второй—человекъ очень свѣдущій, понимающій морское дѣло и готовый дѣятельно способствовать осуществленію плановъ императора, который желалъ усовершенствовать флотъ.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ управленіе гр. Закревскаго, дѣлопроизводство шло правильно, особенно по канцелярской части. Это человекъ умный, неутомимый труженикъ, но онъ не говоритъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ и, какъ человекъ, воспитанный исключительно на военный ладъ, отталкиваетъ подчиненныхъ своею грубостью. Имѣвъ столкновенія съ тайной полиціей, онъ не хотѣлъ поступиться своими правами и рѣшилъ выйти въ отставку. Ему предназначали въ преемники сенатора Энгеля, но такъ какъ онъ былъ въ то время председателемъ временнаго правительства въ Варшавѣ, то на это мѣсто назначенъ помощникъ статсъ-секретаря Новосильцевъ, человекъ кроткій, обязательный, любезный, но не одаренный особенными способностями и не стоящій на высотѣ своего положенія при нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

Министерствомъ финансовъ управлялъ гр. Канкринъ, человекъ труда, желающій блага своему отечеству; но будучи обремененъ дѣлами, помимо управленія финансами, онъ находился въ полной завѣсности отъ своихъ секретарей. Пока подспорьемъ нашимъ финансамъ служило вознагражденіе за военные убытки, которое выплачивали намъ персы и турки, все шло хорошо, но когда изсякъ этотъ источникъ, стали ощущаться затрудненія въ финансахъ, пришлось прибѣгнуть къ внутреннему 4% займу въ 20 милліоновъ; увеличенъ акцизъ, и нѣкоторые другіе мелкіе налоги пополняли дефицитъ бюджета.

Министерство народнаго просвѣщенія ввѣрено кн. Карлу Ливеву человеку честному, чрезвычайно бережливому на общественныя деньги и не проникнутому къ счастью либеральными тенденціями. Это лютеранинъ пѣтистъ, поклонникъ порядка; несмотря на всѣ интриги, пущенныя въ ходъ для того, чтобы спихнуть его съ занимаемаго имъ мѣста, онъ сумѣлъ удержаться на немъ благодаря прежнимъ связямъ своей матери съ царскою фамиліей.

Министръ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и вмѣстѣ съ тѣмъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, ст.-секретарь Блудовъ, человекъ умный, образованный и свѣдущій по части, ему подвѣдомственной, но желчный и преданный либеральнымъ идеямъ. Къ его перу часто прибѣгаютъ для редактированія высочайшихъ манифестовъ.

Министерство юстиціи, ввѣренное ст.-секрет. Дашкову, прихрамывало; то и дѣло появлялись новые указы, а правосудіе отъ этого не выигрывало. Это человекъ способный, но чрезвычайно склонный подражать

всему иностранному и не достаточно знакомый съ юриспруденціей и съ русскими законами; при томъ онъ не обладаетъ довольно глубокимъ умомъ, чтобы направлять дѣйствіе правосудія съ должнымъ умѣніемъ и тактомъ.

Министерствомъ иностранныхъ дѣлъ управляетъ съ 1812 г. гр. Нессельроде; это старѣйшій изъ нашихъ министровъ. Онъ обладаетъ способностью дѣйствовать выжидательно; ему слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать ту медлительность въ дѣйствіяхъ правительства, которая была такъ полезна въ предъидущіе три затруднительные года. Добрый и благожелательный отъ природы, ему необходимо имѣть руководителя, и онъ нашелъ его въ лицѣ Родофинкина, директора азиатскаго департамента, который снискалъ его довѣріе, взявшись руководить его личными дѣлами. Графу приходилось бороться противъ несовременныхъ мѣръ, которыя ему повелѣвалось иногда принять подъ впечатлѣніемъ минуты и по живости темперамента. Въ этомъ и заключался, собственно говоря, весь смыслъ его дипломатіи.

Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, кн. Кочубей, опытенъ въ дѣлахъ, но не пользуется особымъ довѣріемъ монарха. Проникнутый либеральными идеями, онъ былъ ихъ главнымъ сторонникомъ какъ въ предшествовавшее, такъ и въ настоящее царствованіе. По его инициативѣ измѣнился весь прежній государственный строй, были уничтожены коллегіи и созданы министерства, которыя ему удалось отстоять неприкосновенными при восшествіи на престолъ нынѣ царствующаго императора, когда шла рѣчь о возстановленіи коллегій, которыя гораздо цѣлесообразнѣе и болѣе подходятъ къ духу народа, нежели министерства, въ коихъ вся административная часть зависитъ очень часто отъ узкихъ взглядовъ одного лица.

Завѣдываніе тайной полиціей и учрежденіе корпуса жандармовъ, при восшествіи на престолъ императора въ 1825 г., было поручено генералу Бенкендорфу, который управляетъ этой частью съ большимъ умомъ и не отравляетъ спокойствія императора совершенно ненужными доносами, но, будучи самъ въ зависимости отъ своихъ подчиненныхъ, дѣйствующихъ въ провинціи, ему случается дать ходъ ложнымъ доносамъ, которые ему сообщаютъ подчиненные. Это—недостатокъ, неизбежный въ подобной администраціи, которая можетъ процвѣтать только въ ущербъ нравственности.

Кромѣ этихъ главныхъ лицъ администраціи, въ ея составъ входятъ еще нѣкоторыя личности, коихъ вліяніе довольно замѣтно и чувствуется нерѣдко тѣми, коихъ они не долюбливаютъ. Къ числу этихъ лицъ принадлежитъ кн. Петръ Волконскій,—министръ Двора, кн. Александръ Голицынъ—почтъ-директоръ, ген.-ад. гр. Орловъ и ген. Ермоловъ, недавно принятый вновь на службу.

Кн. Волконскій большой любитель порядка, который онъ ввелъ во дворцѣ. Такъ какъ онъ имѣеть ежедневно доступъ къ императору, то его протекція имѣеть значеніе. Въ общемъ это человѣкъ не особенно высокихъ дарованій.

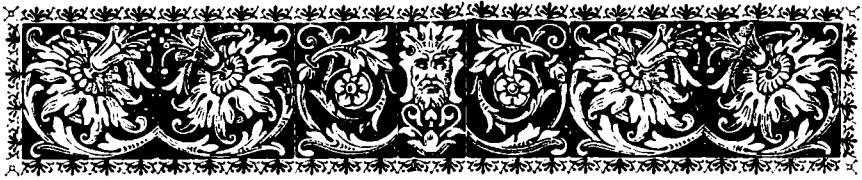
Послѣ кн. Волконскаго чаще всего видитъ государя кн. Голицынъ, приглашаемый на всѣ вечера; въ отсутствіе двора ему поручаютъ надзоръ за дѣтьми и въ Царскомъ Селѣ, и въ Петербургѣ. Какъ почти директоръ, онъ засѣдаетъ въ Комитетѣ министровъ. Это человѣкъ, какъ бы созданный для придворной жизни: привѣтливый, добрый, сговорчивый, онъ всегда готовъ услужить своимъ знакомымъ и подчиненнымъ. Въ царствованіе Александра онъ нравился тѣмъ, что передразнивалъ всѣхъ и каждого, забавляя этимъ императора, и позволялъ себѣ всевозможныя насмѣшки, никого не щадя; но онъ сталъ сдержаннѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ сошелся съ ханжами, преданными мистицизму. Мистики воспользовались его вліяніемъ, чтобы добиться учрежденія библейскаго общества, противъ котораго возстало духовенство и которое въ концѣ концовъ рушилось. Онъ довольно болтливъ и, какъ министръ, человѣкъ довольно ординарный.

Гр. Орловъ снискалъ довѣріе монарха въ злополучный день 14-го декабря 1825 г., а это дало ему возможность добиться всѣхъ отличій, которыя онъ получалъ, и всѣхъ должностей, имъ занимаемыхъ. Онъ пользуется большимъ вліяніемъ; дѣйствительно, это человѣкъ способный, который будетъ, вѣроятно, со временемъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Ермоловъ—прекрасный генералъ, съ отличіемъ дѣйствовавшій въ Грузіи. Дибичъ добился его увольненія, и его преемникъ Паскевичъ пожинаетъ плоды, коими долженъ былъ пользоваться Ермоловъ. Послѣ своей отставки онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи до 1831 г. Въ этомъ году, во время пребыванія императора въ Москвѣ, ему предложили вновь поступить на службу; онъ согласился и былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Человѣкъ весьма свѣдущій, истинно-русскій стараго закала, онъ пользуется, кажется, большимъ уваженіемъ императора: ему удастся по всей вѣроятности обуздать либеральныя идеи нѣкоторыхъ приближенныхъ императора. (Въ 1834 г. онъ не имѣлъ никакой должности и жилъ на покой¹⁾).

Кромѣ этихъ, всѣмъ извѣстныхъ, государственныхъ людей императоръ совѣтовался съ нѣкоторыми менѣе видными личностями, подъ вліяніемъ которыхъ принимались иногда мѣры, поражавшія служащихъ своею неожиданностью.

¹⁾ Приписано позднѣе.

Письмо опытнаго чиновника сороковыхъ годовъ младшему собрату, поступающему на службу.

Милостивый государь
Любезный другъ!

Узнавши, что вы вступили на службу государю и его сіятельству, я хотѣлъ бы, чтобъ вы сдѣлались не только способнымъ и дѣльнымъ чиновникомъ, но заставили бы всѣхъ признавать васъ за такового; я хотѣлъ бы, чтобъ вы быстро пошли впередъ и скоро сдѣлались бы государственнымъ человѣкомъ.—Для того, чтобъ достигнуть этой цѣли, я вмѣняю себѣ въ обязанность, какъ опытный чиновникъ, изложить вамъ, какъ новичку, всѣ правила, по которымъ вы постоянно должны дѣйствовать на служебномъ поприщѣ.

Вотъ они:

1) Начните съ азбуки: заучите хорошенько выраженія: ваше превосходительство и ваше сіятельство; съ этихъ словъ начинайте, этими словами кончайте фразу, когда вы обращаетесь къ милостивому начальству.

2) Кланяйтесь начальству вашему тѣмъ ниже, чѣмъ выше стоитъ оно въ порядкѣ чиноначалія, и дайте подчиненнымъ для пожатія тѣмъ меньшее количество пальцевъ правой руки, чѣмъ ниже стоятъ они въ порядкѣ подчиненности.

3) Не надѣйтесь столько на способности свои, сколько на протекцію. Несмотря на всѣ ваши достоинства, старайтесь укрыться подъ крылышко этой благодѣтельной волшебницы; если у васъ есть протекція,—вы гений, вы на все способны, вы скоро пойдете впередъ, но если у васъ протекціи нѣтъ:—вы дуракъ набитый, вы ровно никуда не годитесь, вы рѣшительно ничего не знаете, вы никогда не выиграете по службѣ.

4) Не думайте сдѣлаться значительнымъ лицомъ, служивши постоянно въ одномъ мѣстѣ; нѣтъ: старайтесь шнырять изъ одного мѣста въ другое, изъ канцеляріи губернатора въ Комитетъ министровъ, изъ Комитета въ Министерство; отсюда въ Сенатъ и вѣрно скоро прыгнете въ вице-директоры.

5) Говорите всегда, что у васъ есть дѣла, но не говорите, въ чемъ состоятъ они, давайте замѣтить, что это тайна; подумаютъ, что вы постоянно заняты государственными дѣлами; просителей выслушивайте терпѣливо, но отвѣчайте имъ въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: дѣло ваше разсматривается, въ докладѣ, дано предложеніе, посланъ указъ, и т. п.

6) Если вы хорошо работаете, но не кричите, что у васъ бездна дѣлъ, то вы нисколько не выиграете въ общемъ мнѣніи: кричите, что вы завалены работой, между тѣмъ какъ другіе ничего не дѣлаютъ, что вы работаете день и ночь; берите всегда домой портфель, наполненный бумагами, и хотя дома вы можете заниматься чѣмъ и нибудь другимъ, но говорите, что занимаетесь дѣлами.

7) Старайтесь всѣ дѣла сваливать на другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кричите, что всѣ на васъ сваливаютъ дѣла, давая тѣмъ замѣтить, что всѣ считаютъ васъ за дѣльваго, опытнаго и работающаго чиновника. Дѣйствуя такимъ образомъ, вы заставите всѣхъ считать васъ за дѣльнаго чиновника; между тѣмъ какъ хваливши себя прямо, вы заставили бы всѣхъ смѣяться надъ вами.

8) Никогда не входите въ дѣла, но постоянно выходите изъ нихъ.—Первый вопросъ, когда къ вамъ поступить бумага, долженъ быть: какъ изъ нея выйти?

9) Не рѣшайте ни одного дѣла, но отъ всѣхъ отписывайтесь. Ничего не дѣлайте со п а м о г е, не старайтесь окончить всѣхъ дѣлъ и помните, что вы всегда, какъ бѣлка въ колесѣ, будете бѣжать, ожидая, что добѣжите до чего-нибудь,—но ни до чего не добѣжите.

10) Отписывая дѣла, заглушите врожденное въ васъ чувство справедливости, и пусть незнакомо для васъ будетъ состраданіе къ несчастному и потому:

а) никогда не старайтесь держать сторону истины, когда вооруженная противъ нея ложь сильнѣе и прикрыта законными формами; этимъ навлечете на себя только подозрѣвіе; нѣтъ: въ такихъ случаяхъ отказывайте всегда, держите сторону сильнаго, и прослывете правдивымъ чиновникомъ.

б) Не обращайтесь никогда столько вниманія на существо дѣла, сколько на лица, въ немъ участвующія.

в) Никогда не дѣлайте того, что нужно дѣлать, а дѣлайте то, что желаетъ высшее начальство.

г) Откажитесь отъ собственнаго взгляда на вещи, усвойте себѣ взглядъ начальниковъ вашихъ, не имѣйте мыслей своихъ, развивайте только мысли начальниковъ и постарайтесь все, даже почеркъ вашъ, сдѣлать сколько можно болѣе похожимъ на ихъ почеркъ.

д) Никогда не говорите опредѣлительно на основаніи такъ-о-го-то закона, говорите неопредѣленно: на законномъ основаніи.

11) Не отписывайте скоро дѣлъ, пусть они полежатъ нѣсколько времени, тогда вы иногда сами можете замѣтить свою ошибку при первой отпискѣ, но всегда дадите замѣтить другимъ, что дѣла ваши затруднительны, что они требуютъ большихъ соображеній и что вы глубоко вникаете въ нихъ: если вы скоро будете отписывать бумаги, другіе скажутъ, что ваши занятія очень легки и что вы на во что не входите какъ слѣдуетъ.

12) Если въ головѣ у васъ есть предположеніе, клонящееся къ усовершенствованію закона, судопроизводства или судоустройства, къ упрощенію порядка и хода дѣлъ, не старайтесь привести мысли своей въ исполненіе—Боже васъ сохрани! вы прослывете новаторомъ, безпокойнымъ и безтолковымъ человѣкомъ. Сохраните эту мысль на случай, если васъ спросятъ объ этомъ. Развивая новую идею людямъ, закоренѣлымъ въ пагубномъ рутинизмѣ, грубомъ застоѣ и захирѣніи, вы только затрудните ихъ, и потому мысли вашей не дадутъ хода, а послѣ вамъ нечего будетъ отвѣчать на циркулярное предписаніе, и вы прослывете дуракомъ.

13) Осторожно, предусмотрительно и соразмѣрно употребляйте выраженія: повергаю во благоусмотрѣніе вашего сіятельства, имѣю честь донести, увѣдомить, сообщить, увѣдомляю, сообщаю, извѣщаю, поставляю въ извѣстность, объявляю, предписываю, приказываю и старательно различайте милостиваго государя отъ его превосходительства.

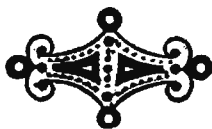
14) Если по дѣлу открылось какое-нибудь упущеніе или беспорядокъ и отъ васъ требуютъ объясненіе, никогда не сознавайтесь виновнымъ и пишите объясненіе какъ можно длиннѣе, непонятнѣе и запутаннѣе; никто не прочтетъ его, но, увидѣвъ, что вы написали много, признаютъ васъ правымъ.

15) Еще одинъ совѣтъ: читайте переписанныя бумаги по вашей части и ходите на службу всегда въ униформѣ и черныхъ панталонахъ, чтобъ не спросили васъ, какъ меня когда-то: «читаете ли вы

бумага по вашей части внимательно?» и не сказали бы, указывая на цвѣтные панталоны: «такъ въ департаментъ нельзя приходить».

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности.

Сообщ.: А. С. Зарудный.

Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго.

1819—1821 гг. ¹⁾.

Придворныя интриги.—Новое положеніе о войскѣ Довскомъ.—Письмо генерала Рудзевича.—Магдональдъ о Суворовѣ.—Анекдоты о Суворовѣ.—Графъ Видуа.—И. И. Дмитріевъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Императрица Елисавета Алексѣевна.—Дворъ 1819 г.—Генераль Толь.—Федоръ Гляпка.—Скопцы.—Великій князь Николай Павловичъ въ кабинетѣ государя.—День въ Петергофѣ.—Приказы императора Павла I.

Три года сіи, которые начинаю описывать, я почитаю самыми скучными въ моей жизни. Счастье, до тѣхъ поръ мнѣ сопутствовавшее и обѣщавшее дальнѣйшіе блистательные успѣхи, вдругъ отъ меня отвернулось, и я долго не могъ привыкнуть переносить перемену сію равнодушно. Поѣздка въ Аденъ была послѣдняя, въ которой я сопровождалъ императора. Изъ воспоминаній моихъ 1818 г. видно, какую благосклонность государь мнѣ оказывалъ: онъ ежедневно разговаривалъ со мною, приглашалъ къ своему столу и сказалъ въ Минскѣ, прощаясь со мною, что сердце его будетъ для меня всегда открыто. Отзвы его на мой счетъ были самые лестные, и онъ говорилъ неоднократно приближеннымъ своимъ, сколь онъ доволенъ, что познакомился коротко со мною. Но это самое возбудило зависть противъ меня, я былъ предъ нимъ оклеветанъ въ то время, какъ императоръ отправился въ Петербургъ изъ Минска, а я для

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ 1898 г., № 1.

устройства дѣлъ моихъ оттуда же долженъ былъ ѣхать въ Москву. Меня представили какъ человѣка неблагодарнаго и зная, сколько государь былъ самолюбивъ, сказали, будто я отзывался о немъ неуважительно, и не устыдились даже взвести на меня пороки.

Скромность, бывшая издавна основаніемъ моего поведенія, и въ семь случаевъ мною руководствовала. Въмѣсто того, чтобы оправдываться, я молчалъ, и имѣя возможность ежедневно видѣть государя и просить позволенія объясниться, я не говорилъ ни слова, ожидая, что невинность моя обнаружится, но недоброжелатели мои умѣли воспользоваться столь хитро, съ одной стороны, предубѣжденіемъ, поселеннымъ противу меня въ государя, а съ другой—моимъ равнодушіемъ, съ коимъ я не искалъ случая принести свое оправданіе, что императоръ съ сего времени пересталъ меня употреблять. Опыты всѣхъ временъ говорили мнѣ, что при дворѣ надобно и самому честному человѣку нѣкотораго рода происки, но я симъ пренебрегалъ и довольствовался невинною совѣстью. Да и что бы вышло, ежели бы я поступилъ иначе; можетъ быть, я получилъ бы лишній орденъ, года два ранѣе былъ произведенъ въ генералы, или на нѣсколько недѣль былъ бы приставленъ сопровождать какого-нибудь иностраннаго принца, которые часто пріѣзжали въ Петербургъ; но интриги, посредствомъ коихъ я опять вошелъ бы въ милость, вѣроятно, на всю жизнь оставили бы во мнѣ постыдныя воспоминанія, между тѣмъ какъ нынѣ я ни въ чемъ себя не упрекаю. Стоитъ ли того свѣтъ и отличія его, чтобы для нихъ измѣнять своему характеру? Теперь, какъ я сіе пишу, прошло ровно десять лѣтъ ахенскому конгрессу, послѣ котораго государь осыпалъ меня ласками и потомъ вдругъ ко мнѣ охладѣлъ; только десять лѣтъ, а уже не стало Александра, и Россія и Европа приняли другой видъ: хотя тысячу разъ твердили о кратковременности всего земнаго, но я по истинѣ при семь случаяхъ не могу тоже объ оной не вспомнить.

Не зная ничего, что клеветники чернили меня у государя, по возвращеніи его въ Петербургъ; я жилъ покойно пять мѣсяцевъ въ Москвѣ для раздѣла моего имѣнія и въ ожиданія рожденія втораго моего дитяти. Павлуша, прекрасный какъ ангелъ, родился перваго мая. Думалъ ли я, ликуя, при появленія его на свѣтъ, въ тотъ день, когда вся природа возрождается, что чрезъ полтора года долженъ буду оплакивать его!

Теперь я вижу, что пятимѣсячная отлучка моя отъ двора была неблагоприятна, ибо при дворѣ, какъ въ любви, отсутствующіе не въ барышахъ, но я не раскаиваюсь, ибо исполнялъ въ семь случаевъ обязанность отца семейства. Сверхъ того, общее уваженіе, оказанное мнѣ въ Москвѣ, полученныя письма, въ которыхъ просили или моей пріязни или заступленія моего, равно и посѣщенія, которыя мнѣ дѣлали особы,

находившіяся въ милости при дворѣ и проѣзжавшія зачѣмъ-либо черезъ Москву, все это не подавало мнѣ повода подозрѣвать, что происходило противъ меня въ Петербургѣ.

Между прочими были у меня въ Москвѣ генералы Уваровъ и Чернышевъ, два любимца императора. Послѣдній изъ нихъ ѣхалъ тогда въ Черкасскъ по слѣдующему поводу. Новый атаманъ Донскаго войска Денисовъ, вступя въ исправленіе должности своей, нашелъ, что положенія объ образованіи казачьихъ полковъ въ военное время были весьма недостаточны, отчего войско сіе не приносило той пользы, которая бы при лучшемъ устройствѣ могла произойти; сверхъ того, атаманъ открылъ многія упущенія, особенно по землямъ, которыя были жалованы казакамъ въ разныя времена, и на которыя они переселили крестьянъ, купленныхъ ими въ Россіи. Въ отвращеніе какъ сихъ, такъ и разныхъ другихъ злоупотребленій, атаманъ испрашивалъ высочайшаго позволенія учредить комитетъ; государь принялъ милостиво сіе предложеніе, какъ видно изъ рескрипта генералу Денисову, который Чернышевъ показывалъ мнѣ, благодарилъ за оное атамана и назначилъ засѣдать въ ономъ Чернышева, какъ челоуѣка, облеченнаго высочайшею довѣренностію. Это дѣло, какъ и всѣ дѣла тогдашняго времени, было разсматриваемо графомъ Аракчеевымъ, потому что списокъ съ рескрипта скрѣпленъ его рукою.

Изъ многихъ писемъ, которыя я тогда получилъ и о которыхъ выше упомянулъ, прилагаю у сего копию съ письма отъ одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ генераловъ Рудзевича, бывшаго въ то время начальникомъ главнаго штаба второй арміи:

«Кажется, нѣтъ надобности изъясняться мнѣ предъ вами, что вы при первой встрѣчѣ вашей со мною побѣдили чувства мои и взяли въ плѣнъ сердце мое. Довольно я сказала, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! и прошу мнѣ въ томъ вѣрить. Надѣюсь, что я также взаимно вами любимъ буду, и знакомство наше приметъ твердое основаніе на всегда. Теперь скажу вамъ, что послѣ всѣхъ тѣхъ неприятностей, какія встрѣчались мнѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ въ почетномъ семъ званіи, и твердое намѣреніе принявъ оставить постъ сей и пишу къ князю Петру Михайловичу, прошу его ходатайства уволить меня въ отпускъ на шесть мѣсяцевъ; я надѣюсь на благорасположеніе его ко мнѣ, что онъ уважитъ просьбу мою, и я воспользуюсь высочайшею для меня сею милостию. Грустно, больно, но дѣлать нечего, надобно удалиться отъ всѣхъ неприятностей.

«Скажите мнѣ, понравился ли вамъ нашъ Крымъ, который отъ всѣхъ вояжировъ слыветъ русскою Италіею. Право, уголокъ сей для уединенной жизни хорошъ и пріятенъ. Народъ тамъ простой, интригъ ника-

кихъ не знаютъ, удовольствій, украшенныхъ природою, тѣмъ, можно очень спокойно прожить.

«Прошу васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, напишите ко мнѣ нѣсколько строкъ о моемъ отпускѣ, и что у васъ дѣлается въ шумномъ вашемъ свѣтѣ. Мы здѣсь въ глуши ничего добраго не знаемъ. И такъ поручаю себя въ продолженіи лестнаго для меня знакомства вашего».

Я теперь сообщу нѣкоторые анекдоты, слышанные мною во время пребыванія моего въ Москвѣ.

Когда въ 1807 году графъ Толстой былъ посломъ въ Парижѣ, то онъ стоялъ однажды на большомъ праздникѣ подлѣ маршала Макдональда, находившагося въ немилости у Наполеона. Макдональдъ сказалъ ему между прочимъ, показывая на особъ, окружавшихъ тогдашняго императора французомъ: «*Si vous aviez un autre prince Souvovoff, croyez vous que tous ces faquins régneraient ici?*» ¹⁾. Я это слышалъ отъ самого графа Толстаго.

За обѣдомъ у княгини Бѣлосельской я сидѣлъ подлѣ сенатора Кушникова, бывшаго адъютанта Суворова. Если скажутъ, что фельдмаршалъ любилъ окружать себя людьми простыми, то Кушниковъ, какъ человѣкъ образованный, служить тому противнымъ доказательствомъ. Я слышалъ отъ него слѣдующіе анекдоты о Суворовѣ. Герой нашъ до того ненавидѣлъ австрійскаго министра Тугута, котораго онъ обыкновенно называлъ врагомъ нашимъ, что, отправляя Кушникова съ донесеніемъ о сраженіи при Нови къ петербургскому и австрійскому дворамъ, онъ запретилъ ему въ Вѣнѣ видѣться съ Тугутомъ.

— Императоръ Павелъ, — сказалъ онъ мнѣ, — меня позвалъ къ себѣ въ кабинетъ, посадилъ и, спрося, знаю ли я по-французски, объяснялся со мною на семь языкъ. Ободренный благосклонностью государя, я сталъ говорить съ нимъ очень вольно, и рассказывалъ ему о затрудненіяхъ, дѣлаемыхъ австрійскимъ кабинетомъ Суворову, которому онъ предписывалъ, какимъ образомъ дѣйствовать, и чрезъ то его стѣснялъ.

— Я поступаю иначе, — прервалъ императоръ, — я ему далъ совершенную свободу воевать по его усмотрѣнію.

— Я пробылъ въ Гатчинѣ недѣлю, — продолжалъ Кушниковъ, — въ продолженіе которой императоръ осыпалъ меня учтивостями, но зато когда послѣ немилости, въ которую впалъ Суворовъ, я представлялся ему въ первый разъ, то онъ мнѣ велѣлъ немедленно выѣхать изъ Петербурга. При отъѣздѣ моемъ изъ Гатчины къ арміи у меня не было шубы. Тогдашній наслѣдникъ Александръ Павловичъ, узнавъ о семъ,

¹⁾ Переводъ: Если бы у васъ былъ второй князь Суворовъ, какъ вы думаете, могли ли бы здѣсь царствовать всѣ эти подлецы?

подарить мнѣ свою теплую шинель и сказалъ: «такъ какъ я не могу самъ находиться въ арміи, то пусть по крайней мѣрѣ шинель моя тамъ будетъ».

Суворовъ не любилъ эрцгерцога Карла и не хотѣлъ съ нимъ видѣться. Однажды онъ былъ однакоже совсѣмъ готовъ къ нему ѣхать, но раздумалъ, говоря: «Онъ меня обманеть», и потомъ писалъ къ нему слѣдующее письмо по поводу какого-то неудовольствія: «*A la cour je suis aux pieds de Votre Altesse Impériale, comme du frère de l'Empereur, mais à la guerre je suis Votre ancien, j'ai plus d'expérience que Vous et je ne me laisserai tromper par personne*»¹⁾.

Суворовъ, будучи слишкомъ семидесяти лѣтъ, велѣлъ списать съ себя портретъ, и когда живописецъ принялся за работу, то онъ всталъ на стулъ и, спрыгнувъ съ онаго, сказалъ: «и это нарисуй».

Капитуляціею варшавскою Суворовъ обѣщаль покровительство полякамъ, но императрица вопреки оной прислала къ нему повелѣніе отправить въ Петербургъ нѣсколько самыхъ буйныхъ головъ, что было и исполнено. На другой день послѣ сего явилась польская депутація къ фельдмаршалу протестовать противъ сего нарушенія капитуляціи. Суворовъ приказалъ адъютантамъ своимъ одѣться въ праздничные мундиры, и самъ, украшенный всѣми своими орденами, что случалось рѣдко, вышелъ къ полякамъ, сталъ посреди комнаты, прыгнулъ и, поднявъ руку вверхъ, сказалъ: «Императрица такая высокая», и въ то же мгновение присѣвъ къ землѣ, сказалъ: «а Суворовъ такой маленькой», послѣ чего, убѣжалъ изъ горницы, оставя въ ней депутатовъ, которымъ показалъ чрезъ сіе, что ему противъ повелѣній императрицы нечего было дѣлать.

Въ Регенсбургѣ онъ рассказывалъ принцу Турнъ-и-Таксису объ италійскомъ походѣ и, говоря объ отступленіи Моро, началъ мало-по-малу пятиться къ дверямъ и вдругъ скрылся.

Кушниковъ сказалъ мнѣ, что Суворовъ съ большимъ любопытствомъ читалъ походы Наполеона въ Италиі. Онъ за обѣдомъ позволялъ говорить все, что кому угодно было, но иногда, когда приходило ему на мысль что-либо важное, то говорилъ: «Сергѣй Сергѣевичъ (такъ зовутъ Кушникова), пиши Моро, Макдональдъ» и потомъ, послѣ обѣда уснувши по обыкновенію нѣсколько часовъ, призывалъ его къ себѣ, выпивалъ за его здоровье стаканъ венгерскаго вина, приглашая при томъ и его выпить, и начиналъ ему диктовать.

Я видѣлся съ генераломъ, княземъ Андреемъ Ивановичемъ Горча-

¹⁾ Переводъ: При дворѣ, я у ногъ вашего императорскаго высочества, какъ брата императора, но на войнѣ я начальникъ надъ вами, я опытиѣ васъ, и я никому не дамъ обмануть себя.

ковымъ, роднымъ племянникомъ Суворова; онъ находился при немъ въ Италіи, и Суворовъ по любви къ нему, желая образовать молодаго князя, спрашивалъ часто его мнѣнія о предположеніяхъ своихъ. Я узналъ отъ князя Горчакова, что Суворовъ родился въ Москвѣ на Никитской улицѣ, подлѣ церкви стараго Вознесенія, въ домѣ, которой отъ наследниковъ фельдмаршала проданъ Юрьеву. Я видѣлъ у князя золотую табакерку, которую фельдмаршалъ носилъ 12-ть лѣтъ сряду.

Въ Москву пріѣзжали въ апрѣлѣ мѣсяцѣ двое италіанскихъ путешественниковъ, маркизъ Доріа и графъ Видуа.

— Чтò васъ наиболѣе поразило въ Россіи,—спросилъ я ихъ.

— Положеніе Петербурга,—отвѣчалъ графъ Видуа;—все доказываетъ,—продолжалъ онъ,—что городъ сей выстроенъ вопреки природы, по повелѣнію самодержца. Не менѣе удивило насъ видѣть министерство правосудія въ рукахъ военнаго генерала (князя Лобанова-Ростовскаго).

Они смѣялись тому, что имъ показывали въ Петербургѣ, какъ древность домъ князя Меншикова; они присовокупляли, конечно шутя, будто бы нѣкто изъ русскихъ, говоря имъ о семъ домѣ, сказалъ: «Вотъ какъ строили въ сіи старинныя времена, когда нравы были еще не испорчены». Трудно видѣть путешественника столь любознательнаго, каковъ былъ графъ Видуа: ничто въ Москвѣ не сокрылось отъ его вниманія, и онъ не довольствовался осматривать все то, чтò находится въ сей столицѣ, но, сверхъ того, хотѣлъ знать исторію каждаго предмета. Онъ былъ неутомимъ и, посѣщая меня всякій вечеръ, просиживалъ до глубокой ночи, давая мнѣ отчетъ въ видѣнномъ имъ днемъ и требуя на все поясненія. Для этого, когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, ставили предъ нимъ чернильницу и перо; онъ исписывалъ иногда по дѣлымъ листамъ, и развѣ для того только переставалъ по временамъ предлагать мнѣ вопросы о Россіи, чтобы вздохнуть и скорбѣть о плѣненіи отечества своего—Италіи. Онъ, кажется, жилъ для одной мысли, чтобы изгнать австрійцевъ изъ Италіи и доставить ей политическую независимость; я думаю, что онъ сдѣлался жертвою пламеннаго своего патріотизма въ переворотахъ, случившихся въ Піемонтѣ и въ Неаполѣ.

Въ исходѣ мая мѣсяца я собирался ѣхать на службу въ Петербургъ, окончивши дѣла, удерживавшія меня въ Москвѣ. Наканунѣ отъѣзда моего изъ Москвы я былъ у Дмитріева и съ нимъ простился. Черезъ нѣсколько часовъ онъ ко мнѣ самъ пріѣхалъ, чтобы еще разъ увидѣться со мною; знакъ вниманія толь знаменитаго мужа мнѣ былъ очень приятенъ, какъ и вообще воспоминаніе объ его пріязни мнѣ всегда будетъ драгоценно. Рѣдкій день проходилъ, чтобы мы съ нимъ не видались, или бы я отъ него не получалъ записокъ. По отъѣздѣ изъ Москвы я съ

нимъ остался въ перепискѣ, и помѣщая здѣсь какъ образчикъ его слога одно изъ писемъ его, кои всё у меня сохраняются:

«Спѣшу изъявить вамъ сердечную благодарность мою за обязательное ваше письмо и благосклонное привѣтствіе меня съ полученіемъ новой награды отъ великодушнаго государя. Чувства, съ которыми я принялъ ее—неизъяснимы. Твержу только про себя старый мой стихъ: да будетъ счастье и слава вѣчно съ нимъ.

«Искренно могу васъ увѣрить, что отсутствіе ваше изъ Москвы весьма для меня ощутительно. Сказанное вами о моей бесѣдѣ по всей справедливости приличнѣ мнѣ обратиться къ вашей; она истинно была для меня любопытна: вы были свидѣтели великихъ подвиговъ необыкновенныхъ переворотовъ; видѣли лицомъ къ лицу знаменитыхъ виновниковъ оныхъ; вы бесѣдовали съ Виландомъ, Гёте и лучшими умами Франціи; послѣ толь громкихъ именъ, могу ли я безъ смущенія благодарить васъ, что вы общаете когда-нибудь въ запискахъ вашихъ вспомнить и меня, непримѣтную точку на поприщѣ словесности; вся моя авторская жизнь упишется на одной строчкѣ.

«Заключаю покорнѣйшею просьбою о продолженіи ко мнѣ вашей пріязни, весьма для меня, лестной и свидѣтельствомъ душевнаго почтенія и пр.».

Въ исходѣ мая мѣсяца я пріѣхалъ въ Петербургъ и немедленно отправился въ Красное Село, гдѣ войска стояли лагеремъ и гдѣ мнѣ надобно было представляться императору. Въ ожиданіи его величества, я гулялъ долго съ главнокомандующимъ первою арміею Сакеномъ, столь же любезнымъ и обходительнымъ въ дружескихъ разговорахъ, сколько строгимъ и упрямымъ по службѣ. Удивительно, что сей генералъ, которому по способностямъ и познаніямъ у насъ въ то время равнаго не было, съ поступленія его въ главнокомандующіе отворотилъ отъ себя сердца всѣхъ, между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ, то-есть пока онъ не былъ облеченъ въ сіе званіе и находился только корпуснымъ начальникомъ, онъ былъ вообще любимъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1819-го года прислали изъ главной квартиры первой арміи въ Петербургъ заказать 120 колець съ изображеніемъ покойнаго фельдмаршала Барклая, и говорили, что сіе дѣлалось не столько въ намѣреніи почтить память сего полководца, сколько въ досаду Сакену, заступившему его мѣсто. Вскорѣ прибылъ великій князь Михайлъ Павловичъ въ сопровожденіи генерала Паскевича, коего отважность и предпримчивость на войнѣ могли равняться только съ скромностію его въ мирное время. Я пробылъ съ ними часа три, въ продолженіе которыхъ великій князь наговорилъ нѣсколько камбуровъ. Мы до полуночи ожидали императора, который однако же не прибылъ въ Красное Село, а ночевалъ въ лагерѣ. Я не дожился

спать и со свѣтомъ отправился къ войскамъ. Въ три часа государь вышелъ изъ своей палатки и, увидя меня, спросилъ:

— Здорова ли жена? кого родила—сына или дочь?

Вотъ только два вопроса, мнѣ сдѣланные, конечно послѣ милостей, оказанныхъ во время возвращенія нашего изъ Ахена, весьма не удовлетворительные, но благосклонность при дворѣ, какъ вихорь на морѣ, непостоянна. Когда государь садился въ коляску, то подошелъ къ стоявшему подлѣ меня польскому флигель-адъютанту Залускому и освѣдомился о раненой его рукѣ, прострѣленной въ то время какъ оцъ сражался противъ Россіи въ 1812-мъ году. «Не приличнѣ ли было спросить меня о томъ же предметѣ?»—подумалъ я.

Послѣ сего мнѣ надобно было представляться обѣимъ императрицамъ. Вдовствующая государыня жила въ Павловскомъ, куда я и поѣхалъ; приемъ былъ холодный съ ея стороны, но отиѣнно ласковый отъ придворныхъ, которые мнѣ сказывали, что во время проживанія моего въ Москвѣ императоръ неоднократно спрашивалъ, куда я дѣвался. Изъ Павловска я поѣхалъ въ Царское Село, гдѣ имѣла свое пребываніе императрица Елисавета Алексѣевна. Обращеніе ея было очаровательное, она имѣла даръ снискать повсемѣстную къ себѣ приверженность. Она приняла меня лучше, нежели когда-либо, и сказала между прочимъ:

— Я очень рада съ вами видѣться; маркграфъ Вильгельмъ, который сюда недавно пріѣхалъ, весьма жалѣлъ, что васъ не было въ Петербургѣ.

Откланявшись, я встрѣтилъ въ одномъ залѣ государя, который прошелъ мимо меня, не сказавъ мнѣ ни слова.

Возвратясь въ столицу, я былъ у маркграфа Баденскаго, извѣстнаго прежде подъ именемъ графа Гохберга. Онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, чтобы испросить согласія государя на бракъ брата своего Леопольда съ дочерью бывшаго короля шведскаго, также чтобы устранить разныя притязанія австрійскаго двора къ баденскимъ владѣніямъ. Онъ былъ за три года въ Петербургѣ, когда еще онъ не принадлежалъ къ принципамъ крови; тогда онъ посѣтилъ меня въ моей квартирѣ и, заставъ меня въ халатѣ, просидѣлъ у меня съ часъ. Восемь мѣсяцевъ тому назадъ въ Карлсруэ онъ провожалъ меня до крыльца, а нынѣ, когда я у него былъ, то онъ меня даже не пригласилъ сѣсть: *honores mutant mores*.

Дворъ нашелъ я въ такомъ же положеніи, какъ его и оставилъ. Князь Волконскій и графъ Аракчеевъ были только двое, имѣвшіе ежедневный доступъ до императора и пользовавшіеся его довѣренностію; кромѣ ихъ никто при дворѣ ничего не значилъ. Что въ публикѣ я имѣлъ вѣсь, то заключаю изъ слѣдующаго обстоятельства, а именно: вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Петербургъ былъ у меня гессенъ-кассельскій посланникъ Оксъ и просилъ о содѣйствіи моемъ къ возве-

денію курфирста въ королевское достоинство и къ пожалованію ему Андреевской ленты, за что посланникъ вручилъ мнѣ отъ имени курфирста командорственный крестъ ордена Золотаго льва со звѣздою.

Генераль Толь, не задолго возвратившійся изъ Варшавы, сказывалъ мнѣ, что войска польскія доведены были до лучшаго устройства, чѣмъ гвардія наша, и что при смотрѣ ихъ сердце его обливалось кровью. Государь, говоря съ нимъ о сочиненіи Прадта объ Ахенскомъ конгрессѣ, сказалъ, что «Прадтъ въ сей книгѣ противорѣчатъ многому, сказанному обо мнѣ въ прежнихъ его твореніяхъ». Толь съ ужасомъ отзывался, что намѣрены были воздвигнуть памятникъ Барклаю подлѣ памятника Кутузова.

Я часто видался съ поэтомъ Федоромъ Глинкою, которому графъ Милорадовичъ поручилъ въ Петербургѣ смотрѣніе за тюрьмами и богоугодными заведеніями. Глинка есть истинный другъ человечества, я не встрѣчалъ подобнаго энтузіаста ко всему доброму. Расскажите при немъ о какомъ-нибудь благородномъ поступкѣ, тотчасъ цвѣтъ лица его перемѣнится и видъ его, обыкновенно мрачный, сдѣлается веселымъ. Онъ жилъ въ бѣдности, но, не смотря на то, послалъ однажды заключеннымъ въ тюрьмахъ сто горшковъ цвѣтовъ. Онъ думалъ, что государь его не жаловалъ за смѣлыя рѣчи, которыя онъ произносилъ въ масонскихъ гложакъ, о чемъ онъ узналъ служа при генералѣ-убернаторѣ отъ членовъ тайной полиціи, которые сообщили ему выписки изъ сихъ его рѣчей. Соединяя рѣдкое благородство чувствъ съ пламеннымъ воображеніемъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, онъ не зналъ людей, а особенно двора, а потому, не соображаясь съ духомъ времени, онъ иногда въ гложакъ бывалъ неостороженъ. Помѣщаю здѣсь одно изъ писемъ его ко мнѣ, около сего времени мною полученное:

«Пожалуйте же теперь—какъ всегда бывшій и настоящій его другъ,—пожалуйте о невозвратной потерѣ его ¹⁾). Слухъ справедливъ: почтеннаго родителя его уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ.—Я видѣлъ послѣднія страданія и мирную кончину сего почтеннаго старца и съ унылымъ сердцемъ бросилъ три горсти земли въ могилу его... Тамъ будемъ и мы нѣкогда! и это нѣкогда можетъ случиться слишкомъ скоро, слишкомъ неожиданно: оно случается обыкновенно внезапно!—Жизнь со всѣмъ блескомъ надеждъ, очарованій и съ бездною страстей исчезнетъ какъ воздушное явленіе, какъ свѣтлая мечта... Андрей Терентьевъ и семейство его выѣсто утѣшителей находятъ еще притѣснителей: ломбардъ придирается къ какому-то давнему иску и тѣснить ихъ,—это творится въ любезномъ отечествѣ нашемъ: чему жъ тутъ дивиться?»

«Счастливы вы, любезнѣйшій, что можете жить съ любезною, умною

¹⁾ О комъ здѣсь говорится, въ оригиналѣ не сказано.

супругою и наслаждаться именемъ отца, сидя надъ колыбелью милого малютки!—Но еще, кажется, были бы счастливѣе, несравненно счастливѣе, когда бѣ, отбросивъ дворскія хлопоты, рѣшились пожить для себя, въ кругу неслестно любящихъ васъ.—Вы слишкомъ просвѣщенны, чтобъ видѣть счастье въ чинахъ и такъ называемыхъ отличіяхъ, а потому и не поздравляю васъ съ полученіемъ польскаго ордена.—Я бы дорого заплатилъ, когда бы нашелъ какую-нибудь возможность прервать желѣзную цѣпь необходимости, привязывающую меня противъ воли къ службѣ и всѣмъ пустымъ затѣямъ ея.

«Цѣлую съ почтеніемъ руки вашей достойной подруги, милой матери, милого малютки, котораго заочно благословляю. Безпечный счастливецъ конечно блаженнѣе въ своей колыбели, нежели батюшка при дворѣ».

Графъ Милорадовичъ далъ мнѣ прочесть любопытный докладъ его государю о скопцахъ, сей пагубной сектѣ, въ которой находится болѣе трехсотъ тысячъ человекъ во всей Россіи (въ Рязанской губерніи считали ихъ болѣе сорока тысячъ и слишкомъ десять тысячъ постоянныхъ жителей въ Петербургѣ). Вотъ сущность доклада. 1) Секта скопцовъ основывается на ложномъ толкованіи 19-й главы евангелиста Матѳея, гдѣ сказано: «что посредствомъ скопчества можно достигнуть царствія небеснаго». 2) Сія секта существовала у многихъ древнихъ народовъ: въ Россіи она началась при Петрѣ Великомъ, который противъ оной дѣлалъ гоненія, а равно императрица Анна Иоанновна. Извѣстно, что при сей государынѣ отрубили голову двумъ женщинамъ, которыя укрывали гонимыхъ скопцовъ. Въ первые годы царствованія Екатерины II-й былъ отправленъ сенаторъ Волковъ для розыска по сему предмету въ Московскую, Пензенскую и Пермскую губерніи, и въ сіе время сосланъ въ Сибирь главный начальникъ скопцовъ—купецъ Селивановъ, возвращенный изъ ссылки Павломъ Первымъ.

Императоръ Александръ издалъ три постановленія, которыя однакоже остались безуспѣшны.

3) Главныя собранія скопцовъ происходили на Литейной въ домѣ купца Солодовникова, изъ коего былъ подземельный ходъ въ другой близъ лежащій домъ, въ которомъ жили скопвшіяся женщины ¹⁾. Кромѣ сего были еще и другія мѣста, гдѣ они въ Петербургѣ собирались. Дома сіи, а особливо главный Солодовникова, денно и ночью бывали заперты, около нихъ ходили караульные, большею частію скопвшіеся солдаты, въ него не впускали иначе какъ по произнесеніи желавшими войти нѣкоторыхъ условленныхъ рѣчей или лозунга, который однако же для большей благонадежности перемежъялся еженедѣльно.

¹⁾ Свѣдѣнія эти не совсѣмъ вѣрны. См. статью „Наши мстники-сектанты“. „Русская Старина“, 1895 г., т. 84, № 10, стр. 51—93. *Ред.*

4) Они собирались въ сіи дома вечеромъ по воскресеньямъ, кружились на подобіе крымскихъ татаръ, и когда оттуда выходили, то находились въ такомъ потѣ, что волоса на головѣ и на бородѣ у нихъ бывали мокры. Они посѣщали наши церкви токмо для приличія; въ домахъ же своихъ какъ скопцы, равно и находившіеся подъ искусомъ издавали божескія почести во время служенія своего старшему изъ нихъ, именуемому спаситель или искупитель. Сіе мѣсто занималъ тогда ста четырехъ-лѣтній Селивановъ, тотъ самый, который при императрицѣ Екатеринѣ былъ сосланъ въ Сибирь и возвращенъ ея преемникомъ; главную же изъ скопившихся женщинъ они называли богородицею, пользовавшуюся равными съ искупителемъ почестями. Въ званіе сіе облечена была молодая прекрасная дѣвица, недавно пріѣхавшая изъ Москвы.

5) Они склоняютъ вступать въ секту убѣжденіями или деньгами, или обманомъ, употребляя для сего усыпительной порошокъ. Когда же ужасное дѣйствіе скопленія или обрѣзанія совершится, тогда оно производитъ сильнѣйшее потрясеніе въ человѣкѣ, отнимаетъ отъ него всю бодрость духа, дѣлаетъ его робкимъ и отдаетъ въ совершенное послушаніе его старшихъ. По окончаніи скопленія, когда человѣкъ лежитъ еще въ изнеможеніи и въ страданіяхъ, то употребляютъ страшныя заклинанія, которыя доверяютъ порабощеніе сектѣ.

6) Главною причиною существованія и распространенія секты полагаютъ то, что старѣйшины или называемые ими богачи, будучи дѣйствительно очень зажиточны, занимаются ремесломъ мѣняль и приводятъ въ движеніе несмѣтные денежные капиталы по всему пространству государства. Для перевозки оныхъ имъ нужны люди вѣрные, на которыхъ они могутъ положиться и кого же избрать имъ для сего лучше какъ не таковыхъ, которыхъ они посредствомъ скопленія лишили всѣхъ чувствованій супруга, отца, и которые не преданы пьянству, потому, что послѣ сего дѣйствія употребленіе крѣпкихъ напитковъ производитъ неминуемую смерть.

Къ сему извлеченію изъ доклада присовокуплю слова, сказанныя мнѣ графомъ Милорадовичемъ, который былъ у нихъ однажды по повелѣнію государя, и объявилъ имъ, что правительство ихъ не притѣсняетъ, но съ тѣмъ однако же, что ежели до свѣдѣнія онаго дойдетъ, что они вновь хотя одного человѣка переманяютъ къ себѣ, то они подвергнутся наказанію. Старикъ 104-хъ лѣтній Селивановъ, ихъ искупитель, изъ ума выжилъ, потому что онъ говорилъ графу Милорадовичу, что онъ, Селивановъ, изгналъ французовъ изъ Россіи. Подъ именемъ его дѣйствовали нѣкто Исаевъ и придворный лакей Копыловъ. Сей, при-

ходя въ сборище ихъ, каждый разъ приносилъ имъ поклоны отъ государя. Его сослали въ іюнѣ 1891 года въ Соловецкой монастырь ¹⁾).

Съ 1819 года великій князь Николай Павловичъ началъ присутствовать въ кабинетѣ императора Александра Павловича, при всѣхъ докладахъ военныхъ и гражданскихъ. Никто не могъ тогда вообразить, что онъ готовилъ себѣ въ немъ преемника, и слѣдственно надобно полагать, что въ тайнѣ рѣшено уже было въ царской фамиліи насчетъ отреченія цесаревича, подписаннаго, какъ послѣ стало извѣстно, въ 1820 году.

Въ сіе же время пріѣзжало въ Петербургъ посольство отъ большой киргизской орды съ предложеніемъ вступить въ подданство Россіи и подвинуть границу нашу на 500 верстъ въ степь. Въ числѣ посланниковъ находился старшій сынъ хана. Командиръ Сибирскаго корпуса Глазенапъ представилъ о выгодахъ, могущихъ произойти отъ сего распространения предѣловъ, о безопасности нашихъ каравановъ, когда будемъ имѣть въ своихъ рукахъ большую орду, о рудникахъ, открывшихся въ сей степи, и прочее. Не взирая на сіе, чиновники посольства жили въ Петербургѣ два мѣсяца прежде, нежели ихъ допустили до аудіенціи государя, и они начинали уже на сіе роптать.

29-го іюня, въ день рожденія великаго князя Николая Павловича, находясь дежурнымъ, я провелъ весь день съ царскою фамиліею въ Петергофѣ и опишу оный. По утру мы были съ государемъ у развода, послѣ у обѣдни и потомъ поздравляли вдовствующую императрицу и великую княгиню Александру Федоровну, то-есть цѣловали у нихъ руки. Въ два часа былъ обѣдъ въ Монплезирѣ, послѣ стола было отдохновеніе до семи часовъ. Тутъ мы опять собрались во дворецъ и поѣхали на линейкахъ кататься по саду: впереди ѣхалъ въ парныхъ дрожкахъ императоръ съ великимъ княземъ; мы остановились въ Марли, гдѣ приготовлена была закуска, состоявшаяся изъ чая, разнаго молочнаго и плодовъ, вдали гремѣла музыка, и государь подходилъ разговаривать съ нами; мнѣ сдѣлано было нѣсколько незначущихъ вопросовъ. Черезъ часъ мы поѣхали ужинать въ Монплезиръ; столы были накрыты на терасѣ, расположенной на морскомъ берегу; государь противъ своего обыкновенія сѣлъ тоже за ужинъ. Воздухъ былъ благоуханный, играла прекрасная музыка; морской вѣтеръ замѣнялъ прохладю своею дневной жаръ, военныя лодки маневрировали въ виду нашемъ, и съ трехъ фрегатовъ, стоявшихъ противъ насъ, пускали ракеты. Кромѣ царской фамиліи насъ находилось не болѣе двадцати человекъ, и кто не бывалъ въ подобномъ кругу, тотъ не можетъ представить себѣ не-

¹⁾ Болѣе подробнѣя свѣдѣнія о спонцахъ см. «Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей» 1870 г. Кн. III.

принужденности царской фамиліи въ обхожденіи съ нами. На семь праздникѣвъ я получилъ позволеніе государя ѣхать на встрѣчу моему семейству, возвращавшемуся изъ Москвы. Я сѣлъ на другой день на перекладную телѣжку и встрѣтилъ его въ Крестцахъ.

23-го іюля государь отправился въ Архангельскъ, а оттуда черезъ Петрозаводскъ и Улеаборгъ въ Торнео. Возвратился въ Петербургъ 4-го сентября, прожилъ въ столицѣ три дня и поѣхалъ въ Варшаву, откуда прибылъ обратно въ Петербургъ 13-го октября, наканунѣ рожденія вдовствующей императрицы. Это было первое высочайшее путешествіе, въ которое меня не взяли. Я приписывалъ это, какъ выше сказалъ, ненависти нѣкоторыхъ придворныхъ. Счастливыѣ ли они отъ того сдѣлались, не знаю, но по крайней мѣрѣ я сокрушался, видя, что я былъ обнесенъ безъ вины въ глазахъ того монарха, котораго боготворилъ и о которомъ теперь по прошествіи многихъ лѣтъ послѣ его кончины не могу помыслить безъ слезъ.

По отъѣздѣ государя изъ Петербурга остался я совершенно свободнымъ и занялся чтеніемъ разныхъ бумагъ относительно царствованія императора Павла, между прочимъ я сдѣлалъ извлеченіе изъ и наиболѣе интересныхъ приказовъ по арміи, отданныхъ императоромъ Павломъ со дня вступленія его на престолъ до 1-го генваря 1801 года.

Правленіе его какъ грозный метеоръ явилось на горизонтѣ Россіи; дѣйствія его были тѣмъ поразительнѣе, что они слѣдовали за вѣкомъ Екатерины, исполненнымъ кротости и благоразумія. Россія начинала уже вкушать плоды узаконеній, изданныхъ сею государынею, посредствомъ коихъ упрочивалось просвѣщеніе, насажденное Петромъ Великимъ; постоянныя правила ея, отъ которыхъ она рѣдко устранилась, поселили повсемѣстную тишину и спокойствіе; какъ вдругъ при преемникѣ ея владычество законовъ начало уступать мѣсто своеволію; исчезло уваженіе къ долговременной службѣ, порождающее соревнованіе; несоразмѣрныя наказанія за легкіе проступки дѣйствовали вопреки дворянской грамотѣ; люди безъ заслугъ, безъ способностей возводимы были на первыя ступени почестей, и безпрестанно выходили новыя постановленія, верѣдко одни другимъ противорѣчущія. Но ни въ одной отрасли государственнаго управленія перемѣны не были столь внезапны, часты и ощутительны, какъ по военной части, находившейся подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ самаго императора, и которыя посему могутъ послужить лучшимъ мѣриломъ для изображенія духа его царствованія. Хотя государь намѣренъ былъ только дать другой видъ арміи и образованію ея и искоренить нѣкоторыя вкравшіяся въ оное злоупотребленія, но мѣры къ сему приняты были столь крутыя, что составъ арміи въ четыре года совсѣмъ перемѣнился, что почти всѣ заслуженные

генералы, большею частію покрытые славою, были поруганы и устранены, а мѣста ихъ заняли люди ничтожныя, изъ коихъ почти ни одинъ не слыхалъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Чтобы изобразить духъ сего правленія, я составилъ выписки изъ приказовъ, отданныхъ по арміи со дня вступленія на престолъ императора до 31-го декабря 1800 года, приказовъ же съ 1-го января 1801 года до кончины его я не имѣлъ. Я выбралъ изъ нихъ тѣ, которые носятъ на себѣ особенный отпечатокъ странности. Въ нихъ заключается лучшая характеристика сего времени, а потому я счелъ излишнимъ присовокуплять къ нимъ пространныя замѣчанія. Руководствуясь безпристрастіемъ, я не упустилъ изъ вида чертъ, служащихъ къ чести государя. Я помѣстилъ также приказы, которые по какой-либо причинѣ показались мнѣ любопытны, и слѣдовалъ хронологическому порядку, въ которомъ приказы отдаваемы были.

Вотъ эти приказы:

1796-й годъ.

7-го ноября. «Камеръ-пажъ Нелидовъ производится въ маіоры, 9-го того же мѣсяца въ подполковники, 1-го января 1797 года въ полковники, 21-го того же мѣсяца въ генераль-адъютанты, а 3-го мая 1798 года въ тайные совѣтники».

Такое скорое производство изъ пажей въ генералы нарушало всѣ принятыя до того правила въ повышеніи чиновъ, оно было обидно старымъ служивымъ и пагубно для службъ.

20-го ноября. «Отставной гвардіи капитанъ Измайловъ въ генераль-поручики, а 26 октября 1798 года въ дѣйствительные тайные совѣтники».

Сія награда дѣлаетъ честь сердцу государеву, потому что Измайловъ былъ преданъ родителю его. Оную можно уподобить нѣкоторымъ образомъ съ пожалованіемъ Лагарпу въ чинъ полковника Ордена Св. Андрея Первозваннаго.

1-го декабря. «Генераль Вязмитиновъ назначается военнымъ губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскъ, черезъ два дня, то-есть 3-го декабря, въ Кіевъ въ военные губернаторы, а черезъ пять недѣль, то-есть 13-го января его же опредѣлили комендантомъ въ С.-Петербургскую крѣпость».

Толь постыжное перемѣщеніе съ одного мѣста на другое показываетъ, что императоръ или не дорожилъ званіемъ военнаго губернатора, въ каковомъ случаѣ надлежало ихъ уничтожить, что впоследствии преемникомъ его и сдѣлано, или же оно доказываетъ съ другой стороны, сколь намѣренія его были неословательны и непостоянны.

15-го декабря. «Учреждается во дворцѣ тактической классъ для штабъ и оберъ-офицеровъ; за онымъ надзираеть генераль-маіоръ Аракчеевъ, а уроки преподаеть полковникъ Канабихъ».

Въ семъ тактическомъ классѣ, собиравшемся въ такъ называемой Бѣлой залѣ Зимняго дворца, объясняли новый воинской уставъ. Императоръ ежедневно посѣщаль оный и вызываль учащихся предлагать ему самому вопросы въ такихъ случаяхъ, когда слушателямъ казалось что-либо неясно; онъ любилъ, чтобы кромѣ офицеровъ приходили въ сей классъ и генералы. Фельдмаршалъ князь Репнинъ въ угодность его пропускаль рѣдко сіи засѣданія. Смѣшно было видѣть полководцевъ Екатерины, получавшихъ уроки въ военномъ дѣлѣ отъ гатчинскихъ офицеровъ, не бывавшихъ на войнѣ. Канабиху, учителю сего класса, черезъ годъ послѣ того, а именно приказомъ 2-го февраля 1798 года, отказано отъ команды за частые безпорядки, а Аракчеевъ никогда не былъ военнымъ человѣкомъ. Сверхъ того нововведенной уставъ былъ наполненъ тысячами мелочныхъ подробностей, отъ которыхъ пострадало множество заслуженныхъ генераловъ, ибо ихъ выключали изъ службы или дѣлали имъ выговоры въ приказахъ за незнаніе службы, то-есть за незнаніе сего устава, чтѣ мы вскорѣ изъ приказовъ увидимъ.

21-го декабря. Трехдневной трауръ по фельдмаршалѣ графѣ Румянцовѣ-Задунайскомъ. Достоянная почеть великаго полководца.

1797-й годъ.

1-го генваря. «Его императорское величество желаетъ на сей новый годъ всему войску всякаго благополучія».

12-го генваря. «Спросить штабъ-ротмистра графа Шувалова, желаетъ ли онъ служить, ибо его императорское величество можетъ обойтись и безъ него».

Съ 15-го генваря по 6-е февраля, то-есть въ теченіе трехъ недѣль, какъ ниже сего значить, въ четырехъ различныхъ приказахъ сдѣланы неприятности безсмертному Суворову, а наконецъ пятымъ онъ отставленъ отъ службы. Какое уваженіе могли требовать прочіе военные, когда съ покорителемъ Измаила и Праги поступали такимъ образомъ, а именно: 15-го генваря, выговоръ Суворову за самовольный отпускъ полковника Батурина. 23-го генваря ему же выговоръ за присылку офицера курьеромъ безъ всякаго дѣла, 27-го того же мѣсяца Суворову быть безъ команды и прибыть въ Петербургъ, 30-го января находящихся при Суворовѣ адъютантовъ Тищенкова и Мандрыкова взять

прочь; 5-го февраля, Суворовъ отнесся его императорскому величеству, что такъ какъ нѣтъ войны и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы.

3-го февраля. Выключаются изъ службы 5 генераль-майоровъ, 13 бригадировъ, 29 полковниковъ, 2 подполковника и 5 майоровъ. Не сказано, за какую вину толь значительное число заслуженныхъ офицеровъ отставлены отъ службы.

7-го февраля. «Полковникъ Арсеневъ назначается въ учителя въ лейбъ-гренадерскій полкъ». Новое званіе учителя, не извѣстное до того въ російской арміи.

26-го февраля. «Генераль-лейтенантъ фонъ-деръ-Паленъ за почести и встрѣчи, дѣлаемые партикулярнымъ людямъ, какъ то при проѣздѣ князя Зубова чрезъ Ригу и за отлучку безъ позволенія въ Митаву для провожанія его, выключается изъ службы».

Всѣ приказы, отданные въ мартъ, апрѣль и май мѣсяцахъ, наполнены множествомъ выключенныхъ изъ службы, нѣкоторые изъ нихъ приняты были опять въ непродолжительномъ времени; казалось, что это дѣлалось какъ будто нарочно, чтобы разстроить армію.

Достойно примѣчанія, что большая часть генераловъ, преимущественно отличившихся въ войнѣ 1812 года, были выключены въ царствованіе Павла, какъ-то: Беннигсенъ, Тормасовъ, Сакенъ, Ламбертъ, Коновницынъ, Дохтуровъ, Вагговуть, Ермоловъ и другіе. Императоръ имѣлъ конечно особенную страсть входить въ самыя мелочи военного распорядка, ибо въ приказахъ объявлялось разрѣшеніе отлучаться въ отпускъ на три и на два дня и даже на одинъ день, а ротныхъ командировъ не велѣно было, приказомъ 13-го февраля 1800 года, вопреки полковничей инструкціи, назначать безъ высочайшаго соизволенія.

Изъ приказовъ, отданныхъ во второй половинѣ сего года, видно, что неудовольствіе къ новому роду военной службы начало повсемѣстно обнаруживаться. Сіе можно заключить изъ великаго числа различныхъ чиновъ, выходившихъ въ отставку: напримѣръ 9-го сентября уволены въ одинъ день три полныхъ генерала, 3 генераль-лейтенанта и 9 генераль-майоровъ; 16-го сентября вышло въ одинъ же день въ отставку 68 оберъ и унтеръ-офицеровъ гвардейскихъ полковъ, 26-го числа—90 гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ, а 17-го октября—120 унтеръ-офицеровъ Преображенскаго полка. Это были не недоросли, ибо сихъ послѣднихъ при началѣ царствованія уже выключили. Около сего же времени вышли въ отставку фельдмаршалъ графъ Эльмптъ, адмиралъ Чичаговъ, заслуженный генераль графъ Каменскій, побѣдитель Костюшки Ферзенъ, Деволанъ и многіе другіе. Кстаті скажу, что графъ Милорадовичъ, бывший въ то время капитаномъ Измайловскаго полка, рѣшился тоже покинуть службу и уже просьба его была написана, но убѣжденіями отца

моего, коего совѣтами руководствовался, онъ отмѣнилъ свое намѣреніе.

Обращеніе съ генералами и офицерами должно было вселять въ нихъ ненависть къ службѣ, ибо, не взирая ни на чины, ни на заслуги, объявляемы были выговоры, напримѣръ: 25-го іюля генералу-отъ-кавалеріи Дерфельдену за то, что берейторъ его полка былъ командированъ для принятія на полѣхъ овса. Февраля 3-го 1799—Кутузову, впоследствии князю Смоленскому—выговоръ за присылку въ Петербургъ квартирмейстера безъ позволенія его величества. 26-го февраля 1798 г. таковой же адмиралу Пушкину, 5-го октября того же года Дюку-де-Ришелье за незнаніе какъ принимать штандарты.—27-го ноября того же года выговоръ генералу-отъ-инфантеріи Каховскому, а 17-го октября 1800 года адмиралу Ушакову. Я могъ бы до безконечности распространить сіи примѣры, но заключу, сказавъ, что фельдмаршалу графу Салтыкову было объявлено три выговора, первый 14-го іюня 1797, второй 3-го іюня 1799, за ослабленіе и беспорядокъ команды его въ упущеніи арестанта, и наконецъ третій 24-го января 1800 за незнаніе службы. Даже мертвому былъ сдѣланъ однажды выговоръ, а именно умершему генералу Врангелю въ примѣръ другимъ. Это случилось 8-го февраля 1800. Слѣдующіе три приказа свидѣтельствуютъ, что не щадили выражений въ отношеніи къ офицерамъ. 11-го февраля, одинъ офицеръ отставленъ за безобразное поведеніе, 19-го сентября двое за безобразную драку, а 20-го сентября князь Хилковъ за пьянство, въ которомъ его находили безъ просыпу.

6-го октября. Его императорское величество повелѣлъ выбрать изъ Преображенскаго полка рядовыхъ, которые не хотятъ въ томъ полку служить, для отсылки ихъ въ Томскій гарнизонъ. Должно изъ сего заключить, что и солдаты начали роптать на службу.

10-го ноября. «Мичманъ Фейшъ, просившійся въ отпускъ въ Англію, отставляется отъ службы». Это былъ англичанинъ, желавшій посѣтить свое отечество; не довольно ли было отказать ему въ просьбѣ его?

15-го ноября. Генералъ-майоръ Обрезковъ назначается шефомъ Нарвскаго драгунскаго полка, а на другой день шефомъ лейбъ-Кирасирскаго полка. Отъ сихъ частыхъ и одна за другою слѣдовавшихъ перемѣнъ въ назначеніи начальниковъ полковъ происходили великіе беспорядки, тѣмъ болѣе, что полки не имѣли тогда, какъ нынѣ, постоянныхъ названій и носили имена своихъ шефовъ, а какъ ихъ смѣняли иногда прежде, нежели они доѣзжали до своего назначенія, то встрѣчались не рѣдко недоумѣнія въ названіи полковъ.

Можно изъ слѣдующаго приказа видѣть, до какой степени простиралось неустройство арміи.

26-го декабря. «Полковникъ Тиньковъ выключается изъ службы

вслѣдствіе рапорта его о неотысканіи имъ гарнизоннаго полка, коего онъ былъ назначенъ шефомъ».

14-го декабря—дворянамъ, поступающимъ на службу, болѣе трехъ мѣсяцевъ не отправлять должности рядоваго, а по прошествіи сего времени производить въ унтеръ-офицеры. Казалось, что въ семъ приказѣ заключалось нѣкоторое вниманіе къ дворянству, но въ окончаніи сего же самого приказа находится явное нарушеніе дворянской грамоты, а именно: около двухсотъ унтеръ-офицеровъ гвардейскихъ изъ дворянъ переведены въ армію и гарнизоны прапорщиками съ тѣмъ, чтобы до будущаго года отъ нихъ не принимать прошеній въ отставку.

1798-й годъ.

1-го генваря. «Государь императоръ повелѣлъ наслѣднику всероссійскому предсѣдательствовать въ военномъ совѣтѣ; сіе дѣлается за трудъ его въ благодарность».

22-го генваря. «Генераль-маіоръ Баршовъ исключается изъ службъ за то, что онъ отъ ябни не захотѣлъ ѣхать въ Усть-Каменогорскъ и служить».

23-го октября. «Его императорское величество всѣмъ шефамъ полковъ корпуса генерала Розенберга за основаніе порядка службы и приведеніе оной въ желаемое его величествомъ совершенство изъявляетъ свое благоволеніе и признательность, солдатамъ же объявляетъ, что увѣренъ будучи въ ихъ непоколебимой вѣрности, усердіи и храбрости, увѣренъ заранѣе и въ предстоящихъ новыхъ подвигахъ и побѣдахъ ихъ на истребленіе враговъ вѣры и благочестія всемірнаго». Прекрасно! и нельзя было отпустить войскъ въ Италію съ приличнѣйшимъ къ нимъ воззваніемъ.

Не менѣе похвалы заслуживаетъ и слѣдующій приказъ 2-го ноября. «Его величество объявляетъ высочайшее благоволеніе сухопутнаго кадетскаго корпуса кадетамъ, и при томъ сколь утѣшительно было его императорскому величеству видѣть надежду государства въ молодомъ дворянствѣ, приготавлиющемся на службу».

1799-й годъ.

15-го февраля. «Штабъ-ротмистръ Бороздинъ сажается въ крѣпость на хлѣбъ и на воду на шесть недѣль за хвостовство, что онъ будетъ пожалованъ флигель-адъютантомъ».

26-го марта. «Корнетъ Ушаковъ въ уваженіе заслугъ отечеству, оказанныхъ дядею его адмираломъ Ушаковымъ, переводится въ гвардію».

Этотъ приказъ мнѣ показался любопытнымъ, потому что въ немъ помѣщено слово «отечество», которое подписками запрещено было произносить.

24-го августа. «Его императорское величество въ благодарность подвиговъ князя Суворова повелѣваетъ гвардіи и всѣмъ російскимъ войскамъ, даже и въ присутствіи государя, отдавать ему всѣ воинскія почести подобно отдаваемымъ особѣ его императорскаго величества».

1-го октября. Аракчеевъ за ложное донесеніе о беспорядкахъ и что въ противность устава наряжалъ дежурнаго штабъ-офицера изъ другаго баталіона, а не изъ того, который стоялъ тогда въ караулѣ, отставляется отъ службы.

24-го октября. «Генераль-маіоръ Арбенева за трусость, оказанную противъ непріятеля, гдѣ онъ, оставя вѣреннѣйшій ему полкъ, самъ удалился за 40 верстъ отъ мѣста сраженія, исключается изъ службы». Удивительно, какъ за столь великую вину, подвергавшую Арбенева всей строгости законовъ, назначено ему было такое наказаніе, которое опредѣлялось императоромъ ежегодно нѣсколькимъ сотнямъ генераловъ, изъ коихъ большая часть пострадала за такъ называемое незнаніе службы, выраженіе самое неопредѣлительное. Ежели бы Арбенева въ царствованіе Александра бѣжалъ съ поля сраженія, то и сей монархъ, котораго доброта составляла отличительную черту въ характерѣ, наказалъ бы его жестоко, чему служитъ примѣръ генераль-маіора Лошакова, бѣжавшаго изъ-подъ Аустерлица, который былъ разжалованъ въ солдаты и принужденъ былъ нѣсколько лѣтъ нести тягостную службу рядоваго».

1-го ноября. Выключаются изъ службы раненные и въ плѣнъ попавшіеся.

1800-й годъ.

8-го генваря. Выговоръ двумъ генераламъ за неосновательность мнѣній ихъ по судному дѣлу; судья за голосъ свой не долженъ подвергаться отвѣтственности.

5-го марта. Генераль-лейтенантъ Стояновъ за пьянство выключается.

4-го марта. Увольняются отъ службы 7 генераль-лейтенантовъ и 28 генераль-маіоровъ.

7-го марта. Одинъ полный генералъ, 8 генераль-лейтенантовъ и 22 генераль-маіора; 8-го того же мѣсяца, два полныхъ генерала, одинъ генераль-лейтенантъ и 7 генераль-маіоровъ вышли въ отставку; на

мѣста сихъ уволенныхъ производили новыхъ генераловъ, и утвердительно можно сказать, что въ два года царствованія Павла составъ арміи совсѣмъ измѣнился.

8-го марта. «Генераль-отъ-кавалеріи Денисовъ за проволочку дѣла исключается».

Съ сего времени начинается цѣлый рядъ приказовъ, отданныхъ противъ Италійскаго героя, котораго древній Римъ встрѣтилъ бы съ торжествомъ и котораго слава, не взирая на неблагодарность Павла, промчится изъ вѣка въ вѣкъ.

20-го марта. «Генералиссимусъ князь Суворовъ вопреки изданнаго устава имѣлъ при корпусѣ своемъ по старому обычаю непремѣннаго дежурнаго генерала, что и дается на замѣчаніе всей арміи».

22-го марта. «Его императорское величество съ крайнимъ неудовольствіемъ замѣчаетъ по возвращающимся полкамъ, сколь мало г.г. инспекторы и шефы прилагали старанія къ сохраненію службы въ такомъ порядкѣ, какъ его императорскому величеству угодно, и слѣдственно виднѣтъ, сколь мало они усердствовали въ исполненіи его воли и службы».

17-го апрѣля. Сына Суворова изъ генераль-адъютантовъ, въ кои онъ пожалованъ былъ во время Италійскаго похода, опредѣлить попрежнему въ камергеры.

25-го апрѣля. Взять у Суворова его адъютантовъ.

23-го марта. Въ донесеніяхъ къ его императорскому величеству не писать слово «стража», а употреблять слово «караулъ». Того же числа. «Его императорское величество усматриваетъ по присылаемымъ въ гвардію изъ полковъ людямъ, что во многихъ полкахъ люди имѣютъ позитуру, болѣе сходную для кулачнаго боя, нежели приличнаго для солдата, что и сегодня замѣчено особливо съ людьми полка генераль-маіора Хитрова, которые были такъ задерганы, что отъ нихъ нельзя было добиться слова».

8-го апрѣля. Семи полкамъ, потерявшимъ знамена, впредь знаменъ давано не будетъ.

2-го мая. «Штабсъ-капитанъ Киричичиковъ разжаловывается съ прогнаніемъ спирутенами сквозь тысячу человѣкъ разъ». Жесточай сего приказа не было ни одного въ царствованіе Павла.

26-го мая. Генераль-лейтенантъ Гагенмейстеръ какъ негодный къ службѣ исключается.

Вообще въ первые восемь мѣсяцевъ сего года императоръ сдѣлался строже обыкновеннаго, ибо каждый приказъ наполненъ выговорами и выключками, не рѣдко сопряженными съ бранными словами; напримѣръ, кто повѣритъ своимъ глазамъ, читая приказъ 10-го августа, чтобы это была истина; въ немъ сказано: «генераль-маіоръ Михельсонъ за совершенное незнаніе службы, за глупость и какъ недостойный сего

званія исключается изъ службы», а 4-го сентября его опять приняли въ оную. Между прочимъ въ сіе время, а именно въ іюнѣ мѣсяцѣ выключены Дохтуровъ, Левизъ и убитый въ Тарутинскомъ сраженіи безстрашный Багговутъ; сей послѣдній былъ выключенъ за названіе юнкеровъ подпрапорщиками.

9-го августа. Выговоръ войскамъ за маневры; въ приказѣ о семъ значится: что конечно точно такое же неисполненіе и оплошность генераловъ были причиною потерянныхъ сраженій въ Швейцаріи и Голландіи.

10-го августа. «Его императорское величество дѣстъ на замѣчаніе генераламъ финляндской инспекціи, что видѣли они сами, сколь далеко они и отъ того даже, чтобы быть имъ генералами посредственными, и что она пока будутъ таковы, вездѣ конечно и всѣми будутъ биты».

Въ семъ году императоръ, недовольный союзомъ своимъ съ Англіею и съ Австріею, намѣренъ былъ, какъ извѣстно, объявить имъ войну. Мы привыкли видѣть, что приготовленія къ походамъ дѣлаются съ величайшею тайною и не можемъ надивиться, съ какою откровенностію въ таковыхъ случаяхъ поступалъ Павелъ; онъ въ приказахъ объявлялъ заблаговременно, чтобы были готовы флоты и арміи. Уже въ 1799 г. отдано было въ приказѣ отъ 19-го апрѣля слѣдующее: по случаю вооруженія въ Свеаборгѣ шведской флотиліи его императорское величество за нужное находить командировать на шведскую границу полки и и прочее; въ 1800 году въ приказѣ 10-го августа сказано: къ открытію будущей кампаніи приготовить изъ Балтійскаго флота 29 линейныхъ кораблей. Въ семъ августѣ мѣсяцѣ объявлено о составленіи разныхъ армій, сперва двухъ подъ командою Кутузова на Волыни и Палена въ Литвѣ, а въ октябрѣ мѣсяцѣ присвокуплена еще третія армія подъ командою графа Салтыкова у Витебска и обнародовано расположеніе войскъ, которыя были размѣщены отъ Финляндіи, по берегамъ Балтійскаго моря, на границахъ Пруссіи и Австріи.

Съ сего времени по необходимости ли ласкать военныхъ по случаю предстоявшей войны или по какой другой причинѣ приказы становятся снисходительнѣе, такъ напримѣръ: 8-го сентября объявлена благодарность Кутузову и Палену за маневры и сказано по обыкновенію страннымъ слогомъ: «что подъ начальствомъ таковыхъ генераловъ, которыхъ качества и таланты, дѣйствуя таковыми войсками и націи, какова російская, не могутъ не утвердить и не обезпечить безопасности и цѣлости государства».

27-го сентября. Взятые въ плѣнъ, которые были выключены изъ службы, опять въ оную приняты; въ числѣ ихъ находился и Сакенъ, бывший потомъ губернаторомъ Паряжа.

6-го ноября, императоръ объявилъ совершенную благодарность всѣмъ

служащимъ за усердіе и вѣрность, оказанныя ими въ четырехлѣтнее царствованіе его.

Въ приказѣ семь упомянуто также о прекрасномъ поступкѣ прапорщика Багговута, который въ Голландіи на мѣстѣ сраженія поднять за-мертво, обернутый въ знамя.

20-го ноября генераль-аудитору князю Салагову выговоръ за употребленіе слова «канцелярія», коего не существуетъ.

Въ приказахъ, отданныхъ въ исходѣ ноября, встрѣчается уже весьма мало разжалованныхъ и выключенныхъ, но напротивъ того нѣсколько сотъ изъ отставленныхъ офицеровъ и генераловъ приняты опять въ службу. Даже снисхожденіе сіе распространилось и на трехъ братьевъ Зубовыхъ, которые въ исходѣ ноября вошли въ милость, призваны были въ Петербургъ и каждый изъ нихъ получилъ назначеніе.

Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.

Кн. Бисмаркъ и Россія.

Союзъ Германіи съ Австріей и Италіей. — Дальнѣйшія послѣдствія образованія тройственнаго союза. — Мнѣніе фельдмаршала графа Мольтке. — Движеніе Германіи на Востокъ. — Помощники князя Бисмарка, служившіе въ Турціи.

30-го іюля 1898 года умеръ кн. Бисмаркъ, котораго нѣмцы считают своимъ національнымъ героемъ и сравниваютъ его заслуги съ дѣятельностью Лютера и Фридриха Великаго. Онъ осуществилъ идею германскаго единства, создалъ Германскую имперію и обезпечилъ ей привилегированное положеніе среди первыхъ державъ міра. Германскій канцлеръ почилъ не въ шумной столицѣ, а въ тиши своего Фридрихсруа, гдѣ подъ сѣнью вѣковыхъ дубовъ онъ и при жизни искалъ успокоенія отъ политическихъ тревоженій. Онъ самъ завѣщалъ похоронить его не въ Берлинѣ, а на высотахъ Тевтобургскаго лѣса, въ старой саксонской землѣ, гдѣ Германикъ сражался съ римлянами, гдѣ шла исконная борьба славянъ съ нѣмцами.

Въ концѣ ноября вышли въ свѣтъ его посмертныя «Мысли и воспоминанія»¹⁾, своего рода политическое духовное завѣщаніе, оставленное германскому народу первымъ канцлеромъ объединенной Германіи. Внѣшняя политика — важнѣйшая сфера дѣятельности князя Бисмарка — въ нихъ на первомъ планѣ, и объ отношеніяхъ къ Россіи князь Бисмаркъ говоритъ чаще, чѣмъ о какой бы то ни было другой державѣ. «Съ Франціей — пишетъ онъ — мы никогда не можемъ жить въ мирѣ, съ Россіей у насъ никогда не будетъ повода вести войну», т. е. другими словами онъ совѣтовалъ поддерживать дружбу съ Россіей. Нѣкоторые органы печати (преимущественно англійской) обратили особенное вниманіе на этотъ завѣтъ князя Бисмарка, которому, если бы слѣдовалъ новый курсъ, то, быть можетъ, дѣло не дошло бы до формаль-

¹⁾ Напечатанныя въ приложеніи къ „Русской Старинѣ“.

наго союза Россіи съ Франціей. На самомъ же дѣлѣ ни въ мемуарахъ князя Бисмарка, ни въ его виѣшней политикѣ не можетъ быть и рѣчи о его дружественномъ расположеніи къ Россіи. Никогда его международная политика не опиралась на личные симпатіи или антипатіи, вездѣ и всегда у него было одно руководящее начало—національные интересы собственнаго отечества, т. е. Пруссіи, а затѣмъ Германіи. Если онъ сочувствовалъ идеѣ господства нѣмцевъ въ Австріи, а мадьяръ въ Венгріи, если онъ совѣтовалъ поддерживать дружественныя сношенія съ Россіей, то только лишь потому, что считалъ это выгоднымъ для Германіи. Другой логики холодный умъ желѣзнаго канцлера не зналъ и не признавалъ. Дабы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только остановиться на изученіи происхожденія тройственнаго союза между Германіей, Австро-Венгріей и Италіей. Исторія этого союза важна не только для характеристики отношеній Бисмарка къ Россіи, но и для правильнаго выясненія его взглядовъ на восточный вопросъ. Только благодаря миру съ Россіей, подъ защитою союза съ Австро-Венгріей и Италіей нѣмцы могутъ прочно утвердиться въ Турціи и завоевать рынки востока отъ береговъ Средиземнаго моря до границъ Персіи.

9-го марта 1880 года кн. Бисмаркъ въ разговорѣ съ Бушемъ такъ высказался о происхожденіи идеи союза Германіи съ Австріей: «Я всегда,—говоритъ онъ ¹⁾,—хотѣлъ вступить въ соглашеніе съ Австріей, и мысль объ этомъ приходила мнѣ въ голову еще въ 1852 г., когда существовалъ еще германскій союзъ. Мой планъ состоялъ тогда въ томъ, чтобы на одна Австрія задавала тонъ въ Германіи и не угнетала бы Пруссіи, связывая ее по рукамъ и по ногамъ, но чтобы Австрія содѣйствовала Пруссіи занять въ союзѣ положеніе, которое позволяло бы ей во виѣшнихъ отношеніяхъ развивать свои силы, отражать нападенія и притязанія, угрожающія ей со стороны сосѣднихъ державъ. Вы знаете политику Шварценберга до сейма князей. Они не хотѣли иначе, какъ все имѣть. Ради самоподдержанія мы должны были доказать на практикѣ, что они ошибались въ томъ, что мы обязаны были подчиняться имъ при всѣхъ обстоятельствахъ. Тогда мы воспользовались (первымъ) случаемъ (въ 1866 г.), выгнали ихъ (т. е. австрійцевъ) вонъ (изъ союза) и устроили съ другими соглашеніе на выгодныхъ условіяхъ. Затѣмъ я снова сталъ подумывать о томъ, чтобы съ ними примириться въ 1870 г., но съ Бейстомъ ничего нельзя было предпринять, и мои начинанія оставались безуспѣшными. Болѣе готовности (къ союзу) выказалъ Андраши ²⁾, и моя давняя мысль теперь въ виду измѣнившихся

¹⁾ Busch M. „Tagebuchblätter“ Leipzig zw. B., 566.

²⁾ Юлій гр. Андраши (р. 8-го марта 1823 г.) съ 15-го ноября 1871 г. былъ

отношеній должна была принять другую форму. Я хотѣлъ союза гласнаго, выраженнаго въ формѣ закона, нерасторжимаго иначе, какъ монархами, союзнымъ совѣтомъ и рейхстагомъ—у насъ, а въ Австро-Венгрии—(представительствомъ) Цис- и Транс-Лейтани. Но вотъ вспыхнула русско-турецкая война, потомъ Берлинскій конгрессъ и приведеніе въ исполненіе состоявшагося соглашенія. Въ Петербургѣ хотѣли, чтобы мы поддерживали ихъ интересы и притязанія, но это было невозможно, къ тому же не дешево и опасно. Тогда они (русскіе) начинаютъ повелительно съ нами обращаться, говорить свысока и даже съ угрозами. Я могъ себѣ объяснить подобный образъ дѣйствія лишь тѣмъ, что между Петербургомъ и Вѣной или состоялось соглашеніе, или таковое готовится», но въ Гаштейнѣ гр. Андраши заявилъ Бисмарку, что подобнаго соглашенія не существовало.

Главными мотивами, побудившими князя Бисмарка пойти на заключеніе союза съ Австріей, были требованія практическаго характера, т. е. необходимость усилить средства обороны Германской имперіи и ограничить предѣлы возможной противъ нея коалиціи европейскихъ державъ ¹⁾. Выборъ поэтому былъ ограниченъ: о сближеніи съ Франціей пока нельзя было думать, Англія по характеру своей конституціи не могла вступать въ прочные союзы съ иностранными державами, Россія въ 1875 году показала, что она можетъ принять угрожающее положеніе въ виду дальнѣйшихъ поползновеній къ нарушенію европейскаго равновѣсія, сближеніе съ Италіей само по себѣ могло еще болѣе возстановить Австрію и изъ страха заставить послѣднюю вступить въ соглашеніе съ Россіей. Отъ проникательнаго взгляда германскаго канцлера не могло ускользнуть подготовлявшееся сближеніе Россіи съ Франціей, переговоры генерала Обручева въ Парижѣ и параллельно съ этимъ возростающая въ Россіи антипатія къ нѣмцамъ. Въ частности кн. Бисмаркъ внимательно слѣдилъ и за тѣмъ, что происходило по ту сторону германской границы, въ губерніяхъ Царства Польскаго. Этотъ край, врѣзывающійся клиномъ въ середину Западной Европы, крайне невыгодно расположенный въ стратегическомъ отношеніи и экономически испытывающій на себѣ вліяніе германской промышленности и капиталовъ—обращалъ на себя серьезное вниманіе русскаго правительства. Вооруживъ Германію съ ногъ до головы, Бисмаркъ былъ недоволенъ, что и другія державы, Франція и Россія, шли по тому же пути. Особенно его раздражало миролюбіе императора Вильгельма, не раздѣлявшаго опасеній своего канцлера. «Нашъ императоръ,—говорилъ Бисмаркъ Бушу 6-го октября съ

мин. ин. дѣлъ, участвовалъ въ 1872 г. въ заключеніи тройственнаго союза, а въ 1878 на Берлинскомъ конгрессѣ. Въ октябрѣ 1879 г. вышелъ въ отставку, скончался 18 февр. 1890 г.

¹⁾ „Gedanken und Erinnerungen“ von Otto Fürst von Bismarck, zw. B., S. 234

нѣкоторымъ раздраженіемъ,—ничего не видитъ и не слышитъ. Никакія представленія и доказательства ничего не могутъ съ нимъ подѣлать. Въдѣ поѣхалъ же онъ въ Александрово, хотя я его неоднократно отговаривалъ. Въ Россіи вооружаются чрезвычайно сильно ¹⁾, увеличили армию на 400 тыс. человекъ, т. е. комплектъ нѣмецкой арміи въ мирное время. Они могутъ теперь выставить 24 новыхъ дивизіи. Кромѣ того вблизи (границъ) стоитъ масса кавалеріи, съ которой они могутъ явиться къ намъ черезъ три дня. Отчеты объ этомъ достовѣрны, и императору они извѣстны, но онъ ничему не вѣритъ и не усматриваетъ опасности. Тогда противъ кого же направлены эти вооруженія? Въ Петербургѣ говорятъ, что Константинополь долженъ быть завоеванъ въ Берлинѣ. Другіе говорятъ, что нужно идти на Вѣну, а путь туда лежитъ черезъ Берлинъ. Умнѣйшіе изъ 42 милл. нѣмцевъ согласились бы охотнѣе всего (на союзъ) съ Россіей или Австріей, но если выбирать изъ нихъ, то все склоняется на сторону Австріи: причины національныя и другія основанія. Тамъ 9 или 10 милліоновъ нѣмцевъ, и венгры на нашей сторонѣ, да и чехи не желаютъ обрусѣнія. Если бы Австрія стала вполнѣ славянскою (державою)—Россія все-таки сама по себѣ сильна ²⁾, и мы не можемъ быть ей много полезны. Австрія же, слабѣйшая изъ обѣихъ державъ, союзникъ все-таки хорошій, и мы можемъ много ей принести пользы. Она можетъ служить опорой и въ моей политикѣ мира ³⁾. Если же мы съ нашими двумя милліонами солдатъ станемъ спиной къ спинѣ въ одно каре, то они (т. е. русскіе) признаются нарушить миръ» ⁴⁾.

Нельзя сказать, чтобы кн. Бисмаркъ не сознавалъ и слабыхъ сторонъ союза Германіи съ Австро-Венгріей. Сюда относятся: разноплеменный составъ Австро-Венгріи и опасенія, что нѣмецкій элементъ (съ усиленіемъ славянскаго) потеряетъ то преобладающее положеніе, какое онъ занималъ въ исторіи этого государства ⁵⁾. Кн. Бисмаркъ не сочувствовалъ усиленію политическаго вліянія поляковъ и въ общемъ не одобрялъ въ этомъ направленіи политики Франца-Иосифа. «Австрія вовсе не какой-нибудь карпъ, который можно приготовить подъ польскимъ соусомъ» ⁶⁾. Но какъ бы то ни было, въ славянахъ онъ усматривалъ будущихъ враговъ своего союза, которые скажутъ Германіи: «оп не

¹⁾ Ср. рѣчь Бисмарка 6-го февраля 1888 г. на ту же тему (Polit. Reden XII, 440; Gedanken II, XXX).

²⁾ Другія основанія приведены въ „Мысляхъ и воспоминаніяхъ“. См. приложение къ „Русской Старинѣ“.

³⁾ Напримѣръ въ мирномъ экономическомъ завоеваніи востока.

⁴⁾ „Tagebuchblätter“, II, S. 562.

⁵⁾ „Gedanken und Erinnerungen“, II, 235

⁶⁾ „Bismark über Oesterreich“, въ „Berl. Tageblatt“, 3 Jan. 1899 № 5.

s'allie pas à un cadavre!» Не малой помѣхой служить и католицизмъ Австро-Венгрии: черезъ него Франція при измѣнившейся формѣ правленія и принципахъ можетъ подготовить себѣ сближеніе съ этою державою. Но что же тогда? Если бы образовался даже союзъ по рецепту Кауница между Франціей, Австріей и Россіей, то въ этомъ союзѣ Россія представляла собою spiritus rector—державу руководящую, а Австрія—державу втораго ранга, подчиненную. Впрочемъ, «нѣтъ такой невѣроятности, которая не могла бы совершиться въ Австріи».

Между тѣмъ политическое положеніе обострялось. Россія встрѣчала на каждомъ шагу на Балканскомъ полуостровѣ противодѣйствіе Англии и Австріи, втихомолку поддерживаемое и Германіей. Русскій императоръ рѣшился прямо высказать свое неудовольствіе въ письмѣ къ императору Вильгельму. Текстъ этого любопытнаго письма былъ найденъ Колеми вѣроятно въ бумагахъ Бисмарка, который несомнѣнно имъ воспользовался для скорѣйшаго заключенія давно задуманнаго союза.

Въ формѣ дружественнаго письма ¹⁾ согласно старымъ традиціоннымъ отношеніямъ, установившимся между царствующими домами, русскій императоръ рѣшительно и твердо обращалъ вниманіе Вильгельма на противодѣйствія Германіи видамъ Россіи на востокъ, на вѣроломную въ сущности политику князя Бисмарка и наконецъ на гибельныя послѣдствія, къ которымъ она можетъ привести къ несчастью обоихъ государствъ. Легко понять раздраженіе, какое вызвало это письмо въ умѣ Бисмарка. Германскій канцлеръ не только видѣлъ въ немъ месть со стороны князя Горчакова ²⁾, но и угрозу въ будущемъ, которая могла привести къ войнѣ. Подъ давленіемъ такого рода соображеній, — говоритъ князь Бисмаркъ въ своихъ мемуарахъ, — у меня явилось твердое рѣшеніе оградить и обезпечить нашу независимость со стороны Россіи. Съ дѣломъ нужно было спѣшить, такъ какъ графъ Андраши собирался выходить въ отставку и 14-го августа испросилъ на это уже согласіе своего монарха Франца-Иосифа. Вечеромъ 19-го августа князь Бисмаркъ уѣхалъ изъ Киссингена въ Мюнхенъ и оттуда въ Гастейнъ. Несмотря на свое кратковременное пребываніе въ Мюнхенѣ, князь Бисмаркъ успѣлъ изложить идею своего союза баварскому королю Людвигу и принципиально получилъ отъ него одобреніе. 21-го августа Бисмаркъ прибылъ въ Гастейнъ и здѣсь 27-го и 28-го августа велъ переговоры съ графомъ Андраши о заключеніи оборонительнаго союза между Германіей и Австро-Венгріей. Въ основѣ переговоровъ лежала мысль «отражать

¹⁾ Письмо это напечатано въ октябрьской книжкѣ „Русской Старины“, приложеніе, стр. 295. Р е д.

²⁾ См. „Report of the Emperor William to Bismarck of his interview at Alexandrowo from a copy made for the Crown Prince (Marg. n. by Bismarck: Gortschakoff revised it). „Busch, Bismarck Some secret pages of his history“, v. III, p. 277.

общими силами нападеніе (подразумѣвалось: со стороны Россіи) на одного изъ союзниковъ ¹⁾ и поступать такъ и въ томъ случаѣ, если нападеніе будетъ сдѣлано со стороны какой-либо третьей державы (т. е. Франціи) и будетъ поддержано Россіей». Такъ какъ переговоры носили частный характеръ—графъ Андраши сообщилъ о нихъ еще изъ Гастейна императору, а затѣмъ сдѣлалъ ему сообщеніе лично 30-го августа въ лагерѣ при Брукѣ (на Лейтѣ) и подробно ознакомилъ Франца-Иосифа съ мотивами заключаемаго соглашенія на основаніи данныхъ, полученныхъ отъ князя Бисмарка. Въ сущности графъ Андраши боялся, чтобы Россія, пользуясь стратегическими выгодами своего положенія, не разгромила бы Австріи, помощь которой отъ Германіи была бы сомнительна, такъ какъ послѣдней съ тылу угрожала бы Франція. Императоръ Австро-Венгрии отнесся весьма сочувственно къ идеѣ союза, и графъ Андраши посѣпшился увѣдомить объ этомъ Бисмарка письмомъ изъ Шенбруна отъ 1-го сентября того же года. Гораздо труднѣе было добиться согласія у императора Вильгельма. 2-го сентября князь Бисмаркъ приготовилъ докладъ для германскаго императора, но отвѣта скоро нельзя было ожидать, такъ какъ императоръ Вильгельмъ уѣхалъ въ Александрово на свиданіе (состоявшееся 3-го сентября) съ императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

Политическая тактика Бисмарка вообще сообразовалась съ характеромъ дѣйствующихъ лицъ и обстоятельствъ. Онъ не замедлилъ выразить ²⁾ графу Андраши и его монарху свое удовольствіе за ихъ образъ мыслей и сочувствіе къ его планамъ, но въ Александрово не поѣхалъ и предпочелъ другой путь. Онъ зналъ, что идея такого союза не симпатична Вильгельму, но надѣялся общими усиліями «крѣпко посадить его въ сѣдло», т. е. добиться соглашенія, хотя бы это стоило постскриптума въ 60 страницъ. Продолжительный опытъ говорилъ ему, что, излагая своему монарху важныя и трудныя дѣла, скорѣе и вѣрнѣе Бисмаркъ достигалъ своей цѣли письменной формой изложенія, а не словеснымъ докладомъ.

Несмотря и на этотъ приемъ, императоръ Вильгельмъ и въ письменныхъ своихъ отвѣтахъ Бисмарку и въ переговорахъ черезъ графа Штолберга не соглашался на заключеніе союза, прямо направленнаго противъ Россіи. Указывая на миролюбіе правительства Россіи и ея государственныхъ людей (графа Адлерберга, Милютина, Гирса), съ которыми онъ имѣлъ случай лично бесѣдовать въ Александровѣ, императоръ ссылался также на конвенцію 1873 г., заключенную въ Петербургѣ Мольтке и Барятинскимъ, которой противорѣчилъ бы по-

¹⁾ См. приложение, стр. 314—318.

Р е д.

²⁾ Пис. отъ 3-го сентября, прив. у Буша „Томе secr.“, pag. III, 261—263.

добный союз. Наконецъ если бы подобное соглашеніе между Германіей и Австро-Венгріей и состоялось—императоръ Вильгельмъ считалъ долгомъ своей чести сообщить о немъ императору Россіи, и въ концѣ концовъ заявилъ графу Штолбергу, что подобнаго рода переговоры онъ можетъ вести только непосредственно съ княземъ Бисмаркомъ. Послѣднему однако удалось исходатайствовать разрѣшеніе на подписаніе общихъ основаній союза, обставивъ, вѣроятно, его заключеніе различными оговорками, имѣвшими значеніе въ глазахъ императора Вильгельма. Пробывъ недолгое время въ Гастейнѣ для поправленія своего здоровья (14-го—19-го сентября), Бисмаркъ 20-го сентября выѣхалъ въ Зальцбургъ, 21-го прибылъ въ Вѣну и остановился въ Hôtel Impérial. Съ 22-го по 24-е онъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ по поводу союза и бесѣдовалъ съ разными лицами, въ томъ числѣ съ императоромъ, графомъ Андраши, барономъ Геймерле и Тиссой. Объ этихъ переговорахъ было извѣстно французскому послу въ Вѣнѣ (Tessérence de Bort), которому, впрочемъ, самъ Бисмаркъ сообщилъ, что будущее соглашеніе имѣетъ будто бы чисто мирный характеръ. 24-го сентября проектъ союза былъ подписанъ княземъ Бисмаркомъ и графомъ Андраши, и вечеромъ того же дня Бисмаркъ выѣхалъ изъ Вѣны въ Берлинъ, куда и прибылъ 25-го сентября. Не заставъ въ Берлинѣ императора Вильгельма, все еще находившагося въ Баденъ-Баденѣ, Бисмаркъ для полученія согласія императора отправилъ въ Баденъ-Баденъ графа Штолберга, а текстъ союзнаго договора и протоколы выслалъ императору еще изъ Вѣны 24-го сентября. Въ отвѣтъ на это императоръ Вильгельмъ письмомъ отъ 2-го октября изъ Баденъ-Бадена выразилъ свое сожалѣніе князю Бисмарку, что взгляды, выраженные имъ прежде въ (письмахъ къ Бисмарку изъ Данцига и Штетина отъ 10-го и 12-го сентября), не нашли своего примѣненія. Если вѣрить даннымъ, сообщаемымъ Бушемъ въ англійскомъ изданіи его дневника, императоръ Вильгельмъ писалъ далѣе Бисмарку: «протягивая руку дружбы императору Александру послѣ устраненія недоразумѣній (въ Александровѣ), какъ я теперь заключу союзъ противъ него, хотя бы даже и оборонительный, въ которомъ онъ выставляется какъ нападающій? Какъ я могу держать такое намѣреніе отъ него въ секретѣ? Я не могу быть виновнымъ въ подобномъ вѣроломствѣ». Императоръ шелъ еще далѣе и выразилъ желаніе привлечь Россію въ качествѣ союзника къ заключенію договора и настаивалъ на другихъ существенныхъ измѣненіяхъ его (примѣненіе формальнаго *sans foederis* противъ Франціи). При такихъ затрудненіяхъ князь Бисмаркъ послалъ (29-го сентября еще) запросъ графу Андраши, не найдетъ ли онъ возможнымъ сообщить Россіи въ какой-нибудь формѣ о заключаемомъ союзѣ, нисколько не измѣняя цѣли этого соглашенія. Графъ Андраши отвергалъ эту мысль

въ принципѣ до ратификаціи договора, но затѣмъ считалъ возможнымъ, не сообщая Россіи подлиннаго текста союза, препроводить ей меморандумъ, излагающій относящіеся сюда переговоры.

Съ большими усиліями князю Бисмарку удалось получить согласіе императора Вильгельма: никакія записки, ни убѣжденія графа Штолберга и конпринца не могли на него подѣйствовать и, только выдвинувъ вопросъ о своей отставкѣ, какъ послѣдній козырь — Бисмаркъ склонилъ на свою сторону престарѣлаго монарха. 4-го октября графъ Штолбергъ привезъ въ Берлинъ согласіе императора, выраженное въ его собственноручной подписи. 5-го и 6-го октября союзный договоръ обсуждался въ министерскомъ совѣтѣ, 7-го договоръ въ окончательной формѣ былъ подписанъ въ Вѣнѣ графомъ Андраши и германскимъ посломъ княземъ Рейсомъ. 15-го октября договоръ ратификованъ монархами обоихъ государствъ. 2-го января 1883 года во время пребыванія въ Вѣнѣ графа Г. Бисмарка союзъ снова былъ возобновленъ, и къ нему присоединилась Италія. Объ этомъ присоединеніи Италія князь Бисмаркъ строилъ планы еще въ 1879 г., но ранѣе не могъ осуществить своей мысли, такъ какъ (до мая 1881 г.) Италіей управляло радикальное министерство Кайроли, не сочувствовавшее идеѣ союза съ Австріей. Занятіе Франціей Туниса значительно содѣйствовало усиленію вражды между Франціей и Италіей, которая рѣшительно пошла на сближеніе съ Австріей при министерствѣ Депретиса, смѣнившаго Кайроли въ маѣ 1881 года.

Въ литературѣ (Роленъ-Жакменъ) выражали сочувствіе идеѣ этого союза, указывая, что онъ содѣйствуетъ охранѣ мира, парализуя якобы шовинизмъ французскій — угрожающій Германіи, происки ультра-монтановъ, угрожающихъ Италіи, и шовинизмъ всеславянскій (?), грозящій Австро-Венгріи. Но не слѣдуетъ увлекаться подобными увѣреніями даже почтенныхъ ученыхъ, не слѣдуетъ забывать, что этотъ союзъ прежде всего былъ направленъ противъ Россіи, и что, создавъ въ серединѣ Европы сплошной вооруженный лагерь, онъ на долгое время будетъ тормозомъ развитія нашей внѣшней политики, не взирая на миролюбивыя заявленія германскаго канцлера.

Заключая союзъ съ Австро-Венгріей, вѣроломно обходя Россію, въ Берлинѣ боялись, чтобы Россія не рѣшилась на какія-либо крайнія мѣры, и даже готовились къ войнѣ. Въ концѣ октября (1879 г.) фельд-маршалъ Мольтке считалъ даже необходимымъ уѣхать въ Дрезденъ и тамъ предложить, на случай войны съ Россіей, начальствованіе надъ арміей, въ качествѣ будущаго главнокомандующаго, Альберту, королю саксонскому, стоявшему, какъ извѣстно, во главѣ мааской арміи въ войну 1870—71 года.

Императоръ Вильгельмъ все-таки не рѣшился сохранять въ тайнѣ этотъ союзъ и 4-го ноября собственноручнымъ письмомъ извѣстилъ о

немъ императора Россіи, съ приложеніемъ меморандума, излагающаго ходъ переговоровъ между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Андраши въ Гастейнѣ и Вѣнѣ. Подлинный актъ союза не былъ сообщенъ, а указывалось лишь въ письмѣ на новое соглашеніе между Австріей и Германіей, вызванное желаніемъ возстановить прежній союзъ германскихъ государствъ и, отчасти, другими причинами (войнствующимъ задоромъ нѣкоторыхъ органовъ русской печати, проясками нигилистовъ, увеличеніемъ арміи). Въ общемъ, мотивировка была слабая, навѣяна она была княземъ Бисмаркомъ и явно не отвѣчала дѣйствительному положенію вещей. Русский монархъ холодно встрѣтилъ эти заявленія, замѣчая вскользь, что заключеніе подобнаго соглашенія не соответствовало состоявшемуся свиданію монарховъ въ Александровѣ и опиралось на опасенія, лишеныя основанія. «Не менѣе сожалею,—писалъ императоръ Александръ II,—какъ вы могли допустить, что панславистскія и другія выражаемыя гласно тенденціи могутъ оказывать давленіе на мое правительство. Исключительное мнѣніе какого-либо писателя, хотя бы онъ представлялъ собою болѣе или менѣе обширный кругъ послѣдователей, никогда не приобретаетъ въ Россіи значенія политической программы... Что же касается до разрушительныхъ стремленій партіи нигилистовъ, то, какъ вамъ извѣстно, я не поколебался бороться съ нею путемъ самыхъ энергическихъ мѣръ, какъ только обстоятельства показали необходимость этого, и эти мѣры не остались безъ результатовъ. Въ этомъ вы можете видѣть доказательство того, что моя твердая воля не потерпитъ ни малѣйшей попытки, направленной къ нарушенію порядка и мира».

Несомнѣнно, что всѣ эти, идущія изъ Германіи, опасенія и угрозы были мнимыя и служили лишь ширмою для князя Бисмарка, за которою онъ искусно обдѣлывалъ свои дѣла и твердо шелъ къ намѣченной цѣли—обезпеченію политическаго преобладанія Германіи въ серединахъ Европы.

Заключая союзъ съ Австро-Венгріей, Бисмаркъ торопился покончить съ этимъ дѣломъ и опасался враждебной оппозиціи тѣхъ державъ (Россіи и Франціи), противъ которыхъ непосредственно и былъ направленъ этотъ союзъ. Еще со времени Парижскаго конгресса (въ 1856 и 1859 годахъ) онъ боялся тѣснаго сближенія Россіи съ Франціей, и его нерасположеніе къ князю Горчакову отчасти объясняется сознаніемъ возможности подобнаго соглашенія. Предполагая, что другія державы, въ виду новаго союза, рано или поздно сомкнутся въ ряды, естественно было подумать о дальнѣйшемъ развитіи средствъ національной обороны и усиленія ими союзныхъ державъ черезъ привлеченіе къ союзу въ качествѣ новыхъ членовъ, второстепенныхъ государствъ Европы (Даніи, Швеціи, Норвегіи и Румыніи). Въ началѣ 1887 года директоръ университетской бібліотеки, въ Христіаніи, высказываетъ мысль о томъ,

что нѣмцы и скандинавскіе народы могли бы составить общій союзъ, который раздѣлилъ бы непреодолимой стѣной востокъ отъ запада Европы. Свои взгляды Drolsum изложилъ въ особомъ сочиненіи («Das Norwegische Volk und sein Vertheidigungswesen»), которое немедленно послѣ выхода въ свѣтъ отправилъ фельдмаршалу графу Мольтке. Любопытенъ отвѣтъ этого выдающагося стратега современной Германіи. Вотъ что писалъ графъ Мольтке 14-го марта 1887 г.

«Съ большимъ интересомъ прочелъ я вашу работу объ историческомъ развитіи военнаго устройства Норвегіи. Считаю себя обязаннымъ благодарить васъ за любезную ея присылку. Быть можетъ, когда-нибудь всѣ германскіе народы вспомнятъ о своемъ общемъ происхожденіи, и тогда образуется непреодолимая плотина противъ напора съ востока и запада славянскихъ и романскихъ народовъ, противодѣйствіе которымъ пока лежитъ на обязанности одной Германіи»¹⁾.

Мысль объ экономическомъ значеніи востока для Германіи впервые высказана была еще въ прошломъ столѣтіи Юстомъ Мэзеромъ²⁾, въ 1763 г. Въ серединахъ текущаго столѣтія австрійскій генеральный консулъ Ганъ и другіе изучаютъ Турцію и отдѣльныя ея провинціи для того, чтобы установить ея значеніе для австрійскаго вывоза. Существуютъ указанія, что еще въ эпоху Крымской войны въ Австріи лелѣжали мысль о присоединеніи Босніи и Герцоговины, но для осуществленія этого плана нужно было идти на соглашеніе съ Наполеономъ III, который настаивалъ на изгнаніи Австріи изъ Италіи, а потому этотъ планъ и провалился. Послѣ Русско-турецкой войны въ Германіи и Австріи стали сознавать, что борьба Россіи съ Турціей въ общемъ содѣйствовала политическому росту русской державы, и что другія государства, какъ Англія и Франція, послѣ Парижскаго мира, съ выгодой для себя эксплуатировали рынки востока и преимущественно Малой Азіи. Въ обонхъ государствахъ складывается теченіе³⁾, находящее поддержку и въ правительствѣ и направленное къ тому, чтобы и постановленіями Берлинскаго трактата воспользоваться къ выгодѣ нѣмецкой промышленности и торговли.

¹⁾ Письмо напечатано въ «Berl. Tagebl.» отъ 4-го января 1899 г. (№ 7).

²⁾ P. Dehn, „Deutschland und Orient in ihren wirthschaftspolitischen Beziehungen“, München, 1884. S. XXI.

³⁾ Um die Zeit des Berliner Friedens nach der Okkupation Bosniens hegte man in Wien grosse Hoffnungen auf die Entfaltung der Handelsbeziehungen zwischen Oesterreich-Ungarn und den neugeschaffenen selbständigen Staaten im Südosten. Dehn, „Deutschland und Orient“, zw. Theil, S. 59. Въ концѣ 1878 года вѣнская Торгово-промышленная палата составила даже проектъ образованія

Съ 1878 года волны нѣмецкой колонизаціи направляются прежде всего въ отторгнутыя Австріей отъ Турціи Боснію и Герцоговину и тамъ, гдѣ были славянскія поселенія (напр. возлѣ Сераева) быстро возникають разныя Rudolfsthal, Windhorst и др. ¹⁾ Торговля въ Аграмѣ, Дьяковѣ, Бранѣ, Митровицѣ переходитъ въ руки нѣмцевъ и евреевъ. Въ Софіи въ 1893 году изъ общаго числа жителей (35 тыс.) четвертую часть населенія составляютъ нѣмцы.

Въ этомъ движеніи на востокъ Австрія является авангардомъ Германіи, пионеромъ нѣмецкой цивилизаціи на востокѣ, защитникомъ нѣмецкихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ. Изгнанная изъ Италіи, исключенная изъ Германіи, Австрія потянулась на востокъ, желала тамъ поправить свои дѣла въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Со времени конвенціи отъ 9-го іюня 1883 г. (между Австро-Венгріей и Турціей) установился прямой желѣзнодорожный путь изъ Вѣны и Буда-Пешта въ Салоники и Константинополь. Значеніе этихъ путей возрастетъ еще болѣе въ теченіе ближайшихъ лѣтъ, когда Анатолійское общество желѣзныхъ дорогъ, согласно полученной концессіи отъ турецкаго правительства (въ началѣ текущаго 1899 г.), разовьетъ свою желѣзнодорожную сѣть, которая начнется отъ Гайдерб-паши (лежащаго противъ Константинополя на азиатскомъ берегу немного южнѣе Скутари) и пойдетъ къ югу до Эски-Шегира, гдѣ раздѣлится на двѣ вѣтви: одна пойдетъ къ востоку къ Ангорѣ, а другая вѣтвь направится къ югу — къ Коніи, а оттуда на Багдадъ къ Персидскому заливу. Этотъ новый желѣзнодорожный путь, который выхлопотала себѣ Германія, благодаря путешествію императора Вильгельма на востокъ, подорветъ прежде всего значеніе существующихъ желѣзнодорожныхъ линій, англійской, французской и бельгійской, развѣтвляющихся изъ Смирны въ разныхъ направленіяхъ къ востоку и сѣверу. Затѣмъ, онъ дастъ возможность Австро-Венгріи и Германіи не только усилить свой ввозъ на внутренніе рынки Малой Азіи, но въ случаѣ надобности доставить въ глубь Анатолійскаго полуострова свои войска, которыя придутъ скорѣе, чѣмъ русскія войска, отправленные изъ Москвы въ Карсъ.

Вообще движеніе нѣмцевъ на востокъ развивается систематически. Ввозъ германскихъ товаровъ (съ 1882—1883 гг.) растетъ быстро, съ успѣхомъ конкурируя съ Англійей. Такъ, ввозъ изъ Германіи въ Болгарію, не превышавшій въ 1885 году 2 милл. франковъ, доходитъ въ

таможеннаго союза Австро-Венгріи со всеми государствами Балканскаго полуострова (кромя Греціи и Турціи) и формулировала этотъ проектъ въ своемъ соединенномъ засѣданіи 13-го марта 1879 г. Между тѣмъ, идею таможеннаго союза съ Германіей Бисмаркъ считалъ совершенно неосуществимой. Ср. „Ged. und Er.“ I, 347.

¹⁾ Loiseau, „Le Balkan Slave“, Paris, 1898, p. 232.

1894 году до 12 милл. фр. Помѣщенію нѣмецкихъ капиталовъ въ выгодныя предпріятія содѣйствуютъ биржи, которыя впервые учреждаются въ 1883 г. (въ Бухарестѣ, Яссахъ, Браиловѣ и Галацѣ).

Развивая свои промышленныя и торговыя силы на востокъ, Германія усиливаетъ тамъ значеніе своей культуры, науки (путемъ экскурсій), языка (школой) и тѣмъ возвышаетъ свой престижъ и политическое вліяніе. Наряду съ нѣмецкими поселеніями учреждаются и новыя нѣмецкія школы¹⁾ (въ Яссахъ, Бухарестѣ, Бѣлградѣ, Гавфѣ, Яффѣ и Іерусалимѣ) и общество покровительствующее этимъ школамъ (Deutsches Schulverein) насчитываетъ болѣе 100 тыс. членовъ. Нѣмецкая гимназія въ Константинополѣ, едва влачившая свое существованіе (съ 1861 г.), открыта официально 1-го мая 1868 года, при двухъ учителяхъ и 23-хъ ученикахъ, въ 1898 году помѣщается уже въ великолѣпномъ обширномъ зданіи и насчитываетъ 465 воспитанниковъ (302 мальчика и 163 дѣвочки). Вмѣстѣ съ нѣмецкимъ колонистомъ пошелъ на востокъ школьный учитель, за учителемъ идетъ туда финансистъ (въ родѣ тайнаго совѣтника Рафана), за банкиромъ—инструкторъ войскъ (Грумбковъ-паша), а въ союзѣ съ ними успѣшно будетъ дѣйствовать и дипломатія.

Для нѣкоторыхъ выдающихся помощниковъ князя Бисмарка, въ его дипломатическомъ штабѣ, востокъ служилъ хорошей школой. Для примѣра укажемъ на Буша и графа Гацфельда. Бушъ²⁾ первыя 11 лѣтъ своей службы состоялъ въ Константинополѣ драгоманомъ прусскаго посольства и въ теченіе этого времени внимательно изучалъ состояніе Турціи. Въ 1872 г. князь Бисмаркъ перевелъ Буша въ Петербургъ, гдѣ онъ два года служилъ въ качествѣ германскаго консула, выясняя себѣ ближайшимъ образомъ и взгляды русскаго правительства на восточный вопросъ. Въ концѣ 1876 года Бушъ снова переведенъ въ Константинополь, для участія въ конференціи европейскихъ державъ. Онъ съ успѣхомъ принималъ участіе въ ея работахъ въ декабрѣ 1876 г., а въ январѣ 1877 г. замѣнялъ на ея засѣданіяхъ отсутствовавшего по болѣзни совѣтника германскаго посольства графа Радолинскаго. Совершенно естественно было ожидать, что князь Бисмаркъ привлечетъ Буша къ участію и въ работахъ Берлинскаго конгресса.

На конгрессѣ Бушъ былъ помощникомъ секретаря, которымъ избранъ былъ бывшій въ Афинахъ посланникомъ фонъ-Радовицъ. Вскорѣ Бушъ

¹⁾ „Algem. Zeit.“ Nov. 12, 1898 (№ 257, стр. 5—6).

²⁾ Род. 20-го мая 1834 г., ум. 25-го ноября 1895 г. Его не слѣдуетъ смѣшивать съ Морисомъ Бушемъ, журналистомъ, издавшимъ недавно не разъ цитированный выше дневникъ („Tagebuchblätter“).

былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Буда-Пештъ, въ 1880 г. переведенъ снова въ Берлинъ, въ министерство иностранныхъ дѣлъ на должность помощника статсъ-секретаря, но черезъ пять лѣтъ Бушъ вышелъ въ отставку, вслѣдствіе переутомленія и болѣзни, сослуживъ, однако, службу князю Бисмарку, какъ опытный совѣтникъ по дѣламъ востока.

Еще болѣе виднымъ помощникомъ князя Бисмарка былъ графъ Гацфельдъ (род. въ 1831 г.). Бисмаркъ оцѣнилъ способности Гацфельда еще во время Франко-Германской войны. Никто лучше его не владѣлъ французскимъ языкомъ, никто лучше его не зналъ нравовъ и обычаевъ этой страны, и черезъ руки Гацфельда проходила въ Версаль значительная часть дипломатической переписки. Въ 1874 году графъ Гацфельдъ получилъ назначеніе въ Мадридъ, въ качествѣ германскаго посланника, и 4-го марта адресовалъ мадридскому правительству известную ноту, съ протестомъ противъ притязаній Испаніи на Каролинскіе острова. Это были первые шаги той колониальной политики, которая впоследствии будетъ имѣть столь великое значеніе для Германіи. Имѣя за собой уже дипломатическій опытъ, графъ Гацфельдъ въ октябрѣ 1878 года занялъ постъ германскаго посла въ Константинополь, при чемъ князь Бисмаркъ выхлопоталъ ему увеличенный окладъ (120 тысячъ марокъ въ годъ). Гацфельдъ высоко поднялъ политическій престижъ Германіи на востокѣ, и при немъ началось то систематическое завоеваніе рынковъ Турціи нѣмцами, о которомъ мы говорили выше. Графъ Гацфельдъ является чуть-ли не единственнымъ представителемъ среди европейскихъ дипломатовъ того направленія, которое придастъ громадную важность экономическимъ факторамъ во внѣшнихъ отношеніяхъ державъ между собою. Въ 1882 году Гацфельдъ перешелъ на службу въ министерство и занялъ постъ статсъ-секретаря, съ 1888 года онъ состоитъ посломъ Германіи въ Лондонѣ.

Проф. В. Александренко.

**О наблюдении за тѣмъ, чтобы поляки не распространяли воззваній
во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.**

Секретное циркулярное отношеніе А. Х. Бенкендорфа—губернаторамъ.

21-го декабря 1830 г. № 5102.

Его величество государь императоръ, предполагая, что по случаю возникшихъ въ Царствѣ Польскомъ беспорядковъ, злонамѣренные люди, помогающіе возмущенію и безначалію, могутъ дѣйствовать къ распространенію преступныхъ своихъ правилъ между жителями и внутреннихъ губерній Россіи, высочайше повелѣтъ миѣ позволено обратиться на сіе должное вниманіе вашего превосходительства, съ тѣмъ, чтобы на случай когда въ губерніи, вѣренной управленію вашему, появятся какія-либо воззванія къ народу или сочиненія, клонящіяся къ внушенію мирнымъ жителямъ миѣнній, противныхъ государственнымъ постановленіямъ или гражданскому порядку, вы, милостивый государь, немедленно препроводивъ оныя ко миѣ, принявъ надлежащія мѣры къ открытію сочинителей и распространителей таковыхъ разглашеній.

Мои цензурныя мытарства.

(Воспоминанія).

III ¹⁾.

Цензоръ Крыловъ. «Комитетъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ и пособій».

Преподавая всеобщую исторію въ одномъ изъ женскихъ институтовъ, я составилъ по этому предмету въ 1850 г. краткое руководство въ видѣ этнографическихъ и хронологическихъ таблицъ, подъ заглавіемъ «Этнографическій очеркъ главнѣйшихъ событій и культуры ²⁾ у народовъ до-христіанскаго міра». Изданіемъ этимъ я имѣлъ въ виду избавить учащихся отъ труда записывать мои лекціи, обыкновенно съ извращеніемъ собственныхъ именъ и хронологіи. Существовавшій же въ то время самый краткій учебникъ всеобщей исторіи, Смараглова, былъ по своей цѣнѣ, 75 коп., недоступенъ для заведенія, призрѣвавшаго до 700 дѣвочекъ бѣднаго класса.

Первоначально мой трудъ поступилъ на разсмотрѣніе цензора Крылова. О послѣднемъ было извѣстно, что онъ надолго задерживалъ у себя рукописи, а между тѣмъ въ виду назначенія моей книги, весьма важно было обезпечить ей выходъ къ началу учебнаго года. Но ни ходатайства инспектора классовъ А. О—скаго, который на-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1899 г.

²⁾ Въ тѣ годы слово культура было такъ ново въ русскомъ языкѣ, что мой начальникъ, графъ В—ій, известный меценатъ, прочитавъ это слово, выразилъ сомнѣніе по поводу его употребленія.

ходился съ Крыловымъ въ дружескихъ отношеніяхъ, ни мои многоратныя личныя настоянія не помогли дѣлу: неспособный цензоръ придирался къ разнымъ пустякамъ, не рѣшался пропустить изложеніе общезвѣстныхъ историческихъ фактовъ и все откладывалъ одобреніе моей рукописи. Не извѣстно, какъ долго послѣдняя пролежала бы у Крылова, но въ это время вышло распоряженіе о томъ, чтобы учебныя руководства, прежде цензурнаго утвержденія, поступали на разсмотрѣніе особаго вновь учрежденнаго комитета (комитетъ 13-го марта 1850 г.), предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ директоръ главнаго Педагогическаго института, бывшій профессоръ философіи въ Московскомъ университетѣ, И. И. Давыдовъ ¹⁾, persona grata у министра графа Уварова. Новая цензурная инстанція, новое мытарство! Вѣроятно потому, что учрежденіе комитета въ извѣстной мѣрѣ освобождало цензора отъ работы и отвѣтственности, онъ, сообщая о предстоящихъ мнѣ вновь путешествіяхъ и хлопотахъ, не могъ скрыть улыбки удовольствія. Въ названномъ комитетѣ рукопись моя была передана инспектору училищъ С.-Петербургскаго учебнаго округа П. Максимовичу, въ общемъ гуманному и образованному человѣку. Не знаю только, на какомъ основаніи комитетъ призналъ его экспертомъ по предмету исторіи, ибо имя его было извѣстно въ педагогической литературѣ только по изданной имъ подъ названіемъ «Другъ дѣтей» передѣлки «Der Deutsche Kinderfreund 1802». Продержавъ у себя мою рукопись нѣсколько мѣсяцевъ, Максимовичъ, наконецъ, препроводилъ ее безъ малѣйшихъ помярокъ къ тому же Крылову, при чемъ, желая, вѣроятно, показать свое знакомство съ педагогической литературой, онъ полюбопытствовалъ узнать, не составлена ли моя книжка по какому-то мнѣ совершенно неизвѣстному швейцарскому учебнику.

Конечно, въ то время добросовѣстное исполненіе щекотливыхъ обязанностей цензора было сопряжено съ большою отвѣтственностью и рискомъ лишиться должности, но все-таки est modus in rebus, и мнѣ думается, что Крыловъ и Максимовичъ въ своей нерѣшительности и медлительности переходили границы необходимаго. Какъ ни пріученъ русскій литераторъ къ долготерпѣнію, но признаюсь, мнѣ стоило большаго труда сохранять хотя бы наружное хладнокровіе при ихъ кунштаторскихъ пріемахъ, благодаря которымъ моей книжечкѣ пришлось промытарствовать слишкомъ полгода, прежде чѣмъ ей было позволено явиться на бѣлый свѣтъ ²⁾. Однако, справедливость требуетъ отмѣтить, что съ

¹⁾ Прочими членами комитета были директора гимназій: Постельсъ, Буссе, Фишеръ, Игнатовичъ и Ковалевскій, замѣненный впоследствии Вороновымъ.

²⁾ Въ продажу, впрочемъ, эта книжка не поступала.

Максимовичемъ и Крыловымъ ¹⁾), какъ людьми образованными, можно еще было разговаривать, не подвергая себя грубому обращенію à la Елагинъ.

Новыя вѣянія. «Журналъ для Воспитанія».

Хотя со вступленіемъ на престолъ императора Александра II печать начала пользоваться нѣкоторой свободой, тѣмъ не менѣе, цензурскія придирки въ практикѣ болѣе боязливыхъ не прекратились и часто заставляли меня искать помощи и защиты у предѣдателя цензурнаго комитета, князя Г. А. Щербатова. Но и тотъ, считавшійся либеральнымъ попечителемъ, однажды замѣтилъ мнѣ—чтобы я избѣгалъ употребленія фразы «пора намъ».

Что меня всегда раздражало и съ чѣмъ я никогда не могъ примириться,—это диктаторскіе приемы и приговоры надъ литературнымъ трудомъ такихъ цензоровъ, которые, ни по своему образованію, ни по какимъ-либо другимъ заслугамъ, казалось, не имѣли ни малѣйшей возможности судить о научныхъ вопросахъ. Отсутствие необходимыхъ знаній у этихъ господъ восполнялось бюрократическимъ убѣжденіемъ, что, разъ правительство вѣрило имъ судъ и расправу надъ произведеніями духа, имъ уже дозволено, подобно таможеннымъ надсмотрщикамъ, рыться въ самой глубинѣ мысли и оскорблять писателя высокоумнымъ, начальническимъ обращеніемъ.

Такіе приемы не исчезли совершенно и при «новыхъ вѣяніяхъ». И что всего болѣе удивительно, въ числѣ цензоровъ, которые позволяли себѣ пренебрежительно относиться къ литераторамъ, встрѣчались и бывшіе писатели, которые на себѣ должны были испытывать всю прелесть цензурской ферулы. Ниже мнѣ придется указать на странное поведеніе въ роли цензора одного нашего знаменитаго беллетриста, а теперь, чтобы не нарушать хронологической послѣдовательности, перейду къ изложенію тѣхъ цензурныхъ мытарствъ, которыя мнѣ пришлось испытать въ качествѣ редактора-издателя періодическаго органа.

Въ концѣ 1856 г., поощряемый П. Г. Рѣдкинымъ, бывшимъ профессоромъ Московскаго университета и ученикомъ его, инспекторомъ классовъ Гатчинскаго сиротскаго института, К. Д. Ушинскимъ, моими бу-

¹⁾ А. Крыловъ преподавалъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ географію до 1825 г., съ 1825 по 1830 годъ—всеобщую исторію; въ званіи адъюнктъ-профессора издалъ въ 1826 г. «Краткую росс. географію», въ 1828 г.—«Изыясненіе нѣкоторыхъ непонятныхъ въ русской исторіи словъ», и въ 1830 г.—«Историческія записки» и «Краткій Словарь греческаго языка». Съ 1830 г., кромѣ всеобщей исторіи, онъ читалъ въ университетѣ курсъ отечественной статистики. При преобразованіи университета въ 1835 г. въ числѣ другихъ профессоровъ былъ уволенъ изъ университета.

душими сотрудниками, задумалъ я изданіе педагогическаго журнала. Мысль о подобномъ специальномъ изданіи занимала меня уже нѣсколько лѣтъ, когда я еще служилъ въ С.-Петербургскомъ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ, но я находилъ ее неосуществимой, преждевременной при отсутствіи въ обществѣ интереса къ вопросамъ воспитанія. Неудача моихъ предшественниковъ вполне подтверждала эти опасенія ¹⁾. Но въ концѣ 50-хъ годовъ, съ наступленіемъ общаго оживленія въ нашей общественной жизни, педагогическіе вопросы стали привлекать къ себѣ усиленное вниманіе общества и, можно сказать, сдѣлались модными. А появленіе въ «Морскомъ Сборникѣ» превосходныхъ статей Бема и Пирогова краснорѣчиво говорило за то, что наступилъ, наконецъ, желанный моментъ, когда можно и даже необходимо свободно и гласно разсуждать о нуждахъ и пользахъ нашего воспитанія и образованія. Конечно, и послѣ этихъ статей все еще оставался открытымъ вопросъ, возможно ли будетъ вести задуманное изданіе въ томъ же духѣ и направленіи, какимъ отличался въ тотъ періодъ «Морской Сборникъ», покровительствуемый великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ.

При первыхъ же шагахъ, сдѣланныхъ для осуществленія моего намѣренія, наткнулся я на непредвидѣнные препятствія. Во-первыхъ, несмотря на то, что я болѣе 10 лѣтъ завѣдывалъ учебной частью и былъ преподавателемъ педагогики въ одномъ изъ первыхъ воспитательныхъ заведеній столицы, разрѣшеніе главнаго управленія цензуры на изданіе журнала воспослѣдовало только благодаря ручательству за мою благонадежность попечителя учебнаго округа, князя Щербатова, при коемъ я кратковременно исполнялъ должность чиновника особыхъ порученій. Когда, наконецъ, разрѣшеніе было дано, то начались непріятныя хлопоты другаго рода. Бумага главнаго управленія цензуры, какъ принято, была препровождена въ цензурный комитетъ, на имя предсѣдателя, а тотъ только-что уѣхалъ въ отпускъ, не передавъ исправленіе должности своему помощнику, князю П. П. Вяземскому. Между тѣмъ наступила 2-я половина декабря и, чтобы выпустить 1-ю книжку журнала въ началѣ января, нужно было снѣшить напечатать объявленіе объ изданіи и подпискѣ. Я просилъ князя Вяземскаго, хорошо знакомаго мнѣ по университету, вскрыть пакетъ, полученный изъ главнаго управленія цензуры, но онъ на это долго не рѣшался, отговариваясь тѣмъ, что предсѣдатель, уѣзжая, не передавалъ ему исправленіе его должности. Всѣ эти непредвидѣнныя задержки и были причиной того, что первая книжка «Журнала для Воспитанія» могла быть выпущена не ранѣе 27-го января 1857 года. Конечно, при болѣе смѣлости и лучшемъ знакомствѣ съ

¹⁾ «Педагогическій журналъ», затѣянный въ 1830 г. А. Ободовскимъ, Гурьевымъ и Гогелемъ, просуществовалъ всего 2 года, а «Библиотека для Воспитанія», издававшаяся въ 40-хъ годахъ Рѣдкиными,—лишь нѣсколько болѣе.

бюрократическими порядками, слѣдовало бы мнѣ предвидѣть всѣ эти помѣхи и рискнуть, отдавъ весь заготовленный для книжки матеріалъ заблаговременно въ наборъ. Но вѣдь о поручительствѣ за меня князя Щербатова я узналъ только впоследствии, а безъ этого, пожалуй, разрѣшеніе могло и не быть дано...

«Журналъ для Воспитанія» выходилъ ежемѣсячными книжками въ объемѣ около 8 листовъ. Имѣя въ лучшіе его годы не болѣе 1.200 подписчиковъ, онъ просуществовалъ около 7 лѣтъ. Но и за это относительно короткое время сколько крови онъ у меня испортилъ. Ничтожныя матеріальныя выгоды, постоянная возня съ цензорами и частая ихъ перемѣна ¹⁾, наконецъ, убѣжденіе, что прошла на педагогику мода, какъ выразился одинъ изъ попечителей учебнаго округа, — все это вмѣстѣ взятое сдѣлало журнальный трудъ до такой степени для меня тяжелымъ, что я рѣшился, въ 1865 г., уступить педагогическую арену болѣе юнымъ борцамъ, болѣе одушевленныхъ надеждою силой печатнаго слова поколебать укоренившуюся рутину въ дѣлѣ воспитанія и обученія въ практикѣ нашихъ родителей и педагоговъ, какъ высоко, такъ и низкопоставленныхъ. Заглядывая иногда въ бібліотеки учебныхъ заведеній, какъ столичныя, такъ и провинціальныя, я нерѣдко находилъ въ нихъ книжки педагогическихъ журналовъ неразрѣзанными. Однажды лицо, занимавшее очень высокій постъ воспитателя, отзываясь очень лестно о моемъ журналѣ, выразило сожалѣніе относительно запаздыванія его книжекъ, но тѣмъ только обнаружилъ, что онъ въ нихъ вовсе не заглядывалъ, такъ какъ, послѣ первыхъ трехъ книжекъ мой журналъ всегда аккуратно появлялся 1-го числа, а иногда даже до этого срока, какъ можно было видѣть на обложкѣ книжки.

Мой конкурентъ «Педагогическій Вѣстникъ», основанный, какъ и «Журналъ для Воспитанія», въ 1857 г., Н. Вышнеградскимъ, перемѣнивъ нѣсколькихъ издателей, также просуществовалъ не очень долго. Однакожъ и болѣе распространенный и хорошо редактируемый журналъ «Учитель», основанный въ 1861 году моими бывшими сотрудниками І. Паульсономъ и Н. Х. Весселемъ, переходя изъ рукъ въ руки, издавался лишь два года дольше «Журнала для Воспитанія». Для того времени педагогическое изданіе, повидимому, считалось излишней роскошью ²⁾.

Не знаю, вслѣдствіе ли того обстоятельства, что самая наука педа-

¹⁾ Въ продолженіе 7 лѣтъ перемѣнилось въ моемъ журналѣ до 14 цензоровъ: Бекетовъ, Мацкевичъ, Новосильскій, Фрейгангъ, Веселаго, Гончаровъ, Ярославцевъ, Обертъ, Дубровскій, Волковъ, въ Петербургѣ; Гиляровъ-Платововъ, Безсомыкинъ, Прибыль, Росковщенко — въ Москвѣ.

²⁾ Издатели журнала «Учитель», при 3.655 подписчикахъ, въ своемъ отчетѣ, жаловались на «ограниченность денежныхъ средствъ».

гогика была предметомъ спеціальнымъ и новымъ ¹⁾ для нашихъ авгу-ровъ печати, но всё эти господа, исключая развѣ только одного ученаго и даровитаго Гилярова-Платонова, замѣтно неохотно принимали на себя обязанность цензирования моего журнала и, при первой возможности, передавали ее кому-либо изъ своихъ товарищей.

Въ описываемые мною годы, въ нашей литературѣ элементъ обличительный выступилъ особенно ярко, а потому и въ моемъ изданіи встрѣчались довольно часто статьи, указывавшія на недостатки программъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, на господствовавшій въ нихъ бюрократизмъ и регламентацію. Пропустить въ печать всё обличенія, прямо или косвенно касавшіяся высшаго начальства этихъ заведеній, конечно, было для цензоровъ задачей нелегкой и небезопасной. Это замѣчаніе въ особенности относится къ статьямъ объ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, вѣдомству котораго въ то время цензура была подчинена. Но, можетъ быть, еще бѣльшей осторожности, со стороны цензора, требовали статьи критическія, касавшіяся кадетскихъ корпусовъ и женскихъ институтовъ ²⁾. Въ статьяхъ о послѣднихъ даже самое слово «институтъ» замѣнялось цензоромъ—женскимъ учебнымъ заведеніемъ. Кстати отмѣчу, что начальникъ военно-учебныхъ заведеній, Ростовцевъ, находившійся въ то время въ апогеѣ своей власти, покровительствуя И. И. Введенскому, наставнику-наблюдателю, извѣстному своимъ либеральнымъ направленіемъ, котораго Погодинъ въ своей газетѣ называлъ отцомъ ингилистовъ ³⁾, въ то же время уволилъ Басистова, преподавателя въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, за то, что тотъ, по поводу одной статьи въ моемъ журналѣ, дерзнулъ провести въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» невыгодную параллель между воспитаніемъ въ нашихъ и англійскихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Досада на цензорскую строгость особенно сильно возбуждалась тѣмъ, что она не имѣла, повидимому, никакихъ сколько-нибудь опредѣленныхъ, одинаково ко всѣмъ журналамъ примѣнявшихся нормъ: то, что сегодня не пропускалось въ журналъ спеціально-педагогическомъ, читавшемся немногими серьезно образованными людьми, то завтра появлялось въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ, расхваливавшихся въ ко-

¹⁾ Единственная во всей Россіи кафедра педагогики въ то время существовала только въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, и занималъ ее Н. А. Вышневградскій.

²⁾ До гг. цензоровъ, можетъ статья, дошло извѣстіе о томъ, что по распоряженію императрицы Маріи Александровны мой журналъ выписывался для высочайшаго двора въ количествѣ 10 экземпляровъ.

³⁾ Зная коротко И. И. Введенскаго, я послалъ въ газету опроверженіе, которое и было Погодинымъ напечатано.

личествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, и жадно поглощалось обширнымъ кругомъ читателей. Такъ, напримѣръ, извѣстная повѣсть Чернышевскаго «Что дѣлать?», радикально перерѣшавшая вопросы воспитанія и морали, была невозбранно пропущена, а очеркъ семинарскаго воспитанія «Вуколь», Помяловскаго ¹⁾, въ моемъ журналѣ могъ быть напечатанъ лишь въ кастрированномъ видѣ. Но то было въ «Современникѣ», цензоръ котораго Б. былъ своимъ человѣкомъ у хлѣбосольныхъ редакторовъ. У меня же не доставало ни времени, ни умѣнія, ни средствъ для подобной *carpatio benevolentiae*.

Какъ бы ни было, повторяю, у меня цензора мѣнялись нѣсколько разъ въ годъ. Уходя тѣхъ, съ которыми я, до изданія журнала, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, пожалуй, можно было объяснить также и тѣмъ, что они, будучи до цензурства людьми тенденцій либеральныхъ, совѣстились предстать передо мной въ роли гасителей, или какъ нѣмцы ихъ, безъ обиняковъ, называютъ «Henker des Geistes». Наконецъ не могу скрыть и того, что съ своей стороны я также былъ довольно неподкладистымъ редакторомъ,—не могъ равнодушно смотрѣть, какъ иногда, лишь по личному капризу, испещрялись красными чернилами корректурные листы и тѣмъ коверкался смыслъ и уничтожалась вся соль статьи.

Борьба моя съ произволомъ цензуровъ была сравнительно болѣе успѣшной, когда во главѣ цензурнаго комитета стоялъ кн. Щербатовъ. Исправляя временно при немъ, какъ попечителѣ учебнаго округа, должность чиновника особыхъ порученій, я имѣлъ полную возможность достаточно изучить довольно необыкновенную для той эпохи личность князя Щербатова. И могу удостовѣрить, что это былъ человѣкъ достаточно либеральнаго образа мыслей и независимаго характера. Но, насколько въ качествѣ попечителя онъ пользовался любовью профессоровъ и студентовъ, настолько былъ тяжелъ и непрактиченъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ своимъ министромъ, Норовымъ, яли, точнѣе выразиться, съ столоначальниками министерства, отъ которыхъ у насъ, какъ извѣстно, иногда зависить дать бумагѣ ходъ или положить ее «подъ сукно». Аристократическая гордость не позволяла князю Щербатову заискивать расположенія мелкой сошки, вслѣдствіе чего большая часть его иногда очень дѣльныхъ проектовъ и ходатайствъ оставлялась министромъ безъ послѣдствій. Такъ, напр., князю Щербатову, не владѣвшему въ достаточной степени русскимъ литературнымъ языкомъ, никакъ не удалось исходатайствовать учрежденія при попечителѣ штатной должности чиновника особыхъ порученій.

¹⁾ Н. Помяловскій, подъ псевдонимомъ Герасимовъ, вступилъ на литературное поприще, если я не ошибаюсь, впервые въ моемъ журналѣ. Ср. Биографическій очеркъ Н. Г. Помяловскаго. Полн. собр. сочин., стр. XXV.

При такихъ натянутыхъ отношеніяхъ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и благодаріи своимъ просвѣщеннымъ взглядамъ, князь Щербатовъ довольно снисходительно относился къ статьямъ, указывавшимъ недостатки въ организаціи учебныхъ заведеній этого министерства. Но, лишь только рѣчь касалась женскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, независимость и либерализмъ князя Щербатова пассивовали, и въ этихъ случаяхъ онъ пропускалъ статьи лишь подъ непремѣннымъ условіемъ: чтобы слова институтъ, начальница, классная дама, сторожъ были замѣнены словами—пансіонъ, мадамъ, гувернантка, прислуга. Выходило такъ, что всѣ недостатки воспитанія въ казенныхъ институтахъ переносились на частныя учебныя заведенія. Историкамъ нашего просвѣщенія слѣдуетъ имѣть это въ виду. Только произведя обратную замѣну словъ въ большинствѣ педагогическихъ статей того времени, касавшихся женскаго воспитанія въ интернатахъ, поймутъ они, что послѣдовавшая въ скоромъ времени реформа женскихъ институтовъ и учрежденіе женскихъ гимназій явились не *ex abrupto*, а были отвѣтомъ на давно созрѣвшее въ обществѣ и литературѣ сознаніе полной непригодности прежней постановки женскаго образованія ¹⁾.

Перехожу теперь къ бѣглой характеристикѣ цензоровъ, съ которыми мнѣ пришлось имѣть дѣло по изданію въ Петербургѣ «Журнала для Воспитанія.» Къ числу цензоровъ, редакціями наиболѣе желанныхъ, несомнѣнно принадлежалъ Бекетовъ, пользовавшійся еще при грозномъ Мусинѣ-Пушкинѣ славой человѣка либеральнаго и неустрашаемаго. Къ сожалѣнію, какъ онъ, такъ и не уступающій ему въ свободомысліи Мацкевичъ, оставались моими цензорами очень непродолжительное время. Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ не приходилось мнѣ ни разу входить въ непріятныя объясненія. Совершенно иное отношеніе со стороны цензуры сталъ встрѣчать мой журналъ, когда въ тотъ же, первый годъ изданія, онъ попалъ въ руки Новосильскаго и затѣмъ Фреганга.

Первое столкновеніе мое съ Новосильскимъ произошло по поводу перепечатаннаго у меня изъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» годоваго отчета этого министерства. Не въ мѣру осторожный цензоръ заставлялъ меня неоднократно толкаться къ предсѣдателю главнаго управленія цензуры, Бертѣ, пока отъ сей особы не послѣдовало разрѣшенія къ печатанію названнаго отчета. Получивъ его, я, ни мало не сумнясь, позволилъ себѣ возстановить въ отчетѣ одно мѣсто, зачеркнутое Новосильскимъ до полученія разрѣшенія. За такую прдер-

¹⁾ Составленная мною обширная записка о недостаткахъ институтскаго воспитанія была доставлена въ 1856 г. императрицѣ Маріи Александровнѣ. См. „Русс. Старина“, 1888 г. кн. IV, стр. 277 и кн. V стр. 523.

зость я былъ наказанъ задержаніемъ выхода къ сроку книжки журнала. Цензоръ извѣстилъ меня запиской: «разобравъ все на досугѣ, я былъ крайне удивленъ тѣмъ, что вы позволили себѣ возстановить непропущенное». И вся эта передрага произошла изъ-за слѣдующей фразы, напечатанной въ официальномъ изданіи: «послѣ откровеннаго признанія бывшаго министра народнаго просвѣщенія о бѣдственномъ положеніи учителей»,—фразы, появившейся невозбранно въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Невольно задаешься вопросомъ, не предполагали ли официальные блюстители морали, пропускавшіе различнаго рода скабрёзности въ иллюстрированныхъ юмористическихъ листкахъ, что журналъ мой назначался для дѣтскаго чтенія, и потому слѣдовало относиться къ нему съ особой строгостью? Но вѣдь на заглавномъ листкѣ журнала стояло «Руководство для родителей и наставниковъ».

Однако съ Новосильскимъ, несмотря на его превосходительный чинъ, еще можно было объясняться. Не такъ легко было добиться этого отъ знаменитаго автора «Обломова»; по крайней мѣрѣ мнѣ И. А. Гончарова ни разу не пришлось удостоиться лицеизрѣтъ; отъ его камердинера, повидимому, хорошо выдрессированнаго, слышался постоянно одинъ и тотъ же отвѣтъ: «баринъ ушелъ со двора». Между тѣмъ почтеннѣйшій Иванъ Александровичъ, по примѣру другихъ своихъ коллегъ, не скупился на красныя чернила. Однажды Гончаровъ слѣдующую тираду: «Вообще смѣло можно сказать: въ Россіи, какъ народныя, такъ и дворянскія училища нисколько не соотвѣтствуютъ цѣли, съ которой они должны учреждаться»,—замѣнилъ такую фразою: «намъ не къ чему скрывать, что училища наши далеко не соотвѣтствуютъ назначенію». Но, какъ бы испугавшись смѣлости своей поправки, на томъ же корректурномъ листѣ отиѣтилъ: «Для одобренія этой статьи въ печать нужно испросить разрѣшеніе г. министра народнаго просвѣщенія». Понятно, что послѣ такой резолюціи цензора, министру, вѣрнѣе сказать, директору его канцеляріи ничего больше не оставалось, какъ запретить статью, авторъ которой позволилъ себѣ набрасывать тѣмъ на учебныя заведенія министерства.

Мнѣ всегда казалось, что пребываніе въ должности суроваго сторожа въ области духа, принятой на себя по матеріальнымъ соображеніямъ, нѣкоторыми изъ нашихъ извѣстныхъ писателей, не можетъ не умалять, со стороны почитателей ихъ таланта, то нравственное достоинство, тотъ престижъ, который они успѣли приобрѣсти въ качествѣ носителей и провѣщателей лучшихъ нашихъ идеаловъ.

У нѣмцевъ есть поговорка: *Wem Gott gibt Amt—gibt auch Verstand*—кому Богъ даетъ должность, тому даетъ и разумъ. По отношенію къ намъ эту поговорку слѣдуетъ понимать такъ: лицо, получивъ извѣстную должность, соотвѣтственно ей измѣняетъ и свои убѣжденія.

Когда-то я знавалъ довольно близко двухъ субъектовъ, рѣшавшихъ судьбы литературныхъ произведеній и отличавшихся ничѣмъ не оправдываемой особой строгостью карательныхъ мѣръ. До назначенія на важный постъ оба они любили щеголять либеральными и оппозиционными наклонностями. Одинъ изъ нихъ, авторъ П. П. ¹⁾, имѣлъ обыкновеніе, въ Москвѣ, въ Англійскомъ клубѣ, читать произведенія, не дозволенныя къ печати. О другомъ рассказывали, что, сдѣлавшись «особой», онъ сталъ такъ относиться къ литературѣ: по-моему, говорилъ онъ, всякій писарь полезнѣе литератора.

Однимъ изъ курьезнѣйшихъ экземпляровъ цензора былыхъ временъ былъ несомнѣнно Фрейгангъ. «До какого умопомраченія дошла предварительная цензура въ серединѣ 50-хъ годовъ, читаемъ мы у Скабичевскаго ²⁾, въ лицѣ такихъ цензоровъ, какъ А. Фрейгангъ и компанія, доказываютъ многочисленныя мѣста въ изданіи сочиненій Пушкина, подлежащія къ исключенію, по мнѣнію послѣдняго». Но несмотря на всѣмъ извѣстную трусость и неподатливость этого пресловутаго цензора, Фрейгангъ обладалъ необыкновенною способностью обезоруживать меня вкрадчивымъ тономъ своихъ рѣчей и любезнымъ обращеніемъ. Въ видахъ избѣжанія неприятныхъ,—какъ для цензора, такъ и редактора,—объясненій, онъ усвоилъ себѣ такую хитрую тактику. Въ каждомъ просителѣ,—таковымъ всегда представлялся цензору редакторъ журнала,—Фрейгангъ старался видѣть только пріятнаго собесѣдника, котораго, прежде всего, нужно было занять разговоромъ о погодѣ, городскихъ новостяхъ и объ иныхъ предметахъ, не относящихся къ дѣлу, по которому къ нему явились. Тщетно пытаюсь навести его на цѣль моего посѣщенія, проболтавъ съ нимъ около часа о разныхъ пустякахъ, я, дорожа своимъ временемъ, обыкновенно уходилъ отъ него, какъ говорится, «не солоно хлебавши», не отстоявъ ни іоты изъ того, что, не жалѣя красныхъ чернилъ, цензоръ присудилъ кануть въ Лету.

Слѣдующій казусъ можетъ служить образчикомъ того, какъ Фрейгангъ понималъ свои цензорскія обязанности. Разбирая въ журналѣ ³⁾ нѣмецкую хрестоматію, составленную Н. Берте, недипломатичный критикъ отозвался о ней, что книга совершенно не годится ни для среднихъ, ни для высшихъ учебныхъ заведеній, и усомнился, чтобы статья «*Bekentnisse einer schönen Seele*», Гёте, могла принести юношеству какую-либо пользу. Такой рѣшительный отзывъ о хрестоматіи цензоромъ былъ зачеркнутъ, конечно, по той единственной причинѣ, что составителемъ ея былъ не кто иной, какъ родной братъ директора канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, А. Берте.

¹⁾ Переписка Гургенева съ Анненковымъ. „Русс. Обзоріе“. 1898, книга 5

²⁾ «Очерки», стр. 382.

³⁾ «Журналъ Воспитаніе» 1858 г., т. III.

Къ числу цензоровъ, съ которыми крайне неприятно было имѣть дѣло, принадлежалъ также П. Дубровскій, членъ академіи наукъ. Интересны слѣдующія его помарки въ программѣ публичнаго акта въ одномъ частномъ пансіонѣ, на которую, въ моемъ журналѣ, указывали, какъ на рекламу, не подобающую въ серьезномъ дѣлѣ воспитанія. «Дѣвица Еремѣева, — объявляла содержательница пансіона», прочтеть: «Могу ли я увидѣть Бога» (')... Национальный гимнъ «Боже Царя» храни; Дѣвица Харламова исполнить «*Fantasia elegante sur l'hymne national de Lwov*». Все это, начиная съ дѣвицы Еремѣевой и кончая Львовымъ, авторомъ гимна, показалось цензору очень подозрительнымъ и подверглось остракизму.

Между Дубровскимъ и мною произошла очень неприятная исторія изъ-за вопросительныхъ знаковъ, поставленныхъ имъ на гранкахъ и, по недосмотру типографіи, внесенныхъ въ текстъ статьи. Цензоръ потребовалъ перепечатки цѣлаго листа, мотивируя свою придирчивость такимъ заявленіемъ: «Вопросительные знаки поставлены мною подлѣ строки, мною исключенной и непонятной. Здѣсь эти знаки напечатаны произвольно и придають особый (?) смыслъ рѣчи». Я прибѣгнулъ было къ защитѣ цензурнаго комитета, но жалоба моя была оставлена безъ послѣдствія. Этотъ случай доставилъ мнѣ удовольствіе познакомиться съ новымъ предѣдателемъ цензурнаго комитета, барономъ Медемомъ. Генералъ Медемъ, бывший профессоръ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, безъ приставленнаго къ уху рожка не могъ ничего слышать. Вотъ этотъ-то рожокъ въ рукахъ ученаго стратега и служилъ превосходнымъ орудіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по хитрымъ соображеніямъ тактики, оказывалось цѣлесообразнымъ быть глухимъ ко всѣмъ тѣмъ, кто позволялъ себѣ беспокоить начальство жалобами на гг. цензоровъ. Какъ только баронъ изъ первыхъ словъ просителя догадывался, что дѣло касается цензурской прижимки, онъ немедленно отнималъ рожокъ отъ уха и, такимъ простымъ и нагляднымъ движеніемъ, давалъ знать жалобщику объ окончаніи аудіенціи, т. е., что можешь отпра- вляться домой съ тѣмъ, съ чѣмъ пришелъ.

До какой степени беззастѣнчивости доходилъ произволъ пана Дубровскаго, можно убѣдиться также изъ слѣдующаго недоброевѣстнаго его распоряженія: онъ приказалъ перепечатать одинъ листъ въ журналѣ, одобренный имъ къ печати, какъ онъ сознавался, «по ошибкѣ».

Изъ петербургскихъ цензоровъ моего журнала мнѣ остается упомянуть еще объ Обертѣ. Вотъ что писалъ мнѣ ²⁾ мой постоянный сотрудникъ

¹⁾ Въ то время стихотвореніе это можно было встрѣтить въ любой хрестоматіи.

²⁾ Я въ то время находится въ заграничной командировкѣ по возложенному на меня министромъ Ковалевскимъ порученію — обозрѣть учительскія семинаріи.

І. И. Паульсонъ, извѣстный педагогъ, впоследствии редакторъ журнала «Учитель», по поводу перехода журнала въ вѣдѣніе этого цензора: «Журналу Воспитаніе» страшно не везетъ съ цензорами: едва только успѣешь наладиться съ однимъ, какъ уже назначается другой. Ярославцева выпросила себѣ «St. Petersburger Zeitung», и мы попали въ руки Оберта, субъекта въ родѣ Фрейганга». Отзывъ объ Обертѣ историка русской цензуры, г. Скабичевского, — еще суровѣе: «въ комитетѣ внутренней цензуры — говоритъ онъ — наиболѣе выдавались Корсаковъ, Крыловъ, Фрейгангъ (авторъ забылъ Елагина), но всѣхъ ихъ превзошелъ Карлъ Stanisлавовичъ Обертъ». Отмѣчу здѣсь кстати, что рассказъ о требованіи со стороны цензора, чтобы его титуловали «Вашимъ Превосходительствомъ», Скабичевскій едва-ли правильно относитъ къ Оберту, такъ какъ еще въ адрессѣ-календарѣ 1861 г. К. С. Обертъ значится въ чинѣ только статскаго совѣтника. Кромѣ того авторъ «Очерковъ» одного и того же цензора называетъ то Карломъ, то Августомъ Stanisлавовичемъ. Обертъ до своего цензорства въ концѣ 50 годовъ состоялъ учителемъ нѣмецкаго языка, а въ то время превосходительный чинъ доставался не очень-то легко.

Изъ личныхъ моихъ сношеній съ Обертомъ я вывелъ заключеніе, что этотъ господинъ всецѣло проникся идеей вышеупомянутаго проекта барона Медема, ибо онъ иногда позволялъ себѣ неумѣстными исправленіями искажать мысли автора. Такъ, въ одной статьѣ фразу «скромный подчиненный» онъ замѣнилъ словомъ «преподаватель», а «насильственные мѣры» превратилъ въ «усиленные мѣры». Обертъ даже не соглашался допустить перепечатки одного циркуляра по Кіевскому учебному округу, Пирогова, что однако затѣмъ было разрѣшено цензурнымъ комитетомъ. Однажды онъ уполномочилъ меня смягчить, по моему усмотрѣнію, нѣкоторыя подчеркнутыя имъ выраженія, прибавивъ, что мнѣ, какъ редактору, это легче сдѣлать. Поощренный такимъ довѣріемъ, я смягчилъ, насколько сумѣлъ, но цензору не угодилъ, и статью пришлось перепечатывать.

Ник. Ив. Пироговъ и его циркуляръ.

Читатели «Журнала Воспитанія», вѣроятно, не разъ задавали себѣ вопросъ, отчего редакція, предлагая статьи по методикѣ и дидактикѣ всѣхъ учебныхъ предметовъ, на страницахъ своего изданія почти ничего не помѣщала о преподаваніи такого важнаго въ дѣлѣ воспитанія предмета, какъ Законъ Божій. На эти недоумѣнія могу отвѣтить, что, съ своей стороны, я съ полною готовностью удѣлилъ бы въ журналѣ мѣсто для статей, которыя, опираясь на данныя науки воспитанія, вно-

если бы что-нибудь свѣжее въ тогдашніе схоластическіе приемы преподаванія Закона Божія. Но въ продолженіе семи лѣтъ существованія моего журнала никто изъ законоучителей не предложилъ мнѣ даже небольшой замѣтки, посвященной этому вопросу ¹⁾. На основаніи этого слѣдуетъ думать, что современные законоучители или были вполне довольны постановкой своего предмета или же находили для себя неудобнымъ знакомиться съ методикой преподаваемаго ими предмета и отказаться отъ приемовъ, съ которыми они такъ свыклись еще на семинарскихъ скамьяхъ. Такое заключеніе подтверждалось и моими личными наблюденіями надъ преподаваніемъ тѣхъ законоучителей, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться за время педагогической службы.

Но, съ другой стороны, на нежеланіе духовныхъ педагоговъ выступать въ печати съ мало-мальски-реформаторскими предложеніями и вообще на бѣдность въ этой области нашей педагогической литературы оказывало, конечно, сильное вліяніе также чрезчуръ щепетильное отношеніе разнаго рода цензуръ ко всѣмъ статьямъ, затрогивающимъ, — хотя бы косвенно — церковныя темы. Такія статьи, если и пропускались, то все-таки доставляли редактору массу хлопотъ и требовали отъ него большой затраты времени: ихъ нужно было препровождать къ духовному цензору, въ Александро-Невскую лавру, откуда онѣ возвращались очень не скоро, что не могло не отзываться на срочномъ выходѣ книжки журнала.

Не имѣя по всѣмъ этимъ причинамъ возможности помѣщать въ своемъ журналѣ оригинальныхъ трудовъ, касающихся преподаванія Закона Божія, я, однако, никакъ не могъ ожидать затрудненій со стороны цензуры при перепечатаніи статей по этому предмету изъ другихъ изданій, уже одобренныхъ попечителемъ учебнаго округа — предсѣдателемъ цензурнаго комитета. Между тѣмъ вотъ какой странный казусъ приключился съ одной статьей, которую я пожелалъ перепечатать изъ циркуляровъ, издававшихся Киевскимъ учебнымъ округомъ. Замѣчательна была не столько самая статья, трактовавшая «О способѣ преподаванія въ гимназіяхъ вообще и преподаванія Закона Божія въ особенности», законоучителя священника П. Лебединцева, сколько сопровождавшія статью замѣтки нашего знаменитаго хирурга и педагога, Пирогова. Доброе мое намѣреніе, на первыхъ же порахъ, встрѣтило препятствіе со стороны цензора И. А. Гончарова, потребовавшаго разрѣшенія ея цензурнымъ комитетомъ. И начались мытарства для этой бѣдной статьи. Первымъ

¹⁾ Счастливіе моего въ этомъ отношеніи былъ журналъ „Учитель“, въ которомъ въ началѣ 60-хъ годовъ, уже послѣ перенесенія моего журнала въ Москву, сталъ помѣщать статьи по методикѣ Закона Божія молодой тогда священникъ Дмитрій Соколовъ.

дѣломъ отправился я къ предсѣдателю комитета И. Д. Делянову, который всегда любезно относился къ моимъ ходатайствамъ. Но на этотъ разъ и здѣсь встрѣтилъ я неожиданное затрудненіе. Осторожный Иванъ Давидовичъ, попросилъ меня придти къ нему на слѣдующій день, говоря, что намѣренъ поговорить съ министромъ. 29-го января я получилъ отъ него записку, что министръ не беретъ на себя пропустить циркуляръ и совѣтуетъ отправить въ духовную цензуру. Зная по опыту, какъ скоро дѣлаются дѣла въ духовной цензурѣ, и не желая задержать изъ-за злополучнаго циркуляра работу въ типографіи, я на другой же день отправился къ Делянову, чтобы объявить о моемъ рѣшеніи отказаться отъ напечатанія циркуляра, а онъ встрѣчаетъ меня радостнымъ восклицаніемъ: «печатайте, вѣдь циркуляръ en question уже напечатанъ въ только-что вышедшей книжкѣ «Педагогическаго Вѣстника».

Для возможно полного и нагляднаго ознакомленія съ неосновательностью существовавшихъ цензурныхъ строгостей, нахожу не лишнимъ привести здѣсь доставившій мнѣ столько хлопотъ и замѣчательный самъ по себѣ циркуляръ Пирогова.

Разсматривая изложеніе способа преподаванія Закона Вѣры, общеннаго преподавателемъ Бѣлоцерковской гимназіи, Пироговъ говоритъ: «1) я не согласенъ, что священную исторію можно и должно излагать не иначе, какъ въ выраженіяхъ библейскаго разсказа. Библейскій языкъ, за исключеніемъ книгъ Пророковъ, Псалтыря и, м. б., первыхъ главъ книги Бытія, вообще такъ же простъ, какъ и языкъ самаго простаго разсказа; если же этотъ языкъ намъ кажется необыкновенно высокимъ, то это происходитъ, я думаю, только отъ того, что онъ не нашъ, а славянскій: переведите хорошо содержаніе на свой отечественный, и все будетъ такъ же просто, какъ сердечные рассказы, которые мы слышали въ дѣтствѣ отъ нашихъ отцовъ и матерей. Да если бы онъ былъ и дѣйствительно выше обыкновеннаго, то я не вижу причины, для чего не упростить его для дѣтей. Предметъ священнаго писанія уже по своей сущности такъ высокъ, и заключающіяся въ немъ истины такъ ясны и непреложны, что нечего опасаться въ наше время (какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ), будто бы хрістіанская вѣра извратится, если слова, встрѣчающіяся въ Библии и Псалтырѣ, будутъ замѣнены другими подобнозвучащими, но болѣе доступными для ребенка. По этой самой причинѣ я не могу согласиться и 2) чтобы Катехизисъ нужно было учить наизусть, какъ увѣряетъ почтенный законоучитель, нѣтъ, я положительно предлагаю всѣмъ законоучителямъ Кіевского учебнаго округа не давать ничего дѣтямъ учить наизусть, за исключеніемъ однихъ текстовъ и молитвъ. Изустное ученіе еще можетъ быть принято для такихъ предметовъ, каковы легкая литература, басни, стихи и вокабулы языковъ, но уже никакъ для пред-

метовъ вѣры, начнемъ ли изученіе ихъ съ ума, какъ предлагаетъ законоучитель Вѣлоцерковской гимназіи, или съ сердца,—какъ я думаю. 3) Несогласно и то съ моимъ убѣжденіемъ, что можно было предоста-вить ученикамъ низшихъ классовъ «самимъ угадывать» нравоученіе, заключающееся въ описаніи событій Священной исторіи. Если законо-учитель, который есть и eo ipso и нравоучитель, не обратитъ вниманіе и сердечное чувство дѣтей на нравственное начало, заключенное въ Священной исторіи, и не проникнетъ этимъ началомъ до глубины сердца своихъ учениковъ, то какія бы высокія выраженія онъ ни упо-треблялъ и какую бы высокую важность онъ ни старался ими придать своимъ рассказамъ, они все-таки останутся не болѣе какъ рассказами. Я согласенъ, что священная повѣсть можетъ и одна сама по себѣ произвесть глубокое впечатлѣніе на ребенка, но это предполагаетъ въ законоучителѣ особенный Богомъ ниспосланный даръ слова и талантъ необыкновенный, который дается однимъ избраннымъ и который мы не въ правѣ отъ всѣхъ требовать. 4) Не могу безусловно признать и того, что «вѣра начинается въ мысляхъ и отъ ума передается сердцу». Въ мысляхъ—да, но чтобы вѣра передалась отъ ума сердцу,—не вѣрю. Да развѣ любовь дѣтей къ родителямъ передается умомъ сердцу и развѣ любовь къ Богу и къ ближнему, служащая главнымъ основаніемъ на-шей вѣры, не есть также чувство, присущее нашей натурѣ во всѣхъ возрастахъ жизни? Я не понимаю, что сдѣлаетъ законоучитель, дѣйствуя святынею его ученія на умъ, если онъ сначала не приготовитъ и не растворитъ къ принятію ея сердце и чувства ребенка. Если мы всѣ желаемъ искренно воспитать новое поколѣніе болѣе твердое въ нача-лахъ истинной нравственности, то мы должны безпрестанно обращаться къ тому, что въ человѣкѣ есть сильнѣе ума. Не забудемъ, нравоучи-тели и учителя, что умъ можетъ и заблуждаться и сомнѣвать-ся, но въ сердцѣ нашемъ есть что-то иное, что хотя нерѣдко и за-блуждается, но уже никогда не сомнѣвается» Н. П и р о г о в ъ ¹⁾).

Насколько позволяли обстоятельства, министерство народнаго просвѣ-щенія отставало своихъ цензоровъ. Такъ предѣдатель С.-Петербургскаго цензурнаго комитета И. Д. Деляновъ, въ одномъ отчетѣ, писалъ: «При всей моей бдительности по С.-Петербургской цензурѣ, чтобы въ литературѣ не касались догматовъ и постановленій церковныхъ, я однако же даю значительный просторъ для основательныхъ статей, обсуживающихъ съ званіемъ дѣла недостатки нынѣшняго воспитанія духовенства, ибо, по мо-ему искреннему убѣжденію, это лучшее средство, чтобы смягчить тѣ грубые нравы и обычаи, которые, къ сожалѣнію, замѣчаются у насъ отчасти въ семи-наріяхъ и духовныхъ училищахъ, и естественно противодѣйствуютъ (со-

¹⁾ „Журналъ Воспитаніе“ 1859, т. 2, стр. 21 и 22.

дѣйствуютъ?) тому нравственному образованію, которымъ въ особенности должны отличаться пастыри церкви. Равнымъ образомъ я нахожу полезнымъ пропускать всѣ статьи, направленные на недостатки учебныхъ заведеній, подчиненныхъ министерству народнаго просвѣщенія, дабы дать этому вѣдомству возможность принять мѣры къ ихъ благовременному исправленію»¹⁾).

Къ сожалѣнію, просвѣщенный взглядъ предсѣдателя цензурнаго комитета на пользу печати очень рѣдко усвоивался подчиненными ему цензорами. Какъ въ другихъ дѣлахъ, такъ и въ цензурѣ оказывались исполнители нерѣдко «истыми супостатами». Вотъ нѣсколько образчиковъ ихъ усердія не по разуму²⁾. Не помню, кѣмъ-то изъ цензоровъ, въ моемъ журналѣ,—не были пропущены анекдоты, въ которыхъ высказывалось, какъ согласно правилу, существующему въ Итонскомъ училищѣ (въ Англіи) не допускать посѣтителей въ классы во время преподаванія,—не былъ допущенъ императоръ Александръ I, а также—какъ одинъ прусскій учитель, при входѣ въ классъ Фридриха II, взойдя на кафедру, накрылся шляпой, чтобы, какъ онъ объяснилъ удивленному королю, глупые мальчишки не подумали, что въ классѣ главное лицо—не онъ, учитель.—Цензурой не допускались эпитеты: «пошлый, возмутительный, бесполезный», относившіеся къ тѣлесному наказанію дѣтей.

Подобныя сужденія казались цензорамъ 50-хъ и 60-хъ г. слишкомъ смѣлыми и неподлежащими печати.

Московскіе цензора.

Съ перенесеніемъ въ 1861 г. изданія журнала «Воспитаніе» въ Москву, неприятности съ цензурой если не прекратились совершенно, то во всякомъ случаѣ нельзя не отмѣтить, что отношенія къ московскимъ цензорамъ отличались болѣе мягкимъ характеромъ и въ общемъ были довольно сносныя. Я сразу убѣдился, что московскій служебный персоналъ, сравнительно съ петербургскимъ, въ обращеніи съ публикой, обнаруживаетъ болшую привѣтливость и чисто русское добродушіе. Точно такъ и московскіе цензора, начиная съ предсѣдателя комитета, были гораздо доступнѣе и сговорчивѣ послѣднихъ.

Такъ же точно, какъ въ Петербургѣ, и здѣсь въ моемъ журналѣ почти ежегодно происходила смѣна цензоровъ: въ послѣдніе три года изданія

¹⁾ „Очерки“, стр. 491.

²⁾ Кн. Щербатовъ, исправлявшій должность попечителя въ Москвѣ, гоня въ Плетневу, что петербургскіе цензора просто идиоты. (Письмо Плетнева къ Гоголю. „Рус. Вѣстникъ“, 1890 г. ноябрь).

пришлось имѣть дѣло съ четырьмя, и къ каждому изъ нихъ необходимо было приравниваться. Наименѣе боязливымъ, несмотря на частыя изъ Петербурга получаемыя замѣчанія ¹⁾, оказался многосторонне-образованный Гиляровъ-Платоновъ. Но и того нельзя было назвать вполнѣ либеральнымъ цензоромъ: въ рукахъ этого философа красный карандашъ любилъ иногда какъ бы безсознательно прогуливаться по корректурнымъ листамъ. Напримѣръ, на одномъ изъ нихъ нашелъ я зачеркнутыми такія общеизвѣстныя истины: «Мы позаимствовали отъ Запада академіи и университеты, не имѣя ученыхъ, но объ учрежденіи первоначальныхъ школъ не подумали... Однако можетъ ли зеленѣть верхушка дерева, ежели не позаботишься о достаточномъ питаніи его корней».

Впрочемъ непріятности, испытанныя мною отъ почтеннаго Н. П. Гилярова-Платонова, происходили преимущественно изъ-за того, что онъ не имѣлъ обыкновенія аккуратно возвращать въ типографію одобренныя имъ къ печати статьи; бывало—корректурныя гранки завалились у него между грудой бумагъ, а онъ увѣряетъ, что давно отослалъ ихъ въ типографію. Вообще этотъ замѣчательный ученый и публицистъ отличался полною неприспособленностью къ практической жизни. Напримѣръ, пожелавъ культивировать на своей дачѣ необыкновенно крупную клубнику, онъ для удобренія грядъ свезъ весь голубиный пометъ, накопившійся годами на всѣхъ московскихъ церковныхъ колокольняхъ. Клубничныя растенія вышли великолѣпныя, но отъ излишняго удобренія ягодъ не приносили. Такую же точно неудачу испыталъ Гиляровъ со своей бумажной фабрикой и газетой «Современныя Извѣстія».

Изъ столкновеній моихъ съ прочими московскими цензорами я особенно интересныхъ случаевъ въ памяти не удержалъ. Знаю только, что возня съ цензурой мнѣ надоѣла до такой степени, что я вскорѣ началъ подумывать о прекращеніи моей редакторской дѣятельности, и поэтому сталъ довольно равнодушно относиться къ цензорскому произволу. Ко всему этому присоединилось также убѣжденіе въ недостатокѣ сочувствія какъ нашихъ родителей, такъ и профессиональныхъ педагоговъ къ наукѣ воспитанія. Къ счастью, судя по обилію существующихъ въ настоящее время педагогическихъ журналовъ, сочувствіе это явилось, чему не можетъ не порадоваться искренне старый педагогъ, отличенный названіемъ «основателя современной педагогической журналистики» ²⁾.

¹⁾ См. «Русское Обозрѣніе» 1897 и 1898 гг.

²⁾ См. журналъ Мѣднникова «Народная Школа», 1877 г., № 5

Исторія французской революціи Тэна.

Послѣднюю неприятность съ цензурой испыталъ я черезъ 12 лѣтъ по прекращеніи моей журнальной дѣятельности, но уже не изъ-за собственнаго изданія, а желая способствовать появленію на свѣтъ Божій извѣстнаго сочиненія Тэна—«Французская революція», въ переводѣ одного изъ достойнѣйшихъ моихъ сотрудниковъ по журналу, Н. Н. О—ва. Посѣтивъ его во время моей поѣздки по Волгѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ 1875 г. я убѣдилъ почтеннаго Н. Н. довѣрить мнѣ свой трудъ для проведенія его черезъ неизбѣжныя цензурныя тиски. При новомъ цензурномъ уставѣ, которымъ отмѣнялась предварительная цензура для переводныхъ сочиненій болѣе 20 печатныхъ листовъ, я былъ увѣренъ, что сочиненіе, написанное Тэномъ съ цѣлью доказать не только безполезность, но и вредъ подобной революціи, какъ французская, пройдетъ безъ помѣхи со стороны цензуры и, разъ одобренная ею, скорѣе выйдетъ издателя. Однако пришлось жестоко разочароваться. Особенно горько для меня было сознавать, что трудъ этотъ пропалъ по моей винѣ.

Какъ ни поражаетъ насъ теперь все рассказанное мною, но мы не должны однако забывать всей совокупности условій того времени и не возлагать ответственности за стѣсненіе литературы всецѣло на отдѣльныхъ цензоровъ: вѣдь послѣдніе являлись лишь вѣрнымъ отраженіемъ своего времени и своей среды. Если же, несмотря на такую точку зрѣнія, я все-таки не могъ не называть нѣкоторыхъ цензоровъ по именамъ, то мною руководило опасеніе, чтобы рассказанные здѣсь подвиги не были приписаны другимъ лицамъ, принадлежавшимъ къ составу цензоровъ того времени, которые въ этихъ подвигахъ неповинны уже со всякой точки зрѣнія.

Въ заключеніе попрошу читателя отнестись къ моимъ воспоминаніямъ такъ же, какъ я писалъ ихъ: *sine ira et studio*. Для тѣхъ цензурныхъ порядковъ, о которыхъ я говорю, уже наступила исторія, и нагляднымъ показателемъ этого можетъ служить самое появленіе въ печати этой статьи, отчасти дополняющей замѣчательный трудъ А. М. Скабичевского «Очерки исторіи русской цензуры».

А. Чумиковъ.

**Условія, предложенныя А. Воейковымъ Н. И. Гречу по изданію
«Сына Отечества».**

іюль 1820 г.

В(оейковъ) пріѣхалъ въ Петербургъ въ самое благопріятное время для изданія журнала; такое время два раза не приходится, а потому онъ спѣшитъ воспользоваться всѣми выгодами своего положенія, поступая въ семь случаевъ по пословицѣ: «куй желѣзо, пока оно горячо».

Но уважая Н. И. Греча, какъ человѣка свободномыслящаго и хорошаго писателя, онъ сердечно желаетъ съ нимъ сблизиться и вмѣстѣ составить союзъ противъ гасильниковъ. В(оейковъ) предлагаетъ слѣдующія условія:

1) Н. И. Гречъ обязанъ принять В(оейкова) въ участники съ 1-го августа текушаго года на все будущее время, докуда будетъ онъ издавать С. О. («Сынъ Отечества»).

2) А потому г. Г. (г. Гречъ) имѣетъ право публиковать въ своемъ журналѣ и въ вѣдомостяхъ объ этомъ товариществѣ; ибо Жуковский далъ В(оейкову) крѣпкое слово, что нигдѣ, кромѣ С. О. («Сына Отечества»), своихъ стиховъ не станетъ печатать [разумѣется, если г. Г. (г. Гречъ) будетъ издавать его вмѣстѣ съ В(оейковымъ)]. Жуковский нарочно будетъ писать для этого именно больше стиховъ и прозы, и для принятія ближайшаго участія въ семь изданій будетъ жить въ одномъ домѣ съ В(оейковымъ).

3) Кромѣ Жуковскаго будутъ дѣятельно участвовать М. С. Кайсаровъ, Лабойковъ и другіе, и это не бездѣлица!

4) Гречъ можетъ найти свои счеты и въ томъ, что В(оейковъ), какъ человѣкъ знающій вкусы и прихоти нашей публики, имѣвшій свою типографію и въ три года составившій себѣ 100 тысячъ рублей, станетъ печатать съ нимъ вмѣстѣ и другія книги.

5) В(оейковъ) пріятель или, справедливѣе сказать, другъ со всѣми извѣстными литераторами и имѣетъ почтенныхъ корреспондентовъ въ губерніяхъ, и потому онъ смѣло надѣется, что число подписчиковъ много увеличится.

6) В(оейковъ) безпрепятственно можетъ отлучаться изъ Петербурга на четыре лѣтніе мѣсяца.

7) В(оейковъ) не беретъ на себя держать корректуру.

8) В(оейковъ) не обязывается доставлять опредѣленнаго числа листовъ и на срокъ, но какъ честный человѣкъ, не любящій брать денегъ даромъ, имѣющій на два или на три года въ запасѣ лучшихъ матеріаловъ въ прозѣ, множество стихотвореній и подкрѣпляемый Жуковскимъ [который (даль?) уже ему 27 стихотворныхъ пьесъ], увѣренъ, что г. Г. (г. Гречъ), будетъ доволенъ какъ качествомъ, такъ и количествомъ сочиненій и переводовъ его собственныхъ и друзей его.

9) Ни одна статья изъ присланныхъ В(оейковымъ) или одобренныхъ имъ пьесъ не можетъ быть откинута г. Гречемъ.

10) В(оейковъ) увѣренъ, что убиваютъ журналъ продолжительныя путешествія, а маленькія, приятно рассказанныя сказочки не убиваютъ журналъ, спрашиваетъ: намѣренъ ли г. Г. (г. Гречъ) помѣщать ихъ впередъ въ С. О. («Сынъ Отечества»)? впрочемъ, предоставляетъ онъ сіе въ полную его волю.

11) Г. Гречъ обязанъ доставлять В(оейкову) всѣ книги, какія онъ потребуетъ на польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ. Само-собою разумѣется, что В(оейковъ) не потребуетъ невозможнаго и слишкомъ дорогаго.

12) Если будетъ только 900 подписчиковъ, то г. Гречъ платитъ В(оейкову) по 6 тысячъ въ годъ, выдавая всегда по 3 тысячи рублей за полгода впередъ. За остающіеся пять мѣсяцевъ 1820 г., считая отъ 1-го августа, выдаетъ онъ В(оейкову) три тысячи рублей безъ расчета.

13) Если же будетъ болѣе 900 подписчиковъ, то третью часть всей остальной суммы барыша.

14) Журналъ С. О. («Сынъ Отечества») печатается по-прежнему на издѣваніи г. Греча, а В(оейковъ) ничего не платитъ ни за печать, ни за бумагу.

15) В(оейковъ) желалъ бы, чтобы г. Гречъ съѣздалъ въ Павловскъ и переговорилъ тамъ съ Ж(уковскимъ) прежде, чѣмъ приступить къ формальному заключенію условія.

В(оейковъ), кромѣ здѣсь вложенныхъ, имѣетъ еще нѣсколько мало-важныхъ вещей предложить г. Гречу на разрѣшеніе.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—78 г.г.).

XIX.

Формированіе особаго отряда князя Имеретинскаго.—Назначеніе меня начальникомъ штаба.—Прибытіе отряда въ Сельви.—Командировка меня на Шипку.—Свиданіе съ генераломъ Радецкимъ.—Отправленіе на Шипку 1-й бригады 2-й дивизіи.—Приготовленія къ атакѣ Ловчи.—Штурмъ города 22-го августа.—Наступленіе турокъ 23-го августа.—Движеніе къ Плевнѣ.—Контузія.

Ожидая назначенія въ какой-нибудь отрядъ, сидѣлъ я безъ дѣла въ главной квартирѣ. Личныя мои желанія сводились къ тому, чтобы попасть опять туда, гдѣ будетъ Скобелевъ, а потому я не особенно обрадовался, когда узналъ, что меня ожидаетъ что-то другое.

Разгуливая по бивуаку главной квартиры, встрѣтился я какъ-то съ генераломъ свиты его величества княземъ Имеретинскимъ, котораго зналъ еще въ Пажескомъ корпусѣ. Имеретинскій объявилъ мнѣ, что его назначаютъ начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи, что онъ просилъ Непокойчицкаго и получилъ обѣщаніе о назначеніи меня къ нему начальникомъ штаба. Я доказывалъ невозможность этого, такъ какъ 2-я пѣхотная дивизія, подходившая изъ Россіи, конечно, имѣетъ уже своего начальника штаба и что при чемъ же буду я; но князь опровергъ эти и другіе мои доводы, сказавъ, что ко 2-й дивизіи присоединятся потомъ другія части, такъ что я буду начальникомъ штаба отряда.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1899 г.

Части 2-й пѣхотной дивизіи еще только подходили, Имеретинскій ждалъ ея прихода, а потому и я проживалъ въ Горнемъ Студіѣ.

Тутъ встрѣтилъ я Александра Ивановича Нелидова, бывшаго совѣтника нашего посольства въ Константинополь, а теперь состоявшаго начальникомъ дипломатической канцеляріи при главнокомандующемъ, человѣка очень милаго и всѣми любимаго; тогда же познакомился я съ Добровольскимъ, начальникомъ 3-й стрѣлковой бригады, пришедшей за Дунай, очень высокимъ и молодцоватымъ генераломъ, имѣвшимъ для меня особое значеніе, такъ какъ онъ былъ женатъ на сестрѣ моего пріятеля Ушакова, раненаго въ началѣ войны въ Рущукскомъ отрядѣ. Я узналъ отъ него, что Ушаковъ все еще лежитъ въ Букарестѣ, въ Бранкованскомъ госпиталѣ.

Разсказывали тогда, что графъ Игнатьевъ, обсуждая съ кѣмъ-то положеніе дѣлъ и высказавшіяся уже не блистательныя стратегическія дарованія Левицкаго, спрашивалъ, отчего его не смѣнять.

— Кѣмъ же его замѣнить?

— Да вотъ,—говорилъ Игнатьевъ,—у васъ очень хвалятъ какого-то полковника Нагловскаго; его и назначьте.

Когда ему возражали, что этого нельзя, потому что Нагловскій молодъ и еще полковникъ, то Игнатьевъ, смѣясь, замѣтилъ:

-- Ну послѣднее-то легко исправить: произведите его въ генералы и не будетъ молодъ.

Не знаю, правда ли это, но такъ тогда разсказывали.

9-го августа выѣхалъ я съ княземъ Имеретинскимъ догонять дивизію. 2-я пѣхотная дивизія, а впоследствии и 3-ья стрѣлковая бригада предназначались въ началѣ для дѣйствія противъ Плевны, а именно для усиленія западнаго отряда арміи, бывшаго въ то время подъ начальствомъ генерала Зотова, но затѣмъ, въ виду усиленныхъ атакъ Сулеймана на Шипку, будучи усилены бригадой 3-й пѣхотной дивизіи, получили другое назначеніе—поддержать шипкинскія войска, для чего направились изъ Горняго Студія на Сельви по большой дорогѣ черезъ Мурадъ-Бей-Кіюй (Марадего) и Болванъ.

Догоняя дивизію, мы обогнали всѣ ея обозы. 2-я дивизія пришла изъ Казанскаго округа и щеголяла своими запряжками. Тройки и четверки были чудесныя, масти подобраны и такъ какъ они не успѣли еще замориться, то видъ былъ превосходный. Кучера, въ поддевкахъ, еле сдерживали сытыхъ коней, пристяжныя свивались въ кольцо, однимъ словомъ, какъ на гуляньи въ Россіи. Къ несчастію, эти чудныя лошади были запряжены въ русскія телѣги съ низкимъ переднимъ ходомъ, очень удобныя по хорошей дорогѣ, но никуда не годныя въ Болгаріи. Уже на первомъ переходѣ отъ Горняго Студія много повозокъ перевернулось и поломалось, такъ что ко времени прихода отряда на воч-

лежь въ Мурадъ-Бей-Кюй, значительная часть обоза далеко отстала, такъ какъ свалившіяся повозки затормозили движеніе въ скалистыхъ ущельяхъ. Ночи были очень темныя, окрестныя селенія были турецкія, въ горахъ къ сѣверу и югу отъ Сельвинскаго шоссе бродили шайки баши-бузуковъ, и я очень опасался за этотъ отставшій обозъ, тѣмъ болѣе, что дивизія еще не была въ дѣлѣ. Было еще одно обстоятельство, которое невольно заставляло задуматься; 2-я пѣхотная дивизія имѣла въ своихъ рядахъ большой процентъ татаръ. Нѣкоторые изъ начальниковъ частей дивизіи, долженствовавшіе знать своихъ людей, не вполне увѣренно о нихъ отзывались. Понятно, что люди, совсѣмъ не знавшіе состава дивизіи, къ которымъ я долженъ причислить и себя, безпокоились этимъ вопросомъ. Послѣдствія показали, что татары дрались отлично, и если были случаи обратнаго, то они составляли исключеніе. Я лично помню одинъ только случай побѣга солдата 2-й дивизіи. Но все это разъяснилось гораздо позже, а въ описываемое мною время я смотрѣлъ на составъ 2-й дивизіи иначе, что увеличивало мои опасенія объ отставшемъ обозѣ.

Прийдя въ Сельви 10-го августа, мы нашли тамъ начальника 9-й пѣхотной дивизіи князя Святополкъ-Мирскаго, который былъ старше князя Имеретинскаго и, слѣдовательно, долженъ былъ принять командованіе и надъ нами, но, будучи очень боленъ, по временамъ даже въ постели, не вступилъ въ командованіе пришедшими войсками, во главѣ которыхъ остался князь Имеретинскій. Первымъ дѣломъ нашимъ было войти въ сношеніе съ Скобелевымъ, стоявшимъ со своимъ отрядомъ впереди насъ, на позиціи у Какрина, по Сельви-Ловчинскому шоссе. Михаилъ Дмитриевичъ пріѣхалъ къ намъ и бесѣдовалъ съ обоими князьями, обсуждая общее положеніе дѣлъ и наше частное. Скобелевъ ходилъ тогда, по недостатку кителей, въ австрійской холщевой курточкѣ, которую купилъ одновременно со мной, послѣ второй Плевны, у какого-то вѣмца въ главной квартирѣ.

Выше было сказано, что отрядъ князя Имеретинскаго предназначался для усиленія войскъ генерала Радецкаго, отбивавшагося на Шипкѣ отъ яростныхъ атакъ Сулеймана. По имѣвшимся въ то время въ главной квартирѣ свѣдѣніямъ предполагалось, что Сулейманъ предприметь обходъ нашей позиціи на Шипкѣ съ ея праваго фланга на Зелено-Древо; поэтому въ предписаніи, данномъ князю Имеретинскому, было приказано двинуть одну бригаду 2-й пѣхотной дивизіи черезъ Габрово на Шипку, а для полученія приказаній отъ генерала Радецкаго, куда именно двинуть эту бригаду—послать къ нему нарочныхъ испросить приказаній; другая бригада той же дивизіи должна была оставаться въ Сельви, но быть готовой тоже идти къ Радецкому; въ по-

слѣднемъ случаѣ отрядъ генерала Скобелева долженъ былъ оставаться у Какрина противъ Ловчи.

Князь Имеретинскій, перетолковавъ съ княземъ Мирскимъ, рѣшилъ послать къ Радецкому меня, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы я ѣхалъ какъ можно скорѣй и немедленно возвратился бы по полученіи приказанія. Я могъ быстро съѣздить, благодаря обилію верховыхъ лошадей, и 12-го августа отправился съ Захаромъ, оба о дву-конь. Не доѣжая Габрова, я обогналъ Минскій пѣхотный полкъ 14-й дивизіи, направлявшійся на Шипку. Командиръ полка, полковникъ Мольскій, былъ извѣстный храбрець. Я познакомился съ нимъ еще, когда былъ пажемъ и пріѣзжалъ въ отпускъ въ Вологду, гдѣ Мольскій командовалъ въ концѣ 50-хъ годовъ гарнизоннымъ баталіономъ. Тогда это былъ совсѣмъ еще молодой, очень высокій, стройный маіоръ, получившій въ Севастополѣ Георгія, сильно раненый и имѣвшій право носить фуражку вмѣсто каски. Теперь я встрѣтилъ Мольскаго тоже молодцемъ, но уже сѣдымъ, вообще очень постарѣвшимъ, да и я превратился изъ ребенка-пажа въ полковника. Возобновивъ знакомство и закусивъ у радушнаго Мольскаго, поскакалъ я дальше къ Габрову. Городъ этотъ, при вѣздѣ въ него со стороны Сельви, отстоящаго отъ него въ 30-ти верстахъ, интересенъ между прочимъ тѣмъ, что, вслѣдствіе окружающихъ горъ, его издали совсѣмъ не видно, и потомъ вдругъ, обогнувъ гору, лежащую вправо, сразу попадаешь на площадь города. Въ Габровѣ, изъ окна какого-то дома меня окликнулъ генеральнаго штаба генераль Анучинъ, находившійся въ распоряженіи начальника гражданскаго управления занятой нами части Болгаріи—князя Черкаскаго. Разспросивъ меня, откуда, куда и зачѣмъ я ѣду, онъ сообщилъ мнѣ, что сейчасъ привезутъ съ Шипки раненаго генерала Драгомирова. Я былъ удрученъ этимъ извѣтіемъ и такъ какъ лазаретный фургоны, въ которомъ везли Драгомирова, уже былъ въ виду, рѣшилъ обождать и повидать бывшаго нашего учителя и наставника. Въ подъѣхавшемъ фургоны лежалъ Драгомировъ и раненый одновременно съ нимъ генеральнаго штаба капитанъ Мальцевъ, отличившійся при переправѣ и получившій за это Георгія. Драгомирова ожидали, его встрѣтили доктора, сестры милосердія, санитары и немедленно начали вытаскивать изъ фургона (лазаретной линейки). Процедура эта была чрезвычайно затруднительна, такъ какъ линейка не открывалась съ боковъ, а только сзади, и раненаго приходится вытаскивать изъ нея.

Когда Драгомирова увезли въ гос... 1. устроенный, кажется, въ какомъ-то монастырѣ, пора было и мнѣ трогаться въ дальнѣйшій путь. Живо сняли сѣдла съ разгоряченныхъ лошадей, окатили имъ спины одой изъ ведра, посѣдлали другихъ и поѣхали. Вся дорога отъ Габрова

къ Шипкѣ была усѣяна болгарами-бѣженцами изъ разныхъ мѣстъ; это былъ сплошной бивакъ или таборъ.

Поднимался я на Шипку уже подвѣчеръ при чудномъ лунномъ освѣщеніи. Первыми изъ знакомыхъ, которыхъ я тутъ встрѣтилъ, были ординарцы великаго князя, уланы гр. Штапельбергъ и конно-гвардеецъ Фелицынъ, шедшіе пѣшкомъ, лошадей вели назади. Оба они закричали мнѣ навстрѣчу:

— Что вы дѣлаете, слѣзайте!

— Зачѣмъ?

— Да кто же здѣсь проѣзжаетъ верхомъ¹⁾.

Я былъ первый разъ на Шипкѣ и не зналъ ея условій и особенностей. Разспросивъ, гдѣ Радецкій, и узнавъ, что еще далеко впереди, я понялъ, что спѣшившись потеряю много времени, что и сказалъ моимъ знакомцамъ, на что получилъ отвѣтъ: «ну, такъ повѣжайте хоть рысью»; это я, конечно, исполнилъ. Радецкаго, прибывшаго со стрѣлками на Шипку наканунѣ, я нашелъ, дѣйствительно, далеко впереди, спускающагося пѣшкомъ по дорогѣ отъ такъ называемой Круглой батареи. Онъ шелъ съ своимъ начальникомъ штаба Дмитровскимъ и разговаривалъ съ полковникомъ Депрерадовичемъ, отдавая какія-то приказанія. Такъ какъ Радецкій былъ, очевидно, очень занятъ, то я присоединился къ окружавшимъ его лицамъ и, спускаясь съ ними, былъ свидѣтелемъ оригинальнаго случая. Справа отъ насъ по краю шоссе, примыкавшаго къ скату, почти на обрывѣ, залегли житомірцы. Они отдыхали, и большинство спало. Вдругъ, одинъ изъ нихъ, очевидно, во снѣ или съ просонья, закричалъ «ура», и все, бывшее около, сразу поднялось и съ крикомъ «ура»—ухнуло внизъ по скату. Очевидное слѣдствіе нервной напряженности. Тутъ же встрѣтилъ я командира Подольскаго полка Духонина и командира Житомірскаго полка Тяжелникова. Радецкій сказалъ мнѣ, что идетъ къ перевязочному пункту и тамъ меня выслушаетъ, а я тѣмъ временемъ, спускаясь съ горы, разговаривалъ съ окружающими. Особенно радъ былъ я встрѣтить Федора Михайловича Депрерадовича. Мы были вмѣстѣ въ корпусѣ, онъ былъ камеръ-пажемъ, а я еще маленькимъ—и спалъ рядомъ съ нимъ, въ бывшемъ 5-мъ отдѣленіи корпуса. Вечеромъ, ложась спать, Депрерадовичъ любилъ разговаривать, особенно по воскресеньямъ, при возвращеніи изъ отпуска, при чемъ всегда экзаменовалъ меня, какъ я провелъ день.

Депрерадовичъ служилъ въ лейбъ-гвардіи 1-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ, былъ добровольцемъ въ Сербіи, имѣлъ репутацію очень умнаго

¹⁾ По этому мѣсту, сильно обстрѣливаемому турками, верхомъ избѣгали ѣздить.

человѣка, отличнаго военнаго и храбреца; за Дунаемъ служилъ онъ въ Болгарскомъ ополченіи.

На перевязочномъ пунктѣ Радецкій остановаился; подали чай, при чемъ онъ обсуждалъ съ своимъ начальникомъ штаба Дмитровскимъ положеніе дѣлъ на Шипкѣ и вопросъ о привлеченіи туда бригады 2-й дивизіи. При разговорѣ этомъ присутствовалъ еще товарищъ мой по академіи Рыбкинъ, бывший штабъ-офицеромъ для порученій при штабѣ 8-го корпуса. Дмитровскій находилъ положеніе войскъ, оборонявшихъ Шипку, весьма опаснымъ, допускалъ обходъ позиціи и между прочимъ говорилъ, что если не подкрѣпятъ, то—«всѣ адѣсь ляжемъ, никто не уйдетъ». Тогда я услышалъ отъ Радецкаго ту знаменитую фразу, которую, кажется, слышали и другіе: «Викторъ Ивановичъ, что вы каркаете, какъ ворона». Радецкій какъ-то не охотно соглашался на прибытіе новыхъ частей, но, наконецъ, уступилъ, проговоривъ: «пожалуй, бригаду приведите».

Кончивши чай, надо было собираться въ обратный путь. Въ Габровѣ я немножко отдохнулъ у капитана Маслова, туркестанца и большаго поклонника Скобелева, а затѣмъ прибылъ въ Сельви 13-го августа. По докладѣ моемъ объ отвѣтѣ Радецкаго рѣшено было немедленно двинуть на Шипку 1-ю бригаду 2-й дивизіи, состоящую изъ Калужскаго и Либавскаго полковъ. Первымъ изъ нихъ командовалъ горячій полковникъ Эльжановскій, выказавшій впоследствии неоднократно много храбрости, а тогда смѣшившій насъ своимъ костюмомъ: въ бѣлоснѣжномъ кителѣ и длинныхъ бѣлыхъ же штанахъ, надѣтыхъ на выпускъ сверхъ маленькнхъ сапогъ, что составляло контрастъ со всѣми нами; кромѣ того, онъ иногда раскрывалъ зонтикъ. Либавскимъ полкомъ командовалъ не менѣе храбрый, но болѣе спокойный шведъ, Коль, огромнаго роста и добрѣйшій человѣкъ.

Подходя къ Габрову 14-го августа, князь Имеретинскій начиналъ уже терять терпѣніе, что города, сколько ни идешь, не видно, и съ нимъ повторилось то же, что и со мной въ мою первую поѣздку: обогнувъ гору, мы сразу очутились въ городѣ.

Прійдя на Шипку, бригаду остановили и расположили бивуакомъ у подножія подъема на главный хребетъ, на перекресткѣ дорогъ, ведущихъ на Шипкинскій перевалъ и на Зелено-Древо. Князь разбилъ свою палатку возлѣ палатки генерала Столѣтова. 16-го августа пріѣхалъ на Шипку начальникъ полеваго штаба Непокойчицкій и объѣхалъ всѣ позиціи. Затѣмъ былъ у него военный совѣтъ, на которомъ участвовали Радецкій съ Дмитровскимъ, князь Имеретинскій, начальникъ 11-й пѣхотной дивизіи генералъ Эрпротъ и другіе.

На этомъ совѣтѣ рѣшено было, по предположенію Непокойчицкаго, «попробовать взять Ловчу», при чемъ войска 2-й пѣхотной дивизіи

были усилены 3-й стрѣлкой бригадой генераль-маіора Добровольскаго, Псковскимъ и Великолуцкимъ полками изъ 3-й пѣхотной дивизіи подъ начальствомъ генерала Давыдова (Вадима Денисовича, сына партизана-юста).

Не помню, почему мы простояли все 17-е и 18-е августа на Шипкѣ, но не у перекрестка, а на Зеленомъ-Древѣ, т. е. на возвышенностяхъ праваго фланга Шипкинскаго перевала. Въ числѣ лицъ, которыхъ я тутъ видѣлъ, были, кромѣ Десперадовича,—Чиляевъ, бывший конногренадеръ, служившій въ данное время въ Болгарскомъ ополченіи и пользовавшійся репутаціей отличнаго, храбраго офицера, и подполковникъ Ралгинъ, бывший мой ученикъ въ учебномъ эскадронѣ, прикомандированный къ 30-му донскому полку. Во время пребыванія моего на Шипкѣ, встрѣтился я еще съ генераломъ Кренке, котораго видѣлъ въ Плоэшти, и съ генераломъ Дерожинскимъ. Добрый и дѣятельный несмотря на годы, Кренке не могъ ѣздить верхомъ, а потому разгуливалъ по Шипкѣ пѣшкомъ съ палочкой. Онъ устраивалъ и разработывалъ подъемъ на Шипку и другія сообщенія въ тылу позиціи. Дерожинскаго я зналъ еще въ академіи, гдѣ онъ служилъ штабъ-офицеромъ, завѣдывающимъ обучающимися офицерами. Всегда отлично одѣтый, молчаливый и серьезный, Дерожинскій обращалъ на себя вниманіе тѣмъ, что у него было много орденовъ съ мечами, чего не было у остальныхъ.

19-го августа двинулись мы назадъ въ Сельви, придя куда, начались приготовленія къ атакѣ Ловчи, которая должна была быть ведена отрядомъ князя Имеретинскаго съ подчиненіемъ ему Скобелева, и по предписанію главной квартиры должна была состояться 21-го августа.

По просьбѣ князя Имеретинскаго Скобелевъ составилъ общія предположенія относительно характера предстоящаго дѣла, главныя черты котораго заключались въ слѣдующемъ: сильная подготовка атаки артиллерійскимъ огнемъ съ дальнихъ, а потомъ ближнихъ позицій, веденіе атаки постепенно, отнимая послѣдовательно ряды непріятельскихъ позицій и укрѣпляясь на нихъ, сильныя резервы и осторожное ихъ расходваніе.

Ловча была мнѣ хорошо знакома по прежнимъ дѣйствіямъ, но естественно было допустить измѣненіе и усиленіе укрѣпленій, ее окружающихъ съ 26-го іюля; свѣдѣнія о современномъ состояніи этихъ укрѣпленій были доставлены Скобелевымъ съ приложеніемъ кроки, а также очерчена предполагаемая послѣдовательность дѣйствій, которая сводилась къ слѣдующему: Занятіе сильной артиллеріей высотъ¹⁾, лежавшихъ къ востоку отъ Ловчи по обѣ стороны шоссе, противъ горы «Рыжей»; продолжительное усиленное обстрѣливаніе Рыжей горы и

¹⁾ Вслѣдствіи названныхъ „Счастливою“ и „князя Имеретинскаго“.

сосѣдной съ нею, лежавшей сѣверяѣ шоссе, одновременный штурмъ этихъ горъ, составлявшихъ главную передовую турецкую позицію, выдвигеніе на нихъ нашей артиллеріи, штурмъ высотъ, лежавшихъ противъ д. Присяки и составлявшихъ какъ-бы продолженіе края, начинающагося Рыжей горой,—укрѣпленіе позиціи нашей по всей этой, занятой нами, линіи, одновременное съ этимъ дѣйствіе кавалеріи съ сѣвера и юга на пути отступленія непріятеля, обстрѣливаніе тыльных укрѣпленій Ловчи, лежавшихъ на лѣвомъ берегу Осмы, къ западу отъ Ловчи, составлявшихъ редюнты турокъ и предложеніе непріятелю безусловной сдачи.

Если бы таковой не послѣдовало, то—штурмъ города и редюнтовъ, при чемъ дѣйствовать преимущественно противъ праваго фланга турокъ, нашимъ лѣвымъ флангомъ, къ которому и подвести резервы.

Изъ этихъ общихъ соображеній, положенныхъ въ основаніе составленной впослѣдствіи диспозиціи, видно, что всѣ дѣйствія наши какъ въ 1-мъ періодѣ боя противъ укрѣпленій праваго берега Осмы, лежавшихъ къ востоку отъ города, такъ и во 2-мъ періодѣ боя, при дѣйствіи противъ редюнтовъ лѣваго берега рѣки, должны были направляться въ порядкѣ постепенности и преимущественно на правые фланги турецкихъ позицій,—другими словами, что въ предстоящемъ бою инициативу и играть первенствующую роль долженъ былъ нашъ лѣвый флангъ; такое рѣшеніе вполне соответствовало обстановкѣ мѣстности, ея искусственнымъ укрѣпленіямъ и стратегическимъ условіямъ, которыя требовали не допускать свободнаго отступленія непріятеля на Троянъ или Микре. Что касается до прегражденія пути отступленія турокъ на Плевну, то туда назначалась вся Кавказская казачья бригада, долженствовавшая дѣйствовать, находясь *à cheval* на Плевно-Ловчинскомъ шоссе. Кромѣ того участокъ этого шоссе ближе къ Плевнѣ, проходя впереди лѣваго фланга войскъ генерала Зотова, могъ быть имъ наблюдаемъ и охраняемъ.

Итакъ, какъ видно изъ этого краткаго обзора, знакомая мнѣ Рыжая гора, которую и считалъ моею собственностью, должна была играть большую роль въ предстоящихъ дѣйствіяхъ; это былъ ключъ позиціи, занявъ который, мы становились хозяевами дѣла. Я сказалъ выше, что главная квартира предписывала князю Имеретинскому атаковать Ловчу 21-го августа; горячій Скобелевъ, увѣренный въ побѣдѣ, тоже наставлялъ на производствѣ атаки 21 числа, но князь Имеретинскій, зная упорство турокъ въ бою за укрѣпленіями, не хотѣлъ допускать большихъ шансовъ случаю, рисковать если не исходомъ дѣла, то большими потерями и потому рѣшился:

а) отступить отъ приказанія главной квартиры, удаленной отъ насъ на 80 верстъ.

и б) не поддаваться настояніямъ Скобелева, жаждавшаго скорѣй покончить съ Ловчей и идти на Шлевну.

Причины, которыя побудили Имеретинскаго такъ твердо стоять на рѣшеніи своемъ атаковать Ловчу только 23-го августа, наложены были имъ въ запискѣ, посланной Скобелеву, и заключались въ слѣдующемъ: отрядъ князя 20-го августа не былъ еще сосредоточенъ, части были въ движеніи и находились: передовой отрядъ генерала Скобелева (Казанскій пѣхотный полкъ и 1-й баталіонъ Шуйскаго), на позиціи у фонтановъ, въ 6 верстахъ отъ Ловчи, 2-я бригада 2-й пѣхотной дивизіи (полки Ревельскій и Эстляндскій, не ходившіе на Шипку) ¹⁾ двигалась изъ Сельви къ Какринской позиціи, лежащей въ 14 верстахъ отъ Ловчи; 1-я бригада 2 дивизіи (Калужскій и Либавскій полки), бывшая на Шипкѣ, подходила къ Сельви со стороны Габрова; 3-я стрѣлковая бригада съ полуротой почетнаго конвоя его величества и 4-мя дальнобойными турецкими орудіями, взятыми нами въ Никополѣ, была еще болѣе удалена и тоже подходила къ Сельви изъ-подъ Горняго Студня. Уже это распредѣленіе войскъ показываетъ, что, начавъ атаку 21-го августа, ее пришлось бы вести только частью всѣхъ силъ, имѣвшихся въ распоряженіи, а именно: отрядомъ Скобелева, бригадой 2-й дивизіи и бригадой 3-й дивизіи, т. е. 16-ю баталіонами, тогда какъ, выждавъ день, мы могли пустить одновременно въ дѣло 26 баталіоновъ; кромѣ того къ намъ не подошелъ еще артиллерійскій паркъ и лазаретъ. Можетъ быть, на рѣшеніе князя Имеретинскаго вліяло и то обстоятельство, что онъ первый разъ самостоятельно руководилъ отрядомъ, предназначеннымъ къ страшной операціи: штурму укрѣпленныхъ позицій, и что 2-я дивизія съ 3-й стрѣлковой бригадой не бывали еще въ дѣлѣ; но если эти соображенія и существовали, то надо было радоваться, что порывъ уступилъ мѣсто благоразумію и выдержкѣ; довольно уже рвались мы и нарывались. Кровопролитный штурмъ Ловчи, упорство турокъ, продолжительность боя и большія потери, нами понесенныя, несмотря на громадное превосходство въ силахъ, а именно 25 баталіоновъ, 92 орудія, 15 сотенъ и эскадроновъ, всего 20.000 человекъ одной пѣхоты противъ 8 баталіоновъ, 6 орудій и 1 полка кавалеріи, составлявшихъ примѣрно отъ 5 до 6 тысячъ регулярной пѣхоты, а съ башибузукками, дравшимися за укрѣпленіями не хуже регулярныхъ войскъ, — до 7 или 8 тысячъ — вполнѣ оправдали рѣшеніе начальника отряда выждать полного сосредоточенія всѣхъ его силъ.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію взятія Ловчи 22-го августа, надо упомянуть, что въ это время получили мы въ Сельви извѣстіе о Пелишатскомъ боѣ 19-го августа. Оказалось, что турки сдѣлались способны и

¹⁾ Или ходившіе только въ Габрово — теперь не помню.

къ наступательнымъ дѣйствіямъ: всѣ мы знали по опыту о храбрости и упорствѣ турокъ за окопами, но не считали ихъ способными выйти изъ-за укрѣпленій для наступленія противъ насъ въ полѣ. Дожили и до этого. Должно быть, наши неудачи придали имъ храбрости. Въ виду такого казуса начали думать о возможности наступленія турокъ изъ Ловчи на Сельви. У насъ этой мысли не допускали, по крайней мѣрѣ не боялись этого, но изъ главной квартиры былъ присланъ адъютантъ главнокомандующаго, Ласковскій, для укрѣпленія Сельви, со стороны Ловчи. Въ это же время пріѣхалъ къ намъ съ Шипки англійскій корреспондентъ Стенли, очень милый и сообщительный молодой человекъ. Глядя на него, удивлялись мы разницѣ въ положеніи англійскихъ и нашихъ корреспондентовъ. У Стенли былъ легкій крытый фургоны, снабженный провизіей и всѣмъ необходимымъ для отдыха и укрытія въ непогоду, было нѣсколько верховыхъ лошадей и слугъ, которыхъ онъ могъ разсылать съ депешами и корреспонденціями въ ближайше города, гдѣ существовали почта или телеграфъ. Онъ говорилъ намъ, что извѣстія посылаетъ большею частью съ своими нарочными въ Румынію, такъ какъ наша почта и телеграфъ, устроенные въ Болгаріи, завалены работой, преимущественно служебной, а потому частная корреспонденція должна долго ждать очереди и запаздываетъ. Наши же корреспонденты были, по сравненію съ англійскими, совершенно нищими; верхомъ на мѣстной лошади и ни единого слуги, такъ что, по окончаніи дѣла, написавъ отчетъ въ газету, имъ приходилось частенько лично отвозить корреспонденцію на почту и снова возвращаться въ отрядъ, который къ этому времени оказывался гдѣ-нибудь далеко въ другомъ мѣстѣ. Случалось и такъ, что куда корреспондентъ ѣздитъ, было новое дѣло, котораго онъ не могъ видѣть и описать ¹⁾

Князь Имеретинскій, имѣя въ виду, что 2-я пѣхотная дивизія не была еще въ дѣлѣ, приказалъ мнѣ составить инструкцію для дѣйствія частей въ бою противъ турокъ, при чемъ рекомендовалъ мнѣ составить ее, пользуясь опытомъ и знаніями командира 1-й бригады дивизіи генерала Разгильдѣева. Инструкція была составлена, и это порученіе доставило мнѣ возможность познакомиться съ милѣйшимъ и храбрѣйшимъ П. А. Разгильдѣевымъ, носившимъ уже Георгія за отличіе подъ Никополемъ во главѣ командуемаго имъ Галицкаго полка. По производствѣ въ генералы П. А. Разгильдѣевъ былъ назначенъ командиромъ бригады 2-й пѣхотной дивизіи и прибылъ къ намъ въ Сельви.

¹⁾ При движеніи къ Ловчѣ и при взятіи ея въ отрядѣ кв. Имеретинскаго былъ корреспондентъ В. Россоловскій, котораго мы всѣ чрезвычайно любили и уважали. Его корреспонденціи отличались простотой и правдивостью. Я отлично помню, какъ нѣтъ трудовъ стоило ему отсылать корреспонденцію.

21-го числа еще до наступления темноты занялся весь отрядъ къ позиціи у Фонтановъ, а еще до этого, передовой отрядъ генерала Скобелева, послѣ незначительнаго сопротивленія, сбилъ передовыя турецкія части съ высотъ «Счастливой», а также другихъ, ближайшихъ къ ней, и занялся устройствомъ проѣздовъ и площадокъ для батарей. Работы по разбивкѣ батарей и устройству сообщеній продолжались въ ночь съ 21-го на 22-ое августа, при чемъ всѣми этими работами руководилъ А. Н. Куропаткинъ.

Вечеромъ 21-го числа, по указаніямъ начальника отряда, написана была мною черновая диспозиція. Такъ какъ мнѣ пришлось первый разъ писать диспозицію для настоящаго боя значительныхъ силъ, то я старался, руководствуясь приказаніями князя Имеретинскаго, относящимися къ данной обстановкѣ, написать ее со всѣми академическими правилами и привожу ее здѣсь.

«Завтра, 22-го августа ввѣренному мнѣ отряду предписываю наступать и атаковать Ловчу», для чего:

3-я стрѣлковая бригада, гвардейская полурота почетнаго его императорскаго величества конвоя, дальнострѣльная полубатарея, 5-я и 6-я батареи 2-й артиллерійской бригады.

Всего 4 баталіона.
1 полурота.
20 орудій.

Казанскій пѣхотный полкъ, первый баталіонъ Шуйскаго пѣхотнаго полка, 1-я бригада 2-й пѣхотной дивизіи, эскадронъ Собственнаго его величества конвоя, 1-я сотня Кубанскаго казачьяго полка, всѣ 9-ти-фунтовыя батареи всего отряда и 4-я батарея 2-й артиллерійской бригады.

Всего 10 баталіоновъ.
1 эскадронъ.
2 сотни.
56 орудій.

2-я бригада 2-й пѣхотной дивизіи, 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи, 5-я и 6-я батареи 3-й артиллерійской бригады.

Всего 11 баталіоновъ ¹⁾.
16 орудій.

1) Правой колоннѣ, подъ начальствомъ командира 3-й стрѣлковой бригады генераль-маіора Добровольскаго, наступать на высоты лѣвѣе д. Присаки, противъ лѣваго фланга непріятеля.

2) Лѣвой колоннѣ, подъ общимъ начальствомъ свиты его величества генераль-маіора Скобелева наступать на высоты по обѣ стороны Ловчинскаго шоссе.

3) Общему резерву, подъ общимъ начальствомъ командира 2-й бригады 2-й пѣхотной дивизіи генераль-маіора Энгельма, расположиться на Ловчинскомъ шоссе.

¹⁾ 1 баталіонъ изъ 3-й дивизіи оставленъ былъ въ Сельви.

2 сотни донскаго № 30 полка.

Кавказская казачья бригада и 8-я донская конная батарея.

Всего 12 сотенъ.
6 орудій.

4) Двумъ сотнямъ № 30 донскаго полка, подъ командой есаула Автонова, двинуться съ мѣста настоящаго расположенія къ дорогѣ, ведущей изъ Ловчи къ Троявъ, наблюдая эту дорогу и посылая непремѣнно разъѣзды къ западу отъ указанной дороги по направленію на деревню Микре.

5) Отряду полковника Тутолмина, одновременно съ открытіемъ огня на главной позиціи, наступать по Плевно-Ловчинскому шоссе съ цѣлью пресѣчь на немъ движеніе непріятеля, наблюдать его самымъ тщательнымъ образомъ, сохранять постоянную связь съ отрядомъ генераль-лейтенанта Зотова и, имѣя въ виду вѣроятный путь отступленія непріятеля къ Микре, послать и на эту дорогу разъѣзды, стараясь войти въ связь съ сотнями, высланными съ тою же цѣлью съ лѣваго фланга.

6) Открытіе огня въ 5 часовъ утра. Къ этому часу всѣмъ войскамъ быть на своихъ мѣстахъ по указанію генераль-маіора Добровольскаго, свиты его величества генераль-маіора Скобелева и генераль-маіора Энгмана.

7) По занятіи передовыхъ высотъ, если непріятель не сдастся окончательно, войскамъ на этихъ высотахъ остановиться, если возможно, немедленно окопаться и завести артиллерию для обстрѣливанія послѣдующихъ позицій непріятеля.

8) Наблюденіе за правымъ флангомъ возлагается на Кавказскую казачью бригаду, за лѣвымъ—на кавалерию свиты его величества генераль-маіора Скобелева.

9) Передовой перевалочный пунктъ назначается на шоссе, за общими резервомъ; главный перевалочный пунктъ на шоссе у мѣста расположенія парковъ.

10) Обозамъ всѣхъ частей кромѣ лазаретныхъ фургоновъ, патронныхъ и зарядныхъ ящиковъ, стать воелѣ парковъ, гдѣ расположиться вагевбургомъ.

11) Въ прикрытіе парковъ и обозовъ оставить находящіися тамъ двѣ роты Великолудскаго полка, подъ командой маіора Молчанскаго, которому принять начальство, на все время боя и надъ обозомъ.

Я буду на Ловчинскомъ шоссе при батареяхъ первой линіи.

Примѣчаніе. Форма одежды: мундиры, черныя шаровары, шинели черезъ плечо и безъ рандевъ, а шапки безъ чехловъ.

Разсматривая эту диспозицію, видно, что въ основаніе ея положены были тѣ начала, которыя Скобелевъ рекомендовалъ въ своемъ предположеніи о дѣйствіяхъ противъ Ловчи, а именно:

а) Въ боевую часть назначено 76 орудій, что давало возможность произвести сильный обстрѣлъ непріятельскихъ позицій.

б) Туда же назначены всѣ орудія дальняго боя: 9-ти-фунтовыя къ Скобелеву, дальнострѣльные къ Добровольскому.

в) Резервъ былъ силенъ; тамъ было 11 баталіоновъ изъ всего числа 25 баталіоновъ.

г) Такъ какъ вся инициатива наступленія возлагалась на лѣвый нашъ флангъ, то и отрядъ генерала Скобелева былъ составленъ изъ 10-ти баталіоновъ съ 56 орудіями, т. е. превосходилъ правый флангъ относительно пѣхоты въ $2\frac{1}{2}$ раза, а относительно артиллеріи почти въ 3 раза.

Для поясненія подробностей диспозиціи, начальники колоннъ, кромѣ Тутолмина, стоявшаго далеко, были приглашены къ князю и получили словесныя указанія, сущность которыхъ заключалась въ характеристикѣ предстоящихъ дѣйствій, не укладывавшейся въ рамки диспозиціи. По этимъ словеснымъ поясненіямъ генералъ Добровольскій, атакуя со стороны Присяки, долженъ былъ отнюдь не зарываться впередъ, а скорѣе сильно демонстрировать, дабы удержать лѣвый флангъ турокъ на мѣстѣ, не дать имъ отойти заблаговременно въ укрѣпленія лѣваго берега Осмы и такими дѣйствіями доставить возможность генералу Скобелеву, оттѣснивъ правое крыло турокъ и продвинувшись впередъ, дѣйствовать въ правый флангъ всей турецкой позиціи. «Генералу Добровольскому было указано начать атаку только тогда, когда генералъ Скобелевъ овладѣетъ Рыжей горой и ближайшими къ ней ложементами»¹⁾. Очевидно, что такая роль возлагала на генерала Добровольскаго обязанность, дѣйствуя энергично, въ то же время не насѣдать на турокъ, опрокидывая и тѣсня ихъ передъ собой, а наоборотъ, приковывать ихъ къ мѣсту и истощить, по возможности, резервы; генералъ же Скобелевъ долженъ былъ сильно напирать и тѣснить, передъ собой, турокъ, заставляя ихъ уклонять и подавать назадъ правое ихъ крыло. Кавалерія наша, съ конной артиллеріей, расположенная на Плевно-Ловчинскомъ шоссе и наблюдавшая за дорогами изъ Ловчи въ Плевну и въ Микре, служила гарантіей, что, въ случаѣ выполненія всей программы, турки не уйдутъ безнаказанно ни въ Плевну, по Ловчинскому шоссе, ни въ Микре.

Время начала наступленія князь предоставилъ своему усмотрѣнію.

Написавъ диспозицію, я имѣлъ удовольствіе видѣть, что, по прочтеніи ея княземъ, она не подверглась ни малѣйшей поправкѣ. Положимъ, что идеи, въ нее вложенныя, были не мной сочинены, но все же пріятно было, что вышло такъ гладко.

Въ предстоящемъ дѣлѣ меня немножко огорчало, что 22-е августа приходилось на понедѣльникъ, и хотя я никогда не былъ суевѣрнымъ, а на войнѣ рѣдко когда удавалось помнить дни, но тутъ, какъ нарочно, что-то подсказало о понедѣльникѣ.

¹⁾ Реляція князя Имеретинскаго главнокомандующему.

Въ 5 часовъ утра, войска были на мѣстахъ, въ полной готовности; день былъ чудесный, ясный; князь выѣхалъ на батарею «Счастливую», подалъ сигналъ, и началась пальба. Покуда длилась канонада, дѣлать было нечего; я съѣздилъ на лѣвый флангъ, къ Скобелеву, и узналъ, что онъ, будучи выдвинутъ, по сравненію съ Добровольскимъ, уступомъ впередъ, отчетливо видѣлъ, какъ 4-хъ-фунтовые снаряды Добровольскаго не долетаютъ до турокъ, о чемъ и написалъ ему записку. Часу въ 9-мъ утра, къ удивленію нашему, у Добровольскаго послышалась ружейная стрѣльба, и вслѣдъ за тѣмъ начальникъ отряда получилъ донесеніе, въ которомъ генералъ Добровольскій сообщалъ, что турки перешли, противъ него, въ наступленіе, и просилъ подкрѣпленій. Такой неожиданный оборотъ дѣла былъ крайне неприятенъ и грозилъ, разстроивъ всѣ соображенія, привести къ дѣйствіямъ безъ общаго плана и безъ связи. Тѣмъ не менѣе, пришлось подкрѣпить правый флангъ, для чего и посланъ былъ туда весь Ревельскій полкъ, такъ что въ резервѣ осталось 8 баталіоновъ.

Насколько можно было выяснитъ потомъ обстоятельства этого дѣла, выходило, что стрѣлковая бригада терпѣла много отъ ружейнаго огня, вслѣдствіе чего начальники частей, по собственной инициативѣ, продвинулись впередъ, не предпринимая атаки; въ это время турки перешли въ наступленіе, угрожая правому флангу стрѣлковъ. Наступленіе это было отбито стрѣлками еще до прибытія Ревельскаго полка, но потери отъ турецкаго огня не уменьшались, и потому уже самъ начальникъ бригады приказалъ еще продвинуться впередъ и овладѣть тѣмъ курганомъ, съ котораго, 26-го іюля, спустилось два баталіона турокъ противъ спѣшенныхъ казаковъ, и который въ настоящее время наносилъ наибольшія потери стрѣлкамъ. Частная атака на курганъ удалась не вполнѣ; тогда генералъ Добровольскій перешелъ въ наступленіе всѣмъ своимъ флангомъ противъ лѣваго фланга неприятеля, и на этотъ разъ овладѣлъ позиціей, хотя и съ большими потерями ¹⁾.

До сихъ поръ нѣтъ еще описанія подробностей боя, разыгравшагося на правомъ флангѣ. Даже въ весьма обстоятельномъ сочиненіи А. Н. Куропаткина ²⁾, по недостатку данныхъ, не выяснены обстоятельства дѣла и мотивы, побудившіе генерала Добровольскаго не только отступить отъ диспозиціи, но дѣйствовать наперекоръ ей. Слѣдуетъ замѣтить, что начальникъ отряда не получалъ даже донесеній о подробностяхъ происходящаго на правомъ флангѣ, а только получалъ два раза просьбу о подкрѣпленіи; первый разъ былъ посланъ Ревельскій полкъ; вторая же просьба была отклонена, такъ какъ стало извѣстнымъ, черезъ посыла-

¹⁾ Отъ 500—600 человекъ убитыми и ранеными.

²⁾ „Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева въ русско-турецкую войну“, часть I.

ныхъ ординарцевъ, о взятіи стрѣлками турецкихъ позицій, и что Ревельскій полкъ пришелъ послѣ этого, а потому, не будучи разстроенъ, удвоивъ силы генерала Добровольскаго, что признавалось, по обстановкѣ боя на всей позиціи, достаточнымъ.

Говоря о неудачныхъ или, по крайней мѣрѣ, не вполне объяснимыхъ распоряженіяхъ на правомъ флангѣ, слѣдуетъ упомянуть о блистательной храбрости стрѣлковой бригады, гвардейской полуроты, начальника и офицеровъ этихъ частей.

Дѣйствія праваго нашего фланга противъ передовыхъ турецкихъ позицій праваго берега Осьмы кончились, приблизительно, въ 12 часовъ, такъ какъ въ 1-мъ часу я получилъ записку генерала Добровольскаго о томъ, что стрѣлковая бригада разстрѣляла значительную часть патроновъ (берданокъ), очень устала, и что онъ посылаетъ Ревельскій полкъ уже за рѣку (?).

Покуда все описанное происходило на правомъ флангѣ, грозя перевернуть весь ходъ боя, лѣвый флангъ продолжалъ свою задачу строго по диспозиціи. Скобелевъ постоянно посылалъ къ намъ справляться о ходѣ дѣла и, узнавъ о посылкѣ Ревельскаго полка, прискакалъ самъ; соскочивъ, не доѣхавъ до насъ, съ лошади, онъ подозвалъ меня и, весь блѣдный и дрожащій отъ гнѣва, сказалъ:

— Если вы дадите на правый флангъ еще хоть одинъ баталіонъ, я уйду; скажусь больнымъ—и уйду. Разбирайтесь потомъ, какъ хотите.

Признаюсь, я вполне сочувствовалъ его волненію и былъ крайне недоволенъ неприятной случайностью, заставившей ослабить резервъ на цѣлый полкъ въ началѣ боя, когда весь лѣвый флангъ не начиналъ еще дѣла. Выбѣствъ съ тѣмъ, я вполне понималъ, что князь Имеретинскій не могъ не послать подкрѣпленія стрѣлкамъ, въ виду содержанія записки генерала Добровольскаго. Является вопросъ, хорошо ли сдѣлали, что послали цѣлый полкъ, а не часть его, напримѣръ одинъ баталіонъ; дивизія была тогда въ комплектѣ, и баталіонъ представлялъ изъ себя солидную часть. Думаю, однако, что, пославши весь полкъ, сдѣлали хорошо; во-первыхъ, у насъ еще оставалось въ резервѣ 6 баталіоновъ, т. е. вдвое больше противъ отправленнаго; во-вторыхъ, у Скобелева и безъ того было къ тому времени 12 баталіоновъ¹⁾; въ третьихъ, я вполне сочувствовалъ нелюби князя Имеретинскаго дробить части, *faire des petits paquets*. Или не посылать ничего, или же, рѣшившись послать—послать силу, единицу, а не дробь. Разсуждая тогда такъ же, какъ и теперь, я не зналъ еще, что турецкія позиція будутъ взяты до прихода ревельцевъ, и что затѣмъ стрѣлковая бригада будетъ выведена

¹⁾ Передъ началомъ атаки лѣваго фланга, Скобелеву было послано еще два баталіона Псковскаго полка.

совсѣмъ (?) изъ боя и расположена на бивакъ (?), такъ что въ дѣйствительности весь нашъ правый флангъ въ то время состоялъ изъ одного только Ревельскаго полка, т. е. 3-хъ баталіоновъ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, оказалось, что мысль послать цѣлый полкъ была вполне цѣлесообразна и чрезвычайно удачна.

Я старался, насколько могъ, успокоить разгоряченнаго Скобелева, общалъ просить князя не ослаблять болѣе резерва въ пользу праваго фланга, а Имеретинскому, который издали видѣлъ меня разговаривающимъ со Скобелевымъ, доложилъ сущность разговора, но, конечно, въ другой формѣ и не упоминая объ угрозѣ отъѣзда. Въ душѣ подумалъ: не дай Богъ, чтобы наши паны подрались; тогда совсѣмъ будетъ плохо.

Въ 11^{1/2} часовъ начальникъ отряда послалъ генералу Скобелеву собственноручную записку: «Пора начать атаку; стрѣляемъ уже 5^{1/2} часовъ». Весь лѣвый флангъ тронулся, съ музыкой, впередъ въ поразительномъ порядкѣ, даже картинно ¹⁾, и скоро колонны наши заняли Рыжую и сосѣднюю горы, понеся, сравнительно, незначительныя потери.

Такимъ образомъ, занятіе этихъ передовыхъ пунктовъ, командующихъ городомъ и всей позиціей, совершилось, при чемъ для лѣваго фланга, вопреки всѣхъ ожиданій, безъ большихъ потерь. Въ это время было, приблизительно, 1 часъ дня, съ небольшимъ.

По взятіи Скобелевымъ Рыжей горы, а генераломъ Разгильдѣевымъ сосѣдней съ нею, князь Имеретинскій переѣхалъ на Рыжую гору; отсюда открылся видъ на всю котловину, и ясно обозначилось огромное тыльное укрѣпленіе за городомъ, въ которомъ кипѣла усиленная работа в суетились турки; то же было и въ многочисленныхъ траншеяхъ, нарытыхъ турками на краяхъ возвышенностей, командующихъ теченіемъ Осьмы и тѣмъ пространствомъ, на которомъ я бивуакировалъ въ іюлѣ, и къ которому теперь спускались калужцы, либавцы, а справа ревельцы. Съ Рыжей горы князь направлялъ дальнѣйшія дѣйствія отряда, постоянно посылая подкрѣпленія къ Скобелеву, обстрѣливая городъ и тыльное укрѣпленіе артиллеріей, ввезенной изъ резерва на Рыжую. Одновременно съ тѣмъ, весь резервъ былъ придвинутъ по шоссе, къ подножію Рыжей горы. Въ это время мнѣ пришлось зачѣмъ-то съѣздить къ Скобелеву, спускавшемуся, по шоссе, въ городъ; а по возвращеніи на Рыжую гору, къ князю, я увидѣлъ нѣчто весьма оригинальное: князь Имеретинскій стоялъ сгнѣвшись, а недалеко, впереди его, на скатѣ горы, обращен-

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ описаніи этого сраженія, равно какъ предъидущихъ и послѣдующихъ боевъ я не буду вдаваться въ подробности хода боя шагъ за шагомъ. Сраженіе 22-го августа подъ Ловчей и послѣдующія дѣйствія подъ Ловчей и Плевной обстоятельно изложены въ прекрасномъ сочиненіи А. Н. Куропаткина: „Ловча и Плевна“, имѣющемъ къ тому же характеръ спеціального сочиненія.

номъ къ городу, въ весьма удобныхъ и небрежныхъ позахъ, лежали два неизвѣстныхъ господина, въ странныхъ костюмахъ: на обоихъ были какія-то сѣрыя каски, безъ шишаковъ, высокіе сапоги, не доходившіе до колѣнъ и сѣровато-рыжеватые штаны въ обтяжку. На одномъ изъ нихъ былъ разстегнутый фракъ, съ короткими фалдами, темно-синяго цвѣта; на другомъ фракъ такого же покроя, но сѣрый. Я спросилъ князя, что это такое, но онъ, занятый распоряженіями и наблюденіемъ происходящаго далѣе впереди, только тутъ замѣтилъ ихъ присутствіе и тоже не зналъ, что это за люди и откуда взялись. Обратившись съ вопросами къ лицамъ свиты, я ничего не узналъ. Очевидно, это были англичане, и я рѣшилъ въ своемъ умѣ, что корреспонденты; но, подойдя поближе и разсмотрѣвъ ихъ, я не нашелъ обыкновенной корреспондентской повязки на лѣвомъ рукавѣ. Одинъ былъ высокій, худощавый, даже сухой, брюнетъ, съ легкой просѣдою; другой тоже высокій, но пониже перваго, толстый, краснощекій, блондинъ. Подойдя къ нимъ, я спросилъ ихъ, по-французски, не корреспонденты ли они, и получилъ въ отвѣтъ отъ брюнета: «Non, nous sommes des colonnes anglais», сказанное довольно высокопарно и надменно. На вопросъ мой, откуда они появились, они отвѣчали, что пріѣхали отъ государя: когда же я спросилъ, нѣтъ ли у нихъ какого-нибудь вида, записки или письменной рекомендаціи, удостоверяющей ихъ право быть въ отрядѣ во время боя, они обиженнымъ тономъ объявили, что у нихъ при себѣ ничего нѣтъ, а что ихъ бумаги у казака императорскаго конвоя. Спросилъ у присутствующихъ—никто никакого казака не видалъ. Ну, думаю, голубчики, все это вы вздоръ мелете, кто васъ знаетъ, кто вы такіе. Сегодня вы невѣдомо откуда очутились у насъ, а завтра тоже пожалуй, невзначай, очутитесь у Османа, въ Плевнѣ, и приказалъ офицеру 30-го казачьяго полка, Митрофану Грекову, командовавшему небольшимъ конвоемъ князя, разставить своихъ казаковъ кругомъ цѣпью, да посматривать, чтобы эти молодцы не улизнули. Вѣроятно, господа эти замѣтили такіа приготовления, потому что встали и, отрекомендовавшись, брюнетъ—сэръ Генри Гевелокъ, полковникъ и членъ парламента, а блондинъ—полковникъ Беккеръ просто. Потомъ они рассказали, что были въ главной квартирѣ у государя, гдѣ получили разрѣшеніе присутствовать при взятіи Ловчи, и что бумаги находятся у конвойнаго казака, который съ ними пріѣхалъ. Скоро нашелся и казакъ; бумаги оказались въ порядкѣ, и я оставилъ ихъ въ покоѣ, порекомендовавъ, все-таки, Грекову за ними присматривать. Впослѣдствіи, уже по взятіи Ловчи, узналъ я, что Гевелокъ сынъ знаменитаго англійскаго генерала Гевелока, прославившагося, въ Индіи, въ войнѣ съ сейками и при оборонѣ Лукнова; поэтому, говоря о нашемъ Гевелокѣ, я называлъ его, для краткости, англичаниномъ Лукновскимъ.

Оставалась едва-ли не самая трудная и страшная задача: взять тыльный редутъ и массу траншей, его окружавшихъ. Подробное, ученое и въ то же время живописное описаніе всего этого дѣла и отдѣльныхъ эпизодовъ, съ тактическимъ разборомъ дѣйствій, сдѣлано А. Н. Куропаткинымъ¹⁾, и прибавить къ этому описанію могу только слѣдующій эпизодъ, не вошедшій въ книгу Куропаткина.

По взятіи горъ, правѣе шоссе, генералъ Разгильдѣевъ, съ калужцами и либавцами, спустился къ рѣкѣ и дошелъ до мельницы, той самой, подъ которой я купался 14-го іюля, и возлѣ которой, въ виду наступленія турокъ, принужденъ былъ тогда бросить свое бѣлье. Мельница эта, представлявшая укрытіе, притягивала къ себѣ разсыпанныхъ солдатъ, такъ что скоро перестала уже служить закрытіемъ все болѣе и болѣе накопившимся людямъ. Огонь турокъ былъ жестокъ: можно сказать, ни одна пуля не пропадала даромъ, и въ такомъ положеніи Разгильдѣевъ понялъ, что оставалось одно—идти впередъ. Онъ и началъ наступать, но въ это время лошадь его была ранена въ шею; онъ едва успѣлъ соскочить съ нея и отдалъ ее какому-то солдату, приказавъ увести назадъ: не успѣлъ солдатъ этотъ отойти нѣсколько шаговъ, какъ былъ убитъ, и лошадь ускакала, унося револьверъ, оставшійся въ кабуръ сѣдла. Пришлось идти пѣшкомъ, безъ оружія, такъ какъ сабля была обронена при соскакиваніи съ лошади. Разгильдѣевъ перешелъ на другую сторону мельницы; но тутъ пуля ударила его въ лѣвое колѣно, скользнула и прозила правую ногу, выше колѣна. Не будучи въ состояніи идти впередъ. Разгильдѣевъ, поддерживаемый бывшимъ при немъ кавказскимъ казакомъ, изъ конвоя Скобелева, ползая назадъ, но черезъ нѣсколько шаговъ и казакъ упалъ, прострѣленный пулей въ плечо. Кое-какъ поднявшись, казакъ съ генераломъ, поддерживая другъ друга, добрали до крайняго домика, за которымъ встрѣтили санитаровъ, уложившихъ ихъ на носилки и вынесшихъ изъ боя.

Далѣе скажу вкратцѣ, что въ ту минуту позиціи эти войскамъ, отъ маненнымъ боемъ, не казались такими страшными, какими онѣ были въ дѣйствительности; только на другой день стало очевиднымъ, какіе совершены подвиги и какія преодолѣны препятствія. Траншеи, господствовавшія надъ Осьмой, были устроены въ два яруса, по краю чрезвычайно высокаго, обрывистаго берега, мѣстами (гдѣ атаквали ревелъцы) примыкавшаго къ рѣкѣ, а мѣстами (атака калужцевъ и либавцевъ) отстоявшаго отъ воды сажень на сто. Этотъ обрывъ былъ совершенно отвѣсный и сыпучій, а у подножія его разстилалась низина, вродѣ эспланады, частью луговая, частью же, ближе къ рѣкѣ, покрытая круп-

¹⁾ Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева въ Русско-Турецкую войну 1877—78 г.г., „Ловча и Плевна“, часть I, 1885 г.

вымъ пескомъ и галькой, шириною около 450 сажень на пути ревельцевъ и нѣсколько уже на пути 1-й бригады; по этой эспланадѣ протекала Осма, такъ что, напримѣръ, ревельцамъ и калужцамъ приходилось, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, спуститься совершенно открыто съ горъ праваго берега, затѣмъ пройти по луку, а потомъ по галькѣ, 400 слишкомъ сажень, перейти Осму, въ то время, послѣ дождей, многоводную, и затѣмъ карабкаться на верхъ. Что касается редута, то онъ составлялъ вершину горы, съ отлогими покатостями, не представлявшими укрытій для наступающаго; мѣстами (съ юга) были кусты, препятствовавшіе движенію; по сторонамъ же редута и впереди его были еще длинныя траншеи. Этотъ редутъ былъ взятъ совокупными усилиями баталіоновъ: Калужскаго, Либавскаго, Казанскаго, Псковскаго и Эстлядскаго полковъ — съ юга ⁴⁾, Ревельскаго и группы стрѣлковъ, подъ командой офицера Гиберъ-фонъ-Грейфенфелса — съ сѣвера.

Около 4-хъ часовъ дня редутъ былъ взятъ пѣхотой, съ страшнымъ кровопролитіемъ.

Дѣйствія кавалеріи нашей обоихъ фланговъ были образцовы. Полковникъ Тутолминъ, постепенно надвигаясь на Ловчу, съ сѣвера, подъ конецъ боя, по взятіи редута, произвелъ блистательную атаку на отступавшихъ турокъ. Одновременно съ владикавказцами, предводимыми неустрашимымъ Левизомъ, врубился и Кулебякинъ со своими конвойцами. Затѣмъ кавказская бригада въ точности исполнила приказаніе князя Имеретинскаго: преслѣдовать самымъ настойчивымъ образомъ.

Къ сожалѣнію, въ пылу этого кавалерійскаго лихаго дѣла, Владикавказскій полкъ потерялъ одного изъ лучшихъ своихъ представителей: молодецъ Астаховъ, врубившійся, во главѣ своей сотни, въ густую толпу турокъ, схватилъ одного изъ нихъ за штыкъ, направленный въ него; турокъ выстрѣлилъ и раздробилъ ладонь правой руки Астахова, которую пришлось потомъ отнять.

Когда я вѣхалъ въ редутъ, то увидѣлъ слѣдующее: высота его была такова, что, сидя верхомъ, голова едва виднѣлась изъ-за гребня бруствера; внутри онъ былъ весь уставленъ траверсами, весьма искусно расположенными. Юго-восточный уголъ его и почти весь южный фасъ представляли зрѣлище, которое, какъ ни описывай, все будетъ далеко отъ дѣйствительности. Весь этотъ уголъ, сверху донизу, былъ заваленъ сплошной грудой красновато-синяго цвѣта; груды эти лежали весьма пологимъ откосомъ или скатомъ, начиная отъ гребня бруствера, и вся шевелилась. То были трупы въ синихъ турецкихъ курткахъ, покрытые кровью. Вмѣстѣ съ убитыми и подъ ними лежали раненые, старавшіеся

⁴⁾ Казанскіе, псковскіе и эстлядскіе баталіоны были проведены черезъ городъ самимъ Скобелевымъ.

выкарабкаться на просторъ, и они-то заставляли эту страшную кучу шевелиться, быть точно живой. Отдано было приказаніе растащить эту гору и, какъ теперь вижу, между прочими ранеными, изъ-подъ верхнихъ слоевъ мертвыхъ, почти выскочилъ, какъ ошалѣлый, огромнаго роста, очень молодой, стройный и красивый турокъ съ смуглымъ лицомъ, безбородый, съ маленькими черными усами. Онъ растерянно глядѣлъ кругомъ и даже улыбался, посматривая и поворачиваясь во всѣ стороны; страха или злобы на лицѣ его не было, а скорѣе видно было добродушіе и точно сконфуженность. Правда и то, что онъ видѣлъ кругомъ наши лица не суровыя, не злыя, а довольныя совершившимся, радующіяся блистательному концу тяжелаго дня.

Знакомый съ Ловчей, я взялся отыскать квартиру для князя Имеретинскаго съ Скобелевымъ, для чего вернулся въ городъ; но, увы, я не узналъ ни его, ни его обитателей. Много домовъ было разрушено, можетъ быть нашими снарядами; другіе же заперты или заколочены, и нѣкто изъ внутри не отзывался на мои стукы и крики. Встрѣчавшіеся болгары не здоровались радостно, какъ прежде, шли молча, не глядя на насъ, отвѣчали неохотно, не слышно было привычнаго намъ, во времена оны: «Добре дошли», а наоборотъ, смотрѣли хмуро, торопились проходить мимо, а одинъ молодой болгаринъ, котораго я отлично узналъ, будучи остановленъ мною и спрошенъ, не узнаетъ ли меня, хотя и снялъ феску, но угрюмо отвѣтилъ: «Не, невѣмъ». Все это совершенно естественно, понятно и въ порядкѣ вещей. Мы жали то, что посѣляли.

Въ конакѣ или на телеграфной станціи, не помню именно гдѣ, нашли написанное по-турецки воззваніе Шейхъ-уль-Ислама къ болгарамъ: писано оно было уже послѣ переправы нашей черезъ Дунай, когда мы неудержимо стремились: «впередъ, впередъ и впередъ!» Въ этомъ воззваніи обращало на себя вниманіе слѣдующее мѣсто: «помните, что вода съ береговъ сбѣгаетъ, а песокъ остается». Болгаре многихъ мѣстностей испытали на себѣ справедливость этого цвѣтастаго изреченія главы мусульманскаго духовенства, они видѣли, какъ мы приходили, а потомъ уходили, турки же оставались, и понятно, что, испытавъ это, не встрѣчали насъ вторично съ восторгомъ.

Не найдя подходящаго мѣста для князя, я предложилъ всѣмъ переночевать на томъ мѣстѣ, гдѣ я бивуакировалъ въ первыя мои посѣщенія Ловчи, на что всѣ согласились; къ сожалѣнію, мѣсто это я нашелъ тоже не такимъ, какимъ оно было прежде: кругомъ валялось много трновъ—нашихъ, но такъ какъ становилось темно, августовскія сумерки уже наступили, то и рѣшили переночевать тутъ. Вмѣстѣ съ нами расположились и англичане.

Отдыхать было нельзя, надо было распорядиться охраной и развѣдкой преимущественно къ сторонѣ Плевны, откуда можно было ожи-

дать грозы; я поѣхалъ лично на бивакъ Кавказской бригады, гдѣ опять свидѣлся съ моими старыми пріятелями, узналъ отъ нихъ разныя подробности боя на нашемъ правомъ флангѣ и даже напился чайку. Князь Имеретинскій послалъ съ ординарцемъ краткое донесеніе главнокомандующему, которое должно было быть передано изъ Сельви по телеграфу въ главную квартиру. Въ донесеніи этомъ, между прочимъ, было написано: «героємъ дня былъ Скобелевъ». Выраженіе это, насколько я помню, было употреблено въ этомъ случаѣ первый разъ. Оно было совершенно вѣрно по существу дѣла и въ краткихъ словахъ вполне обрисовывало роль Скобелева при взятіи Ловчи. Оно всѣмъ понравилась, но къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ его начали употреблять всѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ. Кончалось тѣмъ, что это очень удачное, характерное и картинное изреченіе князя Имеретинскаго, вслѣдствіе злоупотребленія имъ, надоѣло и даже опошлилось, какъ надоѣдаютъ и опошляются иногда чудесныя музыкальныя мелодіи, когда ихъ постоянно наигрываютъ уличные шарманки.

Потери наши при взятіи Ловчи, точно провѣренныя, составляли 1 516 человекъ. Изъ этого числа убитыхъ было 6 офицеровъ и 313 нижнихъ чиновъ; ранеными 33 офицера и 1.112 нижнихъ чиновъ. Пропало безъ вѣсти 52 человекъ. Наибольшую потерю понесли стрѣлки и Калужскій полкъ. Въ числѣ убитыхъ были командиръ Псковскаго полка полковникъ Кусовъ и командиръ 11-го стрѣлковаго баталіона полковникъ Кирданъ.

Чтобы судить о потерѣ турокъ, достаточно сказать, что 23-го августа зарыто 1.000 турецкихъ труповъ; а потомъ, по уходѣ нашемъ, бригада генерала Давыдова, оставшаяся въ Ловчѣ, зарыла еще 1.200 труповъ, такъ что всего турокъ, убитыхъ въ Ловчѣ, было 2.200 человекъ. Въ это число не вошла часть убитыхъ въ дальнихъ окрестностяхъ города, при преслѣдованіи Кавказской бригады и Кулебякина, число которыхъ на дорогахъ въ Микре и Торосъ должно быть очень велико. Если прибавить къ убитымъ еще и раненыхъ, то можно безъ преувеличенія сказать, что гарнизонъ Ловчи былъ уничтоженъ.

Кончивъ описаніе боя 22-го августа, я долженъ вновь вернуться почти къ началу его. Побуждаетъ меня къ этому слѣдующее обстоятельство. Въ 1886 году появилась вторымъ изданіемъ очень интересно написанная книжка участника войны нашей съ Турціей, подъ заглавіемъ: «Дома и на войнѣ», Александра Верещагина. Тамъ, при описаніи взятія Ловчи, между прочимъ, на стр. 351-й, говорится, что будто Скобелевъ сказалъ: «Ну-съ, господа, такъ ежели Добровольскій съ своею бригадой не подойдетъ еще черезъ полчаса, то я самъ васъ поведу на Рыжую гору въ атаку,—и при этомъ онъ самодовольно потираетъ руки

отъ предстоящей для него радости; послѣ чего съ такимъ азартомъ расправляетъ густыя рыжія бакенбарды, точно готовился разорвать ихъ пополамъ. Полчаса прошло. Добровольскаго нѣтъ».

— Ну-съ, съ Богомъ, господа...

И пошли въ атаку.

Я нарочно сдѣлалъ большую выписку, чтобы не заслужить упрека въ пропускахъ, затемняющихъ мысль автора.

Судя по этой выпискѣ выходитъ, что Добровольскій, долженствовавшій подойти къ Скобелеву передъ атакой Рыжей горы, не подошелъ (мотивы авторомъ не пояснены), и Скобелевъ безъ Добровольскаго, приступилъ къ атакѣ. Очевидно, на Добровольскаго падаетъ обвиненіе, что онъ чего-то, отъ него ожидаемаго или ему приказаннаго, не исполнилъ, а почему не исполнилъ,—не пояснено. Такъ какъ Добровольскій былъ убитъ 30-го августа, до появленія въ свѣтъ книжки Верещагина, и не можетъ объяснить своего неприхода, то я, какъ хорошо знающій это дѣло, считаю обязанностью пояснить его. Изъ диспозиціи и вообще изъ всего предъидущаго разсказа видно, что Скобелевъ долженъ былъ наступать лѣвѣе шоссе на Рыжую гору, составлявшую правый флангъ турокъ, а Добровольскій долженъ былъ наступать отъ д. Присяки на лѣвый флангъ непріятеля на высоты, которыя лежали почти на одной линіи съ Рыжей горой и отстояли отъ нея на 800 сажень (по плану); ясно, что пути наступленія, а также атака Скобелева и Добровольскаго были параллельны другъ къ другу, имѣли разные объекты, и послѣдній подойти къ первому не только не могъ, но и не долженъ былъ.

Можно подуматъ, что Скобелевъ, говоря изложенное выше, неявно выразилъ передъ окружающими свою мысль, а подразумѣвалъ, что Добровольскій долженъ выдвинуться впередъ на пути своего наступленія отъ Присяки и подойти на одну высоту со Скобелевымъ къ извѣстному времени, до атаки Рыжей горы; но и этого не могло быть, такъ какъ уже выше описано, что Добровольскій слишкомъ рано выдвинулся впередъ и уже взялъ турецкую позицію къ 12 часамъ, т. е. тогда, когда Скобелевъ только начиналъ атаку на Рыжую гору ¹⁾.

Такимъ образомъ, я смѣло утверждаю, что Скобелевъ не могъ произносить приписываемыхъ ему авторомъ словъ, налагающихъ по нихъ редакціи тѣнь на генерала Добровольскаго; если же, чего Боже упаси. Скобелевъ это сказалъ, то да будетъ ему стыдно. Кстати, заодно испра-

¹⁾ Генералъ Добровольскій запиской отъ 12^{1/2} часовъ дня на мое имя пишетъ, что стрѣлки очень устали, мало патроновъ и что онъ посылаетъ ревельцевъ уже на вѣрѣчныя редуты; князь Имеретинскій запиской отъ 11^{1/2} часовъ предписалъ Скобелеву начать атаку. Высчитавъ разстоянія, получится приблизительно 12 часовъ.

влю другую маленькую неточность автора «Дома и на войнѣ». На стр. 309 и 310 онъ говоритъ, что я 23-го іюля повезъ къ генералу Зотову представленія о наградахъ Кавказской бригады, въ томъ числѣ представленіе Левиза и Тутолмина о награжденіи Георгіемъ его, Верещагина, за разбитіе башни-бузуковъ подъ Сельви; затѣмъ далѣе, на послѣдней изъ указанныхъ страницъ, авторъ говоритъ, со словъ своего брата, Сергія Васильевича, слышавшаго докладъ генералу Зотову, что о подвигъ его въ Сельви было доложено въ томъ смыслѣ, что онъ ничего не стоитъ и что Зотовъ выкинулъ представленіе. Хотя тутъ и не указывается, что именно я докладывалъ награды Зотову, но легко понять, что рѣчь идетъ обо мнѣ.

23-го іюля я нигуда не ѣздилъ, я былъ на Сельви-Ловчинскомъ шоссе у брянцевъ, поджидаая Скобелева, прибывшаго туда же съ отрядомъ. Зотова видѣлъ я одинъ разъ въ жизни въ палаткѣ у Кухаренко 20-го іюля и ничего никогда ему не докладывалъ. Я возилъ много бумагъ, въ томъ числѣ и награды въ главную квартиру, но никому ихъ не докладывалъ, что, впрочемъ, легко пойметъ всякій мало-мальски знакомый съ канцелярской процедурой и дѣлопроизводствомъ. Всѣ представленія о наградахъ сдавались въ наградное отдѣленіе полевого штаба, тамъ сортировались и по дошедшей очереди докладывались начальникомъ награднаго отдѣленія главнокомандующему. Я не отрицаю, что можетъ быть кто-нибудь и докладывалъ награды генералу Зотову, но только не я.

Какъ бы то ни было, но это или что другое, мнѣ не извѣстное, видимо, не расположило ко мнѣ А. Верещагина, что и проглядываетъ въ его книжкѣ, весьма интересной и живо написанной.

23-го августа вся наша компанія поднялась очень рано; солнце только-что взошло. Скобелевъ потащилъ меня купаться. Я вовсе не былъ расположенъ, такъ какъ было холодновато, но онъ такъ приставалъ, такъ умѣлъ уговорить, что я не могъ отказаться. Идя къ рѣкѣ, мы наткнулись на много труповъ нашихъ солдатъ; всѣ они за ночь сильно вдулись, посинѣли и лежали въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Я хотѣлъ свернуть и уже направился было въ другую сторону, къ изгибу Осымы, гдѣ не было атаки, но Скобелевъ взялъ меня за руку и заставилъ идти вдоль берега, который былъ положительно усыянъ убитыми калужцами, либавцами, а далѣе—ревельцами. Я даже сказалъ Скобелеву: «пойдемте прочь, что за охота смотрѣть»; но онъ не выпускалъ моей руки и приговаривалъ: «ничего, ничего, пріучайтесь».—«Да я, Михаилъ Дмитриевичъ, уже привыкъ, вѣдь не въ первый разъ, а все-таки нечего тутъ смотрѣть», но ничего не дѣйствовало, онъ даже останавливался, разглядывая трупы.

Наконецъ, подошли мы къ тому изгибу рѣки, гдѣ было чисто, Скобелевъ выкупался, а я сидѣлъ на берегу. Выкупавшись и одѣваясь, Скобелевъ сообщилъ мнѣ, что очень мною доволенъ и, вдругъ, круто оборвавъ свои похвалы, сказалъ: «знаете что, давайте быть на ты». Я, конечно, просіялъ, видя въ этомъ одобреніе моему поведенію въ огнѣ, мы расцѣловались, и съ тѣхъ поръ мы были на «ты» до его смерти.

Вернувшись на бивакъ, занялись чайкомъ, а англичане предложили намъ своего шоколада. Замѣчательно комфортабельно путешествуютъ эти господа; у нихъ было все необходимое, и все очень удобно укладывалось въ походные чемоданчики. Такъ, напримѣръ, у нихъ оказались серебряныя кастрюльки, такія же спиртовыя лампочки, стаканчики, запасы шоколада въ плиткахъ, спиртъ для горѣнья и коньякъ.

У насъ же все было какъ-то плохо. Князь Имеретинскій пріѣхалъ на войну въ свитѣ государя императора, не предполагая получить отдѣльное назначеніе, а потому, имѣя всегда готовый столъ въ главной квартирѣ, не обзавелся походной кухней. Все его имущество помѣщалось въ повозкѣ, охраняемой его вѣрнымъ слугою Модестомъ, и, кажется, заключалось только въ постели, самоварѣ и чайномъ приборѣ, такъ что ближайшій его штабъ, не по винѣ, конечно, князя Имеретинскаго, бѣдствовалъ. У Скобелева было нѣсколько лучше. У него былъ поварь-денщикъ, была кухонная и столовая посуда, но въ весьма ограниченномъ количествѣ; тѣмъ не менѣе, князь, А. Н. Куропаткинъ, я и нѣсколько человѣкъ ординарцевъ питались у Скобелева. Много помогали мѣстные бараны, изъ которыхъ кавказскіе казаки, особенно осетины, дѣлали чудесный шашлыкъ. Доставать же провизію у массы расплывшихся за Дунаемъ маркитантовъ рѣшительно не было возможности; никто изъ нихъ не хотѣлъ ѣхать въ тотъ отрядъ, которымъ командовалъ Скобелевъ или гдѣ онъ находился; было страшно. Я помню только, что въ одну изъ моихъ поѣздокъ въ главную квартиру, когда я состоялъ еще при Скобелевѣ, кажется, послѣ второй Плевны, онъ велѣлъ мнѣ добыть маркитанта или по крайней мѣрѣ купить съѣдобнаго. Несмотря на всѣ мои старанія и увѣщанія, ни одинъ изъ разносчиковъ не согласился къ намъ идти, такъ что пришлось купить провизіи и привезти на сѣдлахъ; мясо у насъ было всегда, а потому я, слѣдуя указанію Скобелева, на всѣ 8 золотыхъ, имъ выданныхъ, привезъ сыру, сардинокъ, коньяку и шампанскаго.

Въ городѣ происходила уборка труповъ, перевязка и отправленіе раненыхъ, сама Ловча приводилась въ порядокъ подъ управленіемъ назначеннаго для этой цѣли подполковника Желтухина.

Я сказалъ выше, что, по предположеніямъ главной квартиры, мы должны были взять Ловчу 21-го, а 22-го идти на Плевну, и объяснилъ причины, побудившія князя Имеретинскаго отложить атаку Ловчи съ

21-го на 22-е; слѣдовательно, теперь, на основаніи расчетовъ выше, мы должны были 23-го идти къ Плевнѣ; но мы этого сдѣлать не могли, по многимъ причинамъ, изъ которыхъ главная была та, что 23-го мы были сами атакованы турками, вышедшими изъ Плевны. Впрочемъ, если бы и этой, покрывающей всѣ причины, не случилось, то все же мы не могли бы тронуться. Бой, хотя и удачный, разстраиваетъ сильно части. При безпорядкѣ, существовавшемъ вообще въ довольствіи войскъ всѣмъ необходимымъ для жизни и боя, надо было время, чтобы прійти въ порядокъ и пополнить всевозможные запасы. Стоитъ вспомнить, что отрядъ нашъ былъ сборный и не составлялъ цѣльной единицы ни въ строевомъ, ни въ административномъ отношеніяхъ. Стрѣлковая бригада и кавказскіе казаки имѣли берданки, остальные крнка; въ составъ отряда входили: стрѣлки, 2-я дивизія, бригада третьей дивизіи, Казанскій полкъ 16-й дивизіи и баталіонъ Шуйскаго полка 30-й дивизіи,—однимъ словомъ, отрядъ былъ составленъ по договоркѣ: съ міру по ниткѣ; рубашка и вышла, только очень пестрая, и довольствіе, а также снабженіе отряда всѣмъ необходимымъ было ужасно трудно. Кромѣ того, надо было укрѣпить Ловчу соотвѣтственно небольшому гарнизону, тамъ оставляемому, что требовало времени.

Еще почью получены были свѣдѣнія о наступленіи турокъ со стороны Плевны, и въ ту сторону выдвинуты казаки. Рано утромъ обнаружены были пѣхотныя турецкія части невдалекѣ отъ Сотева, верстахъ въ 10—12 отъ Ловчи, вслѣдствіе чего пѣхота авангарда, начальство надъ которымъ вручено было Скобелеву, двинута была на укрѣпленную позицію сѣвернѣе города, но по недоразумѣнію выдвинулась далеко впередъ и послѣ небольшого дѣла, распоряженіемъ самого Скобелева, была возвращена на позицію. Турки начали огибать Ловчу со стороны Микре, зашли даже на дорогу, ведущую въ Троянъ, и обстрѣливали городъ и войска артиллерійскимъ огнемъ съ высотъ, лежащихъ западнѣе и юго-западнѣе Ловчи. Казалось, что противникъ обходитъ Ловчу, и слѣдовало рѣшить вопросъ, что намъ дѣлать: атаковать непріятели или ограничиться оборонительными дѣйствіями. Въ виду предписаннаго движенія на Плевну и предстоявшихъ тамъ дѣйствій, необходимости сохраненія силъ отряда, а также вслѣдствіе неизвѣстности силъ противника, князь Имеретинскій призналъ правильнымъ не атаковать, тѣмъ болѣе, что подобныя дѣйствія въ виду трудно доступныхъ позицій, занятыхъ непріятеlemъ, стоили бы намъ весьма дорого. Между 4 и 5 часами все утихло, и войска могли отдохнуть, а также изготвиться къ дальнѣйшему. Впослѣдствіи выяснилось, что еще 22-го августа Османъ-паша лично пошелъ на выручку Ловчи съ 20-ю баталіонами и баши-бузуками, но не дошелъ, а остановился на ночлегъ между Плевной и Ловчей, западнѣе шоссе. Подойдя къ Ловчѣ 23-го утромъ и

увидѣвъ, что городъ взять, сначала предположено было атаковать, но, затѣмъ, опасаясь за Плевну, которая могла быть атакowana генераломъ Зотовымъ, въ отсутствіе Османа-паши, рѣшено было вернуться, предоставивъ Ловчу ея участи.

Надо сожалѣть и можно даже удивляться, что это движеніе Османа-паши съ большими силами, продолжавшееся въ общемъ съ 22-го по 26-е августа, прошло мало замѣченнымъ для западнаго отряда нашей арміи. Что же дѣлала кавалерія лѣваго фланга западнаго отряда, находившаяся возлѣ Богота? Извѣстно съ достовѣрностью, что 22-го августа въ 12 часовъ дня, верстахъ въ 12 отъ Ловчи на Плевно-Ловчинскомъ шоссе былъ рекогносцировочный отрядъ изъ одного полка пѣхоты, двухъ батарей и полка кавалеріи ¹⁾, выдвинутый съ лѣваго фланга западнаго отряда, но участія въ нашемъ дѣлѣ онъ не принялъ, хотя, судя по времени и разстоянію, попалъ бы какъ разъ къ атакѣ укрѣпленій лѣваго берега Осымы и большого редута.

Извѣстно также, что четыре полка кавалеріи лѣваго фланга западнаго отряда должны были 23-го августа произвести рекогносцировку силъ турокъ, вышедшихъ изъ Плевны. Дѣйствительно, во время наступленія турокъ на нашъ авангардъ, около Павликанъ показались съ сѣвера войска противъ нашего праваго фланга, сначала насъ напугавшія, но потомъ оказавшіяся своими. Къ авангарду нашему подходила даже донская бригада и построилась противъ лѣваго фланга турокъ, но затѣмъ «вслѣдствіе приказанія корпуснаго командира» ²⁾ совершенно непонятнаго, ушла къ Слатинѣ.

Кавказскую казачью бригаду нельзя упрекать въ недержаніи связи съ лѣвымъ флангомъ западнаго отряда; связь содержалась настолько, насколько позволяло описанное выше горячее участіе бригады въ бою 22-го августа, естественно поглощавшее ее всю. Но какъ объяснить, что четыре полка кавалеріи и полкъ пѣхоты простояли въ недалекомъ разстояніи отъ Ловчи и вблизи шоссе 22-го и 23-го августа и не осведомились о происходящемъ у насъ, особенно когда узнали, что турки въ значительныхъ силахъ двинулись изъ Плевны на Ловчу, хотя и кружнымъ путемъ—все это рѣшительно не понятно.

24-го августа, оставивъ въ Ловчѣ бригаду генерала Давыдова (Исковскій и Великолуцкій полки), тронулись мы къ Плевнѣ, въ Боготъ, имѣя въ авангардѣ Скобелева и конечно несмѣняемую Кавказскую казачью бригаду. Главными силами командовалъ Добровольскій, съ ними шелъ князь Имеретинскій; тутъ же ѣхали и наши англичане.

¹⁾ Тутолминъ. „Кавказская казачья бригада“. Томъ II. Куропаткинъ. „Ловча и Плевна“. Часть I.

²⁾ „Записка полк. Чернозубова—полковнику Тутолмину 23-го августа“. Тутолминъ. „Кавказская казачья бригада“. Томъ II.

Генералу Скобелеву приказано было утромъ, еще до выступленія отряда, произвести рекогносцировку непріятеля, занимавшаго горы къ западу отъ шоссе, для того, чтобы убѣдиться, можно ли оставить Ловчу подъ охраной одной бригады, и не могутъ ли турки помѣшать нашему движенію къ Плевнѣ. Въ ожиданіи извѣстій, отрядъ выстроился на позиціи впереди (къ сѣверу) Ловчи, и отъ нечего дѣлать бесѣдовалъ я съ англичанами. Гевелокъ говорилъ по-французски бѣгло, но жестоко коверкалъ фразы. Разговаривая о вчерашнемъ днѣ, онъ сказалъ мнѣ: «Vous aviez hier au moins 40.000 hommes sur votre flanc, qui s'en allaient au delà des Balkans; pourquoi vous restez? ¹⁾», а когда Имеретинскій спросилъ его, много ли, по его мнѣнію, осталось турокъ въ Плевнѣ, то Гевелокъ засвѣталъ, показавъ на пролетавшихъ птицъ и, захохотавъ ужасно непріятнымъ смѣхомъ, точно насмѣхаясь, отвѣчалъ: «Vous trouverez des oiseaux» ²⁾). Какъ ни странно было подобное заявленіе, но оно на меня подѣйствовало, потому что совпадало съ большими силами турокъ, бывшими противъ насъ наканунѣ, вышедшими изъ Плевны и тянувшимися къ югу. Какъ разъ при концѣ этого разговора получена была записка отъ Скобелева о томъ, что положеніе турокъ не можетъ препятствовать нашему движенію. Я воспользовался пріѣхавшимъ ординарцемъ и сообщилъ Михаилу Дмитриевичу разговоръ съ Гевелокомъ. Записка моя встревожила Скобелева, который для провѣрки англійскихъ слуховъ тотчасъ же произвелъ рекогносцировку Плевны съ юга и былъ встрѣченъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ не только со стороны Зеленыхъ горъ, какъ это было 18-го іюля, а и со стороны деревни Кришинъ, надъ которой высились вновь воздвигнутыя редуты—Кришинскіе. Турки не ушли, а наоборотъ, укрѣпившись, ждали встрѣтить насъ во всеоружіи. Гевелокъ ошибся.

Вообще этотъ англичанинъ мнѣ ужасно не нравился; мнѣ все казалось, что онъ можетъ такъ же свободно развѣзжать и съ Османомъ-пашей, какъ съ нами; при этомъ онъ былъ нахаль, весьма безцеремонный и про все наше отзывался съ сарказмомъ. Товарищъ его, почти совсѣмъ не говорившій, а только по временамъ что-то мычавшій, тоже не возбуждалъ во мнѣ довѣрія и тѣмъ болѣе симпатій.

Выступивъ въ 11 час. утра съ позиціи у Ловчи, подошли мы около 5 часовъ по полудни къ сломанному мосту на шоссе, верстахъ въ 15—20 отъ Ловчи, и встрѣтили тутъ стоящій на бивакѣ частью у моста, частью въ Слатинѣ, отрядъ генераль-майора Ратіева изъ 5 полковъ кавалеріи (Астраханскаго и Казанскаго драгунскихъ, Кіевскаго гусарскаго, казачьей бригады Чернозубова, 16-й конной батареи полковника

¹⁾ На нашемъ флангѣ было вчера по меньшей мѣрѣ 40.000 человекъ, уходившихъ за Балканы. Чего вы стоите?

²⁾ Вы найдете тамъ только птицъ.

Ореуса и 15-й донской батарее войскового старшины Дуткина). При отрядѣ былъ товарищъ мой Квитницкій, исполнявшій обязанности начальника штаба, вмѣсто заболѣвшаго или вообще отсутствовавшего Лауница. Поднялись разспросы съ обѣихъ сторонъ; насъ въ особенности занималъ вопросъ, гдѣ былъ этотъ отрядъ 22-го и 23-го августа, и какимъ образомъ онъ, стоя на Плевно-Ловчинскомъ шоссе, проглядѣлъ выступленіе Османа изъ Плевны? Отъ Квитницкаго я узналъ слѣдующее: отрядъ Ратіева 21-го августа находился на походѣ изъ Муратъ-Бей-Кюя (Морадего) въ Лѣтницу, гдѣ ночевалъ съ 21-го по 22-е; 22-го августа на походѣ изъ Лѣтницы черезъ Порадимъ и Пелишатъ къ Боготу; 23-го отрядъ за исключеніемъ бригады Чернозубова оставался у Богота, бригада же Чернозубова направлена была въ Слатину и, какъ я уже сказалъ выше, подходила къ намъ, обмѣнялась съ турками нѣсколькими выстрѣлами и вернулась въ Слатину; 24-го августа драгунскіе полки перешли въ Слатину, а бригада Чернозубова къ сломанному мосту на шоссе, гдѣ мы и встрѣтились.

По словамъ Квитницкаго, объ атакѣ нами Ловчи 22-го августа и объ угрозѣ Ловчѣ турками 23-го августа въ отрядѣ ген. Ратіева свѣдѣній не имѣлось, но 21-го на переходѣ отъ Мурадъ-Бей-Кюя къ Лѣтницѣ и по приходѣ на бивакъ, куда отрядъ прибылъ въ 1 часть дня, была слышна со стороны Ловчи сильная канонада. Тутъ очевидная ошибка въ числахъ, такъ какъ 21-го у Ловчи, при занятіи горъ Счастливой и Имеретинскаго, артиллерійской стрѣльбы не было; впрочемъ и самъ Квитницкій полагаетъ, что эта канонада слышна была не 21-го, а 22-го, и ошибка въ числахъ вкралась въ дневникъ Донской бригады. Такъ какъ 21-го на всемъ Плевно-Ловчинскомъ и Ловче-Сельвинскомъ шоссе артиллерія не стрѣляла, то я нахожу справедливымъ остановиться на томъ, что слышанная въ отрядѣ генерала Ратіева стрѣльба была наша, 22-го августа. Квитницкій сообщилъ мнѣ, что онъ и полковникъ Чернозубовъ, слыша канонаду и будучи увѣрены, что атакуютъ Ловчу—просили генерала Ратіева идти на выстрѣлы, но Ратіевъ наотрѣзъ отказался, объявивъ, что пойдетъ по данному ему маршруту и въ точности исполнитъ данное ему предписаніе. Затѣмъ, во время стоянія на бивакѣ у Лѣтницы, вслѣдствіе неумолкавшей со стороны Ловчи канонады, тѣ же лица вновь повторили свое предложеніе, выставляя на видъ, что отрядъ совсѣмъ свѣжъ; получивъ снова отказъ, Квитницкій просилъ разрѣшенія дать знать генералу Новицкому, въ штабъ 4-го корпуса, о мѣстѣ нахождения ихъ отряда, но и на это генералъ Ратіевъ не соглашался, вслѣдствіе чего Квитницкій послалъ увѣдомленіе Новицкому отъ себя. Очень жаль, что начальникъ отряда не догадался послать въ нашу сторону хотя бы разъѣзды, мы бы узнали о присутствіи не вдалекѣ 5-ти полковъ кавалеріи съ 2-мя конными батареями. и

можетъ быть изъ этого что-нибудь и вышло, если не 22-го, то хотя бы 23-го. Князь Имеретинскій очень сердился, когда я ему докладывалъ эти подробности. Отрядъ тронулся и благополучно достигъ передъ сумерками Богота, гдѣ имѣлъ дневку 25-го августа.

26-е августа было первымъ днемъ цѣлаго ряда операцій противъ Плевны. Въ этотъ день началась бомбардировка турецкихъ укрѣпленій, а мы стояли между Тученицей и Радишевымъ, за лѣвымъ флангомъ 4 корпуса генерала Крылова. Скука была смертельная. Стоимъ и ничего не дѣлаемъ. Сначала какъ будто и можно было ожидать чего-то; еще утромъ получили мы приказаніе отъ командира 4-го корпуса быть готовыми, такъ какъ турки обходятъ лѣвый его флангъ. Хотя это извѣстіе казалось не совсѣмъ вѣроятнымъ потому, что противъ дальняго обхода, изъ-за Тученицкаго оврага, мы были обезпечены Донской бригадой Чернозубова и Кавказской казачьей бригадой, стоявшими у Плевно-Ловчинскаго шоссе, а ближній обходъ, по нашей, восточной сторонѣ оврага былъ бы намъ виденъ. По развѣдкѣ оказалось, что никто не обходитъ, и мы успокоились. Черезъ нѣкоторое время опять повторилось то же и опять въ пустую, такъ что мы уже попривыкли къ этимъ фальшивымъ тревогамъ и жестоко скучали, лежа на землѣ. Болтали, дремали, опять болтали, и наконецъ день сталъ подходить къ концу.

Подъ вечеръ снова повторилось предупрежденіе объ обходѣ, тогда я поѣхалъ самъ на развѣдки. Со мной были молодые офицеры: Калужскаго полка Григорьевъ, Ревельскаго полка Петропавловскій и 30-го Довскаго Тихоновъ; предполагая проѣхать подальше впередъ для того, чтобы удостовѣриться въ положеніи дѣлъ, я взялъ конвой изъ 10—12 осетинъ и конечно неразлучнаго со мною Захара. Выѣхавъ передъ лѣвый флангъ войскъ 4 корпуса, я попросилъ начальствующихъ лицъ отдать приказаніе цѣпи не стрѣлять и потомъ въ виду того, что турки изрѣдка пострѣливали изъ орудій,—пустился въ карьеръ. Я былъ на моемъ любимомъ кабардинцѣ, чрезвычайно рѣзво скакавшемъ; ушелъ далеко впередъ и оглянувшись замѣтилъ, что весь конвой отсталъ. Приостановивъ коня, я выждалъ конвой и распекъ осетинъ за то, что отстаютъ, прибавивъ сгоряча, что вѣрно они боятся, на чтѣ одинъ изъ нихъ рыжій, слѣзши и поправляя что-то у моей лошади, отвѣтилъ: «не говори такъ,—нашъ народъ этого не любитъ», чтѣ сразу успокоило мой гнѣвъ и заставило разсмѣяться. Проскакавъ кукурузное несжатое поле, выѣхали мы на чистое мѣсто, съ котораго укрѣпленія Плевны, при заходящемъ солнцѣ, обрисовывались великолѣпно.

Чтобы не представлять слишкомъ большой цѣли, мы всѣ слѣзли съ лошадей, приказали отвести ихъ нѣсколько назадъ въ кукурузу, а сами сѣли на землю, и вооружившись биноклями, принялись разсматривать турецкіе ложементы.

Лучи заходящаго солнца какъ разъ падали на Плевну, мы были въ тѣни, думаю, что было около 6 часовъ вечера, и намъ чудесно было видно, какъ турки копошились въ ложеметахъ, исправляя поврежденія, произведенныя нашими снарядами. Мы сидѣли уже довольно долго, никакого обхода не было, какъ кто-то изъ насъ указалъ на черную точку въ небѣ, быстро приближавшуюся гранату. Скоро потомъ показался бѣлый дымокъ, въ небѣ послышался тупой звукъ въ родѣ удара или щелчка, граната исчезла, но насъ осыпало точно горохомъ, я повалился на спину отъ какого-то толчка и съ меня сорвало фуражку. Это случилось такъ неожиданно и вышло такъ смѣшно, что я даже засмѣялся; но приподнявшись, услышалъ справа и слѣва стоны, а сзади крики. Стоналъ Петропавловскій, сильно контуженный въ голову, стоналъ Тихоновъ, раненый въ животъ, и Григорьевъ, раненый въ ногу, сзади же раздавался жалобный крикъ Захара—«лошадь убили». Тутъ было уже не до смѣху. Фуражку мою унесло, точно вѣтромъ, очень далеко, а бѣдному Шамилевскому кабардинцу перебило сухожилья выше вѣчлика правой задней ноги. Нечего дѣлать, пришлось поворачивать оглобли, убѣдившись вполне, что никакого обхода нѣтъ. На кабардинца сѣсть было нельзя, онъ плачевно поджалъ ногу, не будучи въ состояннн на нее ступить. постоянно озирался, поворачивая свою красивую голову къ ногѣ; пришлось взять лошадь у казака. Распорядившись перенесеніемъ сильно раненаго Тихонова,—тронулись мы шагкомъ обратно и, узнавъ, что нашъ отрядъ отошелъ къ самой деревнѣ—Тученицѣ, направились тоже туда и скоро нашли освѣщенную палатку, въ которой, какъ намъ сказали, находились князь Имеретинскій и Скобелевъ. Приближаясь къ ней, я услышалъ громкій разговоръ, услышалъ мою фамилію и невольно прислушался: Скобелевъ и князь Имеретинскій меня ругательски ругаютъ, особенно послѣдній. «Эдакая дрянь этотъ Паренцовъ, и чортъ его понесъ прямо къ туркамъ». Я поспѣшилъ войти въ палатку; оба генерала радостно закричали, обрадовались; имъ кто-то успѣлъ дать знать, что я убитъ, и князь ужасно сердился. Послѣ первыхъ изліяній удовольствія и радости князь Имеретинскій жестоко меня распекъ и воспретилъ подобныя экскурсіи на будущее время. Послали за докторомъ, потому что у меня голова порядочно такъ горѣла, становилась тяжела и меня клонило ко сну. Дивизионный врачъ 2-й пѣхотной дивизіи Сущинскій положилъ мнѣ холодный компрессъ на всю голову, и я заснулъ.

По поводу этого случая было много разговоровъ о контузіяхъ вообще. Кажется, и до сихъ поръ вопросъ о томъ, что такое контузія, не вполне опредѣленъ; нѣкоторые врачи полагаютъ, что при контузіи долженъ непременно произойти непосредственный ударъ снаряда, т. е. соприкосновеніе его съ тѣломъ человѣка, другіе же допускаютъ, что

непосредственнаго удара можетъ и не быть, а что есть только, такъ сказать, ударъ воздуха, равновѣсіе котораго мгновенно нарушено быстро пролетающимъ тѣломъ на близкомъ разстояніи отъ человѣка. Я думаю, послѣднее предположеніе вѣрнѣе, и сужу объ этомъ по тому, что произошло со мной. Я не чувствовалъ мѣстнаго удара въ голову, меня повалилъ какой-то общій толчекъ, который впрочемъ былъ какъ будто направленъ преимущественно въ лѣвую сторону головы. Фуражка моя, сорванная какъ бы вѣтромъ, была бѣлая, и на ней нельзя было нигдѣ найти какого-нибудь слѣда царапины, пятна или полосы отъ удара, а между тѣмъ у меня на другой день сильно болѣла лѣвая половина головы, и впоследствии я сталъ плохо слышать правымъ ухомъ, что по словамъ доктора, вполне согласно съ наукой.

На этомъ я оканчиваю свои воспоминанія о войнѣ 1877—78 годовъ.

Невольно является вопросъ, почему произошла остановка почти наканунѣ такого грандіознаго событія, какимъ являются дни третьяго штурма Плевны, 30-го и 31-го августа 1877 г., въ которомъ я былъ участникомъ? На это я могу дать слѣдующее объясненіе:

Всѣ мои воспоминанія не представляютъ описанія военныхъ дѣйствій въ тѣсномъ смыслѣ этихъ словъ, а затрогиваютъ бытовую сторону сражавшейся арміи, въ откровенномъ изложеніи воспоминаній участника. Описывать дни 30-го и 31-го августа въ томъ же духѣ я не считаю возможнымъ. Исторія, по моему мнѣнію, представляетъ много фактовъ и событій, которые хотя и дѣлаются достояніемъ нѣкоторой части общества, будучи передаваемы устно свидѣтелями или участниками этихъ событій, но по интимному характеру фактовъ таковые не могутъ быть оглашены всенародно и въ печати появиться не могутъ. О такихъ событіяхъ говорятъ, ихъ обсуждаютъ, но никто не говоритъ о нихъ съ кафедръ и не печатаетъ. Дни 30-го и 31-го августа 1877 года, по ихъ бытовой неофициальной, закулисной сторонѣ, принадлежатъ къ разряду именно такихъ событій.

Официальное и при этомъ прекрасное описаніе военныхъ дѣйствій этихъ дней существуетъ давно («Ловча, Плевна и Шейново» А. Н. Куропаткина), а относительно интимной стороны надо сказать: «еще рано», а можетъ быть и «никогда».

П. Паренсовъ.

О распространяемой между субботниками вредной рукописи.

Секретное отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ—с.-петербургскому губернатору.

25-го іюля 1837 г., № 2301.

Дошло до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ, что евреи тайно распространяютъ между субботниками или послѣдователями іудействующей ереси выписки изъ книги Хизыкъ Амина (укрѣпленіе вѣры), которыя, по содержанію своему, не только весьма оскорбительны для христіанства, но и могутъ быть весьма вредны, ибо въ оныхъ съ хитростью и для незнающихъ обольстительно наводится сомнѣніе, какъ на отношеніе Ветхо-Завѣтныхъ пророчествъ къ христіанству, такъ и на достоинства священныхъ книгъ Новаго Завѣта, и сочинитель означенной книги пользуется не только старыми жетокованіями раввиновъ, дабы ослабить свидѣтельства Ветхаго Завѣта въ пользу христіанства, но и новыми перетолкованіями нѣмецкихъ неологовъ, покусившихся орудіемъ критики подкопать основаніе христіанскихъ догматовъ.

Усматривая изъ доставляемыхъ ежегодно въ министерство внутреннихъ дѣлъ отъ начальниковъ губерній вѣдомостей, о раскольникахъ разныхъ сектъ, что субботники или іудействующіе находятся на жительство въ во вѣрвенной вашему превосходительству губерніи, я считаю долгомъ о вышеназъясненномъ сообщить вамъ, милостивый государь, покорнѣйше прося васъ имѣть тайное, но бдительное наблюденіе, дабы между субботниками не были распространяемы означенныя рукописи, могущія служить къ большому утвержденію ихъ въ своемъ заблужденіи; если жъ сіе гдѣ-либо будетъ вами замѣчено, то принять сообразныя съ законами мѣры къ прекращенію подобныхъ вредныхъ дѣйствій враговъ христіанства.

ПЛѢННИКЪ ЕВРОПЫ.

Въ Парижѣ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ французскій переводъ воспоминаній мистрисъ Абель, урожденной Бетси Балькомбъ, дочери англійскаго чиновника, въ домѣ котораго Наполеонъ провелъ первые два мѣсяца своего пребыванія на островѣ св. Елены, пока для него не было приготовлено помѣщеніе въ Лонгвудѣ ¹⁾. Въ оное время, англійскія газеты и различные мемуары современниковъ, касавшіеся пребыванія Наполеона на островѣ св. Елены, много говорили о своеобразной близости, установившейся между низверженнымъ императоромъ и четырнадцатилѣтней дочерью Балькомба. Въ виду этого, воспоминанія мистрисъ Абель представляютъ несомнѣнный интересъ: въ теченіе двухъ мѣсяцевъ она сталкивалась ежедневно съ Наполеономъ при такой обстановкѣ, при которой никто никогда не сталкивался съ великимъ полководцемъ. Жизнь въ совершенно частномъ домѣ, отсутствіе всякаго этикета, болѣе чѣмъ свободное обращеніе съ Наполеономъ, возможность для него самого быть совершенно простымъ и отрѣшиться отъ необходимости постоянно быть насторожѣ,—все это позволяло проявляться его врожденнымъ особенностямъ, такъ сказать, его естественной природѣ, позволяло наблюдать въ немъ чловѣка. Изъ знакомства съ Наполеономъ мистрисъ Абель вынесла убѣжденіе, что въ его характерѣ было много врожденной доброты и отзывчивости, что онъ былъ способенъ къ глубокой привязанности, если только ему не приходилось сталкиваться съ честолюбіемъ, которому онъ все приносилъ въ жертву.

¹⁾ „Napoléon à Sainte-Hélène. Souvenirs de Betzy Balcombe“.—Paris, 1898.

«Я думаю, къ тому же,—пишетъ мистрисъ Абель,—что доброта Наполеона до очевидности доказана любовью, которую онъ проявлялъ къ дѣтямъ, удовольствіемъ, которое онъ обнаруживалъ въ ихъ обществѣ, и все это въ самый несчастный періодъ его жизни: при такихъ условіяхъ характеръ, холодный и неспособный къ привязанности, только томился бы въ себялюбивомъ страданіи. Проработавъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, онъ позволялъ намъ являться къ нему, и то, что для другихъ было бы невыносимой пыткой, казалось, придавало ему новыя силы и оживляло его веселость. Тогда, часто впадая въ шумное оживленіе, онъ раздѣлялъ чувства дѣтей, становился ребенкомъ съ ними, и я могу сказать, что это былъ ребенокъ одинъ изъ самыхъ забавныхъ».

Наполеону, такому, какимъ онъ являлся въ эти мгновенія непринужденности и естественности, и посвящены главнымъ образомъ воспоминанія мистрисъ Абель.

Надобно замѣтить при этомъ, что, и въ бытность свою императоромъ французовъ, Наполеонъ любилъ отдаваться иногда порывамъ шумной, подчасъ неудержимой веселости: въ такія минуты его мысль какъ бы искала поднаго отдохновенія отъ постоянной напряженной дѣятельности.

Въ безхитростномъ разсказѣ мистрисъ Абель описаніе впечатлѣнія, которое островъ св. Елены производилъ на каждого свѣжаго человѣка, оставляетъ тяжелое чувство: «Островъ св. Елены, если смотрѣть на него съ моря... это утесъ съ обрывистыми, почти вертикальными боками, выступающій изъ воды. При своей продолговатой формѣ, однообразно мрачной окраскѣ, онъ скорѣе напоминаетъ собою гигантскій гробъ, плавающій по Атлантическому океану, чѣмъ землю, созданную для живыхъ существъ». Мистрисъ Абель помнитъ впечатлѣніе ужаса, охватившаго ее при видѣ острова, когда она впервые, ребенкомъ, увидѣла его съ палубы корабля. «Мнѣ передавали,—пишетъ она,—что даже энергическая душа Наполеона поддалась унынію, когда (нѣ увидѣвъ мѣсто своего будущаго жительства. Быть можетъ, пока «Нортумберландъ»¹⁾ готовился бросить якорь, онъ прочелъ на угрюмомъ утесѣ слова, которыя языкъ его дѣтства долженъ былъ сдѣлать близко знакомымъ ему:

„Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate“.

Съ другой стороны, изъ разсказа мистрисъ Абель видно, насколько все было сдѣлано, чтобы впечатлѣніе, произведенное на «плѣнника Европы» вѣншинамъ видомъ острова, соответствовало обстановкѣ, среди которой онъ былъ обреченъ провести остатокъ своей жизни. Положеніе

¹⁾ Корабль, на которомъ Наполеонъ былъ доставленъ на островъ св. Елены.

Допигода было самое безотрадное. За каждымъ шагомъ Наполеона слѣдили болѣе, чѣмъ неделикатнымъ образомъ, послѣ девяти часовъ вечера никто не могъ уже выходить на улицу, никто не имѣлъ права посѣщать его безъ особаго разрѣшенія губернатора, сэра Гудсона Лау. Когда однажды Бетси, по своей вѣтренности, нарушила это распоряженіе, ея необдуманнѣйшій поступокъ чуть не лишилъ ея отца занимаемаго имъ мѣста. Всѣ мѣры принимались для того, чтобы Наполеонъ не могъ снискать чьей-либо самой ничтожной привязанности. Утонченная жестокость по отношенію къ Наполеону доходила до того, что внѣшняя охрана его тюрьмы была поручена его завѣдому врагу, капитану Уэллису, нѣкогда причастному къ заговору Моро и Пишегрю противъ Наполеона и въ теченіе десяти лѣтъ содержавшемуся въ тюрьмѣ, пока, наконецъ, ему не удалось бѣжать изъ нея. По словамъ мистрисъ Абель, назначая его крейсировать вокругъ острова св. Елены, вполне справедливо рассчитывали, что никто не выкажетъ себя болѣе бдительнымъ тюремщикомъ по отношенію къ человѣку, котораго онъ столь глубоко ненавидѣлъ.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что вскорѣ Наполеонъ сталъ задыхаться въ своей тюрьмѣ. Вынужденный отказаться даже отъ необходимыхъ для его здоровья верховыхъ прогулокъ, онъ сталъ постепенно чахнуть, и физическія страданія, въ связи съ непривычнымъ бездѣйствіемъ, нравственными мученіями и угасавшею надеждою выйти на свободу, быстро сдѣлали свое дѣло и сломили его крѣпкую натуру.

I.

Все, что Бетси съ ранняго дѣтства слышала о Наполеонѣ, должно было породить въ ней предубѣжденіе противъ него.

«Въ моихъ мысляхъ,—пишетъ мистрисъ Адель въ своихъ воспоминаніяхъ,—нимя Бонапарта рисовало всевозможные ужасы и злодѣйства. Въ моемъ присутствіи ему приписывали столько преступленій, одно ужаснѣе другаго, что я считала его худшимъ изъ людей. И не я одна представляла его себѣ такимъ; мои взгляды были взглядами массы лицъ, старше и разсудительнѣе меня, и я скажу даже, что это были взгляды большинства англійскаго народа. Проводниками подобныхъ воззрѣній служили современныя газеты, выставившія его злымъ гениемъ, и всѣ его соотечественники, искавшіе убѣжища въ Англіи и являвшіеся его естественными врагами».

На слѣдующій день, послѣ прибытія на островъ св. Елены Наполеонъ

верхомъ, въ сопровожденіи четырехъ всадниковъ, подъѣхалъ къ оградѣ коттеджа Балькомбовъ, Еглантъе. Такъ какъ аллея, ведущая отъ воротъ, была не достаточно широка, то всѣ, за исключеніемъ Наполеона, сошли съ лошадей, и онъ ѣхалъ по аллеѣ одинъ между шедшими по его сторонамъ адмираломъ Георгомъ Кокбурномъ и генераломъ Бертраномъ. Подъ нимъ была великолѣпная лошадь, выступавшая нервно, сгибая шею, грызя удила. Картинаность зрѣлища не могла не подѣйствовать на воображеніе дѣвочки въ благопріятномъ для Наполеона смыслѣ.

«Наполеонъ верхомъ, — пишетъ она, — имѣлъ благородный и внушительный видъ; это положеніе какъ бы увеличивало его ростъ и такимъ образомъ восполняло все то, чего недоставало ему, чтобы явиться въ моихъ глазахъ самымъ величественнымъ изъ существъ, когда-либо видѣнныхъ мною.

«Вблизи Наполеонъ казался значительно меньше, въ особенности, рядомъ съ сѣромъ Георгомъ Кокбурномъ, человѣкомъ высокаго роста и аристократической наружности; такимъ образомъ онъ терялъ отчасти тотъ величественный видъ, который поразилъ меня при первомъ взглядѣ на него. Онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ. Однако черты его лица, несмотря на ихъ холодность, безучастность и что-то жесткое, показались мнѣ очень красивыми. Какъ только онъ заговорилъ, его чарующая улыбка и мягкость его обращенія заставили исчезнуть малѣйшій слѣдъ страха, который я испытывала до того

«Онъ сѣлъ на одинъ изъ нашихъ деревенскихъ стульевъ, окинул своимъ орлинымъ взглядомъ наше небольшое помѣщеніе и сказалъ мнѣ нѣсколько лестныхъ словъ. Пока онъ говорилъ, я могла на свободѣ изучать его черты: я не помню, чтобы видѣла когда-либо болѣе замѣчательное и болѣе поражающее лицо. Портреты Наполеона даютъ о немъ довольно вѣрное представленіе, но никакая кисть не въ состояніи передать его улыбку, выраженіе его взгляда, какъ разъ именно то, что составляло его обворожительную прелесть. Его волосы, темно-капитановаго цвѣта, были столь же тонки, столь же шелковисты, какъ волосы ребенка. Быть можетъ, даже они были нѣсколько слишкомъ тонки и шелковисты для мужчины, что заставляло его казаться лысоватымъ. У него были черные зубы; я узнала позднеѣ, что это происходило отъ его привычки ѣсть лакрицу (*Suc de réglisse*), запасъ которой постоянно находился въ его карманѣ. Наполеонъ казался восхищеннымъ нашимъ коттеджемъ и выразилъ живое желаніе жить въ немъ».

Интересенъ первый разговоръ, происшедшій между Наполеономъ и Бетси, въ теченіе котораго былъ затронутъ вопросъ о пожарѣ Москвы.

— Вы говорите по-французски?—спросилъ Наполеонъ,—когда Бет-

ся, повинуваясь его словамъ, съ сильно бьющимся сердцемъ сѣла рядомъ съ нимъ.

Когда она отвѣтила утвердительно, онъ между прочимъ спросилъ у нея о названіяхъ различныхъ столицъ европейскихъ государствъ.

— Какой городъ столица Франціи?

— Парижъ.

— А Италіи?

— Римъ.

— А Россіи?

— Теперь Петербургъ, а прежде—Москва.

При этомъ отвѣтѣ онъ порывисто всталъ съ своего мѣста, повернулся, и затѣмъ, смотря на нее своими живыми глазами, спросилъ строгимъ голосомъ.

— Кто сжегъ ее?

Увидѣвъ быструю переимѣну, происшедшую въ его лицѣ и голосѣ, Бетси снова поддавалась чувству страха и не могла произнести ни звука. По ея словамъ, она неоднократно слышала разговоры о пожарѣ Москвы и споры о томъ, кто сжегъ ее, но своимъ отвѣтомъ боялась оскорбить императора.

Онъ повторилъ свой вопросъ, и тогда она пролепетала:

— Я не знаю.

— Да, да,—возразилъ онъ, смѣясь принужденнымъ смѣхомъ,—вы прекрасно знаете: это я сжегъ ее.

Его смѣхъ нѣсколько ободрилъ Бетси, и она отвѣчала:

— Мнѣ кажется, что ее сожгли русскіе, чтобы избавиться отъ французовъ.

Въ отвѣтъ на это онъ разразился новымъ взрывомъ хохота.

Подъ вліяніемъ обращенія Наполеона, всякая робость со стороны Бетси вскорѣ совершенно исчезла.

«Я никогда не знала человѣка,—писала она впоследствии въ своихъ воспоминаніяхъ,—который болѣе поддавался бы шуткамъ, чѣмъ Наполеонъ. Онъ отличался простотою, непринужденностью, шаловливостью ребенка. Я, безспорно, очень часто подвергала его терпѣніе жестокому испытанію. Но онъ ни разу не прикрылся ни своимъ положеніемъ, ни своимъ возрастомъ, чтобы уклониться отъ послѣдствій своей благосклонной фамильярности. Онъ былъ для меня какъ бы отцомъ, товарищемъ моихъ дѣтскихъ игръ, и всѣ замѣчанія, всѣ указанія, которыя дѣлали мнѣ, всѣ рѣшенія, которыя я принимала, чтобы оказывать ему болѣе вниманія и уваженія—все исчезало, какъ только онъ начиналъ смѣяться и болтать со мною. Когда я приходила къ нему съ непривычнымъ мнѣ дѣланымъ видомъ, онъ тотчасъ же спрашивалъ меня:

— Ну, что съ тобою, m'elle Бетси? Или маленькій Лаказъ ¹⁾ оказался невѣрнымъ? Въ такомъ случаѣ приведи его ко мнѣ.

«Эти и много другихъ словъ въ томъ же родѣ тотчасъ же заставляли меня позабыть всѣ мои прекрасныя рѣшенія».

Братья Бетси были въ то время еще совершенно дѣтьми. Наполеонъ бралъ ихъ къ себѣ на колѣни и позволялъ имъ играть съ орденами, украшавшими его грудь. Часто случалось, что онъ просилъ Бетси взять ножницы и отрѣзать ту или другую ленту, чтобы такимъ образомъ удовлетворить непремѣнному желанію дѣтей имѣть ее.

Какъ-то одинъ изъ мальчиковъ, Александръ, взялъ изъ колоды картъ «великаго Могола» и, показывая его Наполеону, сказалъ:

— Посмотри, Боня, это ты!

Наполеонъ, не понимая, почему его называютъ такъ, спросилъ объясненій, и Бетси была вынуждена сказать ему, что это англійское сокращеніе слова «Бонапартъ», но маленькій Лаказъ, понимая слово въ его буквальномъ смыслѣ, сталъ утверждать, что братъ Бетси хотѣлъ сказать: «костистый».

— Я не костистый!—возразилъ на это, смѣясь, Наполеонъ.

«И дѣйствительно,—пишетъ мистрисъ Абель,—у него была самая пухленькая и красивая рука въ мірѣ, съ ямочками, какъ у маленькаго ребенка, и тѣмъ не менѣе пальцы у него были тонкіе и почти безукоризненные. Я много любовалась его рукою и какъ-то сказала ему, что она, кажется, недостаточно широкою и недостаточно сильною, чтобы владѣть мечемъ».

Вскорѣ послѣ того, какъ Наполеонъ поселился въ Еглантье, къ Балькомбамъ пріѣхала въ гости маленькая дѣвочка, нѣкая миссъ Легъ. Она слышала столько ужасовъ про Наполеона, что когда, прогуливаясь въ саду, узнала отъ Бетси, что онъ тоже вышелъ въ садъ, и сейчасъ онъ увидать его, она со страха бросилась въ объятія Бетси. Забывъ, что недавно сама пугалась Наполеона, Бетси имѣла дѣтскую жестокость сказать ему, что миссъ Легъ боится его, и подвела ее къ нему. Наполеонъ тотчасъ же взъерошилъ рукою волосы и съ угрожающимъ видомъ сталъ наступать на дѣвочку, потрясая головою, съ ужаснымъ выраженіемъ ворочая глазами и испуская какіе-то дикіе звуки. Легко представить себѣ страхъ маленькой Легъ. Она стала кричать раздражающимъ душу голосомъ, такъ что мать Бетси, опасаясь нервнаго припадка, унесла ее подальше. Наполеонъ никогда не хотѣлъ вѣрить, чтобы Бетси могла бояться его еще болѣе, чѣмъ миссъ Легъ, и потому, чтобы испытать ее, пріобрѣтъ къ способу, который употребилъ сейчасъ.

¹⁾ Четырнадцатилѣтній сынъ графа Лаказа; Наполеонъ постоянно дразнилъ Бетси, что она будетъ его женою.

Но тѣтно онъ ерошилъ волосы, искривлялъ всевозможнымъ образомъ свое лицо, онъ достигалъ лишь одного, что Бетси смѣялась все болѣе и болѣе неудержимо. Въ заключеніе раздался страшный вой, но и онъ не произвелъ желаемого дѣйствія. Наполеонъ объяснялъ Бетси, что этотъ вой точное воспроизведеніе криковъ, испускаемыхъ казаками. «Я безъ труда повѣрила ему,—пишетъ она,—до такой степени онъ былъ дикъ». Въ общемъ Наполеонъ казался нѣсколько недовольнымъ, что приложилъ столько стараній, оказавшихся напрасными.

Наклонность Наполеона пугать сказалась и въ слѣдующемъ случаѣ, когда онъ проявилъ чисто юношескую удалъ. Англійскимъ офицеромъ, назначеннымъ слѣдить за каждымъ шагомъ Наполеона, былъ нѣкій капитанъ Попплетонъ. Онъ долженъ былъ сопровождать его во всѣхъ прогулкахъ съ приказаніемъ никогда не терять его изъ виду. Во время одной изъ прогулокъ верхомъ, въ которой участвовали кромѣ Наполеона и Попплетона Бертранъ, Мантолонъ, Гурго и нѣсколько другихъ лицъ изъ его свиты, Наполеонъ вдругъ свернулъ влѣво съ дороги и, прищпоривъ лошадь, повесся прямо къ пропасти. Офицеръ смотрѣлъ, пораженный, опасаясь за жизнь Наполеона и не понимая, что побуждало его дѣйствовать подобнымъ образомъ. Генералы, сопровождавшіе Наполеона, не рѣснули послѣдовать за нимъ, а Попплетонъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ повернуть лошадь и поскакать обратно разыскивать адмирала Кокбурна. Послѣдній въ это время какъ разъ обѣдалъ у Балькомбовъ. Попплетонъ просилъ доложить, что долженъ говорить съ адмираломъ по очень важному дѣлу. Когда его запыхавшагося ввели въ столовую, онъ передалъ о происшедшемъ и заключилъ свой рассказъ словами: «О, милостивый государь, я потерялъ изъ виду императора!» Кокбурнь, слушавшій его съ чисто британской невозмутимостью, продолжая ѣсть супъ, посоветовалъ ему по-просту вернуться въ Лонгвудъ, гдѣ онъ, по всей вѣроятности, и найдетъ генерала Бонапарта. Дѣйствительно, когда Попплетонъ вернулся въ Лонгвудъ, какъ разъ къ обѣду Наполеона, онъ былъ встрѣченъ градомъ насмѣшекъ за обнаруженный имъ недостатокъ смѣлости. «Наполеонъ,—заключаетъ свой рассказъ мистрисъ Абель,—былъ польщенъ въ своемъ самолюбіи, видя страхъ, который онъ внушилъ, даже будучи плѣнникомъ на такомъ недоступномъ островѣ, какъ островъ св. Елены».

Говоря о подмѣченной ею наклонности Наполеона пугать, наводитъ страхъ, мистрисъ Абель прибавляетъ: «Казалось, у него не было нервовъ, дотого онъ забавлялся страхомъ, который подмѣчалъ въ другихъ».

Среди слугъ Наполеона находился одинъ ламповщикъ, явившійся своего рода Лепорелло, умѣвшій дѣлать различныя куклы и механическія игрушки. Наполеонъ часто, пока жилъ у Балькомбовъ, посылалъ

за нимъ, чтобы онъ забавлялъ братьевъ Бетси своими фокусами и шутовствомъ. Однажды ему удалось запереть четырехъ крысъ въ маленький экипажъ, но несчастныя животныя, полумертвыя отъ страха, не двигались съ мѣста. Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ, братья Бетси отправились за Наполеономъ. Онъ посоветовалъ ущипнуть хвосты переднихъ крысъ, говоря, что онѣ увлекутъ за собою заднихъ. Советъ былъ приведенъ въ исполненіе, и крысы понеслись, что доставило большое удовольствіе дѣтямъ. «Я должна сказать,—пишетъ мистрисъ Абель,—что Наполеонъ не менѣе насъ забавлялся всѣмъ этимъ; въ особенности онъ забавлялся необычайною радостью моихъ братьевъ».

По словамъ автора воспоминаній, Наполеонъ былъ надѣленъ большимъ даромъ подражанія; какъ-то разъ онъ спросилъ у ея сестры, слышала ли она когда-нибудь уличные крики въ Лондонѣ. Когда она отвѣтила утвердительно, онъ тотчасъ же принялся подражать имъ самымъ забавнымъ образомъ. Онъ воспроизводилъ ихъ съ такою точностью, что сестра Бетси стала утверждать, что онъ несомнѣнно былъ некогдѣ въ Лондонѣ, потому что иначе не могъ бы схватить съ такою поразительною вѣрностью всѣ ихъ особенности. На это онъ возразилъ, что въ Парижѣ очень любилъ смотрѣть одня фарсъ, въ которыхъ были воспроизведены уличные крики Лондона.

Передавая объ этомъ, мистрисъ Абель рассказываетъ, что Наполеонъ былъ большимъ поклонникомъ Тальмы; онъ говорилъ, что это самый естественный изъ актеровъ, когда-либо выступавшихъ на подмосткахъ. Разъ Бетси спросила его, правда ли, какъ она слышала, что онъ бралъ у Тальмы уроки того, какъ держаться на тронѣ. Наполеонъ отвѣчалъ, что ему часто задавали этотъ вопросъ, и что онъ говорилъ объ этомъ съ великимъ актеромъ, прибавивъ съ своей стороны слѣдующее замѣчаніе: «это служитъ признакомъ, что я хорошо держусь на тронѣ».

У Наполеона были красивыя печати, рѣдкія монеты, и онъ любилъ дѣлать ими сургучные оттиски. Однажды, когда онъ занимался этимъ, Бетси нарочно толкнула ему локоть, и нѣсколько капель горячаго сургуча попало ему на пальцы. «Это причинило ему сильную боль,—пишетъ мистрисъ Абель,—но онъ перенесъ ее съ крайней добротой, и я была вынуждена сказать ему, что огорчена тѣмъ, что сдѣлала; но признаюсь, что, если бы, напротивъ того, онъ выразилъ неудовольствіе, я не скрыла бы своей радости».

Наполеонъ и его приближенные много играли на биллиардѣ. Онъ посвятилъ въ эту игру и Бетси. Она играла съ нимъ, но когда игра начинала надоедать ей, она развлекалась тѣмъ, что пускала шары ему по пальцамъ; «я никогда,—пишетъ она,—я не была болѣе довольна чѣмъ тогда, когда мнѣ удавалось заставить его вскрикнуть отъ боли».

II.

Повидимому, всѣ помыслы, всѣ привязанности Наполеона въ изгнаніи были сосредоточены на его единственномъ смѣѣ. Какъ-то Бетси застала его въ сильнѣйшемъ волненіи; оказалось, что онъ только-что показывалъ присланный ему бюстъ короля Римскаго. Онъ показалъ его и Балькомбамъ, откровенно высказавшимъ ему свое восхищеніе чудной головкой. Самъ Наполеонъ смотрѣлъ на бюстъ съ гордостью, смѣшанною съ удовлетвореніемъ. Онъ очевидно пришелъ въ восторгъ отъ похвалъ Балькомбовъ, и его лицо свѣтилось улыбкою. Мистрисъ Балькомбъ часто говорила впоследствии, что она никогда не видѣла лица, на которомъ отеческая любовь отражалась бы болѣе выразительнымъ и интереснымъ образомъ, чѣмъ у Наполеона.

Бетси передаетъ въ своихъ воспоминавіяхъ, что одинъ очень опытный докторъ рассказывалъ ея отцу объ удивленіи, въ которое повергъ его Наполеонъ, «этотъ необыкновенный человѣкъ», своими познаніями въ медицину, своими поразительными замѣчаніями, глубиною и ясностью своихъ сужденій. Императоръ между прочимъ сказалъ ему, что онъ не вѣритъ въ медицину, и что его лѣкарства ограничиваются діетой и горячими ваннами, что однако не мѣшаетъ ему относиться съ большимъ уваженіемъ къ докторамъ.

Что касается адвокатовъ, то Наполеонъ говорилъ, что ихъ занятія подвергаютъ человѣческую слабость слишкомъ сильному испытанію, такъ какъ тѣ, которые привыкаютъ искажать истину, находятъ удовлетвореніе и выгоду въ торжествѣ неправды, въ концѣ концовъ становятся неспособными отличать добро отъ зла, правое отъ неправого. То же самое, — прибавлялъ онъ, — дѣлается и съ политическими дѣятелями: они создаютъ себѣ чисто условную совѣсть.

Наполеонъ былъ очень строгъ въ отношеніи къ духовнымъ лицамъ; по его словамъ, требуя отъ нихъ слишкомъ многого, ихъ дѣлали лицемерами.

Передавая приведенные отзывы Наполеона, мистрисъ Абель считаетъ нужнымъ оговорить, что сообщаетъ ихъ на основаніи замѣтокъ своего отца.

Интересенъ также отзывъ Наполеона о поэтахъ:

«Онъ говорилъ о поэтахъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ; называлъ ихъ мечтателями; однако, единственный изъ поэтовъ, котораго ему приходилось читать, былъ безспорно наибольшимъ мечтателемъ». «И развѣ его честолюбивые замыслы, при ихъ ширинѣ и недостаточной опредѣлительности, не стояли въ тѣсномъ родствѣ съ туманными выспренностями Оссіана?» — прибавляетъ мистрисъ Абель.

Однажды Наполеонъ показывалъ Бетси принадлежавшій ему великолѣпный северскій сервизъ, на которомъ были воспроизведены различные эпизоды изъ его жизни. Разматривая изображенія, относящіяся къ египетской кампаніи, Бетси, слышавшая, будто въ бытность свою въ Египтѣ Наполеонъ принялъ магометанство, безъ всякихъ обиняковъ спросила его, правда ли, что онъ перемѣнилъ религію.

— Что вамъ до этого?—отвѣчалъ онъ, смѣясь; сражаться—вогъ религія солдата, и ея я никогда не мѣнялъ. Другая—это дѣло женщинъ и духовенства. Что касается меня, то у меня привычка усвоивать религію страны, въ которой я нахожусь.

Какъ-то Наполеонъ засталъ Бетси за заучиваніемъ молитвъ.

— Я увѣрена,—сказала она ему при этомъ случаѣ,—что вы никогда не учили молитвъ; увѣряютъ, что вы отрицаете существованіе Бога.

Бетси показалось, что ея слова были неприятны Наполеону; тѣмъ не менѣе онъ возразилъ:

— Вамъ сказали неправду; когда вы сдѣлаетесь болѣе разсудительной, вы поймете, что никто въ мірѣ не можетъ подвергать сомнѣнію существованіе Бога.

Послѣ этого, мать Бетси спросила Наполеона, вѣрить ли онъ въ предопредѣленіе, какъ рассказываютъ объ этомъ; онъ отвѣчалъ, что дѣйствительно вѣрить, и прибавилъ:

— По-моему, какова бы ни была миссія, которую человекъ бываетъ призванъ судьбою выполнить на землѣ, неизбежно, чтобы онъ выполнилъ ее.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, которые Наполеонъ прожилъ у Балькомбовъ, онъ имѣлъ возможность присматриваться къ нравамъ англичанъ въ повседневной жизни. При своей умѣренности въ употребленіи вина, онъ никакъ не могъ примириться съ привычками англичанъ-мужчинъ оставаться за столомъ и пить вино послѣ того, какъ дамы удаляются въ гостиную. «Онъ составилъ себѣ преувеличенное представленіе о количествѣ бутылокъ вина, выпиваемомъ англійскимъ джентльменомъ,—пишетъ мистрисъ Абель;—когда у насъ бывали гости къ обѣду, онъ никогда не упускалъ случая спросить меня, сколько бутылокъ вина выпито моимъ отцомъ, и принимался смѣяться, насчитывая на своихъ пальцахъ до пяти».

— Если бъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, m-me Балькомбъ — говорилъ онъ матери Бетси,—я бы очень сердился, если бы былъ вынужденъ ожидать два или три часа, пока вашъ мужъ и его друзья запросятъ, чтобы пить и опьяняться. Насколько въ этомъ отношеніи разнимся отъ нихъ мы, французы, думающіе, что общество безъ женщинъ лишено всякой прелести.

Вообще, Наполеонъ при каждомъ случаѣ обнаруживалъ свое нерасположеніе къ англичанамъ и всему англійскому.

Во время одного изъ обѣдовъ, онъ сталъ вышучивать любовь англичанъ къ ростбифу и пломпуddingu. Бетси стала возражать ему и назвала французовъ потребителями лягушекъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ она сбѣгала и принесла гравюру, изображавшую длиннаго, худого человѣка съ раскрытымъ ртомъ и высунутымъ языкомъ, на которомъ видѣлась лягушка, которую онъ готовился проглотить. Подъ карикатурой стояла надпись: «обѣдъ француза». Увидѣвъ это, Наполеонъ не могъ удержаться отъ смѣха и, по своему обыкновенію, ущипнулъ Бетси за ухо, что онъ дѣлалъ и тогда, когда былъ въ хорошемъ расположеніи духа, и тогда, когда она выводила его изъ терпѣнія своими выходками.

Интересенъ его отзывъ и объ англійской музыкѣ.

— Англійская музыка отвратительна; это худшая изъ всѣхъ,— сказалъ онъ.

Въ одномъ Наполеонъ признавалъ превосходство англичанъ—въ морскомъ дѣлѣ.

Разъ Бетси застала его сосредоточенно слѣдившимъ за приближавшимся великолѣпнымъ англійскимъ кораблемъ. Послѣ долгаго молчанія, онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно превосходнаго устройства корабля.

— Англичане,—сказалъ онъ между прочимъ,—царь моря.

Затѣмъ прибавилъ съ саркастической улыбкой:

— Я спрашиваю себя, что они думаютъ о нашемъ прекрасномъ островѣ; я сомнѣваюсь, чтобы они испытывали какую-либо гордость, созерцая гигантскія стѣны моей тюрьмы.

Сторожемъ фруктоваго сада Балькомба былъ рабъ-малаецъ Тоби. Онъ дотога понравился Наполеону, что тотъ хотѣлъ даже выкупить его у Балькомба и отпустить на волю, но Балькомбъ не могъ исполнить его желанія по «политическимъ соображеніямъ». Эти «политическія соображенія», по свидѣтельству другаго современника, заключались въ томъ, что губернаторъ острова, Гудсонъ Лау, усмотрѣлъ въ желаніи Наполеона выкупить Тоби стремленіе съ его стороны завоевать симпатіи негровъ острова.

Тѣмъ не менѣе, Тоби сохранилъ глубокую признательность Наполеону, и для него не было большей радости, какъ, исполняя приказаніе Балькомба, собирать лучшіе плоды или готовить великолѣпный букетъ, чтобы отнести его въ Лонгвудъ «славному Бони».

До какой степени прибытіе Наполеона на островъ св. Елены должно было произвести сильное впечатлѣніе на умъ и воображеніе обитателей острова, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Наставникомъ

младшаго брата Бетси былъ нѣкій Хюфъ, жившій на островѣ въ теченіе почти полувѣка. Со времени прибытія на островъ Наполеона онъ вбилъ себѣ въ голову разныя невѣроятныя вещи и между прочимъ утверждалъ, что призванъ возстановить въ полной силѣ державныя права низверженнаго героя и что можетъ освободить его изъ заточенія, когда ему это вздумается. Его признали сумасшедшимъ и стали тщательно слѣдить за нимъ, пока наконецъ въ одинъ прекрасный день его не нашли мертвымъ. Смерть его была приписана самоубійству, но нельзя не признать, что она явилась какъ-то особенно кстати, чтобы успокоить возможныя опасенія сэра Гудсона Лау. Если суровый тюремщикъ Наполеона усматривалъ опасность въ выкупѣ Тоби, то не меньшую опасность онъ долженъ былъ усматривать и въ экзальтированныхъ рѣчахъ Хюфа, способныхъ зародить смѣлый замыселъ въ какой-либо горячей головѣ. Такимъ образомъ, является несомнѣннымъ, что и старый рабъ-малаецъ и несчастный сумасшедшій выросли въ глазахъ подозрительнаго сэра до опасныхъ противниковъ могущественной Англіи.

Однажды г-жа Бертранъ показала Наполеону миниатюру императрицы Жозефины. Онъ долго и безмолвно разсматривалъ ее и наконецъ сказалъ, что никогда не видалъ портрета, болѣе похожаго, чѣмъ этотъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ желаніе оставить его у себя и дѣйствительно сохранилъ его до самой своей смерти.

Ему часто случалось подолгу останавливать свой взглядъ на матери Бетси; онъ извинялся при этомъ—говоря, что она очень похожа на Жозефину. Повидимому,—пшетъ мистръ Абель—онъ хранилъ о ней самое нѣжное воспоминаніе. Онъ никогда не могъ нахвалиться ея красотой ея характера и изяществомъ ея поступи. Онъ говорилъ, что она была наиболѣе женщина изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ онъ зналъ когда-либо.

Когда онъ говорилъ о Жозефинѣ, то не упускалъ случая намекнуть на припадки нервныхъ страданій, которымъ она часто была подвержена и которые тѣмъ не менѣе нисколько не вредили ровности ея характера; онъ часто говорилъ, что она была самая любезная, самая очаровательная и пріятная изъ всѣхъ женщинъ.

По его словамъ, она являлась богиней туалета: всѣ моды въ одинаковой степени шли къ ней; все, что она ни одѣвала, по одному этому, получало отпечатокъ благородства; сверхъ того она отличалась необычайной добротой. Однако, боготвореніе ея не мѣшало ему возставать противъ утвержденій, будто она оказывала вліяніе на его образъ дѣйствій въ области политики.

— Хотя Бурбоны и англичане и признаютъ, что я сдѣлалъ кое-что хорошее,—говорилъ онъ,—но они стараются уменьшить значеніе его,

приписывая все главнымъ образомъ Жозефинѣ; но истина та, что она никогда не мѣшалась въ политику.

Разсказывая о своемъ разводѣ, онъ говорилъ, что не могъ бы рѣшиться на него безъ государственныхъ соображеній, что никакая другая причина не могла бы побудить его порвать со стою совершенной супругой. Онъ благодарилъ Бога, который отозвалъ ее прежде, чѣмъ ему было суждено испытать послѣдніе удары судьбы.

Затѣмъ Наполеонъ съ большими добротою и любовью говорилъ объ императрицѣ Маріи-Луизѣ. Онъ сказалъ, что она послѣдовала бы за нимъ на островъ св. Елены, если бы это было позволено ей, и что она была добрая личность и преданная супруга. У него было нѣсколько портретовъ ея.

Въ своихъ разговорахъ съ Наполеономъ Бетси затрогивала самыя щекотливыя темы. Такъ, однажды, она стала разспрашивать его о нѣкоторыхъ приписываемыхъ ему жестокостяхъ, объ избіеніи плѣнныхъ турокъ въ Яффѣ и объ отравленіи больныхъ въ госпиталѣ того же города. «Я до сихъ поръ помню,—пишетъ мистрисъ Абель,—восклицаніе, вырвавшееся у него при послѣднемъ намекѣ; эта старая исторія, столько разъ сказанная и пересказанная, можетъ, тѣмъ не менѣе, стать интересною, когда передаешь ее въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, которыми употребилъ Наполеонъ».

— Передъ оставленіемъ Яффы,—сказалъ онъ,—и когда извѣстное число больныхъ было уже посажено на суда, мнѣ доложили, что въ госпиталѣ остается нѣсколько человѣкъ, раны или болѣзнь которыхъ отнимали всякую надежду на ихъ выздоровленіе, и которые, по ихъ положенію, не могли быть перевезены. Я собралъ на совѣщаніе докторовъ, спросилъ ихъ, что нужно дѣлать съ этими несчастными, и просилъ высказать мнѣ свое мнѣніе. Такимъ путемъ выяснилось, что семь восьмыхъ солдатъ были въ совершенно безнадежномъ состояніи, и что большая ихъ часть не выживетъ и сутокъ. Сверхъ того, нѣкоторые были поражены проказой, и посадка ихъ на суда подвергла бы опасности всю армію; они распространили бы проказу вокругъ себя, нисколько не уменьшивъ своихъ собственныхъ страданій и не увеличивъ своихъ шансовъ на выздоровленіе. Съ другой стороны, покинуть ихъ значило предоставить ихъ жестокости турокъ; послѣдніе же никогда не упускали случая умерщвлять плѣнныхъ въ продолжительныхъ мученіяхъ. При такихъ условіяхъ я спросилъ у Дежнетта, не лучше ли было бы положить конецъ ихъ страданіямъ, давъ имъ опиума, и сказалъ, что, если бы я находился на ихъ мѣстѣ, то посмотрѣлъ бы на это какъ на истинное благодѣяніе. Мнѣ казалось, что ускорить ихъ смерть на какихъ-нибудь нѣсколько часовъ, дать имъ возможность забыть ужасы, которые окружали ихъ, или угрожали имъ, вмѣсто того, чтобы обречь ихъ на смерть

въ страшныхъ мукахъ—мнѣ казалось, что это значило выказать состраданіе по отношенію къ нимъ. Мой докторъ отказался взглянуть на это дѣло съ той же точки зрѣнія, какъ я; онъ не одобрилъ моего предложенія, объявивъ, что его профессія—лѣчить, а не убивать. Вслѣдствіе этого, я оставилъ арьергардъ для защиты этихъ несчастныхъ отъ приближавшагося непріятеля, и этотъ арьергардъ оставался до тѣхъ поръ, пока природа не сдѣлала своего дѣла и не избавила несчастныхъ солдатъ отъ страданій.

— Однако, — прибавилъ Наполеонъ, — я далеко не посмотрѣлъ бы, какъ на преступленіе, на фактъ прописки этимъ несчастнымъ опиума: по-моему, это было бы актомъ состраданія. Бросить нѣсколько неизлѣчимыхъ несчастныхъ, которыхъ турки не преминули бы умертвить самымъ варварскимъ образомъ, — вотъ что было бы преступно и жестоко. Какой человѣкъ, поставленный въ подобное положеніе и владѣющій вполнѣ своимъ разумомъ, не предпочелъ бы незамѣтную и быструю смерть мученіямъ, которымъ подвергають варвары? Я спрашиваю васъ объ этомъ. Поставьте же себя на мѣсто этихъ людей. Если бы вамъ предстоялъ выборъ между дозой опиума и перспективой быть предоставленнымъ дикимъ звѣрямъ, которые вволю потерзали бы васъ, какъ бы вы поступили? У меня есть сынъ; и я люблю его такъ, какъ только отецъ любилъ когда-либо своего ребенка; и вотъ, если бы онъ очутился въ такомъ положеніи, я бы желалъ, чтобы приняли подобное рѣшеніе, и я самъ настанвалъ бы на этомъ, насколько хватило бы воли, хладнокровія. Неужели вы думаете, что если бы я былъ способенъ отравлять моихъ солдатъ или проѣзжать въ экипажѣ по тѣламъ раненыхъ или умирающихъ, какъ утверждали это, такъ мои войска сражались бы за меня съ тѣми воодушевленіемъ и преданностью, которыя они постоянно выказывали? Нѣтъ, нѣтъ, я не замедлилъ бы получить пулю въ лобъ, и сами раненые собрали бы всѣ свои силы, чтобы прицѣлить въ меня и нажать спускъ курка.

Иногда Бетси, въ своихъ выходкахъ, по отношенію къ Наполеону, заходила такъ далеко, что онъ влекли за собою строгое наказаніе ея. Такъ, однажды, она показала Наполеону карриатуру, на которой онъ былъ представленъ взбирающимся на лѣстницу, каждая ступень которой изображала собою одну изъ покоренныхъ имъ странъ. Взобравшись на верхъ, онъ усаживался верхомъ на земномъ шарѣ; но затѣмъ вдругъ сразу летѣлъ внизъ и оказывался на островѣ св. Елены.

«Я не должна была бы показывать ему этой карриатуры, — пишетъ мистрисъ Абель, — въ странѣ, въ которой онъ переживалъ свое несчастье. но въ это время не было злой выходки, къ которой я не была бы способна, и при томъ, безъ малѣйшаго желанія огорчить его; тѣмъ не менѣе, я нѣсколько разъ замѣчала, что достигала подобнаго результата».

На этотъ разъ Бетси была наказана строго и жестоко: ее заперли въ погребъ, въ которомъ хранилось вино. Въ погребѣ водились крысы, и съ наступленіемъ ночи Бетси увидѣла себя окруженною ими. Чтобы защититься отъ нихъ, она стала бросать въ нихъ бутылками съ виномъ. Въ этой борьбѣ прошла вся ночь, и съ наступленіемъ утра Бетси ужаснулась, увидѣвъ количество разбитыхъ бутылокъ. Рабыня, принесшая ей завтракъ, нашла ее въ состояніи какого-то оцѣпенѣнія, вызваннаго, быть можетъ, запахомъ вина, наполнившимъ погребъ.

Когда Наполеонъ узналъ объ этомъ, то выразилъ сожалѣніе, что Бетси была такъ строго наказана, но очень забавлялся рассказомъ объ ея сраженіи съ крысами. Когда, въ слѣдующій разъ, Бетси снова навлекла на себя гнѣвъ своего отца и, вопреки заступничеству Наполеона, должна была просидѣть въ погребѣ семь дней подрядъ, съ утра до вечера, Наполеонъ приходилъ разговаривать съ нею сквозь рѣшетку окна, и почти постоянно кончалось тѣмъ, что ему удавалось разсмѣшить ее.

Жена одного изъ офицеровъ англійскаго полка, стоявшаго на островѣ, обладала прекраснымъ голосомъ; въ числѣ ея любимыхъ арій былъ романсъ о герцогѣ Энгіенскомъ. Бетси выучила его наизусть и, однажды, находясь въ гостяхъ у г-жи Бертранъ, спѣла его Наполеону. Романсъ понравился ему, и онъ спросилъ, чтѣ это такое. Бетси показала ему ноты. Заглавный листъ романса былъ украшенъ виньеткой, изображавшей человѣка, стоявшаго во рву, съ завязанными глазами, съ фонаремъ, повѣшеннымъ у пояса; передъ нимъ находился взводъ солдатъ, готовыхъ дать залпъ.

Наполеонъ пожелалъ узнать, чтѣ это значитъ, и Бетси отвѣчала, что художникъ хотѣлъ представить казнь герцога Энгіенскаго. Онъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на гравюру и спросилъ Бетси, чтѣ ей извѣстно объ изображенномъ на нотахъ событіи.

Бетси отвѣтила ему, что на него смотреть, какъ на убійцу этого герцога.

— Чтѣ справедливо,—отвѣтилъ онъ,—такъ это то, что я приказалъ казнить его—это былъ заговорщикъ, онъ высадилъ бы во Францію войска, состояща на жалованьи у Бурбоновъ, чтобы убить меня. Я рѣшилъ, что, при существованіи подобнаго заговора, я не могу поступить болѣе благоразумнымъ образомъ, какъ казнить смертью одного изъ принцевъ ихъ собственнаго дома; это должно было заставить ихъ призадуматься надъ тѣмъ, чѣмъ они рискуютъ, угрожая моей жизни. Плѣнникъ былъ обвиненъ также въ томъ, что поднялъ оружіе противъ республики; онъ былъ казненъ согласно дѣйствовавшимъ законамъ, но эта казнь не была

совершена, какъ утверждали это, ночью и во рву; все произошло публично, среди бѣла дня ¹⁾).

— Рассказывали, — продолжала Бетси, — что вы носили подъ платьемъ кирасу, чтобы стать неуязвимымъ, такъ какъ вы постоянно боялись быть убитымъ; говорили также, что вы никогда не ложились спать двѣ ночи подрядъ въ одной и той же комнатѣ.

Наполеонъ возразилъ, что все это ложь, но что онъ придерживался слѣдующей системы: онъ никогда не говорилъ, куда онъ отправляется, ранѣе чѣмъ за пять минутъ до своего отъѣзда. Онъ высказалъ при этомъ увѣренность, что такимъ образомъ очень часто разстраивалъ замыслы заговорщиковъ, никогда не знавшихъ, гдѣ найти его.

Однажды, когда Бетси, пріѣхавъ въ Лонгвудъ, розыскивала Наполеона, ей сказали, что онъ наблюдаетъ за рытвемъ рва, въ которомъ могъ бы прогуливаться, будучи избавленнымъ отъ нескромныхъ взоровъ. Бетси направилась къ указанному мѣсту и нашла Наполеона слѣдящимъ за работой со скрещенными руками и опущенными глазами. Онъ сказалъ, что хочетъ устроить себѣ мѣсто для прогулокъ, гдѣ бы за нимъ не могли наблюдать, и что съ этою цѣлью онъ приказалъ вырыть ровъ. Подобная мысль показалась Бетси дотою странной, что она не могла удержаться отъ улыбки, хотя въ виду обстоятельствъ, вынуждавшихъ Наполеона къ осуществленію подобной странной мысли, было бы естественнѣе воздержаться отъ улыбки: устраивая этотъ ровъ, Наполеонъ какъ бы удостовѣрялъ свое полное безсиліе и тѣмъ хоронилъ себя для жизни.

Наполеонъ, съ своей стороны, по достоинству оцѣнивалъ дѣйствія сэра Гудсона Лоу.

Въ этомъ отношеніи любопытенъ слѣдующій анекдотъ, рассказываемый мистрисъ Абель. Когда онъ задался мыслью выучиться англійскому языку, то велѣлъ достать себѣ нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ басни Эзопа. Какъ извѣстно, въ одной изъ нихъ изображенъ большой левъ, терпѣливо переносящій всевозможныя оскорбленія со стороны различныхъ животныхъ, надругивающихся надъ его падшимъ величіемъ; онъ доживаетъ, наконецъ, до того, что оселъ лягаетъ его копытомъ. Указывая на заглавную гравюру, служившую иллюстраціей къ баснѣ, Наполеонъ сказалъ Бетси:

— Это я и вашъ губернаторъ.

¹⁾ На этотъ разъ память, очевидно, измѣнила Наполеону, или же онъ хотѣлъ смягчить въ глазахъ своего юного друга неприглядную сторону казни герцога Энгиенскаго. Исторіей документально установлено, что герцогъ Энгиенскій былъ расстрѣлянъ въ три часа ночи, во рву Венсенскаго замка.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ отъѣздомъ Балькомбовъ съ острова св. Елены, Наполеонъ сильно заболѣлъ; о ходѣ его болѣзни Балькомбы узнавали отъ доктора Наполеона, О'Меара, и рассказы послѣдняго заставляли ихъ опасаться, что онъ не оправится отъ нравственнаго и физическаго ослабленія, въ которое впалъ. Онъ положительно отказывался отъ всякаго движенія, такъ какъ не могъ привыкнуть къ строгому надзору, который былъ установленъ за нимъ во время его прогулокъ; онъ говорилъ, что предпочитаетъ умереть, чѣмъ принять какое-либо лѣкарство, которое могло бы улучшить его положеніе.

О'Меара просилъ разрѣшенія пригласить еще другаго доктора, чтобы, въ случаѣ еслибы Наполеонъ продолжалъ упорствовать, на него не пало обвиненіе, что онъ понадѣялся на свои собственныя силы.

— Вы можете пригласить хоть всѣхъ докторовъ вселенной,—отвѣчалъ императоръ,—они станутъ лишь повторять совѣтъ, который вы уже дали мнѣ: побольше ѣздить верхомъ. Я знаю, что вы совершенно правы; но пригласить М... все равно, что вмѣсто хлѣба послать доктора къ человѣку, умирающему съ голода. Я не вижу неудобства въ томъ, чтобы вы ознакомили его съ состояніемъ моего здоровья, если это можетъ успокоить васъ, но я знаю то, что онъ скажетъ мнѣ: «движенія!» До тѣхъ поръ, пока за мною будутъ слѣдить съ такою строгостью, я не двинусь съ мѣста.

Тщетно О'Меара просилъ, совѣтовалъ; онъ получалъ лишь слѣдующій отвѣтъ:

— Или вы хотите, чтобы я подвергъ себя возможности быть арестованнымъ и оскорбленнымъ часовыми, окружающими мой домъ, какъ это было съ г-жею Бертранъ нѣсколько дней тому назадъ? Какой прекрасный сюжетъ для каррикатуры для лондонскихъ газетъ! Бонапартъ, остановленный у своихъ дверей и задержанный часовымъ, съ направленнымъ на него штыкомъ! Какъ бы смѣялись лондонцы!

По словамъ автора воспоминаній, только одинъ человѣкъ изъ свиты Наполеона относился къ подобнымъ непріятностямъ совершенно спокойно—это былъ генераль Гурго, который, какъ увѣрялъ Наполеонъ, былъ задержанъ разъ пятьдесятъ.

Когда Балькомбы увидѣли Наполеона послѣ перенесенной имъ болѣзни, то были крайне опечалены переменами, которыя она произвела въ его наружности. Его лицо стало желтымъ, восковымъ, щеки висѣли по обѣимъ сторонамъ дряблыми складками, ноги настолько распухли, что это замѣчалось по сапогамъ; онъ сдѣлался такъ слабъ, что могъ держаться, стоя, лишь опираясь одною рукою на столъ, а другую на плечо слуги.

«Я была дотога взволнована, увидѣвъ его въ такомъ жалкомъ видѣ,—пишетъ мистрисъ Абель,—что стала горько плакать и съ тру-

домъ сдерживала громкія рыданія. Увидѣвъ наше волненіе, онъ попытался обратить все въ шутку и сказалъ, что, несомнѣнно, добрый О'Меара, въ концѣ концовъ, выльчитъ его. Но когда мы разстались съ нимъ, матушка замѣтила, что на его лицѣ уже лежитъ отпечатокъ смерти. Онъ оправился отъ этой болѣзни, но для того, чтобы въ теченіе трехъ лишнихъ лѣтъ страдать жалкимъ образомъ, такъ какъ съ каждымъ днемъ видѣлъ, какъ исчезала выраженная имъ надежда покинуть островъ, а вмѣстѣ съ этой надеждой уходили и его силы».

Въ 1818 году отецъ Бетси долженъ былъ покинуть островъ. Официальнымъ поводомъ къ этому служило пошатнувшееся здоровье его жены; однако, имѣются всѣ данныя предполагать, что его отъѣздъ былъ вынужденъ, главнымъ образомъ, несприятностями, которыя ему дѣлали по службѣ вслѣдствіе его отношеній къ Наполеону.

Когда Балькомбъ уѣзжалъ въ Англію, Наполеонъ, кромѣ крупной денежной суммы (72.000 фр.), назначилъ ему, изъ своихъ средствъ, пенсію въ 12.000 фр.

— Я опасаюсь,—сказалъ онъ ему при этомъ случаѣ,—что вашъ отказъ отъ мѣста на островѣ обусловленъ дразгами, которыя вамъ навлекли отношенія, установившіяся между вашей семьей и Лонгвудомъ, вслѣдствіе гостепримства, оказаннаго вами мнѣ въ первое время моего прибытія на святую Елену. Я не хочу, чтобы вы когда-либо могли сожалѣть, что знали меня ¹⁾.

По поводу щедрости, проявленной Наполеономъ по отношенію къ Балькомбу, внучка послѣдняго, дочь Бетси, мистрисъ Джонсонъ, передаетъ въ своемъ предисловіи къ третьему изданію «Воспоминаній» мистрисъ Абель еще слѣдующее:

«Когда здоровье моей бабушки потребовало отъѣзда со св. Елены, Бонапартъ, желая дать ей доказательства своей признательности, вручилъ моему дѣдушкѣ чистый чекъ и настаивалъ, чтобы онъ заполнилъ его, поставивъ сумму, какую ему угодно. Дѣдушка, протестуя, взялъ его, такъ какъ не могъ отказаться, но съ намѣреніемъ не исполнить того, чего хотѣли отъ него.

«Когда онъ былъ уже на палубѣ корабля, везшаго его въ Англію, онъ показалъ чекъ бабушкѣ, которая взяла его и, ни минуты не колеблясь, разорвала на мелкіе кусочки и бросила въ море. Такова была судьба этого подарка».

За день или за два до отплытія въ Англію, Балькомбъ, Бетси и ея сестра отправились въ Лонгвудъ, чтобы проститься съ Наполеономъ.

Они застали его въ бильярдной комнатѣ. Повидимому, онъ былъ

¹⁾ „Recits de la captivité de l'empereur Napoléon à Sainte Hélène“, par le comte de Montholon.

очень опечаленъ предстоявшей разлукой, сказалъ, что причина отъѣзда Балькомба очень огорчаетъ его, и выразилъ надежду, что здоровье мистрисъ Балькомбъ поправится.

Посидѣвъ нѣсколько въ биллиардной, всѣ вышли въ садъ. Наполеонъ грустно улыбнулся, указывая на океанъ, разстилавшійся передъ ними до безконечности, и затѣмъ, сказалъ:

— Итакъ, вы отправляетесь въ Англію и оставляете меня умирать на этомъ ужасномъ утесѣ! Посмотрите на эти страшныя горы: это стѣны моей тюрьмы. Вы не замедлите услышать, что императоръ Наполеонъ умеръ.

При этихъ словахъ Бетси разрыдалась. Ей казалось,—пишетъ она,— что ея сердце готово было разорваться. Она забыла свой платокъ въ сѣдлѣ, и Наполеонъ, видя, какъ ея слезы градомъ катились по ея лицу, вынулъ свой, вытеръ ей лицо и просилъ ее сохранить его на память.

Когда, послѣ обѣда, настала минута разставанья, Наполеонъ нѣжно объявлялъ Бетси и ея сестру, просилъ ихъ не забывать его, прибавивъ, что съ своей стороны, онъ не забудетъ дружбы и доброты, которыя онѣ выказали ему; онъ нѣсколько разъ благодарилъ ихъ за пріятныя часы, которыми онъ былъ обязанъ ихъ обществу. Въ заключеніе онъ спросилъ Бетси, чтó она желаетъ получить на память о немъ. Бетси отвѣчала, что для нея прядь его волосъ была бы дороже всякаго подарка. Тогда онъ приказалъ принести ножницы и отрѣзалъ четыре пряди,—для Бетси, для ея отца, матери и сестры.

Съ отъѣздомъ Балькомбовъ съ острова св. Елены, отношенія «друга Бони» съ семьей Наполеона не порвались. Своеобразная дружба Бетси съ «пльнникомъ Европы» завоевала ей расположеніе и брата Наполеона, Жерома, и его племянника, принца Луи, впоследствии Наполеона III. Послѣдній, во время своего перваго изгнанія, часто посѣщалъ ее въ Лондонѣ. Большею частью, онъ бывалъ у нея по вечерамъ, и тогда начинались безконечныя разспросы о «дядѣ». Принцъ принималъ тѣ же позы, какъ императоръ, стараясь подражать его манерамъ и усвоить себѣ выраженіе его лица; но, увы, черты его были слишкомъ далеки отъ модели! Однако, физическое сходство сильно озабочивало его, и часто его вопросы ставили мистрисъ Абель въ очень затруднительное положеніе. Въ концѣ концовъ, не зная, чтó отвѣчать, она сказала ему какъ-то, что его волосы напоминаютъ волосы Наполеона. И тогда принцъ, обрадованный этимъ, всячески старался устроить себѣ на лбу пресловутую Наполеоновскую прядку.

Когда принцъ Луи былъ избранъ президентомъ Французской республики, онъ не забылъ мистрисъ Абель. Но слишкомъ скромная, не смотря на постигшія ее невзгоды судьбы, она рѣшилась просить объ очень небольшой милости: объ автографѣ принца для одного благотво

рительнаго базара въ Лондонѣ. Въ отвѣтъ онъ послалъ ей полдюжины листовъ, на которыхъ имъ были написаны различныя сентенціи и изреченія.

И, сдѣлавшись императоромъ, Луи-Наполеонъ не терялъ изъ виду мистрисъ Абель; онъ неоднократно приглашалъ ее пріѣхать въ Парижъ навѣстить его, предлагая ей остановиться у него во дворцѣ; но она не рѣшалась воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Позднѣе же, когда, подъ давленіемъ обстоятельствъ, мистрисъ Абель была вынуждена просить его о матеріальной поддержкѣ ея зятя, нѣкоего Джонсона, онъ немедленно предоставилъ ему концессию на восемь тысячъ акровъ земли въ одной изъ наиболѣе плодородныхъ областей Алжира.

Когда мистрисъ Абель умерла, въ іюлѣ 1871 года, Наполеонъ III изъ мѣста своего новаго изгнанія, послалъ письмо ея дочери, въ которомъ выражалъ свое соболѣзнованіе по поводу ея кончины.

Такимъ образомъ, мистрисъ Абель, этому «другу изгнанниковъ», было суждено пережить паденіе обѣихъ имперій...

Сообщ. Н. Шильдеръ.

Положеніе эетовъ въ 1860-хъ годахъ.

(Всепоподаннѣйшее прошеніе крестьянъ Лифляндской губерніи, Перновскаго, Феллинскаго и Дерптскаго уѣздовъ) ¹⁾.

Августѣйшій монархъ!

Со дня изреченія великаго слова освобожденія—съ 19-го февраля 1861 года,—мы ожидали, хоть робко, но все-таки съ тайною надеждою, что остзейское рыцарство, по великодушному примѣру русскаго дворянства, приступитъ къ преобразованіямъ какъ хозяйственнаго быта нашего, такъ и общественнаго устройства и судебнаго порядка, предоставивъ намъ, такимъ образомъ, тѣ же права, коими пользуются прочіе крестьяне имперіи. Надежда, однако, не исполнилась, и положеніе наше, напротивъ того, доведено нынѣ до такой крайности, что, наконецъ, отчаяніе внушило намъ мысль отправить къ вамъ, всемилостивѣйшій государь, изъ среды своей депутатовъ, дабы непосредственно довести до свѣдѣнія правительства бѣдственное наше положеніе, если законные представители, нѣмцы, не всегда о томъ заявляютъ.

Да проститъ намъ великодушіе и милость царская, что осмѣливаемся повергнуть къ ступенямъ престола всенижайшія наши просьбы! Да умилосердится ваше императорское величество надъ бѣдными эстонцами, которые единственно отъ августѣйшаго монарха ожидаютъ спасенія, и которые пребываютъ въ твердой надеждѣ, что слово освобожденія 19-го февраля изречено и на нихъ, слово великое, даровавшее милліонамъ—подобно намъ—вѣрнымъ подданнымъ вашего величества свободу и защиту.

Болѣе шести столѣтій находившись въ крѣпостной зависимости отъ остзейскаго рыцарства, мы хотя получили, по милости въ Бозѣ почи-

¹⁾ Копія съ этого прошенія была доставлена въ редакцію „Русскаго Инвалида“, въ 1867 гсду. С. 3.

вающаго императора Александра I-го, личную свободу, но, несмотря на освобожденіе, въ дѣйствительности оставались мы въ не менѣе тяжкомъ рабствѣ. Въ продолженіе тѣхъ шести столѣтій мы обрабатывали и нынѣ обрабатываемъ поля нѣмецкихъ рыцарей, а наше достояніе—голодь и нужда, и обращеніе, напоминающее времена крѣпостнаго права. Пища наша такъ скудна и плоха, что годится скорѣе для животныхъ, чѣмъ для людей, а хлѣбъ, смѣшанный съ мякиной, даже не всегда доступенъ большинству изъ насъ, въ особенности въ Верроскомъ уѣздѣ.

Что дѣйствительно нужда наша велика, а положеніе тяжело,—тому служить доказательствомъ переселенія въ Самарскую и Саратовскую губерніи и на Крымскій полуостровъ множества эстовъ, которые съ горькими слезами рѣшались искать себѣ лучшей родины.

Если кто станетъ утверждать, что бѣдность и нищету претерпѣваемъ мы отъ собственного нерадѣнія и лѣности, то въ опроверженіе этого можемъ указать на обширныя, цвѣтуція поля нашихъ помѣщиковъ. Жалкое же наше положеніе истекаетъ единственно отъ подавляющей власти помѣщиковъ. Они дѣйствуютъ противъ насъ единодушно и общими силами, и запрещаютъ намъ всякія между собою сближенія безъ ихъ согласія; даже сходки двухъ-трехъ человѣкъ запрещены подъ страхомъ строжайшаго наказанія, будто кому угрожаетъ отъ того какаго-либо опасность. А главный вопросъ, для обсужденія котораго намъ было бы необходимо совѣщаться, заключается въ томъ: какимъ образомъ намъ всеподданнѣйше ходатайствовать предъ всемилостивѣйшимъ нашимъ государемъ и молить объ избавленіи насъ отъ чрезмѣрныхъ требованій помѣщиковъ и объ улучшеніи несчастнаго быта нашего. Поэтому не должны ли мы предполагать, что совѣщанія запрещаются намъ единственно въ видахъ охраненія интересовъ помѣщиковъ.

Даже поднесеніе вѣрноподданческаго, благодарственнаго адреса отъ имени эстонцевъ намъ было запрещено, хотя таковыя адреса приняты отъ другихъ сословій. Все это намъ не дозволяется, какъ будто въ томъ скрывается возмущеніе противъ правительства.

Но зная, что всякое благо, когда-либо доставшееся, исходило намъ не отъ рыцарства, а единственно по безконечному милосердію монарховъ всероссійскихъ,—мы все можемъ подтвердить клятвою, что въ насъ, вѣрныхъ престолу до послѣдней капли крови—никогда не было ни малѣйшей мысли непокорности противъ правительства, хотя иногда старались представлять насъ въ видѣ мятежниковъ.

Г. О сельско-хозяйственномъ нашемъ положеніи.

Все законоенія и уставы, данныя правительствомъ съ цѣлью улучшения нашего быта, истолкованы и примѣнены въ такомъ видѣ, что

отъ нихъ быть нашъ вообще не измѣнился къ лучшему. Самое освобожденіе насъ не имѣло по сіе время тѣхъ благотѣльныхъ послѣдствій, которыхъ ожидали благословенный императоръ Александръ I-й. Своихъ крѣпостныхъ людей помѣщики обязаны еще были кормить и нѣсколько пещись о нихъ, изъ собственнаго своего интереса, чтобы потомъ больше требовать отъ нихъ работы; о свободномъ же крестьянинѣ имъ незачѣмъ заботиться: въ рукахъ помѣщиковъ осталась земля, и они знаютъ, что безъ земли мы, какъ хлѣбопашцы, не можемъ существовать, и оттого, оставаясь въ прежней безвыходной зависимости, вся свобода наша заключается лишь въ названіи.

Земли, состоящія въ нашемъ пользованіи, обложены тяжкими издѣльными повинностями и разными сборами, и если мы бываемъ не въ силахъ согласиться на чрезмѣрные требованія помѣщиковъ, то насъ изгоняютъ съ семействами изъ усадебъ.

Помѣщики держатся еще по возможности барщины, которую требуютъ сверхъ другихъ повинностей. Они также присуждаютъ насъ соглашаться на тѣхъ называемые смѣшанные контракты, по которымъ сверхъ значительной арендной платы (по 5—8 рублей за талеръ въ годъ), крестьяне должны отбывать еще издѣльныя повинности—при кошеніи и уборкѣ сѣна, при жатвѣ, а зимою—при перевозкѣ дровъ, сѣна и вина. Издѣльныя повинности тѣмъ болѣе тягостны для крестьянина, что помѣщикъ въ правѣ вытребовать крестьянина съ работниками для своихъ работъ во всякое время, между тѣмъ какъ усадьба крестьянская рѣдко отстоитъ отъ помѣстья ближе 10-ти верстъ, а означенныя работы безпреставно приостанавливаются по случаю дождей и потомъ опять возобновляются; потерянные же дни не принимаются помѣщикомъ въ расчетъ, а собственныя работы крестьянина стоятъ въ самое лучшее время.

Хотя многими помѣщиками даны уже земли крестьянамъ въ аренду, но даны за чрезмѣрно высокую плату, а именно: по 8, 10 и 12 рублей съ талера, т. е. $\frac{3}{4}$ десятины средняго качества земли, между тѣмъ какъ русскіе крестьяне платятъ среднимъ числомъ по 3 рубля за десятину гораздо лучшей земли. Если при томъ принять въ соображеніе, что лифляндскій крестьянинъ, сверхъ денежной платы, никакъ не соответственной цѣнности арендуемаго имъ участка, еще долженъ вносить въ пользу помѣщика множество другихъ налоговъ, то станетъ очевиднымъ, что положеніе наше безвыходно, ибо невозможно выработать высокую арендную плату на тощихъ земляхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ содержать себя съ семействомъ.

Особые сборы и повинности, на насъ налагаемые, суть слѣдующіе: 1) безвозмездная поставка овса, сѣна, соломы и дровъ на почтовые станціи; 2) денежный сборъ на содержаніе почтальоновъ; 3) постройка

и починка церквей и помѣщеній для пасторовъ, кистеровъ, училищныхъ и станціонныхъ зданій и помѣщеній для воинскаго поста; 4) подать деньгами и хлѣбомъ въ пользу пасторовъ, кистеровъ, приходскихъ учителей, волостныхъ и другихъ должностныхъ лицъ; 5) денежные сборы на содержаніе приходскихъ судовъ; 6) постройка и починка дорогъ и мостовъ по губерніи; 7) выставка подводъ для должностныхъ и начальственныхъ лицъ; 8) подвозъ дровъ къ помѣщеніямъ для воинскаго поста, и проч.

Рѣдко встрѣчаются такіе помѣщики, какъ братья фонъ-Эттингенъ, которые давали бы собою похвальный примѣръ, требуя съ крестьянъ не болѣе трехъ рублей съ талера.

При продажѣ крестьянскихъ усадебъ, помѣщики требуютъ за одну крестьянскія земли цѣну, превышающую стоимость всего имѣнія, такъ что господскій домъ съ землями, лѣсами и всѣми угодьями достается имъ не только даромъ, но еще съ выручкою лишняго барыша. Именно: помѣщики требуютъ 250, 280, 300 руб. и болѣе съ талера, т. е. за ¹/₂ десятины средней доброты земли, между тѣмъ какъ прежнія цѣны не превышали 100—150 руб. Говорятъ, что во внутреннихъ губерніяхъ платятъ за полную десятину не болѣе 30—50 руб. и то за лучшую землю, нежели наша, а съ насъ требуютъ въ 5 и 6 разъ болѣе. Самая высшая цѣна, которую мы могли бы дать въ Лифляндіи, не должна превышать 40—50 рублей съ талера, на слѣдующемъ основаніи:

Цѣнность помѣщичьихъ имѣній въ прибалтійскихъ губерніяхъ считается по цѣнности крестьянскихъ земель, т. е. по числу гагеновъ (гакенъ=80 талерамъ). Полагая высшую цѣну за гакенъ 8.000 рублей (хотя лифляндское кредитное общество, принимая гакенъ въ 6.000 руб., даетъ ссуду только 4.000 руб.), то самому помѣщику обходится каждый талеръ не свыше 100 руб. Но въ этой цѣнности заключаются также всѣ господскія земли съ господскимъ дворомъ, со всѣмъ устройствомъ. Если положить, что, за отчужденіемъ всѣхъ крестьянскихъ земель, помѣщикъ сохраняетъ за собою ²/₃, во всякомъ случаѣ, болѣе половины своего имѣнія, то крестьянскія земли составляютъ не болѣе ¹/₃, и гакенъ, т. е. 80 талеровъ таковой земли, можно оцѣнить только въ 2.500—2.700 руб., а 1 талеръ въ 33 рубля. Въ дѣйствительности крестьянскія земли не составляютъ даже половины стоимости всего имѣнія, но если и допустить такой размѣръ, то, во всякомъ случаѣ, 80 талеровъ равнялись бы не болѣе 4.000 руб. и 1 талеръ стоилъ бы только 50 рублей. Слѣдовательно, если нормою для опредѣленія размѣра арендной платы принять доходъ въ 6%, то съ талера можно требовать не свыше 2—2½ руб., и ни въ какомъ случаѣ не свыше 3-хъ рублей.

Въ Лифляндіи хотя и есть нѣкоторыя дворянскія имѣнія, стоимость которыхъ превышаетъ цѣну 6.000—8.000 руб. съ гагена, но эти имѣ-

нія отличаются цѣнными зданіями и большими лѣсами, или доходны, въ особенности по выгодному своему мѣстоположенію, вблизи городовъ, гдѣ питейныя заведенія, мельницы, фольварки, винокурни и пивоварни, фабрики, торговля молокомъ и проч. находятъ удобный сбытъ. Изъ этого видно, что подобныхъ имѣній нельзя принимать нормою при опредѣленіи стоимости крестьянскихъ земель.

Крестьянинъ-арендаторъ хотя имѣетъ преимущественное право на выкупъ занимаемой имъ усадьбы (что, впрочемъ, не всегда соблюдается), но, съ другой стороны, справедливость требуетъ, чтобы изъ выкупной суммы вычитаемъ былъ капиталъ, затраченный имъ на улучшеніе земель и на постройки. Однако, такое основательное требованіе не принимается помѣщикомъ во вниманіе, и если крестьянинъ не въ состояніи или не соглашается купить вмѣстѣ съ землею свою же собственность, то долженъ оставить свою усадьбу.

Прежде всего необходимо, чтобы отмѣнено было исчисленіе стоимости крестьянскихъ земель по талерамъ. Для оцѣнки земель приняты закономъ, по достоинству почвы, четыре разряда, хотя у насъ въ дѣйствительности вообще не существуютъ почвы высшаго достоинства или 1-го разряда. Если же крестьянинъ улучшеніемъ своей земли увеличиваетъ доходъ усадьбы, то помѣщикъ немедленно переоцѣниваетъ землю чрезъ присяжнаго землебра, увеличивая при этомъ не только число талеровъ вообще, но и цѣну каждаго талера, такъ что съ одного и того же пространства земли, за которое крестьянинъ платилъ аренды 90—100 руб., помѣщикъ постепенно вымогаетъ до 170 и 180 руб., а крестьянинъ, принужденный для выручки увеличенной платы прилагать все стараніе на улучшеніе своего аренднаго участка, работаетъ прямо себѣ въ убытокъ.

Какъ въ прежнее время, такъ и нынѣ, весьма часто присоединялись къ господскимъ землямъ земли крестьянскія, считавшіяся такими уже съ давнихъ лѣтъ. Помѣщики пользуются ими вполнѣ по собственному произволу, ссылаясь на данное имъ будто-бы правительствомъ на то право. До сихъ поръ земли эти оставлены были еще въ пользованіи крестьянъ, на нихъ поселенныхъ, за извѣстную арендную плату или барщинныя повинности; въ настоящее же время, въ виду постепеннаго отмѣненія барщины, желая обезпечить себя крестьянами, которые отбывали бы издѣльную повинность, помѣщики населяютъ эти земли дворовыми батраками. Прежніе же крестьяне-хозяева попадаютъ въ такое безвыходное положеніе, что, не желая терять своего капитала, затраченнаго на улучшеніе земель и постройки, принуждены сами сдѣлаться батраками и принимать къ себѣ на усадьбу еще 3—4 другихъ женатыхъ господскихъ работниковъ, которые потомъ также пользуются крестьянскою землею.

Такимъ путемъ почти третья часть изъ насъ должна оставить наслѣдственные свои усадьбы и съ дряхлыми родителями и малолѣтними дѣтьми шататься по дорогамъ или укрываться въ лѣсахъ. Такая же участь предстоитъ и тѣмъ, усадьбы которыхъ въ будущую весну перейдутъ въ другія руки, по продажѣ и отдачѣ въ аренду. Всѣ плоды отъ своихъ заботъ о благосостояніи усадебъ они должны предоставить другимъ, сами не зная, куда дѣться съ семействами. Хотя усадьбы наши малоцѣбны и даютъ скудные доходы, такъ что большинство изъ насъ во всю жизнь остается должникомъ общественнаго запаснаго магазина и помѣщика, но все-таки мы не желали бы лишиться усадебъ, перешедшихъ къ намъ отъ праотцевъ, при томъ по бѣдности своей намъ нельзя найти другое себѣ убѣжище.

Арендные и барщинные контракты, составляемые помѣщиками по ихъ произволу, предлагаются намъ подѣ страхомъ лишенія насъ усадьбы, и горе тому, кто не согласится на принятіе контракта! Какъ же намъ поступать въ такомъ затруднительномъ положеніи? Безъ усадьбы не можемъ содержать себя, на переселеніе недостаетъ у насъ средствъ и если переходимъ въ другое имѣніе, то тамъ встрѣчаемъ то же самое, если еще не хуже. Послѣ этого намъ остается одно только—согласиться на арендные условія, хотя заранѣе можно предвидѣть явное свое разореніе, въ чемъ свидѣлствуютъ довольно частые случаи несостоятельности крестьянъ-хозяевъ. Если у нѣкоторыхъ и найдутся деньги, то не у крестьянъ-земледѣльцевъ (у которыхъ наличныхъ денегъ почти вовсе нѣтъ), но у занимающихся торговлею, извозомъ, корчмарей, мельниковъ и проч.

Если утверждаютъ, что выкупная плата за крестьянскія усадьбы не высока, указывая на примѣры перепродажи таковыхъ земель крестьянами съ барышемъ въ 25%, то на это можемъ сказать, что этихъ крестьянамъ посчастливилось приобрѣсти усадьбы 10 и болѣе лѣтъ тому назадъ, за весьма выгодныя цѣны.

Купцами и мѣщанами, которые гораздо зажиточнѣе насъ, куплено уже не малое число крестьянскихъ усадебъ, даже цѣлыя деревни, преимущественно въ Дерптскомъ уѣздѣ, вслѣдствіе чего множество честныхъ крестьянъ-хозяевъ, лишившись вмѣстѣ съ усадьбами всего имущества, остались въ самомъ беззащитномъ положеніи. Если это такъ продолжится, то со временемъ мы будемъ вовсе выжаты съ родной земли.

II. О судебномъ порядкѣ и общественномъ устройствѣ.

Намъ воспрещено при жалобахъ нашихъ дѣйствовать черезъ адвокатовъ, на томъ будто основаніи, что изустнымъ производствомъ уско-

рѣшается рѣшеніе дѣлъ; но въ дѣйствительности если жалобы обращены противъ помѣщиковъ, то судебныя мѣста наши рѣшаютъ ихъ или весьма медленно, иногда по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, или оставляютъ дѣло просто нерѣшеннымъ. Отъ этого путь къ правосудію преграждается до такой степени, что истецъ, со временемъ утомившись и обидѣвъ, отказывается, наконецъ, отъ своей жалобы и примиряется съ несправедливостью.

Въ судахъ приговоры пишутся на нѣмецкомъ языкѣ, котораго мы вовсе не знаемъ, такъ что засѣдатели изъ нашей среды, будучи внѣ возможности читать протоколы и рѣшенія, не могутъ противопоставить рѣшительному голосу предѣдателя-помѣщика что-либо въ нашу пользу.

Высочайшіе указы и губерскія вѣдомости мы получаемъ также на нѣмецкомъ языкѣ, отчего представители наши ихъ не понимаютъ. Уже два раза мы обращались съ просьбами къ гражданскому губернатору фонъ-Эттингену объ устраненіи этого неудобства, но напрасно. 27-го августа минувшаго года десять крестьянскихъ обществъ хотѣли просить его въ Феллинѣ о томъ же, но онъ возразилъ, что знаетъ уже объ этомъ дѣлѣ. Пока такой порядокъ вещей не измѣнится, всѣ жалобы и тяжбы наши останутся не только тщетными, но принесутъ намъ еще убытки.

Такимъ же образомъ презрѣніе нашего языка препятствуетъ просвѣщенію народнаго образованія, ибо всякій говоритъ: «какая мнѣ польза отъ ученія? языкъ мой не употребляется ни въ судебныхъ, ни въ церковныхъ актахъ». Въ самомъ дѣлѣ, непонятно, для какой цѣли рассылаются къ намъ указы и губерскія вѣдомости, напечатанныя на нѣмецкомъ языкѣ, и въ какихъ видахъ жалобы наши рѣшаются на томъ же языкѣ, который не только не общеупотребителенъ въ имперіи, но даже и въ нашемъ краю, и тѣмъ болѣе не понятно, почему даже самый языкъ нашъ долженъ быть поработенъ нѣмцами, подобно намъ сампмъ.

Мы охотно изучили бы и другіе языки, но школы наши недостаточны какъ по числу ихъ, такъ и по мѣрѣ познаній, въ нихъ приобретаемыхъ; по бѣдности же не можемъ посылать дѣтей нашихъ въ городскія школы. Поэтому уповаемъ, что правительство обратитъ вниманіе на наши сельскія школы и не откажетъ намъ въ какомъ-либо пособіи къ учрежденію школъ и содержанію учителей, до тѣхъ поръ, пока не измѣнится къ лучшему наше собственное положеніе.

Такъ какъ безъ дозволенія помѣщика не смѣемъ явно собираться для совѣщаній о своихъ дѣлахъ, то принуждены всѣ просьбы на высочайшее имя составлять и приносить въ тайнѣ, потому что каждаго, кто по просьбѣ нашей, за неумѣніемъ грамотъ, осмѣливается писать прошенія, помѣщики и присутственныя мѣста, составленныя изъ дворянъ,

преслѣдуютъ, арестуютъ и судятъ уголовнымъ судомъ, какъ величайшаго преступника и бунтовщика, дабы никто не смѣлъ болѣе писать намъ прошеній.

Въ минувшее лѣто, двое изъ сыновей крестьянина имѣнія Гольсферсгофа, Адамъ и Петръ Петерсоны, пріобрѣвшіе по собственному прилежанію нѣкоторое образованіе и тронутые настоятельными нашими просьбами, писали для насъ нѣсколько прошеній на имя вашего императорскаго величества и служили намъ переводчиками. За это стали ихъ преслѣдовать, безъ формальнаго вызова въ судъ, какъ бунтовщиковъ, а младшаго брата графъ В—ъ не допустилъ съ депутаціею крестьянъ до особы вашего императорскаго величества. По возвращеніи изъ Петербурга арестовали въ Дерптѣ, 4-го августа сего года, безъ суда исключили изъ числа студентовъ Дерптскаго университета и предали потомъ уголовному суду. Находявшись въ Дерптѣ безъ допроса въ продолженіе десяти дней подъ строжайшимъ арестомъ, онъ отправленъ былъ какъ арестантъ въ Перновъ, гдѣ и нынѣ содержится въ заключеніи. Когда же мы, какъ въ Дерптѣ, такъ и въ Перновѣ, просили принять общее наше за него поручительство, то намъ отказали съ насмѣшками.

Подъ присягою можемъ подтвердить, что лица эти всегда отзывались о правительствѣ, какъ искренно вѣрные подданные вашего величества, указывая на правосудіе и человеколюбіе государя императора и увѣщевая насъ ожидать себя помощи и защиты отъ милости монарха, и можно ли считать ихъ преступниками за то, что они приняли теплое участіе въ горькой участи своихъ собратьевъ?

Такимъ же образомъ, въ іюль мѣсяцѣ текущаго года, два хозяева Перновскаго уѣзда, имѣнія Фрейгофъ, Гансъ Талло и Юганъ Лиліен-блатъ наказаны перновскимъ ордунгсъ-герихтомъ семидневнымъ арестомъ за выраженное желаніе принести вашему императорскому величеству жалобу на своего помѣщика г. Ф.

Мы должны еще упомянуть, что тѣлесное наказаніе употребляется здѣсь по произволу судей, хотя, сколько намъ извѣстно, наказаніе это допускается только въ такихъ случаяхъ, гдѣ прочія мѣры оказываются бесполезными. Но въ нашемъ краю это тяжкое наказаніе налагается на насъ, эстовъ, за всякую маловажную вину, между тѣмъ какъ русскіе и нѣмцы приговариваются къ тому только судебными мѣстами.

Въ нынѣшнемъ году были предоставлены нами черезъ депутатовъ 8 прошеній на высочайшее имя вашего величества, но до сихъ поръ никакого рѣшенія на оныя не послѣдовало. Въ первый разъ, 25-го мая, 15-ть депутатовъ вручали прошеніе въ Царскомъ Селѣ г. флигель-адъютанту графу К., который не допустилъ насъ до особы вашего ве-

личества, даже не впустили въ императорскій садъ. Второй разъ, 11-го іюля, депутаты наши вручили г. барону О. три прошенія, и въ третій разъ, 28-го іюля, четыре прошенія г. графу Б., но дошли ли всѣ эти всеподданнѣйшія просьбы наши до вашего величества, того мы не знаемъ.

Осмѣливаемся всеподданнѣйше просить:

I. Касательно нашего сельско-хозяйственнаго быта:

1. Дабы намъ была предоставлена возможность, наравнѣ съ крестьянами внутреннѣхъ губерній, приобрѣтать въ собственность земли, обработанныя нами въ продолженіе столѣтій,—по установленіи умѣренной нормы для выкупной и арендной платы, и чтобы эстонскимъ крестьянамъ было предоставлено преимущественное право выкупа до тѣхъ поръ, пока все эстонское крестьянское сословіе не будетъ обезпечено поземельною собственностію наравнѣ съ русскими крестьянами, а лицамъ другихъ сословій не дозволялось бы до того времени продавать или отдавать въ аренду крестьянскія земли, или присоединять таковыя къ землямъ господскимъ.

2. Дабы до установленія нормы для арендной платы, не дозволялось возвышать таковую и отбирать у крестьянъ-хозяевъ ихъ усадебъ.

3. Дабы барщина, составляющая самый пагубный вредъ для крестьянскаго хозяйства, отмѣнена была въ возможно скоромъ времени и во всѣхъ видахъ оной.

4. Дабы по недостатку у крестьянъ лѣса и торфа, были присоединены къ крестьянскимъ усадьбамъ лѣса и болота соотвѣтственно размѣру каждой усадьбы.

II. Касательно нашего общиннаго устройства и судебнаго порядка:

5. Дабы нашимъ крестьянскимъ обществамъ и волостнымъ судамъ дана была необходимая самостоятельность въ отношеніи къ помѣщикамъ.

6. Дабы при предстоящей общей судебной реформѣ, которая въ нашемъ краю передана на предварительное обсужденіе мѣстнымъ сословіямъ, крестьянское сословіе не оставалось безъ защитниковъ или представителей, независимыхъ отъ мѣстнаго дворянства и выбираемыхъ или утверждаемыхъ правительствомъ, съ тою цѣлю, чтобы означенною реформою предоставлены были нашимъ крестьянамъ тѣ же права, какія предполагается даровать русскому сельскому сословію.

7. Дабы въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ, при письменномъ

дѣлопроизводствѣ и въ протоколахъ употребляемъ былъ нашъ родной эстонскій языкъ, и высочайшіе указы, а равно губернскія вѣдомости печатались бы также на эстонскомъ языкѣ.

8. Дабы эстонскимъ крестьянамъ, наравнѣ съ прочими сословіями, дозволено было при всѣхъ своихъ жалобахъ о судебныхъ дѣлахъ дѣйствовать чрезъ адвокатовъ (юрисстовъ).

9. Дабы депутаты наши, переводчики, составители прошеній и вообще всѣ лица, оказывающія намъ содѣйствіе при справедливыхъ жалобахъ нашихъ, не были преслѣдуемы, арестованы и наказываемы, и всенижайше просимъ, дабы по безконечной милости и правосудію вашего императорскаго величества, вышепоименованнымъ братьямъ, Адаму и Петру Петерсонамъ, оказана была защита и дана имъ возможность къ оправданію себя.

10. Дабы употребленіе тѣлеснаго наказанія было бы ограничено и по возможности вовсе отиѣнено.

III. Касательно выбора пасторовъ и устройства сельскихъ школъ.

11. Дабы пасторы не были опредѣляемы въ должность безъ нашего согласія¹⁾, потому что мы обращаемся къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, какъ къ единственнымъ ученымъ людямъ между нами и естественнымъ нашимъ защитникамъ по всѣмъ вообще дѣламъ нашимъ.

12. Дабы для вящаго преуспѣванія и увеличенія числа нашихъ сельскихъ школъ, заведенія эти приняты были подъ непосредственное вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, при чемъ желательно, чтобы въ оныхъ преподаваемъ былъ также русскій языкъ, знакомство съ которымъ облегчало бы торговля и другія сношенія наши съ внутренними губерніями, а рекрутамъ изъ эстовъ — изученіе военной службы; кромѣ того, оно дало бы намъ возможность искать себѣ работы или мѣста внѣ родины.

13. Не менѣе желательно, чтобы для ближайшаго ознакомленія насъ со всѣмъ совершающимся какъ вообще въ имперіи, такъ и собственно въ нашемъ Прибалтійскомъ краѣ, и для предупрежденія ложныхъ слуховъ и толковъ, тревожащихъ народъ, дозволялось перепечатывать на эстонскомъ языкѣ все то, что цензурою допускается къ печати на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

14. Наконецъ, въ виду затруднительнаго нашего положенія, въ томъ

¹⁾ Св. зак. гр., т. XI, уст. еванг.-лютер. церкви, ст. 297-я предоставляетъ даже это право прихожанамъ.

отношеніи, что сильному и вліятельному дворянству не можемъ противуставить законныхъ защитниковъ, — осмѣливаемся всеподданнѣйше просить, чтобы настоящія просьбы наши, для избѣжанія при обсужденіи ихъ всякаго пристрастія, вслѣдствіе сословныхъ или національныхъ интересовъ, переданы были на разсмотрѣніе комиссіи изъ русскихъ сановниковъ, которымъ благоугодно будетъ вашему императорскому величеству поручить вообще обсужденіе мѣръ къ улучшенію быта эстонцевъ.

Уповавая единственно на Всевышняго и на отеческую милость августѣйшаго монарха, беремъ смѣлость съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и искреннѣйшей любовью къ престолу именоваться вашего императорскаго величества вѣроподданными ¹⁾).

Сообщ. С. Зыковъ.

¹⁾ Подлинное прошеніе подписано 251 лицомъ, отъ имени 24-хъ крестьянскихъ обществъ: Пуать, Гросъ-Кяппо, Ней-Воригузенъ, Тигницъ, Керзель, Фрейгофъ, Тайферъ, Вастремойсъ, Гельметъ, Феллинъ, Еска, Клейвъ-Кеппо, Вельгета, Гольстферсгофъ, Курресаръ, Нинигалъ, Торма, Геймталъ, Каркусъ, Керстенгофъ, Ней-Войдома, Сурреферъ, Легова, Лахмусъ, имѣющихъ народонаселенія всего 15.263 души мужскаго пола.

Письмо барона М. Корфа—Д. Н. Бантышъ-Каменскому, съ просьбою доставить біографическія свѣдѣнія объ А. Д. Балашовѣ.

12-го мая 1846 г.

Извѣстные мнѣ плоды трудовъ вашего превосходительства, печатные и рукописные, служатъ лучшимъ доказательствомъ тому, сколько драгоценныхъ матеріаловъ проходило чрезъ ваши искусныя руки. Не было ли въ числѣ ихъ и чего-нибудь о покойномъ А. Д. Балашовѣ и смѣю ли надѣяться, что вы благоволите сообщить мнѣ хотя нѣкоторые главнѣйшіе факты? Роль, которую онъ игралъ въ предпринимаемомъ мною жизнеописаніи, слишкомъ была важна, чтобы не сказать о немъ, *en passant*, нѣсколькихъ словъ. О баронѣ Розенкампфѣ у васъ, вѣроятно, нѣтъ ничего; но тутъ я могу обратиться къ племяннику его М. К. Цеймерну.

Примите свидѣтельство совершеннаго моего почитанія и преданности. Баронъ М. Корфъ.

Состояніе царства Польскаго въ 1861 и 1862 гг.¹⁾

16 ¹⁾.

Съ 20-го декабря 1861 г. (1-го января 1862 г.) по 27-е декабря 1861 (8-го января 1862 г.).

Минувшая недѣля не представляетъ никакихъ особенно замѣчательныхъ случаевъ нарушенія общественнаго порядка.

День Рождества Христова отпразднованъ въ Варшавѣ по нашему стилю обычнымъ богослуженіемъ. На другой день послѣдовало открытіе театра для публики. Театръ былъ полонъ, но преимущественно русскою публикою, было нѣсколько иностранцевъ; изъ поляковъ же почти никого. Все было въ совершенномъ порядкѣ.

Причиною этого выставляется мнимыми патриотами закрытіе костеловъ, во время котораго посѣщеніе публичныхъ зрѣлищъ будто бы неприлично, наравнѣ съ другими увеселеніями. Многое тутъ однако же, какъ и въ иныхъ вещахъ, зависитъ отъ женщинъ, а онѣ запуганы «Краковскимъ Часомъ», который впередъ пятнаетъ всякую даму, если она рѣшится идти въ театръ, тогда какъ весь край въ траурѣ, костелы закрыты, училища закрыты и т. п. Съ устраненіемъ этихъ мнимыхъ препятствій, надо ожидать, что публика польская возвратится къ обычной своей жизни, въ которой театральныя зрѣлища занимали не последнее мѣсто. Думали и писали, что театръ не состоится за неимѣніемъ охотниковъ; но теперь съ удивленіемъ увидѣли, что русская публика одна можетъ заполнить такъ называемый Большой театръ. Очень потревожилъ польскую публику разнесшійся по городу слухъ, что въ случаѣ паденія польской сцены вышешется изъ Парижа французская труппа,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1899 г.

которая, впрочемъ, до революціи 1830 года, существовала рядомъ съ польской.

Между тѣмъ, въ ожиданіи развязки клерикальнаго вопроса, польскіе публицисты, а за ними и жители царства изошряются въ догадкахъ на счетъ будущаго преемника администратора Бялобржескаго. По мнѣнію ихъ («Czas», 3 Styczn. № 2), будущій архипастырь можетъ быть только мученикомъ, или предателемъ вѣры, и папа, не взирая на проски какой-то антипольской партіи въ Римѣ, не согласится на поставленіе пастыря, рекомендуемаго правительствомъ; но болѣе дальновидные и свѣдущіе называютъ даже новаго архіепископа Фелинскаго, имя котораго звучитъ имъ пріятно, хотя назначеніе, происходящее изъ Петербурга, и не нравится; имъ извѣстно также, что Бялобржескій приговоренъ къ заключенію въ Бобруйскъ на годъ. Теперь ожидать надо ихъ сужденій о томъ положеніи, какое имъ захочется дать новому архіепископу.

Положеніе же новаго архіепископа, конечно, будетъ затруднительно, при той солидарности, какая связываетъ между собою духовенство бывшихъ польскихъ провинцій, особенно же по неизбѣжному вопросу пѣнія гимновъ въ костелахъ, когда одинъ архіепископъ, Позванскій, позволяетъ пѣть *Boże, coś Polskę* въ первоначальномъ текстѣ, безъ новѣйшихъ вставокъ, а другой, Львовскій, рѣшительно запрещаетъ.

На прошедшей недѣлѣ у насъ былъ случай пѣнія запрещеннаго гимна въ Плоцкѣ.

Въ новый годъ по новому стилю во время вечерни въ кафедральномъ костелѣ неизвѣстно кто-то запѣлъ воспрещенный гимнъ «*Boże ojcze, ty Twoje dzieci*», но, пропѣвши одну эту строку, когда никто рѣшительно не поддержалъ этого пѣнія и стоявшіе вблизи того мѣста начали выходить изъ костела, то тотъ же голосъ спустя минуту вторично пробовалъ начать пѣніе, но и за вторымъ разомъ никто изъ присутствовавшихъ не принялъ участія, и тогда уже мѣстное духовенство, для воздержанія выходящаго толпою народа изъ костела, начало пѣніе «Святый Боже», съ ними пѣли и оставшіеся въ костелѣ люди.

На другой день открылось, что пѣніе помянутой пѣсни начиналъ сапожникъ Людвигъ Гадомскій, который арестованъ.

Какъ Гадомскій, по найму отъ агитаторовъ безпорядковъ, участвовалъ прежде во всѣхъ уличныхъ скопищахъ, былъ замѣчаемъ въ оныхъ зачинщикомъ и во время безпорядковъ, бывшихъ въ Плоцкѣ 18-го (30-го) іюня, руководилъ толпою, прибывшею передъ квартиру военнаго начальника, и первый, вооруженный палкою, началъ разбивать окна въ квартирѣ инспектора полиціи, а впоследствии скрывался отъ преслѣдованій полиціи, поэтому рѣшено отдать его въ военную службу.

Изъ объясненій кустома св. Янскаго костела ксендза Бернадкаго

оказалось, что 3-го (15-го) октября, послѣ уже объявленія военного положенія, Подляскій епископъ Шиманскій совершилъ панихину за упокой души Костюшки, несмотря на представленія Вернацкаго, что это будетъ принято правительствомъ съ худой стороны; вслѣдствіе чего потребованы отъ епископа объясненія противъ предложенныхъ ему запросныхъ пунктовъ.

Положеніе крестьянъ съ каждымъ днемъ становится замѣчательнѣе по усиліямъ, которыя употребляютъ помѣщики къ привлеченію ихъ на свою сторону, дѣйствуя черезъ публицистику. Продолжаются старанія ихъ заводить у себя домашнія школы, для перевоспитанія сельскихъ дѣтей, или новаго поколѣнія; что же касается до старшаго поколѣнія, то предполагается распространять чтеніе между ними, не только посредствомъ періодическихъ листковъ, рассылаемыхъ по корчмамъ, но и съ помощію библиотечекъ, которыя, по мнѣнію ихъ, нужно и въ самомъ скоромъ времени завести по господскимъ дворамъ, гминамъ и приходамъ. Пока учредятся и разовьются элементарныя школы, необходимо открыть эти библиотечки, общими силами помѣщиковъ и «почетныхъ» ксендзовъ. Другіе, спохватясь, что крестьяне большею частію читать не умѣютъ, предлагаютъ замѣнить элементарныя школы,—которыя, по мнѣнію ихъ, крестьяне никогда не воспользуются,—устною бесѣдою, въ которой помѣщикъ долженъ толковать съ крестьяниномъ обо всемъ издадека, главное же о будущихъ его обязанностяхъ, какъ гражданъ равныхъ помѣщику; отсюда родятся въ поселянахъ благодарность и довѣріе къ тѣмъ, кто подаетъ имъ братнюю руку. Эти импровизованныя средства могутъ еще долгое время оставаться въ пеленахъ проекта, подобно разнымъ инымъ затѣямъ акціонерныхъ помѣщичьихъ обществъ, однако же они мѣтятъ на такіе предметы, которые входятъ въ прямыя атрибутціи правительства, ибо народное воспитаніе, съ элементарными школами и планами наукъ, развивается не иначе, какъ въ гармоніи съ общими основаніями разнообразныхъ учебныхъ заведеній; по крайней мѣрѣ, въ другихъ краяхъ, напримѣръ, въ Галиціи, правительство запрещаетъ Агрономическому обществу вмѣшиваться въ учрежденіе народныхъ школъ и строго слѣдитъ за книжками, или изданіями, окрещенными громкимъ названіемъ народныхъ.

Крестьяне между тѣмъ ожидаютъ рѣшенія своей будущности отъ проекта очиншеванія, который разсматривается въ правительственной комиссіи внутреннихъ дѣлъ и обѣщаетъ имъ болѣе выгоды, чѣмъ расхваленный проектъ Велепольскаго, изъ-за котораго вышли одни лишь неприятыя недоразумѣнія между правительствомъ и публикою. Пока мѣстъ, помѣщики должны быть благодарны правительству, которое приводитъ въ повиновеніе крестьянъ, уклоняющихся отъ взноса окупа или отработыванія барщины.

Крестьяне по-прежнему жалуются, или доносятъ о томъ, что, по мнѣнію ихъ, клонится ко вреду правительства. Вслѣдствіе доноса, оправданнаго дознаніемъ, помѣщикъ д. Лѣсницы (Сѣрадзскаго уѣзда), Добекъ, за то, что подговаривалъ ихъ идти съ ножами въ костель, взятъ подъ стражу.

Крестьяне изъ гмины Радопице (Опочинскаго уѣзда), числомъ 11 человекъ (въ томъ числѣ 6 женщинъ) показали единогласно, что магазинеръ горнаго завода въ Сельпи, Бялачевскій, внушалъ имъ самыя возмутительныя мысли, упрекая ихъ, что они хуже жидовъ, потому, что жида пристали уже къ панамъ, а они держатъ сторону москалей. Возраженіе крестьянъ на его упреки и подстрекательства все было одно и то же: «мы не можемъ противиться монарху, потому что онъ дѣлаетъ добро и дальше намъ будетъ еще лучше, а паны хотятъ войны, отчего всѣ мы пропадемъ [17-го (29-го) декабря].

Въ корчмѣ д. Сельчика (Бяльскаго уѣзда) крестьянинъ Садовскій прибилъ другаго, Ласкаго, за то, что этотъ называлъ себя русскимъ и на вопросъ его, кто старше, Богъ или царь, отвѣчалъ, что старше царь [22-го декабря (3-го января)].

Военно-слѣдственные коммисіи разъясняютъ исподволь сущность мнувшихъ безпорядковъ, производя новыя арестации, или освобождая оправдывающихся. Цѣль разслѣдованій преимущественно клонится къ раскрытію источника возмутительныхъ плакардовъ, брошюръ, воззваній, и т. п. и къ открытію предводителей важнѣйшихъ манифестацій и уличныхъ безпорядковъ. Изъ показаній подсудимыхъ обнаруживается связь и съ безпорядками, происходившими въ западныхъ губерніяхъ; такъ, по допросамъ, святымъ съ литератора А. Корженевскаго, сообщены кіевскому генералъ-губернатору 23-го декабря (4-го января) разныя подробности на счетъ происходившихъ въ Житомирѣ манифестацій.

Военно-судныя коммисіи дѣйствуютъ своимъ чередомъ,—съ результатами, которые будутъ опубликованы, поскольку они относятся къ отдачѣ виновныхъ въ военную службу.

Изъ политическихъ дѣлъ, производившихся гражданско-уголовнымъ судомъ, приведемъ два, въ примѣръ безнаказанности. По разогнаніи патрулемъ уличниковъ, гасившихъ плошки въ Люблинѣ 27-го іюля (8-го августа), оказалось, что жители не виноваты, а виноваты будто бы солдаты, разгонявшіе гулявній народъ. По другому дѣлу объ обидѣ, нанесенной инвалидному маіору Мацкевичу въ г. Бялѣ отставнымъ унтеръ-офицеромъ Буховскимъ, бяльскій судъ не допустилъ нижнихъ чиновъ къ присягѣ и тѣмъ оправдалъ Буховскаго,—оскорбленіе, которое впрочемъ самъ Мацкевичъ предастъ забвенію.

Въ Варшавѣ, по нарушенію правилъ военнаго положенія, аресто-

вано въ теченіе недѣли 262 человекъ, болѣе обыкновеннаго безъ сомнѣнія, по случаю праздничнаго времени, въ томъ числѣ за неповиновеніе полиціи и другіе проступки 76 человекъ, изъ коихъ 51, по разсмотрѣніи степени вины въ ратушной комиссіи, освобождены, 17 представлены на рѣшеніе генералъ-губернатора, а 2 преданы въ распоряженіе оберъ-полиціймейстера.

17.

Съ 27-го декабря 1861 г. (8-го января 1862 г.) по 3-е (15-е) января 1862 г.

Въ день новаго года, исправляющій должность намѣстника, генералъ-адъютантъ Лидерсъ, принимая поздравленія духовенства, военныхъ и гражданскихъ властей и знатнѣйшихъ обывателей, выразилъ, въ краткихъ словахъ, желанія свои и надежды, что возрожденное спокойствіе будетъ упрочено и дозволитъ употребить всѣ старанія къ правильному развитію всемілостивѣйше пожалованныхъ учрежденій; но что для этого нужно общее содѣйствіе и полное довѣріе къ благимъ предначертаніямъ монарха. На этомъ представленіи римско-католическое духовенство не присутствовало, но было евангелическое и еврейское.

Первое и важнѣйшее мѣсто въ событіяхъ минувшей недѣли занимаетъ новый фазисъ, въ который перешелъ клерикальный вопросъ, посредствомъ рѣшенія судьбы Бялобржескаго и назначенія Фелинскаго архіепископомъ варшавскимъ.

Приговоръ надъ Бялобржескимъ, опубликованный въ газетахъ, не удивилъ здѣшнюю публику, подготовленную къ тому галиційскими и познанскими журналами. Разбирали приговоръ въ юридическомъ и политическомъ отношеніи, критиковали, по обыкновенію, но вообще довольно хладнокровно. Официальный дневникъ выдержалъ полемику съ Краковскимъ «Часомъ» насчетъ правильности и законности Бялобржескаго и хотя «Часъ» остался при своемъ, однако же полемика эта произвела нѣкоторое впечатлѣніе въ публикѣ. Сверхъ того, заграничная газета фальшиво утверждала, будто бы Бялобржескій не обращался къ милосердію и не оправдывался въ закрытіи костеловъ тѣмъ, что они осквернены были демонстративнымъ пѣніемъ. Между тѣмъ, исполненіе приговора надъ Бялобржескимъ послѣдовало (4-го числа) съ подобающимъ уваженіемъ къ сану и лѣтамъ прелата.

Гораздо значительнѣе было впечатлѣніе, какое произвела телеграмма о послѣдовавшемъ въ Римѣ назначеніи Фелинскаго архіепископомъ варшавскимъ. Удивились, что оно такъ скоро вышло въ Римѣ, толкуютъ невыгодно для себя поспѣшность, съ какою апостольская столица склонилась на представленія нашего двора. Не зная ни харак-

тера, ни политическихъ убѣжденій Фелинскаго, думаютъ однако жъ, что сынъ изгнанницы и племянникъ автора пѣсни «*Boże, coś Polskę*» («*Dzienn. Pozn.*» 12-го *Styczn.* № 9) пойдетъ по слѣдамъ своего предмѣстника и не отопретъ костеловъ безъ ручательствъ, какія для этого требовались Декертомъ и Бялобржескимъ («*Czas*» 11 *Styczn.* № 8). Поставивъ ему дилемму: быть мученикомъ или предателемъ, ультрамонтаны польскіе увѣряютъ, что не только Польша, но весь католическій міръ смотритъ на первые шаги новаго архипастыря; вслѣдствіе чего, онъ долженъ непремѣнно броситься въ общее движеніе и, если можно такъ выразиться,—запѣть демонстративный гимнъ.

Но пѣніе это, повидимому набожное, приняло уже характеръ политической демонстраціи во время смуть, фанатизируя поющихъ, особенно женщинъ и молодыхъ людей. Если въ этомъ состоитъ цѣль пѣнія, а другой цѣли не видно,—то никакія поправки въ пѣніи, никакія исключенія новѣйшихъ добавокъ не отнимутъ у него демонстративнаго значенія; по этимъ-то причинамъ архіепископъ Вержалейскій рѣшительно запретилъ въ Галиціи пѣніе подобныхъ гимновъ въ костелахъ.

Знаемъ, въ какое положеніе этимъ запрещеніемъ поставилъ себя Вержалейскій. Пишутъ («*Dzienn. Pozn.*» 10 *Styczn.* № 7), что полиція должна охранять его, во время выѣздовъ изъ дому, и что, несмотря на бдительность ея, въ воскресенье 31-го декабря (12-го января) толпа людей, большею частію ремесленнаго класса, дала кошачій концертъ передъ его домомъ и перебила окна. Но это едва-ли можетъ испугать истиннаго архипастыря душъ.

По случаю назначенія Фелинскаго, коноводы польской демагогіи отрицаютъ даже основной законъ католицизма, непогрѣшимость папы. «Прошли тѣ времена»,—говорятъ они («*Dzienn. Pozn.*», тамъ же)—«когда Ватиканъ громилъ отважныхъ толкователей священнаго писанія. Теперь и простому ксендзу и епископу можно прямо сказать, что онъ поступаетъ дурно, и что овцы не пойдутъ туда, куда угодно пастырю». Въ этомъ хаосѣ понятій не мудрено, что заподозрѣна не только непогрѣшимость, но и самая безсребренность римскаго двора. Итальянскіе журналы («*Czas*» 11 *Styczn.* № 8) упрекаютъ его прямо въ продажности. Соблазнъ заразителенъ, и вольнодумцы между людьми даже духовнаго званія начинаютъ поговаривать о возможности не повиноваться не только Фелинскому, но и самому папѣ. Отважнѣйшіе переносятъ во время оно, когда въ польскомъ сенатѣ, при Сигизмундѣ-Августѣ, за исключеніемъ двухъ епископовъ, засѣдали все протестанты; словомъ, расколъ у нихъ на языкѣ. Впрочемъ, это только журнальный крикъ, и нѣтъ достаточной причины думать, чтобы духовенство здѣшнее рискнуло выйти изъ повиновенія папѣ и произвести шизму.

Въ Варшавѣ ходять слухи, будто бы, съ открытіемъ костеловъ, пѣніе въ нихъ запрещенныхъ гимновъ возобновится, такъ что люда болѣе спокойные рѣшились въ первое время воздержаться отъ посѣщенія костеловъ. Рѣшительнѣе другихъ въ этомъ отношеніи оказываются женщины и ксендзы. Но если это и не хвастовство, то во всякомъ случаѣ надо надѣяться, что первыя мѣры строгости прекратятъ дальнѣйшія попытки.

Закрытіе костеловъ въ Варшавѣ продолжаетъ иногда отражаться на провинціи демонстративными проповѣдями ксендзовъ, даже въ настоящее время. Представляя это закрытіе костеловъ какъ символъ гоненія польской церкви, викарій Виврженчицкаго костела (Мѣховскаго уѣзда), ксендзъ Перко, въ первый день Рождества Христова, увѣщевалъ своихъ прихожанъ, чтобы умоляли новорожденного Господа, дабы костелы были отперты, и просили бы мать Божию, Царицу Польши, о заступничествѣ. Ксендзъ этотъ еще во время безпорядковъ, происходившихъ до военнаго положенія, отличался фанатизмомъ и однажды 1-го (13-го) октября, увидавъ объѣздчика Іонова въ костелѣ, громко приказывалъ церковному сторожу вывести вонъ этого «нечестиваго духа русскаго». Сторожъ не исполнилъ приказанія. Все это извѣстно гминному войту, который донесъ начальству о послѣдствіи проповѣди ксендза, потому что въ костелѣ находились жандармы. Перко посаженъ подъ арестъ.

Духовныя консисторіи молчатъ, и епископы не отзываются; напротивъ, проглядываетъ кое-гдѣ нѣмая оппозиція духовенства. Въ г. Гарволинѣ проявились вдругъ надъ дверьми домовъ образки Ченстоховской Богоматери съ извѣстною надписью: «rod Twoje obgola». Стоявшій тамъ съ командою хорунжій казачій, недавно прибывшій съ Дону, принялъ эту выставку за демонстрацію и велѣлъ снять образки и отнести въ магистратъ. Епископъ подляскій, Шиманскій, вошелъ на это съ жалобою, вслѣдствіе чего образки возвращены по принадлежности. Но по розыску, сдѣланному военнымъ начальникомъ, оказалось [24-го декабря (5 января)], что обычай выставлять образки водился только по деревнямъ, а когда начались волненія въ краѣ, то Шиманскій велѣлъ ввести его и въ городахъ,—отчего и произошло недоумѣніе въ Гарволинѣ. А между тѣмъ, торговля этими образками, продающимися въ огромномъ количествѣ, усилилась; деньги же поступали въ общую кассу, для какой-то цѣли, которую положительно опредѣлить нельзя, но можно угадывать, судя потому, что епископъ Шиманскій не отличается приверженностію къ правительству, и что въ сосѣдней, Люблинской епархіи, подобнаго распоряженія на счетъ образковъ не было. Три раза потребовалъ отъ него военный начальникъ распоряженія, чтобы ксендзы приводили свидѣтелей къ присягѣ, призываемыхъ въ военно-судныя и слѣдственныя коммиссіи, и едва за третьимъ разомъ онъ согласился исполнить требо-

ваніе [25-го декабря (6-го января)]. Послѣ этого, поручено главному директору обратить особенное вниманіе на дѣйствія Шиманскаго.

Недавно отыскались двѣ хоругви, подъ названіемъ одна—Костюшки, а другая Понятовскаго, которыя были несены на процессіи изъ Лятовичъ и Колебл и исчезли будто бы въ лѣсу; онѣ, повидимому, спрятаны были тамошними ксендзами; но теперь выданы ими начальству.

Въ заключеніе клерикальнаго вопроса, скажемъ, что и Парижъ въ день новаго года огласился пѣніемъ «*Boże, coś Polskę*». Въ церкви Успенія ксендзы польскіе прочитали текстъ этой пѣсни, утвержденный познанскимъ архіепископомъ Прелускимъ (съ пропускомъ скорбительныхъ для правительства строкъ), а публика пропѣла этотъ гимнъ.

Открытіе училищъ, имѣющее послѣдовать 8-го (20-го) числа, принято публикою довольно пріятливо; говорятъ, правда, что все это прежде существовало, нынче не годится, а училища отырываются на прежнемъ основаніи. Не менѣе того, родители довольны, что дѣти ихъ начнутъ ходить въ школу; даже заграничные ихъ совѣтники («*Szaz 11 Styczn. № 8*») хвалятъ это распоряженіе, повторяя, что юношество потеряло огромное время, по милости Велепольскаго, закрывшаго училища безъ всякой нужды. Событіе это одинъ лишь нѣмецкій публицистъ («*Warsch. Ztg.* 9 Jan. № 5») пріветствовалъ радостно: польскіе же журналы ограничились лишь простымъ заявленіемъ факта, сознавши прежде того пользу одного лишь училища, приготовительныхъ курсовъ какъ созданія революціонной эпохи.

Не менѣе правительства изъявляетъ заботливость о воспитаніи общественномъ сословіи помѣщиковъ, которое беретъ за корень просвѣщенія, за сельскія школы, не оправдывающія будто бы своего назначенія подъ управленіемъ учебнаго вѣдомства. Въ этомъ отношеніи проводники помѣщичьихъ желаній поступаютъ съ нѣкоторою даже невѣстностью, давая чувствовать, что главная цѣль землевладѣльцевъ состоитъ въ приобрѣтеніи довѣрія крестьянъ, посредствомъ заботливости и перевоспитанія новаго ихъ поколѣнія.

Уже не разъ говорено было объ этихъ планахъ, проектахъ, импровизаціяхъ школокъ, пріютовъ, читаленъ и т. п. Хотя все это покажется только «благочестивыя желанія», прекрасныя на бумагѣ; однакожь увѣряютъ («*Gaz. Warsz.* 13 Styczn. № 8»), что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они начинаютъ осуществляться. При явной невозможности уговорить крестьянъ, чтобы посылали дѣтѣй своихъ на господскій дворъ учиться, рѣшено заманивать дѣтей подарками образковъ, крестиковъ, медалей и т. п. Это такъ растрогало будто бы родителей, въ одномъ мѣстѣ, что они сложились по одному золоту для выписки «*Książka*» т. е. сами захотѣли читать. Съ этою цѣлю рекомендуется помѣщикамъ («*Gaz. Warsz.* 14 Styczn. № 9») разбирать скорѣе къ себѣ женщинъ, приготовляемыхъ въ Лом-

жинскомъ монастырѣ бернардинокъ, по званію надзирательницъ сельскихъ «пріютовъ» (Ochropiek), которые представляютъ тоже нѣчто вродѣ начальныхъ школъ. Если все это перейдетъ изъ словъ въ дѣло, то можетъ имѣть большое вліяніе и на уставъ элементарныхъ училищъ, составленный правительствомъ.

Усплія помѣщиковъ къ снисканію довѣрія крестьянъ, съ которыми имъ суждено жить, можно сказать, подъ однимъ кровомъ, конечно, заслуживаютъ полной похвалы; но всему есть пора и то, что ушло, ушло уже невозвратно. Была пора въ 1807 году, была въ 1791 и даже въ 1768 году, когда затѣвали Барскую конфедерацію. Теперь уже поздно, ибо народъ изъ преданій знаетъ исторію свою не хуже шляхты. Вотъ почему крестьяне не только не имѣютъ довѣрія къ своимъ помѣщикамъ, но и при всякомъ удобномъ случаѣ выказываютъ свое къ нимъ недоброжелательство, въ жалобахъ и доносахъ правительству.

Такъ, въ Люблинской губерніи, крестьяне д. Струхи (Луковского уѣзда), являсь въ управленіе Ивангородскаго коменданта [29-го декабря (10-го января)], донесли разныя вещи на помѣщика графа Станислава Замойскаго, проживающаго въ Подзамчѣ, и на ксендзовъ м. Мацѣвице (принадлежащаго тому же Замойскому) Буржинскаго и пробоща Северина. Дѣло въ томъ, что имъ будто бы запрещаютъ и ксендзы эти и войтъ Мацѣвицкой гмины обращаться съ жалобами «къ проклятымъ москалямъ», а приказываютъ ходить къ графу Станиславу Замойскому, «королю здѣшняго края», угрожая въ противномъ случаѣ экзекуціею и недопущеніемъ къ святымъ тайнамъ; при чемъ требуетъ отъ нихъ какой-то подписки; что будто бы самъ Замойскій, собравши своихъ крестьянъ въ Подзамчѣ, уговаривалъ ихъ держаться съ нимъ за-одно, не вѣря врагамъ. Далѣе, что шляхта, во время беспорядковъ, формировала будто бы уланскіе полки съ нумерами 11 и 12, въ которые записывала крестьянъ. Во всемъ этомъ вѣроятно мало правды, однако же нельзя было отпустить крестьянъ, не снявъ съ нихъ допроса.

Въ той же губерніи одинъ крестьянинъ д. Горостеша (Радзынскаго уѣзда), по имени Солонь, проговорился, что будто бы ихъ человекъ триста сложились по два злота, съ цѣлю отправить четверыхъ отъ себя въ Петербургъ къ государю императору, съ запросомъ: когда начать рѣзню шляхты, и что, какъ только они воротятся, то онъ первый зарѣжетъ своего помѣщика, Дескура, вотъ этимъ ножомъ, который тутъ показалъ. Судъ простой полиціи его арестовалъ и началъ уголовное дѣло. Солонь, какъ видно изъ административнаго слѣдствія [30 декабря (11-го января)], говорилъ все это въ нетрезвомъ видѣ. Не менѣе того, подобныя обмолвки и безпрестанныя въ этомъ родѣ заявленія выражаютъ самое дурное настроеніе крестьянъ въ отношеніи помѣщиковъ. При томъ еще слово «шляхтичъ» въ глазахъ мужика имѣетъ иное зна-

*

ченіе, нежели помѣщикъ; шляхта у него—это символъ разгуля, самовластия, съ которымъ здравый его умъ не совмѣщается.

Въ д. Лисицѣ (Гостынскаго уѣзда) помѣщикъ Добровольскій арестовалъ одного мужика, Габрисяка (12-го (24-го) декабря), за то, что онъ съ товарищами хотѣлъ поколотить винокура. Не прошло и двухъ часовъ, какъ толпа мужиковъ и женщинъ, которые всѣ были прусскими подданными, явились съ палками и камнями на дворъ помѣщика и требовали выдачи арестанта. Помѣщикъ принужденъ былъ выдать его.

При такомъ настроеніи крестьянъ не мудрено, что паны начинаютъ презирать о рѣзніи казацкихъ временъ. Что такое Уманская рѣзня? спрашиваетъ неизвѣстно кто редактора «Пчелы». Осторожный редакторъ отсылаетъ за отвѣтомъ къ исторіи, къ «Гайдамакамъ» Шевченки, намекая, что катастрофа эта была логическимъ слѣдствіемъ мрака и необузданности украинскаго народа и что, впрочемъ, кто знаетъ исторію, тому извѣстно, что были еще и ужаснѣйшія катастрофы.

Если польской шляхтѣ и всему польскому дѣлу грозитъ откуда опасность, то ужъ конечно больше всего со стороны русиновъ, отъ Карпатъ до Днѣпра. Поляки это такъ хорошо чувствуютъ, что въ раздѣлѣ Галиціи видятъ какъ бы новый раздѣлъ Польши и всячески, то порицаніемъ, то ласками, стараются вразумить святогорцевъ, что дѣло ихъ одинаково съ польскимъ; то страшатъ правительство, что эта русская партия, опираясь на массахъ темнаго народа («Dzien. Pozn.» 10 Styczn. № 7) подъ покровомъ религіи (?), выступитъ скоро съ требованіями, которыя и правительство удовлетворить не будетъ въ состояніи; то усовѣщиваютъ святогорцевъ идти объ руку на пути прогресса, спрашивая, не вмѣстѣ ли мы шли пять вѣковъ сряду? То наконецъ укоряютъ ихъ въ ненависти: «вы ненавидите насъ болѣе, чѣмъ вѣмцы, и братаетесь съ ними» («Dzien. Pozn.» тамъ же). Но русины глухи ко всему этому и толкуютъ свое: «Одному лишь греческому обряду,—говорятъ они («Слово» 30-го декабря № 94)—должно благодарить, что русины во время вѣковыхъ гоненій остались при святой вѣрѣ своей и народности» и на этомъ основаніи требуютъ созвать областной соборъ изъ обѣихъ епархій, Галицкихъ, а если можно—то и изъ Холмской (нашей Холмской) и Бескидскихъ (въ Венгріи) для возстановленія восточныхъ обрядовъ и изданія новаго литургикона и требника, въ смыслѣ «святаго всеславнаго обряда греческаго». Холмская епархія наша лежитъ у нихъ на душѣ потому, въ особенности, что она болѣе олатынилась и что у епископа тамошняго связаны руки, если сообразить, что въ каѳедральную церковь Холмскую органы втащены на хоры украдкой, ночью,—фактъ недоказанный, однакожь правдоподобный. Люблинская Русь въ самомъ дѣлѣ отстала отъ Галицкой и прозябаетъ покамѣсть въ забвеніи.

Если поляки даютъ народность русиновъ и снытся воскресить поль-

ицязу въ небольшомъ уголкѣ полуонѣмеченной австрійской Силезіи, то по закону возмездія нѣмцы не даютъ имъ пощады въ Познанской провинціи. И въ самомъ дѣлѣ четыре ксендза приговорены къ тюрьмѣ, около десяти подъ слѣдствіемъ; а что еще впереди? Нѣмецкіе журналы прямо проповѣдуютъ крестовый походъ противъ поляковъ; одинъ («*Rosen Ztg*») предлагаетъ приостановить дѣйствіе всѣхъ правъ въ польской провинціи; другой («*Nosj'a*») совѣтуетъ колонизировать этотъ край, освобождая на 15 лѣтъ отъ податей и военной службы каждаго нѣмца-протестанта, который переселится туда изъ Германіи. Словомъ всѣ нѣмцы настаиваютъ («*Dzien. Pozn.*» 10 Styczn. № 7), чтобы правительство прусское серьезнѣе взялось за административное устройство поляковъ.

И здѣшніе нѣмцы совсѣмъ не польскими глазами смотрятъ на совершающіяся дѣла. Въ глазахъ поляковъ, обѣднѣніе низшаго класса въ Варшавѣ происходитъ отъ послѣднихъ политическихъ неурядицъ и потому заслуживаетъ особенной заботливости: отсюда воззванія къ обществу благотворительности, къ патриотическимъ чувствамъ, съ исключеніемъ всякаго посторонняго, особеннаго русскаго участія. Нѣтъ,—говорятъ нѣмцы («*Warsch. Ztg*» 14 Jan. № 9)—не одно это причиною, и если помогать рабочему классу, то помогать съ тѣмъ, чтобы онъ работалъ; а здѣсь хорошій работникъ рѣдкость, и какъ придетъ дѣло къ работѣ, по деревнямъ ли или на фабрикахъ, то давай нѣмцевъ или другихъ иноземцевъ. Впрочемъ, поляки сами въ томъ сознаются, и теперь во всеуслышаніе кричатъ и печатаютъ: *oga et laboga*. Молиться-то они не прочь, но работать? Это покажѣтъ на заднемъ планѣ.

Не лучше отношенія поляковъ и къ евреямъ. Давно ли братались они съ евреями, давно ли призывали ихъ въ костелы молиться съ шапкою на головѣ, за благоденствіе отчизны и пѣть вмѣстѣ «*Woże, coś Polskę*», а уже еврей не хочетъ назваться полякомъ Моисеева исповѣданія, или жидовскимъ полякомъ, а остается по-старому при своемъ «польскій жидъ». И въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли евреи ждать какого-либо пути отъ нареченныхъ своихъ братьевъ, когда здѣсь ихъ тащатъ насильно въ костелъ, а во Львовѣ гонятъ вонъ, какъ оскверняющихъ своимъ присутствіемъ святыню.

Обезоруженіе края произведено съ соблюденіемъ совершеннаго порядка. Отобрано у жителей 7.388 ружей, 221 пистолетъ и съ небольшимъ сотня холоднаго оружія, не отобрано 110 ружей; въ выдачѣ позволительныхъ на содержаніе оружія билетовъ соблюдается строгая разборчивость.

Военно-судныя и слѣдственныя комиссіи дѣйствуютъ; арестацій меньше, но списокъ людей неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи увеличивается отдачею подъ полицейскій надзоръ такихъ лицъ, которыя освобождены за немнѣніемъ положительныхъ доказательствъ,

или замѣчены въ явной неблагонамѣренности. Классификація ихъ, въ сословномъ отношеніи, представляетъ приблизительно тотъ результатъ, что на 100 человекъ приходится ксендзовъ 9, помѣщиковъ 12, чиновниковъ 26, купцовъ и значительнѣйшихъ горожанъ 14, ремесленниковъ и городскихъ простолюдиновъ 21, студентовъ 3, женщинъ 12, иностранцевъ 1. Цифра чиновниковъ конечно бросается въ глаза, и потому степень участія ихъ въ общихъ безпорядкахъ составляетъ предметъ особыхъ разслѣдованій.

Варшава находится въ томъ же состояніи полупринужденнаго спокойствія. Арестацій по нарушенію правилъ военнаго положенія произведено на прошлой недѣлѣ 231; въ томъ числѣ 183 за неимѣніе фонарей. Изъ остальныхъ 48, арестованныхъ за оскорбленіе полиціи и другіе проступки, 18—представлены на рѣшеніе генераль-губернатора, 24 освобождены самою ратушною комиссіею, 5 переданы оберъ-полицеймейстеру, а 1 препровожденъ въ цитадель.

На театрѣ представленія продолжаются ежедневно и въ совершенномъ порядкѣ; публика польская за исключеніемъ нѣсколькихъ мужчинъ и женщинъ, на представленіяхъ не бываетъ; польскіе журналы воздерживаются отъ всякихъ рецензій кромѣ нѣмецкой газеты.

Благодаря военному положенію, матеріальное спокойствіе края обезпечено. Но умы волнуются, по свойственному полякамъ легковѣрью, отъ всякаго пустаго слуха, тѣмъ болѣе, отъ печатныхъ бредней, распускаемыхъ эмиграціею и заграничными органами польской публицистики.

Слухи, напримѣръ, такіе, что Фелавскій попалъ прямо изъ ксендзовъ въ архіепископы; значить, папа подкупленъ; что онъ хотя и истый полякъ, а все-таки ему справили уже въ Петербургѣ кошачій концертъ, да и ксендзы, что ѣдутъ туда, не стануть его поставлять, что если и откроютъ костелы, то все-таки публика не пойдетъ, пока не увѣрится, что ее тамъ не заарестуютъ—и прочее въ этомъ родѣ. Съ другой стороны: что весною, именно въ мартѣ мѣсяцѣ, нагрянутъ легіоны съ Мирославскимъ, Гарибальди и Чарторыйскимъ, выгонятъ москалей вонъ и посадятъ на престомъ Чарторыйскаго. На-дняхъ распространился слухъ, что Мирославскій поссорился съ Гарибальди; но въ то же время показались письма того и другаго, доказывающія будто бы ихъ тѣсную связь, вслѣдствіе чего легіоны непременно нагрянутъ и все царство возстанетъ, какъ одинъ человекъ, а за царствомъ и всѣ западныя губерніи; что Мирославскій уже накупилъ нарѣзныхъ пушекъ въ Лондонѣ; что венгры и румыны готовы идти на освобожденіе Польши и т. п.

Всѣ эти слухи питаются иностранными, особенно польскими журналистами, посредствомъ статей, доставляемыхъ здѣшними корреспондентами, открыть которыхъ чрезвычайно трудно.

Что касается эмиграціи, то ее не на шутку отдѣляли въ «Познанскомъ дневникѣ» (11 Styczn. № 8) по поводу присланнаго туда втораго выпуска сочиненьца: «Z Pauguai Genii», органа великаго Куржина, великаго Мирославскаго и великихъ ребятъ, которыхъ страхъ выгнать изъ края. Публицистъ смѣло говорить, что на этотъ бредъ пустыхъ головъ не стоитъ отвѣчать, что вожди этой несчастной молодежи, Куржина и Мирославскій, будутъ отвѣчать не за себя, ибо имъ нужны только деньги для навожденія страха на бѣдный край,—а за юношей, которыхъ они портятъ, отвлекая отъ труда и поджигая къ несбыточному возстанію. «Выходъ изъ края,—заключаетъ публицистъ,—есть преступленіе, а управленіе краемъ изъ-за печки,—другое. Лучше идти въ Сибирь закаливаться для будущности, нежели топтать Генуэзскую мостовую и давать италіанцамъ соблазнительное зрѣлище, подъ предводительствомъ шарлатана». Желательно, чтобы эта мораль достигла ушей здѣшнихъ патриотовъ и произвела между ними порядочный расколъ.

Проповѣдники всеобщей свободы и народности, поляки, въ распрѣ съ Римомъ и своими архипастырями, въ распрѣ со всѣми народностями: съ русинами въ Галиціи, съ русскими, съ нѣмцами и евреями; они перешагнули въ новый годъ съ новымъ на плечахъ бременемъ и съ старыми мечтаніями.

18.

Съ 3-го (15-го) по 10-е (22-е) января 1862 года.

Состояніе края, въ отношеніи внѣшняго спокойствія, удовлетвори-тельно, нарушенія правилъ военнаго положенія рѣдки; но умы все такъ же напряжены и продолжаютъ выражать настроеніе свое молчаливыми демонстраціями, состоящими въ томъ, что дамы не снимаютъ траура, мужчины показываются въ запрещенной одеждѣ, при чемъ тѣ и другіе избѣгаютъ общественныхъ увеселеній, собираясь, однако, для забавы, въ домашнихъ кружкахъ.

Къ новому году созданы были военные начальники округовъ въ Варшаву, для личнаго представленія камѣстнику результатовъ военнаго положенія. На совѣщаніи 3-го (15-го) января утверждена вновь исправленная, для частныхъ военныхъ начальниковъ, инструкція.

Общее вниманіе обращено, по-прежнему, на положеніе, какое приметъ новый архіепископъ Фелинскій въ отношеніи запертыхъ костеловъ и правительства. Польскіе публицисты стараются угадать характеръ и намѣренія новаго архипастыря; одинъ изъ здѣшнихъ большихъ органовъ прессы («Gaz. Pol.») отозвался о немъ съ похвалою, сознавая, что онъ съ самоотверженіемъ принялъ на себя тяжкое, въ эту пору, бремя;

заграничные же агитаторы все продолжают настаивать, чтобы онъ не отдѣлялъ дѣла церкви отъ дѣла народа, хотя и не совсѣмъ успокоительно для себя толкуютъ послѣдственность римскаго престола въ замѣщеніи архипастырской кафедры мимо всякаго соглашенія съ здѣшнимъ духовенствомъ. Зато, по ихъ мнѣнію, Россія приметъ апостольскаго нунція.

Отъѣздъ одного епископа и двухъ канониковъ въ Петербургъ, объявленный въ газетахъ, успокоилъ публику, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что вопросъ запертыхъ костеловъ приближается въ развязкѣ.

Пѣнія гимновъ по костеламъ на этой недѣлѣ нигдѣ не было.

Въ виду съѣздовъ помѣщиковъ, для обсуждения шарварковой (дорожной) повинности, въ такъ-называемыхъ дорожныхъ комитетахъ, сдѣлано распоряженіе, 7-го (19-го) января, чтобы комитеты эти собирались не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія военныхъ начальниковъ, и чтобы на нихъ присутствовали непременно уѣздный начальникъ и жандармскій офицеръ. Въ тѣхъ же уѣздахъ, гдѣ собираться помѣщикамъ не будетъ дозволено, раскладка шарварка должна производиться, какъ дѣлалось прежде, до учрежденія комитетовъ, посредствомъ уѣзднаго начальника и съ утвержденія губернскаго правленія.

Всѣ успія помѣщиковъ, посредствомъ органовъ прессы, устремились къ тому, чтобы привязать къ себѣ крестьянъ, скорымъ ихъ очиншеваніемъ и перевоспитаніемъ юнаго ихъ поколѣнія. Проектовъ разныхъ множество. Очиншеванія, по ихъ мнѣнію, мало: надо скорѣе сдѣлать крестьянъ собственными, чтобы создать новый классъ братьевъ-согражданъ; между тѣмъ, дѣйствовать на нихъ посредствомъ просвѣщенія ихъ дѣтей. Если вѣрить печатнымъ слухамъ, то уже во многихъ мѣстахъ, названіе которыхъ въ газетахъ умалчивается, завелись, при господскихъ дворахъ, «элементарныя школы» и «школки-пріюты», подъ надзоромъ самихъ помѣщицъ или выписываемыхъ особо для того женщинъ; а въ иныхъ мѣстахъ подобныя же школки устраиваются приходскими ксендзами («Gaz. Warsz.» и «Pol.»). Одинъ изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ вызвался даже основать книжную лавку, на большую ногу, для снабженія этихъ сельскихъ школъ книжками для народнаго чтенія, въ родѣ «Кмѣтка», «Чительни воскресной», «Народнаго календаря» и т. п. Проектируются также особыя читальни или бібліотеки по деревнямъ. Все это не ускользаетъ отъ вниманія учебнаго начальства, по соотношенію съ элементарными или начальными училищами, учрежденіе которыхъ зависитъ, непосредственно, отъ правительства.

Заботливость помѣщиковъ о своихъ официалистахъ («хозяйственныхъ чиновникахъ»), изъ которыхъ предполагаютъ они образовать классъ мелкихъ арендаторовъ и землевладѣльцевъ, какъ о томъ было уже не разъ говорено, выражается въ проектѣ учрежденія для нихъ «общества взаимнаго пособія»; планъ же учрежденія эмеритальной складки счя-

тается у нихъ болѣе затруднительнымъ. Толчекъ всему этому дается отъ земледѣльческихъ обществъ—галиційскаго и познанскаго, изъ коихъ первое, однако, находится въ опалѣ у австрійскаго правительства, такъ что общее собраніе его приостановлено до разрѣшенія вопроса, имѣеть ли оно право содержать своихъ корреспондентовъ по провинціямъ?

Крестьяне все такъ же мало вѣрятъ своимъ панамъ и жалуются правительству, примѣшивая къ жалобамъ допросы.

Командиръ Костромскаго пѣхотнаго полка доноситъ, что крестьяне ближайшихъ къ г. Сѣдльце (Люблинской губерніи) казенныхъ деревень, Голице, Ходова, Стржелы, Житно и Старая-весь, такъ расположены къ квартирующимъ у нихъ нижнимъ чинамъ, что доставляютъ имъ всевозможныя, при своихъ бѣдныхъ средствахъ, удобства, и что радушіе ихъ выразилось въ особенности во время католическихъ праздниковъ Рождества Христова, приглашеніемъ постояльцевъ къ своему праздничному столу.

Кромѣ трехъ, уже открытыхъ, совѣтовъ, предполагается открыть городской совѣтъ въ городѣ Сувалкахъ. Во вниманіе, однако, къ напряженному еще состоянію городского населенія, мѣра открытія совѣтовъ приводится въ исполненіе съ особенною разборчивостью. Не только жители городовъ, но и большая часть чиновниковъ, допускаемыхъ къ участию въ совѣтахъ, высказались, въ смутное время, очень враждебно противъ правительства.

Съ 8-го (20-го) числа началась записка учениковъ въ открываемыя гимназіи и уѣздныя училища, и скоро начнется въ медико-хирургическую академію. Родители довольны и даже оппозиціонная публицистика, но съ оговоркою, что настоящая система ученія никуда не годится. Надежды у нихъ большія на новый училищный уставъ, который долженъ нанести рѣшительный ударъ русскому языку, ибо преподавательнымъ языкомъ, по новому уставу, будетъ польскій, а русскій останется въ училищахъ къ изученію, какъ иностранный.

Съ открытіемъ училищъ соединяется также потребность очистки списка училищныхъ начальниковъ и преподавателей, которые или не умѣли удержать порядокъ въ смутное время, или сами потакали ученикамъ и участвовали въ беспорядкахъ, какъ это замѣчено было въ Люблинѣ и другихъ мѣстахъ.

Борьба поляковъ съ окружающими ихъ народностями—еврейской и нѣмецкой, которая была приведена въ молчаніе терроризмомъ смутнаго времени, ведется довольно открыто съ обѣихъ сторонъ. Евреи чувствуютъ смѣшную сторону брошеннаго имъ названія «поляковъ монсеевой вѣры», вида, что ихъ принимаютъ, во Львовѣ, за осквернителей костеловъ; они вваливаютъ всю вину мнимаго братства на реформистовъ и новомодныя божицы, что на Данеличевской улицѣ и на Наливкахъ.

Теперь, въ ожиданіи равноправности, они, конечно, не очень расположены къ уступкамъ въ пользу польской народности.

Единственный органъ здѣшнихъ нѣмцевъ, «Варшавская Газета» («Warsch. Ztg.»), вступилъ въ полемику съ тѣми изъ заграничныхъ нѣмецкихъ журналовъ, которые сообщаютъ ложныя свѣдѣнія о нашихъ дѣлахъ, исправляя ихъ ошибки. Подъ военнымъ положеніемъ, нѣмцы здѣшніе не побоялись уже выразить сочувствіе свое къ прусскимъ своимъ соотчичамъ въ княжествѣ познанскомъ. Тамъ поляки, послѣ электоральной борьбы, условились уже между собою насчетъ мѣста, какое имъ занять воелѣ прусскихъ партій въ берлинской палатѣ.

Изъ болѣе замѣчательныхъ дѣлъ, по преслѣдованію политическихъ преступленій, въ теченіе прошедшей недѣли, были слѣдующія:

Типографщикъ Мацѣвскій изобличенъ въ томъ, что, во время смуты, отпечаталъ 10 тысячъ экземпляровъ брошюрки, на польскомъ языкѣ, подъ названіемъ «Четыре недѣли поста», исполненной оскорбительныхъ сужденій о монархѣ и правительствѣ, съ цѣлью возмутить простой народъ, при чемъ онъ занимался также печатаніемъ билетовъ съ приглашеніемъ на богослуженіе за отчизну и хранилъ у себя мятежные гимны и пѣсни. По конфирмованному докладу полевого аудиторіата онъ приговоренъ къ каторжной работѣ, въ крѣпостяхъ, на десять лѣтъ. Изъ соучастниковъ его одинъ назначенъ въ военную службу, а двое преданы военному суду особо.

Апликантъ земскаго кредитнаго общества, Завпша, попался два раза въ крѣпость; въ первый разъ за то, что приказывалъ запирать лавки во время манифестаціи, происходившей въ память Люблинской униі, а другой, за намѣреніе бунтовать крестьянъ,—въ чемъ самъ хвализя. Онъ назначенъ къ отдачѣ въ военную службу.

Изъ участниковъ демонстративнаго пѣнія, въ Билгораѣ, 30-го ноября (12-го декабря), главный зачинщикъ посаженъ на три года въ крѣпость, двое на полгода, двое назначены въ военную службу, а трое наказаны заключеніемъ также въ крѣпость на одинъ мѣсяць.

По поводу слѣдствія, произведеннаго таможеннымъ начальствомъ, надъ чиновниками Осѣвской заставы, участвовавшими въ безпорядкахъ смутнаго времени, изъ коихъ одинъ находится подъ арестомъ, а другой бѣжалъ, сдѣлано распоряженіе 8-го (20-го) января, чтобы таможенные начальники не производили сами слѣдствій надъ чиновниками, обвиненными въ политическомъ преступленіи, а сообщали о томъ военнымъ начальникамъ, для надлежащаго распоряженія.

Гражданскій судъ нашелъ, что по дѣлу о сорваніи императорскихъ гербовъ въ Мщоновѣ, происшедшемъ въ смутное время, главный зачинщикъ ушелъ, а соучастники дѣйствовали по невѣжеству—безсознательно. Не менѣе того дѣло обращено на военно-слѣдственную дорогу.

Августовскій гражданскій губернаторъ вознамѣрился дать у себя, въ новый годъ (русскій), музыкальный вечеръ, на который пригласилъ и польскую публику. Утромъ, въ день новаго года, на воротахъ губернскаго правленія очутились плакардъ съ угрозами противъ тѣхъ, кто воспользуется приглашеніемъ, вслѣдствіе чего на вечеръ никто изъ польской публики, даже чиновниковъ, не явился.

Въ Варшавѣ ничего особеннаго не замѣчено. Проступки противъ нарушенія правилъ военнаго положенія держатся почти въ одной и той же цифрѣ. Арестовано въ теченіе недѣли 194 человекъ, въ томъ числѣ 155 за неимѣніе фонарей; изъ числа же остальныхъ 39-ти, взятыхъ за оскорбленіе полиціи и другіе проступки, 11 представлены на рѣшеніе генералъ-губернатору, 26, по разсмотрѣніи вины, освобождены самою комиссіею, и 2 переданы оберъ-полиціимейстеру.

Представленія въ театрѣ продолжаются по-прежнему—тоже безъ участія польской публики. Начать уже второй абонементъ.

Появился опять одинъ номеръ «Стражницы» на новый годъ. Незвѣстный издатель пустилъ ее въ ходъ, какъ бы въ оправданіе, что арестованы и преслѣдуются не настоящіе издатели; за неимѣніемъ же матеріаловъ, наполнилъ ее перепечаткою двухъ статей изъ «Краковскаго Часа».

Варшава служитъ средоточіемъ всевозможныхъ слуховъ, распускаемыхъ, на мѣстѣ, домашними вѣстовщиками, или фабрикуемыхъ за границею польскими публицистами, изъ матеріаловъ, доставляемыхъ имъ здѣшними тайными корреспондентами; эти печатныя вѣсти, возвращаясь назадъ, расходятся съ разными прибаутками и порождаютъ, порой, самыя нелѣпныя толки, которымъ поляки, по своему легкомыслію, охотно предаются.

Теперь толкуютъ, что новый архіепископъ, изъ Петербурга, прикажетъ открыть костелы, а еще вѣроятнѣе, что онъ прикажетъ это изъ Ловича, куда пріѣдетъ черезъ Берлинъ, минуя Варшаву; что вмѣстѣ съ нимъ пріѣдетъ и Велопольскій, котораго одни совсѣмъ исключаютъ изъ службы, а другіе назначаютъ царскимъ комиссаромъ; что въ костелахъ, послѣ ихъ открытія, безъ гнѣва не обойдется; что въ театрѣ публика станетъ ходить для того, чтобы онъ совсѣмъ не упалъ и Варшава не осталась безъ народнаго театра; что здѣсь не умѣютъ судить политическихъ преступленій, для чего и присланы изъ Петербурга особыя судьи (вѣроятно, аудиторы для военно-судныхъ комиссій); что если костелы заперты, то оно хотя и прискорбно, а все-таки хорошо, какъ демонстрація противъ правительства; что Бялобржескаго, на дорогѣ, встрѣчали, какъ мученика, съ большими почестями, что подобнымъ образомъ дѣлаютъ самыя симпатическія встрѣчи осужденнымъ, препровождаемымъ по этапамъ (слухъ, который велѣно, подъ рукою, повѣрить).

19.

Съ 10-го (22-го) по 17-е (29-е) января 1862 года.

Если военное положеніе не совсѣмъ подавило духъ волненій въ краѣ, то оно несомнѣнно успокоило народныя массы и пробудило въ нихъ сознаніе, что правительство сильно и порядокъ водворяется. Признакомъ успокоительнаго состоянія массъ можетъ служить, кромѣ внѣшней тишины, и то, что въ сберегательныхъ кассахъ, въ теченіе трехъ послѣднихъ недѣль, вклады увеличились суммою болѣе 17.000 руб. сер. Но духъ волненій, конечно, не уймется до тѣхъ поръ, пока не будетъ истреблено гнѣздо агитаторовъ, скрывающихся въ среднемъ слоѣ общества, между молодежью, которая предалась праздности и бреднямъ эмиграціонной пропаганды. На-дняхъ, напримѣръ, въ Петроковѣ, во время вѣнчаія одной четы изъ порядочнаго круга, въ костелѣ молодые люди, канцеляристы мѣстнаго суда, перепачкали нарядныя платья невѣсты и дамъ, а послѣ того сдѣлали отцу невѣсты кошачій концертъ. Въ другомъ мѣстѣ, въ Красноставѣ, неизвѣстно кѣмъ, наканунѣ и въ самый день Богоявленія, прилѣплены на углахъ улицъ и подброшены въ квартирѣ частнаго военнаго начальника пасквили противъ него самого и солдатъ, которые по его приказанію сняли революціонныя украшенія и надписи со крестовъ, поставленныхъ за городомъ въ смутное время. Въ самой Варшавѣ брошены въ почтовый ящикъ и доставлены по адресу конверты со вложеніемъ «Стражницы». Натурально, что виновниковъ подобныхъ продѣлокъ, производимыхъ изъ-за угла, открыть довольно трудно.

По случаю присланной изъ г. Красностава по почтѣ къ люблинскому гражданскому губернатору безъимянной, въ высшей степени дерзкой, жалобы на безбожные будто бы поступки нижнихъ чиновъ расположеннаго въ Красноставѣ Харьковскаго уланскаго его королевскаго высочества принца Фридриха прусскаго полка, при снятіи, въ окрестностяхъ города, сказанныхъ революціонныхъ эмблемъ и возмутительныхъ надписей со крестовъ, приказано было провзвести на мѣстѣ разслѣдованіе, по которому оказалось, что послѣ снятія сказанныхъ эмблемъ съ деревянныхъ крестовъ не обнаружено никакихъ поврежденій на крестахъ и не видно никакихъ слѣдовъ спѣшнаго снѣманія, а самыя эмблемы привезены были солдатами со всѣмъ благочиненіемъ въ городъ и сложены въ цейхгаузѣ мѣстной жандармской команды. При этомъ разслѣдованіи обнаружено, что когда солдаты отправлены были 4-го января въ 6 часовъ утра, для снятія съ крестовъ революціонныхъ украшеній, семь красноставскихъ жителей, выѣхавъ за городъ на лошадяхъ, ожидали возвращенія ихъ, а замѣтивъ обратно ѣхавшихъ солдатъ, тотчасъ

же дали знать въ городъ, почему передъ заѣзднымъ домомъ Ределя собралась небольшая толпа и, когда солдаты ѣхали, то они ругали ихъ. Изъ бывшихъ въ той толпѣ приказано: Бугачковскаго, Ольшанскаго и Консфельда, бывшихъ, какъ получены подъ рукою свѣдѣнія, главною причиною всѣхъ безпокойствъ въ городѣ и занимавшихся писаніемъ пасквилей, а также и содержателя заѣднаго дома Ределя арестовать для разслѣдованія этого дѣла. Такъ какъ главою всѣхъ волненій въ Красноставѣ былъ мѣстный ксендзъ Боярскій, у котораго собирались зачинщики безпорядковъ и, по всему вѣроятію, онъ же писалъ и безимянное письмо, то ксендзъ этотъ, для немедленнаго успокоенія Красностава, отправленъ на жительство въ Оренбургскую губернію, подъ строжайшій надзоръ полиціи.

По случаю предстоящаго открытія учебныхъ заведеній въ царствѣ, предписано военнымъ начальникамъ, чтобы какъ при открытіи училищъ, такъ и при введеніи преподаванія не было допускаемо никакихъ безпорядковъ, къ которымъ училищная молодежь была приучена во время бывшихъ смуть, и чтобы для лучшаго достиженія цѣли, въ случаѣ какого-либо безпорядка со стороны учениковъ, не придавая дѣлу особой важности, не производить формальныхъ слѣдствій, а по дознаніи истины требовать немедленнаго исключенія виновныхъ изъ училища. Если же окажутся виновными учителя, то о нихъ доносить, а въ случаѣ надобности устранить и отъ должностей, впредь до рѣшенія начальства.

Закрытіе костеловъ въ Варшавѣ принимаетъ видъ почти нормальнаго положенія,—такъ публика, можно сказать, къ нему равнодушна. Впрочемъ, мѣстная публицистика старается ознакомить ее съ личностью новаго архіепископа и даетъ чувствовать, что на него, въ отношеніи народнаго дѣла, можно положиться. Такъ отзываются и заграничныя органы польской прессы, только съ натискомъ, чтобы онъ не разлучалъ дѣла церкви съ мнимымъ дѣломъ народа. Съ неимовѣрною дѣятельностію стараются они поддержать то и другое въ виду ударовъ, наносимыхъ имъ не только итальянскими и французскими публицистами, но и самими поляками въ Римѣ. Они не могутъ простить, что сами поляки и нѣкоторые изъ кардиналовъ внушаютъ папѣ недовѣріе къ польскому дѣлу, завѣряя въ томъ: а) что духовенство остается и дѣйствуетъ подъ натискомъ революціоннаго терроризма и б) что поляки сдѣлали себѣ изъ церкви политическое орудіе, которое рано или поздно сами распотчутъ. Время покажетъ, на чьей сторонѣ правда.

Подъ натискомъ ли извнѣ, или *propter motu* дѣйствовало здѣсь духовенство, все равно, только первую роль въ разыгранной драмѣ взяли на себя ксендзы.

Въ новый годъ вся Тарновская семинарія приходила поздравлять своего епископа Пукальскаго и сказала, между прочимъ, что ни цер-

ковъ, ни духовенство не могутъ ничего ожидать отъ архикатолической Польши, гдѣ ультранародное движеніе приняло богослуженіе за предлогъ, а духовенство за орудіе, которое потомъ оттолкнетъ съ презрѣніемъ,—значить то, что вышѣ сказано, отъ имени римскихъ поляковъ («Dzien. Pozn.»).

Въ львовской газетѣ помѣщенъ адресъ къ архіепископу Вержалейскому, по поводу даннаго ему кошачьяго концерта, съ изъявленіемъ сожалѣнія и негодованія. Подписавшіе надѣются, что испытанныя оскорбленія не совратятъ его съ пути долга и что они готовы раздѣлять съ нимъ эти скорби, уподобляемая страданіямъ Христа Спасителя.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ еще былъ арестованъ (о чемъ было сказано въ прежнихъ обзорахъ) ксендзъ Голяндышкевичъ за то, что заперъ костелъ въ м. Ратовѣ (Плоцкой губ.), оскверненный будто бы войскомъ. Нынѣ онъ сдѣлалъ представленіе администратору плоцкой епархіи о томъ, чтобы костелъ отпереть. Администраторъ, не находя, чтобы костелъ былъ оскверненъ со стороны войска, велѣлъ отпереть оный, вслѣдствіе чего ксендзъ Голяндышкевичъ освобожденъ изъ-подъ ареста.

Въ государственнѣйшій совѣтъ внесены проекты закона: одинъ—о новыхъ правилахъ Execuціи податей, а другой, нетерпѣливо ожидаемый,—объ очиншеваніи крестьянъ. Первый изъ нихъ имѣетъ связь съ вопросомъ, въ какой степени военное начальство должно содѣйствовать ко взысканію податей. Внесеніе же проекта очиншеванія озадачить, конечно, краковскую публицистику, которая хотѣла увѣрить публику, что проектъ заброшенъ и правительство не скоро вынетъ его изъ длиннаго ящика.

Въ ожиданіи очиншеванія крестьянъ, помѣщики сулятъ имъ всевозможныя блага и въ особенности просвѣщеніе, которымъ, судя по безчисленнымъ журнальнымъ статьямъ и проектамъ о народныхъ школахъ, правительство будто бы совсѣмъ не занимается. Въмѣсто проекта Гольца, члена бывшаго Агрономическаго общества, заводить по деревнямъ библиотеки для простаго народа, предлагается («Gaz. Warsz.») завладѣть балаганскими лавками, торгующими на ярмаркахъ и отпустахъ книжонками Ченстоховской типографіи, и снабдить ихъ (деревенскіи библиотеки) книжками соотвѣтственнаго содержанія, чтѣ и поручить надзору духовенства и помѣщиковъ. Предполагается, на примѣръ, пустить въ ходъ по самой дешевой цѣнѣ «Исторію Польши» съ виньетками,—тема, на которую здѣсь вольно писать всякому, сколько угодно. Въ Познани, напротивъ, жалуются («Gaz. Pol.»), что польскую исторію запрещено учить не только въ казенныхъ, но и въ частныхъ школахъ, что ученикамъ запрещается даже ходить на публичныя чтенія ксендза Козмяна о польской исторіи.

Крестьяне д. Коткова (Ленчицкаго уѣзда) по поводу жалобы, по-

данной однимъ 60-ти-лѣтнимъ старикомъ на управляющаго за нанесенные ему побои, обвинили управляющаго въ томъ, что онъ ихъ бунтуетъ, подговаривая возстать за вѣру, оскорбленную въ варшавскихъ костелахъ, съ обѣщаніемъ дать оружіе. Подобные доносы, безпрестанно повторяющіеся и въ разныхъ мѣстахъ, служатъ, конечно, выраженіемъ общаго недоброжелательства крестьянъ къ помѣщикамъ не только здѣсь, но и въ другихъ частяхъ старой Польши. На-дняхъ, напримѣръ, въ Краковскомъ уголовномъ судѣ разсматривали дѣло одного крестьянина, изъ д. Кржижановицъ (Бохинскаго уѣзда), обвиненнаго въ томъ, что онъ распускалъ слухи о новой рѣзнѣ 1846 года, говорил, что ксендзъ бунтовщикъ, что онъ держитъ за-одно съ шляхтою, что надо всѣхъ пановъ вырѣзать. Судъ обвиненнаго оправдалъ («Czas» 26 Styczn.).

Справочные дома польскихъ землевладѣльцевъ, если и не отличаются большими оборотами, за то говорить о себѣ много печатно. Изъ отчета Грубешовскаго дома видно, что весь оборотъ его принесъ 5.400 рублей дохода, и что онъ, между прочимъ, старался завести свои агентуры въ Луцкѣ и Ковнѣ, но по какимъ-то причинамъ въ томъ не успѣлъ.

Открытіе городскихъ совѣтовъ все еще ограничивается Лодзью и Згержемъ. Учрежденіе совѣта въ г. Лодзѣ принимается тамошними жителями, принадлежащими, должно замѣтить, преимущественно къ племени германскому, съ особеннымъ участіемъ, въ ожиданіи тѣхъ благъ, какія можетъ имъ принести столь важное установленіе. Эти надежды выражаются очень внятно въ органѣ здѣшней нѣмецкой газеты («Warsch. Ztg»).

Тотъ же органъ нѣмцевъ жалуется на какую-то непомятую антипатію противъ мануфактурныхъ издѣлій Лодзи, заставляющую предпочитать имъ издѣлія иностранныя, какъ будто въ Лодзѣ не такіе работаютъ механики, фабриканты и ткачи, какъ за границею,—антипатія очень понятная съ польской точки зрѣнія, но не извинительная, если сообразить, что фабричная промышленность развитіемъ своимъ здѣсь одолжена не полякамъ, а нѣмцамъ. Евреи въ г. Лодзи оканчиваютъ уже постройку своей синагоги, которая будетъ стоить имъ до 60.000 рублей серебромъ.

Правда и то, что нѣмцы даютъ сильно чувствовать полякамъ свое превосходство въ Познанской провинціи, имѣя за собой правительство. Поляки жалуются, что имъ не хотятъ дать 4-й необходимой католической гимназіи, что не хотятъ утвердить уставъ общества вспоможенія частныхъ официалистовъ, списанный дословно съ силезскаго; что ксендзовъ исключаютъ изъ училищнаго надзора, какъ это случилось въ Тумскомъ приходѣ (Бромбергскаго уѣз.); что языкъ польскій совершенно вытѣсняють изъ администраціи помимо королевскаго постановленія 1832 года, предписывавшаго приобщать къ нѣмецкимъ бумагамъ поль-

скій переводъ; что даже прижимають польскихъ фабрикантовъ при вышншемъ приѣмѣ издѣлій на Лондонскую выставку и возвратили одному портному представленную имъ чамарку и т. п. Не менѣе прискорбно полякамъ, что въ 9-ти постоянныхъ комиссіяхъ берлинской палаты, изъ которыхъ въ каждой отъ 14 до 21 члена, не выбрано ни одного поляка кромѣ Цѣшковаго.

За то поляки, въ свою очередь, даютъ себя чувствовать слабѣйшимъ и считая «священной обязанностью» поддерживать свою народность въ такой маленькой землицѣ, какъ Тѣшинская Силезія, даютъ русинновъ въ Галиціи самымъ злобнымъ образомъ, стараясь нунушить папскому нунцію, что русинская народность—это «шизма, москвитизмъ» [«Слово», 13-го (25-го) января]. Но русины идутъ своей дорогой. Недавно [9-го (21-го) января] послѣдовало въ Львовѣ открытіе «Русской бесѣды» съ произнесеніемъ рѣчей русскими патриотами, вслѣдъ затѣмъ объявленъ «русскій балъ».

Вопросы народностей, расшевелившіе въ высшей степени всѣхъ современныхъ публицистовъ, возбуждаютъ полемику хотя и въ скромной формѣ между органами здѣшной и московской прессы. Одинъ изъ большихъ журналовъ («Gaz. Pol.») не согласенъ съ воззрѣніями «Дня» на славянину, пля, лучше сказать, на то мѣсто, какое Россія должна занять, развиваясь изъ своихъ народныхъ, а не иноземныхъ началъ. Польскій публицистъ не высказался, вѣроятно, по цензурнымъ уваженіямъ, или затѣмъ, чтобъ не вдаваться въ споръ на шаткой для него историческо-народной почвѣ.

Новый брестъ папы отъ 6-го января, коимъ учреждается въ конгрегациі de propaganda fide особое отдѣленіе «по дѣламъ восточнаго обряда», при общей своей важности, долженъ быть знаменателенъ для нашихъ люблинскихъ, тѣмъ болѣе галиційскихъ русинновъ, которые такъ усердно хлопочуть о восстановленіи у себя чистоты греко-восточныхъ обрядовъ церкви.

Положеніе евреевъ продолжаетъ высказываться въ ихъ органѣ реформистовъ. Въ надеждѣ скоро достигнуть равноправности въ отношеніи гражданскомъ, они переносятъ вопросъ свой на религіозную почву и смѣло просятъ поляковъ не трогать ихъ вѣрованій, оставляя каждому на волю славить Бога по своему обряду и убѣжденію.

Изъ военно-слѣдственныхъ дѣлъ можно извлечь нѣкоторые факты, относящіеся къ эпохѣ безпорядковъ, или объясняющіе состояніе умовъ въ разныхъ сословіяхъ населенія.

Въ г. Райгородѣ, во время смутъ, тамошній почтъ-экспедиторъ одѣвалъ на свой счетъ въ трауръ дѣвицъ, которыя научились пѣть: «*Boże, coś Polskę*», а тамошній кассиръ пѣлъ вмѣстѣ съ ними, раздавалъ

пѣсню мѣщанамъ и самъ справилъ демонстративную хоругвь для пошеи въ процессіи.

Въ г. Прошовицахъ, когда происходили беспорядки (24-го октября, о чемъ было уже прежде упоминаемо), главными дѣятелями были судебные чиновники. Свидѣтелемъ явился одинъ мѣщанинъ, показанія котораго подкрѣпили только родственники его; всѣ прочіе, по совѣту бургомистра, заперлись въ невѣдѣніи.

Отставной унтеръ-офицеръ Шварцъ, обвиненный въ подстрекательствѣ крестьянъ противъ помѣщиковъ и отправленный закованнымъ въ Ленчицкую тюрьму (о чемъ было прежде упомянуто), оказалъся правъ.

Обвиненія введены на него изъ мщенія за преданность правительству; заковалъ же его произвольно канцеляристъ гомбинскаго магистрата. По этому случаю, дѣло передано главному директору юстиціи, для обревизованія дѣйствій судовъ и наказанія виновныхъ.

По дѣлу о беспорядкахъ, происходившихъ въ г. Колѣ 3-го (15-го) октября, главный зачинщикъ кондитеръ Витте приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на три мѣсяца, двое назначены въ военную службу, остальные же подвержены болѣе или менѣе продолжительному аресту.

Въ Варшавѣ, по нарушеніи правилъ военнаго положенія, арестовано на прошлой недѣлѣ 269 человекъ, въ томъ числѣ 138—за неимѣніе фонарей, а 131—за неповиновеніе полиціи и ношеніе вновь проявившихся запрещенныхъ шапокъ. Изъ второй категоріи 10—представлены на усмотрѣніе генераль-губернатору, 3—переданы оберъ-полиціймейстеру, а 117—по выдержаніи нѣкоторое время подъ арестомъ, освобождены самой комиссіей. Арестуемые ночью за неимѣніе фонарей, какъ извѣстно, отпускаются утромъ съ соответственнымъ внушеніемъ.

Представленія въ театрѣ продолжаютъ по-прежнему, и по окончаніи втораго абонементна, для удобства публики, происходитъ будутъ по двумъ параллельнымъ абонементамъ.

Польская публика выдерживаетъ свою демонстрацію, въ надеждѣ, кажется, что вскорѣ, съ открытіемъ костеловъ, не будетъ въ ней больше надобности.

Слухи и толки носятъ различныя. Источникъ ихъ одинъ и тотъ же — галиційско-познанская публицистика и эмиграція съ мѣстными прибавками. Жалуются на затрудненія, встрѣчаемыя здѣшними корреспондентами въ доставленіи свѣдѣній, которыя оттого сильно опаздываютъ. Толкуютъ, что новый архіепископъ выхлопоталъ уже какія-то условія въ пользу открытія костеловъ; что онъ хорошій полякъ, но вмѣстѣ дипломатъ. Поставленіе его въ Петербургъ рѣшительно не правится, отчего будто бы епископъ и каноники, отправившіеся туда, воротились назадъ. Рассказываютъ, будто бы изъ Познани приѣзжали сюда

тайкомъ два ксендза для производства слѣдствія насчетъ закрытія костеловъ, по приказанію гвѣзненскаго архіепископа, который, несмотря на раздѣлъ Польши, все-таки считаетъ себя примасомъ польскимъ. Жалуются на разладъ, господствующій въ эмиграціи, и увѣряютъ, что Гарибальди пріѣзжалъ сюда и, увидѣвши, что ничего не готово, уѣхалъ сердитый. Впрочемъ, Куржина печатно запротестовалъ, изъ Парижа, что онъ не распоряжался праздникомъ Ноябрьской годовщины и что голосъ эмигрантовъ «Z Paryża i Genji» совсѣмъ не его органъ.

20.

Съ 17-го (29-го) января по 24-е января (5-е февраля) 1862 г.

Состояніе края по наружности удовлетворительно, спокойствіе продолжается; уличныхъ беспорядковъ не слышно, гражданскія власти отправляютъ свои дѣйствія, но точка опоры правительства все еще заключается въ военной силѣ, которая удерживаетъ броженіе умовъ въ предѣлахъ тишины, не давая имъ обольщаться успѣхомъ въ какихъ-либо новыхъ затѣяхъ революціонной пропаганды.

Всѣ виды и ожиданія поляковъ, въ настоящій моментъ, устремлены къ особѣ новаго архіепископа, Фелинскаго, о посвященіи котораго и выѣздѣ изъ Петербурга узнали въ Варшавѣ изъ телеграммы, напечатанной въ газетахъ 20-го числа (1-го февраля). Откроетъ ли онъ костелы тотчасъ по своемъ пріѣздѣ, или спустя нѣкоторое время, отзовется ли къ своей паствѣ посланіемъ и въ какомъ духѣ, Вержалейскаго или Прилускаго,—все это вопросы, которые сильно занимаютъ публику и теряются въ безконечныхъ, отчасти тревожныхъ толкахъ. Чтобы вывести заграничныхъ публицистовъ изъ заблужденій на счетъ приговора по дѣлу Бялобржескаго, напечатана въ официальномъ дневникѣ засвидѣтельствованная регентомъ консисторіи копія съ подлиннаго сознанія прелата въ военномъ судѣ, изъ которой видно, что не только онъ считалъ пѣніе гимновъ оскверненіемъ костеловъ, но и самъ Фіалковскій употреблялъ усилія къ тому, чтобы прекратить подобныя демонстраціи, что съ этою именно цѣлью онъ заперъ костелы и что, наконецъ, по объявленіи ему приговора, умолялъ судей смягчить строгость наказанія, общая за нихъ вѣчно Бога молить. Эти два пункта въ особенности старались заподозрить краковскіе публицисты.

Красноставскій случай пасквилей (упомянутый въ обзорѣ минувшей недѣли) остался не безъ послѣдствій. Волненія, давно замѣчаемыя въ городѣ, производимы были четырьмя человѣками, тамошними жителями, которые занимались сочиненіемъ пасквилей и возбужденіемъ беспорядковъ подъ главнымъ руководствомъ ксендза Боярскаго. Этотъ ксендзъ

прославилъ себя въ смутное время необыкновенною дѣятельностію во всѣхъ красноставскихъ манифестаціяхъ, особенно же возмутительными рѣчами и сильнымъ участіемъ въ манифестаціи, происходившей въ городѣ (28-го сентября). Вслѣдъ за появленіемъ пасквилей, прислано было люблинскому гражданскому губернатору безымянное письмо, очень складно написанное, въ которомъ подписавшіеся «поляки», выставивъ въ самыхъ дерзкихъ выраженіяхъ безбожные будто бы поступки нижнихъ чиновъ Харьковскаго уланскаго полка, рубившихъ самые кресты, для скорѣйшаго снятія съ нихъ эмблематическихъ надписей и украшеній, и употребившихъ къ тому полковаго кузнеца-жида, — требовали, чтобы губернаторъ вступался и прекратилъ подобныя оскверненія святыни. Губернаторъ послалъ копію письма военному начальнику, а подлинное препроводилъ къ главному директору духовныхъ дѣлъ, давая чувствовать, что все это похоже на правду и произошло безъ вѣдома высшаго начальства. Военный начальникъ велѣлъ тотчасъ произвести слѣдствіе. Оказалось, что на крестѣ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ поврежденія отъ снятія украшеній, которыя состояли изъ терноваго вѣнка, съ сердцемъ внутри и съ надписью «за погибавшихъ поляковъ» и служили въ эпоху общихъ смутъ заявленіемъ ненависти къ правительству. Сочинители пасквилей преданы военному суду, а главный соучастникъ въ распространеніи оныхъ, виновникъ волненій, происходившихъ въ Красноставѣ, имѣющій связи съ заграничными агитаторами, какъ видно даже изъ угрозъ, помѣщенныхъ въ пасквиляхъ на счетъ оглашенія всего дѣла за границу, и, конечно, авторъ безымяннаго письма, ксендзъ Боярскій, высланъ на жительство въ Оренбургскую губернію.

Арестованный въ ноябрѣ мѣсяцѣ (о чемъ упомянуто въ одномъ изъ прежнихъ обзоровъ) въ г. Ласкѣ (Серадз. уѣз.) ксендзъ Дембицкій, за то, что отправилъ недозволенную процессію [5-го (17-го) ноября], допустилъ демонстративное пѣніе въ костелѣ и сказалъ двусмысленную проповѣдь, посаженъ на одинъ мѣсяцъ въ крѣпость.

Содержащійся въ цитадели ксендзъ д. Ратова (Плоц. губер.) Голяндышкевичъ, который заперъ костелъ, по случаю входа въ оный мѣстнаго начальника части войскъ и требованія, чтобы не было совершаемо панихиды по архіепископѣ Фіалковскомъ (о чемъ было въ свое время упомянуто), подалъ просьбу администратору епархіи, чтобы отпереть костелъ. Администраторъ исполнилъ просьбу ксендза, вслѣдствіе чего ксендза велѣно освободить.

Судившійся въ г. Сѣдльцахъ ксендзъ Луковскаго Піарскаго костела Бронеско за пропознесенныя имъ возмутительныя проповѣди (какъ о томъ было въ одномъ обзорѣ упомянуто), приговоренъ къ заключенію въ крѣпость Замосць на одинъ годъ.

Органистъ костела въ г. Варкѣ (Варшав. уѣз.) подалъ доносъ на

*

тамошняго приходскаго ксендза Гродзицкаго, что ксендзъ хранитъ у себя эмблематическій крестъ, находившійся въ костелѣ, также деньги и вещи, пожертвованныя на дѣло отчизны, не допускаетъ снимать съ кладбищеннаго креста извѣстный терновый вѣнокъ съ надписью, помямо приказанія мѣстнаго военнаго начальника, и вообще внушаетъ другимъ свою неприязнь къ правительству. О производствѣ слѣдствія сдѣлано распоряженіе.

Изъ слѣдственныхъ дѣлъ видно, между прочимъ, что ксендзъ г. Бялы Хоецкій получилъ отъ консисторіи своей выговоръ за то, что приводилъ къ присягѣ свидѣтелей, по требованію военно-слѣдственной комиссіи. Другой ксендзъ г. Ежова (Рав. уѣзд.) Стаховичъ не считаетъ себя нисколько виновнымъ въ томъ, что дѣлалъ встрѣчу въ Скерневицахъ крестьянамъ, которыхъ ксендзы же, съ помѣщиками, возили на манифестацію въ Варшаву, происходившую по случаю похоронъ архіепископа Фіалковскаго (о чемъ упомянуто въ одномъ обзорѣ).

Къ разъясненію общаго настроенія духовенства противъ законнаго порядка можетъ служить циркуляръ одной Вѣнской газеты («Die Presse». 30 Jan. № 29); циркуляръ адресованъ ко всѣмъ ксендзамъ въ Галиціи съ тѣмъ, чтобы они, какъ ревностные поборники польской агитаціи, взялись усердно за народныя школы, для перевоспитанія крестьянъ. По закону солидарности, что дѣлается въ одномъ мѣстѣ старой Польши, то обязательно и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, о чемъ уже было неоднократно упоминаемо. Оттуда и здѣсь тѣ же стремленія ксендзовъ и помѣщиковъ къ овладѣнію народнымъ воспитаніемъ. О проектѣ завести книжную торговлю по балаганамъ, на ярмаркахъ и отпустахъ подъ надзоромъ ксендзовъ сказано въ предъидущемъ обзорѣ. Помощницами ксендзовъ проявляются женщины. На одной минувшей недѣлѣ объявлено къ свѣдѣнію публики, что здѣсь въ д. Дзбаницѣ (Пулт. уѣз.) одна барышня трудится воспитаніемъ сельскихъ дѣтей, а тамъ, въ дер. Ловкахъ (Петроковскаго уѣзда), занимаются этимъ двѣ барышни, дочери помѣщика—очень похвально, если все это будетъ подчинено контролю училищнаго начальства.

Въ училищахъ между тѣмъ учебный курсъ открылся. Оказалось съ перваго приѣма нужнымъ очистить списки учителей, компрометтировавшихъ себя во время смутъ, для чего однихъ перемѣстить изъ училища въ училище, а другихъ вовсе уволить. Къ послѣдней категоріи принадлежитъ между прочимъ ксендзъ Жулинскій, законоучитель въ Варшавскомъ уѣздномъ реальномъ училищѣ. Нѣкоторые изъ учениковъ и даже учителей оказались въ бѣгахъ за границу, а начальницы женскихъ училищъ, какъ напр. въ Сувалкахъ, въ подозрѣніи и подъ надзоромъ полиціи.

По поводу замѣченныхъ усилій къ распространенію между народомъ

чтенія польской исторіи, сказано въ предъидущемъ обзорѣ, что въ Познанской провинціи преподаваніе польской исторіи вовсе запрещено. Къ этому можно прибавить, что въ Краковскомъ университетѣ отечественная исторія преподается на нѣмецкомъ языкѣ, подобно тому, какъ было у насъ здѣсь на русскомъ языкѣ.

По новому проекту училищнаго устава предполагается присоединить отечественную исторію ко всеобщей и преподавать ихъ вмѣстѣ на польскомъ языкѣ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи новыхъ учреждений, открытъ въ г. Сѣдльцахъ [14-го (26-го) января] третій по порядку городской совѣтъ. Члены, по повѣркѣ выборовъ и исполненіи присяги, открыли свои засѣданія.

Городское населеніе, въ особенности такъ называемые «челядники» или мастеровые, которые вмѣстѣ проявили необыкновенную дѣятельность во всѣхъ беспорядкахъ смутной эпохи, составляетъ предметъ заботливости польскихъ публицистовъ, наравнѣ съ крестьянскимъ дѣломъ.

На «челяди» городской и официалистахъ деревенскихъ, по сознанію одного изъ здѣшнихъ большихъ журналовъ («Gazet. Polz.»), опирается «моральное благо края», то-есть боевая сила агитаціи, для нихъ вызывается общее участіе, чтобы завести особыя корпорации или общества взаимнаго вспоможенія, въ подражаніе Познанскому обществу экономовъ или Галиційскому официалистовъ. По закону солидарности, Галиційское агрономическое общество старается основать у себя наши справочные дома, которые въ свою очередь суть «филіи» Познанскаго Темюса («Dzienn. Polz.»),—такъ обширна и затѣйлива сѣтъ обществъ взаимнаго вспоможенія.

Примѣры безпокойной дѣятельности городской челяди и низшихъ чиновниковъ можно найти далѣе въ нѣкоторыхъ слѣдственныхъ дѣлахъ.

Помѣщикъ Варшавскаго уѣзда О. Гурскій за то, что привелъ на похороны архіепископа Фіалковскаго своихъ крестьянъ, съ цѣлью придать похоронамъ видъ политической манифестаціи, и принялъ дѣятельное участіе въ еврейской демонстраціи, посаженъ на три мѣсяца въ крѣпость.

У войта гминнаго въ д. Дзярдоницѣ (Влоцлавск. уѣзда) найдены спрятанныя въ амбарѣ запрещенныя газеты и стихи, а у управителя тамъ же литографированныя протоколы бывшей временной Варшавской делегаціи. Обоихъ велѣно арестовать.

Крестьянинъ д. Слабашева (Ковнинскаго уѣзда) отъ имени всѣхъ жителей принесъ жалобу на тамошняго войта, съ обвиненіемъ, что онъ, уже и прежде сидѣвшій въ тюрьмѣ за разныя преступленія, во время смуты, поджигалъ крестьянъ противъ правительства и собиралъ съ нихъ деньги на хоругвь. Велѣно изслѣдовать жалобу и обвиняемаго, въ случаѣ нужды, арестовать.

При снятіи допросовъ по жалобѣ арендатора д. Глинна (Плоцкаго уѣзда) на дерзости жены крестьянина Казимирскаго, одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что Казимирскій отзывался о какой-то революціи и рѣзвѣ помѣщиковъ. Казимирскій переданъ въ военно-слѣдственную комиссію.

Въ ожиданіи закона очиншеванія, помѣщики стараются, какъ выше замѣчено, въ союзѣ съ ксендзами, заглушить въ крестьянахъ закоренѣлую ненависть къ господскому двору, и если не на дѣлѣ, то хоть на словахъ заявить готовность свою къ жертвованіямъ въ пользу просвѣщенія народа. Но крестьяне не вѣрятъ имъ, ибо знаютъ исторію своей судьбы. Крестьянинъ, по сознанію публицистовъ («Dzienn. Pols.») приходитъ теперь къ своему пану не съ требованіемъ, а съ жалобою на опоздалое исполненіе того, что ему слѣдуетъ, съ недовѣріемъ къ тѣмъ, кому справедливо приписываетъ вину этого опозданія.

Запретивъ Львовскому агрономическому обществу собраться на годичный актъ, австрійское правительство запретило и Восточно-Венгерскому агрономическому обществу сѣзжаться на годичное собраніе, отбываемое всегда 21-го января нов. ст. Судя по этому, едва-ли оно согласится на учрежденіе «справочнаго дома земледѣльцевъ» во Львовѣ, съ телеграфною канцелярією для сношенія съ нашими и заграничными агентствами.

Русины Мункачской епархіи, въ Венгріи, подали адресъ императору, которымъ просятъ признать ихъ народность, какъ прочихъ иноплеменниковъ Венгріи. Императоръ далъ знать, что желанія ихъ въ свое время будутъ удовлетворены. Это взорвало защитниковъ мадьярской конституціи: они клеймятъ русиновъ пятномъ бунтовщиковъ, желающихъ броситься въ объятія Россіи или Галиціи. Поляки въ свою очередь преслѣдуютъ русиновъ въ Галиціи за народность и подозрѣваютъ ихъ также въ наклонности къ Россіи и шизмѣ. Такимъ образомъ, говорятъ венгерскіе русины, мы ведемъ точно такую борьбу съ мадьяризною, какую сродники наши въ Галиціи съ поляками и польскимъ духомъ.

Ксендзъ Томицкій изъ Конояда, въ Познанской провинціи (о чемъ было упомянуто въ одномъ обзорѣ) приговоренъ къ тюрьмѣ на три мѣсяца, за проповѣдь, сказанную имъ (12-го сентября) въ память освобожденія Вѣны на основаніи 101 ст. Прус. угол. улож. «за изложеніе фактовъ и переименованіе исторіи». Прокуроръ обличалъ ксендза въ томъ, что не поляки защитили нѣмцевъ, а напротивъ нѣмцы, сражаясь мужественно съ турками, заслонили и спасли поляковъ, бѣжавшихъ съ поля битвы («Dzienn. Pols.»). Это побудило одного поляка въ Вѣнѣ запротестовать противъ нѣмецкаго прокурора, на основаніи одной старинной брошюры.

Евреи, въ ожиданіи равноправности, обезпечиваемой новымъ про-

ектомъ ихъ устройства, очень довольны указомъ, по которому одно-вѣрцы ихъ въ имперіи, имѣющіе ученые степени, могутъ вступать въ государственную службу. Братство съ поляками все кажется имъ сомнительнѣе, въ виду того, что дѣлается теперь въ Галиціи, гдѣ жалуются, что они присутствіемъ своимъ оскверняютъ костелъ, или здѣсь, гдѣ къ вѣщшему оскверненію креста, какъ выше замѣчено, призванъ былъ кузнецъ-жидъ. Однако жъ тѣ же жиды, въ смутное время, подарили полякамъ крестъ.

Изъ слѣдственно-судныхъ дѣлъ можно почерпнуть нѣкоторые замѣчательные факты.

На Владиславской таможенной заставѣ задержанъ при переходѣ изъ-за границы мѣщанинъ д. Сапезишекъ (Маріампольскаго уѣзда) Эймайгисъ, съ переносомъ 1000 штукъ медалекъ съ изображеніемъ на нихъ возмутительныхъ знаковъ и надписей.

Красноставскій, сужденный за разорваніе на базарѣ во время отпуска въ костелъ св. креста на Лысой горѣ 2-го (14-го) сентября, портрета государя императора, не изболчевъ въ этомъ преступленіи, но какъ, по убѣжденію мѣстныхъ властей, онъ былъ однимъ изъ главныхъ предводителей всѣхъ безпорядковъ въ тамошней околицѣ, то и назначенъ къ отдачѣ въ военную службу.

Канцеляристъ Плоцкаго исправительнаго суда А. Вольскій за то, что принималъ участіе въ безпорядкахъ, происходившихъ въ Плоцкѣ, и пѣніемъ гимна перервалъ молебствіе въ день тезоименитства государыни императрицы, при чемъ въ объясненіяхъ своихъ дерзко отзывался о правительствѣ, обращенъ въ военную службу.

Изъ официальныхъ донесеній видно:

Что въ г. Мѣховъ (Радом. губ.) пріѣзжаетъ изъ Кракова Козакевичъ, ученикъ тамошней художественной школы, который во время безпорядковъ занимался рисовкою эмблематическихъ гербовъ, а аппликантъ уѣзднаго правленія имѣетъ безпрестанныя совѣщанія съ помѣщиками и арендаторами.

Что на пути слѣдованія преступниковъ, отданныхъ въ военную службу, собираются для нихъ складки и ко встрѣчѣ ихъ дѣлаются тайныя приготовленія.

Что «Стражница» присылается изъ Варшавы въ Августовскую губернію, къ особамъ извѣстнымъ по патріотизму, для распространенія между жителями.

Что чиновники не только не соблюдаютъ формы въ одеждѣ, но даже съ поздравленіемъ въ новый годъ къ начальнику являюся въ чаркахъ, какъ это случилось въ Сандомирѣ.

Въ Варшавѣ по нарушенію правилъ военнаго положенія, въ теченіе минувшей недѣли, арестовано 338 человекъ, въ томъ числѣ 194—за

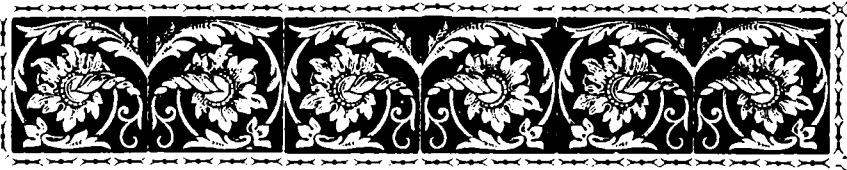
неимѣніе фонарей, а 144 за неповиновеніе полиціи и ношеніе запрещенной одежды. Изъ числа сихъ послѣднихъ 13 представлены на усмотрѣніе генераль-губернатору, а 126 по наказаніи кратковременнымъ арестомъ и съ внушеніемъ уволены. Задержанные за неимѣніе фонарей отпускаются обыкновенно въ слѣдующій день утромъ.

Кромѣ того произведено нѣсколько арестацій по военно-слѣдственнымъ дѣламъ.

Представленія въ театрѣ продолжаютъ своимъ порядкомъ, при томъ же отчужденіи польской публики.

Слухи и толки обращаются около той же оси возрожденія Польши, движимой клерикалами и эмигрантами. Говорятъ, что Фелияскаго на дорогѣ забрасываютъ анонимными письмами; что ему готовы справить кошачій концертъ, что полиція къ тому поджигаетъ, что онъ долженъ потребовать освобожденія арестантовъ, что сознаніе Вялобржескаго, какъ сдѣланное въ темницѣ, ничего не значитъ, что Велепольскій въ Петербургѣ составляетъ какіе-то уставы для Россіи и Польши, что эмигранты за границею грызутся между собою, но что Гарibaldi все-таки сдѣлаетъ высадку въ Герцеговинѣ и придетъ освободить Польшу.

Записки графа Л. Л. Беннигсена

О

войнѣ съ Наполеономъ 1807 года.

—
XV¹).

Императоръ Александръ въ Бартепштейнѣ. — Прибытіе великаго князя Константина Павловича съ гвардіею. — Отправка графа Каменскаго съ отрядомъ къ Данцигу.

5-го (17-го) апрѣля императоръ Александръ вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ прибылъ въ армию и избралъ Бартепштейнъ—мѣстомъ для императорской квартиры. Въ свитѣ его находились: старшій генераль-адъютантъ графъ Ливенъ, два генераль-адъютанта князья: Гагаринъ и Волковскій, генераль-маіоръ Пфуль, главный гофмаршалъ двора графъ Толстой, министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Будбергъ и сенаторы: князь Чарторыйскій, Новосильцовъ и графъ Строгановъ.

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное на армию прибытіемъ государя императора. Его встрѣчали вездѣ радостными криками, столь же искренними, какъ и восторженными; повсюду слышались ликования и взаимныя поздравленія о столь радостномъ событіи. Генералы, офицеры, солдаты, забывъ о всѣхъ тягостяхъ войны, испытанныхъ ими въ эту суровую и жестокую зимнюю кампанію, не ограничивались однимъ проявленіемъ ихъ всеобщей радости, но съ новымъ усердіемъ и усиленнымъ рвеніемъ предались трудамъ и опасностямъ, возлагаемымъ на нихъ славою и службою возлюбленнаго ихъ монарха. Достаточно было наблюдать вліяніе, произведенное на всѣхъ прибытіемъ императора Але-

¹) См. „Русскую Старину“ октябрь 1899 г.

ксандра, чтобы убѣдиться въ томъ, что если во всѣхъ государствахъ, въ которыхъ монархъ является единственнымъ источникомъ милостей, награды и даже славы, присутствие его оказываетъ чрезвычайно важное значеніе, то появленіе нашего монарха, обладающаго сверхъ всѣхъ царскихъ прерогативъ еще любовью своихъ подданныхъ, являлось истиннымъ благодѣяніемъ для арміи и въ состояніи было внушить энтузіазмъ и породить великую дѣятельность, столь необходимую во всѣхъ отрасляхъ управленія арміею, и вызвать порывы отваги и храбрости, часто рѣшающіе не только участь отдѣльныхъ сраженій, но судьбу и цѣлыхъ государствъ.

Не одна какая-либо причина побудила государя покинуть на время столицу и лично отправиться на нѣкоторое время въ армію. Несмотря на личную твердость характера короля прусскаго, многіе опасались, что, представивъ ему картину тяжкаго положенія, въ которомъ томился всѣ его подданные, можно было бы охладить его рвеніе къ продолженію войны и возбудить въ немъ желаніе вступить, отдѣльно отъ другихъ державъ, въ сближеніе съ императоромъ Наполеономъ. Съ другой стороны, Австрія по-прежнему пребывала въ нерѣшительности. Она имѣла желаніе взяться вновь за оружіе, но воспоминанія о пораженіяхъ, испытанныхъ этою монархіею въ недавно минувшую войну 1805 года, усиляли ея робость и нерѣшительность и причинили только то, что Францъ II, со дня на день, откладывалъ движеніе своихъ войскъ, совершенно готовыхъ сразиться съ общимъ врагомъ Европы. Императоръ Александръ надѣялся, что присутствіе его въ арміи будетъ достаточнымъ, чтобы значительно усилить храбрость короля и пробудить чувство мщенія въ императорѣ и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ завѣрить прочія союзныя державы въ твердости его намѣренія продолжать настойчиво войну, такъ какъ ни отъ кого не оставалось скрытымъ, что съ этою цѣлію дѣлались въ значительныхъ размѣрахъ приготовленія въ предѣлахъ нашей имперіи. По прибытіи въ Мемель, императоръ Александръ получилъ отъ короля прусскаго несомнѣнныя доказательства благородныхъ его чувствъ и завѣреніе, что онъ не вступитъ въ переговоры съ Франціею безъ одобренія этого Россіею и безъ ея въ этомъ участія.

Австрія продолжала по-прежнему пребывать въ состояніи нерѣшительности до самаго окончанія новой войны, несмотря на ощущаемое и даже высказываемое ею опасеніе, что императоръ Александръ можетъ утомиться продолжать столь кровопролитную войну, исходъ которой касался гораздо болѣе Австріи, нежели Россіи. Этого не скрывали и баронъ Кюррръ, присланный правителемъ Галиціи графомъ Вурмзеромъ ко мнѣ въ Бартештейнъ, подъ предлогомъ опредѣленія порядка выдачи паспортовъ для проѣзда въ Австрію (Кюррръ долженъ былъ

отправиться и далѣе въ Кёнигсбергъ по тому же дѣлу). Когда же я завѣрялъ его, что это опасеніе австрійскаго кабинета неизбежно послѣдуетъ, если Австрія не выскажется окончательно о времени открытія военныхъ дѣйствій противъ Наполеона,—баронъ Кноррь успѣшилъ возвратиться обратно въ Вѣну, оставивъ совершенно свою поѣздку въ Кёнигсбергъ. Такъ со временъ французской революціи постоянно случалось, что державы, всего болѣе заинтересованныя въ войнахъ съ Франціею, не умѣли нискогда во-время нанести рѣшительный ударъ противнику и всегда упустили изъ вида пагубныя послѣдствія ихъ робкой нерѣшительности, обращая вниманіе или придавая значеніе обстоятельствамъ несравненно менѣе важнымъ, а часто даже только—временнымъ и личнымъ. При болѣе рѣшительномъ образѣ дѣйствій государствъ европейскаго материка въ предшествовавшія времена и болѣе ихъ добросовѣстности въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, конечно, не существовало бы то положеніе зависимости, въ которомъ въ настоящее время взымають тѣ же самыя державы.

Цѣлью поѣздки генерала Бертрана, посланнаго въ февралѣ мѣсяцѣ Наполеономъ къ прусскому королю въ Мемель, было предложить созвать конгрессъ, на который государства, заинтересованныя въ этой войнѣ, должны были прислать своихъ представителей, чтобы договориться объ условіяхъ мира. Чтобы не прерывать сношеній, начатыхъ уже по столь важному и благотворному предмету, король прусскій, переговоривъ съ императоромъ Александромъ, рѣшился написать императору Наполеону дружественное письмо, въ которомъ, отвѣчая на сдѣланное предложеніе созвать конгрессъ, избравъ мѣстомъ для онаго Дрезденъ, король замѣчалъ, что этотъ городъ слишкомъ подверженъ разнымъ неудобствамъ, вызываемымъ передвиженіями войскъ, и опасностямъ, могущимъ возникнуть отъ превратностей военныхъ дѣйствій, и поэтому король полагалъ бы, что Копенгагенъ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи болѣе преимущества. Кромѣ того императоръ Александръ, совместно съ королемъ прусскимъ, считали необходимымъ, чтобы на предлагаемомъ конгрессѣ принимали участіе представители Австріи и Англіи. Наполеонъ съ своей стороны заявилъ о необходимости участвовать на конгрессѣ представителямъ Турціи и нѣкоторыхъ государствъ Рейнскаго союза. Эти переговоры хотя и не приводили ни къ какому результату, но такъ какъ ни та, ни другая сторона не возбуждала вопроса о перемиріи, то легко было замѣтить, что обѣ стороны желали выждать послѣдствій предстоящихъ военныхъ дѣйствій въ эту вторую кампанію, а затѣмъ уже начать дѣйствительные переговоры о мирѣ.

Въ Тильзитѣ императоръ Наполеонъ въ разговорѣ со мною между прочимъ сказалъ: «Я предлагалъ конгрессъ, а вы, генералъ, возобновляли военныя дѣйствія. Я очевидно долженъ былъ защищаться». Полагаю,

что Наполеонъ выразился такимъ образомъ изъ любезности ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы начать разговоръ, обращаясь ко мнѣ. Послѣ сдачи Данцига Наполеонъ уже со всѣми находившимися въ его распоряженіи войсками вполнѣ наступалъ на меня и находился въ двухъ переходахъ не болѣе отъ береговъ Пассарги, въ то время, когда я дѣлалъ нападеніе на корпусъ Нея близъ Гутштадта.

8-го (20-го) апрѣля прибылъ его высочество великій князь Константинъ Павловичъ вмѣстѣ съ находившеюся подъ его начальствомъ первою гвардейскою дивизіею. Это пришедшее изъ Петербурга подкрѣпленіе состояло изъ: лейбъ-гвардіи Кавалергардскаго полка—пять эскадроновъ, лейбъ-гвардіи Коннаго полка—пять эскадроновъ, лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка—пять эскадроновъ, лейбъ-гвардіи Уланскаго его высочества полка—десять эскадроновъ, лейбъ-гвардіи Казачьяго полка—два эскадрона и одна рота гвардейской конной артиллеріи; всего 28 эскадроновъ. Пѣхота: лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка—три баталіона, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка—три баталіона и Измайловскаго—три баталіона, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка—три баталіона, Кексгольмскаго мушкетерскаго полка—три баталіона, Пермскаго—три баталіона, Великолуцкаго—три баталіона, лейбъ-гвардіи Егерскаго полка—два баталіона, втораго армейскаго Егерскаго полка—три баталіона, императорскаго ополченія (*milice imperiale*)—одинъ баталіонъ, стрѣлковъ ополченія—одинъ баталіонъ, всего 28 баталіоновъ и 92 орудія артиллеріи.

Боевая численность этой дивизіи простиралась до 17.000 человекъ.

Пѣхота была первоначально поставлена въ Шинпенбейль и его окрестностяхъ, а кавалерія—въ окрестностяхъ деревни Парисъ. Великій князь прибылъ въ Бартештейнъ лично для полученія приказаній отъ императора.

Прежде нежели приступить къ дальнѣйшему изложенію событій, не въ силахъ отказать себѣ въ удовольствіи воздать великому князю дакъ похвалы и удивленія, вполнѣ ему принадлежащія. Съ ранней молодости все военное—всегда было предметомъ его господствующей страсти. Непрерывно занимаясь всѣми мелочными подробностями военной службы, онъ не упустилъ изъ вида ознакомиться съ правилами высшей тактики. Боевая опытность, присоединенная къ его познаніямъ, со временемъ поставитъ его безспорно на-ряду съ самыми выдающимися генералами.

Я былъ не разъ свидѣтелемъ, какъ его высочество, слѣдя постоянно по картѣ за движеніями какъ нашей арміи, такъ и вепрительской, отзывался о нихъ съ основательностію и провицательностію самаго опытнаго полководца. Онъ не однократно находился въ дѣлахъ отдѣльныхъ отрядовъ и никогда не затруднялся въ выборѣ надлежащаго образа

дѣйствія. Мнѣ не удобно сообщать здѣсь частныя письма, отправленныя ко мнѣ отъ его высочества во время его слѣдованія изъ Петербурга на присоединеніе къ главной арміи, но, чтобы дать читателямъ понятіе объ его убѣжденіяхъ относительно точнаго исполненія приказаній главныхъ начальниковъ, а также о его личной снисходительности и добротѣ, позволю себѣ привести здѣсь нижеслѣдующія слова изъ собственноручнаго его письма: «вы можете быть увѣрены, что я подамъ примѣръ повиновенія». Поэтому я не могу довольно нахвалиться образомъ дѣйствій его высочества, какъ генерала въ арміи, а его личнымъ расположеніемъ и милостію ко мнѣ—какъ великаго князя.

Не могу пройти молчаніемъ объ одномъ изъ поступковъ великаго князя, свидѣтельствующемъ о добромъ его сердцѣ и дѣлающемъ ему слишкомъ много чести, чтобы остаться въ забвеніи.

Подъ самый конецъ сраженія при Гутштадтѣ мы нашли четырехъ французскихъ кавалеристовъ очень тяжело раненыхъ; изъ нихъ у одного оторваны были обѣ ноги, а у другаго—вся верхняя часть ноги. Стоны этихъ несчастныхъ привлекли на нихъ вниманіе великаго князя Константина Павловича. Опечаленный ихъ положеніемъ, онъ послалъ немедленно за хирургомъ, который объявилъ, что эти несчастные умрутъ несомнѣнно въ самое короткое время.

— Это ничего не значить,—отвѣтилъ великій князь;—пусть ихъ немедленно отнесутъ въ ближайшую деревню и обратятъ на нихъ всевозможную заботливость и попеченіе.

Онъ послалъ близъ стоявшему гусарскому полку приказаніе немедленно прислать людей съ шинелями, чтобы перенести раненыхъ, и самъ лично приказалъ солдатамъ обходиться съ ними бережно и оставался на мѣстѣ, пока не удостоившись лично, что эти искалѣченные жертвы войны перенесены въ сопровожденіи особаго офицера въ деревню. Эта прекрасная черта характера не взумитъ никого изъ тѣхъ, кому извѣстна отеческая заботливость великаго князя о вѣранныхъ ему полковыхъ госпиталяхъ и больныхъ солдатахъ. Сколько еще другихъ примѣровъ могъ бы я привести въ доказательство великодушія и доброты великаго князя! Эти примѣры увеличили бы уваженіе и благоговѣніе къ потомку столь достойнаго и знаменитаго рода. Великій князь вполне пользуется удовольствіемъ, что сумѣлъ привлечь къ себѣ сердца всѣхъ его окружающихъ, всѣхъ служащихъ подъ его начальствомъ и всѣхъ сколько-нибудь его близко знающихъ...

Въ тотъ же день 8-го (20-го) апрѣля къ генералу Платову подошло подкрѣпленіе, отправленное мною изъ главной арміи и состоявшее изъ Гродненскаго гусарскаго полка въ составѣ десяти эскадроновъ, вновь сформированныхъ (поставленнаго въ Рюмлі), казачьяго полка Денисова 7-го (поставленнаго въ Мингденъ), пятаго егерскаго полка

подъ начальствомъ полковника барона Розена, которому было приказано занять Бишофсбургъ, и двухъ ротъ застрѣльщиковъ, ставшихъ въ Ваппендорфъ. Послать подобное подарѣніе, въ особенности пѣхоту, являлось необходимостью, чтобы генераль Платовъ имѣлъ возможность болѣе сильно поддерживать свои казачьи посты, на которые непріятель часто дѣлалъ нападенія, и при томъ отрядами, состоявшими не только изъ кавалеріи, но и пѣхоты съ артиллеріею. Гродненскій гусарскій полкъ въ скоромъ времени однако былъ отозванъ изъ отряда генерала Платова и перемѣщенъ въ авангардъ подъ начальствомъ князя Багратиона.

Генераль-лейтенантъ Эссенъ 1-ый принужденъ былъ по причинѣ сильно разстроеннаго здоровья отправиться въ отпускъ; командованіе его корпусомъ, расположеннымъ по Нареву, было возложено, по приказанію императора, на генераль-лейтенанта Тучкова, который и отправился изъ главной арміи къ своему новому назначенію.

Въ то время наши войска спокойно стояли въ своихъ кантониръ-квартирахъ; этимъ воспользовались для пополненія и исправленія всего утраченнаго въ минувшую кампанію, съ тѣмъ, чтобы полки могли выступить въ новую кампанію, вполне снабженные всѣмъ, имъ необходимымъ.

Французы, которымъ подкрѣпленія стекались со всѣхъ сторонъ, со своей стороны отрядали всѣ излишнія войска, безъ которыхъ могла только обходиться великая армія, къ Данцигу, чтобы усиленно заняться осадю этой крѣпости. Чтобы не прерывать изложенія военныхъ событій, совершившихся въ главной арміи, я не буду подробно говорить объ осадѣ и сдачѣ Данцига.

Король прусскій приказалъ выстроить въ скорѣйшемъ времени въ Кёнигсбергѣ и Пиллау возможно большее число небольшихъ вооруженныхъ пушками судовъ, чтобы противопоставить ихъ судамъ, выстроеннымъ французами въ Эльбингѣ, и обезпечить перевозку по Фришъ-Гаффу всякаго рода продовольствія, отправляемаго изъ Кёнигсберга и Пиллау въ армію генерала Лестока. Три подобныхъ судна 30-го марта (11-го апрѣля) прибыли къ устьямъ рѣки Пасарги, и одно изъ нихъ съ восемью орудіями направилось къ устью рѣки Эльбинга, гдѣ и затопили старое судно, чтобы воспрепятствовать этимъ выходу непріятельскихъ судовъ, отчасти уже вполне готовыхъ. Прусское судно съ 8-ю орудіями стало въ этомъ же мѣстѣ. Эта небольшая флотилія оказала очень большую пользу: благодаря ей, транспорты съ продовольствіемъ для войскъ нашего праваго фланга продолжали доставляться водою исправно и безопасно; она же охраняла и защищала всѣ устья небольшихъ рѣкъ, впадающихъ въ Фришъ-Гаффъ. Суда, стоявшія впереди Браунсберга, захватили у французовъ восемь небольшихъ судовъ изъ де-

ревни Ней-Пассарга, нагруженныхъ провіантомъ. Въ окрестностяхъ Эльбинга было захвачено также нѣсколько судовъ съ провіантомъ.

13-го апрѣля я потребовалъ отъ генерала Платова два казачьихъ полка, чтобы усилить ими кавалерію въ авангардѣ князя Багратиона; онъ прислалъ мнѣ полки: Исаева 2-го и Остолопова 4-го. Генералъ Платовъ по-прежнему продолжалъ тревожить непріятеля днемъ и ночью небольшими казачьими отрядами въ особенности на рѣчкѣ Омужева¹⁾. Казаки нападали то на одинъ, то на другой изъ непріятельскихъ постовъ и всякій разъ захватывали плѣнныхъ. Непріятель, до крайности утомленный такими постоянными и внезапными нападеніями, началъ сооружать земляныя укрѣпленія во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только представлялось возможнымъ переправиться черезъ рѣку.

Приведу здѣсь два рапорта маршала Ней къ военному министру, свидѣтельствующіе объ испытываемыхъ затрудненіяхъ въ содержаніи войскъ его корпуса за это время.

3-го апрѣля (нов. ст.) 1807 года. Гутштадтъ.

Въ позиціяхъ, занимаемыхъ непріятелемъ, повидимому, не произошло никакихъ замѣненій. Нашъ 15-й конно-егерскій полкъ со времени прибытія его въ мой корпусъ лишился 15 лошадей, погибшихъ отъ недостатка хорошаго корма; остальные—видимо погибаютъ. Убийственно смотрѣть на подобную гибель такого прекраснаго полка, который при открытіи военныхъ дѣйствій принесъ бы несомнѣнно большую пользу, а теперь очевидно обратится въ жалкую пѣхоту, если только ваша свѣтлость не приметъ предложенной мною мѣры, именно замѣнить мою легкую кавалерію, стоящую на аванпостахъ, кавалерійскими полками 3-го и 4-го корпусовъ. Я не переставалъ доводить до свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи лошадей моего корпуса, но, повидимому, желаютъ думать, что занимаемая мною мѣстность представляютъ какія-либо средства къ существованію лошадей и людей. Мѣста, въ которыхъ стояли ранѣе войска маршала Даву, теперь покинувшія оныя, также изобилуютъ не болѣе продовольствіемъ, и нерѣдко фуражиры, проѣхавъ десять мѣ, возвращаются назадъ съ небольшимъ количествомъ худой соломы. Если бы ваша свѣтлость могли насъ снабжать хотя бы только четвертою частью положенной суточной дачи овса, то всѣ лошади будутъ спасены, но безъ этого его величество потеряетъ лошадей на сумму 200.000 франковъ, развѣ что будетъ приказано смѣнять ихъ другими всякія двѣ недѣли.

13-го апрѣля (нов. стиля) 1807 г. Гутштадтъ.

Посылаю вашей свѣтлости рапорты смотрителя магазина и протоколы о тѣхъ худыхъ обращеніяхъ, которымъ подвергаются интендантскіе чиновники при отправленіи тяжелой ихъ обязанности. Подобныя неблагоприятныя поступки совершаются уже довольно давно со стороны офицеровъ гвардіи, расположенной въ тылу моихъ войскъ, какъ бы съ цѣлю лишить мои поля всякаго продовольствія. Я бы предпочиталъ имѣть дѣло съ непріятелемъ; я бы въ семъ случаѣ отражалъ бы ихъ оружіемъ. Я часто писалъ о подобныхъ поступкахъ главнымъ начальникамъ войскъ, расположенныхъ на

¹⁾ Она впадаетъ въ Наревъ при Остроленкѣ.

флангахъ и въ тылу моего корпуса; мнѣ общають поддержать порядокъ и охранять транспорты, направляемые къ моему корпусу, но тѣмъ не менѣ всякій день совершаются тѣ же самые беспорядки. Безусловно необходимо, чтобы ваша свѣтлость подвергли виновныхъ примѣрному наказанію и издали строгія приказанія къ пресѣченію безчисленныхъ злоупотребленій по продовольствію войскъ; необходимо до крайности сдѣлать начальниковъ войскъ ответственными въ благополучномъ движеніи провіантскихъ транспортовъ, слѣдующихъ по мѣстностямъ расположенія ихъ войскъ, и обязать ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ доставлять означенные транспорты съ достаточными прикрытіями (ковчегъ) до самаго мѣста ихъ назначенія. Безъ этого—транспорты, ко мнѣ называемые, не будутъ доходить въ исправности; они будутъ разграблены дорогою, а самыя лошади—выпряжены изъ повозокъ...

Государь императоръ удостоилъ одобрить предложеніе мое о формированіи особаго корпуса, который долженъ былъ быть размѣщенъ въ Литвѣ. Формированіе этого корпуса началось уже въ дѣйствительности, но скорое заключеніе мира сдѣлало это бесполезнымъ. Поступившія въ составъ его лица были всѣ уволены для прискавія себѣ службы и занятій внутри имперіи.

16-го (28-го) апрѣля былъ въ Бартештейнѣ совѣтъ, на которомъ присутствовали императоръ Александръ и король прусскій; я также имѣлъ честь находиться въ этомъ совѣтѣ, на которомъ рѣшено было отправить отрядъ войскъ на помощь крѣпости Данцигу, подъ начальствомъ генераль-маіора графа Каменскаго ¹⁾. Этотъ отрядъ состоялъ

¹⁾ Необходимо замѣтить, что послѣ сраженія при Прейсишъ - Эллау Наполеонъ направилъ часть своихъ войскъ на усиленіе корпуса, занятаго осадю Данцига, и поручилъ маршалу Лefевру принять всѣ мѣры къ скорѣйшему взятію этой крѣпости, которую искусно и мужественно оборонялъ извѣстный генераль-отъ-кавалеріи графъ Калькрейтъ. Продолжительная осада и частыя вылазки значительно уменьшили численность гарнизона, и государю императору угодно было выразить желаніе, чтобы Беннигсенъ подкрѣпилъ гарнизонъ Данцига русскими войсками изъ состава вѣренной ему арміи. Таковыя были отправлены подъ начальствомъ генераль-маіора князя Щербатова въ числѣ 2.000 человекъ изъ Кенигсберга черезъ Пиллау 12-го (24-го) марта 1807 года. Войска эти приняли дѣятельное участіе въ многихъ вылазкахъ противъ французовъ, къ которымъ скоро подошелъ еще со своимъ корпусомъ маршалъ Мортъе, успѣвшій заключить 18-го апрѣля перемиріе между шведскими и французскими войсками въ Стральзундѣ. Тѣмъ временемъ рѣшено было послать на усиленіе гарнизона Данцига еще нѣсколько русскихъ войскъ подъ начальствомъ генераль-маіора Каменскаго. Положеніе Данцига дѣлалось съ каждымъ днемъ все затруднительнѣе; скоро въ крѣпости оказался недостатокъ въ порохѣ, и графъ Калькрейтъ 8-го (20-го) мая заключилъ съ уполномоченнымъ маршала Лefевра, генераломъ Друа, условіе о канитуляціи Данцига и его гарнизона, а 14-го (26-го) числа крѣпость и городъ были заняты французами. Это доставило Наполеону возможность всѣ войска свои, бывшія подъ Данцигомъ, направить также противъ Беннигсена.

изъ четырехъ пѣхотныхъ полковъ 4-й дивизіи, именно: Архангельскаго, Навагинскаго, Полоцкаго и Тобольскаго; а также 21-го егерскаго и одного казачьяго полка¹⁾. Король взялъ на себя снабдить этотъ отрядъ необходимою артиллеріею во время перехода его отъ Кѣнигсберга въ Пиллау. Главное назначеніе отряда состояло въ томъ, чтобы, переправившись черезъ каналъ у Пиллау, двинуться на Нарунгъ. Я осмѣлился при этомъ замѣтить, что считаю это движеніе крайне опаснымъ, такъ какъ невозможно допустить мысли, чтобы Наполеонъ не узналъ о движеніи этого отряда и не привалъ заблаговременно всѣхъ мѣръ къ отраженію этого намѣренія, при чемъ отрядъ этотъ встрѣтилъ бы большія затрудненія не только въ достиженіи возложенной на него задачи, но и при своемъ отступленіи.

Тѣмъ не менѣе предложеніе направить этотъ отрядъ сухимъ путемъ, по косѣ, высказанное королею прусскимъ и его штабомъ и одобренное уже ранѣе совѣтомъ, восторжествовало. Но генералъ Каменскій не успѣлъ дойти до Пиллау²⁾, какъ черезъ вѣрныхъ лазутчиковъ получено было извѣстіе, что Наполеонъ изъ ближайшихъ корпусовъ выбираетъ войска и направляетъ ихъ на Нарунгъ. Тогда король прусскій одобрилъ мое первое предложеніе посадить отрядъ ген. Каменскаго на суда въ Пиллау и высадить ихъ у Вейксельмюнде³⁾. Государь императоръ разрѣшилъ мнѣ отправить въ скорѣйшемъ времени соотвѣтствующія приказанія графу Каменскому, а король прусскій вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ необходимыя приказанія генералъ-губернатору Кѣнигсберга, генералу Рюхелю, чтобы онъ озаботился доставкою въ Пиллау судовъ и всего необходимаго для перевозки войскъ.

Генералъ-лейтенантъ Лестоку отрядилъ отъ своего прусскаго корпуса семь баталіоновъ пѣхоты и полубатарей артиллеріи съ 12-тифунтовыми орудіями, полубатарей съ 6-ю-фунтовыми орудіями и одну батарею конной артиллеріи, подъ общимъ начальствомъ генерала Рембова, которые всѣ должны были направиться въ Кѣнигсбергъ, а затѣмъ сдѣлать диверсію на Нарунгъ, въ то время какъ генералъ Каменскій произведетъ нападеніе на французскія войска, расположенныя между Данцигомъ и Вейксельмюнде. Отправка этого отряда ослабляла, конечно, прусскій корпусъ генерала Лестока, а потому для подкрѣпленія послѣдняго я послалъ къ нему пятую дивизію подъ на-

¹⁾ Беннигсенъ пропустилъ Могилевскій полкъ, указанный у Михайловскаго-Данилевскаго, стр. 282.

²⁾ Пиллау—маленькій городокъ, южнѣ Кѣнигсберга на берегу Фришъ-Гафа. Еще южнѣ, слѣдуя Балтійскимъ моремъ по берегу—Нарунгская коса, а затѣмъ Данцигъ.

³⁾ Это укрѣпленное мѣсто при впаденіи Вислы въ Балтійское море, впереди города Данцига.

частьством генераль-маіора Олсуфьева 3-го, состоявшую изъ четырехъ пѣхотныхъ полковъ и одного казачьяго. Генераль Лестоки поставилъ эту дивизію въ Цантенъ, присоединивъ къ ней еще двадцать эскадроновъ прусской кавалеріи; это составило резервъ генерала Лестока.

XVI.

Осмотръ императоромъ Александромъ позиціи при Гейльсбергѣ и войскъ около этой позиціи.—Размѣщеніе французовъ въ баракахъ.—Отъѣздъ императора Александра и его приказъ по арміи.

Государь императоръ выразилъ мнѣ желаніе осмотрѣть лично позицію около Гейльсберга, различныя земляныя укрѣпленія, сооруженныя въ этой мѣстности въ продолженіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, а также произвести смотръ войскамъ, расположеннымъ вблизи города. Вслѣдствіе этого я приказалъ придвинуть 27-го апрѣля (9-го мая) ближайшія войска къ Гейльсбергу, а кавалерію праваго крыла—сосредоточить въ Траумсдорфѣ. На случай тревоги, которую могло произвести среди французовъ это передвиженіе войскъ, и чтобы отразить рѣшительно рекогносцировку, которую они могли бы вслѣдствіе этого предпринять, я приказалъ генералу Дохтурову съ 7-ю и 8-ю дивизіями занять позиціи въ Бургерсвальде и Кашауенъ съ цѣлью прикрыть правое крыло нашей позиціи. Генераль-лейтенантъ графъ Толстой съ своимъ корпусомъ сталъ въ Либенбергѣ для прикрытія нашего лѣваго крыла на правомъ берегу рѣки Алле со стороны Гутштадта. Великій князь Константинъ Павловичъ имѣлъ главную свою квартиру въ Кавитенѣ и въ окрестностяхъ его расположилъ пѣхоту первой дивизіи, бывшей подъ его начальствомъ; кавалерія же его занимала мѣста въ окрестностяхъ деревни Парисъ. Для болѣе точнаго исполненія приказаній государя я въ тотъ же самый день со всею своею главною квартирою переѣхалъ въ Гейльсбергъ.

30-го апрѣля (12-го мая) его императорское величество въ сопровожденіи короля прусскаго прибыли въ девять часовъ утра изъ Бартештейна въ Гейльсбергъ. Всѣ войска, стоявшія подъ ружьемъ на правомъ берегу рѣки Алле, удостоились чести быть осмотрѣны его величествомъ, послѣ чего императоръ Александръ ознакомился подробно съ позиціею и, осмотрѣвъ тщательно всѣ возведенныя укрѣпленія, удостоилъ всемилостивѣйшаго одобренія выборъ позиціи и сдѣланныя фортификаціонныя работы, а также выразилъ свое удовольствіе по поводу хорошаго состоянія войскъ, ихъ рвенія и прекраснаго настроенія.

Послѣ этого ихъ величества отправились въ городъ Гейльсбергъ, гдѣ и провели ночь.

На слѣдующій день 1-го (13-го) мая государь императоръ рано утромъ поѣхалъ въ Лаунау¹⁾, гдѣ произвелъ смотръ войскамъ авангарда генераль-лейтенанта князя Багратиона и выразилъ также свое полное удовольствіе при видѣ порядка во всѣхъ частяхъ. Изъ Лаунау Александръ I, сопровождаемый постоянно королемъ прусскимъ, поѣхалъ въ Петерсвальдъ, чтобы осмотрѣть позиціи нашихъ аванпостовъ, занимаемыхъ казаками, противъ которыхъ на разстояніи пистолетнаго выстрѣла стояли французскіе часовые впереди опушки лѣса возлѣ Петерсвальда. Эти мѣста были заняты отрядомъ нашихъ егерей.

Къ вечеру императоръ Александръ I и король прусскій возвратились въ Гейльсбергъ, гдѣ снова провели ночь, и 2-го (14-го) мая отправились обратно въ Бартенштейнъ. Войска оставили свои временныя позиціи и возвратились въ кантонирь-квартиры.

3-го (15-го) мая государь императоръ разрѣшилъ мнѣ отправить обратно въ корпусъ генерала Тучкова тотъ отрядъ, который былъ присоединенъ къ корпусу генерала Седморацкаго, оставшемуся на рѣкѣ Бобрѣ, во время моего движенія съ главными силами въ Старую Пруссію и который былъ приведенъ графомъ Толстымъ ко мнѣ въ армию послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау. Этотъ отрядъ, состоявшій изъ пѣхотныхъ полковъ: Крымскаго и Украинскаго и двухъ баталіоновъ 10-го егерскаго полка, отправился въ тотъ же день къ Нареву. На мѣсто этихъ войскъ въ корпусъ графа Толстаго посланы были мушкетерскіе полки: Кексгольмскій и Перновскій и баталіонъ ополченія, взятые изъ 1-й дивизіи.

Французскія войска были сосредоточены на позиціяхъ, гдѣ были выстроены бараки. Войска перваго корпуса или принца Понте-Корво находились отчасти впереди Мюльгаузена между Неймарктомъ и Эберсбахомъ; другая часть корпуса заняла позиціи между Нормсдорфомъ и Курвинденомъ, а немного далѣе позади этой позиціи былъ поставленъ артиллерійскій паркъ этого корпуса.

Корпусъ маршала Сульта занималъ позицію отъ Рейхенталя до озера Палькенъ.

Императоръ Наполеонъ, покинувъ Остероде, расположился съ императорскою квартирою въ Финкенштейнѣ. Маршалъ Даву получилъ приказаніе перемѣститься со своею штабъ-квартирою въ это же мѣсто; онъ приказалъ сосредоточить 1-ю дивизію генерала Маршана—близъ Альтенштейна, вторую—близъ Вохенштейна, а третью—близъ Остероде. На берегахъ Алле были оставлены отдѣльные небольшіе посты, даже

¹⁾ Также на р. Алле впереди Гейльсберга.

Бергфридъ—былъ занятъ только отрядомъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Генералъ Платовъ воспользовался этимъ промахомъ и совершилъ переправу въ этомъ мѣстѣ.

Прочіе корпуса великой арміи также сосредоточили свои войска въ занимаемыхъ ими мѣстахъ. Главный кавалерійскій резервъ, подъ начальствомъ великаго герцога Бергскаго, стоялъ въ тѣсныхъ кантонирь-квартирахъ между Страсбургомъ и Реденомъ.

Прибавлю къ этому, что съ нашей стороны въ это именно время не дѣлалось никакихъ передвиженій, которыя могли бы указывать на намѣренія наши начать военныя дѣйствія. Я также не считалъ необходимымъ дѣлать какія-либо перемѣщенія войскъ потому, что моя армія была уже достаточно сосредоточена, чтобы начать движенія въ любомъ направленіи, смотря по надобности. Но Наполеонъ зналъ хорошо, что Данцигъ, доведенный уже до крайности, долженъ неизбежно на-дняхъ сдаться, и намѣревался немедленно по одачѣ этой крѣпости повести рѣшительныя военныя дѣйствія противъ русской арміи со своими значительно превосходящими ее боевыми силами, и при томъ какъ можно скорѣе до прибытія къ моей арміи подкрѣпленій, о составѣ и приближеніи которыхъ Наполеону было въ точности и подробно извѣстно. Въ виду этого онъ и сдѣлалъ распоряженіе о сосредоточеніи войскъ его арміи, о которомъ выше сказано.

Скажу тутъ нѣсколько словъ о лагерныхъ баракахъ французовъ. Я видѣлъ ихъ нѣсколько и между прочимъ въ окрестности Гутштадта, которые были только-что покинуты неприятелемъ. Нельзя ничего лучшаго сдѣлать въ этомъ родѣ какъ въ отношеніи удобства войскъ, такъ и щегольства. Эти избы-шалаша (huttes), стоявшія длинными рядами, какъ улица, рядами, были всѣ выстроены какъ деревянные дома, снабжены дверями съ замками, окнами съ рамами и стеклами, полами и т. д., въ нихъ находились столы, скамейки, даже стулья. Подобный лагерь, конечно, могла только себѣ устроить армія среди неприятельской страны, потому что все необходимое для сооруженія подобнаго лагеря и его украшенія было взято изъ близъ лежащихъ деревень, изъ которыхъ были увезены дома въ полномъ ихъ составѣ, что, конечно, увеличивало еще болѣе бѣдственное положеніе крестьянъ Старой Пруссіи, находившихся по близости съ расположеніемъ французской арміи.

Читатель припомнитъ, что я сообщалъ уже о томъ, что король шведскій обращался къ прусскому королю съ просьбою прислать ему подкрѣпленіе въ шесть тысячъ человѣкъ, которыхъ надлежало высадить въ Стральзундѣ. Король прусскій, съ согласія императора Александра, намѣреваясь выказать этому монарху несомнѣнныя доказательства желанія содѣйствовать всему, что можетъ быть полезно и выгодно ихъ общимъ интересамъ, рѣшился послать четыре тысячи прусскихъ сол-

дать, отчасти изъ числа вновь формируемыхъ въ Пруссіи зимомъ, отчасти же взятыхъ изъ корпуса генерала Лестока ¹⁾). Кромѣ того было обѣщано шведскому королю прислать ему четыре тысячи человекъ, какъ скоро военныя дѣйствія дозволятъ отозвать войска изъ Кольберга. Этотъ посланный къ шведскому королю отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Блюхера, отъѣхавъ на суда въ Пиллау и благополучно высадился въ Стральзундъ, куда прибылъ почти одновременно и король шведскій, не пожелавшій утвердить перемиріе, заключенное его генераломъ Эссеномъ (шведскимъ) съ французскимъ маршаломъ Мортье. Къ этой шведской арміи долженъ былъ еще присоединиться отрядъ английскихъ войскъ, но онъ не прибылъ въ-время.

Генералъ Блюхеръ, прибывъ въ Стральзундъ, издалъ прокламацію, которою призывалъ къ спасенію отечества всѣхъ лицъ, нѣкогда служившихъ въ прусскихъ войскахъ, а теперь разсѣянныхъ по всему королевству послѣ недавняго разгрома. Онъ предлагалъ имъ явиться съ оружіемъ въ рукахъ и даже безъ оного и завѣрять, что каждому изъ нихъ будетъ дѣло въ его арміи. Если бы державы, которыя уже вели войны съ Наполеономъ или впредь будутъ вести съ нимъ таковыя, пожелали бы обратить вниманіе на образъ дѣйствія этого великаго воина (Наполеона), онъ не впалъ бы, быть можетъ, въ пагубную ошибку,—разбрасывать свои силы, когда шла рѣчь о нанесеніи рѣшительнаго удара. Наполеонъ всегда держался того начала, что, направляясь съ превосходными силами, которыя должны обезпечить за нимъ побѣду, на главный пунктъ непріятели, онъ однимъ ударомъ уничтожалъ всѣ мудрыя планы разныхъ диверсій и движеній и т. д.

Этотъ сборъ войскъ прусскихъ и шведскихъ (численность которыхъ, по слухамъ, довели до 14.000 человекъ) и къ которымъ должны были присоединиться еще английскія войска, простиравшіяся, по слухамъ, до 20.000 человекъ, формировался въ тылу французской арміи. Кромѣ того со дня на день ожидали также содѣйствія австрійцевъ, которые могли легко выдвинуть изъ Богеміи вполнѣ готовую армію въ 80.000 человекъ, чтобы равнымъ образомъ дѣйствовать въ тылу французской арміи. Наполеонъ не только не принялъ никакихъ мѣръ противъ этого и не направилъ ни одного отряда къ сторонѣ Австріи, но, напротивъ того, притянулъ къ себѣ всѣ свободныя войска, находившіяся позади его главныхъ позицій, и даже корпусъ Мортье, оставивъ нѣсколько войскъ: голландскихъ—въ Помераніи, итальянскихъ—у Кольберга, гессенскихъ—у Грауденца и баварскихъ—при Данцигѣ. Наполеонъ предвидѣлъ, что такое распоряженіе даетъ ему возможность со-

¹⁾ Взамѣнъ взятыхъ отъ Лестока войскъ я былъ вынужденъ послать ему одну русскую дивизію, о чемъ уже говорено выше.

средоточить при началѣ второй кампаніи, на главномъ пунктѣ, противъ русской арміи, значительное число войскъ и доставляетъ ему поразительное превосходство надъ русскою арміею, которая не въ силахъ будетъ ему противиться и должна отступить на встрѣчу подходящимъ къ ней подкрѣпленіямъ. Этотъ великій человекъ дотого прекрасно зналъ всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло, что могъ быть вполне убѣжденъ въ томъ, что доколѣ онъ будетъ наступать на русскихъ, ему нечего опасаться за дѣйствія въ тылу его арміи другихъ державъ, которыя при большей съ ихъ стороны рѣшимости могли бы поставить Наполеона въ это время въ крайне затруднительное положеніе. Онъ надѣялся,—что и оправдалось на самомъ дѣлѣ,—найти тѣмъ временемъ случай сговориться съ императоромъ Александромъ.

До насъ не замедлили дойти своевременно извѣстія о всѣхъ большихъ приготовленіяхъ, сдѣланныхъ Наполеономъ къ началу его военныхъ дѣйствій этой второй кампаніи противъ русской арміи, которыя благодаря большимъ средствамъ онъ могъ вести очень энергично.

Въ то же время съ большою вѣроятностію предусматривали и скорую сдачу Данцига. Всѣ сіи обстоятельства побудили императора Александра и короля прусскаго послать особыхъ офицеровъ генеральнаго штаба къ дворамъ вѣнскому и лондонскому. Въ Вѣну былъ посланъ отъ государя майоръ баронъ Тургемъ, а отъ короля прусскаго—подполковникъ Кнезесбекъ. Въ Лондонъ же былъ посланъ отъ Россіи полковникъ Энгельманъ.

Все это были офицеры, извѣстные своими познаніями въ военномъ дѣлѣ и по заслугамъ. Цѣлью ихъ командировки было выяснитъ точнымъ образомъ окончательныя намѣренія этихъ двухъ кабинетовъ относительно дѣятельнаго участія къ продолженію войны. Означенные офицеры были снабжены инструкціями, въ которыхъ подробно перечислялись всѣ средства, которыя намѣрены употребить на энергичное продолженіе войны Россія, а также и король прусскій по мѣрѣ того, какъ его владѣнія будутъ освобождаться отъ занятія французами. Въ тѣхъ же инструкціяхъ указывалось, что Наполеонъ уже направъ всѣ пружины своего могущества, чтобы собрать силы, составляющія въ настоящую минуту его корпуса, которые были уже укомплектованы два раза въ продолженіе восьми мѣсяцевъ. Хотя потеря, понесенная арміею Наполеона во время войны съ Пруссіею, и не были особенно велики, но за то понесенныя имъ въ продолженіе войны съ Россіею и въ особенности во время зимней кампаніи были весьма значительны. Безъ всякаго преувеличенія рассчитывали, что со времени перехода французовъ чрезъ Рейнъ до весны 1807 года армія Наполеона потеряла свыше ста тысячъ человекъ, и что ему до чрезвычайности трудно укомплектовать ее въ столь короткое время еще и въ третій разъ, тѣмъ бо-

лѣе, что Франція выставала уже полные контингенты двухъ очередныхъ призывовъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ этой же инструкціи упоминалось также о диверсіяхъ, которыя обѣ державы (Австрія и Англія) могли бы одѣлать, и о способахъ согласованія ихъ военныхъ дѣйствій съ дѣйствіями арміи русской и прусской. Словомъ сказать, пытались ничего не упустить въ виду къ тому, чтобы склонить обѣ державы и въ особенности Австрію не откладывая ни минуты высказаться рѣшительно противъ общаго врага и начать противъ него войну.

Усиленная дѣятельность, проявленная нами въ формированіи и устройствѣ подрѣзненій, долженствовавшихъ присоединиться къ арміи и ее значительно пополнить, оказалась однако недостаточною къ тому, чтобы эти подрѣзненія могли достигъ театра военныхъ дѣйствій до начала второй кампаніи. Можно, конечно, безъ преувеличенія принять, что численность молодыхъ солдатъ, обученныхъ въ разныхъ мѣстахъ Имперіи и направленныхъ съ разныхъ ея концовъ на пополненіе арміи, доходила до 120.000 человекъ. Но громадные разстоянія Имперіи не дозволили этимъ подрѣзненіямъ подойти въ-время. Для ускоренія формирования подрѣзненій, наиболѣе отставшихъ, императоръ Александръ призналъ необходимымъ пожертвовать намѣреніемъ, съ которымъ онъ прибылъ въ армію и столь дорогимъ его сердцу, именно намѣреніемъ стать во главѣ арміи и лично ею предводительствовать, раздѣляя всѣ ея труды и опасности. Для пользы дѣла, государь рѣшился приблизиться къ подходившимъ къ арміи подрѣзненіямъ. Поэтому его величество 9-го (21-го) мая покинулъ армію. Самые пламенные пожеланія сопровождали императора, и только надежда въ скоромъ времени увидѣть его снова во главѣ войскъ могла утѣшить храбрецовъ въ этой разлуцѣ съ любимымъ государемъ.

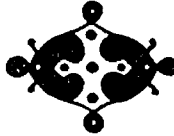
Изъ Вартепштейна императоръ Александръ поѣхалъ въ Хейльгенбейль, гдѣ ожидалъ его король прусскій, выѣхавшій однимъ днемъ ранѣе. Осмотрѣвъ подробно 10-го (22-го) и 11-го (23-го) мая прусскія войска корпуса генерала Лестока, оба монарха расстались; императоръ Александръ I поѣхалъ по дорогѣ въ Литву, а король прусскій—въ Кёнигсбергъ.

Предъ отъѣздомъ своимъ изъ Вартепштейна его величеству угодно было отдать приказъ, въ которомъ онъ говорилъ, что, на время оставая армію, вручаетъ этотъ драгоцѣнный залогъ безопасности и славы отечества рвенію и дарованіямъ главноначальствующаго генерала-отъ-кавалеріи Беннигсена, предоставляя ему неограниченную власть къ поддержанію въ войскахъ наилучшей дисциплины, безъ которой наилучше обдуманная военная дѣятельность остается безплодною. Его императорское величество убѣжденъ, что новые счастливые успѣхи не замедлятъ увѣн-

чать подвиги доблестныхъ воиновъ, храбрость и неустрашимость которыхъ уже доказаны всему міру двумя побѣдами, одержанными надъ врагомъ, мнившимъ себя быть непобѣдимымъ ¹⁾.

Сообщилъ П. Майковъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Г. Михайловскій-Данилевскій почему-то не приводитъ этотъ приказъ въ своемъ сочиненіи, онъ даже о немъ и не упоминаетъ. Беннигсенъ приводитъ въ своихъ запискахъ этотъ приказъ на французскомъ языкѣ.

Фельдмаршалъ графъ М. Ѳ. Каменскій въ заботахъ о смирнѣ.

(Два письма его къ А. М. Римскому-Корсакову).

1.

2-го іюля 1790 г. С.-Петербургъ.

Я послалъ сына моего Сергѣя Михайловича, подполковника Московскаго гренадерскаго полка къ вамъ въ армію волонтеромъ на нынѣшнюю кампанію потому, что онъ отпущенъ по будущей мартъ. По дальности той арміи, да и опасаясь, что можетъ миръ скоро сдѣлается по причинѣ разоренія шведскаго флота, я просилъ графа Ивана Петровича (Салтыкова) употребить его при дежурствѣ, не зная, чѣмъ точно вы командуете, потому что въ противномъ случаѣ просилъ бы я лично васъ взять его въ ваше дежурство и дать ему наставленіе ваше о подробностяхъ. Не примите въ комплиментъ и теперь желаю ему сего счастья, а вамъ особаго сборнаго корпуса или деташемента, чтобъ то исполнить могла! Я отправленіе его скоренъко исполнить не могъ, запасти въ Петербургѣ ни лошадьми, ни повозками, и слѣдственно никакою провизією; а иногда и съ деньгами не безъ голода и не безпкойства. Еслибъ онъ у васъ былъ, то во всемъ бы руководство подали; но если и у васъ не будетъ, то прошу однако не оставить его наставленіемъ, которое молодому человѣку, впервые на волю отпущенному, тѣмъ полезнѣй будетъ, что счастливымъ его сочту, если заслужитъ, что вы въ немъ, не мѣшая отца, лично интересовались.—Я было къ вамъ собрался самъ, чтобъ сына отвести, но мнѣ не дозволено ѣхать въ Выборгъ, сказать вамъ правду, для чего не знаю, и что какъ отцу то тяжело когда и на пустой караулъ его возить, счелъ нетруднымъ. Замяните ему меня пожалуйста; кажется, что хотя почти ничего не знаетъ, но добрая воля есть къ исполненію повелѣннаго, такъ и не наскучте и приказывать и совѣтовать, что онъ повелѣніемъ же считать долженъ.

А затѣмъ прошу вѣрять, что навсегда нехлестно называюсь вашѣ, милостиваго государя моего, всепокоривѣйшій слуга Михайла Каменскій.

Р. S. А на экипажъ даль ему 1.000 р.; потребуйте, прошу, въ нѣтъ отчета.

2.

24-го іюля 1802 г. С.-Петербургъ.

Я не отвѣтствовалъ на письмо ваше, полученное мною въ Москвѣ чрезъ меньшаго сына моего, увѣренъ будучи, что жалю меня издавна и зная сколько я искренне къ вамъ привязанъ причину того отгадаете и мнѣ молчаніе мое простите: вы въ немъ представляли мнѣ хорошииъ солдатомъ и начальникомъ полка—человѣка, о которомъ я увѣренъ, что онъ въ солдатахъ быть негодится, представляя это званіе какъ на театрѣ нарядомъ однимъ и выстункой. Такъ мнѣ тому письму вашему противурѣчить было должно, чего мнѣ не хотѣлось. За счастье бы я счелъ еслибъ сынъ мой отставъ отъ музыкальныхъ идеевъ своихъ настояще заслужилъ бы одобреніе ваше, вѣстиму и дружественныя совѣты ¹⁾.

Но государь по прїездѣ своемъ въ Петербургъ дозволялъ сказать мнѣ публично, что онъ полкомъ сына моего былъ доволенъ. Милость, конечно, для меня великая, но полкъ тотъ былъ хорошъ и до сына моего и такъ остается думать только то, что онъ при немъ не испортился, но и о томъ со всѣмъ повинованіемъ къ слову государскому, не ему вѣры дондеже не вложу персть въ ребра. Полкъ хорошъ, но хуже того какъ былъ при предмѣстникѣ сына моего. Удостоите меня, прошу, впредь прїязней вашей и вѣрьте, что навсегда съ истиннымъ высокопочтаніемъ пребуду вашего высокопревосходительства милостиваго государя моего, всепокорный слуга графъ Михайла Каменскій.

¹⁾ Графъ С. М. Каменскій былъ большой любитель театра и впоследствии, выйдя въ отставку, устроилъ его въ Орлѣ. См. „Русскую Старину“ 1899 № 1-й стр. 16.

жвѣиъ Германской имперіи, съ ея растянутыми во всѣ стороны границами, и тою легкостью, съ какою возникаютъ противъ нея коалиціи. При этомъ Германія представляетъ собою, быть можетъ, единственную великую державу Европы, которую нельзя соблазнить тѣми цѣлями, какія могутъ быть достигнуты только побѣдоносными войнами. Наши интересы требуютъ поддержанія мира, тогда какъ наши континентальные сосѣди, всѣ безъ исключенія, имѣютъ либо тайныя, либо всѣмъ извѣстныя желанія такого рода, которыя могутъ быть достигнуты только войною.

Сообразно съ этимъ намъ и надлежитъ вести нашу политику, т. е. намъ слѣдуетъ по возможности не допускать войны или ограничить ее, намъ слѣдуетъ обезпечить себѣ въ карточной игрѣ, которую ведетъ Европа, послѣдній ходъ и не допускать, чтобы терпѣніе, или желаніе сдѣлать кому-либо одолженіе въ ущербъ своей собственной странѣ, либо тщеславіе или вызовъ, брошенный намъ дружественной державою, могли заставить насъ преждевременно перейти изъ выжидательнаго положенія къ дѣйствию.

Наша сдержанность, само-собою разумѣется, не можетъ имѣть цѣлью напасть со свѣжими силами на одного изъ нашихъ сосѣдей или возможныхъ противниковъ въ то время, когда прочіе ослабѣютъ. Напротивъ, мы должны стараться ослабить неудовольствіе, вызванное тѣмъ, что мы доросли до положенія настоящей великой державы и употреблять наши военныя силы честнымъ и миролюбивымъ образомъ для того, чтобы убѣдить міръ, что германская гегемонія въ Европѣ полезна, безпристрастна и менѣе опасна для свободы другихъ (державъ), нежели гегемонія Франціи, Россіи или Англіи. Уваженіе правъ другихъ державъ, что было упущено изъ вида Франціей въ то время, когда она играла первенствующую роль, и что доступно Англіи лишь настолько, насколько это не затрагиваетъ ея интересы, будетъ облегчено для Германской имперіи и ея политики, съ одной стороны, объективностью нѣмецкаго характера, съ другой—тѣмъ фактомъ, въ которомъ нѣтъ съ нашей стороны ни малѣйшей заслуги, а именно, что мы не нуждаемся въ непосредственномъ увеличеніи нашей территоріи, и не могли бы этого сдѣлать, не усиливъ противуправительственныхъ элементовъ въ нашей собственной странѣ. Идеаломъ, къ которому я стремился послѣ того, какъ совершилось наше объединеніе въ предѣлахъ возможнаго, было заслужить довѣріе не только второстепенныхъ европейскихъ государствъ, но и великихъ державъ, для того, чтобы германская политика, справившись съ *injuria temporum*, съ разрозненностью націи, могла жить въ справедливости и мирѣ.

Для того, чтобы вызвать это довѣріе, необходимо прежде всего дѣйствовать честно, откровенно и въ примирительномъ духѣ въ случаѣ какихъ-либо столкновеній или внутреннихъ осложненій. Я слѣдовалъ

этому правилу, подавляя свои личные чувства въ такихъ случаяхъ, каковы были эпизоды со Шнебеле (въ апрѣлѣ 1887 г.), съ Буланже и Кауфманомъ (въ сентябрѣ 1887 г.), съ Испаніей въ вопросѣ о Каролинахъ, съ Соединенными Штатами въ вопросѣ о Самоа, и полагаю, что мы и въ будущемъ будемъ имѣть случай доказать, что мы миролюбивы и довольствуемся малымъ. Стоя во главѣ министерства, я трижды подавалъ совѣтъ объявить войну, а именно съ Даніей, съ Богеміей и съ Франціей, но всякій разъ я взвѣшивалъ предварительно, принесетъ ли намъ война, если она будетъ побѣдоносная, такую награду за побѣду, которая стоила бы тѣхъ жертвъ, какихъ требуетъ каждая война и которая въ настоящее время несравненно тяжелѣе, нежели въ прошломъ столѣтіи. Если бы я предвидѣлъ, что по окончаніи которой-либо изъ этихъ войнъ мы будемъ затрудняться, придумывая такія условія мира, какія были бы для насъ желательны, то едва-ли я счелъ бы необходимымъ принести подобныя жертвы до тѣхъ поръ, пока не были бы затронуты наши матеріальные интересы. Я никогда не смотрѣлъ на международные споры, которые могутъ быть рѣшены только при помощи народной войны, съ точки зрѣнія геттингенскаго студенчества (*des göttinger Comments*) и личного честолюбія, но всегда взвѣшивалъ послѣдствія, какія война могла имѣть для утвержденія права нѣмецкаго народа нести, наравнѣ съ прочими великими державами Европы, самостоятельную политическую жизнь, насколько намъ это возможно на основаніи нашихъ самобытныхъ національныхъ производительныхъ силъ.

Традиціонная русская политика, основывающаяся частью на общности вѣры, частью на узакъ кровнаго родства, мысль «освободить» румынъ, болгаръ, православныхъ, а при случаѣ и римско-католическихъ сербовъ, живущихъ подъ разными наименованіями по обѣимъ сторонамъ австро-венгерской границы, отъ турецкаго ига и тѣмъ привязать ихъ къ Россіи, не оправдалась на дѣлѣ.

Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что всѣ эти племена въ отдаленномъ будущемъ будутъ насильственно привлечены къ русской системѣ, но что одно освобожденіе еще не въ состояніи превратить ихъ въ приверженцевъ русскаго могущества, это доказало прежде всего греческое племя. Его считали съ чесменскихъ временъ (1770) опорнымъ пунктомъ Россіи, и русская политика, повидимому, не измѣнила своихъ цѣлей во время турецкой войны 1806—1812 гг. Для насъ безразлично, пользовались ли дѣйствія гетеристовъ ¹⁾ во время возстанія, организованнаго Ипсиланти, на сторонѣ котораго были свя-

¹⁾ Гетерія — тайный союзъ для освобожденія грековъ отъ турецкаго ига.

патіи запада, также единодушнымъ сочувствіемъ различныхъ партій, которыя смѣнялись въ Россіи со временъ Аракчеева вплоть до декабристовъ, во всякомъ случаѣ первенцы русской освободительной политики, греки, принесли разочарованіе Россіи, хотя оно не было еще особенно сильно. Греческая освободительная политика со времени наваринскаго сраженія перестала и въ глазахъ русскихъ быть дѣломъ исключительно русскимъ. Но прошло много времени до тѣхъ поръ, пока русскій кабинетъ сдѣлалъ изъ этого факта надлежащіе выводы. Россія продолжала освобождать и продѣлала съ румынами, сербами и болгарами тѣ же самые опыты, какъ и съ греками. Всѣ эти племена охотно принимали русскую помощь для освобожденія ихъ отъ турокъ, но, какъ только они становились свободными, они не выказывали никакой склонности брать царя въ преемники султану. Я не знаю, раздѣляютъ ли въ Петербургѣ убѣжденіе, что «единственный другъ» царя, князь черногорскій, будетъ приверженцемъ Россіи только до тѣхъ поръ, пока онъ рассчитываетъ получить за это вознагражденіе деньгами или войскомъ, что ему до нѣкоторой степени извинительно въ виду его отдаленнаго и изолированнаго положенія, но въ Петербургѣ должно быть извѣстно, что «владыка» былъ готовъ, да, пожалуй, и теперь еще не прочь стать во главѣ балканскихъ народовъ, въ качествѣ подвластнаго Турціи коннетабля, если бы эта идея была принята Портою благосклонно и встрѣтила бы съ ея стороны поддержку настолько, что она могла бы принести пользу Черногоріи.

Если въ Петербургѣ пожелаютъ вывести заключенія изъ всѣхъ испытанныхъ до сихъ поръ неудачъ, чтобы воспользоваться ими на практикѣ, то для Россіи было бы естественно ограничиться менѣе фантастическими успѣхами, достижимыми при помощи ея полковъ и пушекъ. Поэтическая историческая картина, рисовавшаяся воображенію императрицы Екатерины въ то время, когда она дала своему внуку имя Константинъ, не можетъ быть названа практичною. Освобожденные народы не благодарны, но требовательны, и я думаю, что въ наше реалистическое время русская политика будетъ руководствоваться, при обсужденія восточныхъ вопросовъ, соображеніями болѣе техническаго, нежели фантастическаго свойства.

Для того, чтобы увеличить свои силы на Востокъ, ея первая практическая потребность заключается въ обезпеченіи Чернаго моря. Если удастся запереть Босфоръ посредствомъ загражденія его орудіями и торпедами, то южный берегъ Россіи будетъ защищенъ еще лучше, чѣмъ балтійское побережье, которому даже превосходныя силы англо-французскаго флота не могли причинить особеннаго вреда въ Крымскую кампанію.

Таковы могутъ быть соображенія петербургскаго кабинета, если

онъ поставитъ себѣ цѣлью сначала запретить Черное море и подкупить съ этой цѣлью султана расположеніемъ, деньгами или силою. Если Порта воспротивится дружественному сближенію съ Россіею и противъ угрозъ дѣйствовать силою обнажитъ мечъ, то Россія подвергается, вѣроятно, нападенію съ другой стороны, и на такой случай рассчитано, по моему мнѣнію, сосредоточеніе войскъ на западной границѣ. Если удастся достигнуть закрытія Босфора мирнымъ путемъ, то очень можетъ быть, что державы, которыя сочтутъ, что имъ наносится этимъ ущербъ, будутъ до поры до времени сидѣть смирно, ибо каждая изъ нихъ будетъ выжидать почина другой и рѣшенія, какое приметъ Франція. Наши интересы совмѣстны болѣе, нежели интересы другихъ державъ, съ таготвнѣемъ русскаго могущества на югъ; можно даже сказать, что оно играетъ имъ въ руку. Мы можемъ долѣе, нежели другіе, выжидать, пока будетъ развязанъ новый узелъ, затанутый Россіей.

XXVII.

Послѣдняя болѣзнь и кончина Вильгельма I.—Полученное императоромъ воспитаніе.—Отличительныя черты его характера.—Оппозиція, которую императрица Августа оказывала правительственной политикѣ.—Ея вліяніе на императора.—Заботы Вильгельма о сохраненіи семейнаго мира.—Личное отношеніе Бисмарка къ Вильгельму I.—Письма Вильгельма I къ Бисмарку.—Послѣднее письмо къ канцлеру императрицы Августы.—Отношеніе Бисмарка къ кронпринцу Фридриху-Вильгельму.—Письмо къ Бисмарку императора Фридриха III.

Около 1875 г. умственные способности императора стали замѣтно слабѣть, онъ съ трудомъ усваивалъ чужую рѣчь и излагалъ свои мысли; говоря и слушая, онъ терялъ нить разговора. Достоинно вниманія, что послѣ покушенія Нобелинга въ его здоровьи совершилось замѣтное улучшеніе. Моменты забывчивости, подобные описаннымъ, болѣе не повторялись, императоръ сталъ держать себя непринужденнѣе, живѣе и мягче. Когда я выразилъ ему мое удовольствіе по поводу того, что его здоровье настолько поправилось, то онъ сказалъ, шутя: «Нобелингъ зналъ лучше врачей, что мнѣ было нужно сильное кровопусканье». Послѣдняя его болѣзнь была непродолжительна; она началась 4-го марта 1888 г. Въ 8-мъ часовъ утра я бесѣдовалъ послѣдній разъ съ императоромъ, когда онъ былъ еще въ сознаніи, и я добился того, что онъ разрѣшилъ мнѣ обнародовать подписанный имъ уже 17-го ноября 1887 г. приказъ, коимъ принцъ Вильгельмъ назначался, въ случаѣ надобности, заступающимъ мѣсто короля въ тѣхъ случаяхъ, когда его величество сочтетъ это необходимымъ. Императоръ выразилъ надежду, что я сохраню свое положеніе и буду служить ему

преемникамъ; при этомъ онъ какъ будто былъ озабоченъ мыслью, что между мною и императоромъ Фридрихомъ не будетъ согласія. Я старался успокоить его, насколько вообще было уместно говорить съ умирающимъ о томъ, что его преемники и я будемъ дѣлать послѣ его кончины. Затѣмъ, вспоминая про болѣзнь своего сына, онъ потребовалъ отъ меня обѣщанія быть полезнымъ его внуку моею опытностью и продолжать служить ему, если ему суждено, какъ казалось, вскорѣ стать во главѣ управленія. Я изъявилъ свою готовность служить его преемникамъ такъ же ревностно, какъ ему самому. Единственный его отвѣтъ на это было слабое рукопожатіе; затѣмъ наступилъ бредъ, мысли императора до того были заняты его внукомъ, что ему казалось, будто принцъ, который въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1886 г. уѣхалъ въ Брестъ-Литовскъ для свиданія съ царемъ, сидѣлъ на моемъ мѣстѣ возлѣ его кровати; обращаясь ко мнѣ неожиданно на ты, онъ сказалъ: «Съ русскимъ императоромъ ты долженъ всегда находиться въ дружескихъ отношеніяхъ, съ нимъ не слѣдуетъ ссориться». Послѣ довольно долгаго молчанія галлюцинація исчезла, онъ отпустилъ меня, сказавъ: «я еще вижу васъ». Онъ могъ бы видѣть меня еще разъ, когда я навѣстилъ его послѣ полудня и затѣмъ 9-го числа въ 4 часа по полуночи, но врядъ-ли онъ тогда узналъ меня среди многочисленныхъ присутствовавшихъ; 8-го числа, поздно вечеромъ, къ нему вернулась еще разъ полная ясность сознанія и способность ясно и связно говорить съ лицами, окружавшими его смертное ложе въ его узкой спальнѣ. То былъ послѣдній проблескъ этого сильнаго и доблестнаго ума. Онъ испустилъ духъ въ 8 часовъ 30 минутъ.

При Фридрихъ-Вильгельмѣ III только кронпринцъ получилъ воспитаніе, соответствовавшее наслѣднику престола; второму сыну короля дано было исключительно военное образованіе. Естественно, что все военное всегда ему было ближе къ сердцу, нежели статскія дѣла; я находилъ даже, что военный мундиръ, который я носилъ для того, чтобы не переодѣваться по нѣскольку разъ въ день, придавалъ мнѣ въ его глазахъ болѣе вѣса. Среди лицъ, которыя могли имѣть вліяніе на его развитіе въ бытность его кронпринцемъ, на первомъ планѣ стояли военные, не игравшіе роли въ политикѣ, затѣмъ генераль фонъ-Герлахъ, который много лѣтъ былъ его адъютантомъ и не принималъ участія въ это время въ политической жизни; это былъ способнѣйшій изъ его адъютантовъ, съ того момента, когда было учреждено регентство. Принцъ Вильгельмъ такъ глубоко созналъ свою неподготовленность къ дѣламъ управленія, что онъ работалъ день и ночь, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ. Занимаясь государственными дѣлами, онъ работалъ дѣйствительно въ высшей степени серьезно и добросовѣстно, читалъ всѣ входящія бумаги, а не только тѣ, которыя его интересовали, изучалъ

трактаты и законы для того, чтобы выработать себѣ самостоятельное мнѣніе. Онъ никогда не читалъ романовъ и вообще тѣхъ книгъ, которыя, не касались его обязанностей, какъ монарха, не курилъ, не игралъ въ карты; на охотѣ въ Вюстергаузенѣ, когда собравшееся общество отправлялось послѣ обѣда въ ту комнату, въ которой собиралась «табачная коллегія» Фридриха Вильгельма I, императоръ, не желая стѣснять присутствующихъ, приказывалъ подать себѣ длинную голландскую глиняную трубку, затягивался нѣсколько разъ и оставлялъ ее поморщавшись. Во Франкфуртѣ, когда онъ былъ еще принцемъ прусскимъ, войдя однажды во время бала въ комнату, гдѣ велась азартная игра, онъ сказалъ мнѣ: «я хочу также попробовать хоть разъ счастье, но у меня нѣтъ съ собою денегъ, одолжите мнѣ», такъ какъ и я не имѣлъ обыкновенія носить при себѣ деньги, то его выручилъ графъ Теодоръ Стольбергъ. Принцъ поставилъ нѣсколько разъ по талеру, проигралъ и удалился.

Единственный отдыхъ, который онъ позволялъ себѣ послѣ трудового дня, было провести вечеръ въ театрѣ; но и тутъ я имѣлъ право, какъ министръ, зайти въ его ложу, въ экстренномъ случаѣ дѣлать ему доклады въ маленькой аванъ-ложѣ и подносить къ подписи бумаги. Хотя онъ очень дорожилъ ночнымъ отдыхомъ и жаловался на дурно проведенную ночь, если просыпался раза два, и на бессонницу, если онъ просыпался ночью три раза, но я ни разу не подмѣтилъ въ немъ ни малѣйшаго неудовольствія, когда мнѣ случалось разбудить его ночью раза 2 или 3 для того, чтобы какъ можно скорѣе узнать его рѣшеніе по какому-нибудь вопросу.

Помимо прилежанія, къ которому побуждало его глубокое сознание долга, онъ обнаруживалъ при исполненіи обязанностей регента много природнаго здраваго смысла, common sense. Нѣкоторою помѣхою при обсужденіи дѣлъ была его преданность къ монархическимъ, военнымъ и мѣстнымъ традиціямъ; каждое отступленіе отъ нихъ, каждый шагъ на новомъ пути, вынужденный ходомъ событій, былъ для него затруднителенъ, онъ смотрѣлъ на подобныя уклоненія какъ на что-то непозволительное и недостойное. Привязываясь къ окружающимъ его лицамъ и къ предметамъ, которые онъ употреблялъ, онъ былъ также точно стоекъ въ своихъ убѣжденіяхъ, не легко отдѣлывался отъ полученныхъ имъ впечатлѣній и всегда думалъ о томъ, что бы сдѣлалъ или какъ бы поступилъ въ подобныхъ случаяхъ его отецъ. Особенно въ франко-прусскую войну онъ часто проводилъ параллель между ходомъ войны за освобожденіе.

Въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ влияніе супруги заставляло его иногда уклоняться отъ этого традиціоннаго принципа, а неспособность его министровъ и послѣшнихъ и неумѣлыя дѣйствія либеральной парла-

ментской партіи во время конфликта пробудили въ немъ энергію и рѣшимость, въ которой онъ былъ воспитанъ какъ прусскій прикѣцъ и офицеръ, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не обращалъ вниманія на опасности, которыя могли угрожать на томъ пути, на который онъ вступалъ. Если онъ былъ убѣжденъ, что долгъ и честь или то и другое вмѣстѣ повелѣвали ему дѣйствовать такъ или иначе, то онъ вступалъ на избранный путь, не обращая вниманія на опасности, коимъ онъ могъ подвергнуться въ полѣткѣхъ точно такъ же, какъ и на полѣ битвы. Онъ былъ неустрашимъ, но королева поддавалась страху; а желаніе поддержать домашній миръ было въ его величествѣ настолько сильно, что съ нимъ приходилось считаться, тогда какъ парламентскія грубости и угрозы вліяли на него только въ томъ смыслѣ, что удваивали его настойчивость и рѣшимость имъ противодѣйствовать. Эту особенность его характера министры и ихъ парламентскіе единомышленники никогда не принимали въ соображеніе. Графъ Шверинъ до такой степени не понималъ характера этого монарха, человѣка неустрашимого, чисто военнаго закала, что онъ считалъ возможнымъ застрашать его высокобѣриемъ и отсутствіемъ вѣжливости. Это подорвало вліяніе тогдашняго министерства, либераловъ и Бетманъ-гольвегской партіи, содѣйствовало переходу власти въ руки Роона и заставило князя Гогенцоллерна и Ауерсвальда желать моего вступленія въ министерство. Королева и Шлейниці помѣшали этому въ то время, когда я находился весною 1860 г. въ Берлинѣ, но недоразумѣнія, происходившія между королемъ и его министрами, окончательно подорвали ихъ взаимныя отношенія, и они уже не могли быть болѣе восстановлены.

Принцесса Августа держалась, въ царствованіе Фридриха Вильгельма IV, взглядовъ противоположныхъ правительственной политикѣ; министровъ, назначенныхъ во время регентства, она считала своимъ министерствомъ. Она всегда чувствовала какую-то потребность противодѣйствовать правительственному направленію ея зятя и впослѣдствіи ея супруга, покровительствовала то той, то другой партіи, но всегда оказывалось, что она поддерживала именно ту партію, которая въ данный моментъ была въ оппозиціи съ министерствомъ. Если правительственная политика носила консервативный характеръ, то въ домашнемъ кругу королевы отличали и поощряли либераловъ и ихъ стремленія; если императорское правительство, въ своихъ заботахъ объ упроченіи вновь созданной имперіи, вступало на либеральный путь, то она начинала благоволить консервативнымъ и преимущественно католическимъ элементамъ, коимъ императрица поддерживала, впрочемъ, по преимуществу, такъ какъ въ царствованіе протестантской династіи они часто и даже въ большинствѣ случаевъ составляли оппозицію. Въ тѣ моменты, когда наша виѣшняя политика могла идти съ Австріей

рука объ руку, къ Австріи относились недружелюбно, ея чуждались; когда же нашей политикѣ угрожало столкновение съ Австріей, королева защищала ея интересы и являлась ея защитницею; такъ было до самаго начала войны 1866 г. Въ то время какъ на границѣ Богеміи начались уже военныя дѣйствія, въ Берлинѣ, подъ покровительствомъ ея величества и при посредствѣ фонъ-Шлейница продолжались сношенія и переговоры весьма сомнительнаго свойства. Съ тѣхъ поръ какъ я сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ, а онъ былъ назначенъ министромъ королевскаго двора, г. фонъ-Шлейницъ сталъ играть роль какъ бы министра королевы, доставляя ея величеству матеріалъ для критики и для ея воздѣйствія на короля. Съ этой цѣлью онъ воспользовался связями, какія успѣлъ завести въ то время, когда былъ моимъ предѣстникомъ, путемъ частной корреспонденціи, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ настоящую сѣть дипломатическихъ донесеній. Я убѣдился въ этомъ случайно, когда нѣкоторыя изъ этихъ донесеній, по содержанію коихъ можно было заключить о существованіи пѣлаго ряда подобныхъ сообщеній, были доставлены мнѣ по ошибкѣ фельдъегеря или почты; они до такой степени походили на официальные донесенія, что меня поразили только нѣкоторыя ссылки въ текстѣ; тогда я розыскалъ конвертъ, въ которомъ были присланы донесенія, извлекъ его изъ корзины съ бумагами, куда онъ былъ брошенъ, и прочелъ на немъ адресъ г. фонъ-Шлейница. Къ числу чиновниковъ, съ которыми онъ поддерживалъ подобныя сношенія, принадлежалъ, между прочимъ, нѣкій коноулъ, о которомъ Роонъ писалъ мнѣ 25-го января 1864 г., что онъ состоитъ на жалованьи у Друэнъ-де-Люиса и пишетъ подъ именемъ Зигфельда статьи для «Mémorial Diplomatique», въ которыхъ защищалась между прочимъ оккупация рейнскихъ провинцій Наполеономъ и проводилась параллель между нею и нашею оккупаціей Шлезвига.

Когда мнѣ пришлось однажды навѣстить разсерженного и заболѣвшаго вслѣдствіе этого императора рано утромъ, чтобы пожаловаться ему на демонстрацію, устроенную при дворѣ въ пользу центра, то я засталъ его въ постели; возлѣ него сидѣла императрица въ такомъ туалетѣ, который заставлялъ предполагать, что она спустилась только тогда, когда было доложено о моемъ пріѣздѣ. На мою просьбу дозволить мнѣ переговорить съ императоромъ съ глазу-на-глазь, она удалась, но тутъ же за дверью, которая не была ею плотно притворена, она сѣла на стулъ и старалась своими движеніями дать понять мнѣ, что она все слышитъ. Эта, уже не первая, съ ея стороны попытка застрашать меня не заставила меня отказаться отъ намѣренія сдѣлать докладъ императору. Въ тотъ же день, вечеромъ, я былъ на собраніи во дворцѣ. Ея величество заговорила со мною такимъ тономъ, который

заставилъ меня предположить, что императоръ передалъ ей мою жалобу. Разговоръ принялъ такой оборотъ, что я просилъ императрицу пощадить пошатнувшееся здоровье ея супруга и не подвергать его разнорѣчивымъ политическимъ вліяніямъ. Это, по придворнымъ традиціямъ, неожиданное заявленіе съ моей стороны произвело изумительное дѣйствіе.

Я ни разу не видѣлъ императрицу Августу въ послѣдніе годы такую красавицею, какъ въ этотъ моментъ; она выпрямилась во весь ростъ, глаза ея сверкнули и загорѣлись такимъ блескомъ, какъ мнѣ ни раньше, ни послѣ не приходилось видѣть. Императрица прекратила разговоръ, отошла отъ меня и сказала, какъ мнѣ передавалъ одинъ изъ придворныхъ, съ которымъ я былъ близокъ:

— Нашъ всемілостивѣйшій имперскій канцлеръ сегодня очень не милостивъ.

Многолѣтній опытъ далъ мнѣ возможность судить довольно вѣрно о томъ, когда императоръ оспаривалъ предложенія, которыя я считалъ долгомъ дѣлать ему, руководствуясь только своимъ собственнымъ сужденіемъ, или же желаніемъ поддержать семейный миръ. Въ первомъ случаѣ, я могъ обыкновенно надѣяться, что мы придемъ къ соглашенію, если я сумѣю выждать, пока императоръ не освоится съ вопросомъ, благодаря своему ясному уму; или не велитъ представить его на обсужденіе въ совѣтъ министровъ. Въ такихъ случаяхъ споръ, происходившій между нами, не сходилъ съ дѣловой почвы. Совершенно иначе обстояло дѣло, если король не соглашался съ мнѣніемъ министерства потому, что обсуждаемый вопросъ, по инициативѣ ея величества, подвергся уже предварительному обсужденію во время завтрака и если ей удалось добиться въ извѣстномъ смыслѣ согласія короля, даннаго хотя бы съ большимъ раздраженіемъ. Въ подобный моментъ, когда король, подъ вліяніемъ написанныхъ *ad hoc* писемъ и газетныхъ статей, высказывалъ поспѣшныя заключенія въ духѣ антимиистерской полтики, ея величество закрѣпляла обыкновенно одержанную ею побѣду, выражая сомнѣніе, въ состояніи ли будетъ король настоять на высказанномъ имъ мнѣніи «противъ Бисмарка». Въ тѣхъ случаяхъ, когда его величество не соглашался со мною не по своему личному убѣжденію, а только подчиняясь женскому вліянію, я догадывался объ этомъ потому, что его доводы были не основательны и не логичны. Въ такихъ случаяхъ, императоръ, не находя въ концѣ концовъ ничего болѣе возразить мнѣ, заканчивалъ обыкновенно обсужденіе вопроса словами: «Тѣфу пропасть! ну, такъ я васъ прошу». Я понималъ тогда, что я имѣлъ дѣло въ этомъ случаѣ не съ императоромъ, а съ его супругою.

Всѣ враги, которыхъ я весьма естественно приобрѣлъ въ разныхъ сферахъ во время моей политической борьбы и при моихъ служебныхъ

отношеніяхъ, въ своей ненависти ко мнѣ нашли такую общую, связующую ихъ силу, которая была сильнѣе, нежели ихъ взаимное нерасположеніе другъ къ другу. Они отказались на-время отъ своей вражды, чтобы послужить тому, кто питалъ ко мнѣ еще болѣе непріязненные чувства. Центромъ, вокругъ котораго группировались эти враждебныя мнѣ лица, была императрица Августа, которая не обращала вниманія ни на лѣта, ни на здоровье своего супруга, когда дѣло шло о томъ, чтобы поставить на своемъ.

Во время осады Парижа, точно такъ же, какъ впоследствии, императору часто приходилось выдерживать борьбу, съ одной стороны, между своимъ здравымъ смысломъ и чувствомъ долга, а съ другой— между желаніемъ охранить семейный миръ и женскимъ вмѣшательствомъ въ дѣла политики. Рыцарскія чувства, которыя онъ питалъ къ ней, какъ къ императрицѣ, къ своей супругѣ, мянческія чувства, которыя онъ питалъ къ ней, какъ къ королевой иной особѣ, огорченіе, которое причиняло ему нарушеніе семейнаго мира и согласія и привычекъ повседневной жизни, создавали мнѣ такія помѣхи, преодолѣть которыя мнѣ было иногда труднѣе, нежели разрушить препоны, которыя создавали иностранныя державы или враждебныя мнѣ партіи; вслѣдствіе моей сердечной привязанности къ императору, это обстоятельство значительно усиливало раздраженіе, возбуждаемое во мнѣ борьбою, которую я считалъ долгомъ вести, отставивъ свои убѣжденія.

Императоръ чувствовалъ это и въ послѣдніе годы жизни не скрывалъ отъ меня своихъ семейныхъ отношеній, совѣтовался со мною, какъ дѣйствовать и въ какой формѣ, чтобы сохранить домашнее спокойствіе, не вредя государственнымъ интересамъ; «горячая голова», такъ называлъ императоръ въ откровенной бесѣдѣ свою супругу, подъ влияніемъ чувствъ, въ которомъ смѣшивались досада, уваженіе и любовь; эти слова сопровождались такимъ жестомъ, который означалъ приблизительно: «я ничего не могу подвѣять». Я находилъ это названіе весьма мѣткимъ. Когда намъ не угрожало непосредственно никакой опасности, то императрица была бодра, мужественна, повиновалась высшему чувству долга, но, гордая сознаніемъ своего королевскаго достоинства, она не допускала иной власти, кромя своей собственной.

Вліяніе, которое принцъ прусскій, въ бытность регентомъ и впоследствии императоромъ, оказывалъ не только на лицъ военныхъ, но и на политическихъ дѣятелей, подчинявшихся его взглядамъ и желаніямъ, объясняется твердыми и благородными свойствами его характера, которыя были у него скорѣе врожденны, нежели привиты воспитаніемъ. Выраженіе «царственное благородство» весьма подходитъ къ его личности. Тщеславіе можетъ побуждать монарха дѣйствовать и трудиться

на благо своихъ поданныхъ. Фридрихъ Великій не былъ чуждъ ему; его первый подвигъ былъ вызванъ желаніемъ достигнуть славы. У императора Вильгельма I не было этого тщеславія; за то онъ чрезвычайно боялся справедливаго суда современниковъ и потомства. Сознывая свое царственное достоинство, онъ подумалъ бы: если человѣкъ осмѣливается хвалить меня въ глаза, слѣдовательно, онъ имѣетъ право также порицать меня въ глаза. Ни того, ни другаго онъ не допускалъ.

Монархъ и парламентъ поняли и научились уважать другъ-друга въ продолженіе той тяжелой внутренней борьбы, которую имъ пришлось вынести; честность, сознание своего королевскаго достоинства и самоувѣренное спокойствіе короля снискали ему въ концѣ-концовъ уваженіе противниковъ; самъ король, благодаря высоко развитому въ немъ чувству чести, могъ справедливо оцѣнить положеніе той и другой стороны. Преобладающею его чертою была справедливость не только по отношенію къ своимъ друзьямъ и слугамъ, но также и въ борьбѣ съ врагами. Онъ былъ джентльменомъ на тронѣ, человѣкомъ благороднымъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ никогда не поддался бы искушенію воспользоваться своей верховной властью для того, чтобы поступить не такъ, какъ повелѣвалъ ему долгъ; всѣ его поступки во внутренней и виѣшней политикѣ подчинялись всегда принципамъ дворянина старой заправки и истаго прусскаго офицера. Онъ считалъ долгомъ держать данное слово не только по отношенію къ монархамъ, но и по отношенію къ своимъ слугамъ, до послѣдняго камердинера. Если ему случалось, подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія, слишкомъ горячо оберегать свое королевское достоинство и свой долгъ, то онъ умѣлъ быстро овладѣть собою и оставался всегда «королемъ съ головы до ногъ», при томъ королемъ справедливымъ и доброжелательнымъ и истинно военнымъ человѣкомъ, преисполненнымъ чувства чести, котораго одна мысль о достоинствѣ прусскаго офицера могла удержать на должномъ пути.

Императоръ былъ способенъ раздражиться, но во время спора раздраженіе спорившаго не сообщалось ему; въ такихъ случаяхъ, онъ ласково прекращалъ разговоръ. Вспышки гнѣва, подобныя той, какая случилась въ Версалѣ, когда онъ отказывался принять императорскій титулъ, случались весьма рѣдко. Если онъ бывалъ рѣзокъ съ людьми, къ которымъ онъ благоволилъ, какъ на примѣръ къ графу Роону и ко мнѣ, то это значило, что либо его раздражалъ самый предметъ разговора, либо онъ находился подъ вліяніемъ посторонняго частнаго разговора и былъ вынужденъ отстаивать взглядъ, который въ сущности былъ невыполнимъ. Графъ Роонъ относился къ подобнымъ вспышкамъ гнѣва, какъ военный, выслушивающій передъ фронтомъ незаслуженный по его мнѣнію выговоръ начальства, но это страшно дѣйствовало на его

нервы и впоследствии на его здоровье. На меня же взрывы императорскаго гнѣва, которыхъ мнѣ приходилось рѣже быть свидѣтелемъ, нежели Роону, дѣйствовали не раздражающимъ, а условаивающимъ образомъ.

Я выработалъ себѣ такой взглядъ, что монархъ, удостоивавшій меня такимъ довѣріемъ и благоволеніемъ, какъ Вильгельмъ I, представляетъ для меня, въ моменты своего гнѣва, такую непреодолимую силу, съ которой я не въ состояніи бороться, подобно вѣтру, морю или явленію природы, которому я долженъ подчиняться; это отношеніе вытекало изъ моей личной привязанности къ императору Вильгельму I.

Въ отношеніи къ нему у меня почти не существовало обидчивости, онъ могъ обойтись со мною очень дурно, не вызвавъ во мнѣ раздраженія; я не могъ почувствовать себя имъ оскорбленнымъ, точно такъ же, какъ въ родительскомъ домѣ. Это не мѣшало тому, что, не встрѣчая при обсужденіи политическихъ и дѣловыхъ вопросовъ, со стороны монарха сочувствія или наталкиваясь на предвзятое мнѣніе, исходящее отъ ея величества или отъ придворныхъ интригановъ духовнаго лагеря или отъ франмасоновъ, я поддавался нервному возбужденію, вызванному непрестанной борьбою, и оказывалъ ему пассивное противодѣйствіе, о которомъ нынѣ, при болѣе спокойномъ состояніи духа, я сожалею и скорблю, точно такъ, какъ мы испытываемъ грусть по смерти отца, при воспоминаніи о какихъ-либо случайныхъ размовкахъ съ нимъ.

Благодаря его чистосердечію, искреннему доброжелательству къ окружающимъ и сердечной любезности, протекавшей изъ сознанія его высокаго положенія, ему легко удавались такія вещи, которыя доставляли не мало труда конституціоннымъ монархамъ и министрамъ. Повторяющіяся изъ года въ годъ обращенія къ народу тѣхъ монарховъ, коихъ конституціонныя учрежденія считаются образцовыми, доставляютъ богатый матеріалъ для публичныхъ рѣчей, но Леопольдъ бельгійскій и Людовикъ Филиппъ, при всей ихъ находчивости, истощили конституціонную фразеологию, и германскій монархъ едва-ли могъ бы увеличить письменно или печатно кругъ употребительныхъ въ этихъ случаяхъ выраженій. Мнѣ самому никакая работа не была такъ непріятна и трудна, какъ составленіе подходящихъ для тронныхъ рѣчей фразъ и тому подобныхъ обращеній къ публикѣ. Когда императору Вильгельму случалось самому редактировать прокламаціи или писать собственноручно письма, то, хотя они и грѣшили иной разъ противъ правилъ грамматики, но въ нихъ всегда было что-то подкупающее и верѣдко даже воодушевляющее. Онѣ трогали теплотою чувства и вселяли увѣренность, что король не только требовалъ преданности къ себѣ, но что онъ и самъ былъ преданъ народу.

Il était de relation sûre; монархъ душою и тѣломъ, онъ представлялъ собою одну изъ тѣхъ царственныхъ личностей, которыя обладаютъ болѣе качествами сердца, нежели ума; чѣмъ объясняется преданность не на животь, а на смерть, которую выказываютъ иногда ихъ германскіе слуги и приверженцы.

Одну изъ особенностей людей, глубоко преданныхъ монархическому принципу, составляетъ то, что они въ тѣхъ случаяхъ смотрятъ на себя какъ на слугъ монарха даже, когда они чувствуютъ себя въ силахъ вліять на его рѣшенія. Самъ король похвалилъ однажды (1865 г.) моею женою любовь, съ какою я умѣлъ угадывать его намѣренія и даже, какъ онъ присовокупилъ послѣ короткой паузы, руководить ими. Эта оцѣнка не мѣшала однако сознаваю, что онъ былъ властитель, а я его слуга, хотя и полезный, но покорный и преданный.

Это сознаніе не покидало его и въ то время, когда, обсуждая въ весьма возбужденномъ состояніи просьбу объ отставкѣ, поданную мною въ 1877 г., онъ сказалъ: «Неужели же я долженъ осрамить себя на старости лѣтъ? Если вы меня покинете, это будетъ измѣна». Даже и при такихъ обстоятельствахъ онъ слишкомъ высоко цѣнилъ свое королевское достоинство и отличался слишкомъ здравымъ сужденіемъ, чтобы испытать ко мнѣ малѣйшее чувство зависти. Какъ царь, онъ чувствовалъ, что онъ не только могъ мириться съ тѣмъ, что у него былъ слуга, пользовавшійся уваженіемъ и властью, но что это даже возвышало его. Онъ былъ слишкомъ благороденъ, чтобы испытать чувство землевладѣльца, который не терпѣтъ у себя въ деревнѣ богатаго и независимаго крестьянина. Удовольствіе, съ какимъ онъ разрѣшилъ почтить меня по случаю моего 50-ти лѣтняго юбилея ¹⁾ въ 1885 г. и принялъ участіе въ празднествахъ, которыя были устроены не по его приказанію, выставили благородный характеръ этого монарха передъ публикой и потомствомъ въ истинномъ свѣтѣ. Празднованіе состоялось не по его повелѣнію, но съ его дозволенія, и онъ съ радостью принялъ въ немъ участіе. Онъ не испыталъ ни малѣйшей зависти къ своему подданному и слугѣ, его ни на минуту не покидало сознаніе, что онъ монархъ, точно такъ же, какъ самыя преувеличенныя почести не подавили во мнѣ сознанія, что я слуга этого монарха, и это сознаніе радовало меня.

Нижеслѣдующія письма живѣе всякихъ словъ рисуютъ характерныя черты императора.

Берлинъ, 13-го января 1870 г.

«Къ сожалѣнію, я позабылъ до сихъ поръ передать вамъ медаль въ честь побѣды, которую слѣдовало, строго говоря, прежде всего по-

¹⁾ По желанію императора, оно было соединено съ празднованіемъ 70-ти лѣтня моего рожденія.

Примѣч. Бисмарка.

лучить в амъ, поэтому посылаю ее вмѣстѣ съ симъ, какъ доказательство вашей всемірно-исторической дѣятельности. Вашъ Вильгельмъ».

Я написалъ королю въ тотъ же день:

«Принюшу вашему величеству почтительнѣйшую и глубочайшую благодарность за милостивое пожалованіе мнѣ медали въ честь побѣды, и за почетное мѣсто, отведенное мнѣ вашимъ величествомъ на этомъ историческомъ памятникѣ. Воспоминаніе о событіи, которое эта медаль сохранить потомству, приобрѣтаетъ для меня и для моихъ близкихъ особое значеніе, благодаря милостивымъ строкамъ, коими ваше величество сопровождали пожалованіе мнѣ медали. Для самолюбія моего весьма лестно, что потомство увидитъ мое имя подъ крыльями королевскаго орла, указывающаго Германіи ея будущіе пути, но для сердца моего еще болѣе дорого сознаніе, что съ Божиимъ благословеніемъ я служу монарху, унаслѣдовавшему престолъ отъ предковъ, къ которому я питаю чувства искренней любви и преданности, и заслужить одобреніе коего составляетъ для меня самую желанную награду».

Берлинъ, 21-го марта 1871 г.

«Съ открытіемъ, сего числа, перваго, по возстановленіи Германской имперіи, германскаго рейхстага, начинается его официальная дѣятельность. Исторія Пруссіи и ея судьбы давно уже заставляли предполагать возможность событія, которое совершилось нынѣ, когда она призвана стать во главѣ вновь основанной имперіи. Пруссія не столько обязана этимъ величій своей территоріи и своему могуществу, хотя то и другое одинаково возрасли, какъ ея умственному развитію и организациі ея войска. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ моя страна достигла съ изумительной быстротою того блестящаго состоянія, какимъ она пользуется нынѣ. Съ этимъ періодомъ совпадаетъ дѣятельность, къ которой вы были призваны мною 10 лѣтъ тому назадъ. Весь міръ свидѣтель того, въ какой степени вы оправдали довѣріе, съ какимъ вы были призваны мною къ этой дѣятельности. Вашимъ совѣтамъ, вашей предусмотрительности, вашей неутомимой дѣятельности Пруссія и Германія обязаны всемірно-историческому событію, которое воплощается сегодня въ моей столицѣ.

«Хотя награда за эту дѣятельность въ вашемъ собственномъ сознаніи, но все же я вынужденъ и считаю долгомъ публично выразить вамъ вѣчную благодарность отечества и мою собственную. Возвожу васъ поэтому въ княжеское, Прусской имперіи, достоинство, съ тѣмъ, чтобы оно переходило по наслѣдству къ старшему члену вашей семьи въ мужскомъ поколѣніи.

«Я желалъ бы, чтобы вы видѣли въ этомъ отличіи вѣчную признательность вашего императора и короля Вильгельма».

Берлинъ, 2-го марта 1872 г.

«Мы празднуемъ сегодня первую годовщину заключенія славнаго мира, одержаннаго нами благодаря мужеству и самоотверженію войска, по который, благодаря вашей предусмотрительности и энергіи, привелъ къ такимъ послѣдствіямъ, конхъ нельзя было предвидѣть! Еще разъ отъ всего сердца приношу вамъ сегодня искреннюю благодарность, которая уже была выражена мною ранѣе желѣзомъ и благородными металлами. Недостааетъ еще одного металла—бронзы. Поэтому представляю вамъ сегодня на память предметъ изъ этого металла, при томъ въ видѣ той вещи, которую вы заставили смолкнуть годъ тому назадъ; я приказалъ препроводить къ вамъ, по вашему собственному выбору, нѣсколько орудій, взятыхъ у непріятеля, съ тѣмъ, чтобы вы поставили ихъ въ вашемъ имѣніи въ вѣчное воспоминаніе оказанныхъ вами мнѣ и отечеству высокихъ услугъ! Вамъ искренно преданный и признательный Вильгельмъ».

Кобленцъ, 26 іюля 1872 г.

«28-го числа сего мѣсяца вы будете справлять радостный семейный праздникъ, который Господь, по своей милости, ниспослалъ вамъ. Я не могу и даже не имѣю права не принять участія въ этомъ праздникѣ, и прошу васъ и княгиню, вашу супругу, принять мои искреннія и горячія благопожеланія по случаю этого радостнаго дня. Вы вознесете молитвы ко Всевышнему за то, что при всѣхъ благахъ, излитыхъ на васъ Провидѣніемъ, семейное счастье было для васъ всегда высшимъ благомъ. Но благодарственные молитвы мои и всѣхъ насъ идутъ далѣе; мы благодаримъ Бога за то, что онъ поставилъ васъ въ столь важный моментъ подлѣ меня и тѣмъ открылъ моему правительству такіе пути, которые далеко превзошли все, что можно было предвидѣть и ожидать. Вы также вознесете благодарность Господу за то, что онъ даровалъ вамъ возможность совершить такіа выдающіяся дѣла. Трудясь и окончивая свой трудъ, вы находили всегда дома отдыхъ и спокойствіе, в это поддерживало васъ при исполненіи вашихъ многотрудныхъ обязанностей. Мое всегдашнее желаніе сохранить и подкрѣпить васъ для этихъ трудовъ; я радъ видѣть изъ вашего письма, переданнаго мнѣ гр. Лендорфомъ, и слышать отъ него лично, что вы будете теперь думать болѣе о себѣ, нежели о бумагахъ».

«На память о вашей серебряной свадьбѣ вамъ будетъ передана ваза, изображающая признательную Borussia (Пруссію); хотя матеріалъ, изъ котораго она сдѣлана, весьма хрупокъ, но каждый ея осколокъ долженъ выражать то, чѣмъ Пруссія обязана вамъ за то, что вы подняли ее на высоту, на которой она нынѣ стоитъ. Вамъ искренно преданный и благодарный король Вильгельмъ».

Кобленцъ, 6-го ноября 1878 г.

«Вамъ было суждено въ теченіе четверти вѣка, благодаря вашей предусмотрительности, мудрости и смѣлости, возвратить Европѣ миръ и поддержать его, а затѣмъ выступить, вооружившись закономъ, на защиту Германіи противъ врага, который угрожалъ гибелью всѣмъ государственнымъ устоямъ. Когда эти міровыя событія были поняты и оцѣнены всѣми благонамѣренными людьми, то вамъ было воздано за нихъ должное, и я имѣлъ возможность засвидѣтельствовать вамъ мою признательность за первое изъ помянутыхъ событій—за Берлинскій конгрессъ, теперь же я считаю долгомъ выразить вамъ также публично мою благодарность за смѣлость, съ какою вы защищали законныя права. Законъ ¹⁾, о которомъ я говорю, и обнародованіе котораго было вызвано прискорбнымъ для моего сердца событіемъ, долженъ обезпечить нѣмецкимъ государствамъ, а слѣдовательно и Пруссіи, ихъ теперешнее законное существованіе.

«Въ знакъ моей признательности за выдающіяся за слуги, оказанныя вами моею Пруссіи, я препровождаю вамъ при семъ орденъ, составленный изъ знаковъ ея могущества: короны, скипетра и меча, къ которымъ я велѣлъ присоединить орденскіе знаки Краснаго орла 1 ст., который вы постоянно носите.

«Мечъ свидѣтельствуетъ о храбрости и предусмотрительности, съ какими вы умѣете поддерживать мой скипетръ и мою корону.

«Да ниспослетъ вамъ Провидѣніе силы еще много лѣтъ служить на пользу моего правительства и на благо отечества съ присущимъ вамъ патриотизмомъ. Вамъ искренно преданный и признательный Вильгельмъ».

Берлинъ, 1-го апрѣля 1879 г.

«Къ сожалѣнію, я не могу высказать вамъ мои пожеланія, къ сегодняшнему дню, лично, ибо хотя мнѣ и позволено выѣхать сегодня первый разъ, но не разрѣшено еще подниматься по лѣстницамъ.

«Прежде всего, желаю вамъ здоровья, такъ какъ отъ него зависитъ всякая дѣятельность, вы же проявляете ее, въ настоящее время, съ необычайною энергіей; это доказываетъ, что дѣятельность поддерживаетъ, въ свою очередь, здоровье. Да продолжится она и вредъ къ благу отечества, въ тѣсномъ и въ болѣе широкомъ смыслѣ.

«Пользуюсь сегодняшнимъ днемъ, чтобы произвести вашего зятя, графа Ранцау, въ чинъ совѣтника при посольствѣ (Legationsrath), полагая, что это доставитъ вамъ удовольствіе.

«Посылаю вамъ также снимокъ съ портрета моего великаго предка,

¹⁾ Законъ 21-го октября 1878 г. противъ угрожавшихъ общественному спокойствію стремленій социаль-демократовъ. Примѣч. Бисмарка.

великаго курфирста, на память о сегодняшнемъ днѣ; отъ души желаю, чтобы мы еще много лѣтъ праздновали его. Вамъ признательный Вильгельмъ».

На Рождествѣ, 1883 года, императоръ подарилъ мнѣ снимокъ съ памятника въ Нидервальдѣ, къ которому былъ прикрѣпленъ листокъ слѣдующаго содержанія:

Къ Рождеству.

1883 г.

«Послѣдній камень возведеннаго вами политическаго зданія; празднество, особенно близко касавшееся васъ, и на которомъ вы, къ сожалѣнію ¹⁾, не могли присутствовать. В.»

Берлинъ, 1-го апрѣля 1885 г.

«Любезный князь! По всей Германіи и во всемъ нѣмецкомъ народѣ обнаружилось искреннее желаніе засвидѣтельствовать вамъ, по случаю 70-ти-лѣтняго дня вашего рожденія, тотъ фактъ, что воспоминаніе обо всемъ, сдѣланномъ вами для величія отечества, живо въ сердцахъ благодарныхъ гражданъ; я также чувствую искреннюю сердечную потребность выразить вамъ сегодня, какъ искренно меня радуется, что въ народѣ сказалась эта потребность выразить вамъ его признательность и уваженіе. Это радуется меня, такъ какъ эта благодарность по истинѣ и вполне вами заслужена; мнѣ пріятно видѣть, что подобное настроеніе охватило массу народа, ибо когда онъ отдаетъ должное истинному и великому и отдаетъ дань уваженія и прославляетъ заслуги своихъ дѣятелей, то это дѣлаетъ ему честь въ настоящемъ и подаетъ надежду на будущее.

«Принять участіе въ этомъ празднествѣ составляетъ для меня и для моей семьи истинную отраду; прилагаемымъ при семъ снимкомъ (императорской прокламаціи въ Версалѣ) мы хотимъ выразить вамъ чувства признательности, одушевлявшія насъ при этомъ, ибо онъ изображаетъ одинъ изъ величайшихъ моментовъ въ исторіи дома Гогенцоллерновъ, о которомъ нельзя вспомнить, не припомнивъ, одновременно, и о вашихъ заслугахъ.

«Вамъ извѣстно, любезный князь, что я всегда буду питать къ вамъ величайшее довѣріе, самое искреннее расположеніе и самую горячую признательность! Поэтому я повторяю въ настоящемъ письмѣ лишь то, что я уже много разъ говорилъ вамъ, я полагаю, что это изображеніе докажетъ отдаленнѣйшимъ вашимъ потомкамъ, что вашъ императоръ и король и его семейство вполне понимали, чѣмъ они были вамъ обязаны.

«Съ этими мыслями и чувствами я заканчиваю эти строки. На вѣки вамъ благодарный и искренно преданный императоръ и король Вильгельмъ».

¹⁾ По причинѣ болѣзни.

Прим. Бисмарка.

Берлинъ, къ 23-му сентября 1887 г.

«Вы празднуете, любезный князь, 23-го сентября сего года день, въ который, 25 лѣтъ тому назадъ, я призвалъ васъ на службу въ министерство и затѣмъ назначилъ васъ его главою. Выдающіяся заслуги, оказанныя вами отечеству еще ранѣе, при исполненіи самыхъ разнообразныхъ и важныхъ порученій, дали мнѣ право возложить на васъ эти обязанности. Исторія послѣдней четверти текущаго столѣтія доказываетъ, что, остановивъ свой выборъ на васъ, я не ошибся.

«Вы были яркимъ примѣромъ искренней любви къ отечеству, неутомимой дѣятельности, для которой вы нерѣдко жертвовали своимъ здоровьемъ; вы неутомимо слѣдили за осложнениями, возникшими въ мирное и въ военное время, и направляли ихъ къ хорошему концу; вы вели пруссаковъ къ почестямъ и славѣ и доставили имъ такое положеніе во всемірной исторіи, о которомъ никто не могъ мечтать; такая дѣятельность даетъ мнѣ полное право начать день 25-ти-лѣтняго юбилея, 23-го сентября, благодарственной къ Господу Богу молитвою за то, что онъ поставилъ васъ подлѣ меня, чтобы совершить Его волю на землѣ.

«Приношу вамъ, за все это, еще разъ благодарность, которую я неоднократно высказывалъ вамъ на словахъ и на дѣлѣ.

«Отъ всего, преисполненного благодарностью, сердца желаю вамъ счастья и отъ души желаю, чтобы вы долго еще могли служить своими силами на благо престола и отечества. Вѣчно вамъ благодарный король и другъ Вильгельмъ».

«P. S. Въ воспоминаніе объ истекшихъ 25-ти годахъ посылаю вамъ изображеніе того зданія, въ которомъ мы приступили къ обсужденію и къ выполненію столь важныхъ задачъ, которыя поведутъ, надо полагать, къ чести и къ благу Германіи. В.»

Послѣднее письмо отъ императора получено мною 23-го декабря 1887 года. По сравненію съ предыдущими, по слогу этого письма и по почерку, было замѣтно, что императору, послѣдніе три мѣсяца, стало гораздо труднѣе излагать свои мысли устно и письменно; но это не мѣшало ясности его мыслей, не мѣшало ему проявлять отеческую заботливость о чувствахъ своего больного сына и о надлежащемъ образованіи своего внука.

Было бы ошибкою, при передачѣ этого письма, что-либо измѣнить въ немъ.

Берлинъ, 23-го декабря 1887 г.

«Прилагаю при семъ указъ о производствѣ вашего сына въ дѣйствительные тайные совѣтники, съ просьбою передать этотъ указъ вашему сыну—это удовольствіе, котораго я не хочу лишать васъ. Я полагаю, что онъ порадуетъ троихъ: васъ, вашего сына и меня!

«Пользуюсь случаемъ, чтобы объяснить вамъ, почему я до сихъ поръ ничего не отвѣчалъ на ваше предложеніе познакомить моего внука, принца Вильгельма, ближе съ государственными дѣлами, въ виду плохого состоянія здороваго моего сына.

«Въ принципѣ, я вполне согласенъ съ вами, что это необходимо, но выполненіе этого плана весьма затруднительно; вамъ извѣстно, конечно, что принятое мною, по вашему совѣту, вполне естественное, само по себѣ, рѣшеніе, чтобы мой внукъ В. подписывалъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣ это невозможно, текущія бумаги гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, присовокупляя подъ своею подписью слова «по высочайшему повелѣнію», чрезвычайно раздражило кронпринца, словно въ Берлинѣ уже думаютъ о томъ, какъ бы замѣнить его! Обсудивъ этотъ вопросъ болѣе хладнокровно, мой сынъ, вѣроятно, успокоится. Еще труднѣе было бы ему помириться съ этимъ, узнавъ, что его сыну предоставлено еще большее участіе въ государственныхъ дѣлахъ, и что при немъ назначенъ даже состоять статскій адъютантъ (civil adjutant), какъ я называлъ, въ свое время, моихъ докладчиковъ. Но тогда дѣла находились совершенно въ иномъ положеніи; такъ какъ король, мой отецъ имѣлъ причины назначить замѣстителя тогдашняго кронпринца и хотя уже давно можно было предположить, что престолъ перейдетъ ко мнѣ, но объявленіе о томъ послѣдовало лишь тогда, когда мнѣ исполнилось 44 года, когда мой братъ назначилъ меня сразу членомъ государственнаго совѣта, съ титуломъ принца прусскаго. При моемъ тогдашнемъ положеніи было необходимо содѣйствіе опытнаго дѣловаго чловека для того, чтобы готовить меня каждый разъ къ участію въ засѣданіяхъ министерства. Въ то же время я получалъ ежедневно политическія депеши послѣ того, какъ послѣднія, судя по наложеннымъ на нихъ печатамъ, проходили черезъ 4—5—6 рукъ! Слѣдовательно, если назначить къ моему внуку государственнаго сановника, какъ вы предлагаете, единственно для собесѣдованія, то это не можетъ быть объяснено необходимостью готовить его, какъ меня, съ извѣстной цѣлью, и это, безъ сомнѣнья, раздражило бы вновь еще болѣе моего сына, чего, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ избѣгать. Поэтому предлагаю вамъ, чтобы былъ сохраненъ прежній способъ изученія дѣлъ и ознакомленія съ государственнымъ устройствомъ, то-есть, чтобы это было возложено на отдѣльныя министерства; быть можетъ, эту обязанность можно будетъ распространить еще на два министерства, подобно тому, какъ это было нынѣшнюю зиму, когда мой внукъ добровольно сталъ посѣщать министерство иностранныхъ дѣлъ и министерство финансовъ, а съ новаго года это можно сдѣлать обязательнымъ, присоединивъ къ этому, пожалуй, министерство внутреннихъ дѣлъ, при чемъ моему внуку могло бы быть разрѣшено въ (не разобрано) случаяхъ

знакомиться съ дѣлами министерства иностранныхъ дѣлъ. Это продолженіе уже установившагося обычая можетъ менѣе раздражить моего сына, хотя, если припомните, онъ противъ этого сильно возставалъ.

«Прошу васъ высказать ваше мнѣніе по этому поводу.

«Желая всѣмъ вамъ пріятныхъ праздниковъ, остаюсь вамъ признательный Вильгельмъ».

«Прилагаемый при семъ Patent будьте любезны контрасигновать прежде, нежели передать его по назначенію. В.».

Императрица Августа рѣдко дѣлала приписки въ письмахъ императора ко мнѣ; ея послѣднее письмо, диктуя которое, она вѣроятно вспоминала о нашей борьбѣ, такъ же точно, какъ я вспоминалъ о ней, читая его, было слѣдующаго содержания:

«Писано подъ диктовку.

Баденъ-Баденъ, 24-го декабря 1888.

«Любезный князь! Обращаясь къ вамъ съ этими строками, я исполняю этимъ, по окончаніи столь важнаго года въ моей жизни, долгъ признательности. Вы служили вѣрою и правдою нашему незабвенному императору и исполнили мою просьбу своими пожеланіями о его внука. Вы выказали мнѣ участіе въ горькія минуты моей жизни, поэтому, передъ наступленіемъ новаго года, я считаю долгомъ еще разъ поблагодарить васъ и сказать вамъ, что мы разсчитываемъ и впредь на вашу помощь при превратностяхъ нашего тревожнаго времени. Я собираюсь тихо отпраздновать наступленіе новаго года въ семейномъ кругу и посылаю дружескій привѣтъ вамъ и вашей супругѣ. Августа».

Подпись сдѣлана собственноручно, но почеркъ далеко не похожъ на тотъ твердый почеркъ, коимъ императрица писала раньше.

Весьма многіе думали ошибочно, что при переходѣ престола отъ императора Вильгельма къ императору Фридриху должна была произойти перемѣна министерства. Лѣтомъ 1848 г. я имѣлъ впервые случай познакомиться съ 17-ти-лѣтнимъ тогда кронпринцемъ и видѣть съ его стороны доказательство личнаго довѣрія ко мнѣ. Довѣріе это иногда колебалось (до 1866 г.), но онъ выразилъ его рѣшительно и открыто въ Гастейнѣ въ 1863 г. Во время войны 1866 г., въ особености въ то время, когда мнѣ пришлось вести въ Никольсбургѣ борьбу съ королемъ и съ высшимъ военнымъ начальствомъ, коимъ я доказывалъ своевременность заключенія мира, кронпринцъ удостоивалъ меня своего довѣрія, независимо отъ разногласія въ нашихъ политическихъ принципахъ и взглядахъ. Съ разныхъ сторонъ, не исключая крайней правой, были сдѣланы попытки поколебать это довѣріе, и для этого были пущены въ ходъ всевозможные происки и выдумки, не имѣвшіе

врочемъ особеннаго успѣха; для того чтобы разстроить ихъ, достаточно было личнаго объясненія между кронпринцемъ и мною.

Когда состояніе здоровья Вильгельма I внушало, въ 1885 году, серьезныя опасенія, кронпринцъ пригласилъ меня въ Потсдамъ и спросилъ, останусь ли я на службѣ въ случаѣ, если престолъ перейдетъ къ другому монарху. Я отвѣчалъ, что я готовъ остаться подѣ двумя условіями: чтобы власть не была въ рукахъ парламента и чтобы въ политикѣ не было иностранныхъ вліяній. «Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи!» сказалъ кронпринцъ, сдѣлавъ соответственное движеніе рукою.

Со стороны его супруги я не могъ разсчитывать на таковое же благоволеніе; естественная, врожденная ея любовь къ родинѣ выразилась на первыхъ же порахъ въ стараніи перетануть, при извѣстной группировкѣ европейскихъ державъ, центръ тяжести Пруссіи и Германіи на сторону ея отечества, каковымъ она никогда не переставала считать Англію; понимая, насколько расходятся интересы обѣихъ азиатскихъ державъ, Англіи и Россіи, она желала, чтобы, въ случаѣ разрыва между ними, Германія оказалась на сторонѣ Англіи. Это разногласіе во взглядахъ, пріостекавшее отъ различія національностей, послужило поводомъ къ объясненіямъ между ея императорскимъ высочествомъ и мною. Она всегда имѣла на своего мужа большое вліяніе, которое усиливалось съ годами до тѣхъ поръ, пока онъ не вступилъ на престолъ. Однако и она находила, что при перемѣнѣ монарха меня слѣдовало сохранить въ интересахъ династіи.

Я не намѣренъ, да это было бы и немислимо, опровергать всѣ пущенныя въ ходъ легенды и злостныя выдумки. Но въ виду того, что разсказъ о томъ, будто бы кронпринцъ, по возвращеніи изъ Эмса, въ 1887 г., подписалъ актъ, коимъ, въ случаѣ кончины своего отца, онъ отказывался отъ престола въ пользу принца Вильгельма, приведенъ въ одномъ англійскомъ сочиненіи, то я хочу засвидѣтельствовать, что въ этомъ разсказѣ не было и тѣни правды. Также точно невѣрно, будто наслѣдникъ престола, страдающій неизлѣчимою болѣзнію, не можетъ по нашимъ законамъ наслѣдовать престолъ, какъ это думали нѣкоторыя лица въ 1887 г. Но былъ моментъ, когда я счелъ долгомъ вступить за права больнаго, исторія болѣзни коего касается исключительно медицинскои науки. Пользовавшіе его врачи рѣшили, въ исходѣ мая 1887 г., захлороформировать кронпринца, произвести у него извлеченіе гортани, не предупредивъ его о томъ.

Я возсталъ противъ этого, потребовалъ, чтобы это было сдѣлано не иначе, какъ съ вѣдома пациента, и такъ какъ дѣло шло о наслѣдникѣ престола, то чтобы на это было получено согласіе и главы семейства. Императоръ, узнавъ объ этомъ отъ меня, запретилъ дѣлать операцію безъ согласія его сына.

Изъ частныхъ писемъ ко мнѣ императора Фридриха привожу здѣсь одно, какъ образчикъ его образа мыслей и выраженій, а также какъ опроверженіе выдумки, будто я былъ «врагъ арміи».

«Шарлоттенбургъ, 25-го марта 1888 г.

«Я вспоминаю вмѣстѣ съ вами, любезный князь, протекшія сегодня 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ вы вступили въ ряды войска, и отъ души радуюсь, что тогдашній егеръ гвардіи можетъ оглянуться съ чувствомъ такого удовлетворенія на истекшіе полвѣка. Я не буду пускаться сегодня въ пространныя разглагольствованія относительно государственныхъ заслугъ, которыя навсегда связали ваше имя съ нашей исторіей. Но я долженъ упомянуть объ одной: всякій разъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы улучшить благосостояніе войска, его вооруженіе и его боевую готовность, вы всегда были готовы за это бороться и настаивать на этомъ. Поэтому войско благодарно вамъ за полученныя имъ благодѣянія и вѣчно будетъ признательно за нихъ вамъ, со своимъ военначальникомъ во главѣ, который всего нѣсколько дней тому назадъ былъ призванъ занять это мѣсто послѣ кончины того, который всегда и всею душою заботился о благосостояніи войска. Вамъ добροжелательный Фридрихъ».

К О Н Е Ц Ъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1899 г.
ТОМЪ СОТЫЙ.

ОКТАБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

- I. Отголоски старой памяти. Акад. К. С. Веселовскаго 5—23
- II. Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа . . . 25—58; 267—299; 481—521
- III. Записка баварца о Россіи времяъ императора Павла. (Перев. съ франц. рукописи). Сообщ. Евгеній Шумигорскій. 59—78
- IV. Повѣствованіе о царствованіи императора Александра I, для него одного писанное. (Записка П. Г. Дивова) 79—89
- V. Казанская старина. (Изъ воспоминаній Ив. Ив. Михайлова). Сообщ. С. Н. Кулябко. 99—113; 399—419
- VI. Изъ Прошлаго. (Воспоминаніе офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—1878 гг.). П. Д. Паренсова. 151—174; 335—358; 603—633
- VII. Записки графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 года. Сообщ. П. М. Майковъ 213—229; 697—712
- VIII. Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. Сообщ. Н. К. Шильдеръ 547—568
- IX. Мои цензурныя мытарства. А. Чумикова. 583—600
- X. Пльнникъ Европы. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. 635—654

Портреты.

- I. Портретъ Ивана Ивановича Михайлова. Грав. И. И. Хелмицскій.

(При 10-ой книгѣ).

II. Гравюра: архимандритъ Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская (съ рисунка того времени).
Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 11-ой книгѣ).

III. Портретъ Наполеона на островѣ Св. Елены.
Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 12-ой книгѣ).

**Исслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Раз-
сказы, матеріалы и записки.**

	СТРАН.
I. Охраненіе императора Николая I въ его путеше- ствіи за границу въ 1845 г.	24
II. Объ изытаніи отъ продажи «Отечественныхъ За- писокъ» 1840, 1841 и 1843 гг.	90
III. Изъ переписки великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Феодоровны съ сар- динскимъ королевскимъ домоу. Сообщ. М. По- ліевктовъ	91—98
IV. Празднованіе юбилея Н. И. Греча 18-го декабря 1854 г.	114
V. Состояніе царства Польскаго въ 1861 и 1862 гг. (Всепоподанійшія донесенія князя М. Д. Горча- кова). Сообщ. Н. К. Шильдеръ	115—134
VI. Письма генерала Гецевича къ ***, въ 1861 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ	135—150
VII. Яковъ Николаевичъ Толстой. В. Л. Модза- левскаго	175—199
VIII. Поощреніе шелковичнаго производства. 13-го фе- враля 1802 г.	200
IX. Переписка двухъ литераторовъ пятидесятихъ годовъ. Сообщ. Э. Б. Миллеръ	201—212
X. О переводѣ буйволовъ изъ Халунской волости въ подмосковныя села, 30-го іюля 1757 г.	230
XI. П. А. Валуевъ и А. Г. Троицкій. Сообщ. Г. А. Троицкій	231—239
XII. Поселеніе духоборцевъ на р. Молочной, 1-го іюля 1802 г.	240
XIII. Петръ Великій и святитель Митрофанъ Воро- нежскій. Н. Поликарпова	241—265
XIV. Отказъ императора Павла исправлять людей по- рочныхъ. — Рескриптъ императора Павла — гене- ралу Розенбергу о заключеніи генераль-лейте- нанта Львова въ крѣпость, 16-го января 1799 г.	266

XV.	Къ біографіи А. В. Суворова. Сообщ. Н. Гурберти	300
XVI.	Очеркъ исторіи студенческихъ общежитій въ Западной Европѣ и у насъ. А. Кирпичникова.	301—317
XVII.	Къ исторіи русской литературы тридцатыхъ годовъ	308
XVIII.	Архимандритъ Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская. (Изъ маленькой бесѣды). А. Слезинскаго	319—324
XIX.	Изъ жизни декабристовъ въ Сибири. (Письма С. Б. Броневского—С. Р. Лепарскому)	325—334
XX.	Изъ архива А. В. Никитенко. (Письма къ нему разныхъ лицъ). Сообщ. С. А. Никитенко.	359—374
XXI.	Какъ насъ учили. (Разсказъ изъ духовно-семинарской жизни). Н. И. Соловьева.	375—398
XXII.	Аттестатъ, выданный барономъ Беннигсекомъ—генералъ-маіору И. С. Дорохову, 9-го декабря 1808 г.	420
XXIII.	Поляки въ Россіи въ 1606—1608 гг. Сообщ. В. В. Тимошукъ	421—451
XXIV.	Поселеніе въ Россіи выходцевъ изъ Акермана. 1802 г.	452
XXV.	Состояніе царства Польскаго въ 1861 и 1862 гг. (Всеподданнѣйшія донесенія генерала Лидерса). Сообщ. К. М.	453—479; 667—696
XXVI.	Предложеніе Правительствующему Сенату управляющаго министерствомъ юстиціи графа Панина о дворянѣ Шидловскомъ, 15-го іюля 1840 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	480
XXVII.	Письмо А. Ѳ. Писемскаго—С. П. Шевыреву.	522
XXVIII.	Изъ дневника П. Г. Дивова.	523—542
XXIX.	Письмо опытнаго чиновника 40-хъ годовъ младшему собрату, поступающему на службу. Сообщ. А. С. Зарудный.	543—546
XXX.	Князь Бисмаркъ и Россія. Проф. В. Александренко.	569—581
XXXI.	О наблюденіи за тѣмъ, чтобы поляки не распространяли воззваній во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.	582
XXXII.	Уловія, предложенныя А. Воейковымъ—Н. И. Гречу по изданію «Сына Отечества».	601—602
XXXIII.	О распространяемой между субботниками вредной рукописи.	634
XXXIV.	Положеніе эстовъ въ 1860-хъ годахъ. Сообщ. С. П. Зыковъ.	655—665
XXXV.	Письмо барона М. Корфа—Д. Н. Бантышъ-Каменскому, съ просьбою доставить біографическія свѣдѣнія объ А. Д. Балашовѣ	666

XXXVI. Фельдмаршалъ графъ М. Ѳ. Каменскій въ заботахъ о сынѣ.	
XXXVII. Систематическое оглавленіе 100-го тома	

СТРАИ.
713—714
715—718

Библиографическій листокъ.

1. Собрание сочиненій И. А. Голышева. Подъ редакціею А. Э. Мальгрема. Т. I, вып. 2-й. Спб., 1899 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ октябрьской книги).
2. Открытіе города и порта „Александровскъ“ при Екатерининской гавани, 24-го іюня 1899 г., и путешествіе по Архангельской губерніи его императорскаго высочества великаго князя Владиміра Александровича. Архангельскъ, 1899 г. (Тамъ же).
3. Кончина Александра Сергѣевича Пушкина. Составилъ его племянникъ Левъ Павловичъ. Спб., 1899 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ ноябрьской книги).
4. Исторія русской литературы. Т. I—IV. А. Н. Пыпина. Спб., 1898—1899 гг. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ декабрьской книги).

Приложеніе.

Мысли и воспомнанія князя Оттона фонъ-Бисмарка

273—358

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
въ 97, 98, 99 и 100 томахъ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
изд. 1899 года.

А.

Абаза, Александръ Аггеевичъ, т. ХСVII, янв., 54.
Абамелевъ, княг. Ек. Ник., т. ХСIX, сент., 603.
Абель, Бетси, рожд. Балкомбъ, † 1871 г., ея воспомин. о пребываніи Наполеона I на о. Эльбъ, т. С, декаб., 635—654.
Аверкиевъ, Ив. Алексѣев., совѣтн. нижегород. губерн. правл. 1813 г., т. ХСVII, февр. 464, 465.
Авраменко, офиц. 1839 г., т. ХСVII, февр., 419.
Аделунгъ, Фед. Павл., историкъ, археологъ, библиографъ, р. 1768 г., † 1843 г., т. ХСVII, февр., 471.
Адеркасъ, ген.-лейт. 1826 г., т. ХСVII, мартъ, 665.
Адлербергъ, Влад. Фед., мин. двора, т. ХСVII, янв., 93, февр., 285, томъ ХСVIII, апр., прилож., 121, июнь, 524, т. С, нояб., 276.
Адлербергъ, Юлія Фед., рожд. Багговутъ, статсъ-дама, начальница Смольн. инст., т. ХСVII, февр., 330, мартъ, 674—676, 678.
Адлербергъ, гр-ня, фрейлина 1842 г., т. С, окт., 32.
Адриана, патриархъ 1700 г., т. С, нояб., 251, 253, 255.
Аксаковъ, Ив. Серг., род. 1823 г., † 1886 г., т. ХСVII, янв., 110, февр., 388, 390, т. ХСIX, июль, 71, т. С, окт., 9.

Аксаковъ, Серг. Тимоѣ., ппсат., род. 1791 г. † 1859 г., г. ХСVIII, май, 423, июнь, 577, 578, т. С, окт., 110, нояб., 400.
Алехинскій, Александръ Павл., ген.-лейт. 1825 г., т. ХСVII, февр., 322, т. ХСIX, сент., 668.
Александра Николаевна, вел. княгиня, въ зам. принцесса гессенская, т. С, окт., 28, нояб., 281—290, декаб., 489, 506.
Александра Павловна, вел. княг., т. ХСVII, мартъ, 666, т. ХСIX, авг., 351.
Александра Θεодоровна, императрица, р. 1798 г., † 1860 г., т. ХСVII, янв., 95, февр., 315, 317, мартъ, 605, 678—689, т. ХСVIII, июнь, 528, т. ХСIX, июль, 16, 30, 110, авг., 372, 373, сент., 495, 510, 575, 576, 582, 656, т. С, окт., 28, 48, 49, нояб., 275—286, 409, декаб., 532, 558.
Александренко, В., профес., сообщ.: „Князь Бисмаркъ и Россія“, т. С, декаб., 569—581.
Александровскій, пензенск. губерн. съ 1862 г., т. ХСIX, авг., 469, т. С, окт., 235.
Александровъ-Дольниковъ, студен. Казанск. унив. 1860 г., т. С, нояб., 417.
Александръ I, императоръ, р. 1777 г., † 1825 г., т. ХСVII, янв., 4, 82, 88, 90—108, 167, февр., 244, 293, 315—331, 477, мартъ, 548, 553—565, 671, т. ХСVIII, апр., 3—24, 55—99, 198, 228, май, 376, 396, 451—454, 470, прилож. 153, июнь, 484, 493, 496,

- 501—505, 529, 532, 627—670, т. ХСІХ, іюль, 5, 6, 97—114, авг., 241—270, 296, 303, 327, 334—368, 401—426, сент., 483, 494, 498, 502, 516, 544, 546, 572—594, 628, 664, 674, 694, прилож., 250, т. С, окт., 79—89, 200, 213—229, 240, прилож., 273—304, нояб., 270, 271, 293, 309, 315, 452; прилож., 320, декаб. 483—496, 511—593, 656, 657, 697—712.
- Александръ II**, императоръ, род. 1818 г., † 1881 г., т. ХСVII, янв., 39—87, 135, 136, февр., 280, 282, 358, 408, т. ХСVIII, апр., 122, 221—224, май, 371, июнь, 695—711, прилож., 174—179, т. ХСІХ, іюль, 4, 5, 25, 26, 52, 63, 69, 93, 145—168, 229, 236, авг., 386, 428—452, сент., 481, 482, 486, 490—515, 566—568, 582, прилож., 250, 269, 271, т. С, окт., 12, 28—58, 134, 190, 231, 235, нояб., 267—299, 315, 375, 394, 415, прилож., 308, 309, 312, 315, 321—324, декаб., 485—512, 574, 577, 585.
- Александръ III**, императоръ, род. 1845 г., † 1894 г., т. ХСVIII, май, 372, т. ХСІХ, іюль, 52, 146, 231, авг., 435, 436, 452, сент., 701, т. С, нояб., прилож., 331, декаб., 506, 509.
- Александръ**, принцъ виртембергскій, главноуправл. путями сообщеній, т. ХСVII, февр., 325.
- Алексѣвъ**, шт.-кап. л.-гв. Кон-Егер. полка 1826 г., т. ХСІХ, авг., 314—317.
- Алексѣвъ**, сотникъ 1803 г., т. ХСVIII, іюнь, 499.
- Алексѣй Александровичъ**, т. ХСІХ, іюль, 53—56.
- Алексѣй Михайловичъ**, царь, род. 1629 г., † 1676 г., т. С, нояб., 263.
- Алексѣй Петровичъ**, царевичъ, род. 1690 г., † 1718 г., т. С, нояб., 248, 256, 295.
- Алонецъ**, Максимъ Максимов, послан. въ Берлинъ, т. ХСІХ, сент., 551.
- Алферевъ**, С. И., профес. 1841 г., т. ХСІХ, іюль, 34.
- Альбедиль**, бар., Петръ Романов., гофмейст. двора им-цы Маріи Ѳеодоровны 1825 г., т. ХСVII, янв., 93, 97, 99, 104, февр., 316, мартъ, 676, 683, т. ХСІХ, авг., 243.
- Амвросій**, архіеп. тверск. 1831 г., т. ХСVII, мартъ, 624, 630, т. ХСVIII, апр., 73, іюнь, 485, 495.
- Андреевъ**, Ардалионъ Мих., саратов. вице-губернат. 1848 г., т. ХСVIII, апр., 215.
- Андрониковъ**, вл., эриванск. губерн., т. С, окт., 101.
- Андроновъ**, команд. казачь. полка 1807 г., т. ХСІХ, авг., 456.
- Анна Иоанновна**, императрица, род. 1693 г., † 1740 г., т. ХСVIII, апр., 165, т. ХСІХ, сент., 618, т. С, декаб., 556.
- Анна Павловна**, вел. княг., въ супр. королева нидерландская, р. 1795 г., † 1865 г., т. ХСVII, янв., 95, 97, 103, мартъ, 688.
- Анна Ѳеодоровна**, вел. княг., первая супруга цесарев. Константина Павловича, р. 1781 г., † 1860 г., томъ ХСVII, февр., 480.
- Анна Ягеллонъ**, жена польск. кор. Стефана Баторія, т. ХСІХ, іюль, 203.
- Анненковъ**, Никол. Никол., кievск. ген.-губернат., р. 1799 г., † 1865 г., т. ХСІХ, авг., 469.
- Анненковъ**, Пав. Васил. ериванск., р. 1813 г., † 1877 г., т. ХСVII, февр., 441, т. ХСVIII, май, 472, т. ХСІХ, авг., 298—305, сент., 518—522, 590, 618, 710—713.
- Анненковъ**, декабристъ, т. С, нояб., 332.
- Анненковъ**, д. ст. сов. 1806 г., томъ ХСVII, мартъ, 558.
- Анненковъ**, помѣщ. 1804 г., т. ХСVII, янв., 16.
- Анстедъ**, дипломатъ, род. 1766 г., † 1835 г., т. ХСVIII, іюнь, 647, 650.
- Антоній** (Павлинскій), архіеп. владимірск. 1866 г., т. С, нояб., 392, 397.
- Антоній**, рект. Невской семинаріи духовн. цензоръ 1797 г., т. ХСVII апр., 167.
- Антоній**, митрон. слб. 1845 г., т. С, декаб., 511.
- Антоновичъ**, В., профес., т. ХСІХ, іюль, 40.
- Антоновичъ**, Платонъ Александров., одессе. градонач. 1861—1863 гг., бессараб. губернат. 1863—1867 гг., попечит. кievск. учебн. окр., томъ ХСІХ, авг., 468.
- Антоновъ**, оф. 1878 г., т. ХСІХ, сент., 632, 633.
- Анучинъ**, Дм. Гавр., ген., первоприсут. въ деп. герольдн., т. С, декаб., 606.
- Аплечева**, слб. об.-полиціймейст. 1801 г., т. ХСVII, мартъ, 550.
- Апраксина**, Аграфена Леонтьев. 1761 г., т. ХСVIII, апр., 32.
- Апраксинъ**, В., 1860 г., т. ХСVIII, апр., 105—113.
- Апраксинъ**, Ѳед. Матв., адм. 1700 г., т. С, нояб., 246, 248, 262.
- Апраксинъ**, гр., ген.-ад. 1842 г., т. С, окт., 23.
- Арачевъ**, гр., Алексѣй Ан., р. 1769 г.,

- † 1834 г., т. ХСVII, янв. 6, 8, 83, 88, 101—105, февр., 332, мартъ, 623, т. ХСVIII, апр., 76, май, 376, июнь, 529, 642, 668, т. ХСIX, июль, 60, 106, 113, 114, авг., 402, 418, 428, сент., 482, 491, 714, т. С, окт., 87, декаб., 483, 549, 554, 561, 565.
- Арачевъ**, майоръ 1810 г., т. ХСVIII, апр., 76.
- Арбень**, ген.-м. 1797 г., т. С, декаб., 565.
- Арбузовъ**, ген.-м. 1807 г., т. ХСVIII, июнь, 589.
- Аренсъ**, интендантъ 1878 г., т. ХСVIII, апр., 140, 141.
- Аристовъ**, Евг., профес., т. ХСVIII, июнь, 678.
- Аристовъ**, Никол. Яковлев. профес., т. ХСVIII, май, 421.
- Арифельдтъ**, бар., ген. 1800 г., томъ ХСIX, июль, 107.
- Аридтъ**, лейбъ-мед. 1837 г., т. ХСVII, февр., 428, т. ХСVIII, июнь, 527.
- Арсеньевъ**, Илья Александр., редакт. политич. отд. „Сѣв. Почты“ 1861 г. т. ХСIX, июль, 227, 228.
- Арсеньевъ**, полковн. 1797 г., т. С, декаб., 562.
- Арсеньевъ**, ген.-м. 1826 г., т. ХСVIII, июнь, 509.
- Артаховъ**, харьковск. губерн. 1803 г., т. ХСVIII, июнь, 499.
- Артамоновъ**, Никол. Дм., ген. 1878 г., нынѣ нач. воен. топогр. учил. т. ХСVII, янв., 117, 123, 129, т. ХСVIII, апр., 133, 148, июнь, 613, 616, т. ХСIX, июль, 80, 88, 89, авг., 389, 394.
- Артемовъ**, Александр. Ив., редакт. центральн. статистич. комит. 1865 г. т. ХСIX, сент., 699.
- Архангельскій**, А., проф., сообщ.: „Объ утвержденіи В. Г. Бѣлинскаго въ дворянскомъ достоинствѣ“, т. ХСVIII, апр., 199—204.
- Арцимовичъ**, Вит. Антон., первоприсут. въ I деп. Сената, † 1893 г., т. ХСVII, февр., 272, 384, 394, т. ХСIX, авг., 469, 470.
- Афанасьевъ**, оф. 1878 г., т. ХСIX, сент., 632, 633.
- Афросимовъ**, ген. 1842 г., т. ХСIX, сент., 511.
- Ахматовъ**, цензоръ 1850 г., т. ХСIX, 621—627.

В.

- Вабель**, И. Б., профес., т. ХСVIII, июнь, 693.
- Вагговуа**, ген. 1807 г., т. ХСIX, июль, 211—213, т. С, декаб., 562, 567.

- Ваграціонъ**, кн., Петръ Ив., ген.-отъ-инф., род. 1765 г., † 1812 г., томъ ХСVII, янв., 88, т. ХСVIII, июнь, 589, т. ХСIX, июль, 207—209, 216, авг., 454—457, сент., 649—653, 677, т. С, окт., 223, 229, декаб., 702, 703, 707.
- Вайлаковъ**, подполковн. 1878 г., т. ХСIX, сент., 640—645, т. С, окт., 173, 174, нояб., 336, 339, 346.
- Валуинъ**, Александр. Мих., т. ХСVIII, апр., 44.
- Валуинъ**, Мих. Александр., р. 1814 г., † 1876 г., т. С, нояб., 291.
- Валуинъ**, ген.-м. 1839 г., т. ХСVII, февр., 424—426.
- Валуинъ**, директ. Акад. Наукъ 1797 г., т. ХСVIII, апр., 166—170.
- Валабинъ**, майоръ 1807 г., т. С, окт., 224.
- Валашовъ**, Александр. Дм., мин. полиціи 1810 г., ген.-ад., р. 1770 г., † 1837 г., т. ХСIX, июль, 107, 108, авг., 418, т. С, декаб., 666.
- Валка**, полковн. 1807 г., т. ХСIX, июль, 208.
- Валлашъ**, капит. 1835 г., т. ХСVII, янв., 170.
- Вальцанъ**, профес. физики Казанск. ун-в., т. С, нояб., 406.
- Вантышъ-Камекоуі**, Дм. Никол., тн. сов., р. 1788 г., † 1850 г., т. С, декаб., 686.
- Варановскій**, Е. И., сообщ.: „По поводу статьи В. А. Шопшулева: Во время реформъ императора Александра II“, т. ХСVIII, апр., 221—224.
- Варановъ**, гр., Эдуардъ Трофимов., вилensk. ген.-губ. 1866 г., т. ХСIX, сент., 701.
- Варанцевъ**, гр., офиц. 1835 г., томъ ХСVII, янв., 174.
- Варатаевъ**, кн., помѣщ., масонъ 1817 г., т. ХСVII, февр., 299.
- Варатковскій**, Евг. Абрам., поэтъ, † 1844 г., т. ХСVII, мартъ, 515, т. ХСVIII, май, 258, 259, 293, 331, 472, июнь, 550—557.
- Варилей-де-Толли**, кн., Мих. Богд., фельдмарш., р. 1761 г., † 1818, томъ ХСVIII, июнь, 640, 647, т. ХСIX, июль, 50, 209, 210, сент., 573, 649—653, т. С, декаб., 553, 555.
- Варновъ**, Дм. Нив., оф. л.-гв. Егер. полка, писат. т. ХСIX, сент., 589, 604.
- Варсовъ**, Александр., магистръ философіи 1797 г., т. ХСVIII, апр., 166, 167.
- Варсуновъ**, Никол. Плат., писат., т. С, окт., 8, 10, 13.
- Вартельсъ**, профес. 1807 г., т. С, нояб., 400, 401.

- Вартеневъ, фрейлина 1841 г., томъ ХСІХ, сент., 500.
- Вартеневъ, Никол. Мих., совѣтн. сбб. губерна. правд. 1831 г., т. ХСVII, янв., 239, т. С, декаб., 493.
- Вартеневъ, П. И., издат. „Русск. Архива“, т. ХСІХ, авг., 238, 301, 410, сент., 518, 522.
- Вартеневъ, офиц. 1878 г., т. ХСVII, янв., 112.
- Баршоевъ, ген.-м. 1798 г., т. С, декаб., 564.
- Барышовъ, И. Ф., совѣтн. 1802 г., т. ХСVII, мартъ, 552, 554.
- Барятинскій, вв., Александр. Ив., фельдмарш., р. 1814 г., † 1879 г., т. ХСVII, янв., 115, 116, 169, 173, мартъ, 580—582.
- Барятинскій, вв., Ив. Ив., послан. въ Мюнхенъ при Александрѣ I, т. ХСІХ, сент., 555.
- Васиствова, педагогъ 1857 г., т. С, декаб., 588.
- Василяновъ, Петръ Ѳед., † 1606 г., т. ХСVII, мартъ, 694, 695, 702, т. ХСVIII, апр., 178—188, май, 462—465, т. ХСІХ, июль, 192—197, 201.
- Василия, Вас. Ник., 1854 г., т. ХСІХ, сент., 564.
- Ваторій, Стефанъ, король польскій, т. ХСІХ, июль, 202—204.
- Ватюшковъ, Конст. Никол., писат., род. 1787 г., † 1855 г., т. ХСVII, февр., 242, мартъ, 713, т. ХСVIII, май, 332, 350, 472, июнь, 548—566, т. ХСІХ, сент., 711, т. С, декаб., 520.
- Ватюшковъ, офиц. 1834 г., т. ХСVII, янв., 169.
- Вауза, профес., т. ХСVII, февр., 263.
- Вахметевъ, Никол. Никол., ген.-м., оренбур. воен. губернат. 1801 г., т. ХСVIII, июнь, 493, 494, т. ХСІХ, авг., 364.
- Вахтанъ, управл. дѣлами комитета мин-въ 1845 г., т. С, нояб., 267, 268, декаб., 514, 516.
- Вашуцкій, ст.-секрет. 1842 г., томъ ХСVIII, июнь, 529, т. С, окт., 30, 31.
- Вебутовъ, вв., ген.-м. 1839 г., томъ ХСVII, февр., 435, 436, т. С, окт., 131.
- Везаль, Александр. Павл., кievскій ген.-губ. 1865 г., т. ХСІХ, сент., 698.
- Вёберъ, воспитат. Пажеск. корп. 1825 г., т. ХСVII, янв., 166.
- Везбородовъ, вв., Александр. Андреев., канцл., род. 1747 г., † 1799 г., томъ ХСVIII, апр., 27—30, т. ХСІХ, авг., 359, сент., 539, 551, т. С, окт., 84.
- Везобразовъ, Мих., т. ХСVII, мартъ, 583, 584, т. ХСVIII, апр., 106, 120.
- Везобразовъ, Никол., 1856 г., томъ ХСVII, янв., 47, 48, т. ХСVIII, апр., 105, 106, 118, 120.
- Везетовъ, Андр. Никол., профес., т. С, декаб., 590.
- Везетовъ, Ив. Петров., 1820 г., томъ ХСVIII, июнь, 712.
- Ведлемишевъ, Ѳед. Андр., саратовск. вице-губ. 1861 г., т. ХСІХ, июль, 239.
- Ведлешовъ, Александр. Андреев., ген.-прокур., р. 1749 г., † 1808 г., т. ХСVIII, июнь, 489, 503, 629, т. ХСІХ, сент., 542, 547, т. С, окт., 79.
- Ведлешовъ, псковск. полиціймейст. 1832 г., т. ХСVII, мартъ, 516, 519.
- Везчуринъ, Н. М., д. ст. сов., переводч. въ Оренбур. пограничн. ком-мис., т. ХСІХ, авг., 370, 371.
- Вейж, ст. сов. 1811 г., т. ХСІХ, июль, 106—110.
- Вельгардтъ, Алексан., ген.-м., † 1816 г., т. ХСVII, янв., 161, 163.
- Вельгардъ, Александр. Александ., команд. Украинск. полка, † 1855 г., т. ХСVII, янв., 162, 169.
- Вельгардъ, Валеріанъ Александр., ген.-отъ-инф., род. 1812 г., † 1897 г., т. ХСVII, янв., 159—179, февр., 411—438.
- Вельгардъ, Карлъ Александр., томъ ХСVII, янв., 162, 164.
- Вельгардъ, Наталья Карловна, рожд. Швеннонъ, инспектрисса Смольн. монаст. 1823 г., т. ХСVII, янв., 162.
- Вельгардъ, въ зам. баронесса Зассъ, т. ХСVII, янв., 176.
- Вемъ, педагогъ 1850 г., т. С, декаб., 586.
- Веневскій, офиц. генер. штаба 1878 г., т. ХСVII, февр., 334.
- Венендорфъ, рожд. баронесса Шиллингъ фонъ-Канштадт, т. С, декаб., 484.
- Венендорфъ, гр., Александр. Христоф., ген.-ад., шефъ-жанд., род. 1783 г., † 1844 г., т. ХСVII, янв., 214—216, февр., 328, 330, т. ХСVIII, апр., 38, 51, май, 245—256, 308, 309, 353—357, июнь, 524, 530, т. ХСІХ, июль, 8, 11, 224, авг., 321—323, 423, сент., 491, 499, 513, 526—530, 657, 662, т. С, окт., 31, 187, нояб., 295, 328, 334, декаб., 484—490, 524—441, 582.
- Венендорфъ, Христоф., ген.-аншефъ, т. С, декаб., 484.
- Веннигсеевъ, гр., Л. Л., его „Записки о войнахъ съ Наполеономъ 1807 г.“, г. ХСІХ, июль, 205—224, авг., 453—466, сент., 675—693, т. С, окт., 213—229, декаб., 697—712,

- упом., окт., 86, 88, нояб. 420, декаб. 562.
- Вергъ**, Никол. Вас., т. ХСІХ, сент., 711.
- Вергъ**, Фед. Фед., фельдмарш., намѣстн. Ц. Польск., т. С, окт., 197, 236.
- Вердлаевъ**, екатеринославск. воен. губернат. 1797 г., т. ХСVIII, апр., 104.
- Верезинъ**, профес., т. С, нояб., 416.
- Верезъ**, Александр. Ив., профес. воен.-истор. 1878 г., т. С, нояб., 349.
- Вернадскій**, всендъ 1861 г., т. С, нояб., 467.
- Вертэ**, А., директ. канц. мин-а нар. проsv. 1857 г. т. С, декаб., 592
- Вертэ**, Н., предсѣд. гл. управл. цензуры 1857 г., т. С, декаб., 590, 592.
- Вестужевъ** - Рюминъ, Конст. Никол., профес., † 1897 г., т. ХСІХ, авг., 299.
- Вестужевъ** (Марлинскій), Александр. Александр., писат., декаб., т. ХСVII, февр., 318, т. ХСVIII, май, 290, 300 - 303, 308, июнь, 555, 576, томъ ХСІХ, июль, 7, 8, сент., 596 - 612.
- Ветхеръ**, всендъ 1861 г., т. С, нояб., 462.
- Вибижовъ**, Гавр. Ильичъ, помѣщикъ 1804 г., т. ХСVII, янв., 15.
- Вибижовъ**, Дм. Гавр., кievск. ген.-губернат., внос. мин. вв. дѣлъ, р. 1792 г., † 1870 г., т. ХСVII, янв., 42, 43, т. ХСVIII, май, 392, т. ХСІХ, авг., 292.
- Вицъбасовъ**, Васи. Алексѣев., профес., т. ХСVIII, апр., 26, т. С, окт., 184.
- Вицарскій**, профес. 1850 г., т. ХСVIII, май, 367.
- Вирокъ**, Іоганъ-Эрнестъ, герц. курляндскій, род. 1690 г., † 1772 г., т. ХСVIII, апр., 33.
- Вирюмовъ**, цензоръ 1826 г., т. ХСVII, мартъ, 678.
- Вискупскій**, ген. 1878 г., т. С, окт., 153, 155, 173.
- Висмаръ**, кн., Отгонъ, его воспоминанія, т. ХСVII - С, прилож., кн. янв. - декаб., упом. ХСІХ, авг., 427, 436, 450, 451, т. С, декаб., 569 - 581.
- Вистромъ**, бар., Р. Гр., ген. 1878 г., т. ХСVII, янв., 115.
- Вистромъ**, майоръ, ковенск. полицій-мейст. 1812 г., т. ХСVII, мартъ, 570.
- Витнеръ**, ниж. 1878 г., т. ХСVIII, май, 409
- Влиновъ**, І., сообщ.: „Павель Исаковичъ Ганнибалъ, дядя А. С. Пушкина“, т. ХСVIII, май, 353 - 358, „О бывшемъ Пушкинѣ“, 359 - 364, „Отношеніе ввуряющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ архангельскому гражд. губернатору 1826 г.“, т. ХСVIII, июнь, 586.
- Влудова**, Ант. Дм., фрейлина 1878 г., т. ХСVII, февр., 397, т. ХСVIII, июнь, 579.
- Влудовъ**, гр., Дм. Никол., ст.-секрет., предсѣд. Госуд. Сов., род. 1785 г., † 1864 г., т. ХСVII, янв., 234 - 238, февр., 267, 285, 394, 470 - 474, томъ ХСVIII, апр., 229, прил., 120, май, 340, 350, 394, июнь, 549, 550, томъ ХСІХ, июль, 6, авг., 279, 280, 286, 287, сент., 489, т. С, нояб., 295, 296, декаб., 482, 499, 515, 516, 540.
- Влюхеръ**, ген.-лейт. 1807 г., т. С, декаб., 709.
- Воборыкинъ**, романистъ, т. ХСVIII, июнь, 672.
- Вобринковъ**, Георгій Ив., полковн. 1878 г., т. ХСVII, янв., 117, 129, 133, февр., 348, мартъ, 640 - 642, т. ХСVIII, апр., 133 - 158, май, 398 - 414, июнь, 608, 610, 615, томъ ХСІХ, июль, 75 - 90, авг., 377 - 399.
- Вобрижскій**, Алексѣй Павлов., помѣщ. 1856 г., т., ХСVII, янв., 53, 56, 57.
- Вогдановичъ**, ниж. 1878 г., т. ХСІХ, авг., 393.
- Вогдановъ**, майоръ 1807 г., т. С, окт., 223.
- Вогдановъ**, полк. 1843 г., т. С, окт., 55, 56.
- Воголюбовъ**, А. И., магистръ богословія 1866 г., т. С, нояб., 396, 397.
- Воголюбовъ**, художн., т. ХСІХ, сент., 533.
- Вогородскій**, юристъ 1834 г., т. ХСІХ, июль, 34.
- Вогушевскій**, Алексѣй Дм., начал. пограничн. стражи въ Брестъ-Литовскѣ 1832 г., т. ХСVII, мартъ, 513.
- Вогушевичъ**, Юрій Мих., редакторъ „Сельск. Вѣстн.“ 1898 г., т. ХСIV, июль, 229.
- Водяскій**, Осниъ Максимов., проф., р. 1808 г., † 1877 г., т. С, ноябрь, 373.
- Волгарскій**, сенат. 1841 г., т. ХСІХ, сент., 484.
- Вологовскій**, Дм. Никол., 1801 г., т. ХСІХ, июль, 107.
- Водотниковъ**, Васи. Трофимовичъ, 1820 г., т. ХСVII, мартъ, 710, 711.
- Волоховъ**, рязанск. ген.-губернаторъ 1830 г., т. ХСVII, февр., 357.
- Волугякскій**, Мих. Андреев., ст.-секрет. 1839 г., т. ХСІХ, июль, 5.
- Воринъ**, Коз. Сем., дьякъ 1700 г., т. С, нояб., 250.
- Воровиковскій**, профес., т. ХСІХ, июль, 40.
- Воровковъ**, А. Д., его стихотв. „Совѣтъ старца“, т. ХСІХ, авг., 312.

- Воровиковъ, Н. А., сообщ.: „Воеводы стараго времени“, т. ХСVII, февр., 356. стихотв. „Совѣтъ старцу“, томъ ХСIX, авг., 312.
- Воровиковъ, чиновникъ 1837 г., томъ ХСVIII, июнь, 528.
- Вородинъ, П. Т., откупщикъ 1800 г., т. ХСVII, февр., 261.
- Вородинъ, шт.-ротм. 1799 г., т. С, декаб., 564.
- Вочаровъ, Петръ Яковлев., совѣтн. сб. губери. правл. 1831 г., т. ХСVII, янв., 239.
- Воарожій, ксендзъ 1861 г., т. С, декабрь, 691.
- фонъ-Брадъе, вятскій губернаторъ 1800 г., т. ХСVIII, июнь, 495.
- Вранская, гр-ня 1806 г., г. ХСVII, янв., 14.
- Вранманъ, преподават. математики въ Казанскомъ унив. 1810 г., т. С, нояб., 401, 402, 403.
- де-Врей, кавалеръ, членъ баварской депутаціи Мальтійскаго ордена въ Спб. 1800 г., т. ХСIX, авг., 345, сент., 555.
- Вровцынъ, секундъ-маіоръ 1779 г., т. ХСVIII, май, 477.
- Вровицъ, фл.-ад. 1815 г., т. ХСVIII, июнь, 642.
- Вроневскій, Семень Богданов., ген.-губ. В. Сибирі 1835 г., т. С, нояб. 325—334.
- Врушковъ, Н., вологодск. губернат. 1826 г., т. ХСVII, мартъ, 559, 561, т. ХСVIII, май, 353
- Врюловъ, А., архитекторъ 1840 г., т. С, окт., 57.
- Врюловъ, Пав. Ал., 1873 г., т. ХСVII, февр., 378, 393.
- Врюловъ, художн., т. С, окт., 205, нояб., 288, 318.
- Вудановъ, М., профес., т. ХСIX, июль, 40.
- Будбергъ, посланникъ въ Берлинъ, т. ХСVII, февр., прилож., 36, 52, т. ХСVIII, май, прилож., 139.
- Будбергъ, бар., мин. ин. дѣлъ 1807 г., т. С, декаб., 697.
- Будбергъ, ген. 1806 г., т. С, окт., 87, 88.
- Бухговедъ, графъ, Фел. Фел., сб. воен. губ., ген.-отъ-инф., р. 1750 г., † 1811 г., т. ХСVII, янв., 83, т. С, окт., 86, 88.
- Булгачовъ, А. Я., т. С, окт., 195.
- Булгачовъ, членъ редакц. комиссіи 1856 г., т. ХСVII, янв., 59.
- Булгаринъ, Фаддей Венедикт., писатель, р. 1789 г., † 1860 г., т. ХСVII, янв. 158, т. ХСVIII, апр., 47, 58, 71, июнь, 560, т. ХСIX, сент., 524, 528, т. С, окт., 31, 182.
- Буле, Іоганнъ Теофилъ, профессоръ, р. 1763 г., † 1821 г., т. ХСVII, янв., 231, 232.
- Булкчъ, Н. Н., профес., т. ХСVIII, июль, 678—689.
- Булугинъ, 1860 г., т. ХСVII, февр. 285.
- Бунаковъ, начал. штаба 2-й гвард. кавалерійск. дивизіи 1877 г., томъ ХСIX, авг., 394, т. С, нояб., 355.
- Бунге, Никол. Христіанов., профес., министр. финансовъ, т. ХСIX, июль, 31—49.
- Бункина, М. Г., помѣщица 1805 г., т. ХСVII, янв., 13.
- Буняковский, В. Я., академ. 1877 г., т. ХСVIII, май, 369.
- Бурачевъ, Степ. О., т. ХСVIII, май, 279.
- Бурмистръ-Родошковскій, офицеръ 1839 г., т. ХСVII, февр., 413.
- Буслаевъ, Фел. Ів., профес., томъ ХСVII, мартъ, 490, т. С, ноябрь, 310—315, 372, 373.
- Бусое, педагогъ 1831 г., т. ХСVII, мартъ, 612, т. С, декаб., 584.
- Бутковъ, Владиміръ Петров., госуд. секрет., р. 1813 г., † 1881 г., томъ ХСVII, янв., 58, т. ХСIX, авг., 479, сент., 695.
- Бутлеровъ, А. И., профес., т. ХСVIII, июнь, 678, 689.
- Бутурлина, рожд. Комбурлей, 1839 г., т. ХСIX, июль, 9
- Бутурлинъ, Дм. Петров., директоръ публ. библ., р. 1790 г., † 1849 г., т. ХСVII, февр., 263, т. ХСIX, сент., 486—489, т. С, окт., 12.
- Бутурлинъ, Ів. Ів., правят. Малороссіи, р. 1661 г., † 1738 г., т. С, нояб., 248.
- Бухарова, О. Н., т. ХСIX, окт. 531.
- Бухаровъ, Никол. Иван., помѣщикъ 1820 г., т. ХСIX, сент., 531—535.
- Бучиновъ, капит. 1839 г., т. ХСVII, февр., 421.
- Выковедъ, нижегородскій губернат. 1810 г., т. ХСVIII, июнь, 498.
- Выковский, казанск. полиціймейст. 1804 г., т. ХСIX, авг., 244.
- Вычковъ, Аван. Фел., акад., † 1899 г., сообщ.: „Мнѣнія современниковъ объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ“, т. ХСVIII, май, 277—285.
- Вягичевъ, Д. Н., ген.-м. 1801 г., томъ ХСIX, авг., 364, сент., 604.
- Вялковск., Александра Григ. см. Кузьмина.
- Вялковск., Ольга Виссар., т. ХСVIII, апр., 204.
- Вялковская, Марія Васил., т. ХСVIII, апр., 204.
- Вялковскій, Виссар. Григ., р. 1811 г.

† 1848 г., т. ХСVII, янв., 146, февр., 359, мартъ, 483, 490, т. ХСVIII, апр., 190—204, июнь, 546, 675, т. С, нояб., 415.
Вилинский, Григ. Никиф., кол.-ассес., † 1835 г., т. ХСVIII, апр., 199—204.
Вилинский, Конст. Григ., т. ХСVIII, апр., 199—204.
Вилинский, помощн. нач. штаба варшавск. округа 1878 г., т. ХСVII, янв., 114
Вилоголовый, докт., т. ХСIX, сент., 560, 564.
Вильский, Богданъ, т. ХСVIII, апр., 185, 186.
Вильский, кн. Ив., 1598 г., т. ХСVII, янв., 193, 194.
Вильевъ, Н. Е., педагогъ 1866 г., т. С, нояб., 397.
Видяевскій, ген. 1839 г., т. ХСVII, февр., 433, 434.
Видоброженскій, ксендъ 1830 г., т. С, декаб., 668—696.

В.

Вагнеръ, Н. П., профес., т. ХСVIII, июнь, 678, 689, т. ХСIX, июль, 138.
Вагнеръ, ген.-лейт. 1861 г., т. ХСVII, февр., 412, 422, 425, т. С, окт., 131.
Вашель, Евдок. Савельев., см. Кутлубницкая.
Вакульская, см. Валуева.
Валуева, фрейлина им-цы Елисаветы Алексеевны, т. ХСVII, янв., 107.
Валуева, рожд. Вакульская, т. ХСVII, янв., 60.
Валуева, рожд. Вяземская, т. ХСVII, янв., 60, 61.
Валуевъ, гр., Петръ Александр. мнн. внутр. дѣлъ, р. 1815 г., † 1890 г., т. ХСVII, янв., 58—61, февр., 382—394, мартъ, 544, т. ХСVIII, апр., 222, т. ХСIX, июль, 225—240, авг., 467—480, сент., 695—706, т. С, окт., 231—239.
Вальтеръ, А. П., докт., профес. 1841 г., т. ХСIX, июль, 34.
Варадиновъ, Никол. Васильев., редакторъ „Сѣв. Почты“ въ 1862 г., т. ХСIX, июль, 231.
Васильевскій, Васил. Григ., профес., акад., † 1899 г., т. ХСVIII, июнь, 581—585, 677.
Васильевъ, гр., Алексѣй Ив., мнн. мнн. финанс., р. 1742 г., † 1807 г., т. ХСIX, авг., 257, сент., 548, т. С, окт., 76, 79, 80, 83.
Васильевъ, В. П., академ. 1898 г., т. С, нояб., 417.
Васильевъ, кап.-лейт. 1839 г., томъ ХСIX, июль, 7.
Васильчиковъ, Александръ Семенов., камергеръ Екатерины II, т. ХСVII, февр., 245.
Васильчиковъ, князь, Викт. Илар., кievскій ген.-губ. 1862 г., т. ХСIX, июль, 233.
Васильчиковъ, кн., Илар. Васильев., предсѣд. Госуд. Совѣта, р. 1777 г., † 1847 г., янв., 44, т. ХСVIII, июнь, 533—540, т. ХСIX, июль, 3—26, авг., 272—294, 423, сент., 488—502, 512, т. С, окт., 34—47, нояб., 295, декаб., 502—516, 536.
Васильчиковъ, сенат. 1830 г., томъ ХСVIII, май, 390.
Васильчиковъ, камерг., новгородск. губернат. 1807 г., т. ХСVIII, июнь, 497.
Введенскій, И. И., педагогъ 1857 г., т. С, декаб., 588.
Ведровъ, педагогъ, т. ХСVIII, июнь, 689.
Веймартъ, ген.-м. 1878 г., т. ХСIX, авг., 376—387, т. С, нояб., 473.
Вейсгауптъ, Адамъ, иллюминатъ, р. 1748 г., † 1830 г., т. ХСVII, янв., 69—87, мартъ, 614.
Вейсъ, масонъ, т. ХСVII, февр., 300.
Велопольскій, маркизъ, т. ХСVIII, июнь, 178, т. ХСIX, июль, 235, т. С, окт., 118, 128, 142, 144, нояб., 470, декаб., 696.
Велю, бар., Ив. Осипов., херсонск. вице-губернат. 1862 г., бессарабск. губерни. 1865 г., одесск. градонач. † 1899 г., т. ХСIX, авг., 468.
Вельманъ, Александръ Фомичъ, писатель, р. 1800 г., † 1871 г., т. ХСIX, сент., 709, т. С, окт., 203.
Вельминовъ, Алексѣй Александр., генералъ 1839 г., т. ХСVII, янв., 170, 171, 173.
Венгленъскій, 1861 г., т. С, окт., 133.
Вережкннъ, офнд. 1839 г., т. ХСVII, февр., 421—423.
Вережанинъ, Александръ, писатель, т. С, дек., 623—625.
Вережанинъ, Серг., офнд. 1878 г., т. ХСIX, сент., 632, т. С, окт., 168.
Веригинъ, офнд. ген. штаба 1878 г., т. С, окт., 153.
Вернадскій, Ив. Васильев., политико-экономъ, † 1884 г., т. ХСIX, июль, 35, 230.
Веселовскій, В. Г., псалъодатель Воронежск. старины, т. С, нояб., 264.
Веселовскій, Конст. Степ., академ. 1877 г., т. ХСVIII, май, 369, сообщ.: „Отголоски старой памяти“, т. С, окт., 5—23.
Весель, Н. Х., педагогъ 1857 г., т. С, дек., 587.
Вигантъ, помощникъ библиотек. Слб. унив. 1860 г., т. ХСVIII, июнь, 680.

- Вигель, Филиппъ Филіп., управл. деп. духовн. дѣлъ иностр. исповѣданій, р. 1786 г., † 1856 г., т. ХСVII, янв., 17, т. ХСVIII, май, 350, июнь, 567, т. ХСIX, авг., 422.
- Вижинскій, Ив. Мих., 1844 г., томъ ХСIX, сент., 654, т. С, окт., 24.
- Винновскій, Н., сообщ.: „Порученіе фельдмаршала князя Варшавскаго сдѣлать выпяску изъ сочиненій князя Курбскаго о порядкахъ, бывшихъ въ войскахъ въ XVI ст.“, т. ХСIX, сент., 654.
- Викторъ-Амедей III, кор. сардинск. 1787 г., т. С, окт., 92—98.
- Вилламова, Варвара Григ., въ зам. Анненская, т. ХСVII, мартъ, 669.
- Вилламовъ, Александръ Григорьев., поруч. 1825 г., т. ХСVII, янв., 90, 97, 98, мартъ, 666, 677.
- Вилламовъ, Артемій Григ., подпоруч. 1825 г., т. ХСVII, февр., 316—324, мартъ, 673, 675.
- Вилламовъ, Григ. Григ., ген.-ад., ген.-отъ-артил., т. ХСVII, мартъ, 669.
- Вилламовъ, Григ. Ив., ст.-секрет., чл. Госуд. Сов., секретарь им-цы Маріи Феодоровны съ 1803 по 1828 г., его дневникъ, т. ХСVII, янв., 89—108, февр., 315—331, мартъ, 665—689, т. ХСIX, сент., 504, 505, т. С, окт., 30.
- Видліе, баронетъ, Яковъ Васильев., лейбъ-медикъ, † 1854 г., т. ХСVII, янв., 91, 92, 94, т. ХСIX, авг., 402, 403, 413, 426.
- Вильсонъ, управл. Александровскомъ мануфактурой воспитателевъ. дома 1825 г., т. ХСVII, янв., 91.
- Виніусъ, 1700 г., т. С, нояб., 252.
- Виноградовъ, докт., т. ХСVIII, июнь, 678, 689.
- Виртембергскій, принцъ, Евгений, т. ХСVIII, июнь, 662, 664.
- Висковатова, 1843 г., т. С, ноябр., 282.
- Витбергъ, архитект. 1831 г., т. ХСVII, мартъ, 624.
- Витбергъ, Ф. А., стат. сов., сообщ.: „Яковъ Петровичъ Половскій“, томъ ХСVII, февр., 357—376.
- Витгенштейнъ, кн., Петръ Христіановичъ, 1812 г., т. С, окт., 222, нояб., 273, 274.
- Витевскій, В. Н., авт. монографіи „Нелюевъ и Оренбургскій край“, т. ХСIX, авг., 363.
- Витовтовъ, команд. гвард. саперовъ 1839 г., т. ХСIX, июль, 7.
- Витовтовъ, Н., т. ХСIX, авг., 267.
- Виттъ, гр., т. ХСVII, мартъ, 524.
- Вишневецкій, кн., Адамъ, т. ХСVII, янв., 196—208, февр., 443, 445, томъ ХСVIII, май, 455, 456.
- Вишневецкій, кн., Конст., т. ХСVII, февр., 447, 449, т. С, нояб., 421, 427.
- Віельгоровскій, гр., об.-шенъ, 1843 г., т. С, нояб., 275.
- Віельгоровскій, гр., масонъ 1814 г., т. ХСVII, февр., 299.
- Владимірскій, сваяц., профес. богословія, т. ХСVIII, июнь, 682.
- Владиміръ, іеромонахъ, духовн. цензоръ 1797 г., ХСVIII, апр., 167.
- Владиміръ Александровичъ, вел. князь, т. ХСVIII, апр., 3.
- Владиславлевъ, профес., т. ХСVIII, июнь, 677.
- Власовъ, полковн. 1878 г., т. С, окт. 155.
- Власевъ, Аванасій, дьякъ 1606 г., т. ХСVIII, май, 456, 457—460, томъ ХСIX, июль, 180—183.
- Воейковъ, Александръ Фед., проф. писат., р. 1773 г., † 1839 г., томъ ХСVII, мартъ, 528, т. ХСVIII, май, 350.
- Воейковъ, Алексд. Фед., писат., т. С, дек., 601—602.
- Воейковъ, ген.-м. 1878 г., т. ХСIX, авг., 378.
- Войде, ген.-м. 1878 г., т. ХСVII, янв., 114.
- Война, Мацѣй, корон. писарь литовскій 1603 г., т. ХСVII, февр., 449—451.
- Войновъ, Александръ Львов., ген.-ад. 1825 г., т. ХСVII, янв., 92, февр., 323.
- Волацвой, чиновн. 1808 г., т. ХСVIII, июнь, 490.
- Волковъ, Алексѣй Гаврилович., альюментъ химіи, † 1809 г., т. ХСVII, мартъ, 664.
- Волковъ, Дм. Васил., конференцъ-секрет. 1760 г., т. ХСVIII, апр., 35.
- Волковъ, сенат. 1790 г., т. С, дек., 556.
- Волконская, Марія Никол., супруга декабр., т. ХСIX, сент., 560, т. С, ноябр. 326, 328, 331, 333.
- Волконскій, кн., Григ., ген.-аншефъ, т. С, нояб., 269, дек., 490, 507.
- Волконскій, кн., Петръ Мих., мн-ръ двора, фельдмаршалъ, р. 1776 г., † 1852 г., т. ХСVII, янв., 91—107, февр., 324, 477, мартъ, 667, 682, 683, т. ХСVIII, апр., 234, июнь, 627—645, 677, 681, т. ХСIX, июль, 10, 13, 14, 101, авг., 295, 402—409, сент., 657, т. С, окт., 46—49, нояб., 270, 281, 282, 287, 293, декаб., 510—515, 531, 541, 542, 549, 554, 697.
- Волконскій, Серг. Григ., декабр., † 1866 г., т. ХСIX, сент., 559—569.
- Волонскій, кн., Никита, 1815 г., т. ХСVIII, июнь, 642.

- Волжонскій, кн., Петръ Семеновичъ, ген.-отъ-кав., оренбургск. воен. губернат. съ 1803—1817 г., т. ХСІХ, авг., 363, 365, 366, 368.
- Воловскій, 1861 г., т. С, окт., 144.
- Волошиновъ, Ѳ. Г., 1811 г., т. ХСІХ, сент., 701.
- Вольнскій, Артемій Петровъ, кабин.-мин., † 1740 г., т. ХСVІІ, мартъ, 716.
- Волыновскій, капит. 1835 г., т. ХСVІІ, янв., 170.
- Волькенштейнъ, гр., помѣщ. 1804 г., т. ХСVІІ, янв., 16.
- Вольфъ, декабр., т. С, нояб., 331, 333.
- Вонлярарскій, оф. 1841 г., т. ХСІХ, сент., 500.
- Вороновъ, ген.-м. 1861 г., т. С, окт., 131.
- Ворождова, гр.-ня, Анна Карлова, 1761 г., т. ХСVІІІ, апр., 32.
- Ворождова, гр.-ня, Елис. Романовна, т. ХСVІІІ, апр., 31, 33, 34.
- Ворождова, гр.-ня 1842 г., т. С, окт., 28, 29, нояб., 290.
- Ворождова, гр.-ня, рожд. Нарышкина, супруга слоб. об.-полиційм. 1842 г., т. ХСІХ, сент., 507.
- Ворождовъ, гр., Александр. Романовъ, канцл. 1802 г., т. ХСІХ, авг., 257, 258, т. С, окт., 83.
- Ворождовъ, кн., Мих. Сем., новорос. ген.-губ., намѣстн. кавказ., р. 1781 г., † 1856 г., т. ХСVІІ, февр., 431—437, т. ХСVІІІ, апр., прилож., 120, май, 242—245, 377, т. ХСІХ, июль, 25, 229, 230, сент., 661, т. С, дек., 490, 495.
- Ворождовъ, гр., слоб. об.-полиціймейст. 1841 г., т. ХСІХ, сент., 493, 501, 502.
- Ворождовъ, Романъ Илар., т. ХСVІІІ, апр., 31.
- Ворождовъ, гр., Семень Романовъ, посолъ въ Лондонъ, р. 1744 г. † 1832 г., т. ХСVІІ, янв., 235, мартъ, 544, т. ХСVІІІ, апр., 31, июль, 486, т. С, нояб., 295.
- Ворождовъ-Дашковъ, гр., об.-церемоніймейст. 1839 г., т. ХСІХ, июль, 9.
- Воропановъ, ген.-ад. 1825 г., томъ ХСVІІ, февр., 323.
- Воротынский, кн., Ив., 1606 г., томъ ХСVІІІ, апр., 182.
- Востокъ, Александръ Христофор., акад. р. 1781 г., † 1868 г., т. ХСVІІ, мартъ, 657—664, т. ХСVІІІ, май, 471.
- Врангель, ген. 1790 г., т. С, дек., 563.
- Врезовскій, бар., Пав. Александровъ, т. ХСVІІ, мартъ, 505.
- Врезовскій, бар., Степ. Борисовъ, томъ ХСVІІ, мартъ, 505, т. ХСVІІІ, апр., 39.
- Бронченко, Ѳед. Павл., мн-ръ финн.-совѣт., съ 1844 г., † 1862 г., т. ХСІХ, авг., 285, 286, 293, сент., 483, 493, т. С, нояб., 299, дек., 511, 517.
- Всеволожскій, Никита Всеволодов. 1820 г., т. ХСІС, сент., 500 604.
- Второвъ, Николай Ив., чиновн. хозяйств. деп. мин. внут. дѣлъ, т. С, нояб., 417, 418.
- Вужогичъ, саратов. почтмейст. 1845 г., т. ХСVІІІ, апр., 207, 208.
- Вульфъ, Г. А., полковн. 1878 г., т. ХСІХ, июль, 76.
- Вульфъ, оф., 1878 г., т. ХСІХ, авг., 399.
- Вульфъ, Анна, т. ХСVІІІ, май, 328.
- Вульфъ, Алексѣй Никол., поэтъ, р. 1805 г. † 1881 г., т. ХСVІІ, мартъ, 499—537, т. ХСVІІІ, апр., 39—52, т. ХСІХ, сент., 708, 710.
- Вульфъ, Евпраксія, т. ХСVІІІ, май, 328.
- Вульфъ, Ив. Петровъ, помѣщ., 1805 г., ХСVІІ, мартъ, 505, т. ХСVІІІ, апр., 44.
- Вульфъ, Николай Ив., т. ХСVІІ, мартъ, 505 т. ХСVІІІ, апр. 44.
- Вындомскій, Александр. Максимовъ, т. ХСVІІ, мартъ, 505.
- Высочинъ, виленск. губернска. прокур., 1806 г., т. ХСVІІІ, июль, 507.
- Вышеславцевъ, П. Ѳ., подполк., сообщ.: „Палладій, митрополитъ спб.-иладожскій“, т. ХСVІІІ, апр., 77—103, т. ХСІХ, июль, 115—132.
- Вышнеградскій, И. А., мин. финан., т. ХСІХ, июль, 134, 135.
- Вышнеградскій, Н. А., педагогъ 1857 г., т. С, декаб., 587.
- Вяземская, княг., Вѣра Ѳед., томъ ХСVІІІ, апр., 233.
- Вяземская, княжна, Екат. Андреев., въ зам. княг. Щербатова, † 1809 г., т. ХСVІІ, янв., 226, 227, 231.
- Вяземская, княжна, въ зам. герцога Серра Каприола, т. ХСІХ, сент., 548.
- Вяземская, см. Валуева.
- Вяземскій, кн., Александр. Алексѣевъ, ген.-прокур., р. 1772 г. † 1793 г., т. ХСVІІІ, май, 362, т. ХСІХ, сент., 548.
- Вяземскій, кн., Петръ Андреев., тов. мнр. нар. просв., писат., р. 1792 г., † 1878 г., т. ХСVІІ, янв., 211, 222—233, февр., 244, 255, 466, 470, мартъ, 543, 707—714, т. ХСVІІІ, апр., 27, май, 265, 290, 301—307, 330, 351, июль, 546, 555, 560, 651, 712, томъ ХСІХ, июль, 226, авг., 302, 406, сент., 518—529, 599, 611—613, 711, 713, т. С, окт., 175, 176, 190—193.

Вяземскій, кн., П. П., помощникъ
предсѣд. цензурн. комит., 1850 г.,
т. С, декаб., 586.
Вязмитиновъ, вице-президентъ воен.
коллеж., 1802 г., т. ХСІХ, авг., 257,
т. С, окт., 82.
Вязмитиновъ, ген., комендантъ слѣб.
крѣп., 1796 г., т. С, декаб., 560.

Г.

Гагарина, княг., Анна Петров., см.
Долухина.
Гагаринъ, кн. Васил. Оед., † 1829 г.,
т. ХСVІІІ, апр., 233.
Гагаринъ, кн., Гавр. Петров., презид.
коммерцъ-коллеж., род. 1745 г., †
1807 г., т. ХСVІІ, февр., 290, 292,
т. ХСІХ, сент., 543, 548, т. С, окт., 67.
Гагаринъ, кн., Пав. Гаврил., ген.-
ад., р. 1777 г., † 1850 г., т. ХСІХ,
сент., 543.
Гагаринъ, кн., Пав. Павл., предсѣд.
Госуд. Сов., 1864 г., т. ХСVІІ, февр.,
285, т. ХСІХ, авг., 475, 479.
Гагаринъ, кн., О. О., томъ ХСVІІ,
мартъ, 544.
Гагаринъ, кн., предсѣд. комит. мин.,
т. ХСVІІ, февр., 382.
Гагаринъ, кн., ген.-ад., 1807 г., т. С,
декаб., 697.
Гагаринъ, 1700 г., т. С, нояб., 261.
Гагаринъ, кн., рязанскій предвод.
двор., 1858 г., т. ХСVІІ, мартъ,
584.
Гагаринъ, кн., іезуитъ, 1844 г., т. С,
нояб., 294.
Гаченмейстеръ, ген.-лейт., 1797 г.,
т. С, декаб., 566.
Галкинъ, помѣщ., 1802 г., т. ХСVІІ,
мартъ, 555.
Гаевскій, Викт. Павл., писат., томъ
ХСІХ, авг., 298.
Гаевскій, П. И., цензоръ, 1836 г., т.
ХСVІІ, янв., 211.
Газенкампфъ, М. А., полковн., 1878 г.,
т. ХСVІІ, янв., 110, т. ХСІХ, июль,
93, т. С, окт., 171.
Галагаль, помѣщ., 1860 г., т. ХСVІІ,
янв., 57, февр., 286, 287.
Галль, А. И., т. ХСІХ, авг., 300.
Галль, Р. Р., адмир., 1829 г., томъ
май, 357.
Гамбургеръ, дипломатъ, т. ХСVІІ,
мартъ, 646, т. ХСІХ, июль, 73, 74.
Гамбургцова, Александр. Ив., учит-ца,
1854 г., вполн. директ.—са аросл.
женск. гимназ., т. ХСІХ, сент.,
565.
Ганнибалъ, Александр. Павлов., т.
ХСVІІІ, май, 354.
Ганнибалъ, Варвара Тихонова,
1826 г., т. ХСVІІІ, май, 353, 354,
357.
Ганнибалъ, Марія Александр., рожд.
Пушкина, т. ХСVІІІ, май, 359.
Ганнибалъ, М. А., бабушка А. С.
Пушкина, т. ХСІХ, сент., 711.
Ганнибалъ, Пав. Исааков., полпол-
ковн., 1827 г., т. ХСVІІІ, 353—
358.
Гасфортъ, ген.-губ. западн. Сибири,
1854 г., т. С, окт., 114.
Гевалтъ, пензенск. губернска предвод.
двор., 1899 г., т. ХСVІІІ, апр., 199.
Геденовъ, Александр. Мих., директ.
театровъ, 1848 г., т. С, окт., 12.
Гежелюкскій, управл. дѣлами комит.
мин.—въ, 1827 г., т. ХСVІІІ, май,
375—391, июнь, 513—542.
Гейденъ, гр.—на, 1812 г., т. ХСVІІ,
янв., 162.
Гейденъ, гр., нач. штаба, т. С, нояб.,
357.
Гейнингъ, бар., полиціймейст. Смольн.
монаст., 1835 г., т. ХСVІІ, янв.,
176.
Гейсмаръ, бар., ген.-ад., 1831 г., т.
ХСVІІ, мартъ, 602, т. С, декаб.,
524.
Гельвинъ, ген.-лейт., динабургскій
коменд., 1841 г., т. ХСІХ, сент.,
495.
Георгиевскій, П. Е., т. ХСІХ, авг.,
300.
Герардъ, Влад. Никол., юристъ, т.
ХСVІІІ, апр., 222.
Гербель, Никол. Вас., писат., т. С,
окт., 210, 212.
Гермесъ, персскій губернат., 1800 г.
т. ХСVІІІ, июнь, 495.
Герстенцвейгъ, ген., варшав. ген.-
губернат., 1862 г., т. ХСVІІІ, июнь,
прил. 173.
Геруа, ген.-ад., 1837 г., ХСVІІІ, май,
246.
Герцокъ, Александръ Ив., писатель и
публиц., род. 1812 г., † 1870 г., т.
ХСVІІ, мартъ, 491 т. ХСVІІІ, апр.,
26, т. ХСІХ, сент., 620, т. С, окт.,
194.
Гессе, Пав. Ив., чернигов. губернат.,
1845 г., т. ХСVІІ, февр., 402, 404.
Гетгуизъ, В. Н., 1808 г., т. ХСVІІІ,
июнь, 490.
Гетгуизъ, директ. банц. сиб. ген.-
губернат., т. ХСVІІІ, апр., 66.
Гетцъ, гл. надзират. воспитат. дома,
1825 г., т. ХСVІІ, янв., 107.
Геденъ, Левъ Викентьев., ген.-
лейт., предсѣд. въ правит. комисс.
вн. и духовн. дѣлъ Ц. Польскаго,
1861 г., т. С, окт., 135—150.
Гиберъ фонъ-Грейфенфельсъ, оф.,
1878 г., т. С, декаб., 621.

- Гизетти, А. Г., предсѣдат. новгород. окружн. суда, 1898 г., т. ХСІХ, авг., 324.
- Гильфе; дингъ, Ѳед. Ив., директоръ госуд. архива, р. 1798 г., † 1864 г., т. С, окт., 197.
- Гильфердингъ, † 1872 г., т. ХСVІІ, янв., 144.
- Гилдровъ-Платоновъ, Н. П., проф., цензоръ, 1857 г., т. С, декаб., 588, 599.
- Гирси, чл. редакц. комисс., 1860 г., т. ХСVІІ, февр., 295.
- Гирсъ, дипломатъ, т. ХСVІІ, мартъ, 646, т. С, декаб., 574.
- Гиршбергъ, Александр., авт. изслѣд. о Дмитріи Самозванцѣ, т. ХСVІІ, янв., 190, т. С, нояб., 421.
- Гладковъ, Г. В., помѣщ., 1804 г., т. ХСVІІ, янв., 17.
- Главенакъ, команд. сибирск. корп., 1820 г., т. С, декаб., 558.
- Глинка, Авдотья Павл., т. С, окт., 203, 210.
- Глужина, Григ. Андреев., проф., 1807 г., воспитат. в. кн. Николая Павловича, т. ХСVІІ, мартъ, 539, 540.
- Глинъ, Серг. Николаев., писатель, р. 1774 г., † 1847 г., т. ХСVІІ, февр., 264, мартъ, 546, т. ХСVІІІ, май, 472, т. С, декаб., 496.
- Глинка, Ѳед. Николаев., писатель, р. 1788 г., † 1880 г., т. ХСІХ, сент., 601, 602, т. С, окт., 203—210, т. С, декаб., 555.
- Глуховъ, офиц., 1840 г., т. ХСVІІ, янв. 179.
- Глѣбовъ, Александр. Ив., ген.-прокур., 1762 г., т. ХСVІІІ, апр., 31.
- Глѣбачъ, Никол. Ив., писатель, † 1833 г., т. ХСVІІІ, май, 288, 296, 301, июнь, 547, 548, т. ХСІХ, сент., 590, 591, 596, т. С, нояб., 271.
- Гоголь, директ. Пажеск. корп., нач. артиллеріи, т. ХСVІІ, янв., 165, 168, мартъ, 538.
- Гогеншильдъ, директ. Царскосельск. лицея, иллюминатъ, томъ ХСVІІ, февр., 313.
- Гоголь, Никол. Вас., писат., р. 1809 г., † 1852 г., т. ХСVІІІ, май, 309, 312, июнь, 552, 554, т. ХСІХ, сент., 530, т. С, окт., 9, 42, 207, нояб., 360, 362.
- Годунова, Ксенія Борисовна, томъ ХСІХ, сент., 714.
- Годунова, Марія, т. ХСVІІІ, апр., 178.
- Годуновъ, Борисъ, царь, т. ХСVІІ, янв., 192—210, февр., 444—462, мартъ, 692—703, т. ХСVІІІ, апр., 178—191, т. ХСІХ, июль, 138, т. С, нояб., 282.
- Годуновъ, Ив., бояринъ 1606 г., т. ХСVІІІ, апр., 179.
- Годуновъ, Ѳед., царь, т. ХСVІІІ, апр., 178, 181.
- Голенищевъ-Кутузовъ, Ив. Логинов., адмир., фельдмарш. по флоту, род. 1729 г., † 1801 г., т. ХСІХ, сент., 548.
- Голенищевъ-Кутузовъ, кн. Смоленскій, Мих. Илар., фельдмаршалъ, р. 1745 г., † 1813 г., т. ХСVІІ, янв., 182, 187, т. ХСІХ, авг., 402, сент., 511, 512, 548, т. С, окт., 86, декаб., 563, 567.
- Голенищевъ-Кутузовъ, Пав. Вас., сиб. воен. губернат., 1801 г., род. 1772 г., † 1843 г., т. ХСVІІ, февр., 318, мартъ, 549, т. ХСVІІІ, июнь, 627—641, 670, т. ХСІХ, сент., 655.
- Голенищевъ-Кутузовъ, Пав. Ив., попечитель Московск. унив., род. 1767 г., † 1829 г., т. ХСVІІ, янв., 236, мартъ, 610, т. ХСVІІІ, июнь, 490, 509, 510.
- Голыновъ, Ив., писат., изд. „Дѣян. Петра В.“, † 1801 г., т. С, нояб., 242—264.
- Голыновъ, подполковн., 1839 г., томъ ХСVІІ, февр., 436.
- Голыцына, княжна, Екат. Александр., 1844 г., т. С, декаб., 494.
- Голыцына, княг., рожд. Строганова, т. ХСVІІ, мартъ, 666.
- Голыцынъ, кн., Александр. Николаев., об.-прокур. синода, 1810 г., мин. духовн. дѣлъ и просвѣщ., 1817 г., главннач. почтов. деп., 1819 г., р. 1773 г., † 1844 г., т. ХСVІІ, янв., 96, 104, 212—234, февр., 303, 472—478, мартъ, 538, 637, 714, т. ХСVІІІ, июнь, 529, 533, 645, т. ХСІХ, июль, 106, 112—114, авг., 239, 290, сент., 494, 495, 657, 658, 661, 672, томъ С, окт., 84, нояб., 295, 415, декаб., 491—496, 509, 519, 541, 542.
- Голыцынъ, кн., Борисъ Алексѣев., дядька Петра I, т. С, декаб., 494.
- Голыцынъ, кн., Валеріанъ, декаб., т. ХСІХ, сент., 568.
- Голыцынъ, кн., Влад. Серг., фл.-ад., 1826 г., т. ХСVІІ, мартъ, 669.
- Голыцынъ, кн., Дм. Владим., москов. военный губернаторъ, † 1844 г., т. ХСVІІ, февр., 323, т. ХСVІІІ, апр., 60, т. ХСІХ, июль, 12, 25, 113, т. С, нояб., 296.
- Голыцынъ, кн., Ив. Ѳед., кап.-поруч., 1761 г., т. ХСVІІІ, апр., 35.
- Голыцынъ, кн., Ив., 1606 г., томъ ХСVІІІ, апр., 178, 179.
- Голыцынъ, кн., С. Ѳ., помѣщ., 1804 г., т. ХСVІІ, янв., 5, 6, 8.
- Голыцынъ, кн., об.-камергеръ въ ц.

- Екатерины II-й, т. ХСVII, февр., 244.
- Голицынъ, кн., послан. во Франціи при Екатерины II-й, томъ ХСVII, февр., 289.
- Голицынъ, кн., ген., 1801 г., томъ ХСIX, сент., 679—687, т. С, окт., 223, нояб., 266.
- Головина, графиня, Варвара Никол., рожд. княж. Голицына, т. ХСIX, сент., 546.
- Головинъ, Евг. Александр., мистикъ, ген., главноком. на Кавказѣ, 1839 г., р. 1782 г., † 1858 г., т. ХСVII, февр., 423, 424, 426, 427.
- Головинъ, Ив. Мих., адм., 1700 г., т. С, нояб., 246.
- Головинъ, гр., Никол. Никол., об.-шекъ, р. 1753 г., † 1821 г., томъ ХСIX, сент., 546, 547.
- Головинъ, офиц. 1834 г., т. ХСVII, янв., 169.
- Головинъ, оренб. ген.-губ., 1828 г., т. ХСIX, сент., 657.
- Головинъ, Фед. Гаврил., камергеръ, 1800 г., т. ХСVIII, июнь, 644, томъ ХСIX, сент., 555.
- Головинъ, Александр. Васил., мин. нар. пр., 1862 г., р. 1821 г., † 1886 г., т. ХСVII, янв., 139, 141, 142, томъ ХСVIII, июнь, 676, 677, т. ХСIX, июль, 143, 230, 237, авг., 478.
- Головина, подпоруч., 1861 г., томъ С, нояб., 465.
- Головцынъ, арханг. губернаторъ, 1772 г., т. ХСVIII, май, 362, 363, 364.
- Голофвель, ген., 1839 г., т. ХСVII, февр., 415—418, 420, 421.
- Голубцовъ, тн. сов., государствен. канцеляр., 1802 г., т. ХСIX, авг., 257.
- Голядышевъ, всендъ, 1861 г., т. С, декаб., 686, 691.
- Гончарова, Наталья Никол., въ зам. Пушкина, т. ХСIX, сент., 712.
- Гончаровъ, Ив. Александр., писат., р. 1814 г., † 1891 г., т. ХСVIII, май, 265, т. ХСIX, июль, 232, т. С, декаб., 591, 595.
- Гончаровъ, Никол. Александр., тов. мин. госуд. имуд. съ 1862 г. по 1865 г., т. ХСIX, июль, 232.
- Горбуновъ, Ив. Фед., артистъ, томъ ХСVIII, июнь, 506.
- Горголи, спб. об.-полциѣм., т. ХСVII, февр., 313.
- Горголи, офиц. 1834 г., т. ХСVII, янв., 169.
- Городковъ, воен. врачъ 1862 г., т. ХСVII, янв., 144.
- Горчакова, княг., Анна Васил., рожд. Суворова, т. С, нояб., 300.
- Горчаковъ, кн., Александр. Михайл., госуд. канц., род. 1798 г. † 1883 г., т. ХСVII, февр., 346, 353, 395, мартъ, 645—652, т. ХСVIII, апр., прилож., 120—126, май, прилож., 154, июнь, 697—711, прилож., 173—179, томъ ХСIX, июль, 92, 147—168, авг., 443—446, 451, сент., 520, прилож., 251, 270—272, т. С, окт., прилож., 273—304, нояб., прилож., 306, 308, декаб., 577.
- Горчаковъ, кн., Андр. Ив., томъ С, декаб., 551.
- Горчаковъ, кн., Дм. Петров., писат., р. 1758 г., † 1824 г., т. С, окт., 60.
- Горчаковъ, Ив. Романов., 1780 г., т. С, нояб., 300.
- Горчаковъ, кн., Мих. Дм., ген.-ад., р. 1792 г., † 1861 г., т. ХСIX, июль, 64, 66, т. С, окт., 115—136, 145, 197.
- Горчаковъ, кн., Савинъ Семен., воевода, 1700 г., т. С, нояб., 251.
- Горчаковъ, кн., ген.-лейт., 1807 г., т. С, окт., 223.
- Горшковъ, ген., 1878 г., т. С, окт., 172, 173, 174.
- Госнеръ, пасторъ, 1820 г., т. ХСVIII, февр., 307, 310.
- Готвальдъ, бібліотекаръ, спб. унив., 1860 г., т. ХСVIII, июнь, 680.
- Гофманъ, минералогъ, 1835 г., томъ ХСIX, июль, 34, 35.
- Граббе, ген., 1839 г., т. ХСVII, февр., 420, 426, 427, 433, 434.
- Грабянъ, гр., илюминаторъ, 1807 г., т. ХСVII, февр., 296.
- Граховскій, Тимов. Никол., профес., † 1855 г., т. С, нояб., 315.
- Градицскій, педагогъ, т. ХСIX, июль, 136, 137.
- Грейтъ, Алексѣй Самойлов., адм., † 1845 г., т. С, декаб., 503—507.
- Грейтъ, С. А., мин. финанс., т. ХСIX, июль, 17, сент., 486, т. С, нояб., 295.
- Гречъ, Никол. Ив., писатель, род. 1787 г., † 1867 г., т. ХСVII, янв., 107, февр., 308, т. ХСVIII, апр., 41, май, 471—473, т. ХСIX, сент., 524, 597, т. С, окт., 193, 195, нояб., 271, декаб., 601.
- Гречъ, капит. 1827 г., т. ХСVII, янв., 168.
- Гржибовскій, всендъ 1861 г., т. С, нояб., 462.
- Грибовскій, Адрианъ Моисеев., ст.-секрет. им-цы Екатерины II, род. 1796 г., † 1834 г., т. ХСVIII, апр., 29, 30.
- Грибодовъ, Александр. Серг., писат., р. 1793 г., † 1829 г., т. ХСVIII, июль, 552, 553, т. ХСIX, сент., 597, 604.
- Григорій (Постниковъ), мнтрополитъ суб., † 1860 г., т. ХСVIII, апр., 82.

Григоровичъ, Викт. Ив., славистъ, т. ХСVIII, май, 429, июнь, 678—688, т. ХСIX, июль, 143, томъ С, нояб., 411—414.

Григорьевъ, Апол. Алекс., писатель, р. 1822 г., † 1864 г., февр., 359, т. ХСVIII, май, 300, т. С, окт., 207.

Григорьевъ, кубанск. оф. 1878 г., т. С, окт., 159, 160, декаб., 631, 632.

Гриницъ, Фридрихъ-Мельхиоръ, корреспондентъ им—цы Екатерины II, р. 1723 г., † 1807 г., т. ХСVIII, апр., 28, 29, июнь, 652.

Гринвальдъ, оф. 1842 г., т. С, окт., 29.

Григивъ, майоръ 1805 г., т. ХСVIII, июнь, 505.

Григненбергъ, капит. 1819 г., томъ ХСIX, авг., 407.

Гротъ, Александра Никол., т. ХСVII, февр., 398, 399.

Гротъ, Ковст. Карлов., ст.-секрет., род. 1815 г., † 1897 г., т. ХСVII, янв., 135—157, февр., 282, 286, 287.

Гротъ, К. Я., профес., т. ХСIX, авг., 299.

Гротъ, Никол. Яковл., профес. 1896 г., т. ХСVII, янв., 151.

Гротъ, Яковъ Карлов., академикъ, р. 1812 г., † 1893 г., т. ХСVII, янв., 146, 150, февр., 377—399, мартъ, 492, т. ХСIX, авг., 299—304, сент., 517, 517, 578, 523.

Груздевъ, А. М., педагогъ, 1890 г., т. ХСIX, июль, 134.

Грузинский, кн., 1806 г., т. ХСVII, мартъ, 555, 556.

Губертъ, Н., сообщ.: „Къ биографіи А. В. Суворова“, т. С, нояб., 300.

Гудовичъ, гр., Ив. Васильев., москов. главноком., 1803 г., т. ХСVIII, июнь, 487.

Гурко, Иосифъ Влад., варшавск. ген-губ., т. ХСVII, янв., 114, 176, томъ ХСIX, авг., 393, 394, 395, 397, сент., 511, 632, т. С, нояб., 348—358.

Гурко, начальн. гражд. управл. на Кавказъ, 1839 г., т. ХСVII, февр., 432.

Гуржовскій, шт.-кап. 1878 г., т. С, окт., 162, нояб., 337.

Гурьевъ, гр., Дм. Александр., мин. финан., р. 1751 г., † 1825 г., томъ ХСVIII, июнь, 490, т. ХСIX, авг., 257, сент., 547, т. С, окт., 49, 83, 84.

Гурьевъ, прокур., 1811 г., т. ХСVII, мартъ, 563.

Гюббенетъ, Х. Я., т. ХСIX, июль, 34.

Гюбнеръ, Ю. Ф., педагогъ, т. ХСVIII, июнь, 675.

Гюне, Борнск. Егоров., офиц. воспитатель Пажеск. корп., 1820 г., томъ ХСVII, янв., 165.

Д.

Давыдова, Александра Ив., жена декабриста, т. С, нояб., 333.

Давыдовъ, Васил., декабристъ, томъ ХСIX, сент., 569.

Давыдовъ, Вадимъ Денисов., ген., 1878 г., т. С, декаб., 609, 628.

Давыдовъ, И. И., чл. гл. воен. суда, тн. сов. † 1895 г., т. С, окт., 13.

Давыдовъ, Ив. Ив., проф., директ. гл. педагогич. инст., 1850 г., томъ ХСVII, мартъ, 611, т. ХСIX, июль, 33, т. С, декаб., 584.

Давыдовъ, Левъ Петров., казанск. вице-губернат. съ 1864—1866 г., т. ХСIX, авг., 477.

Дадешвилиани, кн., оф. 1878 г., томъ ХСIX, сент., 630, 635.

Даль, Влад. Ив., писат., род. 1801 г., † 1872 г., т. ХСIX, сент., 558, 713.

Данзасъ, ротн. коман. Пажескаго корп. 1816 г., т. ХСVII, янв., 165.

Данзасъ, вѣж., подполковн. 1837 г., т. ХСVIII, май, 246.

Данинъ, архимандр., проф. китайск. яз. 1860 г., т. С, нояб., 417.

Данжловичъ, Гр. Гр., ген.-ад., воспитатель имп. Николая II, т. ХСVII, янв., 153.

Дантесъ-Гезернъ, бар., поруч. Кавалергарск. пол. 1837 г., т. ХСVIII, апр., 51, 52, май, 246.

Дашкова, княг., Екат. Романовна, рожд. Воронцова, р. 1743 г., † 1810 г., т. ХСVIII, апр., 31.

Дашковъ, Дм. Васил., мин. юстиціи, † 1839 г., т. ХСVII, февр., 467, 470, т. ХСVIII, апр., 232, 233, т. ХСIX, июль, 6, 26—28, авг., 273, 275, 286, т. С, декаб., 499, 532—540.

Дашковъ, Мих. Ив., капит. гвардіи 1761 г., т. ХСVIII, апр., 31, 36.

Дашковъ, кн. П. М., москов. губернс. предводит. дворян., т. ХСVII, февр., 252, 256.

Дашковъ, генеральн. консулъ въ Бухарестъ 1842 г., т. С, окт., 25.

Дашковъ, послан. въ С.-Американск. штатахъ 1814 г., т. ХСVIII, июнь, 649.

Дверницкій, ген. 1830 г., т. С, томъ С, декаб., 524, 527, 536.

Деволанъ, ген. 1797 г., т. С, декаб., 562.

Деятель, ген. 1835 г., томъ ХСIX, сент., 514.

Дегай, П. И., ст.-секрет. 1848 г., т. С, окт., 12, 15.

Дезертъ, еписк. и сѫффраганъ варшавск. епархіи 1861 г., т. С, нояб., 458.

- Деллинггаузенъ, ген.-ад. 1839 г., т. XCIX, июль, 15, сент., 484.
- Дельвигъ, бар., Антонъ Антоновичъ, писат., р. 1798 г., † 1831 г., т. XCVIII, май, 290, 472, 473, июнь, 544, 550, 554, т. XCIX, авг., 298, сент., 612.
- Деляновъ, Ив. Давидовъ, мин. просв., † 1897 г., т. XCVII, янв., 150, т. С, декаб., 596, 597.
- Дембицкій, всендзь 1861 г., томъ С, декаб., 691.
- Денисовъ, ген.-отъ-кав. 1797 г., т. С, декаб., 566.
- Денисовъ, атам. Донск. войска 1821 г., т. С, декаб., 549.
- Деншъ, предсѣд. одесск. судебн. палаты 1878 г., т. XCVIII, февр., 334, 335, 336.
- Депрерадовичъ, ген.-м. 1800 г., томъ XCVII, февр., 441.
- Депрерадовичъ, полковн. 1878 г., т. С, декаб., 607, 609.
- Державинъ, Гавр. Романовичъ, род. 1743 г., † 1816 г., т. XCVII, мартъ, 542, т. XCVIII, апр., 59, май, 294, июнь, 501—504, т. XCIX, авг., 249, 257, сент., 615, 616, т. С, окт., 60, 83, 110.
- Державинскій, ген. 1878 г., т. С, декаб., 609.
- Дерфельденъ, ген.-отъ-кав. 1797 г., т. С, декаб., 563.
- Дерфельденъ, вл., Ив., оф. 1878 г., т. XCIX, сент., 644.
- Дессменъ, офиц. 1839 г., т. XCVII, февр., 423.
- Джуковскій, тайн. сов., т. XCVII, февр., 313.
- Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Ив., р. 1785 г., † 1831 г., т. XCVII, янв., 91, 93, 94, 96, 97, 100, февр., 325, мартъ, 666, 668, т. XCVIII, июнь, 510, т. XCIX, сент., 512, 613, т. С, декаб., 523, 527, 531, 536, 542.
- Димовъ, П. Г., его дневникъ, 1830 г., т. XCIX, сент., 655—673, декаб., 523—542, его записка: „Повѣствованіе о царствованіи имп. Александра I-го, для него одного писанное“, т. С, окт., 79—89.
- Димитрій Самозванецъ, томъ XCVII, янв., 189—210, февр., 443—462, мартъ, 691—706, т. XCVIII, апр., 177—197, май, 455—469, т. XCIX, июль, 169—204, т. С, нояб., 421, 425.
- Дитрихштейнъ, гр.-ня, рожд. Шувалова, т. XCIX, авг., 351.
- Дятель, проф., т. С, нояб., 416.
- Дмитріевъ, Ив. Ивановъ, мин. вѣстн., писат., р. 1760 г., † 1837 г., т. XCVII, янв., 158, 219, 220, 235, февр., 259, 410, 465—479, мартъ, 690, т. XCVIII, апр., 226, 232, 233, май, 296, 416, 452, июнь, 546, 712, т. XCIX, июль, 96, авг., 257, 258, сент., 536, т. С, окт., 201, нояб., 318.
- Дмитріевъ, Мих. Александр., обер-прокуроръ московск. сената, писат., † 1866 г., т. XCVII, февр., 261, т. С, окт., 9, 201—212.
- Дмитріевъ, Ф. М. 1860 г., т. XCVIII, апр., 122.
- Дмитровскій, Вит. Ив. полковн. 1878 г., т. XCVII, янв., 114, т. С, декаб., 607, 608.
- Добровольскій, ген.-м. 1878 г., т. С, декаб., 609, 614, 615, 616, 617, 623, 624.
- Добролюбовъ, Н. А., критикъ, томъ XCVIII, июль, 675, т. XCIX, июль, 134.
- Долгорукая, княг., рожд. графиня Апраксина, 1839 г., томъ XCIX, июль, 9.
- Долгорукій, князь, ген.-м. 1878 г., т. XCIX, авг., 378.
- Долгорукій, вл., фл.-ад. 1805 г., т. С, окт., 84, 86.
- Долгоруковъ, вл., Васил. Андреев., воен. мин., шефъ жанд., р. 1804 г., † 1867 г., т. XCVII, янв., 41, 58, 101, мартъ, 584, т. XCIX, июль, 219, т. С, окт., 190.
- Долгоруковъ, вл., Владим. Андреев., московск. ген.-губ., т. XCVIII, апр., прилож., 128.
- Долгоруковъ, вл., Никол. Алексан., ген.-губ. С.-з. края 1842 г., т. С, окт., 33.
- Долгоруковъ, вл., Петръ, издатель „Россійск. родословн. книги“, т. С, нояб., 294.
- Долгоруковъ, князь, Юрій Влад., московск. ген.-губ., р. 1740 г., † 1830 г., т. XCVII, янв., 226.
- Долгоруковъ, вл., владимірск. губернаторъ 1806 г., т. XCVII, мартъ, 557.
- Долгоруковъ, вл., кievск. губернат. 1845 г., т. XCVII, февр., 405.
- Долгоруковъ, вл., об.-штабмейстеръ 1839 г., т. XCIX, июль, 13, 14.
- Домбровский, майоръ 1878 г., т. С, окт., 157.
- Домонтовичъ, ген. 1878 г., т. XCVII, янв., 110, т. XCIX, июль, 92.
- Донаурова, Марія Фодотов., рожд. Веригина, р. 1714 г., † 1846 г., т. XCVII, февр., 479.
- Донауровъ, Мих. Ив., сенат., род. 1758 г., † 1817 г., т. XCVII, февр., 479.
- Дороховъ, И. С., ген.-м. 1808 г., т. XCIX, сент., 570, т. С, нояб., 420.
- Дороховъ, Руфинъ, офиц. 1819 г., т. XCVII, февр., 474.

- Досшеей, архимандритъ Соловецк. монаст. 1829 г., т. ХСVIII, май, 367.
- Дохтуровъ, ген. 1841 г., томъ ХСIX, июль, 206—216, сент., 500, 681, 688, т. С, декаб., 562, 568, 706.
- Дохтуровъ, Д. П., офиц. 1878 г., т. ХСVII, янв., 110
- Драгомановъ, М., профес., т. ХСIX, июль, 40.
- Драгомировъ, М. И., ген., т. ХСVII, янв., 111, 121, 124, т. ХСIX, авг., 389, 390.
- Драгомировъ, Фед. Мих., ген. 1878 г., т. С, декаб., 606, 607.
- Држевецкій, 1861 г., т. С, окт., 144.
- Дривенъ, бар., Александръ Фед., нач. казачерійской дивиз. 1878 г., томъ ХСIX, июль, 86.
- Дружининъ, П. М., директ. москв. гимназ. 1814 г., т. ХСVII, мартъ, 540.
- Дружининъ, Яковъ Александр., директоръ канц. мин-ва финан., род. 1771 г., † 1849 г., т. ХСVII, мартъ, 708, 709, т. ХСIX, авг., 285.
- Друцкой-Любецкій, кн., Бсаверій Франц., мин. финан. Ц. Польскаго, т. ХСIX, июль, 17, 18, 22.
- Дубасовъ, адм., т. ХСIX, июль, 93.
- Дубельтъ, Леонтій Васил., нач. штаба корп. жанд., т. С, окт., 12.
- Дубевскій, Никол. Порфирьев., сенаторъ 1841 г., т. ХСIX, сент., 482—489, т. С, декаб., 497.
- Дубовицкій, профес. 1839 г., т. С, нояб., 409.
- Дубровинъ, Николай Федор., акад., писат., ген.-лейт., сообщ.: „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка“, томъ ХСVII, янв., 3—38, февр., 241—264, мартъ, 539—569, т. ХСVIII, апр., 53—75, июнь, 481—508, т. ХСIX, авг., 241—270, „Передъ Тильзитомъ. Всеподданнѣйшія донесенія В. С. Попова и кн. Лобанова-Ростовскаго 1807 г.“, июнь, 587—596, упом. т. ХСIX, сент., 589, т. С, окт., 5—23.
- Дубровский, чи. Акад. Наукъ 1857 г., т. С, декаб., 593.
- Дубровский, надв. сов. 1805 г., томъ ХСVII, янв., 134
- Дундукъ-Корсаковъ, кн., комиссаръ въ Болгарин, 1854 г., т. ХСIX, июль, 65.
- Дурасовъ, В. И., сообщ.: „Графъ Мечиславъ Потоцкій въ Саратовѣ. 1845—1851 гг.“, томъ ХСVIII, апр., 205—219.
- Дурасовъ, Н. А., 1800 г., т. ХСVII, февр., 252.
- Дурново, камергеръ 1843 г., томъ С, окт., 47.
- Дуровъ, офиц. 1839 г., томъ ХСVIII, февр., 413
- Дукинъ, команд. Полольск. пол. 1878 г., т. С, декаб., 607.

И.

Изводій, старецъ, современникъ архимандрита Фотія, т. С, нояб., 319—234.

Изгеиій, Болховитиновъ, митропол. кевскій, р. 1767 г., † 1837 г., томъ ХСVII, январь, 3, мартъ, 539, томъ ХСVIII, июнь, 497, т. С, нояб., 258.

Изгеиій, принцъ Виртембергскій, ген.-адъютантъ, 1825 г., т. ХСVII, февр., 317.

Изграфовъ, Н. Р., 1899 г., т. ХСVIII, апр., 199.

Издоминовъ, гр., Никол. Ив., ген.-отъ-явф., р. 1804 г., † 1873 г., т. ХСVII, февр., 412, 413, 422.

Изатерина I, императрица, т. ХСVII, мартъ, 607.

Изатерина II, императрица, род. 1729 г., † 1796 г., т. ХСVII, янв., 73, 81, 135, 161, 167, 215, февр., 241, 242, 245, 289—292, 300, мартъ, 663, т. ХСVIII, апр., 25—37, 163—166, 198, 225, июнь, 635, 636, 646, 647, 652—661, т. ХСIX, июль, 111, авг., 248, 359, 400, сент., 491, 540—546, 556, т. С, окт., 38, 72—91, 110, нояб., 285, 293, 309, декаб., 484, 491, 511, 551, 556, 557, 561.

Изатерина Павловна, велнк. княг., въ зам. королева Виртембергская, янв., р. 1788 г., † 1819 г., т. ХСVII, 14, 230, 232, февр., 244, т. ХСVIII, июнь, 525, т. ХСIX, июль, 106, авг., 336.

Излагинъ, Ив. Перфильев., писат., масонъ, р. 1725 г., † 1796 г., томъ ХСVII, янв., 73, февр., 289, 290

Излагинъ, Никол. Васил., писат., цензоръ 1850 г., т. ХСIX, сент., 621—627.

Излагинъ, Серг. Ив., морякъ, историкъ рус. флота, т. С, нояб., 258.

Изатичъ, профес., т. ХСVIII, июль, 678.

Изена Павловна, вел. княг., въ супруж. принцесса Мекленбургская, † 1803 г., т. ХСVII, мартъ, 674, т. ХСIX, июль, 102, сент., 659, 668, т. С, нояб., 288, 291, декаб., 506.

Изена Павловна, вел. княг. (принцесса Виртембергская), р. 1806 г., † 1873 г., т. ХСVII, янв., 42—59, 90, 155, февр., 266—269, 284, 329, мартъ, 577—582, 594, 665, 674, 688, т. ХСVIII, апр., 120, 123, т. ХСIX, июль, 30, сент., 495.

Изисавета Алексѣевна, императрица,

- р. 1779 г., † 1826 г., т. ХСVII, янв., 90—106, февр., 315, мартъ, 165, 666—686, 716, т. ХСVIII, апр., 227—229, т. ХСIX, авг., 405, 414, сент., 546, 574, т. С, декаб., 554.
- Елисавета Михайловна**, в. княгиня, † 1845 г., въ зам. герцогини Нассауская. т. С, нояб., 281, 286, 290, декаб., 505, 506.
- Елисавета Петровна**, императрица, р. 1709 г., † 1761 г., томъ ХСVIII, апр., 29—37, 165, июнь, 545, т. С, окт., 78, 185.
- Евграфъ**, кн., шацкй предвод. дворянства 1806 г., т. ХСVII, мартъ, 556.
- Енокимъ**, лейбъ-мед. 1834 г., томъ ХСVIII, июнь, 524, 525.
- Ентальева**, Александра Васил., супруга декабриста, т. ХСIX, сент., 560.
- Ермолаевъ**, Александр. Ив., художн. археологъ, р. 1780 г., † 1828 г., т. ХСVII, мартъ, 662, 663.
- Ермоловъ**, Алексѣй Петр., ген.-отъ-артилл., р. 1777 г., † 1861 г., томъ ХСVII, февр., 437, т. ХСIX, июль, 24, 25, 103, 208, 209, авг., 411, 412, сент., 589, т. С, 490, 491, 510, 541, 542, 562.
- Ершовъ**, писатель, т. ХСVIII, июнь, 547.
- Есиповъ**, Петръ Васил., т. ХСVII, янв., 16, 17.
- Есиповъ**, Петръ Петров., ген., томъ т. ХСVII, янв., 177, 179.
- Есиповъ**, жанд. подполковн. 1848 г., т. ХСVIII, апр., 215.
- Ешевскій**, Степ. Васил., профессоръ исторіи, т. ХСVIII, июнь, 674, 688, т. ХСIX, июль, 138.
- Ж.**
- Жажо**, архитекторъ 1840 г., т. С, окт., 57.
- Жандръ**, А. А., ген., томъ ХСVII, мартъ, 519, т. ХСIX, сент., 604.
- Ждановъ**, Е. А., полковн., 1878 г., т. ХСVII, янв., 124.
- Жемзулинъ**, помѣщ. 1806 г., т. ХСVII, мартъ, 557.
- Желтухинъ**, подполковн. 1878 г., т. ХСIX, сент., 631, т. С, нояб., 343, т. С, декаб., 626.
- Желъванжиковъ**, Петръ Семенов., учит. 1792 г., т. ХСVII, мартъ, 660, 662.
- Желъвовъ**, слб. вице-губернаторъ 1831 г., т. ХСVII, янв., 240.
- Жерве**, чиновн. иностран. коллегіи 1811 г., т. ХСIX, июль, 106—109.
- Жеребцовъ**, коменд. л.-гв. Казач. пол. 1878 г., ХСIX, авг., 380—384, сент., 629—640, т. С, ноябр., 337.
- Жеребцова**, Екат. Арсеньев., въ зам. Всеволожская, т. ХСIX, сент., 590.
- Жеребцова**, Ольга Александровна, рожд. Зубова, р. 1766 г., † 1849 г., т. ХСIX, сент., 555.
- Жеребцовъ**, новгородскій губернат., т. ХСVII, февр., 299, т. ХСVIII, июнь, 499.
- Жигмонтъ**, офиц. 1834 г., т. ХСVII, янв. 169—174.
- Жиларди**, Дементій Ив., архитект. Московск. воспитат. дома 1826 г., т. ХСVII, мартъ, 668.
- Жижаревъ**, С. П., т. ХСVII, янв., 14, 29, февр., 249, 251, т. ХСVIII, июнь, 490, 712.
- Жобаръ**, преподават. франц. яз. при Кавказск. унив., т. ХСVII, мартъ, 673.
- Жолъевскій**, Станиславъ, гетманъ, 1603 г., т. ХСVII, февр., 446.
- Жомини**, бар. Г. В., дипломатъ, т. ХСVIII, июнь, 627, 639, 640, томъ ХСIX, июль, 147, авг., 427—431, т. С, окт., 177, 178, прилож., 273.
- Жудро**, М. И., педагогъ 1866 г., т. С, нояб., 397.
- Жумовскій**, Васил. Андреев., писат., род. 1788 г., † 1852 г., т. ХСVII, янв., 211, февр., 264, 358, 441, 467—473, мартъ, 514, 545, 672, 678, томъ ХСVIII, апр., 225, 232, 233, май, 309, 332, 341, 350, 472, июнь, 509, 510, 546—552, т. ХСIX, сент., 536, т. С, окт., 9, 159, 210, 211, декаб., 520, 602.
- Жумовскій**, Григ. Васильев., таврич. губернат. съ 1856 г., † 1880 г., т. ХСIX, июль, 230.
- Жумовскій**, Степ. Мих., ст.-секрет., р. 1818 г., † 1877 г., томъ ХСVII, янв., 59, февр., 285, 391, 392.
- Жульевскій**, ксендзь 1861 г., т. С, декаб., 693.
- Журавловъ**, директоръ деп. мнн-ва юстиц. 1820 г., р. 1776 г., † 1842 г., т. ХСVII, мартъ, 709.
- З.**
- Заблоцкій-Десятковскій**, Андр. Парф., ст.-секрет., † 1881 г., т. ХСVII, янв., 146, 147, 150, 155, февр., 384, 385, 391, 394.
- Заболоцкій**, ген.-лейт. 1861 г., т. С, окт., 117, 120.
- Забугинъ**, Н., профес., томъ ХСIX, июнь, 40.
- Завадовскій**, мнн. проsv. 1831 г., т. ХСVII, янв., 8, 9, февр., 294, мартъ.

- 608, 610, 685, т. ХСVIII, апр., 57, т. ХСIX, авг., 249, 257, т. С, окт., 84.
- Завьяловъ, акад.**, т. С, окт., 203.
- Загоскинъ, писат.**, т. ХСVIII, июнь, 547, т. С, окт., 182, 205.
- Загрижовал, Наталья Кирил.**, рожд. гр. Разумовская, т. ХСIX, сент., 712, 713.
- Зайончевъ, ген.** 1807 г., т. С, окт., 224.
- Закревскій, гр., Арсеній Андреев.**, род. 1786 г., † 1865 г., т. ХСVII, февр., 479, т. ХСVIII, апр., 234, т. ХСIX, сент., 588, 657, т. С, декаб., 528, 540.
- Задкшицъ, Александръ, сообщ.**: „Литературно-критическія воззрѣнія А. С. Пушкина“, т. ХСVIII, май, 287—309, июнь, 543—557.
- Залуцкий, фл.-ад.** 1830 г., т. С, декаб., 554.
- Замойскій, гр., Андрей, род.** 1863 г., т. С, окт., 118, 121, 127, 133, 134, 144.
- Замойскій, гр., Станиславъ, 1861 г.**, т. С, декаб., 675.
- Замойскій, Янъ, севат. ц. Польскаго** 1603 г., т. ХСVII, февр., 444, 451, 452, 460.
- Замятинъ, Дм. Никол., мнн. вѣстнц.**, т. ХСIX, июль, 234.
- Запольская, Анна Фед.**, т. С, нояб., 241.
- Запольскій, Григ. Фед.**, т. ХСIX, июль, 212, т. С, нояб., 241.
- Зарудный, А. С., сообщ.**: „Письмо опытнаго чиновника сороковыхъ годовъ младшему собрату, поступающему на службу“, томъ С, декаб., 543—546.
- Засъ, баронесса, рожд. Бельгардъ,** т. ХСVII, февр., 428.
- Засъ, бар.**, т. ХСVII, янв., 176.
- Затрапезновъ, Дм. Ив., секрет. в кн. Константина Павловича,** томъ ХСVII, янв., 234, 235.
- Захаржевскій, комендантъ Царскаго Села** 1826 г., слб. коменд. 1838 г., т. ХСVII, мартъ, 683, т. ХСVIII, июнь, 530.
- Захаровъ, Григ., ратманъ старорусскаго городского магистрата** 1779 г., т. ХСVIII, май, 475.
- Захаровъ, Яковъ, акад.**, 1797 г., т. ХСVIII, апр., 166, 167, 168, 170.
- Зволинскій, всендзъ** 1861 г., томъ С, нояб., 454, 473.
- Звяровъ, Ст. Ег., предсѣд. комиссіи по устройству музея въ Воронежѣ** 1898 г., т. С., нояб., 249.
- Зеленой, Александръ Алексѣев., мнн. госуд. имущ.** 1862 г., т. ХСIX, июль, 237, 238.
- Зеленой, воен. агентъ въ Константинополѣ** 1878 г., ХСVII, февр., 343.
- Земской, врачъ** 1835 г., т. ХСVII, янв., 173, 174.
- Зиббергъ-Платеръ, 1860 г.**, т. ХСVIII, апр., 105, 120.
- Знаменскій, профес. духовн. акад.**, т. ХСVIII, июнь, 686.
- Золотаревъ, А., томъ ХСVII, мартъ,** 643, 649.
- Золотаревъ, Васил. Григ., полковн.** 1878 г., т. ХСVII, янв., 123, февр., 347, 349, т. ХСVIII, апр., 131, т. ХСIX, июль, 74, авг., 380, 381.
- Зоммеръ, помощ. инспект. студ.-въ Слб. унив.**, т. ХСVIII, июнь, 677.
- Зонтагъ, писат.-ца, с. ХСVII, февр.**, 359, т. ХСVIII, май, 423, т. ХСIX, июль, 9.
- Зотовъ, Влад., писат.** 1861 г., т. С, нояб., 374.
- Зотовъ, Никита Моисеев., воспитат. Петра I-го, т. С, нояб.,** 250, 251.
- Зотовъ, Пав. Дм., ген. - отъ инф.** р. 1824 г., † 1879 г., томъ С, нояб., 336, декаб., 604, 610, 614, 625, 628.
- Зубовъ, гр., Валеріанъ Александр., р.** 1771 г., † 1814 г., т. ХСVII, янв., 162, т. ХСIX, сент., 555.
- Зубовъ, гр., Никол. Александров., шталмейст., р.** 1763 г., † 1815 г., т. ХСIX, сент., 556.
- Зубовъ, кн., Платонъ Александр., род.** 1767 г., † 1821 г., т. ХСIX, сент., 555.
- Зыковъ, Серг. Павл., ген.-лейт., сообщ.**: „Положеніе вѣстовъ въ 1860-хъ годахъ. Всеподдан. прошеніе крестьянъ Лифляндск. губ.“, т. С, декаб., 655—665.

И.

- Иванкишевъ, юристъ** 1834 г., т. ХСIX, июль, 34.
- Ивановъ, Александръ Андр., художн.** † 1858 г., т. С, нояб., 360.
- Ивановъ, Ив. Алексѣев., архитект.** р. 1779 г., † 1848 г., томъ ХСVIII, мартъ, 662, 663.
- Ивановъ, Никол. Ив., шт.-вап.** 1843 г., т. ХСVIII, апр., 200—204.
- Ивановъ, профес. истор.** 1846 г., т. С, окт., 108, нояб., 410, 411, 413, 414.
- Ивановъ, масонъ, т. ХСVII, февр.**, 305.
- Ивашева, Камилла Петров., супруга декабриста, т. ХСIX, сент.,** 560.
- Ивашевъ, Васил., декабр., т. ХСIX, сент.,** 569.

Ивельчъ, гр., ген., т. ХСVII, февр., 419, 426.
 Игнатовичъ, педагогъ 1850 г., т. С, декаб., 584.
 Игнатъевъ, Н. П., посолъ въ Турціи 1871 г., мин. вн. дѣлъ 1882 г., т. ХСVII, февр., 285 мартъ, 643—652, т. ХСVIII, апр., 151, май, 398, июнь, 619, 623, т. С, окт., 40, декаб., 604.
 Игнатъевъ, гр. Пав. Никол., спб. ген.-губернат., т. ХСVII, янв., 44, 47, 48, 58.
 Игнатій, архіеп. рязанск., 1605, вполн. патриархъ, т. ХСVIII, апр., 184, 186.
 Ивановскій, владимірс. пред. двор. 1806 г., т. ХСVII, мартъ, 557.
 Имамъловъ, Левъ Дм., ген. 1802 г., т. ХСVII, мартъ, 551—555.
 Имамъловъ, Александр. Ефим., писат., баснопис., р. 1779 г., † 1831 г., т. ХСVIII, май, 471—474.
 Имамъловъ, Александр. Никол., ниж. путей сообщ. 1878 г., т. ХСVIII, май, 412, 413.
 Имамъловъ, Левъ Дм., ген., помѣщ. 1804 г., т. ХСVII, янв., 9—28.
 Имамъловъ, кап. 1796 г., т. С, дек., 560.
 Имамъловъ, 1700 г., т. С, нояб., 261.
 Ивонинковъ, проф. 1877 г., т. ХСVIII, май, 369.
 Ильинскій, гр., сен., † 1844 г., т. С, нояб., 283, 284.
 Иловайскій, Д. И., профес., т. ХСIX, июль, 200, 201.
 Иловайскій, ген. 1807 г., т. С, ок., 223.
 Ильинъ, нач. спб. тамож. 1842 г., т. С, октяб., 31.
 Императорскій, кн., ген. 1878 г., т. С, декаб., 603—632.
 Имшенецкій, В. Г., профес., т. ХСVIII, июнь, 678, 689.
 Имшенецкій, Мих. Григ., профес. 1851 г., т. ХСVIII, май, 430.
 Имшенинъ, О. А., директ. 2 казан., гимназ. 1851 г., т. ХСVIII, май, 426.
 Ивановъ, ген.-мазонъ 1831 г., т. ХСVII, февр., 292.
 Инновентій (Борисовъ), архіепископъ, т. ХСIX, июль, 67, 71.
 Инновентій, архиман., дух. цензоръ, т. ХСVII, февр., 312.
 Иноходцевъ, Петръ, акад. 1797 г., т. ХСVIII, апр., 166, 170, 171, май, 435.
 Исаевичъ, П., сообщ.: „Императоръ Николай I въ Черниговѣ въ 1845 г.“, т. ХСVII, февр., 401—409.
 Исаевичъ, Петръ Петров., кап.-лейт. 1845 г., т. ХСVII, февр., 403—409.
 Исидоръ (Іаковъ Серг. Никольскій), мнтр. спб., р. 1799 г., † 1898 г., т. ХСVIII, апр., 83, 84, июль, 620—626.

Исконъевъ, баталіон. команд. Преобр. пол. 1830 г., т. ХСVII, янв., 169.
 Ишжкова, писат., т. ХСIII, май, 423.

І.

Іоакимъ, патриархъ, † 1690 г., т. С, нояб., 242, 255.
 Іоаннъ, Алексѣев., царь, т. С, нояб., 245, 255.
 Іоаннъ Грозный, царь, т. ХСVII, февр., 443, 445, 450, 452, т. ХСVIII, апр., 185—190, 234.
 Іовъ, патриархъ 1605 г., т. ХСIII, апр., 184.
 Іонинъ, А. С., писат. дипломатъ, 1878 г., т. ХСIX, июль, 95.

ІІ.

Іабаиновъ, казначей комитета мин-въ 1830 г., т. ХСVIII, май, 385.
 Іавелина, Автоняна Фек., рожд. Коршъ, т. ХСVII, янв., 139, 155, 156.
 Іавелина, Софья Констан., въ зам. Брюлова, † 1877 г., т. ХСVII, февр., 378, 392, 393.
 Іавелинъ, Дм. Александр., ректоръ спб. унив., род. 1780 г., † 1851 г., т. ХСVII, янв., 230, февр., 476.
 Іавелинъ, Констан. Дм., проф., писат., р. 1818 г., † 1885 г., т. ХСVIII, янв., 135—157, 168, февр., 281, 282, 377—399, т. ХСVIII, май, 350, т. С, окт., 33, 45.
 Іавелинъ, ген.-ад., спб. воен. губер. 1842 г., т. ХСVII, янв., 55, т. С, октяб., 54, нояб., 293, декаб., 509.
 Іаверязъ, Пав. Петр., лейбъ-гусаръ 1820 г., т. ХСIX, сент., 590, 596.
 Іаверязъ, Петръ Павл., 1827 г., т. ХСIX, сент., 519, 520.
 Іавосъ, архитект. 1840 г., т. С, окт., 57.
 Іаваскій, П., сообщ.: „Николай Христофоровичъ Палаусовъ“, т. ХСIX, июль, 61—72.
 Іавариновъ, секрет. консульства въ Буварестѣ 1878 г., т. ХСIX, июль, 73, 74.
 Іавачковскій, полковн. 1807, т. ХСIX, сент., 680.
 Іавембекъ, профес. восточн. язык., т. С, нояб., 415, 416.
 Іавнаковъ, офиц. 1835 г., т. ХСVIII, янв., 170.
 Іавдановъ, проф. 1825 г., т. ХСVIII, янв., 105.
 Іалайдовичъ, Констан. Фек., археологъ и филологъ, род. 1792 г., † 1832 г., т. ХСVII, февр., 471.
 Іалаховъ, Никол. Васильев., археологъ, сенат., акад., род. 1819 г., † 1885 г., т. ХСVII, февр., 285.

- Балмыковъ**, ген. 1878 г., т. С, окт., 154, 155, 157.
- Бамбекъ**, проф. 1836 г., т. С, окт., 103, 104.
- Бамеловъ**, Гавр. Петр., т. ХСVIII, май, 260.
- Бамелский**, Дм. Ив., гл. редакт. „Съв. Почты“ съ 1863—1862 г., т. ХСIX, авг., 475.
- Бамелский**, гр. Мих. Ѳедотов, ген.-аншефъ, род. 1738 г., † 1809 г., т. ХСVII, янв., 88, февр., 274, т. ХСIX, сент., 649, т. С, окт. 219, декаб., 562, 713, 714.
- Бамелский**, гр. Никол. Мих., ген.-отъ инф., главноком. арміей въ Турціи, род. 1776 г., † 1811 г., т. ХСVII, янв., 234, т. ХСIX, сент., 681, т. С, окт., 88.
- Бамелский**, Петр. Мих., ген. 1820 г., т. ХСIX, июль, 206—216, сент., 599, 601.
- Бамелский**, гр., Серг. Мих., подполк. 1790 г., т. ХСVII, янв., 5—16, т. С, декаб., 704, 705, 713, 714.
- Бампентаузенъ**, бар. Балтазаръ Балтазаровичъ, госуд. контролеръ 1803 г., т. ХСVII, мартъ, 656, т. ХСIX, авг., 242, сент., 694, 714, т. С, окт., 62.
- Банабихъ**, полковн. 1796 г., т. С, декабр., 561.
- Банавотия**, чинов. 1853 г., т. ХСVII, янв., 137.
- Банкриня**, гр.-ня, Екатер. Захар., рожд. Муравьева, т. ХСVII, мартъ, 670, т. ХСIX, сент., 494, т. С, нояб., 322.
- Банерия**, гр. Егоръ Франц., мнн.-фнн. съ 1823—1844 г., р. 1776 г., † 1845 г., т. ХСVIII, май, 391, 392, июнь, 512, 519, т. ХСIX, июль, 17—21, авг., 282—293, сеп., 482—504, т. С, окт., 53, нояб., 274, 299, декаб., 499, 516—518, 536, 540.
- Бантамузенъ**, кн., полковн. 1878 г., т. ХСVII, янв., 123, т. ХСVIII, июнь, 610.
- Баняиотъ**, Васил. Васил., писат., р. 1756 г., † 1823 г., т. ХСVIII, апр., 59, 63, май, 241, т. С, окт., 203.
- Баняиотъ**, гр., Петръ, т. ХСVIII, май, 245.
- Банодистрия**, гр. Ив. Антонов., канцл., р. 1776 г., † 1831 г., т. ХСVII, февр., 474, т. ХСVIII, июнь, 647, 648, 650, т. С, декаб., 537.
- Банцевичъ**, инспект. корпуса внут. стражи 1836 г., т. С, окт., 112.
- Баравель**, В. А., профес., 1841 г., т. ХСIX, июль, 84, т. С, нояб., 408, 409, декаб. 493.
- Бараянъ**, Вас. Назар., профес., пис., р. 1773 г. † 1842 г., т. ХСVII, февр., 293, 294, 295, мартъ, 608, т. ХСVIII, май, 277—279, июнь, 501, т. ХСIX, авг., 403.
- Бараяина**, Екат. Андреев., т. ХСVII, февр., 472, 473, 474, 476, 478, т. ХСVIII, апр., 230, т. ХСIX, сент., 527.
- Бараяина**, Екат. Мих., въ зам. Бушннкова, т. ХСVII, мартъ, 709.
- Бараяина**, Екат. Никол., въ зам. кнѣг. Мещерская, р. 1805 г. † 1867 г., т. ХСVIII, апр., 227, 230.
- Бараяина**, Екат. Семен., † 1824 г., т. ХСVIII, апр., 227.
- Бараяина**, Елиз. Иван., рожд. Протасова, † 1803 г., т. ХСVIII, апр., 235.
- Бараяина**, Софья Николаевна, т. ХСVII, янв., 211, 213, мартъ, 712, т. ХСVIII, апр., 230.
- Бараяинъ**, Александр. Мих., т. ХСVII, янв., 238.
- Бараяинъ**, Александр. Никол., пред. двор. ардат. уѣзда, нижегор. губ., р. 1815 г., † 1888 г., т. ХСVII, мартъ, 708, т. ХСVIII, апр., 231.
- Бараяинъ**, Андр. Никол., полковн., р. 1814 г., † 1854 г., т. ХСVII, февр., 471, 472, т. ХСVIII, апр., 231.
- Бараяинъ**, А. Н., помѣщ. 1860 г., т. ХСVII, февр., 269, 270, 282.
- Бараяинъ**, Никол. Мих., исторіографъ, р. 1766 г., † 1826 г., т. ХСVII, янв., 31, 211—238, февр., 260, 263, 463—480, мартъ, 512, 540, 661, 662, 707—716, т. ХСVIII, апр., 41, 58, 78, 225—238, май, 314, 416, 452, 453, июнь, 491, 494, 546, 550, 573, 574, т. ХСIX, июль, 106, авг., 256, 266, 491, 423, сент., 523, 570, т. С, окт., 203, 206, декаб., 520.
- Бараяинъ**, Никол. Ѳед., р. 1803 г., † 1870 г., т. ХСVII, февр., 474.
- Бараяинъ**, Ѳед. Мих., т. ХСVII, февр., 474.
- Бараяинъ**, А. Н., т. ХСIX, сент., 531.
- Баратынскій**, арт., т. ХСIX, сент., 499.
- Барлъ-Эмануилъ**, наслед. сардинск. престола 1787 г., т. С, окт., 91—98.
- Баркицкий**, 1861 г., С, окт., 126.
- Барпова**, камеръ-юнгфера, 1844 г., т. С, декаб., 500, 501.
- Барповъ**, полковн. 1807 г., т. С, окт., 224.
- Барцевъ** консулъ въ Бѣлградѣ, 1878 г., т. ХСVII, мартъ, 650.
- Басинъ**, Егоръ Александр., херсонс. губернс. пред. двор. съ 1856—1868, т. ХСIX, июль, 234.
- Баталей**, ген.-лейт. 1878 г. т. ХСVII, авг., 391.
- Батонинъ**, П. А., фл.-ад. 1841 г., т. ХСIX, сент., 499, 604.

- Батюговъ, Мих. Никифоровъ,** публицистъ, р. 1818 г., † 1887 г., т. ХСІХ, июль, 234, авг., 472, 473, 478, т. С, окт., 208, нояб., прилож. 332.
- Батырловъ-Ростовскій, кн.,** 1606 г., т. ХСVIII, апр., 178., 179.
- Баульбарсъ, бар., Александ.,** полковн. 1878 г., т. ХСІХ, июль, 86.
- Бауфманъ, Констант. Петровъ,** вице-ген.-губ. 1866 г., т. ХСІХ, сент., 701.
- Баховскій, ген.-отъ-инф. 1797 г., т. ХСVIII, апр., 54, 61, 69, т. ХСІХ, июль, 213, т. С, декаб., 563.**
- Баченовскій, изд. "Вѣстн. Европы"** 1820 г., т. ХСІХ, сент., 601.
- Башадамовъ, Никол. Ивановъ,** волл. асс., — его библиограф. листовъ на оберткѣ каждой книги.
- Башаровъ, помѣщ. 1804 г., т. ХСVII, янв., 5, 12, 18.**
- Башталинскій, перемоніймейст. при Екзатеринѣ II, т. С, нояб., 269.**
- Бектунцкій, оф. 1878 г. т. С, дек., 630.**
- Беклеръ, гр., оф. ген. штаба 1878 г., т. С, окт., 153.**
- Бернъ, Анна Петровъ, т. ХСVII, мартъ, 514, т. ХСІХ, сент., 708—711.**
- Бидошневъ, пл.,** полевой казначей 1878 г., т. ХСІХ, июль, 92.
- Бидинъ, ст.-секрет., т. ХСVII, февр., 312.**
- Бидинскій, башмачникъ, 1794 г., т. С, окт., 116**
- Биркенскій, О. А.,** художн., т. ХСІХ, сент., 713.
- Бирлинь, чин. походн. канцел. 1843 г., т. С, нояб., 275, 279, 280.**
- Бирничевъ, инж. 1878 г., т. ХСVIII, май, 409.**
- Бирничинковъ, А.,** сообщ.: „Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ“, т. ХСVII, февр., 439—441, т. ХСVIII, май, 331—333, Черновой отпуску письма С. С. Уварова Пушкину при посылкѣ французск. перевода стиховъ „Клеветникамъ Россіи“, 226, „Очеркъ исторіи студенческихъ обществій въ западной Европѣ и у насъ“, т. С, нояб., 301—317, упом., т. ХСVIII, май, 334.
- Бирничинковъ, шт.-капит. 1797 г., т. С, декаб., 566.**
- Бирѣвскій, писат., 1832г., т. ХСVII, мартъ, 514, т. ХСVIII, июнь, 560.**
- Бирѣвъ, М. Н., 1804 г., т. ХСVII, янв., 11.**
- Бирѣвъ, Никол.,** офиц. 1878 г., т. ХСVII, янв., 110.
- Бисолева, Елиз. Никол.,** рожд. Ушакова, т. ХСІХ, сент., 712.
- Бисолева, гр.-ня, рожд. Потоцкая, т. ХСVIII, апр., 212.**
- Бисолевъ, гр., Пав. Дм.,** мин. госуд. имущ., р. 1783 г., † 1872 г., т. ХСVII, янв., 40—57, 155, февр., 270, 271, мартъ, 637, т. ХСVIII, апр., 203, июнь, 535—539, 642, т. ХСІХ, июль, 18, 22, авг., 274, 276, 281—294, сент., 483—510, т. С, окт., 25, 198, 199, нояб., 273, декаб., 511.
- Бичинскій, ген. 1861 г., т. С, окт., 138.**
- Блаверъ, Никол.,** полков. 1861 г., т. С, нояб., 467, 468.
- Бласовскій, Владиславъ, т. С, нояб., 314.**
- Блвановъ, Александ. Семеновъ,** чин. мин.—ва ви. дѣлъ 1862 г., т. ХСІХ, июль, 234.
- Блейнмихель, гр., Влад.,** команд.-гв. 3 стрѣлков. батальона, 1877, вполн. команд. семеновск. пол., т. ХСVIII, июнь, 612.
- Блейнмихель, Петръ Андр.,** ген.-лейт., нач. штаба воен. посел. 1825 г., т. ХСVII, янв., 104, т. ХСІХ, июль, 13, сент., 497, т. С, окт., 53, 55, нояб., 269, декаб., 513.
- Блембовскій, писат., т. ХСVII, янв., 109.**
- Бленевскій, Болеславъ,** помѣщ. 1861 г., т. С, нояб., 479.
- Ближенко, оф. 1878 г., т. ХСVIII, апр., 149.**
- Блингеръ, Ф. И.,** ген. 1810 г., т. ХСVII, мартъ, 538, 610.
- Блингеръ, ген.,** масонъ, т. ХСVII, февр., 294.
- Блугентъ, спб. полиційм., т. ХСII, янв., 165.**
- Блуки фонъ Блугенау, ген. 1839 г. т. ХСVII, февр., 412—433.**
- Блочаревъ, сенат. 1807 г., т. ХСVII, мартъ, 566, т. ХСVIII, июнь, 467, т. ХСІХ, авг., 244.**
- Бноррингъ, ген.-майоръ 1807 г. т. ХСVII, февр., 251, т. ХСІХ, сент., 686, 693.**
- Бнжневичъ, Александ. Максимовъ,** мин. финансовъ., т. ХСVII, февр., 285, т. С, окт., 114.
- Бнжневичъ, казанск. губерн. пров. 1804 г., т. ХСІХ, авг., 244.**
- Бнжнйтъ, спб., об.-полиціймейст. 1826 г., т. ХСІХ, авг., 320.**
- Бнзель, инспект. псковск. семинаріи 1859 г., т. ХСVIII, май, 267.**
- Бовалевскій, Евгр. Петр.,** мин. нар. проsv., т. ХСVII, янв., 175, т. ХСІХ, июль, 43.
- Бовалевскій, педагогъ 1850 г., т. С, декаб., 584.**
- Бовальмовъ, камергеръ, масонъ, т. ХСVII, февр., 300, т. С, декаб., 494, 496.**

- Ковальскій, Н. А.**, профес., т. ХСVIII, июнь, 678, 689.
- Кожевниковъ, Васи. Фед.**, генералъ н. консуль въ Рущукѣ 1878 г., т. ХСVII, янв., 127—132, т. ХСVII, апр., 142—156, май, 397—407, июнь, 614—618.
- Кожевниковъ**, саратов. губернат. 1847 г., т. ХСVIII, апр., 208—218.
- Кожинъ, Е. В.**, помѣщ. 1810 г., т. ХСVII, янв. 15.
- Колосовскій, вл.**, помощн. управл. почтов. депар. 1844 г., т. С, декаб., 493, 495, 496.
- Колосовскій, вл.**, поэтъ 1834 г., т. ХСVIII, апр., 40.
- Колосовскій, вл.**, костромск. предвод. двор. 1802 г., т. ХСVII, мартъ, 556.
- Колосовскій, вл.**, послан. при турин. дворѣ 1815, т. ХСVIII, июнь, 649, 650.
- Коловѣзъ, Ив. Иван.**, поэтъ, т. ХСVIII, июль, 545, 547, т. ХСIX, сент., 612.
- Коловѣзъ, оф.** 1878 г., т. С, нояб. 342, 343.
- Коловѣзъ, акушеръ**, т. ХСVIII, июнь, 678.
- Колляниновъ, казанскій губернат.**, ген. 1856 г., т. ХСVIII, май, 434.
- Колодавлевъ, Осипъ Петров.**, тов. мин. вн. дѣлъ 1809 г., т. ХСVII, янв., 230, 231, мартъ, 565.
- Колоревъ, огкущникъ**, т. С, нояб., 418, 419.
- Колошенинъ, Ф. Ф.**, сиб. об.-полнц., т. ХСIX, сент., 604, 672, т. С, окт., 40, 54, нояб., 291.
- Колмаковъ, Н. М.**, т. ХСVIII, апр., 205, 217.
- Кологривова, рож. княжна Голицына**, т. С, декаб., 495, 496.
- Кологривовъ, Петръ Александр.**, т. ХСVIII, апр., 232, 233.
- Колосова, А. Н.**, артистка 1820 г., т. ХСIX, сент., 591, 604.
- Колошенинъ, Никол. Никол.**, чл. сов. мин. вн. дѣлъ 1862 г., т. ХСIX, июль, 237, авг., 474.
- Колтосовой, нач. учил.—а кантонист. въ Казани 1836 г.**, т. С, окт., 111, 113.
- Кольцовъ, Алексѣй Васил.**, поэтъ, т. ХСVII, мартъ, 489.
- Комаровскій, ген.-ад. 1825 г.**, т. ХСVII, февр. 327, 328.
- Комовскій, С. Д.**, т. ХСIX, авг., 301.
- Кондыревъ, явсп. студ. казанск. унив. 1807 г.**, т. С, нояб., 401.
- Кони, Анатолий Фед.**, сенат., сообщ. "И. А. Гончаровъ о Пушкинѣ", т. ХСVIII, май, 265.
- Коновницынъ, гр.**, Петръ Петров., декаб., т. ХСVII, февр., 521, 322.
- Коновницынъ, ген. 1797 г.**, т. С, декаб., 562.
- Коноплевъ, валужск. помѣщ. 1862 г.**, т. ХСIX, авг., 313—326.
- Константинкъ Константиновичъ**, вел. князь, т. ХСVII, мартъ, 481—498.
- Константинкъ Николаевичъ**, вел. князь, р. 1827 г., † 1892 г., т. ХСVII, февр., 268, 402, 403, 405, т. ХСVIII, апр., 122, 124, прилож., 123, т. С, нояб., 281, 282, 295, т. С, декаб., 586.
- Константинкъ Павловичъ**, вел. кн., цесаревичъ, р. 1779 г., † 1831 г., т. ХСVIII, янв., 93—108, 234, 235, февр., 315—331, 480, мартъ, 659—688, т. ХСVIII, апр., 201, май, 374—389, прилож., 153, июль, 532—534, 634, 635—665, прилож., 178, т. ХСIX, июль, 98, 111—114, авг., 355, 358, 404, 405, 414, 421, сент., 497, 545, 546, 673, 677, т. С, окт., 50, декаб., 700, 701, 706.
- Копьевъ, фл.-ад. 1839 г.**, т. ХСVII, февр., 433.
- Коркуновъ, акад.**, 1850 г., т. ХСVIII, май, 367.
- Коркиловъ, Фед. Петр.**, управл. дѣл. комит. мин.—въ, 1862 г., т. ХСIX, авг., 469, 470.
- Корниловъ, оф.** 1839 г., т. ХСVII, февр., 430.
- Коричевъ, дир. горн. корп. 1831 г.**, т. ХСVII, февр., 291.
- Корсаковъ, Д. А.**, сообщ. "Изъ писемъ К. Д. Кавелина къ К. К. Гроту", т. ХСVII, янв., 135—157, февр., 377—399.
- Корсаковъ, ген. 1800 г.**, т. ХСVII, февр., 245, т. ХСIX, июль, 224, авг., 350, 352.
- Корсаковъ, вапнт. 1767 г.**, т. ХСVIII, май, 330.
- Корфъ, бар. вносл. гр. Модестъ Андр.**, директ. публичн. библи., р. 1800 г., † 1876, его записки: т. ХСVIII, май, 371, —395, июнь, 511—542, т. ХСIX, июль, 3—30, авг., 271—295, сент., 481—515, нояб., 267—299, декаб., 481—521, упом. авг., 297—311, сент., 517—530, т. С, окт., 10—58, декаб., 666.
- Корфъ, бар.**, директ. деп. воен. посел. 1843 г., т. С, окт., 55.
- Корфъ, бар.**, ген.-м. ком. егерск. пѣх. пол. 1807 г., т. ХСIX, июль, 213, сент., 683.
- Корфъ, бар.**, ген.-м., команд. псковск. драгун. пол. 1807 г., т. ХСIX, сент., 683.
- Коршъ, Валент. Фед.**, журналистъ, р. 1828 † 1883 г., т. ХСVII, янв., 139, 140, 153, 154, февр., 384, 395.

- Коссаковский, гр., предсѣдат. герольд. въ Варшавѣ 1861 г., т. С, окт., 121.
- Коссовичъ, Казтанъ, Авд. санскрито-логъ, † 1883 г., т. С, нояб., 314.
- Костомаровъ, Ник. Иван., р. 1817 г., † 1885 г., т. ХСІХ, июль, 200.
- Костюшко, Оадей, генер. польск. службы, т. ХСVII, янв., 81 т. ХСІХ, сент., 539, т. С, нояб., 462, 467, декаб. 484.
- Котальниковъ, П. И., профес., 1836 г., т. ХСVIII, июль, 678, т. С, окт., 110, нояб., 403, 404.
- Котельниковъ, Семень. акад. 1797 г., т. ХСVIII, апр., 166, 170.
- Котляревскій, Александр., проф. 1877 г., т. ХСVIII, май, 369, т. С, нояб., 412.
- Котляревскій, самарск. губернат. 1854 г., т. ХСVII, янв., 136.
- Кожовскій, П., декаб., т. ХСVIII, июнь, 484, 496, 505.
- Копебу, гр., Пав. Евстафьев, ген-губ. ц. Польскаго, род. 1801 г., † 1884 г., т. ХСVII, янв., 112, 114, 115, т. С, окт., 137.
- Кочетовъ, священ. 1831 г., т. ХСVII, мартъ, 618, 630.
- Кочубей, княгиня, т. ХСVIII, июнь, 533.
- Кочубей, кн., помѣщ. 1860 г., т. ХСVII, февр., 267.
- Кочубей, гр., Викт. Павл., мнн. вн. дѣлъ, † 1834 г., т. ХСVII, мартъ, 552, 553, т. ХСVII, май, 277—279—377—393, июнь, 494, 507, 508, 514—520, 532, 629, 659, 660, 665, т. ХСІХ, июль, 6, 104, авг., 248—264, 415, сент., 657, т. С, окт., 80—84, декаб., 497, 500, 509, 536, 541.
- Котляковскій, Н. О., проф. 1814 г., т. ХСІХ, авг., 300.
- Кошелевъ, Алексан. Ив., земск. дѣят., р. 1807 г., † 1883 г., т. ХСVIII, апр., 105, 118, 120.
- Кошелевъ, Родионъ А., ген.-лейт., сенат., мистикъ, т. ХСVII, февр., 291—314.
- Кошелевъ, гродненск. губернаторъ 1803 г. т. ХСVIII, июнь, 499.
- Краевскій, Андрей Александр., изд. „Голоса“, р. 1810 г., † 1889 г., т. ХСІХ, сев., 618, т. С, окт., 8, нояб., 374.
- Красной, Ив. Никол., художн., т. ХСVII, янв., 154.
- Красовскій, Васил. Ив., чинов. бергъ-коллегии, р. 1782 г., † 1824 г., т. ХСVII, мартъ, 664.
- Крейцъ, ген. 1830 г., т. С, окт., 29, декаб., 524.
- Кремлевъ, Н. А., проф. т. ХСVIII, июнь, 689.
- Кремнина, г-жа, 1826 г., т. ХСVII, мартъ, 678.
- Кретковскій, капит. 1853 г., т. ХСVII, янв., 137, 138.
- Кривецкій, врачъ 1835 г., т. ХСVII, янв., 173—175.
- Кривоцовъ, воронежск. губер. 1826 г., т. ХСVII, мартъ, 672.
- Кригеръ (Вевель фонъ Кригеръ), Григ. Алексан., контр-адм., ковен. губернат. съ 1861 г. екатеринос. губ., съ 1863—1865 г., т. ХСІХ, авг., 474.
- Криницкій, духовн. им-цы Маріи Теодоровны, т. С, нояб., 285.
- Кроненбергъ, 1861 г., т. С, окт., 121.
- Кротковъ, Иванъ Васил., педагогъ 1851 г., т. ХСVIII, май, 429 430.
- Крутъ, акад. † 1844 г., т. ХСVII, февр., 463—477, т. ХСVIII, май, 368.
- Крузенштернъ, акад., т. ХСVII, февр. 477.
- Крупеникъ, педагогъ 1860 г., т. ХСІХ, июль, 138.
- Крыжановскій, Никол. Андр. орен. ген.-губ. 1865 г., т. ХСІХ, сент., 698, 699.
- Крыловъ, Александр. Дм., чин. особ. поруч. при депар. желѣз. дорогъ 1848 г., т. С, окт. 13—15.
- Крыловъ, А., профес. цензоръ 1850 г., т. С, декаб., 583—585, 594.
- Крыловъ, В. Г., педагогъ 1866 г., т. С, нояб., 397.
- Крыловъ, Ив. Андреев., баснописецъ, род. 1768 г. † 1844 г., т. ХСVII, февр., 258, мартъ, 545, т. ХСVIII, май, 472, июнь, 546, 549, т. ХСІХ, сент., 609, 610, т. С, нояб., 271.
- Крыловъ, секретарь консульства 1878 г., т. ХСVIII, май, 398.
- Крыловъ, ген. 1878 г., т. С, декаб., 631.
- Крюднеръ, баронесса, Юліана, рожд. Фитингофъ, пиетистка, т. ХСVII, февр., 311.
- Крюднеръ, бар., ген.-лейт. 1878 г., т. ХСІХ, авг., 391, 392, сент., 643, 644, 648, т. С, окт., 152—156.
- Кубасовъ, Ив., сообщ.: „А. С. Пушкинъ—членъ спб. вольнаго общес. любителей словесности, наукъ и художествъ“, т. ХСVIII, май, 471—474.
- Кутушева, княг., въ зам. Томлина, т. С, нояб., 287, 288.
- Кудрявцева Вѣра Яковл., т. ХСVIII, май, 418.
- Кудрявцева, Надежда Яковлевна, т. ХСVIII, май, 418.
- Кудрявцевъ, Нефель, казанск. губер. 1714 г., т. ХСVIII, май, 418.
- Кудрявцевъ, Никнтъ, казанск. губер. 1714 г., т. ХСVIII, май, 418.

Кудрявцевъ, Яковъ Непефедьевъ, помѣщ. т. ХСVIII, май, 418.
Кудрявцевъ, рус. консулъ въ Саравѣ 1878 г., т. ХСVII, февр., 343.
Кудрявцевъ, профес. 1846 г., т. С, нояб., 315.
Кузмина, Александра Григ., рожд. Бѣлинская, т. ХСVIII, апр., 200.
Кузоль, Ѳед. Иванъ, полковн. 1700 г., т. С, нояб., 253.
Кузольникъ, Несторъ Вас., писат., т. ХСVIII, июнь, 546.
Кулебякинъ, оф. 1878 г., т. С, дек., 621.
Кулабко, С. Н. сообщ.: „Казанская старина“, т. С, окт., 99—113, нояб., 399—419.
Кунинъ, Аристъ Аристовъ, акад., р. 1814 г., † 1899 г., т. ХСVIII, май, 365—370.
Кунинъ, Эрнестъ-Фридрихъ, помѣщ. † 1857 г., т. ХСVIII, май, 365.
Куряновъ, Яковъ Александръ, пензенск., губернат. съ 1861 по 1862 г., внос. директ. деп. госуд. казнач., † 1869 г., т. ХСIX, июль, 235.
Куранинъ, кн. Александръ Борисовъ, мнн. вн. дѣлъ 1^{оо} 00 г., р. 1752 г., † 1818 г., т. ХСVII, янв., 5—22, т. ХСIX, авг., 257, сент., 539—542, т. С, окт., 80.
Куранинъ, кн., Алексѣй Борисовъ, ген.-прокур., мнн. внутр. дѣлъ съ 1807 г., р. 1759 † 1826 г., т. ХСVII, янв., 104, мартъ, 566, 562—566, т. ХСVIII, апр., 171, май, 310, 436, 437, июнь, 482, 488, 498, т. ХСIX, авг., 245, сент. 539, 541.
Куропаткинъ, Алексѣй Никол., воен. мнн. 1899 г., т. С, окт., 151, нояб., 347, декаб., 613—633.
Курута, ген. 1815 г., вач. штаба цесаревнича Константина Павловича, т. ХСVII, мартъ, 602, т. ХСVIII, июнь, 634.
Кусовниковъ, полковн. 1830 г., т. ХСVII, мартъ, 530.
Кусовъ, сиб. голова 1825 г., т. ХСVII, февр., 327.
Кутайсовъ, гр., Ив. Павловъ, об.-штаб-мейст., † 1834 г., т. ХСIX, сент., 539—546.
Кутлубицкая, Евдокія Савельевна, рожд. Ваксель, т. ХСVII, янв., 182—188.
Кутлубицкий, Никол. Осипъ, ген.-лейт. 1800 г., т. ХСVII, янв., 180—188, февр., 442.
Кутузовъ, см. Голеннищевъ-Кутузовъ.
Кутузовъ, гр., ген. 1853 г., т. С, окт., прил. 273, 274.
Кухаренко, Степ. Яковлевъ, команд. Кубанс. пол. 1878 г., т. ХСVIII, июнь, 604, т. С, сев., 336.

Кушелевъ-Везобородово, гр., пв. жур. „Рус. Слово“ 1859 г., т. ХСVII, февр., 359, 360.
Кушелевъ, гр., Гр. Григ., адм.-вице-през. адмиралт. колл., р. 1754 г., † 1833 г., т. ХСIX, сент., 548.
Кушелевъ-Везобородово, гр., сенат. 1812 г., т. ХСIX, июль, 18.
Кушниковъ, Михаильтъ Серг., совѣтъ. 1820 г., т. ХСVII, мартъ, 708.
Кушниковъ, Серг. Серг., сенат., р. 1765 г., † 1838 г., т. ХСVII, мартъ, 681, 682, 709, т. ХСIX, июль, 3, т. С, окт., 99, декаб., 550, 551.
Кюстинъ, маренъ, Астольфъ, франц. литерат., и путешевъ., р. 1790 г., † 1857 г., т. С, окт., 194, 195.
Кюхельбемеръ, Вельгельмъ, писат., декаб., т. ХСVII, февр., 324, т. ХСVIII, май, 472, т. ХСIX, сент. 520, 569, т. С, нояб., 329.

Л.

Лабедская, г-жа, 1861 г., т. С, нояб., 467.
Лабелюкй, Ксав. Ксав., старш. сов. мнн.—ва иностр. дѣлъ 1839 г., т. С, окт., 196.
Лабзинъ, Александръ Ѳед., вице-през. акад. худож., 1812 г. мартинистъ, р. 1766 г., т. ХСVII, янв., 82, февр., 296—306.
Лабинцевъ, ген. 1839 г., т. ХСVII, янв., 171, февр., 433, 434.
Лаваль, гр., Ив. Степ. камергеръ, чл. главн. правл. училищъ, † 1846 г., т. ХСVIII, апр., 227.
Лавровъ, Васиъ Никол., ген.-майоръ 1878 г., т. ХСVII, янв., 121.
Лавровъ, Ив. Павл., д. ст. сов., дир. деп. мнн.—ва вн. дѣлъ 1842 г., т. ХСVIII, май, 279.
Лагарпъ, Фредерикъ-Сезаръ, воспит. Александра I, р. 1754 г., † 1838 г., т. ХСVII, янв., 82, февр., 294, т. ХСVIII, июль, 622—670, т. ХСIX, июль, 105, авг., 251, 258, 303, 403—417, т. С, окт., 82.
Лагода, поруч. 1839 г., т. ХСVII, февраль, 425.
Лагофетъ, корнетъ 1843 г., т. С, окт., 51.
Лажечниковъ, писат., т. ХСVIII, апр., 46, июнь, 547, т. С, окт., 110.
Лазаревъ, адм., т. С, нояб., 408.
Ламбертъ, маренъ, ген.-м. 1800 г., т. ХСIX, сент., 555.
Ламбертъ, гр., намѣстн. ц. Польскаго 1862 г., т. ХСVIII, июнь, прил. 173, т. С, декаб., 562.

- Ланжеронъ**, гр. Александр. Фед., генер. † 1831 г., т. ХСVIII, июль, 670.
- Лажская**, Елизава. Ив., рожд. Влламава, т. ХСVII, мартъ, 666.
- Ланской**, гр., Сер. Степ., мин. внут. дѣлъ, р. 1787 г. † 1862 г., т. ХСVII, янв., 42—65, фев., 267—235, мартъ, 575—597, т. ХСVIII, апр., 105—127, т. ХСIX, июль, 225, 228.
- Ланской**, Дм. С., 1825 г., т. ХСVII, янв., 101, февр., 320.
- Ланской**, Пав., ген.-ад. 1825 г., т. ХСVII, 323, мартъ, 530.
- Ланской**, масоновъ 1814 г., т. ХСVII, февр., 299.
- Ласковский**, адъютантъ главнокоман. 1878 г., т. С, декаб. 612.
- Латышевъ**, чиновн. деп. ин. дѣлъ 1800 г., т. ХСIX, сент., 551.
- Лашкаревъ**, Александр. Грлг., перм. губернат. съ 1860—1865 г., т. ХСIX, июль, 231.
- Лашинский**, почетн. варшавск. учеб. окр. 1861 г., т. С, окт., 127.
- Левандицкѣвъ**, П., священ. 1857 г., т. С, декаб., 595.
- Левандовскій**, профес. 1866 г., т. ХСVIII, июль, 672.
- Левашевъ**, ген.-лейт. 1826 г., т. ХСVII, мартъ, 665, т. ХСIX, авг., 274, 275, 284 сент., 502.
- Левашевъ**, гр., ген.-м. 1862 г., т. ХСIX, июль, 229, сент., 703.
- Левашъ**, ген. 1797 г., т. С, декаб., 567.
- Левашъ-офъ-Менаръ**, Оскаръ Алексн., полковн. 1878 г., т. ХСVIII, июль, 604, т. С, декаб., 621, 625.
- Левинскій**, 1861 г., т. С, окт., 133.
- Левинскій**, Казимиръ Васил., ген.-м. 1878 г., т. ХСVII, янв., 116—132, февр., 344, 354, мартъ, 639, 645, 651, 652, т. ХСVIII, апр., 140—153, май, 410, июль, 599—617, т. ХСIX, авг., 375—397, сент., 632—641, т. С, окт., 170, 171, нояб., 336, декаб., 604.
- Левинскій**, Никол. Васильев., полковн. 1878 г., т. ХСVII, янв., 121 т. ХСIX, июль, 75—93, авг., 394.
- Левинскій**, П. П., общ.: „А. С. Пушкинъ и Н. И. Бухаровъ“, т. ХСIX, сент., 531 535.
- Левинскій**, протоіер. 1898 г., т. ХСVIII, июль, 584.
- Левшинъ**, Алексѣй Иракліев., тов. мин. вн. дѣлъ 1856 г., р. 1798 г., † 1879 г., т. ХСVII, янв., 42—62, мартъ, 576, т. С, окт., 233.
- Левшинъ**, Н. Г., т. ХСVII, янв., 29., февр., 243, 255.
- Левшинъ**, полковн. 1839 г., т. ХСVII, февр., 432.
- Левъ**, Генр. Ант., ген.-отъ-пиф., 1878 г., ХСVII, 111.
- Лейхтенбергскій**, принцъ, Евг. Максимилиановичъ, т. ХСVIII, июль, 600, т. ХСIX, авг., 394.
- Лейхтенбергскій**, герцогъ, Максимилианъ, т. ХСVIII, июль, 542, т. ХСIX, авг., 272, т. С., окт., 28.
- Лейхтенбергскій**, герц. Никол. Макс., т. ХСIX, авг., 391, 394.
- Левъ**, пов. мин. вн. дѣлъ 1854 г., т. ХСVII, янв., 43, мартъ, 576, т. С, октяб., 90.
- Лешонисъ**, гл. совѣт. мин.-ва просвѣщ. 1898 г., т. ХСIX, июль, 134.
- Леоцкѣвъ**, Пав. Мих., профес., публ., р. 1822 г., † 1875 г., т. ХСIX, июль, 234, т. С, окт., 208.
- Леопольдовъ**, Андрей Филип., канд москвск., унив. 1826 г., т. ХСIX, авг., 309, 313—326.
- Лепарскій**, Станисл. Роман., ген. 1835 г., т. С, нояб., 325—334.
- Лешехинъ**, Ив. Ив., естествоиспыт., р. 1737 г., † 1802 г., т. С, окт., 62.
- Лербергъ**, адъюнетъ Акад. Наукъ, т. ХСVII, янв., 221, 227, 230, 236, февр., 463, 471.
- Лермонтовъ**, Мих. Юрьев., писат., р. 1814 г. † 1841 г., т. ХСVII, фев., 423, т. ХСVIII, апр., 48, май, 296, 312, 335, т. ХСIX, авг., 301, сент., 533.
- Лерже**, Эдуардъ Васил., новгород. вице-губернат., до 1862 г., пот. ка-лужскій губернат., сенат., т. ХСVIII, июль, 619—626, т. ХСIX, авг., 469.
- Лестоковъ**, ген. 1807 г., т. ХСVIII, апр., 33, июль, 588, т. ХСIX, июль, 215, авг., 454, 456, 464, сент., 676—693, т. С, окт., 217, 222, 226, декаб., 702—709.
- Лесфордъ**, Францъ Яковлев., адмир., р. 1653 г. † 1699 г., т. С, нояб., 252.
- Лещиню**, В. Б., генер. 1797 г., т. ХСVII, май, 310.
- Ливенъ**, кн., Карлъ, Андр., мин. просв. 1844 г., т. С, декаб., 523, 540.
- Ливенъ**, кн., Христоф. Андр., посолъ въ Лондонъ 1830 г., † 1838 г., ХСIX, сент., 661—672.
- Ливенъ**, книг., рожд. Бенкендорфъ, 1830 г., т. ХСIX, сент., 662.
- Ливенъ**, гр.—ял, гофмейстерина 1806 г., т. С, окт., 87, 88.
- Ливенъ**, гр.—ня, Шарлотта Карловна, статсъ-дама, 1825 г., т. ХСVII янв., 93, мартъ, 670, 686, т. С, окт., 83, 84.
- Ливенъ**, гр., ген.-ад. 1800 г., т. ХСVII, янв., 180, т. С, окт., 83—87, декаб., 697.
- Лидерсъ**, гр., Александр. Никол., ген.-отъ-пиф., ген.-адъют., намѣстн. и Польскаго 1861 г., р. 1790 г., † 1874 г.

- т. ХСVII, февр., 430, 431, т. С, нояб., 453—479, декаб., 671.
- Лидерсъ**, гр., ген. 1878 г., т. ХСVII, янв., 118.
- Липинскій**, полковн., нач. брянск. пол. 1878 г., т. ХСIX, сент., 629, 642, т. С, нояб., 338, 343.
- Липранди**, И. П., т. ХСIX, авг., 298.
- Лисовскій**, почтѣ-содержатель ст. Лопасни 1813 г., т. ХСVIII, июнь, 713—715.
- Листъ**, павиантъ, т. С, окт., 29.
- Литве**, Карлъ Ив., членъ кабинета е. в. 1816 г., т. ХСVII, февр., 475, 476.
- Литке**, Фед. Петров., адмир., воспитат. вел. кн. Константина Николаевича, т. ХСVII, февр., 402, 404, 405, т. С, окт., 8, 18—21.
- Литте**, гр., Юлій Помпеев., об.-гофич. госуд. сов., р. 1763 г., † 1839 г., т. ХСVII, февр., 473, 474, т. ХСVIII, июнь, 533.
- Лиховинъ**, М. И. т. С, окт., 203.
- Лихтендорфъ**, ксевдзъ 1861 г., т. С, нояб., 462.
- Лобановъ-Ростовскій**, кн., Алексѣй Борис., тов. мин. вн. дѣлъ 1867 г., т. ХСIX, сент., 703.
- Лобановъ-Ростовскій**, кн., Дм. Ив., мин. юстиц. 1820 г., ген.-отъ-инф., р. 1758 г., † 1838 г., т. ХСVII, янв., 95, мартъ, 709, т. ХСVIII, июнь, 587—596, т. ХСIX, авг., 307, 318, т. С, декаб., 552.
- Лобановъ-Ростовскій**, ген.-ад. 1841 г., т. ХСIX, сент., 499, 598, т. С, нояб., 293.
- Лобачевскій**, Никол. Ив., математикъ, р. 1793 г., т. ХСVIII, май, 430, 678, 683, т. С, окт., 108, нояб., 400.
- Ловичъ**, княгиня Жанета Антонов., (Юанна Грудзянска), супруга цесар. Константина Павловича, р. 1795 г., † 1831 г., т. ХСVII, янв., 96, т. ХСVIII, май, 374, 375, т. С, декаб., 526, 534, 535.
- Лодъ**, Петръ Дм., профес. р. 1764 г., † 1829 г., т. ХСVII, янв., 219, 220, 223, 234.
- Лодыженскій**, Петръ Ефимов., архан. вице-губернат. 1723 г., т. ХСIX, авг., 374.
- Ломоносовъ**, Мих. Васильев., р. 1711 г., † 1765 г., т. ХСVIII, май, 365, июнь, 545, 546, т. С, окт., 60, нояб., 307.
- Лонгиновъ**, Мих. Никол., писат., † 1875 г., т. ХСIX, авг., 473, сент., 486.
- Лопухина**, княжна Анна Петров., въ зам. княг. Гагарина, р. 1777 г., † 1805 г., т. ХСIX, сент., 542, 543, 545, 554.
- Лопухинъ**, Дм. Ардалион., калужс. губерн. 1806 г., т. ХСVIII, июнь, 500, 501, 502, 503, 504.
- Лопухинъ**, Ив. Владим., ст.-секрет., масонъ, т. ХСVII, февр., 260, 290, 291—292—296, 300, мартъ, 623, т. ХСVIII, апр., 58.
- Лопухинъ**, Фед. Васильевичъ, предсѣд. госуд. сов., р. 1741 г., † 1827 г., т. ХСVII, янв., 92, 98, февр., 400, 475, мартъ, 714, 715, т. ХСVIII, май, 445, июнь, 500, 503, 512, 532, т. ХСIX, сент., 542, т. С, окт., 83, нояб., 271.
- Лопухинъ**, Фед. Абрамов., отецъ парии Евдокии, т. С, нояб., 248.
- Лоренцъ**, В. проф., 1850 г., т. ХСIX, июль, 135.
- Лощаковъ**, ген. 1805 г., т. ХСVIII, июнь, 670.
- Лощкаревъ**, перск. губернат. 1864 г., т. ХСIX, авг., 480.
- Лубановскій**, пензен. губерн., масонъ, т. ХСVII, февр., 291, 292, 296, т. ХСIX, авг., 422.
- Лукинъ**, полковн. 1843 г., т. С, декаб., 512.
- Луковъ**, казанск. оф., вынѣ команд. 14 донск. казач. пол. въ Варш. окр. 1878 г., т. ХСIX, сент., 640, 646.
- Лукашевскій**, профес., т. ХСVIII, июнь, 692.
- Лукашевъ**, офиц. 1878 г., т. ХСVIII, июнь, 603.
- Лукинъ**, Н. А., врачъ 1883 г., т. ХСVII, февр., 398.
- Лукинъ**, декабр., т. ХСVII, февр., 319.
- Лукинъ**, декабр., т. С., нояб., 329, 331.
- Лыткинъ**, купецъ 1844 г., т. С, 497.
- Лытвицель**, нижегор. уѣздн. предвод. 1806 г., т. ХСVII, мартъ, 555, 556.
- Любецкій**, кн., мин. финанс. царства Польскаго 1830 г., т. ХСIX, авг., 290.
- Любимовъ**, преподават. рус. словесн. 1866 г., т. С, нояб., 387—389.
- Любоміровъ**, кн., сенат. 1830 г., т. С, декаб., 532.
- Любощинскій**, Маркъ Никол., чл. редакц. комис. чл. Гос. Сов., сенат., † 1889 г., т. ХСVII, янв., 69, февр., 285.
- Людовикъ XVIII**, король Франц., т. ХСVIII, апр., 160.
- Львова**, княжна, 1866 г., т. ХСVII, янв., 54, 55.
- Львовъ**, Н. А., т. ХСVIII, апр., 59.
- Львовъ**, Степ. Алексѣев., помѣщ. 1813 г., т. ХСVII, янв., 238.
- Львовъ**, ген.-лейт. 1801 г., т. С, нояб., 266.

М.

- Мавринъ**, об.-прокур. Севаста 1820 г., т. ХСVIII, апр., 70.
- Магдалиноскій**, прапорщ. 1839 г., т. ХСVII, февр., 427.
- Магницкій**, Мих. Леонтьев., попечит. Казанск. унив. съ 1819—1826 г., р. 1778 г., † 1844 г., т. ХСVII, янв., 67—87, 102, 230, февр., 249, 289—314, мартъ, 607—631, 673, т. ХСVIII, апр., 61, июнь, 685, т. С, окт., 103.
- Майковичъ**, инж. 1877 г., т. ХСVIII, май, 409—411, июнь, 615, т. ХСIX, июль, 76, 77.
- Майковъ**, Апол. Никол., поэтъ, т. ХСVII, февр., 370, мартъ, 481—498, т. ХСIX, сент., 617—621.
- Майковъ**, Леонидъ Никол., академикъ, сообщ.: „А. Н. Вульфъ и его дневникъ“, т. ХСVII, мартъ, 499—537, „Два письма С. Л. Пушкина по поводу смерти сына-поэта“, т. ХСVIII, май, 263—265, „Памяти В. Г. Васильевского † 13 мая 1899 г.“, июнь, 581—585, „Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа“, т. ХСIX, авг., 297—311, сент., 517—530, упом. мартъ, 659, май, 241—245, июнь, 566, сент., 707—713.
- Майковъ**, П. М., сообщ.: „Письма Н. С. Мордвинова къ Н. О. Кутлубицкому“, т. ХСVII, янв., 181—188, „Памяти Феликса Фора“, мартъ, 603—606, „Записка графа М. М. Сперанскаго императору Николаю“, 632, „Записки графа Л. Л. Веннингена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 года“, т. ХСIX, июль, 206—224, авг., 453—466, сент., 675—693, т. С, окт., 213—229, декаб., 697—712.
- Магарій**, рект. новгород. духовн. сем. 1877 г., вполс. архіеп. донск. и новочеркас., † 1895 г., т. ХСVIII, июнь, 619—626.
- Магарій** (Мих. Петр. Булгаковъ), митр москов., историкъ рус. церкви, р. 1816 г., † 1882 г., т. ХСVIII, апр., 78.
- Магарій**, митр. слб., т. С, нояб., 373.
- Македонцевъ**, В. И., т. ХСVIII, апр., 62.
- Малковъ**, мнн. вн. дѣлъ, т. ХСIX, авг., 467, 468.
- Малюжовичъ**, М. А., профес. 1835 г., т. ХСIX, июль, 34.
- Малюжовичъ**, П., инспект. училищъ слб. окр. 1850 г., т. С, декаб., 584, 585.
- Малюжовичъ**, оф. кон.-гвард. 1878 г., т. ХСIX, авг., 391, сент., 639.
- Малюховскій**, прусск. фл.-ад. 1813 г., его воспоминанія, т. ХСIX, авг., 327—344, сент., 571—586.
- Малиновскій**, Анна Васильев., въ зам. баронес. Розень, т. ХСVII, февр., 479.
- Малиновскій**, Алексѣй Оед., директ. московск. гл. архива мнн.-ин. дѣлъ, р. 1762 г., † 1840 г., т. ХСVII, февр., 469—479.
- Малиновскій**, Василій, первый дир. Царскосельск. лицейа, т. ХСVII, февр., 479.
- Малиновскій**, Ив. Васильев., т. ХСVII, февр., 479.
- Малиновскій**, Пав. Оед., директ. ассигнацион. банка, † 1832 г., т. ХСVII, февр., 479.
- Малиновскій**, генер. 1835 г., т. ХСVII, янв., 171, 173, 174, 175.
- Маловъ**, священ., т. ХСVII, февр., 313.
- Мальцовъ**, ген.-м. 1845 г., т. ХСVII, февр., 403, 404.
- Мальцевъ**, капит. 1878 г., т. С, декаб., 606.
- Мамонковъ**, гр., 1770 г., т. ХСVII, февр., 244.
- Мандрыковъ**, адъют. Суворова 1797 года, т. С, декаб., 561.
- Мандтъ**, лейбъ-мед. 1837 г., т. ХСVIII, июнь, 528, т. С, декаб., 502—507.
- Мансуровъ**, Пав. Бор., адъют. ген.-а Депрерадовича 1820 г., т. ХСIX, сент., 590, 592, т. С, окт., 29.
- Мансуровъ**, казанск. губернат. 1800 года, т. ХСVIII, июнь, 495.
- Марія Александровна**, императрица, род. 1824 г., † 1880 г., т. ХСVII, янв., 53, 54, 56, 65, февр., 282, т. С, окт., прил., 294, т. С, декаб., 588.
- Марія Николаевна**, вел. княг., въ супруж. герцогиня Лейхтенбергская, р. 1819 г., † 1876 г., т. ХСVIII, июнь, 542, 698, т. ХСIX, июль, 23, авг., 272, сент., 495, 580, т. С, окт., 28, нояб., 273, 281, 285, 290, декаб., 502, 506.
- Марія Павловна**, вел. княгиня, въ зам. великая герцогиня Саксен-Веймарская, р. 1786 г., † 1859 г., т. ХСVII, янв., 94—99, февр., 328, мартъ, 688, т. ХСIX, авг., 336, т. С, окт., 31.
- Марія Оеодоровна**, императрица, р. 1759 г., † 1828 г., т. ХСVII, янв., 89—106, 163, февр., 315—331, мартъ, 665—689, т. ХСVIII, апр., 3—24, май, 296, июнь, 654, т. ХСIX, июль, 114, сент., 499, 504, 505, 546, 554, 577, 581, 582, 583, т. С, окт., 80—98, декаб., 485, 494, 519.
- Марія-Евотильда**, супруга наследн.

- сардинск. престола, 1787 г., т. С, окт., 91—98.
- Маржловскій**, ген.-м. 1800 г., т. ХСVII, февр., 441.
- Марковъ**, А. В., помѣщ. 1804 г., т. ХСVII, янв., 10.
- Марковъ**, адъют. Суворова, т. ХСVII, янв., 184.
- Марковъ**, ген. 1807 г., т. ХСIX, июль, 208, 210, 216, сент., 687.
- Маркусъ**, лейбъ-мед. 1838 г., т. ХСVIII, июнь, 530, т. ХСIX, июль, 28, 29.
- Мартеусъ**, олонецк. губернат. 1811 г., т. ХСVII, мартъ, 564.
- Мартиновъ**, Александръ Фед., педагог., т. ХСVIII, июнь, 675.
- Мартиновъ**, Арсад. Ив., т. ХСIX, авг., 304.
- Мартиновъ**, Ив. Ив., директ. деп. ми-ва просв. 1821 г., писат., род. 1771 г., † 1833 г., т. ХСVII, февр., 294, мартъ, 608, т. ХСVIII, май, 279—285, т. ХСIX, авг. 303, 304.
- Мартиновъ**, слоб. коменд. † 1838 г., т. ХСVIII, июнь, 530.
- Марченко**, Васил. Роман., госуд. секр. 1830 г., т. ХСVIII, май, 382, 383, 395, июнь, 627, 642.
- Марша**, мать царевича Димитрія, т. ХСVII, февр., 461.
- Масальскій**, Васил., бояринъ 1605 г., т. ХСIX, июль, 172, 173.
- Масальскій**, кн., ген.-лейт. 1878 г., т. ХСVII, янв., 130, 131.
- Масальскій**, кн., оф. артил. 1878 г., т. ХСIX, сент., 639.
- Масловъ**, И. Н., управл. московск. удѣльн. конторою 1872 г., т. ХСVII, янв., 146.
- Масловъ**, капит. 1878 г., т. С, декаб., 608.
- Матвѣевъ**, А. П., проф. 1841 г., т. ХСIX, июль, 34.
- Матвѣевъ**, чиновн. 1808 г., т. ХСVIII, июнь, 491.
- Матвѣевичъ**, Арсеній, 1767 г., т. ХСVIII, май, 330.
- Мегденъ**, гр., рижск. губерн. 1897 г., т. ХСVIII, апр., 171.
- Медемъ**, ген., профес. Николаевск. акад. ген. штаба, предсѣд. цензури. комит., т. С, декаб., 593.
- Медемъ**, бар., варшавск. губернат. 1878 г., т. ХСVII, янв., 132, февр., 386.
- Медеръ**, ген., 1804 г., т. ХСIX, авг., 365.
- Мейендорфъ**, бар., Петръ, послан. въ Берлинъ 1844 г., т. ХСVIII, апр., прилож., 121, т. С, окт., 28, 32, нояб. 279.
- Мейленбургскій**, принцъ, Павелъ, супругъ вел. княг. Елены Павловны, т. ХСVII, мартъ, 674, 675.
- Мельгуновъ**, ярославск. ген.-губерн. 1780 г., т. ХСVIII, апр., 31—35, май, 364.
- Мельманъ**, профес., т. ХСVII, янв., 81.
- Мельниковъ**, Пав. Петр., главноупр. пут. сообщ., т. ХСIX, июль, 235, авг., 468.
- Мельниковъ** (Печерскій), Пав. Ив., писат., т. ХСVII, мартъ, 571, т. ХСVIII, июнь, 674.
- Мельниковъ**, архитект. 1840 г., т. С, окт., 57.
- Мельниковъ**, магистръ 1846 г., т. С, нояб., 403.
- Менделѣевъ**, Д. И., химикъ, 1889 г., т. ХСIX, июль, 134.
- фонъ-Менденъ**, сенатскій эзеквут. 1798 г., т. ХСVIII, апр., 176.
- Мендѣ**, нач. штаба на Кавказѣ 1839 г., т. ХСVII, февр., 430.
- Меншиковъ**, кн., Александ. Давид., генералиссимусъ, р. 1673 г., † 1729 г., т. ХСVIII, апр. 239—240, т. С, нояб., 246, 260, 295.
- Меншиковъ**, кн., Александр. Сергѣев., морск. мин., род. 1787 г., † 1869 г., т. ХСVII, янв., 41, февр., 285, т. ХСVIII, апр., прилож., 120, 123, июнь, 518, 519, 521, т. ХСIX, июль, 7, 18, сент., 659, т. С, окт., 12, 13, нояб., 295, декаб., 540.
- Меншиковъ**, кн., финляндск. ген.-губернат. 1831 г., т. ХСVIII, май, 391.
- Мердеръ**, адъют. вел. кн. Александра Николаевича 1841 г., т. ХСIX, сент., 499.
- Мечниковъ**, Евграфъ Ильичъ, дирек. деп. горн. и соляныхъ дѣлъ, род. 1770 г., † 1836 г., т. ХСVII, мартъ, 709.
- Мещерская**, княг., рожд. Карамзина, 1837 г., т. ХСVIII, май, 263, 264.
- Мещерская**, княг., С. С., т. ХСVII, февр., 304, 306, 308, 311.
- Мещерскій**, кн., Петръ Ив., т. ХСVIII, апр., 227.
- Мещерскій**, кн., Петръ Серг., об-прокур. синода съ 1817—1833 г., т. ХСVII, мартъ, 624, 630.
- Мещерскій**, кн., Эдмъ Петров., поэтъ, литерат., камерг., † 1844 г., т. С, окт., 187.
- Миддендорфъ**, зоологъ 1834 г., т. ХСIX, июль, 34, 35.
- Миклашевскій**, новорос. губерн. 1801 г., т. ХСVIII, апр., 198, май, 454, 470, т. ХСIX, авг., 296, сент., 516, 674, т. С, окт., 200, 240, нояб., 452.

- Миллука-Маллай**, путешественникъ, † 1872 г., т. ХVСII, янв. 144.
- Милулинъ**, батальонный командиръ Преображ. пол. 1833 г., т. ХCVII, янв., 169.
- Милулинъ**, ген.-ад. † 1841 г., томъ ХСIX, сент., 496, 497.
- Милшевичъ**, профес., т. ХCVIII, июнь, 692, 693.
- Миллеръ**, Елис. Алексавд., рожден. Карамышева, т. ХСIX, сент., 531.
- Миллеръ**, Фед. Богд., поэтъ-переводч., р. 1818 г., † 1881 г., сообщ.: „Перевиска двухъ литераторовъ пятидесятихъ годовъ: письма М. А. Дмитриева—Ф. Б. Миллеру“, г. С, окт., 201—212, уш. т. ХСIX, сент., 558.
- Миллеръ**, жанд. шт.-кап. 1848 г., т. ХCVII, февр., 429, т. ХCVIII, апр., 215.
- Милорадовичъ**, гр., Мих. Андр., спб. ген.-губерн. съ 1813 г., р. 1770 г., † 14 декаб. 1825 г., т. ХCVII, янв., 92—104, февр., 318, 324, 326, мартъ, 519, т. ХCVIII, апр., 66, 76, май, 352, июнь, 693, т. ХСIX, июль, 29, 60, сент., 582, 583, т. С, декаб., 555—562.
- Милотина**, Марія Аггеевна, рожд. Абаза, во второмъ бракѣ Стиль, ея записки, т. ХCVII, янв., 39—65, февр., 255—288, мартъ, 575—601, т. ХCVIII апр., 105—127, упом. янв., 141, 145, 150, т. ХСIX, сент., 715, 716.
- Милотинъ**, гр., Дм. Алексѣев., воен. мин., т. ХCVII, янв., 51, 111, 147, февр., 389, мартъ, 531, т. ХСIX, июль, 234, авг., 470, т. С, декаб., 574.
- Милотинъ**, Никол. Алексѣев., ст.-секрет., род. 1818 г., † 1872 г., т. ХCVII, янв., 42—65, 135—150, февр., 265—288, 392, мартъ, 375—601, т. ХCVIII, апр., 105—127, т. ХСIX, сент., 696, 705, 716, т. С, окт., 5, 6, 13.
- Милотинъ**, Юрій Никол., т. ХСIX, сент., 715, 716.
- Минихъ**, гр. Бурхардъ-Христофъ, ген.-фельд., р. 1683 г., † 1767 г., т. ХCVIII, апр., 33.
- Миницкій**, вологодск. ген.-губернат. 1829 г., т. ХCVIII, май, 356, 357.
- Миняницъ**, помощн. команд. войск. варшавск. окр. 1878 г., т. ХCVII, янв., 114.
- Минкина** (Шумская), Настасья Фед., домоправят-ца гр. Аракчеева, т. ХCVII, янв., 102.
- Мирковичъ**, ген.-губ. С.-З. края 1842 г., т. С, окт., 33.
- Мирославскій**, участн. повст. 1861 г., т. С, окт., 116.
- Митрофанъ**, еписк. воронежскій, р. 1623 г., † 1703 г., т. С, нояб., 241—265.
- Митковъ**, декабр., т. ХСIX, сент., 605, т. С, нояб., 332.
- Митурчъ**, П. В., инсект. Неплюев. надет. корн., т. ХСIX, авг., 363.
- Михайловскій - Данилевскій**, Александр. Ив., ген.-лейт., воен. историкъ, † 1848 г., т. ХCVIII, июнь, 626—650, т. ХСIX, июль, 106, авг., 402—420, сент., 520, т. С, окт., 194, 210, 589, декаб., 547—568, 712.
- Михайловъ**, Ив. Ив., помощн. редак. „Астраханск. Губ. Вѣд.“ † 1897 г., т. С, окт., 99—113, нояб., 399—419.
- Михаилъ Павловичъ**, вел. князь, род. 1798 г., † 1849 г., т. ХCVII, янв., 33, 97, 100—108, февр., 315—331, мартъ, 539, 667—688, т. ХCVIII, июнь, 532, т. ХСIX, июль, 26, авг., 317, 319, 401, 411, сент., 497, 501, 505, 656, т. С, окт., 28, 46—51, нояб., 284, 287, 290, декаб., 503—507, 517, 523, 553.
- Михаилъ Феодоровичъ**, царь, т. ХСIX, июнь, 138.
- Микельсонъ**, ген.-м. 1797 г., т. С, декаб., 566.
- Мицкевичъ**, писат., т. ХСIX, сент., 617—621.
- Мицкевъ**, Марьяна, жена первого самозванца, т. ХCVII, янв., 191—210, февр., 447—462, мартъ, 691—706, т. ХCVIII, апр., 193, май, 456—469, т. ХСIX, июль, 171, т. С, нояб., 421—424.
- Мицкевъ**, Юрій, воевода сендомірскій, т. ХCVII, янв., 196—210, февр., 447—462, мартъ, 691—706, томъ ХCVIII, май, 456—469, т. ХСIX, июль, 169—204, т. С, нояб., 421.
- Моденъ**, гр., т. ХСIX, авг., 288.
- Модерихъ**, пермск. и вятск. ген.-губ. 1810 г., т. ХCVIII, июнь, 498.
- Модестовъ**, В. И., профес. 1899 г., т. ХCVIII, июнь, 581—585, 677.
- Модзалевскій**, Б. Л., сообщ.: „Яковъ Николаевичъ Толстой“, т. ХСIX, сент., 587—614, т. С, окт., 175—199.
- Моллеръ**, адм., морск. мин. 1830 г., т. ХCVII, мартъ, 665, т. С, дек., 539.
- Молостовъ**, попечат. казанск. учебн. окр., т. С, нояб., 407, 416.
- Молчановъ**, прапорш. л.-гв. пловверн.-эскадр. 1825 г., т. ХСIX, авг., 314—325.
- Молчановскій**, майоръ 1878 г., т. С, декаб., 614.
- Мольскій**, полковн. 1878 г., т. С, декаб., 606.

- Монферанъ, архитект., т. С, окт., 57.
 Мордвинова, Вѣра Никол., въ зам.
 Маркова, т. ХСVII, янв., 184.
 Мордвинова, гр.-ня, Генриѣтта Але-
 ксанд., рожд. Кобле, р. 1764 г., †
 1843 г., т. ХСVII, янв., 181, 184.
 Мордвиновъ, гр., Николай Семенов.,
 р. 1754 г., † 1845 г., т. ХСVII, янв.,
 181—188, февр., 245, т. ХСVIII,
 июнь, 640, т. ХСIX, июль, 8, 17, авг.,
 257, т. С, окт., 83, декаб., 510
 Морковъ, гр., Аркадій Ив., диплом.
 р. 1747 г., † 1827 г., т. ХСVII,
 янв., 235, т. ХСVIII, июнь, 665,
 666, т. ХСIX, июль, 100.
 Мосціцкій, всендѣзъ 1861 г., т. С,
 нояб., 474, 475.
 Музовскій, духовн. Николая I, т. С,
 нояб., 285.
 Муравьева, Александра Григ., супр.
 декабр., т. ХСIX, сент., 560.
 Муравьева, Екат. Фед., рожд. барон.
 Колокольцова, р. 1771 г., † 1848 г.,
 т. ХСVII, февр., 475.
 Муравьева-Апостоля, Елис. Ив., см.
 Омжровская.
 Муравьевъ, Александр Николаевичъ,
 декабр., ген.-лейт. нижегород. воен.
 губернат. съ 1856—1861 г., томъ
 ХСVII, февр., 270, мартъ, 573.
 Муравьевъ, Артамонъ Захарьевичъ,
 декабр., т. ХСVII, мартъ, 670, т.
 ХСIX, сент., 559—569.
 Муравьевъ, Валеріанъ, офиц. 1839 г.,
 т. ХСVII, февр., 423.
 Муравьевъ, Захаръ Матв., экономъ
 смолян. монаст., т. ХСVII, мартъ 670.
 Муравьевъ-Апостоля, Ив. Матв.,
 р. 1762 г., † 1851 г., т. ХСVII,
 февр., 477.
 Муравьевъ-Апостоля, Ипполитъ Ив.,
 декабр., р. 1806 г., † 1826 г., томъ
 ХСVII, мартъ, 670.
 Муравьевъ-Апостоля, Матв. Ив., де-
 кабр., р. 1793 г., † 1886 г., т. ХСVII,
 мартъ, 670.
 Муравьевъ, Мих. Никит., попечит.
 москов. унив., р. 1757 г., † 1807 г.,
 т. ХСVII, янв., 217, 224, февр., 475,
 477, мартъ, 670, 708.
 Муравьевъ, гр., Мих. Никол., мн-ръ
 госуд. имущ., ген.-губерн. З. края,
 р. 1796 г., † 1866 г., т. ХСVII,
 янв., 41, 58, 220, февр. 285, мартъ,
 567, 568, т. ХСVIII, апр., 62, 120,
 222, июнь, 482, 494, т. ХСIX, сент.,
 699, т. С, окт., 236, нояб., 350.
 Муравьевъ, М. Н., тайн. сов., тов.
 мн. нар. проsv. 1802 г., т. ХСIX,
 авг., 257.
 Муравьевъ, Никита Мих., декабр.,
 р. 1796 г., † 1843 г., т. ХСVII,
 февр., 477, мартъ, 708.
 Муравьевъ, Никол. Мих., саратовск.
 губернагоръ съ 1862 г., по 1863 г.,
 т. ХСIX, июль, 239, 240.
 Муравьевъ, Николай Назарьев., новг.
 губернат. 1831 г., писат.-археологъ,
 ст.-секрет. † 1845 г., т. ХСVII,
 янв., 219, февр. 325, т. ХСIX, сент.,
 491, 492.
 Муравьевъ-Амурскій, гр. Никол. Ни-
 колаев., р. 1809 г., † 1881 г., т.
 ХСVII, февр., 423, т. ХСIX, сент.,
 564, 565.
 Муравьевъ (Карскій), Никол. Никол.,
 р. 1793 г., † 1867 г., т. ХСVII,
 янв., 30.
 Муравьевъ, Петръ Степанов., т.
 ХСVII, янв., 30.
 Муравьевъ-Апостоля, Серг. Ив.,
 подполковн. Черниг. полка, декабр.,
 р. 1796 г., † 13 июля 1826 г., т.
 ХСVII, мартъ, 669, 670
 Муравьевъ, Іоаннъ, пасторъ, содерж.
 пансіона въ Спб., род. 1780 г., †
 1850 г., т. ХСVII, мартъ, 712, т. С,
 декаб., 517.
 Муратовъ, шт.-ротм. 1878 г., т.
 ХСIX, сент., 635.
 Муромцевъ, М. М., 1800 г., т. ХСVII
 февр., 253.
 Мусинъ-Пушкинъ, гр., Алексѣй Ив.,
 археологъ, р. 1744 г., † 1817 г., т.
 ХСVII, янв., 223, 238.
 Мусинъ-Пушкинъ, Ив. Ал., 1700 г.,
 т. С, нояб., 261, 263.
 Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Никол.
 попечит. казанск. вполн. слб. учебн.
 окр., предсѣд. цензурн. комит., р.
 1795 г., † 1862 г., т. ХСIX, сент.
 625, т. С, окт., 104—112, нояб., 413
 416, декаб., 590.
 Мухановъ, В. А., т. С, окт., 192.
 Мухановъ, Никол. Алекс., почетн.,
 опекунъ, т. ХСIX, авг., 244, т. С,
 окт., 127—129, 132.
 Мухановъ, Серг. Ильичъ, шталмейст.
 1826 г., т. ХСVII, мартъ, 681, 683.
 Мухановъ, адъют. главнокомандующ.
 1878 г., т. ХСIX, сент., 632, 633.
 Мышляковъ, предатъ 1861 г., т. С,
 окт., 132, 133.
 Мышляевскій, А. З., сообщ.: „Соб-
 ственноручное письмо гр. Раstop-
 чина ген. Барклаю-де-Толли“, т.
 ХСIX, июль, 50, „Изъ секретной
 переписки Барклая-де-Толли въ
 1812 г.“, сент., 649—653.
 Мышковъ, помѣщ. 1820 г., т. ХСIV,
 сент., 535.
 Мытлевъ, Ив. Петр. † 1844 г., т. С,
 нояб., 291—293.

Н.

Набоновъ, ген., команд. поселен. войскъ въ новгород. губ., т. С, нояб., 322.

Нагель, рижск. ген.-губерн., томъ ХСVIII, май, 452.

Нагловскій, Дм. Станислав., нач. штаба одесск. воен. окр., † 1890 г., т. ХСVII, янв., 118, 121 — 124, т. ХСVIII, июнь, 597—616, т. ХСIX, июль, 79—91, авг., 389—399, т. С, нояб., 348—358, декаб. 604.

Нагой, Мих. бояринъ 1605 г., томъ ХСIX, июль, 173, 179.

Надеждинъ, Никол. Ив., профес., р. 1804 г., † 1856 г., т. ХСVIII, май, 367.

Надеждинъ, Фед. Мих., т. С, нояб., 386.

Назаретскій, педагогъ, 1786 г., томъ ХСIX, июль, 138.

Назиковъ, Влад. Ив., попечит. моск. унив., ген.-губ. С.-З. края, р. 1802 г., † 1874 г., т. С, окт., 33.

Назиковъ, М. Д., помѣщ., т. ХСVII, янв., 32, т. ХСVIII, апр., 64.

Назиковъ, полковн. 1834 г., томъ ХСVII, янв., 169, февр., 429, 431.

Нармацкій, Петръ Андр., т. ХСVIII, май, 418.

Нармацкая, Марія Андр., въ зам., Кудрявцева т. ХСVIII, май, 418.

Нармацкій, Андрей, ваят., помѣщ., т. ХСVIII, май, 417.

Нарышкина, Елис. Петров., супруга декабр., т. ХСIX, сент., 560.

Нарышкина, Марія Антонов., рожд. княжна Четвертинская, р. 1779 г., † 1854 г., т. ХСVIII, февр., 296, т. ХСIX, авг., 402, 403, т. С, декаб., 496.

Нарышкина, Марія Яковл., томъ ХСVII, февр., 330.

Нарышкина, Софія, т. ХСIX, авг., 402.

Нарышкинъ, Александр. Львов., об. камергеръ, р. 1760 г., † 1826 г., т. ХСVII, янв., 104, февр., 316, томъ ХСIX, сент. 548.

Нарышкинъ, Дм. Львов., об.-егерм., 1840 г., т. ХСVII, янв., 37, т. ХСIX, авг., 288, т. С, декаб., 496.

Нарышкинъ, Левъ Александров., 1761 г., т. ХСVIII, апр., 34.

Нарышкинъ, Левъ Кирил., бояринъ, 1700 г., т. С, нояб., 246, 248, 261.

Нарышкинъ, Эммануилъ Дм., 1844 г., т. С, декаб., 496.

Нарышкинъ, архангельск. прокур. 1767 г., т. ХСVIII, май, 330.

Нарышкинъ, гофмарш. 1830 г., т. С, декаб., 534, 535.

Наталиа Алексѣевна, царица, 1700 г., т. С, нояб. 256.

Нахимовъ, Платонъ Степ., инспект. студ. въ 1835 г., г., т. С, нояб., 311, 315.

Небольсина, А. С., 1800 г., т. ХСVII, февр., 251.

Неволинъ, К., профес. † 1855 г., т. ХСVIII, май, 367, 368.

Неволинъ, юристъ 1834 г., т. ХСIX, июль, 34, 35.

Невѣровский, екатеринослав. вице-губерн. 1804 г., т. ХСIX, сент., 628.

Нейдгардтъ, Александр. Ив., генер.-квартирмейст. 1825 г., т. ХСVII, янв., 105, февр., 428, 429, 432, т. ХСVIII, июль, 11.

Нейшертъ, профес. 1834 г., т. ХСIX, июль, 34.

Неклюдовъ, тамбовск. губернат., т. ХСVIII, апр., 63.

Некрасовъ, Никол. Алексѣев., поэтъ т. ХСVII, мартъ, 491.

Нелидова, Екат. Ив., камеръ-фрейл., 1825 г., т. ХСVII, янв., 105, томъ ХСIX, сент., 500, 539, 541, 542, 543.

Нелидовъ, Александр. Ив., совѣтн., посольства въ Константиноп. 1878 г., т. С, декаб., 604.

Нелидовъ, камеръ-пажъ 1796 г., т. С, декаб., 560.

Нелидовъ, совѣтн. посольства въ Константиноп. 1878 г., т. ХСVIII, янв., 123.

Неплюева, Евдокія Матв., см. Редина.

Неплюевъ, Ив. Ив., оренбургск. губернат., съ 1744 г., по 1758 г., т. ХСIX, авг., 363, 365.

Неплюевъ, Ив. Никол., минск. губ., т. ХСIX, авг., 365.

Неплюевъ, секрет. кабинета ея в-ва 1800 г., т. С, окт., 63.

Неплюевъ, генер. 1805 г., т. ХСVII, янв., 37.

Неповоичинскій, Артуръ Адамовичъ, ген.-ад. 1878 г., т. ХСVII, янв., 117—132, февр., 336—354, мартъ, 645, 652, т. ХСVIII, апр., 138—157, май, 408, июнь, 599—611, т. ХСIX, июль, 75—93, авг., 377—394, т. С, нояб., 336, декаб., 603.

Неповоичинскій, оф. 1878 г., т. ХСIX, сент., 639.

Нерсезъ, армянск. патриархъ 1843 г., т. С, нояб., 282, 283

Нессельроде, гр., Карлъ Васильев., мин. ин. дѣлъ, р. 1780 г., † 1862 г., т. ХСVII, янв., 91, 95, 104, февр., 327, мартъ, 675, т. ХСVIII, апр., прилож. 120, июнь, 645—650, т.

- ХСІХ, іюль, 78, 105, 109, авг., 284, сент., 614, 655, 656, 672, т. С, окт., 31, 32, нояб., 295, декаб., 490—536.
- Нинагоръ**, архимандритъ вероужск. монаст. 1703 г., т. С, нояб., 264.
- Никитенко**, Александръ Васил., акад., р 1804 г., † 1878 г., т. ХСVIII, май, 267—276, т. ХСІХ, іюль, 227, 229, т. С, нояб., 359—374.
- Никитенко**, Софья Александровна, сообщ.: Изъ архива А. В. Никитенко. Письма къ нему равныхъ лицъ, т. С, нояб., 359—374.
- Никитичъ**, А. П., ген.-лейт. начал. штаба вилен. воен. обр. 1878 г., т. ХСVII, февр., 340.
- Никитичъ**, Ив., поэтъ, т. С, нояб., 417.
- Николаевъ**, бар., Александръ Павлов., мнв. народн. просв., т. ХСІХ, іюль, 39, 40, 41, 42, 46.
- Николаевъ**, бар., Андрей Львов., поэтъ, р. 1737 г., † 1820 г., т. С, окт., 61, 63.
- Николай I**, императоръ, р. 1796 г., † 1855 г., томъ ХСVII, янв., 46, 60, 89—100, 135, 176, 216, февр., 289—331, 401—409, 428—431, прилож. 36, 58, мартъ, 530, 539, 567, 572, 607—632, 665—689, прилож. 66, т. ХСVIII, апр., 51, 57, 206, 210, 233, прилож. 120, 121, май, 263, 371—374, 391, прилож. 132, 153, іюнь, 484—490, 511—542, т. ХСІХ, іюль, 3—30, 65, 66, 110—114, прилож. 205, авг., 271—295, 305, 314, 367—371, 411, сент., 483—517, 563—582, 656—673, т. С, окт., 10, 12, 24—58, 99, 111, 175—199, нояб., 267—299, 301, 326, 409, 480, декаб., 481—558.
- Николай II**, императоръ, т. ХСVII, мартъ, 605.
- Николай Александровичъ**, цесаревичъ, † 1865 г., т. ХСVII, мартъ, 571, т. С, нояб., 278, 281.
- Николай Михайловичъ**, вел. кн., т. С, нояб., 349.
- Николай Николаевичъ**, вел. князь, фельдмаршалъ, р. 1831 г., † 1891 г., т. ХСVIII, янв., 111—132, февр., 337—340, 354, мартъ, 642, 643, т. ХСVIII, апр., 147, 153, іюнь, 599—612, т. ХСІХ, іюль, 75—93, авг., 377—398, т. С, нояб., 336, декаб., 530, 532.
- Николай Николаевичъ**, вел. князь 1899 г., т. ХСІХ, іюль, 83, т. С, нояб., 347, 348, 377, 381, 397.
- Никольскъ**, новорос. губернат. 1801 г. т. ХСVIII, 396.
- Ниль**, архіеп. иркутск., р. 1798 г., † 1874 г., т. ХСІХ, сент., 559—569.
- Новина**, ксендзъ 1862 г., т. С, нояб., 462.
- Новиковъ**, Модестъ Дмитр., кап. I ранга, 1878 г., т. ХСVIII, апр., 144, май, 411, т. ХСІХ, іюль, 89, авг., 392, 395.
- Новиковъ**, Никол. Ив., писат., род. 1744 г., † 1818 г., т., ХСVII, янв., 73, 81, 212—220, февр., 290—300, т. ХСVIII, апр., 163, 164.
- Новицкій**, О., профес., 1834 г., т. ХСІХ, іюль, 34, 35.
- Новицкій**, майоръ 1835 г., т. ХСVII, янв., 170.
- Новокрещенова**, М. Як., т. ХСІХ, авг., 371—373.
- Новосельскій**, цензоръ 1857 г., т. С, декаб., 590, 591.
- Новосельскій**, морск. офиц., 1876 г., т. ХСVII, янв., 130.
- Новосельскій**, Мих. Павлов., томъ ХСVIII, май, 404.
- Новосельскій**, Н. А., директ. общ-ва „Самолетъ“, 1861 г., т. ХСVII, мартъ, 571.
- Новосильцевъ**, М. П., морск. офиц., 1878 г., т. ХСVII, апр., 144, 149.
- Новосильцевъ**, Никол. Никол., предс. госуд. сов., р. 1762 г., † 1838 г., томъ ХСVII, янв., 212—230, февр., 294—296, мартъ, 666—687, т. ХСVIII, іюнь, 499, 531—537, 629, 660, 663 т. ХСІХ, іюль, 5, авг., 249, 251, 270, 365, т. С, окт., 83—87, декаб., 540, 697.
- Новосильцевъ**, Никол., Петров., секретаръ им-цы Марія 1825 г., т. ХСVII, янв., 97, 99, февр., 316—330.
- Новосильцевъ**, Серг. Серг., т. ХСVII, мартъ, 544.
- Норовъ**, Авраамъ Серг., мн-ръ нар. просв., р. 1795 г., † 1869 г., томъ ХСVIII, май, 430, 431, т. ХСІХ, іюль, 43, т. С, окт., 190, 191, нояб., 411, декаб., 589.
- Нѣмовскій**, Станиславъ, его дневн. 1606 г., т. С, нояб., 421—451, упом. т. ХСІХ, іюль, 175—204.
- Нѣмовскій**, шталм., предвод. двор. въ п. Польскомъ 1861 г., т. С, окт., 121.
- Обертъ**, Карлъ Станислав., цензоръ, 1857 г., т. С, декаб., 593, 594.
- Облеуховъ**, правит. канц. попечит. московск. унив. 1808 г., т. ХСVIII, іюнь, 490.
- Ободовскій**, педагогъ 1881 г., томъ ХСVII, мартъ, 612.
- Ободенскій**, кн., Дм. Александр., томъ ХСVII, янв., 58, февр., 272, 281.

- Оболонскій, Д. Д., помѣщ. 1805 г., т. ХСVII, янв., 10.
- Оболонскій, кн. Евг. Петров., декабр. † 1865 г., т. ХСVII, февр., 320, 324, т. ХСIX, сент., 605, 606.
- Оболонскій, кн. Мих. Андреев., нач. арх. ми-ра ин. дѣлъ 1850 г., т. ХСVIII, апр., прилож. 123, май, 129.
- Обольяникова, Анна Алексѣевна, т. ХСVI, февр., 246.
- Обольяниновъ, Петръ Хрисанф., ген.-прокур., р. 1752 г. † 1841 г., томъ ХСVII, февр., 442, т. ХСIX, сент., 542, 547.
- Обручевъ, В. А., ген.-отъ-инф. оренб. ген.-губ. съ 1842 по 1851 г., т. ХСIX, авг., 368.
- Обручевъ, Н. Н., ген., т. ХСVII, янв., 111, 132, февр., 337, 340.
- Обручевъ, кн., послан. въ Парижѣ, т. С, декаб., 571.
- Обрѣшовъ, А. М., диплом., р. 1790 г., † 1885 г., т. С, окт., 196.
- Обрѣшковъ, Ив. Алексѣев., ген.-м. 1800 г., т. ХСVII, февр., 256, т. С, декаб., 563.
- Обрѣшковъ, П., чиновн. 1808 г., томъ ХСVIII, июнь, 491, 492.
- Обрѣшковъ, ген.-кримкоммис. 1807 г., т. ХСVIII, июнь, 589, 592.
- Оводовъ, правит. канц. сиб. генер.-губ. 1842 г., т. С, окт., 39, 40, декаб., 482.
- Овсянниковъ, А., сообщ.: „Изъ воспоминаній стараго педагога“, т. ХСVIII, май, 417—434, июнь, 671—693, т. ХСIX, июль, 133—144.
- Огаревъ, Никол. Платон., писат., т. ХСIX, сент., 620.
- Огаревъ, сенат. 1838 г., т. ХСVIII, июнь, 531.
- Огинскій, гр., Иринея, камеръ-юнк. 1829 г., т. С, окт., 33.
- Огневскій, офиц. 1839 г., т. ХСVII, февр., 412, 422.
- Огородниковъ, Евлампій Кириллов., редакт. централн. статистич. комитета 1865 г., т. ХСIX, сент., 699.
- Огрызко, Иос. Петр., чиновн. деп. неокл. сборовъ, 1862 г., т. ХСVII, янв., 142.
- Оде-де-Сюжъ, инспект. пажеск. корп. 1816 г., т. ХСVII, янв., 165.
- Одоевскій, кн., Александр. Ив., поэтъ, декабр., р. 1803 г., † 1839, томъ ХСVII, февр., 320.
- Одоевскій, кн., Влад. Фед., р. 1803 г., † 1869 г., т. ХСIX, окт., 528, т. С, окт., 7, нояб., 333.
- Ожаровская, гр-ня, Елис. Ив., рожд. Муравьева-Апостола, т. ХСVII, февр., 477.
- Ожаровскій, гр., Францъ Петровичъ, царскосельск. коменд. 1816 г., томъ ХСVII, февр., 477, т. ХСVIII, июнь, 627.
- Озеровъ, А. П., повѣрен. въ дѣлахъ въ Константиноп. 1853 г., т. ХСIX, июль, 64.
- Озеровъ, гофмарш. 1807 г., т. ХСVII, февр., 296.
- Озеровъ, почетн. опекунъ 1825 г., т. ХСVII, февр., 323, 327.
- Ожуневъ, повѣрен. въ дѣлахъ въ Парижѣ, 1870 г., т. ХСIX, авг., 438, 439, 442.
- Олешина, В. П., 1800 г., т. ХСVII, февр., 251.
- Олешинъ, Александр. Никол., об.-пр. 3 деп. сената 1801 г., т. ХСVII, мартъ, 663.
- Олешинъ, Алексѣй Никол., директ. публ. библ., презид. акад. худож., р. 1763 г., ум. 1843 г., т. ХСVII, янв., 218, февр., 463, 464, 490, т. ХСVIII, апр., 76, т. ХСIX, авг., 251, сент., 426, т. С, нояб., 269—272.
- Олсуфьевъ, ген.-м. 1807 г., т. С, декаб., 706.
- Ольга Николаевна, вел. княгиня, т. ХСIX, июль, 28, сент., 495, 515, т. С, нояб., 290.
- Ольденбургскій, принцъ, Петръ Георгиев., р. 1812 г., т. ХСVIII, июнь, 525, т. ХСIX, июль, 225, сент., 486, 487, т. С, декаб., 509.
- Оомъ, Ф. А., почетн. опекунъ, томъ ХСVII, мартъ, 571.
- Оперманъ, гр., ген.-м., радомск. губернат. 1861 г., т. С, окт., 131.
- Ореусъ, И. И., ген.-писат., т. ХСVII, янв., 159—161.
- Ореусъ, полковн. 1878 г., т. С, декаб., 630.
- Орлай, Ив. Семенов., лейбъ-хирургъ 1800 г., директоръ лицея кн. Безбородко 1821 г., и Ришельев. лицея 1826 г., р. 1771 г., † 1829 г., т. ХСVII, янв., 221, 222.
- Орлова-Чесменская, графиня, Анна Алексѣевна, р. 1785 г., ум. 1848 г., т. ХСVII, июль, 486, 529, т. ХСIX, сент., 622, т. С, нояб., 319—324.
- Орловъ-Чесменскій, гр., Алексѣй ген.-аншефъ, р. 1737 г., ум. 1807 г., т. ХСVII, февр., 245, томъ ХСIX, сент. 537.
- Орловъ, кн., Александр. Фед., шефъ жанд., р. 1787 г., † 1862 г., томъ ХСVII, янв., 41, февр., 272, 285, 406, 407, т. ХСVIII, апр., 122, 215, 222, июль, 541, т. ХСIX, сент., 499, т. С, окт., 11, 12, 190, 197, нояб., 277—281, декаб., 486—490, 541, 542.
- Орловъ, Афиног. Алексѣев., адъют.

главноком-го 1878 г., т. ХСІХ, сент., 632.

Орловъ, Давидъ Ів., полковн. 1878 г., т. ХСVIII, июнь, 604, т. ХСІХ, сент., 632, 634, т. С, нояб., 339.

Орловъ, Мих. Фед., ген.-м., фл.-ад., р. 1788 г., † 1842 г., т. ХСVII, мартъ, 670, 671.

Орловъ, гр. Ф. Г., т. ХСVII, янв. 14.

Орловъ-Давыдовъ, 1860 г., т. ХСVIII, апр., 105, 106.

Оруръ, полковн. 1807 г., т. ХСІХ, июль, 212.

Орѣховцовъ, арханг. комендантъ 1773 г., т. ХСVII, май, 363, 364.

Осетровъ, станц. смотрит. 1813 г., т. ХСVIII, июнь, 713.

Осипова, Александр. Ів., въ замуж. Веклешова, т. ХСVII, мартъ, 515, 519.

Осипова, Прасковья Александр., рожд. Вындомская, въ первомъ бракѣ Вольфъ, помѣщикъ 1817 г., т. ХСVII, мартъ, 499—508, т. ХСVIII, апр., 50, т. ХСІХ, сент., 710.

Осиповъ, Васил. Петров., архитект., ум. 1860 г., т. ХСVII, мартъ, 662.

Осиповъ, Ів. Софонов., 1817 г., т. ХСVII, мартъ, 508.

Осокинъ, Е. Г., профес., т. ХСVIII, июнь, 678.

Осокинъ, Никол. Алексѣев., профес., т. ХСVIII, июнь, 687, 688.

Остенъ-Сазенъ, Карлъ Ів., воспитат. в. кн. Константина Павловича, т. ХСVII, мартъ, 659—661, т. ХСVIII, июнь, 657.

Остенъ-Сазенъ, гр., Фабіанъ Вильгельмовичъ, фельдмарш., 1752 г., † 1837 г., т. ХСVII, мартъ, 660, 661.

Остенъ-Сазенъ, Христоф. Ів., майор., ум. 1811 г., т. ХСVII, мартъ, 659.

Остенъ-Сазенъ, бар., Ф. Р., т. ХСІХ, сент., 520.

Остерманъ, гр., Ів. Андреев., канцл., р. 1725 г., ум. 1811 г., т. ХСVII, февр., 244, 245.

Остерманъ-Толстой, гр., Александр. Ів., ген.-отъ-инф., р. 1770 г., ум. 1857 г., т. ХСІХ, июль, 206, 213, 214, сент., 681, 688.

Островскій, всендѣвъ 1861 г., т. С, нояб., 462.

Островскій, 1861 г., т. С, окт., 133.

Остроградскій, математикъ т. ХСІХ, июль, 135, т. С, нояб., 401, 402, 403.

Острожскій, Конст., воевода кievск. 1608 г., т. ХСVII, февр., 451, 460.

Офросимовъ, Мих. Александр., ген.-отъ-инф., моск. ген.-губ., р. 1864 г., ум. 1868 г., т. ХСІХ, сент., 696.

II.

Павелъ I, императоръ, р. 1754 г., † 1801 г., т. ХСVII, янв., 5, 8, 81, 105, февр., 291, 293, т. ХСVIII, апр., 104, 166, 176, 220, май, 310, 445, 451, июнь, 635, 637, 645, 646, 654, 655—668, т. ХСІХ, авг., 241, 248, 345—362, сент., 414, 537—557, т. С, окт., 38, 59—98, нояб., 266, 270, 283, 284, 293, декаб., 484, 491, 550—568.

Павель (Петръ Лебедевъ), архiep. казанскій, р. 1827 г., † 1892 г., т. ХСVIII, апр., 78.

Павлинскій, Ф. Н., педагог., т. С, нояб., 396, 397.

Павлицева, Ольга Сергѣев., 1832 г., т. ХСVII, мартъ, 518, 519, 521, 532, 537.

Павловскій, митроп. римско-католич. церкви 1840 г., т. ХСІХ, авг., 271.

Павловъ, Д. И., т. ХСVII, янв., 14.

Павловъ, архитект. 1840 г., т. С, окт., 57.

Павловъ, 1860 г., т. ХСVII, февр., 285.

Палаузовъ, В. Н., профес., т. ХСІХ, июль, 70.

Палаузовъ, Никол. Христоф. членъ одесск. таможенн., ум. 1899 г., томъ ХСІХ, июль, 61—72.

Паленъ, бар., Петръ Алексѣев., спб. ген.-губ., р. 1745 г., ум. 1826 г., т. ХСVII, янв., 180, т. ХСVIII, июнь, 644, т. ХСІХ, июль, 213, авг., 414, сент., 545, 552, 555, т. С, окт., 79—81, нояб., 287, декаб., 562, 567.

Паленъ, гр., Петръ Петров., ген.-ад. 1843 г., т. С, нояб., 261, 282.

фонъ-дербъ-Паленъ, жанд. шт.-кап. 1851 г., т. ХСVIII, апр., 217.

Падладій (Павель Раевъ), митроп. спб. и ладожскій, ум. 1898 г., томъ ХСVIII, апр., 77—103, т. ХСІХ, июль, 115—132.

Панаевъ, Влад. Ів., тайн. совѣт. 1854 г., т. С, окт. 114.

Панаевъ, Ів., прокур. 1786 г., томъ ХСІХ, июль, 138.

Панкинъ, гр. Никт. Никит., ма-ръ юстиц., р. 1801 г., ум. 1874 г., т. ХСVII, февр., 285, мартъ, 584, т. ХСVIII, апр., 120—130, июнь, 662, т. ХСІХ, авг., 287, сент., 486, 489, 703, т. С, окт., 41, 42, нояб., 480, декаб., 486, 487, 515.

Панкинъ, Никита Ів., канцл., род. 1718 г., ум. 1783 г., т. ХСVIII, апр., 30, 35.

Панкинъ, гр., Никита Петров., вице-канцл., ум. 1837 г., т. ХСІХ, авг., 352—361, сент. 547, 550, 551, т. С, окт. 79, 81.

- Панкратовъ**, полковн. 1878 г., томъ ХСVIII, июнь, 603, 604, 606, 642.
- де-Парелла**, маркизъ, сардинск. пос. въ Россіи съ 1788 по 1789 г., т. С, окт., 92, 96.
- Паренковъ**, Петр. Дм., сообщ.: „Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—1878 г.“, т. ХСVII, янв., 109—133, февр., 333—355, мартъ, 633—655, т. ХСVIII, апр., 131—159, май, 397—415, июнь, 597—618, т. ХСIX, июль, 73—95, авг., 375—399, сент., 629—648, т. С, окт., 151—174, нояб., 335—358, декаб., 603—633.
- Парротъ**, анад., т. ХСVII, февр., 293, т. ХСIX, авг., 403
- Пареній** Небоза, митрон. холмогорскій, ум. 1704 г., т. С, нояб., 250.
- Пасковичъ**, кн. Варшавскій, гр. Эриванскій, Ив. Фед., ген.-фельдмарш., род. 1731 г., ум. 1856 г., т. ХСVII, февр., 428, мартъ, 514, 524, т. ХСIX, июль, 24, авг., 292, 310, 412, сент., 512, 513, 529, 530, 654, т. С, окт., 24, 178, 185—198, ноябр., 278, 282, декаб., 524, 523, 532, 537, 542, 553.
- Пасковичъ**, землевлад. 1861 г., томъ ХСVII, мартъ, 577, 579, 530, 534.
- Пассежъ**, Татьяна Петров., рожд. Кучина, писат., р. 1810 г., ум. 1899 г., т. ХСVII, янв., 29.
- Пассежъ**, капит. 1839 г., т. ХСVII, февр., 421.
- Пастышковъ**, костромск. губернаторъ 1803 г., т. ХСVIII, июнь, 499.
- Патерсонъ**, пасторъ 1812 г., т. С, нояб., 415
- Паулуччи**, маркизъ, рижск. ген.-губ. 1815 г., т. ХСIX, сент., 580, т. С, окт., 120, 126.
- Паульсонъ**, I., педаг. 1857 г., т. С, декаб., 587, 594.
- Пауфлеръ**, вице-презид. евангелич. консисторіи 1843 г., т. С, нояб., 286.
- Пашковъ**, Андрей, ген., т. ХСIX, авг., 288, 289.
- Пашковъ**, Андр. Ив., магнетизеръ 1843 г., т. С, нояб., 282.
- Пашковъ**, Никол., кол. сов., т. ХСIX, авг., 288, 289
- Пашковъ**, Серг., шт. ротм., т. ХСIX, авг., 288, 289.
- Пекарскій**, анад., ум. 1872 г., томъ ХСIX, янв., 144.
- Пельцъ**, книгопродавецъ 1840 г., т. ХСIX, авг., 305, сент., 524, 525.
- Пельчинскій**, камергеръ, 1839 г., т. ХСIX, июль, 23.
- Перевощиковъ**, профес., т. ХСIX, июль, 33.
- Перовскій**, Васил. Алексѣев., оренб. воен. губернаторъ съ 1833 по 1842 г., т. ХСIX, авг., 273—372.
- Перовскій**, гр., Левъ Алексѣев., мн. ви. дѣль ум. 1856 г., т. ХСVII, янв., 42, 46, т. С, 5, 40, 51—56, декаб., 482, 483.
- Пестель**, Борисъ, 1810 г., т. ХСVII, мартъ, 538.
- Пестель**, Ив. Борисов., ген.-губери. Восточн. Сибири, р. 1765 г., ум. 1844 г., т. ХСVII, мартъ, 538
- Пестель**, Пав. Ив., декабр., т. ХСVII, мартъ, 538.
- Петровъ**, Александр. Григ., директ. Рижск. лѣсной съ 1844—1852 г., впоследствии предсѣдат. цензурн. комит., т. ХСIX, авг., 478.
- Петровъ**, Н. И., авт. ст. „Отношеніе поэзии А. С. Пушкина къ украин. живаніи и поэзии“, т. ХСIX, авг., 297.
- Петровъ**, П. В., сообщ.: „О связяхъ учителя Плетнева съ литераторомъ Пушкинымъ“, т. ХСVIII, июнь, 509—510.
- Петропавловскій**, оф. 1878 г., т. С., декаб., 631, 632.
- Петръ I**, императоръ, род. 1672 г., † 1725 г., т. ХСVII, мартъ, 607, 608, 623, т. ХСVIII, апр., 99, май, 418, июнь, 628, 637, 643, т. ХСIX, сент., 526, 538, 556, т. С., окт., 59, 68, 73, 198, нояб., 241—265, 295, декабрь, 556, 559.
- Петръ III**, императоръ, род. 1728 г., † 1762 г., т. ХСVIII, апр., 25—37, 165, т. ХСIX, сент., 538, 556, т. С., окт., 73, 78.
- Петушицъ**, Андр. Петров., учитель 1825 г., т. ХСVII, янв., 167.
- Печерникъ**, 1847 г., т. С., нояб., 360, 365.
- Печерскій**, писат., т. С., окт., 204.
- Пидлецій**, послѣдов. секты Татариновой, т. ХСVII, февр., 313.
- Пирлингъ**, о, іезуитъ, писат., т. ХСIX, июль, 200
- Пироговъ**, Никол. Иван., хирургъ, профес., род. 1800 г., † 1881 г., т. ХСVII, мартъ, 640, т. ХСVIII, июнь, 675, 677, т. ХСIX, июль, 39, т. С., декаб., 586, 594—598.
- Пирятинскій**, офиц. 1835 года, томъ ХСVII, янв., 171.
- Писаревъ**, Дмитр. Иван., крмтякъ т. ХСIX, июль, 141.
- Писаревъ**, Іоаннъ, священ. 1827 г., т. ХСVIII, апр., 78, 79.
- Писаревъ**, Н. И., т. ХСVIII, апр. 67.
- Писемскій**, Алексѣй Теофилакт., писатель, т. С., декаб., 522.
- Питтъ**, г-жа, 1825 г., томъ ХСVII, янв. 97.

- Платовъ, гр., Матв. Иван. наказн. атаманъ войска донскаго, 1810 г., т. ХСVIII, июнь, 589, т. ХСIX, июль, 214, авг., 454—463, сент., 678—686, т. С, окт., 222, 224, 229, декабрь, 701—703.
- Платоновъ, Валеріанъ Платоновичъ, тов. мн-а ст.-секрет. царст. Польскаго 1861 г., т. С, окт., 125, 126, 141, 149, 150.
- Платонъ (Петръ Левшинъ), митроп. москов., род. 1737 г., † 1812 г., т. ХСVII, февр., 290.
- Плаутинъ, фл.-ад. 1825 г., т. ХСVII, январь, 103.
- Плетневъ, Петръ Александр., акад., р. 1798 г., † 1895 г., томъ ХСVII, мартъ, 678, т. ХСVIII, май, 303, 309, 472, июнь, 509, 510, т. ХСIX, сент., 524, т. С, окт., 193.
- Плещеева, Анна Иван., рожд. гр-ня Чернышева, т. ХСVII, янв. 25, 26.
- Плещеева, Наталья Феофанов., статсъ-дама 1844 г., т. С, декаб., 493.
- Плещеевъ, Алексѣй Александр., помѣщикъ 1804 г., т. ХСVII, янв., 13, 15, 25, т. ХСVIII, май, 350.
- Плещеевъ, масонъ, т. ХСVII, февр., 290, 293.
- Плюджинскій, А. Ф. инж. 1878 г., т. ХСIX, июль, 89, авг., 392, 393.
- Погодянъ, Мих. Петровичъ, акад., род. 1800 г. † 1875 г., т. ХСVII, янв., 216, 217, 228, мартъ, 540, т. ХСVIII, май, 292, 308, 331, 332, 366—370, июнь, 544, т. ХСIX, июль, 33, сент., 708, т. С, окт., 8, 193, 202, 212, декаб., 588.
- Погошевъ, Н. В., 1800 г., т. ХСVII, 247, 250.
- Подвойскій, ген. 1826 года, т. ХСIX, авг., 324.
- Поджіо, Александр. Виктор., декабр., т. ХСIX, сент., 559—569, томъ С, нояб., 329.
- Пожарскій, всендзъ 1861 года, т. С, нояб., 455.
- Пожарскій, вн., Дмит. Мих., род. 1578 г., † 1642 г., т. ХСVII, мартъ, 544.
- Пондѣвъ, масонъ, т. ХСVII, янв., 73, февр., 292, 299.
- Повскъ, статсъ-секрет. 1834 года, т. ХСVII, мартъ, 578, 583, т. ХСVIII, июнь, 524.
- Покровская, Анна Иван., въ зам. Рава, т. ХСVIII, апр., 82.
- Покровский, священ. 1830 года, т. ХСVIII, апр., 80.
- Полевой, Никол. Алексѣев., писат., р. 1796 г., † 1846 г., т. ХСVIII, апр., 41, июнь, 560, т. С, дек., 496.
- Полетяна, Мих. Иван., секрет. им-цы Маріи Феофановны, 1824 года, томъ ХСVIII, апр., 228.
- Полжаваровъ, А., чиновн. 1808 г., т. ХСVIII, июнь, 492.
- Полжаваровъ, Н., сообщ.: „Петръ Великій и святитель Митрофанъ Воронежскій“, т. С, нояб., 241—265.
- Полжарнъ (Порфирій Писаревъ), архиманд., настоят. Козловск. монастыря, † 1881 г., т. ХСVIII, апрѣль, 81.
- Поліевитовъ, М., сообщ.: „Изъ переписки великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Феофановны съ сардинскимъ королевскимъ домою“, т. С, октябрь, 91—98.
- Половцовъ, жанд. ген. 1843 г. т. С, окт., 54.
- Полонская, Жозефина Антоновна, рожд. Рюльманъ, т. ХСVII, февраль, 360.
- Полонская, рожд. Устюжская, томъ ХСVII, февр., 359.
- Полонскій, Яковъ Петров., писат., род. 1820 г., † 1898 г., т. ХСVII, февр., 357—376, мартъ, 482, 488.
- Полъновъ, В. А., чиновн. коллег. ин. дѣлъ 1800 г., т. ХСIX, сентяб., 656.
- Полторацкій, Алексѣй Марковичъ, т. ХСVIII, апр., 44.
- Полторальскій, С. Д., библиогр. 1826 г., т. С, окт., 176.
- Поль, казанск. полиціймейст. 1836 г., т. С, окт., 105.
- Помалосевскій, писат., т. С, дек., 589.
- Пономаревъ, С. И., т. ХСIX, авг., 299.
- Попова, Александра, т. ХСIX, сентябрь, 533.
- Половъ, Васил. Степан., предсѣдат. деп. гражд. и духов. дѣлъ Госуд. Сов., р. 1743 г., † 1822 года, томъ ХСVII, февр., 300—313, мартъ, 610, 623, т. ХСVIII, июнь, 587—596.
- Поповъ, Григор. С., масонъ, камергеръ 1844 г., т. ХСVII, февр., 312, т. С, декаб., 493—495.
- Поповъ, профес. математ. 1846 года, т. ХСVIII, июнь, 678, т. С, нояб., 406.
- Поповъ, преподават. Кронштадскаго морск. технич. учил. 1898 года, т. ХСIX, сент., 533.
- Поповъ, адъют. главнок-го 1878 г., т. ХСIX, июль, 75, 79, авг., 385, 389.
- Портевъ, тит. сов. 1813 года, томъ ХСVIII, июнь, 715.
- Поссе, баронесса, Елисавет., въ зам. Муравьева, т. ХСVII, мартъ, 670.
- Постельскъ, педаг. 1850 г., т. С, декабрь, 584.

- Посвѣтъ, Конст. Николаевичъ, вице-адмир., р. 1819 г., † 1899 года, его записка: „Прекращеніе ссылки въ Сибирь“, т. ХСІХ, іюль, 51—59.
- Потаповъ, Алексѣй Николаевъ, генер. 1825 г., т. ХСVII, янв., 95, 96, т. ХСVIII, іюнь, 586.
- Потемкина, Татьяна Борисовна, т. ХСІХ, сент., 622.
- Потемкинъ-Таврическій, Григ. Александр., ген.-фельдм., р. 1738 года, † 1791 г., т. ХСVII, янв., 12, т. ХСVIII, апр., 30, 198, томъ С, октябрь, 70.
- Потоцкая, гр-ня, Дельфина, рожд. Свейковская, т. ХСVIII, апр., 206.
- Потоцкая, гр-ня, Эмилиа, т. ХСVIII, апр., 206, 207.
- Потоцкій, Мечиславъ, польск.-магнатъ 1845 г., т. ХСVIII, апрѣль, 205—219.
- Потоцкій, гр., Феликсъ, т. ХСVIII, апр., 206, 207, 217.
- Потоцкій, гр., ген.-к. 1815 года, т. ХСVIII, іюнь, 642.
- Потоцкій, гр., 1861 г., т. С, окт., 133.
- Потсвій, гр., об.-церемоніймейст. 1830 г., т. ХСІХ, сент., 656.
- Потуловъ, оф. Преображенск. полка 1839 г., т. ХСVII, янв., 177.
- Попко-ди-Ворго, послан. въ Парижѣ 1813 г. т. ХСVIII, іюнь, 648, 650, т. ХСІХ, сент. 663, 664, т. С, декабрь, 533, 535.
- Пражецлавскій, О. А., т. ХСVIII, апр., 54, 69.
- Прозоровскій, кн., Александр. Александр., москов. главнокомандующій, † 1809 г., т. ХСVII, янв., 81, февр., 291, т. ХСVIII, апр., 164, 165.
- Пропоповичъ-Антонскій, Антонъ, профес. 1797 г., т. ХСVIII, апрѣль, 166, 171.
- Протасова, Е. А., т. ХСVIII, май, 315.
- Протасова, Марія Николаевна, рожд. Новосильцова, р. 1750 г., † 1830 г., т. ХСVII, апр. 235.
- Протасовъ, Александръ Павловичъ, сенат., р. 1790 г., † 1856 г., томъ ХСVII, янв., 213, т. ХСVIII, апр., 235.
- Протасовъ, гр., Никол. Александр., об.-прокур. синода 1846 года, род. 1855 г., т. ХСІХ, іюль, 9, томъ С, ноябрь, 287.
- Протасовъ, Павелъ Иван., орловск. вице-губернат., впослѣд. курск. губернат., р. 1760 г., ум. 1828 г., т. ХСVII, мартъ, 557, 558, т. ХСVIII, апр., 235, іюнь, 499, 500.
- Прокоровичъ, артил.-офиц. 1878 г., т. С, окт., 165, 166, нояб., 337.
- Прибышевскій, ген. 1805 г., томъ ХСVIII, іюнь, 670.
- Пугачевъ, Емельянь, ум. 1774 года, т. ХСVII, мартъ, 623, т. ХСVIII, май, 418.
- Пузановъ, предсѣд. курск. гражд. палаты 1803 г., т. ХСVIII, іюнь, 499.
- Пузыревскій, ген. 1878 г., томъ С, ноябрь, 352.
- Пулло, ген. 1839 г., т. ХСVII, февраль, 413, 414.
- Путятинъ, гр., мин. нар. просвѣщ. 1861 г., т. ХСІХ, іюнь, 46—49, 53.
- Пушенина, Ольга Серг., томъ ХСІХ, августъ, 307.
- Пушкина, рожд. Ганнибалъ, мать поэта, т. ХСІХ, авг., 307.
- Пушкина, Надежда Осиповна, мать поэта, т. ХСVII, мартъ, 499.
- Пушкина, Наталья Николаевна, рожд. Гончарова, т. ХСІХ, іюль, 9.
- Пушкинъ, Александр. Александровъ, т. ХСVIII, май, 267.
- Пушкинъ, Александръ Серг., поэтъ, р. 1798 г., ум. 1837 г., т. ХСVII, февр., 358, 439—441, 479, мартъ, 499—537, т. ХСVIII, апр., 35—52, май, 246—304, 471—474, іюнь, 509, 510, 543—583, т. ХСІХ, авг. 297—326, сент., 517—713, т. С, окт., 176, 187, 201, 211, нояб., 288, 318, дек. 491, 520, 592.
- Пушкинъ, Алексѣй Мих., переводч. Мольера, т. ХСVIII, май, 359.
- Пушкинъ, Василій Львовъ, писатель, томъ ХСVII, февр., 469, 470, томъ ХСVIII, май, 337.
- Пушкинъ, Григорій Александр., томъ ХСVIII, май, 267.
- Пушкинъ, Левъ Серг., т. ХСVII, февр., 358, мартъ, 501, 513, 514, 521, 537, т. ХСVIII, апр., 40, 47, 48, т. ХСІХ, авг., 304, 307, сент., 590—599, 708, 709.
- Пушкинъ, Мих., кол. совѣт. 1772 г., т. ХСVIII, май, 359—364.
- Пушкинъ, Серг. Львовъ, т. ХСVII, февр., 441, т. ХСVIII, май, 263, 265, 359—364, т. ХСІХ, авг., 307.
- Пушкинъ, адм. 1797 г., т. С, декаб., 563.
- Пушнина, Наталья Дмит., въ перв. бракѣ фонъ-Визина, супруга дек., т. ХСІХ, сент., 560.
- Пушнинъ, И. И., декабр., т. ХСVIII, апр., 51, т. ХСІХ, сент., 520, 709.
- Пушнинъ, Мих. Ивановъ, т. ХСІХ, сент., 712.
- Пушнинъ, казанск. воен. губернат. 1804 г., т. ХСІХ, авг., 244.
- Пфейферъ, подполков. 1878 г., томъ ХСVII, янв. 114.

Пышкинъ, А. Н., писат., томъ ХСІХ, авг., 426.

Р.

- Рабусъ, Карлъ Иванов., академ., т. С, окт., 203—211.
- Раденъ, баронесса, Эдита Фед., гофмейстерина вел. княг. Елены Павловны, 1862 г., т. ХСVII, январь, 144, февр., 384, 386, 391, 393, мартъ, 577, 578.
- Радецкий, ген. 1878 г., т. ХСVI, янв., 125, т. С, декаб., 605—608.
- Радзивиллъ, княжна, Стефанія, фрей-ляна 1826 г., т. ХСVII, мартъ, 686.
- Радзивиллъ, Христоф., воевода виленск. 1603 г., т. ХСVII, февр., 444.
- Раджишевъ, Александр. Никол., писатель, † 1802 г., т. ХСVIII, апрѣль, 163, т. ХСІХ, сент., 528.
- Радзевичъ, С. М., сообщ.: „Приказъ по инженерному корпусу о секунд-дантѣ А. С. Пушкина подполков. Данзасъ“, т. ХСVIII, май, 246.
- Раевская, Екат. Никол., т. ХСVIII, июнь, 567.
- Раевскій, Александр. Николаев., т. ХСVIII, май, 241, 243, 244, июнь, 566—569.
- Раевскій, Никол. Никол., ген. род. 1771 г., † 1839 г., т. ХСVIII, май, 241, 242, 250, 263, т. ХСІХ, сент., 709, 710.
- Раевскій, офиц. 1878 г., т. ХСVII, январь, 110.
- Раевъ, Влад., докт., 1898 года, томъ ХСVIII, апр., 82.
- Раевъ, Николай, директ. слоб. высш. женск. курсовъ 1898 г., т. ХСVIII, апрѣль, 82.
- Раевидъевъ, ген. 1878 г., томъ С, декаб., 612, 618, 620.
- Разумовскій, гр., Алексѣй Григор., ген.-фельдм., р. 1709 г., † 1771 г., т. ХСVIII, апр., 33, 35.
- Разумовскій, гр., Алексѣй Кирил., мн. нар. просв., р. 1748 года, † 1822 г., т. ХСVII, янв., 5, 236, февраль, 263, мартъ, 610, т. ХСІХ, авг., 303, т. С, декаб., 508.
- Разумовскій, кн., Андр. Кирил., дипломатъ, р. 1752 г., † 1836 года, т. ХСVIII, июнь, 645—650, т. ХСІХ, авг., 357.
- Разумовскій, гр., Кирилъ Григор., т. ХСVIII, апр., 35.
- Райковскій, профессоръ богословъ, 1837 г., т. ХСІХ, сент., 619.
- Раичъ, Семенъ Егоров., т. С, окт., 203—207.
- Ралкинъ, подполковн. 1878 г., т. С, декаб., 609.
- Ралль, баронъ, придворн. банкиръ 1825 г., т. ХСVII, февр., 324.
- Растановскій, бар., членъ герольдинъ въ Варшавѣ 1861 г., т. С, окт., 121.
- Ратенгусъ, Петръ, перевод. старо-русск. соляныхъ заводовъ 1779 г., т. ХСVIII, май, 475—480.
- Ратиговъ, ген.-м. 1878 г., т. С, дек., 629, 630.
- Ратмановъ, Петръ Макаръ, саратов. вице-губернат., съ 1862—1863 г., т. ХСІХ, июль, 239.
- Ратовскій, магистръ 1836 г., т. С, октяб., 104.
- Раухъ, Оттонъ Егор., ген. 1878 г., т. ХСІХ, авг., 394.
- Реадъ, фл.-ад. 1825 г., т. ХСVII, январь, 101.
- Редина, Евдокія Матв., въ замуж. Неплюева, т. ХСІХ, авг., 367.
- Рединъ, Матв., помѣщ., томъ ХСІХ, августъ, 367.
- Рейнбогъ, врачъ, 1826 г., т. ХСVII, мартъ, 676.
- Рейтеръ, Мих. Христоф., мн. финансовъ 1866 г., р. 1820 г., † 1890 г., т. ХСІХ, авг., 469, 474, 480.
- Рейхель, бар., 1839 г., т. ХСVII, февраль, 429.
- Ренингампфъ, Н. К., профессоръ. сообщ.: „Віевская университетская старина, 1860—1862 гг.“, т. ХСІХ, июль, 31—49.
- Решинъ, кн., Никол. Васил., ген.-аудиторъ, фельдмарш., р. 1734 г., † 1801 г., т. ХСVII, янв., 73, т. С, декаб., 507, 561.
- Решинъ-Волковскій, кн., Николай Григ., малорос. генер.-губернаторъ 1820 г., ген.-ад., † 1845 г., т. ХСІХ, авг., 347, сент., 589, т. С, декабрь, 507, 508.
- Ржевскій, управл. межевой частью, т. ХСІХ, июль, 237.
- Ржевускій, ксендзь 1861 г., т. С., ноябрь, 462.
- Рибоньеръ, гр., 1808 г., т. ХСVIII, июнь, 491, т. С, нояб., 293.
- Ридгеръ, ген., 1832 г., т. ХСVII, мартъ, 524, т. С, декаб., 524.
- Рижоръ, Петръ Иван., адм. 1854 г., т. С, окт., 114.
- Рижскій Корсаковъ, А. М., генер.-отъ-инф., литовск. воен. губернат., 1790 г., т. ХСVII, мартъ, 561, 570, т. С, декаб., 713, 714.
- Рихель, ген. 1807 г., томъ ХСVIII, июнь, 588.
- Рихтеръ, О. Б., фл.-ад., 1861 года, ген.-ад., т. ХСVII, мартъ, 571, 572.

- Рикторъ, инж. ген.-м. 1878 года, т. ХСІХ, июль, 91.
- Роговиковъ, придворный банкиръ, 1800 г., т. С, окт., 71.
- Роговъ, учнт. 1820 г., т. ХСVII, январь, 167.
- Родофинянинъ, директ. азиат. деп. 1830 г., т. ХСVII, мартъ, 667, т. С, декаб., 541.
- Розановъ, В. Я., магистръ богослов. 1866 г., т. С, нояб., 397.
- Розенбергъ, гр-ня, 1800 г. т. ХСІХ, сент., 538.
- Розенбергъ, ген. 1801 г., т. С, ноябрь, 266, декаб., 564.
- Розеншампфъ, баронъ, 1846 г., т. С, декаб., 666.
- Розеншампфъ, бар., Густавъ Андреевичъ, членъ комис. составленія законовъ, р. 1764 г., † 1832 года, т. ХСVII, мартъ, 713, 714.
- Розенъ, бар., Андрей Евгеньевичъ, декаб., т. ХСVII, февр., 479, томъ ХСІХ, сент., 568.
- Розенъ, бар., Егор. Иван., писатель, р. 1803 г., † 1860 года, т. ХСVIII, июнь, 546.
- Розенъ, бар., полковн. 1807 г., т. С, декаб., 702.
- Романенко, Александр. Степ., русск. консулъ въ Галацъ 1878 года, том. ХСVII, янв., 128.
- Романенко, Павелъ Степ., тульинск. консулъ 1878 г., т. ХСVIII, май, 398.
- Романовскій, масонъ, т. ХСVII, февраль, 300.
- Романовъ, Мих. Никитичъ, бояринъ 1601 г., т. ХСІХ, июль, 138.
- Роммель, профес. харьков. унив., т. ХСVIII, апр., 62.
- Ронгози, Клавдій, папскій нунцій, 1603 г., т. ХСVII, фев., 449—457.
- Росси, архитект. 1840 г., т. С, октябрь, 57.
- Россилювъ, офиц. 1839 г., т. ХСVII, февр., 416, 417.
- Россоловскій, В., корреспонд. 1878 г., т. С, декаб., 612.
- Россъ, врачъ 1826 года, томъ ХСVII, мартъ, 676.
- Ростовскій, Андрей Александр., директ. 1-й казанск. гимназ. 1851 г., т. ХСVIII, май, 425, 431.
- Ростовцевъ, гр., Яковъ Ивановичъ, нач. штаба военно-учебн. завед., † 1860 г., т. ХСVII, янв., 42, 56—62, 150, февр., 272, 284, 285, мартъ, 575—593, т. ХСVIII, апр., 113—123, т. С, октяб., 114, декаб., 588.
- Ростопчинъ, гр., Федоръ Васильев., москв. главнокоманд. 1812 г., род. 1763 г., † 1826 г., т. ХСVII, февр., 241—251, мартъ, 544, т. ХСVIII, апр., 72, май, 286, июнь, 486, 487, т. ХСІХ, июль, 106, 498, 504, томъ ХСІХ, июль, 50, авг., 345, 353, 354, 358, 413, 423, сент., 539—616.
- Ротъ, Л. О., ген.-лейт. 1814 г., т. ХСVII, мартъ, 670, т. ХСІХ, сентябрь, 588.
- Ротновскій, ксендзъ 1861 г., т. С, ноябрь, 456.
- Рубалевскій, полковн. 1878 года, т. ХСVII, янв., 112—115, февр. 335.
- Рудзевичъ, ген. 1818 г., т. ХСІХ, авг., 407, т. С, декаб., 549.
- Румянцова, гр-ня, Марія Андреев., 1761 г., т. ХСVIII, апр., 32.
- Румянцевъ, гр., Николай Петров., канцл., р. 1754 г., † 1826 года, т. ХСVII, февр., 313, 466, 468, мартъ, 656, т. ХСІХ, июль, 108—110, авг., 257, сент., 551, т. С, окт., 84, дек., 509.
- Румянцевъ-Задунайскій, гр., фельдм. 1796 г., т. С, декаб., 561.
- Руничъ, Дмитрій Павловичъ, преподаватель учебн. окр., † 1860 г., томъ ХСVII, янв., 230, т. ХСІХ, авг., 244.
- Руновскій, нижегород. губернаторъ 1800 г., т. ХСVIII, июнь, 495.
- Руппертъ, Вильг. Яков., ген. 1842 г., т. ХСІХ, сент. 567.
- Рыбнинъ, офиц. 1865 г., т. ХСVII, февр., 334, т. С, декаб., 608.
- Рыдзевскій, поруч. 1878 г., т. С, октябрь, 168, нояб., 337.
- Рылъевъ, Коандр. Фед., дек., писатель, р. 1795 г., † 13 июля 1826 г., т. ХСVIII, апр., 70, 71, май, 290, 303, 473, июнь, 545, 548, т. ХСІХ, авг., 314—325.
- Рылъевъ, ген.-ад. 1878 г., т. ХСІХ, авг., 376, 386.
- Ръдзинъ, П. Г., профес., 1856 года, т. С, декаб., 585.
- Ръпинскій, Григор. Косм., сообщ.: „Предисавіе министра юстиціи вв. П. В. Лопухина оберъ-прокурору 6 деп. сената Л. Н. Штреву отъ 4 марта 1805 г., отъосет. службъ молодыхъ дворянъ“, т. ХСVII, февраль, 400, „графъ Ф. И. Ростовчинъ в Г. Р. Державинъ“, томъ ХСІХ, сент., 615, 616, „Предложеніе правит. сенату управляющаго министерствомъ юстиціи гр. Панина о дворяннѣ Шидловскомъ“, т. С, нояб., 480.
- Рюльманъ, Жозефина Антонов., см. Полонская.
- Рюльманъ, врачъ, 1866 г., т. ХСVII, февр., 360.
- Рюль, лейбъ-мед. 1825 г., т. ХСVII, янв., 90—107, мартъ, 672, 673.

Рябинина, Екат. Алексѣевна, рожд. княжна Шаховская, томъ ХСVII, мартъ, 708.

Рябиничъ, Андр. Михайловичъ, т. ХСVII, мартъ, 708.

Рябиничъ, масонъ, т. ХСVII, февр., 301.

С.

Саблинъ, Алексѣй Николаевъ, вице-адм., почетв. опекувъ, 1825 г., т. ХСVII, янв. 103.

Савицкій, Каспаръ, всендъ 1603 г., т. ХСVII, февр., 454—457.

Саврасовъ, почет. опекувъ слб. воспитат. дома 1825 г., томъ ХСVII, февр., 328.

Садовскій, Провъ Михайл., артистъ, т. С, окт., 203.

Сайтовъ, В. И., томъ ХСVII, янв., 211—217, т. ХСVIII, май, 351.

Сажень, кн., Фабіанъ-Готлибъ, фельд-марш., р. 1752 г., † 1837 года, т. ХСIX, июль, 213, сент., 681—692, т. С, окт., 223, декаб., 553, 562.

Салаговъ, кн., ген.-аудиторъ 1797 г., т. С, декаб., 568.

Салтыковъ, кн., Александр. Никол., членъ госуд. сов. 1801 г., т. ХСVIII, июнь, 501.

Салтыковъ, гр., Ив. Петров., 1790 г., т. С, декаб., 713.

Салтыковъ, М. А., т. ХСVIII, май, 350.

Салтыковъ, гр., Никол. Ивановичъ, фельдмарш., р. 1736 г., † 1816 г., т. ХСVIII, июнь, 490, томъ ХСIX, июль, 109, авг., 248, сент., 554, т. С, декаб., 567.

Салтыковъ (Щедринъ). Мих. Евгр., писатель, т. ХСVII, февр., 386, 394, т. ХСVIII, апр., 178, т. С, октяб., 15, 17.

Сельяовъ, гр., т. ХСVII, янв., 176.

Самаринъ, Юрій Ѳед., писатель, р. 1819 г., † 1876 г., т. ХСVII, янв., 57, 151, февр., 270—392, мартъ, 582, 594.

Самаринъ, Ѳедоръ Васильевъ, шталмейст. 1826 г., т. ХСVII, мартъ, 670.

Самбикинъ, Д. И., рект. тамбовск. семина., внос. Димитрій, архіеп. тверск., т. ХСIX, июль, 128.

Самойловъ, гр., ген.-фельдмаршалъ 1801 г., т. ХСVIII, апр., 198.

Дѣ-Сантленъ, Яковъ Иван., директ. канц. министр. полиц. 1801 г., т. ХСIX, июль, 107.

Сандуновъ, профес., т. С, нояб., 309.

Сантъ, гр., сенат. 1836 г., т. С, октябрь, 99.

Сантъга, Левъ, литовскій канцлеръ 1600 г., т. ХСVII, янв., 198, 199, 208, февр., 444, 445, 450, т. ХСVIII, май, 482.

Сафоновъ, Павелъ Андреевичъ, коменд. слб. крѣп. 1860 года, томъ ХСVIII, апр., 76, май, 351, июнь, 693, т. ХСIX, июль, 60.

Сахаровъ, Вит. Викторов., шт.-кан. 1878 г., т. ХСVIII, июнь, 603.

Сахаровъ, Иванъ Александр., дирек. 1-й казанск. гимназій 1842 года, т. ХСVIII, май, 423, 425, 426, 427, 428, 431, 432.

Сахаровъ, И. П., т. ХСVII, январь, 31, мартъ, 543.

Сахаровъ, офиц. 1878 г., т. ХСIX, авг., 393

Свенские, докт. 1797 года, т. ХСVII, апр., 170.

Свербеевъ, Д. Н., т. С, нояб. 309.

Свицкинъ, Павелъ Петров., издат. „Отеч. Зап.“, 1833 г., томъ ХСVII, янв., 158, февр., 410, мартъ, 690, т. ХСIX, сент., 536, т. С, нояб. 318.

Свистуновъ, А. Е., т. ХСVII, февраль, 261.

Свистуновъ, декаб., т. С, ноябрь, 328, 329.

Свѣчлина, рожден. Соимонова, род. 1782 г., † 1859 г., т. ХСVII, февр., 473.

Святотополь-Мирскій, кн., генералъ 1878 г., т. С, декаб., 605, 606.

Свержинъ-Потоцкій, попочитель слб. окр., т. ХСVII, мартъ, 610.

Седморавскій, ген. 1807 г., т. ХСIX, сент., 677, т. С, окт., 218.

Селеневъ, авт. „Историческ. очерка имп. янцел“, т. ХСIX, авг. 303.

Селецкій, тайн. сов., новорос. губернаторъ 1798 года, т. ХСVIII, апр. 104, 176, 220.

Селъвановъ, майоръ 1807 года, томъ ХСIX, сент., 693.

Селъвановъ, купецъ, т. С, декабрь, 556, 557.

Селъфонтовъ, Н. Н., т. ХСVII, янв., 239.

Сельскій, редакт. „Вѣстника Вост., Сибири“, 1854 г., т. ХСIX, сент., 564.

Семенова, Е. С., артистка, 1820 г., т. ХСIX, сент., 591.

Семеновъ, Павелъ Алексѣевъ, предсѣдат. 2-го деп. гражд. палаты въ Слб. 1831 г., т. ХСVII, янв., 239, 240.

Семеновъ, П. П., членъ госуд. сов., вице-презид. имп. геогр. общ., том. ХСVII, янв. 59, 150, февр. 285

Семшовскій, писат., т. ХСVIII, апр., 41, 47, т. ХСIX, сент., 528.

- Сенявинъ, адм. 1815 г., т. ХСVII, апр., 9, июнь, 647, 648.
- Сенявинъ, тов. министр. внут. дѣлъ 1851 г., т. ХСIX, сент., 489.
- Сенъ-При, гр., Карлъ Францевичъ, херсонск. губернат. въ царствован. Александра I, т. ХСIX, сент., 554.
- Сенъ-При, гр., Эммануилъ Францов., ген.-ад., т. ХСIX, сент., 554.
- Серафимъ, митроп. спб., т. ХСVII, февр., 306, т. ХСVIII, июнь, 529.
- Сербиновичъ, Конст. Степ., директ. каап. обер-прокур. сивода 1797 г., † 1847 г., т. ХСVII, янв. 213, мартъ, 715, 716.
- Сердобинъ, бар., Мих., 1834 г., т. ХСVIII, апр., 39.
- Серебряняковъ, градирищнй старо-русс. соляныхъ заводовъ 1779 г., т. ХСVIII, май. 475—480.
- Свбггъковъ, И. С., поэтъ, 1820 года, т. ХСIX, сент., 602.
- Сиверсъ, гр., Эммануилъ Кириллов., директ. деп. духов. дѣлъ иностр. исповѣд., 1862 г., вполн. сенат., об.-офмейст., т. ХСIX, июль, 240, т. С, окт., 239.
- Сиверсъ, Я. Е., ген.-поруч. 1779 г., т. ХСVIII, май, 479, 480.
- Сиверсъ, полковн. 1807 г., т. ХСIX, июль, 211.
- Сивозъ, командиръ казачаго полка 1807 г., т. ХСIX, авг., 456.
- Симборскій, ген.-м. 1839 г., т. ХСVII, февр., 411—422.
- Симоновъ, профес. астроном. 1848 г., т. С, нояб., 407.
- Сиполевскій, В. В., сообщ.: „Изъ прошлаго русской цензуры“, т. ХСVIII, апрѣль, 161—175, май, 435—453, „Татьяна, Овѣгинъ и Ленскій Къ литературной исторіи Пушкинскихъ типовъ“, май, 311—329, июнь, 559—580.
- Сивачевскій, писат., т. С, декаб., 592, 594, 600.
- Скалонъ, Дм. Антонов., оф. 1878 г., т. С, нояб. 336.
- Скалонъ, полковн. 1839 г., т. ХСVII, февраль, 431.
- Скальновскій, Апол. Александров., сотруд. „Одеск. Вѣстн.“ и др. † 1899 г., т. ХСIX, июль, 226, сент., 703—706, т. С, окт., 232—236.
- Скандовскій, докт. медиц., 1836 г., т. С, окт., 110.
- Скарбевъ, гр., 1861 г., т. С, ноябрь, 467.
- Скарятинъ, ген. 1845 г., т. ХСVIII, апр., 206, т. С, окт., 101.
- Скворцовъ, профес. богослов. 1851 г., т. ХСIX, июль, 35.
- Скобелевъ, Дм. Иван., генералъ, р. 1821 г., † 1880 г., т. ХСVIII, июнь, 601—607, т. ХСIX, июль, 76, сент., 640—648.
- Скобелевъ, Ив. Никит., коменд. спб. крѣп., † 1849 г., т. ХСIX, августъ, 318—323.
- Скобелевъ, Мих. Дмитриев., ген., р. 1843 г., † 1882 г., т. ХСVIII, июнь, 605, т. ХСIX, авг., 390, 391, т. С, окт., 151 174, нояб., 335—358, прилож., 332, декаб., 603—633.
- Скребницкій, Ал. Ил., медикъ, юрист., публицистъ, 1862 г., т. ХСVII, янв., 143.
- Скрипичевъ, директ. деп. духовн. дѣлъ 1854 г., т. ХСVII, янв. 43.
- Скрыдловъ, морск. офиц. 1878 г., т. ХСVIII, апр., 144, май, 411, томъ ХСIX, июль, 89.
- Славянский, М. И., педагогъ, томъ ХСVIII, июнь, 689.
- Слезковскій, А., сообщ.: „Волокита старорусскаго магистрата“, томъ ХСVIII, май, 475—480, „Къ биографіи архіепископа Макарія“, июнь, 619—626, „Преступный отрывокъ элегін Андрей Шевье“, т. ХСIX, авг., 313—326, „Архимандритъ Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская“, т. С, нояб., 319—324.
- Сленкинъ, Ив. Васильев., книгопродавецъ 1820 г., т. ХСVII, мартъ, 713.
- Слѣпушкинъ, поэтъ, томъ ХСVIII, июнь, 547.
- Смврдннъ, А. Ф., книгопродавецъ. 1842 г., т. ХСIX, авг., 305, сентяб. 523, 524.
- Смирнова, Александр. Осипов., рожд. Россетъ, т. ХСVIII, май, 315, т. ХСIX, сент., 526, 527, 530, 708.
- Смирновъ, Капитонъ Ив., директор. 2-й спб. гимназій. 1898 г., т. ХСIX, июль, 134.
- Смворевъ, К. В., т. ХСVII, янв., 124.
- Собашинъ, П. А. премьеръ-маіоръ 1800 г., т. ХСVII, янв., 6, 7, февраль, 246.
- Соболевскій, ген. 1839 г., т. ХСVII, февр., 431, т. ХСVIII, апр., 40.
- Соболевскій, совѣт. подольск. казен. палаты 1826 г., т. ХСVIII, май, 382, 388, 389.
- Соболевскій, писат., т. С, окт. 212.
- Соболевъ, полковн. 1878 года, томъ ХСIX, июль, 92.
- Созоловъ, Авдѣй Иванов., педагогъ 1851 г., т. ХСVIII, май, 429.
- Созоловъ, Дм., священ. 1860 года, т. С, декаб., 595.
- Созоловъ, Ив. Григ., инспект. Владимірска. духов. учил. 1866 г., т. С, нояб., 382—394.

- Соллогубъ, графиня, С. И., 1818 г., т. ХСІХ, авг., 420.
- Солдатовъ, казанск. губерн. прокур. 1836 г., т. С, окт., 103, 104, 112.
- Соловьевъ, Веніаминъ, декаб., томъ ХСІХ, сент., 568.
- Соловьевъ, Вл. С., 1898 г., т. ХСІХ, сент., 522.
- Соловьевъ, Н. И., сообщ.: „О правахъ священниковъ и діаконовъ, добровольно слагающихъ съ себя духовный санъ“, т. ХСVII, мартъ, 574, 598. „Какъ насъ учили. Разсказъ изъ духовно-семинар. жизни“, т. С, нояб., 375—398.
- Соловьевъ, Яковъ Александр., членъ редакц. комис., † 1876 года, т. ХСVII, янв., 42, 57, 59, фев., 282—285, 384, 392, мартъ, 585, т. ХСVIII, апр., 124, т. ХСІХ, июль, 232—240, авг., 468—473.
- Солодовниковъ, купецъ, т. С, дек., 556.
- Сольскій, Х., почетн. одесск. окр., т. ХСІХ, июль, 40.
- Сомовъ, ген.-м. 1807 года, т. ХСІХ, июль, 206, 209, 210, 211.
- Сперанскій, гр., Мих. Михайлов., р. 1772 г., ум. 1839 г., т. ХСVIII, янв., 23, 82, 83, 215, 224, 234, февраль, 296—301, мартъ, 632, т. ХСVIII, май, 371, июнь, 486—533, т. ХСІХ, июль, 4—7, 18, 26, 102—110, авг., 257, 272, 302—304, 402, сент., 479, т. С, нояб., 270, дек., 496—504.
- Спирidonъ-Тихомировъ, священ., духовн. цензоръ 1797 года, томъ ХСVIII, апр., 167.
- Спицъ, г-жа, рожд. Брюллова, ум. 1878 г., т. ХСVII, февр., 393.
- Срезневскій, Всев. Изм., сообщ.: „Изъ воспоминаній А. Х. Востокова о его дѣтствѣ и юности“, т. ХСVII, мартъ, 657—664.
- Срезневскій, Изм. Иван., т. ХСVII, мартъ, 657, 660.
- Стависская, г-жа, т. ХСVII, мартъ, 686.
- Ставицкій, фл.-ад. 1807 года, томъ ХСІХ, июль, 222, 224, т. С, октяб., 217.
- Старовскій, профес. исторіи, томъ ХСІХ, июль, 35.
- Стенельбергъ, вятск. вице-губернат. 1804 г., т. ХСІХ, авг., 245.
- Станевичъ, масонъ, т. ХСVII, февраль, 312.
- Станевичъ, писат., т. ХСVIII июнь, 580.
- Старшиновъ, гр., Вият. Александр., гродн. предвод. дворян. съ 1861 по 1863 г., т. ХСІХ, июль, 239.
- Стасовъ, архитект. 1840 г., томъ С, окт., 57.
- Стаховичъ, М. П., коменд. варшавск. жандарм. дивизіон. 1878 г., томъ ХСVII, февр., 336.
- Стаховичъ, ксендзъ 1861 года, т. С, нояб., 475.
- Стемпковичъ, ксендзъ 1861 г., томъ С, нояб. 463.
- Степановъ, П. И., начальникъ спб. женск. гимназіи 1898 г., т. ХСІХ, июль, 134.
- Степановъ, капит. генерал. штаба 1878 г., ген.-м. 1898 г., т. ХСІХ, авг., 383, 384.
- Стефанъ-Баторій, король польскій, т. ХСVII, февр., 443, 447.
- Стоговъ, Э. Н., томъ ХСVIII, апр., 58, 59.
- Столыпинъ, Аркадій Алексѣевичъ, об.-прокур. сената, р. 1778 г. ум. 1825 г., т. ХСVII, янв., 234, 235.
- Столыпинъ, Аѳанас. Алексѣевичъ, 1862 г., т. ХСVIII, апр., 222, 223.
- Столытовъ, ген. 1878 г., томъ ХСІХ, авг., 394, т. С, декаб., 608.
- Стороженко, профес., т. ХСVIII, май, 299.
- Столюковъ, ген.-лейт. 1800 г., томъ С, декаб., 565.
- Стояковъ, А., профес., томъ ХСІХ, июль, 40, 41.
- Стратинковичъ, Дм., цензоръ 1797 г., т. ХСVIII, апр., 166.
- Страховъ, Н., 1810 г., т. ХСVII, февраль, 256, 261.
- Страховъ, профес., т. ХСVII, февр., 263, 290.
- Стрелаловъ, ген.-лейт., казанск. губернат. 1836 г., т. С, октябр., 100, 101, 102, 103.
- Стремоуховъ, П. Д., сообщ.: „Наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ въ Нижнемъ-Новгородѣ“, т. ХСVII, мартъ, 571—573.
- Стрешневъ, Тихонъ Никит., бояринъ 1700 г., т. С, нояб., 248.
- Строганова, Анна Мих., 1761 года, т. ХСVIII, апр., 33.
- Строгановъ, гр., Александр. Григ., новорос. и бессараб. ген.-губернат. съ 1855—1862 г., т. ХСVII, февр., 269, 285, т. С, окт., 233.
- Строгановъ, гр., Александр. Серг., р. 1734 г., ум. 1811 г., т. ХСVII, янв. 134, т. ХСVIII, июнь, 487, 663, т. ХСІХ, авг., 415, сент., 548, т. С окт., 12, декаб. 697.
- Строгановъ, гр., Пав. Алекс., мин. внут. дѣлъ 1802 г., т. ХСVII, янв., 42, мартъ, 548, т. ХСІХ, авг., 249, 257, 270.
- Строгановъ, гр., Серг. Григ., попеч. москов. учеб. окр., р. 1794 г., ум., 1882 г., т. ХСVII, мартъ, 571, 572,

- 573, томъ С, окт., 10, 12, ноябрь, 311.
- Строгановъ, гр., Н. С., 1861 г., т. ХСVII, мартъ, 571.
- Строгановъ, гр., фл.-ад. 1830 г., т. ХСVIII, май, 382, 383.
- Строевъ, Пав. Мих., археологъ, т. ХСVIII, май, 370.
- Стромилловъ, капит. генерал. штаба 1878 г., т. ХСIX, сент., 647.
- Струве, чинов. министр. иност. дѣлъ 1830 г., т. ХСIX, сент., 658.
- Струвовъ, вл., Александр. Петров., полковн. 1878 г., т. ХСVII' авар., 112, 113.
- Стуартъ, баронесса, рожд. Базилювская, т. ХСVII, февр., 347—354.
- Стуартъ, бар., Дм. Фед., дипломатъ 1878 г., т. ХСVII, янв., 127—132, февр., 346, 347, мартъ, 636—658, т. ХСVIII, апр., 133—156, май, 407—414, июнь, 610—617, т. ХСIX, июль, 73—92, авг., 378—386.
- Студенкинъ, Гавр. Иван., сообщ.: „Къ биографіи Ф. Ф. Гежельнскаго“ т. ХСVII, янв., 239, 240.
- Стурдза, Александр. Скарлат., писат., 1849 г., т. ХСVII, мартъ, 610.
- Стюрцеръ, команд. гренадерск. пол. 1825 г., т. ХСVII, февр., 318.
- Субботинъ, В., профес., т. ХСIX, июль, 40.
- Суворинъ, Алекс. Серг., издат. „Нов. Времени“, т. ХСVII, янв., 152.
- Суворова, Анна Вас., см. Горчакова.
- Суворова, Варвара Иванов., рожд. княжна Прозоровская, т. С, нояб., 300.
- Суворовъ, вл., Александр. Аркад., остзейск. ген.-губ. 1861 года, спб. воен. губ., ум. 1882 г., т. ХСVII, мартъ, 372, т. ХСVIII, апр., прилож., 121.
- Суворовъ Риминискій, князь Италійск., Алекс. Вас., генералис., род. 1729 г., ум. 1800 г., т. ХСVII, февраль, 264, т. ХСIX, авг., 347—355, т. С, окт., 85, нояб., 269, 300, дек., 507, 550, 551, 561—566.
- Суворовъ, вл., ген. 1843 г., томъ С, нояб., 284.
- Сузовинъ, чиновн. военно-походн. канц. 1843 г., нынѣ ст.-секретарь, управл. дѣлами комит. министр., т. С, нояб., 275—280.
- Сущинъ, Алехдр. Яков., ген.-ад. коменд. спб. крѣп. 1831 г., т. ХСVII, янв., 240, февр., 323.
- Судцерь, баварск. агентъ въ Спб. 1800 г., т. ХСIX, сент., 547, 548.
- Сумарошовъ, Александр. Петровичъ, писат., т. ХСVIII, июнь, 546.
- Сумарошовъ, П., 1826 г., т. ХСVII, янв., 4, мартъ, 545, 550, 568, томъ ХСVIII, апр., 53, июнь, 493, томъ ХСIX, авг., 262, т. С, окт., 60.
- Сумбатовъ, офнд. 1878 г., т. ХСIX, сент., 635.
- Сумцовъ, Н., сообщ.: „Скулой Рыцарь“, т. ХСVIII, май, 334—336.
- Сухинновъ, поруч. 1826 г., т. ХСVIII, июнь, 586.
- Сухово-Кобылкина, Елиза. Васильев., въ зам. графиня Сальясъ (Евгенія Туръ), писательница, томъ ХСVII, янв., 176, февр., 430.
- Сухово-Кобылкины, т. ХСVII, янв., 176.
- Сухованетъ, Иван. Онуфр., ген.-ад. воен. мин., р. 1788 г., ум. 1861 г., т. ХСVII, янв., 55.
- Сухованетъ, ген. 1825 г., т. ХСVII, февр., 321, 323.
- Сухомлиновъ, М. И., акад., сообщ.: „Особенности поэтическ. творчест. А. Н. Майкова, объясненныя имъ самимъ“, т. ХСVII, мартъ, 481—496.
- Сухотинъ, Никол. Нинеол., подполк. 1878 г., нынѣ нач. акад. ген. штаба, т. ХСVII, янв., 112, 113, т. ХСIX, авг., 393.
- Сухтеленъ, гр., П. П., оренбургск. ген.-губернат. съ 1830 по 1833 г., т. ХСIX, авг., 368, 369, сент., 657.
- Сухтеленъ, гр., послан., при шведск. дворѣ 1815 г., т. ХСVIII, июнь, 650.
- Сущинскій, врачъ 1878 г., т. С, декаб., 632.
- Съверинъ, Дм. Петров., чиновн. мин. ин. дѣлъ, р. 1791 г., † 1865 г., т. ХСVII, февр., 474, 475.
- Съверинъ, бѣлорус. губернат. 1810 г., т. ХСVIII, июнь, 498.
- Съчевовъ, профес., т. ХСVII, янв., 151, 157.

Т.

- Танъевъ, ст.-секрет. 1840 г., т. С, нояб., 480.
- Танъевъ, новгород. губернат., томъ ХСIX, сент., 492.
- Ташне, Дитрихъ Августъ, докт. богословія, р. 1778 г., † 1830 г., томъ ХСVIII, апр., 229, 232.
- Тарасовъ, лейбъ-мед., т. ХСIX, авг., 403, 404.
- Тарновскій, помѣщ. 1860 г., т. ХСVII, февр., 267, 286, 287.
- Татарикова, Екат. Филип., основн. на секты, † 1856 г., т. ХСVII, февр., 313.
- Татариковъ, т. ХСVII, мартъ, 597.
- Татищева, Варвара Александр., томъ ХСVIII, апр., 232, 233.
- Татищевъ, гр., Александр. Ив., ген.

- отъ-инф., воен. мин. 1825 г., томъ ХСVII, янв., 95, февр., 304, мартъ, 665.
- Татищевъ, Васил. Никит., историкъ, р. 1686 г., † 1750 г., томъ ХСVII, янв., 224, 227.
- Татищевъ, Дм. Павл., посолъ въ Испаніи, въ Австрій, об.-камерг., чл. госуд. сов., † 1845 г., т. С, декаб., 510, 518, 527.
- Теляшевскій, Андр., 1606 г., томъ ХСVIII, апр., 182.
- Твенгаузенъ, гр.-ня, фрейл. 1841 г., т. ХСIX, сент., 500.
- Тимаевъ, педагогъ 1830 г., т. ХСVII, мартъ, 612.
- Тимашевъ, Ал. Ег., мин. вн. дѣлъ 1876 г., т. ХСVII, янв., 58, февр., 384, 388, 396, мартъ, 584, т. ХСVIII, апр., 120, т. ХСIX, авг., 447.
- Тимовскій, Ил. Ѳед., т. С., нояб., 308.
- Тимошукъ, Вѣра Вас.: сообщ.: „Новыя данныя о первомъ самозванцѣ“, т. ХСVII, янв., 189—210, февр., 443—462, мартъ, 691—706, томъ ХСVIII, апр., 177—197, май, 455—469, томъ ХСIX, июль, 169—204. „Россия и Франція по бумагамъ ген. Флери“, июнь, 695—711, июль, 145—168. „Поляки въ Россіи въ 1606—1608 г.“, т. С., нояб., 421—451.
- Тимоѣевъ, Александръ Васил., инспект. Казанскаго учебн. окр., т. ХСVIII, июнь, 671, 673, 675.
- Тимоѣевъ, К. А., т. ХСVIII, май, 267.
- Тимоѣевъ, ген. 1839 г., т. ХСVII, февр., 430, 431.
- Тиньковъ, полковн. 1797 г., томъ С, декаб., 563.
- Титовъ, Влад. Пав., писат., т. ХСIX, сент., 711.
- Тихоміровъ, протоіер. 1798 г., томъ ХСVIII, май, 435.
- Тихоновъ, оф. 1878 г., т. С, декаб., 631, 632.
- Тихонковъ, адъют. Суворова 1797 г., т. С., декаб., 561.
- Токаревъ, кол. асс. 1821 г., т. ХСIX, сент., 605.
- Толстая, Алевтина Ив., рожд. Кудрявцева, т. ХСIX, сент., 587.
- Толстой, гр., Александръ Петров., губернат. 1836 г., т. ХСVIII, апр., 44.
- Толстой, гр., Дм. Андр., мин. вн. дѣлъ, мин. нар. проsv., р. 1823 г., † 1889 г., т. ХСVII, янв., 150, февр., 387, т. ХСVIII, июнь, 620, т. ХСIX, июль, 157, т. С, нояб. 395.
- Толстой, И., 1700 г., т. С, нояб., 261.
- Толстой, Ив. Матв., 1841 г., т. ХСIX, сент., 500.
- Толстой, Ив. Никол., сенат., † 1854 г., т. ХСIX, сент., 588.
- Толстой, гр., Левъ Никол., писат., т. ХСIX, сент., 712.
- Толстой, гр., Никол. Александр., об.-гофмарш., р. 1765 г., † 1816 г., т. ХСVIII, июнь, 645, т. ХСIX, сент., 546, т. С, окт. 84, 86, декаб., 697.
- Толстой, Никол. Никол., тверск. предвод. двор., † 1872 г., т. ХСIX, сент., 588.
- Толстой, гр., Н. С., помѣщ., 1810 г., т. ХСVII, янв., 35—37.
- Толстой, Никол. Яковлев., помѣщ., осташков. уѣздн. предвод. двор., † 1813 г., т. ХСIX, сент. 587—614.
- Толстой, гр., П. А., посолъ въ Парижѣ 1812 г., т. ХСIX, июль, 99, т. С, декаб., 550.
- Толстой, гр., Петръ Александр., команд. войск. Москов. окр. 1825 г., гл. нач. воен. поселеній, † 1844 г., т. ХСVII, февр., 328, т. ХСVIII, апр., 44, т. ХСIX, июль, 3, сент., 671, т. С, декаб., 483, 484.
- Толстой, гр., Ѳед. Петров., художн., медальеръ, вице-презид. акад. худ., род. 1783 г., † 1873 г., т. ХСVII, мартъ, 539, т. С, окт. 114.
- Толстой, Яковъ Никол., писат., р. 1791 г., т. ХСIX, сент., 519, 587—614, т. С, окт., 175—199.
- Толстой, гр., ген. 1807 г., т. ХСVIII, июнь, 588, 593, т. ХСIX, сент., 677, 681—693, т. С, окт., 223, 229, декаб., 706.
- Толстой, шталмейст. 1844 г., т. С, нояб., 293.
- Толь, гр.-ня, рожд. Штрандманъ, т. ХСIX, сент., 514.
- Толь, гр., Карлъ Ѳед., главноуправл. пут. сообщ., † 1842 г., томъ ХСVII, мартъ, 602, т. ХСVIII, июнь, 640, т. ХСIX, авг., 412, сент., 511—515, т. С, окт., 53, 55, нояб., 269, декаб., 555.
- Томатко, гр.-ня, 1825 г., т. ХСVII, янв. 97—106, февр., 324, 325, 328, мартъ, 671—689.
- Томшиловскій, поруч. 1815 г., т. ХСIX, сент., 570.
- Тонъ, Александр., архитект. 1840 г., т. С, окт., 57.
- Тонъ, Конст., архитект. 1840 г., т. С, окт., 57.
- Тонильскій, Мих. Ив., тов. мин.-а юстиц. 1860 г., т. ХСVIII, апр., 122.
- Топорнинъ, Влад. Никанор., чл. Саратов. губернс. присут. по ерестыанск. дѣламъ 1862 г., т. ХСVII, апр., 224.
- Тормаосовъ, гр., ген.-отъ-каз, москов.

- ген.-губ., т. ХСVII, февр., 299, т. ХСIX, сент., 651, 653, т. С, декаб., 562.
- Торсузовъ**, об.-гофмейст., т. ХСVIII, июнь, 503.
- Толлебая**, Эдуардъ Ив., инж.-ген. т. ХСIX, авг., 431.
- Траутфеттеръ**, ботаникъ, 1835 г. т. ХСIX, июль, 34.
- Тредьяковский**, В. Б., писат., томъ ХСVIII, июнь, 546.
- Треповъ**, слб. полиційм., т. ХСVII, мартъ, 641, т. С, окт., 117, 120.
- Трескинъ**, Иркутск. губернат. 1810 г., т. ХСVIII, июнь, 498, 504.
- Третьяковъ**, М. П., чиновн. 1808 г., т. ХСVIII, июнь, 491.
- Третьяковъ**, Пав. Мих., основатель картин. галлерей, т. ХСVII, янв., 154.
- Трефоловъ**, Леонидъ, сообщ.: „Отношения Иркутскаго архіепископа Николая къ декабристамъ“, т. ХСIX, сент., 559—569.
- Тришатиный**, ген. 1839 г., т. ХСVII, февр. 431.
- Тройницкая**, Матрена Фомин., рожд. Волошинова, † 1872 г., томъ ХСIX, сент., 703—706, т. С, окт., 233—239.
- Тройницкій**, Никол. Гринг., управ. одесск. контор. госуд. банка, род. 1811 г., † 1892 г., т. ХСIX, сент., 703—706.
- Тройницкій**, А. Г., тов. мин-а ввдѣлъ съ 1861—1867 г., томъ ХСIX, июль, 225—240 авг., 467—480, сент., 695—706, т. С, окт., 231—239.
- Тройницкій**, Г. А., сообщ.: „П. А. Валуевъ и А. Г. Тройницкій“, авг. 467—480, сент., 695—706, т. С, окт., 231—239.
- Тройницкій**, Н. Г., 1861 г., т. С, окт., 231—238.
- Тропкій**, В. Н., ген.-ад., началън. С.-З. края 1899 г., т. ХСIX, авг., 400.
- Троцкий**, ботаникъ 1836 г., т. С, окт., 110.
- Троцкий**, Дм. Прокоф., мин. удѣловъ, ст.-секрет., † 1829 г., т. ХСVIII, июль, 503, 629, т. ХСIX, авг., 257, т. С, окт., 79—84.
- Трубецкая**, княг., Екат. Петров., супруга декабриста, † 1854 г., т. ХСIX, сент., 559—569, т. С, нояб., 325, 326, 333.
- Трубецкая**, княгиня, вдова ген.-ад., 1842 г., т. С, окт., 32.
- Трубецкой**, кн., Никита Юрьев., фельдм., т. ХСVIII, апр., 32, 35.
- Трубецкой**, кн., Серг. Петров., декабр., † 1860 г., т. ХСIX, сент., 559—569.
- Трубецкой**, кн., Юрій Никит., масонъ, т. ХСVII, февр., 290.
- Трубецкой**, кн., ген.-ад. 1839 г., т. ХСVIII, июнь, 627, т. ХСIX, июль, 10.
- Трубецкой**, кн., нижегород. предвод. двор. 1806 г., т. ХСVII, мартъ, 555.
- Туманскій**, Мих., цензоръ, 1797 г., т. ХСVIII, апр., 166, 170, 172.
- Туманскій**, Фед., цензоръ, 1797 г., т. ХСVIII, апр., 166—175, май, 435—453.
- Тургенева**, Екат. Семен., рожд. Качалова, † 1824 г., т. ХСVII, февр., 473.
- Тургеневъ**, Александръ Ив., директ. деп. духовн. дѣлъ 1817 г., т. ХСVII, янв., 83, 211—238, февр., 260, 304, 312, 463—480, мартъ, 707—716, т. ХСVIII, апр., 225—238, май, 265, 302, 350, 416, 472, июль, 712, т. ХСIX, июль, 96, сент., 612, 618, т. С, окт., 193, декаб., 519—521.
- Тургеневъ**, Андрей Ив., † 1803 г., т. ХСVII, янв., 229.
- Тургеневъ**, Ив. Петров., масонъ, р. 1752 г., † 1807 г., т. ХСVII, янв., 219, 220, 229, февр., 468.
- Тургеневъ**, Ив. Серг., писат., род. 1818 г., † 1883 г., т. ХСVII, февр., 360, т. ХСVIII, май, 312, 335.
- Тургеневъ**, Никол. Ив., помощн. ст.-секрет. въ деп. госуд. эконом., декабр., 1824 г., т. ХСVIII, апр., 229, май, 350, т. ХСIX, сент., 520, 618, т. С, декаб., 519, 520.
- Тургеневъ**, Петръ Николаев., сообщ. „Письма Н. М. Карамзина къ А. И. Тургеневу (1806—1826 г.)“, т. ХСVII, январь, 211—238, февр., 463—480, мартъ, 707—716, т. ХСVIII, апр., 225—238.
- Тургеневъ**, Серг. Иван., совѣтъ по-сольства въ Константиноп. 1821 г., т. ХСVII, мартъ, 710, 712, т. ХСVIII, май, 416, т. ХСIX, сент., 520.
- Туруновъ**, Мих. Никол., чл. сов-а мин. ввдѣлъ, 1862 г., вносл. предсѣд. слб. цензурн. комит., сент., † 1890 г., т. ХСIX, авг., 468.
- Турчаниновъ**, Петръ Ив., 1780 г., т. С, нояб., 300.
- Тутольминъ**, И. Ф., полковн. 1878 г., т. ХСIX, июль, 76, сент., 640—648, т. С, окт., 151, 157, 169, нояб., 335, 341—346, декаб., 614, 615, 621, 625.
- Тучковъ**, Пав. Алексѣев., ген.-ад., москов. ген.-губ., р. 1803 г., † 1864 г., т. ХСIX, сент., 696.
- Тучковъ**, ген.-лейт. 1812 г., т. ХСVII, янв., 83, т. ХСIX, июль, 206—211, сент., 680—693, т. С, окт., 223, декаб., 702, 707.

Тютчевъ, Д., 1806 г., томъ ХСVII, мартъ, 557, 558.
 Тютчевъ, Фед. Ив., писат., † 1873 г., т. С, окт., 195.
 Тютчевъ, чл. совѣтн. деп-а удѣловъ 1872 г., т. ХСVII, янв., 146, 151.
 Тяжельниковъ, команд. Житомирск. пол. 1878 г., т. С, декаб., 607.

У.

Уварова, гр-ня, П. С., т. ХСVIII, май, 337—351.
 Уваровъ, Фед. Петров., ген.-ад., команд. гвард. корп., р. 1769 г., ум. 1824 г., т. ХСVII, февр., 259, 293, т. ХСVIII, апр., 228, июнь, 529, 589, 627, 641, т. ХСIX, июль, 224, т. С, окт., 223, 226.
 Уваровъ, гр., Серг. Семен., мин. народн. проsv., ум. 1855 г., т. ХСVII, январь, 213—237, февр., 465—476, мартъ, 463, 610, 611, т. ХСVIII, май, 266, 337—350, т. ХСIX, июль, 35, сент., 528, т. С, окт., 10—12, 199, декаб., 507, 584.
 Угланскій, профес., т. ХСVIII, июнь, 682—692.
 Украинцевъ, посолъ въ Константиноп. 1699 г., т. С, нояб., 255, 256.
 Урусовъ, кн., Фед. Семенов., 1700 г., т. С, нояб., 248.
 Урюпинъ, харьковск. городск. голова 1803 г., т. ХСVIII, июнь, 499.
 Устюжской, дьячекъ при русск. посольск. церкви въ Парижѣ, 1857 г., т. ХСVII, февр., 359.
 Уткинъ, Борисъ Ис., профес. † 1872 г., т. ХСVII, янв., 144, 147, 154.
 Уткинъ, Н. И., граверъ, т. ХСIX, сент., 713.
 Ушаковъ, адм. 1800 г., т. ХСIX, авг., 356, 456, т. С, декаб., 563, 565.
 Ушаковъ, корнетъ 1799 г., т. С, декаб., 565.
 Ушаковъ, П. А., оф. 1878 г., т. ХСIX, сент., 632.
 Ушницкій, Конст. Дм., педаг. 1856 г., т. С, декаб., 585.

Ф.

Фадѣевъ, Андрей Мих., саратовск. губернат., 1845 г., т. ХСVIII, апр., 205—219, июнь, 501.
 Фадѣевъ, Ростисл. Андреев., ген.-м., воен. писат., т. ХСVIII, апр., 215, 218.
 Фави, ген. 1825 г., т. ХСVII, февр., 426.
 Фадеевская, Евва, писат-ца 1861 г., т. С, нояб., 469.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1899 г. т. С. ДЕКАБРЬ.

Федкинскій, всендѣя 1861 г., томъ С, нояб., 469, декаб., 668—696.
 Федлицынъ, оф. 1878 г., т. С, декаб., 607.
 Федлицынъ, директ. витебск. гимназ., т. ХСVIII, июнь, 690.
 Федьмантъ, Ф. А., полковн., воен. агентъ въ Вѣнѣ 1878 г., т. ХСVII, февр., 337—342, томъ ХСVIII, июнь, 616.
 Фенъшъ, кievск. воен. губерн., 1800 г., т. ХСVIII, июль, 495, 496.
 Ференъ, ген. 1797 г., т. С, декаб., 562.
 Фесляръ, Игнатій - Аврелій, масонъ, писат. р. 1756 г., † 1839 г., томъ ХСVII, янв., 234, февр., 297—313, мартъ, 630.
 Фетъ (Шеншинъ), Ае. Ае., поэтъ, т. С, нояб., 418.
 Филаретъ (Василій Дроздовъ), митр. москов., р. 1782 г., † 1867 г., т. ХСVII, янв., 213, т. ХСVIII, апр., 78, т. ХСIX, июль, 112—114, авг., 272, т. С, окт., 238.
 Филаретъ, Романовъ, патриархъ, т. ХСVIII, апр., 186.
 Филаретъ, архіеи. рижск., потомъ харьковск., т. С, нояб., 373.
 Филипповъ, поруч. 1842 г., т. ХСIX, сент., 502.
 Фитингофъ, подполковн. 1837 г., т. ХСIX, сент., 496.
 Фишеръ, педагогъ 1850 г., т. С, декаб., 584.
 Фишеръ, всендѣя 1861 г., т. С, нояб., 456.
 Фіалковский, варшавск. арх. 1861 г., т. С, окт., 121, 123, нояб., 475, декаб., 691, 693.
 Флаксландъ, чл. баварской депутац. Мавльгайс. ордена въ Сиб. 1779 г., т. ХСIX, авг., 345.
 Флерж, ген. фр. службы, послан. въ Сиб., р. 1815 г., т. ХСVIII, июнь, 695—711, т. ХСIX, июль, 145—168, авг., 427—452.
 Фогель, профес., 1836 г., т. С, окт., 104.
 Фойгтъ, профес., 1846 г., вполн. по-печит. Харьков. унив., т. С, нояб., 413, 414, 416.
 Фольъ, А. Б., ген.-лейт., 1807 г., томъ ХСIX, июль, 205, 206, 216, сент., 677, 689.
 Фокъ, Максимъ Яковлев., управл. цензурн. комитет. 1842 г., т. ХСVIII, май, 279.
 Форъ, Феликсъ, презид. Франц. республ. † 1899 г., т. ХСVII, мартъ, 603—606.
 Фотій, архиманд. Юрьева новгород. монаст. 1824 г., т. ХСVIII, июль,

- 529, 530, т. ХСІХ, іюль, 106, сент, 622, т. С, нояб., 319—324.
- Фсфановъ**, кап.-лейт. 1839 г., томъ ХСVII, февр., 422.
- Фредерикъ**, баронесса, статсъ-дама 1842 г., т. ХСІХ, сент, 508.
- Фредерикъ**, Ермолай Карлов., полковн., управл. гор. Павловскомъ 1825 г., т. ХСVII, янв., 99, мартъ, 674.
- Фреве**, А. А., подполковн. 1878 г., т. ХСVII, янв., 118—133, т. ХСVIII, іюнь, 599—617, т. ХСІХ, іюль, 79, 89, авг., 392, 393.
- Фрейтагъ**, ценз. 1857 г., т. ХСVIII, май, 279, томъ С, декаб., 590, 592, 594.
- Фрейтагъ**, ген. 1839 г., томъ ХСVII, февр., 435.
- Фридбергъ**, Петръ Ив., цензоръ драматич. соч-ій 1862 г., томъ ХСІХ, іюль, 223.
- Фридерикъ**, ген., команд. Москов. полка 1825 г., т. ХСVII, февр., 317, 318, 320.
- Фроловъ-Вагрьевъ**, д. тайн. совѣт. 1839 г., т. ХСІХ, іюль, 7.
- Фукусъ**, Александра Андреев., томъ ХСVIII, май, 257—262.
- Фукусъ**, Викт. Яков., чиновн. особ. поруч. при мин-ѣ вв. дѣлъ 1862 г., т. ХСІХ, іюль, 227, 228, 231.
- Фукусъ**, Карлъ Фед., профес., писат., 1844 г., т. ХСVIII, май, 257—260.
- Фусъ**, чл. главн. правл. учил., томъ ХСVII, мартъ, 612.
- Х.**
- Ханьковъ**, управл. дѣлами комит. мин-въ 1843 г., т. С, нояб., 267, 268, 480.
- Харлевицъ**, В. И., сообщ.: „Донесеніе ковенскаго полиціймейстера, майора Бистрома, литовскому военному губернатору, генералъ-отъ-инфантеріи Римскому-Корсакову“, т. ХСVII, мартъ, 570.
- Хатовъ**, Александр. Ив., директ. воен. ученаго комит., † 1846 г., т. ХСVII, мартъ, 660.
- Хвостова**, Александра Петров., томъ ХСVII, февр., 300.
- Херасковъ**, Мих. Матв., писат., кураторъ москов. ун-ва, род. 1733 г., † 1807 г., т. ХСVII, февр., 290, т. С, окт., 60.
- Хивияновъ**, В., профес., т. ХСІХ, іюль, 40.
- Хилковъ**, кн., секретарь ф-мы Маріи Θεодоровны 1825 г., т. ХСVII, янв., 95, 103, февр., 317, 320, мартъ, 667—679.
- Хилковъ**, кн., 1797 г., т. С, дек. 563.
- Хитрово**, Богд. Матв., бояр. 1700 т. С, нояб., 248.
- Хитрово**, М. А., дипломатъ 1878 т. ХСVII, янв., 123, 125, 127, фе 347, мартъ, 633, 641, 645, т. ХСV апр., 142, май, 398.
- Хитрово**, ген.-м. 1797 г., т. С, дек. 566.
- Хлопцкій**, Іосифъ, польск. гене диктат. 1830 г., р. 1771 г., † 1854 томъ ХСІХ, авг., 291, т. С, дека 534.
- Хмельницкій**, Н. И., т. ХСІХ, сев. 604.
- Хованскій**, кн., смоленск. ген.-бернат. 1803 г., т. ХСVIII, іюль 505, т. С, декаб., 532.
- Холмогоровъ**, переводчикъ перскаго поэта Саади, т. С, нояб., 416.
- Жомутова**, А. Гр., 1827 г., т. ХСІХ, сент., 518.
- Хомяковъ**, Алексій Степ., профес., писат., † 1860 г., т. ХСVII, февр. 410, мартъ, 515, 525, 526, т. ХСVIII апр., 57, іюнь, 546, т. С, окт., 207.
- Храповицкій**, Ив. Сем., спб. губернат., съ 1829—1835 г., т. ХСVII янв., 239.
- Христиани**, Хр. Хр., полковн. 1825 г. вполс. начальн. нижев. учил., томъ ХСVII, февр., 320.
- Хрущевъ**, Дм. Петров., директ. деп. духовн. дѣлъ 1856 г., т. ХСVII янв., 43—50, февр., 268, 271, мартъ 583, 667.
- Хрущевъ**, ген.-м., люблинск. губернат. 1861 г., т. С, окт., 131.
- Ц.**
- Царевскій**, т. ХСІХ, іюль, 129.
- Цев**, Васил. Андреев., предсѣд. спб. депутат. комит. 1862 г., сенат., т. ХСІХ, авг., 472.
- Цейдлеръ**, нижегородск. полиціймейст. 1861 г., томъ ХСVII, мартъ 572.
- Цеймеръ**, М. К., 1846 г., т. С, декаб., 666.
- Церейкъ**, цензоръ 1830 г., т. ХСІХ, сент., 666.
- Цицановъ**, кн., ген. 1839 г., т. ХСVII, февр., 433, т. ХСVIII, іюнь, 504.
- Цыбурицъ**, Ф., профес., 1841 г. томъ ХСІХ, іюль, 34.

Ч.

- Чадаевъ**, Петръ Яковл., масонъ, т. ХСVII, февр., 358, 360, мартъ, 490.
- Чаплица**, ген.-м. 1807 г., т. ХСIX, сент., 693.
- Чаплица**, полковн. 1839 г., т. ХСVII, февр., 423.
- Чапский**, гр., Эмерикъ Карлов., новгород. вице-губерн. 1862 г., слб. вице-губ. 1866 г., директ. лѣсн. деп. съ 1875—1879 г., томъ ХСIX, авг., 469.
- Чарторыйскій**, кн., Адамъ, мин. ин. дѣлъ 1805 г., т. ХСVII, янв., 134, т. ХСVIII, июль, 629, 660—667, т. ХСIX, авг., 249—270, 417, т. С, окт., 83—87, декаб., 697.
- Чащій**, гр., томъ ХСVII, янв., 235, февр., 469, 470.
- Чеботаревъ**, Х. А., профес. 1808 г., т. ХСVII, янв., 223, февр., 290.
- Чебышевъ-Дмитриевъ**, профес., томъ ХСVIII, июнь, 676—689.
- Чебышевъ**, ген. 1839 г., т. ХСVII, февр., 430.
- Чевкинъ**, Конст. Владим., ген.-ад., главноуправл. пут. сообщ., р. 1803 г., † 1875 г., т. ХСVII, янв., 58, февр., 285, т. ХСVIII, апр., прилож., 121, т. С, окт., 18, нояб., 325, 326.
- Чемаловскій**, Петръ Петров., вице-презид. акад. худож., ум. 1827 г., т. ХСVII, мартъ, 661.
- Челищевъ**, офиц. 1839 г., т. ХСVII, янв., 177.
- Черепановъ**, Н. Е., профес. 1808 г., т. ХСVII, янв., 223.
- Черкасозъ**, бар., Алексѣй, декаб., т. ХСIX, сент., 568.
- Черкасозъ**, гл. полевой контролеръ 1878 г., т. ХСIX, июль, 92.
- Черкасскій**, кн., Влад. Александр., чл. редакц. ком. 1863 г., управл. гражд. частью въ Болгаріи 1877 г., ум. 1878 г., томъ ХСVII, янв., 57, февр., 286, 287, 382, мартъ, 582, 598, т. ХСVIII, апр., 123, т. ХСIX, июль, 92—95, т. С, декаб., 606.
- Черняковъ**, воспитат. пажеск. корп. 1816 г., т. ХСVII, янв., 165.
- Черновобовъ**, полковн. 1878 г., томъ С, декаб., 623, 630, 631.
- Чернышевскій**, писат., т. С, декаб., 589.
- Чернышевъ**, гр., Александръ Ив., воен. мин., ум. 1852 г., т. ХСVII, февр., 415, мартъ, 666, 667, томъ ХСVIII, апрѣль, 38, июнь, 518, 521, 627, 641, т. ХСIX, авг., 276—294,

- сент., 498, т. С, окт., 44, нояб., 275, декаб., 539, 549.
- Чернышевъ**, Алексѣй, художникъ, 1840 г., т. ХСIX, авг., 372, 373.
- Чернышевъ**, гр., Захаръ, декаб., т. ХСIX, сент., 568.
- Чернышевъ**, Мих. Григ., ген. 1878 г. т. ХСVII, янв., 110, 111.
- Чернаевъ**, П., авт. ст. „А. С. Пушкинъ какъ любит. античнаго міра“, т. ХСIX, авг., 297.
- Чертовъ**, ген.-м. 1862 г., т. ХСIX, июль, 229.
- Чижовъ**, Фед. Васильев., р. 1811 г., ум. 1877 г., т. С, нояб., 369—374.
- Чилевъ**, оф. 1878 г., т. С, декаб., 609.
- Чистяковъ**, Мих. Борисов., педагогъ, т. ХСVIII, май, 423.
- Чихачевъ**, шт.-кап. 1812 г., т. ХСIX, сент., 649, 650.
- Чихачевъ**, слб. об.-полиційм. 1825 г., т. ХСVII, янв., 104.
- Чихачовъ**, Пав. Василь, адмир., т. С, окт., 83, декаб., 562.
- Чичеринъ**, сибирск. ген.-губернат., т. ХСVII, мартъ, 665, т. ХСVIII, май, 418.
- Чугуновъ**, профес., т. ХСVIII, июнь, 679.
- Чумиковъ**, А., сообщ.: „Мои цензурныя мнтарства“, т. ХСIX, сент., 617—627, т. С, декаб., 583—600.
- Чупинъ**, началн. горнозавод. учил. въ Екатеринб., т. ХСIX, июль, 138.
- Чупровъ**, профес. 1898 г., т. С, нояб., 317.

III.

- Шаликовъ**, кн., писат., т. ХСVII, февр., 259.
- Шамбинаго**, С. К., сообщ.: „Дѣло объ оскорбленіи Г. Р. Державина почтѣ содержателемъ станціи Лопасни“, т. ХСVIII, июнь, 713—715.
- Шамилъ**, имамъ Чечни и Дагестана, ум. 1871 г., т. ХСVII, февр., 415—436.
- Шафировъ**, бар., Петръ Павл., кавцл., р. 1671 г., ум. 1739 г., т. ХСVIII, апр., 239, 240.
- Шафранскій**, полковн. 1839 г., томъ ХСVII, февр., 426, 427.
- Шаховской**, кн. Александръ Александр., драматургъ, р. 1777 г., ум. 1846 г., т. ХСVII, февр., 469, 470, т. ХСIX, сент., 601, 604.
- Шаховской**, кн., И. О., нач. штаба Варшавск. окр. 1878 г., т. ХСVII, янв., 114.

- Шаховской, кн., Н. Григ., помѣщ. 1804 г., т. XCVII, янв., 16, 17.
- Шаховской, кн., ген.-прокур. 1761 г., т. XCVIII, апр., 31.
- Шаховской, кн., ген.-провантмейст. 1807 г., т. XCVIII, июнь, 591.
- Шаховской, кн., ген.-лейт. 1878 г., т. XCIX, сент., 644, 648, т. С, окт., 153—174, нояб., 340, 341.
- Шахурманъ, Егоръ Аванасьев., совѣтн. слб. губери. правл., 1831 г., т. XCVII, янв., 239.
- Шварцъ, Павелъ, чл.-корреспонд. учен. комитета мин. госуд. имущ. 1835 г., т. XCVII, янв., 237.
- Шварцъ, профес., мартиность, томъ XCVII, янв., 73, февр., 292.
- Шведовъ, профес. 1862 г., т. XCVII, янв., 144.
- Шебеко, ген.-м. 1878 г., т. XCVII, янв., 122.
- Шевалье, артистка 1800 г., т. XCIX, сент., 540, 541, 543.
- Шевырявъ, Степ. Петров., профес., р. 1806 г., ум. 1864 г., т. XCVIII, май, 331, июнь, 560, т. XCIX, июль, 33, сент., 711, 712, т. С, окт., 193, 207, 208, нояб., 373, декаб., 522.
- Шениъ, Алексѣй Семенов., генера-лссимусъ 1700 г., т. С, нояб., 248, 250.
- Шейвъ, Пав. Вячес., томъ С, окт., 206.
- Шехмигъ (Фенъ), Аванас. Аванас., поэтъ, р. 1820 г., ум. 1892 г., томъ XCVII, февр., 429, мартъ, 489.
- Шеншинъ, Аванас. Нефедьев., томъ XCVII, февр., 429.
- Шеншигъ, ген., ум. 1825 г., т. XCVII, февр., 318.
- Шенелевъ, ген.-лейт., плочъ. губернат. 1861 г., т. С, окт., 131.
- Шервудъ-Върный, томъ XCIX, авг., 426.
- Шереметевъ, В. А., мин. госуд. им., т. XCVII, янв., 71.
- Шереметевъ, Васи. Сергѣев., 1800 г., т. XCVII, февр., 251.
- Шереметевъ, гр., об.-камерг., 1800 г., т. XCIX, сент., 540.
- Шереметевъ, слб. губернат. 1841 г., т. С, окт., 41, 44.
- Шестаковъ, адм., т. XCIX, июль, 93.
- Шестаковъ, Петръ Дмитр., попочит. казанск. учебн. окр., род. 1826 г., ум. 1890 г., т. XCVIII, июнь, 690.
- Шетравъ, Л. Н., об.-прокур. 6 деп. сената 1805 г., томъ XCVII, февр., 400.
- Шидловскій, А. Ѡ., 1820 г., т. XCIX, сент., 599.
- Шидловскій, Леонтій, дворян. 1840 г., т. С, нояб., 480.
- Шидловскій, Мих. Никол., правит. особой канц. мин. вн. дѣлъ, вполн. одесск. градонач. съ 1865 по 1868 г., ум. 1896 г., т. XCVIII, авг., 113, 115, т. XCIX, июль, 231.
- Шильдеръ, Никол. Карл., ген.-лейт., воен. писат., историкъ, сообщ.: „Два доноса въ 1831 г.“, т. XCVII, янв., 67—87, февр., 289—314, мартъ, 607—631, „Наказуиъ эрфуртскаго свиданія 1808 г.“, т. XCVIII, апр., 2—24, „Представители Россіи на Вѣнскомъ конгрессѣ въ 1815 г.“, июнь, 627—650, „Изъ воспоминаній прусскаго фл.-ад. Малаховскаго 1813—1820 г.“, авг., 327—344, сент., 571—586, „Состояніе царства польскаго въ 1861 и 1862 г. Всеподданнѣйшія донесенія ген.-ад. кн. М. Д. Горчакова“, т. С, окт., 115—184, „Письма генерала Гедевича къ *** въ 1861 г.“, 135—150, „Изъ воспоминаній Михайловскаго - Данилевскаго, 1819—1821 г.“, томъ С, декаб., 547—563, „Плѣнникъ Евроны“, 635—654, ул., т. XCIX, июль, 97—114, авг., 258, 401—426.
- Шильдеръ - Шульдеръ, ген.-лейт. 1878 г., т. XCIX, сент., 643, т. С, окт., 173.
- Шиповъ, ген.-ад. 1826 г., т. XCVII, февр., 323.
- Ширяевскій - Шикматовъ, кн., мин. нар. проsv., т. XCIX, июль, 35.
- Ширшовъ, Фед., курск. помѣщ., томъ XCVIII, апр., 66, 67.
- Шинковъ, Александр. Семенов., адм., ми-ръ народн. проsv., род. 1763 г., ум. 1841 г., т. XCVII, янв., 213, 215, т. XCIX, авг., 402, 408, 414.
- Шиншовъ, разаяск. губернат. 1802 г., т. XCVII, мартъ, 552, 554.
- Шленкеръ, 1861 г., т. С, окт., 121.
- Шмидтъ, докт. 1844 г., т. С, дек., 496.
- Шнитковъ, ген.-м. 1878 г., т. XCIX, сент., 644, т. С, окт., 154.
- Шомгулевъ, В. А., т. XCVIII, апр., 221—224.
- Шпилевскій, С. М., директ. Демидовск. ярославск. лицея, т. XCVIII, июнь, 689.
- Штапельбергъ, гр., послан. въ Парижъ 1870 г., томъ XCVIII, июнь, 645—650, 698, 709.
- Штапельбергъ, гр., офиц. 1878 г., т. С, декаб., 607.
- Штампенштейндеръ, архитект. 1840 г., т. С, окт., 57.
- Штейнгель, бар., Влад. Ив., декаб., род. 1784 г., ум. 1862 г., т. XCIX, сент., 568, т. С, нояб., 333, 334.
- Штейнгель, ген. 1807 г., т. XCIX, сент., 690.

Штенгеръ, полковн. 1826 г., т. ХСVII, мартъ, 665.

Штиглицъ, бар., банкиръ, т. С, декаб., 517.

Шторхъ, Андрей Карлов., вице-президентъ акад. наукъ, род. 1766 г., ум. 1834 г., т. ХСVII, февр., 477, 478, т. С, окт., 62.

Штофрегенъ, лейбъ-мед. им-цы Елисаветы Алексѣевны, т. ХСVII, янв., 107.

Штуттергеймъ, подполковн. 1807 г., т. ХСIX, сент., 681, 682.

Шуазель-Гуффе, гр., Огюсть-Лоранъ, презид. акад. худож., директ. публичной библ 1800 г., т. ХСIX, сент., 555.

Шуваловъ, Александр. Ив., т. ХСVIII, апр., 30, 33, 35.

Шуваловъ, гр., Андрей Петр., поэтъ, род. 1744 г., ум. 1789 г., томъ С, окт., 60.

Шуваловъ, Ив. Ив., сенат., р 1727 г., ум. 1798 г., т. ХСVII, февр., 289, т. ХСVIII, апр., 30, 32, 33.

Шуваловъ, гр., Павелъ Андр., ген. 1878 г., т. ХСVII, янв., 115.

Шуваловъ, Петръ Ив., т. ХСVIII, апр., 30, 35

Шуваковъ, гр., Петръ Андр., прибалт. ген. губ., вполн. шефъ жанд., посолъ въ Лондонъ 1866 г., т. ХСVII, янв., 65, т. ХСVIII, апр., прилож., 121, июль, 704, т. ХСIX, сент., 701, т. С, окт., прил. 293, 299, 300, нояб., прилож., 306, 310, 314.

Шуваковъ, землевлад. 1861 г., томъ ХСVIII, мартъ, 577, 578, 579, 580, 584.

Шуваковъ, гр., управл. деп. общинъ дѣль мн-ва вн. дѣлъ 1862 г., томъ ХСIX, июль, 236.

Шуваковъ, гр., гофмарш. 1844 г., т. С, декаб., 501.

Шуваковъ, гр., шт.-ротм. 1796 г., т. С, декаб., 561.

Шуйскій, Василий, царь, р. 1542 г., ум. 1612 г., т. ХСVIII, апр., 180—187, май, 463, т. ХСIX, июль, 174, 188—202, т. С, нояб., 421, 422, 426

Шуйскій, кн., Дм., бояринъ 1606 г., т. С, нояб., 430, 431.

Шуйское, князья, томъ ХСVII, янв., 193, 196, 208.

Шудлинъ, москов. об. полиціймейст. 1826 г., т. ХСIX, авг., 319.

Шульцъ, Пав. Антонов., вице-директ. деп. духов. дѣлъ и исповѣд. 1862 г., т. ХСIX, июль, 237.

Шумахеръ, Александр. Давидов., директ. хов. деп. мн-ва вн. дѣлъ въ 1861—1878 г., ум. 1898 г., т. ХСIX, июль, 235.

Шумигорскій, Евг. Севастіанов., сообщ.: „Воцареніе императора Николая I. Изъ дневника Г. И. Вилламова“, т. ХСVII, янв., 89—108, февр., 315—331, мартъ, 665—689, „Императрица Екатерина II въ началѣ царствованія Петра III. Ея автобиографическая записка“, томъ ХСVIII, апр., 25—37, „Записка баварца о Россіи временъ императора Павла“, томъ ХСIX, авг., 345—362, сент., 537—557, т. С, окт., 59—78, упом. 91.

Шумскій, М., воспитан. гр. Аракчеева, т. ХСIX, сент., 714.

Щ.

Щаповъ, профес., томъ ХСIX, июль, 141, 142.

Щедринъ, архитект. 1840 г., т. С, окт., 57.

Щенникъ-Ростовскій, кн., декаб., т. ХСVII, февр., 320.

Щенникъ, Мих. Сем., артистъ, род. 1789 г., ум. 1863 г., т. ХСVII, янв., 16.

Щербатова, кн., Марія Анастасьев., рожд. Отольчина, т. ХСVIII, апр., 221.

Щербатовъ, кн., Алексѣй Григор., ген.-ад., 1807, предсѣдат. ген.-аудиторіала 1832 г., т. ХСVII, янв., 227, т. ХСIX, июль, 10, 11, 213, авг., 352, т. С, окт., 224—228, декаб., 704.

Щербатовъ, кн., Владим. Алексѣев., саратов. предвод. двор. 1862 г., т. ХСVIII, апр., 221—224.

Щербатовъ, кн., Г. А., предсѣд. цензурн. комит. 1850 г., т. С, декаб., 585, 586, 587, 589, 590.

Щербатовъ, кн., Семень, 1723 г., т. ХСIX, авг., 374.

Щербина, Ник. Мих., писат., томъ ХСVII, февр., 359, т. С, окт., 206.

Щербининъ, Мих. Александр., офиц. генер.-штаба, писат., р. 1795 г., т. ХСIX, сент., 589.

Щербининъ, Мих. Павлов., предсѣд. москов. цензурн. комит. 1862 г., т. ХСIX, авг., 472, 473.

Э.

Эвальдъ, Влад. Фед., т. ХСVIII, май, 267.

Эверсманъ, профес. 1839 г., томъ С, нояб., 409.

Эверсъ, Іоганнъ Филиппъ, профес., р. 1781 г., ум. 1830 г., т. ХСVII, янв. 231, 232.

Экстенъ, полковн. артил. 1878 г., т. ХСІХ, авг., 393.
 Эльжановскій, полковн. 1878 г., т. С, декаб., 608.
 Эльмитъ, гр., фельдм. 1797 г., т. С, декаб., 562.
 Энгельгардтъ, В. В., т. ХСІХ, сент., 589, 594.
 Энгельгардтъ, Егоръ Антонов., директор. Царскос. лицей, род. 1775 г., ум. 1862 г., т. ХСVII, февр., 477, т. ХСІХ, сент., 520, 521.
 Энгельгардтъ, Л. Н., томъ ХСVIII, июнь, 669.
 Энгель, Иоганнъ-Христіанъ, истор., род. 1770 г., ум. 1814 г., т. ХСVII, янв., 226, 227.
 Энгель, Ф. И., 1831 г., томъ ХСVII, февр., 292, 293.
 Энгель, сенат. 1830 г., т. С, декаб., 532, 540.
 Энгельманъ, ген.-м. 1878 г., т. С, декаб., 614.
 Эндель, контролеръ при Сиб. опекун. совѣтѣ 1825 г., томъ ХСVII, февр., 323, 331, мартъ, 666, 671.
 Эрדманъ, профессоръ, восточн. яз. 1820 г., т. С, нояб., 415.
 Эркрогъ, ген. 1878 г., томъ С, декаб., 608.
 Эссенъ, Ив. Никол., ген.-лейт. 1812 г., т. ХСVIII, июнь, 588, т. ХСІХ, июль, 216, 224, сент., 651, 652, 677, 686, т. С, окт., 218, 222, декаб., 709.
 Эссенъ, Петръ Кирил., оренб. ген.-губ. съ 1817—1830 г., сиб. ген.-губ., ум. 1844 г., т. ХСVII, янв., 239, т. ХСІХ, июль, 65, авг., 295, 366, 368, сент., 655, т. С, окт., 37—45, декаб., 481, 482.
 Эттингеръ, Августъ Александр., лифланд. губернат. съ 1862—1868 г., т. ХСІХ, авг., 470.

Ю.

Юдинъ, П., сообщ.: „Григорій Федоровичъ Генсъ, первый директор Оренбургск. Неплюевского кадетскаго корпуса“, т. ХСІХ, авг., 363—373.
 Юефовичъ, Ва. М., т. ХСІХ, июль, 35, 38, 40.
 Юневичъ, Казиміръ Давыд., художн., 1848 г., т. С, окт., 13.
 Юрьевичъ, ген. 1842 г., т. С, окт., 28.
 Юрьевъ, Федъ Филип., лейбъ-уланъ 1820 г., т. ХСІХ, сент., 589, 594.
 Юсупова, княг., рожд. Нарышкина, т. ХСІХ, июль, 9, 10.
 Юсуповъ, кн., Борисъ Никол., пере-

мовіймейст. 1839 г., томъ ХСІХ, июль, 9.

Юсуповъ, кн., Никол. Борисов., помѣщ. 1805 г., т. ХСVII, янв., 17, 18, февр., 246.
 Юсуповъ, кн., помѣщ. 1820 г., томъ ХСІХ, сент., 576.
 Юшковъ, Петръ Ив., тайн. совѣтн. 1805 г., т. ХСVII, янв., 17, 21, 25.
 Юшневская, Марія Казиміров., супруга декабр., т. ХСІХ, сент., 660.

Я.

Яблочковъ, нижеп. 1878 г., т. ХСVII, февр., 333.
 Языковъ, Александръ Мнх., т. ХСVII, янв., 217, т. ХСVIII, апр., 45.
 Языковъ, Никол. Мнх., поэтъ, томъ ХСVII, мартъ, 500—529, т. ХСVIII, апр., 39—50, июнь, 550—554, т. С, нояб., 360.
 Яковлевъ, Алексѣй Ив., 1844 г., томъ С, декаб., 498.
 Яковлевъ, Аванас. камергеръ, 1757 г., т. С, окт., 230.
 Яковлевъ, М. Я., т. ХСІХ, авг., 301.
 Якубовичъ, А. И., декабр., т. ХСVII, февр., 318, т. ХСVIII, апр., 65, 74, июнь, 483, т. ХСІХ, авг., 267, 269, сент., 590.
 Якубовскій, офиц. 1865 г., т. ХСVII, февр., 334.
 Якушкинъ, В. Е., декаб., т. ХСІХ, сент., 709.
 Яншевскій, Эрастъ Петров., профес., т. ХСVIII, июнь, 678, 679.
 Ярославцевъ, цензоръ 1857 г., т. С, декаб., 594.
 Ястрембскій, ксендзъ 1861 г., т. С, нояб., 456, 462.

Е.

Еедоровъ, Борисъ Мнх., т. ХСVII, янв., 211.
 Еедоровъ, астрономъ 1835 г., т. ХСІХ, июль, 34.
 Еедоръ Іоанновичъ, царь, т. ХСVII, янв., 192—200, февр., 443, 445, томъ ХСVIII, апр., 186.
 Ееофанъ, еписк. Владимірс., т. С, нояб., 384.
 Ееофилактъ Русановъ, архіер., томъ ХСVII, янв., 234, февр., 803, томъ ХСVIII, июнь, 501.
 Ейрсовъ, Никол. Алексѣев., профес., т. ХСVIII, июнь, 678, 682, 688, 689, т. ХСІХ, июль, 133—144.

Указатель составил В. В. Тимошукъ.

о набожности съ XV вѣка, а въ восемнадцатой—объ исправленіи книгъ и началъ раскола.

Предметъ 19-й главы составляетъ обзоръ дѣятельности Кіевской школы, а также и Симеона Полоцкого. 20-я глава заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Сильвестра Медвѣдова, патріарха Іоанннса и Дм. Ростовскаго.

Въ 21-й главѣ, г. П и п и н ѣ, сообщены біографическія свѣдѣнія о подъячѣмъ Посольскаго приказа Григ. Котошникѣ, разбираетъ его сочиненіе о Московскомъ государствѣ. Главнѣйшій интересъ Котошникина и историческая его цѣнность заключаются,—по словамъ автора,—кромя богатаго собранія фактовъ, гдѣ онъ является иногда единственнымъ источникомъ, именно въ новолѣ направленіи его взглядовъ, въ критическомъ отношеніи къ московской средѣ, въ видномъ желаніи, чтобы недостатки этой среды были наконецъ исправлены образованіемъ и лучшими нравами, которые должны съ ними придти. Книга важна исторически какъ предчувствіе другаго порядка вещей, когда московское государство пойдетъ одними путемъ съ образованными народами, когда въ немъ, какъ „въ новыхъ государствахъ“, получатъ свое право наука и явятся люди „студерованные“.

Въ 22-й гл.—Лѣтопись и исторія—авторъ рассматриваетъ лѣтописные своды XVI в. Происхожденіе лѣтописныхъ сводовъ XVI в., которые известны теперь подъ названіемъ Софійскаго Временника, Воскресенскій лѣтописи, Никоновскій лѣтописи, Царственной книги, — замѣчаетъ А. Н. Пининъ,—ближайшимъ образомъ до сихъ поръ не выяснено. Самымъ замѣчательнымъ сводомъ XVI вѣка была „Степенная книга“. Степенною она была названа потому, что наложеніе событій расположено въ ней по родословнымъ степенямъ великихъ князей; этихъ степеней отъ Владиміра и до половины XVI в. было насчитано семнадцать. Такимъ образомъ первая попытка внести какую-либо историческую систему или расчлененіе въ безформенную массу лѣтописи приближалась къ вѣчному установленію великокняжеской генеалогіи. Далѣе авторъ говоритъ о сказаніяхъ смутнаго времени и оканчиваетъ главу разборомъ „Исторіи“ дядяа Феодора Грибодова, Хроникъ Феодосія Сафоновича, „Синоисиса“ и сочиненія Манкіева „Лѣто російской исторіи“.

Въ послѣдней, 23-й, главѣ втораго тома, озаглавленной Поздняя повѣсть, авторъ рассматриваетъ прежде всего полусторическіе рассказы, затѣмъ повѣсти восточныя, повѣсти, заимствованныя съ запада; рыцарскіе романы, апофеогматы, смѣхотворная повѣсти, шуточные рассказы и, наконецъ, повѣсти русскія (Сказаніе о Савѣ Грудцкѣй, повѣсти о Горь-Злосчастіи и о Фролѣ Скобѣевѣ).

Въ 24-й гл., котораю начинается т р е

т і й томъ, и въ двухъ слѣдующихъ главахъ рѣчь идетъ о народной поэзіи (въ судьбѣ въ древней письменности, ея основн, наслояхъ и литературнаго водвѣствія).

Главы 27-я по 30-ую обнимаютъ собою времена Петра Великаго; въ 31-й разобрана дѣятельность Теофана Прокоповича послѣ смерти Петра; далѣе говорится объ Ант. Кантемирѣ и Татищевѣ.

Въ 32-й гл. мы находимъ интересныя подробности о театрѣ при Петрѣ Великомъ, объ иностранныхъ актерахъ и оперѣ при Антѣ Іоанновѣ и о русской сценѣ при Елизаветѣ Петровнѣ.

Сказавъ въ началѣ 33-й главы, о литературномъ трудѣ, какъ профессіи въ половинѣ XVIII в., о первыхъ „писателяхъ“, читавшей публикѣ и критикѣ, авторъ въ дальнѣйшемъ своемъ наложеніи останавливается на школѣ XVIII в.: Славяно-греко-російской академіи, духовныхъ школахъ, свѣтскихъ училищахъ со времени Петра: Академіи наукъ и академической гимназіи; шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, медицинскій школѣ и др.; далѣе говорится о тогдашнемъ образованіи за границей и объ основаніи Московскаго университета.

34-я глава отведена обзорно дѣятельности Тредьяковскаго и Сумарокова, а 35-я, послѣдняя въ третьемъ томѣ,—имѣетъ своимъ предметомъ дѣятельность Ломоносова.

Первыя три главы (36, 37 и 38) четвертаго тома озаглавлены А. Н. Пининъ—Времена Екатерины II, а въ 39-й онъ говоритъ о Карамзинѣ и Жуковскомъ.

Въ 40-й гл. разобрана дѣятельность Крылова, Озерова, Гибякина и Валушкина, а въ слѣдующей—Грибодова.

Пушкинъ и его сверстники составляютъ предметъ 42-й и 43-главъ.

Въ 44-й главѣ авторъ говоритъ о Гоголѣ, а въ 45-й—о Лермонтовѣ и Кольцовѣ.

Въ послѣдней, 46-й, главѣ—п о с л ѣ Г о г о л я—А. Н. Пининъ, прежде всего, останавливается на вопросѣ: какъ опредѣлялось въ нашей критикѣ историческое дѣйствіе Пушкина и Гоголя? затѣмъ говоритъ о дальнѣйшемъ развитіи русской литературы изъ основъ, положенныхъ этими двумя писателями, въ новомъ поколѣніи литературныхъ силъ и въ новыхъ дѣлахъ образованія и обществности.

Вотъ въ краткомъ пересказѣ содержаніе труда А. Н. Пинина.

Хотя, — какъ замѣчаетъ самъ авторъ въ предисловіи къ IV т. своего труда,—въ строго научномъ смыслѣ, въ исторіи русской литературы еще не можетъ быть рѣчи о законченности изслѣдованія, — тѣмъ не менше трудъ А. Н. Пинина, по богатству содержанія, способамъ изслѣдованія и критическому анализу, несомнѣнно займетъ первое мѣсто въ исторіи русской литературы.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
1900 г.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкой. За границу **ОДИННАДЦАТЬ руб.**— въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ— въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлингъ (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсамова). Въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. В. Ф. Духовникова (Нѣвская ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гр. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Зѣвскія и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о важныхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живописанія и матеріалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныя, ученыхъ, военныхъ, вѣстателей духовности и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобиографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Статьи о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакцію.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію для печатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи Русскую Старину за слѣдующіе годы: 1876—1880, по 8 рублей; 1881 г. 1884 г. 1885 г. и съ 1888—1899 по 9 рублей.

Въ конторѣ редакціи илѣтся въ продажѣ книга:

„М. И. СЕМЕВСКІИ“, основатель историческаго журнала „Русская Старина“ Его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. М. И. Семевского и факс. его письма. Цѣна 3 рубля. Для подп. исл. чиковъ „Русской Старинѣ“ 2 рубля.

